РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ четырнадцатый. **АПРѢЛЬ.** 1883 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ графа Михаила Николаевича **Муравьева-Виленскаго** и II. Портретъ атамана некрасовцевъ Осипа Семеновича **Гончара.** Оба портрета гравировалъ художн. И. И. Матюшинъ, ученикъ акад. Л. А. Сѣрякова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъяческая, д. № 1.

1883.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1883 г.

Рукописи археографической коммиссіи. Описалъ Николай Барсуковъ. Изд. археогр. коммисіи. Спб. 1882. 210 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Еще въ первыхъ книжкахъ «Лѣтописи занятій археографической коммисіи» помѣщались описанія и извлеченія изъ рукописей, хранящихся въ коммисіи; но только теперь появилось общее описаніе ихъ. Спеціалисты давно ожидали этого труда, въ виду разнообразія и важности нѣкоторыхъ матеріаловъ, накопившихся, въ теченіе долгаго времени, въ архивѣ коммиссіи. Такъ, здѣсь мы находимъ: житія, лѣтописи, хронографы, отдѣльныя сказанія, родословныя, историческіе сборники, грамоты, указы, переписныя, писцовыя и разрядныя книги, космографія, путешествія, литературные памятники, богослужебн. книги и богословскія сочиненія.

Археографическая коммисія, кромѣ спеціальныхъ изданій, предпринимала сборники подъ разными наименованіями, въ которыхъ помѣщала и свои матеріалы; но, конечно, этими изданіями вовсе не исчерпывается ея собраніе. Изданіе, появившееся теперь, должно въ значительной степени пополнять столь существенный пробѣлъ. Почтенное имя составителя описанія ручается за точность предпринятаго и выполненнаго нынѣ труда. Въ своемъ описаніи онъ не забылъ указать на другія собранія и изданія, въ которыхъ находятся разсматриваемые памятники.

Тѣмъ не менѣе изслѣдователь въ правѣ пожелать, чтобы болѣе важные памятники, притомъ малоизвѣстные, были описаны болѣе подробно; такое распространеніе могло-бы быть сдѣлано насчетъ другихъ, уже извѣстныхъ матеріаловъ. Какъ ни обширны иногда перечни оглавленій сборника или сочиненія, они не даютъ еще полнаго представленія о данныхъ, находящихся въ нихъ.

Русская историческая библіотека, издаваемая археографическою коммисіею. Т. VII. Спб. 1882 г. 1820 столбцовъ. Ц. 3 р.

Въ V томѣ «Библіотеки» были помѣщены «памятники политической литературы въ Западной Руси»; VII й томъ составляетъ продолженіе этого собранія. Въ составъ его вошли слѣдующія сочиненія и статьи: 1) «вопросы и отвѣты православномъ съ папежникомъ», относящіеся къ 1603 г. и впервые напечатанные здѣсь; 2) старопечатная брошюра 1595 г.: «Унія грековъ съ костеломъ римскимъ», приписываемая Ипатію Поцѣю и составляющая библіографическую рѣдкость; 3) старопечатная брошюра 1608 г.: «Гармонія восточной церкви съ костеломъ римскимъ»—также библіографическая рѣдкость; 4) старопечатная книга 1577, въ которую входитъ сочиненіе Петра Скарги: «О единствѣ церкви», перепечатанная здѣсь по первому изданію съ существенными дополненіями по 2-му; 5) новыя статьи Петра Скарги; 6) брошюра Бенедикта Гербеста 1586; 7) старопечатная книга 1588, заключающая въ себѣ сочиненіе Острожскаго священника Василія «О единой вѣрѣ»; 8) сочиненіе Петра Скарги «Берестенскій соборъ и оборона его 1596 года», напеч. по изданію 1738 г.; наконецъ 9) Апокрисисъ Христофора Филолета въ двухъ текстахъ—польскомъ (оригиналѣ) и западно-русскомъ.

Вышедшій томъ памятниковъ изданъ подъ ред. г. Гильтебрандта, причемъ особою брошюрою обѣщаны указатели и примѣчанія къ памятникамъ,—выдѣленіе имѣющее и свое неудобство.

Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографич. ком., т. XII. Спб. 1882 г. 874 столбца. Ц. 3 р.

Матеріалы настоящего тома выбраны изъ московскихъ архивовъ мин. иностр. дѣлъ и министерства юстиціи за 1675 и 1676 годы, и обнимаютъ конецъ дѣятельности гетмана Петра Дорошенка. Перипетіи борьбы русскаго правительства и сношеній съ Дорошенкомъ; сношенія и столкновенія по этому поводу съ поляками и турками; дѣйствія гетмана Самойловича, направленныя къ уничтоженію соперника; отношенія къ этимъ дѣламъ Запорожья и дѣятельность кошеваго атамана Ивана Сѣрка; недоразумѣнія, возникшія между разными московскими людьми и малороссіянами; переселенія малороссіянъ съ западной на восточную сторону Днѣпра, таковы факты—представляемые въ изданныхъ матеріалахъ. Рядомъ съ главными дѣятелями этой эпохи встрѣчаемъ имена другихъ современниковъ, извѣстныхъ въ исторіи Малороссіи: Евстафія Гоголя, Вас. Кочубея, Лазаря Барановича, Самсона Адамовича, Петра

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1883

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ XXXVIII.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ТОМЪ XXXVIII.

1883.

ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО ВЪ 1753 г.

Библиотека "Руниверс"

Сост. А. Шарлеманъ.

ГРАФЪ МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ
[ВИЛЕНСКІЙ].
† 1866 г.

КОРОНАЦІИ РУССКИХЪ ИМПЕРАТОРОВЪ И ИМПЕРАТРИЦЪ

1724—1856 гг.

VIII [1]).

Императоръ Павелъ I скоропостижно умеръ 12 марта 1801 г. Воцареніе его сына и преемника, императора Александра I, для Россіи было зарею пробужденія и произвело невыразимый восторгъ во всемъ русскомъ обществѣ. Современники свидѣтельствуютъ, что, при извѣстіи о его воцареніи, на улицахъ, люди, незнакомые между собою, обнимали другъ друга и поздравляли. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій новаго императора было освобожденіе всѣхъ содержавшихся по дѣламъ тайной экспедиціи въ крѣпостяхъ и сосланныхъ въ Сибирь или въ отдаленные города и деревни Россіи подъ надзоръ мѣстныхъ властей и, наконецъ, уничтоженіе самой тайной экспедиціи. Разсказываютъ, будто Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, выходя изъ Петропавловской крѣпости, надписалъ на стѣнѣ: „свободное отъ постоя". Государь, узнавши объ этомъ, сказалъ: „желательно, чтобы навсегда". Затѣмъ, новый императоръ возстановилъ „на вѣчныя времена" жалованную грамоту дворянству, утвердилъ городовое положеніе и возвратилъ гражданамъ права̀ и преимущества ихъ во всей ихъ неприкосновенности, предоставилъ широкія права и свободу торговлѣ, избавилъ духовенство отъ тѣлесныхъ наказаній и пр.

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1883 г., томъ XXXVII, мартъ, стр. 499—538.

Торжественный въѣздъ императора Александра I въ Москву для коронаціи происходилъ 8 сентября 1801 года. Тогда государь переѣхалъ изъ Петровскаго дворца въ Слободскій, а отсюда, не задолго до дня коронаціи, въ Кремль. Самая коронація была 15 сентября. Въ торжественномъ шествіи императора изъ дворца въ Успенскій соборъ для коронованія въ челѣ шествія находился протопресвитеръ большого Московскаго Успенскаго собора о. Лукіанъ со св. крестомъ и въ сопровожденіи двухъ діаконовъ, несшихъ на золотомъ блюдѣ св. воду, которою протопресвитеръ и окроплялъ путь. Первенствовалъ въ духовенствѣ митрополитъ московскій Платонъ, а вторымъ по немъ былъ новгородскій митрополитъ Амвросій. Разсказываютъ, что митрополитъ Платонъ, окончивъ священнодѣйствіе коронованія Александра I, сказалъ князю Зубову: „мы сподобились увидѣть ангела въ коронѣ и порфирѣ, поберегите его“. „Не опасайтесь, отвѣчалъ Зубовъ, не вашъ ученикъ“.

Передъ торжественнымъ обѣдомъ въ Грановитой палатѣ происходила обыкновенная раздача медалей и жетоновъ, выбитыхъ по случаю высочайшаго коронованія. На Ивановской площади особые чиновники раздавали народу жетоны. На другой день коронаціи императоръ давалъ обѣдъ для высшаго духовенства и особъ первыхъ двухъ классовъ. 17 сентября былъ балъ въ Грановитой палатѣ.

Въ первые три дня коронаціи Москва иллюминовалась. Лучшимъ украшеніемъ въ щитахъ иллюминаціи былъ щитъ, горѣвшій противъ дома главнокомандующаго, а также необыкновенный щитъ въ домѣ князя П. М. Волконскаго: тамъ цѣлыя аллеи деревъ съ необыкновеннымъ вкусомъ освѣщались огнями. Особенно хорошо иллюминовался Кремль. Кремль съ своими древними башнями и Иваномъ Великимъ горѣлъ разноцвѣтными огнями, представляя собою великолѣпное зрѣлище. Многіе изъ иностранцевъ, видѣвшіе иллюминацію церкви св. Петра въ Римѣ, отдавали преимущество предъ нею освѣщенію Кремля.

На 19 сентября назначенъ былъ праздникъ для народа, который представлялъ собою прелюбопытное и рѣдкое зрѣлище. За городомъ, на обширномъ полѣ, называемомъ Сокольничьемъ, сдѣланъ былъ городокъ, обведенный дерновымъ валомъ. Вокругъ этого городка построены были довольно высокія галлереи для зри-

телей, которыя отдавались по высокимъ цѣнамъ. Среди города были построены разныя пирамиды, домики, карусели, качели. Разныя вина и полпиво закрыты были досчатыми домиками, сверху конхъ были спущены жолоба къ находившимся подъ ними большимъ чанамъ. Вся внутренняя окружность города уставлена была столами. По столамъ были наставлены на деревянныхъ и глиняныхъ тарелкахъ жареные гуси, утки, индѣйки, части разныхъ мясъ, яйца, пироги примѣрно тысячъ на сорокъ персонъ. По краямъ на разстояніи трехъ аршинъ врыты были большія березки съ вѣтвями и на каждой вѣтви по всѣмъ сучкамъ навязаны были свѣжіе яблоки. Въ разныхъ мѣстахъ искуственнаго городка возвышались высокія мачты, на вершинѣ которыхъ были укрѣплены призы изъ платковъ, шелковыхъ матерій и разныхъ вещей для искусныхъ охотниковъ. Дожидались пріѣзда императора, который самъ долженъ былъ открыть праздникъ. Но вскорѣ передъ его пріѣздомъ, когда оберъ-полиціймейстеръ разъѣзжалъ и осматривалъ всѣ приготовленія къ празднику, кому-то показалось, что поданъ знакъ къ обѣду. Вся толпа съ шумомъ устремилась къ столамъ, въ минуту расхватали все кушанье, порвали яблоки и поломали не только деревья, но и столы. Многіе говорили тогда, что оберъ-полиціймейстеръ сдѣлалъ такъ намѣренно для того, чтобы скрыть здѣсь свой не совсѣмъ честный образъ дѣйствій, такъ какъ будто приготовленныя къ празднику угощенія не соотвѣтствовали той суммѣ, какая отпущена была на этотъ предметъ.

Въ исходѣ перваго часа явился государь въ сопровожденіи многочисленной свиты, заиграла музыка, раздались крики ура и въ мгновеніе ока всѣ столы опустѣли, весь садъ съ яствами изчезъ и жареныхъ быковъ какъ будто не существовало. Одно вино еще не истощалось: одни пили его шляпами, другіе подставляли рты къ фонтанамъ. Государь ѣздилъ посреди рядовъ народа и, какъ привѣтливый хозяинъ, угощалъ своихъ гостей: „кушайте, будьте довольны“. „Довольны, очень довольны, ваше императорское величество!“ гудѣла толпа.

Изъ домиковъ и пирамидъ, внутри которыхъ помѣщались сороковыя бочки вина и пива, пущены были по жолобамъ разныя вина и пива. Народъ устремился къ этимъ домикамъ и въ мигъ, какъ муравьи, покрылъ всѣ крыши ихъ и жолоба. Движенія и крики народа много напоминали собою шумливую

бурю. Въ разныхъ мѣстахъ близь этихъ домиковъ поставлены были пожарныя трубы. Вдругъ заревѣла вода въ разныхъ направленіяхъ и сильно полилась на людей, висѣвшихъ по жолобамъ и по крышамъ. Сперва они держались крѣпко на занятыхъ позиціяхъ, но когда почувствовали льющуюся на нихъ стремительно воду, начали падать кто въ чаны, наполненные виномъ, кто на землю. Очень любопытная и забавная представлялась картина: кто подставляетъ шляпку подъ жолобъ, кто ловитъ капли открытымъ ртомъ, кто черпаетъ сапогами или котами, или высасываетъ изъ платья купающихся въ винѣ. Потомъ начались разныя увеселенія. Нашлись отважные смѣльчаки, которые лазили на шесты и получали призы, качались на качеляхъ и ѣздили на деревянныхъ коняхъ. Балансеры и комедіанты забавляли чернь своими фарсами. Усердныхъ до праздника гостей было множество, изъ нихъ многіе въ концѣ концовъ слегли, иные—только пошатывались. Полиція оказалась настолько любезною, что немедленно же прибирала гостей, оказывавшихся уже болѣе совсѣмъ неспособными къ какимъ бы то ни было удовольствіямъ праздника.

Во время праздниковъ, вызванныхъ коронаціей, императоръ Александръ любилъ прогуливаться по московскимъ улицамъ. Во время одной изъ такихъ его прогулокъ одинъ мужикъ долго шелъ подлѣ стремени императора и все любовался на него. Вдругъ онъ обтеръ пыль съ сапога государя, перекрестился и поцѣловалъ его въ ногу. Это послужило сигналомъ для толпы зрителей, которая такимъ образомъ начала цѣловать съ обѣихъ сторонъ ноги императора. А вотъ другой случай подобнаго-же рода.

Во время одной изъ прогулокъ государь ѣхалъ по Тверской улицѣ. Около него по обѣимъ сторонамъ улицы толпились массы народа. Вдругъ изъ густой кучи людей выбѣжали два мужика впередъ и растянулись среди улицы, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ проѣзжать государь. Онъ, конечно, остановился и спросилъ ихъ чего они хотятъ. „Ничего, надёжа-государь, говорили мужики, поднявъ головы, ступай по насъ".

Коронація императора Александра I возбудила сильнѣйшій восторгъ въ обществѣ и въ народѣ. По этому случаю была написана масса одъ, стихотвореній; было издано много роскошныхъ брошюръ, иллюстрацій.

На коронацію Александра пріѣзжали изъ заграницы греки, грузины, англичане, французы, саксонцы, голландцы.

Въ манифестѣ отъ 15 сентября 1801 г., изданномъ по случаю коронаціи, императоръ Александръ даровалъ слѣдующія милости народу:

I. Освобожденіе отъ рекрутскаго набора на текущій годъ всѣхъ подлежащихъ ему состояній.

II. При сборѣ подушныхъ податей за 1802 годъ со всѣхъ положенныхъ въ подушной окладъ людей назначалась единовременная скидка по двадцати пяти копѣекъ съ каждой души.

III. Всѣ лица, приговоренныя къ штрафу, но еще не успѣвшія выплатить его, освобождались отъ всякаго взысканія.

IV. Колодники, содержавшіеся въ тюрьмахъ за слѣдующія съ нихъ въ казну пошлинныя деньги, совершенно освобождались отъ заключенія, если только при этомъ становилось извѣстнымъ то, что слѣдуемыя съ нихъ суммы они оказывались уплатить совершенно не въ состояніи.

V. Всякаго рода взысканія по дѣламъ казеннымъ или уголовнымъ, тянувшіяся болѣе десяти лѣтъ, приказывалось оставить и содержавшихся по этимъ дѣламъ лицъ освободить отъ заключенія.

VI. Получали свободу отъ заключенія тѣ лица, которыя содержались уже болѣе пяти лѣтъ въ тюрьмахъ по казеннымъ долгамъ.

VII. Давалось прощеніе и право возвращенія въ Россію и на прежнее мѣсто жительства, безъ всякаго наказанія, всѣмъ бѣглымъ за границу крестьянамъ государственнымъ, дворцовымъ, удѣльнымъ, экономическимъ.

VIII. Освобождались отъ заключенія всѣ содержавшіеся по корчемнымъ и солянымъ дѣламъ.

IX. Отмѣнялся сборъ четвертной пошлины, взимавшійся съ дворянъ при отказѣ или передачѣ ими своихъ недвижимыхъ имѣній.

X. Всѣмъ военнымъ до чина полковника включительно назначалось со дня коронаціи прибавка жалованья въ размѣрѣ четверти прежняго оклада.

Въ тотъ же день, 15-го сентября, вышелъ другой не менѣе замѣчательный указъ объ учрежденіи коммисіи для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ. Составленной на основаніи этого указа изъ четырехъ сенаторовъ коммисіи „поручалось собрать свѣ-

дѣнія какъ въ самомъ сенатѣ, такъ и въ мѣстахъ заточенія и ссылки, и войти въ разсмотрѣніе не найдутся-ли въ числѣ потерпѣвшихъ сіе наказаніе всякаго рода и званія такіе, вины которыхъ неумышленны, и болѣе относятся къ мнѣнію и образу мыслей того времени, нежели къ дѣламъ безчестнымъ и наносящимъ дѣйствительный вредъ государству. Коммисіи повелѣвалось составить списки такого рода преступниковъ съ указаніемъ ихъ винъ, и представить ихъ на благоусмотрѣніе государя для смягченія имъ участи такихъ несчастныхъ людей. Въ именномъ своемъ указѣ отъ 23-го сентября на имя коммисіи по пересмотру прежнихъ уголовныхъ дѣлъ, императоръ далъ инструкцію этой коммисіи, которая въ нѣкоторыхъ своихъ пунктахъ является очень замѣчательною. „Неоднократно до свѣдѣнія моего доходило, такъ говорилось въ первомъ пунктѣ инструкціи, что люди, вины которыхъ важны были только по обстоятельствамъ политическимъ, и не предполагали, впрочемъ, ни умысла, ни разврата, ни безчестныхъ правилъ, ни нарушенія общественнаго и государственнаго порядка, осуждены были какъ преступники и сосланы на вѣчное заточеніе. Часто одно безвинное и совершенно случайное прикосновеніе къ дѣлу, одинъ слухъ, одно слово, произнесенное безъ всякаго намѣренія, заставляло правительство при разныхъ его преобращеніяхъ исторгать изъ среды общества людей невинныхъ для того только, чтобы скрыть свидѣтелей какого-либо произшествія и предупредить самую тѣнь его послѣдствій. Такимъ образомъ наказывалось именемъ закона не преступленіе, не порокъ, но одна возможность разглашенія, и государственная тайна погребалась вмѣстѣ не только со всѣми лицами, которыя въ ней участвовали, но которыя только могли или предполагались участвующими въ ней. Между тѣмъ обстоятельства, вызвавшія правительство на такую строгую мѣру, совершенно уже прошли, но жертвы ихъ остались въ томъ же положеніи по забвенію, по равнодушію, по недостатку искателей, а, можетъ быть, по самой неизвѣстности куда они сосланы и гдѣ теперь находятся". Лица, подходившія подъ эту категорію преступниковъ, по смыслу инструкціи, должны были прежде всего обратить на себя вниманіе, и въ розысканіяхъ коммисіи должны были стоять всегда на первомъ планѣ.

Не менѣе любопытенъ и второй пунктъ императорской инструкціи. „Было время, читаемъ мы въ немъ, когда правительство, со-

образуясь нравамъ и обще народнымъ понятіямъ, полагало себя въ необходимости, раздѣляя преступленія и наказанія на роды ихъ, назначать степени важности ихъ не по существу проистекающаго отъ нихъ вреда, но по уваженію лицъ, къ которымъ они относились. Такимъ образомъ оскорбительныя величеству слова признаны были въ числѣ первыхъ злодѣяній, но опытъ и лучшее познаніе о началѣ преступленій показали, что мнимое сіе злодѣяніе въ существѣ дѣла есть ничто иное какъ сущій припадокъ заблужденія или слабоумія, и что власть и величество государей, основанныя на общемъ законѣ, не могутъ поколебаться отъ злорѣчія частнаго лица. Какъ ни естественно это разсужденіе, но очень поздно явилось въ головѣ законодателей и, тогда уже, когда уже тысячи жертвъ принесены были противному предразсудку". Эта категорія преступниковъ ставилась во второй предметъ изысканій коммисіи при разсмотрѣніи ею уголовныхъ дѣлъ.

Въ третьемъ пунктѣ инструкціи императоръ обращалъ вниманіе коммисіи на преступленія ненамѣренныя, совершенныя безъ всякаго умысла, происходящія отъ неосторожности, отъ случая, отъ стеченія обстоятельствъ. „Ввѣряя правила, писалъ императоръ въ заключеніе своей инструкціи, я надѣюсь имѣть отъ трудовъ ея то утѣшеніе, что она откроетъ мнѣ случай, безъ нарушенія закона, облегчить судьбу страждущаго человѣчества". По поводу манифеста Александра I объ облегченіи наказанія преступникамъ и объ освобожденіи многихъ изъ нихъ, одинъ изъ современниковъ выразился: „такъ говоритъ и чувствуетъ Александръ, сама истина владычествуетъ надъ нами! Его рукою заклепы разсторгнуты, двери темницъ отворились, благоденствіе излилось на всѣхъ и всюду. Счастливая Россія!"

Въ день своей коронаціи императоръ Александръ сдѣлалъ подтвержденіе жалованнымъ грамотамъ, даннымъ братскому Сарептскому обществу евангелическаго исповѣданія Екатериною II и Павломъ I. Тогда же онъ далъ жалованную грамоту городу Ригѣ съ подтвержденіемъ всѣхъ правъ, преимуществъ и вольностей, дарованныхъ прежде этому городу [1]).

[1]) О коронаціи Александра I: чинъ дѣйствія какимъ образомъ совершилось коронованіе императора Александра I. Памятники новой русской исторіи, изд. Кашпиревымъ, т. I. Сборникъ матеріаловъ и документовъ, относящихся къ новой русской исторіи, изд. Михайловымъ. Спб. 1873 г. Графъ

IX.

По смерти Александра I, 12-го декабря 1825 г., вступилъ на престолъ братъ его, Николай I Павловичъ. События, предшествовавшія вступленію его на престолъ и выразившіяся въ возмущеніи 14-го декабря, послужили причиною отсрочки коронованія этого государя. Коронація Николая I происходила уже въ слѣдующемъ 1826 г. 22-го августа.

Императоръ Николай Павловичъ вмѣстѣ съ двумя императрицами—съ супругою и со вдовствующею матерью, императрицею Маріею Θеодоровною, прибылъ 21-го іюля въ Москву и остановился въ Петровскомъ дворцѣ, гдѣ былъ встрѣченъ придворнымъ духовенствомъ въ облаченіи съ крестомъ и св. водою. 25-го іюля происходилъ торжественный въѣздъ государя и двухъ императрицъ въ Москву. При вступленіи государя въ Успенскій соборъ произведено было 85 выстрѣловъ. Эта минута вышла, по словамъ одного изъ очевидцевъ, чрезвычайно торжественною. Необозримыя волны народной толпы колыхались и запружали всѣ площади и улицы кремля. На высокихъ амфитеатрахъ, выстроенныхъ противъ Грановитой палаты и Успенскаго собора, пестрѣли разнообразные и изящные туалеты дамъ, русскіе и иностранные военные и гражданскіе мундиры и народные костюмы. Радостные крики ура слились въ одинъ оглушительный гулъ съ пушечными выстрѣлами, колокольнымъ звономъ со всѣхъ кремлевскихъ соборовъ и церквей, грохотомъ барабановъ и звуками нѣсколькихъ хоровъ военной музыки. Коронація совершилась 22-го августа по обыкновенному и извѣстному уже церковному чину. Въ священнослуженіи первенствовалъ новгородскій и с.-петербургскій митрополитъ Серафимъ, вторымъ по немъ стоялъ кіевскій митрополитъ Евгеній; какъ проповѣдникъ, говорившій при коронованіи, по предварительному назначенію самаго государя, рѣчь, выдѣлялся Филаретъ, тогда еще молодой архіепископъ московскій.

Блудовъ и его время, Ковалевскаго. Богдановичъ, исторія царствованія Александра I, томъ I. Записки графа Комаровскаго въ Русскомъ Архивѣ 1867 г. № 2—4. Воспоминанія Вигеля ч. I. Отецъ и сынъ (семейство Второвыхъ) въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1875 г. іюнь—іюль. Полн. Собран. Зак. т. XXVI № 20010; 20011; 20012; 20013; 20014.

Въ чинѣ коронованія Николая I можно отмѣтить развѣ самыя незначительныя особенности. Такъ, напримѣръ, при возложеніи императоромъ короны на императрицу онъ поцѣловалъ свою вѣнчанную супругу. Присутствовавшая при обрядѣ вдовствующая императрица, непосредственно послѣ коронованія, подошла къ своему коронованному сыну, обняла и поцѣловала его. Слѣдуетъ упомянуть какъ объ особенности коронованія Николая о томъ, что онъ при своемъ коронованіи читалъ извѣстную умилительную молитву не по книгѣ, гдѣ напечатанъ весь чинъ коронованія: для него молитва предварительно была напечатана крупнѣйшимъ шрифтомъ на толстомъ листѣ бумаги, который потомъ переплетенъ былъ въ видѣ книжки и обложенъ въ свѣтлозеленый бархатъ. Едва-ли не единственный, бывшій въ употребленіи при коронаціи, экземпляръ этой особо изданной императорской молитвы хранится въ Петербургѣ, въ императорской публичной библіотекѣ.

По разсказамъ очевидцевъ, императоръ Николай возбудилъ особенный восторгъ народа слѣдующимъ своимъ, въ сущности обыкновеннымъ, поступкомъ. Императоръ, послѣ своего коронованія, прослѣдовалъ, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ и облеченный во всѣ императорскія регаліи, изъ Успенскаго собора въ Благовѣщенскій, а отсюда къ Красному крыльцу. Взошедши на верхнюю ступень крыльца, государь обратился лицомъ къ необозримой массѣ народа, наполнявшей весь кремль, и троекратнымъ наклоненіемъ головы привѣтствовалъ своихъ вѣрноподданныхъ. Восторгъ народа въ эту минуту положительно не зналъ границъ; громкіе неумолкаемые крики огласили воздухъ; безчисленныя шапки полетѣли вверхъ; толпы шумно волновались; незнакомые между собою люди обнимались и многіе плакали отъ избытка радости.

Вечеромъ въ день коронаціи вся Москва была великолѣпно освѣщена, въ особенности величественный кремль. Всѣ оригинальныя башни его горѣли яркимъ пламенемъ; зубцы стѣнъ были обвиты огненными полосами, а по оградамъ его широкія узорчатыя каймы сверкали замѣчательнымъ блескомъ. Колокольня Ивана Великаго, освѣщенная разноцвѣтными огнями снизу до верха и осѣненная короной и крестомъ, возвышалась къ небу гигантскимъ пламеннымъ столбомъ. Иллюминація повторена была и въ слѣдующіе два дня послѣ коронаціи.

Вечеромъ 27-го августа данъ былъ балъ въ Грановитой палатѣ, на которомъ присутствовали первые чины двора и иностранные послы; 1-го сентября въ Большомъ театрѣ устроенъ былъ придворный маскарадъ; 3-го сентября московское купечество давало балъ государю. Точно также въ честь императора даны были роскошные балы французскимъ и англійскимъ послами. Наконецъ, 16-го сентября данъ былъ народный праздникъ.

Мѣстомъ для народнаго угощенія и увеселеній было избрано обширное Дѣвичье поле, окаймленное живописными Воробьевыми горами и извилинами Москвы рѣки. Посрединѣ поля былъ возведенъ круглый, роскошно убранный, павильонъ для императорской фамиліи со стеклами и каминомъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него были устроены: четыре галлереи съ колоннами для особъ первыхъ трехъ классовъ и дипломатическаго корпуса; три галлереи для военныхъ штабъ-и оберъ-офицеровъ, четыре частныя галлереи для пяти тысячъ человѣкъ, манежъ, два большіе фонтана для бѣлаго и краснаго вина, шестнадцать малыхъ фонтановъ съ виномъ, двѣ катальныя горы, балаганъ для акробатовъ, балаганъ для гимнастическихъ игръ, нѣсколько павильоновъ для хоровъ музыкантовъ, карусель, разныя качели, эстрада для пусканія трехъ воздушныхъ шаровъ и, наконецъ, 240 столовъ, длиною въ десять саженей каждый, покрытыхъ скатертями и красиво убранныхъ, унизанными яблоками, березками и разноцвѣтными корзинами съ калачами. На каждый столъ поставлены были окорока, жареныя птицы, студни, кондитерское пирожное въ видѣ горшковъ съ розами, цѣлые жареные бараны съ золочеными рогами, уложенные на блюдахъ, покрытыхъ красною камкой; ведра съ пивомъ и водкой; дубчики со сливами, грушами и яблоками.

Устройство народнаго праздника возложено было на сенатора князя Циціанова.

Императоръ самъ открылъ народный праздникъ, прибывъ на Дѣвичье поле въ первомъ часу. Здѣсь онъ пробылъ около полутора часа. Какъ только государь вмѣстѣ съ обѣими императрицами вошелъ въ павильонъ, взвился бѣлый флагъ и праздникъ начался. По разсказамъ очевидцевъ, народъ, подобно морскимъ волнамъ, гонимымъ вѣтромъ, хлынулъ къ столамъ, на которыхъ въ одно мгновеніе не осталось ничего изъ поставленныхъ на нихъ явствъ. Отъ столовъ народныя толпы бросились къ

фонтанамъ, бившимъ бѣлою и красною влагою. Фонтаны скоро скрылись подъ облѣпившимъ ихъ народомъ и одинъ за другимъ разрушались. Упавши въ развалины, вытѣсняя одинъ другого, иные черпали вино шляпами. Весельчаки гуляли по полю, таща съ собою кто курицу, кто ногу баранины, а кто ножку отъ стола.

По отъѣздѣ императора, подгулявшій народъ набросился на ложи зрителей и началъ обдирать красный холстъ. Число участвовавшаго народа простиралось до двухъ сотъ тысячъ человѣкъ. Вообще, народный праздникъ на Дѣвичьемъ полѣ, при прекрасной обстановкѣ самаго мѣста и особенно при прекрасной погодѣ, удался вполнѣ и представлялъ собою единственное въ своемъ родѣ зрѣлище.

Рядъ баловъ, данныхъ въ Москвѣ по случаю коронаціи, заключился баломъ, устроеннымъ графинею А. А. Орловой-Чесменскою, который своимъ великолѣпіемъ и грандіозностію превзошелъ всѣ прочіе балы.

23-го сентября блестящія московскія празднества, почти безпрерывно слѣдовавшія за коронаціей, заключились великолѣпнымъ фейерверкомъ.

День своего коронованія императоръ Николай, по примѣру своихъ предшественниковъ, ознаменовалъ многими милостями. Кромѣ того, что въ этотъ день послѣдовали разныя повышенія въ чинахъ и назначеніяхъ, имѣющія болѣе или менѣе частный, ограниченный извѣстнымъ незначительнымъ кружкомъ людей, характеръ, въ это время дарованы были разныя льготы и для массы народа.

Императоръ Николай I еще по случаю своего восшествія на престолъ излилъ разныя милости своему народу. 1-го января 1826 г. онъ издалъ высочайшій манифестъ, которымъ давались слѣдующія льготы:

I. Преступники, осужденные по день вступленія его на престолъ (19 ноября) къ торговой казни и ссылкѣ затѣмъ въ каторжную работу, освобождались отъ торговой казни и подлежали только ссылкѣ въ каторгу. Преступники, приговоренные къ тѣлесному наказанію и къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, на основаніи изданнаго манифеста, освобождались отъ тѣлеснаго наказанія.

II. Прощались наложенныя по день вступленія на престолъ всѣ разнаго рода денежныя взысканія по службѣ, не превышающія двухъ тысячъ рублей. На основаніи этого пункта получали сво-

боду отъ тюремнаго заключенія и избавлялись отъ всякой отвѣтственности тѣ лица, которыя задолжали казнѣ не свыше двухъ тысячъ рублей и подвергались было за то заключенію въ тюрьмѣ.

III. Значительно сбавлялись всѣ накопившіяся за прежніе лѣта по 1-е января 1825 года недоимки по слѣдующаго рода четыремъ податямъ: подушной, оброчной, въ подати на сухопутныя и водяныя сообщенія и въ подати за право винокуренія.

Въ день своей коронаціи Николай I въ своихъ милостяхъ коснулся всѣхъ сословій и слоевъ русскаго общества. Двумя своими указами императоръ нѣсколько смягчилъ наказанія государственнымъ преступникамъ, осужденнымъ приговорами верховнаго уголовнаго суда въ каторжную работу и къ ссылкѣ на поселеніе, или сосланнымъ по приговору того-же самаго суда въ крѣпостную работу и въ отдаленные гарнизоны. Благодаря этимъ манифестамъ, многіе изъ декабристовъ получили смягченіе въ наложенныхъ на нихъ наказаніяхъ.

Въ отношеніи военнаго вѣдомства сдѣланы слѣдующія улучшенія: однимъ императорскимъ указомъ дѣлалось распоряженіе о включеніи въ число 25 лѣтъ къ полученію ордена св. Георгія времени командировокъ офицеровъ отъ полковъ за ремонтомъ и аммуничными вещами, другимъ—о дозволеніи офицерамъ, отставленнымъ отъ военной службы за дурное поведеніе, поступать обратно на службу первыми офицерскими чинами и объ увольненіи въ отставку нижнихъ чиновъ, которые не воспользовались ею за штрафами.

Для чиновниковъ коронація императора Николая ознаменовалась особою милостію: въ день коронаціи появился именной высочайшій указъ о единовременномъ производствѣ въ VIII и V классы чиновниковъ, состоявшихъ въ осьми классныхъ и пяти классныхъ должностяхъ и выслужившихъ по 22 августа 1826 года узаконенные въ настоящихъ чинахъ сроки.

При коронаціи вспомнили и о духовенствѣ, хотя и по прямому ходатайству самаго св. синода.—22 августа 1826 г. вышелъ высочайшій указъ относительно пріема въ военную службу дѣтей бѣлаго духовенства, поступающихъ сюда не по преступленіямъ или порокамъ, но или по разборамъ, какъ остающихся безъ мѣстъ, или по собственному ихъ желанію. Дѣтямъ бѣлаго духовенства, при вступленіи въ военную службу, предоставлялись всѣ тѣ-же права,

какими пользовались вольноопредѣляющіеся и какія присвоены дѣтямъ нѣкоторыхъ другихъ сословій.

Для мѣщанъ и крестьянъ сдѣлано распоряженіе объ уменьшеніи гербоваго сбора съ паспортовъ и съ видовъ для дворовыхъ людей въ обѣихъ столицахъ.

Новымъ указомъ 22-го августа получали прощеніе всѣ виновные въ тайной торговлѣ золотомъ.

Манифестомъ, даннымъ 22 августа, императоръ объявлялъ слѣдующія милости, простирающіяся болѣе или менѣе на весь русскій народъ.

I. Всѣ состоящіе по день коронаціи подъ слѣдствіемъ и судомъ, за исключеніемъ виновныхъ въ убійствѣ, грабежѣ, разбоѣ и лихоимствѣ, а для военныхъ—за исключеніемъ дерзости противъ начальства, получали полную свободу отъ суда и слѣдствія.

II. Всякаго званія, за исключеніемъ евреевъ, и состоянія лица, отлучившіяся самовольно за границу или сбѣжавшія изъ мѣстъ своего постояннаго жительства, получали всемилостивѣйшее прощеніе и право безнаказаннаго возвращенія на родину.

III. Всѣ денежныя взысканія, начеты и утраты, продолжающіяся болѣе десяти лѣтъ и неоконченныя, прощались, и лица, подвергшіяся по нимъ къ заключенію въ тюрьмѣ, получали свободу отъ заключенія. Всѣ казенные начеты, ущербы и утраты, которые не превышали съ каждаго лица двухъ тысячъ рублей, всемилостивѣйше слагались со счетовъ и прощались. Въ томъ случаѣ, если казенная растрата превышала двѣ тысячи рублей, то виновныя въ этомъ лица обязывались къ уплатѣ слѣдуемой съ нихъ суммы, съ исключеніемъ изъ нея двухъ тысячъ рублей. Виновные въ утратахъ и расхищеніи казеннаго имущества и приговоренные къ уплатѣ растраченныхъ суммъ въ двойномъ количествѣ, подвергались взысканію въ размѣрѣ только одной капитальной суммы и совершенно избавлялись отъ уплаты процентовъ, какія на нихъ были возложены сообразно растраченнымъ ими суммамъ. Получали свободу и прощеніе всѣ тѣ лица, которыя по несостоятельности къ платежу какихъ либо казенныхъ взысканій, хотя бы взысканія эти и превышали сумму въ двѣ тысячи рублей, отданы были какъ казенные должники въ крѣпостныя работы или въ частныя заработки.

IV. Прощались помѣщикамъ денежныя пени, которыя они

должны были внести за тѣхъ изъ ихъ крестьянъ, кои оказались пропущенными по ревизіи и до сихъ поръ намѣренно не объявлялись. Изъ оклада податнаго платежа исключались тѣ лица, которыя оказались записанными по ревизіи два раза.

V. Прощались лицамъ всѣхъ служащихъ сословій всѣ наложенныя судомъ за неисправности и упущенія по службѣ штрафы и пени. Кромѣ того прощались штрафы, пени и взысканія, наложенныя по разнымъ частямъ управленія и доселѣ непоступившія въ государственную казну. Здѣсь въ частности прощались штрафы, наложенныя по положенію о гильдіяхъ, пени, накопившіяся на помѣщичьихъ крестьянахъ за неплатежъ въ срокъ податей, пени съ крестьянъ, мѣщанъ и другихъ сословій за невзносъ въ срокъ земскихъ повинностей и многія другія.

VI. Прощались весьма многія изъ недоимковъ, числившихся на разныхъ лицахъ и обществахъ. Сюда относились, напримѣръ, недоимки на купцахъ по сбору, платимому ими съ капиталовъ, недоимки во взысканіи гильдейскихъ повинностей, недоимки на торгующихъ крестьянахъ за право торговли, недоимки по сбору пошлинъ съ судоходства, недоимки за разныя оброчныя статьи, недоимки изъ почтовыхъ сборовъ, недоимки на владѣльцахъ домовъ обѣихъ столицъ изъ полупроцентнаго сбора, принадлежавшаго нѣкоторое время государственному казначейству.

VII. Давались разсрочки въ платежахъ по казеннымъ ссудамъ, выданнымъ въ разныя времена разнымъ обществамъ и частнымъ лицамъ, а нѣкоторыя ссуды прямо слагались со счетовъ и прощались.

Въ день своего коронованія императоръ Николай издалъ манифестъ о порядкѣ наслѣдія всероссійскаго престола, на случай своей кончины до законнаго совершеннолѣтія наслѣдника. Тогда же императоръ учредилъ особое министерство двора, первымъ министромъ котораго сдѣланъ былъ князь Волконскій [1]).

[1]) О короновании Николая I: чинъ коронованія. Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ, въ „Русской Старинѣ", 1873 г. т. VII; Записки Комаровскаго въ „Русскомъ Архивѣ" за 1867 г. Воспоминанія бывшаго гвардейскаго сапера— въ Русскомъ Вѣстникѣ 1867 г. т. 72, декабрь. Письма Блудова - въ „Русскомъ Архивѣ" за 1867 г.; Записки объ адмиралѣ Мордвиновѣ. Спб. 1873. Полн. Собран. Законовъ, собраніе второе, т. I, №№ 29; 537; 538; 539; 540; 541; 542; 543; 544; 545; 546; 547; 548; 549. Историческое описаніе всѣхъ коронацій, Ив. Крылова, М. 1856.

X.

Преемникъ Николая I, Александръ II Николаевичъ, вступилъ на престолъ 19-го февраля 1855 года. То было время самаго разгара Крымской войны и потому мысль о скорой коронаціи не могла имѣть мѣста.

Въ мартѣ 1856 г. восточная война, какъ извѣстно, закончилась парижскимъ миромъ. Тогда начались приготовленія къ коронаціи. 17-го апрѣля появился высочайшій манифестъ объ имѣющей послѣдовать въ августѣ мѣсяцѣ того же года коронаціи. „Вступивъ на прародительскій всероссійскій престолъ посреди тяжкихъ для насъ и отечества нашего испытаній, говорилось въ этомъ манифестѣ, мы положили въ сердцѣ своемъ дотолѣ не приступать къ совершенію коронованія нашего, пока не смолкнетъ громъ брани, потрясавшій предѣлы государства, пока не перестанетъ литься кровь доблестныхъ христолюбивыхъ нашихъ воиновъ, ознаменовавшихъ себя подвигами необыкновеннаго мужества и самоотверженія. Нынѣ, когда благодатный миръ возвращаетъ Россіи прежнее спокойствіе, вознамѣрились мы, по примѣру благочестивыхъ государей, предковъ нашихъ, возложить на себя корону и принять установленное мѵропомазаніе“.

Императоръ Александръ II пріѣхалъ съ своимъ дворомъ въ Москву для коронаціи 16-го августа и остановился, по обыкновенію, въ Петровскомъ дворцѣ. На слѣдующій день, именно 17-го августа, онъ уже имѣлъ торжественный въѣздъ въ свою древнюю первопрестольную столицу. Этотъ въѣздъ вышелъ изящнѣе всѣхъ предшествующихъ и, какъ ближайшій къ намъ по времени, заслуживаетъ предпочтительнаго вниманія. Задолго до въѣзда въ Москвѣ открылись самыя широкія и грандіозныя приготовленія къ предстоящимъ торжествамъ. Отъ Петровскаго дворца до заставы и отъ заставы вплоть до самаго кремля устроены были амфитеатры, галлереи, балконы. Всѣ они, равно какъ и окна домовъ, убраны были всѣмъ, что вкусъ, искуство и способы жителей могли доставить лучшаго. Особенно отличались убранствомъ домà князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, Гурьева, Бекетова и др., фасады и колонны которыхъ пестрѣли коврами, сукномъ и разными матеріями, драпированные съ особеннымъ вкусомъ и изя-

ществомъ. Всѣ выстроенные галлереи, балконы и тому подобныя мѣста, даже многія кровли, слуховыя окошки домовъ во время въѣзда были наполнены тысячами зрителей. Въ иныхъ мѣстахъ цѣлые дома и площади скрывались за подмостками, на которыхъ устроены были помѣщенія въ двадцать пять или даже въ двадцать восемь рядовъ вышины. Плата за мѣста для зрителей доходила иногда до баснословности: мѣста доставались отъ 1 р. до 100 р. Одинъ изъ московскихъ купцовъ (Алексѣевъ) снялъ балконъ при гостинницѣ Парижъ за тысячу рублей; а другой купецъ, Кокоревъ, заплатилъ содержателю московскаго трактира за двѣ залы, выходящія окнами на Воскресенскую площадь (у Иверской) цѣлыя три тысячи руб.

Общій составъ кортежа при торжественномъ въѣздѣ Александра II и подробности его представляли въ себѣ рѣдкое соединеніе пышности, величія и порядка. „Все, что собственно относилось, такъ пишетъ одинъ очевидецъ коронацій и Николая I, и Александра II, до великолѣпія и пышности высочайшаго двора,— какъ-то: придворные мундиры и ливреи, экипажи, упряжь, лошади и пр., отличались въ 1856 г. блескомъ, богатствомъ и вкусомъ, оставлявшими далеко за собой тѣ же предметы во время коронованія императора Николая I. Поэтому въѣздъ въ Москву императора Александра II былъ великолѣпнѣе и торжественнѣе. Длинная вереница золоченыхъ придворныхъ каретъ, во вкусѣ Екатерининскихъ временъ, обитыхъ бархатомъ, украшенныхъ по угламъ страусовыми перьями и запряженныхъ превосходными статными лошадьми, въ богатой упряжкѣ, производила необыкновенно пышный эффектъ. Свита Александра II, при въѣздѣ его въ Москву, была гораздо блистательнѣе свиты его родителя. За Государемъ слѣдовало нѣсколько великихъ князей, много иностранныхъ принцевъ, чрезвычайныхъ пословъ и посланниковъ съ ихъ чиновниками, въ разнообразныхъ блестящихъ мундирахъ, и наконецъ, собственная свита государя была также многочисленнѣе и блистательнѣе свиты императора Николая“. Особенная пышность торжественнаго въѣзда императора Александра II поразила даже англичанъ. Корреспондентъ англійской газеты Таймса писалъ по поводу только что совершавшагося въѣзда императора въ Москву: „посреди этого національнаго блеска, Россія готовится дать своимъ шестидесяти милліонамъ подданныхъ непреодолимый

толчекъ къ общему прогрессу, въ которомъ она сосредоточиваетъ свои громадныя силы и свои неистощимыя средства“.

Коронованіе Александра II совершилось 26-го августа по обыкновенному церковному чину. Торжественное шествіе императора въ Успенскій соборъ предварено было прибытіемъ въ соборъ вдовствующей императрицы Александры Θеодоровны и прочихъ особъ царскаго дома. Во главѣ торжественнаго шествія въ Успенскій соборъ находился членъ св. Синода протоіерей Кутневичъ, который со св. крестомъ въ рукахъ окроплялъ путь царскій св. водою изъ золотого блюда. На южной паперти собора императора встрѣтили члены синода, а митрополитъ московскій Филаретъ говорилъ привѣтственную рѣчь. Вступивъ въ соборъ, императоръ и императрица троекратно преклонились предъ царскими вратами и, приложившись къ св. мѣстнымъ иконамъ, направились къ приготовленному среди собора трону. Этой подробности мы не замѣтили ни въ одной изъ предшествующихъ коронацій. На императорскомъ тронѣ находились три престола: престолъ царя Іоанна III для императора, престолъ царя Михаила Θеодоровича—для государыни императрицы и престолъ царя Алексѣя Михайловича—для вдовствующей императрицы.

Современные свидѣтели коронованія Александра II отмѣчаютъ слѣдующія его особенности: При чтеніи митрополитомъ московскимъ Филаретомъ молитвы предъ возложеніемъ порфиры, а потомъ и короны, государь низко наклонялъ голову, которую при этомъ митрополитъ Филаретъ покрывалъ концомъ своего омофора. Затѣмъ, когда тотъ-же митрополитъ подавалъ государю корону, скипетръ и державу на подушкахъ, онъ каждый разъ цѣловалъ руку монарха и низко кланялся, касаясь рукою до земли. Ничего подобнаго не было при коронованіи Николая I. Особенно поразительно было причащеніе императора. Государь долженъ былъ войти въ царскія врата, причемъ два архіерея (Іосифъ, митрополитъ Литовскій, и Никаноръ, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій), согласно церемоніалу, должны были поддерживать длинный конецъ императорской порфиры, но государь не допустилъ этого: митрополиты замѣнены были ихъ иподіаконами. Причастившись въ алтарѣ св. таинъ, Государь долженъ былъ принять отъ назначенныхъ архіереевъ омовеніе устъ, антидоръ

и теплоту, но вмѣсто того, онъ отошелъ на правую сторону престола, преклонилъ колѣна и горячо молился, причемъ слезы текли по щекамъ благочестивѣйшаго монарха. Первенствовалъ при коронованіи знаменитый московскій митрополитъ Филаретъ, а вторымъ по немъ былъ Никаноръ, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій.

Торжественный по случаю коронаціи обѣдъ устроенъ былъ, по обыкновенію, въ Грановитой палатѣ. Императоръ съ двумя императрицами сидѣлъ на тронѣ подъ балдахиномъ. Для высочайшихъ особъ императорской фамиліи и иностранныхъ принцевъ обѣденный столъ былъ приготовленъ въ тайникѣ. Къ обѣденному столу въ Грановитой палатѣ получили приглашеніе только самое высшее духовенство и члены государственнаго совѣта и особы обоего пола первыхъ двухъ классовъ. Предъ началомъ обѣда, всѣ назначенные быть въ Грановитой палатѣ стали къ столамъ у своихъ мѣстъ: дамы на лѣвой сторонѣ палаты, духовныя и свѣтскія особы—на правой. Митрополитъ Филаретъ благословилъ трапезу и ихъ величества сѣли на тронѣ. Послѣ перваго блюда, поданнаго на императорскій тронъ, духовенство и свѣтскія особы первыхъ двухъ классовъ, отдавъ поклонъ, сѣли за обѣденные столы. Архіереи сидѣли за обѣдомъ въ мантіяхъ. Иностранные послы и посланники съ своими свитами и всѣ особы, допущенные въ грановитую палату, но не приглашенные къ обѣду, равномѣрно отдавъ поклонъ, вышли, не обращаясь лицемъ къ дверямъ. Изъ нихъ члены дипломатическаго корпуса, заранѣе угощенные въ золотой палатѣ завтракомъ, разъѣхались по домамъ, а особы третьяго и четвертаго классовъ, придворные кавалеры обѣдали въ устроенныхъ для того на дворѣ большаго кремлевскаго дворца палаткахъ. За обѣдомъ въ Грановитой палатѣ произошелъ слѣдующій любопытный случай. Изъ числа обѣдавшихъ архіереевъ находился, между прочимъ, грекъ Василій, архіепископъ Кесарійскій, который и съумѣлъ по своему отличиться за столомъ. Во время обѣда онъ все плакалъ и такъ долго и горько плакалъ, что обратилъ на себя вниманіе государя, который приказалъ спросить его о причинѣ его слезъ. „Плачу отъ радости, отвѣчалъ ловкій грекъ, видя торжество русскаго царя, плачу отъ горести, что мы православные жители Малой Азіи страждемъ подъ игомъ агаранскимъ“. За этотъ отвѣтъ архіепископъ

Василій получилъ прекрасную панагію, украшенную драгоцѣнными камнями.

Предъ началомъ обѣда въ Грановитой палатѣ, особыми чиновниками министерства финансовъ раздавались изготовленныя на случай высочайшаго коронованія медали. Жетоны раздавались въ двадцати московскихъ церквахъ при выходѣ изъ храмовъ.

На другой день коронованія въ тронной залѣ Кремлевскаго дворца приносили поздравленія члены св. Синода и высшее духовенство, причемъ митрополитъ Новгородскій, отъ лица всего православнаго русскаго духовенства, говорилъ поздравительную рѣчь. При принесеніи поздравленій всѣ лица архіерейскаго сана были въ мантіяхъ. За духовенствомъ поздравленія приносили: министры, члены государственнаго совѣта, статсъ-секретари, сенаторы, разные депутаты, иностранные послы и посланники.

Русское общество единодушно и съ замѣчательнымъ энтузіазмомъ отнеслось къ торжеству коронаціи Александра II. По соизволенію государя императора, для присутствованія при коронованіи были вызваны въ Москву отъ государственныхъ крестьянъ и колонистовъ волостные головы и старшины по одному изъ каждой губерніи европейской Россіи. Эти представители свободнаго сельскаго сословія участвовали въ день коронованія въ торжественномъ шествіи и одинъ изъ почетнѣйшихъ головъ находился даже въ Успенскомъ соборѣ во время самаго священнодѣйствія. На другой день головы и старшины поднесли государю хлѣбъ-соль на особо изготовленномъ отъ всего сословія крестьянъ серебряномъ блюдѣ. Государь очень милостиво принялъ ихъ и сказалъ: „искренно благодарю васъ за вашу преданность и усердіе, вы лучше всего доказали ихъ въ годину минувшей войны“.

По случаю коронаціи государю поднесено было разными обществами и сословіями восемьдесятъ одно блюдо, изъ нихъ десять золотыхъ, остальныя серебряныя вызолоченныя. Золотыя блюда поднесены были дворянствами: московскимъ, петербургскимъ, кіевскимъ, нижегородскимъ, полтавскимъ, тамбовскимъ и черниговскимъ,—и купеческими обществами: московскимъ, петербургскимъ и казанскимъ. Блюдо московскаго купеческаго общества вѣсило золотомъ девять фунтовъ и восемьдесятъ четыре золотника, а блюдо петербургскаго купеческаго общества вѣсило двадцать пять фунтовъ (работы Сазикова).

Литература, журналистика и ученый міръ также горячо отозвались на обще-народное торжество и привѣтствовали вѣнчаннаго монарха. Въ передовой статьѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ отъ 26 августа мы, между прочимъ, читаемъ: „нынѣ вѣнчается и помазуется на царство въ могущественнѣйшемъ изъ царствъ земли царь-миротворецъ, царь отецъ своихъ подданныхъ, царь, горячо и непоколебимо любимый подвластными ему милліонами, царь, ознаменовавшій уже осьмнадцать мѣсяцевъ своего державствованія надъ ввѣренной ему Богомъ страною подвигами мудрости, милосердія, добра; царь, даровавшій міру миръ, неустрашившійся тяжкихъ жертвъ, отказавшійся отъ побѣдъ и военной славы для счастія, спокойствія и благоденствія цѣлой части свѣта, судьбы которой подчинены его державной волѣ волею Всемогущаго Бога“.

Московскій университетъ, какъ средоточіе умственной жизни Москвы, также отозвался, въ ряду многихъ другихъ учрежденій, на столь знаменательное событіе. 31 августа въ университетѣ происходило чрезвычайное публичное собраніе, въ которомъ университетъ принесъ своимъ литературнымъ трудомъ посильную дань сочувствія всеобщему празднику. Одинъ изъ старѣйшихъ профессоровъ университета, С. П. Шевыревъ, открылъ торжественное собраніе словомъ о истинѣ и любви, отличавшимся особенною силою рѣчи. „Вѣнецъ на главѣ царя, такъ началъ свою рѣчь почтенный профессоръ, есть слава и радость русскаго народа; мы дождались этой славы, мы радуемся этою радостію. Въ торжествѣ величія, въ блескѣ могущества вступилъ императоръ въ первопрестольную; любовались наши взоры, изумлялось воображеніе великолѣпію, въ которомъ сходились Европа и Азія. Радовалось русское сердце величію отечества въ державной главѣ его; но до слезъ умилились мы тогда, когда государь повергалъ блескъ, славу и могущество передъ святыней вѣры, свидѣтельствуя народу, что изъ небеснаго источника заемлетъ онъ внутреннюю крѣпость своей державы. Когда царь съ возложеніемъ на себя вѣнца, по его же царскому слову, возлагалъ на себя торжественный передъ свѣтомъ обѣтъ—жить единственно для счастія подвластныхъ ему народовъ, сонмы незримыхъ силъ внимали его обѣту и сердца безчисленныхъ его подданныхъ молились вмѣстѣ съ нимъ да поможетъ ему Всевышній совершить его“.

Общегосударственное торжество 26 августа послужило предметомъ и источникомъ поэтическаго вдохновенія для многихъ писателей того времени. Одни пѣвцы восхваляли въ своихъ твореніяхъ новокоронованнаго монарха, какъ такого государя, въ которомъ болѣе всего были увѣрены и на которомъ питались самыя лучшія и высокія надежды и мечты всѣхъ подданныхъ. Напримѣръ, въ одѣ М. А. Дмитріева на коронованіе Александра II мы встрѣчаемъ слѣдующія строфы:

Но прочь въ сей день воспоминанья
Минувшихъ золъ и славныхъ бѣдъ!
Всходи свѣтило упованья
И лей на насъ добро и свѣтъ!
Да процвѣтутъ твои народы!
Да низведутъ довольства годы
Съ тобою миръ, сей даръ небесъ!
Въ дни бѣдъ отецъ тебя оставилъ
За тѣмъ чтобъ ты себя прославилъ,
Чтобъ выше Русь свою вознесъ!

Другіе воспѣвали Александра II, какъ великаго миротворца:

Но вотъ и онъ нашъ свѣтлый ангелъ мира,
Властитель нашъ, заступникъ и отецъ,
Грядетъ во храмъ, гдѣ ждетъ его порфира,
Святый елей и царственный вѣнецъ.

Господь на трудъ державнаго служенья,
На тяжкій трудъ избранника призвалъ...
О радуйся нашъ труженикъ державный!
Въ единый годъ правленья своего
Уже свершить успѣлъ ты подвигъ славный,
Вполнѣ достойный сердца твоего.
Покой и миръ—отрада человѣка:
Они даны тобою намъ въ удѣлъ...
О, будь всегда красой и честью вѣка!
Будь доблестнымъ героемъ мирныхъ дѣлъ! (Ѳед. Бог. Миллеръ).

Иные видѣли въ Александрѣ II покровителя наукъ и всякаго серьезнаго труда и изливали свои восторги въ стихотвореніяхъ, посвященныхъ изображенію указанныхъ доблестей вѣнчаннаго монарха. Въ стихотвореніи на 26 августа, составленномъ профессоромъ Шевыревымъ, и, нужно сказать, довольно тяжеловато написанномъ, мы находимъ слѣдующія строфы:

Вотъ на тебѣ, какъ солнышко родное,
Горитъ красою и славою вѣнецъ!
Да свѣтъ его плодитъ въ умахъ живое
Огнемъ любви крѣпя союзъ сердецъ!
Да возраститъ наукъ златое сѣмя,
Дастъ правдѣ жизнь и путь, труду почетъ,
Да окрылитъ успѣхомъ быстрымъ время
И въ хижины смиренныя блеснетъ,
Посвѣтитъ тамъ страданію усладой,
Всѣхъ озаритъ надеждой и отрадой!

По случаю коронаціи дано было нѣсколько придворныхъ празднествъ, именно: одинъ балъ въ Грановитой палатѣ, другой—въ Александровской залѣ, торжественный спектакль, маскарадъ и вечерній столъ во дворцѣ. Придворные балы и празднества, данные въ коронацію Александра II, по блеску и грандіозности превосходили балы и празднества, какіе были даны при коронаціи императора Николая I. Это отчасти объяснялось тѣмъ, что въ коронацію Николая не существовалъ еще нынѣшній великолѣпный Кремлевскій дворецъ, возникшій лишь по его державной волѣ съ его громадными и величественными орденскими залами и роскошнымъ убранствомъ, а потому балы и празднества коронаціи Николая, по необходимости, должны были соразмѣряться съ ограниченнымъ пространствомъ стараго Кремлевскаго дворца.

Послы Англіи, Франціи и Австріи израсходовали огромныя суммы на устройство празднествъ по случаю коронаціи и сдѣлали въ честь императора каждый по одному балу, на которомъ каждый изъ нихъ старался перещеголять одинъ другого великолѣпіемъ своихъ праздниковъ. Но относительно посольскихъ баловъ и баловъ русскихъ вельможъ, данныхъ въ честь коронаціи Александра II, слѣдуетъ сказать, что они по своей пышности, изяществу и вкусу далеко уступали баламъ, даннымъ въ коронацію императора Николая I.

По случаю коронаціи Александра II праздники устрояли не только послы, вельможи или цѣлыя общества; даже частныя лица составляли по этому случаю импровизированныя пиршества. Такъ разъ въ гостинницѣ Шевалье собралось человѣкъ до тридцати шести литераторовъ, ученыхъ, художниковъ. Здѣсь произносились горячія рѣчи доброму и милосердному государю. А когда былъ провозглашенъ тостъ за его здоровье, всѣ встали съ своихъ мѣстъ и начали цѣловаться какъ въ день свѣтлаго Христова Воскресенія.

Праздникъ для народа въ честь коронаціи устроенъ былъ 8 сентября на Ходынскомъ полѣ. Тамъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль появился настоящій новый городокъ, разбросанный по всему пространству Ходынскаго поля отъ Петровскаго дворца до самаго лагеря. Сотни длинныхъ столовъ были симметрически расположены посреди поля. Царская бесѣдка, бесѣдки для музыкантовъ, театры, горы, все это было сдѣлано съ большимъ вкусомъ и съ самою тщательною отдѣлкою. Особеннымъ изяществомъ отличалась бесѣдка или павильонъ для императорской фамиліи. Императорскій павильонъ (архитекторъ его Чичаговъ) вышелъ чудесно хорошъ по соединенію въ немъ легкости, граціозности и величія. Это было круглое зданіе, куполъ котораго поддерживался двѣнадцатью женскими фигурами. Съ императорскаго павильона открывался видъ во всѣ стороны. Фонтаны также вышли очень красивыми. Фонтаны средней величины были исполнены по прекраснымъ рисункамъ; особенно были эффектны ихъ верхушки, оканчивавшіяся корзинами съ цвѣтами. Было устроено всего шестнадцать фонтановъ съ виномъ; изъ нихъ восемь меньшихъ били бѣлымъ, а восемь большихъ—краснымъ виномъ. Резервуары этихъ фонтановъ наполняли помощію пожарныхъ трубъ. Было приготовлено множество также и разныхъ закусокъ. На каждомъ столѣ (а ихъ насчитывали до 624 столовъ) выставлено было по пяти или по шести жареныхъ барановъ съ золотыми рогами и по четыре пирамиды съ колбасами и ветчиною; между ними стояли елки, увѣшанныя пирогами и пряниками; на вершинѣ каждой елки посажена была жареная курица. Вообще, все Ходынское поле на этотъ разъ представляло чрезвычайно живописное зрѣлище. Праздникъ долженъ былъ открыться съ пріѣздомъ государя, но тутъ одна случайность повредила дѣлу. Сигналомъ для начала праздника долженъ былъ служить колокольчикъ, которымъ нечаянно (а можетъ быть намѣренно) позвонили преждевременно. Народъ ринулся къ столамъ. Другая непріятная для народнаго праздника случайность—это сильнѣйшій дождь.

Съ прибытіемъ государя на Ходынское поле были пущены фонтаны и заиграли въ воздухѣ ярко красныя и янтарныя струи. Дождь лилъ, а между тѣмъ музыка гремѣла, увеселенія шли какъ ни въ чемъ не бывало. Конечно, если гдѣ, то именно на такомъ чисто народномъ и въ то-же время грандіозномъ праздникѣ имѣли много

мѣста самыя оригинальныя и смѣшныя сцены и довольно забавныя приключенія. Были такія, напримѣръ, сцены, когда двое мужиковъ, ухвативъ одного барана, одинъ за хвостъ, другой за голову, тащили его каждый къ себѣ съ такою силою, что разорвали его пополамъ. Или, напримѣръ, одинъ любитель винограднаго вина влѣзъ съ ногами въ резервуаръ фонтана и пилъ ртомъ вино, которое лилось на него сверху. Но, вообще, по причинѣ проливнаго дождя народный праздникъ на Ходынскомъ полѣ нельзя сказать, чтобы удался вполнѣ. Праздникъ на Дѣвичьемъ полѣ въ 1826 г., при короновании Николая I, при лучшей обстановкѣ самаго мѣста и при прекрасной погодѣ, удался вполнѣ и представилъ единственное въ своемъ родѣ зрѣлище.

Послѣднимъ актомъ коронаціонныхъ празднествъ времени Александра II былъ фейерверкъ и иллюминація. Но и эти два одновременно происходившія заключительныя празднества также во многомъ уступали бывшимъ въ коронацію императора Николая Павловича. Фейерверкъ въ особенности не удался по причинѣ дождливой погоды и сильнаго вѣтра, нагнавшаго густые столбы дыма на декораціи и картины и скрывшія послѣднія отъ взоровъ зрителя. Удалась сравнительно лучше только та иллюминація, которая происходила въ первые три дня коронаціи. Трехдневная иллюминація кремля и его ближайшихъ окрестностей была въ 1856 году изящнѣе и блистательнѣе, чѣмъ въ 1826 г. Величественный палладіумъ Москвы былъ буквально залитъ огнемъ снаружи и внутри его историческихъ твердынь.

Петербургъ также устроялъ у себя праздники по случаю коронаціи. По соизволенію государя эти празднества имѣли много общаго съ празднествами 1826 г., бывшими по случаю коронаціи императора Николая. 26 августа въ Петербургѣ съ ранняго утра улицы и площади наполнились народомъ, ждавшимъ условленныхъ знаковъ. Въ десятомъ часу три пушечные выстрѣла съ Петропавловской крѣпости и поднятые на всѣхъ каланчахъ на десять минутъ бѣлые флаги возвѣстили народу о началѣ шествія въ Успенскій соборъ. Литургія въ Казанскомъ соборѣ началась въ полчаса двѣнадцатаго, куда къ этому времени собрался весь, оставшійся въ Петербургѣ, генералитетъ, дворянство, купечество и всѣ должностныя лица. По окончаніи литургіи въ Казанскомъ соборѣ, нѣкоторое время ждали телеграфнаго извѣщенія о благо-

получномъ совершеніи въ Москвѣ священнаго коронованія. Три пушечные выстрѣла и поднятые на время красные флаги дали знать народу о благополучномъ совершеніи коронованія. Тогда отслужено было благодарственное молебствіе, сопровождавшееся 101 пушечнымъ выстрѣломъ изъ Петропавловской крѣпости. Предъ молебномъ военный генералъ-губернаторъ прочиталъ въ Казанскомъ соборѣ высочайшій рескриптъ о коронованіи императора.

Въ пять часовъ вечера 26 августа въ залѣ дворянскаго собранія отъ города данъ былъ роскошный обѣдъ. Вечеромъ того-же числа устроенъ былъ въ Лѣтнемъ саду и на Марсовомъ полѣ народный праздникъ съ музыкою, пѣсенниками и иллюминаціею.

На другой день коронаціи, 27 августа въ 11 часовъ утра, на всѣхъ рынкахъ и въ Гостинномъ дворѣ совершены были благодарственныя молебствія. Въ тотъ-же день въ часъ пополудни даны были безплатные спектакли въ Александринскомъ и Михайловскомъ театрахъ и въ циркѣ. А вечеромъ того-же 27 августа въ Большомъ театрѣ данъ былъ отъ имени его величества балъ для дворянства и купечества.

Присутственныя мѣста закрывались на три дня и городъ иллюминовался въ теченіи первыхъ трехъ дней послѣ коронаціи. 30 августа, въ день тезоименитства государя, въ Александровскомъ паркѣ и на Елагиномъ островѣ происходило большое народное гулянье съ музыкою, пѣсенниками, иллюминаціею и фейерверкомъ.

Торжественный въѣздъ въ Петербургъ послѣ своей коронаціи императоръ Александръ II имѣлъ 29 сентября 1856 г.

Императоръ Александръ II ознаменовалъ свое коронованіе такимъ обиліемъ льготъ и милостей для своего народа, какимъ не заявлялъ себя ни одинъ изъ его предшественниковъ. Въ день коронованія отъ 26 августа вышелъ высочайшій манифестъ о всемилостивѣйшемъ дарованіи народу милостей и облегченій. Объявлены народу слѣдующія льготы и милости:

I. Назначалась общая народная перепись для того, чтобы вслѣдствіе значительной какъ отъ военныхъ дѣйствій, такъ и отъ бывшихъ эпидемическихъ болѣзней убыли въ людяхъ нѣкоторыя состоянія не были обременены платежемъ излишнихъ,

несоразмѣрныхъ съ настоящимъ населеніемъ, податей и исправленіемъ другихъ повинностей.

II. Отмѣнялся рекрутскій наборъ какъ на 1856 годъ, такъ и на слѣдующіе за нимъ три года.

III. Слагались и исключались со счетовъ всѣ недоимки прежнихъ лѣтъ, со включеніемъ и разсроченныхъ по 1 января 1856 года, какъ въ податяхъ подушной, оброчной, на сухопутныя и водяныя сообщенія, такъ и за право винокуренія, вмѣстѣ съ присоединенною къ этимъ податямъ пенею.

IV. Слагались со счетовъ всѣ казенные по службѣ начеты, ущербы и утраты, которые въ первоначальномъ ихъ составѣ или въ остаткахъ, за произведеннымъ уже взысканіемъ, или-же по раскладкѣ ихъ на разныя лица, не превышали съ каждаго шести сотъ рублей серебромъ и возникли по дѣламъ, начавшимся до дня коронованія. Изъ начетовъ, ущербовъ и утратъ, превышающихъ сію сумму, слагались съ каждаго лица, подлежащаго взысканію, шесть сотъ рублей, а остальная сумма подлежала взысканію.

V. Объявлялась ко взысканію только одна капитальная сумма по ущербамъ, утратамъ и похищеніямъ казенныхъ денегъ, составлявшимъ денежныя по службѣ взысканія, когда признанный въ нихъ недостатокъ положенъ ко взысканію съ виновныхъ въ двойномъ количествѣ. Проценты, которые въ такихъ случаяхъ полагаются и которые по день коронованія еще не поступили куда слѣдовало, также слагались, хотя-бы сумма ихъ и превышала шесть сотъ рублей серебромъ.

VI. Прощались всѣ неуплоченные или невозвращенные по день коронованія денежные по службѣ начеты, взысканія и утраты по дѣламъ казеннымъ или уголовнымъ за дѣйствія, совершенныя за десять прежде сего дня лѣтъ, и въ томъ числѣ начеты и взысканія, наложенные на чиновниковъ по службѣ собственно за упущенія ихъ должностей: по виннымъ откупамъ, казеннымъ подрядамъ и поставкамъ.

VII. Освобождались отъ заключенія, отъ заработокъ и отъ поручительства всѣ тѣ, которые подпали подъ такое состояніе по несостоятельности въ платежу какихъ-либо взысканій.

VIII. Избавлялись отъ взысканія пропущенные въ ревизіи и обнаружившіеся по какимъ-либо случаямъ, а также явившіеся изъ бѣговъ.

IX. Прощались взысканія, опредѣленныя и предписанныя уже къ исполненію за употребленную вмѣсто гербовой простую бумагу, а также за пошлины, слѣдующія ко взысканію за просроченные заграничные паспорты; прощались числящіяся въ недоимкѣ по рекрутскимъ наборамъ слѣдующія въ казну деньги съ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и селеній вмѣсто поставки рекрутъ натурою, а равно и всѣ недоимки рекрутскихъ денегъ въ губерніяхъ, прилежащихъ къ сѣверной, западной и южной границамъ Европейской Россіи; прощались недоимки по взысканію за повышеніе чинами и пожалованіе орденами; отмѣнялись взысканія, наложенныя за выдачу безъ разрѣшенія надлежащаго начальства наградъ изъ остатковъ штатныхъ или конфискаціонныхъ суммъ; отмѣнялись взысканія, накопившіяся въ соляныхъ управленіяхъ по выдачѣ задатковъ и по окончательнымъ разсчетамъ на принадлежащихъ къ мѣщанскому и крестьянскому званіямъ дровопоставщикахъ, фурщикахъ, возчикахъ и судовщикахъ; скидывались со счетовъ недоимки за невзысканную неустойку съ винокуренныхъ заводчиковъ за невыставку ими въ казну вина; прощались недоимки по взысканію гильдейскихъ повинностей за владѣніе въ столицахъ домами цѣною по городской оцѣнкѣ свыше семи тысячъ пяти сотъ рублей серебромъ, а равно по взысканію гильдейскихъ повинностей съ лицъ, вступившихъ въ казенные подряды и поставки на суммы, превышающія права ихъ званія; прощались недоимки по опредѣленному въ торговомъ уставѣ сбору въ пользу казны за владѣніе лавками; недоимки по взысканію однопроцентнаго сбора съ получаемыхъ по наслѣдству купеческихъ капиталовъ; недоимки, числящіяся за земли, прежде отдавшіяся въ оброчное содержаніе и впослѣдствіи, по высочайшему пожалованію, поступившія во владѣніе частныхъ лицъ; отмѣнялись взысканія, наложенныя на государственныхъ крестьянъ какъ лично, такъ и на общества и селенія, за пользованіе казенными землями и оброчными статьями, которыя не были еще имъ отведены установленнымъ порядкомъ въ надѣлъ; уничтожалась пеня, накопившаяся за невзносъ въ срокъ платежей, слѣдовавшихъ съ государственныхъ крестьянъ за оброчныя статьи.

X. Предоставлялись значительныя облегченія въ уплатѣ по ссудамъ изъ казны, учиненнымъ въ разное время какъ обществамъ,

такъ и частнымъ лицамъ. Здѣсь указано девять подраздѣленій, съ изложеніемъ разныхъ льготъ по уплатѣ и по погашенію ссудъ.

XI. Даровывались льготы и облегченія лицамъ, подвергшимся за политическія преступленія наказаніямъ и неполучившимъ еще прощенія, но по изъявленному ими раскаянію и безукоризненному поведенію заслужившимъ помилованіе. Здѣсь въ частности дарованы были однимъ изъ политическихъ преступниковъ значительныя облегченія въ самомъ мѣстѣ ихъ ссылки, другимъ освобожденіе отъ оной, съ правомъ жительствовать въ одной изъ указанныхъ внутреннихъ великороссійскихъ губерній, а нѣкоторымъ и дозволеніе жить гдѣ пожелаютъ, за исключеніемъ только С.-Петербурга и Москвы. Тѣ изъ получившихъ прощеніе политическихъ преступниковъ, которые были подвергнуты наказанію по участію въ тайныхъ обществахъ, открытыхъ въ 1825—1827 гг., или по участію въ возмущеніи 1831 года въ Польшѣ, и дотолѣ принадлежали къ потомственному дворянству, получали снова это достоинство вмѣстѣ съ ихъ законными, рожденными послѣ произнесенія надъ ними приговоровъ, дѣтьми, только безъ права на прежнія имущества. На основаніи этого пункта высочайшаго манифеста весьма многимъ изъ сосланныхъ въ Сибирь на поселеніе декабристовъ (таковы, напримѣръ, Сергѣй Трубецкой, Евгеній Оболенскій, Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, Сергѣй Волконскій, Дмитрій Щепинъ Ростовскій, Михаилъ Бестужевъ и др.) дозволено было возвратиться съ семействами изъ Сибири и жить, гдѣ пожелаютъ, за исключеніемъ только двухъ столицъ. Тѣ-же изъ декабристовъ, которые еще раньше получили право жительства во внутреннихъ губерніяхъ, освобождались теперь отъ всѣхъ ограниченій въ отношеніи мѣста своего пребыванія. Какъ прежде возвращеннымъ изъ Сибири, такъ и возвращеннымъ на основаніи настоящаго манифеста, возстановлялось снова потомственное дворянство, только безъ правъ на прежнія имущества. Точно также возвращались названнымъ въ особомъ указѣ декабристамъ и ихъ дѣтямъ прежніе ихъ титулы княжескіе, графскіе и баронскіе [1]).

---

[1]) Приводимъ свѣдѣнія о милостяхъ императора Александра II къ декабристамъ и другимъ политическимъ ссыльнымъ нѣсколько подробнѣе:

1) Находившимся въ Сибири на поселеніи: Сергѣю Трубецкому, Евгенію Оболенскому, Матвѣю Ив. Муравьеву-Апостолу, Ивану Горбачевскому Александру Поджіо, Владиміру Бечаснову, Ивану Ив. Пущину, Сергѣю Вол-

Въ подобномъ же порядкѣ даровывались льготы и милости и тѣмъ изъ уроженцевъ западныхъ губерній, которые участвовали въ польскомъ возмущеніи 1831 года. Въ равной степени получали облегченія и всѣ лица, принадлежащія къ другимъ сословіямъ, прикосновенныя къ тайнымъ обществамъ 1825—1827 гг. или къ польскому мятежу 1831 года.

XII. Даровывались облегченія или даже полныя прощенія лицамъ, которыя по случаю совершенныхъ ими противозаконныхъ дѣйствій или по оставленію ихъ въ сильномъ подозрѣніи, подвергнуты были особому надзору полиціи и во все время состоянія подъ надзоромъ вели себя безукоризненно. Въ частности лицамъ, лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія и водворенннымъ на жительство въ разныхъ отдаленныхъ губерніяхъ, предоставлялось право перехода въ другія губерніи, менѣе отдаленныя, и дозволеніе приписаться къ какому-либо податному сословію, безъ освобожденія

конскому, Ивану Дм. Якушкину, Димитрію Завалишину, Димитрію Щепину-Ростовскому, Ивану Кирѣеву, Александру Фролову, Михаилу Бестужеву, Владиміру Штейнгелю, Гаврілу Батенкову, Петру Фаленбергу, Юліану Люблинскому и Василію Колесникову; находившимся въ Сибири на жительствѣ: отставному губернскому секретарю Аполлону Веденяпину, Михаилу Кюхельбекеру, Веніамину Соловьеву, Андрею Быстрицкому, Флегонту Башмакову, Димитрію Таптикову и Хрисанфу Дружинину; служившимъ въ Сибири по гражданской части: канцелярскимъ служителямъ Николаю и Александру Крюковымъ, коллежскому регистратору Николаю Басаргину, губернскому секретарю Петру Свистунову, коллежскимъ секретарямъ Ивану Анненкову и Александру Бригену—дозволено было возвратиться съ семействами изъ Сибири и жить, гдѣ пожелаютъ, въ предѣлахъ имперіи, за исключеніемъ только С.-Петербурга и Москвы.

2) Причисленнымъ по винѣ своей къ низшимъ степенямъ: Владиміру Штейнгелю, Андрею Розену, Захару Чернышеву, Алексѣю Черкасову, Валеріану Голицыну и Веніамину Соловьеву и законнымъ дѣтямъ ихъ, рожденнымъ послѣ приговоровъ,—даровывались прежніе титулы: Голицыну—княжескій, Чернышеву—графскій, а прочимъ—баронскій.

3) Сыновьямъ, изъ осужденныхъ въ 1826 году по приговору верховнаго уголовнаго суда, Василія Давыдова, Василія Ивашева, Вильгельма Кюхельбекера и Андрея Розена, названнымъ при опредѣленіи ихъ въ учебныя заведенія Васильевыми и Розеновыми, возвращались фамиліи отцовъ ихъ, которые и стали называться Давыдовыми, Ивашевыми, Кюхельбекерами и баронами Розены.

Лица, участвовавшія въ польскомъ возстаніи 1831 года и помилованныя въ 1856 году, поименно не названы въ указѣ.

Лица, фамиліи которыхъ напечатаны нами разрядкой, 1-го марта 1883 года были еще живы. В. Ж.

однако-же отъ особаго надзора полиціи. Лица, оставленныя судомъ въ подозрѣніи въ такихъ преступленіяхъ, за которыя по закону слѣдовало бы опредѣлить наказанія, соединенныя съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, и уже находились подъ надзоромъ полиціи, не менѣе пятнадцати лѣтъ и за это время вели себя безукоризненно, совершенно освобождались отъ особаго надзора полиціи съ лишеніемъ только права въѣзда въ обѣ столицы. Лица, оставленныя судомъ въ подозрѣніи въ такихъ проступкахъ и преступленіяхъ, за которыя опредѣлены наказанія исправительныя, освобождались отъ особаго надзора полиціи, если только онѣ находились подъ онымъ не менѣе четырехъ лѣтъ и за все это время вели себя безукоризненно. Сокращался на половину срокъ пребыванія всѣмъ отданнымъ подъ особый надзоръ полиціи на опредѣленное въ судебныхъ приговорахъ время. Совершенно освобождались отъ надзора полиціи всѣ тѣ лица, которыя подверглись ему не вслѣдствіе формальныхъ судебныхъ приговоровъ за доказанныя преступленія, а только по оставленію ихъ судомъ въ сильномъ подозрѣніи.

XIII. Освобождались отъ слѣдствія и суда всѣ состоявшіе подъ ними, по день коронованія, за такія преступленія и проступки, за которые по законамъ не слѣдуютъ наказанія, соединенныя съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія или же всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ подсудимому, правъ и преимуществъ

XIV. Освобождались отъ тѣлеснаго наказанія преступники, осужденные къ наказанію плетьми съ наложеніемъ клеймъ и къ ссылкѣ въ каторжныя работы, или же къ наказанію плетьми и ссылкѣ на поселеніе, или къ замѣняющему въ нѣкоторыхъ случаяхъ наказаніе плетьми—наказанію розгами, и только подвергались или ссылкѣ въ каторжныя работы или на поселеніе.

XV. Уменьшалось опредѣленное судебными приговорами время несенія наказанія для тѣхъ изъ преступниковъ, которые, будучи по закону изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній, осуждены были къ ссылкѣ въ каторжныя работы: для осужденныхъ къ работѣ безъ срока—наказаніе ограничивалось двадцатью годами, а для прочихъ—опредѣленные имъ приговорами сроки каторжныхъ работъ сокращались на одну треть. Приговореннымъ къ ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири назначались для по-

селенія мѣста Сибири не столь отдаленныя; а приговореннымъ къ ссылкѣ на поселеніе въ мѣста Сибири не столь отдаленныя давалось позволеніе приписываться къ городскимъ или сельскимъ обществамъ, но только по истеченіи восьми лѣтъ. Избавлялись отъ тѣлеснаго наказанія лица, приговоренныя къ наказанію розгами и къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты или въ рабочіе домà, и только ссылались въ мѣста ихъ назначенія. Предоставлялась возможность перейти въ отдаленныя губерніи европейской Россіи тѣмъ изъ преступниковъ, которые, будучи по закону изъяты отъ тѣлеснаго наказанія, осуждены были къ ссылкѣ на житье въ сибирскія губерніи и пробыли въ назначенномъ для нихъ мѣстѣ жительства не менѣе пяти лѣтъ. Сокращалось на третью часть время заключенія осужденнымъ къ заключенію въ рабочемъ домѣ; что же касается до приговоренныхъ къ заключенію въ крѣпости или въ смирительномъ домѣ или же въ тюрьмѣ, то время содержанія ихъ подъ стражею сокращалось на половину.

XVI. Совершенно освобождались отъ наказаній и взысканій лица, осужденныя къ незначительнымъ наказаніямъ или же къ денежнымъ взысканіямъ, когда они наложены за такія преступленія или проступки, которые по закону не влекутъ за собою наказаній, соединенныхъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, или къ исключенію изъ службы.

XVII. Возвращались отставнымъ солдатамъ, водвореннымъ гдѣ-либо постоянною осѣдлостію, а также солдатскимъ вдовамъ, если только тѣ и другіе пожелаютъ, всѣ сыновья, числившіеся до того времени въ военномъ вѣдомствѣ. Исключались изъ военнаго вѣдомства также солдатскіе и кантоническіе сироты, а равно и незаконнорожденные, не достигшіе четырнадцатилѣтняго возраста. Всѣ эти лица отдавались благотворительнымъ людямъ свободныхъ состояній на полное ихъ попеченіе. Всѣхъ исключенныхъ изъ военнаго вѣдомства кантонистовъ, дѣтей солдатъ, матросовъ и под. принимающіе ихъ родители, родственники или благотворители обязывались приписать къ податнымъ сословіямъ при наступленіи новой народной переписи, а до того времени они объявлялись свободными отъ всѣхъ личныхъ податей и повинностей.

XVIII. Увольнялись отъ службы всѣ нижніе чины, которые, прослуживъ узаконенныя для отставки лѣта, не воспользовались

ею лишь вслѣдствіе наказаній, опредѣленныхъ безъ производства суда, или же хотя и по суду, но за преступленія и проступки, признаваемые по закону не болѣе важными, какъ и первый побѣгъ.

XIX. Объявлялось прощеніе нижнимъ чинамъ изъ военныхъ поселянъ Новгородской губерніи, участвовавшимъ въ безпорядкахъ, бывшихъ въ округахъ пахатныхъ солдатъ въ 1831 г.

XX. Даровывались слѣдующія облегченія и для тѣхъ изъ преступниковъ, надъ которыми постановленный судебными мѣстами приговоръ уже приведенъ или приводится въ исполненіе. Каторжнымъ не изъ ссыльно-поселенцевъ, поступившимъ въ отряды исправляющихся, зачислялось для уменьшенія опредѣленнаго имъ судебными приговорами срока работы время, проведенное въ дорогѣ до мѣста ссылки—за одинъ годъ, а годъ, проведенный въ отрядѣ испытуемыхъ—за полтора года дѣйствительной каторжной работы. Сосланные въ Сибирь на поселеніе и пробывшіе здѣсь не менѣе пяти лѣтъ получали возможность подачи прошеній о перечисленіи ихъ въ государственные крестьяне; пробывшіе же на поселеніи не менѣе десяти лѣтъ получали дозволеніе записываться въ городахъ въ мѣщане, однакожъ лишались права переходить въ высшія городскія сословія. При запискѣ поселенцевъ въ мѣщане и государственные крестьяне исключались изъ счетовъ числившіяся на нихъ недоимки въ казенныхъ податяхъ. Пробывшіе на поселеніи въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири не менѣе двухъ лѣтъ получали дозволеніе просить о перемѣщеніи ихъ въ мѣста Сибири, не столь отдаленныя. Для сосланныхъ на житье въ Сибирь съ заключеніемъ, или вмѣсто его съ назначеніемъ безотлучнаго пребыванія въ опредѣленномъ для жительства городѣ, время заключенія или безотлучнаго пребыванія сокращалось тогда на половину; сосланные на житье въ сибирскія губерніи безъ назначенія заключенія или безотлучнаго въ опредѣленномъ мѣстѣ пребыванія получали возможность просить о перемѣщеніи ихъ въ другія отдаленныя губерніи внѣ Сибири. Сокращался на одну треть срокъ содержанія для лицъ, находившихся въ арестантскихъ ротахъ или въ исправительныхъ домахъ; содержащіеся въ крѣпостяхъ, смирительныхъ домахъ и тюрьмахъ получали сокращеніе времени своего заключенія на половину.

XXI. Объявлялось прощеніе всѣмъ отлучившимся безъ узаконенныхъ видовъ отъ своихъ жилищъ или и вовсе изъ предѣловъ

отечества, когда этого рода лицами не совершено было никакого другого важнаго преступленія.

Вмѣстѣ съ этимъ манифестомъ въ день коронованія появился второй манифестъ о милостяхъ и облегченіяхъ, всемилостивѣйше даруемыхъ вѣрноподданнымъ Царства Польскаго. Даруемыя этимъ послѣднимъ манифестомъ милости, льготы и облегченія для жителей Царства Польскаго въ существѣ дѣла мало отличаются отъ тѣхъ, которыя даны для остальныхъ частей Россійской имперіи. Отличіе его главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, что даруемыя жителямъ Царства Польскаго милости изложены въ немъ примѣнительно къ особенностямъ административнаго положенія этого края.

Въ день коронаціи объявлено было нѣсколько именныхъ высочайшихъ указовъ съ дарованіемъ разныхъ льготъ по разнымъ частямъ управленія. По военному вѣдомству 26-го августа сдѣланы были слѣдующія распоряженія. Во первыхъ, дозволялось офицерамъ, исключеннымъ изъ военной службы за предосудительное поведеніе, снова вступать въ нее первымъ офицерскимъ чиномъ, если только они представятъ заслуживающіе уваженія аттестаты, свидѣтельствующіе объ исправленіи ихъ въ поведеніи по удаленіи отъ службы; равнымъ образомъ первый офицерскій чинъ возвращался и тѣмъ, которые, бывъ отставлены за предосудительное поведеніе, поступили уже добровольно на службу рядовыми и вели себя здѣсь неукоризненно. Во вторыхъ, объявлялось всемилостивѣйшее прощеніе всѣмъ нижнимъ чинамъ, штрафованнымъ не по суду, а по распоряженію начальства, со внесеніемъ опредѣленныхъ имъ штрафовъ въ формулярные ихъ списки, которые со дня перваго понесеннаго ими штрафа служили совершенно безпорочно и безукоризненно. Прощенные на этомъ основаніи нижніе чины возстановлялись во всѣхъ правахъ и преимуществахъ, по законамъ безпорочной службѣ присвоенныхъ. Въ третьихъ, увеличенъ окладъ пенсій, раненымъ штабъ-и оберъ-офицерамъ изъ инвалиднаго капитала; въ четвертыхъ—отмѣненъ ежегодный сборъ къ войскамъ безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ для учебныхъ на одинъ мѣсяцъ упражненій; въ пятыхъ,—сокращенъ срокъ службы чинамъ казачьихъ войскъ: Донскаго, Черноморскаго и Кавказскаго линейнаго. Въ ознаменованіе дня своего

коронованія государь еще пожаловалъ штабу отдѣльнаго гвардейскаго корпуса прежнее свое содержаніе, по званію главнокомандовавшаго, для пособія чинамъ этого штаба.

Относительно уроженцевъ западныхъ губерній 26-го августа объявлены слѣдующія два распоряженія. До этого времени уроженцы западнаго края, при поступленіи на гражданскую службу, обязаны были для лучшаго изученія русскаго языка и дѣлового слога, начинать эту службу во внутреннихъ великороссійскихъ губерніяхъ и только по истеченіи пяти лѣтъ могли продолжать ее въ губерніяхъ западныхъ. Распоряженіемъ отъ 26-го августа 1856 г. эта стѣснительная мѣра была отмѣнена. Точно также отмѣненъ былъ существовавшій дотолѣ особенный порядокъ для опредѣленія на службу дворянъ семи западныхъ губерній.

26-го августа 1856 г. распубликованъ указъ, касающійся однодворцевъ. Этимъ указомъ однодворцамъ предоставлялось право оставить при себѣ свидѣтельства дворянскихъ депутатскихъ собраній о дворянскомъ ихъ происхожденіи, хотя бы они сами почему либо не были приняты на службу по этимъ свидѣтельствамъ или не дослужились до офицерскаго чина.

При коронаціи не забыто было и иновѣрное духовенство: 26-го августа данъ указъ о правѣ на полученіе пенсій и пособій отъ государственнаго казначейства римско-католическимъ священникамъ военнаго вѣдомства и назначаемымъ въ войска пасторамъ евангелическаго лютеранскаго исповѣданія.

Однимъ изъ указовъ, появившихся 26-го августа, отмѣнялась особая пошлина съ отъѣзжающихъ за границу лицъ за выдаваемые имъ паспорты.

Тогда же дано было весьма важное распоряженіе относительно евреевъ: отмѣнялся пріемъ въ рекруты малолѣтнихъ евреевъ и рекрутская повинность для евреевъ подведена была подъ тѣ же правила, какія дѣйствовали во всѣхъ остальныхъ несшихъ рекрутскую повинность русскихъ подданныхъ; отмѣнялось также и требованіе съ еврейскихъ обществъ рекрутъ въ видѣ штрафа за недоимку.

26-го августа императоръ утвердилъ правила пріема воспитанниковъ дѣтскихъ пріютовъ въ Ремесленное учебное заведеніе московскаго воспитательнаго дома. Эти правила изданы были съ

тою цѣлію, чтобы доставить способы, какъ говорилось въ высочайшемъ рескриптѣ, данномъ въ день коронаціи на имя московскаго генералъ-губернатора, къ окончательному обученію отличнѣйшимъ питомцамъ московскихъ пріютовъ и распространить между ними свойственныя ихъ быту техническія знанія.

Какъ велики были милости, объявленныя императоромъ Александромъ II своему народу въ день своей коронаціи, это оцѣнили не только русское общество и русская журналистика, но даже и заграничная печать. Новая прусская газета выражалась по этому поводу, между прочимъ, такимъ образомъ: „манифестъ, обнародованный по случаю коронаціи, еще разъ доказываетъ съ какою любовію монархъ этотъ заботится о своей странѣ и какъ мудро онъ избираетъ средства для достиженія своихъ благородныхъ намѣреній. Во всѣхъ распоряженіяхъ его проглядываетъ желаніе его исцѣлить раны, пополнить пробѣлы, устранить существующіе недостатки. Онъ всестороннимъ образомъ изслѣдовалъ положеніе своего государства, сообразилъ мудро и съ любовію великое и малое, и постановилъ рядъ мѣръ, которыми вообще и въ частности будутъ облегчены нужды и тягости народныя".

Императоръ Александръ II день своей коронаціи отличилъ также устройствомъ бронзовой медали и бронзоваго наперстнаго креста (для духовенства) въ память Крымской войны 1853—1856 гг.

26-го августа были обнародованы четыре высочайшія грамоты на имя жителей Бессарабской области, Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерній, съ изъявленіемъ искренней монаршей благодарности за подвиги и терпѣніе, и за жертвы святому дѣлу отечества, принесенныя жителями этихъ мѣстностей во время недавнихъ военныхъ дѣйствій.

Русское общество съ своей стороны, насколько могло, старалось ознаменовать день коронованія императора Александра II памятниками добра. Такъ, С.-Петербургская городская дума, по случаю коронаціи, сложила недоимки съ бѣднѣйшихъ жителей столицы, въ количествѣ тридцати пяти тысячъ рублей сер. Подвѣдомое императорскому человѣколюбивому обществу сословіе для призрѣнія малолѣтнихъ бѣдныхъ въ С.-Петербургѣ, въ ознамено-

ваніе коронованія императора, открыло у себя десять новыхъ вакансій для сиротъ мѣщанскаго и ремесленнаго званій [1]).

Но эти и нѣкоторыя другія осязательныя проявленія чувства радости населенія Россіи, по случаю свершившагося торжества коронованія императора Александра II, не могутъ дать ни малѣйшаго понятія о тѣхъ надеждахъ лучезарныхъ, которыя въ эпоху коронованія возлагались уже на новаго вѣнценосца всѣми лучшими людьми земли русской, и о тѣхъ теплыхъ, сердечныхъ моленіяхъ, которыя изъ конца въ конецъ необъятнаго отечества нашего возносились за Него—его вѣрнымъ народомъ. И надежды тѣ, и моленія—были не вотще....

Уже раздались съ высоты трона великія, святыя слова:

— „Лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дождаться того времени, когда оно начнетъ само собою уничтожаться снизу“ [2]).

Государь совѣщался уже о великомъ трудѣ освобожденія, обратился къ дворянству—приглашая помочь ему; самъ принимался за трудъ упорный, съ полною энергіею, съ полною вѣрою въ Промыселъ, не оставляющій Россію, и въ добрыя свойства и здравый смыслъ всего русскаго народа.

Въ 1856-мъ году положено начало труда освобожденія, приведшаго къ славнѣйшему акту его царствованія 19-го февраля 1861 г.

В. И. Жмакинъ.

С.-Петербургъ.
19-го февраля 1883 г.

---

[1]) О коронованіи Александра II: чинъ коронованія. Коронованіе императора Александра II. Спб. 1856 г., особая брошюра. Воспоминанія сапера въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за 1867 г. № 12. Воспоминанія графа Толстого, въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1881 г. Полн. Собр. законовъ, собраніе второе, т. XXI, отд. I, №№ 30401, 30875—30903. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ за 1856 г., „Русскій Инвалидъ“ за 1856 г. и „Московскія Вѣдомости“ за 1856 годъ.

[2]) См. „Русскую Старину“ изд. 1881 г., т. XXX, февраль, стр. 228—229.

ФИЛАРЕТЪ, МИТР. МОСКОВСКІЙ, И АРХИМ. ИННОКЕНТІЙ (СМИРНОВЪ)

ВЪ ПИСЬМАХЪ КЪ ГР. С. П. ПОТЕМКИНУ,

1812—1848 гг.

Не смотря на то колоссальное значеніе, какое имѣлъ митрополитъ Филаретъ въ исторіи русской церкви, до сихъ поръ нѣтъ его настоящей біографіи. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ, протекшихъ со дня его кончины, появилось лишь два сочиненія, содержащихъ въ себѣ послѣдовательный пересказъ главныхъ событій его жизни: «Записки о жизни и времени московскаго митрополита Филарета», Н. В. Сушкова, и «Біографическій очеркъ Филарета», г. Пономарева («Труды Кіевской духовной академіи» за 1867 и 1868 годы). Затѣмъ издано нѣсколько матеріаловъ для его біографіи: письма Филарета къ намѣстнику Троицко-Сергіевой Лавры, архимандриту Антонію (два тома), письма къ Андрею Ник. Муравьеву (одинъ томъ); затѣмъ архимандритомъ Григоріемъ собираются и печатаются (въ «Душеполезномъ чтеніи» и въ другихъ московскихъ духовныхъ журналахъ) не рѣдко чрезвычайно замѣчательныя резолюціи Филарета, (заимствуемыя изъ дѣлъ московской духовной консисторіи) и записки его по разнымъ церковнымъ вопросамъ.

Насъ удивляетъ такое положеніе этого дѣла. Что митрополитъ Филаретъ заслуживаетъ полной и хорошей біографіи, въ этомъ едва ли кто станетъ сомнѣваться. Но въ то же время, полагаемъ, для всякаго ясно, что такая біографія должна писаться возможно скорѣе послѣ смерти замѣчательнаго историческаго дѣятеля: по живымъ воспоминаніямъ и указаніямъ лицъ, знавшихъ близко почившаго святителя, бывшихъ свидѣтелями и участниками его трудовъ, легче воссоздать его дѣйствительную физіономію, его нравственный характеръ

и значеніе его для общества и церкви, чѣмъ по архивнымъ матеріаламъ, чѣмъ тогда, когда память о немъ будетъ уже ослабѣвать и самая личность его начнетъ тускнѣть въ воспоминаніяхъ дѣтей его сверстниковъ и сотрудниковъ. Притомъ для составленія хорошей біографіи далеко недостаточны случайныя замѣтки и находки тѣхъ или другихъ лицъ: нуженъ методическій и правильный, постоянный, въ продолженіе болѣе или менѣе значительнаго времени, трудъ лица, спеціально опредѣлившаго себя, на извѣстное время, на собираніе и обработку біографическаго матеріала. Однимъ словомъ, мы думаемъ, что было бы дѣломъ сущей справедливости со стороны Москвы, ея духовно-литературныхъ дѣятелей, озаботиться составленіемъ и изданіемъ хорошей біографіи Филарета, для чего матеріальныя средства въ видѣ, напримѣръ, пятитысячной преміи, могли бы, безъ особеннаго отягощенія московскаго церковнаго бюджета, быть взяты отъ московскихъ церквей.

Предлагаемому редакціей «Русской Старины» нѣкоторому матеріалу для біографіи Филарета, въ видѣ его писемъ къ графу Потемкину, мы, по приглашенію редакціи этого журнала, предпосылаемъ очеркъ по вопросу: въ чемъ именно состоитъ значеніе и заслуги митрополита Филарета.

По нашему мнѣнію, по размѣрамъ дѣятельности, а равно по степени значенія этой дѣятельности, по количеству ея полезныхъ результатовъ, между русскими церковными дѣятелями Филаретъ не много имѣетъ себѣ подобныхъ на всемъ пространствѣ исторіи русской церкви: развѣ Ѳеофанъ Прокоповичъ и митрополитъ Платонъ могутъ съ нимъ равняться. На пространствѣ шестидесяти лѣтъ ему принадлежитъ, можно сказать, руководящая, заправляющая роль въ судьбахъ русской церкви. Ни одно изъ важныхъ явленій нашей церковной жизни за это время (1810—1867 гг.) не обошлось безъ его болѣе или менѣе дѣятельнаго, большею частію руководящаго участія. Одно имъ однимъ всецѣло создано, другое обязано ему иниціативой, третій родъ дѣлъ и явленій состоялся подъ его руководствомъ и по его опредѣляющимъ указаніямъ. Разсказывать исторію жизни Филарета значитъ излагать исторію русской церкви его времени. Въ этомъ, конечно, и заключается главная трудность для его біографа.

Начинается дѣятельность Филарета учеными профессорскими трудами. Съ 1810 по 1817 годъ, состоя баккалавромъ, а потомъ профессоромъ академіи, Филаретъ, не ѣздя за границу (подобно Ѳеофану Прокоповичу) и нигдѣ не слушавъ высшаго курса наукъ, самъ, силою своего таланта и неустаннаго труда, путемъ самообразованія,

выработалъ типъ высшаго богословскаго курса для академій,—типъ державшійся очень долго послѣ него. Съ 1812 по 1816 годъ, состоя ректоромъ академіи, онъ, если не создалъ, то первый осуществилъ типъ высшей духовной школы, до такой степени успѣшно, что особый высочайшій рескриптъ на его имя императора Александра I по поводу перваго выпуска студентовъ изъ академіи и 1,500 р. пожизненной пенсіи «за отличную способность къ образованію юношества» были дѣломъ сущей справедливости по отношенію къ даровитому труженику. Къ трудамъ по званію ректора академіи примыкаютъ его работы по званію члена коммисіи духовныхъ училищъ, члена главнаго правленія училищъ, ревизора нѣсколькихъ духовныхъ семинарій и училищъ. Здѣсь ему принадлежала одна изъ главныхъ ролей, и плодотворные результаты, достигнутые дѣятельностію двухъ названныхъ учрежденій, обязаны своимъ происхожденіемъ въ значительной мѣрѣ указаніямъ и совѣтамъ Филарета. Далѣе слѣдуютъ его труды по званію члена библейскаго общества, редакціонные и переводческіе (послѣ Павскаго здѣсь Филаретъ потрудился болѣе другихъ), члена С.-Петербургской консисторіи, члена совѣта человѣколюбиваго общества, члена строительнаго комитета при С.-Петербургской духовной академіи. Вездѣ, во всѣхъ этихъ должностяхъ и званіяхъ Филаретъ не числился только, а былъ дѣятельнымъ, однимъ изъ главныхъ работниковъ. Затѣмъ слѣдуетъ негласное, но тѣмъ не менѣе сильное вліяніе его на митрополита Амвросія и князя А. Н. Голицына, а чрезъ нихъ на ходъ дѣлъ въ св. Синодѣ.

Со времени назначенія на епархіальную каѳедру, Филаретъ сразу же становится образцовымъ, по энергіи и уму, епархіальнымъ начальникомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ начинается его законоопредѣляющее вліяніе на ходъ церковныхъ дѣлъ въ Россіи, какъ въ сношеніяхъ русской церкви съ инославными исповѣданіями и православными восточными церквами, такъ и во внутренней церковной жизни Россіи. Можно сказать безъ преувеличенія, что за время съ 1821 года, со времени назначенія его въ архіепископа московскаго, по 1867 г., годъ его смерти, ни одинъ догматическій, каноническій, церковно-законодательный вопросъ, ни одно важное административное распоряженіе св. Синода, имѣвшее значеніе для всей церкви, не рѣшались и не производились безъ предварительной справки о томъ, какъ думаетъ объ этомъ вопросѣ или рѣшеніи Филаретъ, и рѣдко что нибудь дѣлалось въ синодѣ иначе, нежели какъ думалъ Филаретъ. Въ предѣлахъ своей непосредственной дѣятельности въ Москвѣ, въ своихъ безчисленныхъ письмахъ къ частнымъ лицамъ и резолюціяхъ по дѣламъ епархіи, а также въ проповѣдяхъ, Филаретъ съ изуми-

тельнымъ изобиліемъ плодилъ религіозныя идеи и распространялъ въ обществѣ благотворное религіозное вліяніе, создавая для себя небывалый дотолѣ духовный авторитетъ и обаяніе нравственной силы вокругъ себя. Его проповѣди, письма и резолюціи – истинная сокровищница догматическихъ и каноническихъ мнѣній, всегда отличающихся основательностію, остроуміемъ и оригинальностію, напоминающими блестящій и глубокій умъ наиболѣе любимаго имъ отца церкви Григорія Богослова.

Но что особенно вызываетъ наше благоговѣйное уваженіе къ этому великому человѣку—это его научная и литературная дѣятельность. Бываютъ цифры краснорѣчивѣе словъ. Таковы итоги изъ учено-литературной дѣятельности Филарета. Дѣятельность эта продолжалась непрерывно въ теченіе шестидесяти двухъ лѣтъ (1806—1867 гг.). Всѣхъ сочиненій его свыше 700, не считая нѣсколькихъ томовъ изданныхъ уже послѣ его смерти его писемъ, и Богъ знаетъ сколькихъ томовъ изданныхъ и неизданныхъ, бо̀льшею частію подробно мотивированныхъ, его резолюцій по епархіальнымъ дѣламъ за пятидесятилѣтній періодъ его епископской дѣятельности. Его «Начатки Христіанскаго ученія» были изданы 252 раза на одномъ только русскомъ языкѣ, не считая переводовъ на языки инородцевъ; «Пространный Христіанскій Катихизисъ», получившій въ нашей церкви и имѣющій въ ней доселѣ значеніе символической книги, имѣлъ 91 изданіе; «Библейская исторія»— 11 изданій, «Бесѣды къ глаголемому старообрядцу»—6 изданій и т. д. Это цифры изданій одной московской синодальной типографіи; но тѣже сочиненія были издаваемы и петербургскою синодальною типографіею,—сколько именно экземпляровъ и какія сочиненія были изданы этою послѣднею—мы, къ сожалѣнію, въ настоящее время не имѣемъ свѣдѣній. Изъ одной московской типографіи въ разное время было вытребовано и распространено въ обществѣ и народѣ свыше 2.200,000 томовъ его сочиненій, 360 названій.

Христіанская древность дивилась обилію литературно-научной производительности знаменитаго Оригена Адамантоваго, которому современники усвояли до 6000 сочиненій. Если сосчитать всѣ произведенія пера Филарета не томами, а заглавіями каждаго отдѣльнаго трактата и присоединить къ нимъ всѣ его письма догматическаго, каноническаго и вообще научнаго содержанія (не считая писемъ интимныхъ-фамильярныхъ; впрочемъ такихъ писемъ, т. е. не имѣющихъ болѣе или менѣе важнаго общественнаго значенія, у Филарета очень мало), все то, что у древнихъ писателей называлось opuscula (по всей вѣроятности въ счетъ 6000 сочиненій Оригена вхо-

дила и его opuscula), то число всѣхъ сочиненій Филарета (opera и opuscula) едва ли будетъ меньшее, чѣмъ Оригена. Во всякомъ же случаѣ оно больше, чѣмъ число сочиненій Платона, Иннокентія Херсонскаго и Г. П. Павскаго, самыхъ плодовитыхъ нашихъ духовныхъ писателей перваго ранга. Слѣдуетъ здѣсь замѣтить, что въ этой массѣ нѣтъ сочиненій малозначительныхъ и слабыхъ, даже сочиненій посредственныхъ: всѣ сочиненія Филарета, по общему признанію, капитальныя пріобрѣтенія русской богословской литературы, всѣ запечатлѣны однимъ строго выдержаннымъ направленіемъ и характеромъ, всѣ оригинальны (за исключеніемъ пяти-шести, имѣвшихъ по необходимости характеръ компилятивный, таковы «чтенія» и «избранныя мѣста изъ св. писанія»). Удивительны также разносторонность и разнообразіе ихъ содержанія: нѣтъ рѣшительно ни одной области религіознаго знанія, въ которой бы Филаретъ не проявилъ своей компетентности одною или нѣсколькими болѣе или менѣе цѣнными работами. Писалъ Филаретъ, говорятъ, удивительно легко. Его свѣтлая, ясная и трезвая мысль легко находила для себя соотвѣтствующее выраженіе въ словѣ, и ему не нужно было, слѣдуя совѣту Квинтиліана, saepe stylum divertere. Блескъ необычайнаго остроумія и глубокомыслія отражаются въ каждой строкѣ его оригинальныхъ сочиненій. Нѣкоторое исключеніе можно сдѣлать развѣ для его проповѣдей, въ обработкѣ которыхъ со стороны фразы проповѣдникъ былъ особенно строгъ къ самому себѣ, такъ что въ послѣдующихъ изданіяхъ самъ многое измѣнялъ и дополнялъ, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ издатели послѣдняго собранія его проповѣдей, (начатаго лѣтъ десять (1872 г.) тому назадъ и доселѣ доведеннаго лишь до третьяго тома). Здѣсь же кстати будетъ замѣтить, что Филаретъ никогда не бралъ вознагражденія за свои сочиненія: весь свой учено-литературный трудъ онъ принесъ въ даръ церкви.

У насъ знаютъ Филарета главнымъ образомъ какъ проповѣдника. Но проповѣди, если считать сочиненія его томами, составятъ едва десятую долю общаго объема его произведеній, хотя число проповѣдей его больше половины цифроваго итога его сочиненій. Именно всѣхъ его проповѣдей въ настоящее время насчитывается около 480. Все это chef-d'oeuvres'ы ораторскаго искуства. Наша критика давно уже ставитъ Филарета на ряду съ первоклассными христіанскими ораторами всѣхъ вѣковъ; западная критика, давно также знающая Филарета, какъ и Иннокентія, по прекраснымъ переводамъ французскимъ, отчасти нѣмецкимъ и англійскимъ, (принадлежащимъ главнымъ образомъ покойному князю М. Д. Волконскому), ставитъ его на ряду съ своими Боссюэтами и Массильонами. Необычное

богатство и оригинальность мыслей, блескъ остроумія и сила глубокомыслія, необычайное искуство выраженія сжатаго и сильнаго, сообщаютъ особую, ему одному свойственную, оригинальную красоту, изящество и художественность этой рѣчи. Каждая проповѣдь Филарета, особенно въ первый, Петербургскій, періодъ его дѣятельности, была событіемъ для образованнаго общества, хотя справедливость требуетъ замѣтить, что проповѣди его всегда казались лучшими въ чтеніи, чѣмъ въ произношеніи.

Полное изученіе сочиненій Филарета не входитъ въ задачу настоящей краткой замѣтки. Но не можемъ удержаться отъ того, чтобы не назвать по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы читатели могли видѣть до какой степени разностороння и всеобъемлюща была его учено-литературная дѣятельность. Ему принадлежатъ: переводъ евангелія отъ Іоанна на русскій языкъ въ изданіи библейскаго общества (мало измѣненный въ позднѣйшемъ изданіи св. синода); капитальное объясненіе книги Бытія вмѣстѣ съ ея переводомъ на русскій языкъ, оригинальное объясненіе нѣкоторыхъ, особенно трудныхъ мѣстъ Библіи, въ видѣ отдѣльныхъ трактатовъ, и превосходное толкованіе безчисленныхъ текстовъ св. Писанія, встрѣчающееся эпизодически въ его проповѣдяхъ (вообще экзегетъ Филаретъ первоклассный); разговоръ между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи грекороссійской церкви, написанный по поводу совращенія въ католицизмъ одного изъ родственниковъ князя А. Н. Голицына, сразу остановившій движеніе въ пользу католицизма, начавшееся было въ русскомъ обществѣ въ 1820-хъ годахъ подъ вліяніемъ іезуитовъ и графа де-Мэстра; о разностяхъ между Восточною и Западною церквами (писана для императрицы Елизаветы Алексѣевны); пространный катихизисъ православной церкви (получившій значеніе символической книги); о времени пресуществленія св. даровъ въ таинствѣ евхаристіи (классическое рѣшеніе давняго догматическаго вопроса); опроверженіе возраженій противъ вѣры истинной; бесѣды къ глаголемому старообрядцу (полемическое сочиненіе противъ раскольниковъ, доселѣ неутратившее своего значенія); изъясненіе о проклятіи отъ собора 1667 г. (на раскольниковъ); о древнемъ образѣ крестнаго знаменія; о нотномъ церковномъ пѣніи; о непрерывности епископскаго сана въ церкви англиканской; записка о доводахъ князя Кузы объ отобраніи церковныхъ имуществъ въ Румыніи; акаѳистъ пресв. Богородицѣ; канонъ св. Кириллу и Меѳодію; молебное пѣніе по поводу изгнанія французовъ изъ Россіи въ 1812 г. (въ которомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по высочайшему повелѣнію, произведены нѣкоторыя сокращенія,—выпущено нѣсколько сильныхъ выраженій о французахъ, напримѣръ слова: «наведе на

насъ языкъ безстуденъ лицемъ, буій и звѣронравный»; и еще: «о няже наставленіяхъ поревноваховъ, сихъ враговъ имѣяхомъ» и др.); молебствіе на семисотлѣтіе Москвы; молебствіе въ тысячелѣтіе Россіи; при освященіи древней плащаницы; манифесты: о назначеніи наслѣдникомъ престола вел. кн. Николая Павловича; участіе въ редакціи манифеста объ освобожденіи крестьянъ; наставленіе настоятелямъ монастырей; правила монастырскихъ братствъ; уставъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія; о раздѣленіи духовнаго управленія на округи; трактатъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ; о сохраненіи церковныхъ древностей; о столоგаданіи, и т. д. Изъ этого указанія нѣкоторыхъ сочиненій Филарета видно, что это былъ не просто богословъ, но богословъ-публицистъ, который отъ лица и по уполномочію церкви подавалъ свой компетентный голосъ по поводу всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся событій и явленій нашей не только церковной, но также государственной и общественной жизни. Окруженный ореоломъ святости, обаяніемъ ума и неотразимаго нравственнаго авторитета, уважаемый верховною властію и благоговѣйно чтимый своею московскою паствой, онъ представлялъ изъ себя идеальный типъ православнаго іерарха-святителя. Его почитатели говорили, что онъ олицетворяетъ въ себѣ прогрессирующую охранительно-зиждительную силу церкви, и въ этомъ заявленіи было много правды. Поступательное движеніе въ жизни нашей церкви за последнее двадцатипятилѣтіе во многомъ обязано его могучему почину и авторитетному покровительству. Переводъ библіи на русскій языкъ, надъ которымъ трудился самъ Филаретъ лично въ молодые свои годы,— за что претерпѣлъ даже гоненіе отъ партіи Шишкова,—былъ въ значительной степени дѣломъ его энергіи. Благодаря его покровительству, наша духовная журналистика замѣчательно оживилась чрезъ основаніе частныхъ духовныхъ журналовъ, между которыми особенно покровительствуемое Филаретомъ «Православное Обозрѣніе» обратило на себя вполнѣ заслуженное вниманіе свѣтскаго общества; рядъ реформъ въ быту духовенства могъ состояться только потому, что ихъ поддерживалъ и одобрялъ Филаретъ. Вообще будучи человѣкомъ непреклонно твердыхъ строго-православныхъ, и слѣдовательно консервативныхъ, убѣжденій, этотъ іерархъ умѣлъ идти въ уровень съ потребностями вѣка, поощряя и поддерживая всякое полезное новое начинаніе. Въ этомъ, между прочимъ, заключалась одна изъ тайнъ его обаянія.

Въ виду всего вышеизложеннаго, мы думаемъ, что самыя малозначительныя произведенія пера такого писателя и человѣка, какъ Филаретъ, заслуживаютъ полнаго вниманія. Предлагаемыя письма Филарета къ графу С. П. Потемкину имѣютъ значеніе какъ потому,

что даютъ читателямъ новый случай любоваться тѣми свойствами его генія, какія мы указывали въ его печатныхъ произведеніяхъ,— въ ихъ житейскомъ, интимно-фамильярномъ проявленіи, такъ, главнымъ образомъ, потому, что эти письма—единственный извѣстный намъ автобіографическій матеріалъ о Филаретѣ изъ первой половины его жизни, содержащій въ себѣ не мало фактическихъ подробностей какъ о его личной жизни и бытѣ, такъ о лицахъ и событіяхъ его времени.

Въ 1809 г. Филаретъ, молодой іеродіаконъ, по волѣ начальства, прибылъ на службу въ Петербургъ. На первый разъ положеніе его здѣсь было настолько неудобно и скудно обставлено, что онъ долго не имѣлъ даже своего угла. Ректоръ С.-Петербургской академіи, архимандритъ Евграфъ, знавшій его еще въ Троицкой Лаврѣ, гдѣ былъ ректоромъ семинаріи, пріютилъ пришельца у себя въ келіи. «Тутъ, говоритъ г. Сушковъ («Записки», стр. 39), сошлись скудость съ нуждою. И хозяинъ и гость небольшія имѣли средства къ жизни. Помѣщеніе ихъ было до того тѣсно, что негдѣ было поставить кровати для гостя, который и клалъ постель свою на полу». Еще болѣе должно было быть непріятно для него отсутствіе сверстниковъ-друзей, съ которыми онъ могъ бы мѣняться мыслями и чувствами. Но съ дѣтскихъ лѣтъ привыкшій къ уединенію и самоуглубленію, молодой инокъ повидимому не особенно тяготился своимъ положеніемъ въ этомъ отношеніи. Скоро, впрочемъ, судьба послала ему друга-собесѣдника, такого же, какъ и онъ, энтузіаста въ служеніи духовному образованію. То былъ скоро затѣмъ сдѣлавшійся извѣстнымъ архимандритъ Иннокентій (Смирновъ), ректоръ С.-Петербургской семинаріи послѣ кратковременнаго пребыванія въ этой должности Филарета. Иннокентій за защиту православія противъ мистицизма подвергся гоненію и въ званіи епископа удаленъ былъ потомъ въ Пензу, гдѣ въ первый же годъ умеръ. Но это случилось значительно позже. А пока (1810—1815 гг.) друзья были почти неразлучны: изъ писемъ Филарета къ Потемкину видно, что онъ не рѣшался одинъ ѣхать къ ихъ общему знакомому. Чѣмъ начались отношенія Филарета къ Потемкину—изъ писемъ не видно; въ нихъ мы застаемъ Филарета и Иннокентія уже добрыми знакомыми Потемкина. Филаретъ совершаетъ богослуженія въ лаврѣ для Потемкина и исполняетъ его порученія по ученой части, рѣшаетъ для него разныя религіозныя недоумѣнія, сообщаетъ ему новости по духовной части, знакомитъ его съ церковностію; Потемкинъ въ свою очередь ищетъ случая оказывать услуги Филарету, печатаетъ его сочиненія, а главнымъ образомъ приглашаетъ его для отдыха къ себѣ въ домъ послѣ академическихъ ученыхъ трудовъ. Кромѣ подробностей объ этихъ отношеніяхъ, изъ писемъ Фи-

ларета и Иннокентія къ Потемкину мы узнаемъ не мало подробностей изъ тогдашней церковной и общественной жизни. Вообще письма читаются съ живѣйшимъ интересомъ: начинаясь краткими записками, онѣ растутъ въ объемѣ и въ содержаніи, заканчиваясь интересной справкой о словѣ «Вероника».

Н. И. Барсовъ.

Декабрь 1831 г.

I.

27-го ноября 1812 г.

Сіятельнѣйшій графъ! Милостивый государь! Располагаясь на завтрешній день къ священнодѣйствію въ блаженную память вашего брата, я сносился съ начальствомъ лавры, дабы получить нужное число сослужителей, и, по причинѣ церемоніальнаго архіерейскаго служенія, стѣсненъ временемъ такъ, что долженъ начать свое служеніе не позже девяти часовъ. Извѣщая о семъ ваше сіятельство, дабы вы къ сему времени благоволили прибыть въ здѣшнюю Лазаревскую церковь [1]), я прошу васъ не поставить мнѣ въ вину то, что, можетъ быть, привожу васъ въ безпокойство поспѣшности. Я въ такомъ мѣстѣ, гдѣ я не хозяинъ. Впрочемъ я вездѣ и всегда есмь и желаю быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою и, по силѣ, богомольцемъ архимандритъ Филаретъ.

II.

16-го іюня 1813 г

Прочитавъ тетрадь, и нашедъ исправною, возвращаю в. с.

Сомнѣваюсь только о двухъ послѣднихъ словахъ, то есть, объ имени сочинителя: но есть ли «Бесѣда» [2]) хочетъ, чтобы оно было; не хочу удержать воды въ решетѣ.

О здоровьѣ моемъ прошу васъ не безпокоиться; оно нынѣ лучше, а завтра, есть ли Богъ благоволитъ, надѣюсь, будетъ и еще лучше. Мнѣ же позвольте не безпокоиться объ упоминаемыхъ вами музахъ: ибо я принадлежу къ мужескому, а онѣ, есть ли угодно, къ женскому монастырю.

---

[1]) Лазаревская церковь — на старомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры, гдѣ похороненъ Ломоносовъ и многія другія знаменитости.

[2]) Т. е. „Бесѣда любителей россійскаго слова". О какой „тетради" здѣсь говорится — мы не знаемъ. Н. В.

III.

28-го іюня 1813 г.

Прімите, в. с., за доставленное изданіе всесовершенную мою благодарность, столь на сей разъ краткую словами, сколько позволяютъ больныя доселѣ мои глаза, но столь обильную чувствованіями, сколько можетъ вмѣстить преданное вамъ сердце вашего и проч. архимандрита Филарета.

IV.

16-го іюля 1813 г.

В. с. И за благосклонныя ко мнѣ чувствованія вашего рукописанія и за поучительныя ваши размышленія примите всеискреннюю мою благодарность.

Въ размышленіяхъ вашихъ нашелъ я то, что у меня было пропущено. Не забочусь о моемъ опущеніи, но радуюсь, что вами сдѣлано дополненіе.

А что вы хвалите оратора духовнаго, о томъ желаю вамъ не разкаяваться. Говорятъ, что половина того слова, которое вы хвалите, выписана изъ надгробнаго слова Тюренну, Фletье. Мысль, что великій мужъ и по смерти продолжаетъ быть полезнымъ для живущихъ, показалась мнѣ великою. Размышленія ваши о скончавшемся великомъ мужѣ ее оправдываютъ.

Не знаю какъ пришла вамъ мысль, будто я могу почитать трудъ вашъ дерзостію. Не буду имѣть на васъ иска за такое обо мнѣ подозрѣніе: желаю только, чтобы мнѣ не дожить до сего самосудства.

Быть у васъ я усердно желаю и настоятельно буду просить на сіе позволенія у больныхъ глазъ моихъ. Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть...

V.

20-го іюля 1813 г.

За попеченіе о больныхъ моихъ глазахъ приношу в. с. всеискреннюю мою благодарность.

Дабы не допустить васъ ходатаевъ употреблять ко мнѣ, я сдѣлался ходатаемъ вашимъ у о. Иннокентія. Вторникъ для него не удобенъ, можетъ быть, и для меня. Четвертокъ охотно назначаемъ оба, но дабы не встрѣтилось какой нечаянности, рѣшительнѣе повторили наше обѣщаніе въ среду.

VI.

23-го іюля 1813 г.

И упрямыхъ глазъ моихъ не послушаюсь, чтобы имѣть удовольствіе раздѣлить нѣсколько времени съ в. с. Ручаюсь и за о. Иннокентія.

VII.

7 октября 1813 г.

На что я не рѣшился самъ собою, то исполнить имѣю нынѣ порученіе: то есть, напечатать прилагаемую при семъ, разсмотрѣнную цензурою, рукопись: отрывки изъ Аксильйона и пр. Не обращавшись никогда съ типографіями, я прибѣгаю въ семъ дѣлѣ къ посредству в. с., уже благосклонно мнѣ обѣщанному: и покорнѣйше прошу васъ отдать оную рукопись въ какую разсудите типографію для напечатанія въ 600 экземпляровъ безъ умедленія, и о потребномъ на сіе меня извѣстить, а о корректурѣ не безпокоиться, но предоставить ее мнѣ.

Великодушно простите, в. с., что я обременяю васъ своими докуками: сіе происходитъ отъ безпредѣльнаго моего довѣрія къ вашей снисходительности и отъ безрасчетной преданности, каторая впрочемъ не уменьшаетъ глубокаго почитанія, съ каковымъ имѣю честь быть...

VIII.

10-го октября 1813 г.

Возвращая в. с. корректуру, приношу вамъ всепокорнѣйшую благодарность и за труды, и за скорость, и за выборъ. Перемѣнять, по моему мнѣнію, нѣчего, а скорѣе напечатать.

IX.

Хотя въ первомъ листѣ осталось нѣсколько погрѣшностей, но для сего не нужно кажется обращать въ третій разъ. Греческое слово πᾶν во второмъ листѣ пропущено съ оставленіемъ мѣста. Естьли есть въ типографіи греческія буквы, то его напечатать бы по гречески; а естьли нѣтъ, то и мѣста бъ не оставлять, оставивъ въ текстѣ русское произношеніе греческаго слова: панъ.

Не угодно ли в. с. сіе замѣчаніе и послать въ типографію: а за попеченіе ваше и исправленіе моихъ недосмотровъ паки и паки благодарю.

X.

13-го октября.

Хотя среда день моего урока, но, дабы не удалиться отъ воспоминаемаго дня, охотно украду въ сей день нужные часы отъ должности учебной для долга любви христіанской.

XI.

13-го октября, понедѣльникъ.

Давъ в. с. слово на вторникъ, я позабылъ, что то будетъ высокоторжественный день. Вспомнивъ же сіе, и то, что въ такіе дни не бываетъ никакихъ печальныхъ церемоній, такъ что и здѣсь въ лаврѣ не дѣлаютъ исключеній изъ сего правила, принужденнымъ нахожусь покорнѣйше просить ваше сіятельство, предполагаемое поминовеніе отсрочить до среды, или другаго дня по вашему разсужденію.

Въ ожиданіи вашего на сіе разрѣшенія, съ глубокимъ почитаніемъ и преданностію имѣю честь быть...

XII.

14-го октября 1813 г.

Сіятельнѣйшій графъ! Вы угадали только въ половину. Ректорство болѣе связываетъ, а не надмѣваетъ покрайнѣй мѣрѣ того Иннокентія, котораго вы знаете.

Завтрещній день, вотъ какъ мнѣ должно провести: 9-й и 10-й часы въ семинаріи предлагать урокъ Богословскій, 11-й и 12-й въ академіи урокъ историческій. Слѣдственно, къ вашему сіятельству быть не могу въ то время, когда будетъ о. ректоръ Филаретъ. Есть ли бы можно было удѣлить съ вами нѣсколько времени нашего послѣобѣденнаго, въ которое я свободенъ: то съ моимъ удовольствіемъ согласился бы. Но для чего обременять васъ собою? Между тѣмъ, какъ я буду занятъ должностію, о. ректоръ Филаретъ отъ васъ возвратится домой: или покрайнѣй мѣрѣ уже приготовляться будетъ къ выѣзду.

Вотъ мое объясненіе. Примите его, какъ угодно—отъ Знаменскаго или пустынскаго Сергіевскаго архимандрита, только всегда съ искреннимъ къ вамъ почитаніемъ имѣющаго быть Иннокентія.

XIII.

14-го октября 1813 г.

Что писалъ къ в. с. от. Иннокентій, не знаю: онъ живетъ отъ меня нынѣ далѣе прежняго. Но узнаю; и естьли онъ не такъ послушливъ, какъ я, то дамъ ему совѣтъ.

Четвероместную карету естьли благоволите для насъ служащихъ прислать: то насъ обеззаботите.

Съ совершеннымъ почитаніемъ и преданностью имѣю честь быть...

Позвольте замѣтить, в. с., что третьяго дня вы говорили на минуту, а нынѣ на часокъ. Всепокорнѣйше прошу васъ не прибавлять: я ничемъ такъ не бѣденъ, какъ временемъ.

XIV.

16-го октября 1813 г.

Вчера по полученіи экземпляра отпечатанныхъ, по снисходительному попеченію вашего сіятельства, примѣчаній, мнѣ дано приказаніе изданіе оныхъ изъ частнаго дѣла превратить въ оффиціальное отъ правленія академическаго. Почему покорнѣйше прошу ваше сіятельство счетъ издержекъ, какой составится въ типографіи, приказать доставить мнѣ, для полученія денегъ прямо отъ меня или лучше чрезъ меня отъ правлѣнія. Снова безпокоюсь я, что васъ озаботилъ: но дѣло уже сдѣлано. Вы знаете, что я подъ обѣтомъ послушанія: а я испыталъ, что вы безъ обѣта подъ обѣтомъ снизхожденія. Съ совершеннымъ почитаніемъ и преданностію имѣю честь быть...

XV.

18-го октября.

Можетъ быть в. с. не знаете, что изъ типографіи ни вчера ни нынѣ я ничего не получалъ. Но моя нетерпѣливость заставляетъ меня вновь васъ безпокоить, ни же прозьбы другихъ, но требованія. Желательно бы было имѣть сего дня нѣсколько экземпляровъ для представленія въ завтрешнее утро, одному или нѣкоторымъ изъ начальниковъ моихъ. Съ глубочайшимъ почитаніемъ и преданностію имѣю честь быть...

XVI.

19-го октября 1813 г.

Прочитавъ письмо в. с., не могу ни минуты откладывать моей предъ вами исповѣди. Неужели подлинно вмѣсто благодарности за вашу безпримѣрную обо мнѣ заботливость, вы замѣчаете во мнѣ

какое нибудь неудовольствіе или, какъ вамъ угодно было назвать, гнѣвъ? Есть ли что нибудь подобное вы примѣтили въ словахъ вчерашняго моего письма: я готовъ тысячу разъ осудить оное. Но всею совѣстію, какая во мнѣ есть, и всемъ сердцемъ увѣряю васъ, что ничего не было, я нѣтъ ничего въ моихъ мысляхъ и чувствованіяхъ въ отношеніи къ вамъ, кромѣ совершеннѣйшей признательности и нѣкотораго замѣшательства, въ которое приводитъ меня мысль, что я такъ много васъ озаботилъ моими мелочами. Искренно повторяю вашему сіятельству, что торопливость моя была слѣдствіемъ сдѣланныхъ мнѣ понужденій и еще внушеннаго мнѣ подозрѣнія о томъ, не произошла ли медленность въ типографіи отъ посторонняго вліянія. При томъ я не предполагалъ, чтобы ваше сіятельство такъ снова озаботились украшеніемъ сдѣланнаго изданія, какъ я то нынѣ нашелъ.

Впрочемъ какъ угодно вашему сіятельству: или оправдайте меня невиннаго, или простите виновнаго: только не оставьте меня подъ тяжкимъ бременемъ. Теперь я живо чувствую, какъ тяжка и одна мысль быть неблагодарнымъ. О полученныхъ мною экземплярахъ одно скажу: мнѣ стыдно, что вещь по существу ничтожная такъ блистательно украшена.

Въ твердомъ упованіи, что ваше сіятельство благосклонно примите искреннюю мою исповѣдь, съ глубочайшимъ почитаніемъ и преданностію имѣю честь быть...

XVII.

Имѣю честь извѣстить в. с., что постриженіе монаховъ совершаться будетъ сегодня въ десять часовъ утра въ Сергіевской церкви, что на Троицкомъ подворьѣ. Собраніе будетъ не многочисленно: впрочемъ сіе не воспрепятствуетъ вамъ видѣть сей обрядъ въ полномъ его порядкѣ.

Съ совершеннѣйшимъ почитаніемъ имѣю честь быть...

XVIII.

Сентября 21.

При семъ возвращаю в. с. книгу Трифологъ. Примите мою всепокорнѣйшую благодарность за трудъ наставить меня, невѣжду, въ такой вещи, каторая долженствовала быть извѣстнѣе мнѣ, нежели вамъ. Умедлилъ я исполнить долгъ мой потому, что желалъ исполнить его лично: но мои выѣзды и рѣдки и неблаговременны. Какъ люби-

теля духовныхъ церемоній, не излишнимъ почитаю извѣстить васъ, что сегодня въ 10 часовъ совершается здѣсь въ лаврѣ въ большомъ соборѣ посвященіе о. архимандрита Меѳодія въ епископа Старорусскаго: не угодно ли быть свидѣтелемъ и сомолитвенникомъ о немъ?

Съ глубочайшимъ почитаніемъ и преданностію имѣю честь быть...

XIX.

14-го февраля 1814 г.

Безъ сомнѣнія ваше сіятельство не имѣли намѣренія сдѣлать мнѣ обиду исполненнымъ безцѣнной искренности письмомъ: но по чувствованію, которое однакожъ, надѣюсь, не назовете склонностью къ прекословіямъ, въ первыхъ строкахъ вашихъ нашелъ я чемъ обидиться. Неужели подлинно вы думали привести себя мнѣ на память, какъ вы то писали? Признать, что имѣю весьма худую память ума и воображенія: но сохрани меня Богъ отъ безпамятнаго сердца! Вы не огорчитесь симъ разнорѣчіемъ, которымъ выражается единство чувствованій.

Особенно благодарю васъ за открытіе и вдали простирающагося обо мнѣ пререканія людей. Въ общежитіи любятъ предлагать каждому то, что по вкусу; не многіе умѣютъ давать лекарства: въ вашемъ собесѣдованіи я нахожу и то и другое. Полезно знать то, что помогаетъ смиряться, и направлять свое поведеніе не по вѣтру молвы народной.

Примѣчанія, есть ли онѣ нужны вамъ для вашихъ знакомыхъ, при семъ прилагаю. Преосвященнѣйшій Курскій [1]), прочитавъ оныя, сверхъ моего чаянія,—ибо я ему неизвѣстенъ, препослалъ мнѣ свое благословеніе.

Имѣю честь представить также Слово на гласъ вопіющаго въ пустыни [2]). Оно проситъ у васъ прощенія въ томъ, что медля въ типографіи, заставило меня умедлить симъ письмомъ, дабы не отстать отъ него.

Помедливъ еще, я могъ бы представить вамъ два слова о. Иннокентія, на выборъ судей, и въ день Срѣтенія: но письмо сіе не хочетъ ждать, безпокоясь уже и о томъ, что отправится не въ первый день по полученіи вашего.

Чтобы сказать вамъ о нашемъ что нибудь обществѣ краеградскомъ; не смотря на перемѣну нѣкоторыхъ сотрудниковъ, имѣемъ такой

---

[1]) Ѳеоктистъ, по фамиліи Мочульскій († 1818 г.).

[2]) Извѣстная проповѣдь Филарета, печатающаяся доселѣ, какъ образецъ церковнаго ораторства, въ христоматіяхъ А. Д. Галахова и др. Н. В.

миръ, котораго войска и побѣды иногда не пріобрѣтаютъ, и котораго воля ощущается, какъ сказываютъ, далѣе седмисотъ верстъ отселѣ.

Тотъ, о котораго недостойныхъ молитвахъ имѣли вы предубѣжденіе говорить, подлинно дерзаетъ, какъ умѣетъ, отъ всей крѣпости желать вамъ всякаго благопоспѣшества въ пребываніи, пути и возвращеніи, слѣдуя чувствованіямъ внутренняго къ вамъ почитанія и преданности...

XX.

24-го апрѣля 1814 г.

Слышалъ и жалѣлъ я въ прошедшее воскресенье о томъ, что вы нашли пустынное жилище безъ хозяина. Но неужели еще три раза случилось тоже! Подумаешь, что вы съ намѣреніемъ такъ располагались, чтобы, представивъ меня кроющимся отъ васъ, поставить меня въ необходимость искать васъ. Я долженъ сіе сдѣлать, чтобы оправдаться предъ вами; и есть ли что нибудь особенное не попрепятствуетъ, постараюсь исполнить сіе въ назначенный вами день, дабы хотя симъ послушаніемъ, когда не могу чѣмъ нибудь большимъ, засвидѣтельствовать то высокое почитаніе и преданность, съ которыми честь имѣю быть...

XXI.

6-го іюня 1814 г.

В. с. такъ щедры на извиненіе, что и я, изъ подражанія, не могу опустить случая, чтобы не извиниться въ доставленіи вамъ тетрадокъ безъ письма, бывъ прежде увѣренъ, что вы извините меня и безъ моего извиненія. Пытка [1]) нашихъ студентовъ, которую по одному Богословскому классу не могъ я окончить въ восемь дней, отнимаетъ у меня все время, то въ работѣ, то въ усталости. За снисходительныя ваши одобренія съ искреннею благодарностію, такъ какъ за возвышенныя чувствованія съ глубочайшимъ почитаніемъ имѣю честь быть...

XXII.

14-го іюля 1814 г.

В. с. имѣю честь извѣстить, что экзаменъ нашъ отложенъ до завтра потому, что сегодня собраніе въ Казанскомъ соборѣ.

Взаимно поздравляю и васъ съ общею радостію сыновъ Сіона о

---

[1]) Такого мнѣнія былъ Филаретъ объ экзаменахъ! Н. В.

царѣ своемъ. Онъ [1]) отрекается отъ проименованія Благословеннаго: но такъ отрекается, что въ новомъ свѣтѣ открываетъ въ себѣ истинный характеръ Благословеннаго. Нѣтъ! естьли мы не будемъ употреблять сего проименованія къ нему, то никто не запретитъ покрайней мѣрѣ употреблять оное о немъ; мы будемъ твердить оное устно, а исторія напишетъ оное. Вы видите, что я заговариваюсь отъ восхищенія, въ которое привелъ меня читанный мною вчера благочестивый указъ благословеннаго царя Сіона.

XXIII.

14-го января 1815 г.

Наконецъ имѣю честь представить вашему снизходительному ко мнѣ вниманію четыре маленькія изданія. Одно изъ нихъ и не одѣто: такъ не стыжусь я въ искренней наготѣ подвергать вашему суду мои недостатки. Пріимите простое мое приношеніе, какъ знакъ безпритворнаго почитанія и преданности, съ каковыми честь имѣю быть...

XXIV.

23-го апрѣля 1815 г.

Одинъ человѣкъ препятствовалъ вашему сіятельству писать ко мнѣ: двое препятствуютъ мнѣ отвѣчать вамъ: однако же отвѣчаю.

О. Иннокентій отправился въ свой монастырь, откуда возвратиться можетъ не ранѣе, какъ въ воскресенье вечеромъ. Вотъ главный камень претыканія! Я уже въ вашихъ повелѣніяхъ: вы можете назначить мнѣ и день и часъ. Только, буде можно, не угодно ли дождаться о. Иннокентія? Ожидаю вашего рѣшенія съ послушаніемъ, почтеніемъ и преданностію...

XXV.

25-го мая 1815 г.

По благосклонному желанію вашего сіятельства, представляются исправленные экземпляры неисправимаго сочиненія, и двѣ тетрадки безгласнаго слова. Представляющій имѣетъ честь донести, что вторая справка сдѣлана, но не съ бо̀льшимъ успѣхомъ, какъ и первая.

---

[1]) Рѣчь идетъ объ императорѣ Александрѣ I. Н. В.

XXVI.

30-го ноября 1815 г.

В. с. при семъ имѣю честь представить десять экземпляровъ Христіанскихъ изысканій. Виноватъ, что не вчера. Прошу не прогнѣваться за неисправности типографскія. Едва ли было можно избѣжать ихъ, при занятіяхъ издателя и недостаткѣ корректора типографскаго. Помяните, что и переводъ дѣлали самоучкою. Вы скажете: какое дѣло публикѣ до сихъ извиненій? Правда. Я представляю ихъ не публикѣ, а вашей разборчивости и—снизходительности: ибо тамъ хочется снисхожденія, гдѣ видишь разборчивость...

XXVII.

30-го декабря 1815 г.

Люди ваши вчерашній день исполнили свою должность; я исполнилъ сердечный долгъ моего къ вашему сіятельству усердія, сколько то отъ меня зависѣло; вы безпрепятственно исполнили дѣло, которое имѣли: слѣдственно все въ порядкѣ.

Что передъ праздникомъ крѣпко меня прихватило, то самая правда; равно какъ и то, что въ день праздника (хотя въ то самое утро я уже получилъ облегченіе) просидѣлъ я въ тихомъ углу моемъ, исключая посѣщеніе о. Иннокентія, одинъ, потому что едва передвигалъ ноги по комнатѣ отъ безсилія. Теперь плетусь изрядно: только въ торжественное собраніе «Бесѣды» ѣхать истинно не въ состояніи. И въ другихъ мѣстахъ не былъ, кромѣ одного, которое угадаете, и другаго, гдѣ не получилъ дома.

Сейчасъ пришло мнѣ на мысль, что вы и много разъ не находили меня дома: о чемъ же безпокоиться, что я не нашелъ васъ однажды? При томъ вамъ не сказывать стать, что близость измѣряется не стѣнами и комнатами: а когда такъ, то я для васъ всегда у себя; вѣрю, что и взаимно, ибо вы ни на минуту не позволяете усумниться въ томъ.

Вѣрю и тому, что ваше сіятельство не прогнѣваетесь, что я говорю здѣсь къ вамъ ближе, нежели какъ обыкновенно граничатъ сіятельство и преподобіе. Словомъ, самое должное мое къ вашему сіятельству почтеніе погружено въ неограниченной преданности, съ которою имѣю утѣшеніе быть...

XXVIII.

12-го мая 1816 г.

Много благодарю ваше сіятельство, что среди множества предметовъ, встрѣчающихся вамъ и, конечно, занимающихъ васъ въ путешествіи вашемъ, осталось еще и для меня мѣсто въ вашей памяти, и даже нашлось время въ вашемъ кабинетѣ, въ которомъ безъ сомнѣнія не охотно позволяетъ вамъ умедливать разсѣянная Москва. Но должно признаться,—мнѣ тѣмъ стыднѣе, что, сидя въ обыкновенномъ своемъ углу, не одну почту пропустилъ уже, прежде нежели нашелъ принести вашему сіятельству сію благодарность. Надѣюсь, впрочемъ, что письмо сіе, буде и не найдетъ васъ въ Москвѣ, пойдетъ преслѣдовать васъ въ дальнѣйшемъ пути вашемъ, и представитъ меня вамъ не до конца виновнымъ.

Что слухи сказали вашему сіятельству обо мнѣ, того уже нѣтъ нужды переговаривать: ибо теперь конечно имѣете уже вы ясное извѣстіе газетное. Москва уже не первый разъ такъ щедра ко мнѣ въ своихъ разсказахъ: а дабы вы не почли сего знакомъ пристрастія, то извольте вѣдать, что оттуда-же въ одномъ году два раза писали мнѣ, что я умеръ. А въ Рязани говорили, что я подъ гнѣвомъ государя: великая, по моему мнѣнію, честь; ибо по моему состоянію, довольно быть подъ гнѣвомъ архіерея или синода. Я помню, что въ прежней московской академіи былъ сторожъ, который во всю долголѣтную жизнь свою хвалился тѣмъ, что государь Петръ Великій лично на него гнѣвался и изъ своихъ высочайшихъ рукъ наказалъ его палкою. Но я сказалъ болѣе, нежели нужно было въ отвѣтъ на ваши вѣсти.

Радуюсь, что въ Троицкой лаврѣ вы были съ удовольствіемъ. А что вы обратили вниманіе и на Виѳанію, за то васъ особенно благодарю, и ваши о ней замѣчанія будутъ для меня очень важны. Ибо сколь не унылою показалась она мнѣ въ прошедшемъ году: но воспоминаніе человѣка, довольно необыкновеннаго, и благодѣтеля [1]) всегда возвращаетъ меня къ ней съ особеннымъ участіемъ. Впрочемъ есть-ли не обременительно будетъ для вашего сіятельства сообщить мнѣ и другія ваши замѣчанія, о которыхъ упоминаете: приму съ признательностію.

Въ дополненіе письма сего прошу благосклонно принять печатную тетрадку. Въ послѣднихъ мысляхъ вашего письма я нахожу

---

[1]) Разумѣется митрополитъ Платонъ. Н. В.

нѣчто такое, что испыталъ и самъ въ прошлогоднее странствованіе. Сіе состояніе, въ которомъ человѣкъ находится ни тамъ, ни здѣсь, а между, точно даетъ нѣкоторую особенную живость чувствованіямъ, къ которымъ настроено сердце. Состояніе странствованія есть естественнѣйшее состояніе на земли. Справедливо и то, что близость видимая, возвышая чувственныя впечатлѣнія, закрываетъ тѣмъ самымъ часть духовныхъ ощущеній; меньше внѣшняго, свободнѣе внутреннее; меньше зрѣнія, ближе къ созерцанію.

На послѣднюю строку вашу хотя я не достоинъ отвѣтствовать: но Источникъ благословеній, по Его собственной, всеобъемлющей благости, да исполнитъ васъ благословеніями временными и вѣчными. Пріимите глубочайшее почитаніе и преданность, съ которыми навсегда есть...

XXIX.

Окончено 19-го февраля 1817 г.

Сіи воззванія [1]) написаны были вчера, какъ вдругъ я отдернутъ былъ отъ письма, и не могъ возвратиться къ нему до нынѣ. Между тѣмъ мысль, поставленная въ собесѣдованіе съ вами, отразила себя въ сновидѣніи. Вы мнѣ видѣлись въ мѣстѣ, которое походило на нѣкоторый кабинетъ рѣдкостей, и въ которомъ все началось новымъ. Особенное вниманіе мое обратили на себя множество малыхъ сосудовъ изъ чистаго разноцвѣтнаго стекла, отчасти съ разноцвѣтными жидкостями, и между ими небольшое изображеніе, только написанное, въ которомъ я видѣлъ человѣческія лица, но котораго содержанія не знаю, будучи прерванъ въ разсматриваніи. Кто-то сказалъ мнѣ, что вы хотѣли золотить. А кто-то другой, услышавъ сіе, тотчасъ покрылъ половину изображенія составомъ, который мнѣ казался распущеннымъ золотомъ. и сквозь который однако сдѣланное вами изображеніе оставалось видимо. Сіе лице было не знакомо мнѣ, и я имъ не занимался: но дѣйствіе показалось мнѣ знаменательнымъ. Вскорѣ затѣмъ въ открытое окно увидѣлъ новый садъ, и на вопросъ, кому онъ принадлежитъ? услышалъ одно высокое имя. Все сіе было такъ ясно, какъ не часто бываетъ. Ваше сіятельство конечно не будете искать связи въ сихъ мечтаніяхъ: и я не для того ихъ разсказываю; почему и пропустилъ подробности, которыхъ по ясности сновидѣнія много-бы могъ пересказать. Мое намѣреніе только то, чтобы вы дали сему сновидѣнію истолкованіе, какимъ изъясняются

[1]) Т. е. начало письма: сіятельный графъ, милостивый государь.

всѣ обыкновенныя сновидѣнія: то-есть, что область сновидѣній освѣщается свѣтомъ, и наполняется творческою силою сердца.

Уже слишкомъ недѣлю лежало сіе письмо безъ окончанія, какъ вчера нѣкто пробудилъ меня вопросомъ о пріѣздѣ вашего сіятельства. Что есть-ли письмо сіе и на возвратномъ пути вашемъ не успѣетъ васъ встрѣтить? И я обману и васъ и себя? Пусть-бы только себя: но и васъ обмануть? И потому хотя мнѣ-бы теперь надлежало о моемъ нынѣшнемъ урокѣ, но я спѣшу писать. Порученіе вашего сіятельства, изъясненное въ письмѣ вашемъ отъ 27-го декабря, исполнено въ опредѣленный день. Вы, конечно, давно извѣщены о семъ: но письмо ваше, которое теперь передъ мною, требовало моего отвѣта. Желая продлить сіе собесѣдованіе, я не займу вниманіе вашего сіятельства новостями столицы, которыя вы или читали, или будете читать въ печатныхъ листахъ, но скажу вамъ о новости, которая здѣсь въ отсутствіе ваше написана была на открытомъ небѣ, и которой, не знаю почему ни одинъ издатель публичныхъ листовъ, не разсудилъ переписать, хотя они столь многократно переписываютъ то, что пишется на земной персти. Въ воскресенье мясопустное, и въ теченіе нѣсколькихъ дней около сего времени, видны были на здѣшнемъ небѣ необыкновенныя явленія. Столпъ чистаго и тихаго свѣта сперва на западѣ, потомъ на полуднѣ, свѣтлый образъ слона, или, по описанію иныхъ, пука розгъ, небо подобное лунному безъ луны, необыкновенно долгій и непрерывный потокъ свѣта отъ вечерней звѣзды. Мнѣ случилось видѣть по сему случаю письмо извѣстнаго астронома Буша, въ которомъ онъ говоритъ, что столпъ свѣта, по мѣсту и качеству свѣта, отнюдь не есть сѣверное сіяніе; что лунное небо за нѣсколько часовъ прежде восхожденія луны онъ примѣчалъ неоднократно въ сіи дни. что наконецъ вообще многое происходитъ нынѣ на небѣ, чему наука не можетъ дать изъясненія. Что-же значитъ сія непонятная статья небесныхъ вѣдомостей (ибо небеса повѣдаютъ, какъ свидѣтельствуетъ Давидъ)? Кто можетъ перевести ее на земной языкъ? Что это за дни просвѣщенія, въ которые одного слова, или, можетъ быть, одной буквы, самымъ свѣтомъ на mракѣ написанной, прочитать не умѣютъ? А нѣкогда жившіе въ глубокой тьмѣ язычества узнали звѣзду одного убогаго младенца, и по ней нашли колыбель его! Кажется не безполезно-бы нашему времени, оставя законодателямъ звѣздъ ихъ премудрость, поучиться начаткамъ небесныхъ письменъ.

Есть-ли-бы я могъ ранѣе написать къ вашему сіятельству о сей новости: можетъ быть, вы отвѣтствовали-бы мнѣ подобною. Ибо, говорятъ, подобныя небесныя явленія видны были на всемъ пространствѣ

отъ Москвы досел҄ѣ: по сему можно спрашивать не видали-ль чего и далѣе Москвы. Но мнѣ остается пожелать вашему сіятельству благопріятнаго лица неба для вашего возвращенія въ Петербургъ.

Симъ искреннимъ желаніемъ заключаю сіе многоглаголивое письмо, и остаюсь съ чувствованіями глубочайшаго почтенія и совершенной преданности...

XXX.

20-го октября 1817 г.

Хотя начать, есть-ли не окончить, только нынѣ, можно-ли не сказать вамъ слова въ сей день? Но что сказать? Хотя то, что Господь сподобилъ меня нынѣ, моею недостойною рукою, по чину церкви, возложить ваше имя на алтарь таинствъ. Вы не спросите чего я желалъ вамъ; и не пересказалъ-бы, потому что желалъ не словами, только желалъ, чего и какъ могъ. Великій Милосердователь да даруетъ вамъ болѣе, нежели я желать умѣю. Подлинно не окончилъ я начатаго въ 25-й день сентября. Но, что и не понимаю, какъ случилось, принимаксь за продолженіе не прежде 19-го октября. Посему, ваше сіятельство можете судить о правильности жизни моей: и я не бѣгу отъ суда вашего. Но, оставивъ себя предъ симъ судомъ, поспѣшаю обратиться къ вашему письму, чтобы отвѣтствовать на него по его порядку.

Вы думаете, что я уже забылъ васъ. Можетъ быть, моё молчаніе даетъ вамъ право такъ думать: однако я имѣю дерзновеніе думать, что вы въ самомъ дѣлѣ такъ не думаете, хотя такъ пишете. Какъ? я принужденъ утверждать, что вы не думаете такъ, какъ пишете? Какъ-бы то ни было, не покорюсь искушенію думать, что вы считаете меня способнымъ забыть васъ.

Вы говорите, что виновны въ молчаніи. Позвольте мнѣ и противъ сего спорить. Вы проводите, сколько я понимаю, годъ жизни вашей, заботливѣйшій всѣхъ ему предшествовавшихъ. До бесѣдъ-ли вамъ со мною?

Я подлинно писалъ къ вашему сіятельству, и помню, что между прочимъ описалъ одно мое сновидѣніе. Видно, не надлежало тому быть, чтобы вы занимались моими мечтаніями.

Въ краткомъ изображеніи настоящей жизни вашей довольно тѣни: но зато свѣтъ чистый и небесный. Не жестокостью-ли вамъ покажется, что я не только сорадуюсь вашимъ радостямъ, но и на скорби ваши смотрю съ отрадою или по крайней мѣрѣ съ печалію сладкою? Нѣтъ! Вы понимаете сіе чувствованіе: оно проистекаетъ

изъ того, что я вижу васъ на пути Провидѣнія, и что вы сами видите сей путь; что ваши чувствованія суть тѣ, какихъ единственно желалъ-бы я и вамъ и себѣ, и онѣ отражаются во мнѣ въ согласіе и единство. Не преставайте, возлюбленный, быть подвижникомъ, когда міръ, можетъ быть, считаетъ васъ увѣнчаннымъ; слѣдуйте тайною стезею благословенному влеченію изъ области чувствъ въ область духа; продолжайте благодарить за все Того, Который не посылаетъ даянія, кромѣ благаго и дара кромѣ совершеннаго. Былъ-бы Онъ съ нами, говорите вы. Такъ, Онъ выну съ нами, есть-ли мы не отрекаемся быть съ Нимъ, есть-ли затворяемъ двери отвнѣ, и отверзаемъ внутрь.

На вопросъ вашего сіятельства о мнѣ скажу кратко, что я, какъ и прежде, много щастливъ, хотя всего менѣе достоинъ своего щастія. Перемѣна по званію церковному казалась мнѣ странною, когда приближалась: однако я отдался высшей волѣ. Я принялъ новое званіе [1]) безъ радости, и, потому, можетъ быть, ношу оное безъ раскаянія.

Нѣкоторыя изъ дѣлъ нынѣшняго лѣта суть окончаніе академическаго курса, образованіе кіевскаго округа, строеніе новаго для академіи дома. Мѣсто взято рядомъ съ лаврою и семинаріею; первый камень положенъ 10-го іюня; а теперь четырехъ-этажный домъ на 45 саженяхъ по улицѣ, и почти на столькихъ-же, съ пристройками, внутрь двора, уже покрытъ и украшенъ крестомъ, поддерживаемымъ ангелами, ибо въ немъ главное мѣсто есть церковь.

Великая милость Божія, что сіе дѣло, столь для насъ необыкновенное, такъ благопоспѣшилось. Объ окончаніи учебнаго курса нѣкоторое понятіе дадутъ вашему сіятельству прилагаемыя печатныя тетрадки.

И другаго дня недостало для сего письма: только оно не будетъ долго ждать третьяго. Я остановился вчера, чтобы ѣхать въ комитетъ перевода новаго завѣта, который занимаетъ насъ съ о. Иннокентіемъ въ каждую пятницу отъ 3 часовъ пополудни до 10 или 11-ти. Спросите о успѣхѣ сего дѣла? Отъ евангелія остается недочитаннымъ шесть главъ: потомъ еще разъ будутъ просмотрѣны всѣ четыре евангелиста и приступлено будетъ къ печатанію ихъ особь; ибо переводъ прочихъ книгъ продолжится не мало времени.

Отецъ Иннокентій нашелъ меня за симъ письмомъ въ то самое время, когда я хотѣлъ писать о немъ. Онъ не только помнитъ (о

---

[1]) Рѣчь идетъ о возведеніи Филарета въ санъ епископа ревельскаго, викарія с.-петербургской митрополіи. Н. В.

чемъ вы спрашивали); но и живо участвуетъ въ одинакихъ со мною чувствованіяхъ. Въ память его пріимите прилагаемое при семъ отъ него первое отдѣленіе церковной исторіи [1]), имъ издаваемой. Теперь онъ продолжаетъ и скоро окончитъ изданіе остальной части.

За вооруженіе насъ символическимъ мечемъ оба мы усерднѣйше благодаримъ ваше сіятельство. Имѣть его изъ рукъ человѣка, который, не нося меча символическаго, тѣмъ не менѣе мужественно подвизается съ мечомъ духовнымъ, и пріятно и назидательно. Только (сіе скажу за себя одного) для драгоцѣннаго меча в. с. должно было избрать достойнѣйшаго воина: мнѣ-же приличествуетъ онъ развѣ какъ обличеніе меня въ привязанности къ красотѣ, а не къ силѣ оружія. Обличенія сего я достоинъ, и желаю исправиться вашимъ наставленіемъ. Время уже окончить сіе тридневное письмо. Не знаю облегчилъ-ли я продолженіемъ его вину долгаго молчанія, или только во зло употребилъ терпѣніе вашего сіятельства. Впрочемъ и въ словѣ и въ молчаніи я сохранялъ и сохраню неизмѣннымъ истинно высокое почтеніе и преданность, съ которыми имѣю утѣшеніе быть и называться... и проч. Филаретъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Церковная исторія архим. Иннокентія (онъ преподавалъ этотъ предметъ въ академіи) долго была учебникомъ по этому предмету въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и единственнымъ сочиненіемъ этого рода во всей русской литературѣ, подобно «Библейской исторіи» Филарета. Н. В.

СОБЫТІЕ ВЪ ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ СЕМЕНОВСКОМЪ ПОЛКУ

въ 1820 г.

V [1]).

Арестованіе роты его величества —Дѣйствія 1-й и 2-й ротъ —3-я рота.

Въ темный осенній вечеръ, сопровождаемая толпою гулявшаго въ воскресный день народа, рота вышла изъ казармъ, а въ 8 часовъ была уже выстроена на площади противъ штаба, въ сѣняхъ котораго сидѣли генералы Васильчиковъ и Бистромъ.

Узнавъ о приводѣ роты, командующій корпусомъ приказалъ ввести ее въ манежъ, который предварительно былъ освѣщенъ и занятъ двумя ротами Павловскаго полка. Между ними поставили Семеновскую роту и повели подъ конвоемъ въ крѣпость.

По приводѣ роты въ крѣпость, она сдана была въ распоряженіе плацъ-маіора. Капитанъ Кошкаровъ и полковникъ Вадковскій, возвратясь, по приказанію генерала Васильчикова, въ полкъ, донесли о всемъ командиру полка, и просили его сдѣлать распоряженіе о нарядѣ въ караулъ, въ который слѣдовало полку вступить на другой день, вмѣсто государевой роты, другихъ людей. Положено было съ каждой роты полка послать по 20 человѣкъ. Передать это приказаніе, въ поздній вечеръ, нельзя было иначе, какъ разбудивъ во всѣхъ ротахъ фельдфебелей, правящихъ унтеръ-офицеровъ и капральныхъ ефрейторовъ. Вотъ причина почему, въ 12 часовъ ночи, многіе люди еще не спали, а занимаясь приготовленіями къ караулу, толковали о случившемся въ 1-й гренадерской ротѣ, не зная еще, что она уже арестована.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., томъ XXXVII, мартъ, стр. 685—702.

Около полуночи, съ 17 на 18-е октября, рядовой 2-й фузил. роты Павловъ первый узналъ объ арестованіи роты его величества, и поспѣшилъ передать это товарищу своему Чистякову; доказывая ему, что нужно заступиться за роту и выручить ее. По уходѣ Павлова, Чистяковъ долго оставался въ нерѣшимости что дѣлать, потомъ вдругъ вскочилъ съ своей кровати, выбѣжалъ въ коридоръ и закричалъ: «выходи на перекличку!!» Разбуженные неожиданнымъ вызовомъ, нижніе чины, въ недоумѣніи, начали выходить изъ комнатъ, гдѣ зачинщикъ безпорядка Павловъ кричалъ собиравшимся: «нѣтъ государевой роты! она погибаетъ!» Въ это время фельдфебеля въ ротѣ не было, потому что онъ былъ потребованъ въ канцелярію для полученія отъ полкового адъютанта приказаній касательно предстоящаго караула. Поэтому унтеръ-офицеры, выйдя въ коридоръ, не знали въ чемъ дѣло; но услышавъ крикъ Павлова и Чистякова, начали унимать ихъ, совѣтуя вмѣстѣ съ тѣмъ людямъ разойтись. Старанія ихъ были напрасны, толпа все болѣе росла, зачинщики подбивали ихъ, и когда наконецъ всѣ узнали объ арестованіи гренадерской роты, волненіе сдѣлалось общимъ и ежеминутно усиливалось. Между тѣмъ дежурный по ротѣ успѣлъ дать знать о происходящемъ ротному командиру штабсъ-капитану Левенбергу.

Поспѣша въ казарму, Левенбергъ нашелъ роту въ строю, но не въ полномъ составѣ: многіе изъ нижнихъ чиновъ, особенно женатые, оставались въ своихъ комнатахъ. Левенбергъ полагалъ возстановить порядокъ тѣмъ-же путемъ, какъ считалъ это возможнымъ наканунѣ капитанъ Кошкаровъ. Онъ спросилъ роту: почему она собралась и какая причина побудила ее сдѣлать это безъ приказанія? На эти вопросы онъ получилъ въ отвѣтъ, что кричали на перекличку, и потому люди вышли; что узнавъ при этомъ объ арестованіи государевой роты, они считаютъ ее погибающею и себя виновными наравнѣ съ нею. Все это можно было узнать и отъ дежурнаго, вѣроятно передававшаго ротному командиру, какъ Чистяковъ кричалъ въ коридорѣ. Къ тому же и виновный былъ на лицо: слѣдовало только взяться за него и дѣло было бы остановлено. Но Левенбергъ, увѣренный въ повиновеніи роты, не хотѣлъ принимать гласныхъ мѣръ въ ночное время, и потому приказалъ ротѣ разойтись, выставивъ прежде солдатамъ дерзость ихъ поступка. Нижніе чины исполнили приказаніе. Въ это время полковникъ Шварцъ потребовалъ штабсъ-капитана Левенберга къ себѣ на квартиру [1]).

---

[1]) Докладъ Аудиторіатскаго департамента, отдѣленіе 1.

Между тѣмъ безпокойства начались уже и въ 1-й фузилерной ротѣ: тотъ же рядовой Павловъ, подговаривавшій Чистякова, пришелъ въ комнату, гдѣ находился рядовой Васильевъ; передавъ ему объ отводѣ государевой роты въ крѣпость, онъ склонилъ его дѣйствовать за одно съ собою. Еще до выхода людей 2-й роты въ коридоръ, Васильевъ успѣлъ сходить въ 1-ю роту, гдѣ разбудилъ рядового Кузнецова и передалъ ему, будто-бы 2-я рота собралась уже просить за гренадерскую. Кузнецовъ сначала не повѣрилъ, и самъ пошелъ убѣдиться въ сказанномъ. Въ это время 2-я рота дѣйствительно уже начинала собираться; поэтому Васильевъ, возвратясь въ свою казарму, сталъ обходить комнаты и будить людей, говоря имъ, чтобы выходили въ коридоръ, потому что 2-я рота уже проситъ за государеву. Между тѣмъ прибылъ въ казарму командовавшій 1-й ротой, поручикъ Тулубьевъ. Неопытный въ управленіи частью и не зная еще о поступкѣ Кузнецова, онъ повторилъ дѣйствія Левенберга. На вопросъ: для чего собрались? люди отвѣчали, что «государева рота погибаетъ и они желаютъ раздѣлять ея участь».

Въ то же время нѣсколько голосовъ крикнули: «на право», и всѣ бывшіе въ строю бросились въ казарму 2-й роты. Тулубьевъ, оставшись въ коридорѣ, съ унтеръ-офицерами и нѣсколькими рядовыми, не вышедшими изъ комнатъ, немедленно послалъ верхового извѣстить о случившемся батальоннаго командира.

Когда 1-я рота вбѣжала въ казарму 2-й, тамъ опять все было тихо. Нѣкоторые люди снова ложились спать, другіе оставались въ комнатахъ, ожидая возвращенія Левенберга. Шумъ вбѣжавшихъ вновь вызвалъ всѣхъ въ коридоръ. Тамъ обѣ роты смѣшались вмѣстѣ, и при крикѣ главныхъ возмутителей: «пойдемте въ 3-ю роту!» бросились изъ казармъ. Фельдфебель и унтеръ-офицеры, не будучи въ состояніи удержать стремленія рядовыхъ, остались въ коридорѣ, куда впрочемъ тогда же возвратились и многіе изъ людей 2-й роты.

Въ 3-й ротѣ все еще было спокойно: приготовившись къ караулу, люди спали; дневальный и часовой были на своихъ мѣстахъ. Не смотря на это, дежурный унтеръ-офицеръ, узнавъ о началѣ безпорядка въ другихъ ротахъ, счелъ обязанностію донести объ этомъ ротному своему командиру, капитану (Сергѣю Ивановичу) Муравьеву-Апостолу. Когда унтеръ-офацеръ шелъ къ нему, люди 1-й и 2-й роты ходили уже подъ окнами 3-й роты и кричали, чтобы она выходила; другіе стучались въ ворота и двери, но часовой не впускалъ ихъ.

Разбуженный въ исходѣ 1-го часа ночи, капитанъ Муравьевъ-Апостолъ тотчасъ началъ одѣваться, а дежурному приказалъ вернуться въ роту и смотрѣть, чтобы всѣ выходы были заперты и никто не

смѣлъ бы входить въ казарму. Приказаніе это пришло поздно: когда возвратился дежурный, люди 1-й и 2-й роты успѣли уже выломать ворота и, войдя въ коридоръ, кричали, чтобы 3-я рота вставала и выходила [1]). Въ это время пріѣхалъ полковникъ Вадковскій. Минута была критическая: отъ нея зависѣла участь полка.

«Въ третьей ротѣ», писалъ Вадковскій, «нашелъ я людей ввѣреннаго мнѣ баталіона толпящимися въ безпорядкѣ и шумѣ. Присутствіе мое возстановило тишину: люди, сколько позволяла имъ тѣснота, выстроились и выравнялись. Разспросивъ причину таковаго ихъ сборища въ необыкновенный часъ и безъ приказанія начальства, получилъ въ отвѣтъ, что они покойными быть не могутъ безъ роты его величества. Объяснивъ имъ, что не ихъ дѣло входить въ распоряженіе начальниковъ, приказалъ разойтиться по комнатамъ и готовиться къ караулу, на что они отвѣчали, что начальству никогда сопротивляться не хотѣли, что къ караулу будутъ готовы, но не иначе какъ съ головою, т. е. съ ротою его величества, ибо безъ нея не къ чему пристраиваться. Касательно же полковника Шварца, изъявили они единственное желаніе видѣть его и просить объ освобожденіи роты его величества; даже поговаривали, что надо итти искать его. Видя до какой степени раздражены были люди, и полагая, что строгостію не только бы не прекратилъ безпорядка, но можетъ и удвоилъ его, я вторично требовалъ отъ нихъ молчанія, приказалъ имъ и получилъ обѣщаніе, ждать меня часъ времени въ коридорѣ 3-й роты, объявивъ, что имѣю намѣреніе ѣхать къ начальникамъ для донесенія имъ о происшествіи и для исходатайствованія виновнымъ прощенія [2])».

Тотчасъ по отъѣздѣ полковника Вадковскаго, прибылъ въ 3-ю роту капитанъ Муравьевъ. Войдя въ коридоръ, онъ нашелъ нижнихъ чиновъ своей роты построенными, люди же другихъ ротъ въ безпорядкѣ толпились по флангамъ и сзади фронта. Фельдфебель и унтеръ-офицеры были передъ ротою. Не относясь къ людямъ, капитанъ потребовалъ отъ фельдфебеля отчета, какъ онъ могъ допустить роту собраться, и кто пропустилъ въ нее нижнихъ чиновъ другихъ ротъ? Фельдфебель отвѣчалъ, что двери охранялись часовымъ и дневальнымъ, но люди 1-й и 2-й роты оттѣснили ихъ отъ входовъ и бросились въ казарму, гдѣ насильно вызывая солдатъ въ коридоръ, собрали роту.

Муравьевъ обратился тогда къ ротѣ, приказывая людямъ не брать въ примѣръ противузаконный поступокъ другихъ ротъ, отъ котораго

---

[1]) Военно-судное дѣло, часть 2.

[2]) Показанія полковника Вадковскаго передъ судомъ.

произойдутъ пагубныя для нихъ послѣдствія. Онъ представлялъ при томъ, что ежели, въ теченіе трехлѣтняго командованія ими, онъ могъ заслужить ихъ довѣренность и любовь, то они этимъ поступкомъ губятъ себя и его. Насколько возможно еще было прекратить безпорядки, видно изъ того, что рота, не смотря на присутствіе двухъ другихъ, вышедшихъ уже изъ повиновенія, съ полнымъ вниманіемъ слушала слова своего капитана и, по приказанію его, готова была разойтись по комнатамъ. Но въ это время, съ разныхъ концовъ коридора слышались слова: «не расходись 3-я рота! государева рота погибаетъ, а 3-я рота пойдетъ спать и отстанетъ отъ своихъ братій! Мы хотимъ всѣ вмѣстѣ просить по начальству! Пойдемъ во 2-ю гренадерскую роту!» Муравьевъ не могъ дознаться, кто именно произносилъ эти слова, но нѣтъ сомнѣнія что то были люди, начавшіе безпорядки въ другихъ ротахъ. Съ цѣлью прекратить говоръ, разстраивавшій порядокъ его роты, капитанъ подошелъ къ лѣвому флангу, гдѣ находилась главная толпа, и строгимъ голосомъ приказалъ ей выйти; но люди отвѣчали, что «ихъ нашелъ тутъ полковникъ и приказалъ ждать его возвращенія».

При вторичномъ требованіи Муравьева удалиться изъ 3-й роты, нижніе чины вновь сослались на приказаніе баталіоннаго командира.

VI.

Весь полкъ на площади.—Мѣры начальства.

Пока это происходило на лѣвомъ флангѣ, на правомъ раздался крикъ: «на право! пойдемъ во 2-ю гренадерскую роту!» Люди 1 и 2 роты, бросившись въ правую дверь, увлекли за собою и нѣсколько человѣкъ 3-й. Поэтому Муравьевъ, приказавъ фельдфебелю, чтобы никто изъ остальныхъ не выходилъ изъ казармы, послѣдовалъ за людьми, увлеченными толпою во 2-ю гренадерскую роту. Тамъ двери уже были отперты и люди 1-го баталіона будили нижнихъ чиновъ, не смотря на присутствіе командира 2-й гренадерской роты, капитана Тухачевскаго. Къ послѣднему обратился Муравьевъ съ просьбою присмотрѣть, чтобы люди 3-й роты не входили вмѣстѣ съ другими въ казарму; самъ-же, обойдя комнаты, выслалъ изъ нихъ солдатъ 3-й роты обратно въ свою казарму. Вернувшись въ нее самъ, онъ засталъ тамъ всѣхъ въ коридорѣ. Третья рота была вся на лицо, но къ несчастію въ ней остались нѣкоторые люди другихъ ротъ, не пошедшіе во 2-ю гренадерскую. Имъ-то Муравьевъ объявилъ: 1) что

когда онъ приказывалъ имъ итти по своимъ мѣстамъ, они ссылались на приказаніе полковника, слѣдовательно обязаны теперь ждать его; 2) что онъ ни одного человѣка не выпуститъ болѣе изъ роты. Послѣ этого онъ приказалъ имъ лечь въ коридорѣ, а свою роту распустилъ по комнатамъ, прибавивъ, что не отойдетъ отъ роты, покуда не получитъ приказанія начальства. То и другое было исполнено: люди 3-й роты легли почти всѣ, многіе заснули, другіе оставались въ коридорѣ въ маленькихъ кучкахъ, тихо разговаривая между собою. Видя общее спокойствіе и утомленный волненіемъ, въ глухую ночь, въ которую около двухъ часовъ пробылъ въ коридорѣ, Муравьевъ, вмѣстѣ съ пришедшимъ изъ 1-й роты поручикомъ Тулубьевымъ, взошелъ въ фельдфебельскую комнату [1]).

Въ это время, часа въ 3 утра, возвращался въ казарму 3-й роты посланный отъ нея въ маскарадъ караулъ. Увидя на лѣстницѣ вооруженныхъ людей, нижніе чины другихъ ротъ приняли ихъ за конвой, присланный взять ихъ и, крикнувъ: «хватать идутъ!», бросились изъ дверей. За ними послѣдовали многіе изъ бывшихъ въ ближайшихъ комнатахъ людей 3-й роты, равно и жившіе въ верхнемъ этажѣ, куда Муравьевъ не могъ поспѣть, потому что спѣшилъ сперва удержать людей, размѣщенныхъ внизу, что ему и удалось. Но какъ бо́льшая часть роты была уже увлечена, то онъ оставилъ фельдфебеля и всѣхъ унтеръ-офицеровъ въ казармѣ, и поспѣшилъ съ Тулубьевымъ на полковой дворъ, гдѣ толпился почти уже весь полкъ въ безпорядкѣ. Сборъ этотъ произошелъ по вызову людей 1-й и 2-й ротъ, успѣвшихъ обѣжать казармы всего полка, въ то время, когда остальные дожидались въ 3-й ротѣ возвращенія полковника.

Таковы были послѣдствія нерѣшительности частныхъ начальниковъ и тѣхъ мѣръ, которыя были употреблены наканунѣ.

Разсмотримъ теперь, какъ понималъ случившійся безпорядокъ командиръ полка, и что предпринималъ онъ къ его прекращенію.

Въ 10 часовъ вечера, когда все еще было тихо и спокойно, командующій корпусомъ потребовалъ полковника Шварца въ свою квартиру. Генералъ Васильчиковъ разспрашивалъ о подробностяхъ всего, что было въ государевой ротѣ, дѣлалъ Шварцу выговоръ за то, что онъ не предупредилъ возникшаго неудовольствія, приказывалъ не перемѣнять покуда ни въ чемъ прежняго порядка, и дать знать ему, если случится что-либо въ полку.

---

[1]) Показаніе подсудимыхъ.

Оба они не знали, что тамъ уже случилось то, чего не успѣли поправить, проводя время въ разсужденіяхъ, въ такую пору, когда всякая минута была дорогà и нужно было пресѣкать зло не словами, а дѣломъ. Въ 12 часовъ полковникъ Шварцъ возвратился домой, гдѣ засталъ уже дежурнаго по полку (штабсъ-капитана Рындина) съ донесеніемъ, что въ 1-й и 2-й ротахъ началось волненіе. «Идите обратно въ роты», говорилъ Шварцъ Рындину,— «и скажите полковнику Вадковскому, чтобы онъ вмѣстѣ съ ротными командирами, по долгу своему, употребилъ всѣ мѣры къ пресѣченію безпорядка». Въ то же время онъ потребовалъ къ себѣ командира 2-й роты и черезъ то лишилъ его возможности водворить въ ней спокойствіе, что, какъ мы видѣли, уже было начато довольно успѣшно. Полковой адъютантъ (В. П. Бибиковъ) отправленъ былъ съ словеснымъ донесеніемъ о происходящемъ въ полку къ его императорскому высочеству, къ начальнику штаба и къ командующему корпусомъ. Вотъ все, чѣмъ ограничились распоряженія Шварца, даже и тогда, когда дежурный по полку вторично явился къ нему съ извѣстіемъ, что 1-я и 2-я роты вышли изъ своихъ казармъ, вызываютъ послѣдовать ихъ примѣру роты 3-ю и 2-ю гренадерскую, и что толпы людей начинаютъ уже собираться на госпитальной площади.

Дальнѣйшія дѣйствія Шварца яснѣе всего обозначаются подлинными словами современныхъ донесеній. Въ нихъ сказано: 1) «Полковой командиръ Шварцъ, получа таковыя о безпорядкѣ увѣдомленія, самъ лично никакихъ мѣръ къ устройству не принималъ [1]). 2) Онъ нетолько не старался обуздать своеволіе солдатъ личнымъ своимъ присутствіемъ, но потерялъ, къ предосужденію своему, твердость духа, допустилъ себя до того, что, бывъ побочнымъ зрителемъ безпорядка, далъ время своевольству сдѣлаться общимъ и гибельнымъ для всего полка [2]). Кромѣ того, изъ обстоятельствъ дѣла видно, что узнавъ о выходѣ людей на площадь, полковникъ Шварцъ тайнымъ образомъ вышелъ изъ дома, долго, никѣмъ не замѣчаемый, ходилъ въ окрестностяхъ казармъ и потомъ остатокъ ночи провелъ у знакомаго своего въ измайловскомъ полку.

Когда о выходѣ полка на площадь донесено было командующему корпусомъ, то онъ тотчасъ же поѣхалъ къ военному генералъ-губернатору, графу Милорадовичу. Послѣдній лично отправился къ полку. Въ это время на площади происходило слѣдующее: нижніе чины всѣхъ трехъ баталіоновъ, смѣшанные вмѣстѣ, толпились кучами; главные

---

[1]) Докладъ аудиторіатскаго департамента его императорскому величеству.
[2]) Мнѣніе генерала Васильчикова на выписку изъ военно-суднаго дѣла.

виновники возстанія въ ротахъ переходили отъ одной кучки къ другой и подстрекали людей къ просьбѣ объ освобожденіи государевой роты; нѣкоторые изъ ротныхъ командировъ, блуждая въ непроницаемой темнотѣ октябрьской ночи, старались собрать людей своихъ ротъ, но не узнавали ихъ; бóльшей части фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ не было на площади, потому что они не выходили изъ казармъ.

При всемъ желаніи разсѣять толпу, ротнымъ командирамъ не за кого было взяться, потому что не знали, съ кого начать. Между тѣмъ съ нижними чинами смѣшались уже кое-гдѣ кучки простого народа, шедшаго изъ слободъ къ ежедневнымъ своимъ занятіямъ въ городъ.

Въ такомъ положеніи, въ исходѣ 5-го часа утра, нашелъ полкъ графъ Милорадовичъ. Если бы можно было заранѣе предвидѣть пріѣздъ его къ полку, то нѣтъ сомнѣнія, что старшій изъ присутствовавшихъ на площади офицеровъ, произнеся магическое слово «смирно!», унялъ бы говоръ, тѣмъ болѣе, что люди сами, изъ любви и безпредѣльнаго уваженія къ вождю, начальствовавшему ими въ бояхъ, желали бы слышать слова его и пришли-бы въ порядокъ. Но графъ подъѣхалъ къ отдѣльнымъ кучкамъ въ темнотѣ. Когда онъ говорилъ на одномъ пунктѣ площади, на другомъ, гдѣ не знали о его пріѣздѣ, за общимъ говоромъ нельзя было слышать словъ его. На увѣщанія графа, солдаты, снимая фуражки, отвѣчали, что «они готовы перенести всякія наказанія, какія угодно будетъ начальству надъ ними произвести, но терпѣть притѣсненій полковника Шварца не въ состояніи, равно не могутъ построиться, потому что за нахожденіемъ роты его величества подъ арестомъ, не къ кому пристроиться» [1]).

Не много спустя прибылъ на площадь генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, съ извѣстіемъ, что командующій корпусомъ немедленно прибудетъ къ полку и приказываетъ ему построиться. Слова эти не произвели должнаго дѣйствія; поэтому начальникъ штаба тотчасъ же возвратился къ генералу Васильчикову, который узнавъ, что полковникъ Шварцъ скрылся, отрѣшилъ его отъ командованія полкомъ и поручилъ оный генералу Бистрому 1-му, приказавъ ему ѣхать на площадь и тамъ же приготовить полкъ къ инспекторскому смотру, который онъ намѣренъ былъ произвести на разсвѣтѣ.

По прибытіи къ полку, Бистромъ объявилъ ему волю корпуснаго командира. 2-й и 3-й баталіоны начали было строиться, и линіи ихъ, но

---

[1]) Докладъ аудиторіатскаго департамента государю императору.

взирая на темноту, стали уже обозначаться; но въ это время люди 1-го баталіона, толпясь между этими линіями, препятствовали становиться въ порядокъ, и снова полкъ смѣшался въ одну массу. Тогда явился Потемкинъ. Полагая личнымъ вліяніемъ своимъ на людей водворить тишину, онъ испросилъ разрѣшеніе генерала Васильчикова ѣхать на площадь. Едва завидѣвъ любимаго начальника, люди окружили его, говорили о переносимыхъ ими тягостяхъ, просили его принять полкъ, увѣряли въ любви и покорности.

Все это не только не вело къ порядку, но, напротивъ, разрушало его.

Видя, что всѣ принятыя мѣры не прекращаютъ развившагося волненія, генералъ Васильчиковъ рѣшился лично ѣхать на площадь, но прежде того приказалъ генералу Бенкендорфу, въ то время, когда онъ будетъ говорить съ людьми, занять Семеновскія казармы лейбъ-егерскимъ полкомъ; генералу же Орлову, со ввѣреннымъ ему конно-гвардейскимъ полкомъ, приблизиться къ площади.

Въ 6-мъ часу прибылъ къ полку командующій корпусомъ. Говоръ умолкъ. Васильчиковъ объявилъ людямъ, что «рота его величества ослушаніемъ и своевольствомъ сдѣлалась виновною, что за сіе арестовалъ онъ ее и велѣлъ предать суду, что до высочайшаго разрѣшенія ни подъ какимъ видомъ не освободитъ ее ни отъ суда, ни отъ ареста; что наконецъ и они всѣ сдѣлались виновными, ибо не послушались приказанія начальства, а потому и приказываетъ имъ самимъ идти тотчасъ подъ арестъ въ крѣпость» [1]).

Приказаніе это, доносилъ генералъ Васильчиковъ, было исполнено безпрекословно: всѣ бывшіе на площади, безъ конвоя, пошли въ крѣпость; никто даже не зашелъ въ казармы.

Такъ нерѣшительныя мѣры, принятыя ближайшимъ начальствомъ, изъ минутнаго заблужденія, дали развиться явному неповиновенію, которое разстроило полкъ, покрытый вѣковою славою и взысканный милостями монарха.

VII.

Отправленіе баталіоновъ изъ С.-Петербурга.—Донесенія.

Описавъ происшествія 16 и 17 октября 1820 г., мы должны сказать о ихъ послѣдствіяхъ. Генералъ Васильчиковъ, заключивъ 1-й баталіонъ полка въ крѣпость, счелъ въ то же время необходимымъ удалить остальные изъ столицы. Вслѣдствіе этого, 18-го числа, командующій

---

[1]) Подлинныя слова военно-суднаго дѣла.

полкомъ получилъ предписаніе приготовить людей къ выступленію [1]: 2 му баталіону приказано слѣдовать въ Свеаборгъ на судахъ, приготовленныхъ въ Кронштадтѣ; 3-му—идти сухимъ путемъ въ Кексгольмъ, гдѣ оба должны были расположиться по усмотрѣнію генерала графа Штейнгеля, извѣщеннаго объ отправленіи ихъ нарочно для того посланнымъ курьеромъ.

19-го числа октября, рано утромъ, оба баталіона, при всѣхъ своихъ штабъ-и оберъ-офицерахъ, выступили изъ С.-Петербурга: 2-й подъ начальствомъ полковника Вадковскаго въ Ораніенбаумъ, 3-й—подъ командою полковника Яфимовича—по выборгской дорогѣ. Одѣтые въ полную походную аммуницію, но безъ тесаковъ и ружей, баталіоны, въ совершенномъ порядкѣ, слѣдовали къ мѣстамъ своего назначенія. Въ казармахъ оставлены были только семейства нижнихъ чиновъ и малое число людей, необходимыхъ для присмотра за имуществомъ, такъ какъ нижніе чины не могли взять съ собою ничего, кромѣ того, что помѣстилось въ ранцахъ.

По прибытіи въ Кронштадтъ, до приготовленія судовъ, 2-й баталіонъ былъ помѣщенъ въ казармахъ. Тамъ пробылъ онъ до 24 октября. Транспорты: «Патрикій», «Іоанна-Шарлота» и «Филадельфія» назначены были перевезти роты въ Свеаборгъ.

Прежде выступленія изъ казармъ, люди просили отслужить молебенъ; это было дозволено. 24-го числа утромъ нижніе чины размѣщены были на суда слѣдующимъ порядкомъ: роты 2-я гренадерская и 6-я, подъ начальствомъ баталіоннаго командира, заняли «Патрикій»; 4-я рота и часть 5-й «Іоанну-Шарлоту»; остальные люди 5-й роты—«Филадельфію». Позднее осеннее время мало представляло надежды на благополучное плаваніе, и нижніе чины, равно какъ офицеры, назначенные на одинъ транспортъ, не безъ опасеній разставались съ тѣми, которые были на другомъ.

Опасенія эти были не напрасны.

«Патрикій» прибылъ въ Свеаборгъ лишь послѣ пяти-дневнаго весьма затруднительнаго плаванія; что же касается остальныхъ судовъ, то 27-го числа, по случаю сильной бури, они были разъединены, и полковникъ Вадковскій въ первомъ донесеніи своемъ изъ Свеаборга писалъ, что объ участи ихъ онъ ничего не знаетъ. Долго и само начальство не знало, что случилось съ 4-ю и 5-ю ротами; носилась уже молва объ ихъ погибели [2]; но недѣлю спустя послѣ отплытія ихъ, получено извѣстіе отъ старшаго на отдѣлившихся судахъ, поручика

[1] Предписаніе генералу Бистрому № 4221.
[2] Входящія дѣла полкового архива, книга № 592.

Писемскаго 1-го. Онъ доносилъ: 1) что, отброшенные бурею къ южному берегу залива, они прибыли въ Ревель, на рейдѣ котораго ждутъ приказаній или попутнаго вѣтра, чтобы итти въ Свеаборгъ; 2) что въ обѣихъ ротахъ больныхъ нѣтъ ни одного; 3) что нижніе чины послушаніемъ и скромнымъ поведеніемъ своимъ обнаруживаютъ усердное желаніе загладить вину свою [1]). Когда донесеніе это сообщено было начальству, то немедленно послано въ Ревель приказаніе, чтобы 4-я и 5-я роты оставались тамъ въ казармахъ, впредь до приказанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ отправлены туда полковникъ Нарышкинъ и капитанъ Муравьевъ-Апостолъ. Но недолго оставались роты въ Ревелѣ: установившаяся вскорѣ погода дала возможность перевести ихъ въ Гельсингфорсъ.

Во время пребыванія въ Финляндіи, Яфимовичъ и Вадковскій еженедѣльно доносили о состояніи своихъ частей, которымъ въ удобную погоду производили ученья, по собственному усмотрѣнію.

Въ такомъ положеніи засталъ полкъ высочайшій приказъ отъ 2-го ноября.

Обратимся теперь къ происходившему въ Петербургѣ. Октября 21 приказано было всѣхъ нижнихъ чиновъ 1-го баталіона, не выходившихъ ночью на площадь, и слѣдовательно почти непричастныхъ къ дѣлу, перевести въ крѣпость, гдѣ они и были помѣщены въ казематахъ своихъ ротъ. Послѣ этого всякое сообщеніе заключенныхъ съ полкомъ было прервано. Хлѣбъ, приготовляемый до тѣхъ поръ въ казармахъ, стали печь въ крѣпости. Женамъ нижнихъ чиновъ строго запрещено посѣщать мужей своихъ [2]). Положеніе солдатскихъ семействъ, оставшихся сначала безъ всякихъ средствъ и опоры, улучшено тѣмъ, что на каждое изъ нихъ опредѣлено было военнымъ министромъ отпускать по 50 коп. въ сутки. Въ то же время предписано было генералу Бистрому: 1) сдѣлать всему оружію опись, перенести его изъ казармъ въ цейхаузъ полка, 2) имущество нижнихъ чиновъ оставить на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ оно находится; 3) людей, оставшихся въ казармахъ, изъ оныхъ не отпускать и объявить имъ, не собирая всѣхъ вмѣстѣ, а порознь въ каждой ротѣ, что они остаются для сбереженія вещей своихъ товарищей; 4) главный присмотръ надъ этими людьми, равно и надъ казармами, поручить офицерамъ Семе-

---

[1]) Подъ начальствомъ поручика Писемскаго 1-го находились въ Ревелѣ съ 4-ю и 5-ю ротами: поручикъ Полторацкій, подпоручики Рачинскій 3 и Степановъ, прапорщикъ князьЦиціановъ, лекарь Сольскій и 397 нижнихъ чиновъ.

[2]) Отношеніе дежурнаго штабъ-офицера № 3564.

новскаго полка, которыхъ и наряжать для того дежурными, одного по казармамъ, другого по баталіону, находящемуся въ крѣпости.

Всѣ эти приказанія исполнялись со всею точностію въ теченіе мѣсяца, до полученія высочайшей резолюціи на донесенія, отправленныя 18-го октября къ государю императору. Военный генералъ-губернаторъ и командующій корпусомъ доносили его величеству о несчастномъ происшествіи, каждый съ своей стороны. Отвезти эти донесенія поручено было штабъ-ротмистру лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Чаадаеву. Дурныя дороги, непрочность экипажа и разстроенное здоровье были однакоже причиною, что Чаадаевъ пріѣхалъ въ Троппау позже, чѣмъ предполагалось, такъ что австрійскій министръ Меттернихъ днемъ ранѣе успѣлъ узнать о безпорядкахъ, происшедшихъ въ Семеновскомъ полку, и въ разговорѣ съ государемъ упомянулъ о нихъ. Можно вообразить себѣ удивленіе и негодованіе его величества! Онъ не вѣрилъ словамъ Меттерниха; но въ тотъ же день онѣ подтвердились бумагами, привезенными Чаадаевымъ.

Надобно замѣтить, что графъ Милорадовичъ и генералъ Васильчиковъ знали о дѣлѣ только изъ словъ генерала Бенкендорфа, полковниковъ Шварца и Вадковскаго и капитана Кошкарова; знали же они отъ этихъ лицъ то, что мѣры ихъ возстановить порядокъ были тщетны. Мы видѣли каковы были эти мѣры.

На основаніи такихъ показаній и того, что̀ начальники сами видѣли на площади, составлены были донесенія государю. Очевидно, что излагать дѣло въ подробности и вникать въ дѣйствія частныхъ начальниковъ было еще некогда; къ тому же въ день отправленія курьера, всѣ обстоятельства не могли еще быть извѣстны ни графу Милорадовичу, ни генералу Васильчикову. Не намъ описывать чувства государя при извѣстіи о столь горестномъ событіи!

— «Извѣстно—писалъ государь—несчастное, но въ то же время постыдное приключеніе, случившееся въ Семеновскомъ полку. Легко можно было вообразить какое печальное чувство оно во мнѣ произвело. Еще печальнѣе, что случилось въ гвардіи, а для меня лично еще грустнѣе, что именно въ Семеновскомъ полку...... Мѣры, на которыя рѣшился корпусный командиръ съ полкомъ, впослѣдствіи были необходимы, но симъ полкъ погубленъ....... какъ мнѣ ни грустно, но теперешній составъ полка нельзя уже такъ оставить» [1]...

Приказъ императора, данный россійской арміи 2-го ноября, былъ собственноручно написанъ государемъ. Приказъ этотъ рѣшилъ участь Семеновскаго полка и потому приводится здѣсь въ подлинникѣ.

---

[1]) Письмо Александра I къ графу Аракчееву изъ Троппау, отъ 5 ноября 1820 г. См. „Русскую Старину“ изд. 1870 г., т. I, январь, стр. 63—65.

Приказъ россійской арміи [1]).

„Къ прискорбію моему и цѣлой арміи извѣщаю ее о постыдномъ происшествіи, случившемся 17-го октября въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку. Одна рота онаго, забывъ долгъ присяги и военнаго повиновенія начальству, дерзнула самовольно собраться въ позднее вечернее время, для принесенія жалобы на своего полковаго командира. Когда за сіе буйство она отведена была подъ стражу, то и прочія роты вышли изъ должнаго повиновенія.

„Россійская армія, сверхъ пріобрѣтенной незабвенной славы на полѣ чести, съ первѣйшихъ временъ ея образованія, всегда была примѣромъ вѣрности, соблюденія священной клятвы и не прикосновеннаго повиновенія своему начальству. На семъ-то повиновеніи основанъ единственно военный порядокъ, безъ коего войско теряетъ все свое достоинство. Ему извѣстно, что всѣ законные способы даны, дабы справедливыя жалобы доходили отъ обиженныхъ подчиненныхъ начальству. На сіе установлены инспекторскіе смотры бригадными, дивизіонными и корпусными начальниками, коихъ ежегодно бываетъ четыре, и на которыхъ законъ повелѣваетъ даже откровенно каждому приносить свою жалобу.

„Полки, составляющіе сію отличную армію, съ должнымъ негодованіемъ извѣщаются о случившемся происшествіи въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку. Они возчувствуютъ, что составляющіе сей полкъ содѣлались не достойными долѣе въ ономъ оставаться и носить мундиръ полка, устроеннаго самимъ Петромъ Великимъ, и имѣвшаго неоцѣненное преимущество сопровождать его въ знаменитые его походы,—полка, коего имя равномѣрно прославилось въ незабвенную послѣднюю войну, и особенно подъ Кульмомъ, слѣдовательно, память онаго не должна быть посрамлена. Россійское же войско довольно заключаетъ въ себѣ много храбрыхъ воиновъ, достойныхъ занять мѣсто въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку.

„Святость законовъ и честь имени Россійской арміи требуютъ, дабы составъ полка, оказавшаго столь нетерпимое своеволіе, былъ уничтоженъ. Вслѣдствіе чего, съ непоколебимою рѣшимостію, но съ душевнымъ сокрушеніемъ и не останавливаясь чувствомъ личной моей привязанности къ сослуживцамъ, по необходимости долга, на мнѣ лежащаго, повелѣваю: всѣхъ нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка распредѣлить по разнымъ полкамъ арміи, дабы они раскаясь въ своемъ преступленіи, потщились продолженіемъ усердной службы загладить оное. Виновнѣйшіе же и подавшіе пагубный примѣръ прочимъ, преданные уже военному суду, получатъ должное наказаніе по всей строгости законовъ.

„Штабъ и оберъ-офицеры сего полка, найденные всѣ совершенно непричастными сему неповиновенію, усердно старались возстановить потерянный

---

[1]) Приказъ этотъ былъ лично прочитанъ государемъ великому князю Николаю Павловичу, вызванному въ то время изъ Берлина въ Троппау. Читая его они оба плакали. Собственныя слова покойнаго государя Николая I, написанныя его рукою, на представленной ему въ 1853 году моей рукописи. П. К.

порядокъ; но тщетно: и симъ доказали свое неумѣніе обходиться съ солдатами и заставлять себѣ повиноваться.

„Уважая однако же ихъ стараніе, повелѣваю: перевести оныхъ въ армейскіе полки, сохранивъ имъ преимущество гвардейскихъ чиновъ. Полковой-же командиръ, полковникъ Шварцъ, предается военному суду, за неумѣніе поведеніемъ своимъ удержать полкъ въ должномъ повиновеніи.

„Для немедленнаго укомплектованія лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка назначаются роты изъ гренадерскихъ полковъ, по особо данному повелѣнію".

Александръ.

Въ г. Троппау.
2 ноября 1820 года.

Вѣрно: генералъ-адъютантъ Закревскій [1]).

VIII.

Мнѣнія о причинѣ происшествія.—Сформированіе полка въ новомъ составѣ.

Одновременно съ полученіемъ въ Петербургѣ высочайшаго приказа, присланы были изъ Троппау и всѣ распоряженія относительно сформированія новаго полка. Но прежде, нежели будемъ говорить о нихъ, разсмотримъ, чему приписывали причины несчастнаго событія, случившагося въ полку [2]).

Причины отъѣзда государя за границу, равно какъ и продолжительнаго пребыванія его въ Троппау,—были политическія. Въ то время, въ Германіи и особенно въ Италіи, нѣкоторыя революціонныя партіи начинали пріобрѣтать значительное развитіе. Умы, взволнованные демагогическими идеями, влекли многихъ въ тайныя общества. Ясно, что такое зло слѣдовало остановить въ самомъ началѣ и стараться, чтобы нравственная зараза не пустила отраслей своихъ. Всѣ мысли государя Александра I направлены были къ этой цѣли, и вотъ почему онъ полагалъ, что безпорядки въ Семеновскомъ полку должны были произойти не отъ тѣхъ причинъ, отъ коихъ дѣйствительно произошли. «По моему убѣжденію», писалъ государь, «тутъ кроются другія причины. Внушеніе кажется было не военное; военный умѣлъ бы ихъ заставить взяться за ружье, чего никто изъ нихъ не сдѣлалъ, даже тесака не взялъ. Офицеры всѣ усердно старались

---

[1]) Этотъ приказъ былъ многократно перепечатанъ, между прочимъ въ нашей статьѣ: „Графъ М. А. Милорадовичъ" („Военный Сборникъ" 1869 г., кн. X, стр. 176). Ред.

[2]) См. Приложенія №№ 8 и 9.

пресѣчь неповиновеніе, но безъуспѣшно. По всему вышеписанному заключаю я, что было тутъ внушеніе чуждое, но не военное. Вопросъ возникаетъ какое-же? Сіе трудно рѣшить. Признаюсь, что я приписываю его тайнымъ обществамъ» [1]).

Строгое изслѣдованіе дѣла разскрыло потомъ истину и убѣдило государя, что настоящая причина событія заключалась въ неустройствахъ, обнаружившихся въ послѣдній годъ командованія полкомъ генерала Потемкина, въ неправильномъ взглядѣ на управленіе полкомъ полковника Шварца, въ его жестокости и въ слабыхъ мѣрахъ, принятыхъ частными начальниками при началѣ безпорядковъ.

Много лѣтъ спустя, когда несчастное событіе было уже забыто, когда каждый изъ виновныхъ понесъ уже заслуженное наказаніе, употреблены были всѣ средства для обнаруженія «чуждаго вліянія», о коемъ говорили современники, но не оказалось и тѣни чего-либо подобнаго. «Пусть земля разверзнется подо мною, пусть лишусь того, что для меня дороже всего на свѣтѣ, пусть падетъ на меня Божіе проклятіе, если въ событіяхъ, ознаменовавшихъ ночь съ 17 на 18-е октября 1820 г., могъ я предполагать хотя бы отдаленнѣйшее присутствіе какого нибудь заговора, или посторонняго вліянія, или впередъ расчитаннаго плана дѣйствія» [2]), пишетъ одинъ изъ тѣхъ, котораго распоряженія подвергнуты были строжайшему противу прочихъ изслѣдованію [3]).

Что безпорядки, начавшіеся въ полку 16-го октября, не были слѣдствіемъ чьихъ либо обдуманныхъ заранѣе замысловъ, на это есть много неоспоримыхъ доказательствъ. Не случись того, что сдѣлалъ полковникъ Шварцъ на ученьи, утромъ 16-го октября 1820 г., общее негодованіе не обнаружилось бы именно въ тотъ самый день. Офицеры, бывшіе больными, на другой, а нѣкоторые на третій день происшествія, не знали еще о случившемся и не вѣрили тому, что разсказывали имъ знакомые. Главные виновники, открытые при производствѣ суда между нижними чинами, сознаваясь во всемъ, спрашиваемы были много разъ отдѣльно, но изъ показаній ихъ ни-

---

[1]) Письмо государя къ графу Аракчееву отъ 5-го ноября 1820 г.

[2]) Que la terre s'ouvre de dessous moi, que je sois puni dans ce que j'ai de plus cher, que Dieu me couvre de sa malédiction, si j'ai pu soupçonner un seul instant quelque chose de semblable à une trâme, à une influence étrangere, ou bien, à une conduite combinée, dans les événements, qui ont signalés les nuits de 17 et 18 octobre.

Отвѣтъ полковника Вадковскаго на письмо генерала Дибича, 17 іюня 1825 года.

[3]) Приложеніе № 9. П. К.

чего другаго нельзя было вывести, кромѣ общаго негодованія на полкового командира. Между тѣмъ молва осуждала офицеровъ и осуждала не за то, въ чемъ они дѣйствительно были виноваты. Мы показали выше дѣйствія нѣкоторыхъ частныхъ начальниковъ, и видѣли въ какой степени распоряженія ихъ не согласовались съ обстоятельствами. Вина ихъ, съ одной стороны, происходила отъ неопытности, съ другой,—нельзя иначе думать—отъ того, что каждый самъ былъ недоволенъ командиромъ полка и не думая, что безпорядки могутъ дойти до такихъ размѣровъ, держалъ себя такъ, чтобы только не быть самому обвиненнымъ [1]).

Собственноручно составляя приказъ о расформированіи полка, Государь собственноручно-же изложилъ предположенія свои о сформированіи новаго. Его величество писалъ по этому случаю графу Аракчееву: «Для укомплектованія вновь полка, я предполагаю единственнымъ способомъ взять первые баталіоны полковъ: императора австрійскаго, короля прусскаго и наслѣднаго принца. Симъ самымъ полкъ опять будетъ хорошъ; но все не старый, котораго мнѣ всегда будетъ жаль..... Жаль также и сіи три гренадерскія роты полка разстроить; но нечего болѣе сдѣлать. Для поправленія-же сихъ трехъ полковъ, полагаю третьи ихъ баталіоны раздѣлить надвое, чѣмъ опять будетъ по 8 ротъ, и укомплектовать ихъ, взявъ по одной ротѣ отъ каждаго гренадерскаго и карабинернаго полка 2-й и 3-й гренадерскихъ дивизій, что и составитъ 12 ротъ, которыя по 4 и раздѣлятся на каждый полкъ. Симъ ротамъ уже послано повелѣніе итти»...

Окончательное повелѣніе его величества относительно сформированія новаго полка получено было около 20-го ноября... Тогда-же приступлено къ сдачѣ остававшихся въ казармахъ вещей и нижнихъ чиновъ въ вѣдѣніе генералъ-маіора Желтухина, который генераломъ Васильчиковымъ былъ назначенъ командующимъ полкомъ [2]). Писаря, музыканты, мастеровые и вообще всѣ нестроевые чины полка, непринимавшіе участія въ безпорядкахъ, были перечислены въ новый полкъ.

Между тѣмъ, какъ полковой казначей, штабсъ-капитанъ Рачинскій, приводилъ все оставшееся въ ротахъ казенное и частное имущество въ порядокъ и извѣстность, высшее начальство дѣятельно заботилось объ отправленіи изъ Петербурга всѣхъ оставшихся въ казармахъ людей и ихъ имущества, по трактамъ, къ тѣмъ корпу-

[1]) Приложенія №№ 9 и 10

[2]) Высочайшее повелѣніе уничтожило это назначеніе, опредѣливъ новымъ полковымъ командиромъ генерала Удома.

самъ арміи, въ которые переведены были нижніе чины полка. Для этого сдѣлано было слѣдующее распоряженіе:

1) Команды изъ оставшихся въ казармахъ нижнихъ чиновъ были поручены: 1-го баталіона—маіору ревельскаго пѣхотнаго полка Левенбергу [1]), а въ помощь ему назначенъ староингерманландскаго полка штабсъ-капитанъ Михайловъ [2]); 2-го баталіона—полковнику углицкаго пѣхотнаго полка Обрезкову и поручику 2-го морского полка Швенгельму; 3-го баталіона—бѣлевскаго пѣхотнаго полка полковнику Нарышкину и владимірскаго полка поручику князю Трубецкому.

2) Команды 2-го и 3-го баталіоновъ, вмѣстѣ со всѣмъ имуществомъ ихъ, уложеннымъ на 180 подводахъ, должны были выступить 20-го ноября. Командѣ-же 1-го баталіона, съ пожитками его людей, помѣщенными на 10 подводахъ, опредѣлено выступить 21-го числа, въ день полкового праздника.

3) Солдатскихъ женъ, вмѣстѣ съ дѣтьми моложе 10 лѣтъ, назначенными для помѣщенія въ кантонистскія отдѣленія, приказано оставить въ Петербургѣ до теплой весенней погоды, отдѣливъ для нихъ двѣ особыя казармы.

4) Полковыя суммы, аммуницію, ружья, мундиры, кивера и всѣ казенныя вещи поручить отвѣтственности полкового адъютанта и казначея, которые хотя и переведены въ армію, но должны оставаться въ Петербургѣ до окончательной сдачи полкового хозяйства.

За всѣмъ тѣмъ еще оставались при казармахъ люди прежняго состава, въ которыхъ нуждались для переписки и сдачи казенныхъ вещей, числившихся въ ротахъ. Каптенармусы и артельщики были необходимы какъ для повѣрки имущества, такъ и для отчетности; кромѣ того необходимы были рабочіе для приведенія всего въ порядокъ. Число всѣхъ такихъ людей значительно увеличилось чинами, выписанными изъ госпиталей, что заставило поручить этотъ остатокъ полка полковнику Казнакову.

Въ это-же время 2-й и 3-й баталіоны въ Кексгольмѣ и Свеаборгѣ распредѣлялись по полкамъ первой арміи. Часть 2-го баталіона (204 человѣкъ) оставлена въ послѣдней изъ этихъ крѣпостей, какъ назначенная въ полки 23-й пѣхотной дивизіи, стоявшей въ

---

[1]) Такъ какъ Высочайшій приказъ о переводѣ офицеровъ въ армію полученъ въ половинѣ ноября, то съ этого времени мы называемъ ихъ новыми чинами, обозначая тѣмъ мѣсто новаго ихъ служенія. Списокъ переведеннымъ офицерамъ въ прилож. № 12.

[2]) Приложеніе № 11.

Финляндіи; остальные отправлены, подъ начальствомъ полковника Вадковскаго, въ Псковъ, гдѣ должны были раздѣлиться на отдѣльныя команды. Что-же касается до 3-го баталіона, то бо́льшая часть его отправлена была чрезъ Новую-Ладогу въ Вышній Волочекъ. По прибытіи въ эти города, приказано спросить нижнихъ чиновъ: какое употребленіе хотятъ они сдѣлать изъ имущества своего, которое по громоздкости не могло быть отправлено; равно доставить свѣдѣніе о всѣхъ долгахъ, которые нижніе чины считаютъ на комъ-либо изъ жителей столицы.

IX.

Окончательное расформированіе полка.—Судъ надъ виновными.—Сентенція.

Такимъ образомъ произошло расформированіе нижнихъ чиновъ прежняго состава Семеновскаго полка. Что касается до штабъ- и оберъ-офицеровъ, то въ приложеніи № 12 подробно сказано, въ какіе полки и какими чинами переведены они [1]). Приказомъ по полку отъ 18-го ноября исключены были изъ него всѣ офицеры, а 22-го и всѣ нижніе чины [2]). Съ тѣхъ поръ и до прибытія баталіоновъ, назначенныхъ на укомплектованіе, полкъ состоялъ изъ однихъ нестроевыхъ; остальные показывались въ рапортахъ недостающими до комплекта. Но вскорѣ была расформирована и бо́льшая часть нестроевыхъ. 18-го декабря послѣдовало предписаніе перевести въ ближайшія отдѣленія всѣхъ кантонистовъ полка, а инвалидную полуроту распредѣлить въ загородныя команды Гатчины, Царскаго Села, Павловска и Петергофа; изъ этихъ же командъ, равно какъ изъ лейбъ-гвардіи гарнизоннаго баталіона, приказано выбрать лучшихъ людей, для сформированія новой полуроты. Вслѣдствіе этого, кантонисты полка переведены были въ отдѣленія: псковское, новгородское, выборгское, нарвское и фридрихсгамское. Тогда-же отправлены были изъ столицы всѣ люди, состоявшіе въ вѣдѣніи полковника Казнакова, выздоровѣвшіе изъ госпиталей и явившіеся изъ командировокъ и отпусковъ.

Въ то время, когда 2-й и 3-й баталіоны, находившіеся въ Кексгольмѣ и Свеаборгѣ, слѣдовали къ полкамъ арміи, производился судъ надъ нижними чинами 1-го баталіона и надъ полковникомъ

---

[1]) См. приложеніе № 12.

[2]) Предписаніе его высочества великаго князя Михаила Павловича № 1617.

Шварцемъ. Военно-судныя комиссіи составлены были по собственному назначенію командующаго корпусомъ. Въ первой изъ нихъ, судившей нижнихъ чиновъ, были: презусомъ—генералъ Левашевъ, ассесорами—полковники: преображенскаго полка князь Голицынъ, измайловскаго Воропановъ, егерьскаго Арбузовъ и 1-й гвардейской артиллерійской бригады Статковскій. Во второй, судившей Шварца, презусомъ былъ генералъ Орловъ, ассесорами—полковники: преображенскаго полка Исленьевъ, измайловскаго Годейнъ 1, егерьскаго Ермолаевъ, московскаго Неѣловъ 3, и кавалергардскаго графъ Апраксинъ 3.

Военно-судная коммисія надъ нижними чинами нашла виновными: 1) рядовыхъ 2-й роты Павлова, Чистякова и Васильева, и 1-й роты Кузнецова—въ подстреканіи нижнихъ чиновъ въ неповиновеніи начальству и въ личномъ ослушаніи, обнаружившемся словами и дѣйствіями; 2) 164 человѣка рядовыхъ 1-й роты и 52 человѣка 2-й роты (невозвратившихся въ казарму послѣ перваго выхода роты), въ самовольномъ выходѣ въ корридоры и въ поданіи примѣра общаго безпорядка; 3) роты его величества 172 человѣка коммисія хотя и не признала зачинщиками, но нашла ихъ виновными въ нарушеніи порядка службы и въ неповиновеніи фельдфебелю; 4) рядовые 3-й фузилерной роты—147 человѣкъ обвинены въ томъ, что послѣдовали примѣру другихъ ротъ; 5) всѣхъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, какъ неоказавшихся участниками въ безпорядкахъ, равно и всѣхъ остальныхъ рядовыхъ фузилерныхъ ротъ, не выходившихъ изъ казармъ, коммисія не признала виновными.

Кромѣ того, та же коммисія открыла, что «нижніе чины лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, во время командованія онымъ полковника Шварца, столь обременены были чисткою и пригонкою аммуниціи на разные смотры, ежедневно полковымъ командиромъ назначаемые, что не только, въ теченіе дня, не имѣли отдыха, но и не малую часть ночи въ сихъ заботахъ проводили. Большая часть нижнихъ чиновъ вынуждена была покупать разныя мундирныя и аммуничныя вещи на собственныя деньги, дабы имѣть ихъ въ томъ видѣ, какъ отъ полковника Шварца требовалось. Хотя полковникъ Шварцъ и дѣлалъ на это опроверженіе, но полковники: Казнаковъ и Вадковскій и всѣ ротные командиры 1-го баталіона утвердили показаніе нижнихъ чиновъ и представили поясненія въ доказательство опроверженій полковника Шварца. Весьма часто, по приказанію полкового командира, производились надъ нижними чинами, не исключая и имѣвшихъ знаки военнаго ордена, безъ всякаго суда, сильныя тѣлесныя наказанія. Многіе желали объявить о тягостномъ ихъ положеніи, но

никто по одиночкѣ не осмѣливался, почему и не жаловались на инспекторскомъ смотрѣ» [1]).

Военно-судная коммисія, лично надъ полковникомъ Шварцемъ учрежденная, нашла его виновнымъ: 1) въ томъ, что «онъ занимался во время церковныхъ парадовъ обученіемъ, отъ чего нижніе чины опаздывали въ церковь; 2) не искалъ любви подчиненныхъ и по необходимому отъ того слѣдствію потерялъ довѣренность, какъ штабъ- и оберъ-офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, и ослабилъ уваженіе присвоенному ему чину; 3) въ нарушеніи закономъ опредѣленныхъ правъ самоуправствомъ и въ униженіи привиллегій, установленныхъ въ память военныхъ дѣйствій; 4) въ производствѣ презрительныхъ наказаній, на которыя не давали ему права ни военныя, ни гражданскія узаконенія и 5) въ предосудительной для военнаго робости, и въ томъ, что вмѣсто клятвеннаго обѣщанія тѣломъ и кровію защищать государственныя права во всѣхъ случаяхъ, вмѣсто пожертвованія и самою жизнію, пришелъ въ уныніе и, пользуясь ночнымъ временемъ, былъ зрителемъ безпорядковъ» [2]).

Вслѣдствіе этого, сентенціями военно-судныхъ коммисій, было опредѣлено: 1) нижнихъ чиновъ, признанныхъ зачинщиками, лишить живота: людей 1-й и 2-й ротъ, подавшихъ примѣръ безпорядка, наказать висѣлицею, и затѣмъ всѣхъ остальныхъ одинаково виновныхъ съ людьми другихъ баталіоновъ, выписать согласно высочайшему приказу въ армію; 2) полковника Шварца лишить живота.

Обѣ эти сентенціи, равно какъ выписки изъ дѣла, были представлены на разсмотрѣніе начальника дивизіи, командующаго корпусомъ и дежурнаго генерала.

Мнѣнія, ими поданныя, показываютъ, что генералы баронъ Розенъ [3]) и Закревскій [4]) были преимущественно согласны съ рѣшеніями коммисій, что же касается генерала Васильчикова, то онъ нашелъ, что судъ надъ нижними чинами произведенъ слабо и въ самомъ сужденіи о дѣлѣ сдѣланы упущенія, клонившіяся къ обвиненію полковника Шварца.

По представленіи государю доклада аудиторіатскаго департамента, послѣдовало высочайшее повелѣніе на имя начальника главнаго штаба, въ которомъ его величество, между прочимъ, писалъ князю Волконскому:

---

[1]) Докладъ аудиторіатскаго департамента его величеству.

[2]) Сентенція военно-судной коммисіи надъ полковникомъ Шварцемъ.

[3]) Начальникъ 1-й гвардейской дивизіи.

[4]) Дежурный генералъ.

«Разсмотрѣвъ съ должнымъ вниманіемъ производство военныхъ судовъ надъ нижними чинами, бывшими лейбъ-гвардіи въ Семеновскомъ полку и надъ полковымъ командиромъ онаго—полковникомъ Шварцемъ, нахожу:

§ 1. Зачинщиками неповиновенія, происшедшаго въ семъ полку,— восемь рядовыхъ, поименованныхъ въ спискѣ подъ №№ 1 и 3.

§ 2. 1-ю гренадерскую роту—виновною въ непозволительномъ выходѣ на перекличку, въ непослушаніи фельдфебелю, въ принесеніи начальству жалобъ на притѣсненія полковаго командира, найденныхъ несправедливыми, и наконецъ въ умышленномъ утаеніи именъ зачинщиковъ.

§ 3. Нижнихъ чиновъ, поименованныхъ въ спискѣ № 2, виновными участниками явнаго возмущенія противъ начальства и въ продолженіи неповиновенія до отвода ихъ въ крѣпость.

§ 4. Нижнихъ чиновъ, поименованныхъ въ спискѣ подъ №№ 5, 6, 7 и 8, равномѣрно содѣйствовавшими въ неповиновеніи, но оказавшими менѣе умыслу къ оному.

§ 5. Нижнихъ чиновъ, поименованныхъ въ спискѣ подъ № 4, менѣе виновными прочихъ, но неумѣвшими воспротивиться силою пагубному вліянію товарищей своихъ.

§ 6. Наконецъ полковника Шварца—виновнымъ въ несообразномъ выборѣ времени для ученій и въ нерѣшимости принять должныя мѣры для прекращенія неповиновенія во ввѣренномъ ему полку.

Вслѣдствіе чего, сообразя приговоръ коммисій военныхъ судовъ и желая уменьшить елико возможно число наказуемыхъ, обратя строгость законовъ единственно на виновнѣйшихъ, повелѣваю:

Означенныхъ здѣсь въ § 5 распредѣлить наравнѣ съ нижними чинами 2 и 3 баталіоновъ въ армейскіе полки, составляющіе 3-й корпусъ [1]).

Означенныхъ въ § 4 распредѣлить безъ наказанія въ полки, составляющіе кавказскій корпусъ [2])

Означенныхъ въ § 3, какъ болѣе виновныхъ,—въ полки и баталіоны, составляющіе Сибирскій корпусъ, безъ наказанія же [3]).

Означенныхъ въ § 2 распредѣлить въ полки и баталіоны, составляющіе Оренбургскій корпусъ, равномѣрно, безъ наказанія [4]).

[1]) Всѣхъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, равно и рядовыхъ, не выходившихъ изъ комнатъ въ коридоры и изъ казармъ на площадь.

[2]) По удостовѣреніи ротныхъ командировъ—людей не принимавшихъ участія въ безпорядкахъ и всю 3-ю фузилерную роту.

[3]) Нижнихъ чиновъ 1 фузелерной роты 167 человѣкъ и 2 роты 52 человѣка.

[4]) 172 человѣка роты его величества.

Въ § 1 упомянутыхъ рядовыхъ, какъ настоящихъ зачинщиковъ, въ примѣръ другимъ, прогнать спицъ-рутинами сквозь баталіонъ по 6 разъ, съ отсылкою въ рудники [1]).

Полковника Шварца отставить отъ службы, съ тѣмъ чтобы впредь ни куда не опредѣлять, избавляя его отъ строжайшаго наказанія въ уваженіе прежней долговременной и усердной службы, храбрости и отличія, оказанныхъ имъ на полѣ сраженія.

При разсмотрѣніи сего дѣла, найдя, что командующій 1-ю гренадерскою ротою капитанъ Кошкаровъ, что нынѣ бородинскаго полка подполковникъ, не представилъ ни начальству, ни военному суду, записку, поданную ему фельдфебелемъ, въ самый вечеръ происшествія, случившагося въ его ротѣ, и въ коей означены были имена зачинщиковъ и тѣмъ самымъ скрылъ отъ начальства настоящихъ виновниковъ происшествія,

Равномѣрно найдя, что полковникъ Вадковскій, командовавшій тогда 1-мъ баталіономъ, слабымъ и несообразнымъ съ долгомъ службы своимъ поведеніемъ, далъ усилиться безпорядку, повелѣваю: обоихъ предать военному суду».

Недовольный дѣйствіями коммисіи, судившей нижнихъ чиновъ, императоръ Александръ Павловичъ приказалъ объявить ей строгій выговоръ и вмѣстѣ произвести дополнительное изслѣдованіе, вслѣдствіе котораго, при помощи фельдфебеля, открыты были тѣ изъ рядовыхъ 1-й гренадерской роты, которые были въ ней зачинщиками безпорядка.

Въ заключеніи остается сказать, что капитанъ Кошкаровъ и полковникъ Вадковскій, по производствѣ надъ ними военнаго суда, найдены виновными въ томъ, что не приняли должныхъ мѣръ къ водворенію порядка при самомъ началѣ его нарушенія, о чемъ мы говорили выше, а послѣдній сверхъ того въ томъ, что въ оправданіяхъ своихъ употреблялъ рѣзкія выраженія и противорѣчилъ прежнимъ своимъ показаніямъ. Но какъ изъ совѣстливаго разбора всѣхъ подробностей описаннаго событія видно, что все, въ чемъ можно винить Вадковскаго, происходило отъ одной лишь неожиданности событія и поспѣшности, порожденной трудными обстоятельствами дѣла, въ сущности же онъ имѣлъ искреннее желаніе прекратить безпорядокъ, то не слѣдуетъ и забывать, что этотъ офицеръ имѣлъ многія не отъемлемыя заслуги. Стоитъ только вникнуть въ личныя отношенія его къ полковнику Шварцу, чтобы убѣдиться, что въ дѣйствіяхъ Вад-

[1]) Рядовыхъ 1-й гренадерской роты: Степанова и Хрулева, 1 й роты: Кузнецова и Петрова, 2-й роты Павлова, Чистякова и Васильева и 5-й роты Торохова.

ковскаго была одна поспѣшность, въ умыслѣ же никто не могъ упрекнуть его. Болѣе другихъ снисходительный къ недостаткамъ полковника Шварца, онъ чаще всѣхъ товарищей своихъ искалъ случая предупреждать недоразумѣнія и столкновенія командира съ офицерами, въ чемъ очень часто и успѣвалъ. Если же обвиненъ въ рѣзкости выраженій, то начала ихъ нужно искать въ смыслѣ предложенныхъ ему вопросовъ; правый по совѣсти, но виновный передъ закономъ, претерпѣвъ трехгодичный арестъ, въ разлукѣ съ семействомъ, онъ не могъ быть въ спокойномъ состояніи духа, тѣмъ болѣе, что кромѣ вопросовъ военно-судной коммисіи, ему предлагаемы были и другіе, болѣе важные.

X.

Заключеніе.

Судъ надъ полковникомъ Вадковскимъ и капитаномъ Кошкаровымъ былъ послѣднимъ актомъ горестнаго событія. Въ то время, когда производился этотъ судъ, сформировался уже новый составъ полка, и несчастное происшествіе сдѣлалось достояніемъ его исторіи.

Мы не утаили ничего изъ того, что только могли раскрыть: указаны обстоятельства, приготовившія безпорядокъ, объяснено начало его и неудачныя при семъ мѣры начальства; опровергнуты вымыслы молвы, и наконецъ изображено искупленіе вины наказаніемъ. Подвергшіеся возмездію закона и справедливо скорбящіе о прошломъ, да найдутъ себѣ утѣшеніе въ изрѣченіяхъ того, кто болѣе всѣхъ чувствовалъ вину полка и болѣе всѣхъ жалѣлъ о немъ.

Опредѣляя наказаніе, государь Александръ I говорилъ, что онъ дѣлаетъ это: «съ душевнымъ сокрушеніемъ и неостанавливаясь чувствомъ личной своей привязанности къ полку», что «ему всегда будетъ жаль стараго полка», наконецъ, что «онъ находитъ штабъ и оберъ-офицеровъ непричастными къ безпорядку».

Эти слова заключаютъ въ себѣ несомнѣнныя доказательства прежнихъ заслугъ полка, и остающіеся еще въ живыхъ участники его славы [1]), съ гордостію могутъ сказать: «я былъ въ Семеновскомъ полку подъ Кульмомъ, я служилъ въ немъ въ то время, когда Александръ I говаривалъ:

— «Преображенскій полкъ—это царскій полкъ, а Семеновскій—мой».

---

[1]) Писано въ 1853 году.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1 (къ стр. 689, мартъ, т. XXXVII).

Приказъ по полку отъ 1-го мая 1820 года.

„Просилъ я гг. баталіонныхъ и ротныхъ командировъ, чтобы этишкеты были набѣлены и вытянуты единообразно, и были скатаны туже, а были напротивъ свернуты слабо; просилъ я тоже, чтобы поперечневые ранцевые ремни были выравнены, но оные были неровны; просилъ я еще, чтобы изъ фронта не выходили, а Государевой роты стрѣлокъ и 1-й роты рядовой были отставши, за что предлагаю 1-й роты командиру наказать рядоваго при ротѣ ста ударами, а стрѣлокъ переводится въ 6-ю роту".

№ 2 (къ стр. 692, т. XXXVII).

Личной ненависти къ полковнику Шварцу не было. Для подтвержденія этого приводимъ слова человѣка, болѣе другихъ претерпѣвшаго за безпорядки:

«Au mois de Janvier 1820, un semestre me fut accordé. De retour dans la capitale, j'y appris la nomination du Colonel Schvarz. Je le rencontrai pour la première fois dans le salon de Son Altesse Monseigneur le grand Duc Michel. Je le jure a votre Excellence, quoique l'on ait pu dire, quoique l'on ait pu penser, j'ai quitté le regiment sans avoir ni fiel, ni inimitié, ni haine contre Schvarz, espérant de sa part une pareille réciprocité».

(Переводъ): „Въ началѣ 1820 года я былъ уволенъ въ отпускъ. Возвратясь въ столицу, узналъ я о назначеніи полковника Шварца. Въ первый разъ я встрѣтилъ его у его высочества великаго князя Михаила Павловича. Хотя въ то время много страннаго было создано молвою и воображеніемъ людей, я клянусь, что оставилъ полкъ, не имѣя противъ Шварца ни злобы, ни недоброжелательства, ни ненависти и надѣялся на подобную взаимность съ его стороны".

№ 3 (къ стр. 692, т. XXXVII).

Переписка полковника Вадковскаго съ генераломъ Дибичемъ.

Изъ всѣхъ частныхъ начальниковъ, одинъ только полковникъ Вадковскій сохранялъ еще нѣкоторыя сношенія съ полковымъ командиромъ. Принявъ временно 3-й баталіонъ и увидѣвъ общее негодованіе всѣхъ чиновъ, онъ рѣшился объясниться съ полковникомъ Шварцемъ. Вотъ собственныя слова его по этому поводу:

«L'ordre fut rétabli. Pour le rendre encore plus immuable, je formai une espèce de pacte (si j'ose m'exprimer ainsi) avec le colonel Schvarz, de me regarder comme chef immèdiat de mon bataillon; de ne rejeter que sur moi seul tout le blâme, qu'auraient mérité mes inférieures, de n'infliger par lui même aucune punition corporelle aux soldats, et de s'abstenir d'entrer jamais en aucune explication avec les officiers».

(Переводъ): „Порядокъ былъ возстановленъ. Чтобы упрочить его, я заключилъ съ командиромъ полка условіе. Убѣжденный въ его необходимости, я просилъ полковника Шварца смотрѣть на меня какъ на непосредственнаго начальника баталіона, слагать на меня всю отвѣтственность за ошибки моихъ подчиненныхъ, не производить лично никакого тѣлеснаго наказанія нижнимъ чинамъ и не входить ни въ какія объясненія съ офицерами, однимъ словомъ считать меня отвѣтственнымъ за все и быть увѣрену, что я буду самый точный исполнитель его приказаній".

№ 4 (къ стр. 694, т. XXXVII).

Изъ секретнаго архива III-го Отдѣленія.

„По выпискѣ изъ полковыхъ приказовъ, судомъ сдѣланной, видно, что съ 1-го мая по 3-е октября 1820 года полковникомъ Шварцемъ наказано за разные проступки 44 человѣка и дано имъ въ общей сложности 14,250 ударовъ".

№ 5 (къ стр. 694, т. XXXVII).

Подлинныя слова военно-суднаго дѣла, отдѣлъ 3-й, статья 11-я.

„Во время ученья 16-го октября 1820 г., когда не былъ еще сведенъ полкъ и роты учились отдѣльно, 2-я рота, кончивъ ружейные пріемы, стояла вольно. Ротный командиръ, увидя приближавшагося полковника, скомандовалъ: „Смирно!" При этомъ одинъ изъ рядовыхъ, исполнявшій естественную надобность, сталъ

во фронтъ, не успѣвъ застегнуть мундиръ. Тогда Шварцъ: „подбѣжавъ къ нему, плюнулъ ему въ глаза, потомъ взялъ его за руку и проводя по фронту передней шеренги, приказывалъ рядовымъ на него, Бойченку, плевать. Сверхъ того, нѣкоторыхъ изъ нижнихъ чиновъ, имѣющихъ знаки отличія военнаго ордена, онъ наказалъ тесаками".

№ 6 (къ стр. 697, т. XXXVII).

Военно-судное дѣло, статья 3-я, пунктъ 11-й.

Когда по окончаніи суда надъ нижними чинами, представлена была выписка изъ дѣла государю императору, то его величество остался недоволенъ производствомъ онаго и приказалъ дополнить слѣдствіе открытіемъ всѣхъ, кто были виновниками выхода 1-й гренадерской роты на перекличку, безъ приказанія. Одиночные допросы людей тотчасъ же обнаружили истину, которая не скрылась бы при самомъ началѣ безпорядковъ, если бы вмѣсто вопросовъ, даваемыхъ цѣлой ротѣ, дѣлали ихъ людямъ отдѣльно. Оказалось, что рядовые Степановъ и Хрулевъ были первыми, которые осмѣлились просить отмѣны десяточныхъ смотровъ. Вечеромъ 16-го октября 1820 г. они ходили по комнатамъ, чтобы узнать мнѣніе товарищей. Многіе отговаривали ихъ, другіе соглашались. Въ числѣ послѣднихъ былъ стрѣлокъ Друницынъ, первый закричавшій: „выходи на перекличку!'

Вотъ начало и главные виновники безпорядковъ.

№ 7 (къ стр. 701, т. XXXVII).

Письмо полковника Вадковскаго.

2-го сентября 1824 г. Изъ Витебска

«Chose étrange! j'ai toujours été plutôt sévère que faible, cependant, toute ma conduite en cette déplorable occasion montre de la timidité, de la faiblesse. Je le répète: j'ai cru bien faire. Si après la lettre que je viens de reçevoir, si après la bonté inexprimable de mon Souverain, laquelle perce à chaque ligne, si après l'indulgence que vous me faites éspérer; si après tout cela, dis-je, j'etais capable de conserver dans mon coeur quelque mystère, de ne point nommer les premiers coupables, si leurs noms ou leurs personnes m'etaient connues, je serais un monstre, je mériterais tout le courroux de mon Souverain, votre méprise, mon Général, et l'oubli de mes compagnons d'armes» [1]).

---

[1]) Иванъ Өедоровичъ Вадковскій, по свидѣтельству, еще недавно намъ сообщенному его родственникомъ, Ө. И. Темирязевымъ—никакъ не могъ

(Переводъ): «Странная вещь! я всегда былъ скорѣе строгъ, нежели слабъ, а между тѣмъ поведеніе мое, во время этого несчастнаго происшествія, показываетъ робость и слабость. Но повторяю, я думалъ этимъ поправить дѣло. Если послѣ полученнаго мною письма, послѣ невыразимаго милосердія ко мнѣ государя, обнаруживающагося въ каждой строкѣ его величества, если послѣ возбужденной вами во мнѣ надежды на милость и снисхожденіе начальства, если послѣ всего этого я былъ бы способенъ утаить какія-либо подробности дѣла и не назвать первыхъ виновниковъ, когда бы они были мнѣ извѣстны, — я былъ бы чудовище, я заслужилъ бы неумолимый гнѣвъ моего государя, ваше презрѣніе, генералъ, и забвеніе всѣхъ моихъ сослуживцевъ».

№ 8.

Письмо полковника Ив. Ѳед. Вадковскаго—Александру I.

Государю угодно было знать, не принадлежалъ-ли кто изъ офицеровъ къ обществу массоновъ. На запросъ объ этомъ, полковникъ Вадковскій, во время производившагося надъ нимъ суда, писалъ его величеству:

16-го апрѣля 1824 г.

«Ai-je été Franc-maçon? Oui, Sire, je ne m'en cache point. L'année 1812 je fus reçu par le Général Sipiaguine dans une loge; j'y prêtai le serment de coopérer au bien de la compagnie et d'y tout sacrifier, hormis ce que je devais à ma religion, à mon Souverain, à la patrie.

Trop jeune alors, trop ignorant, trop peu curieux pour vouloir pénétrer les mystères de la loge (je doute qu'elle en ait jamais pu avoir) trop gai de caractére pour ne point rire du spectacle que me donnaient mes confrères, chacune de mes visites fut une véritable partie de plaisir. Revenu à St. Pétersbourg je fus présent à trois ou quatre réunions. Depuis cette époque, et voilà sept années révolues, je n'ai connu ni maçons, ni loges; mon peu d'assiduité à la fréquenter, mon peu d'exactitude à fournir à la société le contingent que je lui devais, m'en firent expulser l'année 1818. Voilà, Sire, les relations uniques que j'eus avec les Francs-maçons».

догадаться, что Александръ I, подозрѣвая въ возбужденіи л.-гв. Семеновскаго полка агентовъ Тайнаго Общества («Союза благоденствія», какъ оно себя именовало), желалъ, чтобы Вадковскій ихъ указалъ, но тотъ и понятія не имѣлъ въ то время о существованіи въ Петербургѣ Тайнаго Общества. Родичъ Ѳедора Вадковскаго, прапорщикъ конно-егерскаго Нѣжинскаго полка Вадковскій, попалъ впослѣдствіи въ члены Южнаго Тайнаго Общества.

(Переводъ): «Былъ-ли я массономъ? Да, государь, и этого я нисколько не скрываю. Въ 1812 году я былъ принятъ генераломъ Сипягинымъ въ члены одной изъ ложъ. Я далъ клятву содѣйствовать благу общества и жертвовать ему всѣмъ, кромѣ того, чѣмъ обязанъ былъ моей религіи, моему государю и отечеству. Слишкомъ молодъ и несвѣдущъ, слишкомъ мало любопытенъ, чтобы проникать въ тайны ложи (въ существованіи которыхъ впрочемъ я сомнѣваюсь), будучи веселаго и безпечнаго нрава, я не могъ не смѣяться надъ зрѣлищемъ, которое доставляли мнѣ мои товарищи по обществу. Каждое посѣщеніе ложи было истинною для меня забавою. Возвратясь въ Петербургъ, я былъ въ трехъ или четырехъ собраніяхъ. Съ того времени, вотъ уже семь лѣтъ, я не зналъ ни ложъ, ни массоновъ. Рѣдкія посѣщенія и не аккуратность моя во взносѣ условной платы, были причиною, что въ 1818 году я былъ исключенъ изъ общества.

Вотъ, государь, единственныя сношенія мои съ франмассонами».

Такъ писалъ Вадковскій о себѣ. Когда же спросили его отъ имени государя объ обществѣ офицеровъ вообще, то онъ отвѣчалъ:

«Pour la majeure partie du corps des officiers, les disputes politiques avaient fort peu d'importance. Les noms de Carbonari, de Libéral, se faisaient parfois entendre, mais on jouait avec ces mots, comme avec un hochet dont les journaux avaient consacré la mode, et on se plaisait quelquefois à donner cette qualification à celui qui n'aimait point à remplir strictement son service; au reste je n'ai jamais remarqué aucune intention criminelle».

(Переводъ): „Для большей части офицеровъ споры о политикѣ были вовсе незанимательны. Хотя по временамъ и слышались слова: „Карбонари, либералъ", но ими лишь играли, какъ это дѣлалось тогда и въ журналахъ, и давались эти имена въ шутку тому, кто не любилъ въ точности исполнять службу. Впрочемъ я никогда не замѣчалъ въ офицерахъ никакого преступнаго намѣренія".

№ 9.

Изъ письма полковника Ив. Ѳед. Вадковскаго отъ 7-го іюня 1825 года.

Въ это время, когда слѣдствіе и судъ надъ полкомъ давно уже были окончены, когда несчастное событіе многими было уже забыто, Александръ I потребовалъ отъ полковника Вадковскаго окончательныхъ объясненій о томъ, не было-ли какихъ-либо постороннихъ причинъ къ случившемуся въ полку несчастію, и не испытало-ли общество офицеровъ предварительно ка-

кого-либо чуждаго вліянія. Отвѣтъ Вадковскаго можетъ служить опроверженіемъ сихъ предположеній:

„Sire! Il m'est impossible de penser, que le triste évènement arrivé au régiment de Semenowsky, ait pu être attribué à des vues politiques, ou bien à l'instigation de la part du corps d'officiers! Si cette malheureuse catastrophe fut arrivée 16 ans plus tôt, l'on pourrait sans aucun doute, en rejeter le blâme sur le corps des officiers...

Des liens d'amitié, d'habitudes liaient soixante individus, qui s'emblaient n'en former qu'un seul. Le même esprit de corps existait-il en 1820? Soixante individus, il est vrai, avaient un seul et même but, celui de complaire à Votre Majesté, mais c'étaient soixante êtres tout differents; chacun avait ses occupations, ses coteries... Oserai-je hasarder le point le plus essentiel? trop peu d'experience parmi les jeunes officiers... trop de jeunesse parmi les sergents majors.... Voilà, Sire, et je ne crains pas de l'affirmer, la perte de ce régiment, dont vous étiez l'âme".

(Переводъ): „Государь! Я не въ состояніи думать, чтобы горестное происшествіе, случившееся въ Семеновскомъ полку, могло быть приписано политическимъ видамъ, или же наущенію со стороны общества офицеровъ...

Если бы это несчастное событіе случилось 6-ю годами ранѣе, то безъ всякаго сомнѣнія, можно было обвинить въ немъ офицеровъ. Узы дружбы и долговременной привычки связывали 60 существъ, которыя составили какъ бы одно. Таковъ-ли былъ духъ полка въ 1820 году? Правда, всѣ 60 человѣкъ имѣли общую цѣль—заслужить благоволеніе вашего величества, но это было 60 отдѣльныхъ лицъ, совершенно различныхъ между собою; каждый имѣлъ свои занятія, свой кругъ знакомства. Коснусь-ли предмета болѣе важнаго? Молодые офицеры были слишкомъ неопытны, а фельдфебеля слишкомъ молоды. Вотъ, государь, скажу безъ боязни, вотъ причина гибели полка, котораго вы, ваше величество, были душею и хранителемъ!"

№ 10.

Разсказъ полковника Александра Вас. Недоброва (31-го октября 1852 года).

Въ доказательство того, что не всѣ офицеры знали о безпорядкахъ, происходившихъ въ полку въ ночь съ 17-го на 18-е октября 1820 г., приводимъ слѣдующія строки одного изъ современниковъ событія.

„Въ 1820 году, съ 30-го августа я былъ боленъ и только около 17-го октября, чувствуя облегченіе, оставилъ постель и въ первый разъ 18-го числа

позволилъ себѣ посидѣть у окна. Видя знакомаго идущего по тротуару, я постучалъ ему въ окно, и онъ зашелъ ко мнѣ. Между разговоромъ, онъ очень сожалѣлъ о несчастіи, постигшемъ полкъ. На вопросъ мой, что онъ подъ этимъ разумѣетъ и какое несчастіе?... онъ смѣялся надо мною, но скоро убѣдившись въ совершенномъ о томъ моемъ невѣдѣніи, сказалъ мнѣ, что полкъ взбунтовался и весь содержится въ крѣпости. Такова была тогда общая молва; такъ и онъ выразился. Я не хотѣлъ вѣрить, и какъ не былъ слабъ еще, первымъ порывомъ моимъ было поспѣшить удостовѣриться лично; и укутавшись сколько могъ, поѣхалъ въ казармы, но вообразите мое изумленіе! Казармы пусты, и я съ трудомъ могъ отыскать какого-то деньщика, который едва могъ объяснить, что полкъ дѣйствительно въ крѣпости".

№ 11.

Разсказъ штабсъ-капитана Михайлова.

Команда, порученная маіору Левенбергу, выступила изъ Петербурга подъ начальствомъ штабсъ-капитана Михайлова, потому что Левенбергу приказано было остаться для нѣкоторыхъ объясненій, по поводу случившагося происшествія.

Приступая къ составленію исторіи полка, я считалъ обязанностію снестись со всѣми служившими въ немъ лицами, прося ихъ сообщить мнѣ все, что сочтутъ они полезнымъ и интереснымъ для предпринятаго мною труда. Въ числѣ лицъ, доставившихъ мнѣ свѣдѣнія, находится г. Михайловъ, сообщившій фактъ, относящійся къ расформированію нижнихъ чиновъ прежняго состава. Передаемъ здѣсь собственныя слова г. Михайлова:

„То, что намѣренъ я вамъ разсказать, относится къ 1820 году. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ имѣлъ я порученіе начальства вести въ Полтавскую губернію команду изъ 120 человѣкъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, находившихся въ госпиталяхъ и другихъ отлучкахъ, въ продолженіи 17-го и 18-го октября 1820 г., и назначенныхъ въ 8-ю пѣхотную дивизію. Двадцатилѣтній юноша, грустный и не безъ страха за успѣхъ продолжительнаго похода, въ самое суровое время, съ людьми по бо́льшей части мнѣ неизвѣстными, явился я въ полкъ 22-го ноября, для выступленія изъ Петербурга. Между тѣмъ какъ собиралась команда, подошелъ ко мнѣ человѣкъ въ купеческомъ платьѣ, и подавая мнѣ сторублевую ассигнацію, просилъ объ употребленіи этихъ денегъ, походомъ, на покупку водки для команды. На вопросъ мой, не имѣетъ-ли онъ между этими нижними чинами какого-либо родственника или близкаго, онъ отвѣчалъ мнѣ: „нѣтъ, батюшка, никого нѣтъ, а у меня свой домъ въ (Семеновскомъ) полку, я привыкъ видѣть каждый день этихъ добрыхъ людей, и не

имѣвъ отъ нихъ ни малѣйшей обиды, или неудовольствія, всѣхъ ихъ считаю своими". Краткость времени, а можетъ быть и душевное волненіе, не дозволяли мнѣ распросить его обстоятельно объ его имени. Я деньги принялъ согласно назначенію и признаюсь, ободрился этимъ прямодушнымъ явленіемъ, такъ краснорѣчиво выразившимъ общее мнѣніе о нравственности солдатъ Семеновскаго полка. Послѣдствія доказали, что опасенія мои за успѣхъ похода не имѣли другаго основанія, кромѣ моей неопытности: 20-го февраля 1821 г. я достигъ благополучно мѣста назначенія, безъ малѣйшей непріятности».

№ 12.

Списокъ штабъ- и оберъ-офицерамъ прежняго состава лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, переведеннымъ въ полки арміи, вслѣдствіе высочайшаго приказа отъ 2-го ноября 1820 года.

ШТАБЪ-ОФИЦЕРЫ.

Командиръ 1-го баталіона

Полковникъ Казнаковъ. Назначенъ командиромъ Олонецкаго пѣхотнаго полка (находился въ отпуску).

Командовавшій 1-мъ баталіономъ

Полковникъ Вадковскій — въ Костромской пѣхотный полкъ.

Командиръ 2-го баталіона

Полковникъ Ефимовичъ — въ Московскій пѣхотный полкъ.

Командиръ 3-го баталіона

Полковникъ Обресковъ — въ Углицкій пѣхотный полкъ.

Младшій штабъ-офицеръ 2-го баталіона

Полковникъ Панютинъ — въ Севскій пѣхотный полкъ.

Младшій штабъ-офицеръ 3-го баталіона

Полковникъ Нарышкинъ — въ Бѣлевскій пѣхотный полкъ.

Командиръ роты его величества

Капитанъ Кашкаровъ — въ Бородинскій пѣхотный полкъ — подполковникомъ.

Командиръ 1-й фуз. роты

Штабсъ-капитанъ Щербатовъ (находился въ отпуску) — въ Тарутинскій полкъ маіоромъ.

Командиръ 2-й фуз. роты

Штабсъ-капитанъ Левенбергъ—въ Ревельскій пѣхотный полкъ маіоромъ.

Командиръ 3-й фуз. роты

Капитанъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ—въ Полтавскій пѣхотный полкъ маіоромъ.

СУБАЛТЕРНЪ-ОФИЦЕРЫ:

1-го баталіона

Поручики:

Кашкаровъ — въ Бородинскій пѣхотный полкъ,
Арсеньевъ — въ Тарутинскій пѣхотный полкъ,
Тулубьевъ—въ 3-й Морской полкъ,
} капитанами.

Подпоручики:

Михайловъ — въ Староингерманландскій пѣхотный полкъ,
Новосильцевъ — въ Эстляндскій пѣхотный полкъ,
Пенской — въ Витебскій пѣхотный полкъ,
} штабсъ-капитанами.

Прапорщики:

Швенгельмъ — во 2-й Морской полкъ.
Мосаловъ — въ 4-й Морской полкъ,
Кронштетъ — въ Петровскій полкъ.
Ханыковъ — въ Суздальскій полкъ,
} поручиками.

РОТНЫЕ КОМАНДИРЫ

2-го и 3-го баталіоновъ.

Капитаны:

Тухачевскій — въ Галицкій полкъ,
Скобельцынъ — въ Любавскій полкъ,
} подполковниками.

Штабсъ-капитаны:

Загряжскій — въ 1-й Морской полкъ, Тулубьевъ 2-й—въ 3-й Морской полкъ, Рачинскій 2-й — въ Муромскій полкъ, Казаковъ — въ Нижегородскій полкъ, Рындинъ 1-й — въ Сибирскій полкъ, Нарышкинъ — въ Бѣлевскій полкъ,	маіорами.

Поручики—капитанами:

Винштернъ — въ Эстляндскій полкъ,
Писемскій 1-й, Писемскій 2-й — въ Низовскій полкъ,
Полторацкій 1-й, Полторацкій 2-й — въ Бутырскій полкъ,
Бодиско — въ Тульскій полкъ,
Зварыкинъ — въ Великолуцкій полкъ,
Бабиковъ — въ 4-й Морской полкъ,
Хмелевъ — въ 3-й Морской полкъ.

Подпоручики—штабсъ-капитанами:

Великопольскій — въ Псковской полкъ,
Гулевичъ — въ Архангелогородскій полкъ,
Рачинскій 3-й — въ Муромскій полкъ,
Князь Мещерскій — въ Троицкій полкъ,
Тютчевъ — въ Пензенскій полкъ,
Станкевичъ — въ Галицкій полкъ,
Недобровъ — въ Шлиссельбургскій полкъ,
Степановъ — въ Галицкій полкъ,
Рачинскій 4-й — въ Муромскій полкъ.

Прапорщики—поручиками:

Рындинъ 2-й, Рындинъ 3-й — въ Сибирскій полкъ,
Баронъ Фридерихсъ — въ Рыльскій полкъ,
Языковъ 1-й, Языковъ 2-й — въ Вологодскій полкъ,
Князь Цицiановъ, Графъ Пиръ — въ Псковскій полкъ,
Даниловъ — въ Бѣлозерскій полкъ,

Бар. Врангель — въ 1-й Морской полкъ,

Кн. Трубецкой — въ Владимірскій полкъ,

Брусиловъ — въ Олонецкій полкъ.

Полковой адъютантъ, штабсъ-капитанъ флигель-адъютантъ Бибиковъ — въ 4-й Морской полкъ маіоромъ, съ сохраненіемъ званія флигель-адъютанта.

Полковой казначей, штабсъ-капитанъ Рачинскій 1-й — въ Муромскій пѣхотный полкъ маіоромъ.

Сообщ. генер.-лейтенантъ П. П. Карцовъ.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ

ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ.

№ 24 [1])

Письмо Жуковскаго къ роднымъ на родину.

30 іюля—2 августа. Дерптъ. (1815) [2]).

«Отвѣчаю на ваше послѣднее письмо полученное въ Петербургѣ, милые друзья; право я очень уменъ, что вздумалъ просить у васъ денегъ; вы такъ мило обо мнѣ захлопотали, что сердце обрадовалось изъ всѣхъ силъ. Весело быть увѣреннымъ, что отъ васъ всегда и вездѣ будетъ мнѣ отвѣтъ на всякой мой запросъ какого бы онъ содержанія ни былъ; весело думать объ вашемъ уголкѣ, какъ о настоящей родинѣ, гдѣ все и родство, и дружба, и воспоминаніе о прошломъ, и настоящее утѣшеніе. О будущемъ говорить нечего. Давно у насъ кажется рѣшено, что о будущемъ думать не надобно, что надежда дѣло излишнее. Благодарствуйте за деньги. Гораздо лучше печатать мнѣ мои стихи на вашъ счетъ нежели на счетъ царей и прочее. Я отложилъ однако заняться изданіемъ до моего возвращенія изъ Дерпта, то есть до возвращенія Кавелина въ Петербургъ. Онъ это дѣло знаетъ лучше меня; онъ сбережетъ мои финансы гораздо лучше нежели я и вообще будетъ заботливѣе. Получивъ ваши милыя письма я былъ очень счастливъ и они тронули

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., томъ XXXVII, январь, стр. 181—212; февраль, стр. 429—456; мартъ, стр. 665—678.

[2]) Небольшой отрывокъ письма помѣщенъ въ очеркѣ жизни Жуковскаго въ „Журн. м. нар. пр.“ ч. CXLIII, стр. 59. П. В.

меня до слезъ. Я получилъ ихъ въ самый день отъѣзда моего изъ Петербурга и они были мнѣ добрымъ товарищемъ на дорогу.

Здѣсь приняли меня ласково и ласка продолжается. Но признаюсь, самъ не понимаю своего положенія и даже не умѣю его описать. Я пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы окрестивши, опять уѣхать въ Петербургъ, изъ Петербурга на родину. Вспомните что я обѣщалъ, и что заставило меня сдѣлать обѣщаніе и что я надеялся получить за него. Обѣщаніе это помнятъ; побудительной причины никто кромѣ меня и Маши сдѣсь не знаютъ; а ласкою думаютъ все здѣлать. Но при этой ласкѣ положеніе тоже; одни только формы перемѣнились. Я не могу быть ни доволенъ, ни счастливъ и совсемъ тѣмъ повидимому не имѣю права ничего болѣе требовать. Съ самаго моего пріѣзда я веду жизнь занятую, то есть, сижу въ своей горницѣ за работою а къ нимъ являюсь только на минуту поутру, за обѣдомъ да за чаемъ. Изъ этаго заключаютъ, что все кончилось, что Петербургская жизнь меня совсемъ перемѣнила и платятъ мнѣ ласкою, думая что мнѣ уже болѣе ничто не нужно и что съ ихъ стороны все уже сдѣлано. И въ самомъ дѣлѣ какъ объяснить то, что мнѣ нужно? Я знаю и чувствую, что для меня ничего не сдѣлано, но гдѣ слова, чтобы это выразить, и какими документами это доказать—а вы знаете, что здѣсь все должно быть доказано документами. Я пріѣхалъ сюда съ твердымъ намѣреніемъ ничего не требовать, а довольствоваться собственнымъ, изъ этаго заключаютъ что я всемъ доволенъ. Но можно ли быть довольнымъ? Съ Машею мы розно по старому, по старому нѣтъ между нами ничего общаго! Непринужденной, родственной связи между ею и мною нѣтъ; а я только для этаго могъ бы всемъ пожертвовать! Я сказалъ, что хочу быть братомъ и право могъ бы имъ быть во всей силѣ этаго слова; чувствую это и теперь такъ какъ чувствовалъ тогда; но я въ тоже время сказалъ для чего и на какихъ условіяхъ хочу быть имъ: это для чего забыто; а помнятъ только слово братъ, которое все мое у меня отымаетъ, а мнѣ отъ нихъ не даетъ ничего, кромѣ одной формы. Здѣсь остаться иначе не могу, какъ исполнивъ въ точности свое обѣщаніе; но какъ же его исполнить! При тѣхъ обстоятельствахъ каковы теперь я не могу да и не хочу исполнять его! Вотъ одно, что поддерживаетъ мое намѣреніе здѣсь неоставаться. Но причины, для которой неостанусь—не пойметъ никто—припишутъ капризу и даже неблагодарности. Впрочемъ до этаго дѣла нѣтъ! Мнѣ нужна довѣренность одного человѣка—и я ее имѣю. Невозможно и требовать, чтобы они могли понять меня. Для этаго надобно бы было позабыть о себѣ и войтти въ мое положеніе. Такого усилія надъ собою те-

тушка сдѣлать не можетъ. А Воейковъ—но его я совершенно вычеркнулъ изъ всѣхъ моихъ разсчетовъ. Будучи товарищемъ и роднымъ Маши, я могъ бы и его любить какъ Сашина мужа; теперь же онъ для меня не существуетъ. Но онъ все единственной родня Маши, а я здѣсь только живу, имѣю общую дружбу—не надобно быть несправедливымъ; тетушка со мною ласкова очень—но вотъ и все тутъ; все остальное не принадлежитъ до меня! Однимъ словомъ я имѣю весь видъ родства; между тѣмъ обѣщанное долженъ исполнять не для виду. Жаловаться не на что, но есть ли чѣмъ быть довольнымъ? Здѣсь оставаться—быть братомъ, не для формы, а въ самомъ дѣлѣ, потому что такъ обѣщано. Но вопросъ: будешь-ли имъ? На это вамъ самимъ легко отвѣчать. Одному быть братомъ нельзя! Но буду ли имѣть то, что братъ имѣть долженъ? Буду имѣть одну ласку и только! До прочаго же не касайся. И такъ останется сидѣть въ своей горницѣ, работать, а съ ними не имѣть ничего общаго, не смотря на ласку—такое положеніе тяжело, и едва ли еще не тяжелѣ прежняго; ибо оно повидимому у меня отымаетъ всякое право чего нибудь требовать. Здѣсь всякой день записываютъ, то что дѣлается; и я пишу въ числѣ прочихъ. Вотъ что написала тетушка въ одномъ мѣстѣ: «Доброй мой, несравненно драгоцѣнной мой Жуковскій опять даетъ мнѣ надежду на прежнюю дружбу; опять вселяется въ мое сердце спокойствіе и увѣренность на ангельскія связи на землѣ» и пр. Слово ангельскія связи написано, но гдѣ же эти ангельскія связи на дѣлѣ? Я знаю что она имѣетъ ко мнѣ дружбу; но дѣйствіе этой дружбы совершенно ничтожно; и она не даетъ счастія. Опять даетъ надежду! Какъ будто я отымалъ ее! Неужели дружба приходитъ и уходитъ какъ лихорадка! Чтобы дать кому нибудь счастіе надобно войти въ его положеніе, а не располагать имъ по своему! Этаго-то здѣсь и не достаетъ. Съ моей стороны требуютъ Богъ знаетъ какого усилія, а съ своей не хотятъ сдѣлать ни малѣйшаго, забывъ что одно безъ другаго не возможно. Такъ! Я далъ обѣщаніе быть братомъ—чувство, которое заставило меня его дать слишкомъ было прекрасно, чтобы отъ него отказаться! Но пусть же буду имъ вполнѣ! Половиннымъ счастіемъ (которое не есть счастіе) тѣмъ что есть теперь я довольствоваться не могу; да и не долженъ, потому что невольно нарушишь обѣщанное. Все не чувствительно сдѣлается по старому. Изъ своего, что сдѣсь написано, вы легко можете замѣтить, что у меня въ душѣ какой то хаосъ. Постарайтесь его не много разсѣять и бросьте нѣсколько свѣта въ этотъ мракъ. Вамъ легко судить о моемъ положеніи и объяснить его для меня. Здѣсь бываютъ для меня обольстительныя минуты, но я имъ невѣрю. Остаться здѣсь значитъ

не получить того счастія которое было бы возможно и въ то же время отказаться отъ собственнаго чувства, слѣдовательно все отдать за ничто. Уѣхать—по крайней мѣрѣ сберечь для себя что нибудь драгоцѣнное. Будучи съ вами я буду гораздо мѣнѣе розно съ Машею нежели здѣсь, и буду имѣть право на всѣ свои чувства. Меня съ вами все соединяетъ и ничто не рознитъ. Простите до будущей почты. Теперь ничего вамъ порядочно сказать не умѣю. Величайшій безпорядокъ въ головѣ и все въ разбродѣ».

1 августа.

«Вчера получилъ я письмо отъ Уварова изъ Петербурга. Я прилагаю его сдѣсь. Оно заставитъ меня ѣхать отъ сюда скорѣе, нежели я располагался, хотя не знаю самъ за чѣмъ. Потерять выгоды не надобно; естьли дадутъ мнѣ то чего мнѣ единственно хочется, независимость (а моя независимость въ томъ чтобы имѣть только самое нужное но вѣрно) то я соберусь вѣроятно весною къ вамъ. У меня въ головѣ прожектъ: съѣздить нынешнимъ годомъ въ Кіевъ и оттуда, естьли можно будетъ, въ Крымъ. Этотъ вояжъ нуженъ будетъ для моей поэмы [1]). Подумайте и вы друзья, объ этомъ. Что естьли бы мы вмѣстѣ въ Кіевъ? А въ Дерптъ? Нѣтъ, я чувствую самъ и ясно, что въ Дерптѣ быть не должно! Того не будетъ чего мнѣ хочется! А такъ жить, какъ жилъ прежде, какъ живешь теперь, нельзя! Убьешь Машу, тетушку и себя. Не надобно и отъ тетушки требовать многаго, не надобно и къ ней быть несправедливымъ— нельзя же переселить въ нее образа своихъ мыслей! Слѣдовательно нельзя и надеяться, чтобы принужденіе когда нибудь миновалось! А при немъ никакъ ни за что ручаться не должно. Живучи здѣсь надобно исполнить обѣщанное свято, иначе разрушишь и свое и ихъ спокойствіе! а какъ исполнить, когда никто не поддержитъ. Но что бы рѣшиться одинаково со мною чувствовать надобно войтти въ мое положеніе—это ей невозможно! Невозможность этаго давно доказана опытомъ! И такъ покориться судьбѣ своей, да быть естьли можно твердымъ, не унывать, довольствоваться тѣмъ, что есть; вы, друзья мнѣ въ этомъ будете добрые помощники. Лишь бы только выхлопотать себѣ независимость—я бы перелетѣлъ къ вамъ, на родину, къ роднымъ. Тамъ нашъ кружокъ будетъ очень малъ, но мы будемъ жить есть ли не съ счастіемъ то съ дружбою и станемъ вмѣстѣ тя-

---

[1]) Для поэмы «Владиміръ», которую тогда собирался писать Жуковскій. Онъ говоритъ объ этой поѣздкѣ и въ письмѣ къ Тургеневу отъ 4 августа (См. „Рус. Архивъ" 1864 г. стр. 456, 2-е изд., стр. 800). П. В.

нуть свой крестъ. Мнѣ кажется что у васъ пооживетъ для меня многое, что въ короткое время Петербургской жизни моей, успѣло завянуть. Но признаюсь, мнѣ страшны эти grands projets, о которыхъ Уваровъ пишетъ; не готовятъ ли мнѣ неволи? Тогда плохо придетъ моей Музѣ! Я увѣренъ что ни въ Петербургѣ, ни въ Дерптѣ отъ нее ничего добраго не родится. Увидимъ.

Благодарю васъ милая Eudoxie [1]) за ваше намѣреніе прислать мнѣ еще двѣ тысячи; но боюсь что это обременительно, что вы не спросясь съ благоразуміемъ даете такія деньги, которыя вамъ нужны; не забудьте о долгѣ, о вашихъ постройкахъ; однимъ словомъ печатанье моихъ стиховъ пойдетъ порядочно, а покой мой придетъ въ безпорядокъ. До тѣхъ поръ будетъ камень на сердцѣ, пока не получите вы этихъ денегъ назадъ; естли бы онѣ только были ваши—тогда бы ни слова; но они принадлежатъ не вамъ однѣмъ. Едва-ли я не свѣтренничалъ, что затѣялъ этотъ подушный сборъ съ моихъ друзей. Я знаю, что вы мнѣ на это отвѣчать будете, но совсемъ тѣмъ я все остаюсь на сторонѣ Ивана Никифоровича, который вѣрно хмурится.

Милая Анета [2]) ваше письмо и грустно и мило. О! я очень чувствую какъ должно быть пусто вокругъ васъ. Мысль объ этой запустѣлости сжимаетъ душу. Мы подѣлимся ею. Простите, друзья! Въ головѣ и душѣ у меня таже неясность. Изъ Петербурга напишу болѣе. Покрайнѣй мѣрѣ теперь вѣрно одно: мнѣ оставаться сдѣсь не должно. Все прочее на произволъ судьбы! Дѣтей цѣлую. Васъ за письмо двадцать разъ.

Отвѣчайте въ Петербургъ. Азбукиныхъ друзей обнимаю. Были ли вы 3 августа въ Черни? Напишите. Отъ Негра нѣтъ отвѣта на три письма; милой безцѣнной Негръ! Люблю его болѣе нежели когда нибудь».

2 августа.

«Я опять разкрываю письмо свое, чтобы написать опроверженіе на первую его страницу. Ее писало пристрастіе. Теперь пишетъ благоразуміе или лучше сказать списываетъ, потому что это еще написано вчера ввечеру послѣ маленькой ссоры съ самимъ собою, которая кончилась миромъ. А написано это у меня въ бѣлой книгѣ, которая въ иныя минуты бываетъ мнѣ добрымъ товарищемъ и написано въ ней вотъ что: «Здѣсь я не имѣю того, чего желаю! но вопросъ, могу ли его имѣть? Можетъ ли Е. А. быть для меня точно такою,

---

[1]) Авдотья Петровна Кирѣевская.

[2]) Анна Петровна Зонтагъ.

какою я бы желалъ! Нѣтъ! Это невозможно и невозможно не отъ нее, но отъ обстоятельствъ нашихъ, которыя должны насъ рознить. Какъ же обвинять за невозможное? Было бы несправедливо! А несправедливое обвиненіе только прибавитъ одно лишнее и безполезное горе къ тѣмъ горестямъ, которыя она имѣла и имѣетъ. Гораздо лучше и благороднѣе и справедливѣе жалѣть о тѣхъ обстоятельствахъ которыя и ее и меня лишаютъ способа дать другъ другу какое нибудь счастіе, и не силиться побѣдить непобѣдимаго. Ласки ея точно ко мнѣ искреннія, но болѣе не можетъ она дать ничего и виноваты въ томъ обстоятельства. Мы смотримъ на вещи разными глазами, мы не согласны въ образѣ чувствъ нашихъ—безъ этаго согласія, быть вмѣстѣ нельзя; будемъ только мучить другъ друга: но стараться произвести это согласіе такъ же нельзя! на это усиліе она неспособна. И такъ растаться и не обвинять ее не справедливо. Она такъ же достойна сожалѣнія какъ и я!» Видите сколько перемѣнъ въ три дни! Но теперь кажется хаосъ въ порядкѣ.

У безцѣнной Марьи Алексѣевны [1]) цѣлую ручки; каково ея здоровье? Поклонитесь самымъ дружескимъ образомъ Еленѣ Ивановнѣ [2]). Здорова ли Наталья Андреевна? Что отъ нее нѣтъ никакой вѣсточки?

Бѣдной Өедоръ Александровичъ! [3]) Жаль его отъ всего сердца! Еще однимъ прекраснымъ, благороднымъ человѣкомъ менѣе въ нашемъ кругу!

Пошлите письмо Уварова къ Плещееву и скажите ему, чтобы онъ отвѣчалъ мнѣ на мои три письма. Я однако не дуюсь. Буду писать къ нему изъ Петрограда. Ав. Петр.! Кавелинъ долженъ непремѣнно вамъ нравиться: онъ прекрасный человѣкъ,—когда увидимся разскажу вамъ одинъ его поступокъ, котораго довольно чтобы судить объ немъ безошибочно. А мнѣ онъ былъ большимъ утѣшеніемъ въ первыя минуты Петербургской жизни, за которыя я заплатилъ ему искренною дружбою. Я съ нимъ говорилъ обо всемъ и нельзя было скрываться потому что эта довѣренность была уже здѣлана Воейковымъ въ дни его пламенной ко мнѣ дружбы» [4]).

---

[1]) Баронесса Черкасова.

[2]) Дочь баронессы Черкасовой

[3]) Кашкинъ (?).

[4]) Дополненіемъ къ этому письму можетъ служить письмо Жуковскаго къ А. И. Тургеневу, (Р. Арх. 1864 г., стр. 456, а 2-го изд. стр. 888 или въ соч Жуковскаго, VI, 395), гдѣ тоже высказывается страхъ Жуковскаго къ жизни въ Петербургѣ и намѣреніе оставаться въ Дерптѣ. П. В.

№ 25.

Къ Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской [1]).

16-го сентября 1815 г. Петербургъ.

«Я не писалъ къ вамъ съ третьяго августа — довольно времени! да и вы милыя сестры или маточки помалчивали. Виноватъ! нѣтъ! я недавно получилъ прекрасное письмецо отъ Анеты! получилъ кошелекъ—безцѣнной подарокъ прекраснѣйшаго человѣка! еще на поляхъ Анетина письма получилъ какой-то долбинской логогрифъ, котораго по сію пору разобрать не умелъ...! Самъ Эдипъ этаго не отгадаетъ! Вѣрно это мнѣ мщеніе отъ васъ, милая Eudoxie, за то что мои оба послѣднія письма не къ вамъ адресованы, а къ Анетѣ. Чтобы заставить васъ проговориться, пишу это письмо въ вамъ, хотя въ немъ и отвѣчаю на Анетино. А Катя ко мнѣ и не приписываетъ! а Букваръ и не откликнется! Что они? Развѣ могутъ на меня сердиться? Развѣ могутъ вообразить, что мои письма, къ одной изъ васъ писанныя, въ то же время и не къ нимъ? Пожурите и заставьте мнѣ сказать хоть словечко! Отъ Плещеева не имѣлъ отвѣта на 5 писемъ, изъ которыхъ четыре большія! Что съ нимъ сдѣлалось? Увѣдомте меня объ нихъ! Мнѣ это начинаетъ быть и грустно и больно и досадно! Прошу васъ тотчасъ по полученіи этаго письма послать къ нему отъ моего имени и попросить и его и Анну Ивановну съ поклономъ написать ко мнѣ хоть двѣ строчки. Чорная, милая рожа! Кто его разтолкуетъ! а здѣсь я объ немъ вспоминаю съ особеннымъ чувствомъ! мнѣ бы хотѣлось показать и Тургеньеву и Блудову, которые прямо меня любятъ, этого арлекина, который имъ не уступаетъ въ дружбѣ ко мнѣ! А онъ молчитъ и сжался какъ паукъ въ своей паутинѣ! И нѣтъ мнѣ отъ него никакого отвѣта!

Мнѣ надобно сказать вамъ о себѣ очень много! Я отправился сюда изъ Дерпта 24-го августа! fermement resolu de ne plus y reparaitre! Тамъ быть невозможно—какъ ни тяжело розно, какъ ни порывается къ нимъ душа, какъ ни украшаетъ отдаленіе все то что такъ печально въ близи, но быть тамъ нельзя! Въ этомъ я теперь увѣренъ! Самое бѣдственное, самое низкое существованіе, убійственное для Маши и для меня! Быть рабомъ и что еще хуже, сносить молча рабство Маши — такая жизнь хуже смерти! Но вотъ что диво! на половинѣ дороги отъ Дерпта, мой шептунъ шепнулъ мнѣ, что все

[1]) Отрывокъ напечатанъ въ біографическомъ очеркѣ въ „Ж. М. Н. Пр." ч. CXLIII, стр. 60. П. В.

еще можетъ перемѣниться, и я принялся писать къ Екатеринѣ Аѳанасьевнѣ письмо воображая что меня зовутъ назадъ, что на все соглашается, что мы всѣ становились дружны, что между нами, съ уничтоженіемъ всѣхъ препятствій поселяется искренность согласіе, покой — однимъ словомъ, воображеніе загуляло и только на послѣдней станціи остановилось! Я перечиталъ свое письмо, нашелъ въ немъ все то же что говорено было и писано двадцать разъ, и все что казалось такъ возможнымъ за минуту вдругъ сдѣлалось невозможностію! И я рѣшилъ спрятать это письмо за нумеромъ въ архивъ разрушенныхъ химеръ и въѣхалъ въ Петербургъ съ самимъ грустнымъ, холоднымъ настоящимъ и съ самимъ пустымъ будущимъ въ своемъ чемоданѣ. Но теперь опять что-то загомозилось для меня въ будущемъ — что-то похожее на надежду! вотъ въ чемъ дѣло! Я пріѣзжаю къ Павлу Ивановичу [1]). Онъ по одному письму Екатерины Аѳанасьевны сталъ меня допрашивать обо мнѣ и Машѣ; я въ этотъ разъ ничего ему не сказалъ ясно, но лице мое и нѣсколько слезъ сказали за меня яснѣе. Между тѣмъ Алекс. Павл. все сказалъ своей матери, которая—подивитесь!—говоритъ, что она не находитъ ничего непозволеннаго, что между нами нѣтъ родства! Важная побѣда! Хотя Павелъ Ивановичъ и не согласенъ еще съ нею, но онъ вѣрно согласится! Я уже два раза съ нимъ говорилъ — одинъ разъ съ нею одной, другой разъ съ нею и съ нимъ вмѣстѣ. Марья Николаевна почти обѣщала писать, между тѣмъ, узнавши отъ нихъ рѣшительное ихъ мнѣніе и естьли согласятся написать письмо къ Ек. Аѳ. я напишу и къ Еленѣ Ивановнѣ, чтобы она съ своей стороны написала. Это единственное намъ остается средство; естьли оно не поможетъ, то поджать руки и ждать съ терпѣніемъ The great teacher [2]). Изъ этихъ обстоятельствъ вы можете заключить въ какомъ я волнующемъ положеніи! Не дѣлаю никакихъ плановъ и не имѣю никакого занятія. Между тѣмъ разсѣяніе, въ которомъ нѣтъ ничего привлекательнаго. Вотъ уже я двѣ недѣли слишкомъ въ Петербургѣ, а еще не принимался ни за что. И не знаю когда примусь. Къ новой моей надеждѣ я совсемъ не привязываюсь; я смотрю на нее какъ на волка въ овечьй кожѣ и не подхожу къ ней близко. Естьли ничто не сбудется, то выползу къ вамъ, на вашъ берегъ, къ друзьямъ и къ уединенію. Здѣсь во всякомъ случаѣ мнѣ должно пробыть по крайнѣй мѣрѣ до конца февраля, чтобы кончить изданіе своихъ стиховъ и еще кое-какія работы, а скороли примусь за нихъ не знаю! Здѣсь не Долбино! Да и перспективы прежней уже нѣтъ! Думаю, что

---

[1]) Протасовъ — дядя Марьи Андреевны.

[2]) Великаго учителя (судьбы). П. В.

голова и душа не прежде какъ у васъ придетъ въ нѣкоторый порядокъ — у васъ только буду имѣть свободу оглядѣться послѣ моего пожару, выбрать мѣсто, гдѣ бы поставить то что отъ него уцѣлѣло, и вмѣстѣ съ вами держать на готовѣ заливную трубу. Здѣсь безпрестанно кидаетъ меня изъ одной противности въ другую; изъ мертваго холода въ убійственной огонь; изъ равнодушія въ досаду. Я имѣлъ здѣсь и пріятныя минуты! и гдѣ же? Тамъ гдѣ никакъ не воображалъ имѣть ихъ! Въ дворцѣ царицы! Дни черезъ два по пріѣздѣ моемъ сюда Нелединскій увѣдомилъ меня, что надобно съ нимъ вмѣстѣ ѣхать въ Павловскъ. Я отправился туда одинъ 4-го числа поутру и пробылъ тамъ 3 дни, обѣдалъ и ужиналъ у царицы и возвратился съ сердечною къ ней привязанностію, съ самымъ пріятнымъ воспоминаніемъ ласки необыкновенной. Въ эти три дни не было ни одной минуты для меня неловкой; простота ея въ обхожденіи такъ велика, что я нисколько не думалъ гдѣ я и съ кѣмъ я; однимъ словомъ было весело, потому что сердце было довольно. Въ первый день было чтеніе моихъ балладъ въ ея кабинетѣ въ приватномъ ея обществѣ, состоявшемъ изъ великихъ княгинь, двухъ или трехъ дамъ, Нелединскаго, Вилламова и меня. Читалъ Нелединскій: сперва Эолову арфу, потомъ Людмилу, потомъ—опять Эолову арфу, которая особенно понравилась, потомъ Варвика, потомъ Ивика.

На слѣдующемъ чтеніи, которое происходило уже въ бо́льшемъ кругу, читалъ я самъ Пѣвца, потомъ Нелединскій Старушку и Свѣтлану и наконецъ Посланіе къ царю. Эти минуты были для меня пріятны, но не самыя пріятныя—здѣсь вмѣшивается безпокойное самолюбіе автора. Но то что было для меня особенно пріятно, есть чувство благодарности за самое трогательное вниманіе, за добродушную ласку, которая нѣкоторымъ образомъ уничтожила разстояніе между мною и Государынею. Эта благодарность навсегда останется въ душѣ моей. Очень весело принесть ее изъ того круга, въ который другихъ заманиваетъ суетное честолюбіе, недающее никакихъ чистыхъ наслажденій. У меня его нѣтъ. Добрый сторожъ бережетъ отъ него душу! И тѣмъ лучше! Можно безъ всякаго безпокойства предаваться простому, чистому чувству! Я не былъ ослѣпленъ ни на минуту, но за то часто былъ тронутъ! У меня былъ и проводникъ прелестный! Нелединскій рѣдкое явленіе въ нынѣшнемъ свѣтѣ! Онъ взялъ меня на руки какъ самой нѣжной родной и ни на минуту не забылъ обо мнѣ—ни на минуту его вниманія не покидало меня. Гдѣ бы я не былъ онъ всюду слѣдовалъ за мною глазами; все самъ за меня придумывалъ, предупреждалъ меня во всемъ и входилъ со мною въ самыя мѣлкія подробности. Еще одно важное обстоятельство! Въ первый день моего пребыванія въ Павловскѣ — пошедши

представляться Государынѣ, мы дожны были нѣсколько времени дожидаться ея, потому что она писала письмо къ Государю. Мы усѣлись съ Нелединскимъ въ залѣ, и не знаю какъ дошелъ разговоръ до того, что онъ у меня спросилъ о моихъ обстоятельствахъ, то есть о родствѣ какое у меня съ Ек. Аѳ. Я сказалъ въ чемъ оно состоитъ. Онъ принялся чертить кружки и линейки, и по рисунку вышло что между мною и Машею родства нѣтъ. Но тѣмъ это и кончилось. Я не разсказывалъ ничего, да и не нужно. Дѣло состоитъ въ томъ— чтобы тетушка сама согласилась; не будетъ этаго, не будетъ семейнаго покоя! а какъ же безъ него искать чего нибудь! И Государыня знаетъ обо мнѣ—но я къ этому способу не прибѣгну! Никакой другой власти не должно требовать, кромѣ власти убѣжденія! Естьли сердце тетушки молчитъ, то чемъ его говорить заставить! Голосъ родныхъ будетъ дѣйствительнѣе, но и на него плоха надежда. Сердце ея молчитъ крѣпко! Что ей надобно, то ей и мило, хотя бы оно было и отвратительно — я этому видѣлъ примѣры! Для меня и, надобно признаться, для Маши, она глазъ не имѣетъ! Иначе какъ бы смотрѣть съ такимъ равнодушіемъ на наши потери, какъ бы не употребить всего усилія чтобы хотя не страдать за нихъ—все въ ее власти, все ей легко! и не смотря на это, все у насъ взято! mais trêve aux lamentations [1])! Мнѣ пора кончить. Но надобно еще писать къ Вяземскому, отъ котораго получилъ милое письмо и прекрасные стихи.

Въ заключеніе скажу вамъ, Анета, что деньги о которыхъ я вамъ писалъ и которыя вы должны были взять у NN, тетушка еще на годъ у себя оставляетъ. И такъ не берите ихъ.

Знаете-ли что мнѣ приходитъ въ голову? Купить у васъ десятины три земли и построить на нихъ домики и жить доходомъ съ денегъ [2]). Кажется это бы можно! Что мнѣ нужно! Свобода, работа и маленькій достатокъ. Право я не почитаю этаго химерою [3]). Клокъ земли подлѣ Мишенскаго или подлѣ Долбина; но клокъ собственной. Чтобы было довольно для сада и огорода! На содержаніе себя деньги, которыхъ не много нужно и которыя легко бы было выработывать—и при всемъ этомъ забвеніе о будущемъ и жить для настоящаго. Естьли разъ залѣзу въ этотъ уголъ, то уже изъ него будетъ трудно меня вытащить.

Прощайте милые друзья, нынче худо пишется! Шептунъ мой что-то осовѣлъ. Чтобы дополнить вамъ письмо переписываю мои стихи

---

[1]) Но довольно жаловаться.

[2]) Тутъ слово не разборчиво.

[3]) Замѣчательно, что незадолго передъ симъ Жуковскій продалъ принадлежавшій ему въ тѣхъ мѣстахъ участокъ земли тысячь за одиннадцать, чтобы отдать эти деньги на приданое Александры Андреевны. П. В.

къ старику Эверсу, писанные дни за два до отъѣзда изъ Дерпта. Надобно вамъ знать, что Эверсъ, осьмидесятилѣтній старикъ, есть человѣкъ единственный въ своемъ родѣ—онъ живетъ для добра и со всемъ этимъ простота младенца. Онъ профессоръ. На праздникѣ студентовъ на который былъ приглашенъ и я, онъ вздумалъ со мной пить братство. Это меня тронуло до глубины души; и было очень къ статѣ.— Мой добрый шептунъ принялъ образъ добродѣтельнаго старика и утѣшилъ меня въ этомъ видѣ! Правда и [1]) на долго—но и та минута была не пропавшая. Я отъ всей души поцѣловалъ братскую руку.

Вступая въ кругъ счастливцевъ молодыхъ etc. etc.» [2]).

№ 26.

Къ Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской.

(Спб. 1815. Осенью, послѣ 23 сентября).

«Вы несносны милостивая государыня Авдотья Петровна съ своими полусловами. Одна пишетъ Богъ знаетъ что, а другая на это Богъ знаетъ что пишетъ такія объясненія которыя только что все затемняютъ. Писать мнѣ право нѣкогда. Спѣшу къ живописцу [3]),

---

[1]) Не есть-ли это описка и не надо-ли читать вмѣсто «и на долго»—«не на долго»? П. В.

[2]) При 48 строчкѣ выписаннаго стихотворенія:

„Я зрѣлъ вчера: сходя на край небесъ,
Какъ божество насъ солнце покидало"...

Жуковскій дѣлаетъ слѣдующую выноску: «Это такъ случилось. На другой день послѣ студентскаго праздника отправился я ввечеру съ Воейковымъ и еще съ двумя въ коляскѣ за городъ. Солнце заходило самимъ прекраснымъ образомъ и я вспомнилъ объ Эверсѣ и объ завѣщаніи Эверса. Я часто любовался этимъ старикомъ, который всякій вечеръ ходилъ на гору смотрѣть на захожденіе солнца. Заходящее солнце въ присутствіи старца, котораго жизнь была святая, есть что-то величественное, есть самое лучшее зрѣлище на свѣтѣ. Эти стихи должны быть дерптскаго (?) моего Теона и Эсхила. Въ обѣихъ много для меня добра.

«Это письмо пошлите къ Плещеевымъ; къ нимъ мнѣ нынче писать нѣкогда. Надобно же чтобы и они когда нибудь ко мнѣ написали».—

Посланіе къ Эверсу находится въ Соч. Жук., т. I, стр. 474. Въ примѣч. къ нему на стр. 513 П. А Ефремовъ замѣчаетъ, что выписки изъ письма Жуковскаго объ этомъ стихотвореніи приведены у Шевырева въ статьѣ «Знач. Жук. въ русской жизни и поэзіи» (Москвитянинъ 1853 г. № 2) и въ «біографіи Зейдлица» (журн. мин нар. просв. CXLIII стр. 57); но страннымъ образомъ выписки не сходны между собою, хотя сдѣланы изъ одного письма.—Теперь это уясняется: Шевыревъ привелъ выписку изъ письма, а Зейдлицъ изъ примѣчанія къ стихотворенію, находящемуся въ томъ же письмѣ.

[3]) О. Кипренскому. В. П.

который принялся писать съ меня огромный портретъ in folio для безсмертія и для Уварова. Есть-ли не дорого будетъ стоить списокъ, то у васъ, друзья, онъ будетъ. А тамъ хоть и на тотъ свѣтъ. Чтобы это письмо не было слишкомъ пусто посылаю вамъ новые стихи мои единственные съ послѣдняго моего счастливаго времени въ Долбинѣ [1]). Когда то опять воротится мнѣ мое Долбино и Мишенское? Покрайней мѣрѣ вы свое дѣлайте—готовте для меня мое мѣсто. Мнѣ кажется что перенесясь къ вамъ, я уйду отъ всѣхъ бѣдъ. Простите до слѣдующей почты. Опишу вамъ, какъ я выброшенъ изъ Дерпта и какъ здѣсь въ Петербургѣ меня бранятъ въ комедіяхъ [2]) и за меня бранятся въ Журналахъ и какъ при всемъ этомъ я только и думаю о своей родинѣ и о своихъ друзьяхъ.

Un petit préambule a mes vers [3]). «Славянка» рѣка въ Павловскѣ. Монументъ Павла: Урна, передъ которою лежитъ въ слезахъ женщина. На барельефѣ: государь сидящій съ опущенною головою и опирающійся на щитъ; передъ нимъ государыня и вся императорская семья; въ облакахъ Александра Павловна и Ольга Павловна. Монументъ Александры Павловны: Молодая женщина съ звѣздою на головѣ готовится летѣть на небо, геній жизни на коленяхъ передъ нею, хочетъ ее удержать и не можетъ. Еще есть въ Павловскѣ такъ называемая семейная роща, гдѣ каждое дерево посажено въ день рожденія одного изъ великихъ князей и княгинь начиная съ нынешняго Государя. Въ этой рощѣ Урна судьбы [4]).

Простите. Дѣтей цѣлую. И всѣхъ васъ и Азбукиныхъ и Наталью Андреевну. Пошлите списокъ съ стиховъ Плещеевымъ».

Вскорѣ Жуковскій опять пишетъ къ роднымъ и подробнѣе говоритъ о нападкахъ на него Шаховскаго, о Дерптѣ, о горькой перспективѣ въ Петербургѣ.—«Если надо будетъ здѣсь оставаться...—тогда прощай поэзія» и т. д. Все это письмо напечатано въ «Р. Арх.» за 1864 годъ (изд. І-ое стр 458, изд. ІІ-ое стр. 893).

Сообщ. К. К. Зейдлицъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Должно быть Элегія „Славянка“ (соч. І, 478); ср. Зейдлицъ «Очеркъ развитія поэтич. дѣят.» стр. 63.

[2]) Комедія Шаховскаго: «Урокъ кокеткамъ или мишенскія воды» въ первый разъ представлялась на Маломъ театрѣ 23 сент. 1815 г. Тутъ былъ и самъ Жуковскій и друзья его.

[3]) Небольшое предисловіе къ моимъ стихамъ.

[4]) См. обо всѣхъ этихъ достопримѣчательностяхъ Павловска въ весьма роскошномъ, въ художественномъ отношеніи, изданіи е. и. в. вел. кн. Константина Николаевича: «Павловскъ, 1777—1877 гг.». П. В.

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ БАТЮШКОВЪ

въ письмахъ къ Ник. Ив. Гнѣдичу.

1811 годъ.

XXXVIII [1]).

(1811 г.).

Боже мой, что за письмо! Ни конца, ни начала, а о серединѣ не скажу ни слова!.. Что дѣлать, пожмемъ плечами и станемъ отвѣчать... Самарина уѣхала, и, говорятъ, не на радости будетъ домой, у ней скончалась мать. Это и меня за нее огорчаетъ. Признаюсь тебѣ, любезный другъ, люблю ее всей душой. Нилова въ половину не столь любезна; она, кажется мнѣ, не много не въ своей тарелкѣ. Анна Петровна вездѣ и всегда спокойна и одинакова. Но онѣ уѣхали! жаль! очень жаль! Слухъ о смерти матери Анны Петровны оказался неосноватеденъ.

Какъ отвѣчать тебѣ на твою диссертацію? Молчаніемъ? Ахъ нѣтъ!—учеными фразами?—и того не надо! Ситаціями изъ древнихъ и новѣйшихъ?—Храни насъ Богъ! Чѣмъ же, злодѣй? А вотъ чѣмъ: пожать у тебя руку, ибо я вижу, что дружба заставляетъ тебя бредить!!! Одиножды положивъ на судѣ, что я родился для отличныхъ дѣлъ, для стихотвореній эпическихъ, важныхъ; для исправленія государственныхъ должностей; для безсмертія, наконецъ, ты, любезный другъ, рѣшилъ и подписалъ, что я враль, ибо перевожу Парни.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1870 г. т. I, изд. первое, стр. 65—71; изд. второе, стр. 549 -554; 1871 г. т. III, стр. 208—236; 394; 1874 г. т. X, стр. 383—398; изд. 1883 г. т. XXXVII, мартъ, стр. 647—664.

Конечно влага водъ глупость; но поэтому ты заключаешь, что и вся піеса вранье. Этотъ судъ тебѣ дѣлаетъ великую честь! Теперь замѣть другое, третье, четвертое, наконецъ десятое фальшивое, темное, глупое, надутое выраженіе и будешь правъ; но нѣтъ! Ты будешь виноватъ, потому что ихъ не найдешь, потому что эти стихи написаны очень хорошо, сильно, наконецъ, потому что они меня достойны!!!

Пора кончить, любезный Николай, этотъ словесной споръ, который ни тебя, ни меня не убѣдилъ. Поговоримъ лучше о пѣвцѣ Фелицы: ты съ нимъ поступилъ весьма благоразумно. Я, будучи на твоемъ мѣстѣ, сдѣлалъ конечно бы тоже.

Прости мнѣ, естьли я тебя судилъ сначала слишкомъ строго. Но и теперь я думаю, что ты напрасно выписался, а не ускользнулъ. Послѣднее было бы еще лучше и перваго. Но это дѣло меня безпокоило. Слава Богу, что ты его кончилъ. Сегодня вбѣгаетъ ко мнѣ Ивановъ, котораго ты конечно помнишь, вбѣгаетъ и кричитъ: «виватъ Гнѣдичъ!» Я удивился, спрашиваю его о причинѣ восклицанія, и онъ мнѣ разсказываетъ твою исторію съ Державинымъ. Онъ въ восхищеніи отъ твоего поступка, говоритъ, что ты достоинъ олтарей и проч.; но я не Ивановъ, и думаю иначе, ибо я люблю болѣе твой собственный интересъ, нежели ты самъ, въ иныхъ случаяхъ, разумѣется.—Я читалъ объявленіе о Бесѣдѣ [1]) въ газетахъ, читалъ ея регламентъ, и теперь еще болѣнъ отъ этого чтенія Боже! что за люди! какое время! О Велхи! О Варяги-Славяне! О скоты!—Ни писать, ни мыслить не умѣютъ!!! а ты еще хвалишься Петербургскимъ рвеніемъ къ словесности!!! Мода, любезный другъ, минутный вкусъ. И тѣмъ хуже, что принимаются такъ горячо. Тѣмъ скорѣе исчезнетъ жаръ, повѣрь мнѣ: мы еще всѣ такіе невѣжды, такіе варвары!!! Я вотъ чего страшусь: женщины, у которыхъ вкусъ нѣжнѣе и вѣрнѣе, соскучатся прежде; а послѣ нихъ тотчасъ и мущины. Тогда это ремесло будетъ смѣшно, предосудительно.

В. Л. Пушкинъ сочинилъ сатиру [2]). сюжетъ весьма благороденъ: ......; но стихи истинно прекрасны, много силы, живости, выраженія. Впрочемъ и у насъ добра мало. Все тотъ же вкусъ, та же

---

[1]) Бесѣда Любителей Р. Сл. Первая книжка изданія этого общества подъ заглавіемъ: „Чтенія въ Бесѣдѣ" и пр. вышла въ 1811 г.

[2]) «Опасный Сосѣдъ». Она до сихъ поръ обращается здѣсь въ рукописи, а заграницею была отлитографирована въ 1812 г., для образчика литографіи военно-походной канцеляріи; въ послѣднее же время дважды напечатана въ Лейпцигѣ: С. Д. Полторацкимъ съ библіографич. примѣчаніями, и неизвѣстнымъ издателемъ. П. Б.

привязанность къ Галламъ, таже самая охота къ увеселеніямъ публичнымъ, и вездѣ таже скука.

Пушкинъ въ своей сатирѣ удивительно смѣшно отдѣлалъ Шихматова, Шаховскаго и Шишкова. Ты удивишься, мой другъ, какимъ образомъ эти цѣломудренные герои нашли мѣсто въ подобномъ домѣ. Но вотъ какимъ образомъ: Пушкинъ, описывая лихихъ коней, вопрошаетъ или взываетъ къ Шихматову, и проситъ позволенія назвать пару двоицею, а пѣвецъ Петріады отвѣчаетъ:

Ну къ чорту умъ и вкусъ! Пишите! въ добрый часъ!

XXXIX.

(1811 г.).

Виноватъ передъ тобою, милый мой Николай, что замедлилъ отвѣтомъ, но этому была законная причина. Мнѣ хотѣлось послать тебѣ сочиненія Михаила Никитича и этого не могу до сихъ поръ сдѣлать, потому что университетъ, спѣша по тихоньку, задерживаетъ экземпляры. Ты можешь быть увѣренъ, что я тотчасъ по полученіи книгъ, оныя тебѣ вышлю. Но собраніе стохотвореній *Жуков.* [1]) ты можешь купить въ Питерѣ, у меня теперь нѣтъ лишнихъ денегъ, вотъ почему тебѣ и не посылаю; въ слѣдующихъ томахъ, которыхъ уже я видѣлъ коррѣктуру, помѣщенъ Перуанецъ, твое посланіе ко мнѣ, и переводъ изъ Потеряннаго рая, точно въ такомъ видѣ, какъ были напечатаны и прежде.

Ты удивляешься, что Жуков., будучи со мной знакомъ, ничего моего не помѣстилъ. Я его люблю какъ и прежде, потому что онъ имѣетъ большія дарованія, умъ, и самую добрую, благородную душу. Въ первомъ томѣ помѣщена одна пѣсня къ Мальвинѣ, нѣкогда напечатанная въ Лицеѣ у Мартынова, и которую я вовсе забылъ. Во второмъ и третьемъ нѣтъ ничего, да и быть не можетъ, потому что я ни басень, ни сказокъ, ни одъ никогда не писывалъ. Въ 4-мъ будетъ моя элегія изъ Тибулла, а въ 5-мъ—Мечта (которую я снова всю передѣлалъ и мирты послалъ къ чорту), Воспоминанія, Щастливецъ, и другія бездѣлки.

Но что могу сказать тебѣ о моемъ пріѣздѣ въ Питеръ? Когда

---

[1]) Собственно не стихотвореній Жуковскаго, а „Собраніе русскихъ стихотвореній, взятыхъ изъ сочиненій лучшихъ стихотворцевъ Россійскихъ и изъ многихъ Русскихъ журналовъ, 6 частей. Издалъ 5 частей Василій Жуковскій". М. 1810 - 1815. Цѣна была 60 рублей. П. Б.

увижусь съ тобой? Когда возобновлю прежніе споры? Когда сидя за трубкою, у чайнаго столика, станемъ мы питать воображеніе мечтами, а красноокую твою Мальвину крошками сухарей? Когда пожму твою руку и скажу: другъ мой, десять лѣтъ какъ тебя знаю, въ эти десять лѣтъ много воды уплыло, многое перемѣнилось, мы не столь щастливы какъ были, ибо потеряли и свѣжесть чувствъ, и сердца наши, способныя къ любви, ретивыя сердца наши до дыръ истаскали. Но въ эти десять лѣтъ мы узнали на опытѣ, что дружба можетъ существовать въ этомъ земноводномъ, подлунномъ мірѣ, въ которомъ много зла и мало добра; мы узнали, что щастіе неразлучно съ благороднымъ сердцемъ, съ доброю совѣстью, съ просвѣщеннымъ умомъ, узнали, и—и—и— слава Богу!

Державинъ написалъ письмо къ Тургеневу, въ которомъ онъ разбранилъ Жуковскаго и осрамилъ себя. Онъ сердится за то, что его сочиненія перепечатываются, и, между прочимъ, говоритъ, что Жуковскій его ограбилъ, ибо его книги не расходятся, а Жуковскій на щетъ денегъ такая же живая прорѣха, какъ ты и какъ я. Вотъ люди! Поди, узнай ихъ! А какъ станутъ говорить о благородствѣ, о чувствахъ, о любви къ ближнему, такъ хоть бы кому!— —

Кстати объ изданіи Жуковскаго. Скажу тебѣ, что его здѣсь бранятъ безъ милосердія. Но согласись со мною: естьли выбирать истинно хорошее, то нельзя собрать и одного тома. Естьли хотѣть дать понятіе о состояніи нашей словесности, то какъ дѣлать иначе? Печатать и Шаликова, и Долгорукова, и другихъ. Впрочемъ эти книги суть истинный подарокъ любителямъ свѣтскимъ, и намъ—писателямъ. какъ для справокъ, такъ и для чтенія. Лучшая сатира на Шишкова, какую кто либо могъ сдѣлать, находится въ этомъ собраніи, то есть его стихи, его собственные стихи, которые ниже всего посредственнаго.

Посылаю тебѣ стихи князя Вяземскаго на Шаликова, который хотѣлъ ѣхать въ Парижъ. Они очень остры и забавны. Въ этомъ родѣ у насъ ничего нѣтъ смѣшнѣе. (Кромѣ однакожъ Леты вашей, милостивый государь Константинъ Николаевичъ [1]).

Пиши ко мнѣ почаще и не забывай, что я тебя люблю и въ прозѣ и въ стихахъ. Бат.

Опиши мнѣ засѣданіе Лицея. Говорятъ у васъ чудеса за чудесами. Голицынъ написалъ книгу о русской словесности и разбранилъ Карамзина и Шишкова. Вотъ истинный бѣсъ и никого видно не боится. Другой Голицынъ сочинилъ русскую книгу для постниковъ.

---

[1]) Приписка руки кн. Вяземскаго. П. Б.

P. S. Неудивляйся тому, что на той страницѣ комплиментъ мнѣ, написанъ не моей рукой. Это писалъ кн. Вяземской, который пришелъ, выхватилъ у меня письмо и намаралъ то, что видишь.

М. Н. Сочиненія я тебѣ посылаю, они готовы,—и съ портретомъ.

XL.

6 мая (1811). Москва.

Давно уже отъ тебя нѣтъ извѣстій! Здоровъ-ли ты?

Я пишу сегодня нарочно съ отъѣзжающимъ отсюда Владиміромъ Сергеевичемъ Филимоновымъ [1]), котораго прошу полюбить, какъ добраго моего пріятеля. У него мало знакомыхъ въ Петербургѣ; естьли можешь быть въ чемъ нибудь ему полезнымъ—то будь! Однимъ словомъ оправдай высокое и доброе мнѣніе, которое объ тебѣ имѣютъ люди званія нашего!

Я на тебя начинаю сердиться. Ты заставилъ писать ко мнѣ Полозова, а самъ ни строчки о своей радости. На что это похоже?—Я же былъ внѣ себя, узнавъ, что ты получилъ еще мѣсто, это лучше асессорства, ты знаешь самъ почему.—Получилъ-ли мои книги?—

У васъ еще было засѣданіе въ Бесѣдѣ? Бога ради отпиши мнѣ объ этомъ. Правда-ли, что Хвостовъ написалъ и проговорилъ: «съ богами говорить не должно безтолково?» А съ людьми какъ?—Муравьевъ-Апостолъ читалъ жизнь Горація?—Я бьюсь объ закладъ, что это было хорошо. Державинъ... но объ этомъ ни слова!

Браво Шихматовъ! молодецъ! Я читалъ въ Цвѣтникѣ рецензію (которая истинно смѣшна, особливо конецъ, гдѣ выписанъ планъ, ходъ и слогъ поэмы Петра, въ нѣсколькихъ строкахъ) и съ вожделѣніемъ прочиталъ игривые стихи его сіятельства къ своему братцу [2]), стихи, которые конечно затмятъ славу безбожника Вольтера въ этомъ родѣ, стихи, въ которыхъ: «роскошество, чудовище престранно, на яствахъ возлежитъ, питаяся пространно». Безподобно! Роскошь лежащая на пастетахъ, котлетахъ и подовыхъ пирогахъ: мысль жирная! оригинальная! и—такъ сказать—немного смѣлая.—Кто писалъ рецензію на Шишкова? А она истинно хороша! Признайся, любезный

---

[1]) Авторъ „Дурацкаго Колпака" и другихъ стихотвореній. Къ нему есть посланіе А. С. Пушкина.

[2]) „Посланіе къ любезному моему брату князю Михаилу Александровичу, 1810 годъ, мѣсяцъ Серпень. Спб. Въ морской тип.". Рецензія, о которой упоминаетъ Батюшковъ, напечатана въ «Цвѣтникѣ», 1810 г. (ч. VIII, декабрь, № 12, стр. 468—476). П. Б.

Николай, вздохнувъ отъ глубины сердца твоего, что Шишковъ ни по французски, ни (увы!) по русски не знаетъ. Виватъ умныя головы!

У насъ карусель, и всякой день кому носъ на сторону, кому зубъ вонъ!

Самарина ко мнѣ писала. И я увѣдомилъ ее о твоемъ асессорствѣ.

Я скоро ѣду... куда?—и самъ не знаю. Но ты, мой другъ, по обычаю древнихъ, поклонись усердно своему пенату, вылей передъ нимъ капли три помоевъ чайныхъ, либо кофейныхъ, увѣнчай его, за недостаткомъ дубовыхъ листьевъ, листами Анастасевичева журнала [1]), и, можетъ быть, я явлюсь къ тебѣ неожиданный гость...

Tunc veniam subito, ne quisquam nuntiet ante:
Sed videar coelo missus adesse tibi...

Какъ я пріѣхалъ нѣкогда изъ Финляндіи. И ты мнѣ обрадуешься и ты прослезишься, и я тебя обойму такъ крѣпко, такъ крѣпко къ сердцу, что сія минута будетъ блаженнѣйшею въ моей жизни. А пока я очень скученъ, другъ мой! Ахъ, еслибъ ты могъ читать въ моемъ сердцѣ! Но лучше читай Шихматова посланіе къ братцу!

Дай себя поцѣловать и прости.

(Приписка рукою Жуковскаго): «Жуковскій сердечно обнимаетъ любезнаго Николая Ивановича и желаетъ ему здоровья, удовольствій и болѣе досуга, чтобъ почаще быть наединѣ съ Гомеровымъ геніемъ».

XLI.

Мая 11. Вознесенье. Москва, (1811).

Я получилъ письмо твое вчера, и сегодни на него отвѣчаю. Гимнъ Орфеинова читалъ; это для меня не новость, и у насъ эдакихъ штукъ много. Между прочимъ—но это еще тайна—въ университетѣ заводится родъ лицея [2]), увидимъ что-то будетъ; конечно не лучше вашего!— — —Я писалъ къ тебѣ съ Филимоновымъ, получилъ-ли ты мое письмо? Что сказать тебѣ о переводчикѣ Расина (который конечно Лобановъ)? Есть прекрасные стихи но— — —не все! покрайней мѣрѣ не все совершенно, то, что ты мнѣ выписалъ. Напримѣръ: Пергамъ зрѣлъ зарево, не гладко. Зрѣлъ короткой, спондей; это замѣчаніе ничтожное, согласенъ, но не менѣе того истина. Мнѣ-ль безполез-

[1]) Улей—выходилъ въ 1811 и 1812 г. ежемѣсячно.

[2]) Именно возобновлено было въ 1811 г. Общество Любителей Россійской Словесности. П. Е.

ною земли бывъ тяготой. Согласись, что бывъ дѣлаетъ оборотъ не поэтическимъ, вольнымъ, и это большая ошибка, (въ Расинѣ!!!), что бывъ противно слуху. Теперь два раза зри:

Пріама зри у ногъ,
Тобой спасенныя Елены зри восторгъ,

а потомъ: «узри свои суда». Это ошибка, ибо измѣненіе времени не у мѣста. Вотъ что я замѣтилъ. Будемъ же справедливы:

...Но все въ глубокомъ снѣ и вѣтръ, и стонъ, и волны ..
...и весла безполезны. .
Напрасно пѣнили недвижны моря бездны...
...И трупы вѣтрами несомы средь валовъ...
...Представь весь Гелеспонтъ подъ веслами кипящій и проч.

Прекрасно, и дѣлаетъ большую честь переводчику. Теперь я бы ему шепнулъ на ухо: не вѣрьте похвалѣ, или недовѣряйте; завистниковъ забудьте, пишите съ Богомъ! Но съ Расиномъ шутить нельзя: вотъ главныя условія переводчика Расина: ясность, плавность, точность, поэзія и—и—и—какъ можно менѣе словенскихъ словъ. Для перваго начала это конечно хорошо: но, ради Бога, не захвалите до смерти!

Благодарю тебя за рецензію Хвостова. Вотъ молодецъ! Единственный въ своемъ родѣ! Неподражаемый, не соблазняющійся, выспренній, единоцентренный, парящій, звѣздящій, назидающій, упоевающій, дымящійся, рѣющій, гербующій, истый сочинитель, генералиссимусъ Парнасскій, вепрь Геликонскій, кривъ Піэрридъ, благовонная чаша исполненная сослововъ и рифмъ, фіалъ точащій согласіе, и наконецъ фіалка скромная, таящаяся въ злакѣ, но не менѣе того благоухающая, назидающая, плѣняющая, весьма усыпляющая и отрѣвающая истинный разсудокъ въ пользу читателей.

Читалъ ли ты въ «Вѣстникѣ» рецензію Жуковскаго подъ именемъ Воейкова на Грузинцова [1])? Она тебѣ вѣрно понравится.

У насъ теперь мало новостей. Радищевъ изчезаетъ. Бороздинъ тебѣ кланяется, онъ у меня частенько бываетъ. Сестра къ тебѣ писала объ одномъ бѣдномъ семействѣ, постарайся, мой другъ, помочь; сдѣлай что можешь, что будешь въ силахъ сдѣлать; это люди бѣдные, и въ самомъ жалкомъ положеніи. Напиши сестрѣ, что мнѣ надобно отправиться въ Петербургъ для моей пользы. Я истинно все сбираюсь

[1]) Электра и Орестъ, тр. въ 5 дѣйствіяхъ, соч А. Грузинцова. Критическій разборъ содержанія и исполненія трагедіи, помѣщенный въ „В. Евр.“ 1811 г. (ч. 56. № 7), перепеч. въ собр. соч. Жуковскаго, изд. 1878 г. т. V, стр. 428—438. П. Б.

и—не могу собраться. Москва, разсѣянность, здѣшній родъ жизни, эти праздные люди вовсе меня испортили. Я потерялъ послѣднее дарованіе, становлюсь глупъ, и вотъ уже болѣе 4-хъ мѣсяцевъ какъ не только писать, но даже и читать не могу. Однимъ словомъ я сталъ лѣнивъ, не такъ какъ Шоліо лѣнился нѣкогда въ щастливомъ Фонтенё, но такъ какъ кучеръ Сенька лѣнится на сѣнѣ, заголя вверхъ рубашку. Я сдѣлался великимъ скотомъ, любезный мой другъ, но чтобъ то ни было, даже и въ образѣ осла, даже и въ образѣ Хвостова, буду тебя любить до тѣхъ поръ, пока языкъ не прильпнетъ къ гортани. Addio, ben mio. (Каракулями подписано:) Констант. Бат.

Я къ Самариной недавно писалъ, но не получилъ еще отвѣта. Увѣдомь меня объ Оленинѣ, не сердится ли онъ на меня? Да пиши, братецъ, по чаще, и пришли мнѣ Иліаду. Право не лишнее, если я ее прочитаю.

XLII.

29 мая (1811). Фили, на Москвѣ-рѣкѣ, отъ городу въ 4 верстахъ. Дача у Катерины Өедоровны (Муравьевой).

Я пишу тебѣ изъ Подмосковной, куда переѣхали наши и гдѣ я остаюсь конечно не долго. Въ Петербургъ буду и нѣтъ. Буду, если получу деньги, въ противномъ случаѣ, къ себѣ въ деревню. Крайне жалѣю, любезный Николай, что Полововъ набредилъ, а я поступилъ истинно осторожно, не писавъ объ этомъ ни слова къ Алексѣю Николаевичу (Оленину). Но растолкуй мнѣ: отчего это не случилось? что помѣшало? и потеряна ли вовсе надежда. Я на тебя сердитъ, пишешь о томъ, о семъ, а о себѣ ни слова, а ты не знаешь, что... что... я тебя люблю. Не согласенъ въ разсужденіи Шишкова. Ты говоришь, что онъ уменъ? Богъ съ нимъ!—Иные смѣялись, читая его слово, говоренное въ Бесѣдѣ, а я плакалъ. Вотъ образецъ нашего жалкаго просвѣщенія! Ни мыслей, ни ума, ни соли, ни языка, ни гармоніи въ періодахъ—une stérile abondance de mots, и все тутъ,—а о ходѣ и планѣ не скажу ни слова. Это академическая рѣчь!—Гдѣ мы?—Далѣе: человѣку, желающему преподавать съ ученою важностію законы вкуса, этому человѣку переводить съ итальянскаго Крѣпость, сочиненіе какого нибудь макаронщика, сочиненіе, достойное Острова Любви [1]), и наконецъ подписать свое имя... Нѣтъ, это ни мало не смѣшно, а жалко. Послѣ этого твой умница напечаталъ съ великими

[1]) В. К. Тредьяковскаго. П. Б.

похвалами Станевича Казанью[1]), въ которой нѣтъ ни смысла, ниже языка... И этотъ человѣкъ и эти людіе бранятъ Карамзина за мелкія ошибки, и строки, написанныя въ его молодости, но въ которыхъ дышетъ дарованіе и эти люди хотятъ сдѣлать революцію въ словесности не образцовыми произведеніями, нѣтъ, а системою новою, глупою. И я чтобъ ихъ хвалилъ!.... Но подожди; у насъ будетъ бесѣда [2]): Кутузовъ, Мерзляковъ, Каченовскій, Антонскій со всѣмъ причетомъ московскихъ профессоровъ, которые, какъ извѣстно, по скромности

(Il est facile, il est beau pourtant
d'être modeste lorsque l'on est grand).

скрываютъ имена свои отъ прозорливой публики, ничего не пишутъ и писать не въ состояніи; но все бранятъ, и не имѣя понятія объ исторіи Карамзина, бранятъ ее безъ пощады. Ложные пророки! Всѣ эти господа составятъ общество à l'instar Петербургскаго. Планъ уже готовъ. Ты говоришь, что въ Москвѣ нѣтъ людей! А Карамзинъ, а Нелединскій?.. У послѣдняго я недавно обѣдалъ и просидѣлъ до 9 часовъ вечера. Онъ читалъ свои стихи—время летѣло! Щастливый Шолio и Анакреонъ нашего времени, Нелединскій лѣнивъ не потому что лѣнь стихотворна, а потому, что лѣность его душа. Нѣга древнихъ, эта милая небрежность дышетъ [3]) въ его стихахъ. Онъ много перевелъ изъ Пирона, но какъ перевелъ! Превзошолъ его! Что нужды до рода, я удивляюсь дарованію.

Теперь посылаю тебѣ Пушкина сатиру, которую прочитай Алексѣю Николаевичу. Объ этомъ меня просилъ Пушкинъ. Стихи прекрасны. Вообще ходъ піесы и характеры выдержаны отъ начала до конца.

Панкратьевна садись!—Цѣлуй меня Варюшка,
Дай пуншу!—Пей дьячекъ!—и началась пирушка!

Вотъ стихи! Какая быстрота! Какое движеніе! и это написала вялая муза В. Л.!!! Здѣсь остряки говорятъ, что онъ исполненъ своего предмета, il est plein de son sujet, т. е........ Какъ бы то нибыло, въ этой сатирѣ много поэзіи. Хочешь ли того, что Мармонтель называетъ въ своей поэтикѣ delicatesse?

Свѣтъ въ черепкѣ погасъ...и близокъ былъ сундукъ.

---

[1]) Казанье—проповѣдь.
[2]) Общество Люб. Росс. Словесности. П. В.
[3]) Галлицизмъ!—Не показывай Шишкову. (Батюшк.).

Это прелестно; но это все не понравится гг. бесѣдчикамъ, которые говорятъ:

Ну къ чорту вкусъ и умъ! — пишите въ добрый часъ!

Прощай, мой другъ! Надолго ли? Не знаю! Прощай! Я тебя люблю, — еще разъ прощай! Конст. Б.

Иванъ Матв. Муравьевъ проситъ у меня стиховъ для прочтенія въ «Бесѣдѣ». Напиши мнѣ на отрѣзъ, посылать или нѣтъ. А? —

XLIII.

(Череповецъ, получено въ Петербургѣ 20 іюля 1811 г.).

Любезный Николай, я пишу къ тебѣ изъ моей деревни, куда пріѣхалъ третьяго дни. На долго ли? — не знаю. Но теперь рѣшительно сказать могу, что отсюда я болѣе не поѣду въ Москву, которая мнѣ очень наскучила. Въ послѣднее время я пустился въ большой свѣтъ: видѣлъ все, что есть лучшаго, избраннаго, блестящаго; видѣлъ, и ничего не увидѣлъ, ибо вертѣлся отъ утра до ночи, искалъ чего-то, и ничего не находилъ. Любезный другъ, не суди меня слишкомъ строго: не всякій воленъ дѣлать то, что хочетъ. Я бы давно былъ въ Питерѣ, если бъ на то была возможность, — теперь же учредивъ нѣкоторыя дѣла, непремѣнно вырвусь изъ объятій скучной лѣни и праздности, душевной и тѣлесной, и явлюсь къ тебѣ, когда нибудь, въ видѣ стариннаго твоего друга, прижму тебя такъ сильно, что ты меня узнаешь по этому порыву. Однимъ словомъ я рѣшился ѣхать въ Питеръ на службу царскую. Теперь вопросъ: буду ли счастливъ? Получу ли мѣсто? Кто мнѣ будетъ покровительствовать? Признаюсь тебѣ, я желалъ бы имѣть мѣсто при библіотекѣ, но не имѣю никакого права на оное. Я пріѣду, мой любезный Николай, пріѣду, и дай Богъ, чтобъ ты не разкаялся о томъ, что меня вызвалъ изъ Москвы. Ты говоришь, что люди, всѣ безъ исключенія, не могутъ назваться ниже добрыми, ниже умными. О! я это давно знаю на опытѣ. Но что изъ этого слѣдуетъ? Что люди на насъ похожи; и такъ Богъ съ ними! Но люди — люди! И я на вѣку моемъ былъ обманутъ, но и пользовался благотвореніемъ однихъ, дружбою, однимъ словомъ всѣми чувствами сердечной привязанности, которыя заставляютъ дорожить жизнію.

Ты правъ, Сатира Пушкина есть произведеніе изящное, оригинальное, а онъ самъ еще оригинальнѣе своей сатиры. Вяземской,

общій нашъ пріятель, говоритъ про него, что онъ такъ глупъ, что собственныхъ своихъ стиховъ не понимаетъ. Онъ тупъ и остеръ, золъ и добродушенъ, веселъ и тяжелъ, однимъ словомъ: Пушкинъ есть живая антитеза. Скажи мнѣ какъ примутъ его стихи Ликеане?—Что мнѣ сказать о Московскомъ Пантеонѣ? У насъ съ тобою одна участь, мой милый другъ. Меня предлагали въ члены—и нѣкіи мужи отказали. Признаюсь тебѣ, я желалъ бы быть членомъ какого нибудь общества затѣмъ, что это пробудило бы мою лѣность, ужасную лѣность, которою я и самъ начинаю гнушаться. Но ни Московскіе, ни Питерскіе собратія не могутъ имѣть сильнаго вліянія на мой духъ. И тѣ и другіе вялы, и тѣ и другіе слѣпотствуютъ во мглѣ.

Я радъ тому, что ты бываешь у Строгонова [1]). Впрочемъ cela ne mène à rien, такого человѣка, каковъ ты и я. Les gens riches sont des gueux à qui l'on fait l'aumône. Не тѣмъ, такъ другимъ образомъ, не деньгами, такъ умомъ, любезностью, веселостью; наконецъ они скупы на все. Филимоновъ точно добрый малый. Что онъ зажился въ столицѣ? У него жена милая женщина и ожидаетъ его съ нетерпѣніемъ. Пушкинъ ѣдетъ въ Петербургъ; возобнови съ нимъ знакомство. Онъ тебя любитъ. Я постараюсь быть и самъ въ скоромъ времени. Я тебѣ ничего не писалъ о гимнѣ Венерѣ. Твои стихи мнѣ понравились, они имѣютъ сладость, которая прилична Венерѣ Филопитѣ. Но мѣра мнѣ не нравится. Это перебитый шестистопный стихъ. Гекзаметръ, (какимъ писалъ Мерзляковъ, Третьяковскій въ Тилемахидѣ) имѣетъ болѣе сладости и правильности. Зефиры тиховѣйны, прекрасно!

Что ты дѣлаешь съ своимъ Гомеромъ? Пришли мнѣ что нибудь. Я здѣсь на досугѣ и радъ буду читать и перечитывать. Я ничего не дамъ въ лицей. Богъ съ нимъ! Кажется мнѣ, я сдѣлаю осторожно, ибо меня у васъ въ Питерѣ не любятъ. Въ Москвѣ былъ Маринъ [2]), стихотворецъ-офицеръ, который читалъ намъ: 1-е Сатиру, 2-е Сатиру, 3-е Меропу, 4-е Посланія. Я съ нимъ ужиналъ часто у Вяземскаго. Онъ не пьетъ шампанскаго, а пишетъ стихи.—Радищевъ все толстѣетъ. Карусель былъ очень богатъ и довольно неинтересенъ.

Еще разъ пришли мнѣ своего Гомера, а я привезу его съ собою. Съ будущей почтой напишу тебѣ письмо подлиннѣе и пришлю мою Элегію изъ Тибулла. Ты мнѣ скажешь свое мнѣніе.—Что дѣлаетъ

---

[1]) Александръ Сергѣевичъ—тогда главный начальникъ имп. библіотеки.

[2]) Сатиры его отчасти напечатаны въ «Библіогр. Запискахъ», а отчасти въ заграничныхъ изданіяхъ сборниковъ А. И. Герцена. П. Б.

Филиппъ? Я ему пришлю непремѣнно что нибудь, скажи ему, а теперь истинно ему помочь не въ состояніи. Напрасно онъ меня не послушалъ и не пріѣхалъ въ Москву. Прощай, любезный другъ, пришли мнѣ какихъ нибудь книгъ или новостей. (Пришли вторую часть Бесѣды), чѣмъ меня много одолжишь. Vale et potemus. К. Б.

XLIV.

(Деревня, августъ 1811 г.).

Болѣе двухъ мѣсяцевъ, любезный другъ, какъ не получаю отъ тебя ни строки. Что значитъ твое молчаніе? Ты болѣнъ, но Полозовъ не дремлетъ; онъ иногда за тебя пишетъ. Что съ тобою сдѣлалось? Я бы долженъ начать съ упрековъ; но ихъ въ сторону. Конечно, забыть друга своего въ деревнѣ, не писать къ нему ни строчки, тогда какъ онъ всего болѣе имѣетъ нужду въ письмахъ; что̀ я говорю? въ одной строчкѣ отъ своего Гомера,—есть дѣло безсовѣстное. Но еще разъ, Богъ съ тобою.

Я теперь сижу одинъ въ моемъ домикѣ, скученъ и грустенъ, и буду сидѣть до осени, можетъ быть до зимы, т. е. пока не соберу тысячи четыре денегъ, pour faire tête à la fortune, и тогда полечу къ тебѣ на крыльяхъ надежды, которыя теперь не много полиняли.

Что ни говори, любезный другъ, а я имѣю маленькую философію, маленькую опытность, маленькой умъ, маленькое сердчишко, и весьма маленькой кошелекъ: я покоряюсь обстоятельствамъ, плыву противъ воды, но до сихъ поръ, съ помощію моего добраго Генія, ни весла, ни руля не покинулъ. Я часто унываю духомъ, но не совсѣмъ; а это оправдываетъ мое маленькое... mon infiniment petit, (вспомни Декарта), которое стоитъ уваженія честныхъ людей. Я заврался, но ты меня понимаешь, что тебѣ дѣлаетъ большую честь. Я заврался, но знаешь ли отчего? Оттого, что пустился въ философію. Это со мной обыкновенно бываетъ по осени.

Я читаю теперь С. Ламберта и бываю доволенъ, какъ ребенокъ. С. Ламбертъ доброй человѣкъ, съ нимъ весело бесѣдовать, по крайней мѣрѣ лучше, нежели съ Шатобріаномъ, который, признаюсь тебѣ, прошлаго года, зачернилъ мнѣ воображеніе духами, мильтоновыми бѣсами, адомъ и Богъ вѣсть чѣмъ. Онъ къ моей лихорадкѣ прибавилъ своей ипохондріи и, можетъ быть, испортилъ и голову, и слогъ мой. Я уже готовъ былъ писать поэму въ прозѣ, трагедію въ прозѣ, мадригалъ въ прозѣ, эпиграммы въ прозѣ; въ прозѣ поэтической. Не читай Шатобріана.

Но что дѣлаютъ ваши Славяне? Бываешь ли ты во пиру, во бесѣдѣ? Нынѣ осень на дворѣ и пчелы збираются въ улей, и въ вашемъ ульѣ дымъ коромысломъ. Одинъ читаетъ, другой говоритъ: изрядно; третій хвастаетъ; четвертый хвалитъ себя и Шишкова, ибо Шишковъ воплотился. Что дѣлаетъ Орфей Орфеичъ? Что дѣлаетъ Шаховской [1])? Что дѣлаютъ всѣ? И въ этомъ числѣ Бунина, съ которой я помирился. Она написала «о щастіи». Предметъ обильный и важный, слишкомъ важный для дамы. Въ ея поэмѣ нѣтъ философіи (а предметъ философическій), нѣтъ связи въ планѣ, много чего нѣтъ, но за то есть прекрасные стихи. Прочитай конецъ третьей пѣсни, описаніе сельскаго жителя. Это все прелестно. Стихи текутъ сами собою, картина въ цѣломъ выдержана, и краски живы и нѣжны. Позвольте мнѣ, милостивая государыня, имѣть счастіе поцѣловать вашу ручку! — Клянусь Фебомъ и Шишковымъ, что вы имѣете дарованіе.

Я ничего не пишу; все бросилъ. Стихи къ чорту! Это не бѣда; но вотъ что бѣда, мой другъ, вмѣстѣ съ способностью писать я потерялъ способность наслаждаться, становлюсь скученъ и лѣнивъ, даже немного мизантропъ. Часто, сложа руки, гляжу передъ собою и не вижу ничего; а смотрю—а на что смотрю?—на муху, которая летаетъ туда и сюда. Я мечтатель? О! совсѣмъ нѣтъ! Я скучаю, и подобно тебѣ часто, очень часто говорю: люди всѣ большіе скоты, и азъ есмь человѣкъ... окончи самъ фразу. Гдѣ счастіе? Гдѣ наслажденіе? Гдѣ покой? Гдѣ чистое, сердечное сладострастіе, въ которомъ сердце мое любило погружаться? Все, все улетѣло, изчезло... вмѣстѣ съ пѣснями Шоліо, съ сладостными мечтаніями Тибулла и милаго Гресета, съ воздушными гуріями Анакреона... Все изчезло!.. И вотъ, передо мной лежитъ на столѣ третій томъ Esprit de l'histoire par Ferrand, который доказываетъ, что люди рѣжутъ другъ друга за тѣмъ, чтобъ основывать государства, а государства сами собою разрушаются отъ времени, и люди опять должны себя рѣзать, и будутъ рѣзать, и изъ народнаго правленія всегда родится монархическое, и монархій нѣтъ вѣчныхъ, и республики несчастнѣе монархій, и вездѣ зло, а наука политики есть наука утѣшительная, поучительная, назидательная, и исторіи — должно учиться и размышлять... и еще Богъ знаетъ что такое!!! Я закрываю книгу. Пусть читаютъ сіи кровавые экстракты тѣ, у которыхъ нѣтъ ни сердца, ни души.

Теперь берусь за Локка: онъ говоритъ мнѣ: для счастія своего ищи, ищи истины. Но гдѣ она? Былъ ли онъ самъ меня счастливѣе?

---

[1]) Князь А. А., драматическій писатель. П. Б.

Гоббесъ боялся чертей, а самъ писалъ противъ безтѣлесныхъ тварей. Такъ, мой Николай, науки не могутъ питать сердца. Онѣ развлекаютъ его на время, какъ игрушки голодныхъ дѣтей; а сердце все проситъ любви; она его пища, его блаженство, и мое блаженство—ты знаешь это—улетѣло на крыльяхъ мечты. Есть ли у меня желанія? Есть ли надежда? Я часто себя спрашиваю, и отвѣчаю: нѣтъ!

Вотъ длинная казанья. Но о чемъ говорить? Здѣсь новостей нѣтъ, и не бывало. Новости у васъ, и такъ пришли мнѣ ихъ побольѣе, но самыхъ пріятныхъ, самыхъ веселыхъ, иначе я тебѣ разшевелю всю мою ипохондрію. Прочитай мое письмо за чаемъ, прочитай на единѣ, вздохни, улыбнись и скажи: я люблю его по прежнему. Прости, мой любезный Николай, пиши по чаще и пришли мнѣ что нибудь почитать. Нѣтъ ли Крылова? Я и бездѣлкѣ буду радъ, а за Крылова скажу спасибо. Константинъ Батюшковъ. Въ Череповецъ.

XLV.

(Сентябрь 1811 г.).

Я получилъ твои хартіи лѣта 1811 г. отъ Р. Х. въ мѣсяцѣ августіѣ, въ началѣ жатвы, то есть, въ концѣ лѣта, исправно, въ моей кельѣ, гдѣ молюсь о братіѣ, утопающей въ мірской суетѣ, и о тебѣ, сыне Адамле.

Получилъ—и засмѣялся. Куда дѣвалось твое хладнокровіе, твоя разсудительность, доблесть ума и сердца? Куда сокрылась твоя философія, опытная и отвлеченная, твоя наука наслаждаться, быть счастливымъ, покойнымъ, довольнымъ, посреди разврата, недостатка, пресыщенія; посреди треволненія страстей человѣческихъ? Все сіе изчезло, яко дымъ отъ лица земли, и ты, мой философъ, сдѣлался вялѣе женщины, угрюмѣе женевца Руссо и безразсуднѣе и того и другаго. Ты сердишься на людей? Они тебя обманули?—Чудакъ! - Ты въ нихъ обманулся! Чего ожидалъ отъ нихъ?—услугъ, дружбы, благоволенія, за то, что пишешь хорошіе стихи!!! Ошибся, и послѣ того вздумалъ поносить человѣчество. Дарованіе есть упрекъ, укоризна, оно врагъ тончайшей изъ страстей: самолюбію. Люди его ласкаютъ сначала (ибо оно имъ доставляетъ минутное удовольствіе), но вскорѣ опомнятся и рано или поздно отмстятъ. Вотъ твоя участь. Но изъ этого я не заключаю, чтобъ всѣ были подлецы или дураки, и смѣло исключаю тѣхъ, которые намъ желали когда нибудь добра. Прибавь къ тому, что поэзія, сіе вдохновеніе, сіе нѣчто изнимающее душу изъ ея обыкновеннаго состоянія, дѣлаетъ любимцевъ своихъ несчаст-

ными счастливцами. И ты часто наслаждаешься потому, что ты пишешь и ты смотришь на міръ съ отвращеніемъ, потому что ты пишешь.

Я получилъ твою 9-ю пѣснь. Мое сужденіе пришлю. Теперь скажу тебѣ, что я нашелъ въ ней много ошибокъ противъ языка, противъ ударенія словъ: ошибки важныя, которыя ты долженъ исправить. Я нашелъ еще много славенскихъ словъ, которыя вовсе не умѣста. Они хороши въ описательной поэзіи, когда говоритъ поэтъ, но въ устахъ героевъ никуда негодятся, они охлаждаютъ разказъ и дѣлаютъ дикимъ то, что должно быть ясно. Я нашелъ много излишней простоты; стихи твои слишкомъ мало украшены—слишкомъ похожи на переводъ, на прозу,—это ошибка важная. Въ стихахъ твоихъ много мягкости, гармоніи, но иные грубы и есть стеченіе словъ и звуковъ вовсе непріятныхъ. Исправь это, или лучше сказать, дай времени исправить ошибки сіи, которыя принадлежатъ къ слогу, безъ котораго нѣтъ прочной славы. Я жалѣю, что не могу съ тобою поговорить обо всемъ этомъ лично! Я, можетъ быть, принесъ бы тебѣ пользу. Но Кострова не страшись [1]). Я его не читалъ въ Вѣстникѣ, да и читать не хочу послѣ твоего перевода. Онъ писалъ, покойникъ, хорошо, но онъ, вопреки своей славѣ, состарѣлся. Богъ знаетъ, что тому виною? Не славенской ли языкъ, и его спицѣ и сѣли въ колесницѣ? Онъ имѣлъ дарованіе, но я увѣренъ, что ты гораздо болѣе вникнулъ въ духъ Гомера, однимъ словомъ, что у тебя болѣе сего чувства изящнаго, которое должно имѣть, переводя божественнаго слѣпца. Берегись одного: славенскаго языка.

Каченовекой меня не удивляетъ. Мерзляковъ любитъ хвалить себя, себя и еще себя. Ети люди Карамзина не ставятъ ни въ грошъ. Для нихъ ничто цѣны не имѣетъ и имѣть не можетъ. И что значитъ ихъ похвала? Я знаю, что тебя цѣнить умѣютъ люди съ сердцемъ и съ истиннымъ дарованіемъ, я это слышалъ, и съ меня довольно. Я радъ. что ты перемѣнилъ свое мнѣніе о Славенофилѣ. Что онъ написалъ хорошаго? Хотя-бъ одну страницу?—Кого онъ хвалилъ?—Кѣмъ восхищается?—Мертвыми, потому что они умерли, да живыми—мертвыми. Нѣтъ, мой другъ, тотъ, кто восхищается Шихматовымъ, Суворовымъ-профессоромъ, Захаромъ, и прочими, не имѣетъ, да имѣть не можетъ дарованія.

---

[1]) Въ это время было отыскано продолженіе перевода Иліады Кострова (пѣсни 7, 8 и 9 безъ конца) и напечатано въ „Вѣстникѣ Европы“, 1811 г., ч. 58, №№ 13—15. П. Н.

Что съ тобой сдѣлалъ Катенинъ? [1]) Это меня безпокоитъ. Я отъ него ожидалъ ума.

Я непремѣнно напишу мои замѣчанія и привезу ихъ съ собою. Здѣсь впечатлѣнія будутъ совершенно чисты, я буду говорить то, что я чувствую, и сужденіе другихъ никакого вліянія на мое сужденіе имѣть не будетъ. Послѣ я бы желалъ считаться съ тобою. Я увѣренъ, что нѣкоторыя замѣчанія будутъ справедливы. Зима насъ соединитъ. Могу ли пристать у тебя недѣли на три, на мѣсяцъ, пока моя судьба рѣшится? Дай мнѣ знать, и еще разъ, увѣдомь меня, что буду я принужденъ дѣлать для полученія мѣста, какъ и къ кому адресоваться; однимъ словомъ, что ты придумаешь лучшаго. Ты видишь тамъ вблизи и людей и вещи, и совѣтъ твой мнѣ будетъ полезенъ.

Посылаю тебѣ десять рублей въ этомъ письмѣ, на всякой страхъ. Купи табаку турецкаго лучшаго, и пришли по первой почтѣ. Живи, будь уменъ и люби меня какъ друга, какъ человѣка, который имѣетъ душу для того, чтобъ любить тебя. Конст. Б.

Пришли какихъ нибудь книгъ, поклонись Измайлову, и попроси его переслать мнѣ «Цвѣтникъ» остальные нумера. Они очень интересны. Естьли онъ еще издаетъ журналъ, то я ему кое-что пришлю. Выпроси его «Сказки», мнѣ охота здѣсь ихъ прочитать на единѣ.

Сообщ. 4-го января 1870 г. П. А. Ефремовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Извѣстенъ переводами французскихъ пьесъ, въ сотрудничествѣ съ А. С. Грибоѣдовымъ. Стихотворенія Катенина изданы въ 2 частяхъ съ предисловіемъ и подъ редакціею Н. И. Бахтина. П. Е.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ

ШИНЕЛЬ

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЯ ЧЕРНОВЫЯ РЕДАКЦІИ ЭТОЙ ПОВѢСТИ.

Сообщила по подлиннымъ рукописямъ Гоголя

Е. С. НЕКРАСОВА.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ.

ШИНЕЛЬ.

Первоначальныя черновыя редакціи этой повѣсти

по подлиннымъ рукописямъ Гоголя.

Въ 1880 году въ № 97 газеты „Голосъ“ доведено до свѣдѣнія общества, что отдѣленіе рукописей Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ сдѣлало „замѣчательное пріобрѣтеніе“: получило въ даръ бумаги, оставшіяся послѣ смерти извѣстнаго художника А. А. Иванова. Въ числѣ бумагъ оказались собственноручныя рукописи Н. В. Гоголя. Въ газетѣ подробно и обстоятельно перечислены всѣ сохранившіяся въ бумагахъ Гоголя черновые и бѣловые списки, испещренные помарками, поправками — какъ цѣльныхъ главъ, сценъ произведеній, такъ и отдѣльныхъ отрывковъ изъ „Мертвыхъ Душъ“, „Тараса Бульбы“, „Шинели“, комедіи „Отрывокъ“ и „Женитьбы“.

Мы подробно ознакомились съ рукописями повѣсти «Шинель» [1]).

Онѣ представляютъ самую раннюю черновую редакцію, къ сожалѣнію, сохранившуюся невполнѣ. Въ ней недостаетъ нѣсколькихъ листковъ. Впрочемъ, утрачено сравнительно немного: четвертая или пятая часть повѣсти. При безпорядочности и неаккуратности Гоголя, какая замѣчается въ его черновыхъ бумагахъ, эта утрата представляется какъ бы неизбѣжной. Гоголь писалъ начерно не только не въ тетрадяхъ, но даже и не на цѣльныхъ листкахъ; писалъ на обрывкахъ, разрозненныхъ клочкахъ, не соблюдая при этомъ и обычной порядливости письма; набрасывалъ отрывки мыслей; снова ихъ перемарывалъ; дѣлалъ вставки на поляхъ сбоку, иногда сверху внизъ; не кончалъ страницы, переходилъ на другую; не рѣдко перерывалъ мысль на полуфразѣ,

---

[1]) Онѣ помѣщаются въ Московскомъ Музеѣ подъ № 2205. В. Н.

продолжая совсѣмъ на другомъ клочкѣ. Послѣ этого можно скорѣй удивляться—какъ сохранились эти листки! и притомъ въ такомъ количествѣ, что изъ нихъ—хотя съ нѣкоторыми пробѣлами—возможно возстановить первоначальную черновую редакцію этой повѣсти! Начало «Шинели» сохранилось даже въ трехъ редакціяхъ. Онѣ представляютъ драгоцѣннѣйшій ключъ не только къ выясненію исторіи и процесса созданія этого произведенія, но рядомъ съ другими черновыми бумагами Гоголя могутъ ознакомить—что̀ несравненно важнѣе—съ самымъ способомъ творчества этого писателя.

Въ виду такого несомнѣнно важнаго интереса мы рѣшили напечатать всѣ три редакціи повѣсти «Шинель» [1]).

Первая редакція, сильно отличающаяся отъ печатной [2]), со всѣми помарками, поправками, добавленіями, сдѣланными рукою самого Гоголя, помѣщается на листкѣ почтовой бумаги маленькаго формата и—что̀ любопытно—писана рукою покойнаго М. П. Погодина. Вставки и поправки самого Гоголя мы помѣстили подъ текстомъ съ указаніемъ посредствомъ буквъ, куда собственно онѣ относятся. Надо замѣтить, что весь листокъ,—на которомъ текстъ, писанный рукою Погодина, занимаетъ двѣ съ половиною страницы,—испещренъ помарками въ такомъ безпорядкѣ, что стоило большого труда найти въ текстѣ надлежащее для нихъ мѣсто. Притомъ вставки сдѣланы такъ небрежно и на̀-спѣхъ, что нѣкоторыя слова и выраженія оказалось совсѣмъ невозможно разобрать. Потому не разъ приходится неразобранныя мѣста замѣнять тире (- — —). Въ этомъ спискѣ повѣсть носитъ иное и довольно длинное названіе: «Повѣсть о чиновникѣ, крадущемъ шинели».

Вторая редакція писана рукою самого Гоголя, помѣщается на четвертке, какъ бы оберточной, синяго цвѣта бумаги. Листокъ исписанъ не весь. Эта редакція съ первой имѣетъ мало сходства, такъ какъ представляетъ развитіе одной, уже новой, вставленной подробности (имени, отчества и фамиліи главнаго героя—который здѣсь прозывается Тишкевичемъ, съ требуемыми къ имени коментаріями). За то она стоитъ несравненно ближе къ третьей и къ печатной. По обычаю, клочокъ испещренъ помарками. Мы приводимъ здѣсь текстъ второй редакціи въ исправленномъ видѣ, вычеркнутыя

---

[1]) Надѣемся тоже сдѣлать съ черновыми редакціями другихъ произведеній Гоголя, сохранившихся въ бумагахъ А. А. Иванова.

[2]) Считаемъ лишнимъ указывать изданіе сочиненій Гоголя, которымъ мы пользовались для сличеній: такъ какъ повѣсть «Шинель» во всѣхъ изданіяхъ напечатана, кромѣ изданія 1842 года, безъ всякихъ измѣненій. Въ первомъ же изданіи, т. е. 1842 года, вышедшемъ при жизни автора, встрѣчаются слова, пропущенныя во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ, напр. на стр. 253: «вдругъ остановился (говорится о молодомъ чиновникѣ) какъ будто пронзенный и съ тѣхъ поръ какъ будто все перемѣнилось передъ нимъ», и т. д. Подчеркнутыя слова пропущены во всѣхъ изданіяхъ. Н. Н.

же мѣста помѣщаемъ въ видѣ сносокъ. Поступаемъ здѣсь (а также и при напечатаніи слѣдующей третьей редакціи) совсѣмъ обратно сравнительно съ первой редакціей потому, что зачеркнутыя мѣста тутъ весьма трудно разборчивы: пришлось бы слишкомъ часто испещрять текстъ пробѣлами.

Третья редакція, составляя дальнѣйшее развитіе повѣсти, стоитъ много ближе ко второй, чѣмъ къ первой, и представляетъ, если не въ словахъ и выраженіяхъ, то во всемъ остовѣ, во всѣхъ частностяхъ, весьма много тождественнаго съ печатной. Читая, ради сравненія, въ параллель ту и другую, мѣстами кажется, что читаешь два разныхъ перевода одного и того же произведенія. Для болѣе нагляднаго усмотрѣнія близости отношенія всѣхъ трехъ приводимыхъ здѣсь редакцій къ печатной, одинаковыя съ ней слова и выраженія мы ставимъ въ прямыхъ скобкахъ [ ]. Здѣсь повѣсть уже названа Шинелью. Эта редакція—самая полная изо всѣхъ трехъ сохранившихся черновыхъ,—вся писана рукою Гоголя и помѣщается на семи отдѣльныхъ, разнаго формата, листкахъ.

Сдѣлаемъ предварительно внѣшнее описаніе этихъ семи листковъ.

1) Поллиста бѣлой простой бумаги, разорванный на двѣ четверки, писанъ четкимъ почеркомъ на-бѣло. Гоголь, какъ видно, переписывая, пропускалъ слова, но сейчасъ же замѣчалъ свою разсѣянность и исправлялъ; зачеркивалъ слова, безцеремонно забѣгавшія не къ мѣсту впередъ и переписывалъ дальше. Но и этотъ бѣловой листокъ не обошелся безъ вставокъ и исправленій. Изъ двухъ четверокъ одна исписана вполнѣ, на другой же—только полстраницы.

2) Листокъ синей почтовой бумаги небольшаго формата писанъ очень спѣшно и мало разборчиво, со многими помарками и поправками. Первая страница исписана вся, даже по бокамъ, вторая—не больше трети, третья—до половины, а четвертая—пустая. На послѣдней снизу вверхъ написаны слѣдующія строки, не имѣющія отношенія къ повѣсти «Шинель»: «Народъ кипитъ и толкается на площади и ок... (вырвано, должно быть: окружаетъ) домъ обоихъ полковниковъ, требуя ихъ принять участіе въ дѣлѣ начальства надъ ними. Полковникъ выходитъ на крыльцо, увѣщеваетъ, уговариваетъ, представляетъ невозможность».

3) Половина маленькаго почтоваго листка довольно плотной хорошей бумаги исписана только до половины первой страницы. Писано наскоро. Тутъ же одновременно дѣлались и поправки. Вверху сдѣланъ карандашемъ набросокъ дерева и такой же набросокъ чернилами; оба сдѣланы плохо, видно, что занималась совсѣмъ неумѣлая рука. Надъ деревомъ написано карандашемъ: „неблагоразсужденіе“.

4) Поллиста простой синяго цвѣта бумаги, сложенный вдвое, исписанъ въ видѣ трехъ отдѣльныхъ по мысли клочковъ. Первый и послѣдній клочки писаны разборчиво. Въ нихъ сдѣлано не мало помарокъ и вставокъ

на скорую руку. Вторая страница пустая. На третьей помѣщается второй клочекъ, обрывающійся на серединѣ фразы. На четвертой—третій клочекъ, который служитъ продолженіемъ перваго.

5) Поллиста простой синяго цвѣта бумаги, сложенный вдвое, исписанъ на всѣхъ четырехъ страницахъ; представляетъ продолженіе прерваннаго на полуфразѣ второго клочка предшествующаго листка. Помарокъ встрѣчается значительно меньше, онѣ малозначущи и къ тому же крайне не разборчивы. Потому съ этого листка вплоть до конца всей повѣсти мы уже не дѣлаемъ указаній на поправки.

6) Совершенно такой же полулистъ и также исписанъ.

7) Поллиста простой синяго цвѣта бумаги, сложенный вдвое, и четверка такой же бумаги, вложенная внутрь полулиста, писаны на-скоро; нѣкоторыя слова не дописаны, мало раборчивы. Помарокъ сдѣлано весьма немного. Первыя четыре страницы исписаны, послѣднія двѣ пустыя.

Е. С. Некрасова.

Январь 1883 года.

I.

ПЕРВАЯ РЕДАКЦІЯ.

«Повѣсть о чиновникѣ, крадущемъ шинели».

[Въ департаментѣ] [1]) податей и сборовъ, который впрочемъ иногда называютъ департаментомъ подлостей и вздоровъ, не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ были тамъ подлости, но потому, что господа чиновники любятъ такъ же, какъ и военные офицеры, немножко поострить. [И такъ въ] этомъ [департаментѣ служилъ] [чиновникъ], собой не очень взрачный—низенькій, плѣшивый, [рябоватъ], красноватъ, даже [на видъ нѣсколько подслѣповатъ] [2]). Въ то время еще не выходилъ указъ о томъ, чтобы застегнуть чиновниковъ въ вицъ-мундиры. Онъ ходилъ во фракѣ цвѣта коровьей коврижки. Онъ былъ доволенъ службой и чиномъ титулярнаго совѣтника. Никакихъ замысловъ на

---

[1]) Поставленныя въ прямыхъ скобкахъ слова и выраженія тождественны съ печатнымъ изданіемъ.

[2]) Въ печатной редакціи переставлены слова: „нѣсколько даже на видъ подслѣповатъ“. Е. Н.

коллежскаго ассесора, ни надеждъ на прибавку жалованья (А): въ существѣ своемъ это было очень доброе животное и то, что̀ называютъ благонамѣренный человѣкъ, ибо въ самомъ дѣлѣ отъ него почти никогда не слыхали ни дурнаго, ни добраго слова. Онъ совершенно жилъ и наслаждался своимъ должностнымъ занятіемъ, и потому на себя почти никогда не глядѣлъ, даже брился безъ зеркала. На фракѣ у него вѣчно были перья, и [онъ имѣлъ особенное искуство, ходя по улицѣ, поспѣвать подъ окно], [въ то самое время, когда изъ него выбрасывали] какую-нибудь [дрянь, и] потому онъ [вѣчно уносилъ на своей шляпѣ арбузныя и дынныя корки и тому подобный вздоръ]. За то нужно было поглядѣть на него, когда онъ сидѣлъ въ присутствіи за столомъ и переписывалъ; нужно было видѣть [наслажденіе, выражавшееся на его лицѣ]! [1]). [Нѣкоторыя буквы были у него фавориты, до которыхъ если (В) онъ добирался, то] на лицѣ у него просто былъ восторгъ. Онъ всегда приходилъ раньше всѣхъ. Если нечего было переписывать, подшивалъ бумаги, перечинивалъ перья (С)—

Поправки и вставки, сдѣланныя рукою Н. В. Гоголя:

А) [Былъ то, что̀ называютъ вѣчный титулярный совѣтникъ, надъ которымъ—какъ извѣстно]—[наострились] немало [разные писатели], оттого что скучно и для препровожденія времени.

В) «если добирался, то чувствовалъ такой восторгъ, что̀ описать нельзя [—и подсмѣивалъ, и подмигивалъ], и голову совсѣмъ на бокъ, такъ что для охотника можно въ лицѣ читать было всякую букву: живете, мыслете, слово, твердо,—все это просто рисовалось и отпечатывалось на лицѣ его; губы его невольно и отнимались, и послаблялись, и обращались,—какъ будто даже отчасти помогали; тогда онъ не глядѣлъ ни на что и не слушалъ ничего—разсказывалъ ли одинъ чиновникъ другому, что заказалъ новый фракъ и по чемъ сукно, и споры о томъ, кто лучше шьетъ,—о Петергофѣ, о театрѣ, или хоть даже анекдотъ весьма интересный (—потому что довольно старый и знакомый)—о томъ какъ одному коменданту сказали, что у статуи Петра отрубленъ хвостъ; шла ли рѣчь наконецъ о немъ самомъ—ему хоть трава не рости. Онъ въ это время....

С) — — даже и трудно было дать ему что-нибудь поважнѣе — — одинъ разъ попробовалъ употребить и далъ — — поручилъ было ему по готовому дѣлу [составить отношеніе въ какое-то присутствіе] [2]). Все

---

[1]) Въ печатной редакціи сказано: „наслажденіе выражалось на лицѣ его".

[2]) Въ печатной ред. сказано: „сдѣлать какое-то отношеніе въ другое присутственное мѣсто".

словомъ, служилъ (D) очень ревностно на пользу отечества; [но выслужилъ] (E) [пряжку въ пѣтлицу, да геморрой въ поясницу][1]) (F). Не смотря на то, уваженія къ нему было очень немного: [молодые чиновники] надъ нимъ [подсмѣивались] и [сыпали на голову ему (бумажки), что̀ называли снѣгомъ][2]). Старые швыряли ему бумаги, говоря: «на̀, перепиши!» [Сторожа] даже не приподнимались [съ мѣстъ своихъ, когда онъ проходилъ]. Жалованья ему было четыреста рублей въ годъ. На это жалованье онъ (G) ѣлъ что-то въ родѣ (H) супа и какое-то блюдо изъ говядины (I), пахнувшее страшно лукомъ (J); валялся въ узкой, узенькой комнаткѣ надъ сараями въ Свѣчномъ переулкѣ (K), штопалъ сапоги и клалъ заплаты на свои панталоны (L) вѣчно на одномъ и томъ же мѣстѣ (M). Право не помню его фамиліи. Дѣло въ томъ, что это былъ (N) первый (O) человѣкъ (P), довольный

[дѣло состояло въ томъ, чтобы перемѣнить] только заглавіе и поставить въ третьемъ лицѣ все, что̀ попадалось въ первомъ. [Это задало ему] такое головоломное дѣло, [что онъ вспотѣлъ совершенно, теръ лобъ и сказалъ], чтобы дали ему переписать что-нибудь.

D) Служилъ такъ ревностно, какъ рѣшительно нельзя даже ревностнѣе.

E) но выслужилъ, кажется, что-то очень немного, только....

F) вотъ и всего.

G) доставлялъ себѣ множество наслажденій.

H) щей или (супа)—Богъ его знаетъ, впрочемъ.

I) Слѣдующія далѣе слова: «пахнувшее страшно» вычеркнуты и замѣнены: «нашпигованное немилосердно».

J) Слѣдующія далѣе слова: «валялся въ узкой, узенькой» — вычеркнуты и замѣнены: «отлеживался во всю волю на кровати».

K) Слѣдующія далѣе слова: «штопалъ сапоги и клалъ» вычеркнуты и замѣнены: «и платилъ на заштопку»; затѣмъ и они вычеркнуты, а на мѣсто ихъ вписано: «и помѣщалъ заплатки».

L) Слѣдующее далѣе слово «вѣчно» зачеркнуто и замѣнено: «почти».

M) «и все это—замѣтьте—(на) 400 рублей, и даже ему оставалось еще (?) на поставку пяти подметокъ въ годъ».

N) «бы»

O) «на свѣтѣ»

P) «на самом(ъ дѣлѣ?)»

---

[1]) Въ изданіи 1842 года сказано: „пряжку въ пѣтлицу да нажилъ геморрой въ поясницу“ (256 стр.). Подчеркнутое слово въ другихъ изданіяхъ пропущено.

[2]) Въ печатной: „называя это снѣгомъ“.

своимъ состояніемъ, если бы не одно маленькое, очень затруднительное впрочемъ, обстоятельство. Въ то время, когда—Петербургъ дрожитъ отъ холода и двадцати градусный морозъ даетъ свои [колючіе щелчки] по носамъ даже дѣйствительныхъ совѣтниковъ перваго и втораго класса, [бѣдные титулярные совѣтники остаются рѣшительно безъ всякой защиты] [1]). Чиновникъ, о которомъ идетъ дѣло, укрывалъ кое-какъ, какъ зналъ, свой носъ, впрочемъ очень незамѣчательный и нѣсколько похожій на то пирожное, которое дѣлаютъ (Q) кухарки въ Петербургѣ, называемое пышками. Онъ его упрятывалъ во что-то больше похожее на капотъ, чѣмъ на шинель, что-то очень неопредѣленное и очень поношенное (R). На сорокъ второмъ году своей жизни онъ замѣтилъ, что этотъ капотъ, или шинель, становится очень холодновата. Разсмотрѣвши его всего насквозь—къ свѣту и такъ—, онъ [рѣшился снести его къ портному, жившему] [2]) (S) въ томъ же домѣ, въ такой же почти комнатѣ,—[который (то-есть портной), не смотря на свой кривой глазъ] (T), [занимался довольно удачно починкой чиновничьихъ и всякихъ другихъ панталонъ и фраковъ] (U).

Q) «нѣкоторымъ чиновникамъ».

R) «Онъ уже издавна сталъ замѣчать, что шинель становится, чѣмъ далѣе, тѣмъ будто-бы — — — безъ ваты».

S) Далѣе слѣдующія слова: «въ томъ же домѣ, въ такой же» зачеркнуты и замѣнены: «которому эта шинель была рѣшительно такъ же знакома, какъ собственная, и онъ зналъ совершенно — — — — всѣ худыя — — —».

T) «рябизну по всему тѣлу».

U) «Объ этомъ портномъ нечего бы и говорить] [3]), но читатели народъ ужасно любопытный, имъ непремѣнно хочется знать всю подноготную портнаго—и былъ ли онъ женатъ, и въ какой улицѣ живетъ, и сколько расходуетъ, и какой у него носъ—кривой или вздернутый, или просто лепешкой. И такъ какъ оно, конечно, нечего бы говорить о портномъ, но такъ какъ авторъ совершенно въ волѣ читателя, то... нечего дѣлать. [Сначала онъ назывался просто] Петр(ъ?) [и былъ крѣпостнымъ человѣкомъ]—не помню—[у какого-то барина. Петровичемъ онъ сталъ называться съ тѣхъ поръ, какъ получилъ

---

[1]) Въ печатной говорится: „бѣдные титулярные совѣтники иногда бываютъ беззащитны".

[2]) Въ печатной: „рѣшилъ, что шинель нужно будетъ снести къ Петровичу, портному, жившему"...

[3]) Въ печатной: „Объ этомъ портномъ, конечно, не слѣдовало бы много говорить"...

II.

ВТОРАЯ РЕДАКЦІЯ.

[Въ департаментѣ]... Не хочу сказать—какомъ. Ибо вообще департаментъ пресердитое сословіе и чуть только назовешь кого изъ нихъ по имени, въ ту-жъ минуту чиновникъ обидится и будетъ утверждать, что надъ нимъ смѣются, хоть бы просто авторъ сказалъ, что

отпускную], также [и сталъ попивать довольно сильно] [по праздникамъ, сначала главнымъ, а потомъ и всѣмъ церковнымъ, гдѣ только есть въ календарѣ крестикъ] [1]) нужды нѣтъ, что не въ кружкѣ. Съ этой стороны Петровичъ былъ сильно привязанъ къ — — —. На счетъ же того — вѣренъ-ли онъ женѣ — — — онъ, женатъ, или — — — — прошу передъ читателемъ извиненіе,— право,—не знаю. Знаю только. что [есть жена], расхаживаетъ (?) и по воскреснымъ днямъ надѣваетъ дома [чепчикъ]. Собой она, кажется, вовсе не красива, такъ что [одни только гвардейскіе солдаты заглядываютъ ей] въ лицо, когда они, [моргнувши усомъ — — — и испустивши] что-то подобное на крикъ (?) совы.....

Портной, взявъ въ руки капотъ и всапнувши немного носомъ, посмотрѣлъ его весь противъ свѣта такъ тщательно и [покачавъ головою, полѣзъ въ карманъ за табакомъ] [2]). Акакій Акакіевичъ очень понималъ этотъ жестъ. Онъ Петровичемъ употреблялся (**въ затруднительныхъ случаяхъ**). Это значило, что помочь (?) было довольно трудно — — — — (**Петровичъ**) полѣзъ въ карманъ своего довольно дурно сшитаго сюртука, что—какъ извѣстно—почти всегда бываетъ у хорошихъ портныхъ. Вытащенная имъ изъ кармана вещь была табакерка [съ портретомъ какого-(**то**) генерала], но [какого именно— не извѣстно, потому что мѣсто], которое занимало [лицо, было проткнуто пальцемъ], (**была**) дырка, которую онъ заклеилъ бумажкой. Вынувши табакерку, онъ и принялся набивать себѣ ноздри. [Понюхавъ табаку] и набивши обѣ ноздри, онъ перевернулъ шинель,—которая была подбита какимъ-то мѣхомъ,—вверхъ полами, вновь на-

---

[1]) Въ печатной: „по **всякимъ** праздникамъ, сначала по большимъ, а потомъ безъ разбору по всѣмъ церковнымъ, гдѣ только стоялъ въ календарѣ крестикъ".

[2]) Въ печатной: „покачалъ головою и полѣзъ на окно за круглой табакеркой".

въ департаментѣ чисто и опрятно... [И такъ въ одномъ департаментѣ (А) служилъ одинъ чиновникъ] довольно [низенькаго роста [1]), нѣсколько рябоватъ, нѣсколько рыжеватъ, нѣсколько даже на видъ подслѣповатъ съ небольшою лысиной на лбу], [морщинами по обѣимъ сторонамъ щекъ и цвѣтомъ лица, что называется геморроидальнымъ.—Чтожъ дѣлать?] авторъ въ этомъ совершенно не виноватъ—таково дѣйствіе Петербургскаго климата. [Что касается до чина,—ибо у насъ] на Руси [прежде всего нужно объявить чинъ [2]), то онъ былъ то, что называютъ вѣчный титулярный совѣтникъ, надъ которымъ—какъ извѣстно]—у насъ не мало потрунили [и наострились] [разные писатели] [3]), которые имѣютъ [похвальное обыкновеніе налегать на тѣхъ, которые не могутъ кусаться].

Имя и фамилія его были Акакій Акакіевичъ Тишкевичъ. [Можетъ быть], это имя [покажется нѣсколько страннымъ]—[никакъ нельзя было] безъ него обойтись [4]),—и это читатель сейчасъ увидитъ всю исторію, какъ это произошло.

чалъ разсматривать противъ свѣта. Но,—недобравшись толку,—все равно послѣдовало вновь качаніе головою и самое крѣпкое набитіе носа табакомъ, послѣ чего положилъ шинель на столъ и сказалъ: «[Нѣтъ.] Ничего нельзя сдѣлать. Можно бы еще, если бы сукно не было такъ—больно попротерто. Клинчики и кусочки можно бы положить еще какъ-нибудь,—посмотрите;—только сукно не выдержитъ».

Такой отвѣтъ до того смутилъ — — — ....

А) Выноска, сдѣланная самимъ Гоголемъ:

«Да не подумаетъ, впрочемъ, читатель, чтобы это названіе основано было въ самомъ дѣлѣ на какой-нибудь истинѣ—ни чуть. Здѣсь все дѣло только въ этимологическомъ подобіи словъ. Вслѣдствіе этого департаментъ горныхъ соленыхъ дѣлъ называется департаментомъ горькихъ и соленыхъ дѣлъ и тому подобное... Много приходится на долю иногда чиновника во время, остающееся между службой — — — —
[5]) Когда на зло трескучему морозу гдѣ-нибудь въ комнатѣ при освѣщеніи свѣчами вечерѣ и шипящемъ самоварѣ....

[Родился] онъ какъ разъ [противъ ночи] 4 февраля, зимою и въ

---

[1]) А раньше было: «больше низенькаго, чѣмъ средняго роста»—и зачеркнуто.

[2]) Далѣе зачеркнуто: «говорится: какъ вашъ чинъ, имя и фамилія? а не фамилія, имя, чинъ». И такъ, что касается до чина»....

[3]) Далѣе зачеркнуто: «— · - — — нѣкоторыхъ читателей, сдѣлавшихся читателями отъ скуки и изъ препровожденія времени».

[4]) Далѣе зачеркнуто: «совершенно нельзя».

[5]) Эта вписка сдѣлана сбоку отдѣльно.

самое дурное время. [Покойница матушка, чиновница и очень хорошая женщина, тотчасъ же] [1]) приказала позвать священника, чтобы окрестить ребенка. Ибо Акакій Акакіевичъ былъ тогда безъ галстука, безъ фрака и безъ морщинъ, — словомъ, былъ ребенокъ. Покойница [лежала на кровати противъ дверей]. Съ правой стороны кумъ [2]), служившій въ 4 департаментѣ, и [жена квартальнаго [3]), офицера].

Священникъ открылъ святцы и, какъ водится мальчику давать имя святыхъ [4]) нѣсколькими днями впередъ, то священникъ представилъ матушкѣ [любое изъ трехъ]: Еввулъ, [Моккій], Евлогій. «Вотъ это, батюшка, какія имена! Я такихъ и не слышала. Это такія имена. . . . и людей такихъ нѣтъ».

Священникъ перевернулъ черезъ страницу. И [вышли опять три имени: Варахасій, Дула и Трефилій] [5]).

«Ахъ, Боже мой! еще чуднѣе имена. Да развѣ, батюшка, были такія имена? [6]) Какія, право, странныя! Ужъ [пусть бы еще Варадатъ или] Фарнуфій, [а то [7]) Трофил...] Я и не повторю такова.

Священникъ перевернулъ. [Вышли] два: [Павсикахій и] Фрументій.

«[Ну ужъ], коли такъ—[сказала] мать, такъ [пусть будетъ такъ называться, какъ отецъ [8]). Отецъ былъ Акакій, такъ пусть и сынъ] называется Акакіемъ.

И [такимъ образомъ] составился [Акакій Акакіевичъ]. Его тутъ же [окрестили]. И такъ, это произошло [совершенно по необходимости], что чиновникъ сталъ....

Но какъ онъ служилъ—клянусь, этакъ трудно служить, этакъ не служатъ (?). Это не то, что иной [9]) отзвонилъ да и съ колокольни, прибавивши: «чортъ побери присутствіе» и— — —, потянувшись, пошелъ подпрыгивать по улицѣ и натягивать на пальцы бѣлую перчатку. Акакій Акакіевичъ пилъ службу, какъ воздухъ. Въ службѣ его было все существованіе и источникъ радостей и всего.

---

[1]) Далѣе вычеркнуто: «Генеральша Кулебякина ее любила— — — — послать».

[2]) Далѣе зачеркнуто: «стряпчій» и вписано сверху: «служившій въ 4-мъ департаментѣ сената».

[3]) Далѣе зачеркнуто: «чиновника».

[4]) Это слово вписано сверху.

[5]) Въ печатной имена переставлены: „Трефилій, Дула и Варахасій“.

[6]) Далѣе зачеркнуто: «священникъ показалъ святцы».

[7]) Далѣе зачеркнуто: «это, право».

[8]) Далѣе зачеркнуто: «его Акакій», а въ печатной сказано: «пусть лучше будетъ онъ называться, какъ и отецъ его».

[9]) Далѣе зачеркнуто: «занимающійся дома и имѣющій мѣсто седьмаго класса и выше.—Просидѣвши, какъ говорится.....

III.

ТРЕТЬЯ РЕДАКЦІЯ.

«Шинель».

[Въ департаментѣ [1]).... Но лучше не называть, въ какомъ [2]) департаментѣ. Ничего нѣтъ сердитѣе] [департаментовъ, полковъ (?)] и всякаго рода основъ. Назови только одного изъ нихъ по имени, какъ названный въ одну минуту обидится и будетъ утверждать, что надъ нимъ смѣются, хотя бы просто [3]) было сказано, что въ департаментѣ весьма [4]) чисто и опрятно. [Лучше] всего говорить: въ одномъ департаментѣ. [И такъ, въ одномъ департаментѣ служилъ одинъ чиновникъ], довольно [низенькаго роста, нѣсколько рябоватъ, нѣсколько рыжеватъ, нѣсколько даже на видъ подслѣповатъ, съ небольшой лысиной на лбу, съ морщинами по обѣимъ сторонамъ щекъ и цвѣтомъ лица, что̀ называется геморроидальнымъ... Чтожъ дѣлать? [5]) виноватъ Петербургскій климатъ. . . . Что касается до чина, ибо у насъ [6]) прежде всего нужно объявить чинъ, то онъ былъ то, что называютъ вѣчный титулярный совѣтникъ, надъ которымъ—какъ извѣстно] подтрунивали и острились [разные писатели, имѣющіе похвальное [7]) обыкновеніе налегать на тѣхъ, которые не могутъ кусаться.

Фамилія этого чиновника была] Башмаковъ [8]),—конечно, происходитъ [отъ башмака, но] [въ какое время и] когда [не извѣстно]: и самъ Башмакевичъ, [и отецъ] Башмакевичъ всегда [ходили въ сапогахъ] и перемѣняли [только] [9])—разумѣется [10]) [раза [11]) три въ годъ

---

[1]) Далѣе зачеркнуто: «Не хочу сказать» и сверху вписано: «Нѣтъ лучше не называть, въ какомъ»; затѣмъ и это зачеркнуто и вписано: «Но лучше не называть въ какомъ».

[2]) Далѣе зачеркнуто: „ибо пресердитое сословіе" и сверху вписано все, что слѣдуетъ въ текстѣ до слова «основъ» включительно.

[3]) Далѣе зачеркнуто: «авторъ сказалъ» и вписано сверху: «было сказано».

[4]) Прежде было: «очень»

[5]) Далѣе зачеркнуто: «Авторъ въ этомъ совершенно не....

[6]) Прежде было: «ибо на Руси».

[7]) Это слово вписано потомъ.

[8]) Прежде стояло: «Башмакевичъ».

[9]) Далѣе зачеркнуто: «по нѣскольку».

[10]) Вписано потомъ.

[11]) Далѣе зачеркнуто: «на» и сверху вписано: «три въ».

подметки [1]). Имя] онъ носилъ такое, которое, можетъ быть, съ перваго раза [покажется] читателямъ немного [страннымъ]; именно: звали его Акакій Акакіевичъ. Конечно, можно было нѣкоторымъ образомъ избѣжать частаго сближенія буквы *к*, но [обстоятельства] были такого рода [что никакъ нельзя было] этого сдѣлать. И вотъ именно, какъ это произошло [2]).

[Родился Акакій Акакіевичъ противъ ночи] [на 23, кажется, марта [3]). Покойница матушка, чиновница и очень хорошая женщина], послала— [какъ слѣдуетъ] - за приходскимъ священникомъ, [чтобы окрестить ребенка. Матушка] лежала еще [4]) [на кровати, противъ дверей, а по правую руку стоялъ кумъ—превосходнѣйшій человѣкъ—Иванъ Ивановичъ Ерошкинъ, служившій столначальникомъ] въ 3 департаментѣ сената, [и кума, жена квартальнаго офицера, женщина] добродѣтелей рѣдкихъ [5])—Ирина [Семеновна Бѣлобрюшкова]. Священникъ открылъ святцы, и такъ какъ обыкновенно водится давать мальчику имя нѣсколькими днями впередъ, то онъ предоставилъ родильницѣ [на выборъ любое изъ трехъ], которыя на ту пору вышли: Моккій, Соссій и мученикъ Хуздазатъ.

[«Нѣтъ], батюшка, святые [такіе]... Ужъ переверни-ка листочекъ, да поищи—нѣтъ ли тамъ какихъ другихъ».

Священникъ переворотилъ,—и вышли: [Трифилій, Дула и Варахасій] [6]).

[«Вотъ это наказаніе] Божіе! [проговорила старуха. Какія все имена! Я, право, никогда] не слышала [такихъ. Пусть бы еще Варадатъ], [а то Трефилій и Варахасій].

Священникъ, желая угодить покойницѣ, переворотилъ еще [страницу. Вышли: Павсикалій и Вахтисій.

«Ну, ужъ] коли такъ [сказала старуха], [такъ пусть] [будетъ онъ называться] такъ, [какъ и отецъ. Отецъ былъ Акакій, такъ пусть] будетъ и сынъ Акакій [7]).

---

[1]) Далѣе зачеркнуто: «Имя его было Акакій Акакіевичъ. Конечно, это покажется нѣсколько страннымъ. Но безъ этого никакъ нельзя было обойтись. Это случилось совершенно вслѣдствіе необходимости. Читатель сію минуту увидитъ, какъ произошло все это дѣло». И сверху вписано все, что идетъ въ текстѣ со словъ: «Имя онъ» до слова «произошло» включительно.

[2]) Въ печатной сказано: «и это произошло именно вотъ какъ».

[3]) Слова: «кажется, марта» вписаны сверху другими чернилами

[4]) Въ печатной: «еще лежала».

[5]) Въ печатной: «рѣдкихъ добродѣтелей».

[6]) «и Варахасій» вписано сверху.

[7]) Въ печатной: «и сынъ будетъ Акакій».

[Такимъ образомъ] составился [Акакій Акакіевичъ.

Ребенка] тутъ же [окрестили, при чемъ онъ заплакалъ и [1]) сдѣлалъ такую гримасу, какъ будто бы предчувствовалъ, что будетъ] титулярнымъ совѣтникомъ... [И такъ, вотъ] какъ [произошло] [это] [2]) наименованіе. [Мы привели] его потому сюда, [чтобы [3]) читатель могъ самъ видѣть, что это случилось совершенно по необходимости [4]) и [5]) другаго имени дать] никакъ было невозможно [6]).....

Всходя [7]) [по лѣстницѣ], которая вела [къ Петровичу] (и) [была] облита—вся [водой] и [помоями], [проникнута] [8]) [тѣмъ спиртуознымъ запахомъ, который] — — — — — [Акакій Акакіевичъ] думалъ уже между тѣмъ о цѣнѣ: и сколько именно запроситъ Петровичъ за работу и уже готовилъ, давалъ мысленно работать [9]) за пять [рублей].

[Дверь была отворена, потому что хозяйка, готовя какую-то рыбу, напустила дыму въ] кухню, а для этого, не смотря ни на что — — — Пройдя [черезъ кухню], которая была маленькая, грязненькая и гдѣ было въ волю тарака(новъ) и прусак(овъ) и прочей всякой скверности въ особенности, Акакій Акакіевичъ вошелъ [наконецъ въ] комнатку, [гдѣ увидѣлъ Петровича], сидящаго возлѣ (?) [на столѣ], [подвернувшаго подъ себя ноги, какъ] султанъ [10]). [Ноги—по обычаю портныхъ, сидящихъ за работою,—были нагишемъ и] [большой палецъ, очень] знакомый [Акакію Акакіевичу, съ какимъ-то изуродованнымъ ногтемъ—толстымъ], большимъ [и крѣпкимъ, какъ] черепъ у черепахи [11]), съ своей стороны привѣтствовалъ его. Петровичъ кивнулъ головою и посмотрѣлъ на руки Акакія Акакіевича, желая знать, какого рода добычу тотъ несъ [12]). [На шеѣ у] него [висѣлъ мотокъ шелку

---

[1]) Далѣе зачеркнуто: «и сострoилъ» и вписано сверху «сдѣлалъ».

[2]) Далѣе зачеркнуто: «дѣло. И всѣ могутъ видѣть, что это произошло по нео...» и сверху вписано другими чернилами: «наименованіе... случилось».

[3]) Далѣе было: «всѣ могли», а потомъ зачеркнуто и вписано сверху: „читатель могъ самъ“.

[4]) Далѣе зачеркнуто: «а не почему-либо другому» и вписано сверху: «и что никакъ нельзя было дать ему другаго имени»,—и затѣмъ снова зачеркнуто.

[5]) Далѣе зачеркнуто: «что».

[6]) Въ печатной: «было никакъ невозможно».

[7]) Прежде было: «подходя».

[8]) Начиная съ этого слова, кончая словами: «и вела» все вписано сверху

[9]) Вписано сверху.

[10]) Далѣе зачеркнуто: «Не нужно говорить, что ноги эти были— — — какъ нагишемъ».

[11]) Въ печатной: «какъ у черепахи черепъ». Всѣ слѣдующія слова до точки вписаны сверху.

[12]) Вся эта фраза вписана сбоку.

и нитокъ, а на колѣняхъ] [какая-то ветошь [1]). За минуту до прихода (Акакія Акакіевича онъ) [продѣвалъ] съ четверть часа [нитку] въ иглу—и все [не попадалъ—и потому] сердился и бранилъ темное время [2]). [Акакію Акакіевичу] непріятно было [3]), [что онъ пришелъ] въ ту минуту, когда Петровичъ сердился [4]). Онъ] особенно [любилъ] захаживать (?) къ [Петровичу] [5]), [когда] онъ [уже] былъ [нѣсколько— — — подъ куражемъ или, какъ выражалась жена его: «осадился сивухой одноглазый чортъ» [6]). Въ такомъ состояніи Петровичъ обыкновенно очень охотно уступалъ и соглашался], и [всякій разъ даже кланялся и благодарилъ. Потомъ, правда, приходила жена] его, [плачась], что дешево-де взялъ; [но гривенникъ бы(ва)ло] [прибавишь—и дѣло въ шляпѣ]. И теперь Акакій Акакіевичъ спохватился, да нечего дѣлать: [дѣло было] сдѣлано.

[«Здравствуй, Петровичъ!] А я вотъ того...»

[Нужно знать, что Акакій Акакіевичъ изъяснялся] больше [предлогами, нарѣчіями и наконецъ такими [7]) частицами, которыя рѣшительно [8]) не] имѣли [никакого значенія] [9]). Притомъ [10]) рѣдко случалось, чтобы онъ оканчивалъ фразу [11]), особливо [12]) если дѣло было затруднительно [13]). Начиная рѣчь, сначала онъ еще проговаривалъ: «Это, право, совершенно того...» а ужъ что было послѣ слова «того», то рѣдко кто-нибудь слышалъ, потому что слѣдовала такая длинная пауза, во время которой можно было выбриться [14]) и сходить за многими дѣлами и много кой-чего можно было сдѣлать, а потому иногда онъ и [самъ] [позабывалъ], что нужно еще кое-что прибавить; и былъ увѣренъ, что словомъ «того» сказалъ почти все...

Петровичъ кивнулъ головою, посмотрѣлъ [на руки Акакія Акакіевича, желая] знать, [какого рода добычу тотъ несъ] [15]). [«Здравство-

---

[1]) Эта фраза тоже вписана потомъ.

[2]) Вмѣсто: «темное время», прежде стояло: «на темноту».

[3]) Въ печатной: «было непріятно».

[4]) Далѣе зачеркнуто: «Но что-жъ дѣлать?.. Дѣло было сдѣлано. Ему бы особенно».

[5]) Далѣе зачеркнуто: «приходить въ то время».

[6]) Слова: «одноглазый чортъ» вписаны потомъ.

[7]) Вписано потомъ.

[8]) Прежде было: «совершенно».

[9]) Прежде было: «неимѣющими значенія».

[10]) Прежде было: «Да и то».

[11]) Это слово вписано потомъ.

[12]) Далѣе зачеркнуто: «если это было въ случаяхъ нѣсколько».

[13]) Далѣе зачеркнуто: «Это право, сначала»...

[14]) Все, что слѣдуетъ далѣе до слова: «сдѣлать»—вписано.

[15]) Вся эта фраза вписана сбоку.

вать желаю!»] сказалъ Петровичъ, посмотрѣвши [своимъ единственнымъ глазомъ] на фракъ Акакія (Акакіевича), [начиная съ] [рукавовъ] и на покрой [спинки], который ему очень былъ знакомъ. Но [таковъ ужъ обычай] [портныхъ. Это первое, что онъ сдѣлаетъ], прежде чѣмъ начнетъ говорить.

«Вотъ я того, Петровичъ [1])... [Шинель-то] мѣстахъ въ трехъ поистерлась... Такъ того, чтобы заплаточку, знаешь... Да и подкладку тоже въ иныхъ (мѣстахъ) подшить, гдѣ разорвалась немного— — — и того... словно— - — вставить [2])...

[Петровичъ взялъ капотъ] и [разложилъ его сначала на столѣ]; долго разсматривалъ [3]), качалъ [головою и полѣзъ рукой [4]) на окно за] табакомъ, который хранилъ въ круглой табакеркѣ [5]) [съ портретомъ какого-то генерала], котораго имени [неизвѣстно, потому что мѣсто, гдѣ находилось лицо, было проткнуто пальцемъ], которое—впрочемъ—потомъ (?) заклеено бумажкой. [Понюхавъ табаку], онъ поднялъ капотъ и, растопыривъ на рукахъ, сталъ разсматривать [его противъ свѣта... и опять покачалъ головою... потомъ] положилъ [его подкладкою вверхъ и вновь покачалъ] потащилъ себѣ [въ носъ] [съ горсть табаку].

[«А ты], Петровичъ, [заплаточку]!»

— Гм... да, вѣдь, заплаточку-то ужъ нельзя [положить]. Закрѣпиться не на [что]; повернешь иголку, а она и ползетъ [6]). [Поддержка]-то ужъ больно издержалась. Вѣдь, это одна (?) [только слава, что сукно!] оно что [7]) паръ, такъ на вѣтеръ и летитъ... вонъ лѣзетъ...

«А ты, Петровичъ, все таки какъ-нибудь укрѣпи...»

— «За что прикрѣпить? прикрѣпить-то можно прикрѣпить, да было

---

[1]) Въ печатной: «А я вотъ того, Петровичъ».

[2]) Страница въ рукописи не дописана. На другой страницѣ приводится та же рѣчь Акакія Акакіевича, но уже нѣсколько въ иномъ видѣ: «Я вотъ пришелъ къ тебѣ... того .. Петровичъ... [Шинель то... сукно].. [въ другихъ мѣстахъ] вездѣ [совсѣмъ крѣпко], только немножко заплатить... такъ кажетъ будто совсѣмъ старое... а то вотъ, видишь, и здѣсь, и вотъ здѣсь, и вотъ здѣсь—вездѣ еще того... [да вотъ только въ одномъ мѣстѣ] [на спинѣ] поистерлось, да [на плечѣ], да немножко еще вотъ и [на этомъ плечѣ]. [Видишь, вотъ и все.. .. и работы немного....»]

[3]) Вписано сверху.

[4]) Въ печатной: «разсматривалъ долго».

[5]) Вся дальнѣйшая фраза до точки вписана сверху.

[6]) Далѣе зачеркнуто: «сукно-то».

[7]) Слѣдующія слова до точки вписаны сверху на мѣсто зачеркнутыхъ, которыхъ нельзя разобрать.

бы къ чему. Тутъ поставишь заплатку, а на другой день — нужно опять и другую».

«Ну, а ты, Петровичъ, и другую поставь потомъ».

— Да [1])— — — ужъ ее просто придется (?) бросить, если говорить правду... Какъ зимній холодъ придетъ, такъ вы [онучъ] [изъ нея] сдѣлайте [потому что чулокъ не грѣетъ. Это нѣмцы выдумали, чтобы] денегъ побольше себѣ забирать [2]), [(Петровичъ любилъ при случаѣ кольнуть нѣмцевъ). А шинель] нужно [новую дѣлать].

Такъ и оторопѣлъ Акакій Акакіевичъ, когда услышалъ такую исторію, и вышелъ отъ Петровича [3]) въ положеніи чрезвычайно смущенномъ— — —; остановился, съ часъ стоялъ на улицѣ и долго не могъ дать отвѣта на запросъ: что онъ? гдѣ именно находится и зачѣмъ остановился? Словомъ, произошло что-то очень не хорошее, или какъ будто бы что-то позабылъ, или потерялъ, или прокр(ичалъ), или заспался. Словомъ, въ такомъ положеніи, какого самъ никакъ не могъ истолковать и въ какомъ еще никогда не былъ.

«Э каково дѣло-то, экакое! [говорилъ онъ самъ себѣ]... Этого [я право, и не думалъ, чтобъ] это было оно этакое!» [А потомъ послѣ нѣкотораго молчанія прибавилъ: «Такъ вотъ какъ! Наконецъ] таки [вотъ что вышло! А я] совсѣмъ право [4]), никакъ не могъ предположить, [чтобы оно было этакъ]. Это, право, такъ вышло, что ужъ я это никакъ не могъ [5])... того... предвариться объ этомъ».

[Засимъ послѣдовало опять очень долгое молчаніе, послѣ котораго онъ произнесъ: «Такъ... этакъ-то! Вотъ какое... ужъ точно никакъ неожиданное... того]... событіе... Право, я-бы этого никакъ-акъ не могъ... [эдакое-то обстоятельство!» Сказавши это, онъ] пошелъ тихими [6]) шагами [7]), [вмѣсто того, чтобы домой], [совершенно въ противную сторону], вовсе [не подозрѣвая этого. Дорогою] его [8]) задѣлъ

[1]) Далѣе было: «вѣдь это выйдетъ одна починка дороже, чѣмъ шинель а вы ужъ нечего дѣлать... Вѣдь, она просто... развѣ на мусоръ только ее продать, а вы ужъ нечего дѣлать, оставьте ее такъ...» Затѣмъ все это зачеркнуто и вписано сверху нѣсколько словъ, изъ которыхъ нѣкоторыя не разобраны.

[2]) Въ печатной: «побольше себѣ денегъ забирать».

[3]) Вся слѣдующая рѣчь до словъ «будто бы» вписана потомъ.

[4]) Прежде было: «А я, право, совсѣмъ не думалъ» чтобъ, и т. д.

[5]) Далѣе зачеркнуто: «прежде».

[6]) Прежде было «скорыми».

[7]) Прежде было: къ себѣ домой—что̀ былъ на «Пескахъ».

[8]) Вписано потомъ.

[нечистымъ] [1]) всѣмъ [бокомъ] своимъ [трубочистъ и вычернилъ] половину его фрака, [цѣлая шайка извести высыпалась на него] сверху изъ [строившагося дома. Онъ ничего этого не замѣтилъ и потомъ уже, когда [2]) наткнулся на будочника, который] поставилъ тутъ [около себя свою алебарду] [натряхивалъ изъ рожка на мозолистый кулакъ] свой [табаку,—тогда только немного очнулся], да [и то потому, что будочникъ сказалъ: «Чего лѣзешь въ самое рыло? Развѣ нѣть тебѣ трухтуара?» Это заставило оглянуться и поворотить] въ переулокъ, который [3]) бы онъ непремѣнно пропустилъ. Тутъ только слова его приняли настоящій смыслъ [4]). Здѣсь только онъ началъ съ собою [разговаривать] совершенно [разсудительно и откровенно, какъ]-бы съ порядочнымъ, знающимъ [5]) человѣкомъ и притомъ [пріятелемъ, съ которымъ]-бы [можно] посовѣтоваться. «Что... то... это говоритъ Петровичъ, чтобы именно новую шинель... Вѣдь».....

[Одинъ разъ, переписывая] какое-то донесеніе къ великому лицу на листѣ перваго сорта бумаги, [онъ чуть было даже не сдѣлалъ ошибки, такъ что почти вслухъ] прокричалъ: [«Ухъ!» и перекрестился]. Черезъ каждый почти мѣсяцъ онъ [навѣдывался къ Петровичу, чтобы поговорить о шинели] какъ и [гдѣ лучше купить] для нея матеріи и вотъ — — — — — — — Наконецъ [дѣло пошло] противъ ожиданія живѣе. Самое первое то, что [директоръ] вздумалъ расщедриться, и Акакій Акакіевичъ получилъ, вмѣсто ожидаемыхъ 40 рублей, [60 рублей] награжденія. Это былъ для него рѣшительно никакъ неожиданный подарокъ (?). Это ускоряло — — — — затребуемую сумму. Мѣсяца два какихъ-нибудь [голоданья—и (у) Акакія Акакіевича набралось точно около 80 рублей. Сердце], которое у Акакія Акакіевича всегда почти пребывало безъ всякаго біенія, [начало биться сильнѣй. Въ первый-же день онъ отправился вмѣстѣ съ Петровичемъ въ лавки. Купили сукна очень хорошаго]. За крѣпость Петровичъ ручался. [На подкладку [6]) выбрали коленкору, но такого добротнаго и плотнаго, который—по словамъ Петровича—былъ еще лучше шелку

---

[1]) Вписано потомъ; а въ печатной сказано: „Дорогою задѣлъ его".

[2]) Далѣе зачеркнуто: «поравнялся съ будочникомъ».

[3]) Далѣе зачеркнуто: «онъ безъ того-бы».

[4]) Вся эта фраза вписана сверху.

[5]) Прежде было: «умнымъ».

[6]) Далѣе зачеркнуты два слова и сейчасъ-же при перепискѣ замѣнены слѣдующими дальше.

и даже на видъ казистѣй]. [Куницы не купили, потому что была] слишкомъ [дорога, а, вмѣсто (н)ея, выбрали кошку, лучшую, какая только нашлась въ лавкѣ], [которую издали можно было всегда] признать] за куницу.—Петровичъ [1]) провозился [2]) за шинелью] [3]) [двѣ (?) недѣли [4]), потому что много было стеганья], и взялъ за одну [5]) работу [двѣнадцать рублей], потому что [все было рѣшительно шито на шелку, двойнымъ мелкимъ швомъ] и къ тому-же [Петровичъ [6]) потомъ] по всякому почти шву [проходилъ собственными [7]) зубами] и даже вытиснулъ [ими разныя фигуры. Это было] среди недѣли (?), не припомнимъ, въ какой [день, но, вѣроятно], это [день] былъ торжественный [въ жизни Акакія Акакіевича], по крайней мѣрѣ онъ никогда такъ не былъ сильно потрясенъ весь — — — какъ мы увидимъ послѣ. Петровичъ [принесъ] и [поутру], именно [предъ] [тѣмъ временемъ, какъ] [идти въ департаментъ. Никогда-бы въ другое время не пришлась такъ] впору [шинель,—потому] уже [начинались] сильные [морозы и, казалось], готовы были увеличиться. [Петровичъ [8]) явился съ шинелью какъ слѣдуетъ хорошему портному. Въ лицѣ его] казалось [выраженіе] самое [значительное, какого] Акакію Акакіевичу еще никогда не случалось видѣть. [Казалось], ему чувствовалось въ это время (?)... Онъ, разставивши шинель очень вѣрно [на плечи (Акакію) Акакіевичу, потомъ потянулъ] ее [рукою] снизу; [потомъ] нѣсколько [драпировалъ ею Акакія Акакіевича] — — — такъ небрежно. Потомъ (Акакій) Акакіевичъ надѣлъ [ее въ рукава]. И въ рукавахъ вышло хорошо. [Словомъ, оказалось, что шинель] [какъ (?) разъ въ пору]. Акакій (Акакіевичъ) [расплатился съ] Петровичемъ, [поблагодарилъ и вышелъ тутъ-же въ новой шинели въ департаментъ. Петровичъ вышелъ] [за нимъ] и долго оставался [на улицѣ, долго еще смотрѣлъ] [на шинель и потомъ пошелъ нарочно въ сторону, чтобы] обогнуть [кривымъ переулкомъ — — забѣжать] съ [улицы и посмотрѣть еще разъ] [свою шинель съ другой (стороны), то-есть прямо въ лицо.—Между тѣмъ (Акакій) Акакіевичъ шелъ въ самомъ]

---

1) Далѣе зачеркнуто: «всего».
2) Далѣе зачеркнуто: «не болѣе».
3) Далѣе зачеркнуто какое-то слово.
4) Далѣе зачеркнуто: «и взялъ за работу 12 руб.».
5) Вписано сверху.
6) Далѣе зачеркнуто слово: «четыре».
7) Это слово внесено сверху.
8) Дальше было: «пришелъ», но зачеркнуто и замѣнено: «явился».

пріятномъ [расположеніи всѣхъ чувствъ. Онъ чувствовалъ] всякое мгновеніе [минуты, что на плечахъ его новая шинель и нѣсколько разъ даже усмѣхнулся отъ удовольствія]. [Одно то, что тепло, а другое—что] вмѣстѣ съ тѣмъ [и хорошо]. Не смотря на то, что шелъ тихо, онъ почти [не примѣтилъ] [дороги] [и очутился] какъ-то [въ департаментѣ. Въ швейцарской онъ скинулъ] свою [шинель] и [осмотрѣлъ ее] всю, (поручивъ) особенному покровительству швейцара. Не знаемъ (?), [какимъ образомъ въ департаментѣ всѣ вдругъ узнали, что у Акакія Акакіевича новая шинель и что] уже нѣтъ [капота]. [Всѣ] [выбѣжали въ швейцарскую смотрѣть новую шинель]. Потомъ принялись [поздравлять] Акакія Акакіевича, [такъ что] и онъ [сначала только улыбался, а потомъ сдѣлалось ему] [стыдно. Когда-же всѣ приступили къ нему, стали говорить, что нужно вспрыснуть новую шинель и] [по крайней мѣрѣ онъ долженъ] (дать) [вечеръ], тутъ Акакій Акакіевичъ совершенно потерялся [и не зналъ, какъ ему быть]: точно-ли это нужно и какъ отъ нихъ [отговариться] и что такое сказать. [Наконецъ одинъ изъ чиновниковъ (какой-то даже помощникъ столначальника] за тѣмъ, [чтобы показать] свою популярность и что онъ, не смотря на чинъ свой вотъ — — какой человѣкъ, совсѣмъ не гордецъ и [знается] съ людьми, которые ниже чиномъ), сказалъ: [«Такъ] ужъ [и быть, - я намѣсто Акакія Акакіевича даю вечеръ и прошу ко мнѣ сегодня на чай, я же] къ тому [сегодня именинникъ». Чиновники натурально] [приняли съ охотою предложеніе. Акакій Акакіевичъ началъ было отказываться, но всѣ стали говорить, что] стыдно [и срамъ. И] [ужъ никакъ] нельзя было Акакію Акакіевичу [отказаться. Впрочемъ, ему] стало — — — — пріятно, вспомнивъ, [что онъ будетъ имѣть чрезъ] это [случай пройтись] и [ввечеру] еще [въ новой шинели. Этотъ весь день былъ (для] него) [точно] [праздникъ. Онъ] пришелъ [домой въ самомъ] веселомъ и пріятномъ [расположеніи духа, скинулъ шинель] и тотчасъ [повѣсилъ ее] [на стѣнкѣ], полюбовавшись [сукномъ и подкладкой и потомъ нарочно вытащилъ], чтобы сравнить [прежній капотъ свой, совершенно расползшійся], и, взглянувши, онъ [даже] разсмѣялся,—такова была [разница. И] потомъ долго еще [усмѣхался] даже [за обѣдомъ]. Обѣдалъ онъ очень [весело и послѣ обѣда уже] [не писалъ никакихъ бумагъ, а] [немножко] такъ [посибаритствовалъ на] кровати; и какъ только совершенно потемнѣло, онъ переодѣлся (?), [надѣлъ на плечи шинель и вышелъ на улицу]. Въ какой улицѣ [жилъ пригласившій чиновникъ], навѣрное, не помнимъ; [память начинаетъ намъ сильно измѣнять, и] петербургскія [улицы] [(?) смѣшались такъ въ головѣ]

нашой, [что] [трудно] выловить [оттуда что-нибудь въ] несбивчивомъ (?) [видѣ. Какъ-бы то ни было, но вѣрно] пока, [что чиновникъ жилъ] [не близко отъ] квартиры [(Акакія) Акакіевича. Сначала] нужно [было Акакію Акакіевичу пройти кое-какія пустынныя улицы съ тощимъ освѣщеніемъ]. [По мѣрѣ приближенія къ квартирѣ чиновника улицы становились] [населеннѣе] и [живѣе], лучше освѣщенными. [Пѣшеходы стали мелькать чаще, начали попадаться и дамы], и мужчины въ бобровыхъ воротникахъ; [рѣже] стали [ваньки съ деревянными рѣшотчатыми своими санками] и старымъ коврикомъ — — —, а [все попадались] извощики [лихачи] [съ лакированными санками, съ медвѣжьими одѣялами], [кареты] съ форейторами. [Акакій Акакіевичъ глядѣлъ на все это, какъ на новость. Онъ уже нѣсколько лѣтъ не выходилъ по вечерамъ на улицу. Остановился съ любопытствомъ передъ освѣщеннымъ окошкомъ магазина посмотрѣть на] картинку, гдѣ была изображена нѣкая (?) красивая женщина [1])— — —, снидающая съ ноги своей [башмакъ]; потомъ посмотрѣлъ и другую, которая, казалась, служила продолженіемъ первой,—гдѣ изображена была такая-же красивая женщина, уже раздѣвшаяся, въ постели, а [изъ дверей] [выставилъ голову какой-то мужчина съ бакенбардами и] [эспаньолкой подъ губой. (Акакій Акакіевичъ покачнулъ головой и усмѣхнулся и потомъ пошелъ своей дорогой)]. Прошедши улицу, онъ [наконецъ] остановился передъ домомъ, [въ которомъ квартировалъ помощникъ столначальника. (Помощникъ столначальника жилъ на большую ногу. На лѣстницѣ] былъ [фонарь. Квартира была во второмъ этажѣ). Вошедши въ переднюю], онъ [увидѣлъ на полу цѣлые ряды калошъ], а на стѣнѣ множество висѣвшихъ плащей и шинелей. — — — [самоваръ] стоялъ — — — [испуская (?) клубами паръ]. (Слышенъ] былъ — — — [шумъ и говоръ], который вдругъ сдѣлался яснымъ и звонкимъ, [когда отворилась дверь и вышелъ лакей съ подносомъ, уставленнымъ опорожненными стаканами] и корзинкой съ сухарями). Знать, [чиновники давно собрались и] успѣли [по первому стакану чая] уже выпить.

[Акакій Акакіевичъ] [вошелъ въ] дверь, и вдругъ [передъ нимъ мелькнули] [свѣчи, чиновники, трубки, столы для картъ и] раздались (?) въ ушахъ смѣхъ, [разговоръ и шумъ] подвигаемыхъ [стульевъ].

Акакія Акакіевича [приняли съ крикомъ и] [пошли] [въ перед-

[1]) Въ печатномъ переставлены слова

нюю, и] [осмотрѣли] вновь [его шинель. Акакій Акакіевичъ хотя] [и сконфузился, но] внутренно [не могъ], чтобы нѣсколько [не порадоваться, видя, какъ] [похваливали] ее. [Потомъ] всѣ бросили [его и] засѣли за столъ съ вистомъ. Акакію Акакіевичу [все это было какъ-то чудно], и [онъ просто не зналъ, какъ ему быть]. Было [подсѣлъ] [къ игравшимъ, смотрѣлъ въ карты] [тому и другому], [засматривалъ] также имъ [въ лица], а [черезъ нѣсколько времени началъ зѣвать] и [чувствовать, что скучно, тѣмъ болѣе, что] приходило [то время, въ которое онъ] обыкновенно [ложился спать. (Онъ хотѣлъ проститься съ хозяиномъ; но его не пустили), говоря, что] онъ [непремѣнно] долженъ [выпить] бокалъ [шампанскаго] [въ честь обновки]. Нечего было дѣлать, Акакій Акакіевичъ дождался шампанскаго. [Черезъ часъ подали ужинъ, состоявшій изъ винегрета, холодной телятины, паштета, кандитерскихъ пирожковъ и шампанскаго. Акакія Акакіевича заставили выпить два бокала.] такъ что тотъ даже [почувствовалъ, что въ комнатѣ сдѣлалось] какъ-то [веселѣе], но однако [никакъ не могъ позабыть, что уже 12 часовъ и что] весьма поздно. [Чтобы какъ нибудь не вздумалъ удерживать] еще [хозяинъ], поискалъ свою [шинель], [надѣлъ] ее и вышелъ съ лѣстницы [на улицу. На улицѣ] было все еще [свѣтло (въ) кое] - какихъ мелочныхъ лавкахъ; въ иныхъ [же, которыя были заперты], [сквозь щель] [во всю] длину дверей видѣнъ былъ свѣтъ [вѣроятно.] составилось тамъ что—нибудь въ родѣ раута — — — — и самого прикащика, учтиво прислуживающаго — — — —.

[Акакій Акакіевичъ шелъ въ] очень хорошемъ [расположеніи духа] и [даже] [неизвѣстно почему], [вдругъ] пошелъ было очень скоро, когда мимо его [прошла], [какъ молнія], какая-то дама въ шляпкѣ, смѣло повертываясь всѣмъ своимъ тѣломъ. Но [онъ тутъ же] принялъ мѣры (?), чтобы (уменьшить) свой шагъ, подивился [даже самъ неизвѣстно откуда взявшейся рыси]. Но [скоро] [передъ нимъ] [улицы] начались [тѣ], [которыя] [и днемъ] ни(когда) ни веселы, ни полны народомъ. [Теперь]стали онѣ еще пустыннѣе. [Фонари] мелькали кое-гдѣ; стали попадаться [заборы], [деревянные дома, нигдѣ ни души, сверкалъ только одинъ снѣгъ по улицамъ], и [чернѣли], заснувши, [съ закрытыми ставнями] дома. Потомъ [перерѣзывалась] площадь, глядѣвшая страшнымъ пустыремъ [съ едва видными на другой сторонѣ] [домами]. [Вдали, Богъ знаетъ гдѣ, мелькалъ огонекъ въ какой-то будкѣ]. [Веселость Акакія Акакіевича какъ-то здѣсь] вдругъ [уменьшилась; онъ вступилъ на площадь не безъ] нѣкоторой [невольной боязни, точно какъ будто сердце его предчувствовало что]—

нибудь [не доброе. Онъ оглянулся назадъ и, высматривая, по сторонамъ] опять оборотился, чтобы идти своей дорогой, и вдругъ увидалъ, что передъ нимъ стояли какіе-то — — — солдаты или что-то похожее,— ужъ никакъ [не могъ] [различить] что. Сердце замерло.

[«А, вѣдь, шинель-то моя!» сказалъ одинъ изъ нихъ громовымъ голосомъ], ухвативши [его за воротникъ. Акакій Акакіевичъ хотѣлъ] [закричать: «караулъ!» какъ другой приставилъ ему] [кулакъ] въ самыя губы, угрожая: [«Вотъ только крикни!» Акакій (Акакіевичъ)] помнилъ [только, какъ] сорвали [съ него шинель], какъ (?) ему дали (?) [пинка], а потомъ [колѣномъ, и онъ упалъ навзничь въ снѣгъ], почти безъ чувствъ. Когда онъ очувствовался [и поднялся] съ земли— никого уже [не было. Онъ] стоялъ на холодѣ — — — — — — — —
— —

Но все безслѣдно—ни души не было на площади. Въ отчаяніи онъ [пустился] бѣгомъ [къ будкѣ], которая была шагахъ въ двѣсти. [Будочникъ — — — — остановился и разсматривалъ] [съ любопытствомъ] бѣгущаго къ нему человѣка. [Акакій Акакіевичъ] [началъ] упрекать его, [что онъ спитъ и ни зачѣмъ не смотритъ, не видитъ, какъ грабятъ]. [Будочникъ отвѣчалъ, что онъ] ничего [не видалъ], [что] онъ [видѣлъ, какъ] остановились на площади два какіе-то [человѣка, да] подумалъ, что [его пріятели, а что пусть] лучше [онъ] [завтра] [сходитъ] въ часть къ квартальному, такъ квартальный [отъищетъ, кто взялъ шинель. (Акакій) Акакіевичъ] пришелъ [домой въ совершенномъ безпорядкѣ: волосы, которые] у него виднѣлись еще [на вискахъ и затылкѣ], [растрепались], спина и [бокъ] [были въ снѣгу. Старуха — хозяйка], [услыша страшный стукъ въ двери, поспѣшно] встала [съ постели] и въ одномъ башмакѣ вышла отворить,—и [отступила назадъ], когда она увидѣла. А когда услышала [въ чемъ дѣло], перекрестилась и всплеснула руками; [сказала, что нужно идти прямо къ частному, что квартальный надуетъ], пообѣщаетъ, да [и станетъ водить, а лучше всего] [прямо къ частному, что она даже] знаетъ его, [потому что Анна, чухонка], которая прежде служила [у нея], [опредѣлилась теперь къ частному въ няньки; что она часто видаетъ его самого, какъ онъ проѣзжаетъ] по улицамъ мимо ея оконъ, [и что] [въ церкви] [бываетъ], и все смотритъ, и [молится] [въ то же время], [и что] [по всему видно], что онъ [добрый человѣкъ. Выслушавъ такое] опредѣленіе, [Акакій Акакіевичъ] однако же провелъ ночь весьма плохо, а [по утру рано отправился] [къ частному. Но сказали, что спитъ. Онъ пришелъ въ 10] часовъ. [Сказали опять—спитъ. Онъ

пришелъ въ 11 часовъ. Сказали: «да нѣтъ частнаго дома». Онъ—въ обѣденное время; но писаря въ прихожей никакъ не хотѣли] его [пустить и хотѣли непремѣнно узнать, что они не смѣютъ его не допустить что онъ пришелъ за какимъ дѣломъ и какая необходимость привела и что такое случилось]. [Наконецъ] Акакію Акакіевичу [разъ въ жизни] захотѣлось [показать] твердый [характеръ, и сказалъ], [что ему нужно лично видѣть самаго частнаго, что они не смѣютъ его не допустить, что онъ пришелъ изъ департамента и что вотъ какъ онъ на нихъ пожалуется, такъ] [тогда они увидятъ]. Противъ этого писаря ничего не посмѣли сказать, и одинъ изъ нихъ пошелъ вызвать частнаго.

Частный [какъ-то странно принялъ разсказъ [1]) о грабительствѣ шинели. Вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на главный пунктъ дѣла, онъ сталъ разспрашивать Акакія Акакіевича: да почему онъ такъ поздно возвращался], когда (?) никто не ходитъ? [да не былъ ли] онъ въ непотребномъ [домѣ? Такъ что Акакій Акакіевичъ] даже [сконфузился совершенно и вышелъ отъ него], никакъ [не зная, возьмѣетъ ли ходъ дѣло о шинели или нѣтъ. Весь этотъ день онъ не былъ въ присутствіи] и [явился] только на другой день весь блѣдный [и въ старомъ своемъ капотѣ, который] былъ [еще плачевнѣе] прежняго. [Повѣствованіе] объ этомъ грабительствѣ [шинели, не смотря на то, что] многіе [чиновники] [не пропустили и тутъ посмѣялись надъ Акакіемъ Акакіевичемъ, однако же многихъ тронуло [2]) чтобы онъ пошелъ не къ квартальному, потому что] квартальный, [хотя и можетъ случиться, что]. [желая] показать себя и получить одобреніе, и [отъищетъ], только [шинель все-таки останется въ полиціи], [а лучше всего, чтобы онъ обратился] прямо [— — —]. [Акакій Акакіевичъ рѣшился идти къ значительному лицу. Нужно знать, что] это значительное лицо еще [недавно сдѣлалось значительнымъ лицомъ, а до того времени оно было незначительнымъ лицомъ. Впрочемъ], надобно сказать, что и теперешнее мѣсто не было такимъ великимъ между значущими людьми, но оно было очень важно въ глазахъ многихъ неважныхъ людей, и потому онъ пріобрѣлъ названіе значительнаго лица. [Впрочемъ, онъ старался усилить значительность] свою многими вспомоществующими [средствами], а [именно:

[1]) Въ печатной: „принялъ какъ-то чрезвычайно странно разсказъ".

[2]) Съ этихъ мѣстъ въ рукописи начинаютъ встрѣчаться цѣлыя фразы въ нѣсколько строкъ, тождественныя съ печатной редакціей. Для избѣжанія этихъ длинныхъ повтореній мы замѣняемъ такія мѣста слѣдующимъ знакомъ: [— — —]. Е. Н.

завелъ, чтобы низшіе чиновники встрѣчали его еще на лѣстницѣ, когда] [приходилъ] на [должность; чтобы къ нему являться прямо никто не смѣлъ, а чтобы] по порядку, [колежскій регистраторъ докладывалъ] губернскому регистратору, а тамъ уже чтобы [доходило] [до него].—Чтожъ дѣлать? извѣстно, русскій обычай; у насъ [все заражено подражаніемъ, всякій] подражаетъ одинъ другому. [Говорятъ даже], что одинъ [какой-то титулярный совѣтникъ, когда его сдѣлали правителемъ какой-то] особенной небольшой канцеляріи [— — —], хотя въ комнатѣ присутствія не могъ даже помѣститься большой [письменный столъ. Пріемы и обычаи значительнаго лица были] [немногосложны]. По извѣстному порядку вещей, онъ почиталъ (?) надлежащую строгость и что чиновниковъ (надо держать) въ величайшей строгости, хотя для этого и не было законной причины, потому что десятки [чиновниковъ], составлявшіе его канцелярію, [и безъ того] держались совершенно (?) и, чуть [завидя его издали], оставляли [дѣло] и стояли [въ вытяжку, пока] онъ [пройдетъ] къ мѣсту (?) — — —]. [«Какъ вы смѣете и знаете ли вы, съ кѣмъ говорите?»] Впрочемъ онъ былъ въ душѣ добрый человѣкъ...] Однако [генеральскій чинъ какъ-то его немножко сбилъ съ] пути. [Получивши генеральскій чинъ, онъ какъ-то нѣсколько спутался], никакъ [не зналъ, какъ ему (быть). Если ему] попадалось бы(ва)ть [съ равными себѣ, онъ былъ], [какъ слѣдуетъ], [очень порядочный и во многихъ отношеніяхъ] [не глупый человѣкъ. Но какъ только] попадалось [ему быть въ обществѣ, гдѣ были люди хоть однимъ чиномъ пониже его], [онъ былъ] [хоть изъ рукъ вонъ], [и положеніе его точно возбуждало жалость — — — —. Въ глазахъ его было видно желаніе присоединиться (къ) какому-нибудь интересному разговору], [но останавливала его мысль]: не слишкомъ ли ужъ много будетъ со стороны его, [не уронитъ ли] онъ какъ-нибудь своего вѣса? [И] [онъ оставался] почти [вѣчно въ] молчащемъ [состояніи, изрѣдка произносилъ только] [односложныя] (слова),—и получилъ [такимъ образомъ] завидный [титулъ: скучнѣйшаго человѣка], непріятный (?) для себя, но очень [кстати для значительнаго лица; значительное лицо находился въ своемъ кабинетѣ и разговаривалъ очень весело [— — —]. [Въ это время ему доложили] [— —]. Онъ сказалъ: [«Кто такой?» Ему отвѣчали]: «Чиновникъ.» «— — [теперь не время»]. Хотя [значительный человѣкъ] немножко и [прилгнулъ: ему было время], потому что онъ давно уже [обо всемъ] переговорилъ [съ пріятелемъ], и ужъ между длинными паузами (они) поговаривали другъ другу: «Такъ-то, [— — — Варламовичъ!»] Но однакоже онъ приказалъ [чиновнику] (?) обождать,

[чтобы показать пріятелю], [сколько времени] [у него] ждутъ [чиновники] [въ передней. Наконецъ, наговорившись] и [намолчавшись], [выкуривши] по сигаркѣ на покойномъ и удобномъ креслѣ [съ откидными креслами], онъ [какъ будто] [вспомнилъ]: [«Да, вѣдь, тамъ], кажется, стоитъ чиновникъ [1]). Скажи [ему, что] [можетъ войти». — — — — — — — — спросилъ]: [«Что вамъ угодно?» голосомъ] ровнымъ и [твердымъ, которому] онъ [учился] [у себя въ] кабинетѣ [и передъ зеркаломъ] за три или четыре дня, какъ только получилъ свое мѣсто. [Акакій Акакіевичъ], какъ могъ, по своему [изъяснилъ], что вотъ [была-де шинель совершенно новая и теперь ограбленъ] самымъ [безчеловѣчнымъ образомъ [2]).

«Что-жъ? развѣ не знаете порядокъ дѣлъ? сказало значительное лицо. Объ этомъ вы должны бы подать просьбу въ канцелярію; она пошла бы къ столоначальнику, а столоначальникъ бы объ этомъ доложилъ моему секретарю, а секретарь уже мнѣ.

«Но, ваше превосходительство, я осмѣлился потому, что секретари того... ненадежный народъ...

— Какъ вы смѣете мнѣ это говорить?

«Я ничего, ваше превосходительство... я только того...» говорилъ Акакій Акакіевичъ, и дальше никакъ не могъ говорить языкомъ: онъ оробѣлъ совершенно.

— Да кому вы это говорите? Знаете ли вы, съ кѣмъ вы говорите? Понимаете ли, что передъ вами?.. Понимаете ли вы это?.. Здѣсь значительный человѣкъ для произведенія большаго эффекта даже топнулъ ногой [— — —]. Акакій Акакіевичъ такъ и обомлѣлъ, пошатнулся, затрясся всѣмъ тѣломъ и уже никакъ не могъ устоять на ногахъ. Тутъ же поддержали его сторожа, иначе онъ бы былъ на полу. Его вывели совершенно. А значительное (лицо осталось) тѣмъ довольнѣй, что эффектъ произошелъ сильнѣй даже, какого онъ ожидалъ, и что слова его могутъ лишить чувствъ человѣка, —и взглянулъ на своего пріятеля, чтобы узнать, что онъ на это? — и увидѣлъ не безъ удовольствія, что пріятель находится въ какомъ-то самомъ неопредѣленномъ состояніи и начиналъ даже самъ чувствовать нѣкоторый страхъ.

---

[1]) Въ печатной: „стоитъ, кажется чиновникъ".

[2]) Сдѣланнаго сличенія съ печатной редакціей, думаемъ, достаточно, чтобы усмотрѣть тщательность, съ какою передѣлывалъ Гоголь каждую фразу своей повѣсти. Продолжать этого сличенія не будемъ, такъ какъ оно идетъ все въ томъ же духѣ. Е. Н.

Акакій Акакіевичъ уже и не помнилъ, какъ онъ сошелъ съ лѣстницы и выбрался. Ни рукъ, ни ногъ подъ собою онъ не чувствовалъ. Въ жизнь свою онъ еще не былъ такъ сильно распеченъ генераломъ, да еще и чужимъ! Это обстоятельство совершенно доканало его. Шелъ, разинувъ ротъ, и попалъ въ снѣгъ. Вѣтеръ, по петербургскому обычаю, со всѣхъ четырехъ сторонъ дулъ въ него изъ переулковъ, проникъ до костей и нѣсколько разъ сваливалъ его съ ногъ и наконецъ въ довершеніе всего насвисталъ ему въ горло жабу. Пришедши домой, онъ не могъ сказать ни одного связнаго слова, (весь распухъ и слегъ въ постель). (На другой же день обнаружилась у него сильная горячка). Благодаря дѣятельному и великодушному вспомоществованію петербургскаго климата, болѣзнь пошла сильно быстро— — —.

Департаментскій докторъ пришелъ больше для того только, чтобы видѣть ходъ болѣзни и объявить, что два дни—(и) больной будетъ совершенно готовъ откланяться. Все время больной Акакій Акакіевичъ впадалъ въ поминутный бредъ: то видѣлъ Петровича—и заказывалъ ему сдѣлать шинель съ машинкой (?), чтобы она могла отстранять, если случится нападутъ на него нечаянно (?) два вора; то ему чудилось, что въ его комнатѣ вездѣ сидятъ воры; (то) казалось ему, что онъ стоитъ передъ генераломъ и слушаетъ надлежащее распеканье, приговаривая: «да, виноватъ, виноватъ, ваше превосходительство!» То наконецъ сквернохульничалъ, выражаясь совершенно извощичьимъ слогомъ, или тѣмъ, какимъ производятъ порядокъ на улицахъ, чего отъ роду за нимъ не бывало отъ временъ самаго рожденія. «Я не посмотрю, что ты генералъ, вскрикивалъ онъ иногда голосомъ такимъ громкимъ: и опять отниму шинель. Я Потапу (?) Ивановичу — — —». Далѣе онъ говорилъ совершенную безсмыслицу и ничего рѣшительно нельзя было понять. Можно было видѣть (?), что безпорядочно разстроенныя слова все ворочались около шинели...

(Наконецъ бѣдный Акакій Акакіевичъ испустилъ духъ). Комнату и вещи его не опечатывали, (потому что—во-первыхъ, не было наслѣдниковъ, и, вовторыхъ),—потому что наслѣдства оставалось что-то очень немного; (именно: пучокъ гусиныхъ перьевъ, десть бѣлой казенной бумаги), двѣ-три пуговицы, оторванныя (отъ) панталонъ, пары двѣ носокъ (и извѣстный уже читателю капотъ). Кому все это досталось—Богъ знаетъ; это не наше дѣло. Акакія Акакіевича свезли и похоронили. И Петербургъ остался безъ Акакія Акакіевича, какъ будто бы его въ немъ и никогда не было [— — —] даже не обра-

тившіи на себя взгляду естествоиспытателя и только покорно несшее канцелярскія насмѣшки, но для котораго все-же таки передъ концомъ жизни мелькнулъ какой-то свѣтлый гость въ видѣ шинели, оживившій на мигъ бѣдную жизнь и на которое обрушилось такъ же громадное несчастіе, какъ обрушивается на царей и повелителей міра. Недолго послѣ его смерти посланъ былъ къ нему на квартиру изъ департамента сторожъ съ приказаніемъ немедленно явиться: начальникъ-де требуетъ; но сторожъ воротился (и) сказалъ, что (Акакій Акакіевичъ) не можетъ больше придти;—и когда начальникъ отдѣленія спросилъ: почему? сказалъ: «Да такъ; онъ ужъ умеръ [— — —». — —] на мѣстѣ его сидѣлъ новый чиновникъ гораздо выше его ростомъ, не наклонявшій уже такъ головы на бокъ и писавшій по чертамъ гораздо скорописнѣе и буквы ставилъ гораздо косѣе.

Но кто бы могъ думать послѣ этого, (что) Акакій Акакіевичъ, совершившій такъ скромно жизненное поприще, произвелъ бы шумъ послѣ своей смерти? (Но такъ случилось, и бѣдная исторія) наша отъ сихъ поръ пріобрѣтаетъ вдругъ фантастическое теченіе. По всему Петербургу пронесся слухъ, что у Поцѣлуева моста и Калинки (?) сталъ появляться (по ночамъ мертвецъ въ видѣ чиновника, ищущаго какой-то утерянной шинели и подъ видомъ) своей сдиравшій со всѣхъ плечъ (не разбирая чина и званія, всякія шинели—и на кошкахъ, и на бобрахъ, и на ватѣ, медвѣжьи шубы... словомъ, всякаго рода кожи, которыя придумали люди для прикрытія своей собственной. Чиновникъ того департамента, котораго не смѣю назвать по имени,—чему сказана выше причина,—видѣлъ самъ собственными (глазами мертвеца и узналъ въ немъ) Акакія Акакіевича; но это внушило ему однакоже такой страхъ, что онъ бросился бѣжать со всѣхъ ногъ, и потому никакъ (не могъ хорошенько разсмотрѣть), но видѣлъ однако же ясно, какъ тотъ погрозилъ ему издали пальцемъ.

Со всѣхъ сторонъ поступали жалобы, что плечи и спины, пусть бы еще титулярныхъ, а то даже самихъ тайныхъ совѣтниковъ подвергаются совершенно простудѣ по причинѣ частаго сдергиванья шинелей. По полиціи сдѣлано было (распоряженіе, схватить живаго) или мертваго и въ томъ и другомъ случаѣ наказать его жесточайшимъ образомъ, — и въ томъ даже едва было не успѣли. Именно — — — (будочникъ) схватилъ мертвеца за воротъ въ то время, когда тотъ хотѣлъ было улизнуть и, закричавши, вызвалъ двухъ другихъ товарищей— — —держать— — —только (полѣзъ) за сапогъ вынуть оттуда тавлинку, чтобы понюхать табаку. Но табакъ былъ видно такого рода, котораго никакой и мертвецъ не могъ вынести.

Не успѣлъ онъ закрыть пальцемъ одну ноздрю, потянуть другою, какъ мертвецъ— — —кулаки, сталъ протирать глаза,—(а) мертвеца и слѣдъ простылъ (?)— — —; они даже не знали, былъ ли онъ въ ихъ рукахъ или нѣтъ. Съ этихъ поръ будочники получили такой страхъ къ мертвецамъ, что даже и живыхъ боялись хватать, и только издали покрикивали: «эй ты, ступай своею дорогой!» и Акакій Акакіевичъ сталъ показываться (?) даже иногда и дальше Поцѣлуева [— — —].

А мы однако оставили совершенно безъ вниманія главную причину всего несчастія—значительное лицо. Нужно знать, что значительное лицо скоро по уходѣ бѣднаго распеченнаго въ пухъ Акакія Акакіевича, почувствовало что-то въ родѣ сожалѣнія (?) Состраданіе было не чуждо душѣ его—какъ уже видѣли—къ сердцу (его) было доступно доброе движеніе [— — —]. Онъ даже, какъ только ушелъ пріятель, очень думалъ объ этомъ и (черезъ) недѣлю потомъ послалъ чиновника къ нему на квартиру развѣдать—что и какъ и въ чемъ можно помочь ему? Когда донесли ему, что бѣдный Акакій Акакіевичъ умеръ скоропостижно (?) въ горячкѣ, совѣсть сильно стала упрекать его, и онъ былъ совершенно не въ духѣ. Чтобы сколько нибудь развлечь себя, онъ отправился на вечеръ къ одному изъ пріятелей своихъ, у котораго уже онъ нашелъ общество (?): всѣ были тамъ одного чина, такъ что онъ совершенно ничѣмъ не былъ связанъ и развернулся, сдѣлался любезенъ и пріятенъ въ разговорѣ, и любезенъ [— — —]. За ужиномъ даже выпивши былъ. Это придало ему веселости и сообщило толчокъ (?) къ разнымъ экстренностямъ. А именно, послѣ ужина онъ рѣшилъ не ѣхать домой, а заѣхать къ одной знакомой дамѣ, Настасьѣ Карловнѣ (женщинѣ) кажется, нѣмецкаго происхожденія [— — —] значительное лицо—уже былъ человѣкъ не молодой, хорошій супругъ, почтенный отецъ. Два взрослыхъ сына, изъ которыхъ одинъ, служилъ въ канцеляріи—и взрослая дочь—всякій день приходили къ нему цѣловать его руку [— — —]. Супруга тоже полная и здоровая давала прежде ему свою руку цѣловать, потомъ, перевернувши... (не дописано). Но при всемъ томъ онъ нашелъ, что прилично имѣть пріятельницу въ другой сторонѣ. Хотя эта пріятельница была старше жены его и даже особенно наружностью не лучше жены — — —. Закутавшись въ шинель, онъ мчалъ въ зимнихъ санкахъ навѣстить пріятельницу. Такъ ужъ странно созданъ человѣкъ, иначе о немъ не можемъ сказать, почему онъ не поѣхалъ домой. И такъ, значительное лицо сѣлъ въ санки и сказалъ кучеру: «къ Настасьѣ Карловнѣ», а самъ закутавшись, переби-

ралъ (?) въ умѣ — — — онъ былъ еще полонъ удовольствія, вынесеннаго изъ общества, гдѣ всѣ были равныхъ чиновъ. Многія слова онъ даже произносилъ въ слухъ. Повернувъ въ улицу, онъ сталъ закрываться покрѣпче, потому что вѣтеръ сдѣлался страшный, подымая съ троттуаровъ снѣгъ, насыпàлъ на него кучами и дулъ ему въ лицо. Вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то сильно схватилъ его за воротникъ шинели. Обернувшись, онъ увидѣлъ кого-то, небольшаго роста въ старомъ капотѣ (?). Не безъ ужаса узналъ Акакія Акакіевича. Лицо его (было блѣдно, какъ снѣгъ, и глядѣлъ (онъ) совершенно) (какъ) мертвецъ. «А, вотъ ты наконецъ! Наконецъ таки вотъ я тебя (поймалъ за воротникъ: твоей-то шинели мнѣ и нужно!) Ты чего не хлопоталъ объ моей шинели? такъ отдавай свою!» (Бѣдное значительное лицо) такъ и обмеръ. Какъ ни характеренъ онъ былъ въ присутствіи — — (но тутъ) совершенно потерялся,—и все пропало передъ нимъ. Но потомъ онъ почувствовалъ такой страхъ, что тутъ же сталъ опасаться,—и не безъ причины,—чтобъ не случилось съ нимъ какого-нибудь болѣзненнаго припадка). Онъ самъ даже скинулъ съ плечъ шинель свою (и закричалъ кучеру): («пошелъ во весь духъ домой!») Такимъ образомъ былъ онъ перепуганъ очень, пріѣхалъ уже не къ Настасьѣ Карловнѣ, а домой и безъ шинели. Да и ночь провелъ въ большомъ безпорядкѣ и совершенно не спалъ (?). (Такъ что на другой день) (за чаемъ дочь ему сказала прямо): «Ты сегодня совсѣмъ блѣденъ, папа». Но папа молчалъ и ни слова ни объ Настасьѣ Карловнѣ, ни объ Акакіи Акакіевичѣ. Это происшествіе сдѣлало на него сильное впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ замѣтили, что онъ гораздо рѣже говорилъ: [«— —] понимаете ли вы, кто передъ вами и съ кѣмъ вы говорите?» Если же произносилъ, то не такъ энергически и отрывисто, и уже выслушавши, въ чемъ дѣло. Съ тѣхъ самыхъ поръ прекратилось появленіе мертвеца. Видно, генеральская шинель совершенно пришлась по плечамъ. По крайней мѣрѣ не было такихъ случаевъ, чтобы съ значительныхъ лицъ сдергивали шинели. Но въ дальнихъ углахъ все еще поговаривали, что появлялось привидѣніе и видѣли чиновника. И самъ даже квартальный—не помню какой-то квартальный,—человѣкъ очень почтенный, признавалъ за истину, что это привидѣніе точно являлось, хотя рѣдко; что одинъ коломенскій будочникъ видѣлъ собственными глазами, какъ оно вышло вдругъ и пошло было съ нимъ. Но будучи человѣкъ слабый — — — такъ что даже одинъ разъ, вырвавшись изъ воротъ частнаго дома большой (поросенокъ), бросился ему подъ ноги, сшибъ его съ ногъ къ величайшему смѣху стоявшихъ извощиковъ, съ которыхъ онъ потомъ

за издѣвку вытребовалъ грошъ на табакъ,—и такъ, ради своей слабости не посмѣлъ остановить и все слѣдовалъ; и что привидѣніе — — — это остановилось и показало ему кулачино необыкновенный. «Тебѣ чего хочется?» Будочник(омъ) также былъ признанъ мертвецъ (?); онъ сдѣлался только выше ростомъ и (носилъ) даже преогромные усы.

Н. В. Гоголь.

НОВОРОССІЙСКІЕ ДРАГУНЫ

предъ

ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ II.

Насъ вдохновитъ-ли слава громкихъ дѣлъ?
Мы скажемъ-ли прошедшему: «воскресни»!
А. де-Мюссе.

I.

Царскій смотръ—это эпоха въ жизни армейскаго полка, отъ которой въ немъ ведется лѣтосчисленіе. Варшавскіе смотры 1858 и 1859 годовъ, въ которыхъ Новороссійскій драгунскій полкъ принималъ очень видное участіе, имѣли политическое значеніе, котораго я, однако, касаться не буду, а ограничусь простымъ изложеніемъ фактовъ, коихъ, отчасти, былъ очевидцемъ. Представляя читателямъ «Русской Старины» этотъ разсказъ, я руководствовался убѣжденіемъ, что все касающееся покойнаго государя заслуживаетъ быть записаннымъ, что всякая, даже мелкая черта, могущая придать лишній блескъ его благородной личности, должна быть сообщена современникамъ и будетъ интересовать потомковъ. Кромѣ того, одинъ изъ смотровъ, послѣдній, сдѣланный покойнымъ государемъ новороссійцамъ,—былъ смотромъ для армейскаго полка совершенно исключительнымъ. Чтобы послѣдующій разсказъ сталъ понятнымъ, я долженъ предварительно вкратцѣ познакомить читателя съ предшествовавшею смотрамъ исторіею полка и съ тогдашнимъ его командиромъ, полковникомъ К. К. Шульцемъ.

Новороссійскій драгунскій полкъ принадлежитъ къ сравнительно молодымъ, но тѣмъ не менѣе славнѣйшимъ полкамъ нашей кавалеріи. Сформированный въ 1803 г. графомъ Сиверсомъ, онъ началъ боевую службу въ 1807 г. въ Польшѣ, противъ французовъ; въ

1809 г. полкъ занималъ Краковъ, 24 и 26 августа 1812 г. произвелъ цѣлый рядъ блестящихъ атакъ подъ Бородиномъ и взялъ двѣ французскихъ батареи, которыхъ, впрочемъ, не могъ увезти. Однихъ убитыхъ было 103, раненыхъ, вѣроятно, вдвое, такъ что половина всего полка выбыла изъ строя за эти 2 дня. Затѣмъ подъ командою то Милорадовича, то Платова, Новороссійцы участвовали въ сраженіяхъ подъ Вязьмою и Смоленскомъ. При окончаніи отечественной войны полкъ состоялъ изъ трехъ слабыхъ эскадроновъ. Половина лошадей погибла въ сраженіяхъ и отъ изнуренія.

Въ мартѣ 1813 г. новороссійцы занимали, въ отрядѣ Панчулидзева,—Дрезденъ; въ апрѣлѣ—Лейпцигъ; довершили 20 апрѣля пораженіе французовъ подъ Люценомъ, но потеряли своего командира, полк. Теренина, убитаго во время атаки. 8-го и 9-го мая они сражались подъ Бауценомъ, опрокинули и разсѣяли два полка французской гвардейской кавалеріи. 10-го мая вновь сраженіе, подъ Рейхенбахомъ, гдѣ раненъ и новый командиръ полка, славный храбростью Ворграфъ. Затѣмъ, послѣ ряда сравнительно мелкихъ дѣлъ подъ Лобау, Гохъ-Кирхеномъ, Нидеръ-Пупкау и Дембинѣ,—новороссійцы производятъ нѣсколько блестящихъ, но кровавыхъ атакъ 4 и 6 октября подъ Лейпцигомъ, гдѣ тяжело ранены маіоры Якимахъ и Станиковичъ, командиры эскадроновъ.

29 декабря новороссійцы, въ отрядѣ генерала Бороздина, занимаютъ уже Майнцъ и 8 января 1814 г. подходятъ къ Мецу. Въ мартѣ, подъ Феръ-Шампенуазомъ,—двѣ неудачныхъ атаки; но поддержанные во-время конною батареею, новороссійцы и каргопольцы вновь несутся въ атаку на глазахъ государя: одна французская колонна кладетъ передъ ними оружіе, другая изрублена, взято 7 орудій... Государь лично благодаритъ полки на полѣ сраженія.

И вотъ новороссійцы въ Парижѣ: бивуакъ ихъ между Монмартромъ и Булонскимъ лѣсомъ. Полкъ щеголяетъ обмундированіемъ и лошадьми. Въ полковомъ архивѣ сохранился приказъ начальника кавалеріи, генерала-адъютанта барона Корфа, гдѣ объявляется благодарность полку и командиру за то, что несмотря на всѣ трудности трехъ-лѣтней постоянной боевой службы «вступили въ Парижъ, сохранивъ чистоту, порядокъ, устройство и обмундировку нижнихъ чиновъ», а главное—«за хорошее содержаніе лошадей, чѣмъ полкъ этотъ всегда отличался отъ прочихъ».

Въ маѣ 1814 г.—обратный походъ въ Россію, къ Вильнѣ. На поляхъ Германіи и Франціи новороссійцы похоронили, павшими въ бояхъ, 13 офицеровъ, 71 солдата и 223 лошади. Для полка, состоявшаго изъ 3-хъ эскадроновъ, это потеря громадная.

26 іюля 1815 г. новороссійцы опять въ Дрезденѣ, по случаю возвращенія Наполеона съ Эльбы. Но сраженіе при Ватерлоо сдѣлало дальнѣйшее движеніе излишнимъ и 15 августа они выступаютъ обратно, къ Новогрудку.

Въ турецкую войну 1828 и 1829 годовъ новороссійцы имѣли 3 крупныхъ дѣла; два подъ Калафатомъ, 26 іюня и 12 іюля 1828 г., и одно, самое блестящее, подъ Баллештомъ, подъ командою извѣстнаго Гейсмара, 14 сентября того-же года. За послѣднее полку пожалована на киверѣ надпись: «за отличіе».

Въ польскую войну 1831 г. новороссійцы уничтожаютъ 7 іюня, въ отрядѣ генерала Ридигера, подъ Будзиско, два батальона польской пѣхоты. 28 іюля они терпятъ пораженіе подъ Ильжей, отъ Рожицкаго, причемъ теряютъ до 100 человѣкъ убитыми и раненными и 61 лошадь. Но 30 августа, въ свою очередь, разбиваютъ его. 17 сентября 1831 г. новороссійцы опять занимаютъ Краковъ. Польская армія, разбитая и деморализованная, переходитъ границу и кладетъ оружіе: новороссійцы берутъ въ эти дни болѣе 3000 человѣкъ плѣнныхъ.

Въ 1849 году полкъ въ Венгріи,—но шашекъ не пришлось ему обнажить.

Въ самомъ началѣ войны 1853—56 годовъ полкъ перешелъ изъ г. Бирюча, Воронежской губерніи, гдѣ долго квартировалъ, на кавказско-турецкую границу. При перевалѣ черезъ кавказскій хребетъ, полкъ, около станціи Семеновой-Сакли, имѣлъ несчастье попасть, 11 марта 1854 г., подъ снѣжный завалъ, причемъ погибло 11 человѣкъ и 30 лошадей. Придя въ Александрополь, онъ вошелъ въ составъ главнаго отряда, дѣйствовавшаго противъ Карса, и принялъ блистательное участіе въ Курюкъ-Даринскомъ сраженіи 24 іюля 1854 г. Это сраженіе, сразу рѣшившее кампанію 1854 г., гдѣ 17,000 русскихъ разбили на голову 60,000 турокъ, гораздо лучше вооруженныхъ,—еще ожидаетъ историка. Трудъ его будетъ не легкій: дѣйствія нашихъ войскъ не укладываются, въ этомъ случаѣ, въ условныя рамки. Не только не было общаго плана, но и распоряженія начальниковъ приходили не всегда во-время; а между тѣмъ войска свое дѣло дѣлали и дѣлали его славно, не мудрствуя лукаво: гдѣ нужно было стоять—стояли и ихъ живую стѣну можно было, пожалуй, свалить, но никакъ не отодвинуть вспять; гдѣ нужно было идти впередъ—тамъ шли и, не считая враговъ, ломали все, что попадалось навстрѣчу. Никакихъ резервовъ и вторыхъ линій у насъ не было, бились на чистоту, «безъ задней помощи и мысли», по кавказски,—и побили турокъ на славу! Это было высшее тор-

жество человѣческаго духа, проявленіе той страшной нравственной силы, которою побѣждали Румянцевъ и Суворовъ. Башъ-Кадыкъ-Ларъ и Курюкъ-Дара,—это Кагулъ и Рымникъ нашего времени!

Въ Курюкъ-Даринскомъ сраженіи новороссійцы дѣйствовали не цѣлымъ полкомъ, имѣвшимъ въ то время 10 эскадроновъ, т. е. около 1300 коней. Два эскадрона стояли на правомъ флангѣ и имѣли случай выручить генерала Ганецкаго, которому съ рязскимъ полкомъ приходилось плохо. Остальные 8 эскадроновъ были, частью въ центрѣ позиціи, частью на лѣвомъ флангѣ, и когда знаменитая атака эриванцевъ и грузинцевъ, подготовленная артиллеріей генерала Бриммера, прорвала центръ турокъ и заставила ихъ начать отступленіе, то благодаря, главнымъ образомъ, новороссійцамъ, это отступленіе перешло въ безпорядочное бѣгство. Полку досталось 4 орудія, знамена и до 1000 плѣнныхъ. Потери его состояли изъ 2-хъ убитыхъ офицеровъ, 27 нижнихъ чиновъ и 114 лошадей; раненыхъ было 81 человѣкъ,—потери небольшія въ сравненіи съ пріобрѣтенными трофеями. Въ 1855 г. началось обложеніе, неудачный штурмъ Карса 17 сентября и наконецъ сдача Карса. Все это время новороссійцы несли тяжелую аванпостную службу, а въ іюлѣ переходили, въ отрядѣ Бакланова, Саганъ-Лугскій хребетъ, доходили до городка Гасанъ-Кала, но крупныхъ дѣлъ не имѣли.

Послѣ сдачи Карса дѣйствовавшій противъ него отрядъ былъ распущенъ на зимнія квартиры. Новороссійцы стояли въ духоборческихъ деревняхъ, раскинутыхъ вдоль границы.

II.

8-го января 1856 г. командиромъ новороссійцевъ, вмѣсто генерала Танутрова, былъ назначенъ полковникъ Нижегородскаго драгунскаго полка Карлъ Карловичъ Шульцъ, сынъ подполковника Карла Федоровича Шульца, отличившагося, подъ начальствомъ Суворова, при взятіи Праги и получившаго изъ рукъ великаго полководца Георгіевскій крестъ. Карлъ Карловичъ началъ службу въ 1832 году въ Сѣверскомъ конно-егерскомъ полку. Въ 1833 г. онъ былъ переведенъ въ Московскій драгунскій полкъ, а въ 1845 г., уже капитаномъ, повелъ эскадронъ на Кавказъ для усиленія извѣстнаго Нижегородскаго драгунскаго полка, который до 1845 г. состоялъ только изъ 6-ти дѣйствующихъ эскадроновъ. Императоръ Николай приказалъ прибавить къ нему 4 эскадрона и назначилъ для этого лошадей рас-

формированнаго въ Чугуевѣ въ то время Уфимскаго казачьяго полка [1]). Люди были назначены изъ всего тогдашняго драгунскаго корпуса.

Нижегородскіе драгуны имѣли свою штабъ-квартиру въ Чиръ-Юртѣ, на Сулакѣ, на рубежѣ нашихъ тогдашнихъ владѣній. Началась тревожная боевая жизнь, прекратившаяся только въ 1856 г. Изъ крупныхъ военныхъ дѣйствій, съ которыми связано имя К. К. Шульца, отмѣтимъ: взятіе Гергебиля и освобожденіе Ахтовъ въ 1849 г. (чинъ маіора и Владиміръ 4-й степ.), а въ 1851 г.—зимнюю экспедицію въ Большую Чечню (чинъ подполковника). Въ 1853 г., еще до начала войны, нижегородцы перешли въ Закавказье и 19-го ноября много содѣйствовали Башъ-Кадыкъ-Ларской побѣдѣ. К. К. Шульцъ командовалъ тогда 4-мъ дивизіономъ и произведенъ въ полковники. Въ іюлѣ 1854 г. побѣда подъ Курюкъ-Дара очень дорого обошлась нижегородцамъ, которымъ пришлось безпрерывными атаками отбить захваченныя турецкою пѣхотою 2 орудія казачьей батареи Кульгачева. При этомъ выбыло изъ строя половина офицеровъ и до 300 рядовыхъ, такъ сказать, безъ пользы для общаго хода сраженія. Въ числѣ раненыхъ были полковникъ князь Алекс. Мих. Дондуковъ-Корсаковъ, нынѣшній кавказскій намѣстникъ, получившій рану въ лѣвую руку, и полковникъ К. К. Шульцъ, раненый пулею въ лѣвый високъ. Пуля засѣла у него около уха и послѣ операціи рана не заживала около 4-хъ мѣсяцевъ.

Въ 1855 г., во время блокады Карса, генералъ Муравьевъ (главнокомандующій), лично знавшій К. К. Шульца, довѣрилъ ему отдѣльный наблюдательный отрядъ, состоявшій изъ батальона пѣхоты и 11 сотенъ казаковъ и милиціи. Этому отряду, въ ночь на 22-е августа, удалось разсѣять турецкую кавалерію, когда она пыталась прорваться изъ Карса. Полковникъ Шульцъ былъ награжденъ золотою саблею. 16-го ноября 1855 г. Карсъ капитулировалъ, а 8-го января 1856 г., какъ мы уже сказали, К. К. Шульцъ назначенъ былъ командиромъ Новороссійскаго полка, которому однако не пришлось сражаться подъ его начальствомъ, такъ какъ уже въ мартѣ 1856 г. былъ заключенъ миръ. Вслѣдъ затѣмъ рѣшено было образовать кавказскую драгунскую дивизію; она составилась изъ двухъ старыхъ полковъ (Нижегородскаго и Тверскаго) и двухъ вновь сформированныхъ (Сѣверскаго и Переяславскаго). Послѣднимъ новороссійцы сдали всѣхъ своихъ лошадей и больше половины людей. Дѣйствія этихъ молодыхъ полковъ въ войну 1877—1878 годовъ показали, что къ

---

[1]) Это былъ единственный въ своемъ родѣ казачій полкъ, набранный изъ рекрутъ, а не изъ казаковъ. К. Д.

нимъ перешелъ и старый духъ полка-отца. Отъ новороссійцевъ тогда остались только кадры, — 32 офицера и 413 нижнихъ чиновъ, которые выступили обратно въ Россію 20-го октября 1856 г. изъ лагеря на Лорійской степи, близь укрѣпленія Каменки (Джелалъ-Оглы). Прощаніе было трогательное; много пролито слезъ, еще больше выпито вина. Угощали новые переяславцы старыхъ новороссійцевъ, затѣмъ новороссійцы — переяславцевъ, затѣмъ, тѣ и другіе—сѣверцевъ,—словомъ, попойкамъ какъ офицерскимъ, такъ и солдатскимъ не было конца. Прошли новороссійцы пѣшкомъ все Закавказье, перевалили черезъ горы, прошли Ставропольскія, Донскія и Украинскія степи въ суровое зимнее время и вступили 30-го января 1857 г., въ томъ же составѣ, въ гор. Корочу, Курской губерніи, гдѣ должны были получить лошадей, сѣдла и людей изъ расформированныхъ резервовъ. 413 человѣкъ вышли съ азіатской границы въ самое неблагопріятное для похода время, и 413 вступили черезъ 102 дня въ Корочу, — не было ни больныхъ, ни отсталыхъ [1]), благодаря полушубкамъ, большимъ сапогамъ, теплымъ шапкамъ и хорошей пищѣ,—все эти на личныя средства полковника. Эти 413 человѣкъ были великолѣпный кадръ: до 60 георгіевскихъ кавалеровъ, отличный хоръ трубачей, отличные закаленные войною люди, набравшіеся за три года извѣстнаго кавказскаго духа, гдѣ воевать значило побѣждать. Въ два мѣсяца полкъ былъ окончательно сформированъ въ Корочѣ, сидѣлъ на хорошихъ, но мало выѣзженныхъ, коняхъ и опять пошелъ въ походъ поперекъ всей южной Россіи въ м. Менджиборъ, Подольской губ., куда вступилъ въ іюнѣ.

Едва новороссійцы, отбывъ лагерную стоянку, расположились въ окрестныхъ деревняхъ (военныя поселенія) на зимнія квартиры, какъ получилось извѣстіе, что Государю угодно, чтобы драгунскіе полки: Новороссійскій и Украинскій были отправлены въ Варшаву на предстоявшіе тамъ въ 1852 г. смотры. Напрасно корпусный командиръ, старикъ баронъ Офенбергъ, помѣшавшійся на тонкостяхъ манежной выѣздки, писалъ военному министру, что оба эти полка, едва сформированные, нуждаются еще въ усиленныхъ занятіяхъ, и предлагалъ въ замѣну ихъ послать бригаду уланъ или гусаръ. Изъ министерства получился отвѣтъ, что Государю угодно видѣть въ Варшавѣ именно драгунъ.

Ранней весной (1857 г.), едва сошелъ снѣгъ, новороссійцы двинулись въ путь, но въ Дубнѣ были остановлены на полтора мѣсяца и только въ

[1]) Событіе небывалое, а между тѣмъ оно осталось незамѣченнымъ даже ближайшимъ начальствомъ; никто не сказалъ „спасибо" ни полковому командиру, подготовившему все къ этому походу, ни людямъ, совершившимъ его такъ молодецки. исключая, впрочемъ, простаго, но задушевнаго и доступнаго солдату приказа по полку, отданнаго самимъ командиромъ. К. Д.

іюлѣ вступили въ Варшаву. Пріѣздъ Государя почему-то замедлился и совершился наконецъ 11-го сентября 1857 г. Въ то же время пріѣхали принцъ-регентъ прусскій, нынѣшній императоръ германскій, принцъ Наполеонъ и нѣсколько германскихъ герцоговъ. 13-го сент. былъ назначенъ общій парадъ всѣмъ войскамъ, собраннымъ въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ, всего до 50,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 4 кавалерійскихъ полка (кромѣ 2-хъ драгунскихъ—еще уланскіе: С. Петербургскій и Курляндскій). Рано утромъ пришли новороссійцы на огромное Повонзковское поле и заняли указанное имъ мѣсто, готовясь въ первый разъ предстать передъ своимъ монархомъ. Былъ ясный теплый осенній день. Высшее начальство суетилось, ровняло, просило, вообще стало очень мягкимъ. Николаевская смотровая лихорадка, особая болѣзнь, воспѣтая Федотовымъ вь его „Маіорѣ", трепала многихъ ремешковыхъ генераловъ, особенно, когда разнесся слухъ, что дѣлая за нѣсколько дней передъ тѣмъ смотръ въ Ковнѣ, Государь остался очень недоволенъ и прогналъ съ плаца нѣсколько кавалерійскихъ полковъ. Но новороссійцы были увѣрены, что помня Кавказъ, Государь будетъ снисходителенъ къ мелкимъ неудачамъ въ ровненіи. Впрочемъ, въ теченіе цѣлаго года, полкъ усиленно учился и не уступалъ другимъ ни въ чемъ, а хозяйственная часть его, пожалуй, была лучше. Спокойный, веселый и самоувѣренный видъ полковника Шульца, естественно, благопріятно отражался и на его полкѣ. Онъ имѣлъ даръ учить свой полкъ, не утомляя его, не мучилъ „ученіемъ". хотя твердо вѣрилъ въ справедливость Суворовскаго афоризма: „за одного ученаго трехъ неученыхъ даютъ, — намъ мало трехъ, давай намъ шесть, давай намъ десять за одного". Кромѣ того Шульцъ былъ человѣкъ уже новаго вѣянія:

И не безславилъ сгоряча
Свою воинственную руку
Презрѣнной палкой палача.

Вспомнимъ, что это было въ 1858-мъ году, когда раны, нанесенныя Россіи крымскою войною, были еще совершенно свѣжи.

Государь показывалъ свои полки иностранцамъ, пріѣхавшимъ въ Варшаву его привѣтствовать, не для празднаго развлеченія, а чтобы убѣдить ихъ, что мечъ Россіи вновь отостренъ, что «Севастопольскіе кони отдохнули». Въ это фактически еще столь близкое и исторически уже отдаленное намъ время,—еще вспоминались стихи Ѳ. Чернышева, изъ его прелестной «Солдатской сказки» [1]:

---

[1]) Впервые явилась эта сказка въ печати только на страницахъ „Русской Старины" изд. 1872 г., (изданіе второе), т. V, іюнь, стр. 967—980. Шутка-поэма П. А. Ѳедотова: „Маіоръ" также цѣликомъ напечатана впервые въ „Русской Старинѣ", изд. 1872 г., т. V, стр. 727 и проч. К. Д.

Но политику храня,
Русскій Царь смотрѣлъ безъ смѣху
На нѣмецкаго царя.

Вспомнимъ, что это было незабвенное для насъ время возрожденія, когда побѣжденный народъ и подписавшій Парижскій миръ Государь были сильны вѣрою другъ въ друга и надеждою на лучшіе, свѣтлые дни; когда Государь уже твердо велъ Россію къ «волѣ», когда подлая пуля Каракозова еще не раздваивала его съ интелигенціей, когда все молодое, честное и разумное жило и дышало полною грудью, потому что надѣялось и видѣло будущность. Да, не смотря на Крымскій погромъ и Парижскій миръ, не только мы, носившіе военный мундиръ, но и всѣ

Мы вѣрили тогда: сильна страна родная
И Русскій Царь великъ!

Солдаты и мы, офицеры, нетерпѣливо, радостно ждали молодого Царя. Вотъ онъ, наконецъ, на рослой гнѣдой лошади, окруженный огромной пестрой свитой, началъ, съ обычною торжественностью, объѣздъ войскъ. Рядомъ съ Государемъ ѣхалъ его дядя, нынѣшній германскій императоръ. Затѣмъ,—церемоніальный маршъ.

Когда прошла пѣхота съ своей артиллеріей и во главѣ кавалеріи показался вороной эскадронъ Новороссійскаго полка, Государь, обращаясь къ свитѣ, сказалъ:

— «Вотъ идутъ мои кавказцы!»

Передъ полкомъ ѣхалъ командиръ его, К. К. Шульцъ, рѣзко выдѣляясь отъ строя, блестѣвшаго касками, своею скромною фуражкою съ голубымъ околышкомъ, которою прикрывалась раненая голова его. Полкъ, по эскадронно, шагомъ, прошелъ хорошо. Государь благодарилъ каждый эскадронъ и, когда они всѣ прошли, окинулъ глазами свиту и громко спросилъ:

— «Кто командуетъ полкомъ?»

Шульцъ, стоявшій, согласно уставу, тутъ же, выдвинулся впередъ и отвѣтилъ:

— Полковникъ Шульцъ, Ваше Величество.

— «Полкъ хорошъ, благодарю. Лѣвый флангъ 1-го эскадрона только немного заволновался... Отчего вы въ фуражкѣ,—ранены въ голову?»

— Точно такъ, Ваше Величество.

— «Саблею?»

— Пулею, Ваше Величество, въ лѣвый високъ.

— «Въ какомъ сраженіи?»

— Въ Курюкъ-Даринскомъ.

— «А-а!!» сказалъ Государь и лице его засіяло улыбкою. Онъ

тотчасъ обратился къ принцу-регенту и, представляя ему Шульца, объяснилъ по французски, гдѣ и какъ онъ раненъ. Принцъ любезно поклонился.

Когда парадъ кончился, Государь вызвалъ изъ фронта всѣхъ георгіевскихъ кавалеровъ, которыхъ въ Новороссійскомъ полку осталось около 40 человѣкъ. Государь объѣхалъ ряды кавалеровъ, благодарилъ за старую службу, а затѣмъ, обратившись къ однимъ Новороссійцамъ, сказалъ:

— «А за ваши кавказскіе подвиги передаю вамъ послѣднее спасибо нашего покойнаго Государя. Только вы и радовали его своими побѣдами. Еще разъ благодарю васъ и за него, и за себя» [1]).

17-го сентября были большіе маневры. Новороссійцы, назначенные въ отрядъ, наступавшій на Варшаву, двигались въ полковой колоннѣ, когда на холмѣ показался Государь съ принцемъ-регентомъ и свитой. Въ это же время стрѣлковый баталіонъ, изображавшій непріятеля, сталъ выходить изъ лѣса и открылъ по полку огонь. Новороссійцы, на глазахъ Государя, произвели нѣсколько примѣрныхъ атакъ, по эскадронно.

Когда маневры кончились, Государь собралъ около себя генераловъ и полковыхъ командировъ. Передавая имъ свои замѣчанія, онъ обратился къ полковнику Шульцу съ слѣдующими словами:

— «Вашъ полкъ атаковалъ превосходно, но останавливался слишкомъ далеко отъ пѣхоты... Впрочемъ, улыбаясь добавилъ Государь, мнѣ васъ не учить какъ вести атаку,—вы доказали на дѣлѣ, что умѣете атаковать пѣхоту».

Черезъ день послѣ маневровъ Государь произвелъ на Мокотовскомъ полѣ ученіе 4-мъ кавалерійскимъ полкамъ съ конною артиллеріею, во время котораго изъ Новороссійскаго полка былъ вызванъ имъ 2-й эскадронъ, капитана Фролова [2]). Эскадронъ лихо проскакалъ мимо Государя, по одному, съ рубкою шашками. Государь остался очень доволенъ ученіемъ, но особенно благодарилъ 2-й эскадронъ и Фролова. Въ тотъ же день всѣ четыре полковые командира были приглашены къ обѣду, въ Лазенковскій дворецъ. Послѣ стола обѣдавшіе перешли въ сосѣднюю залу. Государь, принцъ-регентъ прус-

---

[1]) Приведенныя выраженія Государя отстенографировались въ памяти тѣхъ, къ кому онѣ обращались, навѣрно не хуже, чѣмъ это могъ бы сдѣлать карандашъ присяжнаго стенографа. Всѣ слова, съ которыми Государь относился къ К. К. Шульцу, были тогда же тщательно записаны имъ и мы воспользовались этой записью для настоящей статьи, съ его разрѣшенія.

[2]) Въ настоящее время полковникъ Николай Степановичъ Фроловъ состоитъ на службѣ въ болгарской арміи. К. Д.

скій и еще нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ уланскій полковникъ Гербель, стояли отдѣльною группою. Гербель бойко разсказывалъ что-то по нѣмецки. Государь улыбался, принцъ отъ души хохоталъ. Государь, окинувъ взглядомъ обширную залу, наполненную приглашенными, замѣтилъ полковника Шульца, стоявшаго въ противуположномъ концѣ, у дверей, и, не дослушавъ разсказа Гербеля, направился черезъ всю залу прямо къ нему.

— «Шульцъ, сказалъ Государь,—полкъ хорошъ, благодарю васъ за него. Но отчего такъ мало георгіевскихъ кавалеровъ?»

— Одни вышли въ отставку, другіе отпущены въ безсрочный отпускъ, Государь.

— «Но въ полку остался...» и Государь остановился, какъ бы подъискивая слово.

— Духъ прежній, Ваше Величество.

— «Да, да, я это именно и хотѣлъ спросить. Осталась ли въ полку прежняя молодецкая закваска?»

— За это я могу ручаться, Ваше Величество.

Государь, довольный отвѣтомъ, отошелъ и обратился къ командиру Украинскаго драгунскаго полка, Зенгеру.

III.

Въ іюлѣ 1859 г. Новороссійцы перешли изъ г. Красностава, гдѣ простояли около 2-хъ мѣсяцевъ, въ Варшаву, для занятія коннаго караула на Саксонской площади и ночныхъ разъѣздовъ по городу. Полкъ расположился въ Лазенковскихъ казармахъ. Въ то же время, по случаю австро-французской войны, онъ, въ числѣ прочихъ войскъ, стоявшихъ въ Польшѣ, былъ приведенъ на военное положеніе. Государь и въ этомъ году пріѣхалъ въ Варшаву въ первыхъ числахъ октября. Война между Франціею и Австріею только что окончилась.

Въ Варшаву явился австрійскій эрцъ-герцогъ и десятокъ разныхъ принцевъ. Сбора войскъ не было и Государь произвелъ 7-го октября, на Уяздовской площади, лежащей въ чертѣ города, только парадъ войскамъ, квартировавшимъ въ самой Варшавѣ. По окончаніи парада, Государь опять вызвалъ кавалеровъ, правый флангъ которыхъ составили Новороссійцы. Государь, подъѣхавъ къ нимъ, остановился противъ полковника Шульца и, обратясь къ иностраннымъ принцамъ, громко сказалъ по французски:

— «Рекомендую вамъ, господа, полковника Шульца, который раненъ въ Курюкъ-Даринскомъ сраженіи пулею въ лѣвый високъ». Затѣмъ, обращаясь къ Шульцу, добавилъ по русски: «такъ, Шульцъ, въ лѣвый високъ?»

— Въ лѣвый, В. В.

— «Не забылъ!» улыбаясь сказалъ Государь и сдѣлалъ милостивый жестъ рукою. Черезъ день во дворцѣ намѣстника князя Горчакова былъ большой раутъ. Съѣхалась польская знать, вся администрація, всѣ принцы съ ихъ свитами, масса военныхъ. Государь былъ въ отличномъ расположеніи духа, очень заинтересовался живыми картинами и заставилъ принимавшую въ нихъ участіе молодежь обоего пола танцовать въ тѣхъ-же костюмахъ, въ которыхъ они были на сценѣ.

Гуляя по залѣ, Государь замѣтилъ въ толпѣ полковника Шульца, который стоялъ, случайно, рядомъ съ генераломъ Фарафонтовымъ, и тотчасъ направился къ нимъ. Почтительно разступалась передъ нимъ толпа. Всѣ взоры обратились на тѣхъ, кого Государь удостоилъ своимъ особымъ вниманіемъ.

— «Что вы такъ блѣдны и худы, генералъ,—больны?» ласково обратился Государь къ Фарафонтову.

— Боленъ, В. В.

— «Отчего-же не лечитесь?»

— Лечился, но не помогаетъ.

— «Отчего за границу не ѣдете, на воды?»

— Средства не позволяютъ, В. В.

— «Поѣзжайте, я вамъ дамъ средства. Затѣмъ, обращаясь къ Шульцу, Государь уже серьезнымъ тономъ спросилъ:

— «Учатся хорошо?»

— Учились, В. В.

— «Ошибокъ не будетъ?»

— Постараемся, Государь.

— «Ну, Шульцъ, смотрите, чтобы ошибокъ не было. Завтра я смотрю въ пѣхотѣ стрѣльбу. Вы выведете полкъ на коняхъ, спѣшите его, и будете стрѣлять вмѣстѣ съ пѣхотой. Потомъ посадите полкъ, мишени уберутъ и я сдѣлаю вамъ ученье. Смотрите-же, чтобы ошибокъ не было,—а то я хочу похвастать вами вотъ передъ этими»... и Государь указалъ большимъ пальцемъ на одного изъ вальсировавшихъ нѣмецкихъ принцевъ.

Шульцъ, разумѣется, тотчасъ передалъ разговоръ генералу Коцебу, начальнику штаба.

— Пойдемте, намъ нужно сообщить это князю Горчакову, сказалъ генералъ Коцебу, и когда передалъ намѣстнику слова Государя, то князь видимо встревожился и обратился къ Шульцу съ тѣмъ же вопросомъ:

— «А что, полковникъ, ошибокъ не будетъ?»

— Не будетъ, ваше сіятельство, будутъ учиться хорошо, превосходно,—я ручаюсь.

— «Спасибо, голубчикъ мой, я зналъ, что ты меня, старика, успокоишь».

Полковникъ Шульцъ уѣхалъ съ бала, чтобы сдѣлать всѣ распоряженія къ предстоявшему на утро смотру. Но ночью же былъ полученъ новый приказъ. Государь отмѣнилъ смотръ стрѣльбы: назначался смотръ только Новороссійцамъ. Невольно задумался Шульцъ, читая этотъ приказъ. Сердце его, закаленное жизнью и Кавказскою боевой службой, не было доступно чувству смущенія или робости. Но тутъ, когда, такъ неожиданно, Новороссійскому полку пришлось быть представителемъ всей русской арміи, когда всякая случайная неудача въ родѣ дурного ровненія, невѣрной передачи сигнала, или ошибки въ командѣ одного изъ эскадронныхъ командировъ,—могла вызвать неудовольствіе столь милостиваго досел́ѣ монарха и насмѣшки иностранцевъ, тутъ невольно, вмѣсто отдыха и сна, полковникъ проходилъ часа два по комнатѣ, крутя длинные, сѣдые усы и выкуривая трубку за трубкой. Парадъ, въ которомъ принимаетъ участіе 30—40 тысячъ войскъ разнаго рода и обыкновенно ограничивающійся церемоніальными маршами,—это совсѣмъ не то, что ученіе, которое производится одному полку, четыремъ только эскадронамъ.... А завтра, какъ на зло, понедѣльникъ, тяжелый день,—полковникъ вѣрилъ въ этотъ предразсудокъ.

Настало утро 9-го октября 1859 г. Былъ немного пасмурный, но тихій и теплый осенній день. Новороссійцы, въ походной формѣ, въ 9 часовъ были уже на Мокотовскомъ полѣ. Это—обширная равнина, въ нѣсколько сотъ десятинъ съ супесчаною почвою, покрытою травой, очень удобною для военныхъ упражненій, такъ какъ ни пыли, ни грязи на ней не бываетъ. Мокотовское поле прилегаетъ къ самой Варшавѣ, съ южной стороны; близь него и Лазенковскій дворецъ, гдѣ останавливался Государь.

Полкъ сталъ лицемъ къ Мокотовскому шоссе, примѣрно въ верстѣ отъ города, въ полковой эскадронной колоннѣ. Рядомъ сталъ казачій конвой намѣстника.

Приближалось время, назначенное для смотра. Полкъ сѣлъ на коней. Полковникъ повѣрилъ ровненіе эскадроновъ. Прошло около получаса томительнаго ожиданія. Наконецъ показалась группа всадниковъ и донеслись крики народа, привѣтствовавшаго Государя. Государь ѣхалъ шагомъ; около него былъ веймарнскій герцогъ въ голубомъ гусарскомъ мундирѣ и австрійскій эрцъ-герцогъ. Остальная свита ѣхала сзади на нѣкоторомъ разстояніи и своими пестрыми, блестящими мундирами составляла рѣзкій контрастъ съ темнымъ фронтомъ Новороссійцевъ, окаймленнымъ только бахрамою мѣдныхъ касокъ.

Раздалась команда: «Смирно, сабли вонъ!»

Звякнула и блеснула сталь оружія. Затѣмъ полкъ замеръ. Смѣло можно сказать, что у всѣхъ 500 новороссійцевъ, въ эту минуту, была одна мысль: какъ бы угодить Государю и заслужить его спасибо.

Полковникъ, подпустивъ Государя шаговъ на 200, далъ шпоры своему «Барчуку», очень эфектному, хотя и не породистому, вороному коню,—и понесся ему на встрѣчу.

Трубачи грянули полковой маршъ. Государь остановился. Шульцъ хотѣлъ подать ему рапортъ, но Государь указалъ головою на веймарнскаго принца, который и принялъ рапортъ. Затѣмъ Государь галопомъ подъѣхалъ къ полку, поздоровался съ людьми, и. обратившись къ Шульцу, сказалъ:

— «Полкъ выровненъ хорошо. Вызовите впередъ 4-й эскадронъ».

Эскадронъ выѣхалъ.

— «Справа по одному, на десять лошадей дистанціи, съ рубкою, въ карьеръ!» скомандовалъ Государь,—и эскадронъ понесся.

Добрые, степные кони стлались, какъ говорится, по землѣ и приводили въ восторгъ нѣмцевъ, громко, несмотря на присутствіе монарха, выражавшихъ свое одобреніе. Но на несчастіе, а можетъ быть и намѣренно, Государь сталъ хотя на ровномъ мѣстѣ, но около довольно глубокой промоины, сдѣланной дождевою водою. Промоина эта не была замѣтна издали. Поэтому каждая лошадь, дѣлая на всемъ скаку прыжокъ черезъ нее, не всегда ожидаемый всадникомъ, заставила трехъ солдатъ потерять стремя, что не ушло отъ зоркаго глаза Государя. Когда въ нѣсколько минутъ эскадронъ кончилъ скачку и занялъ опять свое мѣсто въ колоннѣ, Государь сказалъ Шульцу:

— «Эскадронъ скакалъ превосходно. Люди владѣютъ оружіемъ хорошо, но три человѣка потеряли стремя».

Послѣ такого замѣчанія полковникъ не смѣлъ передать эскадрону похвалу Государя, который между тѣмъ обратился къ линейнымъ казакамъ (конвою) и пропустилъ ихъ также мимо себя съ джигитовкою. Государь замѣтилъ деликатность Шульца и послалъ флигель-адъютанта, который передалъ 4-му эскадрону царское спасибо за скачку.

Казаки кончили джигитовку и были тотчасъ отпущены домой. Государь со всею свитой сталъ передъ Новороссійскимъ полкомъ и скомандовалъ:

— «Трубачи по мѣстамъ! Полкъ впередъ, ровненіе на право, рысью—маршъ!»

Едва полкъ тронулся и прошелъ нѣсколько десятковъ саженей, какъ трубачъ Государя подалъ сигналъ: «строить фронтъ, въ карьеръ»,—другими словами изъ колонны перестроиться въ одну линію, для чего каждый эскадронъ долженъ, сдѣлавъ поворотъ, проска-

кать до того мѣста, противъ котораго онъ долженъ стоять въ развернутомъ фронтѣ, остановиться, повернуться и опять скакать пока не войдетъ въ линію главнаго эскадрона, который между тѣмъ все подвигается рысью впередъ. Построеніе очень сложное, затруднительное и утомительное для лошадей,—но тѣмъ не менѣе хорошо знакомое новороссійцамъ. И вотъ на глазахъ Государя, который со всею свитой подвигался вмѣстѣ съ полкомъ, впереди его, оно было продѣлано полкомъ какъ нельзя лучше, быстро, спокойно и ровно. Едва послѣдній 4-й эскадронъ прискакалъ на свое мѣсто въ фронтѣ и перешелъ въ рысь, трубачъ подалъ сигналъ: «въ галопъ»!

Полкъ сталъ подвигаться быстрѣе, но такъ-же ровно, безъ волненія, величественно и грозно, какъ живая стѣна.

Опять сигналъ: атака, въ карьеръ!

Наклонились шашки, застонала земля подъ копытами коней, раздался русскій боевой кликъ: ура!!! И понеслась, по словамъ солдатской пѣсни,

Не туча громовая,
А драгунъ рядъ боевой,
То драгуны молодцы,
Новороссійцы удальцы!...

которыхъ въ ту минуту, будь это настоящій бой, могла остановить, безъ сомнѣнія, только смерть или увѣчье.

Раздался сигналъ: рысью!

Въ то же время Государь остановился, повернулъ своего коня назадъ и поѣхалъ на встрѣчу полку. Въ тотъ же моментъ сигналъ: стой!

Полкъ остановился какъ вкопанный. Государь въ это время уже находился въ интервалѣ между 3-мъ и 4-мъ эскадрономъ, посмотрѣлъ налѣво и направо и сказалъ, обращаясь къ своей свитѣ:

— «Полкъ выровненъ какъ для встрѣчи».

И дѣйствительно, не смотря на значительное разстояніе, быстро пройденное полкомъ, фронтъ его представлялъ математически правильную, прямую линію.

Полкъ стоялъ ровно и скокойно, какъ будто не двигался съ мѣста; слышно было только фырканье запыхавшихся коней и восклицанія свиты, на трехъ языкахъ:

— Ай да полкъ!

— Superbe! Superbe! Magnifique!

— Ну, Шульцъ, молодецъ!

— Ich habe nichts besseres gesehen! и т. д.

Государь сіялъ. Повыся свой прекрасный, мягкій голосъ, онъ сказалъ:

— «Славно! Молодцы драгуны!»

Опять дрогнулъ воздухъ, но это былъ уже другой кликъ,—восторга и, если хотите, побѣды. Положить на ноты его нельзя, еще менѣе поддается онъ описанію. Чтобы узнать какими звуками отзывается душа простого русскаго человѣка на ласку своего царя, надо имѣть честь стоять въ такую минуту передъ фронтомъ такого полка, какимъ былъ Новороссійскій.

Затѣмъ Государь сдѣлалъ полку еще нѣсколько построеній, большею частью въ карьеръ, спѣшилъ его, разсыпалъ стрѣлковую цѣпь, опять посадилъ и свернулъ въ колонну. Новороссійцамъ везло,—всѣ построенія дѣлались безукоризненно, спокойно, быстро, стройно. Государь былъ, видимо, не только доволенъ, а, если можно такъ выразиться, въ восторгѣ отъ полка. Лицо его сіяло, свита продолжала хвалить.

Окончивъ собственно ученіе, Государь подозвалъ Шульца и сказалъ:

— «Шульцъ! Полкъ учился прекрасно. Я ожидалъ, что онъ будетъ хорошо учиться, но не ожидалъ, чтобы онъ такъ учился. Спасибо!» и Государь протянулъ руку, которую Шульцъ поцѣловалъ съ благоговѣніемъ.

Затѣмъ Государь, одинъ, безъ свиты, подъѣхалъ къ полку, благодарилъ людей и вызвалъ къ себѣ изъ фронта всѣхъ офицеровъ, ставшихъ около него полукругомъ.

— «Учились вы такъ хорошо, господа», сказалъ Государь, «что я не могу сдѣлать ни одного замѣчанія. А знайте, что у меня ни одинъ гвардейскій полкъ ни разу еще не сходилъ съ плаца безъ этого. Я вами отмѣнно доволенъ и благодарю васъ. Кто командуетъ 4-мъ эскадрономъ?»

— Капитанъ Чутя [1]).

— «Спасибо, капитанъ, эскадронъ скакалъ славно.. Но три человѣка все-таки потеряли стремена»... и Государь шутя погрозилъ ему пальцемъ. Затѣмъ вновь обращаясь ко всѣмъ офицерамъ, Государь уже весело-шутливо прибавилъ:

---

[1]) Капитанъ Николай Дмитріевичъ Чутя, обрусѣвшій сербъ, человѣкъ благороднѣйшей души и рыцарской наружности, командовалъ этимъ эскадрономъ почти до самой смерти, въ 1866 г. Во время польскаго возстанія 1863 г. онъ четыре раза водилъ его въ бой и за истребленіе двухъ бандъ, въ маѣ и октябрѣ, которыми оба раза командовалъ извѣстный Чеховскій, награжденъ золотою шашкою и чиномъ. Въ послѣднемъ дѣлѣ, подъ д. Юрковцы, у Чеховскаго было 1,300 чел. Чутя, командовавшій всѣмъ нашимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ двухъ ротъ пѣхоты и эскадрона драгунъ, взялъ Юрковцы штурмомъ. Чеховскій самъ ускакалъ, — но вся пѣхота его легла на мѣстѣ. Чутя потерялъ 103 чел. убитыми и ранеными. Рыцарь и герой въ бою, Н. Д. былъ самымъ мягкимъ и добродушнымъ человѣкомъ въ обыденной жизни, всѣми любимый и обожаемый солдатами. К. Д.

— «Спасибо вамъ, господа, въ особенности за то, что не ударили въ грязь лицомъ передъ иностранцами...... Да и задали-жъ мы сегодня этимъ колбасникамъ!!...» И Государь указалъ глазами на стоявшую поодаль свиту и тронулся къ ней.

Быть можетъ не совсѣмъ дипломатическое, но, тѣмъ не менѣе, подлинное выраженіе. Всѣ его слышали.

Начался церемоніальный маршъ, по эскадронно, шагомъ, съ музыкой. Государь опять благодарилъ всякій эскадронъ отдѣльно и когда полкъ прошелъ, сказалъ иностраннымъ принцамъ:

— «Это тотъ полкъ, который славно сражался подъ Курюкъ-Дара, а вотъ генералъ, который водилъ его,—и указалъ на Александра Федоровича Багговута, бывшаго въ войну 1854—1856 гг. начальникомъ кавалеріи кавказскаго корпуса, стоявшаго въ свитѣ, съ своей знаменитой повязкой на головѣ,—славная память польской пули 1831 г.

Затѣмъ, Государь вторично подалъ руку полковнику Шульцу, который опять хотѣлъ поцѣловать ее, но Государь не допустилъ, а сердечно пожимая руку Шульца, тихо сказалъ, взволнованнымъ голосомъ:

— «Не надо, не цѣлуй. Не многіе мнѣ служатъ такъ, какъ вы служите».

Потомъ Государь обнялъ и поцѣловалъ старика намѣстника, князя Горчакова.—Новороссійцамъ приказалъ дать по рублю на человѣка.

Смотръ кончился. Поворачивая уже коня, чтобы ѣхать обратно во дворецъ, Государь указалъ рукою на Новороссійскій полкъ, еще стоявшій на мѣстѣ, и, обращаясь къ принцамъ, весело сказалъ по французски:

— «Вотъ такая, господа, у меня вся кавалерія!»

Послѣ смотра подъѣхалъ къ полковнику Шульцу одинъ изъ пріѣзжихъ генераловъ—пруссакъ, и представляясь полковнику Шульцу, выразилъ желаніе съ нимъ познакомиться. Къ сожалѣнію, полковникъ Шульцъ ни слова не говорилъ по нѣмецки.

Вечеромъ этого памятнаго дня новороссійцы забыли на время служеніе Марсу и приносили обильныя жертвы Бахусу.

Веселая Варшава, царское спасибо и молодость! Какъ тутъ не кутнуть!

Когда на слѣдующій день утромъ полковникъ Шульцъ пріѣхалъ къ генералу Коцебу просить позволенія увеличить число офицеровъ, представленныхъ къ наградамъ, генералъ встрѣтилъ его словами:

— «Ну, Шульцъ, спасибо за полкъ. Вы сдержали слово, данное намѣстнику: учились превосходно, какъ нельзя желать лучше. Полкъ хорошъ, но вы сами, Шульцъ, были лучше полка. Мы вами любовались: вы представляли полкъ, какъ будто бригадному командиру, а не Государю. Вы видѣли одинъ только полкъ и вливали въ него свое

хладнокровіе, энергію и самоувѣренность. Вспомните кому и при какихъ обстоятельствахъ вы представляли полкъ!»—съ чувствомъ повторилъ генералъ,—и, разумѣется, разрѣшилъ представленіе къ наградамъ [1]).

Но торжество новороссійцевъ этимъ еще не окончилось. Черезъ нѣсколько дней Государь смотрѣлъ стрѣльбу, въ которой участвовали, кромѣ новороссійцевъ и стрѣлковаго батальона, четыре пѣхотныхъ полка. Стрѣльба пѣхотныхъ частей вышла неудачною, а новороссійцамъ и тутъ повезло и ихъ мишени были облѣплены пулями.

— «Спасибо, Шульцъ!»—сказалъ Государь, отъѣзжая отъ мишеней. «Вашъ полкъ хорошъ на конѣ и пѣшкомъ, стрѣляетъ мѣтко,—увѣренъ, что онъ и драться будетъ храбро».

Съ этими словами Государь опять подалъ руку полк. Шульцу, и затѣмъ выставилъ мѣткость драгунскихъ выстрѣловъ въ примѣръ не только линейной пѣхотѣ, но и стрѣлковому батальону.

Однимъ новороссійцамъ изъ числа всѣхъ войскъ, участвовавшихъ въ стрѣльбѣ, объявлено было монаршее благоволеніе и пожаловано по 50 к. на человѣка.

Такъ кончились Варшавскіе смотры. Они доставили полковнику Шульцу орденъ Краснаго Орла отъ принца-регента, а отъ Государя брильянтовый перстень и аренду на 12 лѣтъ по тысячѣ рублей. Черезъ два года, въ 1862-мъ году, онъ былъ произведенъ въ генералы и, сдавая Новороссійскій полкъ, имѣлъ утѣшеніе слышать, что Государь, принимая новаго полковаго командира, полковника Шидловскаго, выразился такъ:

— Я даю тебѣ полкъ отличный во всѣхъ отношеніяхъ. Поѣдешь—передай мой поклонъ полку и генералу Шульцу.

Не прошло послѣ этого нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ полкъ имѣлъ случай, цѣлымъ рядомъ блестящихъ дѣлъ во время возстанія 1863 г., оправдать лестный отзывъ Монарха. Между прочимъ онъ нанесъ рѣшительный ударъ Лангевичу, котораго преслѣдовалъ даже на австрійской территоріи, что подало поводъ къ дипломатической перепискѣ.

---

[1]) Когда, почти годъ спустя, въ іюлѣ 1860 г., Новороссійскій полкъ, окончивъ свою караульную службу въ Варшавѣ, выступалъ опять въ мѣстечко Меджибожъ, полковникъ Шульцъ поѣхалъ откланяться къ извѣстному Варшавскому губернатору генералу Панютину. Въ разговорѣ генералъ вспомнилъ смотръ 9 го октября, который видѣлъ въ свитѣ Государя, и сказалъ:

— Я, какъ пѣхотный генералъ, не знаю вашихъ кавалерійскихъ тонкостей. Но полкъ вашъ учился тогда такъ, что меня, старика, подмывало стать передъ нимъ и повести въ дѣло.

— „Не можетъ быть отзыва болѣе лестнаго, ваше превосходительство", отвѣтилъ Шульцъ.

— Жаль, очень жаль, что при моей старости это уже не можетъ осуществиться. К. Д.

IV.

Въ 1866 году одинъ изъ офицеровъ Новороссійскаго полка, капитанъ Потто, составилъ обширный трудъ: «Исторію Новороссійскаго полка», который былъ напечатанъ на казенный счетъ и заслужилъ одобреніе Государя.

Вслѣдъ за тѣмъ капитанъ Потто былъ прикомандированъ къ Николаевскому кавалерійскому училищу и вскорѣ переведенъ въ л.-гв. уланскій полкъ.

Въ одинъ изъ обычныхъ воскресныхъ разводовъ, когда офицеръ этотъ, парадируя съ пѣшимъ юнкерскимъ взводомъ, подошелъ къ Государю съ рапортомъ, Государь, пристально взглянувъ на него, сказалъ:

— Я видѣлъ тебя прежде въ Новороссійскомъ мундирѣ?

— «Точно такъ, В. И. В.»

— Какъ твоя фамилія?

— «Штабсъ-ротмистръ Потто».

— Да, вѣдь это ты написалъ исторію Новороссійскаго полка. Спасибо! Я прочелъ ее съ большимъ удовольствіемъ.—А гдѣ теперь вашъ старый полковой командиръ Шульцъ?

— «Онъ въ отставкѣ, за ранами, В. В.»

— Ты имѣешь о немъ какія нибудь свѣдѣнія?

— «Я съ нимъ въ постоянной перепискѣ, В. В.»

— Будешь писать, напиши ему отъ меня поклонъ.

Прошелъ еще годъ, и Государь, встрѣтивъ на разводѣ опять того-же офицера, прямо обратился къ нему съ вопросомъ:

— Имѣешь-ли ты свѣдѣнія о Шульцѣ?

— «Имѣю, Ваше Величество».

— Ну, какъ его здоровье, что онъ подѣлываетъ?

— «Курюкъ-даринская рана препятствуетъ ему служить В. В. Онъ живетъ въ своемъ Екатеринославскомъ хуторѣ».

— Славно командовалъ онъ полкомъ. Напиши старику, что я ему кланяюсь [1]).

19-го ноября 1880 года (въ 27-ю годовщину Башъ-Кадыкъ-Ларскаго боя), покойный Государь, возвращаясь изъ Крыма въ Петербургъ, въ послѣдній разъ проѣзжалъ черезъ станцію Лозовую. Тогдашній Харьковскій генералъ-губернаторъ, князь А. М. Дондуковъ-

---

[1]) Полковникъ В. А. Потто, бывшій начальникъ Оренбургскаго юнкерскаго училища, просматривавшій нашу рукопись, дополнилъ ее этимъ эпизодомъ. К. Д.

Корсаковъ, пріѣхалъ изъ Харькова на Лозовую встрѣтить Государя. До прихода императорскаго поѣзда оставалось еще нѣсколько часовъ и генералъ Шульцъ, узнавъ заранѣе о прибытіи князя, воспользовался этимъ временемъ, чтобы навѣстить своего Нижегородскаго сослуживца и страдальца по Курюкъ-даринскимъ ранамъ.

Когда, уже въ вагонѣ, Государь узналъ, что князь пріѣхалъ на Лозовую шесть часовъ тому назадъ, то спросилъ не скучалъ ли, ожидая его?

— Нѣтъ, Государь, отвѣчалъ князь Дондуковъ: я встрѣтилъ здѣсь стараго сослуживца, генерала Шульца, и провелъ съ нимъ время очень пріятно.

Поѣздъ между тѣмъ тронулся.

— «Какой это Шульцъ? Не тотъ-ли, что командовалъ Новороссійскимъ драгунскимъ полкомъ?» — спросилъ государь.

— Тотъ самый.

— «А! Онъ былъ еще раненъ въ Курюкъ-Даринскомъ сраженіи пулей въ лѣвый високъ?»

— Тотъ самый.

Государь милостиво разспросилъ князя о житьѣ-бытьѣ своего стараго и вѣрнаго слуги.

Когда князь Александръ Михайловичъ передалъ генералу то особенное вниманіе, которымъ онъ былъ осчастливленъ со стороны Государя, помнившаго, черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ, не только его самаго, его рану, но и полкъ, которымъ онъ командовалъ,—70-ти лѣтніе нервы не выдержали и онъ залился слезами.

Черезъ три мѣсяца Государя не стало.....

Передавая намъ, нѣсколькимъ прежнимъ Новороссійцамъ, пріѣхавшимъ засвидѣтельствовать свое уваженіе старому отцу командиру, разсказъ князя Дондукова, генералъ закончилъ его словами:

— Вотъ она, моя высшая награда за службу: 9 октября 1859 г. и 19 ноября 1880,—это два лучшіе дня моей жизни. Теперь могу спокойно умереть.

V.

Прошло почти 24 года со времени описанныхъ нами смотровъ. Совершились реформы, въ то время только намѣченныя, вдвинувшія отечество наше въ семью европейскихъ народовъ и сдѣлавшія Александра II—безсмертнымъ. Затѣмъ совершились мрачныя событія, потрясшія государство, парализовавшія реформы и ихъ дальнѣйшее развитіе и кончившіяся трагическою смертью Императора, 1-го марта 1881 года. Такъ же стойко и мужественно, какъ послѣдній рядовой

его славнаго Новороссійскаго полка, стоялъ онъ, нашъ обожаемый монархъ, на своемъ высокомъ посту и сошелъ съ него только истерзанный, только смертельно раненный. Благоговѣйная память о его дѣлахъ и смерти будетъ жить, пока стоитъ русское государство. И чѣмъ шире и свободнѣе будетъ развиваться въ немъ гражданская жизнь, чѣмъ скорѣе водворится «разумная свобода», возвѣщенная его благородными устами въ залахъ Кремля, передъ войной 1877 г.—тѣмъ болѣе будутъ почитаться имя и дѣла этого «величайшаго Монарха-Преобразователя» нашаго вѣка.

Измѣнились и Новороссійцы, какъ измѣняется все на свѣтѣ. Изъ офицеровъ, дѣлавшихъ закавказскій походъ 1854 и 1855 годовъ, не осталось въ полку никого. Изъ бывшихъ на смотрахъ 1858—1859 годовъ, осталось 2 человѣка. Остальные: кто убитъ, кто умеръ, кто командуетъ другими частями, кто мирно доживаетъ на пенсіи свой вѣкъ, кто сталъ земледѣльцемъ. Эти послѣдніе, кажется, составляютъ большинство.

Два благороднѣйшія, человѣческія, занятія: защита отечества и обработка родной земли, какъ извѣстно, мирно уживаются и успѣшно подготавливаютъ дѣятелей одно другому. Изъ воиновъ выходятъ дѣльные хозяева, которые въ свою очередь готовятъ изъ своихъ сыновей дѣльныхъ воиновъ. Простая деревенская жизнь закаляетъ тѣло и духъ молодежи.

Но храбрый полкъ всегда останется храбрымъ полкомъ, пока въ немъ живутъ преданія славныхъ дней его прошлаго, пока благородный духъ товарищества связываетъ его офицеровъ въ прочную семью.

День 9-го октября 1859 г., безъ сомнѣнія, одинъ изъ счастливѣйшихъ дней этого прошлаго, и пока существуютъ Новороссійцы, это мирное торжество ихъ не должно забываться, не должны быть забыты милостивыя слова незабвеннаго Монарха, не долженъ быть забытъ и главный виновникъ этого торжества.

Шлю привѣтъ вамъ издалека, дорогіе однополчане новаго поколѣнія! Въ день полкового вашего праздника, наполните бокалы и осушите ихъ въ честь бывшаго вашего лихого командира, теперь уже хилаго ветерана, К. К. Шульца!

К. К. Детловъ.

Харьковъ.
5 января 1883 г.

ОСИПЪ СЕМЕНОВИЧЪ ГАНЧАРЪ

Атаманъ Некрасовцевъ.

1796 – 1879 гг.

Лѣтомъ 1882 года мнѣ представилась возможность побывать въ Добруджѣ. Предпринимая поѣздку по Добруджѣ, я поставилъ для себя задачу: 1) непосредственно познакомиться съ религіозно-бытовою жизнью населяющихъ Добруджу русскихъ старообрядцевъ и 2) собрать устныя, а буде возможно, и письменныя свѣдѣнія о жизни покойнаго Осипа́ Семенова Гончарова или Ганчара.

Съ этою цѣлью я побывалъ почти во всѣхъ старообрядческихъ селахъ и монастыряхъ Добруджи. Уже на обратномъ пути, въ при-дунайскомъ городѣ Тульчѣ, я добылъ рукопись, подъ заглавіемъ: „Жизнеописаніе Осипа Семеныча Гончарова", съ текстомъ которой я познакомлю читателей „Русской Старины" [1]). Добывъ рукопись о жизни О. С. Гончарова (правильнѣе Ганчара, такъ какъ атаманъ иначе себя и не называлъ) и тамъ же, въ Тульчѣ, прочитавъ эту рукопись, я обратился съ просьбою къ секретарю русскаго императорскаго консульства въ г. Тульчѣ, г. **Романовскому**: нельзя ли почерпнуть какихъ либо свѣдѣній о жизни Осипа Гончарова въ архивѣ консульства.

---

[1]) Рукопись о жизни О. С. Ганчара сообщена мнѣ 18-го августа 1882 г. жителемъ города Тульчи Михаиломъ Ивановичемъ **Өедоровымъ**, который получилъ ее въ наслѣдство отъ своего покойнаго тестя, Алексѣя Васильева **Никитина**, автора рукописи. Составлена рукопись „въ 1865 году, октября мѣсяца". Форматъ рукописи—тетрадь въ четверть листа; всѣхъ страницъ въ тетради 33. На лицевой сторонѣ заглавнаго листа рукопись озаглавлена: „Жизнь Гончарова", а на обратной сторонѣ того же листа стоитъ заглавіе: „Жизнеописаніе Осипа Семеныча **Гончарова**". Написана рукопись четко, но довольно безграмотно. Е. В.

Г-нъ Романовскій, занятый составленіемъ срочной третной отчетности, не могъ вполнѣ удовлетворить моей просьбѣ; тѣмъ не менѣе любезно предложилъ мнѣ хранящуюся въ архивѣ консульства записку, составленную А. Кудрявцевымъ въ 1864 г. подъ заглавіемъ: „Очеркъ исторіи старообрядцевъ въ Добруджѣ". Въ этомъ „очеркѣ" (весьма краткомъ) О. С. Гончаровъ, между прочимъ, охарактеризованъ такими чертами:

„Онъ (Гончаровъ) былъ безкорыстенъ, какъ Аристидъ. Этотъ низенькій, тщедушный старикъ обладаетъ страшною физическою силою и невѣроятною ловкостью движеній; онъ скороходъ необыкновенный; писать онъ умѣетъ только уставомъ, но пишетъ чрезвычайно проворно, пишетъ стихи, свои мемуары, поученія, богословскіе трактаты. Дѣятельности и подвижности его нѣтъ предѣловъ. Онъ вѣчно занятъ, вѣчно въ хлопотахъ, вѣчно снуетъ отъ Тульчи до Константинополя, до Яссъ и до Парижа: Гончаровъ—это живая исторія Добруджи" [1]).

Непосредственно слѣдующій текстъ рукописи: „Жизнеописаніе Осипа Семеныча Гончарова" я, гдѣ сочту потребнымъ, буду пояснять въ примѣчаніяхъ выдержками изъ „очерка" г. Кудрявцева или изъ собственной записной книжки.

Е. П. Вахталовскій.

Жизнь Гончарова.

I.

Родился онъ 1796 году, ноября 3-го числа, въ турецкихъ предѣлахъ, въ Бабадагской казавѣ [2]), въ селеніи Сарыкіой [3]). Мать его преставилась въ 1799 году. Онъ остался отъ матери трехъ лѣтъ сиротой. Того же года (sic) наступила Россія и взяла

---

[1]) Осипъ Ганчаръ умеръ въ 1879 году, въ Хвалынскомъ старообрядческомъ монастырѣ. Саратовской губерніи. Интересно знать: куда дѣвались его „стихи, мемуары, поученія и богословскіе трактаты?" Я въ Добруджѣ не розыскалъ.

[2]) Бабадагская область, округъ, или уѣздъ въ Добруджѣ, отъ г. Бабадага, извѣстнаго въ просторѣчіи подъ именемъ Бабы.

[3]) Въ Турціи названія многихъ селъ въ конечной части своего состава имѣютъ словцо: кіой, что значитъ: село. Т. о. и Сарыкіоевъ можно нѣсколько найти на любой подробной картѣ. Сарыкіой, гдѣ родился Гончаровъ, находится въ Добруджѣ, на сѣверо-западномъ берегу озера Розельма (въ просторѣчіи—заливъ Разина), населенъ исключительно старообрядцами.

Е. В.

Измаилъ. Отецъ его со всѣмъ имуществомъ перешелъ въ Урумель (Румелію) и поселился близь мѣстечка Бургазовъ, въ селеніи, называемомъ Авьяръ. Этого десятаго года кончилъ его родитель свою жизнь, а также и мать его родителя отошла на оный свѣтъ. Тутъ Гончаровъ остался при дѣду, то есть при родителѣ его отца, и съ нимъ три дяди, одинъ одного меньше. Этого же года дѣдъ ихъ забралъ и отправился съ ними къ Царь-граду, и поселился въ сорока верстахъ отъ Царя-града, возлѣ лимана Теркуза; имя селенію нарекли Сарыкіой. Въ 1811 году дѣдъ его окончилъ свою жизнь.

По смерти дѣда остались три дяди и четвертой Гончаровъ, одинъ одного меньше. А имѣнія у нихъ было довольно: у четырехъ одни постолы [1]) и одинъ кафтанъ—и той съ однимъ рукавомъ. А хлѣба также въ нихъ было довольно: день ѣли, а два дни голодомъ сидѣли... Въ этомъ одиннадцатомъ году оставили они Теркузъ, пришли опять на старое мѣсто—въ Бабадагскую казаву, въ селеніе Сарыкіой. Село было спалено, а они пришли въ мѣсяцѣ октябрѣ 2-го числа и начали по опаленному селу собирать лѣсъ и хоромы себѣ становить. Гончаровъ и съ дядьями своими постановили себѣ домъ трех-аршинной, два аршина съ половиною вкопали въ землю, а пол-аршина наверхъ, и сдѣлали лѣстницу слазить внизъ. А одежды у нихъ было только той одинъ кафтанъ безъ рукава.

И въ 1812 году, ноября 19-го числа, упала большая французская зима, и они сидѣли въ своихъ хоромахъ, дней семь и свѣту не видѣли — снѣгомъ были занесены. Тогда у нихъ во всемъ селеніи и одного окна не было стекляннаго, а были окна съ коровьей требухи, потому что предки ихъ въ стеклахъ находили великой грѣхъ, „а доказать не могу, говоритъ Гончаровъ, именно какой грѣхъ въ стеклахъ", потому что онъ остался малымъ отъ родителей, а только разговоръ ихъ помнилъ, что грѣхъ имѣть стеклянныя окна. Послѣ семи дней откопали ихъ люди засыпанныхъ снѣгомъ, и они узнали, что свѣтъ есть, а то думали, что уже и померли подъ снѣгомъ. Потомъ они съ Божьею помощью перезимовали, начали стараться и браться за хозяйство: телятъ и свиней пасть наниматься. Было во всемъ

---

[1]) Постолы—лапти изъ свиной кожи. Е. В.

Сарыкіоѣ пятьдесятъ три теленка и четыре свиненка: и цѣна за всякаго теленка и свиненка по четыре пары со штуки, выходитъ суммы пять левовъ и двадцать восемь паръ турецкимъ курсомъ [1]). И Гончаровъ все лѣто пропасъ благополучно.

И была въ нихъ часовня, и паперть, гдѣ женщины стоятъ. Вотъ Гончаровъ отъ своего малолѣтняго разума сдѣлалъ тамъ на паперти стойло: когда станетъ жара, то онъ туда загоняетъ телятъ и свиней, и когда дождь—тоже туда ихъ гонитъ на паперть; и онъ думалъ и скотъ къ вѣрѣ привесть. Въ одно время сдѣлалась сильная буря и дождь, и онъ загналъ телятъ на паперть. Это узналъ уставщикъ, что теляты на паперти; приходитъ онъ къ нимъ въ домъ, „а я лежу, говоритъ Гончаровъ, мокрой въ мѣшкѣ", ибо только той одинъ мѣшокъ у нихъ былъ, да кафтанъ безъ рукавовъ. „Уставщикъ пришелъ и лыка принесъ, что лапти плетутъ, и началъ меня жаловать съ плеча до задницы; мнѣ и не хочется его кавалеріи, а онъ меня жалуетъ".

Послѣ, отъ пасенья телятъ пошелъ Гончаровъ въ школу грамотѣ учиться; тридцать семь недѣль былъ онъ въ школѣ. Узналъ въ писаніи, что значитъ глаголь и добро.

Не знаю или писать или умолчать о всѣхъ несчастныхъ случайныхъ скорбяхъ и простотѣ, и напасти, сколько онъ горя принялъ? нельзя исчислить или съ чѣмъ сравнить его трудное и несчастное житіе: ибо самъ Гончаровъ временно такъ разсказывалъ, что всего нельзя перомъ описать и языкомъ подробно всего разсказать: „когда, говоритъ, начну перомъ писать, то рука моя не можетъ пера держать; когда начну языкомъ говорить, тоже не могу за слезами—и языкъ мой оцѣпенѣваетъ отъ горести: хочу удержаться (отъ слезъ)—то само мое внутреннее рыдаетъ во мнѣ. Но хотя и съ великимъ трудомъ отъ жалости, хотя мало нѣчто проясню вамъ о себѣ. Отъ нужды напали на меня шолуди, голова у меня стала въ струпьяхъ, вши со всего свѣта собрались ко мнѣ, только та вошь меня не ѣла, которая не хотѣла; онѣ начали у меня въ головѣ разъѣдать струпья—и послѣдній разумъ съ головы забирать. Потомъ я сталъ помаленьку вши съ головы

[1]) Турецкія монеты: левъ=$8^1/_2$ к., 12 левовъ=1 р. Пàра=$^1/_{40}$ лева.

Е. В.

брать и наземь кидать, потомъ вши убоялись и сами съ головы ушли, и струпья сошли“.

Потомъ сталъ Гончаровъ помаленьку жить и добрымъ людямъ всѣмъ служить. Стали люди Гончарова за его вѣрную услугу узнавать, за человѣка его признавать и въ работники его нанимать. Гончаровъ началъ стараться и болѣе за дѣла браться.

Послѣ этого всего Гончаровъ уже сталъ двадцати лѣтъ и нашелъ одну старушку вдову, прозваніемъ Кириллиху, у нея была дочь Анна. Онъ хотя и сирота былъ, а усматривалъ, чтобы Богъ далъ ему жену честнаго поведенія, хотя и бѣднаго положенія. По его простотѣ даровалъ ему Богъ то, чего онъ просилъ: богобоящуюся жену, и сочетался онъ съ нею законнымъ бракомъ. У нихъ имѣнія состояло: у нея одна шуба стоила 2 рубля серебра, а у него одинъ кафтанъ и той худой. Тутъ пропишу его второе горе, т. е. Гончарова: когда онъ съ своею любезною женою сочетался законнымъ бракомъ, тогда по зивисти злые люди навели его любезной женѣ таковую скорбь, что она лѣтъ пятнадцать почти полумертва была, а потомъ, приписывалъ Гончаровъ, черезъ Божью помощь она выздоровѣла. И говоритъ: „и мы слава Богу стали съ нею помаленьку жить“.

II.

Въ 1828 году Россія вела войну съ Турціей, и во время перехода достохвальнаго и приснопамятнаго императора Николая Павловича и Дибича Ивана Ивановича Забалканскаго, и Бикиндорфа, и графа Витишьтеена (sic), и графа Абакумова (sic), и князя Голицына и генерала Острова (sic)—тутъ былъ Гончаровъ со стариками при встрѣчѣ его императорскаго величества, возлѣ Бабы, съ хлѣбомъ-солью... Послѣ этого сарыкіойскіе старики начали посылать его къ начальству: къ генералу Тучкову, къ корпусному генералу Красовскому, къ корпусному генералу Роту, дивизіонному Лашкареву, бригадному и областному Тимонову, и къ донскому—Сысоеву—и къ прочему разному начальству, съ разными общественными дѣлами.

— „Вотъ тутъ начала напасть постигать меня“, говорилъ Гончаровъ, а именно вотъ какая:

Въ 1829 году переселились въ Россію, въ городъ Измаилъ [1]). И тутъ его сдѣлали повѣреннымъ по духовнымъ и свѣтскимъ дѣламъ некрасовцы и всѣ россійскіе христіяне нашего согласія довѣрили ему всѣ дѣла религіозныя и свѣтскія, на его распоряженіе. И онъ много съ Кишиневскимъ преосвященнымъ Димитріемъ и одесскимъ преосвященнымъ Гавріиломъ тяжбы имѣлъ по духовнымъ дѣламъ.

И въ 1836 году, съ соизволенія военнаго губернатора Павла Ивановича Ѳедорова и ихъ сіятельства князя Михаила Семеновича Воронцова, обратился къ его величеству Николаю Павловичу лично: онъ, т. е. Гончаровъ, представился ему при ихъ свѣтлости князѣ Паскевичѣ, и при ихъ высокопревосходительствѣ Петрѣ Андреевичѣ Клейнмихелѣ, и былъ доставленъ ихъ сіятельствамъ графу Демидову (sic) и Орлову, а потомъ былъ представленъ ихъ сіятельствамъ Виту и Сакену. Потомъ отправили его къ князю Воронцову и къ военному губернатору Ѳедорову — и, во исполненіе высочайшаго приказанія духовнаго и свѣтскаго милостію Божіею всѣ дѣла установилъ.

Въ одно время было предписаніе юстиціи министра Блудова къ военному губернатору Ѳедорову—и были Гончарову запросы по дѣламъ религіознымъ. И въ 1837 году, мая 10-го числа, прибылъ въ городъ Измаилъ военный губернаторъ Ѳедоровъ, и онъ съ Гончаровымъ по секрету одинъ на единѣ много разговаривалъ о разныхъ дѣлахъ, даже доходило до спору съ

[1]) У меня есть копія указа 25-го іюля 1811 года, въ коемъ главнокомандующій арміи генералъ-отъ-инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ, именемъ императора Александра Павловича, чрезъ генералъ-маіора Тучкова, объявляетъ всѣмъ некрасовцамъ, кои пожелали и пожелаютъ переселиться въ Россію, вѣчное прощеніе его величества. 5-й пунктъ указа даетъ переселенцамъ право воздвигнуть въ приличныхъ мѣстахъ старообрядческія церкви и обѣщаетъ безпрепятственное отправленіе вѣры христіанской по правиламъ старообрядческимъ. Эти первые переселенцы образовали у г. Измаила Старую Некрасовку. Въ 1823 г. Осипъ Михайловичъ Гладкій вывелъ изъ Турціи (часть) запорожцевъ. Въ 1829 г. переселились къ Измаилу новые некрасовцы, образовалась „Новая Некрасовка“. Указомъ 21-го іюля 1831 г. государь Николай Павловичъ дозволилъ некрасовцамъ, вышедшимъ изъ Бабадагской области, вмѣсто принесенной ими изъ-за Дуная деревянной церкви, построить въ Измаилѣ каменную во имя св. Николая и имѣть при ней 2 священниковъ и одного дьякона. Весьма интересная біографія Осипа Гладкаго, составленная его сыномъ, напечатана въ „Русской Старинѣ“ изд. 1881 г. томъ XXX, февраль, стр. 381—392. Е. В.

нимъ. Тутъ Гончаровъ упросилъ губернатора Ѳедорова, чтобы онъ объявилъ его довѣрителямъ хотя въ секретѣ дѣла (?). Ѳедоровъ, по его просьбѣ, приказалъ со всѣхъ мѣстъ собраться старикамъ въ Измаилъ, при полицмейстерѣ Алексѣѣ Садыковѣ. Мѣсто было назначено около новой церкви св. Николы. И собрались старики, а изъ женщинъ—и числа нѣту. Пріѣхалъ Ѳедоровъ и полицмейстеръ Садыковъ. И много съ ними Гончаровъ при всѣхъ разговаривалъ. Потомъ, кончивши разговоръ, губернаторъ отправился, а старики воздали Гончарову благодарность за отвѣты его. А женщины подняли крикъ и вопль, и клятвѣ начали его предавать: что будто онъ церковь продалъ Россіи...

Это услыхавши, онъ началъ себѣ разсуждать, и говоритъ: „отъиду я отъ сей молвы“. И началъ просить Бога, чтобы удалиться ему отъ этого мятежа и прекратить переговоръ мірской. И просилъ Бога и говоритъ: „выду въ Туречину и такъ буду сидѣть, чтобы никто про меня и не зналъ“ [1]).

Итакъ онъ перешелъ въ Туречину, на старое свое мѣсто, въ селеніе Сарыкіой, гдѣ родился.

III.

И тутъ начала на него находить напасть и скорбь; онъ обѣщалъ предъ Богомъ сидѣть, чтобы никто про него не зналъ. Первое его въ Турціи началось дѣйствіе сицевое: военный губернаторъ Ѳедоровъ прислалъ къ нему письмо, чтобы обратился въ Россію назадъ. Міръ, узнавши его переписку съ губернаторомъ, стали переговоры имѣть. Послѣ этого собрались со всѣхъ селъ старики, стали просить его ѣхать въ Царь-Градъ къ султану. Онъ говорилъ: „моя совѣсть неразсудная и мягкая“—и взялся служить міру. Тутъ опять началась на него война по зависти соперниковъ его, и столько на него кляузовъ сочинили, что нельзя всего языкомъ разсказать и перомъ описать всѣхъ разныхъ кляузъ, даже невмѣстимо и ужасно все описать.

---

[1]) „Еще въ 1829 г. Гончаровъ съ женою переселился въ Измаилъ, но Анна Кирильева стосковалась по Турціи—и переселились они назадъ тайкомъ на лодкѣ“. Очеркъ А. Кудрявцева. Н. В.

Послѣ этого всего еще горе на горе пришло и зло на зло наступило: откуда-то взялся Черторижскаго князя агентъ Чайковскій Михайло Савельевичъ, нынѣ называемый Садыкъ-паша. Онъ пріѣхалъ на пасхѣ, въ воскресенье, въ Сарыкіой. И Гончаровъ былъ дома, также и старики были дома. Всѣ они попросились на квартиру къ атаману Давыду Васильеву Аблаю, и съ ними были турецкіе кабазы. И когда приняли ихъ на квартиру, Чайковскаго и Ряскова, Сидора Сидоровича и переводчика Жама Аллинь, всѣ старики упросили Гончарова стать передъ столомъ и давать имъ отвѣты, и дѣлать запросы.

„А народу было полна улица; старики сидѣли и слушали, а я", говорилъ Гончаровъ, „и отвѣчалъ и запросы дѣлалъ имъ, а имя свое я имъ не сказалъ".

И они болѣе не пробыли у насъ, какъ часа три—четыре, и отправились въ путь свой. И старики наши дали имъ провожатаго—Панфила Васильева Бишаненка, отъ него они и имя мое узнали [1])...

Послѣ ихняго отъѣзда, Гончаровъ въ понедѣльникъ на Ѳоминой отправился въ Рущукъ съ товаромъ и прибылъ въ Рущукъ благополучно.

Идетъ базаромъ возлѣ кунака Сеитъ мурзы паши, выходитъ со двора паши Чайковскій и Ряской, ухватили его за руки и говорятъ: „здравствуй, Гончаровъ", и узнали его имя, дали ему бумагу запечатанную передать въ Сарыкіой: въ ней всѣмъ селамъ писана благодарность старикамъ за принятіе ихъ, а Гончарову дали шпильку—на концѣ орелъ одноглавый.

Пріѣхалъ онъ изъ Рущука на самую Троицу, и подалъ

---

[1]) «Чайковскій и его другъ Сидоръ Равскій отправились въ Добруджу: они лелѣяли мысль образовать казачество и чрезъ султана осуществить идею панславизма. Пріѣхали въ Сарыкіой къ Гончарову, говорили о казачествѣ, сгубленномъ Россіею. На прощанье Чайковскій подарилъ Гончарову на память шейную булавку съ серебрянымъ одноглавымъ орломъ. Изъ-за этой булавки бѣдный Гончаровъ чуть не погибъ: некрасовцы возмутились: «ты, антихристъ, въ заговоръ вошелъ, подъ польскихъ пановъ подписался, міръ продалъ!» Шумѣли, ревѣли, коментировали отрывочныя фразы уѣхавшихъ гостей и заключили, что Гончаровъ взялъ булавку въ знакъ своего обязательства за весь міръ идти помогать полякамъ, когда они забунтуютъ; донесли властямъ—и Гончаровъ очутился въ Рущукой тюрьмѣ, гдѣ просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ». Очеркъ А. Кудрявцева. Ю. В.

письмо и шпильку старикамъ въ своей простотѣ, а самъ опять отправился въ дорогу по комерціи своей, ничего не зная. Его враждебники сдѣлали на него таковыя кляузы турецкому начальству, что и умъ не можетъ всего этого обнять и исчислить, и описать его напасти и скорби. Такъ сказывалъ Гончаровъ случайно, что онъ хотѣлъ все описать, „но только рука моя, говорилъ, не могла пера держать отъ сильной и непереносной досады: хочу начать писать—самое мое внутреннее сердце начнетъ рыдать во мнѣ; глаза мои начнутъ сами слезы испущать; только скажу: не дай, Богъ, и тому таковыхъ напастей и скорбей переносить, кто мнѣ ежедневно худа желаетъ: вотъ моя какая жизнь пребыла несчастная и горькая!“

И сперва начали турецкому начальству клеветать, что будто Гончаровъ съ Россіею заводитъ пріятство. Начальство на него сильную злобу возъимѣло, только не могли настояще никто доказать. Послѣ этого опять напала на него сильная буря противныхъ вѣтровъ.

Пріѣхалъ съ Парижу Михайло Игнатьевъ Будинской и Ильинской Антонъ Александровъ, который сдѣлался послѣди Скендеръ паша. Пріѣхали они въ Тульчу и написали письмы во всѣ слободы казацкія, чтобы старики пріѣхали со всѣхъ слободъ къ нимъ въ Тульчу. Старики, по ихъ просьбѣ, всѣ съѣхались въ Тульчу, и было въ нихъ тамъ гулянье и пьянство.

А Гончарова въ то время дома не было: онъ былъ въ Силистріи по комерческимъ дѣламъ. Послѣ гулянья дали они старикамъ на бумагѣ, что Франція и Англія съ Турціею имѣютъ вмѣстѣ. Старики, которые гуляли, тые молчатъ, а которые не гуляли, тые явили начальству, и сдѣлался бунтъ въ мірѣ и въ начальствѣ. Начальство мѣстное дало знать въ Рущукъ военному губернатору Сеидъ мурзѣ пашѣ.

Потомъ Гончаровъ пріѣхалъ ко двору перваго числа октября.

Пріѣхали изъ Бабы и изъ Рущука кавазы и забрали въ Бабу со всѣхъ селъ стариковъ и Гончарова съ ними; тутъ онъ заплакалъ, потому что онъ и дома не былъ и не зналъ что тутъ дѣлалось. Пригнали въ Бабу со всѣхъ селъ стариковъ много. Гончаровъ началъ начальству говорить, что довольно будетъ по два человѣка изъ села,—начальство согласилось на его предложеніе. И взяли девять человѣкъ въ Рущукъ, и двухъ человѣкъ,

которые кляузы сочинили и доносили, и Гончарова съ ними, и Ильинскаго, и одного нѣмца—и погнали всѣхъ въ Рущукъ.

И все начальство Бабинское поѣхало въ Рущукъ. Старики наши ѣхали настояще подъ обухъ, никто даже въ Рущукѣ изъ нихъ (прежде) и не былъ, „а у меня, говоритъ Гончаровъ, слава Богу, всюду начальство знакомое, и я своимъ старикамъ говорилъ: только молитесь Богу, дѣло сдѣлаемъ порядкомъ, только слушайте меня", — и они всѣ на меня положились. Пригнали насъ въ Рущукъ, и тотчасъ я пошелъ къ Калишу—къ пашинскому доктору—онъ и нынѣ въ Рущукѣ завѣдываетъ прусскимъ консуломъ (консульствомъ?). Первоначально онъ мой пріятель, впередъ меня зналъ. Прихожу я къ нему и со мной былъ Славской старикъ Викулъ Карнѣевъ. Калишъ увидѣлъ меня и говоритъ:

— „Худо вы сдѣлали, васъ всѣхъ въ Царь-Градъ отправятъ".

Я ему сказалъ: за что? Онъ говоритъ такъ худо.

И я ему началъ разсказывать, а онъ началъ писать, какъ Чайковской пріѣзжалъ и какъ Ильинскій и Будинской въ Тульчу стариковъ призывали.

Онъ, написавши все мое показаніе, тотчасъ пошелъ къ Апашѣ и прочиталъ пашѣ мое показаніе, и паша ему сказалъ:

— Пусть они обождутъ, покуда бабинское начальство пріѣдутъ.

И мы обождали. На другой день пріѣхали бабинскіе начальники, но уже безгласны съ своими клеветниками остались. Всего много писать.

— „Теперь какъ вздумаю, говоритъ Гончаровъ, сколько я горя перенесъ, не могу подробно описать—страхъ мое сердце колеблетъ! Приходимъ мы къ Апашѣ: всѣ старики и кляузники, и бабинское начальство—всѣ сробѣли. Паша написалъ намъ всѣмъ старикамъ по бумагѣ, чтобы не могъ никто намъ за это дѣло и говорить. А бабинскому начальству большой сдѣлалъ выговоръ за разглашеніе такихъ дѣловъ. А Ильинскова подъ арестомъ отправили въ Царь-Градъ. И въ Царь-Градѣ всѣ миссіи, французская, англичанская и россійская, сдѣлали споръ".

А Чайковской и Ильинской приняли мусульманскую вѣру,—послѣ Чайковскій и сдѣлался Садыкъ-паша, а Будинской въ Парижъ ушелъ. А Сеидъ мурза, паша Рущуцкій, четырнадцать мѣсяцевъ въ Царь-Градѣ подъ арестомъ былъ за неусмотрѣніе, что онъ дѣла довелъ до разглашенія.

Теперь, кажется, можно всякому узнать невинность Гончарова: гдѣ кто что сдѣлалъ—всѣ напасти на Гончарова кладутъ.

„Все наши старики—они мои враждебники, говорилъ Гончаровъ, сами меня просятъ съ дѣлами (ходить) къ начальству, сами на меня и враждуютъ. Потому-то мой умъ съ ними несогласенъ; они все болѣе въ пьянствѣ находятся и за око вина праваго дѣлаютъ виновнымъ, а виновнаго дѣлаютъ правымъ. Отъ сего злоба началась, что не сталъ я имъ давать вольничать и бѣдный міръ застаивать, и сталъ находить правосудіе. И они на меня начали турецкому начальству клеветать, а начальство мѣстное начало эти кляузы, приложа къ нимъ и свои, въ Царь-Градъ писать, но только судьба Божія меня соблюдала. Начальство высшее за меня руку поддерживало, и царьградское министерство застаивало за меня“.

Эти дѣла разсказывалъ самъ Гончаровъ при свиданіи нашемъ съ нимъ.

Потомъ еще злая буря возстала на Гончарова, начала у насъ іерархія возобновляться, которая была и прежде: но отъ лѣтъ Никона патріарха, который смутилъ всю россійскую церковь и вовлекъ съ собою въ новшество всѣхъ святителей, кромѣ единаго Павла епископа Коломенскаго. И оставшееся множественное число православныхъ христіанъ на старомъ положеніи при единыхъ священникахъ, приходящихъ отъ Никонова новшества, къ православнѣй соборнѣй и апостольстѣй церкви, и паки наши христіане возъимѣли ревность возстановить іерархію по священнымъ правиламъ и по возможнымъ примѣрамъ.

И по таковыхъ религіозныхъ дѣлахъ Павелъ и Алимпій прибыли изъ Австріи въ Турцію, въ селеніе Сарикіой, прямо на квартиру къ Гончарову: и онъ имъ далъ ходъ по всей Туречинѣ, въ Ерусалимъ, въ Египетъ и въ прочія мѣста для отысканія епископа или митрополита. И они отыскали митрополита въ Цареградѣ [1]). По возвращеніи своемъ Павелъ и Алимпій уже съ ми-

---

[1]) „Гончаровъ вмѣстѣ съ Чайковскимъ содѣйствовалъ Павлу и Алимпію отыскать Амвросія; привезли митрополита въ Сарикіой (1846 г.), оттуда въ Тульчу, затѣмъ въ Бѣлую Криницу. Сарикіойскіе старики возмутились: „слыханое ли дѣло принимать священство отъ новаго Рима?! отъ гречины нечестивой да еще обливанца?! Греческую вѣру Гончаръ антихристъ принялъ, подъ патріарха подписался“, собирали кругъ и грозили смертью Гончарову,

трополитомъ вторительно заѣхали въ Сарикіой, паки на квартиру къ Гончарову, но его дома не было, жена его приняла ихъ великолѣпно съ почтеніемъ.

И ненавидяй добра врагъ діаволъ искій навсегда погибели роду христіанскому, послѣ отъѣзда митрополитова по нѣкоемъ времени сдѣлалъ разврать „и мятежъ въ православныхъ по всѣмъ селеніямъ нашимъ. Журиловка и Камень (сёла) послѣдовали гласу пастыря своего, приняли митрополита Амбросія вторымъ чиномъ, усвоили его своимъ верховнымъ пастыремъ, а Сарикіойскіе и Славскіе (жители) его не приняли и не послѣдовали долгое время; но начали клеветать туркамъ, якобы журиловцы съ Гончаровымъ присоединились къ грекамъ, и взяли отъ нихъ митрополита и законъ ихъ приняли: „и теперь будутъ съ греками вмѣстѣ худа вамъ дѣлать, а такъ же и намъ съ вами". Турецкое начальство повѣрило ихъ клеветамъ: взяли епископа, попа, дьякона и Гончарова и съ прочими стариками посадили ихъ въ тюрьму.

И просидѣлъ Гончаровъ съ ними въ тюрьмѣ семь мѣсяцевъ: не дай, Богъ, никому таковаго горя терпѣть, сколько онъ принялъ! сидѣлъ въ конюшнѣ въ смрадной, и отъ холода шкура съ ногъ вся слѣзла—вотъ какая жизнь Гончарова горькая. А мы тебѣ, Іосифъ Семеновичъ, со стороны сказываемъ: терпи Бога ради и переноси съ благодареніемъ—Богъ тебя не оставитъ безъ воздаянія: онъ обѣщалъ и за чашу студены воды награду.

Потомъ насъ по милости Божіей чрезъ седьмъ мѣсяцевъ выпустили изъ тюрьмы. А хотящій узнать, каковой надъ ними производился судъ, то пусть отыщетъ книгу написанную тогдашняго

поѣхали въ Рущукъ и заявили властямъ, что Гончаровъ продалъ ихъ грекамъ: „если греки и болгары забунтуютъ, то и намъ нужно съ ними воевать противъ Турціи, ибо приняли одну вѣру". Паша посадилъ Гончарова въ тюрьму, но Чайковскій выручилъ его. Старообрядцы раздвоились: половина Серикіоя и Славы не признали Амвросія, объявились раздорниками, а Гончаровъ переселился въ с. Журиловку, гдѣ нѣтъ раздорниковъ". Очеркъ А. Кудрявцева.

Добавимъ къ этому, что розысканный и поставленный митрополитомъ Амвросій былъ человѣкъ очень-очень недальній. Когда одно высоко-стоявшее въ Царьградѣ лицо спрашивало Гончарова, зачѣмъ тотъ выбралъ митрополита сущаго дурака и не подыскалъ между сербами или болгарами человѣка болѣе толковаго, Гончаровъ простодушно отвѣчалъ: „да отъ того, что Амвросій запросилъ дешевле всѣхъ; онъ взялъ съ насъ всего 500 франковъ, да мы уплатили за него мелкіе должишки".

Е. В.

производимаго дѣйствія: составленная самимъ Гончаровымъ—и въ ней все подробно увидитъ.

Потомъ когда Гончаровъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы, то отправился онъ въ Цареградъ, никто не зналъ, гдѣ онъ и дѣлся; и тамъ, въ Цареградѣ онъ дѣлалъ дѣла и высидѣлъ семь мѣсяцевъ, и утвердилъ султанскимъ величествомъ своихъ епископовъ ни отъ кого независимыхъ кромѣ султана.

Потомъ начался переговоръ, Россіи съ Турціею, въ прибытіи князя Меншикова покойный султанъ Меджидъ требовалъ его на лицо о дѣлахъ; а садразаномъ тогда былъ Махметъ-Али паша, султанская сестра—его жена. Тогда онъ, Гончаровъ, и съ княземъ видался, потому что его всѣ министры любили, и входъ ему былъ ко всѣмъ свободный.

IV.

Когда Россія вступила въ Туречину въ 1854 году, тогда Гончаровъ въ Царьградъ ушелъ, ибо было на него много кляузъ Россіи донесено. И когда былъ онъ въ Царьградѣ, пріѣзжали къ нему съ Франціи Мицкевичъ и князь Чарторижскій, меньшій сынъ Владиславъ, и Наполеоновъ адъютантъ.

А по возвращеніи въ домъ начали къ нему ѣздить въ слободу французскій консулъ изъ Тульчи и командиръ парохода въ гости: а онъ всякаго принимаетъ и чѣмъ можетъ—тѣмъ и угощаетъ, и всякому дѣлаетъ уваженіе по силѣ своей [1]).

---

[1]) Ко времени Крымской войны относится интересный эпизодъ изъ исторіи Бѣлокриницкой іерархіи, пропущенный почему-то авторомъ рукописи о жизни О. С. Гончарова. „Предъ Крымскою войною въ Турціи было 2 старообрядческія епископа: Аркадій и Алимпій. Гончаровъ упросилъ посвятить для Славскаго скита особаго еп. Аркадія и во время войны бѣжалъ съ Аркадіемъ Славскимъ въ Царьградъ. Командиръ войскъ, расположенныхъ въ Добруджѣ, генералъ Ушаковъ, вслѣдствіе жалобы жителей крѣпости Исакчи на Липованъ за возбужденіе турокъ противъ христіанъ, арестовалъ епископовъ Аркадія, Алимпія и свящ. Θеодора, которые немедленно отправлены были на заточеніе въ Суздальскій Спасо-ефимьевскій монастырь. Въ 1857 году Порта, вслѣдствіе просьбъ некрасовцевъ съ Аркадіемъ и Гончаровымъ во главѣ, ходатайствовала предъ русскимъ правительствомъ объ освобожденіи заключенныхъ изъ Суздальскаго монастыря, каковое ходатайство не было удовлетворено вслѣдствіе отзыва министерства внутреннихъ дѣлъ, что зато-

Потомъ Гончаровъ вознамѣрился побывать во Франціи для комерческихъ дѣловъ: концулъ и комендантъ парохода ударили въ Марсель депешу, чтобы его принялъ графъ Замойскій въ Марсели. Онъ его встрѣтилъ и ударилъ депешу Чарторижскому въ Парижъ, и въ Парижѣ его встрѣли, какъ слѣдуетъ, дали ему квартиру и переводчика. Вдругъ прибылъ къ нему князь Гагаринъ и Мартыновъ, потомъ пріѣхалъ къ нему Петръ Владимiровичъ Долгоруковъ, послѣди пріѣхалъ Браницкой.

А потомъ присылаетъ письмо (съ) Чарторижскимъ иностранныхъ дѣлъ министръ Бени (Тувенель) съ великою непремѣнною просьбою, чтобы прибылъ къ нему Гончаровъ въ первомъ часу.

Онъ, дождавшись часа, явился къ нему, разговаривали съ нимъ; потомъ этотъ министръ Тувенель доложилъ императору Наполеону, онъ его потребовалъ на лицо.

И Гончаровъ явился къ нему немедленно, гдѣ былъ принятъ ласково, и вопрошалъ его императоръ: „какъ живете въ Турціи", и о прочемъ спрашивалъ. Потомъ приказалъ Наполеонъ, чтобы Гончарову всѣ древности показали. И по его приказанію все ему было открыто. Потомъ отправился Гончаровъ второй разъ въ Марсель и кто-то далъ знать въ Лондонъ—Герцену, Огареву и Долгорукову, ибо онъ (Долгоруковъ) въ Лондонъ переѣхалъ. И они бьютъ ему (Гончарову) депешу, чтобы онъ прибылъ въ Лондонъ, онъ имъ отвѣчаетъ: не поѣду. И они вторую бьютъ—онъ паки отвѣчаетъ: не поѣду. Они и третью ударили—итакъ Гончаровъ принужденъ былъ выѣхать въ Лондонъ желѣзною дорогою чрезъ Парижъ въ Булонь, а потомъ сѣлъ на водяной пароходъ и отправился на англичанскую землю. И прибылъ онъ въ Лондонъ на квартиру къ Герцену и Огареву, гдѣ былъ принятъ, какъ слѣдовало, и былъ онъ у Долгорукова, и Долгоруковъ—у него.

ченные раскольники суть бѣглые русскіе подданные. Потомъ Гончаровъ возбудилъ переписку по тому же дѣлу чрезъ франц. выцеконсула въ Тульчѣ графа Де Лувьера, который писалъ въ Парижъ къ министру иностранныхъ дѣлъ Тувенелю, но ничего не добился, хотя Гончаровъ и ѣздилъ въ Парижъ". Очеркъ А. Кудрявцева. Извѣстно далѣе, что Алимпій умеръ въ заточеніи, Аркадій освобожденъ по высочайшей милости въ 1881 году, а попъ Ѳедоръ освобожденъ лѣтъ десять тому назадъ, живетъ въ с. Славѣ, занимается иконописаніемъ, выглядываетъ маньякомъ. Я видалъ его въ августѣ 1882 года.

Ю. В.

И говоритъ Гончаровъ: „разсмотрѣлъ я ихъ умъ высокій да и пустой, потому что Бога не исповѣдаютъ, воскресенія мертвымъ не вѣруютъ быти—вотъ мой умъ съ ними не сходенъ, и я отъ нихъ выѣхалъ“.

Потомъ Кельсіевъ завелъ матерію, сдѣлалъ очеркъ, подалъ въ Турецкое правительство, что Гончаровъ и епископъ Аркадій хотятъ въ Россію весь народъ вывесть. Турецкое правительство и сдѣлало замѣчаніе, чтобы ихъ двоихъ, т. е. Гончарова и епископа Аркадія сослать въ дальнюю Азію на заточеніе. Но Гончаровъ поспѣлъ въ Цареградъ и сдѣлалъ выправку противъ начальства и окончилъ кляузы своего врага Кельсіева. А потомъ Гончаровъ и сдѣлалъ чрезъ Али-пашу министра иностранныхъ дѣлъ, что Кельсіева выгнали изъ Тульчи [1]).

Наконецъ пропишу изъ самой записки Гончарова. Вотъ что онъ пишетъ: „а мы промысломъ Божіимъ живемъ на мѣстѣ, а враждебники наши всѣ погибли: всѣ говорили, что я казаччину сдѣлалъ, а того не понимаютъ, что предки наши установили, но я окончилъ нынѣ въ правительствѣ—и не будемъ служить, а будемъ деньгами платить [2]). Я кратко проясню, сколько я въ прош-

---

[1]) Считаю не лишнимъ привести здѣсь отрывокъ изъ письма Аркадія Славскаго отъ 12 февраля 1865 г.: „Кельсіевъ, какъ слышно, сочиняетъ какую то книжку для единомысленниковъ русскихъ и хвалится, что обѣщано ему большое награжденіе, съ намѣреніемъ передать ее въ Россію и чрезъ посредство типографическое пустить ее въ свѣтъ. Хвалится своимъ друзьямъ, что старообрядцевъ хотятъ очернить – за адресы и прочія сочиненія, въ которыхъ мимоходомъ старообрядцы лондонскую ихъ лжу описали черными красками. Тульчанскій паша или каймакамъ прислалъ Кельсіеву одинъ возъ дубовыхъ дровъ, изъ человѣколюбія, узнавъ, что его жена родила ему дѣтище, а горница холодная, а о пищѣ и одеждѣ взираетъ на птицы небесныя. Онъ хвалится, что свою будетъ у Тульчанскаго паши какимъ-то совѣтникомъ о дѣлахъ гражданскихъ“. Копія письма, довольно обширнаго и интереснаго, снятая съ подлинника въ томъ же 1865 году, находится у меня. Е. В.

[2]) „Выходцы съ Дона съ атаманомъ Игнатомъ Некрасовымъ первоначально поселились на Кубани, во владѣніи крымскихъ хановъ, около Анапы. Когда же Гудовичъ взялъ Анапу, то кубанцы, или некрасовцы переселились въ Турцію, давшую имъ для поселенія, между прочимъ, Добруджу. Говорятъ, что некрасовцы дали клятву султану въ вѣчной враждѣ и ненависти къ Россіи. Они управлялись казацкимъ кругомъ, имѣя во главѣ атамана, и занимались рыболовствомъ. Послѣ 1812 года въ Добруджу притекали новые выходцы изъ Россіи: одни во избѣжаніе притѣсненій за религіозныя убѣжденія, другіе— во избѣжаніе кары за содѣянныя уголовныя преступленія. Пришельцы изъ

лый розмиръ нужды и мое семейство приняли—только Богу извѣстно—страху, напасти и скорби: нельзя всего и описать, а все отъ своихъ страдаю по зависти. Но только я прошу Бога, чтобы не вмѣнилось имъ во грѣхъ: что они по невѣдѣнію согрѣшаютъ,—по невѣдѣнію и прощеніе пріемлютъ въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ. Но только, что я бѣдствіе принялъ и напасти—нельзя исчислить; но я надѣюсь на Вышняго Творца, что за міръ жизнь свою изнурилъ.

Написано въ 1865 году октября мѣсяца.

Алексѣй Вас. Никитинъ.

Сообщ. Е. П. Бахталовскій.

Примѣчанія Е. П. Бахталовскаго:

I.

28-го декабря 1882 г.

На дняхъ я добылъ портретъ О. С. Ганчара. Спѣшу доставить и представить его вамъ, ибо изъ портрета и сообщеній, а также изъ одной надписи на представленной уже мною вамъ рукописи видно, что самъ атаманъ никогда не подписывался „Гончаровымъ“, а—„Ганчаръ“. Внизу подпись на портретѣ сохранилась прочно, а на бѣлой тетради, что держитъ въ правой рукѣ, строки

Россіи тоже назывались казаками, но чужды уже были казацкаго духа. Слобожане изъ Черниговскихъ слободъ не носили въ себѣ вражды къ политическому строю Россіи... Въ началѣ 1850-хъ годовъ Гончаровъ считался казакъ—баши. Въ войну 1853 г. Чайковскій сформировалъ казацкіе полки изъ некрасовцевъ и малороссовъ. Гончаровъ, Марковенковъ, Носъ и Шморгунъ были дѣятельными его помощниками; но регулярная служба особенно не нравилась раздорникамъ, обременяла ихъ, отрывая отъ мирныхъ занятій; обращеніе съ казаками было презрительно суровое, религіозные обряды ихъ осмѣивались польскими офицерами: двуперстіе, посты, осѣненіе крестнымъ знаменіемъ предъ питьемъ и пищею—все служило предметомъ насмѣшекъ. Такіе порядки обременяли и тѣло и душу некрасовцевъ“. Очеркъ А. Кудрявцева. 17 октября 1864 года, вслѣдствіе прошеній, поданныхъ депутатами отъ казаковъ Тульчанскаго Санджака, послѣдовалъ султанскій фирманъ объ отмѣнѣ казацкаго положенія въ Добруджѣ; некрасовцы освобождены отъ казацкой безплатной службы и, наравнѣ съ прочими подданными султана, обязались ежегодно вносить въ казну денежную рекрутскую повинность.

Е. В.

совсѣмъ полиняли, чуть-чуть лишь можно было разобрать: «жизнь моя горк. на . . . .» И я, по аналогіи съ другимъ портретомъ, снятымъ съ друга Ганчара въ подобной же позѣ, навелъ чернилами: „жизнь моя горкая на землѣ". Родственники Ганчара пишутъ мнѣ, что „партретъ выбитъ въ 1855 году".

Кудрявцевъ, не разъ видавшій Ганчара, въ 1864 г. называетъ его „низенькимъ тщедушнымъ старикомъ", а родственники пишутъ мнѣ, что О. С. Ганчаръ былъ высокій и мускулистый, широкоплечій мужчина. Послѣднее, если взять во вниманіе „горькую жизнь" и глубокую старость, не совсѣмъ исключаетъ первое.

Голову Ганчаръ всегда покрывалъ сѣрою мерлушьею шапкою. На немъ кубанская (некрасовская) бѣлая длинная рубаха; до пояса сверхъ рубахи идетъ „куртикъ", ниже—кожаный поясъ; на рукава надѣта поддевка (вѣроятно свѣтлооливковаго цвѣта). Смазные сапоги съ длинными голенищами, въ который запрятано исподнее.

Осипъ Семеновичъ Ганчаръ умеръ въ Хвалынскѣ Саратовской губ. въ 1879 г.; предъ смертью принялъ монашество и нареченъ Іосафомъ. Предсмертное переселеніе изъ Добруджи въ Хвалынскъ совершилось съ высочайшаго разрѣшенія.

Почему переѣхалъ умирать въ Хвалынскъ?

Вѣроятно въ семейной памяти сохранилось происхожденіе предковъ его изъ Хвалынска. Могли быть и другія причины. Существуютъ записки Ганчара уставомъ, собственноручно, писанные, о коихъ упоминаетъ А. Кудрявцевъ [1]).

II.

15 января 1883 г.

Да, я былъ въ Добруджѣ, случилось очутиться и среди душегубцевъ ..на Дунавцѣ... но сердце мое и слово мое озарили преступно-угрюмыя лица человѣческимъ выраженіемъ. Дальше я направился къ старообрядцамъ. Все русскія села, все святая Русь: прочныя избы, настойчивый трудъ, бодрый видъ, кумачевыя рубахи съ косымъ воротомъ, сердечная мощная русская рѣчь... Горе пастырямъ, разгоняющимъ стадо Мое—звучалъ въ моихъ ушахъ желѣзный стихъ Іереміи... Напрасно, совершенно напрасно тормозили встарь вопросъ о правахъ старообрядцевъ: опасаться соблазна для православныхъ—это не мыслимо. Я живу среди старообрядцевъ, здѣсь же и православные малороссы—и ничего, никакого соблазна нѣтъ. Православная истина не должна имѣть связи съ мнимческимъ чучеломъ раскола.

На портретѣ Осипа Гончарова или Ганчара долженъ быть 1858 годъ.

Длинная бѣлая кубанская рубаха обшита у ворота и пазухи красною каймою, по древнему обычаю кубанцевъ,—а на портретѣ эта обшивка, эта каемка кажется галстухомъ, котораго всѣ старообрядцы избѣгаютъ, какъ табаку (галстухъ—это веревка удавленнаго, по ихъ преданіямъ. Объ этомъ есть въ соч. профессора Нильскаго).

---

[1]) Записки эти намъ обѣщаны лицомъ, имъ владѣющимъ. Ред.

III.

1-го февраля 1883 г.

Какъ въ Добруджѣ, такъ и на лѣвомъ берегу Дуная, въ домахъ старообрядцевъ не рѣдко можно видѣть портреты І. С. Гончарова: и масляные, и фотографическіе, притомъ всегда съ медалями на груди. У меня подъ руками, какъ собственность, переданная мною въ полное распоряженіе достоуважаемой редакціи «Русской Старины», были два портрета этого человѣка. Оба портрета фотографическіе и почти тождественны во всѣхъ отношеніяхъ, съ тою лишь разностью, что на одномъ, внизу, славянскими литерами стоитъ подпись: «Іосифъ Семеновичъ Ганчаръ», а на другомъ, тоже славянскими литерами, подписано: «Іосифъ Семеновичъ господинъ Ганчаровъ».

Какая же подпись болѣе вѣрная? т. е. какъ слѣдуетъ писать фамилію атамана некрасовцевъ: Ганчаръ или Гончаровъ?

На это, конечно, могли бы дать точный отвѣтъ только подлинныя уставныя рукописи и письма этого человѣка. За неимѣніемъ пока этихъ документальныхъ данныхъ, сообщаю читателю «семейное преданіе». Дѣдъ Осипа Гончарова происходилъ изъ г. Литина (нынѣ уѣзднаго въ Подольской губерніи) и по занятію былъ горшечникъ, гончаръ. «Якимъ Ганчаръ былъ хохолъ». Старообрядцы употребляютъ слово хохолъ въ двухъ близкихъ значеніяхъ: хохломъ называютъ малоросса, хохломъ же называютъ всякаго русскаго, принадлежащаго къ Греко-Россійской церкви. Въ какомъ смыслѣ дѣдъ атамана Якима названъ хохломъ—не знаю. Извѣстно дальше, что Якимъ Ганчаръ изъ г. Литина перешелъ въ Галицкое село Лукавицу. Сыновья и внуки Якима Ганчара, по переселеніи изъ Галиціи въ Добруджу, хотя и не занимались гончарнымъ производствомъ, но, какъ потомки гончара, прозывались Гончаровыми, но болѣе краткое наименованіе Ганчаръ было ближе и любезнѣе сердцу атамана некрасовцевъ, Осипа Семеновича Ганчара.

Въ заключеніе должно замѣтить, что его портретъ уже появлялся въ мартовской книгѣ сборника «Древняя и Новая Россія» изд. 1881 г., послѣдней изъ вышедшихъ въ свѣтъ книгъ этого изданія, но никакихъ свѣдѣній о жизни Ганчара тамъ не помѣщено и на портретѣ «Древней и Новой Россіи» атаманъ изображенъ вполнѣ дряхлымъ старцемъ.

Сообщ. Егоръ Петр. Вахталовскій,
кандидатъ духовной академіи,
народный учитель.

Посадъ Вилковъ

ОСИПЪ СЕМЕНОВИЧЪ ГАНЧАРЪ.

† 1879 г.

ЗАПИСКИ ГРАФА МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА [1].

ПРИЛОЖЕНІЯ.

IV.

Переписка Мих. Ник. Муравьева о поселеніи лицъ, высылаемыхъ изъ Западной Россіи.

1.

3-го декабря 1863 года.

„Въ минувшемъ маѣ мѣсяцѣ 1863 г. в. прев—ство [2]) изволили сообщить мнѣ списокъ губерній, въ которыя могли быть высылаемы мною на жительство, подъ надзоръ полиціи, неблагонадежные въ политическомъ отношеніи жители здѣшняго края, а равно и свѣдѣніе о цифрѣ, которою, по составленнымъ во ввѣренномъ вамъ министерствѣ соображеніямъ, ограничено было число высылаемыхъ.

Въ настоящее время, изъ числа назначенныхъ для жительства неблагонадежныхъ лицъ внутреннихъ губерній,—Архангельская, Новгородская, Олонецкая, Пермская и Тамбовская уже окончательно наполнены уроженцами здѣшняго края; губерніи: Казанская, Костромская и Оренбургская, за сдѣланными высылками, будутъ вскорѣ также наполнены и засимъ остаются еще свободныя мѣста: въ Воронежской, Нижегородской, Пензенской, Саратовской, Лифляндской и Эстляндской губерніяхъ; но въ пер-

¹) См. „Записки графа М. Н. Муравьева-Виленскаго“ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 г., томъ XXXVI, ноябрь, стр. 387—432; декабрь, стр. 623—644; изд. 1883 г., томъ XXXVII, январь, стр. 131—166; февраль, стр. 291—304; мартъ, стр. 615—630.

²) Письмо къ бывшему въ 1863 г. министру внутреннихъ дѣлъ.

выхъ трехъ губерніяхъ имѣется также не много свободныхъ мѣстъ, а послѣднія три я не нахожу удобнымъ наполнять вреднымъ населеніемъ здѣшняго края, такъ какъ изъ нихъ въ Саратовской губерніи проживаетъ много католиковъ и существуетъ католическая эпархія, а Лифляндская и Эстляндская губерніи, по смежности съ западными губерніями, дали бы возможность высылаемымъ въ оныя лицамъ сноситься съ жителями здѣшняго края, ко вреду правительства.

Вслѣдствіе сего, озабочиваясь, что бы мѣра высылки вредныхъ для ввѣреннаго мнѣ края лицъ на жительство во внутреннія губерніи имперіи не пріостановилась въ то время, когда въ ней чувствуется настоятельная надобность, я считаю необходимымъ сообщить о вышеизложенномъ в. п—ству и покорнѣйше просить васъ, м. г., указать, въ какія именно губерніи можно высылать неблагонадежныхъ лицъ здѣшняго края на жительство подъ надзоръ полиціи.

Вмѣстѣ съ этимъ я долгомъ считаю высказать мое убѣжденіе, что при слабомъ устройствѣ полицейской части внутри имперіи, размѣщеніе въ уѣздныхъ городахъ дворянъ и помѣщиковъ польскаго происхожденія можетъ оказать для Россіи вредныя послѣдствія, такъ какъ всѣ эти лица, уѣзжая отсюда, послѣ болѣе или менѣе дѣятельнаго участія въ мятежѣ, съ очевиднымъ нерасположеніемъ къ правительству и оставаясь на новыхъ мѣстахъ жительства безъ строгаго надзора, будутъ, безъ всякаго сомнѣнія, распространять тамъ свои вредные замыслы.

Я думаю, что было бы гораздо полезнѣе, если бы высылаемые на жительство внутри имперіи польскіе выходцы, вмѣсто размѣщенія по многимъ мелкимъ городамъ имперіи, были сосредоточены въ двухъ или трехъ наиболѣе отдаленныхъ пунктахъ имперіи, для чего могли бы съ удобствомъ служить Печерскій край Вологодской губерніи, сѣверныя части Архангельской и Тобольской губерній, Туруханскій край и даже можно бы многихъ высылать въ Якутскую область. Въ сихъ отдаленныхъ мѣстахъ они не могли бы быть вредными и образовали бы колоніи, которыя, современемъ, утратили бы свое польское, враждебное для правительства нашего, настроеніе.

Конечно, противъ этой мѣры многіе будутъ возставать, но по моему мнѣнію, прежде всего надо имѣть въ виду пользу Россіи

и огражденіе ея отъ тѣхъ опасныхъ послѣдствій, которыя неминуемы отъ размѣщенія польскихъ выходцевъ по разнымъ губерніямъ. Мы уже имѣемъ опытъ въ той заразѣ польской революціонной пропаганды, которая произошла въ приволжскихъ губерніяхъ. Неужели этого указанія опыта для насъ не будетъ достаточно? Подавляя мятежъ въ западномъ краѣ, мы не должны жертвовать для того будущимъ спокойствіемъ внутреннихъ нашихъ областей. Отъѣзжающіе отсюда поляки радуются случаю, который мы имъ даемъ распространять свои замыслы внутри Россіи; они этого не скрываютъ здѣсь и, конечно, во многихъ случаяхъ будутъ имѣть успѣхъ. Моя обязанность предостеречь правительство; я объ этомъ уже прежде писалъ и теперь еще разъ повторяю и увѣренъ, что в. п—ство примете на себя трудъ довести все мною здѣсь высказанное до Высочайшаго Его Императорскаго Величества свѣдѣнія и не оставите, по усмотрѣнію вашему, принять мѣры противъ польской пропаганды въ Россіи. Ни Франція, ни Англія не размѣщаютъ политическихъ преступниковъ во внутреннихъ своихъ провинціяхъ, но отсылаютъ ихъ и вообще людей, опасныхъ для спокойствія государства, въ отдаленныя колоніи. Неужели мы тоже не можемъ прибѣгнуть къ подобнымъ мѣрамъ и за неимѣніемъ заморскихъ колоній, высылать польскихъ агитаторовъ въ болѣе отдаленныя и безопасныя мѣста для общественнаго спокойствія.

Я полагаю, что тѣ мѣры, которыя изложены въ сообщенныхъ мнѣ вами распоряженіяхъ, вслѣдствіе состоявшагося 23 іюля сего 1863-го года положенія Западнаго Комитета по подобному же возбужденному отъ меня вопросу, далеко не приведутъ къ желанной цѣли и не оградятъ нашихъ внутреннихъ областей отъ преступныхъ замысловъ высылаемыхъ отсюда неблагонадежныхъ лицъ польскаго происхожденія.

Примите, в. п., увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности Михаилъ Муравьевъ".

2.

11-го декабря 1863 года.

„Въ дополненіе къ письму моему отъ 3-го сего декабря нужнымъ считаю, для бо̀льшаго разъясненія предположенія моего о размѣщеніи высылаемыхъ изъ западнаго края лицъ, изобличен-

13*

ныхъ въ политической неблагонадежности, сообщить в. п—ству слѣдующія соображенія:

Изъ имѣющихся свѣдѣній оказывается:

1) До настоящаго времени, изъ ввѣреннаго мнѣ края, сослано на житье въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ до 174-хъ политическихъ преступниковъ привиллегированнаго сословія. Всѣ они, на основаніи постановленныхъ конфирмацій, размѣщаются преимущественно въ Тобольской и Томской губерніяхъ, по назначенію Тобольскаго приказа о ссыльныхъ; но какъ политическіе преступники, по мнѣнію моему, не должны быть водворяемы въ городахъ и вообще среди мѣстнаго населенія, ибо они несомнѣнно будутъ стараться распространять вездѣ свои зловредные замыслы, то я полагалъ бы необходимымъ нынѣ же сосредоточить ихъ въ Туруханскомъ краѣ, или въ сѣверной части Тобольской губерніи, отдаливъ ихъ такимъ образомъ отъ прочаго населенія губерній и лишивъ ихъ права выѣзда изъ назначенной для ихъ жительства мѣстности.

Мнѣ кажется, что въ исполненіи сей мѣры не могло бы встрѣтиться особыхъ затрудненій въ финансовомъ отношеніи, такъ какъ правительство, прибѣгая къ ссылкѣ сихъ преступниковъ на житье въ Сибирскія губерніи, съ распредѣленіемъ ихъ въ различныхъ пунктахъ, истрачиваетъ значительную сумму, какъ на пересылку ихъ въ Сибирь, такъ и на водвореніе въ назначенныхъ для сего мѣстахъ. Расходы же, которые превысили бы эту сумму, при сосредоточеніи всѣхъ сихъ людей въ одной или двухъ мѣстностяхъ, легко могутъ быть пополнены изъ секвестрованныхъ и конфискованныхъ имѣній.

2) Кромѣ указанныхъ преступниковъ, сослано изъ здѣшняго края въ Сибирь на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія до 50 лицъ, также принадлежащихъ къ привиллегированному сословію, но болѣе опасныхъ по вреду, который они причинили здѣсь и могутъ причинять вездѣ, при особенной закоренѣлости своей въ преступныхъ убѣжденіяхъ. Всѣхъ этихъ лицъ я полагалъ бы полезнымъ сосредоточить, на изложенныхъ выше условіяхъ, въ сѣверной части Якутской области, водворивъ въ назначенномъ пунктѣ какъ тѣхъ, которые сосланы на поселеніе въ болѣе отдаленныя мѣста Сибири, такъ и тѣхъ, которые предна-

значены къ высылкѣ въ менѣе отдаленныя мѣста, т. е. Томскую и Тобольскую губерніи.

Наконецъ 3) до настоящаго числа выслано на жительство въ великороссійскихъ губерніяхъ, подъ надзоромъ полиціи, до 600 уроженцевъ здѣшняго края. Въ письмѣ отъ 3-го декабря я уже высказалъ в. п—ству, до какой степени можетъ быть вредно по послѣдствіямъ, при слабомъ устройствѣ у насъ полицейской части, размѣщеніе всѣхъ упомянутыхъ людей въ различныхъ пунктахъ нашихъ внутреннихъ областей. Этотъ вредъ будетъ тѣмъ значительнѣе и опаснѣе, что въ числѣ сказанныхъ лицъ, болѣе 450 человѣкъ суть здѣшніе арендаторы, управляющіе имѣніями, экономы, чиновники, мелкіе владѣльцы, ксендзы и тому подобный сбродъ. Они и здѣсь составляли классъ людей, самыхъ вредныхъ и наиболѣе враждебныхъ правительству, и нѣтъ сомнѣнія, что они также будутъ вредны и опасны для общественнаго спокойствія во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ бы ни поселились. Поэтому слѣдовало бы подобныхъ людей отправить нынѣ же на жительство въ какой либо отдаленный край, гдѣ бы они не могли имѣть сообщенія съ остальными губерніями имперіи, какъ напримѣръ: въ сѣверо-восточную часть Вологодской и Архангельской губерній, т. е. Печерскій край, а также въ Чердынскій и Верхотурскій уѣзды Пермской губерніи. Въ этихъ отдаленныхъ пунктахъ они будутъ менѣе вредны и легко могутъ быть подчинены правильному полицейскому надзору, тогда какъ, при нынѣшнемъ положеніи, бывъ разбросаны по самымъ населеннымъ областямъ имперіи, они избѣгнутъ должнаго надзора и, по свойственной имъ искательности, будутъ, безъ всякаго сомнѣнія, заражать революціонными мыслями мѣстное населеніе.

Остальные изъ высланныхъ на жительство до 150 человѣкъ, какъ принадлежащіе къ высшему сословію и менѣе общительные съ среднимъ классомъ и потому представляющіе болѣе средствъ для бдительнаго надзора за ними, могли бы быть сосредоточены въ нѣкоторыхъ городахъ Оренбургской и Пермской губерній. Впрочемъ не мѣшало бы, можетъ быть, часть и ихъ отправить въ отдаленные уѣзды Олонецкой и Вятской губерній, въ которыхъ удобнѣе имѣть за ними ближайшій надзоръ.

Вмѣстѣ съ симъ имѣя въ виду, что важнѣйшіе революціоные дѣятели здѣшняго края сосланы, по суду, въ каторжную работу

на разные сроки, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, до 208 человѣкъ, изъ коихъ 165 — принадлежатъ къ сословію дворянъ, помѣщиковъ, ксендзовъ и отставныхъ офицеровъ и чиновниковъ, я полагалъ бы необходимымъ обратить на нихъ вниманіе генералъ-губернатора Восточной Сибири, съ тѣмъ, чтобы, по его усмотрѣнію, были приняты мѣры къ самому строгому и бдительному надзору за ними. По выбытіи этими преступниками сроковъ въ каторжныхъ работахъ, можно бы ихъ, подобно ссыльно-поселенцамъ, сосредоточить также въ сѣверной части Якутской области, принявъ правиломъ не возвращать, какъ этихъ преступниковъ, такъ и другихъ, сосланныхъ, по лишеніи особыхъ правъ состоянія, на житье въ Сибирскія, или отдаленныя внутреннія губерніи,— обратно въ край, такъ какъ неоднократные примѣры убѣждаютъ, что эти лица, находясь продолжительное время подъ заслуженною карою закона, нисколько не исправляются, и, возвращаясь въ край съ бо̀льшимъ противъ прежняго ожесточеніемъ къ правительству, становятся въ главѣ революціонныхъ безпорядковъ. На семъ же основаніи считаю необходимымъ и высланныхъ на жительство подъ надзоромъ полиціи лицъ, не смотря на ихъ просьбы и частыя за нихъ ходатайства вліятельныхъ особъ, не возвращать въ западныя губерніи, доколѣ край этотъ не получитъ окончательнаго и правильнаго устройства, съ возможнымъ уничтоженіемъ въономъ всякаго вліянія польскаго элемента и прекращеніемъ опасенія на возобновленіе, подобныхъ нынѣшнимъ, революціонныхъ смутъ.

Повторяю, что многіе будутъ возставать противъ предлагаемыхъ мною мѣръ и представятъ затрудненія въ приведеніи ихъ въ исполненіе. Но должны ли насъ останавливать затрудненія, когда идетъ вопросъ о спокойствіи нашихъ внутреннихъ областей; когда намъ, прежде всего, необходимо обезопасить Россію внутри и оградить ее отъ наплыва революціонныхъ идей, распространяемыхъ польскими агитаторами? Еще разъ скажу, что для сей цѣли мы обязаны отстранить всѣ препятствія, какъ бы они ни казались съ перваго взгляда затруднительными; ибо только посредствомъ удаленія польскихъ уроженцевъ изъ населенныхъ мѣстъ имперіи, мы будемъ въ состояніи достигнуть внутренняго общественнаго спокойствія и удалимъ отъ себя заразу повсемѣстнаго развитія польской пропаганды.

Я сожалѣю, что долженъ былъ прибѣгать къ высылкѣ отсюда

вредныхъ политическихъ дѣятелей и не могу оставить эту мѣру еще нѣкоторое время; но послѣднія десять лѣтъ ослабленія правительственныхъ учрежденій въ здѣшнемъ краѣ привели его въ такое положеніе, что противуправительственные замыслы проникли въ массу населенія привиллегированнаго сословія, а также ксендзовъ и шляхты, а это въ свою очередь дало возможность вожатаямъ революціи поднять знамя бунта. Мнѣ нужно было съ начала пріѣзда въ край употребить быстрыя и энергическія мѣры къ подавленію мятежа, и нѣтъ сомнѣнія, что этому много пособило удаленіе изъ края неблагонадежныхъ лицъ; ибо одни изъ нихъ были тайными членами здѣшней революціонной организаціи, изъ коихъ многіе, занимая высшія и въ прочихъ степеняхъ служебныя должности, прикрывали свои коварныя дѣйствія маскою мнимой преданности правительству; всѣ же остальные сочувствовали и содѣйствовали мятежу всѣми зависѣвшими отъ нихъ моральными и матеріальными средствами. Со временемъ, съ окончательнымъ умиротвореніемъ края и съ уничтоженіемъ въ немъ скрытной революціонной организаціи, число высылаемыхъ неблагонадежныхъ лицъ уменьшится и тогда въ отношеніи сихъ лицъ и вообще для прочнаго устройства края нужно будетъ предпринять другія мѣры, о которыхъ я не замедлю, въ свое время, сообщить.

Я высказываю в. п—ству свое мнѣніе съ полною откровенностію и надѣюсь, что если мое мнѣніе и не будетъ согласно съ вашимъ, вы не оставите всеподданнѣйше довести объ ономъ до свѣдѣнія Государя Императора.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности Михаилъ Муравьевъ".

3.

Министръ внутреннихъ дѣлъ г. главному начальнику Сѣверо-Западнаго края.

17-го декабря 1863 года.

„Предположенія в. высокопр—ства, изложенныя въ отношеніи отъ 3-го числа сего мѣсяца, всеподданнѣйше доложены мною Государю Императору 13-го числа, но уже были извѣстны Его Величеству до моего доклада. Содержаніе позднѣйшаго отношенія вашего отъ 11-го декабря будетъ представлено на Высочай-

шее благоусмотрѣніе при первомъ за симъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, а именно въ пятницу, 20-го числа. Между тѣмъ, въ отношеніи къ сущности вашихъ предположеній, а равно и къ способу приведенія ихъ въ исполненіе, я вступилъ въ сношеніе съ гг. шефомъ жандармовъ и министромъ государственныхъ имуществъ.

Предусматриваемое в. высокопр—ствомъ различіе нашихъ взглядовъ на вопросъ о поселеніи въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ уроженцевъ Западнаго края, нынѣ изъ него удаленныхъ или удаляемыхъ, дѣйствительно существуетъ; но это различіе относится не столько къ сущности предполагаемой вами общей мѣры, сколько къ порядку приведенія оной въ исполненіе и къ бо̀льшему или меньшему развитію ея примѣненія. Покорнѣйше прошу позволить и мнѣ изложить, въ общихъ чертахъ, мое мнѣніе по этому предмету.

Мнѣ кажется, что не предстоитъ сомнѣнія въ томъ, что водвореніе въ разныхъ мѣстностяхъ Восточной полосы Европейской Россіи, и даже въ среднихъ губерніяхъ, лицъ, удаляемыхъ изъ Царства Польскаго и Западныхъ губерній, за участіе въ мятежѣ или вообще за политическую неблагонадежность, сопряжено съ тѣмъ бо̀льшими неудобствами и приноситъ или можетъ принести тѣмъ бо̀льшій вредъ, чѣмъ значительнѣе число водворяемыхъ, временно или постоянно, такимъ образомъ лицъ.

Равнымъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что предварительныя вычисленія, послужившія основаніемъ изданнымъ по сему предмету въ маѣ и іюлѣ мѣсяцахъ (1863 г.) правиламъ, оказались невѣрными.

Число высылаемыхъ польскихъ уроженцевъ Царства и Западнаго края превысило всѣ нормы и продолжаетъ быстро возрастать.

Наконецъ, не предстоитъ сомнѣнія и въ томъ, что желательно, и даже необходимо, сосредоточить, по возможности, въ небольшомъ числѣ мѣстностей, тѣхъ поляковъ, жителей Царства или Западныхъ губерній, коихъ удаленіе съ мѣстъ жительства, временное или постоянное, оказывается дѣйствительно необходимымъ.

Но изъ вышесказаннаго усматривается, что возбужденный вами вопросъ касается не только Сѣверо-Западныхъ и затѣмъ и Юго-западныхъ губерній, но и Царства Польскаго, изъ котораго уже выслано въ Имперію, по настоящее время, около 3000 чело-

вѣкъ разнаго званія. Слѣдовательно, при дальнѣйшихъ распоряженіяхъ къ водворенію поляковъ, удаляемыхъ съ нынѣшнихъ мѣстъ ихъ жительства, надлежитъ сохранять въ виду размѣры предпринимаемыхъ переселеній и средства къ правильному и безостановочному устройству предполагаемыхъ колоній. Кромѣ того едва-ли можно не допускать различія между удаленіемъ временнымъ и безсрочною ссылкою, между ссылаемыми по суду и ссылаемыми или высылаемыми безъ суда, между степенями виновности и неблагонадежности, между различными условіями сословій, возраста, или пола, и наконецъ между свойствами разныхъ мѣстностей, болѣе или менѣе пригодныхъ для прочной осѣдлости поселенцевъ.

Вашему высокопр—ству извѣстно, что въ настоящее время, при исключительныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находятся Западный край и Царство, высылка лицъ, виновныхъ въ принятіи участія въ мятежѣ и въ обнаруженіи политической неблагонадежности, производится, и по необходимости должна быть бòльшею частью производима, съ нѣкоторою поспѣшностью, не допускающею строгаго опредѣленія различныхъ оттѣнковъ виновности или неблагонадежности. При этихъ условіяхъ я не усматриваю возможности всякую высылку обращать въ безразличную и безвозвратную ссылку.

Далѣе вамъ, равнымъ образомъ, извѣстны общія свойства поименованныхъ вами мѣстностей. Печерскій край, Туруханскій край и сѣверныя части Архангельской и Тобольской губерній и Якутской области не представляютъ условій, необходимыхъ для прочной осѣдлости значительнаго числа поселенцевъ. Ссылаюсь въ семъ отношеніи на свидѣтельство находящагося здѣсь случайно якутскаго губернатора и другихъ лицъ, знающихъ эти мѣстности. Тамъ, гдѣ земледѣліе не возможно, колоніи будутъ постояннымъ бременемъ для правительства; не говоря даже объ общихъ требованіяхъ человѣчества и о многоразличныхъ практическихъ затрудненіяхъ, сопряженныхъ съ устройствомъ поселеній въ мѣстахъ, столь отдаленныхъ, столь безлюдныхъ, и въ такой степени лишенныхъ необходимыхъ элементовъ правительственной организаціи и полицейскаго надзора.

По симъ уваженіямъ я полагаю, что для приведенія въ исполненіе указанной вами мѣры необходимо: во первыхъ, избрать за

Ураломъ другія мѣстности, болѣе пригодныя для прочнаго водворенія лицъ, безвозвратно удаляемыхъ изъ Западныхъ губерній и Царства Польскаго; во вторыхъ, установить различіе между лицами, удаляемыми временно, и лицами, ссылаемыми безвозвратно, и опредѣлить условія этого различія; въ третьихъ, сосредоточить въ меньшемъ числѣ мѣстностей, при усиленіи средствъ и порядка полицейскаго надзора, тѣхъ поляковъ, которые не будутъ подлежать окончательной ссылкѣ; и въ четвертыхъ, принимать въ соображеніе, при распредѣленіи ссылаемыхъ или высылаемыхъ лицъ между разными, для той или другой цѣли предназначенной мѣстностями, степень виновности или неблагонадежности, подвергающей то или другое лицо безвозвратной ссылкѣ или временному удаленію.

Покорнѣйше прошу ваше высокопр—ство принять увѣреніе въ моемъ отличномъ почтеніи и совершенной преданности Петръ Валуевъ".

4.

Отвѣтъ М. Н. Муравьева.

30-го декабря 1863 г.

„На письмо вашего прев—ства, отъ 17-го сего декабря, нужнымъ нахожу отвѣтствовать, что предположенія мои объ устройствѣ ввѣреннаго мнѣ края и устраненія вредныхъ послѣдствій собственно для Россіи отъ нѣкоторыхъ правительственныхъ мѣроположеній, не только нынѣ, но и всегда я признаю себя обязаннымъ доводить непосредственно до высочайшаго Его Императорскаго Величества свѣдѣнія; что-же касается до мнѣнія в. пр—ства на послѣдній отзывъ мой къ вамъ, отъ 11-го числа сего мѣсяца, имѣю честь сообщить, что я и нынѣ остаюсь при томъ мнѣніи, что высылаемыхъ на жительство въ Россію дворянъ, ксендзовъ и разночинцевъ западнаго края слѣдуетъ отправлять въ указанныя мною сѣверныя области Россіи, ибо они никогда не могутъ быть обращены въ хлѣбопашцы и слѣдовательно не нужна имъ колонизація на Уралѣ, какъ вы изволите предполагать. Напротивъ того, я думаю, что ихъ должно отдѣлять отъ всякаго сношенія съ населенными частями Россіи, и

водворяя на сѣверѣ, выдавать имъ тоже кормовое пособіе, которое теперь они получаютъ, будучи расселены въ разныхъ городахъ имперіи. Потребный на это расходъ весьма незначителенъ въ сравненіи съ тѣмъ вредомъ, который будетъ отстраненъ высылкою ихъ въ пустынныя мѣста имперіи.

Сами высылаемые отсюда радостно ѣдутъ въ Россію, имѣя въ виду принести ей еще болѣе вреда, ибо знаютъ, что будутъ размѣщены, въ видахъ гуманности, въ лучшихъ провинціяхъ имперіи, гдѣ надѣются найти многихъ своихъ соотечественниковъ и совокупно съ ними распространять революціонные замыслы.

Я уже неоднократно объ этомъ писалъ и не перестану повторять, доколѣ наконецъ высшія правительственныя лица не рѣшатся принять мѣры къ огражденію Россіи отъ неминуемыхъ на будущее время бѣдствій, долженствующихъ произойти, ежели будутъ продолжать расселять польскихъ выходцевъ по всему государству.

Въ отношеніи изложеннаго в. пр—ствомъ предположенія о распредѣленіи высылаемыхъ по политической неблагонадежности на жительство во внутреннихъ губерніяхъ имперіи смотря по степени ихъ виновности или неблагонадежности, съ установленіемъ при томъ различія между лицами, удаляемыми временно, и лицами, ссылаемыми безвозвратно и съ опредѣленіемъ самыхъ условій этого различія, я полагаю, что это предположеніе едва-ли возможно въ практическомъ исполненіи, ибо тамъ, гдѣ не имѣлось достаточныхъ юридическихъ доказательствъ для преданія высылаемыхъ суду, не предстоитъ возможности съ правильностію опредѣлить душевныя ихъ политическія наклонности, кромѣ общей извѣстной намъ вражды ихъ къ Россіи и желанія уничтожить наше владычество въ западномъ краѣ.

Мое мнѣніе, что всѣ высылаемые по политической неблагонадежности едва-ли не вреднѣе и не опаснѣе тѣхъ, которые осуждены за явное участіе въ мятежѣ и въ числѣ ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, скрываются самые вредные и дѣятельные распространители мятежа, какъ это уже и нынѣ доказали, такъ что нѣкоторые изъ нихъ обратно вытребованы сюда, для преданія военному суду.

Я еще разъ повторяю: не должно полагаться на льстивыя и

униженныя просьбы и обѣщанія и увѣренія въ раскаяніи и преданности поляковъ и особенно высланныхъ на жительство вслѣдствіе политической неблагонадежности, ибо всѣ они увѣряютъ, что они невинны и преданы правительству, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они всегда были и суть самые тайные и вредные крамольники и скрытнымъ образомъ поддерживали и распространяли мятежъ.

По моему мнѣнію сколько съ одной стороны правительство должно быть человѣколюбиво ко всякому впавшему въ преступленіе и самому отъявленному своему врагу, столько съ другой стороны было бы, какъ мнѣ кажется, предосудительно, увлекаясь симъ, оказывать такое снисхожденіе высылаемымъ по неблагонадежности лицамъ, которое явно ведетъ къ несомнѣнному вреду для государства. Вотъ почему я полагалъ и теперь полагаю, чтобы всѣхъ высылаемыхъ лицъ привиллегированныхъ сословій на жительство въ Россію водворять не въ видѣ хлѣбопашенныхъ колоній на Уралѣ, какъ в. пр—ство полагаете, но отсылать въ отдаленные, болѣе пустынные края Россіи, гдѣ они будутъ менѣе вредны и гдѣ присмотръ за ними легче. Исключеніе изъ сего можетъ быть сдѣлано только для нѣкоторыхъ лицъ и семействъ, по особому удостовѣренію о нихъ высшихъ властей.

Покорнѣйше прошу, ваше превосходительство, принять увѣреніе въ отличномъ моемъ почтеніи и преданности

Михаилъ Муравьевъ".

V.

Вѣдомость о числѣ лицъ, содержавшихся подъ арестомъ въ Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской губ. за іюнь мѣсяцъ 1865 года.

ГУБЕРНІИ.	Ксендзовъ.	Офицеровъ отставныхъ и служащихъ.	Чиновниковъ отставныхъ и служащихъ.	Помѣщиковъ и дворянъ.	Шляхтичей.	Однодворцевъ.	Мѣщанъ.	Крестьянъ.	Нижнихъ чиновъ.	Евреевъ.	Иностранцевъ.	Итого.
Виленская.												
Въ г. Вильнѣ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	172
» » Трокахъ	—	1	—	1	5	-	—	—	—	—	—	7
» » Свенцянахъ	1	—	—	3	3	—	—	—	—	1	—	8
» » Ошмянахъ	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
» » Диснѣ	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
Итого	1	1	—	6	8	—	—	—	—	1	—	189
Ковенская.												
Въ г. Ковно	10	3	22	109	76	1	19	102	1	24	2	369
» » Вилькомірѣ	—	—	—	4	—	1	2	9	—	—	—	18
» » Поневѣжѣ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» » Россіенахъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» » Шавляхъ	—	1	—	9	—	—	1	10	—	—	1	22
» » Тельшахъ	1	—	2	2	—	—	1	8	—	—	—	14
» » Ново-Александровскѣ	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
Итого	11	4	24	124	78	2	23	130	1	24	3	424
Гродненская.												
Въ г. Гродно	4	1	6	27	10	6	14	17	1	4	2	92
» » Бѣлостокѣ	—	—	—	2	—	—	1	—	—	—	—	3
» » Бѣльскѣ	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1
» » Пружанахъ	2	—	2	1	—	—	6	1	—	—	—	12
» » Брестѣ	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	3
» » Кобринѣ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» » Соколкѣ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	6	1	8	33	11	6	21	18	1	4	2	111

ГУБЕРНІИ.	Ксендзовъ.	Офицеровъ отставныхъ и служащихъ.	Чиновниковъ отставныхъ и служащихъ.	Помѣщиковъ и дворянъ.	Шляхтичей.	Однодворцевъ.	Мѣщанъ.	Крестьянъ.	Нижнихъ чиновъ.	Евреевъ.	Иностранцевъ.	Итого.
Минская.												
Въ г. Минскѣ	3	—	2	12	—	—	—	2	—	—	1	20
» » Борисовѣ	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	2
» » Слуцкѣ	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
» » Мозырѣ и Рѣчицѣ	—	—	—	5	—	—	—	1	1	—	—	7
» » Пинскѣ	—	—	—	5	—	—	8	—	1	1	—	15
» » Игуменѣ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» » Бобруйскѣ	—	1	—	1	—	2	—	2	—	1	—	7
Итого	3	1	2	26	—	2	8	5	2	2	1	52
Могилевская.												
Въ г. Могилевѣ	—	—	—	14	—	1	—	—	—	—	—	15
Витебская.												
Въ г. Витебскѣ	—	—	—	6	—	—	1	—	—	—	—	7
» кр. Динабургѣ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» г. Полоцкѣ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
» » Рѣжицѣ	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
» » Лепелѣ	—	—	—	7	1	—	2	—	—	—	—	10
» » Себежѣ	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
Итого	—	—	—	15	1	—	3	—	—	—	—	19
А всего	21	7	34	218	98	11	55	153	4	31	6	610

И. д. Полеваго Оберъ-Аудитора П. Неѣловъ.

ГРАФЪ МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ-ВИЛЕНСКІЙ.

Стихотворенія, разсказы и очерки къ его характеристикѣ.

При изданіи нами на страницахъ „Русской Старины“ „Записокъ графа М. Н. Муравьева-Виленскаго“—мы уже имѣли случай высказать нашъ взглядъ какъ на этотъ историческій памятникъ, такъ и на заслуги его составителя:

„Какъ ни желчно и пристрастно, по отношенію къ нѣкоторымъ современнымъ графу М. Н. Муравьеву государственнымъ дѣятелямъ, написаны его „Записки“, но, конечно, каждый изъ нашихъ читателей согласится, что „Записки о мятежѣ въ сѣверо-западной Россіи“ имѣютъ весьма крупное значеніе. Главнѣйшее ихъ значеніе уже то, что онѣ исходятъ непосредственно отъ вчинателя цѣлаго ряда въ высшей степени важныхъ государственныхъ мѣръ, принятыхъ въ Литвѣ и смежныхъ съ нею губерніяхъ съ 1863-го по 1865-й годъ.

„Создать оплотъ русскому государству возрожденіемъ русской народности въ глухомъ Литовскомъ краѣ, побороть ксендза и пана, дѣлавшаго въ теченіе двухъ-трехъ вѣковъ все, чтобы придавить много-милліонное русское быдло (такъ звали они литовскаго и бѣлорусскаго крестьянина); вдохнуть жизнь въ задавленное сословіе крестьянъ этого края—таковыя заслуги заставляютъ, если не мириться ни съ прошлою дѣятельностію графа М. Н. Муравьева до 1863 г., ни съ его жестокостію, иногда совершенно безполезною по отношеніямъ къ тысячамъ отдѣльныхъ лицъ, — то, во всякомъ случаѣ, заставляетъ вполнѣ признать въ немъ одного изъ немногихъ русскихъ государственныхъ мужей, вполнѣ ясно и опредѣленно создавшихъ себѣ программу дѣйствій въ 1863 г., по отношенію къ сѣверо-западной Россіи, и не от-

ступившаго ни на одну пядь при исполненіи этой программы". („Русская Старина", изд. 1882 г. томъ XXXVI, декабрь, стр. 722—723).

Но выразивъ нашъ взглядъ на эту историческую личность, мы считаемъ вполнѣ полезнымъ дать мѣсто разнообразнымъ о ней отзывамъ русскихъ людей, современниковъ и очевидцевъ дѣятельности гр. М. Н. Муравьева,—отзывамъ въ стихахъ, въ разсказахъ, замѣткахъ и его характеристикахъ.

Ред.

I.

Кн. Италійскому, графу А. А. Суворову-Рымникскому

Стихотвореніе Θ. И. Тютчева.

Я списалъ для васъ, многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ, стихи Θ. И. Тютчева къ кн. А. А. Суворову. Вы, быть можетъ, не знаете по какому поводу они были написаны?

Къ 8-му ноября 1863 г., въ самый разгаръ шляхетскаго возстанья въ СѣвероЗападномъ краѣ, мнѣ пришла мысль подбить здѣшній highlife, послать Мих. Ник. Муравьеву икону Архистратига Михаила и написать письмо, которое въ продолженіи двухъ-трехъ дней покрылось сотнею подписей.

Въ числѣ подписавшихся былъ и Θедоръ Ивановичъ Тютчевъ.

Письмо это было вручено мною отъѣзжавшему, по дѣламъ службы, внуку гр. Д. Н. Блудова, нынѣшнему лифляндскому губернатору, Шевичу,—который едва успѣлъ выѣхать изъ Петербурга, какъ состоялось, въ III-мъ отдѣленіи, постановленіе: задержать отправку письма, — но, къ счастью, было уже поздно: Шевичъ успѣлъ передать его по принадлежности.

Гуманный внукъ воинственнаго дѣда,
Простите намъ, нашъ симпатичный князь,
Что русскаго честимъ мы людоѣда,
Мы, русскіе, Европы не спросясь...

* * *

Какъ извинить предъ вами эту смѣлость?
Какъ оправдать сочувствіе къ тому,
Кто отстоялъ и спасъ Россіи цѣлость,
Всѣмъ жертвуя народу своему.

Кто всю отвѣтственность, весь трудъ и бремя
Взялъ на себя въ отчаянной борьбѣ —
И бѣдное, замученное племя,
Воздвигнувъ къ жизни, вынесъ на себѣ.

* * *

Кто избранный для всѣхъ крамолъ мишенью,
Сталъ и стоитъ спокоенъ, невредимъ,
На зло врагамъ, ихъ лжи и озлобленью
На зло, увы! и пошлостямъ роднымъ.

* * *

Такъ будь и намъ позорною уликой
Письмо къ нему отъ насъ, его друзей!
Но намъ сдается, князь, вашъ дѣдъ великой
Его скрѣпилъ бы подписью своей.

Ѳ. И. Тютчевъ.

12-го ноября 1863 г.
С.-Петербургъ.

Сообщ. П. Н. Батюшковъ.

II.

На это князь А. А. Суворовъ отвѣтилъ, что дѣдъ его никогда бы не скрѣпилъ своей подписью письма, посланнаго М. Н. Муравьеву. Тогда появились другіе стихи, именно князя П. А. Вяземскаго:

Да князь! поэтъ правъ: навѣрно вашимъ дѣдомъ
Было-бы скрѣплено письмо друзей къ тому,
Котораго вы, князь, чтите людоѣдомъ
За то, что онъ казнилъ по долгу своему.

* * *

Какъ вы, онъ не искалъ въ народѣ популярность,
Нежданная она пришла къ нему;
Слыветъ онъ извергомъ, однакоже гуманность,
Гдѣ можно допустить, доступна и ему.

* * *

Онъ жертвовалъ собой въ минуту, гдѣ Россія
Потрясена была злодѣйствами враговъ;
Онъ подавилъ мятежъ; дѣла его благія.
Дай Богъ побольше намъ такихъ, какъ онъ, головъ!

Не много толку въ томъ, кто вмѣстѣ съ крикунами
Готовъ порочить всѣхъ, лишь болтовней пустой;
Кричать не мудрено, а мудрено дѣлами
Такъ править хорошо, какъ Муравьевъ—Литвой.

* * *

Какъ вѣрный русскій, самъ онъ дѣйствовалъ съ отвагой;
Онъ былъ увѣренъ въ томъ, что Русь вся за него;
Хотя теперь перомъ дрался онъ, а не шпагой,
Но имя на Руси прославилось его.

* * *

И такъ, гуманный князь, отдайте справедливость
Тому, кто заслужилъ сочувствіе сердецъ,
Иль вы не русскій, князь! Его неустрашимость
Пріобрѣла ему безсмертія вѣнецъ!

* * *

Что дѣдъ вашъ, князь, сказалъ: ужель вамъ не извѣстно?
Когда сражался самъ онъ противъ поляковъ,
Онъ Прагу бралъ тогда, напомнить здѣсь умѣстно
Слова Великаго..... какъ нашихъ зналъ враговъ!

* * *

Къ солдатамъ обратясь, онъ крикнулъ громогласно:
„Нещадно рѣжте ихъ и рѣжте ихъ дѣтей,
„И знайте, что вашъ штыкъ заколетъ не напрасно:
„Вы жизнь спасаете тѣмъ вашихъ же дѣтей!“

* * *

Вотъ что̀ сказалъ вашъ дѣдъ, кто этихъ словъ не знаетъ?
Онъ русскій былъ и съ русскою душой;
Кто Муравьеву врагъ, его кто порицаетъ,
Россіи тотъ не сынъ и русскому чужой.

Князь П. А. Вяземскій.

Сообщ. М. В. Быковъ.

III.

Одна Петербургская газета, заимствуя отъ одной Московской газеты любопытный эпизодъ освобожденія лично графомъ М. Н. Муравьевымъ нѣкоего г. С., заарестованнаго жандармами въ Вильнѣ по недоразумѣнію, въ эпоху усмиренія повстанія 1863 г. въ сѣверо-западномъ краѣ, отъ себя присовокупляетъ, что хотя разсказъ, ею приводимый, и похожъ на легенду, но легенда эта очень характерна для покойнаго М. Н. Муравьева. Сообщаемые ниже,

подъ стать къ этому разсказу, три вполнѣ достовѣрные эпизода изъ той же эпохи и о томъ же крупномъ государственномъ дѣятелѣ царствованія Александра II (переданные мнѣ—первый и послѣдній—лицами, въ нихъ фигурировавшими, а второй лицомъ, заслуживающимъ полнаго довѣрія), могутъ, по аналогичному содержанію своему съ разсказомъ Московской газеты, убѣдить скептиковъ въ невымышленности его происхожденія и въ то же время послужить и въ свою очередь небезъинтереснымъ матеріаломъ для характеристики графа Муравьева-Виленскаго, собственныя Записки котораго были прочитаны всѣми читателями „Русской Старины“ съ такимъ живымъ интересомъ.

А. Е.

1.

Служившій въ г. Вильно еще до повстанія 1863 г. нѣкто Ив. Ив. Беренштейнъ, статскій совѣтникъ, находился случайно проѣздомъ въ этомъ городѣ въ самый разгаръ мятежа и примѣненія во всей строгости Муравьевской системы къ водворенію порядка въ краѣ. Это былъ крайне оригинальный человѣкъ: длинный, худощавый, съ зачесанными на виски сѣденькими волосами и съ тоненькимъ, какъ у флейты, голоскомъ. По характеру своему онъ былъ замѣчательно труслив и малодушенъ, любилъ невзначай похвастаться своими аристократическими связями въ Петербургѣ, называя разныхъ высокопоставленныхъ и титулованныхъ лицъ не иначе, какъ уменьшенными ихъ именами, за что и былъ извѣстенъ среди своихъ знакомыхъ подъ прозвищемъ „аристократа“; въ сущности же человѣкъ онъ былъ недурной и, хотя носилъ нѣмецкую фамилію, вполнѣ русскій и даже православный. Находясь, какъ уже сказано, проѣздомъ въ Вильнѣ, послѣ продолжительнаго въ ней отсутствія, и будучи по прежней своей долголѣтней въ ней службѣ знакомъ съ очень многими поляками, онъ возымѣлъ желаніе повидаться съ ними въ самый день своего пріѣзда и съ этою цѣлью отправился въ мѣстный клубъ. Тамъ засталъ онъ, какъ и ожидалъ, всѣхъ своихъ пріятелей, пилъ съ ними на радости свиданія шампанское и калякалъ, по старой памяти, по польски... На другой день, рано утромъ, онъ былъ разбуженъ сильнымъ стукомъ въ дверь занимаемаго имъ въ гостинницѣ номера и на порогѣ предсталъ—жандармъ.

— „Извольте пожаловать къ г. генералъ-губернатору“, отчеканилъ жандармъ и принялъ выжидательную позу.

„Что я почувствовалъ въ моментъ неожиданнаго появленія въ дверяхъ фигуры жандарма,—разсказывалъ потомъ (нынѣ уже покойный) И. И. Беренштейнъ,—того я передать не въ силахъ. Слова жандарма прозвучали въ ушахъ моихъ оглушительнѣе громовыхъ раскатовъ, въ глазахъ позеленѣло, ноги подкосились... Мѣшкать однако не подобало и я торопливо напялилъ на себя дрожащими отъ внутренняго волненія руками фракъ, благословясь, отдалъ себя въ распоряженіе голубому архангелу. Дорогой я сталъ перебирать въ умѣ своемъ всѣ свои сомнительныя дѣянія и, признаюсь откровенно,—никогда въ жизни моей ни одна моя исповѣдь не была столь искренна, какъ эта. Но сколько я ни ломалъ себѣ головы, сколько ни припоминалъ, я, по совѣсти, не чувствовалъ и никакъ не могъ признать за собою никакихъ такихъ предосудительныхъ дѣяній и ничего мало-мальски неблагонамѣреннаго не могъ отыскать ни въ своемъ прошломъ, ни въ настоящемъ. Такое отрадное сознаніе своей голубиной чистоты начинало было уже дѣйствовать нѣ-

сколько успокоительно на мои нервы, когда вдругъ внезапная мысль озарила мою измученную голову: я вспомнилъ, что вчера, въ клубѣ, я говорилъ съ своими пріятелями-поляками по-польски!.. Разомъ вся появившаяся было бодрость духа вновь во мнѣ исчезла—теперь все стало мнѣ понятно и перспектива будущей судьбы моей предстала передо мною какъ въ панорамѣ!.. Когда, наконецъ, не помня себя отъ страха, я очутился въ генералъ-губернаторской пріемной и меня въ ней встрѣтилъ дежурный адъютантъ, оказавшійся, по счастію, моимъ давнишнимъ знакомымъ, то онъ, видя мое сильное волненіе, предложилъ мнѣ выпить стаканъ воды для успокоенія, прежде, чѣмъ рѣшился доложить о моемъ прибытіи. Не успѣлъ онъ, однако, вслѣдъ за симъ, исчезнуть за дверью, ведущею въ кабинетъ страшнаго Виленскаго проконсула, какъ тотчасъ же вновь показался въ ней и сдѣлалъ мнѣ знакъ рукой, чтобы я вошелъ. Могу сказать, что я не вошелъ, а вдвинулся автоматически за дверь и остановился у притолки, не видя и не слыша ничего, что вокругъ меня происходитъ: въ эту минуту я, кажется, благословилъ бы небо, еслибы потолокъ обрушился и задавилъ бы меня на мѣстѣ, или еслибы полъ раздался подъ моими ногами и я провалился бы въ преисподнюю! Но вотъ кто-то въ комнатѣ отодвинулъ стулъ и, вслѣдъ затѣмъ, до ушей моихъ доходитъ слѣдующая фраза:

— „Здравствуйте, г. Беренштейнъ, подойдите-ка сюда и сядьте".

„Не вѣрю ушамъ своимъ и глазамъ: передо мной стоялъ самъ Муравьевъ".

— „Знаете-ли, зачѣмъ собственно я пригласилъ васъ къ себѣ? спрашивалъ онъ меня.—Мнѣ, говоритъ, доложили о вашемъ проѣздѣ черезъ Вильну и я хотъ захотѣлъ видѣть васъ, чтобы сказать вамъ и просить васъ передать при случаѣ, какъ бывшему начальнику вашему, такъ и бывшимъ сослуживцамъ, что комитетъ, въ которомъ вы всѣ служили здѣсь [1]), оставилъ по себѣ своимъ твердо-русскимъ направленіемъ такую добрую память, что я считалъ нужнымъ заявить вамъ объ этомъ, пользуясь вашимъ присутствіемъ. Думаю, что вамъ и всѣмъ вашимъ будетъ пріятно знать, что я вѣрно понялъ и съумѣлъ оцѣнить вашу полезную дѣятельность въ краѣ. Ну, а теперь съ Богомъ, я васъ не задерживаю и желаю благополучнаго пути".

„Когда дверь затворилась за моей спиной, разсказывалъ въ заключеніе И. И. Беренштейнъ,—то ко мнѣ на встрѣчу кинулся знакомый адъютантъ съ вопросомъ:

— „Куда прикажешь везти тебя?"

„Но я, не помня себя, только махнулъ ему въ отвѣтъ рукой и какъ сумашедшій вырвавшись на улицу, бросился безъ оглядки на вокзалъ, завернувъ только по дорогѣ въ гостинницу за своимъ чемоданомъ, и съ первымъ отходящимъ поѣздомъ укатилъ изъ Вильны".

---

[1]) Комитетъ этотъ, упраздненный еще до назначенія Муравьева въ Вильну, былъ инженеровъ военныхъ поселеній. Покойный отецъ мой, инженеръ-генералъ-лейтенантъ Е. А. Е—овъ, былъ начальникомъ онаго, а герой разсказа, будучи по профессіи своей архитекторомъ, состоялъ въ немъ на службѣ.

А. Е.

2.

Въ самый разгаръ преслѣдованія повстанскихъ шаекъ въ Литовскихъ лѣсахъ, генералъ-маіоръ В., изъ гвардейцевъ, командовавшій отдѣльнымъ отрядомъ, по оплошности-ли своей, или по какой другой причинѣ, пропустилъ одну изъ такихъ шаекъ, не замѣтивъ ее и давъ ей возможность проскользнуть мимо себя, что называется, подъ самымъ носомъ, какъ тѣнь въ волшебномъ фонарѣ. Муравьевъ, узнавъ объ этомъ, отдалъ приказъ явиться злосчастному генералу для немедленныхъ объясненій въ Вильну. Вотъ какъ описываетъ самъ провинившійся генералъ эпизодъ свиданія своего съ М. Н. Муравьевымъ

„Докладываютъ. Вхожу въ кабинетъ, расшаркиваюсь. Сидитъ самъ бегемотъ [1]) за письменнымъ столомъ и перелистываетъ бумаги... Привсталъ, глядитъ на меня, опершись обѣими руками о письменный столъ... Глядитъ и измѣряетъ взглядомъ изъ-подъ сдвинутыхъ бровей... Вижу начинаетъ, наконецъ, шевелить губами...

— „Вы, генералъ, протягиваетъ онъ въ носъ,—про-пу-сти-ли?"..

„Я низко нагибаю свою повинную голову и рискую вымолвить нѣсколько отрывочныхъ фразъ въ свое оправданіе, но останавливаюсь на полусловѣ при видѣ сердитаго взгляда, устремленнаго въ упоръ на меня...

„Продолжительная пауза.

„И вдругъ „тьфу"—какъ плюнетъ! и..., повернувъ мнѣ спину, исчезаетъ за дверью, оставивъ меня посреди комнаты съ открытымъ отъ изумленія ртомъ и съ растопыренными руками".

3.

Въ окрестностяхъ Вильны проживалъ въ 1863 г. въ своемъ небольшомъ вздгородномъ имѣніи молодой помѣщикъ—полякъ г. С—ичъ. Онъ почти безвыѣздно сидѣлъ въ своемъ имѣніи, изрѣдка отлучаясь въ городъ для необходимыхъ покупокъ и т. п. Однажды, по возвращеніи къ себѣ съ одной изъ такихъ кратковременныхъ поѣздокъ, онъ, подъѣзжая къ своей усадьбѣ, былъ несказанно пораженъ зрѣлищемъ, непредвѣщавшимъ ничего хорошаго: вокругъ всей его усадьбы стояли лагеремъ казаки, а внутри самаго дома замѣчалась необыкновенная суетня и въ окнахъ мелькали жандармскія каски. Не будучи причастенъ къ жонду и нечувствуя поэтому за собой никакой вины, онъ тотчасъ же обратился къ распоряжающемуся внутри дома офицеру съ просьбой о разъясненіи ему причины, обрушившейся на него неожиданной напасти. Офицеръ обязательно объяснилъ ему, что на него, г. С—ича, былъ сдѣланъ кѣмъ-то изъ его-же соотечественниковъ доносъ и что вслѣдствіе этого у него и производится обыскъ по распоряженію высшей власти въ краѣ. Обыскъ, какъ впрочемъ и можно было ожидать, не привелъ ни къ какимъ открытіямъ, могущимъ компрометировать г. С—ича, но за то причинилъ ему не малый матеріальный ущербъ отъ произведенной ломки половъ, порчи печей и проч.

---

[1]) По характерной фигурѣ своей, покойный гр. М. Н. Муравьевъ дѣйствительно напоминалъ этого звѣря. А. Е.

Считая себя безпричинно обиженнымъ и желая получить хотя бы какое нибудь вознагражденіе за причиненные ему убытки, онъ обратился къ Муравьеву съ письмомъ, написаннымъ на прекрасномъ французскомъ языкѣ, въ которомъ необыкновенно краснорѣчиво, чрезвычайно яркими красками, изобразилъ картину разгрома его усадьбы и просилъ о выдачѣ ему извѣстной суммы денегъ на покрытіе причиненныхъ ему убытковъ.

Не получая долгое время никакого отвѣта на свое письмо, г. С—ичъ рѣшился наконецъ лично объяснить свою претензію М. Н. Муравьеву и съ этою цѣлію явился къ нему во дворецъ въ назначенный для просителей часъ.

— „Когда обходя просителей поочередно,—разсказывалъ г. С—ичъ,—Муравьевъ приблизился ко мнѣ и я объяснилъ ему свою просьбу, упомянувъ о моемъ французскомъ письмѣ, оставленномъ имъ безъ отвѣта, онъ, какъ бы не слыша того, о чемъ я ему говорю, вдругъ озадачиваетъ меня неожиданнымъ вопросомъ о томъ, гдѣ я получилъ свое образованіе?

Я назвалъ заведеніе.

— „А гдѣ вы учились французскому языку?"

— Дома, ваше высокопр—ство.

— „А кто былъ вашимъ учителемъ?"

Я назвалъ фамилію учителя.

— „Прекраснаго учителя имѣли вы, говоритъ онъ улыбаясь; я съ удовольствіемъ прочиталъ ваше письмо—оно можетъ служить образцомъ эпистолярнаго слога и лежитъ у меня на письменномъ столѣ. Ну, а теперь отправляйтесь-ка съ Богомъ домой и благодарите судьбу, что въ это смутное время, когда за ошибку винить нельзя, вы остались внѣ всякаго подозрѣнія".

Хотя я сильно негодовалъ въ ту пору на Муравьева за столь своеобразную резолюцію его моей законной просьбы, но, добавилъ разсказчикъ, я долженъ отдать справедливость графу Муравьеву—онъ былъ умный человѣкъ".

Такое безпристрастное мнѣніе въ устахъ поляка, при томъ безвинно обиженнаго, о гр. М. Н. Муравьевѣ-Виленскомъ, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ. Должно сказать однако, что не слѣдуетъ полагать, чтобы оно было единичнымъ и исключительнымъ, напротивъ того, мнѣніе о немъ, какъ объ умномъ человѣкѣ, можно сказать, утвердилось между поляками, не взирая на всю ненависть ихъ къ нему, и это, въ свою очередь, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ въ характеристикѣ его, какъ несомнѣнно интересное явленіе.

Анатолій Ег—овъ.

Одесса.

IV.

Гр. Ѳ. Ѳ. Бергъ и М. Н. Муравьевъ.

Въ февральской книгѣ «Русской Старины» изд. 1883 года, разсказывается о встрѣчѣ намѣстника графа Берга съ М. Н. Муравьевымъ, въ Вильнѣ, причемъ Бергъ изображенъ какимъ-то робкимъ школьникомъ, который конфузится, мѣшается, запинается въ разговорѣ съ Виленскимъ сатрапомъ. Этого на самомъ дѣлѣ быть никакимъ образомъ не могло. Это только такъ показалось наблюдателю, плохо знавшему, какъ надо думать,

характеръ намѣстника Берга, его взгляды на Муравьева и кое-какіе факты, которыхъ Бергъ не счелъ нужнымъ обнаруживать передъ Муравьевымъ.

Бергъ смотрѣлъ на Муравьева, какъ на человѣка, во всѣхъ отношеніяхъ стоявшаго ниже его, и по воспитанію, и по службѣ, и по лѣтамъ; какъ на такое лицо, которое склонно было дать полную свободу своимъ дикимъ инстинктамъ и который исполняетъ свои фантазіи, не размышляя о послѣдствіяхъ: удобно это или неудобно, достижимо или недостижимо, справедливо или несправедливо, по европейски это или по азіатски, компрометируется чрезъ то правительство, посадившее его на такое высокое мѣсто, или не компрометируется. Отчего тутъ Бергу было конфузиться, если Муравьевъ говорилъ или дѣлалъ что-нибудь такое, чего бы въ то время не позволилъ себѣ сказать и сдѣлать ни одинъ правитель обширной области въ Европѣ, какъ бы тамъ дѣла ни были испорчены? Бергъ, какъ старый, обтрѣлянный и учтивый дипломатъ, не спорилъ, не договаривалъ много, какъ поступилъ бы всякій благовоспитанный гость Муравьева, при встрѣчѣ съ нимъ въ Виленскомъ его дворцѣ.

Авторъ увѣряетъ, что разговоръ не вязался послѣ того, какъ Муравьевъ, услыхавъ о французской труппѣ, играющей въ Варшавѣ, сказалъ: «а русская труппа у васъ есть?»

Бергъ просто-за-просто не хотѣлъ докладывать Муравьеву, почему приглашены французы и нѣтъ русскихъ. Могъ возникнуть споръ, основанный на пустыхъ фразахъ, а его-то Бергъ и избѣгалъ. Французская труппа была приглашена для того, чтобы заставить польское общество (хотя высшее) ходить въ театръ; чтобъ жизнь города пошла обыкновеннымъ образомъ. Въ театръ тогда не ходилъ формально ни одинъ полякъ, вслѣдствіе запрещенія жонда, который, надо замѣтить, еще существовалъ въ 1864 году, вмѣстѣ съ городскою организаціей. Противъ выписанной нами весьма хорошей французской труппы польскіе аристократы не устояли: начали мало по малу ходить въ театръ, а потомъ стали ходить, сами не замѣтивъ какъ, и въ свой родной, польскій театръ. Вопросъ былъ рѣшенъ. Французамъ предложили уѣхать [1]).

Русскаго театра заводить тогда было не для кого: одно дѣло Литва, другое дѣло—Царство Польское. Теперь русскихъ, которые стали бы ходить въ хорошій русскій театръ и представили бы тамъ естественную, статскую публику, въ Варшавѣ довольно много, но тогда было десятка два, три. Однако намѣстникъ, для оживленія родныхъ преданій между военными, хотѣлъ все-таки выписать хорошую русскую труппу и вёлъ переговоры съ однимъ импрессаріо, Милославскимъ; да кромѣ того посылалъ своего чиновника для особыхъ порученій, полковника генеральнаго штаба Анучина (нынѣ генералъ-губернатора Восточной Сибири) въ Москву и Петербургъ, переговорить по этому поводу съ тамошними дирекціями. Ни тѣ, ни другіе переговоры не привели ни къ чему: Милославскій оказался несостоятельнымъ. Дирекціи обѣихъ столицъ отвѣчали, что не могутъ отпустить артистовъ и артистокъ, въ тѣхъ условіяхъ, какія предложены высшею властію Царства Польскаго. Послѣ того было разсуждаемо въ квартирѣ главнаго директора коммиссіи внутреннихъ

---

[1]) Были въ Варшавѣ всего пять недѣль, съ 7-го іюля н. ст. по 14 августа 1864 г. (оффиціальныя свѣдѣнія изъ театра). Н. В.

дѣлъ, князя В. А. Черкасскаго: „не выписать-ли артистовъ изъ провинціи?“ И это, большинствомъ голосовъ, опровергнуто, на томъ основаніи, что правительство могло быть скомпрометировано: такихъ русскихъ артистовъ и артистокъ, которые могли бы соперничать съ тогдашними польскими въ Варшавѣ, было весьма не много и въ столицахъ имперіи, а въ провинціи не имѣлось вовсе. Пригласить труппу русскихъ провинціаловъ для того, чтобы русское варшавское общество, хотя бы только военное, пошло въ театръ изъ любопытства разъ или два, а потомъ снова стало ходить въ польскій театръ—ни Бергу, ни Черкасскому не хотѣлось.

Что касается, наконецъ, дикой угрозы Муравьева „сжечь монастырь и мусоръ сравнять съ землею“—это была, по всѣмъ вѣроятностямъ, только пустая угроза, которой и Муравьевъ не рѣшился бы привести въ исполненіе. Вѣдь польскій монастырь есть ничто иное, какъ христіанскій храмъ, мѣсто для общественной молитвы. Сжечь его потому только, что на крышу залѣзъ какой-то подозрительный трубочистъ, нельзя безъ того, чтобы не заговорили объ этомъ въ Европѣ. Варшава, которой населеніе ростетъ не по днямъ, а по часамъ, нуждается въ постройкѣ новыхъ храмовъ (и ихъ въ самомъ дѣлѣ нынѣ строятъ), а никакъ не въ уничтоженіи старыхъ солидныхъ построекъ этого рода, которыя простояли вѣка и простоятъ еще вѣка. Дикое, Муравьевское уничтоженіе стараго храма въ Варшавѣ несомнѣнно вовлекло-бы насъ въ объясненіе съ Римомъ. Поднялся-бы шумъ невѣроятный! Почему-же Бергъ долженъ былъ „запинаться“, докладывая Муравьеву, что онъ наложилъ на монастырь только штрафъ? Этого мы никакъ не понимаемъ. Вотъ, еслибы онъ сжегъ монастырь и мусоръ сравнялъ съ землею, ему позволительно было бы „запинаться“, даже и вовсе покраснѣть передъ своимъ хозяиномъ...

Н. В. Бергъ.

9-го февраля 1883 г.

V.

Графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ.

Къ его „Запискамъ“, напечатаннымъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882—1883 гг.

Со времени появленія въ „Русской Старинѣ“ „Записокъ“ графа М. Н. Муравьева, появилось нѣсколько статей и замѣтокъ въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ объ этомъ важномъ фактѣ. Бо̀льшая часть выставляла Муравьева чуть не геніальнымъ администраторомъ, угадавшимъ сразу, что̀ именно нужно было дѣлать въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ въ ту минуту, когда на насъ ополчилась вся Европа и когда мы сами усомнились въ томъ, удастся-ли намъ отстоять „хоть Литву“. Иные же (такихъ было

очень не много) находили, что Муравьевъ ничего особеннаго не сдѣлалъ, что онъ только довершилъ начатое В. И. Назимовымъ.

Ни то, ни другое мнѣніе не справедливо.

Въ М. Н. Муравьевѣ не было и тѣни геніальнаго администратора. Но, тѣмъ не менѣе, онъ успокоилъ край, приведенный его предмѣстникомъ въ неслыханный безпорядокъ; но успокоилъ его мѣрами, которыя въ Европѣ считаются варварствомъ, грубымъ азіатскимъ терорамъ.

Такіе „люди“ довольно давно повывелись въ Европѣ, а теперь стали выводиться, слава Богу, и въ Россіи, и мы полагаемъ, что повтореніе Муравьева уже болѣе невозможно. Это былъ послѣдній „Моrиканъ“ нашихъ тяжкихъ дней; а потому какъ-то странно теперь слышать и читать, что „одинъ лишь Муравьевъ обладалъ тайной управленія поляками!“ То же самое, чтò онъ сдѣлалъ, можно сдѣлать въ любой странѣ, гдѣ все перевернуто вверхъ ногами, не стирая съ лица земли большія деревни и не ссылая ихъ населенія, съ женщинами, дѣтьми и грудными младенцами, „во глубину сибирскихъ рудъ“, не вѣшая и не разстрѣливая почти ежедневно.

Нѣтъ, русскимъ надо въ особенности воздерживаться отъ всякихъ восхваленій господъ Муравьевыхъ, потому что въ насъ во всѣхъ есть довольно муравьевщины, дикости и грубости. Откуда онѣ — не будемъ разбирать: это завело бы насъ далеко. Мы всѣ любимъ ломанье, разрушенье . . . .

. . . .

Когда читаешь въ февральской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1883 г. разсказъ генерала о встрѣчѣ Муравьева съ Бергомъ въ Вильнѣ, видишь, что авторъ на сторонѣ Муравьева, исполненъ муравьевщины, хотѣлъ бы въ душѣ, чтобъ Бергъ дѣлалъ у себя то же самое, что дѣлалъ Муравьевъ въ Литвѣ! Отчего это? Разскащикъ, повидимому, старается быть безпристрастнымъ историкомъ, а самъ пристрастенъ. Графъ Бергъ у него „запинается“ въ разговорѣ, припомнивъ, что вѣдь монастырь-то все еще стоитъ, а не опрокинутъ, какъ бы слѣдовало — по муравьевски, по всякому.... Да! у насъ много

еще муравьевщины; но слѣдующее за нами поколѣніе, невидавшее въ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ передниxъ и конюшенъ своихъ отцовъ, дѣдовъ и дядюшекъ, да.... кой-чего, въ старину, и въ арміи,—будетъ относиться къ „Муравьевымъ" всякихъ оттѣнковъ построже. Даже и теперь начинаетъ колебаться восторженное поклоненіе этимъ лицамъ.

Мы рѣшаемся представить читателямъ наше воззрѣніе на Муравьева почти четверть вѣка спустя послѣ его хозяйничанья въ Литвѣ, основанное частію на личномъ изученіи этого, во всякомъ случаѣ, любопытнаго историческаго лица 1860-хъ годовъ; частію на разсказахъ и печатныхъ свидѣтельствахъ компетентныхъ лицъ. Въ сущности это — дополненное и нѣсколько измѣненное повтореніе того, что уже напечатано въ нашемъ изслѣдованіи о Польскомъ возстаніи 1863 — 1865 гг., въ „Русской Старинѣ" изд. 1879 г.

Н. В.

I.

...... Призывъ Муравьева къ служебной дѣятельности въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ, считавшихся Россіею, означалъ поворотъ „назадъ". Всѣми забытая мрачная фигура рѣзала всѣмъ глаза и сильно не вязалась съ яркими, живыми образами новой эпохи.

Кто не зналъ тогда, что̀ такое Михайло Николаевичъ Муравьевъ?

Въ прошедшемъ этого лица было много темныхъ пятенъ.

Припоминали, что крутой монгольскій деспотъ, среди рабовъ и низкопоклонниковъ, становился очень часто, при другой обстановкѣ, тише воды, ниже травы; изгибался въ три погибели и самъ раболѣпствовалъ какъ никто, особенно, если было нужно устроить что-либо выгодное для себя. Припоминали, что отправясь однажды по Россіи въ какое-то оффиціальное путешествіе на

почтовыхъ, въ 1858 году, Михайло Николаевичъ взялъ прогоны по всѣмъ тремъ должностямъ, которыя тогда занималъ — и прозванъ за это „трехпрогоннымъ“ [1]). Припоминали затѣмъ его грубое, азіатское выраженіе: „я не изъ тѣхъ Муравьевыхъ, которыхъ вѣшаютъ, а изъ тѣхъ, которые сами вѣшаютъ!“ [2]). Послѣ чего къ нему прилипло на вѣки вѣковъ прозвище „Муравьева-вѣшателя“. Припоминали, наконецъ, его некрасивое поведеніе въ великую минуту освобожденія 25-ти милліоновъ рабовъ, по манію волшебнаго жезла, когда не сочувствовала царю только закоснѣлая въ невѣжествѣ и отсталая часть русскаго общества, — все, что стояло позади, тонуло во мракѣ; между тѣмъ какъ все остальное, выдвинутое впередъ, на солнце, — ликовало точно въ великій всесвѣтный и всесвѣтлый праздникъ. Михайло Николаевичъ, съ кучей заклятыхъ крѣпостниковъ, тормозилъ изо всей мочи святое дѣло и кричалъ, что „никакого освобожденія не будетъ!“ [3]) Са-

---

[1]) Онъ былъ тогда министромъ государственныхъ имуществъ, предсѣдателемъ департамента удѣловъ и директоромъ межевого корпуса, и по всѣмъ должностямъ получалъ огромныя содержанія.

[2]) Сказано имъ въ Гроднѣ, гдѣ Муравьевъ былъ военнымъ губернаторомъ, вскорѣ послѣ взятія нами Варшавы въ 1831 году, когда онъ услыхалъ, что одинъ чиновникъ спрашивалъ у кого-то: „не слыхали-ли вы, не родня-ли нашъ новый губернаторъ Сергѣю Муравьеву, повѣшенному въ 1826 году?“

[3]) См. весьма любопытныя „Записки“, по предмету освобожденія крестьянъ въ Россіи, сенатора Я. А. Соловьева, въ февральской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1881 года, стр. 241—246. Слова: „никакого освобожденія не будетъ“ находятся на стр. 243. Н. В.

Свое упорное противодѣйствіе великому дѣлу освобожденія крестьянъ въ Россіи въ 1857—1861 гг., графъ М. Н. Муравьевъ старался косвенно объяснить въ 1866 году, во вступленіи къ своимъ Запискамъ. Вотъ эти строки:

„Въ концѣ 1861 г., по причинѣ совершенно разстроеннаго здоровья, я просилъ объ увольненіи меня отъ званія министра государственныхъ имуществъ; къ этому я былъ еще болѣе побуждаемъ тѣмъ направленіемъ, которое получали въ то время всѣ правительственныя дѣла, т. е. полное и совершенное распущеніе и ослабленіе всякой власти, развитіе демократическихъ началъ во всѣхъ сословіяхъ, которое было явно во всѣхъ комитетахъ и правительственныхъ совѣщаніяхъ, а въ особенности при составленіи Положенія объ освобожденіи крестьянъ, въ которомъ вводилось много такихъ началъ, которыя, если бы были приняты, то, конечно, произвели бы большіе въ государствѣ безпорядки и неустройства.

„Такимъ образомъ, тотчасъ послѣ изданія манифеста 19 февраля о пре-

мая наружность его носила на себѣ печать вполнѣ грубой, необузданной воли! И въ самомъ дѣлѣ, что за грубый, монгольскій типъ даже въ Россіи, гдѣ такъ много монгольскаго! Закройте мундиръ на карточкѣ Ермолова—выйдетъ левъ; сдѣлайте то же самое съ карточкой Муравьева—выйдетъ бульдогъ! Не потому-ли англійскій Times (никогда не помѣщающій никакихъ рисунковъ на своихъ страницахъ) помѣстилъ вдругъ нѣсколько усиленный портретъ М. Н. Муравьева, какъ что-то очень рѣдкое, незнакомое, забытое на Западѣ?

Какъ было не придти въ смущеніе лучшимъ людямъ Петербурга, стоявшимъ у трона, когда вдругъ пронеслась вѣсть, что этотъ затерявшійся гдѣ-то дѣятель опять отысканъ, опять призывается къ служебной дѣятельности! Съ другой стороны, эти люди чувствовали, что „такъ дѣла идти не могутъ, какъ шли они на Литвѣ и въ Царствѣ Польскомъ; что перемѣна должна послѣдо-

---

кращенія крѣпостнаго права, Государь настаивалъ, чтобы немедленно было передано въ общее, неустроенное еще, положеніе помѣщичьихъ крестьянъ все управленіе государственныхъ крестьянъ, не взирая на то, что не было еще никакого управленія помѣщичьими крестьянами и неизвѣстно было, чѣмъ окончится эта реформа.

„Я старался уговаривать Государя, чтобы выждать по крайней мѣрѣ годъ, пока увидятъ послѣдствія прекращенія крѣпостнаго права и устройство управленія мировыхъ учрежденій; но Государя старались увлечь къ исполненію идеи уничтоженія всякаго порядка управленія со введеніемъ демократическихъ началъ.

„Государю угодно было, чтобъ непремѣнно государственные крестьяне были переданы въ общее управленіе въ сентябрѣ 1861 г. Къ тому времени проэктъ Положенія былъ составленъ, но я еще разъ упрашивалъ Государя не увеличивать неустройства внутренняго управленія прибавленіемъ еще 9-ти милліоновъ государственныхъ крестьянъ и выждать нѣкоторое время, пока вполнѣ будутъ видимы послѣдствія реформы. Хотя Государь на это не согласился, но, повидимому, обстоятельства заставили его воздержаться исполненіемъ своего предположенія и дѣло не получило дальнѣйшаго направленія, (такъ какъ явилось предположеніе) составить новое положеніе, отдавая государственнымъ крестьянамъ въ собственность казенныя земли, по примѣру помѣщичьихъ. Это предположеніе встрѣтило много возраженій и дѣло осталось безъ исполненія до 1866 года.

„Между тѣмъ я оставилъ, въ исходѣ 1861 г., министерство и въ мартѣ 1862 г. отправился за границу для леченія“ (далѣе см. „Русскую Старину“ изд. 1882 г., т. XXXVI, ноябрь, стр. 389 и слѣдующія). Гр. М. Н. Муравьевъ.

вать неизбѣжно; что она произойдетъ сама собою, если за нее не ухватится правительство, какъ за единственное спасеніе въ настоящую минуту; что идущій теперь, т. е. въ 1863 г., въ разрѣзъ съ мыслями Государя, со всей русской интеллигенціей, если не сказать, со всѣми русскими массами,—есть ничто иное какъ измѣнникъ. Но вѣдь перемѣна можетъ быть устроена иначе, нежели придумано: пошлите въ Литву другаго графа Берга—вотъ и все! Для чего же тутъ отыскивать доктора, который вмѣсто того, чтобы отнять деликатнымъ скальпелемъ пораженный гангреною палецъ, возьметъ топоръ и отхватитъ по локоть цѣлую руку?"

. . . .

На это возражали другіе, той же партіи, только постарше, болѣе освоенные съ пребываніемъ господъ „Муравьевыхъ" въ разныхъ слояхъ русской администраціи: „обо всемъ этомъ можно толковать въ свободное для подобныхъ толковъ время, а теперь—надо дѣйствовать! Другаго Берга еще поди ищи, а этотъ, какой ни на есть, уже найденъ и притомъ—Государемъ. Его никто не рекомендовалъ!" [1]).

---

[1]) О рекомендаціи Н. П. Игнатьева, по совѣту Андрея Н. Муравьева (что нынѣ узнали изъ Записки послѣдняго въ декабрской книгѣ „Русской Старины" изд. 1882 г.), въ то время не было ничего извѣстно. Для самого Михаила Николаевича приглашеніе Государя занять должность генералъ-губернатора Сѣверо-Западныхъ губерній было совершенною неожиданностью. См. его Записки въ ноябрской книгѣ „Русской Старины" изд. 1882 г. стр. 395.

Н. В.

Мы имѣемъ другое свидѣтельство и оно исходитъ отъ М. П. Погодина, что ему и еще одному лицу, въ Эмсѣ, лѣтомъ въ 1875 г. (такъ кажется) Александръ Алексѣевичъ Зеленой передавалъ, что онъ первый подалъ мысль Государю, при одномъ изъ утреннихъ докладовъ,—пригласить М. Н. Муравьева на постъ генералъ-губернатора въ Вильно. Государь на первое заявленіе объ этомъ А. А. Зеленого ничего не отвѣчалъ. Зеленой перешелъ тогда къ обычному докладу дѣлъ по ввѣренному ему министерству. Когда докладъ кончился, Государь самъ заговорилъ о мысли своего министра и выразилъ опасеніе, что Муравьевъ откажется. Зеленой просилъ позволенія съѣздить къ нему и передать предложеніе Его Величества. Когда на то послѣдовало согласіе Государя, Зеленой прямо изъ дворца проѣхалъ къ своему патрону и другу Мих. Николаевичу Муравьеву. Замѣчательно, что тотъ былъ въ это время въ весьма

Разсужденія такого характера, осторожный, сдержанный ропотъ и споры скоро улеглись, но тѣмъ не менѣе достигли до Государя, съ разными дополненіями и измѣненіями, и произвели на Его Величество сильное впечатлѣніе. Когда Муравьевъ, черезъ два дни послѣ перваго свиданія съ императоромъ, именно 27-го апрѣля ст. ст. 1863 г., явился въ Зимній дворецъ и объявилъ, что „министры окончили возложенную на нихъ задачу",—онъ нашелъ въ Государѣ большую перемѣну—и сталъ просить о назначеніи въ Западный край кого-либо другаго; но Государь (въ которомъ всегда твердо держалась однажды принятая мысль) возразилъ:

— „Я высказалъ мои убѣжденія и не намѣренъ ихъ повторять!"

— Но министры вашего величества не раздѣляютъ этихъ убѣжденій, рѣшился замѣтить Муравьевъ.

— „Это не правда!" сказалъ Государь рѣзкимъ тономъ.

Тогда Муравьевъ всталъ и произнесъ: „ищите, ваше величество, другаго на мое мѣсто!"

Государь взялъ его за руку и просилъ извиненія въ неправильномъ выраженіи, которое вырвалось у него нечаянно.

— Неправды я не говорю,—сказалъ Муравьевъ: найдите другаго, кто бы сталъ вамъ говорить правду!

Государь вторично просилъ извинить его, обнялъ Муравьева и спросилъ: „и такъ я могу отдать въ приказахъ о вашемъ назначеніи?"

— Какъ и когда угодно вашему величеству!—отвѣчалъ Муравьевъ [1]).

раздраженномъ состояніи. Дѣло однако быстро уладилось и въ тотъ же день А. А. Зеленой, въ началѣ вечера, въ часъ необычный для доклада, явился къ Государю съ донесеніемъ. Назначеніе Муравьева въ Вильно немедля и состоялось. Ред.

[1]) См. „Русская Старина", изд. 1882 г., томъ XXXVI, ноябрь, стр. 397—398. За вѣрность этой сцены отвѣчаетъ самъ Муравьевъ, изъ печатныхъ Записокъ котораго мы беремъ эти подробности. Записки его, показывающія въ авторѣ небольшое знакомство съ литературными пріемами и чрезвычайное

1-го мая ст. ст. было отдано въ приказахъ о назначеніи Муравьева генералъ-губернаторомъ шести Сѣверо-Западныхъ губерній; однако, онъ оставался въ Петербургѣ еще одиннадцать дней, именно до 12 мая 1863 г., бесѣдуя почти ежедневно съ государемъ и совѣщаясь съ министрами.

Затѣмъ Муравьевъ уѣхалъ въ Вильну, со свитою изъ приглашенныхъ имъ чиновниковъ. Между ними, а равно и между приглашенными затѣмъ Муравьевымъ, въ особенности для службы по крестьянскимъ дѣламъ, были лица достойныя; но были и совершенные изверги. . . . .

II.

Въ ту пору ломки прежнихъ порядковъ, когда далеко не всѣ умѣли строго отдѣлить высокое отъ низкаго, грязное отъ чистаго; когда насъ смущала надвигавшаяся отъ Запада черная туча, которая, казалось, что ни часъ, становится чернѣе и чернѣе; когда разбирать со всею скрупулятностію ту или другую мѣру, предпринимаемую правительствомъ, не то отдѣльнымъ лицомъ, въ отвращеніе грозы; когда „что ни попъ могъ быть батькой“, лишь бы только не походилъ ни на Велепольскаго, ни на В. И. Назимова,—начало, тихо и робко, вырабатываться у насъ нѣчто похожее на общественное мнѣніе. Апатія, сонъ, равнодушіе ко всякимъ явленіямъ нашей русской жизни стали проходить; не диво было услышать тамъ и сямъ свободно-высказываемыя сужденія, громкіе голоса. Газеты съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе оживлялись, теряли тотъ безцвѣтный обликъ, который замѣчался въ нихъ не далѣе, какъ два года назадъ. Онѣ уже походили временами на европейскіе органы печати, заводили у себя корреспондентовъ въ Варшавѣ, въ Вильнѣ, Краковѣ и

пристрастіе къ себѣ, все-таки представляютъ весьма любопытный историческій матеріалъ, и не могутъ быть обойдены желающими составить себѣ понятіе о революціонномъ движеніи въ Царствѣ и Литвѣ, между 1861—1865 гг.
Н. Б.

Львовѣ, а равно и въ другихъ городахъ, гдѣ сосредоточивалась европейская жизнь и кипѣніе. Корреспонденты эти писали сплеча, горячо, кое-какъ, вообще показывали умѣнья и опытности не много, но... нужно было начать хоть такъ. „Московскія Вѣдомости" выдвинулись впередъ, имѣя хорошаго, образованнаго редактора, который разстался со своими польскими симпатіями, заперъ двери разнымъ повстанскимъ тузамъ, собиравшимся у него по пятницамъ—и первый привѣтствовалъ назначеніе Муравьева генералъ-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края. Все печатное, ради заявленія тѣхъ же патріотическихъ чувствъ, загудѣло и залилось на разные тоны, кто громче, кто тише, вторя центральному звону Бѣлокаменной, подобно тому, какъ откликается Замоскворѣчье и всѣ другія отдаленныя церкви, когда ударитъ въ Кремлѣ большой Успенскій колоколъ и подъ-конецъ уже становится не слыхать его всепотрясающаго, густаго, мѣднаго контрабаса.

Полетѣли въ Вильну иконы, письма, адресы. Митрополитъ Филаретъ упредилъ въ этомъ случаѣ многихъ, отправивъ къ Муравьеву извѣстное письмо [1]). Это былъ тоже, нѣкоторымъ образомъ, центральный колоколъ. Никто не способенъ такъ скоро забывать всякую дрянь въ человѣкѣ, оказавшемся вдругъ на что нибудь пригоднымъ, какъ забываютъ русскіе. У насъ это идетъ (вслѣдствіе особыхъ условій нашего мягкаго, неустойчиваго характера и нашихъ житейскихъ пріемовъ) всегда далѣе, чѣмъ слѣдуетъ: не только забываютъ все прошлое дряннаго человѣка, но и начинаютъ находить въ немъ то, чего нѣтъ и не можетъ быть; кадятъ, восторгаются, пересаливаютъ до-нельзя въ похвалахъ и нѣжностяхъ, даже унижаются, „падаютъ до ногъ".

То же самое случилось съ обществомъ и въ отношеніи къ Муравьеву: весьма некрасивое прошедшее его было мгновенно забыто. Тѣ же самые люди, которые недавно читали съ большимъ удовольствіемъ рѣзкій памфлетъ князя П. В. Долгору-

---

[1]) Письмо это и отвѣтъ на него Муравьева напечатаны въ ноябрской книгѣ „Русской Старины", изд. 1882 года. Н. В.

кова о служебныхъ похожденіяхъ Михаила Николаевича [1]), спѣшили теперь всячески заявить ему, другъ передъ дружкой, самое восторженное сочувствіе. Исторія всѣхъ этихъ увлеченій новымъ героемъ кончилась тѣмъ, что въ Вильнѣ, на Долгой улицѣ, явилась особая часовня Архистратига Михаила.

Легко понять, что при такомъ настроеніи русскихъ массъ и при могучей поддержкѣ высшей власти, новый генералъ-губернаторъ далеко не встрѣтилъ на своемъ пути тѣхъ препятствій, какихъ опасался въ Петербургѣ. Управлять ему ввѣреннымъ краемъ такъ, какъ онъ хотѣлъ, было не трудно: все, что онъ представлялъ къ утвержденію,—утверждалось; кого задумалъ смѣнить, тотъ летѣлъ, что называется, кувыркомъ. Требовалъ денегъ, деньги отпускались министерствомъ финансовъ ту-же минуту. Враги и недоброжелатели, точнѣе сказать: люди характерные, которые никогда не измѣнялись къ Муравьеву въ своихъ чувствахъ и знали хорошо, что это за человѣкъ,—поневолѣ притихли и попрятались. Онъ дѣйствовалъ свободно.

Приговоры подписывались за приговорами, одни другихъ суровѣе. Если начальникъ штаба, при докладѣ, старался иной разъ, вслѣдствіе разныхъ соображеній, смягчить рѣшеніе,—Муравьевъ вырывалъ у него изъ рукъ бумагу и быстро подписывалъ. Слова: повѣсить, разстрѣлять выходили у него всегда разборчивѣе другихъ, какъ будто бы писались съ особенною любовью [2]).

Родись Муравьевъ въ Европѣ, или хоть и у насъ, но при другихъ условіяхъ,—изъ него могъ бы выработаться рѣдкій политическій боецъ, замѣчательный государственный мужъ. Природа дала ему все, чтобы выдвинуться изъ толпы: голову крѣпкую и

---

[1]) Біографическій очеркъ князя П. В. Долгорукова, въ №№ 13, 14 и 15 „Будущности", 1861 года. Черезъ два года потомъ, именно въ 1863 г., было напечатано то же самое по французски, въ изданіи того же лица „Le Veridique", № 5, стр. 190—241. Наконецъ, въ 1864 г., вышла въ Лондонѣ отдѣльная брошюра, по русски, подъ заглавіемъ: „Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ", въ 16 д. 62 стр.

[2]) Сообщено автору самимъ начальникомъ штаба Муравьева. Онъ сказывалъ при этомъ, что если Муравьевъ сердился, то губы его тряслись и круглые тигровые глаза наливались кровью. Но кричалъ онъ мало и рѣдко.

Н. В.

свѣтлую, взглядъ быстрый и сообразительный, здоровье самое неслыханное. Онъ могъ работать съ ранняго утра до поздней ночи, не зная утомленія. Докладчики разныхъ бумагъ находили его, во всѣ минуты, однимъ и тѣмъ же: свѣжимъ, бодрымъ, выслушивающимъ все съ одинакимъ вниманіемъ, отвѣчающимъ мгновенно на всѣ вопросы, нисколько не задумываясь и бо̀льшею частію впопадъ. Обѣденное время, обыкновенно измѣняющее всѣхъ, осаживающее самые могучіе организмы и какъ бы усыпляющее въ насъ всякія способности,—на Муравьева не дѣйствовало нисколько: онъ и послѣ обѣда работалъ съ тою же энергіей и бодростію, какъ и до обѣда. И всѣ эти рѣдкія способности, умственная и физическая крѣпость и здоровье подавлялись массой дикихъ свойствъ и самыхъ грубыхъ наклонностей. Замѣтьте: о чемъ Муравьевъ, по свидѣтельству очевидца ген.-лейт. П. П. Карцова,—говоритъ за обѣдомъ съ графомъ Ѳ. Ѳ. Бергомъ, въ первый и послѣдній разъ къ нему заѣхавшимъ: о казняхъ, о сожженіи монастырей! „Пановъ поубралъ; молодыхъ охотниковъ до политическихъ проповѣдей повывелъ“. А къ старому епископу пишетъ: „сиди въ Сейнахъ, пока цѣлъ!“ Гостю совѣтуетъ: „если человѣкъ стòитъ веревки, то и вздернуть его поскорѣй!“ [1])—И не чувствуетъ, какъ это все безтактно и грубо!..: А можетъ онъ думалъ, что такіе разговоры, какъ для него, составляютъ для гостей лучшую, пикантную приправу къ подаваемымъ кушаньямъ!...

Все въ Литвѣ затрещало изъ конца въ конецъ. Многія банды разсѣялись сами собою; другія перешли въ Царство [2]). Начальники нашихъ отрядовъ въ Литвѣ сдѣлались вдвое энергичнѣе и совершенно измѣнили систему дѣйствій, послѣ того какъ Муравьевъ объявилъ, въ одномъ изъ первыхъ своихъ приказовъ по войскамъ, что онъ „Кавказа“ устраивать у себя не позволитъ [3]). Нашлись между прочимъ и такіе, которые систему разрушенія простерли до размѣровъ и формъ, незнакомыхъ въ Европѣ. Къ такимъ принадлежатъ въ особенности генералы Манюкинъ и

---

[1]) Февральская книга „Русской Старины“ изд. 1883 года, стр. 320.

[2]) Гиллеръ говоритъ, что „всеобщее стремленіе бандъ изъ Литвы въ Царство началось въ іюнѣ мѣсяцѣ 1863 г.“ (I, 206), т. е. однимъ мѣсяцемъ позже прибытія Муравьева въ Вильну.

[3]) Намекъ на способъ дѣйствій отрядныхъ начальниковъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Царства Польскаго и частію въ Литвѣ. Н. В.

Баклановъ [1]). Они прибавляли къ свирѣпостямъ свирѣпости, наводили Муравьева на мысли, къ которымъ-бы онъ, можетъ быть, никогда не пришелъ. Къ числу мѣръ, напоминающихъ доктора, который рѣжетъ руку или ногу, когда довольно отрѣзать палецъ, принадлежитъ, между прочимъ, сожженіе двухъ деревень и ссылка ихъ жителей въ отдаленныя мѣста Сибири и Россіи, всѣхъ до одного, съ женщинами и дѣтьми [2]). Кто будетъ отвѣчать за такія безсмысленныя варварства? По поводу нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ лѣсу по русскимъ отрядамъ, вырублены лѣса на 50 сажень, по обѣимъ сторонамъ всѣхъ дорогъ, а срубленныя деревья отданы крестьянамъ, ихъ рубившимъ. Сколько погублено такимъ образомъ отличнаго, вѣками береженнаго лѣсу,

---

[1]) См. „Записки Я. П. Бакланова" въ „Русской Старинѣ" изд. 1871 г., томъ III, стр. 1—15. Томъ IV, стр. 154—161. Манюкинъ былъ послѣ отправленъ въ Царство Польское.

[2]) Можетъ быть сожжено и болѣе, но намъ извѣстно только два случая: сожженіе въ августѣ 1863 года деревни Яворовки, Гродненской губерніи, Бѣлостоцкаго уѣзда, отрядомъ полковника Мантейфеля, и, въ октябрѣ того-же года, дер. Ибяны, въ Ковенской губерніи, отрядомъ сына Муравьева, тогдашняго Ковенскаго губернатора. Подробностей объ этомъ послѣднемъ сожженіи мы не имѣемъ. Сожженіе Яворовки произошло при слѣдующей обстановкѣ:

„5 августа ст. ст. 1863, полковникъ Николай Максимовичъ Цёге-фонъ-Мантейфель, (нынѣ генералъ-лейтенантъ и начальникъ дивизіи), стоявшій съ отрядомъ въ Бѣлостокѣ, получилъ отъ Муравьева телеграфическую депешу такого содержанія: „съ полученія сего деревню Яворовку, въ 12 верстахъ отъ Бѣлостока, сжечь; мѣсто, гдѣ она стояла, вспахать, а жителей увесть въ Бѣлостокъ, впредь до дальнѣйшаго о нихъ распоряженія".

«6 августа, взявъ три роты Новоингерманландскаго пѣх. полка и двѣ сотни казаковъ, полковникъ Мантейфель отправился въ Яворовку и 7-го, на зарѣ, былъ уже на мѣстѣ. Спящую деревню окружили войсками, но жители скоро услыхали не такъ-знакомый для нихъ шумъ и бряканье оружія, стали выходить изъ строеній и со страхомъ спрашивали: „что такое хотятъ съ ними дѣлать?" Имъ объявлена была воля начальника края и вмѣстѣ съ тѣмъ приказано выносить въ поле всякое имущество. Поднялся крикъ и плачъ. Въ иныхъ избахъ оказались больные. Было даже нѣсколько женщинъ, только-что разрѣшившихся отъ бремени или на сносяхъ. Ихъ велѣно положить поскорѣе въ телѣги и окружить возможнымъ вниманіемъ. Когда начальникъ отряда убѣдился, что никого и ничего въ строеніяхъ не осталось, онъ приказалъ казакамъ поджечь ихъ спичками, одновременно съ нѣсколькихъ сторонъ. Пламя быстро охватило всю деревню. Послѣ чего отрядъ тронулся къ Бѣлостоку. Относительно распашки земли не сдѣлано никакого распоряженія, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія средствъ. Жители помѣщены на одной изъ площадей Бѣлостока, а потомъ сосланы въ Сибирь, на границы Туркестанской области".

Н. В.

погублено безтолково, несправедливо—даже прямо въ ущербъ нашимъ правительственнымъ интересамъ!..

Если счесть всѣхъ казненныхъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ за время управленія Муравьева, придется одинъ человѣкъ на три дня [1]). Казнили представителей всевозможныхъ сословій: помѣщиковъ, студентовъ, чиновниковъ, духовныхъ особъ, мѣщанъ и хлоповъ. Никакія заступничества, просьбы за кого-либо, вымаливанія прощеній были невозможны. Всего одинъ разъ пріѣхалъ къ Муравьеву просить за ксендза Станислава Ишору, викарія залудзскаго костела въ Лидскомъ уѣздѣ, приговореннаго къ разстрѣлянію за оглашеніе манифеста жонда народоваго, отъ 22-го января 1863 г., Виленскій епископъ Іосифъ Сѣмашко, преданный правительству и уважаемый самимъ Муравьевымъ [2]). Муравьевъ отвѣчалъ ему рѣзкимъ тономъ, что „никакихъ послабленій попамъ—въ особенности попамъ!—не будетъ. Они, по самому своему званію, должны быть образцомъ христіанскаго смиренія, а они-то и бунтуютъ! Никакой пощады, никакого снисхожденія!"— заключилъ онъ, еще возвысивъ голосъ.

— Не кричите, Михайло Николаевичъ, я никого не боюсь, кромѣ Единаго, тамъ живущаго! [3])

Муравьевъ нѣсколько утихъ и сказалъ, немного погодя, уже другимъ тономъ: „Я прожилъ слишкомъ 60 лѣтъ, но никогда не видалъ тамъ живущаго: ты-то видѣлъ что-ли?"

---

[1]) Та же самая пропорція, что казненныхъ при Эмиръ-Беширѣ въ Ливанскихъ горахъ, между 1830—1840 гг. Эмиръ-Беширъ былъ потомъ сосланъ турецкимъ султаномъ, Абдулъ Меджидомъ въ Бруссу. При Паскевичѣ за все время управленія его Царствомъ Польскимъ, казнено всего наже 20 человѣкъ.

[2]) Муравьевъ отзывается о немъ въ своихъ Запискахъ съ самой лучшей стороны. См. декабрскую книгу „Русской Старины" изд. 1882 г., стр. 630—632.

[3]) Слова Гермогена Гонсевскому, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1612 года, по тексту Карамзина. (Исторія государства россійскаго, изданіе Смирдина, 1853. т. XII, стр. 305). Въ Никоновской лѣтописи, стр. 161: „онъ-же рѣче имъ что де мнѣ вы угроживаете? Единаго де я Бога боюся!"

Епископъ Сѣмашко скончался 28 ноября ст. ст. 1868 года. Статьи объ немъ: въ № 326. „С.-Петербургскихъ вѣдомостей" и въ № 255 „Московскихъ вѣдомостей", 1868. Кромѣ того, въ ноябрской книгѣ „Русской Старины" изд. 1882 г. См. также въ изд. ‚Слова и Рѣчи" гр. Д. А. Толстого, С.-Петербургъ 1876, стр. 65—135. Н. В.

— Когда разговоръ принимаетъ такое направленіе, я долженъ умолкнуть!—сказалъ Сѣмашко, взялъ шляпу и уѣхалъ.

Ксендзъ Ишора былъ разстрѣлянъ [1]).

Разсвирѣпѣвшее литовское отдѣленіе жонда народоваго искало, разумѣется, всевозможныхъ способовъ избавиться отъ Муравьева путемъ терро́ра. Голова его была оцѣнена въ 25,000 рублей.

Муравьевъ узналъ объ этомъ и сказалъ: „немного погодя больше дадутъ!“

Н. В. Бергъ.

VI.

Муравьевы.

Подробная генеалогія этой старинной, съ XV-го вѣка, русской дворянской фамиліи напечатана въ почтенномъ трудѣ князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, изданномъ редакціей „Русской Старины“: „Русская Родословная книга“, 1873 г., томъ I, стр. 104—111 и 375 [2]). Изъ нея, между прочимъ, видно, что родоначальникомъ фамиліи Муравьевыхъ былъ Василій Алаповскій—сынъ боярскій въ в. княж. Рязанскомъ въ концѣ XV-го вѣка. У него было три сына: Осипъ—по прозванію пуща, отъ него пошли Пущины; Иванъ—по прозванію муравей, и Іовъ, отъ коего пошелъ угасшій родъ Алаповскихъ. Иванъ Муравей имѣлъ четырехъ сыновей: 1) отъ Григорія, по прозвищу мордвинъ, пошла старшая вѣтвь Муравьевыхъ; 2) отъ Ивана—сморчокъ—пошла вторая вѣтвь; 3) отъ Михаила—пошли третья, четвертая и пятая вѣтви; 4) отъ младшаго Елизарія, по прозвищу русинъ, пошла шестая младшая вѣтвь. Второй сынъ Михаила—Максимъ, по прозвищу звѣрь, имѣлъ сына Өедора и трехъ внуковъ; отъ старшаго Өеоктиста—пошла третья вѣтвь, произведшая графа Михаила Николаевича Муравьева. Восемь лицъ изъ Муравьевыхъ были декабристы: Никита и Александръ Михайловичи, умершіе въ Сибири (сыновья знаменитаго по уму и высокимъ нравственнымъ качествамъ Мих. Никитича, попечителя Московскаго университета). Матвѣй Ив. Муравьевъ-Апостолъ, почти девяностолѣтній старецъ, живущій въ Москвѣ; братъ его Сергѣй повѣшенъ 13 іюля 1826 г.; братъ Ипполитъ—убитъ 9 янв. 1826 г., во время мятежа на югѣ Черниговскаго полка; Артамонъ Захаровичъ Муравьевъ, декабристъ, умеръ въ Сибири. Всѣ эти декабристы, а равно Александръ и Михаилъ Николаевичи Муравьевы—также декабристы—доводились между собой внучатными братьями.

---

[1]) 22 мая ст. ст. 1863 г., въ 9 часовъ утра, „на Лукишкахъ“, въ Вильнѣ. Разсказъ начальника штаба Муравьева. Н. В.

[2]) Книга эта, въ двухъ томахъ, разошлась вся до послѣдняго экземпляра.

Дѣдъ графа Мих. Николаевича (Виленскаго)—былъ Николай Ерофѣевичъ, одинъ изъ лучшихъ инженеровъ времени Екатерины II, уволенъ въ отставку съ чиномъ генералъ-аншефа, † 1770 г. Сынъ его генер.-маіоръ Николай Николаевичъ основатель школы колонновожатыхъ—перваго по времени разсадника въ Россіи офицеровъ генеральнаго штаба. У него было пять сыновей: Александръ—декабристъ, сосланъ въ Сибирь, затѣмъ полицмейстеръ въ Иркутскѣ, генер.-лейтенантъ, умеръ въ 1863 г. сенаторомъ. Это былъ добрѣйшій человѣкъ и пылкій сторонникъ Императора Александра II въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, занималъ въ ту эпоху постъ губернатора въ Нижнемъ-Новгородѣ. Николай Николаевичъ (Карскій), генер. отъ инфантеріи, род. 1793 г. ум. 23 октября 1866 г. Графъ (съ 17 апр. 1865 г.) Михаилъ Николаевичъ (Виленскій) род. въ 1796 г. Андрей Николаевичъ—извѣстный своими сочиненіями въ области духовной литературы и Сергѣй Николаевичъ—простой обыватель с.-петербургскій,—всѣ они уже умерли.

Михаилъ Николаевичъ род. въ 1796 г.; въ 1813 г. былъ офицеромъ на войнѣ; затѣмъ преподаватель математики въ школѣ колонновожатыхъ; женился на Пелагеѣ Вас. Шереметевой, родная сестра которой была за декабристомъ Ив. Дмитр. Якушкинымъ—однимъ изъ главныхъ членовъ тайнаго общества. Увлеченный въ 1820-хъ годахъ потокомъ либеральныхъ идей, Мих. Николаевичъ вошелъ въ члены тайнаго общества; по арестованіи заговорщиковъ былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость; успѣлъ оправдаться, освобожденъ и вскорѣ съ чиномъ статскаго совѣтника занимаетъ постъ вице-губернатора. Въ 1831 г. — губернаторъ въ Гродно въ чинѣ ген.-маіора; въ 1832 г.—военный губернаторъ въ Минскѣ, произведенъ по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ въ генер.-лейтенанты; но за то, что поспѣшилъ надѣть генер.-лейтенантскіе эполеты до объявленія о производствѣ въ Высочайшемъ приказѣ—подвергся немилости. Производство въ чинъ было отмѣнено. Отправленъ въ Курскъ — губернаторомъ, гдѣ оставилъ надолго память суровымъ взиманіемъ съ крестьянъ недоимокъ. Министръ финансовъ Канкринъ былъ женатъ на сестрѣ Муравьева и взялъ его къ себѣ въ директоры департамента податей и сборовъ. Въ 1842 г. Мих. Ник. сдѣланъ сенаторомъ съ чиномъ тайнаго совѣтника; затѣмъ назначенъ директоромъ межеваго корпуса; 1 янв. 1850 г.—членомъ госуд. совѣта; въ нояб. 1856 г. предсѣдателемъ департамента удѣловъ; съ апрѣля 1857 г. по 1861 г. былъ министромъ госуд. имуществъ; съ апрѣля 1863 г. по апрѣль 1865 г. генералъ-губернаторъ Виленскій; въ апрѣлѣ 1866 г. назначенъ предсѣдателемъ верховной коммисіи по дѣлу Каракозова. Умеръ 31-го августа 1866 г. Жена его Пелагея Вас. Шереметева † 29 марта 1871 года.

МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТСКІЙ БЛАГОРОДНЫЙ ПАНСІОНЪ.

По поводу юбилея В. А. Жуковскаго.

1783—1883.

Празднованіе столѣтняго юбилея Жуковскаго 30-го января 1883 года напомнило намъ, что ровно черезъ два мѣсяца послѣ этого дня исполняется сто лѣтъ со времени основанія учебнаго заведенія, въ которомъ знаменитый поэтъ воспитывался и гдѣ впервые почувствовалась „его стиховъ плѣнительная сладость" [1]). Мы говоримъ о Московскомъ благородномъ пансіонѣ, называвшемся, впослѣдствіи, дворянскимъ институтомъ, который въ свою очередь преобразованъ въ концѣ 1840-хъ годовъ въ 4-ю московскую гимназію. Прослѣдимъ судьбы этого учебнаго заведенія.

Въ началѣ 1780-хъ годовъ одинъ изъ кураторовъ московскаго университета [2]), Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ, при-

---

[1]) Жуковскимъ во время пребыванія въ пансіонѣ (1797—1800 гг.) написаны стихотворенія: „Благоденствіе Россіи", „Добродѣтель", „Майское утро", „М. М. Хераскову", „Могущество и слава Россіи", „Къ Тибуллу", „Миръ" и „Митрополиту Платону". (Сочиненія В. А. Жуковскаго, изд. П. А. Ефремова, т. I).

[2]) Тогда существовало одновременно три куратора: 1) Иванъ Ивановичъ Шуваловъ (род. 1727 г., ум. 1797), основатель московскаго университета, любимецъ императрицы Елисаветы Петровны, постоянно находившійся при ея особѣ и рѣдко посѣщавшій Москву: 2) Иванъ Ивановичъ Мелиссино (р. 1718 г., ум. 1795)—основатель „Московскихъ Вѣдомостей" и 3) Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ (р. 1733 ум. 1807), извѣстный писатель и мистикъ, покровитель Новикова и членъ „Дружескаго Общества"; онъ былъ пасынокъ генералъ-прокурора и фельдмаршала князя Никиты Юрьевича Трубецкаго.

зналъ полезнымъ изъ числа воспитанниковъ университетской гимназіи выдѣлить лицъ дворянскаго происхожденія и помѣстить ихъ отдѣльно отъ прочихъ. Съ этою цѣлію купленъ былъ смежный съ зданіемъ университета домъ и 31 марта 1783 года въ него переведены на жительство помянутые воспитанники-дворяне. (Сушковъ — „Московскій университетскій благородный пансіонъ“ стр. 5 и 6). Въ первые годы своего существованія интернатъ этотъ назывался безразлично то вольнымъ пансіономъ при университетѣ, то университетскимъ благороднымъ пансіономъ. Послѣднее названіе усвоено за нимъ окончательно въ 1791 году, съ переводомъ воспитанниковъ въ подаренный для нихъ императрицею Екатериною II обширный домъ на Тверской улицѣ, между Долгоруковскимъ и Газетнымъ переулками; при чемъ самому пансіону предоставлено было самостоятельное существованіе, съ правомъ давать оканчивающимъ въ немъ курсъ чины 10-го, 12-го и 14-го классовъ. Въ исходатайствованіи, по просьбѣ Мелиссино, этихъ правъ, а равно и въ предстательствѣ передъ императрицею о пожалованіи дома. принималъ горячее участіе тогдашній главнокомандующій Москвы. знаменитый П. Д. Еропкинъ (р. 1726, ум. 1805). Родной братъ правителя его канцеляріи, Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ Антонскій, преподававшій въ пансіонѣ естественную исторію. назначенъ тогда же начальникомъ этого заведенія и оставался въ этой должности непрерывно въ теченіи 33-хъ лѣтъ. Это было самое блестящее время Московскаго благороднаго пансіона. По свидѣтельству С. П. Шевырева (Біогр. сл. проф. М. Универс. стр. 34) Антонскій, воспитывавшійся сперва въ кіевской бурсѣ. а потомъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ товарищами его были студенты Матвѣй Десницкій и Стефанъ Глаголевскій—впослѣдствіи митрополиты Михаилъ и Серафимъ,—обладалъ драгоцѣнными въ педагогѣ качествами: „онъ имѣлъ даръ отгадывать способности, даръ Божій въ педагогѣ, даръ, который былъ причиною, что онъ умѣлъ находить людей въ университетѣ и развивать способности въ пансіонѣ. Умъ его былъ практическій, чуждый отвлеченныхъ теорій. устремлявшій его болѣе къ дѣлу жизни, умъ хозяйственный, распорядительный, умъ педагога и земледѣльца. Волю онъ имѣлъ твердую, непреклонную, которую прежде всего упражнялъ на самомъ себѣ и на своей собственной жизни“. О питомцахъ сво-

ихъ онъ заботился съ отческою нѣжностію и за судьбою ихъ любовно слѣдилъ и по оставленіи ими пансіона: по мѣрѣ того, какъ нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣтали извѣстность, онъ собственноручно заносилъ ихъ имена на три памятные листка; въ одномъ записывалъ ученыхъ, писателей, замѣчательныхъ сельскихъ хозяевъ, въ другомъ — отличившихся на военномъ поприщѣ, въ третьемъ—преуспѣвшихъ въ государственной службѣ. Листки эти напечатаны у Сушкова. Не многіе, очень не многіе изъ питомцевъ Антонскаго еще здравствуютъ; въ числѣ ихъ можемъ назвать теперешняго члена государственнаго совѣта Владиміра Павловича Титова, окончившаго курсъ въ 1823 году, одновременно съ С. П. Шевыревымъ и вмѣстѣ съ нимъ записаннаго на такъ называемую золотую доску, учрежденную для того, чтобы въ памяти воспитанниковъ послѣдующихъ поколѣній сохранять имена отличнѣйшихъ изъ ихъ предшественниковъ.

Антонскій скончался отъ холеры, 90-лѣтнимъ старцемъ, 6 іюля 1848 г., но уже съ 1824 года онъ не былъ директоромъ пансіона. Должность эту послѣ него занимали сперва П. А. Курбатовъ,—а потомъ И. А. Старынкевичъ. Въ директорство сего послѣдняго, въ 1833 году, университетскій благородный пансіонъ переименованъ въ московскій дворянскій институтъ, открытый для однихъ потомственныхъ дворянъ, но съ гимназическою программою ученія и съ гимназическими правами; однакожъ воспитанники, поступившіе до этого распоряженія въ благородный пансіонъ, продолжали пользоваться правами, присвоенными этому послѣднему заведенію; собственно для нихъ учрежденъ былъ дополнительный 8-й классъ, въ которомъ преподавались нѣкоторые университетскіе предметы, и форму одежды они имѣли отличную отъ институтской,—они носили треугольныя шляпы и шпаги. Въ числѣ этихъ оставшихся отъ благороднаго пансіона институтскихъ воспитанниковъ, сколько помнимъ, находились Д. А. Милютинъ (графъ) и братъ его Николай Алексѣевичъ, столь извѣстный своими заслугами дѣлу освобожденія крестьянъ, В. А. Татариновъ, впослѣдствіи государственный контролеръ, И. П. Арапетовъ, Н. И. Свѣчинъ—управлявшій дѣлами IV отдѣленія собственной е. и. в. канцеляріи, П. А. Мартыновъ, нынѣ дѣйствительный тайный совѣтникъ и членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, П. Жемчужниковъ и недавно скончавшійся М. Н. Хозиковъ.

Не долго впрочемъ просуществовалъ дворянскій институтъ. Въ 1839 году проданъ въ частныя руки пожалованный Екатериною II домъ на Тверской, отъ котораго, такъ сказать, вѣяло преданіями благороднаго пансіона и въ замѣнъ его купленъ извѣстный Пашковскій домъ на углу Моховой и Знаменки (гдѣ теперь Румянцовскій музей), куда воспитанники и переведены въ сентябрѣ того-же 1839 года. Наконецъ, почти черезъ десять лѣтъ послѣ того, дворянскій институтъ преобразованъ окончательно въ 4-ю московскую гимназію, открытую, на основаніи общаго гимназическаго устава, учащимся изъ всѣхъ сословій.

Изъ сказаннаго выше видно, что это заведеніе, подъ разными наименованіями и съ различными правами, существуетъ какъ училище непрерывно въ теченіе ста лѣтъ и 31 марта 1883-го года имѣло-бы основаніе праздновать столѣтній юбилей своего существованія. „Въ исторіи училищъ, въ памяти ихъ преданій,— говоритъ Шевыревъ, — заключается та нравственная основа, на которой должна утверждаться самобытность учебнаго заведенія".

Обращаясь собственно къ московскому университетскому пансіону, должно замѣтить, что онъ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ и благоустроенныхъ въ Россіи учебныхъ заведеній. Я. К. Гротъ, въ прекрасной рѣчи своей на юбилеѣ Жуковскаго, упомянулъ, что пансіонъ, гдѣ воспитывался Жуковскій, послужилъ типомъ при устройствѣ царскосельскаго лицея, гдѣ учился Пушкинъ. Къ этому замѣчанію высокоуважаемаго академика можно прибавить, что названныя два заведенія имѣли много общаго въ духѣ и направленіи своихъ питомцевъ, можетъ быть, потому, что это были интернаты, доступные исключительно для дворянъ, пользовавшихся, въ большинствѣ, обезпеченными матеріальными средствами. И царскосельскій лицей, и московскій благородный пансіонъ, какъ-бы подъ наитіемъ генія двухъ славныхъ поэтовъ-друзей, усвоивали учащимся въ нихъ изящный вкусъ и любовь къ литературнымъ занятіямъ. Покойный М. Н. Лонгиновъ, превосходно и во всѣхъ подробностяхъ знавшій исторію русской литературы съ половины прошлаго столѣтія до нашихъ дней, насчитывалъ между тѣми только воспитанниками, имена которыхъ остались на золотой доскѣ Московъ. универс. пансіона, около двадцати лицъ, оказавшихъ, въ бо́льшей или меньшей степени, заслуги литературѣ и наукѣ, преимущественно исторической. Не менѣе почтенныхъ

литературныхъ именъ въ средѣ своихъ питомцевъ можетъ указать и лицей за время нахожденія своего въ Царскомъ Селѣ. Была еще одна черта общенія между двумя названными заведеніями, но она относилась уже ко времени дворянскаго института: по повелѣнію императора Николая, не задолго передъ тѣмъ посѣтившаго институтъ, двое отличнѣйшихъ учениковъ этого заведенія переводились ежегодно въ лицей для воспитанія на казенный счетъ. Къ числу ихъ принадлежали нынѣшній президентъ академіи наукъ и министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, академикъ В. П. Безобразовъ и нашъ знаменитый сатирикъ Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ (Щедринъ).

Не на одномъ только литературномъ поприщѣ оставили по себѣ слѣдъ питомцы московскаго университетскаго пансіона.

И въ области научныхъ изслѣдованій, и на всѣхъ чредахъ государственнаго служенія блистаютъ ихъ имена. Приведемъ изъ нихъ нѣкоторыя: В. А. Жуковскій—слава и гордость заведенія; Д. В. Дашковъ—министръ юстиціи; А. С. Норовъ—министръ народнаго просвѣщенія; А. И. Тургеневъ—извѣстный общественный дѣятель, другъ Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, кн. П. А. Вяземскаго; братъ его—Ник. Ив. Тургеневъ; князь А. А. Шаховской—авторъ остроумныхъ комедій, знатокъ драматическаго дѣла; Ѳ. И. Прянишниковъ—главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ; П. С. Кайсаровъ — одинъ изъ генераловъ отечественной войны 1812 года; М. А. Офросимовъ—бывшій московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ; сенаторъ С. П. Жихаревъ, авторъ „Дневника Студента“, „Дневника Чиновника“ и знатокъ театра; П. М. Строевъ—ученый археологъ, изслѣдователь отечественной старины; А. Ѳ. Вельтманъ, кн. В. Ѳ. Одоевскій и М. А. Дмитріевъ—извѣстные писатели; Ѳ. И. Тютчевъ—нашъ высокоталантливый поэтъ; А. И. Писаревъ—одинъ изъ остроумнѣйшихъ сценическихъ авторовъ; С. П. Шевыревъ—профессоръ и академикъ; Аркадій Родзянко и Дмитрій Ознобишинъ—поэты; А. Ѳ. Воейковъ—авторъ „Дома сумашедшихъ“, А. И. Войцеховичъ—членъ государственнаго совѣта; упомянутые выше — В. П. Титовъ — предсѣдатель археографической комиссіи и членъ государственнаго совѣта; графъ Д. А. Милютинъ, бывшій военный министръ, и братъ его Николай Алексѣевичъ Милютинъ, статсъ-секретарь и членъ государственнаго совѣта; В. А. Татариновъ—государственный контролеръ;

М. Е. Салтыковъ—славный писатель нашъ, и многіе другіе, перечисленіе которыхъ вывело-бы насъ за предѣлы краткаго очерка. Справедливость требуетъ прибавить къ нимъ еще имена трехъ воспитанниковъ дворянскаго института, которые, по окончаніи въ немъ ученія первыми въ своихъ выпускахъ, поступили въ московскій университетъ и вышли изъ него со степенью кандидата. Это сенаторъ Н. В. Калачовъ—ученый юристъ, бывшій профессоръ, учредитель археологическаго института; покойный профессоръ П. М. Леонтьевъ—одинъ изъ основателей и директоръ лицея цесаревича Николая и теперешній посолъ нашъ въ Лондонѣ—баронъ А. П. Моренгеймъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о домѣ, пожалованномъ въ 1791 году императрицею Екатериною II—Благородному пансіону. Главный корпусъ его выходилъ на пансіонскій дворъ; перпендикулярно къ нему построены были три корпуса: два по протяженію Газетнаго и Долгоруковскаго переулковъ и въ равномъ отъ нихъ разстояніи третій средній, упиравшійся въ ту часть дома, фасадомъ на Тверскую, которая назначена была для помѣщенія директора и инспектора. Такимъ образомъ зданіе, въ своемъ цѣломъ, имѣло форму буквы Е, вѣроятно данную въ память Екатерины II, во время приспособленія дома подъ помѣщеніе пансіона. Корпусы по Долгоруковскому и Газетному переулкамъ оканчивались круглыми залами подъ куполами: въ одномъ изъ нихъ находилась библіотека и физическій кабинетъ, въ другомъ, со стороны Газетнаго переулка,—церковь [1])... Когда домъ былъ проданъ въ 1839 г., многіе старые пансіонскіе питомцы крайне этимъ огорчились, потому что съ этимъ домомъ связаны были самыя дорогія для нихъ воспоминанія. Одинъ изъ нихъ, М. А. Дмитріевъ, написалъ даже по этому поводу стихотвореніе, подъ заглавіемъ „Проданный домъ". Н. П. Барсуковъ, въ своемъ прекрасномъ предисловіи къ исполненнымъ интереса объясненіямъ на переписку М. П. Погодина съ С. П. Шевыре-

[1]) Въ этой церкви долгое время былъ настоятелемъ законоучитель института магистръ Іоаннъ Николаевичъ Рождественскій—донынѣ здравствующій въ маститой, но бодрой еще старости. Онъ пользуется въ Москвѣ общимъ уваженіемъ; священствуетъ въ церкви черниговскихъ чудотворцевъ,—что за Москвою рѣкою, и состоитъ предсѣдателемъ общества любителей духовнаго просвѣщенія.

вымъ, напечатаннымъ въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1882-й годъ, привелъ выдержку изъ помянутаго стихотворенія. Въ ней поэтъ скорбитъ, что „разсадникъ добра, мысли и просвѣщенія“ можетъ быть оскверненъ явленіями, совершенно противуположнаго характера. Быть можетъ, говоритъ онъ,

Здѣсь роскошь нѣкогда разложитъ,
Прельщая очи, свой товаръ;
За деньги зрѣлище, быть можетъ,
Раздуетъ сладострастный жаръ;
Иль будетъ тамъ вертепъ веселья,
Куда обжорство заманитъ
И гдѣ народное похмѣлье
Въ разгульныхъ пѣсняхъ загремитъ.

Горькія опасенія покойнаго Дмитріева сбылись: въ этомъ домѣ, принадлежащемъ, кажется, г. Шаблыкину, помѣщаются не только торговыя и съѣстныя заведенія и номера для пріѣзжающихъ и приходящихъ, но даже въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была церковь, гдѣ приносилась безкровная жертва Богу, гдѣ слушались поученія слову Божію и добрымъ нравамъ—тамъ производится теперь продажа спиртныхъ напитковъ распивочно и на выносъ.

* * *

1-го февраля 1883 г.
Спб.

Д. А. Милютинъ въ 1863—1864 гг.

(Письмо къ ред. „Русской Старины").

М. г.! Какъ въ прошломъ 1882-мъ, такъ и въ 1883 мъ году, на страницахъ издаваемаго вами прекраснаго журнала, печатаются весьма интересныя статьи о польской смутѣ 1862—1864 годовъ. Въ этихъ статьяхъ читателю ясно представляются заслуги нѣкоторыхъ и вредныя русскому дѣлу колебанія другихъ правительственныхъ лицъ того времени. Но что меня поразило болѣе всего, при чтеніи этихъ статей и записокъ, это какъ-бы игнорированіе огромныхъ заслугъ гр. Д. А. Милютина въ смутную эпоху 1863 года. Только М. Н. Муравьевъ вскользь говоритъ о проявленномъ военнымъ министромъ сочувствіи къ его дѣятельности.

Всѣмъ памятна наша дипломатическая переписка съ Австріей, Англіей и Франціей въ то время. Думаю, не забыто еще тяжелое чувство всякаго русскаго при чтеніи тѣхъ уклончивыхъ и какъ-бы оправдывающихся отвѣтовъ и обѣщаній принятія во вниманіе требованій бунтовщиковъ. Не забыто, конечно, также, какъ, къ концу лѣта того года, тонъ переписки канцлера вдругъ перемѣнился; какъ онъ категорически объявилъ, что Россія никому не дозволитъ вмѣшиваться въ свои внутреннія дѣла и какъ тогда-же западныя державы понизили тонъ въ свою очередь. Никто изъ писавшихъ о томъ времени, повторяю, не указалъ истинной причины такого рѣзкаго поворота нашей дипломатіи; нѣкоторые же всецѣло приписали этотъ поворотъ кн. А. М. Горчакову; а М. Н. Муравьевъ, въ своихъ Запискахъ приписываетъ себѣ одному это измѣненіе взгляда дипломатіи нашей.

Между тѣмъ, помнится, въ августѣ 1862 г. состоялся приказъ по военному вѣдомству, въ коемъ объявлялось объ окончательномъ сформированіи девятнадцати пѣхотныхъ дивизій (отъ 22-й до 40-й).

Дѣло формированія новыхъ дивизій велось безъ шуму, но со свойственной Дмитрію Алексѣевичу Милютину энергіей и доведено было до желаннаго результата, какъ разъ ко времени. Вотъ, думаю главная причина перемѣны тона канцлера нашего и прекращенія заносчивыхъ требованій запада. А между тѣмъ громадная заслуга гр. Д. А. Милютина прошла почти незамѣченною.

Снимите, г. редакторъ, этотъ грѣхъ съ души нашей.

Старый солдатъ.

1-го марта 1883 г.
Тифлисъ.

Рославца. Кромѣ того, эти матеріалы богаты фактами политической и бытовой жизни вообще. Редакція настоящаго тома принадлежитъ П. И. Костомарову.

Исторія россійской академіи. М. И. Сухомлинова. Вып. VI. Спб. 1882 г. 512 стр. Ц. 2 р.

Послѣ обстоятельной и прекрасной біографіи русскаго историка Болтина, почтенный авторъ подарилъ нашу литературу въ настоящемъ томѣ обширной біографіей бывшаго члена академіи О. П. Козодавлева. Вотъ какъ вкратцѣ обозначаетъ дѣятельность послѣдняго самъ авторъ: «Козодавлевъ началъ свое поприще при Екатеринѣ II, а довершилъ его въ послѣдніе годы царствованія Александра I; началъ пажомъ и окончилъ министромъ. Пажъ, студентъ лейпцигскаго университета, сенатскій экзекуторъ, совѣтникъ гражданской палаты, совѣтникъ академіи наукъ, членъ училищной комиссіи, директоръ народныхъ училищъ, оберъ-прокуроръ сената, сенаторъ, товарищъ министра, наконецъ министръ внутрен. дѣлъ —вотъ тѣ званія, тѣ стадіи, которыя проходилъ Козодавлевъ на своемъ общественномъ пути. И ни одна изъ этихъ стадій не пройдена имъ безслѣдно; каждая имѣетъ свой смыслъ для его біографіи. Университетское образованіе (въ лейпц. унив.) оставило въ немъ глубокіе слѣды, неизглаженные ни временемъ, ни силою обстоятельствъ и враждебныхъ наукѣ вліяній».

Такимъ образомъ біографія Козодавлева заключаетъ свѣдѣнія о занятіяхъ русскихъ студентовъ въ Лейпцигѣ, о спб. академіи наукъ, о дѣятельности комиссіи народныхъ училищъ, о проектѣ русскихъ университетовъ при Екатеринѣ II, о русскихъ крестьянахъ, закрѣпощенныхъ польскими помѣщиками (раскольникахъ), освобожденныхъ при Александрѣ I; о еврейскомъ вопросѣ; объ изданіи газеты «Сѣверная почта», о литературныхъ отношеніяхъ того времени и т. п. Очеркъ г. Сухомлинова составленъ преимущественно по рукописнымъ матеріаламъ, хранящимся въ московскомъ, петербургскомъ и лейпцигскомъ (университетскомъ) архивахъ. Въ концѣ приложена переписка Козодавлева съ Д. П. Руничемъ.

Пожелаемъ, чтобы и исторія академіи наукъ нашла такого же неустаннаго продолжателя, какъ уважаемый авторъ исторіи Россійской академіи.

Архивъ князя Воронцова. Томъ XXIII. Стр. 513; т. XXV. Стр. 514. Томъ XXVI. Стр. 520. Цѣна первыхъ двухъ по 3 р., а третьяго 2 р.

Первый изъ этихъ томовъ заключаетъ въ себѣ письма Н. М. Лонгинова къ гр. С. Р. Воронцову, преимущественно изъ Россіи, касающіяся важнѣйшихъ внутреннихъ и внѣшнихъ событій, за 1803—1823 годы. Они писаны только отчасти по русски, остальныя же по французски. Второй изъ названныхъ томовъ представляетъ рядъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Россіи XVIII вѣка, какова записка о причинахъ перемѣнъ правленія въ XVIII-мъ вѣкѣ; бумаги по дѣлу Остермана; о времени импер. Іоанна III и герц. Биронѣ; о дѣлѣ Лестока; по разнымъ вопросамъ царствованія Елисаветы и, между прочимъ, по малорос. вопросу; бумаги, относящіяся ко времени Екатерины II (о Малороссіи, доклады Бест.-Рюмина, свѣдѣнія о пугачевскомъ бунтѣ, о крестьянскихъ волненіяхъ въ прибалт. краѣ и т. п.). XXVI-й томъ архива такого же смѣшаннаго содержанія. Назовемъ болѣе замѣчательные и обширные по объему матеріалы. Сюда относятся: записки объ управленіи Россіею гр. А. И. Остермана; проектъ его о приведеніи Россіи въ благосостояніе; автобіографическія записки Бирона (о ней см. въ собр. сочин. Хмырова); отвѣтъ на предъидущую записку, сочиненный родственникомъ фельдм. Миниха; замѣчанія канцлера Бестужева-Рюмина по дѣлу Лестока; политика при дворѣ Елисаветы; документы, касающіеся семилѣтней войны и сношеній съ Франціей при Елисаветѣ; письмо Д. В. Волкова о русской торговлѣ при Елисаветѣ; о послѣднихъ дняхъ императрицы Елисаветы; письма кн. Е. Р. Дашковой къ отцу; письма гр. П. В. Завадовскаго къ гр. С. Р. Воронцову; письмо санскритолога Лебедева къ гр. С. Р. Воронцову, имѣющее литературный интересъ; записки объ Индіи (1791) и сношеніяхъ съ Японіей (1791); письмо о Радищевѣ; письма Н. П. Голикова (объ изданіи дѣяній Петра В.), матеріалы о вел. кн. Павлѣ Петровичѣ, графѣ Бобринскомъ, Суворовѣ; автобіографическія бумаги В. В. Пассека.

В. И.

„РУССКАЯ СТАРИНА"

1883 г.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **двѣнадцать** книгъ, четыре большіе тома, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей,

ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старины", Большая Садовая, подлѣ Публичной Библіотеки, при книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова, д. № 12**. Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, обзоры, очерки и разсказы объ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и пр.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ; неизданныя произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—V. Библіографическіе отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы, преданія и замѣтки.—Характерныя челобитныя, переписка и вообще документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная русская словесность.—VIII Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина" 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина" 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина" 1881 г., 12 кн., съ портр. и Зап. Порошина 8 руб.
„Русская Старина" 1882 г., 12 книгъ, съ 12-тью портретами, 9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ четырнадцатый. МАЙ. 1883 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ **Сергѣя Леонтьева Бухвостова**, перваго солдата Преображенскаго полка 1683 г., точный снимокъ, исполненный въ Экспедиціи заготовленія госуд. бумагъ г. Скамони съ гравюры 1728 г. (изъ собранія Д. А. Ровинскаго).—II. Рисунокъ памятника на могилѣ **Артемія Волынскаго**.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Средняя Подьяческая, д. № 1.
1883.

V-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го мая 1883 г.

Мазепа. Историческая монографія. Н. И. Костомарова. Москва. 1883 г. 446. Ц. 2 р.

Статьи автора, посвященныя означенному предмету, печатались первоначально въ журналѣ «Русская Мысль»; теперь онѣ являются отдѣльно. Не говоря о массѣ русскихъ и иностранныхъ матеріаловъ, авторъ, по примѣру прежнихъ своихъ трудовъ, воспользовался значительнымъ количествомъ данныхъ, извлеченныхъ изъ архивовъ: московскихъ—министерства иностранныхъ дѣлъ и юстиціи, петербургскаго — государственнаго архива, и рукописями петербургской публичной библіотеки. Въ первыхъ ему служили главнымъ источникомъ русскіе документы, въ послѣдней—польскіе. Эти матеріалы имѣютъ двойной интересъ, такъ какъ, помимо главной личности монографіи, въ значительной степени касаются времени Петра Великаго. Свой взглядъ на дѣло Мазепы авторъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: «Народъ инстинктивно видѣлъ, что его тянутъ въ гибель и не пошелъ туда. Народъ остался вѣренъ царю даже не изъ какой-либо привязанности, не изъ благоговѣйнаго чувства къ монарху, а просто отъ того, что изъ двухъ золъ надобно было выбирать меньшее», и т. д. Онъ высказываетъ сожалѣніе, что измѣна Мазепы имѣла пагубное вліяніе на всю послѣдующую судьбу Малороссіи, начиная съ извѣстнаго дѣла Полуботка... Едва-ли вся послѣдующая исторія была только результатомъ этого, правда, крупнаго факта и едва ли вышло бы нѣчто лучшее въ общемъ положеніи края и народа, если бы этого факта не существовало. Послѣдующія событія были уже намѣчены предшествовавшею исторіею Малороссіи и внутренней политики Россіи. Что же касается Полуботка, то на его роль можно имѣть и другой взглядъ, какъ показало прекрасное изслѣдованіе г. А. Лазаревскаго («Русск. Архивъ», 1880, I, 137—209). Во всякомъ случаѣ новая монографія автора прочтется съ большимъ интересомъ, возбуждаемымъ въ читателѣ и новыми данными, и прекраснымъ разсказомъ. Можно пожалѣть только, что авторъ предпочелъ вполнѣ сосредоточиться на біографической, политической и дипломатической сторонахъ труда, между тѣмъ обстоятельное, живое и полное изображеніе жизни народа и общественныхъ отношеній, выдѣленное въ самостоятельный очеркъ, значительно освѣтило бы событія и эпоху, а для подобныхъ очерковъ авторъ обладаетъ искуснымъ перомъ.

Памятники древней письменности, томъ XVI. **Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ.** Историко-литературный очеркъ **А. С. Архангельскаго.** Часть I. Препод. Нилъ Сорскій. Спб. 1882. 283+21 стр. Ц. 4 р.

Писатели русской литературы конца XV и первой половины XVI вѣка не перестаютъ привлекать вниманіе нашихъ изслѣдователей. Такъ, въ теченіе недавняго времени, появились очерки и изслѣдованія объ Іосифѣ Волоколамскомъ, Вассіанѣ Патрикѣевѣ, м. Даніилѣ. Обширный трудъ В. И. Жмакина, посвященный литературной дѣятельности послѣдняго, представляетъ весьма цѣнный вкладъ въ обработку разсматриваемаго періода русской исторіи и литературы. Въ свое время мы дали о немъ отзывъ въ библіогр. листкѣ. Изслѣдованіе г. Архангельскаго посвящено представителю противоположнаго направленія, въ теченіе всего XVI вѣка боровшагося съ идеями, получившими перевѣсъ въ церковной и общественной жизни. Изслѣдователь отнесся къ нему съ вполнѣ понятнымъ сочувствіемъ и увлеченіемъ. «Среди общаго хаотическаго броженія, которое происходило въ это время въ умственно-религіозной жизни русскаго общества, направленіе идей Нила Сорскаго и его ревностнаго ученика (Вассіана) является наиболѣе симпатичнымъ,—говоритъ авторъ. Самою абстрактностью своею, элементомъ созерцательности, контрастомъ ея съ господствовавшими формализмомъ и обрядностью,—онѣ будили мысли читателя, давали ей болѣе свободное развитіе, болѣе духовное, широкое содержаніе».

Въ началѣ авторъ дѣлаетъ обозрѣніе литературы вопроса; а затѣмъ, въ дальнѣйшихъ главахъ разсматриваетъ: 1) біографическія данныя о Нилѣ Сорскомъ; 2) его литературную дѣятельность, причемъ отмѣчаетъ критическое направленіе въ трудахъ этого писателя, которое дало ему возможность также критически отнестись и къ печальнымъ явленіямъ религіозной жизни русскаго общества; 3) литературные источники идей пр. Нила Сорскаго,

ПЕРВЫЙ РОССІЙСКІЙ САЛДАТЪ

СЕРГЕЙ ЛЕОНТЬЕВЪ СЫНЪ БУХВОСТОВЪ.

Изъ придворныхъ служителей 1683 году Ноября 30 дня при начатіи военно-потѣшной службѣ первѣйшимъ въ оную самохотно предсталъ, потому Государь ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ тогда же симъ первенствомъ почтить его соизволилъ. Служа потомъ въ Лейбгвардіи Преображенскомъ полку въ Бомбардирской ротѣ до Оберъ Офицера, былъ въ разныхъ баталіяхъ и многократно раненъ. Покончину служилъ Артиллеріи Маіоромъ. Хотя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО во многихъ случаяхъ изволилъ оказывать къ дальнему его повышенію Свое Монаршее благоволеніе, но онъ по своей набожной кротости всячески убѣгалъ [illegible]. Родился 1642, скончался 1728 г Ноября 30 дня. Жилъ болѣе 86ти лѣтъ, былъ росту средняго, [illegible] и весьма воздерженъ. [illegible]

SERGE LÉONTIEW BOUKVOSTOW 1er SOLDAT RUSSE

Naquit l'an 1642, du service de la Cour, il entra volontairement dans la compagnie que l'on forma pour l'amusement de Pierre le Grand. Ce Prince voulut bien dater dela son ancienneté dans le Service. il Servit dans la compagnie des Bombardiers du Regiment de Preobraczenski par plusieurs grades d'officier il S'est trouvé a plusieurs batailles où il a été plusieurs fois blessé, et est mort Major d'Artillerie le 30 9bre 1728.

[illegible]

ПЕТРОВСКАЯ БРИГАДА.

ПОЛКИ ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ

ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ и СЕМЕНОВСКІЙ

1683—1883 гг.

I.

Нынѣшнимъ 1883-мъ годомъ завершается двѣсти лѣтъ со времени основанія двухъ старѣйшихъ полковъ нашей гвардіи: Преображенскаго и Семеновскаго.

Празднованіе этой годовщины должно явиться знаменательнымъ не для русской арміи только, но, смѣло можно сказать— и для всей Россіи. Къ этому заключенію, вѣроятно, придетъ всякій, кто безъ предвзятыхъ мнѣній вглядится во внутренній бытъ нашего отечества въ третьей четверти XVII-го столѣтія. Не касаясь здѣсь гражданской стороны этого быта, замѣтимъ лишь, что организаціей силъ, обезпечивающихъ отъ хищничества сосѣдей, или отъ внутренней крамолы, государство наше далеко не обладало въ той степени, какая соотвѣтствовала бы обширности его владѣній и безграничности власти, сосредоточенной въ одномъ лицѣ— въ лицѣ царя.

Между тѣмъ, въ это же время, у западныхъ сосѣдей нашихъ уже создавались и совершенствовались регулярныя арміи, перевѣсъ коихъ надъ русскими полчищами, — хотя бы очень многочисленными — былъ очевиденъ. Необходимость приблизиться къ цесарцамъ, шведамъ и всякаго рода „нѣмцамъ“ въ искусствѣ ратнаго дѣла начали сознавать у насъ еще при царѣ Михаилѣ

Θеодоровичѣ (вопреки предубѣжденію противъ всего иноземнаго). Какъ этотъ царь, такъ и преемники его: Алексѣй и Θеодоръ заботились объ учрежденіи на Руси полковъ иноземнаго строя; но, не смотря на эту заботливость и на тысячи иностранцевъ, находившихся въ русской службѣ, мы не имѣли войска регулярнаго, т. е. правильно устроеннаго, дисциплинированнаго, хорошо вооруженнаго и подготовленнаго къ ратному дѣлу въ той степени, какая требовалась развитіемъ военнаго искусства въ Западной Европѣ.

Русское войско, какимъ мы застаемъ его при царевнѣ Софіи, не многимъ отличалось отъ ратныхъ ополченій временъ Годунова и Іоанна Грознаго. Названія: рейтаръ, копѣйщиковъ, драгунъ, солдатъ; нѣкоторыя перемѣны въ вооруженіи, согласно иностраннымъ образцамъ; раздѣленіе на полки и роты подъ начальствомъ иностранныхъ полковниковъ, ротмистровъ и капитановъ (не понимавшихъ своихъ подчиненныхъ и ими непонимаемыхъ)—все это не могло переродить нашихъ ратныхъ людей: они продолжали оставаться тѣми же дворянами, дѣтьми боярскими, городовыми казаками, вообще землевладѣльцами разныхъ наименованій, какими были за сто лѣтъ передъ тѣмъ; по прежнему проживали они бо̀льшую часть года по своимъ деревнямъ и дворамъ, хлопоча гораздо болѣе о насущномъ хлѣбѣ и о домашнемъ хозяйствѣ, нежели о военной службѣ; оружіе спокойно висѣло на стѣнѣ и покрывалось ржавчиною; а воинъ-помѣщикъ, или земледѣлецъ возился съ сохою, мололъ муку, или ѣздилъ по ярмаркамъ и торговалъ чѣмъ придется.

Собрать ихъ въ походъ представлялось столь же трудною задачею, какъ и прежде. Не смотря на строжайшіе указы, тысячи дворянъ, рейтаръ, солдатъ уклонялись отъ выхода на войну и оказывались, по тогдашнему выраженію, въ „нѣтѣхъ“; самые иноземцы, голодною и жадною толпою приходившіе въ Россію, такъ облѣнивались на привольной жизни въ пожалованныхъ имъ помѣстьяхъ, что засиживались тамъ до третьяго нѣта, не смотря на то, что приходилось за это отвиливаніе отъ службы подставлять спину подъ батоги. Послѣ третьяго нѣта, ихъ обыкновенно выгоняли за границу.

Вооруженіе этихъ воиновъ было неисправно и недостаточно; лошади, не привычныя къ пальбѣ, часто сбивали своихъ неопыт-

ныхъ и неискусныхъ всадниковъ еще до начала схватки. Состояніе артиллеріи было и того менѣе удовлетворительно: состоявшіе при стрѣлецкихъ полкахъ орудія были въ вѣдѣніи особыхъ пушкарей, весьма мало знакомыхъ со своимъ дѣломъ. Объ инженерномъ искусствѣ ратники наши не имѣли никакого, или почти никакого, понятія.

Въ подтвержденіе вышесказаннаго приведемъ здѣсь отзывъ объ этомъ войскѣ, данный извѣстнымъ Посошковымъ:

„У пѣхоты ружье было плохо и владѣть имъ не умѣли; только боронились ручнымъ боемъ, копьями и бердышами, и то тупыми; а на бояхъ мѣняли своихъ головъ по три, по четыре и больше на одну непріятельскую голову. На конницу смотрѣть стыдно: лошади негодныя, сабли тупыя; сами скудны, безодежны, ружьемъ владѣть не умѣютъ; иной дворянинъ и зарядить пищали не умѣетъ, не то что выстрѣлить въ цѣль; убьютъ двоихъ или троихъ татаръ и дивятся, ставятъ большимъ успѣхомъ, а своихъ хоть сотню положи—ничего! Нѣтъ попеченія о томъ, какъ бы непріятеля убить; одна забота—какъ бы поскорѣе домой. Молятся: дай Боже рану нажить легкую, что бы немного отъ нея поболѣть и отъ великаго государя получить за нее пожалованіе. Во время боя того и смотрятъ, гдѣ бы за кустомъ спрятаться; иные цѣлыми ротами прячутся въ лѣсу или въ долинѣ, выжидаютъ, какъ пойдутъ ратные люди съ бою, ѣдутъ въ станъ. Многіе говорили: дай Богъ великому государю служить, а саблю изъ ноженъ не вынимать“.

Допуская даже, что Посошковъ нѣсколько сгустилъ краски при изображеніи недостатковъ до-петровскихъ ратниковъ,—картина тѣмъ не менѣе остается весьма неутѣшительная. Какихъ результатовъ можно бы было ожидать противупоставляя подобное ополченіе войскамъ регулярнымъ? Конечно, самыхъ печальныхъ.

При постепенно совершенствуемой организаціи регулярныхъ военныхъ силъ у нашихъ западныхъ сосѣдей, особенно у шведовъ, Россія, при удободоступности ея границъ, легко могла сдѣлаться добычею какого нибудь воинственнаго честолюбца, въ родѣ Карла XII-го, и, если не навсегда, то на долгое время быть вычеркнутою изъ списка независимыхъ государствъ. Для устраненія такой бѣды, прежде всего необходимо было противупоставить грозной наступательной силѣ силу оборонительную, равную ей по устройству и дисциплинѣ,—необходимо было создать настоящую регулярную армію.

Заслуга этого созданія всецѣло принадлежитъ Петру Великому. Преемникомъ его оставалось лишь развивать сформирован-

ную имъ военную силу сообразно вновь нарождавшимся потребностямъ и обстоятельствамъ.

Съ другой стороны, первенцы этой русской регулярной арміи являются въ числѣ главныхъ сотрудниковъ и помощниковъ Петра при осуществленіи его геніальныхъ и гигантскихъ плановъ, касавшихся внутренняго преобразованія нашего отечества и постановки его на одну ступень съ прочими, опередившими насъ государствами. Первыя живыя личности, представляющія какъ бы ячейку, зародышъ этой арміи, сплотились около Петра еще съ дѣтскихъ лѣтъ его; нѣкоторые изъ нихъ вмѣстѣ съ нимъ росли и развивались, проникаясь его могучимъ духомъ; инстинктивно или сознательно сочувствовали его, мало по малу назрѣвавшимъ, мыслямъ и предначертаніямъ, и, впослѣдствіи, дѣлались ихъ проводниками въ массу. Около этихъ будущихъ ближайшихъ помощниковъ, „птенцовъ", великаго преобразователя группировалась фаланга сотрудниковъ, хотя менѣе развитыхъ, но воспитанныхъ царемъ въ правилахъ строгой дисциплины, раздѣлявшихъ какъ труды, такъ и радости его, любимыхъ имъ въ качествѣ вѣрныхъ товарищей и преданныхъ ему беззавѣтно. Они-то сослужили ему незабвенную службу тамъ, гдѣ приходилось дѣйствовать на проломъ, огнемъ и желѣзомъ, не только противъ внѣшнихъ непріятелей, но и противъ дерзко поднимавшей по временамъ свою голову, домашней крамолы,—тамъ, гдѣ силу разнузданную, противуобщественную надо было сдерживать силою дисциплинированною, управляемою одною разумною волею. Безъ этого и самъ Петръ, при всей его энергіи, немного могъ бы сдѣлать одинъ, въ борьбѣ съ окружавшимъ его упорнымъ невѣжествомъ.

Все вышесказанное подтверждаетъ намъ, что первое зарожденіе этой силы — нравственной и физической—воплотившейся въ потѣшныхъ войскахъ, должно имѣть значеніе первостепенной важности для исторіи нашего отечества.

Въ виду наступившей двухсотлѣтней годовщины старѣйшихъ полковъ нашей славной гвардіи, имена которыхъ неразрывно связаны съ эпохою возрожденія Россіи и законнаго вступленія ея въ семью европейскихъ государствъ, мы считаемъ долгомъ напомнить нашимъ читателямъ, въ краткомъ очеркѣ, исторію двухъ-вѣковой жизни этого перваго творенія Петра Великаго.

II.

Въ концѣ 1682 года, малолѣтній царь Петръ Алексѣевичъ, вмѣстѣ съ матерью своею Наталіею Кирилловною, послѣ странствованія по разнымъ подмосковнымъ селамъ (куда выгоняли ихъ мятежи стрѣльцовъ и буйства раскольниковъ), окончательно усѣлись въ находившемся въ семи верстахъ отъ Кремля, на берегу р. Яузы, потѣшномъ дворцѣ, окруженномъ нѣсколькими домами для придворныхъ. По находившейся тутъ деревянной церкви во славу Преображенія Господня, самое сельцо это стало называться Преображенскимъ.

Здѣсь-то, на деревенской свободѣ, вдали отъ этикета и отъ козней дворскихъ, отрокъ-царь вполнѣ отдался любимымъ своимъ военнымъ потѣхамъ, вмѣстѣ съ дѣтьми жившихъ въ Преображенскомъ придворныхъ чиновъ разнаго званія. Сначала это была простая игра въ солдатики, во время которой Петръ становился въ строй, то барабанщикомъ, то простымъ рядовымъ (или бомбардиромъ, какъ сначала назывались, повидимому, члены этой игрушечной команды); иногда же онъ приготовлялъ и сжигалъ фейерверки, или стрѣлялъ изъ пушекъ.

Среди этихъ потѣхъ на чистомъ сельскомъ воздухѣ, физическое развитіе царственнаго отрока пошло впередъ исполинскими шагами; по свидѣтельству современниковъ - очевидцевъ, онъ въ 11 лѣтъ казался 18-ти-лѣтнимъ юношею. Но, мужая тѣломъ, Петръ быстро мужалъ и умомъ: страстно желалъ всему выучиться, все постигнуть, все даже передѣлать собственными руками.

Не удивительно, что съ такою натурою дѣтскія забавы скоро перешли у него въ серьезное дѣло, и, конечно, въ то, которое было ему всего милѣе, да и всего ближе — въ дѣло ратное. Задумалъ онъ сформировать для себя настоящую военную дружину; оповѣстилъ о томъ своихъ приближенныхъ, и первымъ лицомъ, добровольно явившимся на призывъ молодого царя, былъ потѣшный конюхъ Сергѣй Леонтьевъ Бухвостовъ, который и нарѣченъ самимъ Петромъ „первымъ русскимъ солдатомъ“. Не удовольствовавшись этимъ почетнымъ названіемъ, Петръ, желая увѣковѣчить самую наружность Бухвостова, приказалъ вno-

слѣдствіи извѣстному художнику, графу Растрелли, сдѣлать бронзовое его изваяніе, къ сожалѣнію, до насъ не дошедшее [1]).

О годѣ поступленія Бухвостова на службу, солдатомъ, свѣдѣнія нѣсколько разнорѣчивы. Въ спискѣ служившихъ въ Преображенскомъ полку со времени его основанія (приведенномъ въ исторіи полка, составленной М. П. Азанчевскимъ) означено, что Бухвостовъ вступилъ въ службу, солдатомъ, въ 1682 году; между тѣмъ какъ надпись на портретѣ его, сохранившаяся въ имѣніи графа Шереметьева, въ селѣ Кусковѣ (по свидѣтельству Погодина), гласитъ слѣдующее:

„Первый Россійскій солдатъ Сергѣй Леонтьевъ сынъ Бухвостовъ. Изъ придворныхъ служителей, 1683 года ноября 30-го дня, при началѣ военно-потѣшной службы, первѣйшимъ въ оную самохотно предсталъ; потому государь Петръ Великій тогда же симъ первенствомъ почтить его соизволилъ. Служа потомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку, въ бомбардирской ротѣ, до оберъ-офицера, былъ въ разныхъ баталіяхъ и многократно раненъ. По кончину служилъ артиллеріи маіоромъ".

Кромѣ того, въ изданномъ въ 1800 году, г. Бѣляевымъ, описаніи „кабинета Петра Великаго" сказано:

„Сергѣй Леонтьевъ сынъ Бухвостовъ родился въ 1659 году, вступилъ въ службу въ 1674 году; опредѣленъ былъ на мѣсто отца своего Леонтья Бухвостова въ конюшенной чинъ и служилъ въ этомъ чинѣ по 1683 годъ. Потомъ, въ томъ же году, по именному его императорскаго величества указу, опредѣленъ былъ въ Преображенскій полкъ въ число потѣшныхъ".

Съ вопросомъ о времени поступленія Бухвостова на службу тѣсно связанъ вопросъ о томъ, съ какого времени слѣдуетъ считать начало нашихъ обоихъ старшихъ гвардейскихъ полковъ.

Устряловъ, въ своей „исторіи царствованія Петра Великаго", не рѣшая опредѣлительно—въ 1682 или 1683 году Бухвостовъ вступилъ въ солдатскую службу, выражаетъ мнѣніе, что „рѣши-

---

[1]) При настоящей книгѣ «Русской Старины» воспроизведенъ въ геліогравюрѣ весьма тщательно и вполнѣ точно снимокъ съ гравированнаго въ 1728 году портрета Сергѣя Бухвостова. Снимокъ нѣсколько уменьшенъ противу подлинника, но въ немъ впервые воспроизведена вся подпись подъ портретомъ, безъ малѣйшихъ сокращеній. Самая гравюра передавалась иногда въ политипажахъ, но только нынѣ воспроизведена она съ полнѣйшею точностью.

тельное сформированіе Преображенскаго полка началось въ 1687 году", т. е. тогда, когда при умноженіи числа потѣшныхъ, часть ихъ, за неимѣніемъ мѣста въ селѣ Преображенскомъ, переведена была въ село Семеновское. Мнѣніе это Устряловъ основываетъ на показаніяхъ извѣстнаго стрѣлецкаго полковника Шакловитаго, данныхъ—по крайней мѣрѣ, по этому предмету—такъ сказать мимоходомъ и въ общихъ чертахъ, и потому весьма мало опредѣлительныхъ. Столь же мало убѣдительны и подкрѣпленія этого показанія ссылками: 1) на офиціальный списокъ служившихъ въ первое время въ Преображенскомъ полку (который списокъ и не вполнѣ согласенъ съ приведеннымъ у Азанчевскаго, въ его полковой исторіи) и, 2) на подлинную вѣдомость, за подписью генерала Ивана Бутурлина, отъ 19 октября 1721 года.

Устряловъ, при громадности задачи, имъ себѣ поставленной, конечно не имѣлъ возможности посвящать много времени на разборъ спеціальнаго вопроса о 3-хъ или 4-хъ годахъ разницы во времени основанія первыхъ гвардейскихъ полковъ и коснулся вопроса этого нѣсколько поверхностно; къ тому же, подъ рукою у него не было архивныхъ документовъ, открывшихся впослѣдствіи и изслѣдованныхъ съ кропотливою точностію другимъ, маститымъ историкомъ нашимъ, Михаиломъ Петровичемъ Погодинымъ. Сочиненіе его: „Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго, 1672—1689", (изданное въ Москвѣ, въ 1875 году), представляетъ, такъ сказать, послѣднее слово по вопросу о началѣ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ.

Внимательно разсмотрѣвъ мнѣніе и выводы Устрялова, сопоставивъ ихъ съ вновь появившимися документами изъ сборника г. Есипова, подвергнувъ тѣ и другіе строгой, научно-исторической критикѣ, Погодинъ пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

„1) Бухвостовъ поступилъ на военнопотѣшную службу не въ 1682 году, какъ отмѣчаетъ Преображенскій списокъ, а въ 1683, какъ свидѣтельствуютъ: надпись надъ его портретомъ и извѣстіе о немъ, приведенное въ вышеупомянутомъ сочиненіи Бѣляева".

„2) Соображая всѣ показанія источниковъ, какое заключеніе должны мы вывести, съ какого времени должно начинать исторію Преображенскаго полка? Отвѣтъ на этотъ вопросъ соединяется съ отвѣтомъ на вопросъ, когда Бухвостовъ поступилъ на службу,

т. е. сдѣлался первымъ русскимъ солдатомъ, что свидѣтельствуютъ единогласно источники".

„Странно, что до сихъ поръ это положеніе, какъ будто по предубѣжденію, не выражалось нигдѣ рѣшительнымъ образомъ; между тѣмъ, какъ ясно кажется, что если точно Бухвостовъ былъ первымъ солдатомъ (въ чемъ нѣтъ сомнѣнія), то съ него и начался наборъ полка. До него вѣдь не было полка, а съ нимъ полкъ началъ набираться; слѣдовательно, раздѣлять ихъ нельзя".

„3) Послѣ всѣхъ розысканій, справокъ и повѣрокъ, съ совершенною достовѣрностію заключить можно, что лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ долженъ вести свое начало съ 30-го ноября 1683 г., когда Сергѣй Леонтьевъ Бухвостовъ самохотно предсталъ, по вызову молодаго государя, въ составъ вновь образуемаго имъ полка и былъ почтенъ отъ него первенствомъ. Начался полкъ вызовомъ охотниковъ, ибо безъ вызова не могъ бы явиться и Бухвостовъ.

„За Бухвостовымъ явились: Новицкій, Хабаровъ, вѣроятно Воронинъ, Лукинъ и пр."

„Вызовъ охотниковъ, значитъ намѣреніе сформировать особый, собственный потѣшный полкъ, принадлежитъ двѣнадцатилѣтнему Петру, на другой годъ по возвращеніи его отъ Троицы и укрощеніи стрѣлецкихъ смятеній".

„Число охотниковъ увеличивалось, и явилось, вѣроятно, впослѣдствіи ихъ много и изъ Нѣмецкой слободы. Петръ началъ въ 1687 году набирать солдатъ, т. е. назначать изъ придворныхъ служителей и даже изъ чиновниковъ, какъ напр. комнатнаго стольника, князя Голицына. Тогда и пошла молва и произвела опасенія при дворѣ царевны Софіи,—что̀ видно изъ показаній Шакловитаго".

4) „Что къ 1687 году принадлежитъ рѣшительное сформированіе Преображенскаго полка,—это принять можно, но чтобы въ этомъ году возникли Преображенскій и Семеновскій полки— сказать никакъ нельзя; ибо Преображенскій полкъ начался или возникъ въ 1683 году, а Семеновскій не вмѣстѣ съ нимъ, а послѣ него, когда охотникамъ не достало мѣста въ Преображенскомъ".

Приведя здѣсь мнѣнія Устрялова и Погодина, мы не намѣрены вступать въ разсужденіе о томъ, что̀ понимать подъ выраженіями „возникновеніе" и „рѣшительное сформированіе", такъ какъ считаемъ это совершенно безплоднымъ, тѣмъ

болѣе, что высочайше утвержденная надпись на знаменахъ обоихъ полковъ опредѣляетъ одновременное начало ихъ въ 1683 г. Что касается до дня, въ который положено это начало, то мы не имѣемъ основаній оспаривать мнѣніе Погодина, что днемъ этимъ слѣдуетъ считать 30-е число ноября.

Изчерпавъ вопросъ о началѣ „Петровской бригады", перейдемъ къ обзору ея двухсотлѣтней, мирной и боевой жизни.

III.

Возникнувъ въ 1683 году, ноября 30-го, „потѣшный полкъ", въ продолженіи первыхъ трехъ или четырехъ лѣтъ своего существованія, не представлялъ еще изъ себя того, что мы, въ настоящее время, разумѣемъ подъ названіемъ полка. Это была скорѣе военная команда, мало по малу увеличивавшаяся. Комплектовалась она сначала — естественнымъ образомъ—тѣми людьми, которымъ скорѣе другихъ сдѣлалось извѣстнымъ желаніе государево, т. е. дворцовыми чинами всѣхъ степеней, которые въ первое время, поступая въ солдаты, сохраняли за собою и должности придворныя. Собственнаго имени вновь набираемый полкъ сначала не имѣлъ; Преображенскимъ онъ назывался при случаѣ, въ географическомъ, такъ сказать, смыслѣ, потому что стоялъ въ селѣ Преображенскомъ; потомъ же сталъ называться такъ въ отличіе отъ другого, подобнаго ему полка, который стоялъ въ Семеновскомъ селѣ, и потому назывался Семеновскимъ. Самое названіе „потѣшныхъ" приложилось ко вновь набираемымъ солдатамъ безъ всякаго особаго повелѣнія государева, а само собою, какъ прикладывалось вообще къ предметамъ и людямъ, употреблявшимся для **потѣхи** молодого царя, съ первыхъ лѣтъ его жизни: потѣшные дворцы, потѣшныя книги, сабли, пушки, потѣшныя огнестрѣльныя дѣла, потѣшные мосты, корабли, потѣшныя лошади, потѣшные конюхи, потѣшные солдаты.

Съ теченіемъ времени, въ новую царскую дружину стали вступать люди всякихъ званій и состояній: представители знатныхъ фамилій [1]) и скромные разночинцы. Не видно, однако,

---

[1]) Какъ, напр., Ѳ. М. Апраксинъ, кн. Репнинъ, И. И. Бутурлинъ, кн. Петръ Голицынъ, Толстой и др. Позднѣе стали перево-

чтобы первые пользовались какими-либо привиллегіями; повидимому всѣ потѣшные солдаты должны были тянуть одинаковую лямку;—да и обижаться этимъ никто не имѣлъ основанія, такъ какъ самъ державный предводитель ихъ, во всемъ подавая личный примѣръ, счелъ долгомъ пройдти черезъ всѣ степени подчиненности, начиная съ рядового и барабанщика.

Вѣроятно въ силу того, что къ любимымъ военнымъ забавамъ царя принадлежали потѣхи артиллерійскія, первые солдаты потѣшные часто назывались „бомбардирами". Названія солдатъ и бомбардиръ стали на первое время какъ бы синонимами. Но затѣмъ, мало по малу, по мѣрѣ увеличенія числа потѣшныхъ войскъ, бомбардиры (т. е. люди, дѣйствовавшіе ручными гранатами), не выходя изъ состава полка, стали, такъ сказать, обособляться, обращаться болѣе на спеціально-артиллерійскія занятія, и явились родоначальниками нашей гвардейской артиллеріи, которая и справляетъ свой праздникъ одновременно съ Преображенскимъ полкомъ, 6-го августа.

Потѣшной сборной братіи, окрещенной названіемъ солдатъ (или бомбардировъ), надо было дать и настоящее, соотвѣтствующее требованіямъ регулярнаго войска, устройство, вымуштровать ее и посвятить во всѣ тайны европейской ратной хитрости. Тутъ оказала услугу Петру присосѣдившаяся къ Москвѣ, такъ называемая Нѣмецкая слобода, съ обывателями которой завелось у него знакомство еще прежде. Населявшіе эту слободу пришельцы изъ разныхъ западныхъ государствъ представляли изъ себя, какъ говорится, народъ бывалый, и многіе изъ нихъ, посвященные въ разныя ремесла, процвѣтавшія въ западной Европѣ, знакомы были и съ ремесломъ военнымъ: они-то и явились первыми руководителями и учителями Петровскихъ новобранцевъ, такъ что въ самыхъ старыхъ спискахъ Преображенскаго полка почти у всѣхъ офицеровъ фамиліи иностранныя.

Какъ выше замѣчено, Петръ принималъ личное участіе во всѣхъ военныхъ упражненіяхъ, наравнѣ съ своими дружинниками; съ ними же онъ раздѣлялъ и всѣ свои развлеченія. Повинуясь

диться въ потѣшные солдаты люди изъ другихъ, прежнихъ полковъ; такъ изъ Бутырскаго полка взято 15 барабанщиковъ; бо̀льшая часть стрѣльцовъ Сухарева полка тоже впослѣдствіи вошли въ составъ „потѣшныхъ".

подвижной своей натурѣ, онъ зачастую предпринималъ путешествія по окрестностямъ Преображенскаго села, иногда даже въ довольно отдаленныя (по тогдашнимъ понятіямъ) мѣста, какъ напр. къ Троицко-Сергіевской лаврѣ, въ Макарьевъ-Калязинскій монастырь и т. п. Во время этихъ поѣздокъ должны были сопровождать его и многіе потѣшные, со всякимъ оружіемъ и принадлежностями огнестрѣльныхъ потѣхъ, до которыхъ царь былъ страстный охотникъ. Эти поѣздки, или, какъ ихъ тогда называли—„походы", продолжались иногда довольно долго и предпринимались, можетъ быть, съ цѣлью погулять на полной свободѣ, вдали отъ материнскаго надзора. Необыкновенно рано развившаяся физическая натура Петра не могла не давать себя знать; а руководителями по части разгула и всякихъ увеселеній явились тѣ же старые знакомцы изъ Нѣмецкой слободы, не отличавшейся строгостію нравовъ и приносившей усердныя жертвы Бахусу, который Петровскою компаніею переименованъ былъ въ „Ивашку Хмельницкаго".

Веселыя пирушки не мѣшали однако новому полку собираться, учиться и устраиваться. Изъ неотесанныхъ новобранцевъ быстро вырабатывались настоящіе солдаты. Надо было на чемъ нибудь испробовать пріобрѣтенныя ими познанія; и вотъ, въ 1685 году, когда Петру было уже 13 лѣтъ, явилась у него новая затѣя: онъ приказалъ построить около Преображенскаго села, на берегу р. Яузы, потѣшную крѣпостцу, чтобы на ней обучать новыхъ солдатъ осадному искусству и хожденію на приступъ.

Крѣпостца эта, почему-то названная Пресбургомъ, сооружена была, безъ сомнѣнія, по указаніямъ тѣхъ же иноземцевъ, искусившихся въ военно-строительномъ искусствѣ; самыя же работы производились потѣшными солдатами, вмѣстѣ съ которыми трудился и самъ Петръ; они же, раздѣлившись на двѣ части, то осаждали, то обороняли построенное ими укрѣпленіе.

Въ это время никто еще, начиная съ соперницы Петра, царевны Софіи, не обращалъ вниманія на его затѣи;—да и кому могло прійдти въ голову, что эта горсть солдатъ или, какъ презрительно ихъ называли сторонники Софіи—„потѣшныхъ конюховъ", скоро разростется въ силу, съ которою придется серьезно считаться, потому что всѣ они, до единаго, готовы были сложить головы за своего молодого царя.

Къ веснѣ 1687 года число потѣшныхъ солдатъ умножилось настолько, что они всѣ уже не могли помѣщаться въ Преображенскомъ, и потому часть ихъ переведена въ другое, сосѣднее, село Семеновское. Оставшіеся въ Преображенскомъ сохранили за собою названіе потѣшныхъ, а перемѣщенные оттуда назывались Семеновскою пѣхотою.

По мѣрѣ увеличенія числа новыхъ солдатъ, и боевыя упражненія ихъ принимали размѣры болѣе широкіе; въ то же лѣто 1687 года постоянно производились разные маневры, сраженія, осады, приступы. Всякая такая воинская потѣха завершалась веселымъ празднествомъ, на которомъ царь со своими любимцами пировалъ во всю ширь его богатырской натуры.

Быстрый ростъ окружавшей Петра вооруженной силы и непрестанныя упражненія ея въ ратномъ дѣлѣ стали, наконецъ, возбуждать подозрительность и безпокойство противной царю партіи; отношенія между дворами преображенскимъ и кремлевскимъ становились все болѣе и болѣе натянутыми. Софія понимала, что ей съ младшимъ братомъ не ужиться: Петръ загораживалъ дорогу всѣмъ ея честолюбивымъ замысламъ. Борьба изъ-за власти между такими соперниками не могла не имѣть трагическаго исхода; и вотъ, въ ночь съ 7-го на 8-е августа 1689 года, Петра будятъ неожиданною и страшною вѣстію, что стрѣльцы рѣшились умертвить его и уже идутъ съ этою цѣлью на село Преображенское. Хотя тревога эта впослѣдствіи оказалась ложною, но Петръ, не имѣя времени одуматься, немедленно вскочилъ на лошадь и ускакалъ въ Троицко-Сергіевскій монастырь, куда на другой день послѣдовали за нимъ его вѣрные потѣшные, не вдругъ свѣдавшіе, куда удалился царь. По прибытіи ихъ, немедленно начались приготовленія монастыря къ оборонѣ; но такъ какъ недоставало артиллеріи, то каптенармусъ преображенскаго полка, Лука Хабаровъ, посланъ былъ за оставленными въ родномъ селѣ пушками, мортирами и порохомъ, которые онъ и провезъ къ Троицко-Сергіевской лаврѣ потаеннымъ образомъ, лѣсами, во опасеніи отъ недруговъ царскихъ.

Вскорѣ послѣ того, Софія была заключена въ Ново-Дѣвичій монастырь. Преображенскіе солдаты, какъ самые надежные, были назначены содержать караулъ у монастырскихъ воротъ.

Всѣхъ, поспѣшившихъ явиться въ Троицко-Сергіевскую лавру и

заявить свою преданность, Петръ щедро наградилъ; между прочимъ, и новымъ солдатамъ своимъ прибавилъ къ жалованью по рублю.

Когда умы успокоились и волненіе затихло, тогда опять начались обычные походы съ потѣшными: то въ Александровскую слободу, то въ Лукьянову пустынь. Это послѣднее мѣсто было свидѣтелемъ трехъ-дневныхъ маневровъ, которые замѣчательны тѣмъ, что потѣшные, сначала упражнявшіеся какъ пѣхота, потомъ были посажены на лошадей и обучались конному строю.

Мы видимъ, что избавясь отъ козней Софіи и достигнувъ власти, Петръ не оставилъ своихъ любимыхъ занятій, среди которыхъ протекли его дѣтство и отрочество. По прежнему онъ часто проживалъ въ с. Преображенскомъ, занимаясь воинскими ученьями и примѣрными осадами укрѣпленій. Къ участію въ упражненіяхъ этихъ стали теперь привлекать и стрѣлецкіе полки; но они всегда были побѣждаемы молодымъ петровскимъ войскомъ.

До 1693 года войско это, однако, не получало надлежащаго устройства и управлялось безъ всякихъ опредѣленныхъ правилъ и положеній. Тѣмъ не менѣе, управленіе онымъ мало по малу совершенствовалось. Ближайшее завѣдываніе полковыми дѣлами поручено было генералу Автамону Михаиловичу Головину.

Относительно одежды потѣшныхъ полковъ, прежде XVIII столѣтія, не имѣется очень подробныхъ свѣдѣній; извѣстно только, что они были обмундированы по западно-европейскому образцу, т. е. носили просторный кафтанъ, длиною почти до колѣнъ, камзолъ, короткіе панталоны, чулки, штиблеты, тупоносые башмаки, черный галстухъ, кожанныя или лосинныя перчатки; головнымъ уборомъ служила сначала обыкновенная черная шляпа съ круглыми полями, а потомъ она замѣнилась треуголкою. Для похода выдавались: ранецъ телячей кожи и черная епанча. О цвѣтѣ сукна, употреблявшагося въ первое время на камзолы, кафтаны и панталоны, положительныхъ свѣдѣній нѣтъ.

Одежда бомбардирской роты, сформированной уже послѣ второго азовскаго похода, отличалась лишь нашитыми на груди и спинѣ золочеными орлами; кромѣ того, чины ея носили вмѣсто шляпъ мѣховыя шапки.

Что касается до вооруженія, то вновь поступавшимъ давались такъ называемые самопалы, а старымъ солдатамъ—одноствольныя и двухствольныя фузеи; сержанты и каптенармусы

имѣли алебарды, офицеры—пики; сверхъ того, всѣ солдаты вооружены были саблями.

Стоянка потѣшныхъ полковъ оставалась неизмѣнно въ селахъ: Преображенскомъ и Семеновскомъ. Въ первое время, каждому изъ вновь поступающихъ въ солдаты отводился небольшой земельный участокъ и, такимъ образомъ, въ Преображенскомъ селѣ возникли цѣлыя слободы или улицы, носившія названія по особымъ въ полку учрежденіямъ, или по фамиліямъ старшихъ чиновъ, или по нумерамъ ротъ. Нѣкоторыя изъ сихъ старинныхъ названій сохранились и доселѣ.

Упражняясь и въ пѣшемъ, и въ конномъ строю, обучаясь артиллерійскому и инженерному дѣлу, потѣшные участвовали и въ постройкѣ судовъ затѣянной царемъ флотиліи на Переяславскомъ озерѣ. Работы эти, какъ извѣстно, до крайности занимали Петра; и кому же могъ онъ довѣрить ихъ производство, какъ не тѣмъ людямъ, съ которыми издавна сблизился, которыхъ способности и безграничное къ нему усердіе не разъ уже имѣлъ случай оцѣнить; изъ нихъ, при началѣ работъ (въ 1688 году), послано было на Переяславское озеро 16 человѣкъ, въ качествѣ учениковъ ко вновь прибывшимъ голландскимъ мастерамъ корабельнаго дѣла. Построивъ въ Переяславлѣ нѣсколько судовъ, потѣшные стали и служить на нихъ; такъ что при возникновеніи русскаго флота, они были его первыми строителями и первыми матросами.

Когда въ апрѣлѣ 1694 года Петръ предпринялъ путешествіе въ Архангельскъ, то свита его, доходившая до трехсотъ человѣкъ, состояла большею частію изъ Преображенскихъ и Семеновскихъ солдатъ, исполнявшихъ должность матросовъ, или гребцовъ, во время воднаго переѣзда отъ Вологды до Архангельска.

По возвращеніи въ Москву, въ сентябрѣ того же 1694 г., тотчасъ же начались приготовленія къ маневрамъ на широкую ногу. Маневры эти, сдѣлавшіеся извѣстными въ исторіи подъ названіемъ Кожуховскаго похода [1]), далеко превзошли своими раз-

---

[1]) Отъ деревни Кожуховой, лежащей въ трехъ верстахъ отъ Москвы по дорогѣ къ селу Коломенскому. Въ 1859 г. намъ удалось найти въ бумагахъ, принадлежавшихъ нѣкогда гр. Аракчееву, полный списокъ съ современной 1694-го года рукописи: описаніе Кожуховской потѣхи, маневровъ. Это курьезно написанное, не безъ юмора и весьма интересное описаніе было нами напечатано въ „Военномъ Сборникѣ“ изд. 1860 г., въ книгѣ I-й.

Ред.

мѣрами всѣ предшествовавшія потѣхи подобнаго рода, и потѣшнымъ полкамъ, конечно, пришлось принимать въ нихъ самое дѣятельное участіе. Преображенцы и Семеновцы находились въ отрядѣ князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго, составленномъ изъ войскъ, обученныхъ по новой системѣ; противная же сторона состояла изъ стрѣлецкихъ полковъ, подъ общимъ начальствомъ Ивана Ивановича Бутурлина; ей ввѣрена была оборона земляной крѣпости, построенной нарочно по этому случаю близъ дер. Кожуховой.

Во время этихъ маневровъ испытаны были пріобрѣтенныя потѣшными свѣдѣнія въ осадномъ искусствѣ, и самъ царь, стоявшій въ рядахъ ихъ, подъ названіемъ бомбардира Петра Алексѣева, принималъ непосредственное участіе во взрывѣ мины подъ землянымъ валомъ. Обѣ стороны не разъ сходились грудь съ грудью и, при увлеченіи рукопашною схваткою, дѣло не обошлось безъ значительнаго числа раненыхъ. Въ концѣ концовъ, полная побѣда оказалась на сторонѣ войскъ князя Ромодановскаго.

Кожуховской походъ, продолжавшійся около мѣсяца, и послѣдовавшіе за нимъ маневры при селѣ Коломенскомъ заключили собою эпоху мирной подготовки вновь созданнаго войска. Вскорѣ послѣ того открылось потѣшнымъ болѣе серьезное поприще для примѣненія своихъ познаній въ ратномъ дѣлѣ и для выказыванія отваги воинской: пришлось сойдтись лицемъ къ лицу съ настоящимъ врагомъ.

IV.

Къ 1695 году назрѣло уже у Петра Великаго рѣшеніе добиться выхода въ Черное море. Ближайшимъ предметомъ для дѣйствій представлялась крѣпость Азовъ, воздвигнутая турками на устьѣ Дона, съ цѣлью воспрепятствовать донскимъ казакамъ выѣзжать въ Азовское и Черное моря и грабить ихъ побережья. Петръ рѣшился уничтожить эту преграду.

27-го апрѣля 1695 года, Преображенскій и Семеновскій полки торжественно выступили изъ Москвы, открывая собою шествіе остальныхъ войскъ, отправляемыхъ подъ Азовъ. Численность Преображенскаго полка доходила въ то время до 1700 человѣкъ.

6-го іюля приступлено было къ обложенію Азова, а 14-го числа того же мѣсяца 700 человѣкъ солдатъ, выбранныхъ изъ обоихъ вышеназванныхъ полковъ, взяли штурмомъ сильно укрѣпленную и отчаянно защищаемую турками Сугилову каланчу. Этимъ подвигомъ успѣхи русскихъ, на сей разъ, и ограничились; осада, вслѣдствіе малой опытности нашихъ инженеровъ, а также благодаря разнымъ другимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, подвигалась впередъ крайне медленно; рѣшительные приступы, не смотря на беззавѣтную отвагу участвовавшихъ въ нихъ потѣшныхъ полковъ, всѣ были отбиты. Наконецъ, самъ царь призналъ необходимымъ уйти изъ-подъ Азова; но отъ намѣренія овладѣть имъ онъ и не думалъ отказываться, а напротивъ, по возвращеніи въ Москву, немедленно занялся приготовленіями къ новому походу.

Во время первой осады Азова потери Преображенскаго и Семеновскихъ полковъ были весьма значительны; въ числѣ убитыхъ здѣсь былъ сверстникъ Петра, князь Ѳедоръ Троекуровъ, и умерли отъ ранъ двое изъ первыхъ потѣшныхъ: Григорій Лукинъ и Екимъ Воронинъ. Царь былъ глубоко огорченъ потерею этихъ старыхъ и надежныхъ товарищей и долго не забывалъ ихъ; такъ, по прошествіи пяти лѣтъ, въ январѣ 1700 года онъ писалъ Апраксину, между прочимъ: „Екима Воронина и Григорія Лукина, пожалуй поминай".

Вскорѣ по возвращеніи въ Москву потѣшные полки были укомплектованы новобранцами, а въ слѣдующемъ 1696 году, съ честію участвовали во второмъ Азовскомъ походѣ, окончившемся покореніемъ этой крѣпости. Во время этого похода, экипажъ для вновь построенной въ Воронежѣ эскадры составленъ былъ изъ солдатъ, выбранныхъ отъ всѣхъ полковъ, и раздѣленъ на 29 ротъ. Преображенскіе солдаты составляли четвертую роту, которою командовалъ самъ государь.

Собираясь осуществить давнишнее желаніе свое: близко и самолично ознакомиться съ западною Европою, съ ея науками и искуствами, съ военнымъ и гражданскимъ устройствомъ различныхъ иностранныхъ государствъ,—Петръ, въ началѣ 1697 года, покончивъ дѣло съ заговоромъ стрѣлецкаго полковника Циклера, рѣшилъ съѣздить за границу въ составѣ такъ называемаго „великаго посольства", отправленнаго къ императору германскому,

въ Польшу, Бранденбургъ, Нидерланды и Венецію. Тутъ опять безъ потѣшныхъ не обошлось: въ свитѣ каждаго изъ трехъ пословъ: Лефорта, Головина и Возницына находилось значительное число разныхъ чиновъ отъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ; часть ихъ составляла воинскую команду при посольствѣ, другіе же отправляемы были за границу для обученія разнымъ наукамъ и мастерствамъ. Кромѣ того, къ императору Леопольду посланъ былъ, съ царскою граматою, Преображенскаго полка маіоръ Адамъ Вейде, которому предписано было наблюдать въ цесарскихъ войскахъ за всѣми нововведеніями въ военномъ искуствѣ, т. е. исполнять нѣчто въ родѣ должности нынѣшнихъ военныхъ агентовъ. Этотъ Вейде впослѣдствіи (въ 1699 году) прислалъ государю переводъ съ нѣмецкаго устава, который и послужилъ основаніемъ при составленіи воинскаго устава для нашей арміи.

Первая заграничная поѣздка царя должна была скоро прерваться; извѣстіе о новомъ стрѣлецкомъ мятежѣ заставило его поторопиться возвращеніемъ въ Россію; но уже задолго до его прибытія туда все дѣло было окончено, благодаря созданному имъ регулярному войску. Въ совершенномъ пораженіи, нанесенномъ бунтовщикамъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ, Преображенцы и Семеновцы играли главную роль.

Царь прибылъ въ Преображенское село 24-го іюня 1698 г., ночью, и на другой же день произвелъ смотръ обоимъ названнымъ полкамъ; при чемъ, за вѣрную службу наградилъ ихъ значительными денежными суммами.

Съ этого времени, повидимому, потѣшные полки получили наименованіе лейбъ-гвардіи.

Въ 1698 году, въ Преображенскомъ полку было четыре, а въ Семеновскомъ—три баталіона; каждый баталіонъ состоялъ изъ четырехъ фузелерныхъ ротъ, кромѣ которыхъ въ обоихъ полкахъ было по одной гренадерской ротѣ, а въ Преображенскомъ еще бомбардирская рота, послужившая началомъ гвардейской артиллеріи. Роты, въ свою очередь, раздѣлялись на „старыя“ и „племянничьи“. Вновь поступающіе записывались въ племянничьи, а затѣмъ, по пріобрѣтеніи требуемыхъ свѣдѣній въ военномъ образованіи, переводились въ старыя роты.

Въ такомъ составѣ Преображенцы и Семеновцы принимали

участіе и во всѣхъ торжествахъ мирнаго времени, какъ напримѣръ въ празднествѣ по случаю заключенія перемирія съ турками, въ началѣ 1699 года, и въ томъ же году — на Іорданскомъ парадѣ, въ день Богоявленія, когда самъ государь, въ мундирѣ Преображенскаго полка, шелъ передъ его первою ротою.

Но среди мирныхъ торжествъ исподоволь шли приготовленія къ новой, большой войнѣ, сдѣлавшейся извѣстною въ исторіи подъ названіемъ Сѣверной.—Задумавъ вырвать изъ рукъ у шведовъ Ингерманландію, чтобы открыть намъ выходъ въ Балтійское море,—„прорубить окно въ Европу"—Петръ сталъ набирать уже цѣлую армію, долженствовавшую быть устроенною по европейскому образцу. Въ 1699 году объявленъ былъ первый рекрутскій наборъ; для производства его посланы были въ разныя области государства довѣренныя лица; такъ, между прочимъ, въ низовые города посланъ былъ для этой цѣли лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка полуполковникъ князь Аникита Репнинъ.

Въ томъ же году, въ концѣ декабря, царь отправилъ другого преображенца, сержанта Жерлова, въ Константинополь, съ дипломатическимъ порученіемъ: онъ долженъ былъ содѣйствовать посланнику нашему въ скорѣйшемъ заключеніи мира съ турками, отъ которыхъ Петръ хотѣлъ отдѣлаться, хотя бы цѣною различныхъ уступокъ, дабы имѣть возможность устремить всѣ свои силы противъ Карла XII.

Преображенскаго же полка сержантъ Василій Корчминъ пріобрѣвшій опытность въ инженерномъ искусствѣ, около этого же времени посланъ былъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, въ Нарву; онъ долженъ былъ тайно осмотрѣть все устройство этой крѣпости, покореніе которой Петръ поставилъ себѣ первою задачею, при открытіи военныхъ дѣйствій противъ Швеціи.

Приведенные здѣсь примѣры возлагавшихся на гвардейцовъ порученій показываютъ, какой богатый и незамѣнимый матеріалъ для дѣлъ, требовавшихъ разумнаго усердія, изворотливости и умственнаго развитія, царь нашелъ въ своихъ бывшихъ потѣшныхъ солдатахъ, не только вполнѣ ему преданныхъ, но успѣвшихъ уже, подъ его наблюденіемъ и руководствомъ, значительно разширить кругъ своихъ познаній.

Долголѣтняя Сѣверная война представляетъ для Преображенскаго и Семеновскаго полковъ рядъ самыхъ славныхъ воспоми-

ваній. Петръ Великій могъ быть довольнымъ ратною доблестію своихъ воспитанниковъ.

Въ первой, несчастной встрѣчѣ съ непріятелемъ подъ Нарвою, когда молодая и необстрѣленная армія наша, оставленная своими старшими начальниками-иностранцами, пришла въ разстройство и была на голову разбита, — одни гвардейскіе полки спасли ее отъ совершеннаго уничтоженія, мужественно отражая всѣ атаки лучшихъ шведскихъ войскъ. Память о семъ подвигѣ доселѣ сохранилась въ надписи: „1700 года, ноября 19-го“, начертанной на нагрудныхъ знакахъ оберъ-офицеровъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго и Семеновскаго полковъ. Это есть самый древній въ Россіи знакъ военнаго отличія.

Послѣ Нарвской битвы, гвардія возвратилась на зиму въ Москву, но потомъ ежегодно являлась къ началу кампаніи туда, гдѣ открывались военныя дѣйствія. Ни огромность разстояній, ни суровое время года не останавливали ее. Въ 1702 году, старшіе баталіоны гвардейскихъ полковъ участвовали въ экспедиціи Шереметева на Лифляндской границѣ. Посаженные на лошадей, они были главными виновниками Гумельсгофской побѣды, въ то время какъ остальные баталіоны были съ царемъ въ Архангельскѣ, откуда, въ началѣ сентября, пришли на Ладогу, съ тѣмъ, чтобы осадить Нотебургъ (древній Орѣховъ, впослѣдствіи Шлиссельбургъ). Здѣсь гвардія совершила новые подвиги, и представители ея, Преображенскаго полка маіоръ Карповъ и Семеновскаго — полковникъ князь Михайло Голицынъ, показали себя героями. На слѣдующій (1703) годъ, гвардія снова нанесла пораженіе шведамъ у деревни Калинкиной (6-го мая), взяла укрѣпленіе Ніеншанцъ, участвовала въ заложеніи Петербургской крѣпости (16-го мая), выдержала бой съ шведскимъ генераломъ Кроніортомъ, на берегахъ рѣки Сестры; а въ 1704 году, подъ Нарвою же, отомстила шведамъ за пораженіе 1700 года.

Съ перенесеніемъ военныхъ дѣйствій въ Литву и Польшу, Преображенскій и Семеновскій полки, вмѣстѣ съ арміею фельдмаршала Огильви, выдержали осаду въ Гродно, откуда совершили замѣчательное отступленіе къ Бресту; два раза были въ Кіевѣ; ходили къ Варшавѣ,—однимъ словомъ, участвовали во всѣхъ стратегическихъ передвиженіяхъ нашей арміи. Что бы скорѣе являться на назначенные пункты, а потомъ столь-же быстро пере-

носиться на другіе, нужно было совершать весьма большіе переходы. Дабы дать къ этому возможность и вмѣстѣ съ тѣмъ сберечь людей, гвардію въ это время приказано было посадить на лошадей, и служба ея въ 1707 и 1708 годахъ была вполнѣ драгунская.

Въ 1708 году Преображенцы и Семеновцы покрыли себя новою славою: послѣ усиленныхъ маршей по рѣкѣ Сожѣ, они, подъ предводительствомъ князя Мих. Мих. Голицына, разбили шведскій отрядъ генерала Росса, при мѣстечкѣ Добромъ; а спустя мѣсяцъ (28 сентября), подъ личнымъ начальствомъ самаго царя, одержали побѣду надъ Левенгауптомъ, при деревнѣ Лѣсной. Въ сраженіи этомъ, которое Петръ Великій назвалъ предтечею и матерью Полтавской битвы, ружья раскалялись отъ выстрѣловъ, и люди дрались до изнеможенія, а предводитель гвардіи, князь М. М. Голицынъ, по словамъ царя, сражался какъ левъ.

Участіе гвардейцевъ въ безсмертномъ Полтавскомъ бою было тоже изъ самыхъ доблестныхъ. Здѣсь, въ рѣшительную минуту рукопашнаго столкновенія съ непріятелемъ, Преображенцы (и именно 2-й баталіонъ этого полка) дѣйствовали подъ личнымъ начальствомъ государя и остановили отчаянный напоръ шведовъ. Остальныя части гвардіи тоже покрыли себя въ этотъ день неувядаемою славою, и затѣмъ, посаженныя на лошадей, преслѣдовали непріятеля до Переволочны.

По окончаніи полтавскаго сраженія, всѣ офицеры гвардейскихъ частей съѣхались къ царю; передъ каждымъ изъ нихъ онъ опускалъ свою шпагу, поздравлялъ съ побѣдою, а потомъ, обратясь ко всѣмъ вообще, привѣтствовалъ ихъ слѣдующими, достопамятными, словами:

— „Здравствуйте, сыны отечества, чада мои возлюбленные!— потомъ трудовъ моихъ создалъ я васъ; вы, имѣя любовь къ Богу, къ вѣрѣ православной и ко мнѣ, не щадили живота своего и на тысячи смертей устремлялись безбоязненно. Храбрыя дѣла ваши никогда не забудетъ потомство!“

Въ награду за подвиги, оказанные въ полтавскомъ бою, штабъ-и оберъ-офицеры Преображенскаго и Семеновскаго полковъ пожалованы золотыми медалями и портретами государя, съ бриллiантовыми украшеніями; солдатамъ выдано годовое, не въ зачетъ, жалованье; кромѣ того, оберъ-офицеры повышены въ чинахъ.

Какъ ни рѣшительна была полтавская побѣда, какъ ни ве-

лико было ея вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій, но война затянулась еще на цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ. И гдѣ, за это время, не побывалъ Петръ? и куда ни бросала судьба его вѣрную гвардію, съ которою онъ почти никогда не разлучался!

Вторая половина сѣверной войны началась осадою Выборга (1710 г.), въ которой Преображенскій и Семеновскій полки принимали дѣятельное участіе. Вскорѣ разрывъ съ Турціею (1714 г.) заставилъ ихъ перенестись съ береговъ Невы на берега Прута, гдѣ они вновь заслужили неувядаемые лавры при отступленіи отъ м. Фальчи къ деревнѣ Гушъ. Съ 1712 года, гвардія хотя и была во всѣхъ кампаніяхъ, но случаи къ непосредственному участію въ бою встрѣчались ей уже рѣже. Въ 1712 году она была въ Польшѣ, принимала участіе въ осадѣ Штетина, откуда перешла въ Голштинію. Въ 1713 году, оба гвардейскіе полка направлены были черезъ Шверинъ къ Гамбургу; подъ личнымъ начальствомъ царя разбили шведскій отрядъ генерала Штенбока, подъ Эйдерштетомъ, и возвратились въ Польшу. Въ слѣдующихъ, морскихъ, кампаніяхъ, дѣло при Наппо и Гангеудѣ, походъ въ Данію и Гренгамская битва будутъ всегда служить памятниками доблестныхъ дѣяній Преображенцевъ и Семеновцевъ. Гренгамскимъ сраженіемъ заключилось участіе гвардіи въ Сѣверной войнѣ, окончившейся, въ 1721 году, Нистадтскимъ миромъ, послѣ котораго Преображенскій и Семеновскій полки, вмѣсто Царской, стали именоваться императорскою россійскою гвардіею.

На другой же годъ по окончаніи Сѣверной войны царю опять понадобились его постоянные сподвижники, для предпринятаго имъ противъ Персіи, такъ называемаго „низоваго“ похода.

Въ составъ дѣйствующихъ войскъ Петръ Великій назначилъ по баталіону отъ обоихъ гвардейскихъ полковъ. Доплывъ до Астрахани по Волгѣ, гвардейцы посажены были тамъ на галеры, и во главѣ флота, предводимаго адмираломъ Апраксинымъ, вышли на берегъ у Аграна, гдѣ участвовали въ закладѣ перваго на Кавказѣ русскаго укрѣпленія, названнаго Аграпскимъ. Дальнѣйшее движеніе по западному берегу Каспійскаго моря, начиная отъ переправы черезъ Сулакъ до похода къ Баку, не оправдало надеждъ царя; русское войско возвратилось въ Астрахань, откуда гвардейскіе баталіоны возвращены были къ своимъ частямъ, въ С.-Петербургъ. Здѣсь они оставались до весны 1724 года, когда

вся гвардія вызвана была въ Москву, для присутствованія на коронаціи императрицы Екатерины Алексѣевны. Послѣ коронаціи, оба полка снова возвратились въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ имъ пришлось участвовать въ другой, уже скорбной церемоніи—въ погребеніи великаго основателя и покровителя ихъ.

Сколь ни кратокъ представленный здѣсь очеркъ дѣятельности Преображенцевъ и Семеновцевъ въ первые тридцать лѣтъ ихъ существованія, но и изъ него уже видно, сколь важную службу сослужили они царю и отечеству и какъ много причинъ имѣлъ Петръ высоко цѣнить разнообразныя качества своихъ воспитанниковъ. Удостоивая наиболѣе выдающихся лицъ изъ ихъ среды, особыхъ и важныхъ порученій всякаго рода, онъ употреблялъ и остальную массу самымъ многоразличнымъ, въ военномъ отношеніи, образомъ: Петровскіе гвардейцы, будучи собственно пѣхотою, не только употреблялись какъ артиллеристы, инженеры, судостроители, но зачастую и въ качествѣ конницы, и въ качествѣ матросовъ, или дессантныхъ войскъ, и на всякую службу оказывались они пригодными, и все были готовы исполнить по слову своего державнаго вождя, который, съ своей стороны, любилъ ихъ какъ свое созданіе, своихъ друзей, и, случайно разставаясь съ ними на короткое время, всегда съ особеннымъ интересомъ освѣдомлялся въ своихъ письмахъ о всемъ, до нихъ касавшемся.

Въ царствованіе Петра Великаго оба полка комплектовались преимущественно изъ дворянъ. Только послѣ значительныхъ потерь во время военныхъ дѣйствій допускались пріемы рекрутъ и переводы изъ арміи. Причина того, что большинство поступавшихъ въ гвардію принадлежало дворянамъ, заключалось въ томъ, что тогда было постановлено правиломъ, что бы полки гвардіи были, такъ сказать, разсадникомъ офицеровъ для арміи. Каждый дворянинъ, поступавшій въ военную службу, прежде нежели сдѣлаться офицеромъ арміи, долженъ былъ поступить рядовымъ въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ и прослужить въ этомъ званіи до тѣхъ поръ, когда непосредственно самъ государь утвердитъ баллотировку его въ офицеры, на которой основывалось въ то время производство въ чины. До 1722 года, гвардія не имѣла въ чинахъ никакихъ преимуществъ; но 22 января того года, утверждена была табель о рангахъ, по которой офицеры гвардейскихъ полковъ получили старшинство двухъ чиновъ противъ армейскихъ.

V.

Послѣ смерти великаго основателя, гвардейскіе полки пріобрѣтаютъ еще новое, особенное значеніе. Петръ, при всемъ вниманіи и любви къ своимъ птенцамъ, держалъ ихъ, что называется, въ рукахъ; и въ этихъ рукахъ они были лишь послушными орудіями, не дерзая помышлять о какомъ либо другомъ значеніи, какъ быть ближайшими охранителями особы государевой, безпрекословными исполнителями его воли, обязанными подавать примѣръ всѣмъ прочимъ въ усердномъ служеніи престолу и отечеству. Сила и слава Петра были ихъ силою и славою. Мѣста для сомнѣній въ его правахъ на престолъ не существовало. Петръ былъ не только ихъ прирожденнымъ царемъ, но и ихъ создателемъ, возведшимъ многихъ изъ своихъ бывшихъ потѣшныхъ на высшія степени почестей. Его личные интересы и интересы гвардейцовъ были всегда солидарны между собою.

Но вотъ, по кончинѣ Петра Великаго, вопросъ о престолонаслѣдіи остается открытымъ; слѣдуетъ рядъ дворцовыхъ переворотовъ, гдѣ каждая партія старается заручиться матеріальною силою, для устраненія, или низверженія своихъ противниковъ и, конечно, обращается къ той силѣ, которая тутъ же, подъ рукою— къ гвардейцамъ: въ нихъ заискиваютъ, ихъ расположеніе стараются снискать разными поблажками, или же ищутъ возстановить ихъ всякими способами противъ другой партіи. А тутъ еще цѣлая серія женскихъ правленій, съ неизбѣжными фаворитами и обширною ареною для всякаго рода интригъ. При такомъ порядкѣ дѣлъ не мудрено было бы гвардейскимъ полкамъ обратиться въ своего рода преторіанцевъ и стать скорѣе обузою, нежели поддержкою для правительства; тѣмъ не менѣе, мы этого не видимъ, и преторіанскій духъ, не смотря на всѣ благопріятствовавшіе ему обстоятельства, вовсе не принимаетъ въ рядахъ гвардіи угрожающихъ размѣровъ. Правда, находясь всегда въ столицѣ, ласкаемые дворомъ, тогдашніе гвардейцы склонны были нѣсколько поизбаловаться и пораспуститься, но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда готовы были идти куда укажутъ—хоть за тридевять земель,—переносить всѣ трудности и невзгоды дальняго похода, и, въ столкновеніи съ непріятелемъ, подавать всѣмъ примѣръ своею воинскою доблестію.

Самое участіе ихъ въ дворцовыхъ переворотахъ вызывалось или оскорбленнымъ національнымъ чувствомъ, или приверженностію къ прямымъ, по ихъ понятіямъ, наслѣдникамъ Петровымъ. Надо, впрочемъ, и то сказать, что одно уже присутствіе гвардейцевъ и выраженіе ими сочувствія извѣстному дѣлу заставляли противную партію стушевываться......

Не успѣлъ еще Петръ Великій закрыть глаза, какъ уже закипѣла борьба придворныхъ партій: одна сторона стояла за возведеніе на престолъ супруги государевой; другая—прочила ему въ преемники малолѣтняго сына умершаго царевича Алексѣя.

Екатерина, имѣя на своей сторонѣ князя Меншикова, поручила ему и Толстому дѣйствовать въ пользу ея правъ. Прежде всего, разумѣется, надо было склонить на ея сторону войско, находившееся въ Петербургѣ. Гвардія была предана до обожанія умершему императору; эту привязанность перенесла она и на Екатерину, которую видѣли постоянно съ мужемъ и которая умѣла казаться солдату настоящею полковницею. Къ партіи Меншикова принадлежалъ и подполковникъ гвардіи Иванъ Бутурлинъ; вѣроятно по его почину, въ залу дворца, гдѣ вельможи совѣщались о престолонаслѣдіи, собрались и гвардейскіе офицеры, предварительно заявившіе Екатеринѣ свою преданность и готовность поддерживать ея права на престолъ; въ то же время нижніе чины Преображенскаго и Семеновскаго полковъ расположились вокругъ дворца.

Столь вѣсскіе доводы въ пользу Екатерины не могли не произвести благопріятнаго результата: партія ея, поддержанная голосомъ гвардіи, восторжествовала.

При воцареніи Петра II-го гвардія не играла никакой роли, такъ какъ другихъ соискателей престола, которые могли бы съ нимъ соперничать, не было, и главный магнатъ, князь Меншиковъ уже успѣлъ заручиться согласіемъ Екатерины на бракъ Петра съ его дочерью. Кратковременное царствованіе этого императора—равно какъ и предшествовавшее—ничѣмъ не отразилось на Преображенскомъ и Семеновскомъ полкахъ,—развѣ что дисциплина, ослабѣвшая уже при Екатеринѣ, теперь расшаталась еще болѣе.

Напротивъ того, при воцареніи Анны Ивановны и при извѣстныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ вступленіе ея на пре-

столъ, Преображенцамъ и Семеновцамъ пришлось играть роль не малую, и при томъ — самаго охранительнаго свойства. Противники ограниченія самодержавной власти нашли полное сочувствіе въ средѣ гвардейскихъ офицеровъ.

Когда, 10-го февраля 1730 года, Анна Ивановна прибыла въ село Всесвятское, подъ Москвою, то немедленно явились туда: баталіонъ Преображенскаго полка и отрядъ кавалергардовъ (учрежденный Екатериною). Анна вышла къ нимъ и тутъ же объявила себя полковникомъ Преображенскаго полка и капитаномъ кавалергардовъ, хотя это было явнымъ нарушеніемъ условій, предварительно заключенныхъ ею съ верховнымъ совѣтомъ, стремившимся забрать всю власть въ свои руки. Но фактъ совершился, и Преображенцы уже глядѣли на нее не только, какъ на императрицу, но и какъ на свою непосредственную начальницу.

15 февраля государыня совершила торжественный въѣздъ въ Москву. Въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ собрались высшіе чины, начались пренія о формѣ присяги.

Говорятъ была попытка заставить присягнуть императрицѣ и Верховному Совѣту. Такую форму присяги фельдмаршалъ князь Василій Владиміровичъ Долгорукій попробовалъ было предложить Преображенскому полку, но получилъ отвѣтъ, что если онъ будетъ на этомъ настаивать, то ему ноги переломаютъ.

Когда, 25 числа февраля, представители дворянства, сенатъ и генералитетъ подали Аннѣ Ивановнѣ сборное всеподданнѣйшее прошеніе о пересмотрѣ условій, подписанныхъ ею въ Митавѣ, то офицеры лейбъ-гвардіи Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, желавшіе, совмѣстно съ прочими дворянами, полнаго возстановленія самодержавія, приступили къ императрицѣ и громогласно заявили ей: „не хотимъ, чтобы государынѣ предписывались законы; она должна быть такою же самодержицею, какъ были всѣ прежніе государи!“ Когда Анна стала унимать ихъ, они бросились передъ нею на колѣни, съ крикомъ: „государыня, мы вѣрные подданные вашего величества! мы вѣрно служили прежнимъ великимъ государямъ и сложимъ головы на службѣ вашего величества, но мы не можемъ терпѣть, чтобы васъ притѣсняли. Прикажите, государыня, и мы принесемъ къ вашимъ ногамъ головы вашихъ злодѣевъ!“

Такому рѣшительному заявленію со стороны представителей

вооруженной силы трудно было бы противиться: условія, подписанныя Анною въ Митавѣ, были уничтожены и, такимъ образомъ, властолюбивые замыслы верховниковъ кончились полною неудачею.

Отдѣлались отъ русскихъ олигарховъ, но на ихъ мѣсто явились остзейскіе нѣмцы: Биронъ и Левенвольдъ. Вредное вліяніе, которое имѣли на императрицу эти два временщика, и сила, ими забранная, возбудили сильный ропотъ уже въ первый годъ правленія Анны Ивановны. Опасеніе болѣе чувствительныхъ проявленій народнаго неудовольствія понудило правительство къ принятію различныхъ мѣръ для сдержанія мятежнаго духа. Между прочимъ, рѣшено было увеличить силу гвардіи, какъ войска, состоящаго въ ближайшемъ, непосредственномъ распоряженіи государыни: кромѣ Преображенскаго и Семеновскаго сформировали еще одинъ гвардейскій полкъ, въ составѣ двухъ тысячъ человѣкъ. Полкъ этотъ набранъ былъ весь изъ мелкой шляхты, служившей въ корпусѣ украинской милиціи, и названъ Измайловскимъ, по имени села Измайлова, любимаго подмосковнаго мѣстопребыванія императрицы; офицеры же въ него набраны были большею частію изъ нѣмцевъ.

Кромѣ того, изъ бывшаго лейбъ-регимента (учрежденнаго еще при Петрѣ Великомъ) сформированъ былъ лейбъ-гвардіи Конный полкъ.

Перемѣны, происшедшія вслѣдствіе измѣненія штатовъ въ составѣ гвардіи, вообще заключались въ томъ, что вмѣсто бывшихъ въ полкахъ гренадерскихъ ротъ приказано имѣть въ каждой изъ фузелерныхъ по 16 гренадеръ, и затѣмъ штатное число доведено: въ л.-гв. Преображенскомъ полку до 3345 человѣкъ, а въ л.-гв. Семеновскомъ—до 2472.

Въ царствованіе Анны Ивановны, послѣ пятнадцати-лѣтняго покоя, преображенцамъ и семеновцамъ опять пришлось участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ. Въ 1737 году, въ армію, ввѣренную начальству фельдмаршала Миниха, командированъ былъ особый гвардейскій отрядъ, состоявшій изъ трехъ баталіоновъ (по одному съ каждаго полка), двухъ эскадроновъ конной гвардіи и шести орудій. Отрядъ этотъ, подчиненный брату временщика, генералу Густаву Бирону, принималъ дѣятельное участіе въ осадѣ Очакова и въ приступахъ на эту крѣпость, произведенныхъ 1-го и 2-го іюля. Въ 1738 году, тотъ же гвар-

дейскій отрядъ участвовалъ въ общемъ движеніи арміи къ Бугу и Кодыму—движеніи тяжкомъ, изнурительномъ, но не принесшемъ намъ никакихъ выгодныхъ результатовъ. Въ 1739 году, гвардейцы принимали блистательное участіе во взятіи крѣпости Хотина и въ достопамятной Ставучанской битвѣ (28 августа). Въ январѣ 1740 года, они съ торжествомъ возвратились въ Петербургъ, гдѣ опять присоединены были къ своимъ полкамъ.

VI.

Съ кончиною императрицы Анны Ивановны опять зашевелились раличныя партіи, опять поднялась у нихъ ожесточенная борьба за власть, и въ борьбѣ этой гвардейцамъ,—особено лейбъ-гвардіи Преображенскому полку, пришлось играть не маловажную роль.

Регентство Бирона, тяжкое для всего народа, ненавистно было и для гвардіи. Нѣкоторые изъ офицеровъ не стѣснялись громко высказывать порицаніе дѣйствіямъ надменнаго иноземца, ставшаго хозяиномъ Россіи, и, конечно, жестоко поплатились за свою неосторожность. Въ числѣ первыхъ жертвъ мстительности и подозрительности временщика мы встрѣчаемъ двухъ офицеровъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка: Ханыкова и Аргамакова, и того же полка сержанта Алфимова. Они были схвачены и подвергнуты пыткѣ; но дѣло Бирона отъ этого не поправилось. Неудовольствіе противъ регента назрѣвало уже до такой степени, что фельдмаршалу Миниху не составило большаго труда неожиданно арестовать его. Переворотъ этотъ совершился при помощи нѣсколькихъ десятковъ солдатъ Преображенскаго полка.

Врученіе правительственной власти матери юнаго императора Іоанна, Аннѣ Леопольдовнѣ, не много принесло пользы государству; старѣйшіе сановники продолжали интриговать другъ противъ друга; господство нѣмцевъ, столь всѣмъ опостылившее и ненавистное, продолжалось по прежнему; правительница не умѣла взяться за дѣло, и высокій санъ оказался ей вовсе не по плечу. Неудовольствіе и ропотъ на иноземное владычество не прекращались, и такимъ образомъ, мало-по-малу, подготовлялась почва для возведенія на престолъ—цnapевны Елисаветы, родной дочери

великаго Петра, память коего свято чтилась въ созданныхъ имъ Преображенскомъ и Семеновскомъ полкахъ. Елисавета, съ своей стороны, старалась привлекать на свою сторону гвардейскихъ солдатъ ласковымъ обращеніемъ и подарками; по мѣрѣ усиленія ея популярности въ гвардіи, увеличивалась и подозрительность, если не Анны Леопольдовны, то близкихъ къ ней лицъ, уже склонявшихъ ее принять противъ царевны весьма крутыя мѣры.

Для предотвращенія грозящей опасности, приверженцы Елисаветы, тѣсно связавшіе свою судьбу съ ея судьбою, побуждали ее ускорить рѣшительный ударъ, и орудіемъ этого новаго переворота опять являются гвардейцы. Въ ночь съ 24-го на 25-е ноября 1741 года, царевна съ гренадерами лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка отправилась къ Зимнему дворцу, гдѣ и арестовали правительницу со всѣмъ ея семействомъ и приближенными.

На другой день, въ началѣ 3-го часа пополудни, новая императрица съ торжествомъ переѣхала изъ своего стараго дома (на бывшемъ каналѣ у Царицына луга) въ старый Зимній дворецъ; тутъ, послѣ отслуженія благодарственнаго молебствія, ее окружили Преображенскіе гренадеры: „ты, матушка—говорили они ей,—видѣла, какъ мы усердно сослужили тебѣ свою службу; за это просимъ одной награды: объяви себя капитаномъ нашей роты, и пусть мы первые присягнемъ тебѣ“.

На эту просьбу не могла не согласиться Елисавета; но кромѣ того, она, въ послѣдній день того же 1741 года, отблагодарила своихъ приверженцовъ именнымъ указомъ, въ силу котораго гренадерская рота лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка получила названіе лейбъ-компаніи; капитаномъ оной была сама императрица, капитанъ-поручикъ равнялся полному генералу, два поручика—генералъ-лейтенантамъ; два подпоручика—генералъ-маіорамъ, прапорщикъ—полковнику, сержанты—подполковникамъ, капралы-капитанамъ. Сверхъ того, унтеръ-офицеры, капралы и рядовые пожалованы были потомственнымъ дворянствомъ и въ гербы ихъ внесена надпись: „за ревность и вѣрность“. Оберъ-и унтеръ-офицеры, а также рядовые лейбъ-компаніи пожалованы были деревнями изъ отписныхъ имѣній тѣхъ лицъ, которые были арестованы 25-го ноября 1741 г., послѣ низверженія правительницы Анны Леопольдовны.

Прочія гвардейскія части тоже не остались безъ наградъ: офи-

церы получили не въ зачетъ третное жалованье, солдатамъ же выдано: на Преображенскій полкъ 12 т., на Семеновскій и Измайловскій — по 9 т. рублей.

Въ замѣнъ лейбъ-компаніи, ставшей уже въ совершенно исключительное положеніе, сформирована была въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку новая гренадерская рота.

Во время войны съ шведами, въ 1741 и 1742 годахъ, изъ частей гвардіи, остававшихся отъ похода въ Москву, сформированъ былъ особый отрядъ, составившій резервъ финляндской арміи. Отрядъ этотъ непосредственнаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ не принималъ.

По вступленіи на престолъ императора Петра III, во внутреннемъ устройствѣ гвардейскихъ полковъ произведены были значительныя измѣненія. Между прочимъ, Преображенскій полкъ переформированъ въ три баталіона: одинъ изъ шести гренадерскихъ, и два каждый по одной гренадерской и пяти мушкетерскихъ ротъ. Лейбъ-компанія была расформирована. Семеновскій же полкъ получилъ двухъ-баталіонный составъ, имѣя въ каждомъ баталіонѣ по одной гренадерской и пяти мушкетеркихъ ротъ.

Безразсудное поведеніе Петра III, какъ извѣстно, возбудило противъ него всеобщее неудовольствіе и повело къ новому перевороту, въ которомъ гвардейскіе полки опять принимали главное участіе. Въ ихъ главѣ, императрица Екатерина II выступила изъ Петербурга къ Петергофу, въ достопамятный день 28-го іюня 1762 года; на ней надѣтъ былъ преображенскій мундиръ стараго покроя, введеннаго при Петрѣ Великомъ, и потому считавшагося уже настоящимъ русскимъ.

Какъ при этомъ дворцовомъ переворотѣ, такъ и при низверженіи Бирона и Анны Леопольдовны, одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ, поднявшихъ массу противъ правителей, было оскорбленіе послѣдними національнаго чувства. Петръ III и весь голштинскій синклитъ, его окружавшій, дѣйствовали такъ, какъ будто сознательно и преднамѣренно хотѣли озлобить противъ себя всѣхъ русскихъ; супруга-же его, которой—подобно какъ Елисаветѣ при Аннѣ Леопольдовнѣ—угрожала весьма печальная участь, вынуждена была самою силою обстоятельствъ встать во главѣ анти-правительственной партіи и содѣйствовать низверженію своего неосторожнаго мужа.

Императрица Екатерина II, по вступленіи своемъ на престолъ, повелѣла всѣмъ частямъ гвардіи быть въ томъ-же составѣ и устройствѣ, въ какомъ находились онѣ въ концѣ царствованія Елисаветы Петровны, т. е. до 13-го марта 1762 года; кромѣ того изъ чиновъ упраздненной при Петрѣ III лейбъ-компаніи былъ составленъ, такъ называемый, Кавалергардскій корпусъ; а въ л.-гв. преображенскомъ полку сформирована вторая гренадерская рота (1775 г.).

Въ царствованіе Екатерины II, л.-гв. преображенскій и семеновскій полки принимали крупное участіе въ шведской войнѣ 1788, 1789 и 1790 годовъ. Какъ при Петрѣ Великомъ, во время Сѣверной войны, такъ и въ этихъ замѣчательныхъ кампаніяхъ, они сражались не только на сухомъ пути, но и на морѣ, содѣйствуя побѣдамъ нашего флота. Особыя отличія оказаны были преображенцами и семеновцами въ сраженіяхъ: въ 1789 г., при деревнѣ Скоби, а на морѣ—у Свенскъ-Зунда и Гекфорса; въ 1790 г.—при Саватайполѣ и въ Выборгскомъ заливѣ.

Съ воцареніемъ императора Павла пошла общая перестройка нашихъ войскъ, и преобразованія эти начались съ гвардіи. Первымъ изъ нихъ было то, что находившіеся въ Гатчинѣ собственныя войска его величества распредѣлены по гвардейскимъ полкамъ. Вслѣдствіе этого, преображенскій полкъ (9-го ноября 1796 года) получилъ гатчинскіе баталіоны №№ 1 и 4 и приведенъ въ составъ трехъ гренадерскихъ ротъ и трехъ баталіоновъ, каждый изъ пяти мушкетерскихъ ротъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, бомбардирская рота преображенскаго полка было отъ него отчислена и составила, съ пушкарями прочихъ полковъ, лейбъ-гвардіи артиллерійскій баталіонъ.

Семеновскій-же полкъ, усиленный гатчинскими баталіонами №№ 2 и 6, составленъ былъ изъ двухъ гренадерскихъ ротъ и двухъ пяти-ротныхъ мушкетерскихъ баталіоновъ.

Тогда-же повелѣно баталіоны и роты, именовавшіеся дотолѣ по нумерамъ, именовать по фамиліямъ ихъ начальниковъ; баталіоны-же, кромѣ ихъ непосредственныхъ командировъ, получили еще шефовъ, въ чинахъ генераловъ. Въ 1797 году, преображенскому и семеновскому полкамъ прибавлено было еще по одному баталіону; въ этомъ составѣ они оставались до 1800 года, когда вмѣсто гренадерскихъ ротъ учреждены „флигель-

роты“, которыхъ въ преображенскомъ полку было двѣ, а въ семеновскомъ одна, и съ тѣмъ вмѣстѣ всѣ баталіоны этихъ полковъ названы гренадерскими.

Въ томъ-же 1800 году, полки гвардіи, вмѣсто прежнихъ наименованій, стали называться именами ихъ шефовъ; такъ преображенскій полкъ сталъ именоваться лейбъ-гвардіи его величества полкомъ, а семеновскій—лейбъ-гвардіи его императорскаго высочества Александра Павловича полкомъ.

VII.

Прежнія названія возвращены были полкамъ Петровской бригады, а равно и прочимъ полкамъ, послѣ воцаренія Александра I. Въ 1801 году, флигель-роты были упразднены; преображенскій полкъ приведенъ въ четырехъ-баталіонный, а семеновскій въ трехъ-баталіонный составъ.

Въ 1811 году, отъ преображенскаго полка былъ отдѣленъ одинъ баталіонъ, изъ котораго сформированъ новый гвардейскій полкъ—литовскій (впослѣдствіи—л.-гв. московскій).

Преображенскій и семеновскій полки принимали участіе во всѣхъ войнахъ, веденныхъ въ царствованіе Александра I, за исключеніемъ лишь персидской и турецкой. Въ первую войну противъ Наполеона, въ 1805 году, они, вмѣстѣ съ прочими гвардейскими частями, двинуты были въ Австрію и присоединились къ нашей дѣйствующей арміи за нѣсколько дней до сраженія при Аустерлицѣ. Въ этой, несчастной для насъ, битвѣ обоимъ полкамъ пришлось отступать подъ непрерывнымъ артиллерійскимъ огнемъ, сопровождаемымъ атаками французской кавалеріи, и при этомъ вытаскивать еще изъ грязи свои пушки. Того, что было испорчено въ самомъ началѣ, они, конечно, поправить не были въ состояніи; но все, что могла сдѣлать личная храбрость—было сдѣлано ими. Потери обоихъ полковъ въ этомъ сраженіи были очень велики.

Въ 1806 году, въ дѣлѣ подъ Гейльсбергомъ, гвардія все время находилась въ резервѣ; въ сраженіи же подъ Фридландомъ, Семеновскій полкъ стоялъ въ огнѣ и понесъ значительную убыль въ людяхъ; Преображенцы не принимали участія въ этомъ

несчастномъ сраженіи, такъ какъ еще наканунѣ отряжены были для занятія переправъ у Алленбурга.

Въ Отечественную войну, всѣ гвардейскіе полки принадлежали къ 5-му корпусу и составляли резервъ 1-й арміи. Преображенцамъ и Семеновцамъ не пришлось вступать въ непосредственное столкновеніе съ непріятелемъ; тѣмъ не менѣе, во время Бородинской битвы они понесли значительныя потери, находясь въ теченіе 5-ти часовъ подъ выстрѣлами французскихъ батарей.

Эту же роль резерва обоимъ полкамъ пришлось играть и въ первую половину войны 1813 года, до знаменитаго сраженія подъ Кульмомъ, гдѣ они, вмѣстѣ со всею остальною гвардіею, покрыли себя неувядаемою славою. Еще наканунѣ этого боя, отступленіе, совершенное 1-ю гвардейскою дивизіею къ Теплицу (15-го и 16-го августа) по едва проходимымъ дорогамъ, среди лѣсистыхъ горъ, представляетъ собою рядъ частныхъ подвиговъ не только каждаго изъ гвардейскихъ полковъ, но почти каждой изъ ротъ ихъ. Въ числѣ сихъ подвиговъ укажемъ на одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ: это—атака въ штыки, произведённая 2-мъ баталіономъ Преображенскаго полка около д. Гисгюбеля, гдѣ непріятель попытался преградить дорогу нашимъ войскамъ. Атака эта увѣнчалась полнымъ успѣхомъ [1]).

Въ бою 17-го августа, подъ Кульмомъ, пришлось выдерживать, въ теченіе многихъ часовъ, натискъ цѣлаго корпуса Вандамма; всѣ наличныя части ея введены были въ дѣло; въ резервѣ оставалась одна лишь рота его величества Преображенскаго полка. За подвигъ сей, всѣ гвардейцы удостоились высокихъ наградъ монаршихъ. Преображенскому и Семеновскому полкамъ, за сраженіе подъ Кульмомъ, пожалованы Георгіевскія знамена.

Послѣ этого славнаго боя и до самаго взятія Парижа, обоимъ полкамъ уже не пришлось принимать непосредственнаго участія въ сраженіяхъ съ французами.

Въ 1820 году, во время пребыванія императора Александра за границею, л.-гв. Семеновскій полкъ постигнутъ былъ крайне печальною участью. Бестактность и жестокость полкового коман-

---

[1]) Картина, изображающая эту блистательную атаку, находится въ Зимнемъ дворцѣ, въ залѣ, занимаемомъ пѣхотнымъ карауломъ (что передъ большою церковью).

дира Шварца вызвали крайнія неудовольствія между имъ и его подчиненными. Послѣдствіемъ сего было, что всѣ офицеры и нижніе чины, за произведенные послѣдними безпорядки, переведены были въ армію, а полкъ сформированъ вновь изъ частей гренадерскихъ полковъ, на правахъ молодой гвардіи. Всѣ прежнія преимущества возвращены Семеновскому полку лишь въ 1823 г. [1]),

При вступленіи на престолъ императора Николая, въ печальной памяти день 14-го декабря 1825 года, одною изъ первыхъ частей войскъ, явившихся на защиту молодого государя, которому угрожала явная опасность, былъ 1-й баталіонъ л.-гв. Преображенскаго полка. Память о семъ сохраняется, между прочимъ, въ картинѣ, подаренной Николаемъ Павловичемъ означенному баталіону и украшающей дежурную комнату онаго. На ней изображено прибытіе Преображенцевъ на дворцовую площадь и встрѣча ихъ государемъ.

Въ Турецкую кампанію 1828 года Преображенскій и Семеновскій полки принимали участіе въ осадѣ Варны; а по взятіи сей крѣпости возвратились, вмѣстѣ съ остальною гвардіею, въ предѣлы имперіи. Въ войну противъ польскихъ мятежниковъ, въ 1831 году, охотники отъ обоихъ полковъ участвовали въ приступѣ на укрѣпленное предмѣстье Варшавы—Волю, выказывая при этомъ достойную ихъ отвагу и презрѣніе къ смерти.

Во время Венгерской войны 1849 г., Преображенскій и Семеновскій полки, вмѣстѣ съ остальною гвардіею, занимали сѣверозападные предѣлы имперіи.

Въ войну 1853—1856 годовъ составъ обоихъ полковъ былъ удвоенъ; дѣйствующія части двинуты были къ западной границѣ, а резервныя остались при отрядѣ, охранявшемъ Петербургъ и его окрестности. Ни тѣмъ, ни другимъ въ дѣлѣ побывать не пришлось.

Въ царствованіе императора Александра II, обоимъ полкамъ пришлось не разъ побывать въ огнѣ. Въ 1863 году они участвовали въ подавленіи мятежа, вспыхнувшаго въ Литвѣ и имѣли нѣсколько удачныхъ стычекъ съ повстанцами. Что же касается

---

[1]) Подробный разсказъ о „событіи въ л.-г. Семеновскомъ полку" въ 1820 г., основанный на неизданныхъ матеріалахъ,—напечатанъ въ „Русской Старинѣ" изд. 1883 г., томъ XXXVII, мартъ, стр. 685—702; т. XXXVIII, апрѣль, стр. 61—94.

до подвиговъ, оказанныхъ ими въ послѣднюю Восточную войну 1877 - 1878 гг., то они у всѣхъ еще свѣжи въ памяти. Неся наравнѣ съ армейскими полками всѣ трудности похода, преображенцы и семеновцы перешли считавшіеся дотолѣ непроходимыми вершины и трущобы Балканскихъ горъ, и памятью ихъ доблестнаго участія въ освобожденіи Болгаріи останутся пожалованныя покойнымъ государемъ на каски ихъ надписи: Преображенцамъ — „за Ташкисенъ", Семеновцамъ—„за Правецъ".

Славныя преданія обоихъ полковъ бригады Великаго Петра, переходя изъ рода въ родъ, отъ дѣдовъ къ внукамъ, сохранились и до нынѣ во всей ихъ свѣжести. Недавнее прошлое доказало намъ, что преображенцы и семеновцы представляются вполнѣ достойными преемниками тѣхъ воиновъ, своихъ однополчанъ, которые отстояли Россію и Петра подъ Полтавою. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что доблестный духъ „Петровской бригады" пребудетъ навсегда такимъ же, какимъ былъ въ теченіе ея двухсотлѣтняго существованія.

Празднованіе двухсотлѣтняго юбилея лейбъ-гвардіи Преображенскаго и Семеновскаго полковъ будетъ совершено въ маѣ мѣсяцѣ 1883 г., въ Москвѣ, куда они отправятся для присутствія на священномъ коронованіи ихъ Величествъ.

Хотя начало потѣшныхъ какъ—показано въ началѣ этого очерка—слѣдуетъ считать лишь съ 30-го ноября 1683 г., но принимая во вниманіе, что въ періодъ двухъ вѣковъ, какіе нибудь шесть мѣсяцевъ представляютъ величину слишкомъ незначительную,— вполнѣ должно отнестись съ глубокимъ сочувствіемъ къ мысли— соединить этотъ юбилей славныхъ полковъ съ годовщиною дня рожденія ихъ великаго основателя, явившагося на свѣтъ, для блага и счастія Россіи, въ день св. Исаакія Далматскаго, т. е. 30-го мая.

Ред.

ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ ПОЛКЪ

ВЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ ЕГО СТАРАГО ОФИЦЕРА

съ 1831-го по 1846 г.

I.

Въ концѣ 1831 года, я изъ родительскаго дома былъ привезенъ въ С.-Петербургъ и по выдержаніи мной экзамена въ наукахъ, былъ опредѣленъ въ военную службу, поступивъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, съ зачисленіемъ л.-гв. въ Преображенскій полкъ, первоначально на 3 мѣсяца рядовымъ солдатомъ; а впослѣдствіи, когда были провѣрены всѣ представленные мной документы о моемъ происхожденіи и о дворянскомъ моемъ достоинствѣ, я былъ уже утвержденъ въ званіи подпрапорщика л.-гв. Преображенскаго полка.

Тогда было положеніе, принятое даже самимъ обществомъ, чтобы молодые люди изъ дворянъ непремѣнно служили и бо̀льшею частію поступали въ военную службу.

Вообще, въ военную службу, какъ въ гвардію, такъ и въ армію, молодые люди принимались не ранѣе 16-ти лѣтняго возраста; но допускалось иногда, что молодыхъ людей опредѣляли на службу и ранѣе 16-ти лѣтъ, смотря по ихъ сложенію и физическому развитію.

Когда я выдержалъ экзаменъ въ наукахъ и былъ принятъ на службу въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, мнѣ до 16 лѣтъ не доставало еще нѣсколько мѣсяцевъ, но какъ все это тогда устроилось—я теперь уже не помню...

Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ въ то время была совершенно на другихъ основаніяхъ относительно существовавшихъ въ тѣ времена военно-учебныхъ заведеній: кадетскихъ корпусовъ,

Пажескаго корпуса, Дворянскаго полка, Морскаго корпуса и другихъ... Мы, всѣ подпрапорщики и юнкера, принятые въ школу, мы числились на дѣйствительной службѣ въ полкахъ и носили полное обмундированіе тѣхъ полковъ, въ которыхъ состояли и даже въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, полковой праздникъ, подпрапорщики и юнкера требовались въ полки, гдѣ во время дѣлаемаго парада государемъ, размѣщались въ строю въ числѣ всѣхъ прочихъ унтеръ-офицеровъ полковыхъ. Равномѣрно, участвовали на всѣхъ церемоніяхъ и парадахъ, дѣлаемыхъ государемъ гвардейскому корпусу. Все же остальное время, подпрапорщики и юнкера проводили въ научныхъ занятіяхъ въ зданіи школы, гдѣ находились собранными и имѣли постоянное мѣсто жительства.

Въ гвардейской тогда школѣ подпрапорщики и юнкера проходили полный 2-хъ годовой курсъ наукъ и, кромѣ того, полный курсъ военныхъ наукъ, безъ чего ни одинъ юнкеръ, ни подпрапорщикъ, не удостоивались къ производству въ офицеры въ гвардію, хотя бы по строевой части они и оказались отличными фронтовиками; но въ этихъ случаяхъ производились офицерами уже въ армію, какъ не прошедшіе удовлетворительно 2-хъ годоваго курса въ наукахъ.

Между тѣмъ, фронтовое образованіе подпрапорщиковъ и юнкеровъ въ школѣ требовалось въ полномъ и обширномъ знаніи тогдашней очень сложной военной службы. При чемъ, военная дисциплина и субординація были доведены до неимовѣрно строжайшей степени! Не говоря уже о познаніяхъ въ наукахъ, которыя требовались отъ молодыхъ людей въ школѣ, какъ отъ сословія просвѣщеннаго, но познанія по строевой военной службѣ требовались такія, что молодой человѣкъ, выпущенный изъ школы подпрапорщиковъ въ гвардію офицеромъ, при поступленіи его въ полкъ, зналъ практично всѣ должности и обязанности по военной службѣ, какъ напримѣръ, ротнаго командира и даже самаго командира баталіона... И только потому каждый изъ подпрапорщиковъ въ школѣ могъ это знать, что предъ тѣмъ, чтобы быть удостоеннымъ къ производству въ офицеры въ гвардію, надо было выдержать строгій экзаменъ у самаго его императорскаго высочества, великаго князя Михаила Павловича. Его высочество въ то время былъ командиромъ гвардейскаго корпуса и не пропускалъ ни единаго представленія о производствѣ подпрапорщиковъ и юнкеровъ въ офицеры въ гвардію безъ смотра и личнаго испытанія знаній ими военной службы не только въ обширномъ смыслѣ, но даже его высочество обращалъ особенное свое вниманіе на фигуру, порядочность и представительность каждаго желающаго служить въ гвардіи офицеромъ. Это всѣ тѣ, кто только въ тѣ времена жили и

служили, должны очень хорошо помнить—каковымъ великій князь былъ по отношенію служащихъ офицеровъ въ гвардіи.

И такъ, выпускные подпрапорщики предъ тѣмъ, чтобы быть представленными къ производству въ офицеры, должны были предстать на смотръ и на экзаменъ великаго князя Михаила Павловича. И что же это былъ за страшный тогда судъ?!... по истинѣ, сказать правду, я не могу по сіе время вспомнить безъ страха Божіяго!!... Для этого смотра, приводили въ Михайловскій манежъ одинъ изъ гвардейскихъ баталіоновъ въ полномъ составѣ и въ полномъ числѣ рядовъ тогдашняго 3-хъ шереножнаго пѣхотнаго строя. Великій князь поочередно ставилъ подпрапорщиковъ на мѣста офицеровъ въ баталіонѣ командовать взводами, ротами, и поочередно одного изъ подпрапорщиковъ назначалъ командовать баталіономъ. И вотъ тутъ-то начиналось испытаніе въ полномъ знаніи каждымъ строевой пѣхотной службы, въ обширномъ смыслѣ взятой—какъ командовать частію, какъ умѣть сноровить при эволюціяхъ и построеніяхъ и въ особенности при тогдашнихъ деплоядахъ, которыя производились въ тѣ времена въ военномъ строю съ живостью и отчетливостію непостижимыми... Однимъ словомъ, это были тогда—страсти Господни!!.. затѣмъ, продолжался экзаменъ по службѣ въ гарнизонѣ и по службѣ полевой съ присовокупленіемъ къ этому фундаментальнаго знанія воинскаго устава. И только по удовлетворительномъ испытаніи, подпрапорщики удостоивались къ производству офицерами въ гвардію. Въ противномъ случаѣ—или отставлялись отъ производства въ офицеры до слѣдующаго года, или выпускались офицерами въ армейскіе полки.

Кавалерійскіе юнкера, въ свою очередь, требовались на такой же экзаменъ по знанію верховой ѣзды и всей кавалерійской службы Такъ что въ тѣ времена тотъ, кто долженъ былъ быть выпущеннымъ въ гвардію офицеромъ, не могъ миновать страшнаго суда!

Теперь еще разъ возвращусь къ обстановкѣ воинской дисциплины въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ въ царствованіе государя Николая Павловича. Но предварительно надо сказать вообще касательно нижнихъ чиновъ, именно: что нижніе чины всѣхъ войскъ, въ какомъ бы они званіи ни были: дворяне, графы и князья, но ежели только этотъ дворянинъ, графъ, или князь состоитъ на службѣ нижнимъ чиномъ, то-есть подпрапорщикъ или юнкеръ, то онъ считается наравнѣ со всѣми нижними чинами войскъ и точно также, безъ всякаго различія, подчиняется самой строгой дисциплинѣ. Нижній чинъ не имѣлъ права ѣздить по городу въ экипажѣ или на извощикѣ, а долженъ былъ пѣшій ходить, по дѣламъ-ли службы, или по собствен-

нымъ дѣламъ—это безразлично. Даже писаря, какъ полковые, такъ и разныхъ военныхъ вѣдомствъ, всѣ подчинялись одинаковой военной субординаціи; почему и имъ, хотя и занимавшимся постоянно одной лишь письменной частію, строго воспрещалось, подъ личною отвѣтственностію, ѣздить по городу въ экипажѣ, или на извощикѣ.

Мы, подпрапорщики и юнкера школы, но какъ числящіеся въ полкахъ, тоже подчинялись тогда этому строгому военному закону. Но прочіе всѣ военно-учебныя заведенія, какъ-то: кадеты, Пажескій корпусъ, морской корпусъ, дворянскій полкъ и другіе, всѣмъ разрѣшалось ѣздить по городу въ экипажахъ и на извощикахъ, потому именно, что они не числились въ полкахъ и не состояли на дѣйствительной службѣ.

Въ тѣ времена тоже каждый нижній чинъ, при встрѣчѣ не только съ генераломъ или со штабъ-офицеромъ, но при встрѣчѣ просто съ офицеромъ, снималъ лѣвою рукою съ головы фуражку и останавливался. И это называлось дѣлать фронтъ офицеру, отдавая этимъ подлежащую ему честь. Но ежели нижній чинъ—при портупеи и имѣетъ на головѣ киверъ, то онъ дѣлаетъ офицеру фронтъ, останавливаясь, и стоитъ на этомъ мѣстѣ, пока его минуетъ офицеръ, или скажетъ нижнему чину, чтобы онъ проходилъ. Но киверовъ нижніе чины нигдѣ и ни подъ какимъ прѣдлогомъ не снимали при входѣ въ домъ и даже во дворцѣ. Равномѣрно, офицеры, находящіеся на службѣ, напримѣръ, во дворцѣ и въ особенности во внутреннемъ караулѣ, въ залахъ, цѣлый день и ночь--киверъ или каска на головѣ.

Бывало, когда насъ отпускали изъ школы по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ для свиданія съ родными, то случалось, въ особенности, проходя по Невскому проспекту, гдѣ постоянная ѣзда и ходьба офицеровъ, останавливаться и дѣлать фронтъ можетъ быть до ста разъ, пока дойдешь до своего дома!

Такимъ образомъ, съ раннихъ молодыхъ лѣтъ, въ насъ усвоивали строжайшую дисциплину и чинопочитаніе, и малѣйшій подобный проступокъ подпрапорщика или юнкера въ этихъ случаяхъ карался безпощадно, не взирая даже на молодость лѣтъ. До какой строжайшей степени требованія военной службы тогда соблюдались и какой неумолимой кары каждый изъ насъ тогда подвергался, я могу показать примѣръ на себѣ, именно то, что со мной случилось, будучи тогда такимъ еще юнымъ на службѣ и притомъ всегда исправнымъ подпрапорщикомъ, ибо я, дѣйствительно, любилъ военную службу.

И такъ, въ одинъ воскресный лѣтній день, я былъ отпущенъ изъ школы къ моей родной теткѣ Бутурлиной, которая въ это время

имѣла дачу на островахъ, гдѣ она ежегодно проводила лѣто. Насъ обыкновенно отпускали изъ школы, тѣхъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, которые могли имѣть ночлегъ у своихъ родныхъ—съ кануна праздничнаго дня или воскресенія и на самое воскресеніе до 9 часовъ вечера, или вѣрнѣе сказать, до пробитія вечерней зори, всѣ отпущенные изъ школы должны были возвратиться и явиться дежурному офицеру. Но ежели-бы подпрапорщикъ опоздалъ хотя-бы 5 минутъ послѣ пробитія зори, то неминуемо подвергался или аресту, или тому, что на слѣдующее воскресеніе не будетъ отпущенъ изъ школы. И это соблюдалось весьма строго, ибо командиръ школы, строжайшій изъ самыхъ тогда строгихъ генераловъ, баронъ Шлиппенбахъ, жилъ въ самой школѣ и ни одинъ изъ дежурныхъ офицеровъ не могъ взять на себя оказать какое-либо снисхожденіе подпрапорщику или юнкеру, потому что генералу Шлиппенбаху все было извѣстно, а его превосходительство по службѣ шутить не любилъ, и все наше школьное ближайшее начальство поступало крайне осмотрительно и осторожно.

Тѣ же изъ подпрапорщиковъ, которые не могли имѣть ночлега у своихъ родныхъ, отпускались изъ школы въ праздничный день съ ранняго утра. Я вышелъ изъ школы въ воскресенье часовъ въ 8 утра, одѣтый въ мундиръ преображенскаго полка, бѣлая портупея съ тесакомъ чрезъ плечо и киверъ на головѣ съ длиннымъ унтеръ-офицерскимъ султаномъ. А такъ какъ, съ утра, моросилъ маленькій дождь, то намъ приказывалось надѣвать въ накидку нашу солдатскую шинель. Однимъ словомъ, форма обмундированія нижняго чина, во всѣхъ частяхъ войскъ, соблюдалась въ тѣ времена, въ каждомъ даже часу дня, однообразно и пунктуально. За всѣмъ этимъ былъ строжайшій надзоръ, ибо каждый офицеръ могъ придраться, могъ остановить, потому что офицеръ тогда считался начальникомъ всякаго нижняго чина.

Такъ какъ тетушка моя, Бутурлина, была, какъ въ тѣ времена подразумѣвалось, большой барыней, потому что поздно вставала и обѣдала не ранѣе 5 часовъ пополудни, почему я прежде чѣмъ попасть къ тетушкѣ, по выходѣ изъ школы, зашелъ въ преображенскіе казармы 1-го баталіона на Миліонную. Я былъ подпрапорщикъ преображенскаго полка и числился въ 3-й фузилерной ротѣ, которою командовалъ мой двоюродный братъ, штабсъ-капитанъ Потуловъ, и кромѣ того въ полку служилъ еще и мой родной братъ и они жили вмѣстѣ на одной квартирѣ, почему я и былъ знакомъ со многими офицерами полка.

Въ этотъ день мои братья собирались тоже ѣхать на дачу къ

тетушкѣ обѣдать; но я, какъ нижній чинъ, долженъ былъ понтировать на дачу пѣшкомъ, почему, пробывъ въ казармахъ до 1-го часа дня и накурившись трубки Жукова табаку вдоволь, ибо въ школѣ курить строго воспрещалось, а о папиросахъ тогда никто еще не имѣлъ понятія, я явился къ моей тетушкѣ на дачу, гораздо ранѣе обѣденнаго часа. У моей тетушки въ то время жила воспитанница, нѣкто mademoiselle Ландсбергъ, очень хорошенькая собой молодая дѣвушка лѣтъ 17-ти. Мы съ ней до обѣда гуляли въ саду и очень весело провели время, не замѣтивъ, что обѣденный часъ уже насталъ и что съѣхалось много гостей къ обѣду, ибо тетушка Бутурлина была богатая женщина, очень гостепріимная и въ праздники у нея постоянно собиралось много гостей. Мы сѣли за столъ уже въ 6-мъ часу и пока мы обѣдали и вышли изъ-за стола, было уже слишкомъ 8 часовъ вечера, а къ 9 часамъ, до пробитія зори, мнѣ необходимо было быть уже въ школѣ, которая тогда находилась у Синяго моста, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ дворецъ покойной великой княгини Маріи Николаевны, слѣдовательно, отъ дачи тетушки мнѣ приходилось пройти порядочное разстояніе.

Тетушка Бутурлина, будучи родною сестрой моей матери, меня, какъ роднаго ея племянника, очень любила и баловала, и, зная всю строгость нашей тогда военной службы и зная, что̀ такое значитъ опоздать въ школу, предлагала довезти меня до школы въ ея каретѣ. Но я наотрѣзъ отказался, изъ опасенія, какъ нижній чинъ, встрѣтиться съ начальствомъ, да еще въ каретѣ. А тѣмъ болѣе, Боже сохрани, встрѣтиться съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ,—это была-бы тогда такая бѣда, отъ которой положительно могли-бы пострадать не только я, но командиръ школы и все мое ближайшее начальство, ибо такою грозою, какой оказывался великій князь Михаилъ Павловичъ, по отношенію военнаго сословія, въ настоящее время этого себѣ и представить невозможно; и могутъ помнить только тѣ, которые въ тѣ времена жили и служили!... И потому, поблагодаривъ тетушку, я увѣрилъ, что ускореннымъ шагомъ я въ свое время дойду до школы.

Имѣя тогда отъ роду уже 17 лѣтъ и будучи въ полной силѣ здоровья и молодости, я чуть ни бѣгомъ пустился съ дачи моей тетки по направленію къ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Проходя по улицамъ дачъ, я не встрѣтилъ ни одного офицера и шелъ безпрепятственно и скоро. Но до Троицкаго моста, который пересѣкалъ рѣку Неву, казалось, что было еще довольно далеко, почему я болѣе и болѣе убѣждался, что къ 9-ти часамъ, т. е. къ пробитію вечерней зори, мнѣ не успѣть дойти до школы, слѣдова-

тельно, за опозданіе, я неминуемо подвергнусь или аресту, или, что еще того хуже, не буду отпущенъ на слѣдующее воскресенье со двора и тѣмъ лишусь удовольствія опять побывать на дачѣ у тетушки и провести время съ mademoiselle Ландсбергъ съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ мнѣ это тогда казалось! Вслѣдствіе этихъ мечтаній, молодость взяла свое; я вдругъ рѣшился взять перваго встрѣчающагося мнѣ одноконнаго извощика съ тѣмъ, чтобы скорѣе добраться до Троицкаго моста, которымъ тогда такъ называли именно тотъ мостъ, который, пересѣкая Неву, подходилъ къ Царицыну лугу и къ дому Гоголя, что нынѣ принца Ольденбургскаго. Я полагалъ, переѣхавъ мостъ, сойти съ дрожекъ извощика и опять пѣшкомъ по Большой Миліонной, чрезъ Дворцовую площадь, достигнуть Синяго моста и школы. При этомъ я имѣлъ въ виду сговориться съ извощикомъ и условиться въ томъ, чтобы онъ зорко смотрѣлъ впередъ и какъ только замѣтитъ ѣдущаго или идущаго офицера, то чтобы заранѣе остановился; я сойду съ дрожекъ, сдѣлаю офицеру фронтъ и, пропустивъ его, опять сяду и поѣдемъ далѣе.

Я хотя и былъ въ мундирѣ Преображенскаго полка унтеръ-офицерскаго званія, но на мнѣ была въ накидку солдатская шинель, цвѣтомъ подходящая къ тѣмъ шинелямъ, которыя носили и воспитанники военно-учебныхъ заведеній, имѣвшіе разрѣшеніе ѣздить въ экипажахъ и на извощикахъ; къ тому же я моей шинелью прикрывалъ красные лацканы моего мундира, слѣдовательно, издалека въ особенности, встрѣчающееся со мной начальство не вдругъ могло различить—кадетъ я или юнкеръ. Конечно, на головѣ я имѣлъ киверъ, съ длиннымъ изъ щетины чернымъ султаномъ, но такіе же кивера носили и кадеты, а преимущественно Дворянскаго полка воспитанники,—всѣ носили кивера съ султанами, натурально съ нѣкоторыми отличіями отъ киверовъ нашихъ полковыхъ, но чтобы тотчасъ отличить, надо было хорошенько всмотрѣться.

Между тѣмъ, форма одежды офицеровъ въ Петербургѣ строго соблюдалась. Всѣ военные, начиная съ генералитета, всѣ офицеры ѣздили и ходили по городу неиначе какъ въ трехъ-угольныхъ шляпахъ, пѣхотные—съ черными изъ перьевъ султанами, а кавалерійскіе—съ бѣлыми. И потому весьма легко было издалека усмотрѣть офицера. Нынѣшнія же фуражки существовали только для лагеря, и то не всегда, и для дорожной ѣзды.

Такимъ образомъ я очень благополучно доѣхалъ до Троицкаго моста, не встрѣчая ни одного офицера. Не доѣзжая моста, въ близкомъ отъ него разстояніи, мой извощикъ внезапно остановился, увидавъ впереди шедшаго по мосту офицера. Я соскочилъ съ дрожекъ,

а мой извощикъ шагомъ въѣхалъ на мостъ. Я очень исправно остановился на разстояніи 3-хъ шаговъ отъ подходившаго офицера, сдѣлалъ ему фронтъ, и какъ сейчасъ вижу предъ собою полковника путей сообщенія, въ серебряныхъ эполетахъ и въ трехъ-угольной шляпѣ съ чернымъ султаномъ идущаго подъ руку съ дамой, которая мнѣ показалась очень тогда молодой. Пропустивъ мимо себя эту чету, я вновь сѣлъ на извощика и поѣхалъ по Троицкому мосту.

Мостъ этотъ большой и длинный; я на извощикѣ проѣхалъ чуть-ли уже не за половину моста, такъ что оставалось очень немного, съѣхавъ съ моста до дома Гоголя или принца Ольденбургскаго, около котораго я намѣревался сойти съ извощика и по Большой Милліонной пройти до школы. Какъ вдругъ, и совершенно неожиданно, послышался сзади насъ топотъ нѣсколькихъ лошадей, который на деревянномъ мосту сильно раздавался, и вмѣстѣ съ тѣмъ крикъ кучера держать вправо.

Мой извощикъ обернулся и торопливымъ голосомъ проговорилъ мнѣ: «сударь, два генерала догоняютъ въ коляскѣ, прикажете остановиться?» Я въ свою очередь обернулся и тотчасъ усмотрѣлъ нашего командира школы, генерала Шлиппенбаха, съ какимъ-то другимъ генераломъ, очень высоко сидѣвшихъ въ коляскѣ. Я такъ испугался, что совершенно растерялся! И такъ какъ все это произошло въ какой-нибудь мигъ времени, я только могъ сообразить, что теперь уже не удобно и не кстати сходить съ дрожекъ и дѣлать фронтъ и потому сказалъ извощику: пошелъ скорѣе съ моста на лѣво, къ дому Гоголя! Я теперь сознаюсь чистосердечно, что у дома Гоголя я думалъ шмыгнуть въ калитку и тѣмъ спастись отъ бѣды! Но не тутъ-то было! Коляска съ генералами у насъ была, такъ сказать, на плечахъ. Мой извощикъ, подгоняя лошадь съѣзжая съ моста, только что собирался повернуть налѣво къ дому Гоголя, какъ коляска съ генералами пересѣкла намъ дорогу и кучеръ крикнулъ: «остановись извощикъ!» Видно было, что это было приказаніе генераловъ.

Въ эту минуту я вынужденнымъ уже былъ соскочить съ дрожекъ, и предъ генералами вытянулся, какъ говорится по старинному,— въ нитку!.... Мой испугъ тогда былъ такъ великъ, что я теперь не въ состояніи этого и передать!!... Въ моихъ мысляхъ я сообразилъ всю бѣду и сдѣланное мной по тогдашнему преступленіе по службѣ!... Мое тревожное состояніе представило мнѣ страшную картину!... Я думалъ о потерѣ всей моей карріеры, и о томъ, что не быть мнѣ въ гвардіи офицеромъ, а выкинутъ меня въ армію тѣмъ же унтеръ-офицерскимъ званіемъ, и каково же послѣ того положеніе моихъ родителей!

При строгости тогдашней военной службы, при правахъ и авто-

ритетѣ военнаго начальства того времени, такое наказаніе могло считаться только дѣломъ должнымъ по винѣ. Однимъ словомъ, въ эту минуту, при моихъ тогда юныхъ лѣтахъ, мое отчаяніе могло бы дойти до крайнихъ предѣловъ, ежели бы я не былъ тогда въ полной силѣ молодости и здоровья...

Предо мной стояла коляска, запряженная 4-мя большими лошадьми врядъ, и два генерала сидѣли въ коляскѣ очень высоко. Тогда была мода дѣлать экипажи съ высокимъ сидѣніемъ. Оба генерала имѣли на головахъ трехъ-угольныя шляпы, надѣтыя по формѣ, что придавало ихъ лицамъ еще бóльшую суровость! Я смотрѣлъ на этихъ генераловъ какъ бы на колокольню,—такъ высоко было ихъ положеніе по отношенію меня, стоящаго на землѣ, и мнѣ показалось, конечно, въ это время со страху, что у нашего свирѣпаго командира школы глаза какъ будто страшно блестѣли!...

Все это, конечно, есть отзывъ воспоминанія такой молодости, послѣ которой прошло уже чуть-ли ни полвѣка!!...

Съ нашимъ командиромъ школы, генераломъ Шлиппенбахомъ, сидѣлъ въ коляскѣ одинъ изъ генераловъ директоровъ кадетскаго корпуса, фамилію котораго я совершенно не помню. Генералъ Шлиппенбахъ былъ одѣтъ въ мундиръ Преображенскаго полка и на шеѣ имѣлъ орденъ св. Анны съ бриліантами. При поступленіи моемъ въ школу, я засталъ командиромъ школы генерала Годейна, а командиромъ роты былъ Шлиппенбахъ, въ полковничьемъ еще чинѣ Преображенскаго полка. Онъ въ этомъ же году былъ произведенъ въ генералы и назначенъ командиромъ школы вмѣсто генерала Годейна, который получилъ назначеніе директоромъ одного изъ кадетскихъ корпусовъ.

Государь Николай Павловичъ, какъ особенную милость, при производствѣ Шлиппенбаха въ генералы, пожаловалъ ему право носить мундиръ Преображенскаго полка. Шлиппенбахъ былъ изъ старыхъ офицеровъ Преображенскаго полка, будучи произведенъ офицеромъ въ нашъ полкъ еще въ 1813 году, и всегда былъ на счету, какъ одинъ изъ отличныхъ фронтовыхъ офицеровъ. Почему, какъ я узналъ впослѣдствіи, и что очень правдоподобно, что генералъ Шлиппенбахъ, какъ всѣ тогдашняго времени строгіе военные начальники, имѣлъ какой-то особенный зоркій глазъ по отношенію всего, что касается службы, и потому, очень можетъ быть, что онъ издалека усмотрѣлъ, что на извощикѣ долженъ ѣхать не кадетъ, а кто нибудь изъ полковыхъ унтеръ-офицеровъ, или подпрапорщикъ, ибо бѣлая щетинка съ желтой полоской на концѣ моего султана указывала на строеваго унтеръ-офицера, слѣдовательно, подобнаго проступка нижняго чина въ тѣ

времена и при тогдашней строгой дисциплинѣ, никакое начальство древнихъ временъ легко переварить не могло. Поэтому, Шлиппенбахъ, когда это замѣтилъ, вѣроятно, и велѣлъ своему кучеру догонять меня на извощикѣ съ цѣлію убѣдиться.

Когда я соскочилъ съ дрожекъ, генералъ Шлиппенбахъ подозвалъ меня ближе къ коляскѣ и своимъ обычнымъ грубымъ тономъ голоса, крикнулъ на меня:

— «Что вы дѣлаете, недостойный подпрапорщикъ? Какъ вы осмѣливаетесь преступать военный уставъ и ѣздить на извощикѣ, когда вы должны на каждомъ шагу отдавать честь офицерамъ?! Вы негодный подпрапорщикъ! Я васъ вышвырну изъ школы! Я завтра же доложу объ васъ великому князю и вамъ не видать гвардіи, какъ своихъ ушей; вы негодный подпрапорщикъ, что изъ васъ послѣ того можетъ выдти?» И слово «негодный» онъ мнѣ повторилъ и такимъ какъ будто бы тономъ, который можетъ соотвѣтствовать слову негодяй. Потомъ отрывисто произнесъ: «ступайте въ школу, явитесь дежурному офицеру и чтобы онъ васъ сейчасъ посадилъ въ карцеръ!»

Послѣ всего этого можно себѣ представить, въ мои тогда юные года, съ какими ощущеніями я могъ возвращаться въ школу?.. Въ головѣ шумѣло, какъ въ кипящемъ самоварѣ... Кромѣ ожидаемаго наказанія, я чувствовалъ себя крайне обиженнымъ грубымъ со мной обращеніемъ генерала Шлиппенбаха! Это, повтореніе его «негодный» звенѣло у меня въ ушахъ!.. Я упрекалъ себя, почему я смолчалъ? Я упрекалъ себя, отчего я не возражалъ ему, какъ возражалъ ему нашъ же, школы подпрапорщиковъ, л.-гв. Измайловскаго полка юнкеръ князь Урусовъ (Иванъ), который не выдержалъ сказанныхъ ему грубостей Шлиппенбахомъ, вышелъ изъ себя и даже сдѣлалъ какъ будто какое-то движеніе кинуться; но такъ какъ это было въ присутствіи роты, то тотчасъ онъ былъ отведенъ подъ арестъ и чрезъ нѣсколько дней не только былъ исключенъ изъ школы, но переведенъ на Кавказъ, въ армію, и чуть ли не разжалованнымъ до выслуги... Но совсѣмъ тѣмъ, мы всѣ, тогда молодые люди, подпрапорщики и юнкера, видѣли въ поступкѣ Урусова какъ бы говоръ, какъ бы заступничество за честь свою... И это болѣе всего меня мучило!..

И такъ, вотъ какая была строгость въ нашей военной тогда службѣ! Какъ только преступилъ противу устава службы, а паче, противу воинской дисциплины и субординаціи, пощады никому не было, не смотрѣли ни на какую личность, ни на какое званіе! А между тѣмъ, родной братъ князя Ивана Урусова, въ это время, былъ флигель-адъютантомъ государя Николая Павловича, а отецъ Урусо-

выхъ чуть ли не занималъ одну изъ высшихъ тогда должностей въ государствѣ.

Все это тогда гнѣздилось въ моей воспаленной головѣ и я въ полномъ смыслѣ, какъ ошеломленный, пробѣжалъ Большую Миліонную, Дворцовую площадь, пришелъ въ школу къ 10 часамъ вечера, явился къ дежурному офицеру подпоручику л.-гв. Финляндскаго полка барону Цедеркрейцу, который поспѣшилъ исполнить приказаніе генерала Шлиппенбаха и тотчасъ посадилъ меня въ карцеръ.

Прежде чѣмъ описать послѣдствія, которыя меня постигли вслѣдствіе того, что я, будучи юнкеромъ, а потому наравнѣ съ нижнимъ чиномъ, осмѣлился прокатиться по городу въ экипажѣ, что въ настоящее время разрѣшено нижнимъ чинамъ не дворянскаго сословія, разъѣзжать по столицамъ въ экипажахъ и на извощикахъ, я, кстати, приведу еще примѣръ, случившійся при мнѣ въ школѣ нашей, гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, который опредѣляетъ существовавшее тогда воинское постановленіе по отношенію поступковъ нижнихъ чиновъ въ смыслѣ строжайшей тогда субординаціи и чинопочитанія, какъ напримѣръ, что младшій никогда не могъ обсуждать дѣйствій старшаго. Младшій предъ старшимъ въ чинѣ стоялъ погруженный въ молчаніе, а старшій, опираясь на свою власть, иной разъ, быть можетъ, этимъ и пользовался и въ гнѣвѣ своемъ не стѣснялся ни передъ чѣмъ и ни передъ кѣмъ, и не принималъ тоже, можетъ быть, въ соображеніе ни происхожденіе, ни званіе ему подчиненнаго.

Я, какъ теперь, помню этотъ случай очень хорошо. Въ мое время въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ былъ кавалергардскаго полка юнкеръ князь Барятинскій, который по своему рожденію, по своей фамиліи и по связямъ родства, принадлежалъ къ кругу высшаго сословія въ Россіи. И этотъ самый князь Барятинскій впослѣдствіи былъ главнокомандующимъ на Кавказѣ и за покореніе Кавказа и плѣненіе знаменитаго кавказскаго предводителя Шамиля былъ возведенъ въ фельдмаршалы.

И такъ, этотъ самый князь Барятинскій былъ въ одно время со мной въ школѣ, какъ я сказалъ, юнкеромъ кавалергардскаго полка. Онъ былъ старше меня годами, но совершенно еще молодой человѣкъ, веселый, милый, отличный товарищъ, и мы всѣ его очень любили. Ко всему этому, онъ въ то время, какъ казалось, обладалъ такими матеріяльными средствами, какихъ, надо полагать, ни одинъ изъ юнкеровъ и подпрапорщиковъ не имѣлъ. А потому онъ имѣлъ болѣе возможности и не былъ прочь, а напротивъ, любилъ подъ-часъ кутнуть и хорошо кутнуть.

Теперь, когда прошло болѣе полвѣка съ того времени и когда я за собою самъ имѣю уже много лѣтъ службы, я, при описаніи моихъ воспоминаній о прошедшемъ времени удалой нашей юности, не считаю нужнымъ стѣсняться при изложеніи сущей правды, тѣмъ болѣе, что кромѣ благородства всѣхъ тѣхъ личностей изъ молодыхъ людей, съ которыми я началъ мою военную карьеру, я ничего не помню и не знаю.

Находившись собранными въ зданіи школы, мы, пѣхотные подпрапорщики, занимали верхній этажъ, а кавалерійскіе юнкера средній, а внизу была большая зала, называемая учебной залою для фронтовыхъ занятій.

Въ свободное время отъ классовъ, никому изъ юнкеровъ и подпрапорщиковъ не воспрещалось посѣщать другъ друга и мы, какъ пѣхотные, такъ и кавалерійскіе юнкера, обитавшіе одно жилище, всѣ были между собою пріятелями и жили очень дружелюбно и это очень естественно, потому что какъ судьба, такъ и положеніе всѣхъ насъ въ это время, было совершенно ровное.

При этомъ бывали дни, когда пѣхотные и кавалерійскіе юнкера сводились въ одинъ классъ и, кажется, это былъ чуть ли не классъ математики, которую намъ преподавалъ извѣстный тогда инженеръ-капитанъ Ласковскій, котораго впослѣдствіи я знавалъ въ чинѣ генерала. Наши преподаватели въ наукахъ всѣ почти были военные офицеры гвардейскихъ инженеровъ и гвардейской артиллеріи. Инженеръ-капитанъ Ласковскій, когда наши два класса пѣхотный и кавалерійскій соединялись въ одинъ, впродолженіи 2-хъ часоваго преподаванія математики, своими выводами математическихъ формулъ наводилъ смертельную тоску, какъ на пѣхоту, такъ и на кавалерію. И потому, многіе изъ насъ, какъ пѣхотныхъ, такъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, выходили изъ класса разгонять тоску куреніемъ трубокъ табаку извѣстнаго тогда знаменитаго фабриканта Жукова, и это куреніе наше производилось тогда не иначе, какъ въ печку. Вотъ въ этомъ-то препровожденіи времени я частенько сталкивался съ Барятинскимъ у извѣстной печки и мы очень дружелюбно покуривали вмѣстѣ трубочку. Я съ нимъ былъ тогда на ты и мы были пріятелями, и эти отношенія между нами сохранились и въ то время, когда я былъ уже офицеромъ Преображенскаго полка, а онъ адъютантомъ наслѣдника цесаревича.

Такимъ образомъ, когда въ одинъ изъ праздничныхъ дней мы всѣ были отпущены изъ школы по роднымъ, юнкеръ князь Барятинскій, въ компаніи своихъ товарищей кавалерійскихъ юнкеровъ, такъ хорошо этотъ разъ кутнули, что по Петербургу огласился ка-

кой-то скандалъ! А такъ какъ въ тѣ времена существовала такая организація полиціи, что не только что нибудь явное, но ничего тайнаго не могло тогда ускользнуть отъ Петербургскаго оберъ-полиціймейстера, почему, потомъ, слѣдовала по всѣмъ частямъ управленій и вѣдомствъ, не исключая и военнаго, такая переборка или простѣе сказать по русски: такая перебуровка всѣхъ и вся, что врядъ ли когда нибудь что либо могло укрыться. При этомъ вліяніе великаго князя Михаила Павловича тогда, какъ командира гвардейскаго корпуса, какъ фельдцейхмейстера, какъ начальника инженеровъ и, кромѣ того, начальника всѣхъ военно-учебныхъ заведеній,—при такой, можно сказать, непостижимой дѣятельности, какая была у великаго князя его высочества, какъ на все хватало? это мало сказать, что надо было дивиться... Кромѣ ежедневныхъ пріемовъ всего начальства гвардейскаго корпуса, ежедневныхъ разводовъ съ церемоніею, посѣщеній всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, засѣданій въ государственномъ совѣтѣ и предсѣдательство по артиллерійскому и инженерному комитету; однимъ словомъ, какъ было тогда повсемѣстно извѣстно, великаго князя Михаила Павловича всегда и на все доставало; а поэтому и давленіе на военное сословіе вообще было такое, что его страшились какъ огня; онъ положительно слылъ грозой для всей военной іерархіи.

Слѣдовательно, какъ только до великаго князя дошелъ безпорядокъ, произведенный юнкерами гвардейской школы, то уже, конечно, нашему командиру генералу Шлиппенбаху не поздоровалось. Онъ былъ, говоря тогдашнимъ нашимъ школьнымъ, юнкерскимъ языкомъ, порядочно вытюженъ за допущеніе.... Да и намъ всѣмъ, не безъ того было, какъ говорится, чтобы не держать послѣ того ухо остро...

Какой произвели тогда Барятинскій и компанія скандалъ, я теперь рѣшительно опредѣлить не могу. Я помню только, что изъ числа участниковъ, которыхъ тоже бо́льшую часть я перезабылъ, Шлиппенбахъ сильно тогда тоже разносилъ: конной гвардіи юнкера Новикова и, впослѣдствіи выпущеннаго офицеромъ кажется въ лейбъ-драгуны, юнкера Юкавскаго. А остальныхъ я совершенно не помню. Всѣ эти господа, подъ предсѣдательствомъ, конечно, Барятинскаго, кутили въ какомъ-то ресторанѣ или заведеніи и очень естественно, что въ заключеніе кутежа, можетъ даже и нечаянно, перебили окна.

Натурально, явилась полиція и обо всемъ донесла С.-Петербургскому оберъ-полиціймейстеру, генералъ-адъютанту Кокошкину; а коль скоро дѣло дошло до Кокошкина, то уже тутъ пардона не было никому. Его и самые петербургскіе обыватели порядочно трусили!..

Вслѣдствіе всего мной изложеннаго, командиръ школы Шлиппен-

бахъ приказалъ собрать внизу, въ учебной залѣ, всю школу: какъ пѣхотную роту, такъ и кавалерійскій эскадронъ юнкеровъ. Этотъ, изъ ряда выходящій, сборъ насъ всѣхъ вмѣстѣ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, не могъ не предвѣщать страшной бури, которая въ старинное время всегда производила сильное впечатлѣніе на наши тогда молодые и робкіе умы, въ особенности, при тогдашней всегдашней въ экстренныхъ случаяхъ обстановкѣ.

Насъ построили въ учебной залѣ, одна часть противу другой. Пѣхота, въ 3-хъ шереножномъ строю, а кавалерія въ двѣ шеренги. При частяхъ находились ближайшіе наши начальники. При пѣхотѣ— нашъ командиръ роты, полковникъ Семеновскаго полка Гельмерсенъ, который тогда не давно только возвратился изъ польской войны и былъ обвѣшенъ медалями и орденами. При кавалеріи находился командиръ эскадрона, старый полковникъ кавалергардскаго полка полковникъ Гудимъ-Левковичъ. И затѣмъ, при частяхъ были собраны и всѣ наши дежурные офицеры; у насъ при школѣ ихъ состояло въ достаточномъ количествѣ и все гвардейскіе пѣхотные и кавалерійскіе офицеры разныхъ полковъ.

Я, какъ теперь, вижу всѣхъ этихъ офицеровъ, какъ они до появлянія въ учебную залу генерала Шлиппенбаха втихомолку около насъ суетились!.. То подравнивали шеренги, то поправляли на головахъ надѣтыя на нихъ фуражки, и все разговаривало шопотомъ... Однимъ словомъ, какъ-то чувствовалось и замѣтно было, что сами офицеры не могли находиться въ спокойномъ расположеніи духа въ ожиданіи появленія командира школы, генерала Шлиппенбаха.

Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, оба наши командира, и пѣхотный и кавалерійскій, скомандовали каждой своей части: «смирно!» Всѣ дежурные офицеры встали по старшинству на правые фланги своихъ частей и приложили лѣвыя руки къ трехъ-угольнымъ шляпамъ, которыя тогда носили, и съ этимъ вмѣстѣ водворилась мертвая тишина въ учебной залѣ...

Какъ только генералъ Шлиппенбахъ переступилъ порогъ двери, ведущей въ учебную залу, такъ начали къ нему подходить съ рапортомъ дежурные въ этотъ день офицеры по ротѣ и эскадрону, въ полной парадной формѣ, ибо другой формы въ тѣ времена для дежурствъ не существовало. За офицерами стали подходить, также одинъ за другимъ, юнкера пѣхотные и кавалерійскіе и каждый словесно рапортовалъ о благополучіи своей части.

При этомъ надо замѣтить ту пунктуальность, которая въ тѣ времена существовала при всѣхъ случаяхъ въ тогдашней нашей военной службы, — это единство: ни шага болѣе, ни шага менѣе

одинъ противу другаго; такъ все было опредѣлено одинъ разъ и навсегда.

Подходившимъ дежурнымъ офицерамъ генералъ Шлиппенбахъ не сказалъ ни слова и ни одного изъ дежурныхъ юнкеровъ не поправалъ. Видъ его казался очень суровымъ. И такимъ образомъ, послѣ молчаливаго его появленія, онъ обратился къ намъ, къ пѣхотной ротѣ, и поздоровался какъ будто сухо, но мы однако отвѣтили дружнымъ: «здравія желаемъ, в. п—ство!» Но съ кавалерійскимъ эскадрономъ онъ не поздоровался, вѣроятно потому, что онъ былъ сердитъ за случившійся безпорядокъ. И это совершенно вѣрно, ибо въ тѣ времена гнѣвъ начальства всегда рѣзко отражался на цѣлую команду. Тогдашнее начальство знать ничего не хотѣло; въ командѣ должно было существовать единство, а потому и единство должно было быть по соблюденію порядка въ части всѣми чинами.

Затѣмъ послѣдовалъ страшный взрывъ и грозный гнѣвъ командира школы. На средину были вызваны юнкера князь Барятинскій, со всѣми тѣми, которые съ нимъ кутили. И что тогда происходило! что за возгласы и что за угрозы раздавались!!.. Чтобы имѣть понятіе въ этомъ случаѣ, надо только взять въ соображеніе тѣ времена и ту зависимость, въ какой тогда находились подчиненные относительно своего начальника.

И такъ, все выговоренное и все высказанное нашимъ командиромъ школы, генераломъ Шлиппенбанхомъ, безцеремонно имъ было обращено и на ближайшее наше начальство. Старшіе начальники, въ старину, умѣли наводить такой холодъ на каждаго и на всѣхъ, что не скоро послѣ того всякій могъ опомниться! Но, что болѣе всего врѣзалось въ мою память, это то, что Шлиппенбахъ сказалъ Барятинскому:

— Вы не князь, а грязь!.. Я въ гвардію, въ офицеры васъ не выпущу!!...

И что же? все это такъ и случилось въ дѣйствительности. Въ слѣдующемъ 1833 году, Барятинскій былъ уже выпускнымъ юнкеромъ и затѣмъ произведенъ въ офицеры. Но такъ или иначе, но предсказаніе генерала Шлиппенбаха осуществилось на самомъ дѣлѣ. Барятинскій не былъ произведенъ въ гвардію, ни въ кавалерійскій полкъ, въ которомъ онъ два года числился на службѣ, а былъ произведенъ въ кирасиры наслѣдника цесаревича, причисленные тогда къ гвардейскому корпусу и стоявшіе въ Гатчинѣ.

И такъ, вотъ какая была тогда сила военнаго начальства, что ни происхожденіе, ни родство, ни связи не могли въ тѣ времена

имѣть вліяніе на авторитетъ начальника, во власти котораго было полное довѣріе удостоивать или не удостоивать своихъ подчиненныхъ.

Князь Барятинскій, какъ все это еще живо въ моей памяти, въ скоромъ времени и въ первомъ еще своемъ офицерскомъ чинѣ, ѣздилъ въ экспедицію на Кавказъ въ то самое время, какъ тамъ сильно дѣйствовалъ правитель горцевъ, извѣстный Шамиль. Это было первое боевое поприще Барятинскаго и тутъ-же онъ былъ тяжело раненъ въ грудь. До какой степени все это сохранилось въ моей памяти, что я очень хорошо помню, что въ этотъ самый годъ, я, будучи уже офицеромъ Преображенскаго полка, возвратился изъ отпуска изъ Москвы и долженъ былъ представляться его высочеству великому князю Михаилу Павловичу, какъ командиру гвардейскаго корпуса и въ пріемный великаго князя, я неожиданно встрѣтился съ Барятинскимъ, который тоже являлся по случаю его возвращенія изъ экспедиціи и что меня крайне въ первую минуту удивило, что Барятинскій, вмѣсто того, чтобы быть въ полной формѣ, былъ въ сюртукѣ и при палашѣ. И вотъ тутъ я узналъ отъ него о его ранѣ и о перевязкѣ, которую онъ еще носилъ.

Это было еще до выхода великаго князя. Пріемная комната по обыкновенію была полна генералитета, полковыхъ командировъ и адъютантовъ, которыхъ великій князь постоянно ежедневно принималъ.

Барятинскій, вскорѣ послѣ этого нашего свиданія, былъ взятъ къ наслѣднику цесаревичу и долго состоялъ при особѣ его высочества, а я продолжалъ мою военную карьеру въ строю нашего л.-г. Преображенскаго полка.

Теперь возвращусь къ окончанію описанія о послѣдствіяхъ моей ѣзды на извощикѣ какъ нижняго чина, что въ старину, по службѣ, считалось преступленіемъ. Я, какъ выше сказалъ, въ тотъ-же самый вечеръ, когда я попался на извощикѣ нашему командиру школы, я, по приказанію дежурнаго офицера, былъ отведенъ въ особую отдѣльную комнату, именуемую въ школѣ арестантской комнатой, или карцеромъ. Но пожаловаться на эту комнату нельзя было, ибо она содержалась очень чисто и прилично, но только посаженный въ нее находился запертымъ, и я просидѣлъ въ ней почти 6 дней, изъ коихъ два дня на хлѣбѣ и водѣ, безъ всякой другой пищи, ежели-бы сторожъ, нашъ общій другъ, инвалидный солдатъ Кингинъ, который у насъ всѣхъ былъ постояннымъ парламентеромъ отъ школы въ кандитерскую, которая находилась напротивъ, и потомъ изъ лавочки всегда приносилъ бѣлыя 8 копѣечныя булки и колбасу.

Но что болѣе всего меня мучило и тревожило, это ежеминутное

ожиданіе, что сегодня—завтра опять соберутъ въ учебной залѣ всю школу и генералъ Шлиппенбахъ будетъ меня разносить!

Наконецъ, въ субботу этой-же недѣли, ко мнѣ вошелъ нашъ фельдфебель. У насъ тогда былъ фельдфебелемъ л.-г. Саперпаго баталіона юнкеръ Глуховъ, который вскорѣ вышелъ офицеромъ л.-г. въ Литовскій полкъ. Глуховъ мнѣ объявилъ, что командиръ роты, полковникъ Гельмерсенъ, приказалъ меня освободить изъ-подъ ареста; но что меня не будутъ выпускать изъ школы со двора впродолженіи цѣлаго мѣсяца. Потомъ присовокупилъ, какъ-бы по секрету, что начальство, въ школьномъ совѣтѣ, предполагало было, первоначально, за такое сдѣланное мной по службѣ преступленіе меня исключить изъ школы, но командиръ роты, полковникъ Гельмерсенъ, и еще инспекторъ классовъ, подполковникъ инженеръ Павловскій, меня отстояли въ уваженіи того, что въ то время я былъ такъ молодъ, какъ будто моложе всѣхъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ въ школѣ. Это умилостивило Шлиппенбаха, который однако рѣшилъ оставить меня во 2-мъ классѣ еще на одинъ годъ, не переводя меня въ первый, что оттягивало мое производство въ офицеры на цѣлый годъ, ежели не болѣе.

Вотъ какова была въ тѣ времена строгость военной службы! Кромѣ сдѣланнаго мнѣ домашняго наказанія, оставленіе меня лишній годъ въ томъ же классѣ повліяло тогда на мою военную карьеру и въ будущемъ тѣмъ, что всѣ тѣ мои товарищи, съ которыми я-бы могъ быть произведенъ въ офицеры, ежели-бъ я не попался на извощикѣ, всѣ стояли выше меня по производству въ слѣдующіе чины, даже мои товарищи въ другихъ полкахъ.

И такъ, вотъ при какой обстановкѣ военной службы начиналась въ то время карьера всѣхъ насъ молодыхъ людей. Но со всѣмъ тѣмъ, я долженъ по истинѣ сознаться, что эта тогдашняя крутая, пожалуй, ужасная строгость военной службы, молодаго человѣка, вышедшаго изъ дома, и вообще всякаго поступающаго на военную службу, такъ сказать, переработывала, переформировала, усвоивала съ долгомъ безпрекословнаго повиновенія старшему, и тѣмъ, впослѣдствіи, подготовляла офицеровъ самостоятельныхъ, пригодныхъ и способныхъ управлять воинскою частію, ибо неопровержимая истина: чтобы умѣть командовать надо умѣть и повиноваться,—никогда не можетъ выдохнуться, а всегда останется крайне полезною для военной службы.

II.

Въ 1834 году я былъ произведенъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ офицеромъ. Въ этомъ, могу сказать, блестящемъ тогда полку, я прослужилъ четырнадцать лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ въ царствованіе государя Николая Павловича. И дѣйствительно, то былъ великолѣпный полкъ, то всегда былъ первый полкъ великой россійской арміи, это всегда былъ основной фундаментъ крѣпости и вѣрности русскаго воинства своему державному вождю.

Поэтому, при воспоминаніи о моемъ служеніи въ Преображенскомъ полку, я считаю долгомъ изобразить всѣ тѣ милости и особенное вниманіе, которыми государь Николай Павловичъ постоянно удостоивалъ нашъ полкъ. При этомъ, само собою должно высказаться наше всѣхъ служеніе, составъ самаго полка, военная дисциплина, фронтовое образованіе того времени, выправка солдата и самый наружный видъ, каковымъ нашъ Преображенскій полкъ постоянно представлялся во главѣ всего гвардейскаго корпуса. Потомъ, наше ближайшее начальство, полковое, которое я засталъ при поступленіи моемъ въ полкъ,—мнѣ бы крайне было пріятно, чрезъ воспоминаніе, воскресить всѣ тѣ личности въ той обстановкѣ, въ томъ положеніи, какими тогда они казались и вліяли на насъ молодыхъ людей, только что вступившихъ на житейское поприще. Наконецъ и тѣхъ сослуживцевъ, которые ближе подходили по товариществу, съ которыми я продолжалъ службу въ полку; наше молодое казарменное житье; разные эпизоды тогдашней нашей молодой беззаботной жизни, не исключая и многихъ событій, въ особенности одно изъ такихъ важныхъ, какъ, напримѣръ, пожаръ Зимняго дворца въ 1837 году, гдѣ мы, офицеры 1-го баталіона, какъ ближайшіе сосѣди съ дворцомъ, въ первый моментъ этого ужаснаго тогда происшествія повыскакали изъ своихъ казармъ, какъ обезумѣвшіе, вмѣшавшись въ общую суматоху, не знали, что дѣлать и что предпринять до той самой минуты, какъ появился на пожаръ самъ государь Николай Павловичъ, который, среди всеобщаго бѣдствія, лично давалъ направленіе по всѣмъ распоряженіямъ.

Однимъ словомъ, по служенію моему въ Преображенскомъ полку, я постараюсь изложить все былое по воспоминанію, настолько, насколько память моя мнѣ поможетъ, именно такъ, какъ это запечатлѣлось въ моемъ сердцѣ и сохраняется по сіе время, какъ наилучшіе дни въ моей жизни.

Лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, въ мое время, былъ особенно отличаемъ отъ всѣхъ другихъ полковъ гвардіи постояннымъ вниманіемъ, которое его величество при всякихъ представлявшихся случахъ выказывалъ полку; вѣроятно, по свѣжей еще тогда памяти того возмущенія, которое было въ 1825 году 14-го декабря на площадяхъ Исакіевской и Дворцовой, куда прибыли многіе изъ возмутившихся полковъ гвардіи тогда, какъ изъ нашего Преображенскаго полка ни единаго чина не оказалось не только причастными къ возмущенію, но напротивъ того, нашъ первый баталіонъ явился первый на площадь, а затѣмъ весь полкъ, и встали противу возмутившихся гвардейскихъ полковъ.

Государь Николай Павловичъ никогда этого не забывалъ и въ доказательство этого можетъ служить то, что впослѣдствіи и во все мое служеніе въ Преображенскомъ полку, его величество ежегодно, въ въ день 14-го декабря, вмѣстѣ съ императрицею, безъ всякой свиты, пріѣзжалъ въ казармы 1-го баталіона, расположеннаго на Миліонной, рядомъ съ дворцомъ.

Все общество насъ офицеровъ всего полка, имѣя во главѣ нашего полковаго командира, свиты его величества генералъ-маіора Микулина (впослѣдствіи генералъ-адъютантъ), ожидало пріѣзда государя у воротъ казармъ 1-го баталіона на Миліонной.

Ровно въ часъ дня, какъ я уже выше сказалъ, вдвоемъ съ императрицею за-просто, безъ всякой свиты, государь подъѣзжалъ къ казармамъ; милостиво насъ привѣтствовалъ и, вмѣстѣ съ императрицей, обходилъ всѣ помѣщенія, гдѣ расположены были нижніе чины 1-го баталіона, даже помѣщенія женатыхъ солдатъ. Въ этотъ день, всѣ нижніе чины 1-го баталіона находились въ сборѣ. Государь ко всѣмъ солдатамъ относился съ необыкновенно милостивымъ вниманіемъ и, обойдя каморы женатыхъ, его величество никогда не уѣзжалъ безъ того, чтобы не сдѣлать въ этотъ день какой-либо особенной милости для какой-нибудь семьи солдата. А къ намъ, къ обществу офицеровъ Преображенскаго полка, государь обращался съ такими словами, которыхъ не можетъ не помнить каждый, кто только тогда имѣлъ честь служить въ Преображенскомъ полку. Его величество не переставалъ намъ повторять, что насъ «онъ считаетъ не иначе, какъ своей семьей».

И эти посѣщенія государя съ императрицею, всякій годъ въ день 14-го декабря, продолжались до тѣхъ поръ, пока въ баталіонѣ оставался хотя одинъ солдатъ изъ тѣхъ, которые въ день 14-го декабря съ 1-мъ баталіономъ явились на площадь и изъ первыхъ встали противу возмутившихся полковъ гвардіи.

Лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ состоялъ изъ 3-хъ баталіоновъ, какъ всѣ полки гвардіи и арміи, въ полномъ комплектѣ людей по тысячѣ человѣкъ въ баталіонѣ и 250 въ ротѣ, ибо баталіоны были 4-хъ ротнаго состава.

Въ Петербургѣ въ то время изъ каждаго гвардейскаго полка два баталіона постоянно находились въ Петербургѣ для содержанія карауловъ и прочей службы, и находились размѣщенными каждый въ своихъ казармахъ, а одинъ изъ баталіоновъ былъ расквартированъ по ближайшимъ деревнямъ въ окрестностяхъ столицы и обыкновенно стоялъ годъ въ деревни до лагернаго сбора, когда всѣ полки, въ полномъ уже составѣ, одновременно выступали въ лагерь подъ Красное Село.

Баталіоны нашего Преображенскаго полка, какъ и во всѣхъ другихъ полкахъ одинаково, поочередно уходили на стоянку въ деревню на цѣлый годъ. Наша преображенская деревня находилась въ 25-ти верстахъ отъ Царскаго Села и въ 4-хъ отъ города Павловска. Это было огромное село, имѣніе графини Самойловой, издревле находившееся подъ расквартированіемъ нашего полка, и жители до такой степени свыклись съ полкомъ, что бывало, когда мы долгое время остаемся въ лагерѣ или на маневрахъ, то они ждутъ не дождутся скорѣйшаго возвращенія баталіона въ Славянку.

Первый баталіонъ нашего полка въ то время, когда онъ находился въ Петербургѣ, имѣлъ преимущество предъ другими нашими, быть всегда расположеннымъ около Зимняго дворца въ казармахъ, которыя съ той цѣлію и были построены совершенно рядомъ съ эрмитажемъ дворца, такъ что чрезъ комнату фельдфебеля государевой роты нашего полка имѣлось совершенно свободное сообщеніе съ эрмитажемъ и съ самимъ Зимнимъ дворцомъ. Ниже я сообщу о тѣхъ преимуществахъ, которыя мы, преображенскіе офицеры, имѣли во дни выходовъ и баловъ въ Зимнемъ дворцѣ.

Второй и 3-й баталіоны нашего полка, за уходомъ одного на годовую стоянку въ деревню Славянку, поочередно располагались въ Таврическихъ казармахъ, вблизи тоже Таврическаго дворца. Когда же 1-му баталіону приходила очередь уходить на стоянку въ деревню въ Графскую Славянку, тогда 2-й и 3-й баталіоны тоже поочередно размѣщались въ казармахъ 1-го баталіона на томъ самомъ мѣстѣ около Зимняго дворца.

Штабъ-и оберъ-офицеры нашего 1-го баталіона, во все время, пока они находились въ составѣ 1-го баталіона, имѣли преимущество не только предъ офицерами всѣхъ другихъ полковъ гвардіи, но и предъ

офицерами своего полка, тѣмъ, что независимо получаемаго содержанія, постоянно пользовались отпускомъ еще тысячи рублей на каждаго, такъ называемыхъ столовыхъ денегъ. Это положеніе, какъ мы тогда слышали, велось съ древнихъ временъ, можетъ быть съ тѣхъ поръ еще, когда весь Преображенскій полкъ составлялъ только одинъ баталіонъ. А такъ какъ онъ считался тогда собственной охраной царской и всегда находился расположеннымъ около дворца, или резиденціи царской, то офицеры, составлявшіе тогда этотъ баталіонъ, имѣли постоянно обѣденный столъ во дворцѣ, или, какъ гласитъ преданіе, имѣли полное право ежедневно являться во дворецъ къ обѣденному столу. Но затѣмъ, съ теченіемъ времени, впослѣдствіи, когда все это было прекращено, а полкъ въ это время можетъ быть увеличился въ своемъ составѣ, но первому баталіону, по старой памяти, этотъ отпускъ въ 1,000 рублей и по сіе время сохраняется.

Въ мое время ротные командиры въ 1-мъ баталіонѣ, какъ утвержденные въ командованіи частями, не могли быть переводимы въ другіе баталіоны, почему получали эти тысячи рублей столовыхъ денегъ. Но остальныхъ младшихъ, или субалтернъ-офицеровъ, насъ по очередно, для несенія служебныхъ обязанностей, переводили изъ баталіона въ баталіонъ на годичный срокъ времени и такимъ образомъ, всѣ тѣ изъ насъ офицеры, которые въ свою очередь попадали въ 1-й баталіонъ, получали тоже эти столовые тысячу рублей, такъ что отпускъ этотъ, по всему полку, такъ сказать, уравнивался.

Нашъ Преображенскій полкъ, какъ я уже говорилъ, состоялъ изъ 3-хъ баталіоновъ полнаго комплекта людей. И что были это за люди тогда,—это были гиганты и богатыри. Въ особенности, въ формѣ обмундированія того времени, — эта бѣлая широкая амуниція, скрещенная на груди; киверъ на головѣ съ длиннымъ стоячимъ изъ щетины чернымъ султаномъ; двухъ-главый орелъ на широкомъ гербѣ округлялъ весь киверъ и такимъ образомъ выстроенный фронтъ изъ такихъ гигантовъ невольно производилъ на всякаго сильное впечатлѣніе!

Рота его величества, нашего тогда полка, состояла изъ людей мужественной красоты. Необыкновенно высокіе ростомъ и чрезвычайно стройные; а съ симъ вмѣстѣ плечистые, здоровые, истинно богатыри.

Фланговымъ государевой роты въ мое время, слѣдовательно, фланговымъ цѣлаго полка, когда полкъ былъ весь выведенъ въ строй, я засталъ унтеръ-офицера, по прозванію Хонинъ. То былъ красавецъ-

мущина во всей силѣ слова. Хонинъ былъ ростомъ въ 2 аршина и 14-ть съ чѣмъ-то вершковъ; а при этомъ еще въ киверѣ съ длиннымъ султаномъ, его ростъ выказывался еще болѣе. Подлѣ него стоящій и такъ далѣе, весь первый взводъ былъ подобранъ положительно изъ такихъ же людей; но незамѣтно и постепенно понижались къ лѣвому флангу и доходили до рядовъ, стоявшей съ государевой ротою, 1-й роты, которая въ свою очередь, была составлена изъ подобныхъ гигантовъ, къ которымъ пристраивалась вторая и третья роты, пополняющія составъ всего 1-го баталіона какъ подборомъ, такъ и видомъ необыкновенныхъ тогда людей. Наконецъ, 2-й и 3-й баталіоны нашего полка, когда весь полкъ цѣликомъ выводился въ строй, положительно можно сказать, увѣнчивали такое войско, которое однимъ только своимъ воинственнымъ видомъ внушало тогда полное довѣріе ко всѣмъ случаямъ въ жизни.

Государь Николай Павловичъ видимо заботился о своей ротѣ. Въ память покойнаго августѣйшаго своего брата, государя Александра Павловича, его величество пожаловалъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ,—тѣмъ, которые въ то время стояли въ ротѣ его величества,—вензеля на эполеты. Гг. офицеры государевой роты носили на эполетахѣ золотую букву А; а нижніе чины—на погонахъ бронзовую. И даже, по выходѣ изъ службы, каждый изъ получившихъ это вензелевое изображеніе имѣлъ полное право носить его на борту своего платья.

Случалось иногда, что государь Николай Павловичъ лично дѣлалъ провѣрку своей роты; самъ становился въ переднюю шеренгу своихъ гренадеръ, и, насколько я теперь припомнить могу, его величество оказывался 18-мъ или 19-мъ съ праваго фланга по ранжиру.

Я полагаю, что будетъ кстати, ежели я теперь скажу нѣсколько словъ о нашемъ тогда тамбуръ-мажорѣ полка, который выходилъ изъ ряда людей обыкновенныхъ своимъ ростомъ.

Государь Николай Павловичъ, во время своихъ путешествій по осмотру войскъ, увидалъ одного изъ казаковъ, которому, по огромному его росту, никакая лошадь не могла быть годна подъ верхъ. Государь приказалъ этого казака привезти въ Петербургъ и приказалъ опредѣлить его въ Преображенскій полкъ тамбуръ-мажоромъ. Этотъ тамбуръ-мажоръ, по фамиліи Лучкинъ, имѣлъ ростъ 3 аршина съ вершкомъ. Онъ далеко былъ не красавецъ, вслѣдствіе грубыхъ чертъ лица его и при томъ онъ немного казался какъ будто сутуловатымъ; но со всѣмъ тѣмъ, по его необыкновенному росту.

онъ былъ сложенъ довольно пропорціонально; только громоздкіе объемы всей этой фигуры представляли его настоящимъ великаномъ. Въ особенности, когда Лучкинъ былъ одѣтъ въ полную парадную форму въ мундирѣ съ генеральскими золотыми эполетами, на головѣ киверъ съ длиннымъ стоячимъ и соотвѣтственно музыкантовъ краснымъ султаномъ, въ бѣлыхъ замшевыхъ перчаткахъ, съ булавой въ рукахъ.— На Царицыномъ лугу, во время парада, когда онъ стоялъ впереди нашихъ барабанщиковъ и музыкантовъ, онъ имѣлъ видъ какъ будто стоитъ длинное, высокое дерево, а весь гвардейскій корпусъ предъ нимъ казался кустарникомъ.

Намъ, свыкшимся съ его фигурой, все-таки казалось всего уродливѣе, въ его фигурѣ, его руки и этотъ голосъ, который выходилъ какъ будто изъ какой-то пропасти, когда онъ заговоритъ. Ладони его рукъ чуть-чуть не соотвѣтствовали объему обыкновенной тарелки. Казалось бы этому человѣку должно была быть сильнымъ и здоровымъ, но, напротивъ того, онъ скорѣе былъ слабъ здоровьемъ и не имѣлъ никакой особенной силы. При этомъ не можетъ не казаться страннымъ, что такой мущина-великанъ, какъ Лучкинъ, имѣлъ жену, очень маленькую ростомъ по сравненію, конечно, не съ нимъ, но со всѣми другими женщинами, и потому, когда бывало въ праздничные дни онъ выходилъ на прогулку съ своей супругою, то всѣ встрѣчные невольно вдвойнѣ на него заглядывались. Ниже я сообщу анекдотъ, случившійся съ Лучкинымъ и нѣмцами въ 1839 году, когда часть нашей гвардіи ходила на маневры подъ городъ Калишъ.

И такъ, вотъ какимъ я засталъ, при производствѣ моемъ въ офицеры, тогда нашъ Преображенскій полкъ по наружному его виду. А что относится до внутренняго порядка полка, какъ, напримѣръ, до служебныхъ обязанностей по требованіямъ того времени, мнѣ кажется, что тогда все это было доведено, какъ будто, до совершенства. Военная служба была чрезвычайно строга. Ни малѣйшее упущеніе по службѣ не могло пройти незамѣченнымъ. Военная дисциплина была доведена этою самою строгостію до пунктуальности невыразимой. Чинопочитаніе и уваженіе къ старшему были установлены тогда въ такой степени, которая не могла поколебаться. Даже въ сношеніяхъ рядового, простого солдата съ его ефрейторомъ постоянно видна была эта ненарушимая субординація. А между тѣмъ, мнѣ очень памятно и я утвердительно могу сказать, что у насъ въ то время, въ Преображенскомъ полку, начиная съ командира полка, генерала Микулина, всегда избѣгали существовавшаго тогда тѣлеснаго наказанія. Мы, молодые офицеры, замѣчали въ нашихъ ротныхъ командирахъ стре-

мленіе, по мѣрѣ возможности, вывести всѣ эти наказанія. Мы видѣли въ отношеніяхъ ихъ къ фельдфебелямъ и къ ротамъ строгость большую; ничто не спускалось за упущеніе по службѣ, но все это обходилось, какъ говорится, ладно. И надо полагать, что это не могло быть иначе, какъ вслѣдствіе усвоенной въ нижнихъ чинахъ, такъ сказать, закаленной субординаціи.

И то сказать, въ тѣ времена воспитаніе солдата было простое. Взятаго новобранца развивали, какъ говорится, въ страхѣ божіемъ. Прежде всего внушалось безпрекословное повиновеніе и почитаніе старшаго. Затѣмъ, присягнувъ уже на службу государю, онъ причислялся какъ бы къ кастѣ военной; усвоивался съ мыслію тою, что онъ отдѣлился отъ своего бывшаго сословія, отъ родныхъ, отъ семьи и что для него, пока онъ на службѣ, нѣтъ другой среды, какъ только та, въ которой онъ находится, и наши тогдашніе солдатики до того съ этимъ усвоивались, что безпредѣльная преданность своему долгу была истинно ненарушимою святостію для военной службы. Каждый изъ начальствующихъ лицъ, всякій командиръ отдѣльной части могъ смѣло ручаться прямо государю за командуемую имъ часть и можно было отвѣтствовать, что ежели военная команда выставлена была бы противу какой-либо толпы, въ которой солдаты хотя бы и усмотрѣли своихъ родныхъ, быть можетъ отцовъ и братьевъ, но ежели бы начальствомъ приказывалось стрѣлять въ эту толпу, то ни одинъ бы не задумался; вотъ до чего была доведена сила нашей дисциплины.

III.

При поступленіи моемъ офицеромъ въ Преображенскій полкъ, я засталъ командиромъ полка свиты его величества генералъ-маіора Василія Яковлевича Микулина, вскорѣ назначеннаго генералъ-адъютантомъ къ государю Николаю Павловичу. Это былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей того времени... Одинъ изъ такихъ необыкновенно энергичныхъ людей, которыхъ рѣдко можно встрѣтить. Служака во всей силѣ слова, требователенъ до крайности, педантъ по службѣ страшный. Строгости во фронтѣ такой, что, при появленіи его предъ строй, весь фронтъ, такъ сказать, замиралъ.

Между тѣмъ генералъ Микулинъ былъ, какъ человѣкъ, очень добрый; но, вслѣдствіе его непомѣрной горячности, нижніе чины его прозвали Василіемъ горячимъ. Отличительная черта генерала

Микулина была все-таки его совершенная порядочность, какъ человѣка представительнаго. Онъ былъ очень умный господинъ, начитанный, образованный. Онъ прошелъ всю Европу съ Преображенскимъ полкомъ въ кампаніи 1813—1814 гг.

Микулинъ опредѣлился на службу въ Преображенскій полкъ юнкеромъ очень молодыхъ лѣтъ; но въ 1812 году, въ сраженіи подъ Бородинымъ, участвовалъ уже офицеромъ и баталіоннымъ адъютантомъ 2-го баталіона нашего полка. Командиромъ Преображенскаго полка въ то время былъ извѣстный генералъ-адъютантъ покойнаго государя Александра Павловича, баронъ Розенъ, который въ наше время былъ главнокомандующимъ на Кавказѣ.

Во время знаменитаго Бородинскаго побоища, какъ извѣстно, вся даже наша гвардія участвовала въ страшной тогда битвѣ!.. Не было ни одного изъ гвардейскихъ полковъ, который бы тогда, наравнѣ съ нашею побѣдоносною арміею, не бился за-одно, какъ говорится, не на животъ, а на смерть! И вотъ, въ то время, кажется, Наполеонъ I и сказалъ кому-то: „La grande Russie a fait son devoir avec honneur“, (русская гвардія честно исполнила свой долгъ). И такъ, командиръ полка, баронъ Розенъ, неоднократно, съ барабаннымъ боемъ, въ пылу боевыхъ столкновеній подъ Бородиномъ, водилъ Преображенскій полкъ въ атаку, и Микулинъ тогда, будучи въ первомъ еще офицерскомъ чинѣ и баталіоннымъ адъютантомъ, получилъ за храбрость орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ,—крестъ, который во всѣ времена высоко цѣнился и которымъ Микулинъ не преставалъ гордиться, разсказывая намъ съ большимъ увлеченіемъ подробности бородинскаго сраженія за своимъ обѣдомъ, къ которому онъ постоянно приглашалъ полкового адъютанта и дежурнаго офицера 1-го баталіона или того, который въ это время былъ расположенъ около дворца. При этомъ онъ любилъ повторять слова, что онъ взросъ и посѣдѣлъ въ Преображенскомъ полку.

Этотъ самый нашъ полководецъ, генералъ-адъютантъ Микулинъ, въ 1825 году, будучи полковникомъ и командиромъ нашего 1-го баталіона, въ день 14-го декабря, первый привелъ командуемый имъ баталіонъ на площадь и всталъ противу возмутившихся полковъ гвардіи.

Безпредѣльная преданность Микулина, впослѣдствіи, выражалась истинно выдающеюся при всякомъ представляющемся случаѣ. Государь Николай Павловичъ, наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, великій князь Михаилъ Павловичъ и вообще всѣ члены царствующей семьи,—это былъ предметъ боготворенія Ми-

кулина. Проникнутый такими чувствами, онъ велъ и давалъ направленіе командуемому имъ Преображенскому полку. Не говоря уже о полномъ, въ этомъ случаѣ, сочувствіи всего общества офицеровъ Преображенскаго полка, но видно было въ каждой ротѣ во всякомъ солдатѣ Преображенскаго полка, при какомъ бы то ни было обстоятельствѣ, что-то такое особенное, что-то такое, выказывающее именно преданность и привязанность нашихъ солдатъ къ царскому семейству.

Микулинъ, какъ генералъ-адъютантъ и какъ придворный человѣкъ, какъ будто слѣдилъ шагъ за шагомъ за царской фамиліей. Ему всегда было извѣстно, гдѣ и въ какое время можетъ быть государь или великій князь Михаилъ Павловичъ, или наслѣдникъ цесаревичъ и вообще кто бы ни былъ изъ царской семьи. Микулинъ обо всѣхъ постоянно намъ дѣлалъ извѣстнымъ. И это сообщеніе не имѣло никакой другой цѣли, какъ только всегдашняя его заботливость не только одному, но со всѣми ввѣренными его командованію подчиненными, быть угодными обожаемому монарху.

Однимъ словомъ, эта угодность во все время его командованія полкомъ и эта выказываемая преданность не могли быть поддѣльными, или напускными, ибо онѣ проявлялись постоянно между безчисленными случаями, изъ коихъ я могу указать на два, особенно такъ сказать, выдающіеся. Первый изъ этихъ случаевъ былъ тогда, когда мы ожидали государя Николая Павловича, со всей царской семьей, въ нашъ красносельскій лагерь, послѣ долгаго отсутствія государя изъ Петербурга и послѣ возвращенія его величества изъ чужихъ краевъ, такъ что полкъ очень давно не видѣлъ государя. И другой еще случай, гораздо позже, но былъ тоже въ лагерѣ, когда наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ былъ уже въ чинѣ полковника и своимъ августѣйшимъ родителемъ былъ назначенъ въ лагерѣ временно командовать нашимъ Преображенскимъ полкомъ.

Первый изъ этихъ двухъ случаевъ, сколько мнѣ теперь припоминается, въ 1835 году, но никакъ не позже 1836 года, когда весь гвардейскій корпусъ стоялъ въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ, и вдругъ разнесся слухъ по лагерю,—это было кажется въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца,—что государь съ императрицею и съ кѣмъ-то еще изъ августѣйшихъ дѣтей,—теперь тоже не помню,—возвратились изъ-за границы въ Царское Село. Когда слухъ этотъ подтвердился, весь нашъ красносельскій лагерь всполошился. Все начальство, просто, затрепетало. Всѣ полетѣли на другой день, кто въ Царское Село, кто въ Петербургъ въ главный штабъ, такъ что нашъ лагерь

моментально упразднился отъ всего высшаго начальства, и хотя прекращеніе самыхъ обыденныхъ занятій въ лагерѣ было менѣе, чѣмъ кратковременнымъ; но наши тогда юныя сердца, какъ будто, свободнѣе стали биться. Эта кратковременность, какъ теперь помню, въ насъ молодыхъ людяхъ, то-есть въ молодыхъ офицерахъ, въ субалтернъ-офицерахъ, породила празднопшатаніе изъ лагеря въ лагерь, визиты въ другіе полки къ товарищамъ, тогда какъ ротные командиры, какъ отвѣтственные начальники частей, совершенно напротивъ, ощутили еще болѣе заботы въ ожиданіи возвращенія начальства и въ ожиданіи извѣстій.

На другой день къ ночи стали слышаться возвращенія начальствъ къ своимъ частямъ. Начальники дивизій, бригадъ и командиры полковъ, все это вернулось въ лагерь. На третій день съ утра, въ лагерѣ все зашумѣло и засуетилось. Дежурные унтеръ-офицеры по ротамъ, по нѣсколько разъ въ день, провозглашали послѣдовательнымъ громогласнымъ крикомъ: фельдфебелей въ полковую канцелярію. Это намъ, молодымъ офицерамъ, ничѣмъ не завѣдывавшимъ и ни за что не отвѣтствующимъ, давалось знать, что дѣлаются въ полку приготовленія и распоряженія, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ ожиданіи посѣщенія государемъ лагерей.

А между тѣмъ, опредѣлительнаго ничего никто не зналъ. Когда будетъ государь въ лагерь, какъ ожидать и какъ встрѣчать его величество—офиціальнаго ничего не было и всѣ положительно находились въ невѣдѣніи. А мы, молодые офицеры, еще менѣе знали, потому что нашему брату не всегда было удобно по этому предмету вступать въ разговоры со старшимъ начальствомъ.

Прошло еще нѣсколько дней и никакихъ свѣдѣній ни откуда не было. Наше начальство замѣтно волновалось относительно неизвѣстности о пріѣздѣ въ лагерь государя и недоумѣвало касательно самой встрѣчи его величества, на томъ простомъ основаніи, какъ это всегда было въ поговоркѣ у нижнихъ чиновъ, что «гдѣ амуничка, тамъ и репетичка»; а репетичекъ у насъ и не думали производить. Это и насъ, молодыхъ офицеровъ, начинало уже тревожить, какъ вдругъ, чрезъ распоряженія, дѣлаемыя нашими ротными командирами, мы узнаемъ, что завтрашній день государь и вся царская фамилія будутъ обѣдать въ Красномъ Селѣ и послѣ обѣда, какъ-бы за-просто, посѣтятъ лагерь.

Вслѣдствіе этой неожиданности, какъ мы тогда-же слышали, будто происходили между высшимъ начальствомъ, между лагерными начальствующими лицами, большія пренія, за неимѣніемъ надлежа-

щихъ, точныхъ указаній, касательно встрѣчи государя, и какъ будто сами пришли по соглашенію къ тому заключенію, чтобы въ этотъ день полки, или вообще всѣ войска, вывести передъ переднія линейки, тоже какъ-бы за-просто, безъ амуниціи и ружей, въ мундирахъ и фуражкахъ, и построить баталіоны въ колоннахъ справа на одинъ шагъ впереди переднихъ линеекъ, и такъ ожидать пріѣзда государя.

Ожиданіе государя приводило нашего полководца, какъ и всегда, въ состояніе тревожное; казалось, что вся жизнь Микулина была посвящена тому, чтобы угодить государю. Съ самаго утра этого дня. онъ волновался, безпокоился, заботился о людяхъ, о томъ, чтобы все было умыто, выбрито и, какъ говорится: молодцомъ поставлено. И надо правду сказать, что во все время командованія Микулинымъ полкомъ, люди наши выводились предъ государя, во всѣхъ отношеніяхъ, какъ гласитъ русская поговорка, вполнѣ «женихами».

Въ это-же самое утро, то-есть въ самый день посѣщенія лагеря государемъ, сдѣлалось извѣстнымъ, что его величество, послѣ обѣденнаго стола, со всею царскою фамиліею, поѣдетъ первоначально въ лагерь образцоваго полка, который отъ Краснаго Села былъ расположенъ ближе всѣхъ другихъ полковъ.

Это означало, что объѣздъ начнется съ лѣваго фланга, а мы, преображенцы, стояли на правомъ флангѣ всего красносельскаго лагеря, слѣдовательно, намъ оставалось еще очень много времени ожидать пріѣзда къ намъ государя, почему командиръ полка, Микулинъ, приказалъ, не торопясь людямъ пообѣдать въ обыкновенное время, потомъ хорошенько отдохнуть и затѣмъ приготовиться къ встрѣчѣ государя.

Мы, офицеры, хотя и заняты были одной и той-же мыслію,— пріѣздомъ государя въ лагерь, но, въ свою очередь, не суетясь, каждый преспокойно пообѣдалъ въ своей артели, (у насъ на время лагерное всегда составлялись между офицерами артели).

Въ прекрасный іюньскій день, часовъ около 6-ти вечера, когда полки нашей 1-й гвардейской дивизіи: Семеновскій, Измайловскій и лейбъ-гвардіи егерскій, стали выводить на переднія линейки, тогда у насъ барабанщики ударили дробь и по этому сигналу нашъ Преображенскій полкъ былъ тоже выведенъ на шагъ впередъ предъ первую линейку и всѣ три баталіона были поставлены одинъ подлѣ другого, на извѣстныхъ дистанціяхъ, въ колоннахъ справа.

Видъ людей, какъ теперь вижу: эта стройность, эта выправка, молодцоватость — истинно, восхитительно было смотрѣть!

Такъ какъ нижнихъ чиновъ, какъ я выше сказалъ, положено было вывести въ простой формѣ, безъ оружія и амуниціи, то и мы, офицеры, должны были быть одѣты соотвѣтственно, въ обыкновенной лагерной формѣ, которая состояла тогда изъ сюртука, шарфа и клеенчатаго кивера. Баталіоны, по обыкновенію, конечно, должны были стоять выровненными; поэтому и мы встали въ свои мѣста во взводы. Командиры баталіоновъ встали впереди своихъ баталіоновъ; а командиръ полка, генералъ Микулинъ, предъ срединою полка, въ сюртукѣ, въ шарфѣ и въ своей трехъ-угольной шляпѣ съ черными перьями, надѣтой по формѣ.

Я находился тогда въ 5-й ротѣ 2-го баталіона, у штабсъ-капитана Рындина, который командовалъ этою ротою. Я стоялъ въ 4-мъ взводѣ, какъ разъ противу полкового командира, который будучи передъ полкомъ, находился впереди нашего 2-го баталіона. Впрочемъ, всѣмъ офицерамъ хорошо было видно нашего полководца, который не преставалъ волноваться.

Пока государь проѣзжалъ по линіи полковъ, можетъ быть еще 2-й гвардейской дивизіи, что отъ нашего лагеря было порядочное разстояніе, но крики «ура!» къ намъ долетали очень явственно. Надо было видѣть нашего генерала и командира полка Микулина. Не оставаясь ни минуты спокойнымъ на мѣстѣ, онъ, видимо въ волненіи, не преставалъ относиться къ нижнимъ чинамъ, ободрялъ людей, приказывалъ подтянуться, веселѣе смотрѣть и радостно встрѣчать государя. Видно было, что онъ готовъ былъ отдать душу свою за тотъ моментъ, чтобъ только государь оставался вполнѣ доволенъ встрѣчею полка. Съ симъ вмѣстѣ, эта необыкновенная его энергичность предъ фронтомъ, этотъ громовой командный его голосъ, когда онъ относился къ полку, невольно наводилъ, какъ говорится, морозъ по тѣлу!

Чѣмъ ближе подходили къ намъ возгласы полковъ и крики «ура!», выходившіе уже отъ Семеновскаго полка, который отъ насъ отдѣлялся еще батареею гвардейской пѣшей артиллеріи, тутъ еще сильнѣе выражались ощущенія Микулина. Онъ поминутно, поправлялъ свою шляпу, или снималъ съ руки перчатку и опять ее надѣвалъ, однимъ словомъ, все выказывало его тревожное состояніе. Наконецъ, когда царскіе экипажи стали выѣзжать отъ 1-го баталіона Семеновскаго полка и приближаться къ нашей батареи, тогда Мукулинъ, въ послѣдній разъ возвысивъ голосъ, крикнулъ къ полку: «ребята, веселѣе встрѣтить царя... да смотри, чтобы «ура!» у васъ не было казенное, а отъ чистаго сердца!»

Произнеся эти слова, Микулинъ усмотрѣлъ Николая Павловича, въ бѣлой кирасирской фуражкѣ, съ императрицею и съ великими княжнами въ шестимѣстной коляскѣ, запряженной цугомъ, выѣзжающими отъ батареи и приближающимися къ лѣвому флангу уже нашего 3-го баталіона, стоявшаго на нѣкоторомъ разстояніи отъ пѣшей батареи. Тутъ уже, какъ было видно и какъ надо полагать, онъ не въ силахъ былъ болѣе себя сдержать! Крикнулъ внезапно: «ребята, за мной, шапки вверхъ, ура!» и свою трехъ-уголку швырнулъ надъ головой и опрометью бросился на встрѣчу коляски государя!

Какъ изобразить этотъ моментъ! Какъ достаточно передать все, что въ эту минуту произошло! Три тысячи солдатъ, стоявшіе до того времени на своихъ мѣстахъ, въ одинъ мигъ глава устремляются по слову командира за нимъ, три тысячи фуражекъ летятъ вверхъ и «ура!» грянуло такое, которое потрясало небеса! И затѣмъ государь, вся царская семья, вся огромная свита, которая на коняхъ сопровождала царскій поѣздъ, въ томъ числѣ и великій князь Михаилъ Павловичъ, вмѣстѣ съ наслѣдникомъ цесаревичемъ,—всѣ очутились окруженными тремя тысячами людей, съ непокрытыми головами, выражающихъ восторгъ и безпредѣльную приверженность царскому дому!

Такъ увѣнчалась встрѣча государя и его августѣйшей семьи нашимъ Преображенскимъ полкомъ, ибо послѣ насъ не было никакихъ уже войскъ, выстроенныхъ для встрѣчи.

Такая, можно сказать, выходка полкового командира предъ фронтомъ, хотя впрочемъ, какъ я выше сказалъ, нижніе чины не имѣли ни боевой амуниціи, ни ружей, не могла однако не поразить неожиданностію старослужащихъ фронтовиковъ, тѣмъ болѣе, что всѣ остальные полки встрѣчали государя, не покидая мѣстъ.

Государь, повидимому, былъ очень тронутъ, ибо тутъ же его величество очень милостиво отнесся къ полку.

Но, впрочемъ, насколько мнѣ сдается по моимъ воспоминаніямъ, Микулинъ, какъ было слышно, будто бы, подвергся за это нарѣканію старыхъ служивыхъ, опирающихся на святость строя и ненарушимость воинскаго устава; но нашъ полководецъ, генералъ Микулинъ, былъ такой натуры господинъ, что ежели только государь и великій князь Михаилъ Павловичъ не выказали ни малѣйшаго неудовольствія, то все остальное ему было нипочемъ, и потому, вообще, Микулинъ имѣлъ болѣе недоброжелателей; но свое генералъ-адъютантство онъ несъ высоко.

Разскажу другой случай, еще болѣе подтверждающій искренность тѣхъ чувствъ преданности Микулина къ царской фамиліи, которыя

него проявлялись всегда, какъ только обстоятельства приводили его въ сношенія съ кѣмъ-нибудь изъ членовъ царской фамиліи.

Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, будучи уже въ чинѣ полковника и флигель-адъютанта, во время одного изъ лагерей нашихъ подъ Краснымъ Селомъ, былъ назначенъ государемъ командовать временно нашимъ полкомъ. Микулинъ же, оставаясь настоящимъ командиромъ Преображенскаго полка, въ это время исполнялъ должность командира 1-й бригады, то есть нашего и Семеновскаго полковъ. Палатка Наслѣднику была поставлена не въ дальнемъ разстояніи отъ палатки Микулина. Не говоря уже про Микулина самаго, но для насъ всѣхъ, для цѣлаго полка, поистинѣ сказать, это время казалось самымъ свѣтлымъ и счастливымъ праздникомъ.

Оставшіеся теперь на свѣтѣ мнѣ современные сослуживцы по Преображенскому полку, конечно помнятъ тѣ счастливыя минуты, которыя достались на долю каждаго изъ насъ чрезъ присутствіе и время, проведенное Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ въ нашемъ лагерѣ и въ нашемъ сообществѣ. Постоянное милостивое вниманіе Его Высочества, ко всѣмъ безразлично, простота, кротость и эта ангельская доброта, всегда характеризовавшая Цесаревича, приводила положительно всѣхъ и каждаго въ истинный восторгъ и очарованіе.

И все это прошлое, въ какомъ бы отдаленномъ времени оно теперь не представлялось, не можетъ изгладиться изъ памяти еще и потому, что Его Высочество, будучи уже царствующимъ Государемъ, всегда осчастливливалъ каждаго изъ насъ представлявшагося Его Величеству словами: «давно знакомый».

И такъ, въ тотъ годъ, государь Николай Павловичъ производилъ смотры войскамъ, въ лагерѣ находившимся, по полкамъ, по бригадно, по дивизіонно и цѣлымъ корпусомъ.

Наслѣдникъ Цесаревичъ, исполняя должность нашего полкового командира, дѣлалъ лично ученія нашему полку. Самъ на конѣ, водилъ нашъ полкъ учиться на военное поле, которое отъ нашего лагеря находилось на очень дальнемъ разстояніи, такъ что мы считали всегда верстъ 5-ть или 6-ть ходу. И во время производимыхъ Наслѣдникомъ ученій полку, нашъ полковой командиръ, Микулинъ, никогда не присутствовалъ и никогда не вмѣшивался въ распоряженія Его Высочества, по наружному командованію полкомъ. Но, съ симъ вмѣстѣ, его натура не преставала тревожиться; онъ былъ въ постоянной заботѣ о томъ, чтобы всѣми средствами, всѣми дѣйствіями полка, быть угоднымъ Наслѣднику, хотя все въ лагерѣ шло какъ

нельзя лучше и иначе быть не могло, потому что каждый чинъ полка, отъ высшаго до низшаго, вытягивался, какъ говорится, изъ жилъ, чтобы только удостоиться милостиваго вниманія Наслѣдника Цесаревича и заслужить всѣ тѣ милости, которыми Его Высочество, во все свое пребываніе у насъ въ лагерѣ, не переставалъ распространять на всѣхъ и каждаго. Однажды вечеромъ, дежурные унтеръ-офицеры по ротамъ разнесли по палаткамъ приказъ, отданный по полку Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, вслѣдствіе вышедшаго въ тотъ день приказа отъ командующаго 1-ю бригадою, генерала Микулина. Копія съ приказа генералъ-адъютанта Микулина была приложена и заключала слѣдующее:

«Завтрашняго числа, въ 8 часовъ утра, я буду производить ученіе ввѣренной командованію моему 1-й гвардейской пѣхотной бригадѣ. Почему полкамъ лейбъ-гвардіи Преображенскому и Семеновскому прибыть на военное поле къ 7 часамъ утра, и къ 8-ми быть совершенно выровненными и ожидать прибытія моего. Генералъ-адъютантъ Микулинъ».

Вслѣдствіе отданнаго приказа о бригадномъ ученіи, назначенномъ на другой день, насъ подняли очень рано. Наслѣдникъ опять на конѣ, самъ повелъ нашъ полкъ на военное поле. По прибытіи на мѣсто, Наслѣдникъ Цесаревичъ сошелъ съ лошади. Полку приказалъ составить ружья въ козлы и людямъ снять ранцы и далъ отдыхъ на часъ времени.

По окончаніи отдыха, баталіоны построились развернутымъ фронтомъ. Лѣвѣе насъ, на извѣстной дистанціи, построился Семеновскій полкъ. Полкомъ, въ это время, командовалъ тоже одинъ изъ отличныхъ тогда генераловъ, генералъ-маіоръ Ребиндеръ, къ которому государь Николай Павловичъ очень милостиво относился и всегда благоволилъ.

Нашъ полкъ былъ выровненъ по жолонерамъ въ одну линію съ Семеновскимъ полкомъ. Наслѣдникъ нѣсколько разъ самъ лично ровнялъ всѣ три шеренги нашего полка и, наконецъ, отъѣхалъ и всталъ предъ срединою полка ожидать прибытія бригаднаго командира, генерала Микулина. Микулина верховая лошадь была приведена на военное поле въ одно время съ прибытіемъ полка.

Генералъ Микулинъ не заставилъ себя дожидаться. Какъ только показалась его коляска, Наслѣдникъ скомандовалъ «смирно!» и баталіоны взяли на плечо по командѣ своихъ баталіонныхъ командировъ.

Генералъ Микулинъ, въ мундирѣ, шарфѣ и шляпѣ съ черными

султаномъ, ѣхалъ очень важно въ коляскѣ вдвоемъ съ исправляющимъ должность бригаднаго адъютанта.

Наслѣдникъ подпустивъ коляску Микулина на извѣстное разстояніе отъ фронта, скомандовалъ цѣлому полку на караулъ, далъ шпоры своему коню и пустился маршъ-маршъ, на встрѣчу Микулина съ рапортомъ. Генералу Микулину, къ коляскѣ была подведена его верховая лошадь; но онъ не успѣлъ на нее сѣсть, когда Наслѣдникъ Цесаревичъ подскакалъ, опустилъ свою саблю и началъ рапортовать.

Микулинъ, стоя, приложивъ руку къ шляпѣ, выслушалъ весь рапортъ Наслѣдника. Когда Его Высочество кончилъ и сталъ подавать Микулину строевую записку, то Микулинъ, принимая изъ рукъ Великаго Князя рапортъ, сдѣлалъ такое движеніе, какъ бы припалъ къ колѣну Наслѣдника, сидѣвшаго на конѣ, и задыхающимся отъ волненія голосомъ произнесъ: «Ваше Императорское Высочество! этотъ рапортъ ляжетъ со мною въ гробъ»!

Всѣ взоры стоявшаго тогда строя, всѣ были обращены на старшихъ начальниковъ, всѣ видѣли эту сцену. Но подробности намъ были переданы нашимъ полковымъ адъютантомъ, Михаиломъ Катенинымъ, который находился тутъ же, около Наслѣдника. Катенинъ говорилъ, что это было такъ поразительно, что когда Микулинъ произнесъ эти слова, то Наслѣдникъ какъ-бы поспѣшилъ подать Микулину руку и у Его Высочества показались слезы на глазахъ.

По прошествіи нѣсколькихъ послѣ того лѣтъ, Микулинъ, будучи произведенъ въ генералъ-лейтенанты, сдалъ нашъ полкъ генералъ-маіору, барону Мунку; ѣздилъ за границу, лечился минеральными водами, возвратился въ Петербургъ больной, долго продолжалъ болѣть и, наконецъ, умеръ. На нашу долю, какъ подлежало, мы отдали ему послѣднюю честь. Нашъ полкъ его хоронилъ, съ придачею нѣсколькихъ орудій гвардейской пѣшей артиллеріи. Отпѣваніе происходило въ нашемъ Преображенскомъ соборѣ. Старшій протоіерей собора, Сицилійскій, по окончаніи отпѣванія, въ то время, когда надѣваютъ на покойниковъ на голову вѣнчикъ, вслѣдствіе сдѣланнаго Микулинымъ предсмертнаго завѣщанія, положилъ къ нему въ гробъ, поданный ему на смотру Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, рапортъ, о которомъ я упомянулъ.

Государь Николай Павловичъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, великій князь Михаилъ Павловичъ, съ огромною свитою генералъ-адъютантовъ, почтили погребальную процессію. Государь, съ великими князьями, далеко провожалъ нашъ

кортежъ и только за Аничковымъ мостомъ, на Литейной, тамъ, гдѣ Литейная пересѣкаетъ Невскій проспектъ, государь остановился и пропустилъ мимо себя всю процессію по направленію къ Невской лаврѣ, гдѣ Микулинъ и похороненъ. Въ память покойнаго, какъ замѣчательнаго тогда полкового командира, который, въ особенности, насъ молодыхъ офицеровъ, такъ сказать, формировалъ для пользы службы, мнѣ не хотѣлось бы выпустить изъ воспоминаній ни одной черты изъ характера Микулина, какъ военнаго дѣятеля, котораго государь Николай Павловичъ нашелъ достойнымъ приблизить даже къ себѣ чрезъ возведеніе его въ званіе своего генералъ-адъютанта.

Службу военную Микулинъ поддерживалъ, какъ говорится, въ полной силѣ слова: всей своей силою, всей своей крѣпостію. Не допускалъ ни малѣйшаго ослабленія по отношенію къ основаніямъ службы военной. Онъ неоднократно, съ характеризующею его энергіею, говаривалъ, что «въ военной службѣ должна быть неупустительная строгость, иначе, какъ онъ всегда выражался, весь фундаментъ будетъ разъѣзжаться».

Все это Микулинымъ внушалось, въ особенности предъ фронтомъ, въ присутствіи насъ, молодыхъ офицеровъ, съ большою горячностію. А между тѣмъ, его соотношеніе вообще съ обществомъ офицеровъ было всегда весьма любезное и обходительное. Онъ чрезвычайно слѣдилъ за ненарушимостію чинопочитанія въ полку и, надо правду сказать, что всѣ мы, офицеры, какъ ни были хороши между собою, но на службѣ въ особенности соблюдали, можно сказать, педантическое чинопочитаніе и субординацію; такъ, напримѣръ, нашъ братъ субалтернъ-офицеръ, когда на домашнихъ ученіяхъ въ казармахъ или на ротномъ дворѣ, когда рота выстроена-бывало и ожидаетъ прибытія командира роты, то мы, субалтернъ-офицеры, неупустительно находимся всегда при ротѣ до появленія командира, и какъ только командиръ роты покажется, для него мы тотчасъ командуемъ «смирно» и ротѣ «на плечо!» Это у насъ, въ старину, было уже такъ заведено и никогда не нарушалось.

Впрочемъ, въ тѣ времена не одинъ Микулинъ, но и все военное начальство, всѣ командиры частей войскъ такъ держали своихъ подчиненныхъ; давали такое направленіе, что вообще въ военномъ сословіи это такъ было принято. Военное сословіе тогда, какъ будто бы, составляло особенную касту, присвоивъ себѣ въ обязанность быть сословіемъ, которое составляетъ опору государству, охраняетъ его спокойствіе и тишину. Эта крутая военная тогда дисциплина съ этимъ усвоила нашего солдата. Извѣстно, конечно, что тогда вся

наша Россійская армія состояла изъ отдаваемыхъ помѣщиками въ рекруты людей далеко неодобрительныхъ свойствъ. Надо полагать, что бóльшая по крайней мѣрѣ часть арміи ими была наполнена. А между тѣмъ эти самые люди, попавшіе, какъ тогда говаривали, подъ красную шапку, этою строжайшею дисциплиною и этою крутою субординаціею передѣлывались и переработывались такъ, что этотъ самый бывшій мошенникъ и воръ,—онъ подъ красной шапкой, безразлично, стоялъ на посту; ставился часовымъ и иной разъ довѣрялось ему охраненіе и весьма важное. И я, впродолженіи всей моей долговременной службы, не помню ни одного случая, чтобы солдатъ, стоя на часахъ, могъ покуситься на кражу. Равномѣрно, чтобъ часовой могъ допустить какое-либо сообщничество, чтобы изъ-подъ его охраны могла случиться пропажа,—это было дѣломъ немыслимымъ. Караульный, стоявшій на часахъ, считался какъ бы святынею. Онъ въ руки въ это время ничего принять не могъ. Случалось, что часовому предлагали деньги, желали сдѣлать подарокъ; часовой всегда просилъ дѣлаемое ему приношеніе положить около будки и тогда только его бралъ, когда приходила ему смѣна при разводящемъ ефрейторѣ. Вотъ надъ этимъ-то воспитаніемъ солдата и надъ этимъ его образованіемъ, все наше высшее тогда начальство налегало и корпѣло; а въ особенности нашъ полководецъ Микулинъ, въ этомъ случаѣ, былъ изъ числа самыхъ ярыхъ начальниковъ.

Со всею порядочностію и образованіемъ, генералъ-адъютантъ Микулинъ передъ фронтомъ былъ бѣдовый господинъ. Это была олицетворенная какая-то строгость. При его появленіи передъ фронтомъ не только никто не шевельнется, но цѣлая масса всего строя какъ бы замирала. Я, какъ молодой офицеръ, и служа все время въ строю, былъ постояннымъ не только очевидцемъ, но самъ дѣйствующимъ лицомъ и потому не могу не указать хотя одного примѣра изъ нашей тогда фронтовой выправки и фронтового образованія солдата, а именно:

Я находился тогда въ 1-мъ баталіонѣ и во 2-й ротѣ подъ начальствомъ штабсъ-капитана Челищева 2-го, который былъ командиромъ этой роты. Нашъ баталіонный командиръ, полковникъ Есиповъ, дѣлалъ однажды въ дворцовомъ манежѣ, что былъ около казармъ нашего 1-го баталіона, домашнее баталіонное ученіе. Баталіонъ экзерцировался тогда дѣланіемъ ружейныхъ пріемовъ, какъ внезапно и совершенно неожиданно отворяются двери манежа и въ манежъ входитъ командиръ полка, генералъ Микулинъ. Полковникъ Есиповъ, усмотрѣвъ появленіе командира полка, остановилъ ученіе и скоман-

довалъ баталіону «смирно!» По этой командѣ—все замерло. Можно было услышать полетъ мухи,—до такой степени водворилась тишина въ манежѣ, гдѣ стоялъ баталіонъ въ тысячу человѣкъ солдатъ.

Генералъ Микулинъ, услышавъ команду баталіоннаго командира «смирно», пріостановился и бросилъ взглядъ на баталіонъ. Онъ смотритъ, а мы, какъ вкопанные, стоимъ и ни единый кутасъ на киверѣ солдата не шелохнулся. Весь фронтъ съ обращенными взорами на генерала, мы стоимъ пять минутъ, стоимъ десять минутъ, а генералъ, не здороваясь съ людьми, продолжаетъ всматриваться, а мы все стоимъ недвижимы, какъ стѣны манежа. И такимъ образомъ проходитъ, по крайней мѣрѣ, съ четверть часа. Наконецъ, мы слышимъ голосъ генерала Микулина, который говоритъ полковнику: «не дурно, но штыки у васъ какъ будто покачиваются, этого не должно быть». Потомъ, вслѣдъ за этимъ, своимъ громовымъ голосомъ крикнулъ баталіону: „здорово молодцы!“ На это привѣтствіе люди наши грянули такимъ „здравія желаемъ, ваше превосходительство!“, что это моментально заглушило весь манежъ и вслѣдъ затѣмъ все опять замерло, какъ въ могилѣ, въ ожиданіи второго пришествія.

И такъ, вотъ какое было тогда наше фронтовое образованіе. А между тѣмъ, въ тѣ времена солдаты держали ружья въ лѣвой рукѣ подъ прикладъ и стоять долгое время съ вытянутою рукою подъ прикладомъ, дѣйствительно, было тяжело; но со всѣмъ тѣмъ, все это доводилось до исполненія и надо полагать, что всѣ эти и тому подобныя требованія имѣли свою цѣль и свое основаніе, иначе это и быть не могло. И нельзя же не сознаться, что наши тогдашніе солдатики, усвоенные съ подобною выправкою и съ такою субординаціею, которая не терпѣла никакихъ обсужденій—вполнѣ, въ тѣ времена, соотвѣтствовали тому, что сказалъ Фридрихъ Великій про русскаго солдата, что «мало того, чтобы убить его, надо еще его толкнуть для того, чтобы онъ упалъ».

Я собрался излагать нашу старинку военной службы, въ которую я поступилъ съ самыхъ раннихъ молодыхъ лѣтъ и потому утверждаю, что старые служивые не только во всѣ прежнія времена нашихъ побѣдоносныхъ кампаній, но и въ знаменательную севастопольскую осаду, показали на дѣлѣ, насколько тогдашняя ружистика и маршировка могли ихъ усвоить съ такою твердостію и стойкостію, что съ ничтожнымъ оружіемъ, сравнительно съ этими просвѣщенными французскими, англійскими и турецкими войсками, среди смертоноснаго разрушенія, держались 11 мѣсяцевъ. И когда уступили, такъ уступили также точно, какъ нѣкогда уступили въ 1812 году Москву, ежели бы на то не была

воля Божія. Однимъ словомъ, съ такою выправкою, съ такою дисциплиною, которыя существовали въ наше время, найдется-ли кто нибудь, кто бы могъ сказать, что подобное войско, по нынѣшнему времени, не можетъ быть столь пригодно.

И такъ, нашъ полковой командиръ Микулинъ былъ въ числѣ всѣхъ тогда военныхъ начальниковъ—истый, какъ говорится, фронтовикъ. Время было такое. Военная іерархія стояла очень высоко въ государствѣ. Тогда наша святая Русь была какъ бы военной державой. Всѣ дѣятели въ государствѣ, начиная съ государственныхъ и высокопоставленныхъ лицъ, все это были военные, всѣ были въ военныхъ мундирахъ, а между тѣмъ все это были люди просвѣщенные, все это были люди европейской тогда извѣстности.

Генералъ Микулинъ, не взирая на эту всеобщую односторонность яраго фронтовика, былъ достойнымъ представителемъ въ обществѣ, находясь во главѣ такихъ, могу сказать, просвѣщенныхъ офицеровъ, которые составляли тогда Преображенскій полкъ. Надо сказать кстати, что Преображенскій полкъ, какъ то издревле было, всегда отличался составомъ лучшихъ русскихъ дворянскихъ фамилій.

Микулинъ происходилъ самъ изъ хорошей дворянской фамиліи, можетъ быть не богатой; но, достигнувъ высокаго званія генералъ-адъютанта государя Николая Павловича, онъ съ гордостію носилъ это званіе. Но когда случалось ему находиться среди насъ, офицеровъ, онъ не столько гордился своею выслугою, сколько соотношеніями дворянства и не разъ говаривалъ и очень серьезно, что намъ, какъ онъ выражался, столбовымъ дворянамъ, «намъ надо во всякомъ званіи высоко сохранять свое дворянское достоинство».

Микулинъ любилъ угостить своихъ офицеровъ, въ особенности послѣ какого нибудь смотра, которымъ государь оставался нашимъ полкомъ вполнѣ доволенъ,—тогда онъ задавалъ намъ пиръ, какъ говорится, на весь міръ, ничего не жалѣя, и русская барская натура вполнѣ высказывалась.

Не могу забыть, когда Микулинъ, будучи произведенъ въ генералъ-лейтенанты, сдавалъ нашъ полкъ новому нашему полковому командиру, генералъ-маіору барону Мунку, когда за обѣдомъ онъ поднялъ къ намъ его послѣдній прощальный бокалъ съ шампанскимъ и хотя даръ слова его никогда не оставлялъ, но тутъ онъ могъ только произнести одно: «какой полкъ, что за офицеры, что за молодежъ! я тебѣ передаю, Мункъ». И договорить не могъ, у него слезы навернулись на глазахъ, а всеобщія, единодушные въ это время крики «ура!» заглушили его смятеніе.

Добрую оставилъ по себѣ память командиръ Преображенскаго полка, генералъ-адъютантъ Василій Яковлевичъ Микулинъ, всѣмъ тѣмъ, кто въ его время и подъ его начальствомъ служили. И надо полагать, въ особенности, по высокому вниманію, оказываемому Микулину государемъ Николаемъ Павловичемъ, ежели-бъ не скорая его кончина, то въ военной іерархіи онъ тогда имѣлъ-бы гораздо большее значеніе.

Генералъ-лейтенантъ Д. Г. Колокольцевъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ СЕМЕНОВСКІЙ ПОЛКЪ

въ царствованія императоровъ

ПАВЛА и АЛЕКСАНДРА I.

I.

Полковой маршъ

1796 г.

Покойный генералъ-фельдмаршалъ Петръ Михайловичъ Волконскій, разсказывая про начало службы своей въ Семеновскомъ полку, часто вспоминалъ о первомъ своемъ полковомъ командирѣ, генералѣ Римскомъ-Корсаковѣ, и о его страсти въ музыкѣ.

Въ 1796 году онъ написалъ тихій маршъ и посвятилъ его одной изъ фрейлинъ; императоръ Павелъ Петровичъ, услыша въ первый разъ этотъ маршъ, приказалъ переложить его для военнаго оркестра и очень любилъ слушать его. Впослѣдствіи, когда въ полку сформировали вновь свой музыкантскій хоръ, маршъ Римскаго-Корсакова играли особенно часто и онъ сдѣлался, сначала отъ привычки, а потомъ, вслѣдствіе назначенія всѣмъ гвардейскимъ полкамъ имъ только присвоенныхъ маршей,—обычнымъ. Тихій маршъ этотъ играется въ Семеновскомъ полку до сихъ поръ подъ названіемъ полкового.

II.

Письма в. к. Александра Павловича генералу Недоброву.

1797—1798.

Помѣщая собраніе собственноручныхъ писемъ и записокъ великаго князя Александра Павловича къ командиру Семеновскаго полка, генералу Недоброву, считаемъ обязанностію предварить читателей, что всѣ они существуютъ доселѣ въ подлинникахъ. Сыну генерала Недоброва обязаны мы

тѣмъ, что имѣемъ возможность сообщить ихъ на страницахъ „Русской Старины“ и привести ихъ въ доказательство какъ тѣхъ отношеній, кои существовали между великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ и командиромъ полка, такъ и того участія, которое принималъ его высочество въ полковомъ управленіи. П. К.

1.

20-го мая 1797 г. изъ Павловска.

«Мой баталіонъ вступилъ весьма хорошо; дай Богъ, чтобы конецъ былъ похожъ на начало. Сегодня былъ разводъ съ ученьемъ прекрасный, и гарнизонная служба отмѣнно живо и исправно исполняется. Я желаю, чтобы мушкатеры равный имѣли успѣхъ и надѣюсь, что они будутъ стараться. Отпиши мнѣ каково учатся Цезыревы, а также на твой выборъ оставляю перевести ли его баталіонъ въ полкъ, или оставить на острову; кажется время мало остается переводить; впрочемъ отпиши мнѣ, что ты думаешь лучше будетъ. Александръ».

2.

(Отъ того же числа).

«У насъ новое дѣлается, что и надо тотчасъ завести у васъ. Когда баталіонъ на мѣстѣ или наступая маршируетъ, то выстрѣливъ командуютъ: «на руку, маршъ маршъ» и люди, не взводя курокъ, идутъ тотчасъ маршъ маршъ, потомъ стой и люди берутъ на плечо. Потомъ слушай на караулъ, ружье плашмя; съ патронами безъ команды заряжай; и люди взводятъ курки и берутъ патроны и по флигелю оборачиваютъ ружья и заряжаютъ. Также и въ аліенманы ходятъ скорымъ шагомъ, т. е. всѣ взводы идутъ маршъ маршъ, и командуютъ: глаза налѣво, или господа офицеры на правый флангъ. Александръ».

3.

(Безъ числа, изъ Царскаго Села).

«Другъ мой, Василій Александровичъ! Завтра отправь квартерьеровъ своего баталіона, по обыкновенному, а самъ выступи такъ какъ всегда; во вторникъ по ранѣе, чтобы квартирьеровъ не долго задерживать въ Софіи, для того что государь требуетъ, чтобы они ранѣе приходили въ Павловское». (Вмѣсто подписи принятый его высочествомъ росчеркъ).

«Офицеровъ всѣхъ взять съ собою и больныхъ безъ изъятія, даже и Захарова. Александръ».

4.

(Безъ числа, изъ Царскаго Села).

«Завтра надобно выслать квартирьеровъ моего баталіона съ квартермистромъ, давъ знать объ этомъ коменданту, а имъ занять квартиры въ Софіи. Баталіонъ же долженъ выступить во вторникъ и иттить ночевать въ Софію же, откуда и пошлетъ квартирьеровъ въ Павловское.

Въ среду баталіону выступить изъ Софіи такъ, чтобъ быть около 8-ми часовъ у Павловскаго шлахбаума, отъ котораго во сто шаговъ и остановиться и дожидаться пріѣзду Государева, имѣя аванъ и аріергардъ и боковые патрули; взводамъ быть вздвоеннымъ; людямъ въ шляпахъ и ружье держать съ поля; патрулямъ стоять черезъ ровъ въ лѣсу, по обѣимъ сторонамъ; аванъ и аріергарду быть въ двѣ шеренги; унтеръ-офицеръ одинъ въ серединѣ, другой на флангѣ; каждый взводъ по 6 рядовъ, два человѣка съ унтеромъ впереди; два въ патрули съ правой стороны и два съ лѣвой; точно также и у аріергарда.

Когда государь пріѣдетъ, то онъ самъ будетъ командовать стройся, то всѣ взводы должны на мѣстѣ выстроиться. Примыкай штыки: всякой про себя примыкаетъ штыкъ; отъ ноги: разъ два. Аванъ и аріергардъ, боковые патрули въ свои мѣста маршъ; потомъ маршъ и баталіонъ пойдетъ церемоніальнымъ маршемъ на плацу; у колоны глаза на лѣво и въ аліенманъ зайдутъ, потомъ и слушай на караулъ: офицеры поворачиваются. На плечо; формированіе по своимъ ротамъ и такъ далѣе; контръ маршу потомъ не дѣлать, а только повернуть на право кругомъ и такъ чтобы не цѣпляться ранцами. Офицерамъ какъ возможно ровнѣе и живѣе эспантонами дѣлать. Когда строй фронтъ сдѣлали и эспантоны спустили, то капитапамъ на право кругомъ дѣлать и считать ряды, потомъ слушай на караулъ. Мордвиновъ дѣлаетъ въ правую руку и относитъ знамена передъ первой взводъ, слушай въ правую руку, а прочія каждая рота про себя слушай на плечо; заднія двѣ шеренги приступи маршъ, вся рота на право и идутъ по рядамъ домой, а тутъ и все. Подпрапорщиковъ выучить хорошенько салютовать, особливо съ правой руки. Александръ».

5.

(Безъ числа, изъ Павловска).

«Перемѣняется противъ прежняго; когда послѣ зари смѣняютъ часовыхъ, которые у ноги держутъ, то оными не брать въ правую руку, а просто отъ ноги подвысь, въ два темпа: первый хлопнувъ рукой по ремню, второй перебросить ружье въ верхъ и держать подвысь. Новому же часовому по обыкновенному брать съ подвысь, къ ноги. Когда дождь идетъ, послѣ

зари, то всѣмъ часовымъ держать отъ дождя и когда кто мимо ихъ ѣдетъ—не брать на плечо, или къ ноги ставить, а держать все отъ дождя. Когда по пробитіи зари капитанъ высылаетъ на часы и дождь идетъ, то онъ командуетъ съ плеча подвысь, на лѣво, а ефрейторъ командуетъ: стой, во фронтъ, на караулъ, отъ дождя; равномѣрно когда ефрейторъ смѣняетъ часовыхъ, то послѣ зари командуетъ подвысь, маршъ, на лѣво, во фронтъ, на караулъ, отъ дождя. Александръ».

6.

«Василій Александровичъ! Имѣете съ полученія сего явиться немедленно въ Гатчино, въ щиблетахъ и знакъ съ собою привезите. Александръ».

7.

«Другъ мой, Василій Александровичъ! При семъ посылаю описаніе карауловъ въ Павловскомъ и нѣкоторыя нужныя примѣчанія. Александръ».

(Приписка): «Прислать попроворнѣе сюда двухъ унтеръ-офицеровъ моего баталіона, которымъ завтра водить на часы, Серкова и Бекетова и 5 ефрейторовъ: Цыпелева, Мухтаръ, Максимова, Сибирякова и Судакова».

8.

Отъ 13 го іюля 1799 г. изъ Павловска.

«У насъ опять перемѣна, другъ мой Василій Александровичъ—въ мундирѣ. Приказано галстухи бѣлые носить и шляпы съ узкимъ галуномъ. Обшлага также по старому—съ клапанами. Вицъ-мундиры приказано имѣть съ такими же нашивками, какъ и парадные, т. е. двѣ на воротникѣ и двѣ на рукавѣ, на каждой сторонѣ. Солдатамъ красные галстухи надобно сдѣлать, то и пришли мнѣ на образецъ, съ обшивкой, и также обшлага имъ постарому передѣлать. Гренадерскимъ же офицерамъ золотыя шишки на шляпахъ, также какъ прежде въ Павловскихъ баталіонахъ были, и которыхъ образецъ можно взять у Штриха и мнѣ пришли показать.

«Прощай, Василій Александровичъ, будь здоровъ. Александръ».

9.

Отъ 19-го іюля того же года.

«Если что не передѣлано—оставить. Велѣно бѣлые галстухи отмѣнить, что и хорошо. Не полагаю, чтобы и вицъ-мундиры были удобны и постараюсь, чтобы и ихъ уничтожили; если бы еще безъ шитья, такъ парадные сберегали бы, а такъ только лишній расходъ безъ пользы. Образецъ краснаго галстуха хорошъ; начать передѣлку съ моего баталіона. Солдатскіе обшлага велѣно имѣть разрѣзные, торопиться передѣлкою нечего. Александръ».

10.

«Другъ мой, Василій Александровичъ. Цесарева баталіону прикажи выступить въ Софію въ пятницу поранѣе; квартирьеровъ выслать въ четвертокъ. Также прикажи ему, чтобы онъ шелъ какъ можно осторожнѣе и исправнѣе, потому что государь его объѣдетъ, ѣхавши изъ Петергофа въ Павловское; также чтобы обозъ шелъ какъ можно исправнѣе, по моему предписанію; люди чтобъ чисто одѣты были, однимъ словомъ такъ какъ должно. Взводы чтобъ были уровнены; также и авангарду и аріергарду быть такимъ образомъ, чтобы вторую половину взвода велъ тотъ унтеръ-офицеръ, который посерединѣ ходитъ.

«Въ пятницу они переночуютъ въ Софіи, а въ субботу вступятъ въ Павловское и дадутъ тотчасъ разводъ и для того чтобы разсчетъ былъ сдѣланъ въ Софіи.

«Моему баталіону было вчерась ученье съ порохомъ и государь отмѣнно былъ доволенъ, и въ самомъ дѣлѣ отмѣнно учились; только въ плутоножной пальбѣ офицеры спѣшатъ и для того прикажи сдѣлать еще ученье баталіонное Цесареву баталіону и заставь по 8-ми считать между кладсь, пали, и также наблюдать, чтобы въ спину не стрѣляли.

«Порядокъ какимъ обозъ долженъ маршировать: Карета баталіоннаго шефа. Вьючныя лошади по двѣ въ рядъ. Пять лазаретныхъ каретъ. Аптечный ящикъ. Пять провіантскихъ фуръ. 15 полуфурокъ. Александръ».

11.

Однажды генералъ Недобровъ письменно принесъ его высочеству Александру Павловичу жалобу на одного изъ молодыхъ офицеровъ, замѣченнаго въ частой неисправности; его высочество собственноручнымъ письмомъ сдѣлалъ этому офицеру выговоръ и наставленіе и отвѣчалъ Недоброву: «я писалъ Свѣчину, чтобы впредь подобнаго не случалось». Подобная система управленія положила начало тому нравственному превосходству и единству полка, которымъ онъ отличался впослѣдствіи.

III.

Приказъ г. генералу отъ инфантеріи и кавалеру Левашову.

1797 г.

«По предписанному маршруту надлежитъ вамъ прийтить съ вашимъ баталіономъ іюня 20-го дня въ Тосну. 21-го же извольте продолжать вашъ путь въ Ижору, гдѣ сдѣлать ночлегъ, а 22-го придтить въ 7½ часовъ по

утру въ деревню Липицы, гдѣ и ожидать моего пріѣзда, въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ шли. Квартирьеровъ прислать въ помянутую деревню Липицы, 21-го числа, въ 7 часовъ по утру, которымъ и ожидать тамъ пріѣзда моего адъютанта. Іюня 15-го дня 1797 года. Александръ».

IV.

Приказы л.-гв. въ Семеновскій полкъ.

1.

«Рекомендуется гг. ротнымъ командирамъ выучить людей, когда ружья на плечѣ держутъ, то чтобъ лѣвая рука была передъ тесакомъ, а отнюдь чтобъ тесакъ не высовывался между руки и ружья, за чѣмъ строго смотрѣть баталіоннымъ шефамъ и командирамъ. Александръ».

2.

«Отдается по прежнему баталіонъ генералъ отъ инфантеріи Левашева полковнику Бороздину, въ небытность полковника Недоброва, въ уваженіе прошенія сего послѣдняго. Александръ».

3.

«Поручикъ Мельниковъ переписывается въ роту полковника Цыбульскаго.

«Подпоручикъ Левинъ—въ роту полковника Лихачева.

«Прапорщикъ Деденевъ—въ роту генералъ-маіора Цызырева, которому и быть его адъютантомъ.

«Прапорщикъ Захаровъ 2 записывается въ роту капитана Агалина. Александръ».

V.

Великій князь и затѣмъ императоръ Александръ Павловичъ и его отношенія къ полку въ 1797—1820 гг.

Императоръ Павелъ, занятый общимъ преобразованіемъ войскъ, ввѣрилъ наблюденіе за управленіемъ Семеновскаго полка наслѣднику престола, великому князю Александру Павловичу. Ознакомившись со всѣмъ, что необходимо было измѣнить и улучшить въ полку, великій князь дѣятельно предался новому своему назначенію. Посвящая ему не только служебные труды свои, но и досуги, онъ сдѣлалъ изъ полка предметъ любимыхъ своихъ занятій, лично входилъ во всѣ отрасли полкового управленія, зналъ каждаго

изъ офицеровъ, — однимъ словомъ, поставилъ себя такъ близко къ полку, что исторія Семеновскаго полка въ царствованіе Павла I-го есть ни что иное, какъ описаніе времени начальствованія полкомъ великаго князя Александра Павловича. Это подтверждается фактами и сохранившимися документами. Генералъ Депрерадовичъ, при назначеніи командиромъ Семеновскаго полка, письменно обратился къ его высочеству за совѣтами и въ 1799 году, когда нужно было назначить новаго полкового квартермистра, не рѣшился принять на себя выборъ, потому что великому князю лучше, нежели ему, извѣстны были способности офицеровъ.

Во время назначенія государя наслѣдника шефомъ Семеновскаго полка, командиромъ его былъ генералъ-лейтенантъ Римскій-Корсаковъ, сдавшій полкъ, въ 1797 году, (генералъ?)-маіору Тарсукову; послѣдній оставался въ этомъ званіи не болѣе года, и былъ замѣненъ генералъ-маіоромъ Недобровымъ, извѣстнымъ великому князю еще по службѣ въ Гатчинѣ. Какъ Тарсуковъ, такъ и Недобровъ были командирами полка только по имени. Его высочество лично входилъ во всѣ подробности хозяйства и ежедневно принималъ докладъ отъ полкового адъютанта, которымъ былъ въ то время штабсъ-капитанъ князь Волконскій.

Приказъ по полку хотя и отдавался полковымъ командиромъ, но почти ежедневно заключалъ въ себѣ различныя распоряженія его высочества.

Великій князь не ограничивалъ милостей своихъ къ полку личнымъ высокимъ благоволеніемъ, но приближалъ къ нему и особъ августѣйшаго своего семейства: великія княгини Елисавета Алексѣевна и Анна Ѳедоровна весьма часто пріѣзжали въ полкъ вмѣстѣ съ его высочествомъ, посѣщали полковую церковь, присутствовали при смотрахъ. Приказы по полку того счастливаго времени содержатъ въ себѣ незабвенные памятники милостей, которыми удостоивали полкъ члены царской фамиліи. Офицеры полка были лично извѣстны императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и великимъ княгинямъ. Послѣднія, заставая иногда государя наслѣдника занятымъ дѣлами полка, интересовались ими и часто являлись дѣятельными заступницами тѣхъ чиновъ полка, которые должны были подвергнуться взысканіямъ за служебныя упущенія. Такъ, въ одной изъ собственноручныхъ записокъ его высочества къ командиру полка находимъ слѣдующее:

«Штабсъ-капитана Мазовскаго 2-го и поручика Чубарова слѣдовало-бы арестовать, но жена моя проситъ за нихъ, и потому прошу объявить, что снисхожденіе это они должны заслужить» [1]).

Въ приказѣ же по полку отъ 2-го декабря 1799 года сказано: «Рядо-

---

[1]) Записка его высочества (генералъ?)-маіору Тарсукову, отъ 12-го іюля 1797 года.

вые, найденные сидящими на часахъ, отъ взысканія освобождаются по просьбѣ великой княгини Анны Ѳедоровны».

Будучи отчески внимательнымъ и милостивымъ къ чинамъ полка, великій князь употреблялъ всѣ усилія, чтобы поставить его на возможную степень совершенства въ хозяйственномъ и строевомъ отношеніяхъ. Это желаніе побуждало его быть къ полку болѣе строгимъ, нежели къ другимъ. Обыкновенныя похвалы государя полку не удовлетворяли великаго князя, а только усиливали его желаніе поставить семеновцевъ на такую степень строеваго образованія, чтобы никто съ ними не могъ сравниться. Это ясно доказывается выраженіями его приказовъ. Въ одномъ изъ нихъ читаемъ: «Его высочество надѣется, что гг. офицеры не удовольствуются одними обыкновенными похвалами, а доведутъ полкъ до особыхъ отличій и успѣютъ въ этомъ» [1]).

По восшествіи на престолъ императора Александра I-го, личное вліяніе его на полковое управленіе не прекратилось. Долго еще все прикосновенное къ полку было освящено непосредственнымъ руководствомъ государя, и изустно и письменно направлявшаго всѣ дѣйствія полковыхъ командировъ.

Въ 1806 году одно изъ сдѣланныхъ командиру полка указаній было объявлено въ полковомъ приказѣ. Мы приводимъ его какъ документъ, опредѣлявшій главнѣйшимъ образомъ характеръ отношеній начальства къ нижнимъ чинамъ и давшій этому предмету совершенно новое направленіе; такъ сказано: «имѣть неослабное о частяхъ полка попеченіе, и чтобы начальники частей за первый и главный свой долгъ поставляли сбереженіе солдата, раденіе о немъ и о его пищѣ, кроткое и по мѣрѣ взыскательное съ нимъ обращеніе; ибо сими путями солдаты доведены быть могутъ до приверженности къ службѣ, совершенной къ командирамъ довѣренности и до любви къ отечеству. А какъ и самое устройство войскъ тогда только полезно, когда сопряжено съ сохраненіемъ людей, то наблюдающіе сіе обратятъ на себя особенное его императорскаго величества вниманіе».

Въ первую половину своего царствованія, государь ежедневно принималъ къ себѣ съ рапортомъ полкового адъютанта, обязанностію коего было докладывать его величеству обо всемъ имѣвшемъ хотя нѣкоторую важность въ отношеніи къ полку; дежурный по полку тоже ежедневно, послѣ вечерней зари, рапортовалъ государю, принимавшему его иногда въ кабинетѣ, иногда на половинѣ императрицы, или въ ложѣ эрмитажнаго театра.

Командиры полка, до 1820 года постоянно пользовались преимуществомъ просить пріема у государя во всякое время и докладывать его величеству не только о служебныхъ, но и о частныхъ дѣлахъ чиновъ полка. Въ одномъ изъ такихъ пріемовъ, генералъ Депрерадовичъ доложилъ государю, что

[1]) Приказъ его высочества отъ 5-го марта 1799 года.

нижніе чины, при переводѣ изъ слободы въ казармы, значительно истратились на обзаведеніе на новосельи—и его величество пожаловалъ по 500 рублей на каждую роту.

Въ другой разъ дошло до высочайшаго свѣдѣнія, что коммисаріатъ иногда довольно долго задерживаетъ жалованье полка; вслѣдствіе этого командиру полка было приказано непосредственно доносить государю императору о всѣхъ дѣлаемыхъ изъ коммисаріата пріемкахъ, обозначая количество суммъ, своевременность или просрочку отпуска и качество матеріаловъ.

Долго спустя послѣ того времени, когда, бывъ еще великимъ княземъ, государь непосредственно завѣдывалъ полкомъ, его величество подтверждалъ полковому командиру безъ его вѣдома не переводить офицеровъ изъ роты въ роту и не обращать адъютантовъ во фронтъ; но самъ выбиралъ на мѣста выбывавшихъ-другихъ; требовалъ къ себѣ во дворецъ тѣхъ, которые чѣмъ либо навлекали на себя его неудовольствіе, смотрѣлъ выключенныхъ въ неспособные, утверждалъ образцы обмундированія. При всемъ этомъ должны были находиться не только баталіонные, но и ротные командиры, и вотъ что пишетъ одинъ изъ нихъ, вспоминая прошлое.

«Время, о которомъ я буду писать вамъ—золотой вѣкъ семеновцевъ. Въ 1804 году я былъ ротнымъ командиромъ, а это значило тогда: въ очередь дежурства по полку лично рапортовать государю послѣ зари (и былъ-ли онъ на балѣ, или въ театрѣ—насъ принимали); находиться при всѣхъ командахъ, представляемыхъ его величеству, хотя-бы въ ней былъ только одинъ солдатъ моей роты. Выключаемыхъ въ неспособные мы представляли обыкновенно въ Таврическомъ дворцѣ. Смотры эти каждый разъ были новымъ доказательствомъ любви къ полку нашего отца и благодѣтеля. Рѣдкій больной оставлялъ полкъ, не слыша изъ устъ царя желанія здоровья; рѣдкій выходящій въ отставку не испыталъ съ нимъ прощанья государя, какъ отца съ сыномъ».

Благодушіе императора и его благоволеніе къ полку не ограничивались этими знаками милости; отеческая заботливость его простиралась даже на обезпеченіе въ будущемъ тѣхъ нижнихъ чиновъ полка, которые не могли продолжать службы. Такъ, осматривая отставныхъ, его величество обыкновенно спрашивалъ: «не желаетъ-ли кто изъ нихъ въ присяжные гражданскихъ присутственныхъ мѣстъ?» Нужны-ли были испытанные въ честности люди въ какое-либо и особенно въ придворное вѣдомство, государь говаривалъ: «я дамъ сюда изъ своихъ».

VI.

Ротные командиры въ 1801—1820 гг.

Для служившихъ въ Семеновскомъ полку въ царствованіе императора Александра I-го, вѣроятно, любопытно будетъ припомнить составъ ротныхъ командировъ въ разные эпохи ихъ служенія.

Ротными командирами Семеновскаго полка были:

Въ 1801 году—при вступленіи на престолъ императора Александра Павловича:

Капитанъ графъ Толстой—роты его величества,
Капитанъ Вадковскій 1 роты,
Штабсъ-капитанъ Левинъ 2 роты,
Капитанъ графъ Сен-При 3 роты,
Штабсъ-капитанъ Кридверъ 2 гренад. роты,
» » Посниковъ 4 роты,
» » Геннигъ 5 роты,
» » Пейкеръ 6 роты,
Капитанъ Агалинъ 3 гренад. роты,
Штабсъ-капитанъ Мазовскій 7 роты,
» » Мякининъ 8 роты,
» » Писаревъ 9 роты,
Капитанъ графъ Головкинъ 10 роты,
Штабсъ-капитанъ Мордвиновъ 11 роты,
Капитанъ Ситманъ 12 роты.

Въ 1805 году—во время Аустерлицкаго сраженія:

Роты его величества—капитанъ Ржевскій,
1 роты штабсъ-капитанъ Власовъ,
2 » штабсъ-капитанъ Савельевъ,
3 » штабсъ-капитанъ Челищевъ,
2 грен. штабсъ-капитанъ Дурново,
4 роты штабсъ-капитанъ князь Голицынъ,
5 » капитанъ Писаревъ,
6 » штабсъ-капитанъ Лопатинъ,
3 грен. штабсъ-капитанъ Левинъ,
7 роты капитанъ Волковъ,
8 » капитанъ Посниковъ,
9 » капитанъ Кожинъ.

Въ 1807 году—во время Фридландскаго сраженія:

Роты его величества—капитанъ Пещуровъ,
1 роты штабсъ-капитанъ Дурново,
2 » капитанъ Левинъ,
3 » штабсъ-капитанъ Челищевъ,
2 грен. капитанъ Савельевъ,
4 роты штабсъ-капитанъ Ржевскій,
5 » капитанъ Лопатинъ,
6 » штабсъ-капитанъ Дурасовъ,
3 грен. капитанъ Писаревъ,
7 роты штабсъ-капитанъ Захаровъ,
8 » штабсъ-капитанъ Дубовицкій,
9 » штабсъ-капитанъ Губертій.

Въ 1812 году—подъ Бородинымъ:

Роты его величества капитанъ Гурко,
1 роты капитанъ баронъ Фредериксъ 1,
2 » штабсъ-капитанъ Диринъ,
3 » штабсъ-капитанъ Берниковъ,
2 грен. штабсъ-капитанъ князь де-Броліо-Ревель,
4 роты штабсъ-капитанъ Краснокутскій,
5 » штабсъ-капитанъ Казнаковъ 1,
6 » капитанъ Демортре,
3 грен. капитанъ Костомаровъ,
7 роты штабсъ-капитанъ Окуневъ,
8 » штабсъ-капитанъ Бринкенъ,
9 » капитанъ Пущинъ.

Въ 1813 году—подъ Кульмомъ:

Роты е. в. подпоручикъ Вадковскій [1]),
1 роты капитанъ баронъ Фредериксъ,
2 » штабсъ-капитанъ Краснокутскій,
3 » штабсъ-капитанъ Берниковъ,
2 грен. капитанъ князь Броліо,
4 роты штабсъ-капитанъ Анненковъ,
5 » штабсъ-капитанъ Казнаковъ 1,

[1]) Былъ командующимъ ротою его величества за командировкою капитана Гурко, какъ старшій офицеръ въ ротѣ.

6 » капитанъ Демортре,
3 грен. поручикъ Феншъ,
7 роты штабсъ-капитанъ Окуневъ,
8 » штабсъ-капитанъ Бринкенъ,
9 » штабсъ-капитанъ Стюрлеръ.

Въ 1816 году—по окончаніи кампаній:

Роты е. в. капитанъ Стюрлеръ,
1 роты капитанъ баронъ Арпсъ,
2 » капитанъ Анненковъ,
3 » штабсъ-капитанъ Обресковъ,
2 грен. капитанъ Берниковъ,
4 роты штабсъ-капитанъ Ефимовичъ,
5 » капитанъ Казнаковъ,
6 » штабсъ-капитанъ Безобразовъ,
3 грен. капитанъ Бринкенъ,
7 роты штабсъ-капитанъ Бибиковъ,
8 » штабсъ-капитанъ Храповицкій,
9 » штабсъ-капитанъ Набоковъ.

Въ 1821 году—первые ротные командиры полка новаго состава:

Роты е. в. капитанъ Ридигеръ,
1 роты поручикъ Мей,
2 » капитанъ Коровяковъ,
3 » капитанъ Чуминъ,
2 грен. капитанъ Мердеръ,
4 роты штабсъ-капитанъ Жерковъ,
5 » капитанъ Бентковскій,
6 » капитанъ Дебанъ-Скоротецкій,
3 грен. штабсъ-капитанъ Уструговъ,
7 роты штабсъ-капитанъ Падейскій,
8 » капитанъ Вульфертъ,
9 » штабсъ-капитанъ баронъ фонъ-Штейгеръ.

VII.

Александръ I въ полку.

Если на домашнія ученья неожиданно пріѣзжалъ государь императоръ (Александръ I) и дѣлалъ кому-либо замѣчанія, или изъявлялъ свое неудовольствіе, то принято было за правило, чтобы не только прочіе офицеры, но и всѣ начальники отходили въ сторону.

Бывали случаи, что государь изволилъ требовать къ себѣ всѣхъ ротныхъ командировъ, принималъ ихъ однихъ въ своемъ кабинетѣ и, какъ старшимъ офицерамъ полка, дѣлалъ наставленіе какъ держать себя и какое направленіе давать младшимъ членамъ полкового общества.

VIII.

Годовыя ученья.

1801—1820 гг.

Каждый годъ, въ концѣ лѣта, въ Семеновскомъ полку происходило, въ высочайшемъ присутствіи, особое годовое ученье. Другимъ полкамъ подобныхъ ученій не было; но на немъ имѣли право присутствовать только удостоившіеся получить приглашеніе отъ имени его величества.

День годового ученья былъ для полка истиннымъ праздникомъ.

Окруженный избранными лицами столицы, государь Александръ Павловичъ осматривалъ фронтовое образованіе полка, во всей подробности; потомъ дѣлалъ испытаніе стрѣльбы въ цѣль; послѣ этого пріѣзжалъ въ казармы и осматривалъ всѣ полковыя заведенія, какъ-то: фехтовальный залъ, библіотеку, школу, мастерскія и церковь. Въ 1809 году офицеры полка испросили разрѣшеніе у государя сдѣлать, въ честь его, въ день годового ученья, обѣдъ. Мѣстомъ для этого былъ избранъ коридоръ роты его величества. Его убрали арматурами изъ ружейныхъ стволовъ, штыковъ, тесаковъ и барабановъ; полы устлали коврами, а стѣны драпировали краснымъ сукномъ, завѣсили окна и все роскошно убрали цвѣтами и освѣтили.

Его величество милостиво изъявилъ согласіе на просьбу офицеровъ и вмѣстѣ съ своею свитою удостоилъ обѣдъ своимъ присутствіемъ.

Съ слѣдующаго года государю угодно было, чтобы въ день годового ученья офицеры бывали у стола во дворцѣ. Тогда офицеры устраивали для государя завтракъ.

Для этого, на томъ же мѣстѣ, гдѣ происходило ученье, разбивали палатки, въ которыхъ приготовляли чай и закуски. Между ученьемъ и стрѣльбою въ цѣль, его величество сходилъ съ лошади и уходилъ въ палатку.

IX.

Пенсіонеры полка.

1808—1820.

Въ 1808 году, наканунѣ полкового праздника, государь потребовалъ къ себѣ командира Семеновскаго полка, полковника Криднера, и объявилъ ему, что онъ жалуетъ на угощеніе полка 6000 рублей.

Когда полковой командиръ объявилъ о высочайшей милости всему обще-

ству офицеровъ, то они единогласно опредѣлили: расходъ на угощеніе принять на свой счетъ, а пожалованныя деньги не раздѣлять, а внести ихъ сполна въ государственный заемный банкъ, на вѣчныя времена, съ тѣмъ, чтобы капиталъ этотъ оставался неприкосновеннымъ, а проценты съ него выдавать 12-ти отличнѣйшимъ отставнымъ нижнимъ чинамъ полка, на каждую роту по одному.

Цѣль и правила этого учрежденія были утверждены государемъ императоромъ, о чемъ тогда же было отдано въ приказѣ по полку слѣдующее:

«Его императорское величество всемилостивѣйше пожаловать изволилъ л.-гв. въ Семеновскій полкъ 6000 рублей на распоряженіе для празднованія полкового ихъ дня, 21 ноября 1808 года. Гг. штабъ- и оберъ-офицеры, принявъ на себя издержки того праздника, и ревностно желая сохранить въ памяти всѣхъ чиновъ полка таковое особое монаршее благоволеніе, единодушно положили: сію пожалованную сумму денегъ обратить на пользу нижнихъ чиновъ, такимъ образомъ, чтобы оныя деньги отдать на вѣчно въ сохранный банкъ; изъ процентовъ же упомянутой суммы опредѣлить по смерть пенсію 12 человѣкамъ изъ нижнихъ чиновъ, отличнаго поведенія и одобренныхъ начальниками, съ тѣмъ, что когда кто изъ сихъ людей выбудетъ изъ полку, то ему оный пенсіонъ доставляемъ будетъ, черезъ губернское правленіе, на мѣсто его пребыванія; по смерти же кого либо изъ сихъ пенсіонеровъ, господа ротные командиры должны представить на мѣсто его изъ нижнихъ чиновъ отличнаго поведенія».

Въ 1810 году, съ общаго согласія гг. офицеровъ, билетъ заемнаго банка былъ переданъ въ коммисію безсрочныхъ облигацій, а вмѣсто его въ полку хранился купонъ. Восемь лѣтъ спустя, коммисія погашенія долговъ, принимая дѣла изъ прежней коммиссіи безсрочныхъ облигацій, хотѣла уменьшить пожертвованный офицерами капиталъ, на томъ основаніи, что будто-бы при переводѣ въ 1809 году 6000 руб. ассигнац. на серебряный курсъ, ихъ неправильно обратили въ 6000 руб. сереб., что съ поднятіемъ курса ассигнацій въ 1818 году, составило уже 21000 руб., но генералъ Потемкинъ не допустилъ этого и доказалъ, что капиталъ этотъ, какъ вѣчный, не можетъ быть уравниваемъ съ суммами, вкладываемыми на время, а долженъ считаться, по волѣ государя, изъявленной въ 1809 году, въ 6000 руб. сер. Въ случаѣ несогласія, онъ просилъ коммиссію выдать немедленно капиталъ сполна, но она согласилась не уменьшать капитала.

По возвращеніи изъ Парижа, трудно было отыскать, гдѣ проживали прежніе пенсіонеры, которымъ, за отсутствіемъ полка, и не пересылали процентовъ. Ихъ не вынимали и въ послѣдующіе четыре года, такъ что только въ 1819 году вспомнили о имѣніи пенсіонеровъ и въ число ихъ записали всѣхъ фельдфебелей того времени.

Неприкосновенный пенсіонный капиталъ, пожертвованный въ 1809 году офицерами, впослѣдствіи исчезъ. О немъ вспомнили случайно. На одномъ изъ обѣдовъ у в. к. Михаила Павловича находился, въ числѣ приглашенныхъ, комендантъ крѣпости И. А. Набоковъ. Вспоминая былое, Набоковъ поинтересовался спросить его высочество, посколько выдается теперь пенсіи офицерскимъ пенсіонерамъ?

Великій князь, съ своей стороны, вспомнилъ, что въ бытность его бригаднымъ командиромъ, при инспекторскихъ смотрахъ, капиталъ значился по денежной вѣдомости, но что въ послѣднее время, просматривая отчеты, онъ не припомнитъ ничего, что̀ бы указывало на существованіе пенсіонеровъ.

Приказано было навести справку и оказалось, что при сдачѣ полка генераломъ Шиповымъ генералу Ребиндеру капиталъ былъ и значился въ сдаточной вѣдомости. При пріемѣ же полка въ 1842 г. отъ Ребиндера генераломъ Липранди, капитала не передано и въ квитанціяхъ онъ не значился. Слѣдствіе раскрыло, что капиталъ, неизвѣстно по какому случаю, былъ полкомъ вытребованъ и никуда не записанъ.

Это происшествіе кончилось очень грустно для бывшаго командира и его казначея: Ребиндеръ долженъ былъ оставить службу, а казначей Назимовъ разжалованъ и заключенъ въ крѣпость, гдѣ и умеръ. П. К.

X.

Графъ Милорадовичъ. Приказъ объ увольненіи въ отпуска.

1814 г.

По заключеніи Парижскаго мира и по возвращеніи гвардіи въ Петербургъ, дозволено было уволить въ отпускъ по 100 человѣкъ съ баталіона,—цифра, считавшаяся въ то время огромною. Это было въ командованіе гвардіею графа Милорадовича, который отдалъ по этому поводу слѣдующій замѣчательный приказъ:

«Солдаты! Его императорское величество дозволяетъ домовые отпуска по 1-е мая; мнѣ пріятно объявить вамъ сію монаршую волю, возвращающую васъ семействамъ, жаждущимъ обнять героевъ, спасителей отечества. Спѣшите въ домы ваши, успокойте сѣтующихъ родственниковъ, раздѣлите съ ними славу блистательныхъ вашихъ побѣдъ; повѣдайте имъ, что сдѣлали вы для вѣры, царя и отечества,—и слезы радости облегчатъ тяготу разлуки ихъ съ вами. Воины! Да сопутствуютъ вамъ миръ и тишина, какъ сопутствовали вамъ слава на полѣ брани. Храните честь солдата: она пріобрѣтается кровію, поддерживается поведеніемъ безпорочнымъ. Солдаты гвардіи! Я знаю васъ и спокоенъ! Примѣрные въ бояхъ—вездѣ примѣрными пребудутъ»!

XI.

Наставленіе графа Милорадовича о томъ, какъ слѣдуетъ учить солдата.

«Для фронтовой службы нужны: свободная стойка, ровный свободный шагъ и правила равненія. Для сего особливо полезны ученья по одиночкѣ, которыя препоручать должно людямъ, совершенно знающимъ свое дѣло и умѣющимъ толковать покойно и безъ вспыльчивости.

«Долговременное ученье изнуряетъ солдата и отнимаетъ у него вниманіе; ученье же толковое, съ частымъ отдыхомъ и соразмѣрное съ силами человѣка, сохраняетъ бодрость, способствуетъ должному вниманію и понятію того, что требуютъ.

«Драться не нужно; дерутся тѣ, которые не умѣютъ толковать; часто солдатъ не понимаетъ что отъ него хотятъ и, бывъ запуганъ, невольно ошибается.

«Не скоро понимающихъ можно учить чаще и особо отъ другихъ, охотно учащихся; въ случаѣ же лѣности, умѣренное наказаніе быть должно.

«Полкъ, выученный съ неумѣренною строгостію и долговременнымъ ученьемъ, хотя и хорошо учится, но въ немъ замѣтна нѣкоторая унылость.

«Полкъ же, выученный толково, безъ утомленія людей, учится всегда хорошо; ошибки случиться могутъ, но замѣтна веселость и охота.

«Мастерство учить есть особое дарованіе; его можно пріобрѣсти истолкованіемъ правилъ, къ чему оныя служатъ, почему что такъ, а не иначе дѣлается; все это даетъ совершенное познаніе своего дѣла.

«Обученіе солдатъ должно ввѣрять тѣмъ только, которые совершенно знаютъ чему и какъ учить; недовольно знающіе могутъ быть на то въ претензіи и деликатность тутъ не у мѣста, ибо она въ тягость солдату и вредна службѣ».

XII.

Яковъ Алексѣевичъ Потемкинъ.

1813—1820.

Всѣ безъ исключенія чины Семеновскаго полка, служившіе при Потемкинѣ, отзываются о немъ съ особенною похвалою, доходящею у нѣкоторыхъ до восторженности. Это происходило отъ двухъ причинъ: во первыхъ, Потемкинъ дѣйствительно имѣлъ много неотъемлемыхъ достоинствъ, во вторыхъ, преемникъ его былъ совершенно ему противоположенъ. Если бы кто либо другой, напримѣръ генералъ Удомъ, принялъ полкъ непосредственно отъ

Потемкина,—то достоинства последняго не выходили бы такъ рельефно. Чины того времени судятъ о своемъ командирѣ только по отношеніямъ его къ офицерамъ, помнятъ, что отъ ограниченныхъ служебныхъ требованій его, имъ было при немъ покойно, а отъ открытой и пріятной жизни—весело. Не вникая въ результаты этого, они возражаютъ на всѣ доводы, что при Потемкинѣ всегда хвалили полкъ, не зная продолжились ли бы эти похвалы, если бы онъ могъ еще остаться полковымъ командиромъ лѣтъ пять, не измѣняя системы своего управленія. Безпристрастно судя о прошломъ, зная его не изъ однихъ частныхъ сношеній, но изъ документовъ многихъ лѣтъ, можно откровенно сказать, что въ послѣдніе годы своего начальствованія, Потемкинъ баловалъ полкъ, незамѣчая этого самъ, столько же какъ и его подчиненные. Если бы при всѣхъ своихъ достоинствахъ, онъ до минуты сдачи полка сохранилъ прежнюю служебную дѣятельность, тогда дѣйствительно онъ былъ бы не подражаемъ, но, къ сожалѣнію, было иначе и въ этомъ вѣроятно согласятся и тѣ, которые безъусловно хвалятъ его.

Сказавъ о Потемкинѣ все, что обнаруживается изъ результатовъ его командованія, считаемъ обязанностію привести переданныя намъ его сослуживцами подробности, которыя характеризуютъ какъ описываемое лицо, такъ и время его командованія.

«По возвращеніи полка изъ похода 1815 года, служба наша проходила тихо и безмятежно. Яковъ Алексѣевичъ Потемкинъ имѣлъ въ себѣ все благородное и блестящее, будучи на войнѣ отличнымъ генераломъ, и въ мирное время неослабно занимаясь ввѣренною ему частью, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ ловкимъ царедворцемъ и прелестью высшаго столичнаго общества, словомъ, вездѣ и во всемъ былъ изященъ».

Такъ говорилъ о Потемкинѣ одинъ изъ его сослуживцевъ. Совершенно вѣря ему, мы должны замѣтить, что слова «и въ мирное время неослабно занимаясь ввѣренною ему частью» не согласны съ историческими фактами. Съ 1818 года занятія Потемкина ограничивались тѣмъ, что онъ, принимая докладъ отъ полкового адъютанта, дѣлалъ на бумагахъ свою резолюцію. Рѣшенія его не всегда были исполняемы и онъ не взыскивалъ за это. Стòитъ внимательно прочесть приказы по полку того времени, чтобы видѣть какъ часто Потемкинъ нѣсколько разъ приказывалъ одно и тоже и не достигалъ цѣли. Недосмотры за внутреннимъ порядкомъ со стороны частныхъ начальниковъ обнаруживались почти ежедневно; нижніе чины безпрерывно попадались въ полицію,—Потемкинъ увеличилъ мѣры взысканій, но тоже не слѣдилъ за ихъ исполненіемъ. Фронтовая часть была совершенно предоставлена баталіоннымъ командирамъ; хозяйство—казначею. Все это видно изъ документовъ и не доказываетъ, чтобы Потемкинъ неослабно занимался своею частью.

Когда Потемкинъ былъ назначенъ командиромъ 2-й пѣхотной гвардей-

ской дивизіи, офицеры поднесли ему, въ знакъ общей любви и уваженія, кубокъ и дали обѣдъ.

Во время обѣда были пропѣты стихи, сочиненные однимъ изъ офицеровъ полка, какъ отъ лица своихъ товарищей, такъ и отъ имени нижнихъ чиновъ. Какъ отголосокъ общихъ чувствъ, они должны быть сохранены для полка, почему мы и приводимъ ихъ:

1. Пѣснь отъ лица офицеровъ.

Когда лились ручьи кровавы
И мы, сверкающимъ штыкомъ,
Исторгли знамя изъ рукъ славы—
Потемкинъ нашимъ былъ вождемъ.

Когда же громы замолчали
И мы, какъ будто отчій домъ,
Въ дружинѣ ратной обрѣтали,
Потемкинъ нашимъ былъ вождемъ.

Друзья! годовъ свинцово время
Пройдетъ; тогда вздохнемъ
И вспомнимъ старое мы время,
Когда Потемкинъ былъ вождемъ.

Тогда, согбенные лѣтами,
Гордиться будемъ предъ сынами
Георгіевскими знаменами
И нашимъ доблестнымъ вождемъ!

2. Пѣснь солдатъ.

Не рѣка шумитъ,
Не ручей журчитъ,
А текутъ рѣкой
Слезы воиновъ.

Не горазды солдатъ хотя слезы лить,
Но вотъ вышелъ къ намъ гренадеръ сѣдой
И такъ вымолвилъ слово вѣщее:
Плачьте, плачьте же вы, солдатушки!
Покидаетъ насъ нашъ отецъ родной!
Я видалъ его въ бояхъ жаркіихъ,
На борзомъ конѣ, онъ орломъ леталъ.
А въ мирные дни—онъ привѣтливъ былъ
Онъ училъ солдатъ словомъ ласковымъ.
Плачьте, плачьте же вы, солдатушки,
Покидаетъ насъ нашъ отецъ родной!

XIII.

Великій князь Михаилъ Павловичъ.

Въ продолженіе командованія 1-ю бригадою его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича, многіе изъ офицеровъ полка, въ первое же время успѣли показать свое усердіе и полное знаніе дѣла. То и другое, вполнѣ цѣнимое великимъ княземъ, дало имъ право на особое вниманіе августѣйшаго начальника, не только въ кругу служебномъ, но и въ полковомъ обществѣ. Послѣ ученій его высочество обыкновенно оставался нѣсколько минутъ вмѣстѣ съ офицерами, дѣлалъ свои замѣчанія, давалъ совѣты частнымъ начальникамъ, выслушивалъ ихъ мнѣніе. Однажды случилось высказать его одному изъ младшихъ офицеровъ, котораго великій князь зналъ, какъ одного изъ знатоковъ дѣла. Не всѣ обратили на это вниманіе и общій разговоръ продолжался. Тогда его высочество, обратясь къ офицерамъ, сказалъ: Silence, Messieurs! C'est l'уставъ personifié qui parle».

XIV.

Высочайшій приказъ 1816 г. о прибавкѣ офицерамъ жалованья.

«Генераламъ, штабъ- и оберъ-офицерамъ войскъ нашихъ.

Въ теченіе минувшей, около двухъ лѣтъ продолжавшейся, безпрерывными движеніями, неутомимыми трудами, многочисленными битвами сопровождаемой и наконецъ божескою милостіею благополучно оконченной войны, показали вы свѣту, что не токмо какъ сыны отечества, защитили собственную честь и славу, но какъ друзья человѣчества, возвратили независимость другимъ народамъ и даже тѣмъ самымъ, которые противъ васъ воевали; толь знаменитыя дѣла ваши, подвиги, трудъ, терпѣніе, мужество и великодушіе суть конечно превыше всѣхъ наградъ; истинное возмездіе вамъ око Божіе и ваше веселящееся о немъ сердце.

Но благодарное въ лицѣ нашемъ отечество, раздѣляя съ нами сіи высокія и сладостныя чувствованія, не оставило однакожс съ своей стороны изъявить вамъ признательность свою всѣми человѣческой власти возможными способами. Дѣянія ваши на самомъ мѣстѣ сраженія, или по собраніи о томъ достаточныхъ свѣдѣній, украшались чинами и знаками отличія;—текущая кровь и раны ваши, полученныя въ сей священной брани, изцѣляемы были колико возможно, сопряженіемъ выгодъ и преимуществъ съ почерпаемою изъ сего славою и уваженіемъ; на вдовъ и сиротъ воиновъ, положившихъ жизнь свою за отечество, обращалось и нынѣ обращается особенное и попечительное о призрѣніи ихъ отъ правительства вниманіе.

Однако и симъ не исполнилась мѣра желанія нашего воздать достодолжное

усердію и заслугамъ; мы видѣли въ жалованьи вашемъ скудность и несоразмѣрность настоящимъ въ жизни нуждамъ и давно желали содержаніе ваше увеличить, но обширныя и необходимыя нужныя государственныя надобности, по сіе время сдѣлать сего не позволяли; нынѣ же, при самой первой возможности, мы съ совершеннымъ удовольствіемъ исполняя то, о чемъ всегда помышляли, объявляемъ слѣдующее:

1) Всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ нашей лейбъ-гвардіи, арміи, гарнизоновъ и внутренней стражи, начиная отъ прапорщика до полковника, всемилостивѣйше жалуемъ прибавку жалованья, усугубляющую число онаго.

2) Къ званіямъ командировъ гвардейскихъ и армейскихъ полковъ, бригадныхъ генераловъ, дивизіонныхъ и корпусныхъ начальниковъ, главнаго армейскаго штаба, управляющихъ частями онаго, сверхъ получаемаго ими по чинамъ жалованья, присоединяемъ право полученія столовыхъ денегъ.

3) Производство того и другого повелѣли мы начать съ 1-го января наступающаго 1817 года, на правилахъ, изображенныхъ въ указѣ на имя начальника главнаго нашего штаба, сего числа данномъ. Александръ».

XV.

Съ переформированіемъ полка въ 1820 году, по опредѣленію генералъ-кригсъ-комисара, жалованье чинамъ полка положено было выдавать: офицерамъ на равнѣ съ артиллеріею и кадетскими корпусами, нижнимъ чинамъ всѣмъ по младшему окладу. Послѣднее не имѣло никакого законнаго основанія. Командиръ л.-гв. Семеновскаго полка, полковникъ Шиповъ, донося о такомъ произвольномъ распоряженіи по командѣ, въ то же время писалъ въ коммиссаріатъ:

«Никто, полагаю я, не въ правѣ лишить полкъ дарованныхъ ему государемъ императоромъ преимуществъ, безъ высочайшаго на то соизволенія. Поэтому прошу увѣдомить: когда состоялся приказъ о лишеніи полка преимущества и кѣмъ онъ объявленъ».

Не давая дѣлу дальнѣйшаго хода, коммиссаріатъ въ слѣдующую же треть выдалъ полку какъ новое жалованье, такъ и за прошлое время, по прежнему положенію.

XVI.

Похвальный листъ рядовому Карпову.

Въ полку былъ слѣдующій рѣдкій примѣръ частной награды. Рядовой Филимонъ Карповъ, переведенный изъ Копорскаго Мушкатерскаго полка, имѣлъ, за доблестный подвигъ свой, похвальный листъ отъ военнаго министра. Содержаніе этого листа, какъ описаніе подвига, приводимъ въ подлинникѣ:

Похвальный листъ, данный отъ военнаго министра и кавалера Барклай-де-Толли. Г. гренадеру Филимону Карпову.

«Отлично-храбрый и усердный подвигъ твой, на островѣ Готландѣ, гдѣ ты добровольно предлагалъ жизнь свою на жертву для пользы общей, обратилъ на тебя всемилостивѣйшее благоволеніе государя императора. Въ награду за твой ревностный и геройскій вызовъ зажечь пороховой погребъ въ г. Висби и полетѣть вмѣстѣ съ жителями на воздухъ, если они осмѣлятся возстать противъ россійскаго войска, его императорское величество, высочайше указать соизволилъ перевести тебя, какъ отличнаго воина, л.-гв. въ Семеновскій полкъ и украсить знакомъ отличія военнаго ордена. Безпорочное твое служеніе въ войскѣ и нахожденіе въ девяти войнахъ и многихъ сраженіяхъ противъ враговъ нашего отечества, по справедливости даютъ тебѣ право на уваженіе начальства, и я по долгу званія моего, съ большимъ удовольствіемъ, свидѣтельствую симъ передъ всѣми объ отличной и усердной твоей службѣ». «Барклай-де-Толли».

XVII.

Замѣтка къ «Описанію событія въ л.-гв. Семеновскомъ полку»

1820 г. [1]).

Происшествіе, случившееся въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку въ октябрѣ мѣсяцѣ 1820 года, было неоднократно описываемо во всевозможныхъ журналахъ, то отрывочными эпизодами, то въ видѣ мемуаровъ и записокъ современниковъ, но нигдѣ не появлялось вполнѣ, съ безпристрастнымъ изложеніемъ причинъ, вызвавшихъ это грустное событіе. Одни описывали его по слухамъ, дошедшимъ отъ очевидцевъ, другіе на основаніи записокъ, оставшихся отъ участниковъ происшествія. Мнѣ довелось свѣрить показанія многихъ изъ послѣднихъ, лѣтъ 20-ть назадъ оставшихся въ живыхъ, съ офиціальными документами того времени, съ военно-судными и слѣдственными дѣлами коммиссіи, судившей какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ.

Случилось это таким образомъ:

Въ 1840-хъ годахъ, служа въ л.-гв. Семеновскомъ полку, я нѣсколько лѣтъ занимался изученіемъ и составленіемъ его исторіи. Два первые ея тома были изданы—одинъ въ 1852 и другой въ 1854 году, третій же томъ былъ уже готовъ въ рукописи. Въ составъ послѣдняго должны были войти событія отъ кончины Екатерины II до воцаренія императора Николая. Не считая возможнымъ умолчать о происшествіи, имѣвшемъ громадное вліяніе на дальнѣйшую жизнь полка, я былъ поставленъ въ сомнѣніе: возможно-ли писать о томъ,

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1883 г. томъ XXXVII, мартъ, стр. 685—702; томъ XXXVIII, апрѣль, стр. 61—94.

о чемъ еще нигдѣ до того времени ни слова не появлялось въ печати? Меня вывело изъ затрудненія слѣдующее обстоятельство:

2-я часть моего труда, черезъ военнаго министра, была представлена императору Николаю Павловичу 5-го января 1854 года. 6-го января, бывшій шефъ жандармовъ, князь Орловъ, во время выхода въ зимнемъ дворцѣ, подойдя къ офицерамъ Семеновскаго полка, спросилъ—кто изъ нихъ авторъ исторіи полка? Я вышелъ впередъ, и онъ сказалъ мнѣ:

— „Сегодня утромъ государь показывалъ мнѣ 2-ю часть вашего сочиненія и, вспомнивъ, что я былъ предсѣдателемъ судной коммисіи по происшествію 1820-го года, приказалъ передать вамъ относящіеся до него документы; пріѣзжайте завтра къ моему сыну, и получите ихъ".

На слѣдующій день флигель-адъютантъ князь Н. А. Орловъ передалъ мнѣ два огромныя дѣла съ надписью: «Изъ секретнаго архива шефа жандармовъ».

Видя въ этомъ желаніе государя имѣть подробное описаніе происшествія, извѣстнаго въ публикѣ подъ именемъ Шварцовской исторіи, я приложилъ особенное стараніе изучить его сколь возможно подробно.

По просьбѣ моей мнѣ были доставлены записки остававшимися еще тогда въ живыхъ участниками событія и, кромѣ того, я вошелъ въ личныя и письменныя сношенія со многими дѣятелями того времени. Генералъ-адъютантъ Катенинъ, какъ родственникъ полковника Вадковскаго, одного изъ наиболѣе дѣйствующихъ лицъ случившейся катастрофы, сообщилъ мнѣ его дневникъ; генералъ адъютантъ Шиповъ, формировавшій полкъ новаго состава, и баронъ Криденеръ разъяснили многое изъ противорѣчій между офиціальными свѣдѣніями и частными указаніями. Затѣмъ гг. Рачинскіе изъ Смоленска, Недобровъ—изъ Тамбова, Безобразовъ, Швенгельмъ, Бибиковъ (бывшій во время событія 1820 г. полковымъ адъютантомъ) и многіе другіе доставили мнѣ много драгоцѣнныхъ данныхъ, раскрывшихъ передо мною истину. Все, что въ запискахъ и показаніяхъ этихъ лицъ казалось мнѣ увлеченіемъ или слѣдствіемъ грустныхъ и тяжелыхъ для нихъ воспоминаній,—мнѣ пришлось смягчить, какъ не вполнѣ согласное съ указаніями лицъ не имѣвшихъ причинъ къ раздраженію и спокойно смотрѣвшихъ на дѣло.

По всѣмъ этимъ источникамъ составлена была мною для III-го тома «Исторіи л.-гв. Семеновскаго полка» особая глава: «О происшествіи 1820 г.».

Томъ этотъ, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, остался не изданнымъ.

Помѣстивъ на страницахъ уважаемаго изданія „Русской Старины" настоящее описаніе событія, происшедшаго 63 года назадъ, въ родномъ для меня полку, я имѣлъ цѣлію показать его въ истинномъ свѣтѣ и тѣмъ разъяснить и отстранить многое, что вслѣдствіе невѣрныхъ взглядовъ и пристрастныхъ толкованій, служило къ несправедливымъ на полкъ нарѣканіемъ.

Генер.-лейтен. **П. П. Карцовъ.**

Нижній Новгородъ.
15-го октября 1876 г.

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ БАТЮШКОВЪ

въ письмахъ къ Ник. Ив. Гнѣдичу.

1811 годъ.

XLVI [1]).

(Октябрь 1811 г.).

Ты все выжидаешь времени ко мнѣ писать, и это время приходитъ и уходитъ, и ты ко мнѣ не пишешь, или пишешь, но рѣдко, очень рѣдко, любезный мой лѣнтяй! Строгоновъ умеръ! [2])—Міръ праху его!—былъ добрый человѣкъ!—былъ русскій герцогъ Рокелоръ, острякъ, чудакъ, но это все приправлено было рѣдкой вещію: добрымъ сердцемъ; и я объ немъ жалѣю, и жалѣю о тебѣ, ибо ты въ немъ много потерялъ. Что дѣлать!—Утѣшимся какъ можно; жить и валить пень черезъ колоду.

Когда же Парки тощи
Нить жизни допрядутъ,
И насъ, въ обитель нощи
Ко прадѣдамъ снесутъ,—

тогда всему конецъ. А пока у меня хлопотъ выше воротъ. Какихъ?—Ни слова! ибо тебя не хочу съума сводить глупостями, а такъ какъ пріятно съ другомъ раздѣлить и горесть, то скажу тебѣ, что

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1870 г. т. I, изд. первое, стр. 65—71; изд второе, стр. 549 -554; изд, 1871 г. т. III, стр. 208—236; 394; изд. 1874 г. т. X, стр. 383—398; изд. 1883 г. т. XXXVII, мартъ, стр. 647—664; т. XXXVIII, апрѣль, стр. 107—122.

[2]) Александръ Сергѣевичъ ум. 27-го сентября 1811 г. П. Е.

мнѣ никогда такъ скучно не бывало. Я все еще въ деревнѣ, и не навѣрное буду въ Питерѣ, все зависитъ отъ судьбы, съ которой я борюсь, какъ атлетъ, храбро, пока станетъ силъ. Бѣда со всѣхъ сторонъ, а отрады ни отъ кого. Хотябъ въ Бесѣдѣ писали поумнѣе, хотябъ для моего спокойствія Каченовскій вралъ менѣе, Хвостовъ—забавнѣе, и Шишковъ болѣе стихами, на образецъ Крѣпости или того примѣра, который цитируетъ Державинъ: «купаться, купаться, теперь намъ пора». Вотъ чего я требую отъ судьбы, кажется немного!

Моли Бога, чтобъ я пріѣхалъ въ Питеръ. Вѣдь я тебя давно не видалъ! Что съ тобою дѣлается? Какъ ты ведешь себя? Чѣмъ промышляешь? Любишь ли меня? Здорова ли Мальвина? Не знаю какъ тебѣ, а мнѣ ты очень нуженъ, ибо я начинаю сходить съума отъ скуки и отъ бѣдности въ живыхъ ощущеніяхъ. Съ кѣмъ здѣсь говорить, кто пойметъ меня! Однимъ словомъ, меня и люди, и обстоятельства застудили. Я становлюсь твердъ, яко Крѣпость Шишкова, Отца Шишкова (я ему прилагаю слово Отецъ, точно такъ, какъ Виргилій Энею—Pater Eneas). Я становлюсь глупъ и тупъ, яко Шихматовъ; я становлюсь дерзокъ, яко Каченовскій; остеръ и легокъ, какъ Карабановъ [1]); миловиденъ, яко мученикъ Штаневичъ, распятый Каченовскимъ. Я становлюсь—не тѣмъ что былъ, но гораздо хуже, вялѣе, рухлѣе, нежели Саула Пѣснопѣніе [2]).

Кстати объ Саулѣ, читалъ ли ты сію кантату? Какъ Саулъ засыпаетъ! О! Это безподобно!—Вотъ каррикатура!—Да и какъ не заснуть отъ этой мѣры:

Колебавъ, приподнявъ...
вотъ хаосъ!—бездна!—Глубоко!—
высоко!—Лира!—

Пришли мнѣ табаку, или я на тебя очень разсержусь, и выпишу тебя изъ списка честныхъ комиссіонеровъ, хорошихъ стихотворцевъ и услужливыхъ друзей! Дуракъ! Можно ли мнѣ жить безъ табаку въ этомъ безмолвномъ уединеніи?

Я радъ, что мои замѣчанія понравились. Буду еще присылать. и замѣчу гораздо исправнѣе, нежели наши астрономы комету. Хороши ученые Цыфиркины!!! Они скоро и солнца на небѣ не примѣтятъ. Чѣмъ эти люди напиваются?—ромъ и вино такъ дороги! Пиши ко мнѣ чаще. Не видалъ ли ты (Василія Льв.) Пушкина? К. Бат.

Примѣч. Вся страница покрыта росчерками и зигзагами.

---

[1]) Петръ Матвѣевичъ. Его соч. изданы въ 1801 г. Онъ участвовалъ и въ изданіи упоминавшагося выше «Ликея».

[2]) Саулъ. Ораторія. Пер. съ фр. В. Анастасевича. Спб. 1811 г.

П. Е.

XLVII.

7-го ноября (1811 г.).

Я получилъ, любезный Николай, твое меланхолическое письмо, твои меланхолическіе стихи и твой турецкой табакъ, и всѣми тремя весьма доволенъ. Такъ, любезный мой другъ, я живу въ деревнѣ, и въ какой деревнѣ! Гдѣ ни души христіанской нѣтъ. Но зачѣмъ живешь ты въ деревнѣ? Ты влюбленъ? Въ кого, смѣю васъ спросить? Въ скуку? Долженъ ли я клясться и Стиксомъ, и всѣми божествами, что я здѣсь живу по неволѣ! Да, по неволѣ. Я имѣю обязанности, имѣю сестеръ; къ тому же столько хлопотъ домашнихъ, столько неудовольствій, что вопреки здравому разсудку, вопреки себѣ и людямъ, долженъ особиться, какъ говоритъ сіятельный морякъ и піита Шихматовъ. Если же позволятъ обстоятельства, то буду въ Питеръ, буду съ тобою, и буду счастливъ, хотя и не надолго. Вся моя надежда на Оленина; я знаю его на опытѣ, знаю, что онъ готовъ служить всякому, а меня, онъ кажется и любитъ; но что онъ для меня въ силахъ здѣлать? Дать мнѣ мѣсто. Какое? Нѣтъ, я не такъ дешево продамъ свободу, милую свободу, которая составляетъ все мое богатство. Тысяча рублей жалованья для меня неважны; я и безъ хлопотъ могу достать болѣе, трудясь около крестьянъ или около книжныхъ лавокъ. Называй меня чѣмъ хочешь, мечтателемъ, сумасшедшимъ и хуже еще, а я все буду напѣвать свое: дипломатика! Я готовъ ѣхать въ Америку, въ Стокгольмъ, въ Испанію, куда хочешь. только туда, гдѣ могу быть полезенъ, а служить у министровъ, или въ канцеляріяхъ, между челядью, ханжей и подъячихъ, не буду; нѣтъ, твой другъ несотворенъ

«Разставчикомъ кавыкъ и строчныхъ препинаній».

Онъ былъ нѣкогда солдатомъ, хотя и весьма миролюбивымъ; онъ нюхалъ порохъ, хотя и не геройскимъ носомъ; но какъ бы то ни было, онъ вездѣ и всегда помнилъ своего Горація, и независимость предпочтетъ всему, кромѣ благодарности, кромѣ ея святыхъ обязанностей; ибо онъ не можетъ откупиться отъ нее краснорѣчіемъ, какъ етотъ чудакъ, который родился въ Женевѣ и умеръ въ Ермоновилѣ: какъ Жанъ-Жакъ! Что же касается до любви, то она улетѣла, измѣнница, и никогда не заглянетъ къ человѣку, который началъ разсуждать и мыслить, который разочарованъ и людьми и несчастіями, который на женщинъ смотритъ, какъ на куколъ, одаренныхъ языкомъ и еще язычкомъ — и болѣе ничѣмъ. Я ихъ узналъ, мой другъ;

у нихъ въ сердцѣ ледъ, а въ головахъ дымъ. Мало, хотя и есть такія, мало путныхъ.

Я Тибуллю, ето правда, но такъ, по воспоминаніямъ, не иначе. Вотъ и вся моя исповѣдь. Я не влюбленъ.

Я клялся болѣ не любить,
И клятвы вѣрно не нарушу:
Велишь мнѣ правду говорить?
И я—уже не много трушу!...

Я влюбленъ самъ въ себя. Я здѣлался или хочу здѣлаться совершеннымъ Янькою, т. е. егоистомъ. Пожелай мнѣ счастливаго успѣха. Спасибо за описаніе моихъ успѣховъ. Къ нимъ нельзя быть нечувствительнымъ; они—суть мечта,—но всегда пріятная для сердца. Называй славу, какъ хочешь, а слава есть волшебница весьма волшебная.

Мечта понравилась, но конечно не всѣмъ. Етотъ родъ стиховъ не можно назвать общимъ. При томъ же въ ней много ошибокъ, а плану вовсе нѣтъ. Жуковскій ее называетъ арлекиномъ, весьма милымъ—я съ нимъ согласенъ. Она напечатана съ поправками, но я ее и еще разъ переправилъ. Увидишь самъ каково.

Посылаю и тебѣ твои стихи. Я замѣтилъ кое-что и намекнулъ поправки. Есть прекрасныя мѣста. Конецъ очень хорошъ и вся піеса хороша, только должно почистить.

Ето почистить, напоминаетъ мнѣ анекдотъ, который я слышалъ отъ Карамзина. Покойникъ Херасковъ, сей водяный Гомеръ, любилъ давать совѣты молодымъ стихотворцамъ и, прощаясь съ ними, всегда говорилъ, приподнявъ колпакъ: «чистите, ради Бога, чистите! Чистите! Въ этомъ вся и сила. Чистите! О! чистите! какъ можно болѣе чистите, сударь. Чистите! Чистите! Чистите»!—;—
Начало поправь.

„Ты будешь чело мое мрачить бремена".

Бремена, мнѣ не нравится; и етотъ стихъ холоденъ, ибо дѣло не о челѣ, а о сердцѣ, о душѣ, о сердечныхъ чувствахъ. Есть ошибки противъ мѣры, отъ того, что ты короткія слова ставишь вмѣстѣ съ долгими: отъ етого родится негладкость. Исправь и это. И ради Бога пришли мнѣ эту піесу. Она мнѣ по сердцу и очень хорошо написана.

Прибавь еще—la mélancolie de la Harpe—вотъ она: и будетъ кстатѣ въ описаніи сладостной мечты. Подражай смѣло. Здѣсь она personnifiée. Всѣ стихи прекрасны и достойны перевода.—Боже мой! чѣмъ Капнистъ занимается? Добро бы свое выдумывалъ? А то старыя бредни выпускаетъ на свѣтъ, бредни дураковъ шведовъ, унсаль-

скихъ профессоровъ, бредни Бальи астронома, бредни этимологистовъ, которымъ насмѣялся Вольтеръ до сыта, бредни людей сумасшедшихъ, бредни безполезныя, которыя не питаютъ ни ума, ни сердца, бредни головы ажъ гуде! Не лучше ли было заниматься критикой русской исторіи или словесности? изобличеніемъ Шишкова, начертаніемъ жизни Ломоносова, жизни, которую можно написать столь хорошо перу краснорѣчивому. О жалкой умъ человѣческій! Прости!

Вылечи обструкціи водой и моціономъ [1]).

XLVIII.

(29 ноября 1811 г.).

Eheu, fugares время, мой милый Николай, а твой Овидій все еще въ своихъ То́махъ, заваленъ книгами и снѣгомъ! Когда же онъ будетъ въ Питеръ?—и того не знаетъ, а знаетъ то, что ты его забылъ и не пишешь къ нему ни строки, лѣнишься, бездѣйствуешь (браво, брависсимо Батюшковъ! и ты выдумалъ слово: бездѣйствуешь! без—дѣй—ству—ешь—каково? т. е. дѣйствуешь—безъ; т. е. какъ будто не дѣйствуешь. Понимаете-ли?—лишенъ дѣйствія; ослабленъ, изнеможенъ, олѣнивенъ, чуждъ заботъ, находится въ инерціи, недвижимъ, ниже головою, ниже перстами, и потому бездѣйственъ, не пишетъ къ своему другу, и спитъ). Теперь вы понимаете что не писать ко мнѣ, или писать рѣдко, есть тоже... что бездѣйствовать. Я, напротивъ того, перевелъ вчерась листа три изъ Аріоста, посягнулъ на него въ первый разъ въ моей жизни, и, признаюсь тебѣ—съ вождѣленнѣйшими чувствами .... его музу (каково Акадія???) Шутки въ сторону: я теперь въ лунѣ съ моимъ поэтомъ, въ лунѣ, и пишу прекрасные стихи. Прочитай 34 пѣснь Орланда и меня тамъ увидишь. Если лѣнь и бездѣйствіе (здѣсь они олицетворены) не вырвутъ пера изъ рукъ моихъ; если я буду въ бодромъ и веселомъ духѣ; если... то ты увидишь цѣлую пѣснь изъ Аріоста, котораго еще никто не переводилъ стихами; который умѣетъ соединять эпической тонъ съ шутливымъ; забавное съ важнымъ; легкое съ глубокомысленнымъ; тѣни съ свѣтомъ; который умѣетъ васъ растрогать даже до слезъ; самъ съ вами плачетъ и сѣтуетъ, и въ одну минуту и надъ вами, и надъ собой смѣется. Возьмите душу Виргилія, воображеніе Тасса, умъ Гомера, остроуміе Вольтера, добродушіе Лафонтена, гибкость Овидія: вотъ Аріостъ! И Батюшковъ, сидя въ своемъ углу, съ го-

---

[1]) Выше мы сохраняли особенности орфографіи К. Н. Батюшкова: *е* вмѣсто *э*, *здѣлать* вмѣсто *сдѣлать*, *щастіе* вм. счастіе, щотъ вм. счетъ и проч. Далѣе мы не сохраняемъ этихъ особенностей. Ред.

ловной болью, съ красными отъ чтенія глазами, съ длинной трубкой; Батюшковъ, окруженный скучными предметами, неимѣющій ничего въ свѣтѣ кромѣ твоей дружбы, Батюшковъ вздумалъ переводить Аріоста!

Увы! мы носимъ всѣ дурачества оковы
И всѣ терять готовы
Разсудокъ, бренный даръ Небеснаго Отца!
Тотъ губитъ умъ въ любви, средь нѣги и забавы,
Тотъ рыская въ поляхъ, за дымомъ ратной славы,
Тотъ ползая въ пыли предъ сильнымъ богачомъ,
Тотъ по морю летя за Тирскимъ багряцомъ,
Тотъ золота искавъ въ алхиміи чудесной,
Тотъ плавая умомъ во области небесной,
Тотъ съ кистію въ рукахъ, тотъ съ млатомъ иль съ рѣзцомъ;
Астрономы въ звѣздахъ, Софисты за словами
А жалкіе пѣвцы за жалкими стихами:
Дурачься смертныхъ родъ, въ лунѣ разсудокъ твой!

Аріостъ. Пѣснь XXXIV.

Вотъ тебѣ образчикъ и моего дурачества: стихи изъ Аріоста. Впрочемъ, засмѣйся въ глаза тому кто скажетъ тебѣ, что въ моемъ переводѣ далеко отступлено отъ подлинника. Аріоста одинъ только Шишковъ въ состояніи переводить слово въ слово, строка въ строку, око за око, зубъ за зубъ, какъ говоритъ Евангеліе. Я пропускалъ индѣ цѣлыми октавами, и мои резоны шепну тебѣ на ухо, когда увижусь съ тобою. А теперь скажу мимоходомъ, что у нашего Аріоста, С. Іоаннъ приводитъ Астольфа къ патріархамъ, которые обѣдаютъ съ нимъ райскими плодами!!! кормятъ лошадь рыцаря овсомъ!!! Астольфъ съ апостоломъ садится въ колесницу, въ ту самую, которая была послана за пророкомъ Ильей!!! С. Іоаннъ апостолъ говоритъ Астольфу, что онъ любитъ писателей, потому что и самъ былъ того же ремесла!!! Это все мило и весьма забавно у стихотворца, потому что онъ объ этомъ говоритъ не тѣмъ тономъ, какимъ говаривалъ Вольтеръ въ своей «Дѣвкѣ», но съ удивительнымъ, однимъ словомъ съ Лафонтеновымъ добродушіемъ, весьма серіозно, иногда съ жаромъ, иногда улыбаясь однимъ глазомъ; но у насъ это вовсе не годится, а если мнѣ не вѣришь, то загляни въ цензурный комитетъ.

Переводить-ли?

Я читалъ много прекраснаго въ «Вѣстникѣ». Милонова [1]) стихи, изъ Томсона, и переводъ Горація beatus ille, дѣлаютъ ему много

---

[1]) Михаилъ Васильевичъ—талантливый поэтъ, но задавленный бѣдностью и стеченіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, умеръ въ молодости въ 1821 г.

П. Б.

чести. Въ немъ будетъ путь, онъ рачитъ о слогѣ, выбираетъ слова, не гоняется за славенизмами и какъ видно боится читателя: добрый знакъ! Разсужденіе Каченовскаго о проповѣдникахъ написано холодно, но рачительно, слогомъ чистымъ, съ критическимъ умомъ, и есть одна изъ его Capo d'opera. Разсматриваніе Шлецера и Глинки, въ которомъ сей послѣдній выведенъ на чистую воду, можно прочитать съ удовольствіемъ.

Знай лѣнивецъ, что еслибъ я не имѣлъ нужды съ тобой поговорить объ Аріостѣ, то ты не получилъ бы отъ меня ниже полсловечка. Прости К. В.

Достань себѣ Аріоста, и прочитай Астольфово путешествіе въ луну; и скажи мнѣ свои мысли.

Вяземскій зоветъ меня въ Москву вотъ какимъ образомъ:

Шихматовъ пишетъ непонятно
И рыломъ возмутилъ Неву,
Хвостовъ писака неопрятной.
Все такъ! а пріѣзжай въ Москву.

Шишковъ въ разсудокъ, въ музъ бодаетъ,
И въ королевича Бову
Влюбясь, Вольтера проклинаетъ.
Все такъ! а пріѣзжай въ Москву.

Барашекъ по полю разсѣя,
Ѣстъ съ ними Шаликовъ траву;
Невзоровъ тонетъ въ навозѣ прѣя.
Все такъ! а пріѣзжай въ Москву!

Это забавно!

Прислать-ли еще замѣчаній на Гомера?

XLIX.

(27-го ноября, 1-го и 5-го декабря 1811).

Сію минуту получилъ я твое письмо, и сію минуту отвѣчаю—пока сердце мое не заснуло—пока я могу еще на тебя сердиться. Выслушай, и отвѣчай!

Если я говорилъ что независимость, свобода, и все что тебѣ угодно, подобное свободѣ и независимости, суть блага, суть добро, то изъ этого не слѣдуетъ выводить, что Батюшковъ сходитъ съ ума, и читаетъ своего Горація, Балдуса, Скриверіуса и Матаназія съ Метафрастикомъ, печатнаго и рукописаннаго въ Lipsia; или въ Лейденѣ, или гдѣ тебѣ угодно. А изъ этого слѣдуетъ, именно то, что

Батюшковъ, живучи одинъ въ скучной деревнѣ, гдѣ, благодаря судьбѣ, онъ кромѣ своего Якова да пары кобелей никого не видитъ, не слышитъ, и не увидитъ и не услышитъ; Батюшковъ не хочетъ, и не долженъ, зная себя столько, сколько человѣкъ себя можетъ знать; не долженъ, говорю я, промѣнять своего мѣста на мѣсто канцлера, архіерея или камергера; ибо теперь Батюшковъ, такъ какъ ты его видишь, скучаетъ и имѣетъ право скучать, ибо въ 25 лѣтъ погребать себя никому непріятно. Но тогда, перемѣня свое мѣсто на другое, несвойственное, неприличное, господинъ Батюшковъ былъ бы вдвое несчастнѣе и, что всего хуже, вдвое глупѣе, несноснѣе для себя, для другихъ и для самого Гнѣдича. Еще разъ, и да будетъ это въ послѣдній, разувѣрь себя на мой счетъ и не дѣлай заключеній, вредныхъ дружбѣ, оскорбительныхъ моему сердцу, ибо я всегда думалъ и думаю, что мечтатели если и могутъ имѣть пламенную голову, сильное воображеніе, умъ, все что тебѣ угодно: за то не имѣютъ души и въ сердцѣ ихъ холодно, какъ теперь на дворѣ; а я чувствую, мой другъ, что у меня есть сердце всякой разъ, когда помышляю о тебѣ и о людяхъ, мнѣ любезныхъ. Еще разъ повтори себѣ, что Батюшковъ пріѣхалъ бы въ Петербургъ, еслибъ его дѣла не задерживали въ деревнѣ; еслибъ имѣлъ въ карманѣ болѣе денегъ, нежели имѣетъ; еслибъ зналъ, что получитъ мѣсто, и выгодное, и спокойное—да, спокойное, гдѣ бы онъ могъ ничего не дѣлать и не кланяться подъячимъ, людямъ ничтожнымъ,—онъ бы пріѣхалъ; а если не ѣдетъ, то это значитъ то, что судьба не позволяетъ.... и проч.—Но нѣтъ! ты свое бредишь и всегда, что хуже всего, не своей головой, ибо у тебя умъ великъ или малъ, но благодаря Бога здоровъ, а бываетъ болѣнъ тогда только, когда страсть или другіе умы, умики и умишки сведутъ съ истиннаго пути. Ихъ сужденіемъ я не дорожу; ихъ совѣтовъ не хочу; ихъ сожалѣнія не требую, ибо они для меня... только что забавны; но тебѣ, мой другъ, тебѣ стыдно меня обижать заключеніями странными и оскорбительными. Если я тебѣ не открывалъ моихъ чудесныхъ обстоятельствъ; то это истинно потому, что ты мнѣ пособить не можешь, въ слезахъ твоихъ я нужды не имѣю... но въ утѣшеніи имѣю нужду. Мы други и я смѣю тебя назвать такъ, мы други не съ тѣмъ, чтобъ плакать вмѣстѣ, когда одинъ за тысячу миріаметровъ отъ другаго, не съ тѣмъ, чтобъ писать обоюдно плачевныя элегіи или обыкновенщину; но съ тѣмъ—и это ты на опытѣ доказываешь, когда не заразишься постороннимъ чадомъ,—съ тѣмъ, говорю я, чтобъ мѣняться чувствами, умами, душами; чтобъ проходить вмѣстѣ чрезъ бездны жизни, ведомые славою и опираясь на якорь надежды. При имени славы ты вѣрно не за-

смѣешься; а если засмѣешься... то загляни въ свое собственное сердце. Я писалъ о независимости въ стихахъ, о свободѣ въ стихахъ; на судьбу мою никому кромѣ тебя, не жаловался и то въ прозѣ; а служить изъ тысячи рублей жалованья, титулярнымъ совѣтникомъ; служить и готовиться къ экзамену, подобно Митрофану, твердя «азъ есмь червь а не человѣкъ, поношеніе роду человѣческому», повторять зады и набивать себѣ голову Римскимъ кодексомъ, поэтическими подробностями изъ Зябловскаго, аксіомами изъ Эвклида; служить писцомъ, скрибомъ въ столицѣ, гдѣ можно пить, гдѣ я пилъ изъ чаши наслажденій и горестей радость и печаль; но всегда оставался на моемъ мѣстѣ,—нѣтъ, нѣтъ, это все свыше меня! и свыше тебя!

Что ты дѣлалъ въ жизни своей? Кому ты продалъ свою свободу? Никому. И я это докажу тебѣ въ двухъ словахъ. Въ департаментѣ ты могъ получить болѣе, нежели получаешь нынѣ. Служа въ пыли и прахѣ, переписывая, выписывая, исписывая кругомъ цѣлыя дести, кланяясь на лѣво, а потомъ на право, ходя ужомъ и жабой, ты былъ-бы теперь человѣкъ, но ты не хотѣлъ потерять свободы и предпочелъ деньгамъ нищету и Гомера. Въ департаментѣ ты бы могъ быть коллежскимъ совѣтникомъ, получить крестъ, пенсіонъ, все что угодно, потому что у тебя есть умъ и способности, но ты не хотѣлъ потерять независимости и остался бы титулярнымъ совѣтникомъ до скончанія вѣка, еслибъ не рука благодѣтельнаго Генія, не рука Великой Княгини, дала тебѣ чинъ и пенсіонъ, званіе честнаго человѣка и кусокъ насущнаго хлѣба. Чѣмъ же ты хвастаешь передо мною? Какой-то опытностію! Гнѣдичь! Гнѣдичь! эту *опытность*—къ несчастію моему — и я приобрѣлъ, эту опытность — и скучную и едва-ли не пустую. Я привыкъ смотрѣть на людей и на вещи съ надлежащей точки: меня тому научили и годы и люди и несчастія. Les malheurs m'ont mis au rang des sages, говоритъ мудрецъ. Я не философъ, но по крайней мѣрѣ имѣю драхму разсудка, а я враль въ твоихъ глазахъ потому что мелю вздоръ на риѳмахъ; враль, потому что говорю то, что мыслю; враль, потому что тебя въ томъ увѣрили умные люди, которые мастера давать совѣты, когда ихъ не просятъ, мастера сожалѣть и злословить. Пріятель нашъ Беницкій, который имѣлъ умъ и сердце, сказалъ: «вездѣ встрѣчаются быки и поученья»,—ты помнишь эту басню—и онъ сказалъ правду! Но дѣло не о томъ: мнѣ обидно, любезный другъ, не столько душѣ моей, ибо она всегда согласна съ твоею, сколько моему самолюбію; обидно то, что ты разговариваешь со мною точно такъ, какъ съ ребенкомъ или постникомъ, который отъ изможденія плоти видитъ духовъ, des

anges violets, слышитъ, подобно Пиѳагору, пѣніе и гармоническіе гласы планетъ небесныхъ; а не видитъ, не слышитъ того, что его окружаетъ. Брось, кинь навсегда эту привычку. Другъ твой не сумасшедшій, не мечтатель, но чудакъ—La faute en est aux Dieux, qui m'ont fait si drôle—но чудакъ съ разсудкомъ. Я говорю о путешествіи; ты пожимаешь плечами. Но я тебя въ свою очередь спрошу: Батюшковъ былъ въ Пруссіи, потомъ въ Швеціи; онъ былъ тамъ самъ, по своей охотѣ, тогда, когда все ему препятствовало: почему жъ Батюшкову не быть въ Италіи?—«Это смѣшно, говорилъ мнѣ Барановъ, въ бытность мою въ Москвѣ—смѣшно?»—а я докажу что нѣтъ! Если Фортуну можно умилостивить; если въ сильномъ желаніи тлѣется искра исполненія; если я буду здоровъ и живъ; то я могу быть при миссіи, гдѣ могу быть полезенъ; и еще скажу тебѣ, что когда бы обстоятельства позволяли, и курсъ денежный унизился, то Батюшковъ былъ бы на свои деньги въ чужихъ краяхъ, куда онъ хочетъ ѣхать за тѣмъ, чтобъ наслаждаться жизнію, учиться, зѣвать; но это все одни если—и то правда—но если сбыточныя. А если небо упадетъ, говоритъ пословица, то перепелокъ передавитъ... если... если...

Но ты сбираешься въ Москву?—Зачѣмъ? Подумай хорошенько... а для меня не оставайся въ Питерѣ, хоть твой отъѣздъ и будетъ мнѣ непріятенъ, и весьма непріятенъ. Сію минуту принесли мнѣ денегъ. Если еще столько, да еще столько, то я поѣду въ Питеръ: прибавь къ тому еще одно если.... что же до Москвы касается, то я ее люблю какъ душу; но тамъ — вотъ тебѣ и мой совѣтъ — онъ похожъ на совѣтъ того Гасконца, который говорилъ архитекторамъ парижскимъ: «Cadedis Messieurs! если вы будете строить мостъ (le Pont Neuf) вдоль рѣки, то никогда не успѣете; а я вамъ совѣтую строить поперегъ»,—мой совѣтъ, имѣть больше денегъ: въ Москвѣ все дорого; нужна, необходима карета четверней и пр. тогда будешь человѣкъ! а безъ того не ѣзди, мой другъ; дождись меня, дождись моихъ замѣчаній на Гомера, и на твою бѣдную голову; дождись моихъ мараній и Аріоста, который теперь почиваетъ весьма спокойно. Но нѣтъ, поѣзжай въ Москву, если требуетъ долгъ и твоя польза—но ради Бога не связывайся съ вралями; они мнѣ надоѣли пуще всего.

Еще одно замѣчаніе на твое письмо: «я имѣю неотъемлемую свободу судить, что мнѣ прилично и неприлично и дѣйствовать такимъ образомъ».

Эту фразу подари Каченовскому: онъ тебя поблагодаритъ. Онъ, имѣя неотъ--ем—ле—мую свободу судить, изволитъ забавляться на счетъ

Мольера, Вольтера, и всѣхъ умныхъ французовъ, весьма забавнымъ и глупымъ образомъ. Тамъ гдѣ онъ не умничаетъ—онъ сносенъ; тамъ гдѣ онъ начнетъ умничать — онъ дѣлается педантомъ, совершенною сютою. Но дѣло не о томъ: по силѣ неотъемлемой свободы мыслить, и замѣчать, и дѣйствовать, пиши ко мнѣ почаще; неотговариваясь ни лѣнью, ни дѣлами, ни болѣзнію. Твоихъ писемъ я дожидаюсь съ нетерпѣніемъ—это единственное средство съ тобою говорить и было бы слишкомъ безчеловѣчно лишать меня твоей бесѣды за лѣнью, за дѣлами и за болѣзнію.

Не видѣлъ-ли ты Пушкина [1])? Онъ написалъ посланіе къ Дашкову, Измайловъ—басни, сказки, видѣнія и проч., а ты мнѣ этого не присылаешь. Еще повторю тебѣ: пиши поболѣе; пиши о себѣ, о другихъ; но мнѣ не надобно такихъ истинъ какова эта: «Я живу въ Петербургѣ, ты живешь въ деревнѣ по свободнымъ обязанностямъ». Что я живу въ деревнѣ, это я знаю; что ты въ Петербургѣ, и это чувствую; но что значатъ свободныя обязанности? О логика! нѣсть безъ тебя спасенія! говоритъ Синекдохосъ.—Замѣть что ты это сказалъ весьма серьезно.

Открылась-ли «Бесѣда» [2])? Что дѣлаютъ ваши пѣтухи? Зачѣмъ хочешь печатать въ «Бесѣдѣ»? По крайней мѣрѣ я не совѣтую—надобно имѣть характеръ и золота въ навозъ не бросать; истинно въ навозъ, ибо кромѣ Горація Мур. и Крылова басенъ тамъ ничего путнаго я не видѣлъ. Львова стихи похожи на Шаликова, и напоминаютъ мнѣ «Le ruisseau amant de la prairie», сонетъ Фонтенелевъ, надъ которымъ со смѣху надсѣдался Вольтеръ. Ни слогу, ни мыслей, ни стиховъ! все площадное! вялое!———У Шишкова мысли жидкія, а слогъ чорствый. А Штаневичъ? Бездна премудрости—совершенный Шатобріанъ, но безъ ума, безъ воображенія.— Нѣтъ! Я имъ слуга покорный!—«Вѣстникъ Европы», худъ или хорошъ, а все лучше ихъ мараній.

Не печатай въ «Бесѣдѣ», не стыди себя!

Бога ради поправь стихи въ Уныніи по моимъ замѣчаніямъ и все будетъ прелестно.

> Ни утро веселостью (ни день красо̀та̀ми
> Не радуютъ чувство его) — онъ умеръ душой и проч.

Прекрасно! замѣть что послѣ цезуры въ этомъ размѣрѣ стиховъ надобно, чтобъ ударенія были весьма вѣрны — безъ того все будетъ дурно.

---

[1]) Василій Львовичъ.

[2]) Бесѣда общества любителей русскаго слова. П. Е.

Но очи отверзтые зрятъ одръ токмо хладный....
Какъ съ блѣдныхъ ланитъ его слезъ токи струясь....
Равно удаляющась [1]) въ тѣнь дебрей безмолвныхъ....

Здѣсь ударенія глухи и потому стихи неплавны, «скачутъ», непріятны. Послѣ цезуры должно ставить длинныя слова и стихи будутъ плавнѣе, напримѣръ:

При дѣвахъ ласкающихъ, въ бесѣдѣ съ друзьми

или по крайней мѣрѣ, чтобъ слоги были плавны и одинъ другаго не съѣдали, и потому стихъ выписанный

Какъ съ блѣдныхъ ланитъ его слезъ токи струясь

не такъ худъ, хотя слова и короткія послѣ цезуры, а все лучше поставить одно длинное.

Впрочемъ все хорошо. И стихи изъ Лагарпа прекрасны. Еще разъ переправь, не полѣнись, а мои замѣчанія справедливы.

Пришли мнѣ замѣчанія на «Мечту»; я ожидаю ихъ съ нетерпѣніемъ, ибо имѣю въ нихъ нужду.

Ноября 27-го дня 1811 г.

Всѣ писатели начиная отъ Аристотеля до Каченовскаго безпрестанно твердили: наблюдайте точность въ словахъ, точность! точность! точность! не пишите на мѣсто: домъ—громъ, на мѣсто печь—мечь и такъ далѣе. А ты, любезный Николай, пишешь некраснѣя, что мнѣ скоро тридцать лѣтъ. Ошибся! ошибся! ошибся шестью годами, ибо 24 ни на какомъ языкѣ не составляютъ 30. Гдѣ же точность? Я, съ моей стороны, не упущу изъ рукъ эти шесть лѣтъ и подобно Александру Македонскому надѣлаю много чудесъ, въ обширномъ полѣ.... нашей словесности.

Я въ теченіи этихъ шести лѣтъ прочитаю всего Аріоста, переведу изъ него нѣсколько страницъ, и въ заключеніе, ровно въ тридцать лѣтъ скажу вмѣстѣ съ моимъ поэтомъ:

Sea perder s' ha la libertà, non stimo
Il più ricco capel, che in Roma sia.

Ибо и въ тридцать лѣтъ я буду тотъ же, что теперь, то есть лѣнтяй, шалунъ, чудакъ, безпечный баловень, мараталь стиховъ, но нечитатель ихъ; буду тотъ же Батюшковъ, который любитъ друзей своихъ, влюбляется отъ скуки, играетъ въ карты отъ нечего дѣлать, дурачится какъ повѣса, задумывается какъ датскій щенокъ,

[1]) Я не люблю этихъ глухихъ усѣкновеній. Еслибъ удаляясь.... то было бы лучше.... Вотъ бездѣлки, — но важныя для уха. (К. Б.).

споритъ со всякимъ, но ни съ кѣмъ не дерется, ненавидитъ славянъ и мученика Жофруа, тибуллитъ на досугѣ и учится древней географіи затѣмъ, чтобъ не позабыть что Римъ на Теверѣ, который течетъ отъ сѣвера къ югу; и въ тридцать лѣтъ онъ будетъ все тотъ же, съ тою только разницею, что онъ называетъ тебя другомъ десять лѣтъ, а тогда къ этимъ десяти прибавитъ еще пять,—но больше любить тебя, больше чувствовать къ тебѣ и дружества и привязанности.... кажется.... дѣло несбыточное. Прощай!

(5-го декабря 1811 г.).

Вотъ длинное письмо, скажешь ты! не удивляйся. Завтра ты имениннникъ, и надобно тебя поздравить: вотъ зачѣмъ я еще долженъ прибавить цѣлый листъ. И такъ, поздравляю тебя, мой милый другъ, будь счастливъ, веселъ, уменъ; люби меня, стихи и вино, вино отраду нашу, по словамъ твоего предшественника Кастрова. Но что ты всегда будешь любить стихи, вино, и меня твоего друга....

Сей старецъ, что всегда летаетъ,
Всегда приходитъ, отъѣзжаетъ,
Вездѣ живетъ, и здѣсь, и тамъ,
Съ собою водитъ дни и вѣки,
Съѣдаетъ горы, сушитъ рѣки,
И нову жизнь даетъ мірамъ:
Сей старецъ; смертныхъ злое бремя,
Желаный всѣми, страшный всѣмъ,
Крылатый, легкій, словомъ, время
Да будетъ въ дружествѣ твоемъ
Всегда порукой неизмѣнной;
И пробѣгая глупый свѣтъ,
На дружбы жертвенникъ священный
Любовь и счастье занесетъ!—

Вотъ мое желаніе, оно одинаково и въ прозѣ и въ стихахъ. Я тебѣ позволяю въ мои именины написать ко мнѣ столько же стиховъ, и выпить за мое здоровье бутылку... воды, такъ какъ я это торжественно сдѣлаю завтра при двухъ благородныхъ свидѣтеляхъ, при двухъ друзьяхъ моихъ при двухъ... курчавыхъ собакахъ.

Я вчера получилъ собраніе стиховъ Жуковскаго. Какъ мои стихи—«Воспоминаніе»—исковеркано!—иные стихи пропущены и риемы торчатъ однѣ! Впрочемъ, я этимъ изданіемъ доволенъ, доволенъ твоимъ «Перувіанцомъ», доволенъ Воейковымъ: «Посланіемъ о благородствѣ», доволенъ (В. Л.) Пушкинымъ, доволенъ Кантеміромъ и Петровымъ,—а дряни все таки цѣлое море!—Отгадайте, на что я начинаю сердиться? На что?—На русскій языкъ и на нашихъ писателей, которые съ нимъ немилосердо поступаютъ. И языкъ-то по себѣ плоховатъ, грубенекъ, пахнетъ татарщиной. Что за *Ы?*—Что за *Щ?* Что за *Ш? шій, щій,*

при, тры?—О варвары!—А писатели?—Но, Богъ съ ними. Извини, что я сержусь на русскій народъ, и на его нарѣчіе. Я сію минуту читалъ Аріоста, дышалъ чистымъ воздухомъ Флоренціи, наслаждался музыкальными звуками авзонійскаго языка, и говорилъ съ тѣнями Данта, Тасса и сладостнаго Петрарка, изъ устъ котораго: что слово—то блаженство! Прощай.

Альцеста и Поликсена Мерзлякова прекрасны! Это ему дѣлаетъ честь! Есть мѣста прелестные и невольно исторгаютъ слезы.

Наканунѣ твоихъ имянинъ.

1812 годъ.

L.

(1812 г.)

Пошли къ кн. Трубецкому, что служитъ у Дмитріева, и попроси его отдать тебѣ 40 рублей, которые онъ мнѣ долженъ, прибавь еще своихъ 60, и отдай сто рублей за квартиру, гдѣ я жилъ, а мебели возьми къ себѣ, или отдай ихъ Жихареву, если у тебя мѣста нѣтъ. Бога ради сдѣлай это не замедля. На кушанье мальчику я тебѣ пришлю по первой почтѣ. Бога ради, спроси у Блудова мою тетрадь и мои книги; а если онъ въ Швеціи, то напиши къ нему и туда черезъ Жихарева, который будучи знакомъ съ иностранной коллегіей, перешлетъ твое письмо. Поклонись отъ меня Абраму Ильичу и узнай здоровъ-ли Гриша? Съѣзди его посмотрѣть и самъ. Жихарева поцѣлуй въ лобъ и въ правое плечо, да посовѣтуй умереть отъ объяденія. Смерть воистину славная, въ то время какъ всѣ умираютъ съ голоду. Улиссъ многотерпящій кланяется Мальвинѣ, онъ нашелъ здѣсь Калипсу и превратился въ свинью: иначе: онъ очень поглупѣлъ.

Незабудь моей просьбы о квартирѣ и о Блудовѣ, и пиши, нимало не замедля, въ Нижній; твое письмо меня застанетъ, но адресуй его на имя Катерины Өедоровны (Муравьевой), на всякой случай.

Когда Сѣверинъ отправится въ Лузитанію?

LI.

7-го сентября 1812 г. Владиміръ [1].

Я писалъ къ тебѣ изъ Москвы о нещастіи двухъ Олениныхъ: о смерти бѣднаго Николая и о жестокой болѣзни Петра. Теперь пишу тебѣ изъ Володиміра, что Петру, слава Богу, полегче. Онъ здѣсь

[1]) Письмо это послано по адресу: „Его высокобл—дію милостивому государю Николаю Ивановичу Гнѣдичу. Въ императорской библіотекѣ. Въ С.-Петербургѣ“. Получено письмо въ Пб-гѣ 3-го октября.

подъ присмотромъ Архаровыхъ, которые его съ своимъ домашнимъ лекаремъ проводятъ до Нижняго. Мы и сами отправляемся туда же. Кромѣ того за Петрушей присматриваетъ весьма прилежно его мальчикъ, перемѣняетъ бѣлье исправно и лѣкарство не устаетъ давать. Кажется, что Петръ будетъ здоровъ совершенно. Я описываю тебѣ сіи подробности затѣмъ, чтобъ ты, мой милый другъ, пересказалъ ихъ бѣднымъ родителямъ, потерявшимъ сына, утѣшеніе жизни. Успокой ихъ хоть немного на щетъ другаго. Не пріѣдетъ-ли кто нибудь изъ нихъ въ Нижній? У меня голова идетъ кругомъ отъ нынѣшнихъ обстоятельствъ! Прощай, пиши въ Нижній на мое имя. Знакомымъ поклонись. Батюшковъ.

P. S. Сегодня мы ѣдемъ въ Нижній-Новгородъ и Оленинъ сегодня ѣдетъ туда же. Я его увижу на дорогѣ и въ первомъ городѣ увѣдомлю тебя о его здоровьи. Бога ради увѣдомь меня, получилъ-ли ты письмо изъ Москвы?

LII.

Въ день отъѣзда Оленина. (Нижній, сентябрь 1812 г.).

Я получилъ твое письмо вчера и, въ ожиданіи почты, напишу тебѣ нѣсколько строкъ. Письмо твое меня опечалило и успокоило вмѣстѣ. Слава Богу, ты живъ и здоровъ, а для нынѣшняго времени и за это надобно благодарить небо. Мы живемъ теперь въ трехъ комнатахъ, мы — то есть: Катерина Ѳедоровна съ тремя дѣтьми, Иванъ Матвѣевичъ, П. М. Дружининъ, англичанинъ Евенсъ, котораго мы спасли отъ французовъ, двѣ иностранки, я грѣшный, да шесть собакъ. Нѣтъ угла, гдѣ бы можно было поворотиться, а ты знаешь, мой другъ, какъ я люблю быть одинъ самъ съ собою!—Нѣтъ, я никогда такъ грустенъ и скученъ не бывалъ! Чего мнѣ недостаетъ? Не знаю. Меня любятъ, не только люди, съ которыми я живу, но даже и москвичи. Здѣсь Карамзины, Пушкины, здѣсь Архаровы, Апраксины, однимъ словомъ вся Москва; но здѣсь для меня душевнаго спокойствія нѣтъ, и конечно, не будетъ. Ужасныя происшествія нашего времени, происшествія, случившіяся какъ нарочно передъ моими глазами; зло, разлившееся по лицу земли во всѣхъ видахъ, на всѣхъ людей, такъ меня поразило, что я насилу могу собраться съ мыслями и часто спрашиваю себя: гдѣ я? что я? Не думай, любезный другъ, чтобъ я постарому предался моему воображенію, нѣтъ, я вижу, разсуждаю и страдаю.

Отъ Твери до Москвы и отъ Москвы до Нижняго, я видѣлъ, ви-

дѣлъ цѣлыя семейства всѣхъ состояній, всѣхъ возрастовъ, въ самомъ жалкомъ положеніи; я видѣлъ то, чего ни въ Пруссіи, ни въ Швеціи видѣть не могъ: переселеніе цѣлыхъ губерній! Видѣлъ нищету, отчаяніе, пожары, голодъ, всѣ ужасы войны, и съ трепетомъ взиралъ на землю, на небо и на себя. Нѣтъ, я слишкомъ живо чувствую раны, нанесенныя любезному нашему отечеству, чтобъ минуту быть покойнымъ. Ужасные поступки вандаловъ и французовъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, поступки безпримѣрные и въ самой исторіи, вовсе разстроили мою маленькую философію и поссорили меня съ человѣчествомъ. Ахъ, мой милый, любезный другъ! зачѣмъ мы не живемъ въ счастливѣйшія времена! зачѣмъ мы не отжили прежде общей погибели!—Но оставимъ эту неистощимую матерію и поговоримъ о дѣлѣ.

Если Блудовъ еще не уѣхалъ, то съѣзди къ нему отъ меня, и пожелавъ ему всякаго счастія отъ моего имени,—ибо я его люблю и уважаю какъ человѣка добраго, честнаго и умнаго, три рѣдкія качества въ наше время,—попроси его, чтобъ онъ тебѣ вручилъ книгу съ моими стихами, или копію съ нихъ, которую ты оставишь у себя до счастливѣйшихъ временъ. Если небесами суждено тебѣ пережить меня, то ты будешь имѣть право на мое маранье, оно по крайней мѣрѣ будетъ драгоцѣнно для тебя, ибо напомнитъ тебѣ о человѣкѣ, который любилъ тебя десять лѣтъ какъ друга, какъ брата. Намъ не худо дѣлать завѣщанія, особенно мнѣ. Попроси Блудова, чтобъ онъ меня не забывалъ въ каменномъ Стокгольмѣ; скажи ему, что добрые люди: caulum, non animam mutant, qui trans mare currunt, что гдѣ бы онъ ни былъ, нигдѣ, ни въ какой землѣ, не найдетъ столько добрыхъ людей, сколько въ нашемъ отечествѣ. Сѣверину пожелай отъ меня счастливаго пути и скажи ему, что я ему завидую отъ всей души. Узнай и увѣдомь меня куда поѣхалъ добрый мой знакомецъ Салтыковъ, котораго ты у меня видалъ? Поклонись Тургеневу, я его люблю какъ душу, и Жихарева обними. Какъ я жалѣю о тебѣ, любезный другъ! Зная твою душу и сердце, наклонное къ задумчивости, зная по опыту, что одному трудно переносить горе и бѣдствія, всякій разъ съ новымъ и съ живымъ соболѣзнованіемъ помышляю о тебѣ, о твоемъ одиночествѣ. Когда мы увидимся? И что за свиданіе! Вездѣ плачь и слезы! Объ Олениныхъ я и думать не могу безъ содроганія. Ихъ потеря невозвратима, но Петръ будетъ живъ и, кажется мнѣ, совершенно здоровъ. Дай Богъ! По крайней мѣрѣ и это утѣшеніе. Я люблю и почитаю Оленина болѣе, нежели когда нибудь. Напомни обо мнѣ Крылову и Ермолаеву. Что сдѣлалось съ Библіотекою? Ходишь-ли ты въ нее по прежнему?

Еслибъ было время и охота, я описалъ бы тебѣ нашъ городъ: чудный и прелестный по своему положенію, чудный по вмѣщенію

Москвы. Здѣсь все необыкновенно. Это обломокъ огромный столицы. При имени Москвы, при одномъ названіи нашей доброй, гостепріимной, бѣлокаменной Москвы, сердце мое трепещетъ и тысяча воспоминаній, одно другаго горестнѣе, волнуются въ моей головѣ. Мщенія! мщенія! Варвары! Вандалы! И этотъ народъ изверговъ осмѣлился говорить о свободѣ, о философіи, о человѣколюбіи; и мы до того были ослѣплены, что подражали имъ какъ обезьяны! Хорошо и они намъ заплатили! Можно умереть съ досады при одномъ разсказѣ о ихъ неистовыхъ поступкахъ. Но я еще нехочу умирать, и такъ ни слова. Но скажу тебѣ мимоходомъ, что Алексѣй Николаевичъ (Оленинъ) совершенно правъ; онъ говорилъ назадъ тому три года, что нѣтъ народа, нѣтъ людей подобныхъ этимъ уродамъ, что всѣ ихъ книги достойны костра—а я прибавлю: ихъ головы—гилліотины.

Я началъ это письмо назадъ тому шесть дней и не могъ кончить. Пріѣхалъ Вильямсъ съ твоимъ письмомъ, на которое я и духу отвѣчать не имѣю, кромѣ восклицанія: О!— — —. Слава Богу, что ты здоровъ. Оленинъ тебя обрадуетъ, ему гораздо лучше: память его слаба, но отъ слабости тѣлесной, т. е. всего тѣла, а не отъ мозгу, хотя ударъ и былъ въ голову. Но и это со временемъ пройдетъ безъ всякаго сомнѣнія. Приласкай его и за меня. Онъ весьма добрый малый и можетъ быть утѣшеніемъ своихъ родителей. Теперь, какъ опасность миновалась, можно сказать, что Петръ пріѣхалъ издалече, то есть изъ царства мертвыхъ.

Я получилъ деньги изъ деревни, но писемъ не имѣю, вотъ почему еще не могу рѣшиться ни на что. Завтра ожидаю писемъ и отправлюсь или въ Петербургъ или въ армію, да въ армію, гдѣ проведу всю зиму. Судьбѣ располагать мною, — тебѣ меня любить во всѣхъ состояніяхъ и если можно извинять передъ здравымъ разсудкомъ, но не передъ дружествомъ. Извинять меня передъ Алексѣемъ Николаевичемъ не должно, онъ знаетъ лучше другаго цѣнить людей, которые изъ доброй воли подвергаютъ себя пулямъ, и конечно на меня не разсердится, что я оставлю Библіотеку; а если и выйду въ отставку по окончаніи компаніи, что я сдѣлаю непремѣнно, то не лишитъ меня и тогда своего покровительства. Бога ради, увѣдомь меня, получилъ-ли онъ мои письма; у доброй и почтенной Лизаветы Марковны поцѣлуй ручку. Но я еще не совсѣмъ рѣшился ѣхать въ армію,— ожидаю писемъ. Муравьевъ тебя велѣлъ обнять. Тебѣ кланяется Филимоновъ, онъ правитель канцеляріи у графа Толстаго. Ермолаеву и Крылову поклонись пониже. Пошли къ моему дядѣ Батюшкову спросить о его здоровьѣ и сказать ему отъ меня поклонъ и что я здоровъ; живу въ Нижнемъ.

LIII.

Нижній-Новгородъ. 3-го октября (1812 г.)

Любезный другъ, я въ Нижнемъ, слава Богу, здоровъ тѣломъ, а о душѣ ни слова. Писалъ къ тебѣ изъ Москвы, изъ Володиміра, изъ Нижняго, но ни строки въ отвѣтъ не имѣю. Скажи Алексѣю Николаевичу, что Петру легче; я его вижу каждой день, и радуюсь успѣхамъ лѣкаря или натуры. Онъ внѣ опасности, а въ Москвѣ, хотя я и писалъ противное, на волосъ былъ отъ смерти. Архаровы его не покидаютъ. Сегодня онъ катался въ нашей каретѣ; еще очень слабъ и отъ слабости распухъ, но это пройдетъ конечно. Всякой разъ, когда у него бываю, онъ мнѣ радъ какъ родному; я его утѣшаю скорымъ свиданіемъ съ родными—но о братѣ онъ очень безпокоится. Дай Богъ, чтобъ Лизавета Марковна или самъ Алексѣй Николаевичъ сюда пріѣхали; если же имъ нельзя, то я могу его проводить до Петербурга черезъ мѣсяцъ, ранѣе невозможно ему ѣхать. Но рѣшительнаго о себѣ ничего не скажу. Я хочу отправиться въ армію или возвратиться въ Петербургъ, и ожидаю денегъ изъ деревни. Попроси Алексѣя Николаевича, чтобъ онъ на меня не гнѣвался за просрочку отпуска. Я не могъ ѣхать въ Петербургъ, и теперь почтовыхъ нигдѣ нѣтъ. Я къ нему писалъ; Архаровы не имѣютъ отвѣта на письма, и мы всѣ объ Алексѣѣ Николаевичѣ и о Лизаветѣ Марковнѣ безпокоимся. Увѣрь ихъ въ моей преданности и поклонись милому и почтенному Ивану Андрѣевичу [1]). Будь здоровъ и надѣйся на Бога. Цѣлую тебя. К. Б.

Сообщ 4-го янв. 1870 г. П. А. Ефремовъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

---

[1]) Крылову.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ

ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ.

Третій періодъ.

Марья Андреевна рѣшается выйдти замужъ за профессора Мойера.—Жуковскій полагаетъ, что она жертвуетъ собою и долго противодѣйствуетъ браку.

П. В.

№ 27 [1]).

Марья Андреевна Протасова къ В. А. Жуковскому.

Дерптъ. 8-го ноября 1815 г. [2]).

Мой милый безцѣнный другъ! послѣднее письмо твое къ маменькѣ утѣшило меня гораздо болѣе, нежели я сказать могу, и я рѣшаюсь писать къ тебѣ, просить у тебя совѣта, такъ какъ у самаго лучшаго друга послѣ маменьки. Vous dites que vous voulez me servir lieu de père [3])! О мой добрый Жуковскій, я принимаю это слово во всей его цѣнѣ, и очень умѣю понимать то чувство, съ которымъ ты его сказалъ. Я у тебя прошу совѣта такъ какъ у отца, прошу рѣшить меня на самый важный шагъ въ жизни; я съ тобой съ первымъ послѣ маменьки, хочу говорить объ этомъ, и жду отъ тебя, отъ твоей ангельской души, своего спокойствія, счастія и всего добраго. Je veux me marier avec Moier, j'ai eu occasion de voir combien il est noble, combien ses sentiments sont élevés et j'espère que je trouverai avec lui

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., томъ XXXVII, январь, стр. 181—212; февраль, стр. 429—456; мартъ, стр. 665—678; томъ XXXVIII, апрѣль, стр. 95—106.

[2]) Письмо напечатано въ біогр. очеркѣ въ «Ж. М. Н. Пр.» стр. 68.

[3]) (Переводъ): Ты говоришь, что хочешь замѣнить мнѣ отца.

un parfait repos. Je ne m'aveugle pas sur ce que je sacrifie en faisant ce pas là, mais je vois aussi tout ce que je gagne. Dabord je suis sure de faire le bonheur de ma bonne Maman en lui donnant deux amis; милый другъ, то что теперь тебя съ нею разлучаетъ, не бу-

(Переводъ): Я хочу выйдти замужъ за Мойера. Я имѣла случай видѣть его благородство и возвышенность его чувствъ и надѣюсь, что найду съ нимъ полное успокоеніе. Не закрываю я глазъ на то, чѣмъ жертвую, дѣлая этотъ шагъ, и вижу и все то, что выигриваю. И прежде всего я увѣрена, что составлю счастіе доброй моей матери, даруя ей двухъ друзей.

детъ болѣе существовать. Въ тебѣ найдетъ она утѣшителя, друга, брата. Милый Базиль! ты будешь жить съ ней! а я получу право имѣть и показывать тебѣ самую святую нѣжную дружбу, и мы будемъ такими друзьями, какими теперь намъ все быть мѣшаетъ. Не думай, ради Бога, чтобъ меня кто-нибудь принуждалъ на это рѣшиться. Съ Воейковымъ я еще не говорила, и увѣрена напередъ, что онъ будетъ противъ этого; а маменька оставляетъ мнѣ полную волю. Другъ мой! я отъ тебя жду рѣшенія, и Моіеру долго еще о томъ говорить не стану. Милый Жуковскій, я воображаю, что мы всѣ можемъ быть счастливы! Я надѣюсь, что ты будешь жить съ маменькой, что въ тебѣ она найдетъ все. Кто лучше тебя можетъ дать ей счастіе? Также и ты, другъ мой, будешь все имѣть живши дружно съ этими двумя ангелами. Кто больше маменьки и Саши можетъ утѣшить и замѣнить все? Также и Воейковъ, я увѣрена, будетъ лучше и добродѣтельнѣе, когда будетъ видѣть тебя. Ты много много можешь имѣть вліяніе на счастіе Саши.—Pour moi je ne pedrai la liberté que de nom, mais je gagnerai le droit d'avoir et de vous montrer la plus sincere amitié. Mon bon ami, je crois vraiment que je trouverai le bonheur et le repos avec Moier; je l'estime beaucoup; il a une ame elevée et un coractére noble et j'attends tout du temps.

J'ai encore une grande prière a vous faire. Woieykoff va venir à Petersbourg. Vous avez bien des raisons pour être faché contre lui, il a eu de très grands torts envers vous; mais pour l'amitié que vous avez pour ma soeur, vous devez non seulement lui tout pardonner. mais le reconcilier avec Кавелинъ. Cet homme a une très grande influence sur lui, et en perdant son estime, il fera moins de cas de la vertu. Pardonnez lui tout de bon coeur et payez lui par des bienfaits.

(Переводъ): Что касается меня самой, то я потеряю свободу только по имени, за то пріобрѣту право пользоваться твоей дружбою и тебѣ ее оказывать. Мой добрый другъ, я дѣйствительно увѣрена, что съ Мойеромъ найду

счастіе и покой; я очень его уважаю; душа у него возвышенная, характеръ благородный, и я всего ожидаю отъ времени.

У меня есть къ тебѣ еще большая просьба. Воейковъ ѣдетъ въ Петербургъ. Много есть у тебя причинъ быть имъ недовольнымъ; онъ виноватъ передъ тобою во многомъ; но ради дружбы, которую ты питаешь къ моей сестрѣ,—ты долженъ не только простить ему все, но и помирить его съ Кавелинымъ. Этотъ человѣкъ имѣетъ на него большое вліяніе, и, потерявъ его расположеніе, онъ еще меньше будетъ уважать добродѣтель. Прости ему все отъ чистаго сердца и заплати благодѣяніемъ.

Саша тебя любитъ, и отъ тебя ждетъ больше нежели отъ кого-нибудь. Она вчера сказала, что ей грустно знать тебя на нее сердиту, но что она не раскаивается въ томъ, что написала письмо это, потому что ей легче быть самой противъ тебя виноватой, нежели воображать тебя недостойнымъ ея уваженія и дружбы. Для этого ангела ты долженъ сдѣлать все, что можно. Она боится поѣздки Воейкова въ Петербургъ, зная его вспыльчивость, и зная также какъ много ты имѣешь права дѣлать ему упреки; она ожидаетъ несчастія отъ этого путешествія. Ты будешь и ея благодѣтелемъ, помиривъ Воейкова съ Кавелинымъ и простивъ его отъ сердца безъ всякихъ изъясненій, и оправданій, которыя ни къ чему не послужатъ.

Отвѣчай намъ какъ можно скорѣй и больше. Не говори никому и ничего; еще ничто не рѣшено.

№ 28.

Екатерина Афанасьевна Протасова къ В. А. Жуковскому.

Дерптъ. 22-го ноября 1815 г.

На послѣдней почтѣ отъ тебя нѣтъ писемъ, мой другъ Жуковскій. Думаю (въ) Петербургѣ всѣ въ хлопотахъ и тебя затормошили. Пріѣздъ великихъ княгинь, ожиданья добраго царя, и нашихъ многихъ съума сводилъ, и мои дѣти непремѣнно хотятъ ждать царя и царицу. Не знаю удастся-ли имъ. Онѣ обѣ часто терпятъ отъ зубной боли. Каташа [1]) наша по милости божіей воспу свою очень легко переноситъ, также весела, много смыслитъ и всѣхъ насъ знаетъ и очень утѣшаетъ.

Добрый Петерсонъ вчера въ первый разъ выѣхалъ. Онъ очень былъ боленъ, мы даже боялись его потерять.

Подписка на книги твои зачинается, но я еще теперь не посылаю,

---

[1]) Дочь Воейковыхъ.

потому что мало. Отправила одно объявленіе въ Казань, другое въ Ригу. Еще отвѣту нѣтъ. Пришли мнѣ еще объявленій, я пошлю въ Смоленскъ.

Пиши милой другъ, пожалуйста! Да скажи не знаешь-ли резону отъ чего Павелъ Ивановичъ ко мнѣ не пишетъ, неужели они разсердились?

Прощай добрый мой Жуковскій, поручаю тебя милосердію Божію.

Я не ожидала—Маша требуетъ послать ее письмо. Другъ мой, отвѣчай ей скорѣй.

№ 29.

Марья Андреевна Протасова къ Жуковскому [1]).

Дерптъ. 22-го ноября 1815 г.

Я говорила Воейкову и отгадала слѣдствія; онъ огорченъ и недоволенъ очень. Онъ боится, что ты будешь воображать его причиною всему, но я прошу тебя опять, не думать этого, я, одна я рѣшилась на это, потому что уважаю Моіера и жду всѣмъ намъ счастія, дружбы, и впереди вижу добрую, спокойную и полезную жизнь, съ довѣренностію, дружбой и всѣмъ хорошимъ. Воейковъ можетъ быть черезъ два дни послѣ письма моего пріѣдитъ. Милый другъ, помни что отъ одного тебя мы ждемъ успокоенія. Menagez son caractère emporté par pitié pour sa femme [2]). Какъ много еще можетъ у насъ быть счастія впереди, и оно все въ твоихъ рукахъ.

Я требовала отъ Маменьки, чтобы послать тебѣ письмо, потому что я говорила съ нею.

№ 30.

Екатерина Аѳанасьевна Протасова къ В. А. Жуковскому [3]).

Дерптъ, 25-го ноября 1815.

Милой другъ Жуковскій, сколько ты мнѣ дорогъ я этого тебѣ изъяснить не умѣю. Сердце мое раздирается когда я о тебѣ думаю, но я знаю твое благоразуміе. Другъ мой, напиши ко мнѣ все, что у тебя на душѣ; я увѣрена что ты способствовать будешь счастію тѣхъ кто тебѣ такъ дороги, и для кого ты безцѣненъ. Здоровье твое для меня дороже моего; береги себя мой другъ милой, занимайся болѣе, ищи разсѣянія, любя твоихъ истинныхъ друзей.

---

[1]) См. „Жизнь и поэзія Жуковскаго“, книга К. К. Зейдлица, стр. 97—98.

[2]) Пощади его вспыльчивый нравъ изъ сожалѣнія къ женѣ его.

[3]) Тамъ же, стр. 70; въ отд. книгѣ К. К. Зейдлица, стр. 97—98.

№ 31.

Жуковскій къ Марьѣ Андреевнѣ Протасовой.

С.-Петербургъ. 27-го ноября 1815 г.

Ты хочешь говорить со мною какъ съ отцомъ. Есть-ли это имя не пустое слово, написанное безъ всякаго особеннаго смысла, то это значить, что мое мнѣніе для тебя также важно какъ мнѣніе отца. Милой другъ, ты мнѣ повѣришь, когда скажу тебѣ, что могу безъ всякаго эгоизма думать о твоемъ счастіи и желать его. И такъ я буду говорить какъ отецъ, которому все то извѣстно, что дѣлается въ сердцѣ у дочери, который на этотъ счетъ не хочетъ обманывать ни себя, ни другихъ, который желаетъ счастія своей дочери для нее, который, думая объ ея счастіи, не разумѣетъ подъ нимъ одного собственнаго спокойствія. Послушай мой милой другъ, есть-ли бы твое письмо написано было хотя полгодомъ позже, я бы подумалъ, что время что нибудь сдѣлало надъ твоимъ сердцемъ и что привязанность къ Мойеру произведенная свычкою, помогла времени; я бы повѣрилъ тебѣ и подумалъ бы что ты дѣйствуешь по собственному, свободному побужденію; я бы повѣрилъ твоему счастію. Но давно-ли мы разстались? Нѣтъ трехъ недѣль, какъ мое послѣднее письмо было написано къ маменькѣ! Ты знаешь то что я чувствовалъ къ тебѣ, а я знаю что ты ко мнѣ чувствовала—могла-ли, скажи мнѣ, произойти въ тебѣ та перемѣна, которая необходима нужна для того, чтобы ты имѣла право передъ собою рѣшиться на такой важный шагъ? Мойеру уже было одинъ разъ отказано! Онъ вѣроятно не дѣлалъ новыхъ предложеній! Съ чего же пришла тебѣ самой мысль за него итти? тебѣ, которая говорила, что для тебя никакого другаго счастія не надобно, кромѣ свободы, неразлучности съ маменькой и спокойствія въ семьѣ твоей? Нѣтъ, милой другъ, не ты сама на это рѣшилась! Тебя рѣшили съ одной стороны требованія и упреки, съ другой грубости и жестокое притѣсненіе! Не давши времени твоей душѣ прійти въ себя, отъ тебя требуютъ послѣдняго пожертвованія, на цѣлую жизнь, называя это пожертвованіе твоимъ же счастіемъ, и даже не принимая его за пожертвованіе! Ты имѣешь ко мнѣ точно такую же правду, какую ты написала къ Павлу Ивановичу; основываясь на письмѣ твоемъ, скажутъ что ты всего сама желала, что сдѣлали тебѣ угодно; и до того что у тебя въ сердцѣ, нѣтъ дѣла. Это видитъ одинъ Богъ, а не люди! Однимъ словомъ, ты бросаешься въ руки Мойеру потому, что тебѣ другаго нечего дѣлать! Тебя тащутъ туда насильно и еще ты же должна говорить, что ты счастлива! а я вслѣдъ за тобою,

какъ твой отецъ, говоритъ тоже! Нѣтъ! какъ твой отецъ, я не могу на это теперь согласиться. Есть-ли бы я былъ твой отецъ не на словахъ, а на дѣлѣ, есть-ли бы это имя не было мнѣ дано какъ самое оскорбительное доказательство совершеннаго безсилія сдѣлать что нибудь для твоего счастія, я бы поступилъ иначе; зная твое состояніе, я бы прежде всего старался дать тебѣ время успокоить свое сердце, я бы не сталъ какъ самовластный деспотъ располагать всею судьбою твоей жизни; не пожертвовалъ ею своему спокойствію, своей прихоти; зная въ своей совѣсти, что я самъ причиною всего что съ тобою было, я не вздумалъ бы къ твоему несчастію, мною самимъ сдѣланному, прибавить другаго, совершенно неизгладимаго; я бы замѣнилъ для тебя то что у тебя отнялъ, произвольно или принужденно, до того нѣтъ дѣла; подлѣ меня нашла бы ты всѣ вознагражденія за потерянное; я не далъ бы въ семьѣ своей дѣлать тебѣ жестокихъ непріятностей, принуждающихъ тебя все забыть, на все рѣшиться, чтобы послѣ во всемъ разкаеваться: однимъ словомъ я былъ бы твой отецъ, утѣшитель, товарищъ! не думалъ бы объ одномъ себѣ! Ты была бы свободна, спокойна; время все бы исправило! Тогда безъ принужденія, безъ всякаго упрека совѣсти, ты выбрала бы для себя счастіе вѣрное, то есть хорошое промѣняла бы на лучшее и не была бы жертвою моей прихоти, моего эгоизма; и я былъ бы счастливъ, потому что былъ бы тогда увѣренъ въ твоемъ счастіи! Такъ бы я поступилъ, есть-ли бы былъ твой отецъ или твоя мать. Но теперь, кто увѣритъ меня, что ты поступаешь свободно? То что ты написала къ Павлу Ивановичу можетъ быть удовлетворительно для Павла Ивановича, но не для меня. Я знаю настоящее расположеніе твоего сердца, и маменька знаетъ его (знаетъ передъ своею совѣстью и передъ Богомъ—что бы ни думали люди)—какъ же могу повѣрить, что бы, съ такимъ расположеніемъ, писанное тобою было языкъ твой, свободной, непринужденной? Нѣтъ! Это языкъ маменьки! Ей нужно спокойствіе, спокойствіе на счетъ всего твоего будущаго? Но какъ же осмѣлится она за него поручиться, будучи не увѣрена въ настоящемъ? Ты можешь дать волю все съ собой сдѣлать, ты можешь не роптать и покориться—но болѣе не можешь ничего! Боже мой! религія запретила ей согласиться на наше счастіе; а таже религія не можетъ ей запретить принудить тебя къ нарушенію всего святаго: таинства и клятвы? Послѣ этаго могу ли подумать, что религія а не одно желаніе исполнить волю свою управляетъ ея поступками? Почему же здѣсь молчитъ религія, здѣсь, гдѣ дѣло идетъ о такомъ поступкѣ, съ которымъ ни сердце, ни желаніе твои не могутъ быть согласны? Я знаю языкъ ея: исполненіе должности всего святѣе! Но это

для нея равно, какъ и для тебя. Твоя должность быть согласною съ ея волею. А ея должность не жертвовать тобою своей власти. И она равно должна думать о твоемъ счастіи какъ и ты о ея. Пусть люди будутъ воображать, что ты слѣдовала собственному желанію; но она этаго знать не будетъ, она, отъ которой твоя судьба зависитъ; но Богъ не будетъ этаго знать—а онъ судитъ не по наружности, а по намѣреніямъ. Я знаю, какъ она объ этомъ думаетъ; я помню что сказала она мнѣ передъ отъѣздомъ нашимъ изъ Муратова (и это слово вѣчно меня приводитъ въ трепетъ). Жалѣю что Маша не выдана за Апухтина. Когда же это было сказано? Послѣ того, какъ она уже обо всемъ знала и послѣ того, какъ она совершенно узнала, какое было бы для тебя счастіе съ Апухтинымъ. Какое же понятіе имѣетъ она о супружествѣ? За что же ей не хотѣть, чтобы и ты имѣла то, чѣмъ она сама была такъ счастлива! Неужели и здѣсь можно принять за правило ея обыкновенную мысль: счастія на землѣ найти нельзя! Найти нельзя—это и я знаю; но отымать его не должно; но должно по крайней мѣрѣ искать его для тѣхъ, кто отъ насъ зависитъ! Нѣтъ, Маша, никакъ не могу повѣрить письму твоему! Оно слишкомъ противорѣчитъ всему, что я знаю, и въ чемъ былъ до сихъ поръ такъ увѣренъ. Je crois vraiment, пишешь ты, que je trouverai le bonheur et le repos avec Moyer, je l'estime beaucoup, il a une ame digne et un caractère noble et j'attends tout du temps [1]). Милой другъ, прошу тебя нисколько не думать, чтобы я въ эту минуту помнилъ о себѣ; ты одна знаешь, какъ я искренно готовъ забыть все собственное для твоего счастія. Но скажи мнѣ, ты прежде выйдешь за Мойера, а потомъ уже оставишь все додѣлывать времени. Не должна ли ты, изъ уваженія къ самой себѣ, поступить напротивъ! Не святая ли это съ твоей стороны обязанность? И твои слова не служатъ ли доказательствомъ, что тебѣ не даютъ этаго нужнаго времени, что тебѣ должно спѣшить, оставя будущее на произволъ судьбы? Я самъ люблю Мойера, я видѣлъ его во всѣ минуты прекраснымъ человѣкомъ! Но давно ли вы его знаете? Есть-ли бы и не было необходимой обязанности медлить, все надлежало бы дать себѣ время узнать его болѣе? А здѣсь сколько для тебя самой личныхъ причинъ не спѣшить! Спросись съ собою, имѣешь ли право такъ скоро рѣшиться? Правда, на это надобно имѣть свободу, а ты можетъ быть ее не имѣешь! Но скажи мнѣ, что заставляетъ васъ такъ спѣшить теперь, когда ничто уже

---

[1]) Я дѣйствительно увѣрена, что съ Мойеромъ найду счастіе и покой. Я очень его уважаю, душа у него возвышенная, характеръ благородный, и я всего ожидаю отъ времени.

не противится маменькиной власти? Мойеръ съ вами; всякой день бываете вы вмѣстѣ! Всякой день можетъ болѣе и болѣе тебя съ нимъ знакомить! Неужели еще года нельзя пробыть тебѣ въ той семьѣ, въ которой ты прожила двадцать лѣтъ! Въ годъ можешь узнать всю будущую жизнь свою! Годъ можетъ все заставить забыть; произведетъ свычку, привязанность и дастъ полное право распалагать собою! Пожертвованіе сдѣлать легко, но надобно чтобы оно было нужно! Спрашиваю нужно ли оно теперь! Дѣло идетъ не о страсти—ты ее никогда не имѣла и не дай Богъ имѣть. Что маменька ни говорила и ни писала обо мнѣ, но и я никогда не имѣлъ ея; но за то имѣлъ нѣчто лучше: увѣренность въ своемъ счастіи, привязанность совершенную, привычку думать объ одномъ и все къ одному относить. Милой другъ, это не страсть. И ты теперь въ такихъ обстоятельствахъ, что все это со временемъ можешь получить и получить прежде нежели рѣшить судьбу свою навсегда. Будучи вмѣстѣ неразлучно привыкнете другъ къ другу и тогда переходъ изъ одного состоянія въ другое будетъ легокъ и не страшенъ. Рѣдко удается узнать того человѣка, съ которымъ надобно будетъ дѣлить судьбу свою! Тебѣ это возможно! Узнай его! привяжись къ нему сердцемъ, а не по необходимости! Поручись себѣ и мнѣ за свое счастіе—тогда я буду радъ тому, на что теперь смотрю только со страхомъ и въ чемъ теперь вижу одно ненужное пожертвованіе, опасное и даже непозволенное. Къ тому же, давъ себѣ время, будете въ состояніи обдумать всѣ обстоятельства постороннія, имѣющія и кромѣ личнаго характера, величайшее вліяніе на судьбу всей жизни. Мойеръ нѣмецъ; всѣ его связи въ Дерптѣ; онъ долженъ жить трудами рукъ своихъ; и не знаю можетъ ли имѣть недвижимое имѣніе. Всѣ эти обстоятельства не худо обдумать напередъ! Есть ли онъ не захочетъ оставить своего края, то легко ли тебѣ будетъ со всѣми разлучиться! То счастіе, которое найдешь съ нимъ, замѣнитъ ли тебѣ все то отъ чего надобно будетъ отказаться! Однимъ словомъ, давъ себѣ время, ко всему напередъ можешь приготовиться и привыкнуть. И такъ, есть ли для тебя имя отца, данное мнѣ, имѣетъ какой-нибудь смыслъ, то прошу тебя дать себѣ годъ еще свободы; не говори ни слова Мойеру, но пускай онъ имѣетъ твою дружбу. Это будетъ прекраснѣйшимъ приготовленіемъ къ вѣрному счастію! И ничто не брошено будетъ на произволъ случая. Мнѣ же дашь совершенное спокойствіе. Пусть время сдѣлаетъ все прежде, а не послѣ. Мнѣ ничего, кромѣ твоего счастія не надобно: собственнаго ничего къ нему не примѣшано; но оно развѣ не моя уже собственность; а эту собственность ты обѣщала мнѣ беречь свято! Неужели и ее у меня отнимутъ? Неужели ко всѣмъ

прочимъ радостямъ, которыми такъ богата моя жизнь, еще надобно прибавить и невзъяснимое счастіе думать, что опасаясь меня и моихъ происковъ, поспѣшили пожертвовать тобою и отдать первому, который тебѣ встрѣтился, чтобы только отъ меня избавить! Мойеръ прекрасный человѣкъ, сколько я его знаю! Но тебѣ надобно съ нимъ счастія. Прежде узнай навѣрное, что его получишь, а тамъ уже располагай собою. Неужели нельзя тебѣ имѣть году отсрочки? Неужели я такая презрѣнная тварь, что уже мнѣ никакого утѣшенія сдѣлать не можно, что уже меня можно раздавить, не думая даже, что я могу почувствовать боль? Увѣренность въ твоемъ счастіи мнѣ нужна болѣе всего; я самъ знаю, что тебѣ надобенъ человѣкъ, который бы тебя спокоилъ и умѣлъ бы цѣнить тебя! Ты могла бы теперь имѣть много счастія дома, но я знаю, что ты его имѣть не будешь! Надобно его искать въ сторонѣ; но надобно найдти его! За что же такая поспѣшность располагать твоею участью? Вся твоя жизнь была пожертвованіе, и теперь должно бросить на жертву все остальное. Но тоже можно сдѣлать и безъ пожертвованія; навѣрное, безъ всякаго риску. Только не медлите. Скажи мнѣ, какое новое несчастіе сдѣлалось, что ты захотѣла бѣжать? Въ твоей семьѣ всѣ, начиная съ маменьки знаютъ, что тебѣ нельзя этого желать; это желаніе само собою не могло придти къ тебѣ въ сердце; тебя принуждаютъ и гонятъ изъ семьи своей; никогда не повѣрю, чтобы ты рѣшилась сама и произвольно—съ чего тебѣ рѣшиться? Ты мнѣ говорила тысячу разъ, что тебѣ нужно одно спокойствіе и любовь твоей матери, что всякая перемѣна только испортитъ—теперь отъ чего же другой языкъ? Marie, vous m'avez dit un jour devant Dieu, que vous ne vous marierez jamais autrement que d'apres votre choix et jamais par la seule obeissance. Devant Dieu [1]), помнишь ли это? Здѣсь я напоминаю объ этомъ словѣ не для того, чтобы тебя отвратить отъ Мойера, нѣтъ! я самъ его люблю, уважаю и почитаю способнымъ дать тебѣ счастіе. Но я прошу одного: не по принужденію, свободно, не изъ необходимости, не для того только, чтобы бѣжать изъ семьи своей и гдѣ нибудь найдти пріютъ. Вотъ мысль, которая убиваетъ меня. Неужели не могутъ позволить тебѣ самой позаботиться о счастіи своемъ? Неужели надобно самую жизнь отдать на жертву ихъ власти? Кажется до сихъ поръ ты не жила, не думала для одной себя—все для маменьки! все было ей жертвой! Какое же награжденіе? Какъ бы имъ легко было за все заплатить тебѣ,

[1]) (Переводъ): Маша, однажды ты мнѣ передъ Господомъ обѣщала, что не выйдешь замужъ иначе, какъ по собственному выбору и никогда изъ-за послушанія—передъ Господомъ.

давъ тебѣ волю быть спокойною между ними! Что тебѣ надобно, много ли? чего еще ты отъ нихъ требуешь? Кажется все для нихъ? Что же для тебя? Сердце разрывается, когда подумаю объ этой жестокости, объ этомъ холодномъ самовластіи, которое величаютъ материнскою любовію. Но скажи, Маша, развѣ ты не обязана подумать и обо мнѣ? Развѣ для тебя не нужно избавить меня отъ такой мысли, которая отравитъ всю мою жизнь, отъ мысли, что тебя принудили выйдти за мужъ, опасаясь меня! Я уже не прошу объ этомъ маменьку; она только умѣетъ называть меня братомъ, но она не упустила ни одного случая разорвать мнѣ сердце! Захочетъ ли она и здѣсь меня удостоить вниманія! Что ей до меня, когда она не щадитъ своихъ дѣтей! Уже она знаетъ по опыту, какъ поспѣшность гибельна—но что опытъ, что сожалѣніе, когда дѣло идетъ объ томъ, чтобы исполнить свою волю! Я прошу этаго сожалѣнія отъ тебя; я не требую, чтобы ты отказалась отъ Мойера; но требую только, чтобы ты употребила одинъ годъ на свободное размышленіе, на свычку съ нимъ, на то, чтобы старое успѣло быть забыто и замѣнено новою привязанностію! Не говори съ нимъ ничего, не обязывай себя ничѣмъ; но имѣй его въ виду; онъ все будетъ въ вашей семьѣ! Здѣсь самое гибельное—поспѣшность! Но на что-жъ вамъ спѣшить? Вмѣсто того, чтобы испортить что нибудь, время все можетъ привести только въ лучшій порядокъ. Онъ будетъ вмѣстѣ съ вами, а меня можете ли вы бояться? Мое все кончено, и ни въ какомъ случаѣ намъ быть вмѣстѣ невозможно. Милой другъ, я не противлюсь твоему намѣренію, прошу только сдѣлать что нибудь и для моего спокойствія; и то, чего прошу, весьма легко исполнить и совершенно согласно съ твоею же пользою. Но можетъ быть именно потому, что я прошу, оно и не будетъ исполнено! Я въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ просилъ ее согласиться со мною только въ одномъ, дать тебѣ полную свободу! И въ слѣдъ за этимъ она начинаетъ требовать, чтобы ты шла за Мойера; теперь прошу той же свободы и отсрочки—и увѣренъ, что самое сильнѣйшее желаніе ея теперь будетъ поспѣшить! Она рѣшилась отнять у меня все до послѣдняго! даже внутреннее спокойствіе, а съ нимъ можетъ быть и всякую привязанность къ жизни! И ей удастся!

Не бойся моей встрѣчи съ Воейковымъ и успокой на этотъ счетъ Сашу—есть ли мы увидимся, то никакихъ объясненій между нами не будетъ! Они не нужны! Что ты называешь съ нимъ помириться? Желать ему добра и всякое, какое въ моей власти, сдѣлать—это само по себѣ разумѣется! Любить его и простить ему твои огорченія—это невозможно!

28-го ноября (1815 г.).

Одно мѣсто твоего письма изумило меня, «Воейковъ, котораго я сейчасъ видѣлъ, подтвердилъ мое изумленіе: en vous mariant, en vous sacrifiant comme vous le faites, vous croyez donner a votre mere deux amis» [1]). Ты хочешь дать мнѣ свое мѣсто въ семьѣ твоей матери. Нѣтъ, Маша! я просилъ тебя тысячу разъ: не думай обо мнѣ, заботясь о своемъ счастіи! Будь счастлива для себя, тогда и все мое желаніе исполниться. Мнѣ занять твое мѣсто! Прошу на этотъ счетъ не обманываться! Заставивъ написать Павла Ивановича письмо, я хотѣлъ воспользоваться послѣднимъ способомъ—онъ не удался и для меня все теперь навсегда рѣшено! Я совершенно отказался отъ невозможнаго. И твоей матери нечего меня бояться! Есть ли она думаетъ, что я жду смерти ея, чтобы возобновить все—этотъ страхъ напрасенъ! Для ея успокоенія ты можешь дать ей какую хочешь клятву, а я не захочу никогда взять руки твоей на гробѣ твоей матери. Она сдѣлала изъ меня какое-то чудовище, котораго боится, и этотъ страхъ даже ее самое приводитъ къ преступленію. Есть ли замужествомъ своимъ ты надѣешься дать мнѣ семейное счастіе и возвратить меня въ свою семью—эта надежда совершенно пустая. Я былъ бы истиннымъ другомъ, истиннымъ братомъ твоей матери и еще остался бы ей благодаренъ (и эта благодарность не кончилась бы и по смерти ея), когда бы видѣлъ, что она, раздѣливъ и твое и мое горе, облегчила бы его всѣмъ, что отъ нея зависитъ—думая единственно какъ бы утѣшить тебя и тебѣ дать совершенное спокойствіе. Твое счастіе было бы величайшимъ ея благодѣяніемъ и мнѣ. Мы были бы розно (ибо вмѣстѣ быть нельзя), но это розно не разорвало бы дружбы; у насъ было бы одно—твое счастіе! И какъ легко его сдѣлать—быть просто матерью, другомъ и утѣшителемъ, а не притѣснителемъ, который всѣмъ готовъ жертвовать своему эгоизму. Пожертвовавъ собою, не думай изъ меня сдѣлать ей друга—этимъ не заманишь меня въ ея семью! Скорѣй соглашусь двадцать разъ себѣ разбить голову, нежели искать мѣста въ этой семьѣ! Какими глазами буду смотрѣть на нее! Какое чувство буду имѣть къ ней въ своемъ сердцѣ! Я не постигаю, какъ могла прійдти тебѣ въ голову такая мысль и за кого ты меня считаешь! Но скажи мнѣ, чего она боится? За что хочетъ убить тебя? Неужели надѣется найдти въ аптекахъ лекарство отъ твоихъ болѣзней, которыя сама производитъ?

---

[1]) (Переводъ): Выходя замужъ, жертвуя собою, ты думаешь доставить матери двухъ друзей.

Однимъ словомъ, чтобы все кончить, я могу только согласиться на твое счастіе—въ этомъ пожертвованіи я не вижу его; я не вижу его для тебя въ замужествѣ, по крайней мѣрѣ теперь его для тебя въ замужествѣ быть не можетъ. Развѣ забыла она своихъ двухъ сестеръ и своего брата? Развѣ забыла, что ты въ началѣ этого мѣсяца была при смерти! А что смерть предъ тою жизнью, которую она тебѣ готовитъ! Она могла бы тебя счастливить, а она тебя гонитъ отъ себя! Я не могу согласиться на замужество твое, теперь не могу! И есть ли...

№ 32.

Екатерина Аѳанасьевна Протасова къ В. А. Жуковскому [1]).

Дерптъ. 6-го декабря 1815 г.

Надобно быть столько несчастливой какъ я, чтобы получить такое письмо и имѣть самое дурное и неблагородное сердце чтобы написать его. Отъ тебя я не ожидала! Но дѣло сдѣлано, я его получила, глаза мои открылись, вижу всю твою дружбу къ себѣ и хорошее обо мнѣ мнѣніе. Къ удовольствію твоему скажу, что я не имѣла силъ бросить его съ презрѣніемъ, такъ какъ ты пишешь. Нѣтъ! Клѣветы и ругательства его наполняющіе раздираютъ мою душу—прощай!

Напрасно ты думаешь чтобъ я Машѣ не показала твоего письма—она всѣ ихъ читаетъ, и будетъ на это отвѣчать.

Теперь никто меня не лишитъ истинной ее довѣренности, ни моей её!

Сообщ. К. К. Зейдлицъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Письмо послано по адресу: Александру Ивановичу Тургеневу. Въ С.-Петербургъ. На Фонтанкѣ въ д. кн. Александра Никол. Голицына. (Для передачи В. А. Жуковскому). П. В.

ВОСПОМИНАНІЯ ЧЕРНОГОРЦА

изъ временъ герцеговинскаго возстанія и черногорско-турецкой войны

1876—1878 гг.

Бѣше облакъ сунце ухватио,
Србску землю тама притиснула,
Предъ олтаромъ плакаше кандило,
На гусле се струне покидале,
Сакриле се виле у Пештере
Бояху се сунца и мѣсеца...
П. П. Нѣгошъ.

Такъ рисуетъ черногорскій владыка и сербскій великій поетъ, Петръ Петровичъ Нѣгошъ, состояніе Черногоріи въ эпоху правленія Черногоріей владыки Данiила Петровича Нѣгоша [1]). И дѣйствительно, печальнѣе этого времени не было въ исторіи народа сербскаго. Солнце сербской свободы было покрыто облакомъ и тьма царила по всѣмъ сербскимъ землямъ—землямъ обширнаго Душанова Царства. На горизонтѣ сербскаго неба блестѣла еще только одна звѣздочка—то была маленькая Черногорія, но и она тогда начала угасать, и чуть чуть не угасла совсѣмъ. Турки въ то время до того размножились въ Черногоріи, что чуть-ли не сдѣлались господствующими. Но мужество черногорцевъ и ихъ храбраго вождя владыки Данiила предупредили это великое несчастіе, прогнали турокъ изъ Черногоріи, и опять заблестѣла звѣзда сербской свободы—Черногорія была спасена отъ поглощенія исламизмомъ.

---

[1]) Правилъ Черногоріей съ 1696 по 1735 годъ. Онъ былъ первый владыка черногорскій изъ нынѣ царствующей фамиліи Петровичей-Нѣгошей.

Но гдѣ-же другія сербскія земли? Гдѣ славная Герцеговина? плодоносная Боснія? плодородная Зета? красавица Далмація съ Бокой Которской? Колыбель сербскаго народа Старая Сербія? Сербія? Сирнія, Банатъ, Бачка? Спятъ мертвымъ сномъ; покрываетъ ихъ густой туманъ; пятьсотъ лѣтъ томятся то подъ игомъ турецкимъ, то венеційскимъ, то австрійскимъ. Славный сербинъ сдѣлался райей, а сербская земля достояніемъ турецкихъ беговъ и агъ.

Србинъ ради, а турчинъ се слади,
Србинъ роди, а турчинъ одводи,
Српска земля турскій спахилуцы,
Српска чеда турски заточницы. (Драгашевичъ).

И дѣйствительно это такъ. Сербинъ трудится, а турокъ наслаждается; родится-ли у серба мужское или женское чадо, турокъ отводитъ его въ рабство. Сербская земля раздѣлена въ помѣстья туркамъ.

Но вотъ приходитъ время пробужденія отъ сна. Сербія возстаетъ. Сербскіе герои Коча Петровичъ, Кара Георгій, Гайдукъ Велько, Милошъ Обреновичъ и многіе другіе освобождаютъ Сербію. Охъ, какъ много сербской крови пролито, пока Сербія не сбросила турецкое ярмо съ своей шеи. Но пусть. Для того герои и рождаются, чтобы за честь и славу, за свободу и имя свое свою кровь проливать. Да будетъ благословенна память ихъ изъ рода въ родъ!

Но много сербскихъ земель осталось подъ тяжестью турецкаго варваризма. Не разъ они поднимали оружіе за свободу, не разъ храбрый герцеговинецъ брался за ятаганъ и бросался на врага—но увы! Узъ рабскихъ не могъ сбросить съ себя. Но послѣднее возстаніе герцеговинское было важнѣе всѣхъ первыхъ. Я не намѣренъ здѣсь писать исторію возстанія герцеговинскаго и войны черногорско-турецкой—объ этомъ до сихъ поръ много написано, а и по сихъ поръ будетъ много написано; я здѣсь сдѣлаю набросокъ нѣкоторыхъ моихъ личныхъ воспоминаній.

Я начну мои воспоминанія съ 1-го ноября 1875 года. Въ этотъ день святая церковь празднуетъ день безсребренниковъ Кузьмы и Даміана. Въ этотъ день празднуетъ „Крстно име" одно очень зажиточное семейство въ Нѣгушахъ въ селѣ Залазы, именно Перо Филиповъ Трзунъ. По черногорскому обычаю онъ

въ этотъ день пригласилъ на праздникъ много гостей; между ними были Георгій Петровичъ, двоюродный братъ князя Николая, его братъ Марко Петровичъ, командиръ цетиньско-нѣгушскаго баталіона Митаръ Беловъ Петровичъ, я и много другихъ почетныхъ гостей. Праздновали и веселились до поздняго времени, такъ что намъ пришлось возвращаться ночью. Прихожу я домой, и отдохнуть не успѣлъ, какъ подошли ко мнѣ братья мои и сказали, что меня ищетъ Божидаръ Петровичъ.

— А гдѣ-же онъ? спрашиваю.

— „Онъ остановился у брата Георгія въ Ераковичахъ, и велѣлъ идти къ нему тотъ часъ, когда придешъ".

Я тотчасъ отправился къ нему.

— „Ну вотъ и ты. Теперь всѣ залажаны здѣсь". Такъ онъ назвалъ въ шутку всѣхъ насъ, бывшихъ въ гостяхъ въ Залазахъ. „Видно, что угостили васъ хорошо. Вѣроятно красненькое вамъ помѣшало раньше придти. Вѣдь у залажанъ всегда хорошее вино, тѣмъ болѣе у такого богача, какъ Перо Филиповъ".

Немножко пошутили и посмѣялись, а затѣмъ приступили къ дѣлу.

— „Вотъ зачѣмъ пріѣхали сюда я и войвода Петръ Филиповъ Вуйовичъ. Его высочество, желая елико возможно оказать помощь и поддержку нашимъ храбрымъ братьямъ герцеговинцамъ, пока не поспѣетъ помощь изъ Россіи, послалъ насъ идти по всей Катунской нахіи сдѣлать перепись сколько кто можетъ жертвовать въ пользу герцеговинцевъ: денегъ, кукурузы, картофеля, капусты и пр. И затѣмъ размѣстить герцеговинскія семейства по домамъ нашихъ поселянъ; и вотъ я начну съ Нѣгушей. Нѣгуши, какъ родное село князя, надѣемся, покажутъ другимъ добрый примѣръ. Ты, Митре, и ты, Марко, будете завѣдывать этимъ дѣломъ. А такъ какъ и тѣ герцеговинцы, которые будутъ поселены и внѣ Нѣгушей, должны будутъ сюда приходить за полученіемъ провіанта въ Катаро, то ты, Марко, будешь имъ выдавать билеты съ твоею подписью, безъ чего, до новаго распоряженія, никто не можетъ получать провіантъ. Завтра чтобы все было готово къ работѣ".

Завтрашній день всѣ собрались предъ народной школой. Всѣ нѣгуши, которые знали о пріѣздѣ Божидара Петровича, уже рано были на сборищѣ.

Начали переписывать. На одну сторону записывалъ Божидаръ Петровичъ, а на другую я. Всѣ нѣгуши съ такою охотою записывали пожертвованія, что было много такихъ, которые жертвовали выше средствъ своихъ. И вотъ въ это время выходитъ и одинъ почти полунагій бѣднякъ. „Что ты выходишь, спрашиваетъ его Божидаръ Петровичъ, когда тебѣ не откуда и самаго себя накормить?"

— „Я хочу для моихъ братьевъ, которые сражаются противъ проклятаго бусурмана, пожертвовать одинъ багашъ (30 фунтовъ) кукурузы".

— А откуда тебѣ, когда ты ни клочка земли не имѣешь, да притомъ ты больной и не можешь заработать?

— „Я вчера работалъ и заработалъ одинъ фіоринъ (гульденъ) и вотъ я купилъ багашъ кукурузы и жертвую его".

Что-же дѣлать? Онъ желаетъ жертвовать, и Божидаръ Петровичъ записалъ и его лепту. Но въ то-же время вынулъ изъ кармана одинъ полуимперіалъ и подарилъ ему.

Писали мы до самой ночи и даже на завтрашній день до полудня. Оказалось пожертвованныхъ около 36,000 фунтовъ кукурузы; около 15,000 фунтовъ капусты и около 25,000 фунтовъ картофеля. Кромѣ того было еще кое-какихъ пожертвованій.

Ноября 4-го Божидаръ Петровичъ и войвода Петръ Вуйовичъ отправились дальше въ Чекличи, затѣмъ Бѣлице, Чево и пр. Я-же и Митаръ Беловъ Петровичъ, съ другими тамошними главарями, занялись размѣщеніемъ герцеговинцевъ по Нѣгушамъ. Первымъ долгомъ было намъ обойти весь Нѣгушъ и посмотрѣть сколько есть такихъ поселянъ, которые имѣютъ по два дома; это мы записывали и записывали также сколько человѣкъ можетъ помѣститься въ одномъ или другомъ домѣ. Затѣмъ высчитали, и оказалось, что не хватитъ домовъ для всѣхъ герцеговинцевъ. Тогда мы устроили такую вещь. Напр., два брата имѣютъ два дома, тогда мы оба семейства помѣщали въ одномъ домѣ, второй-же домъ оставляли для герцеговинцевъ. Но и этого было мало. Тогда мы принуждены были нѣсколько семействъ поселить на Ловченъ, гдѣ находятся лѣтнія жилища многихъ изъ Нѣгушей. Такъ въ концѣ концовъ всѣхъ размѣстили. Сколько это все труда стоило, это знаютъ только тѣ, которые трудились.

На счетъ билетовъ для полученія провіанта. Это уже было

безъусловное мученіе. Почти минуты дня и ночи не было покоя. Вотъ кричатъ изъ подъ окна: „господине Марко! давай мнѣ билетъ, а только поскорѣй ради Бога, мои дѣти голодны, третій день не ѣли почти ничего!“ Ну что-же дѣлать, давай тотъ часъ. Затѣмъ другой, третій и т. д. Ну вотъ наступила полночь. Слава тебѣ Господи, никого нѣтъ. Идешь спать въ надеждѣ отдохнуть отъ такого сильнаго труда. Только первый сонъ, а кричатъ изъ подъ окна: „господине, давай билетъ“. Встаешь и идешь давать билетъ. Кстати замѣчу, что за билетами приходили только женщины и старики. Рѣдко было видѣть молодого человѣка. Всѣ были на войнѣ.

Пришлось мнѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ побывать въ Бокѣ Которской и прогуляться до Кастелново. Я-бы объ этомъ и не упоминалъ, если-бы не случилась тогда встрѣча съ однимъ турецкимъ бимбашей. Вотъ какъ это было.

Изъ Кастелново я возвращался въ Катаро на пароходѣ „Стамбулъ“. Вхожу въ каюту перваго класса. Публики не особенно много. Въ одномъ углу сидитъ весьма солидный мущина лѣтъ подъ 50 съ феской на головѣ. Я полюбопытствовалъ и усѣлся близко къ нему. Смотрѣли мы другъ на друга, очень внимательно, минутъ десять. Затѣмъ онъ обращается ко мнѣ и спрашиваетъ чисто по сербски:

— „Ты черногорецъ?“

— Да, я черногорецъ, а ты турокъ?

— „Да, я турокъ. Ты по всей вѣроятности возвращаешься изъ Герцеговины съ войны, вѣдь вы, черногорцы, воюете съ султаномъ, но клянусь алахомъ раскаетесь за это! Султанъ пошлетъ противъ васъ сильное войско и всю Черную Гору предастъ огню и мечу. Не поможетъ вамъ Московъ“.

— Я не возвращаюсь изъ Герцеговины, отвѣтилъ я, а гулялъ по Бокѣ Которской и наслаждался лицезрѣніемъ этой красавицы міра. Черногорцы не воюютъ противъ султана, а поднялась бѣдная райя, которая не могла больше терпѣть турецкое варварское иго. Что-же ты угрожаешь Черногоріи турецкимъ войскомъ, то можешь вѣрить, что Черногорія не боится его! Слишкомъ 400 лѣтъ Черногорія воюетъ съ турками и никогда ни одинъ султанъ не можетъ похвалиться, что одержалъ побѣду надъ храбрыми черногорцами. Надежда на Бога, что и нынѣшній не похвалится.

Если-бы нашъ князь дозволилъ, то и до сихъ поръ всѣ черногорцы-бы подняли свое оружіе и пошли по ногамъ (вслѣдъ) своимъ братьямъ. Московъ поможетъ намъ, какъ и всегда помогалъ.

Послѣ этого разговора мы сообщили другъ другу имена. Онъ мнѣ сказалъ, что его зовутъ Мусса Кіасинъ Эфенды и что онъ родомъ албанецъ.

На пароходѣ находился одинъ баталіонъ низамовъ. Я спросилъ бимбашу куда онъ ведетъ ихъ.

— „Я веду ихъ въ Константинополь, отвѣтилъ онъ,—говорятъ, что Московъ хочетъ воевать противъ великаго султана и вотъ онъ собираетъ свое войско“.

— Да зачѣмъ-же султану воевать съ Московомъ, когда впередъ знаетъ, что будетъ побитъ какъ и всегда? спросилъ я.

— „Тише, тише, черногорецъ, не говори такъ о султанѣ; султана никто не можетъ побѣдить; да притомъ поможетъ намъ и инглезъ (англичанинъ) и цесарь и др.“.

Тогда я ему пересчиталъ нѣсколько русско-турецкихъ войнъ, въ которыхъ турки здорово были побиты, и прибавилъ, что напрасно имъ надѣяться на англичанъ и цесаря—они имъ не помогутъ. Бимбаша началъ сердиться.

— Ну, эфенды, не сердись, знаешь мы условились говорить какъ хотимъ, да притомъ не сердиться.

Тогда онъ обратился ко мнѣ:

— „Эфенды, прошу оставить такіе разговоры. Кому аллахъ поможетъ, тотъ и побѣдитъ“.

Я не утерпѣлъ, а спросилъ бимбашу: зачѣмъ у его низамовъ завязаны то голова, то руки, другіе-же лежатъ не вставая и еще кое-что. Видѣлъ онъ хорошо, что я знаю, что это все раненные и больные, и повторилъ опять: „оставимъ, эфенды, а вотъ табакъ и закуримъ“. У него былъ чудный турецкій табакъ. Мы закурили трубки (онъ для меня досталъ трубку у одного юсбаши), и такъ прибыли въ Катаро и распрощались.

Предъ городомъ, на набережной залива, я встрѣтился съ многими герцеговинцами и герцеговинками, которые меня знали. Собралось ихъ около меня до двухъ сотъ.

— „Гдѣ же ты былъ, господине, зачѣмъ насъ забываешь? ахъ, если бы ты поскорѣе шелъ въ Нѣгуши. Никто намъ такъ скоро не выдаетъ билетовъ, какъ ты“.

Я сказалъ имъ, что пойду на завтрашній день, за что они пожелали мнѣ всякаго счастія.

Теперь скажу нѣсколько словъ о томъ, какое зрѣлище представляла площадь предъ Которомъ того дня и ночи.

Герцеговинки и герцеговинцы раздѣлены были на кучки, около сорока, въ каждой по человѣкъ 20 или 30. Тамъ они молотили кукурузу. Кстати замѣчу, что кукурузу часто раздавали не молоченную, а въ колосьяхъ. Удары молотилокъ оглушали всю площадь. Между этими кучками вы могли видѣть проходящими и любующимися таковымъ, дѣйствительно весьма интереснымъ, зрѣлищемъ горожанъ города Катаро, въ особенности же изъ числа прекраснаго пола. Интересно было видѣть, какъ эти нѣжныя созданія, въ шелковыхъ платьяхъ, расхаживаютъ между герцеговинками, бѣдно одѣтыми. Но все же эта нѣжность и роскошь теряла значеніе при взглядѣ на гордую, черноглазую, здоровую красавицу-герцеговинку. Вечеромъ и ночью та же самая площадь получала совсѣмъ другой, чисто фантастическій видъ. Какъ были днемъ раздѣлены на кучки, такъ они оставались и ночью; только передъ каждой кучкой зажигали костеръ изъ пустыхъ колосьевъ. Отъ многочисленныхъ огней поднимался такой густой дымъ, что покрывалъ весь заливъ Бококоторскій на протяженіи какихъ нибудь десять верстъ, если не больше. Эти труженицы и труженики спокойно спали около костра, имѣя землю—кроватью, а небо—одѣяломъ, подъ голову каждый клалъ мѣшокъ съ кукурузой. Мнѣ приходилось по нѣсколько часовъ бродить между ними и не разъ сказать: „спите вы, отцы, матери, жены и сестры тѣхъ героевъ, которые кровь свою проливаютъ за свободу, которую, дастъ Богъ, скоро получатъ“. Но, увы! я ошибся.

Возвратившись въ Нѣгуши, меня ожидала та же работа, да въ скоромъ времени прибавилась еще другая, гораздо труднѣе.

По поводу слишкомъ густого населенія Нѣгушей, а еще и по многимъ другимъ причинамъ, появились разныя болѣзни и между нѣгушанами, и между герцеговинцами, чему я думаю много способствовала перемѣна климата. Между всѣми болѣзнями первое мѣсто занималъ брюшной тифъ. Теперь пришлось отдѣлять больныхъ отъ здоровыхъ, принимать разные санитарные мѣры къ улучшенію чистоты жилищъ и т. д. На эту цѣль былъ посланъ въ Нѣгуши студентъ вѣнскаго университета 3-го курса,

сербинъ изъ Босніи Тодоръ Мишичъ. Объ этомъ замѣчательномъ „докторѣ“ могъ бы много говорить, но я ограничусь нѣсколькими словами. Это былъ живой, подвижной молодой человѣкъ, который не жалѣлъ никакихъ трудовъ, только чтобы оказать возможную помощь братьямъ своимъ. Онъ во всякое время дня и ночи былъ готовъ пѣшкомъ пройти самые дальніе концы села Нѣгуши (село Нѣгуши очень обширно, съ одного конца до другого будетъ въ длину верстъ 15). Бывало, напр., въ двѣнадцать часовъ ночи приходитъ кто-либо изъ самой дальней окраины Нѣгушей, напр., изъ Мирца или Залазы, и тотъ, не смотря даже на самую скверную погоду, тотчасъ отправлялся къ больному и опять утромъ возвращался домой. Я просто удивлялся, какъ этотъ человѣкъ могъ въ какихъ нибудь 4 часа пройти цѣлыхъ 25 или даже 30 верстъ. Самъ ходилъ въ Катаро лѣкарства покупать. Бывало онъ придетъ ко мнѣ и скажетъ: „вотъ у меня вышло такое-то лѣкарство, и я иду въ Катаро купить“. Онъ пойдетъ напр. въ 2 часа ночи и уже въ пять часовъ онъ расхаживаетъ по Нѣгушамъ лѣчить больныхъ. Онъ лѣчилъ вездѣ: по домамъ, по полямъ, по дорогамъ. Бывало мы пойдемъ гулять по нѣгушскому полю. Идетъ къ намъ больной герцеговинецъ или герцеговинка. Останавливаютъ. „Ну вотъ, господинъ докторъ, я иду къ тебѣ полѣчить меня“.—„Ну, скажи, гдѣ у тебя болитъ?“ спрашиваетъ докторъ. „Да вотъ вездѣ, и тутъ, и тамъ“, указываетъ то на голову, то на животъ и т. д. Но, какъ выше сказано, между всѣми болѣзнями главное мѣсто занималъ брюшной тифъ,—это по всей вѣроятности отъ худой пищи. Они преимущественно кормились кукурузовымъ хлѣбомъ и др. кушаньями, приготовленными изъ кукурузной муки.

Докторъ Мишичъ тотчасъ вынимаетъ лѣкарство изъ своего саквояжика, съ которымъ почти никогда не разставался. Помню, что онъ особенно много употреблялъ хининъ, белладону и касторовое масло.

Бывали, напр., такіе случаи. Идемъ мы по полю, по дорогѣ шоссейной или гдѣ нибудь по одному или другому селу, и вдругъ то въ одномъ, то въ другомъ, то въ третьемъ мѣстѣ находимъ людей и женскаго, и мужскаго пола, и малолѣтнихъ, и полнолѣтнихъ, и стариковъ, которыхъ не можемъ узнать: живые ли или мертвые—до того измѣнились подъ вліяніемъ тяжкой болѣзни. Подходимъ къ нимъ, не обращая вниманія на то, что большею

частію были больны заразительными болѣзнями, осматриваемъ ихъ, и Мишичъ даетъ необходимое лекарство, и затѣмъ отъискиваемъ людей, хотя было весьма трудно найти такихъ,—боялись заразиться, и отправляемъ больныхъ въ ихъ избушки. О, Боже мой! Какія ужасныя зрѣлища приходилось видѣть! Но въ особенности же поразила меня ужасная картина, когда я вошелъ въ одинъ домъ, въ которомъ жило 22 человѣка и ни одного не было, который не лежалъ въ тяжкой болѣзни. Передъ моими глазами предстала такая картина: большая изба, безъ какой бы то ни было перегородки, сырая и очень грязная. Посерединѣ избы разложены три большіе костра (заходили къ нимъ по временамъ сосѣди подать имъ воды или оказать какую либо другую помощь) и около каждаго лежитъ по нѣсколько человѣкъ, покрытыхъ кое-какимъ тряпьемъ. Изба полная дыма, такъ что глазъ открыть не можешь. Когда я вошелъ во внутрь, то слышны были однѣ стоны и воздыханія. Я подошелъ къ одному костру и сталъ разсматривать. Мое присутствіе замѣтилъ старикъ, который тутъ лежалъ.

— „Это кто такое пришелъ навѣстить эту несчастную семью?“

— Это я, было моимъ отвѣтомъ,—пришелъ провѣдать васъ, мнѣ сказали, что вы всѣ заболѣли.

Я съ старикомъ и раньше былъ хорошо знакомъ и потому онъ меня узналъ тотчасъ.

— „Это ты, господине Марко, сказалъ старикъ,—ради Бога, что дѣлаешь, зачѣмъ рискуешь твоимъ здоровьемъ? вѣдь говорятъ, что мы всѣ больны какою-то опасною болѣзнію, и что же если и ты захвораешь, кто будетъ такъ хорошо принимать насъ, давать намъ билеты и такъ братски навѣщать насъ?“

— Дастъ Богъ я не захвораю, отвѣтилъ я доброму старику,—а если и захвораю, то у князя Николая есть много людей, которыхъ онъ можетъ послать на мое мѣсто. Я же не могъ васъ не навѣстить и посмотрѣть, что дѣлаете.

— „Да дастъ тебѣ Господь здоровье“, былъ отвѣтъ старика.

Но впослѣдствіи оказалось, что предположенія старика исполнились. Объ этомъ нѣсколько словъ впередъ. Я осмотрѣлъ все жилище несчастныхъ больныхъ, въ которомъ ничего не было, кромѣ въ одномъ уголкѣ два мѣшка кукурузы, да въ другомъ кучка дровъ. Правда, въ одномъ углѣ я замѣтилъ какое-то старое, покрытое ржавчиной, ружье, и какой-то полуизломанный ятаганъ. Да, при-

шло мнѣ въ голову: теперь это ружье и этотъ ятаганъ лежатъ здѣсь въ бездѣйствіи, а въ свое время пуля изъ этого ружья прострѣлила не одну поганскую турецкую грудь, а этотъ ятаганъ отрѣзалъ не одну турецкую голову. Старикъ, какъ говорятъ, былъ отличнымъ юнакомъ и здорово умѣлъ рубить турецкія головы.

Не одно герцеговинское семейство находилось въ такомъ несчастномъ положеніи. Можемъ смѣло сказать, что на двадцать процентовъ не было такихъ, въ которыхъ по нѣсколько человѣкъ не лежали на одрѣ болѣзни. Кромѣ г. Мишича, князь Николай много разъ посылалъ въ Нѣгуши, а также и въ другія зараженныя мѣста, своего доктора Томича, который тоже не жалѣлъ труда въ оказаніи помощи страждущимъ. Докторъ Томичъ родомъ —Далматинскій славянинъ, католикъ, изъ острова Брача. Онъ во все время войны состоялъ то лично при князѣ Николаѣ, то при главнокомандующемъ Вукотичѣ, и оказалъ великую услугу нашимъ раненымъ и больнымъ воинамъ.

Не могу не отмѣтить здѣсь еще двухъ труженниковъ въ пользу нашихъ страждущихъ братьевъ-герцеговинцевъ. Это былъ Нѣгушскій капитанъ, достопочтенный старикъ, Лазо Петровичъ. Не смотря на его преклонныя лѣта, за восемьдесятъ, онъ не разъ пѣшкомъ обходилъ весь Нѣгошъ осматривать, въ какомъ состояніи находятся герцеговинцы. Лазо-Петровичъ слылъ между поселянами за весьма искуснаго врача-знахаря и обращались къ нему съ бо̀льшимъ довѣріемъ, чѣмъ къ настоящимъ врачамъ. Приносило ли его знахарство кому-либо пользы, или нѣтъ, я не знаю, только знаю, что онъ никогда никому не отказывалъ въ своей посильной помощи, не беря притомъ за свои труды, ни съ богатаго, ни бѣднаго, ни одного мѣднаго гроша. Второй былъ священникъ Николай Богдановичъ. Этотъ добрый пастырь, денно-нощно расхаживалъ между герцеговинцами, утѣшалъ ихъ добрымъ словомъ, совершалъ требы безвозмездно и даже, при всей своей бѣдности, оказывалъ имъ часто и матеріальное пособіе.

Съ самаго начала возстанія герцеговинскаго, начало замѣчаться между черногорцами сильное движеніе; вездѣ проявлялось желаніе воевать за избавленіе братьевъ своихъ. Хотя князь Николай издалъ строгій указъ, чтобы никто изъ черногорцевъ не принималъ участія въ герцеговинскомъ возстаніи, однако многіе соколы

улетѣли къ братьямъ своимъ проливать кровь свою за вѣру и свободу. Въ особенности такихъ много было изъ Грахово, Цуцы, Чево, Велестово, Марковина и др. черногорскихъ мѣстъ, находящихся близъ границы турецкой. Впослѣдствіи стали эмигрировать въ Герцеговину и жители центра Черногоріи—изъ Цетинье, Нѣгуши, Чекличи, Цеклинъ и пр. Черногорцы съ нетерпѣніемъ ждали войны, и ждали больше, чѣмъ думали. Помню, что когда проносили черезъ Нѣгуши въ Цетинье раненыхъ воиновъ, то собиралась вокругъ такихъ вся Нѣгушская молодежь. Они смотрѣли на этихъ героевъ съ какимъ-то высокимъ благоговѣніемъ. Не разъ я слышалъ, какъ они выражали неудовольствіе на счетъ того, что князь не объявитъ уже войну, или же ихъ не отпуститъ въ Герцеговину сражаться съ пятивѣковымъ своимъ врагомъ. Помню, какъ двоюродный братъ князя Николая, Георгій Петровичъ, подошелъ разъ, съ обнаженной головой, къ одному раненому и сказалъ ему: „счастливъ ты, герой, что ты могъ кровь свою пролить за братьевъ своихъ, а мы здѣсь сидимъ какъ бабы, но опять мы не такъ виноваты,—князь не отпускаетъ насъ. Но, ей-Богу, я убѣгу, и потомъ пусть князь дѣлаетъ что хочетъ". Мнѣ потомъ говорили, что кто-то объ этомъ сдѣлалъ князю доношеніе, и князь пригласилъ своего родственника въ Цетинье, чтобы тотъ былъ подъ его надзоромъ. Такое воодушевленіе замѣчалось во всей Черногоріи.

Нѣсколько словъ о моей встрѣчѣ съ австрійскимъ колонеломъ (полковникомъ). По какимъ-то дѣламъ я поѣхалъ въ Катаро, а изъ Катаро и по другимъ мѣстамъ Боки Которской: Перасто, Ризано, Кастелново, Будва, Кастелъ-Ластва и пр. Я гулялъ съ однимъ моимъ знакомымъ австрійскимъ офицеромъ. Во время прогулки встрѣчаемся съ колонеломъ, который былъ знакомъ съ офицеромъ. Остановились. Поздоровались и отрекомендовались другъ другу (я и колонелъ).

— „Вы черногорецъ?"

— Да, отвѣтилъ я.

— „Слышно, что вы, черногорцы, готовитесь къ войнѣ? Напрасно. Лучше бы вамъ оставить таковые, для васъ опасные, замыслы. Вѣдь вы знаете, что вы малочисленны, плохо вооружены, не имѣете военныхъ припасовъ, а у турокъ многочисленное войско, и притомъ имѣютъ все необходимое. Вы будете навѣрное побиты.

Если же вы надѣетесь на Россію, то напрасно. Россія не смѣетъ даже двинуться. Она еще помнитъ Крымскую войну. Вы знаете, что Австрія и Европа не допустятъ торжества Россіи на балканскомъ полуостровѣ. Вамъ лучше всего держаться къ Австріи. Она можетъ васъ спасти, она можетъ и погубить васъ. Австріи стоитъ только поставить военный кордонъ на вашей границѣ и голодъ заставитъ васъ сдаться. Да я сомнѣваюсь, чтобы черногорцы до того забылись и подняли оружіе противъ Австріи".

Помню, что г. колонелъ читалъ свою лекцію цѣлый часъ, но не считаю нужнымъ больше приводить изъ нея. На эту длинную ораторію австрійскаго полковника, я отвѣтилъ не менѣе длиннымъ опроверженіемъ ея. Я ему, между прочимъ, сказалъ:

— Что относительно приготовленій Черногоріи къ войнѣ съ Турціей, я ничего не знаю; но знаю, что Черногорія и теперь, какъ и всегда, готова поднять знамя въ защиту свою и всего того, что связано съ ея государственнымъ и національнымъ достоинствомъ. Что касается нашихъ войнъ съ Турціей—это исторія знаетъ какъ мы воевали. Что касается вооруженія, то слава Богу, мы теперь вооружены лучше, чѣмъ когда-либо. Каждый черногорецъ имѣетъ или ружье, которое заряжается съ казенной части (таковыхъ было около 6,000), или хорошій штуцеръ. Амуниціи имѣемъ довольно, а что касается провіанта, то и этого имѣемъ на годъ; а если и понуждаемся въ чемъ-либо, то получимъ изъ Босніи. Что касается русской войны съ турками, то Россія съумѣетъ, какъ и всегда, защитить свое государственное достоинство; она защититъ братьевъ своихъ, какъ это всегда дѣлала. Что вы угрожаете Австріей, то черногорецъ слишкомъ храбръ, чтобы онъ кого бы то ни было боялся. Черногорія воевала и съ Турціей, и Венеціей, и Франціей, да и австрійскіе солдаты знаютъ, что̀ такое черногорцы: черногорцы никогда не трусили и теперь не струсятъ. Что говорите, что вы запрете насъ и голодомъ принудите насъ сдаться, то на это могу вамъ сказать, что черногорцы не разъ были заперты въ этихъ горахъ и все же никому не сдались и не умерли съ голоду. Мы сильнѣе, чѣмъ вы думаете, г. колонелъ.

— „Мы хорошо знаемъ силу черногорскую, отвѣтилъ г. полковникъ;—мы знаемъ Черную гору не хуже васъ самихъ".

Въ этомъ послѣднемъ есть большая доля правды. Дѣйствительно, австрійцы изучили Черногорію въ самомъ широкомъ смы-

слѣ этого слова. Они все знаютъ, только еще не знаютъ насколько черногорецъ храбръ въ самомъ себѣ.

Да, я помню сколько австрійскихъ шпіоновъ бродило въ то время по разнымъ мѣстамъ Черногоріи. Помню одного, который бывалъ въ Нѣгушахъ. Это былъ какой-то промотавшійся Рагузинскій графъ Мариница Бондо. Онъ каждую недѣлю раза два бывалъ въ Нѣгушахъ, затѣмъ въ Цетинье и потомъ въ Каторо для сообщенія своихъ свѣдѣній надлежащей власти. А чтобы скрыть свое настоящее занятіе, то онъ торговалъ разными фальшивыми туалетными вещами, какъ-то: женскими нарядами, кольцами, серьгами, брошками, мыломъ и пр. Въ концѣ концовъ узнали ктò такой онъ, и прогнали его.

Упомяну еще объ одномъ господинѣ, про котораго я не могъ рѣшительно узнать: пріѣхалъ-ли онъ шпіонировать или, какъ онъ говорилъ, изъ любви къ Черногоріи—этого звали Леонъ Филиповскій. Вотъ какъ мы познакомились съ нимъ. Пріѣхалъ онъ въ Нѣгуши. Такъ какъ тамъ было заявлено противъ него какое-то подозрѣніе, то всѣ содержатели постоялыхъ дворовъ (крчме) отказались пріютить его. Да притомъ онъ былъ очень больной. Два дня, какъ онъ говорилъ, оставался онъ ночевать на улицѣ. Въ концѣ концовъ онъ рѣшился обратиться къ намъ искать пріюта. Я былъ тогда въ Цетинье. Въ Нѣгушахъ же остались мои младшіе братья Живко, Андрей и Савва. Они приняли его и у насъ онъ проживалъ около недѣли. Когда я возвратился изъ Цетинье, я постарался узнать что-либо про него и узналъ, что онъ полякъ и содержалъ въ Лембергѣ аптеку. Что дѣйствительно онъ понималъ медицинскія науки, это я узналъ по рецептамъ, которые онъ писалъ для моего больного брата, и которые признаны потомъ нѣкоторыми врачами за очень удачные. Изъ Нѣгушей онъ уѣхалъ въ Катаро, а оттуда куда—для меня осталось неизвѣстнымъ. Онъ обѣщался писать, но не исполнилъ обѣщанія.

Теперь объ италіянскихъ волонтерахъ. Питомцы славнаго Гарибальди, любители свободы и борцы за свободу, не обращая вниманія кто ведетъ борьбу для растяженія оной, не забыли и Герцеговину. Еще съ самаго начала возстанія, въ рядахъ герцеговинцевъ находилось нѣсколько гарибалдійцевъ. На этотъ же разъ прибыла въ Нѣгуши цѣлая партія италіянскихъ волонтеровъ, человѣкъ двадцать, подъ начальствомъ маіора Пасквале Сгада-

лино. Это были бо̀льшею частію герои, участвовавшіе уже не разъ въ войнахъ, украшенные разными отличіями за храбрость, а также носящіе на тѣлѣ знаки непріятельской пули или штыка. По распоряженію князя Николая, они были помѣщены въ домѣ главной Нѣгушской школы. Ихъ пребываніе въ Нѣгушахъ оставило самое пріятное впечатлѣніе, и своимъ хорошимъ поведеніемъ они заслужили любовь Нѣгушанъ. Эти итальянскіе волонтеры желали отправиться въ Албанію и тамъ организовать четы для дѣйствія противъ албанскихъ турокъ, но почему-то имъ не было позволено сдѣлать этого. Послѣ почти мѣсячнаго пребыванія въ Нѣгушахъ, ихъ отправили въ Суторину, а оттуда въ Герцеговину. Что̀ съ ними впослѣдствіи случилось—я не знаю.

Не могу не сказать здѣсь нѣсколько словъ о томъ, какъ мы праздновали день рожденія короля Виктора Эмануеля. Въ день торжества они пригласили къ обѣду всѣхъ старшинъ Нѣгушскихъ, а также и меня, и моихъ братьевъ. Первымъ долгомъ было хорошо пообѣдать, а потомъ произносить тосты въ честь государей и націй, представители которыхъ были собраны въ этомъ кружкѣ. Такъ какъ изъ всѣхъ нашихъ, присутствовавшихъ на этомъ обѣдѣ, одинъ я кое-что говорилъ по италіянски, то и пришлось мнѣ одному отвѣчать на всѣ тосты италіянцевъ. Первый тостъ былъ провозглашенъ маіоромъ Сгадалино въ честь Черногорскаго князя, при пожеланіи ему соединить воедино всѣ сербскія земли. Второй тостъ былъ мой въ честь короля Италіи, при пожеланіи ему тоже присоединить къ Италіи оторванные отъ нея куски: Тріестъ, Истрію и Тироль. Затѣмъ офицеръ Виргиліо Вернасо провозгласилъ тостъ за Черногорскій народъ, храбро сражавшійся пятьсотъ лѣтъ за свою свободу. „Италія, продолжалъ онъ, должна быть союзницей Черногоріи, и всѣми силами содѣйствовать освобожденію и объединенію сербскихъ земель. Италіянскій народъ помнитъ въ какомъ несчастномъ положеніи онъ находился тогда, когда былъ раздробленъ на части и находился, бо̀льшею частію, подъ чужимъ владычествомъ. Италіянцы, благодаря Гарибальди и его сподвижникамъ, освобождены и объединены, за исключеніемъ небольшой части; теперь сербы возстали сбросить съ себя позорное чужое иго, и мы имъ должны содѣйствовать. Да, сербскій народъ долженъ быть свободенъ. Да здравствуетъ Черногорскій народъ! Да здравствуетъ сербскій народъ!“

Да, это правда, что сказалъ этотъ италіянскій офицеръ. Италія должна бы содѣйствовать нашему освобожденію. Но такъ какъ почти всегда тотъ, который когда-то находился въ несчастіи, не только совершенно забываетъ прошедшее зло, но онъ почти никогда не окажетъ другому содѣйствія избавиться отъ тяготѣющаго надъ нимъ зла, то и Италія, забывъ позорное состояніе, въ которомъ находилась на нашихъ же глазахъ, не только не содѣйствовала нашему освобожденію, но и мѣшала елико могла.

На этотъ тостъ я отвѣтилъ тостомъ въ честь итальянской націи, присовокупивъ, что Италія должна быть союзницей славянъ. Славяне много могутъ содѣйствовать въ достиженіи ею полнаго объединенія, а италіанцы, въ свою очередь, могутъ намъ содѣйствовать къ нашему освобожденію и объединенію. Намъ нѣтъ никакого интереса идти противъ объединенія Италіи, а также и Италіи противодѣйствовать освобожденію славянъ. И славяне и италіянцы будутъ въ великой убыли, если совмѣстно не будутъ дѣйствовать въ пользу разрѣшенія этихъ двухъ важныхъ вопросовъ, отъ которыхъ зависитъ миръ и спокойствіе Европы. Тогда, когда Славяне будутъ освобождены и Италія объединена, можетъ въ Европѣ воцариться вѣчный миръ. Европа можетъ спокойно развиваться и морально, и матеріально, и употребить свои и умственныя, и физическія силы въ пользу развитія моральнаго и матеріальнаго внѣ европейскихъ народовъ.

Затѣмъ слѣдовало нѣсколько тостовъ въ честь Гарибальди, Пево Павловича и другихъ.

Пріѣхалъ я въ Цетинье. Боже мой! только два мѣсяца прошло какъ я не бывалъ въ Цетинье, и почти не узнать это наше крошечное, но славное Цетинье. Прежде вы выходили на улицу: все тихо, почти пусто, какихъ нибудь десять—двадцать человѣкъ бродятъ туда сюда; теперь же что видимъ? Маленькое Цетинье ожило, оно не то, что прежнее тихое Цетинье, а теперь оно шумное Цетинье. Не сотня, а сотни народа движется по улицамъ, пройти даже трудно. Носятъ, везутъ, таскаютъ разные предметы воинскихъ принадлежностей. Встрѣчаюсь на главной улицѣ съ моимъ побратимомъ, артиллерійскимъ офицеромъ и секретаремъ военнаго министерства, Мило Мартиновичемъ. Бѣжитъ, сколько духу хватаетъ.

— Куда ты торопишься? Что стало съ тобой? Что ты такой измученный?

— „Да не спрашивай меня. Вотъ цѣлый день и ночь отдыху нѣтъ. Работаемъ и работаемъ, едва успѣешь въ сутки три четыре часа отдохнуть. Вотъ иду теперь въ лабораторію. Приходилъ закусить и еще не успѣлъ кончить закуску, какъ попъ Илья приходитъ подъ окномъ и кричитъ: „Ей, Мило, вставай! Пойдемъ на работу!“ И что же дѣлать, долженъ идти. Ты знаешь каковъ попъ Илья (военный министръ). Этотъ человѣкъ цѣлый божій день на ногахъ. Самъ не отдыхаетъ и другимъ не даетъ отдыху. Ну, если бы ты зналъ какая у насъ теперь идетъ работа въ лабораторіяхъ! Это что-то замѣчательное. Пойдемъ, посмотришь какъ сотни мальчишекъ, такъ какъ мурашки работаютъ надъ приготовленіемъ патроновъ“.,

— Да вотъ только что я иду домой изъ Нѣгушей. Два мѣсяца не бывалъ. Хочу навѣстить родныхъ.

— „Ну, пойдемъ. Успѣешь. Тамъ мы пробудемъ не болѣе, какъ три или четыре часа“.

Пошли. Пришли мы въ „Малую лабораторію“. Тамъ только занимались выливаніемъ и приготовленіемъ пуль. Это была одна изъ самыхъ трудныхъ работъ. Все это дѣлалось усиленнымъ физическимъ трудомъ. Никакихъ машинныхъ приспособленій, которыя бы могли облегчить физическій трудъ, не было. Каждый изъ работниковъ,—было ихъ около пятидесяти, и здѣсь работали бòльшею частію взрòслые мущины,—держалъ въ рукахъ форму для выливанія пуль, (въ каждой формѣ за-разъ можно было вылить 15 пуль), и большую желѣзную ложку, въ которой захватывали изъ большаго котла расплавленный свинецъ и вливали въ форму. Можешь себѣ представить, читатель, какъ было работать въ такой ужасной жарѣ: съ одной стороны огонь, съ другой стороны расплавленный свинецъ. Это было адское мученіе. И, дѣйствительно, работники были живые мученики, они до того были истомлены этою ужасною работою, что потеряли уже сходство съ образомъ человѣческимъ,—это были какіе-то живые, полуобуглившіеся, скелеты. Я взялъ у одного работника форму и сталъ работать. Вылилъ около сотни пуль, но больше не могъ.

— „Кажется трудно, господине“, обратился ко мнѣ одинъ работникъ.

— Да, очень трудно, и если бы я принужденъ былъ зарабатывать себѣ пропитаніе такою работою, то бы я умеръ съ голоду.

— „Привыкъ бы, господине, и намъ сначала казалось, что не вытерпимъ, да привыкли“, отвѣтилъ работникъ.

И, дѣйствительно, онъ былъ правъ. Ко всему человѣкъ можетъ привыкнуть.

Изъ малой лабораторіи мы пошли въ „великую лабораторію“. Тамъ исключительно занимались приготовленіемъ патроновъ. Тамъ бо́льшею частію работали мальчишки лѣтъ двѣнадцати до пятнадцати. Немного было взрослыхъ мущинъ. Вотъ какъ шла эта работа:

За однимъ столомъ приготовляли гильзы для патроновъ. Эти гильзы передавались другому столу и тамъ вставляли дно. За третьимъ столомъ вставляли капсюли, за четвертымъ насыпали порохъ, за пятымъ клали пули, за шестымъ складывали по десяти патроновъ вмѣстѣ, обертывали бумагой и завязывали, затѣмъ клали связки въ приготовленные сундучки. Въ каждомъ по 120 такихъ связокъ. Затѣмъ заколачивали эти сундучки и откладывали въ сторону. Это дѣлалось въ нѣсколькихъ отдѣленіяхъ лабораторіи.

Осматривая такимъ обазомъ всю лабораторію, мы встрѣтились съ попомъ Ильей Пламенцемъ, военнымъ министромъ. Это весьма замѣчательный человѣкъ. Злой до самой высшей степени, даже за хлѣбъ и соль готовъ сдѣлать человѣку величайшее зло. Изъ-за угодничества власти онъ готовъ на все рѣшиться, и даже родного брата заколоть. Но труженикъ замѣчательный. Не смотря на его преклонныя лѣта, около шестидесяти, онъ бѣгаетъ какъ молодой человѣкъ двадцати лѣтъ. Онъ по нѣсколько разъ въ день, въ опанкахъ (народная обувь, что-то въ родѣ лаптей русскихъ) пѣшкомъ обойдетъ всѣ лабораторіи, ружейные склады и пр. За всѣмъ наблюдаетъ съ величайшимъ вниманіемъ, но долженъ замѣтить, что толку мало понимаетъ, изъ-за чего бываютъ въ военномъ министерствѣ частыя путаницы.

— „Что, г. Драговичъ, вы пришли къ намъ посмотрѣть наши работы? Какъ вамъ все нравится?“

— Да, я пришелъ изъ Нѣгушей повидаться съ родными, да вотъ раньше къ вамъ зашелъ, чѣмъ къ нимъ. Весьма любопытно посмотрѣть на такую работу, тѣмъ болѣе, что въ этихъ приготовленіяхъ я вижу войну съ турками.

— „Да, дѣйствительно, въ этихъ приготовленіяхъ видна наша война съ Турціей, отвѣтилъ министръ,—она должна быть и скоро будетъ. Да дастъ Господь побѣду нашему оружію!“

При этихъ словахъ обнажилъ голову.

— Аминь,—было моимъ отвѣтомъ.

— „Ты, Мило, иди сейчасъ въ госпиталь, и посмотри что тамъ дѣлается“, приказалъ министръ своему секретарю.

Мы отправились оба вмѣстѣ. Въ госпиталѣ мы нашли точно такую же работу, какъ и въ „великой лабораторіи“. Все шло тѣмъ же порядкомъ, потому не считаю нужнымъ здѣсь обширнѣе объ этомъ писать. Расхаживая по госпиталю, я сталъ разспрашивать моего побратима о состояніи нашихъ военныхъ приготовленій, т. е. сколько у насъ пушекъ, ружей, патроновъ и пр. На это я получилъ такой отвѣтъ:

— „Что касается пушекъ, то въ этомъ отношеніи мы очень слабы. У насъ всего отъ двадцати до тридцати кое-какихъ старыхъ пушекъ, которыя давно вышли изъ употребленія, и онѣ намъ не могутъ сослужить никакой службы. Кромѣ того есть у насъ шесть четырехъ-фунтовыхъ горныхъ орудій, которыя тоже не годятся для бомбардировки (что эта была правда—мы увидимъ дальше); надѣемся получить нѣсколько восьми-фунтовыхъ полевыхъ орудій; о покупкѣ ихъ идетъ уже рѣчь, но есть подозрѣніе на счетъ того, что Австрія не допуститъ привезти ихъ въ Черногорію. Что касается ружей, то въ этомъ отношеніи мы стоимъ довольно хорошо. Имѣемъ двѣнадцать тысячъ ружей, заряжающихся съ казенной части; шесть тысячъ—системы Кренка и шесть тысячъ—системы Венцль. Эти послѣднія куплены у Австріи изъ тѣхъ, которыя уже вышли изъ употребленія въ австрійской арміи. Обѣ системы не изъ лучшихъ, но что же дѣлать? Лучше и это, чѣмъ ничего. Кромѣ того, имѣемъ двадцать пять тысячъ штуцеровъ. Патроновъ имѣемъ около шести милліоновъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые давно были приготовлены для старыхъ черногорскихъ ружей съ кремнями, которыхъ будетъ около трехъ милліоновъ. Въ случаѣ нужды можемъ и этими воспользоваться. Кромѣ того имѣемъ около трехъ тысячъ очень хорошихъ револьверовъ, системы Гассеръ. Но для нихъ имѣемъ еще мало патроновъ. Надѣемся скоро получить изъ Вѣны. Что касается провіанта, объ этомъ я не стану тебѣ говорить, потому что ты это знаешь не хуже меня“.

Въ послѣднемъ мы не могли похвалиться. Но мы всегда надѣялись на полученіе провіанта изъ Россіи, въ чемъ и не ошиблись.

На этотъ разъ пришлось мнѣ говорить съ княземъ Николаемъ.

Онъ пригласилъ меня и разспрашивалъ въ какомъ состояніи находятся герцеговинцы въ Нѣгушахъ, много-ли между ними больныхъ, и сколько ихъ всего въ Нѣгушахъ. Я ему все подробно разсказалъ: какъ живутъ, сколько больныхъ и сказалъ ему, что герцеговинцевъ въ Нѣгушахъ гораздо больше, чѣмъ природныхъ нѣгушей. Ихъ было около четырехъ тысячъ, между тѣмъ какъ нѣгушей едвали будетъ и три тысячи. Не могу съ пріятностью не вспомнить какъ князь Николай отчески старался о своихъ страждущихъ братьяхъ. Онъ дѣлалъ все, что только могъ, чтобы улучшить ихъ состояніе. Мнѣ говорили, что онъ по цѣлымъ ночамъ не спалъ, томясь въ горѣ изъ-за того, что онъ не можетъ помочь имъ столько, сколько бы онъ желалъ; что онъ не можетъ немедленно выступить съ своими черногорцами на помощь имъ. „Я не могу ѣсть, ни пить, я не могу спать, ни имѣть спокойствія, когда я знаю, что мои братья страдаютъ, что они голодаютъ, что терпятъ холодъ. Боже мой, придетъ-ли когда-нибудь время избавить ихъ, спасти ихъ изъ этого мучительнаго состоянія?“ Таковы были восклицанія князя.

Прогостилъ въ Цетинье одну недѣлю. Пришлось возвращаться къ прежней работѣ въ Нѣгушахъ. Не замедлили появиться послѣдствія усиленныхъ трудовъ и проживанія между такою массою больныхъ заразительными болѣзнями. На второй недѣлѣ великаго поста заболѣлъ мой братъ Андрей тифомъ, на четвертой недѣлѣ тою же болѣзнію заболѣлъ мой братъ Живко, а на шестой—я самъ. Остался здоровымъ только самый младшій братъ, Савва, который, слава Богу, и не заболѣвалъ. Перевезли насъ въ Цетинье, гдѣ лѣчилъ насъ русскій врачъ Николай Петровичъ Богоявленскій, а ухаживала за нами сестра милосердія Марія Форсъ. Это, дѣйствительно, была настоящая сестра милосердія, которая ухаживала за каждымъ больнымъ, какъ за роднымъ братомъ. Своимъ выздоровленіемъ мы должны ей много и много быть благодарны. Помню, мы просиживали вмѣстѣ, или, лучше сказать, я лежалъ, а она сидѣла у моего изголовья, по цѣлыхъ шесть часовъ, и разговаривала обо всемъ. Благодаря этому, я выучился нѣсколько понимать русскій языкъ. Разскажу здѣсь одинъ маленькій случай.

Былъ день Свѣтлаго Воскресенія Христова. Послѣ Божественной службы пришла наша добрая сестра навѣстить насъ и при-

несла намъ въ подарокъ красныхъ яицъ, апельсинъ, яблокъ и др. фруктовъ. Кромѣ того принесла подарить каждому больному, который находился подъ ея наблюденіемъ, по одному маленькому серебряному крестику. Когда она кончила раздаваніе подарковъ, то, по своему всегдашнему обычаю, пришла къ моей кровати и сѣла на табуретку у головы.

— „Вотъ, г. Драговичъ, я вамъ разскажу одинъ случай. Былъ у меня одинъ хорошо-знакомый русскій офицеръ, и одинъ такъ только мимоходомъ знакомый. Первый бывалъ у насъ очень часто, а второй навѣщалъ насъ. Они не то чтобы были врагами въ то время, но все же не особенно хорошо смотрѣли другъ на друга. Я знала очень хорошо, что они оба ухаживають за одной благородной дѣвицей и предчувствовала, что между ними по поводу этого будетъ серьезная ссора. И вотъ одного утра приходитъ ко мнѣ мой другъ офицеръ, взволнованный и, едва успѣвъ поздороваться со мной, бросился въ кресло. Что съ вами? спросила я его. „Вотъ вы знаете... онъ меня вездѣ преслѣдуетъ и даже позволяетъ оскорблять, и я его вызвалъ на дуэль. Завтра будемъ драться." Чтожъ было дѣлать! Возвращаться назадъ не было возможности. Я тогда сняла съ себя большой золотой крестъ, благословила его, и надѣла на него святой крестъ съ пожеланіемъ, чтобы онъ спасъ его отъ несчастія. На сторонѣ противника было гораздо больше шансовъ быть побѣдителемъ. Дрались они на шпагахъ. Противникъ ударилъ офицера М. по груди на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находился крестъ, и крестъ былъ перерѣзанъ по поламъ и сдѣланъ большой шрамъ по тѣлу, но рана оказалась не опасною; въ то же время офицеръ М. ударилъ офицера Н. такъ сильно, что тотъ упалъ и потерялъ возможность повторить ударъ. Онъ впослѣдствіи скончался, а офицеръ М. выздоровѣлъ и женился на любимой имъ дѣвицѣ. Вотъ крестъ святой спасъ его. Желаю, чтобы и этотъ святой крестъ спасъ васъ отъ всѣхъ бѣдъ и несчастій".

— Да сотворитъ Господь милость свою надо мною, было моимъ отвѣтомъ.

Съ тѣхъ поръ, и во время турецко-черногорской войны, я не разставался и не разстаюсь до сихъ поръ съ этимъ крестикомъ.

Послѣ выздоровленія я оставался въ Цетиньѣ и не возвращался больше въ Нѣгуши. Война уже приближалась. Все было

готово. Съ нетерпѣніемъ ожидали ее. Но уже знали, что, по всей вѣроятности, объявленіе войны воспослѣдуетъ 15-го іюня, въ день погибели сербскаго царства на Косовомъ полѣ, 1389 года. Такъ и случилось.

Наступило 15-ое іюня,—день, который предвѣщалъ намъ все-обновленіе Сербскаго царства. Все населеніе столицы рано утромъ, въ два часа, было на ногахъ. Я вышелъ на улицу. Все было полно, все было оживленно, все было весело. Звуки военной музыки, играющей военный сербскій маршъ: „Радо иде србинъ у войнике" оглашали улицы Цетинье. Всѣ сановники собрались предъ дворцомъ ожидать князя идти въ церковь служить божественную службу и помолиться Богу о дарованіи побѣды нашему оружію и объ избавленіи народа христіанскаго изъ-подъ варварскаго ига турецкаго. Предъ дворцомъ стоялъ почетный караулъ изъ ста перяниковъ. У каждаго было трехцвѣтное знамя сербской національности. Всѣ были одѣты въ парадныхъ костюмахъ. Предъ нашими глазами представлялась дивная картина. Выходитъ князь съ княгиней подъ руку и со всѣмъ семействомъ въ парадныхъ костюмахъ. Онъ поздоровался со всѣми и пошелъ къ церкви и за нимъ мы всѣ. Службу служилъ митрополитъ Иларіонъ съ прочимъ цетиньскимъ духовенствомъ.

Встрѣтился я съ адъютантомъ князя, Блажо Петровичемъ. Въ рукахъ у него былъ свитокъ бумаги.

— Что такое у васъ, господине Блажо? спросилъ я.

— „Это манифестъ объ объявленіи войны, который я буду читать послѣ службы.

— Нѣтъ-ли у васъ одного экземпляра подарить мнѣ въ память этого знаменитаго дня?

— „Есть, и вотъ тебѣ, а только пожалуйста не читай его никому, пока не будетъ прочитанъ мною".

Я взялъ манифестъ, положилъ себѣ въ карманъ, исполнивъ въ точности его желаніе относительно нечитанія его никому. Этотъ манифестъ и теперь берегу какъ драгоцѣнность. Служба Божія и молебствіе окончились. Всѣ отправились ко дворцу. Князь немедленно вошелъ во дворецъ, прочіе же остались слушать манифестъ. Блажо Петровичъ выступилъ на одномъ камнѣ и сталъ громко читать. Сто разъ, я думаю, прерывали его восклицаніями: „Да здравствуетъ русскій царь! Да здравствуетъ князь Ни-

колай! Да здравствуетъ князь Миланъ! Да здравствуетъ черногорское и сербское воинство, и да Богъ даруетъ ему побѣду надъ врагами!"

Всѣ ожидали князя. И вотъ онъ появляется съ алай-барякомъ [1]), на бѣломъ конѣ.

— „Съ добрымъ утромъ и войною съ турками поздравляю храбрыхъ черногорцевъ! Этотъ день будетъ счастливымъ днемъ для нашего народа. Сегодня я выступаю войною противъ нашихъ враговъ. Сегодня же выступитъ и мой братъ князь Миланъ съ своими храбрыми сербами. Мы оба пойдемъ дружно для освобожденія нашихъ братьевъ изъ-подъ ига турецкаго. Великая Россія будетъ покровительствовать намъ. Мы побѣдимъ врага, мы завоюемъ свободу, которой лишается нашъ народъ уже пятьсотъ лѣтъ. Я вамъ не буду препоручать быть храбрыми, потому что храбрость ваша извѣстна всему міру; я вамъ только препоручаю быть въ войнѣ великодушными. Щадить беззащитныхъ: старцевъ, женъ, дѣтей и раненыхъ. Запрещаю вамъ рѣзать турецкія головы, какъ это до сихъ поръ дѣлали. Кто не послушается будетъ наказанъ. Алай-баряктаръ приступи и возьми это знамя. Неси его честно и храбро, предъ храбрыми черногорцами, какъ это дѣлали и твои предшественники. А теперь пойдемъ съ Богомъ!"

Князь перекрестился, и мы всѣ перекрестились и пошли.

Марко Петров. Драговичъ.

Спб., 13-го ноября 1882 г.

Марко Петровичъ Драговичъ,

составитель „Воспоминаній Черногорца".

Въ настоящей книгѣ „Русской Старины", 1883 г., май, стр. 363 — 384, напечатано начало „Воспоминаній черногорца о борьбѣ съ турками 1876—1878 гг."

Составитель этихъ незатѣйливыхъ, но вполнѣ задушевныхъ и искреннихъ разсказовъ о героическомъ народѣ и борьбѣ имъ вы-

---

[1]) Алай-барякъ—это государственное знамя, которое должно быть тамъ, гдѣ князь находится; а если при арміи князя нѣтъ, то оно должно находиться при главнокомандующемъ. М. Д.

державной—Марко Драговичъ родился 3-го февраля 1856 г. въ Черногоріи, воспитывался въ Цетиньѣ, въ Нормальной школѣ, а затѣмъ тамъ же въ семинаріи, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1874 г. Тотчасъ по выходѣ изъ семинаріи, Марко Драговичъ поступилъ на службу и былъ въ рядахъ своихъ соотечественниковъ во время войны ихъ съ турками въ 1876—1878 гг.

По окончаніи войны Марко со старшимъ братомъ своимъ Живко Драговичемъ (род. въ 1852 г.) поступили, при просвѣщенномъ содѣйствіи своего государя, князя Николая, и по его волѣ, въ С.-Петербургскую духовную академію, гдѣ спустя четыре года окончили со званіями кандидатовъ полный академическій курсъ.

14-го ноября 1882 г., наканунѣ своего отъѣзда изъ Петербурга на родину въ Черногорію, Марко Петровичъ Драговичъ доставилъ намъ начало своихъ воспоминаній изъ эпохи черногорско-турецкой войны 1876—1878 гг., при слѣдующемъ письмѣ:

Господину редактору «Русской Старины».

С.-Петербургъ. 14-го ноября 1882 г.

„Искренно уважаемый Михаилъ Ивановичъ! Уѣзжая завтра въ мое отечество, Черногорію, позволяю себѣ препроводить къ вамъ начало моихъ воспоминаній о послѣдней славной борьбѣ моихъ соотечественниковъ съ турками.

Въ теченіи четырехлѣтняго моего пребыванія въ Петербургѣ почти ежедневно видѣлъ я самое сердечное сочувствіе со стороны всѣхъ братьевъ-русскихъ къ Черногоріи и черногорцамъ.

Поэтому я надѣюсь, что и мои крайне незатѣйливыя сказанія о моей родинѣ прочтутся съ удовольствіемъ и снисходительно.

Позвольте воспользоваться настоящимъ случаемъ, чтобы чрезъ посредство вашего не только всѣми уважаемаго, но и всѣми читаемаго журнала „Русская Старина“, принести глубокую мою признательность всѣмъ высокоуважаемымъ профессорамъ духовной академіи, подъ сѣнью которой я получилъ высшее образованіе и удостоенъ званія кандидата богословскихъ наукъ (24-го мая 1882 года), а также и всѣхъ моихъ добрыхъ знакомыхъ, вниманіемъ которыхъ я пользовался все это время.

Какъ ни много труда пришлось мнѣ положить въ эти четыре года, но они останутся самыми пріятными во всю мою жизнь.

Дастъ Богъ я буду столь счастливъ опять скоро вернусь въ дорогую моему сердцу Россію; но во всякомъ случаѣ я уѣзжаю изъ нея еще съ бо́льшею къ ней любовію, чѣмъ я въ нее пріѣхалъ, хотя и тогда я ее очень любилъ.

Искренно вамъ преданный Марко Петровичъ Драговичъ, кандидатъ С.-Петербургской духовной академіи".

На этотъ задушевный привѣтъ молодаго черногорца, обращенный къ русскимъ собратьямъ, отвѣтимъ не менѣе искреннимъ пожеланіемъ ему и его брату, Живко и Марко Петровичамъ Драговичамъ, доблестно и многіе годы послужить ихъ верховному вождю мудрому и храброму князю Николаю и всему славному черногорскому народу. Начало службы ихъ прекрасно: они исполнили свой долгъ и въ годы славной борьбы Черногоріи за ея независимость, и вслѣдъ за тѣмъ учась и добиваясь ученыхъ степеней, чего и достигли. Да будетъ же плодотворна для отечества дальнѣйшая ихъ дѣятельность, и да послужитъ она примѣромъ молодежи соплеменнаго намъ народа Черной Горы.

Ред.

30-го марта
1883 г.

КЪ ПЕРВОЙ ГОДОВЩИНѢ СМЕРТИ ГЕРОЯ-ВОЖДЯ.

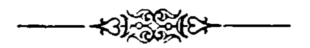
МИХАИЛЪ ДМИТРІЕВИЧЪ СКОБЕЛЕВЪ

ВЪ АХАЛТЕКЕ.

1880—1881.

ОЧЕРКЪ И ЕГО ПИСЬМА.

Сообщ. А. Ф. АРЦИШЕВСКІЙ [1]).



[1]) При составленіи этого очерка, по моимъ даннымъ и запискамъ, я пользовался содѣйствіемъ И. А. Чапцева—редактора „Вѣстника Кавказа“, которому принадлежитъ литературная обработка всей статьи. Свидѣтельствую И. А. Чапцеву глубочайшую мою признательность. Ад. Ф. А.

ПАМЯТИ

МИХАИЛА ДМИТРІЕВИЧА СКОБЕЛЕВА

посвящаетъ

признательный

Ген.-маіоръ ***Ад. Ф. Арцишевскій.***

Тифлисъ.
1883 г.

МИХАИЛЪ ДМИТРІЕВИЧЪ СКОБЕЛЕВЪ.

Очеркъ его дѣятельности во время Ахалъ-текинской экспедиціи

1880—1881 гг.

Генералъ-маіоръ Адольфъ Феликсовичъ Арцишевскій, авторъ настоящаго очерка, былъ командиромъ Таманскаго казачьяго полка, кромѣ того, по порученію Скобелева, исполнялъ нѣкоторыя и другія обязанности съ мая 1880-го по апрѣль 1881-го года.

Вотъ приказъ М. Д. Скобелева по войскамъ, дѣйствующимъ въ Закаспійскомъ краѣ, 19-го ноября 1880 года, № 501, опредѣляющій заслуги и значеніе его сподвижника:

«Назначая полковника Арцишевскаго командиромъ сводной казачей бригады. послѣ шестимѣсячной дѣятельности его, какъ начальника Атрекской военной дороги, въ самое трудное время, когда все еще устраивалось, когда повсемѣстно были недосмотры во всемъ, я не могу не выразить ему полной благодарности. Нужно было свозить довольствіе, снаряды, патроны, артиллерію, лазареты, эвакуировать больныхъ, охранять линію, устраивать хлѣбопекарни, бани, заготовлять сѣно, подвозить довольствіе лазаретамъ и госпиталямъ въ передовой линіи и вообще заботиться о самыхъ мелкихъ ежедневныхъ потребностяхъ, не только общей массы, но и многихъ отдѣльныхъ учрежденій. Въ шесть мѣсяцевъ самой усиленной работы, линія поставлена на прямую ногу, и это не взирая на всѣ усилія непріятеля—вездѣ намъ мѣшать. Нигдѣ не было не только какихъ-нибудь крупныхъ недостатковъ, но, скорѣе, оказывалось излишество.

«Все это я отношу къ той беззавѣтной преданности дѣлу, какая была проявлена полковникомъ Арцишевскимъ во всѣхъ случаяхъ. Я радъ, что могу это высказать и объявить по войскамъ Закаспійскаго края ему мою сердечную благодарность».

«Временно-командующій войсками, генералъ-адъютантъ Скобелевъ».

Въ концѣ ноября 1880 г., послѣ отбитія текинцами въ тылу у насъ до 3,000 верблюдовъ [1]), генералъ Скобелевъ послалъ всю кавалерію обратно въ тылъ и назначилъ полковника Арцишевскаго начальникомъ всей новой линіи отъ Кизилъ-арвата до означеннаго пункта, ввѣривъ ему охрану всѣхъ транспортовъ и колоннъ, слѣдовавшихъ по линіи.

Затѣмъ, когда 18-го декабря 1880 г. прошли всѣ колонны, и линія съ этапными пунктами была устроена и обезпечена двухмѣсячнымъ запасомъ для гарнизоновъ, вся кавалерія назначеннаго въ составъ отряда 19-го числа присоединилась къ главнымъ силамъ. Съ 20-го декабря по день штурма Геоктепе полковникъ Арцишевскій (составитель ниже печатаемаго очерка) дѣйствовалъ съ кавалеріею, наканунѣ штурма былъ назначенъ комендантомъ лагеря а въ случаѣ взятія крѣпости—комендантомъ Геоктепе.

Ред.

I.

Положеніе Закаспійскаго края до пріѣзда генерала Скобелева въ 1880 году.

Замѣчательная личность Михаила Дмитріевича Скобелева всегда, вездѣ, во всемъ отличалась своею необыкновенною энергіею, силою ума и тактомъ проницательности; этотъ человѣкъ не былъ симпатичнымъ человѣкомъ, но онъ былъ обаятельнымъ, могучимъ властелиномъ и распорядителемъ вашей воли, вашей души и вашего сердца.

Стоило съ нимъ провести полчаса времени, чтобъ вполнѣ отдаться его вліянію, его умѣнью подчинять себѣ другихъ.

При быстрыхъ своихъ военныхъ движеніяхъ и переходахъ генералъ Скобелевъ возилъ съ собою въ своемъ походномъ портфелѣ всю свою канцелярію и замѣчательно при этомъ то, что ни одна бумага, ни одинъ планъ, ни одно распоряженіе не передавались другимъ лицамъ, не побывавъ въ его портфелѣ; генералъ страшно не любилъ сложной переписки, онъ былъ и на бумагѣ также быстръ, также ясенъ и кратокъ, какъ и на самомъ дѣлѣ; замѣчательный его адъютантъ Барановъ, днемъ и ночью, верхомъ и пѣшкомъ, въ бою и въ бесѣдѣ, хваталъ, ловилъ, расплавлялъ на лету мысли и цѣли генерала Скобелева; потомъ извѣстный полковникъ Гродековъ (нынѣ генералъ), бывшій при

---

[1]) Эти верблюды были обратно отбиты, хотя изъ нихъ и погибло около 300 головъ.

немъ начальникомъ штаба, замѣчательный труженикъ и знатокъ военнаго дѣла—были неутомимыми его сотрудниками и помощниками во все время Ахалъ-текинской экспедиціи.

Мы знаемъ генерала Скобелева, какъ рѣдкаго военнаго борца, какъ смѣлаго, рѣшительнаго полководца, какъ даже тактика и стратега, способнаго вести большія войны счастливо и удачно; но это не все. Генералъ Скобелевъ, какъ увидитъ читатель ниже изъ его собственноручныхъ писемъ, былъ однимъ изъ тѣхъ „объемлющихъ“ русскихъ генераловъ, былъ тѣмъ всестороннимъ знатокомъ и спеціалистомъ строя и быта своей арміи, котораго сразу вы никогда бы не предположили въ немъ.

Меня, какъ стараго кавказца и офицера, всегда поражало одно—какъ генералъ Скобелевъ, болѣе молодой и интеллигентный, чѣмъ, по характеру и времени, въѣдчивый въ бытъ солдата, такъ глубоко, такъ вѣрно зналъ духъ и впечатлѣніе своихъ солдатъ и подчиненныхъ, зналъ—такая проницательность доходила иногда до смѣшного—какая часть войска и когда обѣдала и могла обѣдать съ „особымъ аппетитомъ и во вкусъ“. Только онъ, Скобелевъ, обладалъ подобнымъ „объемлющимъ“ духомъ и сердцемъ, только онъ умѣлъ такъ подчинять своей воли и власти, своимъ административнымъ и хозяйственнымъ указаніямъ. А это составляетъ особую высокую черту каждаго военнаго распорядителя и тѣмъ болѣе организатора и полководца.

Ахалъ-текинская экспедиція представляла собою массу всевозможныхъ препятствій и затрудненій не въ боевомъ только отношеніи, не въ умѣньи и способности командующаго войсками залечить наши недавнія передъ тѣмъ „раны и потери“, возстановить духъ войскъ, приготовить ихъ къ увѣренности побѣдить, покорить своей власти все,—но и въ томъ самомъ главномъ административномъ распоряженіи и умѣньи, чтобъ на всѣхъ пунктахъ, во всѣхъ частяхъ не было промежутковъ въ недостаткѣ какого-либо изъ продуктовъ или предметовъ чисто хозяйственнаго характера и заготовленія. И генералу Скобелеву особенно много пришлось терять энергіи и силъ на то, что нужно, что необходимо солдату на войнѣ, что должно быть для веденія быстрой и успѣшной войны.

Тѣмъ болѣе для Скобелева это было трудно и не легко потому, что два его предмѣстника—генералъ Тергукасовъ и гене-

ралъ Лазаревъ — не имѣли достаточнаго времени установить прочно и надежно первые военные шаги нашихъ войскъ въ этомъ краѣ. Скобелеву-же пришлось все дѣло начинать съизнова, каждый вопросъ приходилось рѣшать на мѣстности, на основаніи чисто личныхъ, отчасти опытныхъ, отчасти гадательныхъ предположеній и выводовъ.

II.

Административно-хозяйственные труды генерала Скобелева до начала военныхъ дѣйствій.

Послѣ отступленія отъ Геокъ-тепе въ 1879 году, часть войскъ была немедленно переведена на западный берегъ Каспійскаго моря, причемъ всѣ верблюды погибли, за исключеніемъ самаго малаго числа, но и тѣ были розданы и распроданы съ аукціона, а полутора-мѣсячный аробный транспортъ энергичнаго подрядчика Корганова былъ брошенъ, вслѣдствіе чего на берегу моря остались арбы и хомуты, часть которыхъ была расхищена туркменами и бѣглыми армянами, лошади за-даромъ проданы или же выгнаны на Атрекъ для пастьбы, дабы, падая, не заражали воздуха въ Чикишлярѣ.

Такимъ образомъ никакихъ перевозочныхъ средствъ въ войскахъ не имѣлось къ марту мѣсяцу 1880 года.

Покойный генералъ Тергукасовъ, послѣ отступленія отъ Геокъ-тепе, удержалъ за собой крайній пунктъ, гдѣ онъ тогда засталъ наши отступающія войска—это Дузулумъ [1]), самое удобное мѣсто для стоянки, при сліяніи двухъ рѣкъ—Чандыра и Сумбара, въ сташестидесяти верстахъ отъ Чикишляра, и раіонъ въ 160 верстъ былъ оставленъ за нами: крайній пунктъ Дузулумъ, потомъ Чатъ и у берега Каспійскаго моря открытый рейдъ Чикишляръ.

На этомъ пространствѣ было оставлено семь баталіоновъ пѣхоты, восемь сотенъ казаковъ, полевая батарея и нѣсколько орудій безъ лошадей—почти негодныхъ, больше для вида, чѣмъ для дѣйствія. Въ числѣ этихъ баталіоновъ были и такіе, которые уже

---

[1]) При этомъ прилагается карта этапныхъ пунктовъ и раіона всѣхъ движеній, гдѣ только лично участвовалъ генералъ Скобелевъ.

три года безсмѣнно находились въ этихъ несчастныхъ пустыняхъ — то были славные герои Ширванцы, Апшеронцы, Самурцы и Дагестанцы 21-й дивизіи.

Но легко сказать—три года, вынести же ихъ среди палящаго зноя песчаныхъ пустынь—пытка ужасная, жизнь не понятная; тоска, скука и апатія заѣдаютъ человѣка своею мертвенною монотонностію и однообразіемъ, словно вся ваша жизнь отрѣзана навсегда отъ остальнаго міра—особенно когда видишь пароходы на открытомъ рейдѣ проходящими мимо, что бываетъ осенью и зимой, когда пароходы не могутъ приставать къ берегу. Тогда, кажется, и жизнь, и мысль, и все далекое родное и все завѣтное уносится съ этими пароходами въ невѣдомую даль, въ чужіе края, чтобъ еще больше изтиранить ваше нудное, изболѣвшее терпѣніе. А тамъ, между тѣмъ, ясными точками на горизонтѣ носится на своихъ аргамакахъ непріятель, быстро и неожиданно нападаетъ на наши транспорты и караваны, и безнаказанно исчезаетъ въ своихъ степяхъ, такъ какъ мы не всегда имѣли возможность его преслѣдовать съ успѣхомъ. Вотъ при какихъ условіяхъ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1880 года, пронесся слухъ о назначеніи генерала Скобелева начальникомъ закаспійскихъ войскъ и что предполагается движеніе впередъ.

III.

Административныя и военныя распоряженія генерала Скобелева съ мая 1880 года по апрѣль 1881 года.

Въ началѣ апрѣля мѣсяца слухъ о назначеніи Скобелева командующимъ войсками подтвердился положительными данными. На протяженіи 160 верстъ всѣ наши войска разомъ заговорили, что теперь побѣда наша, теперь текинцевъ „побьемъ“, возьмемъ Геокъ-тепе и разойдемся по своимъ штабъ-квартирамъ на отдыхъ и покой.

Но Скобелевъ былъ въ это время еще въ Петербургѣ, а побѣда была уже предрѣшена заранѣе. Текинцы, узнавъ о назначеніи новаго генерала, призадумались не на шутку. Они быстро приступили къ укрѣпленію Геокъ-тепе, стали дѣлать совѣщанія объ оборонѣ своей крѣпости, и пріостановили временно набѣги въ наши предѣлы; іомуды, джасрарбаевцы, отобоевцы и гокланы

стали оказывать сочувствіе текинцамъ и мы съ этого момента съ большимъ трудомъ могли напитать верблюдовъ, доставать нѣкоторые мелкіе запасы продовольствія; они всѣ хорошо понимали, что съ покореніемъ Ахалъ-теке прекратится и ихъ свободная, хищническая жизнь за Атрекомъ, они должны будутъ или перейдти въ подданство персидскаго шаха, или же сдѣлаться подвластными Россіи. Все это наводило текинцевъ и ихъ сосѣдей на крайне грустныя думы и предположенія, какъ-бы предсказывало имъ, что настала пора проститься съ кочевою жизнію и разбойническими правами сильнаго надъ слабымъ.

Въ началѣ апрѣля была получена телеграмма отъ генерала Скобелева на имя генерала Муравьева [1]), дабы какъ можно больше закупить верблюдовъ—и затѣмъ никакихъ свѣдѣній отъ Скобелева не было. Потомъ, когда всѣ права и положенія генерала Скобелева были точно выяснены и опредѣлены, Скобелевъ получилъ подробныя инструкціи въ Тифлисѣ, и въ концѣ апрѣля прибылъ въ Закаспійскій край и немедленно приступилъ къ обозрѣнію всей области. Скобелевъ пожелалъ видѣть и знать все то, что только входило въ его разсчеты и соображенія. Онъ даже осмотрѣлъ Мангишлакъ, хотя эта мѣстность и не входила въ раіонъ его военныхъ дѣйствій.

Онъ нашелъ, что мѣстная команда Александровскаго форта весьма велика и не занята никакимъ дѣломъ, а потому приказалъ часть людей приготовить къ выступленію въ составъ дѣйствующаго отряда; въ Красноводскѣ Скобелевъ приказалъ, немедля, изъ мѣстнаго баталіона сформировать роту въ усиленномъ составѣ и перевести въ Чикишляръ; потомъ, насколько было возможно, ознакомился съ народомъ, со всѣми тѣми частными и военными людьми, съ кѣмъ приходилось ему имѣть какое-либо дѣло въ предстоящую экспедицію; затѣмъ каждому далъ свои права и обязанности, и приступилъ къ составленію подробнаго плана военныхъ дѣйствій, съ точнымъ разслѣдованіемъ нѣкоторыхъ пунктовъ на мѣстности. Составленный планъ въ Тифлисѣ Ахалъ-текинской экспедиціи равнялся двумъ годамъ—генералъ Скобелевъ покончилъ эту военную операцію ровно въ девять мѣсяцевъ. Эта разница хоть и не особенно велика во времени, за то весьма краснорѣчива и важна по своимъ фактамъ...

---

[1]) Командиръ бригады.

Не ожидая устройства предполагавшейся тогда желѣзной дороги, 9-го мая 1880 года, въ 11 часовъ дня, генералъ Скобелевъ [1]) прибылъ въ Чикишляръ и въ тотъ же день приступилъ къ дѣлу. Осмотрѣвъ войска, транспорты, продовольственные магазины, походные и мѣстные лазареты, артиллерійскіе парки, и во всемъ необыкновенно мѣтко и вѣрно Скобелевъ сразу открывалъ недостатки и необходимыя измѣненія.

Съ прибытіемъ Скобелева все закипѣло иною жизнію, все пришло въ движеніе, на всемъ стала видна мысль, цѣль, сознательная работа. Генералъ вставалъ въ 4 часа утра, являлся съ своимъ адъютантомъ на кухни, когда ротные котлы только-что начинали ставить на огонь, провѣрялъ самъ мясо, крупу, пробовалъ хлѣбъ, ночью неожиданно являлся въ госпиталѣ, осматривалъ сторожевую службу, требовалъ дежурныхъ докторовъ и лично опрашивалъ фельдшеровъ о числѣ трудно-больныхъ солдатъ. Въ магазинахъ шла нагрузка ночью, съ фонарями, куда очень часто являлся и Михаилъ Дмитріевичъ, часто ходилъ рано и по утрамъ, приговаривая: „буду я, будетъ на работѣ и офицеръ, и смотритель, вѣрнѣе вѣсъ выйдетъ, да и солдату веселѣе пойдетъ работа". Онъ далеко не былъ „бѣлоручка". Во всѣхъ коммисіяхъ, комитетахъ, санитарныхъ засѣданіяхъ и совѣщаніяхъ вообще онъ участвовалъ лично; неоднократно отзывая меня въ сторону, говорилъ: „все это одни разговоры и писаніе, а дѣлать придется вамъ; вдумайтесь, чтобъ у насъ шло дѣло, а не писаніе". Обсуждая проектъ объ устройствѣ тыла, Михаилъ Дмитріевичъ самъ указывалъ опорные пункты для гарнизоновъ и нѣкоторыхъ складовъ.

До прибытія Скобелева съ Атрекской линіи были отправлены на западный берегъ моря одинъ баталіонъ Апшеронскій, одинъ Дагестанскій и одинъ Навагинскій баталіонъ, а вмѣсто ихъ прибылъ одинъ баталіонъ Дагестанскаго полка, въ усиленномъ составѣ, ко дню выступленія изъ Чикишляра, то есть къ 23 мая; по всей линіи находились шесть баталіоновъ пѣхоты 21 дивизіи, въ мирномъ составѣ, или не болѣе 385 человѣкъ въ баталіонѣ,

---

[1]) Замѣчательная бѣлая лошадь Скобелева была привезена на пароходѣ и спущена въ море, чтобъ сама доплыла до берега. Впослѣдствіи Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ мнѣ признавался, что онъ сдѣлалъ это ради предразсудка: если его лошадь доплыветъ до берега благополучно, то Ахалтекинская экспедиція закончится счастливо и во всемъ удачно. Ад. А.

затѣмъ рота саперъ—180 человѣкъ, мѣстная красноводская рота—200 человѣкъ, четвертая батарея 20-й артиллерійской бригады, горная батарея, морская батарея съ двумя орудіями и четырьмя митральезами, восемь сотенъ казаковъ. Все же это составляетъ 26 ротъ пѣхоты, около 3,300 штыковъ, 800 сабель, 22 орудія, 4 митральезы и 12 орудій безъ запряжки оставались на нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ пунктахъ на батареяхъ.

Съ этими силами генералъ Скобелевъ предпринялъ смѣлое и рѣшительное движеніе въ предѣлы Ахалтекинскаго оазиса и занялъ линію на протяженіи 320 верстъ безлюдной пустыни. Не надо быть даже плохимъ военнымъ человѣкомъ, чтобъ не понять такой непропорціальной военной силы по числу простыхъ верстъ того разстоянія, которое намъ приходилось оберегать и защищать, отражать набѣги непріятеля и преслѣдовать его при каждой малѣйшей стычкѣ, чтобъ маскировать свои наличныя боевыя силы... Въ то же время, въ этой пустынѣ предположено было провести телеграфъ до Бами: каждый телеграфный столбъ привозился изъ Баку, транспортъ-же нашъ въ это время состоялъ только изъ 70 аробъ на полубольныхъ лошадяхъ, перевозившихъ и больныхъ солдатъ, и продовольственныя тяжести.

Трудно представить ту мрачную картину нашихъ нуждъ, потребностей и недостатковъ, на каждомъ пунктѣ требовавшихъ или пополненія стараго, или замѣны новымъ совсѣмъ, или-же совершеннаго измѣненія принятаго до того порядка. Генералу Скобелеву, съ первыхъ минутъ принятія имъ закаспійскаго отряда приходилось побороть двухъ враговъ—текинцы и безводныя степи сами по себѣ, а отрядное хозяйство и продовольствіе войскъ въ связи со всѣми боевыми передвиженіями—сами по себѣ. И онъ, Михаилъ Дмитріевичъ, вынесъ все на своихъ плечахъ, все умѣлъ во-время предусмотрѣть, и тѣ безсонныя ночи, которыя онъ проводилъ въ думахъ, разсчетахъ и соображеніяхъ, не сломили его могучей натуры, ни на одну минуту не омрачили безнадежною грустью его неустанной энергіи. Каждый изъ насъ жилъ и питался его духомъ, его бодростію, его смѣлыми, орлиными полетами увѣренности въ побѣдѣ и покореніи.

9-го мая генералъ Скобелевъ высадился на берегъ въ Чикишлярѣ, а 10-го іюня отдалъ слѣдующій приказъ въ Капетдахскихъ горахъ, у Бендесенскаго перевала.

Приказъ № 91.

10-го іюня, 1880 года, Бендесенъ.

„Послѣ девятимѣсячной остановки, августѣйшему главнокомандующему угодно повелѣть вновь вступить въ предѣлы Ахалтекинской земли. Вамъ предстоитъ перенесть много трудностей, встрѣтиться съ непріятелемъ храбрымъ, болѣе чѣмъ въ десятеро васъ сильнѣйшимъ.

Кавказское сердце ваше всегда съумѣетъ быть на высотѣ боевого дѣла.

Благодарный знаменамъ вашимъ за Георгіевскій крестъ, я знаю васъ, и не считаю враговъ.

Прошу всѣхъ чиновъ отряда не забывать, что русская честь требуетъ мести за павшихъ товарищей нашихъ". Подписалъ: „временно-командующій войсками генералъ-адъютантъ Скобелевъ".

При вступленіи въ оазисъ, покойный Михаилъ Дмитріевичъ поставилъ себѣ въ обязанность, чтобъ ни одного лишняго солдата, ни одной лишней лошади не было на восточномъ берегу, въ Чикишлярѣ, пока Бами не будетъ обзпечено шести-мѣсячнымъ довольствіемъ на 6,000 человѣкъ и каждый изъ этапныхъ пунктовъ не будетъ снабженъ продовольствіемъ шести-мѣсячнаго запаса, по количеству гарнизона. Больныхъ-же безостановочно перевозили на западный берегъ—въ Петровскъ.

Къ 1-му іюля окончилась постройка укрѣпленій въ Бами и этого же числа Скобелевъ съ 800 человѣкъ конницы и пѣхоты, 12 орудіями, въ томъ числѣ 4 митральезы, выступилъ изъ Бами къ Геоктепе [1]) на рекогносцировку, 5 іюля произвелъ осмотръ окрестностей Геоктепе, 6-го отошелъ съ боемъ и 7-го отразилъ текинцевъ, напавшихъ на него въ нѣсколько тысячъ, и 10-го іюля къ ночи явился обратно въ Бами.

Не смотря на потрясающую вѣсть о смерти своей матери, Михаилъ Дмитріевичъ ни на одну минуту не бездѣйствуетъ и не отступаетъ отъ начертаннаго имъ плана. Онъ также работалъ день и ночь; 25-го іюля идетъ съ одною сотнею казаковъ Таман-

---

[1]) Геоктепе въ 120 верстахъ отъ Бами и въ 440 верстахъ отъ Чикишляра.

скаго полка къ Михайловскому заливу—что составляетъ 300 верстъ, пройденныя въ трое сутокъ, съ Мулакари съ десятью добровольными казаками идетъ къ заливу, при чемъ вся его свита и казаки не могли далѣе двигаться и остались отдыхать въ Мулакарахъ. Потомъ онъ явился въ Красноводскъ, Чикишляръ, объѣхалъ всѣ пункты и мѣста, гдѣ только его личное присутствіе было необходимо. Получивъ въ Чикишлярѣ извѣстіе, что большая масса текинцевъ, въ 10,000 человѣкъ, идетъ на передовые наши пункты, Скобелевъ верхомъ, а гдѣ пѣшкомъ и на ротныхъ повозкахъ, въ 25 часовъ проскакалъ 230 верстъ, и явился въ Бами въ самый тревожный моментъ, ибо ровно черезъ день послѣдовало нападеніе на нѣсколько пунктовъ разомъ—но непріятель былъ отбитъ съ урономъ и большими потерями. Каждый нашъ солдатъ, чувствуя вблизи себя Скобелева, дрался львомъ, представлялъ изъ себя такую силу, которая казалась несокрушимою. У стѣнъ Геоктепе горсть русскихъ воиновъ вполнѣ была увѣрена въ своей побѣдѣ даже тогда, когда текинцамъ удавалось, во время вылазокъ, завладѣвать нашими траншеями. Когда текинцы 28 и 30 декабря уничтожили почти двѣ роты, взяли орудіе и знамя, Скобелевъ сказалъ генералу Гродекову: „какъ я донесу моему государю императору, что непріятелю отдалъ орудіе и знамя 4-го Апшеронскаго баталіона? Впрочемъ, мнѣ кажется, что знамя не взято....“ На это Гродековъ рѣшительно отвѣтилъ, что командиръ баталіона, знаменщикъ и всѣ люди изрублены, непріятель прошелъ по ихъ трупамъ и захватилъ знамя. Скобелевъ немного успокоился и составилъ телеграмму о вылазкѣ 28-го декабря; 30-го декабря послѣдовала вторая вылазка—то-же счастливая для текинцевъ, но 12 января 1881 года, въ два часа дня, Скобелевъ покончилъ съ текинцами всѣ свои счеты, взявъ штурмомъ Геоктепе.

Входи въ наши планы взятіе Мерва—послѣ штурма Геоктепе мервцы встрѣтили-бы генерала Скобелева съ покорностію и полнымъ подчиненіемъ, хотя Мервъ тогда и теперь представляетъ обоюдоострый мечъ англійской политики въ Индіи,—но мервцы, вѣроятно, сдѣлали-бы, на этотъ разъ, по своему, видя Скобелева у своихъ воротъ...

IV.

Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ въ его письмахъ и распоряженіяхъ.

I.

25 іюня 1880 г. укр. Бами.

„Милостивый государь, Адольфъ Феликсовичъ. Письмо ваше изъ Чикишляра, отъ 18 іюня, я получилъ въ Бами, 23 іюня.

I. Азія всегда дѣйствуетъ двулично и Клычкопанъ не составляетъ исключеніе. На это надо разсчитывать. Покажите спокойную вѣру въ свою собственную силу, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, и Азія все исполнитъ быстро и льстиво внимательно.

Записка изъ Астрабада за подписью Barnadse заслуживаетъ вниманіе. Надо благодарить нашего телеграфиста и имѣть въ виду представить его къ наградѣ. Я полагалъ бы цѣлесообразнѣе, не входить непосредственно въ сношеніе съ агентами г. Barnadse и дать въ его распоряженіе единовременно, напр. 200 руб., за доставляемыя имъ свѣдѣнія, которыя вамъ провѣрять. Если ему не платить своимъ агентамъ, то ничего правдиваго не будетъ знать; тогда и мы ему впредь ничего совсѣмъ не дадимъ. Такъ ему и сказать.

Что касается фактической стороны дѣла, то для меня несомнѣнно, что въ тылу злоумышляютъ всѣ туземцы и что злоумышлять они будутъ при приближеніи окончательной развязки еще больше.

По полету видѣнъ орелъ—по вашимъ первымъ распоряженіямъ сужу о будущихъ вашихъ дѣйствіяхъ въ несомнѣнныя, въ близкомъ, минуты кризиса. Не сомнѣваюсь, что все разобьется объ вашу хладнокровную, опытную, боевую и административную распорядительность.

Вы хорошо знаете Азію. Она грозитъ много, но отъ словъ къ дѣлу переходитъ рѣдко, когда того требуютъ передовые, наиболѣе интелигентные ихъ предводители. Слишкомъ часто ихъ волненія походятъ на запоздалую морскую зыбь, которая даетъ себя чувствовать нѣсколько дней спустя бури.

Такъ было въ Индіи, въ 1857 г.; подъ Самаркандомъ, во время нашествія Баба и джура-бековъ въ 1868 г.; въ недавнихъ вол-

неніяхъ въ Дагестанѣ... Что Азія разъ заговорила, то выполнетъ—это фактъ несомнѣнный, но можно также считать за данную почти положительную, что она даетъ себя чувствовать не тогда, когда имъ это выгодно, а, скорѣе, напротивъ того.

Такъ же будетъ и съ теперешними „маслокатами“ на Санги-Саватѣ и около бугра Саліано. За ними впрочемъ слѣдите. Шайдой такой же плутъ, какъ и всѣ остальные; дайте имъ (этимъ я теперь занимаюсь съ Нуръ-Гельды-Ханомъ и мошенниками Нукурцами) по возможности, больше, на пользу намъ ввѣреннаго дѣла. Вотъ и все пока... Отомстить же за всѣ наши мучительныя треволненія предоставимъ нашей будущей военно-народной администраціи, по окончательномъ покореніи края, представители которой, повѣрьте, какъ и въ прочихъ нашихъ средне-азіатскихъ окраинахъ, не уронятъ своихъ преданій и здѣсь. Вотъ почему, вполнѣ одобряя всѣ принимаемыя вами мѣры предосторожности, которыя навѣрно пригодятся, когда мы этого будемъ менѣе всего ожидать, я однако требую, чтобы вы не отклонялись отъ исполненія основнаго плана экспедиціи—напряженія всѣхъ силъ и средствъ для перенесенія нашей базы, т. е. средствъ въ обширномъ смыслѣ этого слова, изъ Чикишляра въ Бами. Все, что слышу отъ васъ, мнѣ доказываетъ, что вы меня поняли—а вы изъ тѣхъ, которые, понявъ, исполнить не задумаются, да еще съ лихвой!..

II. За послѣдніе дни, въ передовомъ отрядѣ, болѣзненность начинаетъ усиливаться и меня особенно безпокоитъ, что цынга и слизистый поносъ насъ не только не оставляютъ, но напротивъ того.

Слѣдуетъ теперь же предвидѣть значительное увеличеніе числа больныхъ, по мѣрѣ того, какъ будутъ здѣсь усиливаться войска, прибывать большіе транспорты арбъ и верблюдовъ и пр. Не думаю къ тому же, чтобы гигіеническія условія въ Бами были бы особенно благопріятны. Коммуникаціонная линія Красноводскъ Михайловское еще въ зародышѣ, а на войнѣ журавля въ небѣ искать особенно опасно. Поэтому вамъ предстоитъ теперь же сообразить тѣ мѣры, которыя должно будетъ вамъ принять по линіи для оказанія помощи во время.

Тьеръ сказалъ: administrer c'est prévoir.

Вдумайтесь въ это знаменательное изрѣченіе одного изъ величайшихъ дѣятелей современнаго вѣка.

Въ основаніи, въ своемъ существѣ, вопросъ объ оказаніи помощи раненымъ и больнымъ сводится къ быстрой ихъ эвакуаціи съ театра дѣйствій.

Опытъ послѣднихъ войнъ доказалъ непреложно, что быстрая эвакуація необходима:

1. Для поддержанія нравственнаго настроенія войскъ, слѣдовательно, какъ мѣра серьезно предохранительная, т. е. наиболѣе выгодная и даже дѣйствительная.

2. Какъ лучшее врачеваніе самихъ больныхъ, ибо причина большинства военныхъ болѣзней, (при кратковременныхъ срокахъ службы и все развивающейся нервности массъ, нынѣ призываемыхъ подъ ружье), слѣдуетъ искать въ причинахъ нравственныхъ. Люди, которыхъ изъ Санъ-Стефано несли, какъ умирающихъ, на носилкахъ, по прибытіи въ Одессу, коснувшись почвы отечества, мгновенно изцѣлялись. Такихъ тогда можно было видѣть сотнями прыгающихъ, какъ дѣти, по Одесскимъ улицамъ.

3) Чтобы избѣжать, столь опасныхъ на войнѣ, скопленій больныхъ въ какомъ-бы то ни было пунктѣ. Результатомъ скопленія больныхъ и раненыхъ является тифъ—въ Плевнѣ, Санъ-Стефано, Эрзерумѣ, Адріанополѣ и Филипополѣ.

Причины, только-что изложенныя, такъ первостепенно важны, что считаю долгомъ службы вамъ еще разъ напомнить, что быстрая эвакуація больныхъ есть главнѣйшая цѣль вашихъ усилій по медицинской части при дальнѣйшемъ, необходимомъ, развитіи организаціи ввѣреннаго вамъ тыла.

Правильная, безостановочная эвакуація требуетъ соотвѣтственнаго эшелонированія санитарныхъ учрежденій, по всей линіи, до пункта эвакуаціи, т. е. до Чикишляра.

Дѣло надо такъ постановить, чтобы нигдѣ не могдо быть скопленій, ибо, какъ сказано выше, результаты будутъ всегда разрушительными.

Санитарный тылъ, устроенный согласно выше-сказаннаго, и не на одной только бумагѣ, должно признать совершеннымъ. Прилагаю для вашего свѣдѣнія выписку изъ засѣданія у помощника главнокомандующаго арміею, гдѣ рѣшалась организація медицинской части экспедиціи.

Требуйте моимъ именемъ, въ крайнихъ случаяхъ, вамъ необходимое отъ подлежащаго вѣдомства и сообщайте мнѣ.

Не упускайте однако изъ виду важность организаціи, на тождественныхъ началахъ, линіи Бами—Михайловское, а потому соблюдайте экономію средствъ.

Я знаю, что болѣе всего васъ затруднятъ перевозочныя средства, но думаю, что значительнымъ подспорьемъ окажутся заказанныя на Кавказѣ госпитальныя одноколки, требовать которыя, въ необходимомъ числѣ, я вамъ разрѣшаю.

Война 1861—1865 также 1870 - 1871 годовъ доказала всю пользу деревянныхъ барачныхъ помѣщеній.

Берегите, всѣми силами, Чикишлярскій госпиталь отъ міазматическихъ зараженій. Неудобство порта заставитъ васъ имѣть большое число больныхъ и раненыхъ въ этомъ помѣщеніи. Къ осени, именно къ началу серьезныхъ военныхъ дѣйствій, неудобство Чикишлярскаго рейда дастъ себя еще болѣе чувствовать, а слѣдовательно и значеніе пункта эвакуаціоннаго возрастетъ.

Теперь-же озаботьтесь помѣщеніемъ въ кибиткахъ всѣхъ больныхъ, могущихъ заразить бараки, и имѣйте подъ рукою потребныя дезинфектирующія средства въ достаточномъ количествѣ.

Въ Дунайской арміи таковыя всегда отставали; это много способствовало развитію эпидемій.

Въ Хаджакалѣ прискорбный случай: не оказалось будто (разслѣдованіе прошу произвести).

Довести можно при недѣятельности власти до ужасовъ.

Въ Санъ-доминскую экспедицію въ портѣ Мардо въ 1802 г. до 100 человѣкъ раненыхъ умирало въ день съѣдаемые червями.

Здѣсь климатическія условія, если будутъ такіе порядки, какъ въ Хаджакала, позволяютъ надѣяться на тоже.

Необходимо разобрать и строгимъ примѣромъ остановить развитіе разъѣдающей насъ въ арміи лѣни и безпечности: перевязочныхъ припасовъ для пяти раненыхъ пришлось посылать ночью отсюда съ джигитомъ!!! Это просто позорно. Что-же дѣлалъ докторъ Ауновскій, что же смотритъ комендантъ и Пагиревъ? Видно и здѣсь у семи нянекъ дитя безъ глазъ!! Обратите должное вниманіе по всей линіи. Потребуйте необходимое изъ госпитальныхъ и аптечныхъ запасовъ. Надо развезти по линіи и подумать объ этомъ.

Война дѣло мелочное со стороны организаціонной, не такъ легко ничего не забыть. Даже прусаки упустили двинуть въ

1870—1871 гг., вдоль этапной линіи къ Парижу, потребное количество медикаментовъ и перевязокъ.

Они намъ не оправданіе, ибо вотъ цифра больныхъ и раненныхъ, провезенныхъ черезъ нѣкоторые этапные пункты:

a) Вейсенбургъ	147,000
b) Сарбрюкъ	65,017
c) Ахенъ	6,193
Итого .	218,210

А у насъ рѣчь идетъ о пяти раненыхъ!?!?

Прошу не отказать сообщить ваши распоряженія по организаціи безпрепятственной и постоянной эвакуаціи. Всѣхъ больныхъ теперь-же направляю въ тылъ для немедленной эвакуаціи на западный берегъ.

Примите строгія мѣры, чтобы не было уклоненія отъ службы и отъ сего истекающихъ злоупотребленій.

Маіору Ротчеву я тоже сочувствую, считаю его человѣкомъ полезнымъ для войскъ. Прошу васъ предложить ему быть при войскахъ болѣе продолжительное время.

Я расчитываю, что ему представится случай примѣнить свою талантливую изобрѣтательность на линіи Бами—Михайловское. Надо его заранѣе ознакомить практически съ условіями. Матеріально его обставить я беру на себя.

За устройство безвозмездно ледодѣлательной машины поблагодарите маіора Ротчева отъ войскъ. Подполковнику Щербинѣ скажите, что я за нимъ слѣжу и что ему слѣдуетъ себя держать очень осторожно. Вахтера-же пугните какъ слѣдуетъ. Вообще какъ бы для того и другаго не кончилось бы трагически...

Поблагодарите Терганова; скажите, что поздравляю его, именемъ августѣйшаго главнокомандующаго, съ большою серебряною медалью на шеѣ, и я надѣюсь, что это только начало; я увѣренъ, что къ концу похода онъ удостоится отъ государя императора награды. Относительно старшинъ, посаженныхъ на „Тюлень“, вы, черезъ нѣсколько дней, получите приказанія. Вашъ покорный слуга М. Скобелевъ.

Мои взгляды касательно медицинской части прошу сообщить доктору Гейфельдеру, при его проѣздѣ.

Прошу, чтобы указанія мои (если-бы онѣ въ чемъ-либо противорѣчили приказаніямъ, переданнымъ вамъ начальникомъ штаба войскъ) не приводились-бы въ исполненіе, пока полковникъ Гродековъ не сообщитъ вамъ письменно—какъ было окончательно рѣшено по свиданіи его со мною.

Поблагодарите Крыштопенку за молодецкую службу. Пойманнымъ гокланцемъ, вѣроятно, распорядится полковникъ Гродековъ. Во всякомъ случаѣ—съ отвѣтомъ обожду его".

II.

25-го іюля 1880 года, укр. Бами.

„М. г. Адольфъ Феликсовичъ. Завтра я направляюсь по новому коммуникаціонному пути, черезъ Кизилъ-Арватъ въ Михайловское и Красноводскъ.

Вашъ сонъ осуществился—верблюдовъ вы получили. Остается ихъ держать въ комплектѣ. Гостей съ „Тюленя" жду, посидятъ и здѣсь, пока не вернусь съ объѣзда.

Относительно арбъ я въ принципѣ согласенъ, что ихъ слѣдуетъ имѣть на вашей линіи. Да и для военныхъ дѣйствій надо-бы подъ Геоктепе имѣть до ста фургоновъ. Намъ надо мало поднять сразу около 5 т. груза. Полковникъ Гродековъ, моимъ именемъ, подробно съ вами переговоритъ. Ваша распорядительность и опытность съумѣютъ во-время и въ этомъ отношеніи обезпечить дѣло.

Линія Красноводская станетъ теперь продовольственная, а потому на вашу долю нынѣ выпадаетъ перевозка грузовъ артиллерійскихъ и госпитальныхъ и инженерныхъ. Надо имѣть въ виду, что грузы эти достигнутъ громадныхъ размѣровъ.

Обращаю ваше самое серьезное вниманіе на обезпеченіе, кромѣ того, всѣхъ опорныхъ пунктовъ вашей линіи на нынѣшніе гарнизоны людскимъ довольствіемъ по 1-е января 1880 года.

Если-бы, вслѣдствіе какихъ бы то ни было чрезвычайныхъ, неожиданныхъ обстоятельствъ, сроки возможнаго прибытія довольствія на опорные пункты не сходились-бы съ дѣйствительною потребностью, то вамъ слѣдуетъ принять своевременно мѣры, ибо, безъ ущерба всему дѣлу, ни одинъ изъ пунктовъ, нынѣ занимаемыхъ, не можетъ быть нами оставленъ.

Надежными джигитами вамъ необходимо обезпечить передовые пункты Терсаканъ, Бендесенъ, Хаджакала.

Подберите 25 молодцевъ и для дѣйствующаго отряда. Вооружите всѣхъ или охотничьими двухъстволками, если прибудутъ, или ружьями изъ складовъ, только ни въ какомъ случаѣ не скорострѣльными. Надо тоже обезпечить ихъ достаточнымъ запасомъ огнестрѣльныхъ припасовъ, но не давая на руки, а подъ отвѣтственность старшаго.

Подумайте самымъ серьезнымъ образомъ о мѣрахъ противъ пожаровъ. Тутъ нечего жалѣть ни денегъ, ни трудовъ.

Прибудетъ-ли скоро для Бами пожарный инструментъ? Его посылайте впередъ, во чтобы то ни стало.

Отчего вы не спускаете 11 и 12 роты 83 полка, если онѣ дѣйствительно устали. Надо ихъ побаловать въ Чикишлярѣ, а тамъ опять пойдутъ служить молодцами. По дѣлу Ротчева я совершенно съ вами согласенъ. Полковникъ Гродековъ скажетъ. Не понимаю дѣйствительныхъ мотивовъ дѣйствій генерала Петрусевича и не повидавшись съ нимъ, мнѣ не возможно дать этому окончательный толчекъ. Во всякомъ случаѣ какъ я, такъ и начальникъ штаба, стоимъ, по убѣжденію, на почвѣ законности правъ г. Ротчева, которыхъ, конечно, я не имѣю въ виду нарушать, и другимъ, мнѣ подчиненнымъ, не дозволю сознательно этого дѣлать. Но до окончательнаго рѣшенія необходимо полное выясненіе. Я вамъ разрѣшаю сообщить, въ этомъ смыслѣ, г. Ротчеву.

Поблагодарите г. Полянскаго за сборъ ледо-дѣлательной машины. Право, трудно знать всѣ подробности.

Жду, не дождусь рѣшенія полеваго суда. Виновныхъ, по конфирмаціи мною, прошу казнить съ возможною торжественностью; развести, по усмотрѣнію вашему, по линіи и казнить въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ это произведетъ наибольшее впечатлѣніе. Не забывайте никогда, что тотъ владѣетъ Азіей, кто нещадно бьетъ ее по загривку и воображенію. До сихъ поръ мы были данниками—этому больше не бывать!...

Около 16-го августа я буду въ Чикишлярѣ, гдѣ желалъ бы застать васъ.

Быть можетъ, мнѣ удастся ближе познакомить васъ, совмѣстно путешествуя, съ Терсаканомъ и Хаджакала.

Съ глубокою благодарностью по долгу службы къ вашимъ чрезвычайнымъ трудамъ, вашъ слуга. М. Скобелевъ“.

III.

Полковнику Вержбицкому въ Бами.

31-го августа 1880 г. Красноводскъ.

„Вмѣняю вамъ въ обязанность, согласно данныхъ вамъ инструкцій, имѣть постоянныя сношенія съ лазутчиками и знать, что замышляется нашими противниками. Смотрите на гарнизоны Хаджакала, Бендесена и Бами, какъ на одинъ совокупный передовой отрядъ. Вамъ ассигнованы средства. Обратите вниманіе на заатрекскихъ іомудовъ, злоумышляющихъ по Атрекской линіи. Необходимо проснуться. Тамъ тоже не Тамбовская губернія. Телеграмму эту къ свѣдѣнію и исполненію полковнику Арцишевскому, за его отсутствіемъ, Эмбрехту. № 1271. Генералъ-Скобелевъ".

IV.

Полковнику Арцишевскому.

3-го сентября 1880 г. Красноводскъ.

„М. г. Адольфъ Феликсовичъ. Прошу васъ донести мнѣ въ самомъ непродолжительномъ времени подробно—какія приняты вами мѣры въ случаѣ нечаяннаго нападенія непріятеля на Чикишляръ. Предлагаю вамъ серьезно обсудить и принять мѣры.

Примите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности.

Вашъ покорный слуга М. Скобелевъ".

V.

4-го сентября 1880 г. Красноводскъ, 11½ ч. утра.

„1-е. Какія имѣются въ данное время перевозочныя средства для поднятія артиллерійскихъ тяжестей.

2-е. Сколько необходимо перевозочныхъ средствъ для артиллерійскихъ тяжестей, ожидаемыхъ изъ Баку.

3-е. Какія необходимы перевозочныя средства для поднятія воинскихъ тяжестей войскъ, имѣющихъ прослѣдовать чрезъ Чикишляръ, какъ-то: 3 батареи 19 и 21 артиллерійскихъ бригадъ, 2 эскадроновъ драгунъ, четырехъ сотенъ казаковъ и трехъ баталіоновъ мобилизованныхъ.

4-е. Можете-ли расчитывать имѣть перевозочныя средства, отвѣчайте подробно, положительно, только не чрезъ Персидскій телеграфъ, а если можете, чрезъ военный пароходъ Баку.

Полковника Эмбрехта прошу передать по телеграфу полковнику Арцишевскому и самому помочь исполнить. Генералъ-адъютантъ Скобелевъ".

VI.

Телеграмма.

Изъ Чикишляра въ Дузулумъ. Полковнику Арцишевскому.

„Все готово. Двинуто, кромѣ ушедшихъ съ вами, 3200. Они всѣ въ пути. Распорядитесь: 1) задержаніемъ силою находящихся и прибывающихъ верблюжьихъ транспортовъ въ Дузулумъ и немедленномъ направленіи въ Бами, согласно полученныхъ вами лично отъ меня приказаній; 2) дать знать по линіи къ Чикишляру, чтобы конвои были до крайности усилены; не объясняя причины, приказать конвоирующимъ усиленно наблюдать за верблюдовожаками, не дозволять имъ расходиться, вообще доставлять транспорты по назначенію, даже прибѣгая къ насилію; 3) двинуть на встрѣчу въ подкрѣпленіе конвоирующихъ соотвѣтственную часть ввѣренной вамъ кавалеріи; 4) сообразить расходъ конвоирующихъ частей къ Бами и предупредить въ этапныхъ укрѣпленіяхъ, дабы дальнѣйшее отъ Дузулума движеніе было безпрепятственно; 5) порядокъ задержанія, пастьбы и охраненія рекомендуется принятый въ маѣ мѣсяцѣ; 6) распорядитесь по всѣмъ пунктамъ линіи о принятіи боевыхъ предосторожностей, такъ какъ случайности отнынѣ возможны. Поступайте ласково и мягко, пока можно, но если бы обстоятельства грозили нарушить утвержденный мною планъ дѣйствій, поступайте съ крайнею рѣшимостью и исполните даже силою оружія. Генералъ-адъютантъ Скобелевъ".

VII.

19-го января, 1881 года.
Весьма важное.

„М. г. Адольфъ Феликсовичъ. Асхабадъ занятъ безъ боя. Край багатый, фуража и зерна много. Вообще держать стоитъ.

Обращаю ваше вниманіе:

1) Укрѣпленія въ Геоктепе должны быть окончены, согласно мною утвержденныхъ предположеній. Весьма важно принять за правило, чтобы пользоваться здѣшними оборонительными постройками, ибо, какъ показалъ опытъ 28 и 31 декабря и 4 января, только укрѣпленные пункты, вполнѣ обезпеченные отъ эскалады, могутъ считаться соотвѣтственными. Палисады съ заостренными кольями, волчьи ямы съ таковыми же, я считаю необходимыми принадлежностями укрѣпленій въ Ахалтекинскомъ оазисѣ. Чѣмъ гарнизонъ меньше, тѣмъ на все это должно быть обращено большее вниманіе.

Условія владѣнія воды остаются **первостепенными**. Объ этомъ въ Геоктепе надо серьезно подумать, ибо не всегда будетъ прикрывать воду отрядъ въ Янгикала.

Такъ какъ, вслѣдствіе соображеній политическихъ, незанятіе нами, хотя небольшимъ гарнизономъ, крѣпости Денгильтепе еще долгое время будетъ немыслимо, то и вопросъ о владѣніи водою разрѣшается: или

a) Устройствомъ колодцевъ,

b) очищеніемъ существующей въ раіонѣ ограды и вблизи,

c) наконецъ, обезпеченіемъ гарнизона водою изъ соотвѣтственныхъ резервуаровъ. Послѣднее самое сложное. Всѣ мои усилія въ 1876 г. устроить таковые на Яръ-Мазарѣ, въ ф., командующемъ Маршланомъ, не увѣнчались успѣхомъ. Прошу васъ представить ваши соображенія по обезпеченію водою на двѣ недѣли, въ новой нами создаваемой крѣпости Денгильтепе, до 1000 человѣкъ и 250 лошадей. Если это не возможно, все измѣняется и не стоитъ работать.

2) Фортификаціонныя работы **крайне** желалъ-бы не производить войсками. У насъ войска утомлены и это **грозно**, съ наступленіемъ весны, даетъ себя знать. **Это не мѣшаетъ помнить всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ частей. Теперь же обдумать мѣры. Какъ ни береги войска, послѣдствія усиленныхъ трудовъ скажутся. Особенно боюсь за нѣкоторыя части 21 дивизіи и полтавцевъ. Какъ у васъ болѣзненность? Сообщайте чаще. Не появилась ли опять цинга??**

Разрѣшаю вамъ произвести необходимые предварительные расходы по привлеченію 500 человѣкъ рабочихъ изъ персидскихъ предѣловъ. Вамъ очень помогутъ въ этомъ дѣлѣ какъ наши офи-

церы, такъ въ особенности Яко-бекъ Таировъ, къ посредству котораго, отъ моего имени, предлагаю вамъ обратиться. Если бы представилась необходимость, разрѣшаю выдать необходимые задатки и конвоемъ обезпечить слѣдованіе рабочихъ до Геокъ-тепе. Вообще съ первою партіею прошу васъ обращаться крайне ласково и осмотрительно. Персіанъ надо приручить къ намъ. Отъ ихъ участія зависитъ многое въ благосостояніи оазиса и мирномъ его процвѣтаніи.

Ласкайте Зулафакаръ-хана, оказывайте ему всякое уваженіе и даже поблажку. Современемъ, когда дѣла болѣе выяснятся, выяснится и наше положеніе къ Персіи; пока окончательно еще не приступлено къ разрѣшенію пограничнаго вопроса, весьма существенно не возбуждать какихъ бы то ни было недоразумѣній. Намъ и такъ не вѣрятъ и все правящее въ Хоросанѣ готово употребить всѣ средства, чтобы возбудить серьезныя подозрѣнія въ Тегеранѣ. Это намъ невыгодно съ обще-государственной и международной точки зрѣнія... Вамъ, посылая отрядъ въ персидскіе предѣлы, предлагаю этого не забывать. Теперь-же требуется крайняя осторожность. Одинъ дуракъ броситъ камень въ воду, десять умныхъ не вытащатъ... Отъ ласки къ угрозамъ всегда можно перейдти – обратное же не всегда удается...

О ходѣ вопроса о наймѣ рабочихъ изъ Персіи прошу доносить возможно подробно и чаще.

Назначеніе этихъ рабочихъ:

а) Зарыть всю падаль кругомъ крѣпости и въ самой крѣпости. На эту работу воспрещаю, безъ моего вѣдома, употреблять войска. Это главный источникъ заразы и мутитъ солдатское сердце;

в) строить крѣпость, если таковую строить будемъ. Доносите безотлагательно, надо знать—возможно ли въ теченіи этого лѣта стоять въ Денгильтепе или нѣтъ.

Какъ у васъ идетъ хлѣбопеченіе, это первостепенно важный вопросъ. Устройте во что-бы то ни стало.

Пришлите сюда съ транспортомъ хлѣбъ.

с) Постепенно опрокидывать стѣны Геоктепе во рвы крѣпости. Этой работѣ я придаю большое значеніе. Необходимо вспахать Геоктепе.

3) Потребуйте съ тыла безотлагательно большое количество дезинфекціонныхъ средствъ и наблюдайте за дѣйствіями коммисіи. Въ Дузулумѣ было такихъ средствъ сосредоточено очень много. Вы требуйте экстренно и доложите письменно начальнику штаба, чтобы онъ распорядился подвозомъ хотя бы съ того берега.

4) Между Геоктепе и Асхабадомъ, въ теченіи предстоящаго лѣта, во всякомъ случаѣ будетъ квартировать отрядъ не менѣе какъ въ 4 т. человѣкъ. Я увѣренъ, что труды экспедиціи вызовутъ усиленную болѣзненность.

Поручаю вамъ, совмѣстно съ докторомъ Гейдфельдеромъ, составить докладъ о немедленномъ обезпеченіи подобнаго отряда, въ случаѣ усиленной заболѣваемости, опредѣляя таковую въ отношеніи 1: 3. Это исполнить въ зависимости отъ средствъ, имѣющихся при войскахъ въ Геоктепе и не расчитывая на Красный Крестъ. Для выигрыша времени, результаты, кромѣ меня, доносите начальнику штаба.

5) Какъ идетъ перевозка довольствія изъ Персіи. Вопросъ этотъ тоже не выясненъ. Какіе пути болѣе удобны въ зависимости отъ мѣстъ расположенія магазиновъ, средоточія перевозочныхъ средствъ, свойствъ дорогъ и переваловъ и т. п. Полагаю, что пока не остановимся на выборѣ пункта для мѣстопребыванія передового отряда—разумно, возможно поспѣшнѣе, свозить довольствіе въ Геоктепе. Такъ и дѣлайте. Верблюдовъ, которые вамъ назначены начальникомъ штаба, оставьте, для этой цѣли, до окончанія операціи. Если мало, донесите начальнику штаба и даже задержите изъ вновь прибывающихъ. Берегите верблюдовъ и кормите насколько можете. Не забывайте, что на верблюдахъ придется двигать летучія колонны въ пески, отправлять Туркестанскій отрядъ, наконецъ, никакая администрація тутъ немыслима безъ подвижности войскъ.

Вотъ почему вамъ необходимо теперь привести въ порядокъ имѣющіяся при отрядѣ водоемныя средства и донести начальнику штаба о положительной необходимости таковыхъ при дѣйствующихъ отрядахъ.

6) Старайтесь войдти въ связь съ бѣжавшимъ населеніемъ. Надо всѣми силами стараться умиротворить край до конца февраля, чтобы было кому орошать существующія многочисленныя запашки и сдѣлать новыя раннею весною. Что съ семействами?

Какъ ни тяжело, а ихъ кормить надо. Ничто не должно помрачить, во ввѣренномъ намъ дѣлѣ, блескъ имени русскаго государя. Впроголодь держать, въ разумной пропорціи, по необходимости разрѣшаю...

Предлагаю дѣйствительно оградить ихъ отъ всякаго насилія и вообще пора, чтобы дисциплина, въ строгомъ смыслѣ слова, вновь вступила въ свои права. Соотвѣтственно этого, предлагаю распорядиться.

7) Снеситесь съ Таировымъ немедленно: возможно-ли привлечь персидскихъ рабочихъ для присмотра и орошенія засѣянныхъ въ оазисѣ полей? Можно-бы согласиться изпола, какъ въ Россіи. Представьте соображеніе и по этому. Мнѣ сдается, что охотники найдутся, если только не помѣшаютъ власти. Въ этомъ задача. Тутъ-бы пугнуть ильханіевъ Тегераномъ. Пощупайте Зильфакара?

Въ заключеніи вы получите распоряженіе о движеніи подполковника Гайдарова съ отрядомъ въ пески на соединеніе (подполковника Гайдарова) съ полковникомъ Куропаткинымъ. Считаю излишнимъ напоминать о всѣхъ необходимыхъ мѣрахъ предосторожности при снаряженіи отряда. Соберите бочата и обезпечьте водою. Проводниковъ надо много, ибо надежныхъ нѣтъ. Гайдарову передайте, что ему вѣрю, что онъ не помрачитъ громкой славы войскъ.

Транспортъ возвращайте съ довольствіемъ.

Истинно-цѣнящій вашу полезную и энергическую службу, вашъ покорный слуга М. Скобелевъ.

Поздравьте всѣхъ. Государь повелѣлъ: торжественный молебенъ, большой выходъ при дворѣ, наконецъ, 101 орудійный выстрѣлъ".

VIII.

Полковнику Арцишевскому.

21-го января, 1881 г. Асхабадъ на новой позиціи.

„Обращаю строгое ваше вниманіе на необходимость поддержанія въ войскахъ строжайшей дисциплины; обращаю ваше вниманіе на отдѣльныя колонны, выдѣляемыя изъ состава болѣе значительныхъ отрядовъ и на прикрытіе транспортовъ, двигающихся

между Бами и Геоктепе, и относительно возвращающагося съ покорностію населенія.

Опытъ многихъ моментовъ, подобныхъ нынѣ переживаемому въ средней Азіи, меня убѣдилъ, что держать войска въ порядкѣ, послѣ временно разрѣшенной баранта [1]), особенно трудно. Нужно, чтобы начальники проникнулись убѣжденіемъ въ необходимости заставить войска соблюдать порядокъ и безусловно отказаться отъ поползновенія шалить и тогда, когда обстоятельства перемѣнились коренным образомъ; интересъ государственный требуетъ возможно поспѣшнаго замиренія края, возвращенія жителей къ очереднымъ мирнымъ занятіямъ. Это, наконецъ, значительно облегчитъ положеніе самихъ войскъ, имѣющихъ быть въ теченіи лѣта въ оазисѣ. Исполняйте точно и доносите. Г.-ад. Скобелевъ".

IX.

Полковнику Арцишевскому.

22-го января, 1881 г. Асхабадъ.

„1) Вмѣстѣ съ симъ мною дѣлается распоряженіе, которое вамъ принять къ руководству: то, что нами захвачено, считается военною добычею и поступило уже въ собственность казны. Все то имущество и довольствіе, которое населеніе будетъ находить въ землѣ, въ зданіяхъ, считается собственностью жителей, изъявившихъ покорность.

Впослѣдствіи будутъ назначены туземные суды, которые будутъ разбирать всѣ споры по владѣнію имуществомъ. Мы въ это теперь не входимъ.

Само-собою разумѣется, что фуражировки въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя изъявятъ покорность и которымъ официально будетъ дано разрѣшеніе селенія, производить не слѣдуетъ. Какъ примѣнять это въ данномъ случаѣ, отсюда опредѣлить трудно; имѣйте лишь въ виду, что долгъ службы требуетъ теперь умиротворить край всѣми мѣрами.

Разрѣшаю вамъ, именемъ моимъ разрѣшать жительство въ данномъ пунктѣ, стараясь не выдавать ихъ отдѣльнымъ лицамъ. Свидѣтельства эти должны быть препровождаемы ко мнѣ въ штабъ.

---

[1]) Баранта—свобода или захватъ побѣдителемъ всего у побѣжденнаго.

Обратите строгое вниманіе на то, чтобы джигиты и другіе служащіе туземцы не брали бы съ народа взятокъ и самовольныхъ поборовъ.

Предупреждаю, что виновные въ этомъ будутъ казнены моею властью.

Желательно бы отобрать у нихъ оружіе, но настаивать и насиловать—отнюдь не настаиваю. Тѣ, которые поддадутся, пусть оружіе будетъ отобрано и сложено въ одномъ мѣстѣ.

Въ заключеніе прошу васъ — въ частяхъ войскъ подъ Геоктепе выбрать 10 надежныхъ и честныхъ офицеровъ, для занятія должностей по народному управленію.

Списки этихъ кандидатовъ прошу представить ко мнѣ, съ отмѣтками о прежней ихъ службѣ.

Прошу присланныхъ мною людей принять ласково, способствовать имъ отобрать семейства, слѣдите за ними зорко и вѣрьте присланному мною подпоручику Магометову.

Обо всѣхъ моихъ распоряженіяхъ, также о фактическомъ ихъ примѣненіи, доносите какъ въ штабъ войскъ, такъ въ тылъ начальнику штаба Закаспійскихъ войскъ. Съ возвращающимся населеніемъ обращайтесь честно, гдѣ выгодно, даже великодушно, въ особенности опасайтесь стать на почву чиновничьихъ придирокъ и бюрократическихъ проволочекъ; Азія этого не выноситъ. При всемъ томъ, какъ бы небосклонъ не представлялся безнадежно радужнымъ, тѣмъ крѣпче держите камень за пазухой. Помните князя Бековича-Черкаскаго, подполковника Рукина, наконецъ, васьма сходныя съ нынѣшними событія, предшествовавшія кровопролитному Чалдырскому дѣлу 15-го іюля 1873 года.

Не забывайте, что обстановка въ Средней Азіи измѣняется не по часамъ, а по мгновеніямъ. Осторожность, осторожность, осторожность. Генералъ-адъютантъ Скобелевъ“.

X.

Полковнику Арцишевскому.

25-го января, 1881 г. Асхабадъ, 8 ч. веч.

„Только-что переговаривался съ Сафи-ханомъ и, кажется, дѣло умиротворенія пойдетъ на ладъ. Надо не допускать войска до насилій и слѣдить за распространителями ложныхъ слуховъ, смущающихъ народъ. Ничего не имѣю противъ того, чтобы по-

добныхъ господъ, а также курдскихъ мародеровъ, научить полевымъ судомъ.

Прошу васъ не обращайтесь, безъ моего разрѣшенія, къ Зулофакаръ-хану. Это теперь роняетъ наше значеніе въ глазахъ туземцевъ—особенно текинцевъ; въ будущемъ же, отъ подобныхъ прецедентовъ, могутъ выйдти еще бòльшія неудобства.

Дѣлайте все возможное для облегченія участи несчастнаго населенія. Русскіе лежачаго бить не умѣютъ.

Мнѣ надо идти къ Теджегету съ 4 р., 3 сотнями, 4 ор.—Помогите, надо поднять 15 дней довольствія (69 фург.) и 2 дня воды — отвѣчайте. Вашъ М. Скобелевъ".

XI.

Народу Ахала.

„Братъ великаго русскаго Государя, Намѣстникъ кавказскій, которому отъ-нынѣ подчиняется народъ Ахалтеке, въ безграничной заботливости своей о ввѣренныхъ его попеченію народахъ, прислалъ сюда свое довѣренное лицо, которому поручилъ узнать всѣ нужды текинцевъ.

Намѣстникъ приказалъ выдать наиболѣе нуждающимся жителямъ хлѣбъ, что и исполняется.

Увѣренъ, что населеніе оцѣнитъ эту милость брата Государя.

Благоразумные люди вернулись на свои мѣста. Но есть еще слабые люди, которые слушаютъ разныхъ проходимцевъ и не селятся въ Атекѣ. Предваряю ихъ, что я назначу срокъ, къ которому они должны поселиться въ оазисѣ. Всѣ неявившіеся къ сроку будутъ сочтены измѣнниками и бунтовщиками, а я, вы знаете, двухъ словъ не имѣю. Генералъ-адъютантъ Скобелевъ".

XII.

Полковнику Куропаткину.

23-го января, 1881 г. Асхабадъ, 9 ч. 35 м. веч.

„Донесеніе ваше за № 127 изъ Изгента только-что получилъ.

Посылаю предписаніе полковнику Арцишевскому собрать, что можно, водоподъемныхъ средствъ и направить ихъ въ распоряженіе начальника отряда въ Куня-Геокъ-Тепе (поспѣшно).

Думаю, что необходима мочь выдвинуть къ вамъ на помощь. на три перехода, по направленію на Илекъ-Салешъ, хотя бы одну мобилизованную роту и 1 сотню съ ракетными станками, значеніемъ которыхъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ, пренебрегать не слѣдуетъ.

Полковнику Арцишевскому, вмѣстѣ съ симъ, предписывается выслать тотчасъ по полученіи приказанія, если найдется 30 бочекъ, 5-ти-ведерной вмѣстимости, и 15 — 20 верблюдовъ подъ воду, въ распоряженіе начальника Куня-Геокъ-тепинскаго отряда. Кромѣ того, туда же сосредоточить 35 верблюдовъ для подъема 5-ти-дневнаго довольствія на роту въ 150 человѣкъ и сотню въ 80 казаковъ. Довольствіе подвезти изъ Геокъ-Тепе [1]).

Начальнику Геокъ-тепинскаго отряда, полковнику Арцишевскому, предписывается создать вышесказанныя средства непремѣнно, хотя бы конфискуя собственность маркитантовъ при отрядѣ, у которыхъ найдутся и бочата, и бурдюки.

Наконецъ, есть бочата въ инженерномъ складѣ.

Если бы эти мѣры, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, оказались бы излишними, то разрѣшаю вамъ, моимъ именемъ, сообщить полковнику Арцишевскому объ отмѣнѣ ихъ.

Не скрою отъ васъ однако, что движеніе отряда съ вами въ глубь песковъ, въ центръ столь многочисленнаго и озлобленнаго населенія, хорошо вооруженнаго и имѣющаго дальнобойныя ружья, при обстоятельствахъ, далеко не выясненныхъ, и имѣя при васъ сомнительныхъ проводниковъ, безъ подвижнаго резерва, который могъ бы во всякую данную минуту дѣйствительно идти къ вамъ на помощь (хотя бы для этого пришлось бы сдѣлать отъ 90—120 верстъ въ три дня), положительно плохо вяжется съ моими убѣжденіями объ осторожности въ степной войнѣ.

Я мирюсь съ подвижнымъ резервомъ столь слабаго состава, какъ рота и сотня съ нѣсколькими ракетными станками, потому во 1-хъ, что не надѣюсь собрать въ главныхъ силахъ, въ данный короткій срокъ, предполагая, что вы двинетесь въ пески 25-го января, большее число бочатъ и верблюдовъ, не нарушивъ, относительно послѣднихъ, основныхъ продовольственныхъ соображеній въ тылу.

---

[1]) Считаю 3 дня на людяхъ. О лошадяхъ, не зная вашего положенія, не говорю. Кормъ въ пескахъ, по крайности, всегда есть. М. Д. С.

2) Опытъ многихъ боевыхъ случаевъ доказалъ, что смѣлое наступленіе на выручку (Баязетъ) своихъ, хотя бы не большихъ силъ, почти всегда бываетъ успѣшно, ибо застаетъ непріятельскія массы врасплохъ, напряженными не въ сторону отряда, поспѣвающаго на выручку.

3) Представляется возможность (въ случаѣ военнаго, значительнаго столкновенія вашего отряда) куня-геокъ-тепинскому отряду выступить въ полномъ составѣ на одинъ переходъ (3 р., 1 с., 2 ор.) впередъ по направленію къ вамъ, а затѣмъ въ ту же ночь двинуть форсированно, съ перваго перехода, на соединеніе къ вамъ роту, сотню и нѣсколько ракетныхъ станковъ (быть можетъ еще и орудія). Для этой колонны, (1 р., 1 с. при ракетахъ), которую, разумѣется, необходимо обезпечить по степному, главный залогъ успѣха—быстрота движенія и рѣшительность появленія. Понятно, что она должна быть въ рукахъ смѣлыхъ и опытныхъ; 2 роты простоятъ, пройдя одинъ переходъ, сколько могутъ, чѣмъ дальше, тѣмъ лучше; какъ заставитъ необходимость вернуться въ Куня-Геокъ-тепе.

Полагаю, что при обдуманности нашихъ распоряженій и рѣшительности въ исполненіи, извѣстная бдительность нашихъ непріятелей, на этотъ разъ, можетъ имъ же послужить во вредъ. Кабаръ [1]), что копъ [2]) русскихъ пошло изъ Куня къ вамъ на выручку, быстро достигнетъ полчищъ, которыя бы дѣйствовали противъ васъ, и, при быстромъ появленіи, одна рота и одна сотня имѣютъ шансы соединиться съ вами подъ фирмою значительныхъ силъ и произвести ожидаемое отъ таковыхъ какъ нравственное, такъ и матеріальное воздѣйствіе.

Вотъ, дорогой полковникъ, мой взглядъ на наиболѣе безопасный образъ дѣйствія въ виду предстоящаго вашего степнаго движенія на к. Кизылъ-сакалъ или Илекъ-салешь.

Заключаю: мною высказанное даже не совѣтъ, ибо вамъ на мѣстѣ, при вашей боевой опытности, гораздо удобнѣе щупать пульсъ обстановки.

Прощаюсь, напоминая два обыкновенныхъ изрѣченія большого полководца" [3])...

---

[1]) Кабаръ - новость, извѣстіе.

[2]) Копъ—много.

[3]) Изрѣченій этихъ въ копіи не приведено. Ред.

XIII.

Начальнику Туркестанскаго отряда.

24-го января, 1881 г., Асхабадъ, 11 ч. в.

„Совершенно согласенъ, что движеніе ваше въ пески необходимо. Наконецъ, надо же толково кончить начатое дѣло—вернуть въ оазисъ, что можно, населенія и тѣмъ положить начало прочному умиротворенію оазиса.

Очень радъ, что вы побываете въ Геокъ-тепе; надо сдѣлать все возможное для облегченія участи населенія. Дайте толковаго и понимающаго офицера, чтобы, на первое время, ими завѣдывать. Въ туркестанскомъ отрядѣ найдти легче.

Помогать населенію, изъявляющему покорность, намъ, такъ или иначе, придется. Съ этою цѣлью сегодня командировалъ капитана Баранка, давъ ему инструкцію:

1) Очевидно обезпеченныхъ, хотя бы въ извѣстной степени— этимъ выдавать свидѣтельства и селить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили до войны или по желанію.

2) Возвращающихся, хотя и въ бѣдственномъ положеніи, но имѣя хоть небольшое число барановъ, скотины и проч., этимъ тоже выдавать свидѣтельства на жительство и возможно поспѣшно направлять на свои земли.

3) Совершенно ничего не имѣющіе—имъ давать, по возможности, кибитки или хотя старые войлоки, муку, джугару и т. п. и тоже направлять на прежде занимаемыя ими мѣста или на новыя, по ихъ желанію.

Положеніе населенія, теперь бѣдственное, облегчится отчасти, когда они будутъ водворены. У нихъ много зарытаго добра. Мною сдѣлано строгое распоряженіе, чтобы таковое оставлено было бы въ полномъ обладаніи населенія.

Кромѣ того, приказано вездѣ, гдѣ возвращается населеніе, прекратить фуражировки. Первымъ такимъ счастливымъ мѣстомъ, кажется, будетъ Бозменнъ. Я знаю, что это распоряженіе, во многомъ, затруднитъ войска, но оно необходимо. Наиболѣе серьезный вопросъ—это топливо, котораго нѣтъ. Придется довольствоваться пока бурьяномъ и т. д., а затѣмъ измышлять.

Мой взглядъ объ обезоруженіи населенія въ средней Азіи вы

знаете; совершенно согласенъ, что надо пользоваться минутою, но и строить домъ свой на этомъ тоже не слѣдъ. Объявите теперь же, какъ только замѣтите, что изсякла готовность выдавать оружіе, что носить оружіе воспрещается подъ строгимъ штрафомъ; что ихъ защититъ Бѣлый царь и т. д. Не затрогивайте вопроса объ освобожденіи отъ военной службы; текинцы такіе молодцы, что нѣсколько сотенъ такой кавалеріи сводить подъ Вѣну не плохое дѣло.

Въ мою служебную практику, я въ 3-й разъ переживаю періоды огромныхъ народныхъ бѣдствій зимою, послѣ кровавыхъ пораженій: зимою 1876 въ Ике-су, январь 1878 между Марицей и Босфоромъ, наконецъ, теперь; тутъ помочь нельзя—часть погибнетъ; утѣшеніе, что память объ ужасномъ годѣ, залогъ мирнаго процвѣтанія края на очень долго—лучшій холодильникъ для религіознаго фанатизма и поэтизированія войны.

Нѣкоторымъ вліятельнымъ семействамъ я приказалъ помочь серьезно, дабы этимъ положить начало хотя небольшому кружку людей, испытавшихъ добро отъ русской власти [1]). Это намъ и по средствамъ. Донесите, когда и какъ рѣшили идти въ пески. Генералъ-адъютантъ Скобелевъ".

XIV.

19-го февраля, 1881 г. Люфтабадъ. 9½ ч. в.

„М. г. Адольфъ Феликсовичъ. Чрезвычайно озабоченъ вашимъ, видимымъ изъ писемъ вашихъ, нервнымъ разстройствомъ, которому тѣмъ горячѣе сочувствую, что былъ свидѣтелемъ неустанныхъ трудовъ вашихъ на пользу общаго дѣла.

Вѣрьте, дорогой Адольфъ Феликсовичъ, что я не забываю все вами сдѣланное, и, въ свое время, сочту долгомъ и съумѣю объ этомъ, какъ слѣдуетъ, по всей справедливости, представить на милостивое благоусмотрѣніе августѣйшаго нашего главнокомандующаго.

Начали работать вмѣстѣ—кончимъ вмѣстѣ. Вы правы, въ жизни такъ: „кто везетъ—пусть везетъ...", но везти такой грузъ,

---

[1]) Объ этомъ отправлено Арцишевскому подтвержденіе

какой Богъ далъ вамъ силу везти въ эту трудную экспедицію, крайне почетно и не всякому по плечу.

Я знаю, вы старый служака и не человѣкъ первыхъ нервныхъ впечатлѣній. Вы, конечно, съ сердцемъ и довѣріемъ отнесетесь къ моему столько же откровенному, сколько и дружественному слову.

21-го февраля буду въ лагерѣ подъ Геокъ-тепе; Шуджа-Адъ-Дауле настоятельно прошу удержать, во чтобы ни стало, безпрерывнымъ угощеніемъ и „тамашой". Посылайте мнѣ чаще джигитовъ [1]), а то я вовсе безъ извѣстій съ тылу. Какъ идетъ перевозка довольствія—особенно ячменя?

Здѣсь дѣлаемъ новый заказъ въ 60,000 пудовъ. Дѣло налаживается.

Вамъ искренно признательный М. Скобелевъ".

XV.

10-го марта 1881 г. Люфтабадъ. 3 ч. дня.

„Письмо ваше, Адольфъ Феликсовичъ, отъ 8-го марта, 11 часовъ ночи, изъ Асхабада, я только-что получилъ.

1) Согласенъ на перенесеніе лагеря на новое мѣсто, гдѣ предположено строить крѣпость. Туда же свозите и всѣ подходящіе съ тылу грузы.

2) Постройка крѣпости должна быть двинута крайне энергично. Предписываю начать земляныя работы войсками. Стѣну, думаю, можно класть впослѣдствіи персидскими рабочими.

Относительно найма таковыхъ, просите начальника штаба сдѣлать настоятельное распоряженіе.

3) Прибывающій мой штабъ съ моею юламейкою [2]) не откажите расположить по близости новаго мѣста, въ саду.

4) Прослѣдите--есть ли тифъ между жителями. Какого онъ свойства? Здѣсь ничего подобнаго нѣтъ и здоровье войскъ блистательно.

5) Гайтова съ осетинами двиньте ко мнѣ. Съ ними можно отправить важныя бумаги, которыя съ джигитами было-бы признано опаснымъ посылать.

[1]) Джигитъ—храбрый, смѣлый наѣздникъ.

[2]) Войлочная походная кибитка.

Между Асхабадомъ и Люфтабадомъ завелась небольшая шайка разбойниковъ. Они получаютъ будто довольствіе въ Аннау. Разберите это дѣло и на всякій случай нагоните холоду на анаулинскихъ старшинъ. Это тоже, что были Нухурцы въ прошломъ году. Объ нихъ намъ говорилъ Шуджа. Они привыкли и нашимъ, и вашимъ. Серьезно внушите имъ, что время это миновалось, и что русская власть этого не допуститъ.

Какъ только штабъ соберется въ Асхабадѣ, не откажите меня увѣдомить; я тотчасъ же вернусь. Скажите Рудковскому, что увѣренъ застать работы по возведенію крѣпости въ полномъ ходу.

Дружески жму вамъ руку, васъ высокоцѣнящій М. Скобелевъ".

XVI.

Штабсъ-капитану Люлину.

28-го февраля 1881 г. Асхабадъ.

„1) Завтра походному отдѣленію штаба, взявъ съ собою писарей и все необходимое для продолженія дѣлопроизводства, выступить по раньше. Ночевать въ Гяурсѣ.

2) Полковнику Арцишевскому произвести осмотръ лагеря, магазина, госпиталя и обо всемъ замѣченномъ мнѣ донести завтра къ 11 ч. утра. Подполковнику Рудковскому все нужное для отряда сообщить полковнику Арцишевскому; черезъ него начальникъ штаба сдѣлаетъ всѣ распоряженія.

3) Завтра я буду ночевать въ Гяурсѣ, куда прибуду въ тележкѣ съ казачьимъ конвоемъ.

4) Князя Эристова предупредить, чтобы не было почетнаго караула. Ген.-ад. Скобелевъ".

XVII.

Полковнику Арцишевскому.

22-го марта, 1881 г. Въ Асхабадѣ. 3 ч. пополуд.

„Предлагаю вашему высокоблагородію, сегодня, 22-го марта, съ сотнею казаковъ отправиться въ Гяурсъ, повѣрить линію и слухи о сосредоточеніи мервскихъ шаекъ на Теджелѣ. Вмѣстѣ съ симъ отрядъ маіора Докукина, въ полномъ составѣ, двиньте въ Люфтабадъ, въ два перехода, причемъ имѣть ночлегъ на бабадурмаской водѣ. Отрядъ обезпечить 4-хъ дневнымъ доволь-

ствіемъ для людей и лошадей, кошмами, юламейками, снабдивъ для сего отрядъ перевозочными средствами. Оставшееся довольствіе возвратите въ Асхабадъ.

Маіора Докукина снабдите соотвѣтствующею инструкціею, причемъ предписываю обратить вниманіе: 1) располагать отрядъ на ночлегъ, по возможности, скученнымъ кареемъ, ставя юламейки, имѣющіеся фургоны, вьючныя сѣдла и т. п. впереди фасовъ; орудія, зарядные ящики, патронные ящики, напротивъ того, не выдвигать слишкомъ впередъ за фасы каре, по возможности затрудняя къ нимъ доступъ. Юламейки ставить выходами во внутрь каре; 2) выбирать мѣстность, по возможности, пересѣченную, упирая какой-либо фасъ въ непроходимое препятствіе. Вообще, начальникъ колонны, подобной ввѣренной маіору Докукину, долженъ имѣть въ виду возможность всегда столь внезапнаго ночнаго натиска значительныхъ непріятельскихъ полчищъ какъ въ пѣшемъ, такъ въ конномъ строѣ (15-го іюля 1873 года подъ Чандыромъ, 30-го іюля 1880 г. при Ходжакала, вылазки подъ Геокъ-тепе). А потому, конечно, не ночью начальнику отряда и офицерамъ слѣдуетъ отдыхать, а напротивъ того, бодрствовать, бодрствовать и бодрствовать, во имя чести знамени и долга присяги; 3) очень рекомендую систему сильныхъ секретовъ на соотвѣтственно избранныхъ пунктахъ, причемъ эти секреты обезпечивать или природнымъ, или искуственнымъ валикомъ. Конныхъ постовъ ни въ какомъ случаѣ не ставить, но предписываю въ теченіи всей ночи связь между постами поддерживать постоянными небольшими конными разъѣздами, патрулирующими кругомъ лагернаго расположенія на встрѣчу другъ другу. Желательно придавать этимъ разъѣздамъ трубачей, за неимѣніемъ ихъ, заставлять громко окликать, и вообще принимать всѣ мѣры, чтобы непріятель былъ убѣжденъ въ нашей постоянной бдительности, ибо въ этомъ враждебномъ краѣ даже самому опытному начальнику отряда невозможно быть увѣреннымъ, что онъ своевременно угадаетъ всегда вѣроятное внезапное нападеніе; 4) какъ всегда на войнѣ, такъ и здѣсь, обращаю вниманіе маіора Докукина на примѣты. Таковыми, кромѣ обыкновенныхъ, наиболѣе заслуживающими вниманія, есть поведеніе населенія, туземныхъ торговцевъ и служащихъ въ отрядѣ джигитовъ. Если населеніе безпокойно, торговцы удаляются изъ отряда, базаръ слабѣетъ, а джигиты, подъ разными предлогами, отказываются отъ служебныхъ

порученій, то слѣдуетъ усилить мѣры осторожности. Если джигиты частью самовольно исчезаютъ, а частью до того лѣпятся къ войскамъ, что, такъ сказать, мѣшаютъ ихъ движенію или расположенію, то опасность, значитъ, близка. Появленіе въ окрестности нашего лагернаго расположенія разныхъ диваковъ (юродивыхъ) тоже не хорошій признакъ.

Предлагаю вашему высокоблагородію дополнить настоящую инструкцію указаніями, истекающими изъ ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ.

Джигитовъ вы имѣете усилить по всей линіи и имѣть таковыхъ въ Аннау, Гяурсѣ, Бабадурмасѣ и Люфтабадѣ.

Донесенія о положеніи дѣлъ должны поступать ко мнѣ ежедневно, о чемъ вы должны передать моимъ именемъ подполковнику Кузьмину-Короваеву и маіору Докукину о благополучномъ слѣдованіи.

Обезпечьте довольствіемъ джигитовъ въ Бабадурмасѣ изъ остатка войскового запаса въ Гяурсѣ, принявъ въ разсчетъ джигитовъ, уже нынѣ находящихся въ Бабадурмасѣ (15 челов.).

Сообщите подполковнику Кузьмину-Короваеву, чтобы къ 25-му числу заготовилъ довольствіе для колонны маіора Докукина, входящей въ составъ отряда Люфтабадскаго.

Распустите по пути хабаръ, что много войскъ и пушекъ высадилось въ Красноводскѣ. Сообщите объ этомъ въ Люфтабадъ, какъ джигитскій слухъ.

Предложите моимъ именемъ подполковнику Кузьмину-Короваеву не жалѣть денежныхъ средствъ для наблюденія за Тедженомъ и путями, ведущими въ оазисъ, посредствомъ надежныхъ лазутчиковъ. Предлагаю вамъ тоже самое.

Заключаю подтвержденіемъ приказаній вамъ, подполковнику Кузьмину-Короваеву и маіору Докукину, ежедневно мнѣ доносить.

Дополнительный наемъ джигитовъ для соотвѣтственной организаціи наблюденій джигитами всего пути отъ Асхабада до Люфтабада и ежедневной джигитской почты вамъ разрѣшается.

По исполненіи вышеизложеннаго, ваше высокоблагородіе возвращаетесь въ Асхабадъ и донесите мнѣ обо всемъ подробно.

Временно-командующій войсками, дѣйствующими въ Закаспійскомъ краѣ, ген.-ад. Скобелевъ“.

XVIII.

21-го февраля, 1881 г. Асхабадъ.

„Адольфъ Феликсовичъ. Передайте Шуджѣ, что я вчера вечеромъ выѣхалъ изъ Люфтабада, гдѣ задержанъ былъ крайне важными и благопріятными извѣстіями изъ Мерва. Вмѣсто вечера 22-го февраля, какъ предполагалъ сначала быть въ Геокъ-тепе, буду завтра утромъ. Передайте ему, какъ я доволенъ его прибытіемъ въ нашу страну, и какъ пріятно будетъ Государю Императору и великому князю доказательство его дружбы къ русскимъ властямъ.

Командирую къ нему Сполатбога съ письмомъ. Все это прошу ему объяснить. М. Скобелевъ“.

V.

Пояснительная записка къ письмамъ Михаила Дмитріевича Скобелева.

1) Клычкопанъ — предводитель туркменскаго племени Курджуковъ. Клычкопанъ жилъ за Атрекомъ, былъ извѣстный храбрый разбойникъ, объявлялъ астрабадскому губернатору свою войну, когда персидское правительство налагало подать болѣе десяти кранъ съ кибитки. Кранъ равняется 40 коп., иногда ходитъ и въ 35 копѣекъ.

Клычкопанъ сначала поставлялъ намъ верблюдовъ, за что получалъ хорошіе подарки. Впослѣдствіи онъ сталъ вести переговоры съ текинцами и началъ дѣлать нападенія на наши транспорты на правомъ берегу Атрека.

Вотъ почему въ письмахъ Скобелева есть свое соображеніе, какъ я предполагаю поймать Клычкопана и какія мѣры принимаю къ охранѣ линіи.

2) Вачнадзе—младшій телеграфистъ въ Астрабадѣ, работавшій на нашей линіи. Онъ часто ѣздилъ для починки телеграфной линіи между Чикишляромъ и Астрабадомъ. Узнавъ, что онъ говоритъ по туркменски, я поручилъ ему собирать свѣдѣнія у туркменъ о текинцахъ. Вачнадзе, вслѣдствіе большихъ жаровъ, обрилъ себѣ волосы; смуглый цвѣтъ лица, какъ грузина, сдѣлали его у туркменъ своимъ человѣкомъ, котораго будто только горькая судьба заставила принять русскую службу. Такимъ образомъ Вачнадзе пріобрѣлъ у туркменъ полное довѣріе и уваженіе, имѣлъ своихъ приближенныхъ и чрезъ нихъ получалъ самыя подробныя свѣдѣнія не только что дѣлается у туркменъ,

но даже у текинцевъ—куда они изъ Геоктепе предпринимаютъ набѣгъ, въ какомъ количествѣ; изъ Астрабада Вачнадзе все это сообщалъ мнѣ по телеграфу, а я, какъ начальникъ всей линіи, принималъ мѣры и сообщалъ въ Бами Скобелеву.

Изъ текинцевъ мы не могли имѣть ни одного лазутчика.

3) Маслокатъ и Шайдой.

Маслокатъ—по туркменски значитъ сборище, совѣтъ, гдѣ они обсуждаютъ народныя и общественныя дѣла.

Въ письмѣ генерала Скобелева говорится, что „собирается маслокатъ у бугра Санги-Саватъ, на рѣкѣ Гюргенъ, для обсужденія нападеній на нашу линію, и туркменъ Шайдой, изъ племени джафарбай, былъ избираемъ этимъ племенемъ предводителемъ во время нападеній на наши транспорты.

Шайдой въ 1879 году, во время экспедиціи генерала Лазарева, держалъ себя двулично, даже враждебно намъ, за что былъ арестованъ и отправленъ въ Баку подъ надзоръ; впослѣдствіи онъ былъ освобожденъ генераломъ Тергукасовымъ и поселился въ предѣлахъ Персіи, на рѣкѣ Гюргенъ. Въ 1880 г. Шайдой по ночамъ пріѣзжалъ въ туркменскій аулъ Гасанкули, на правой сторонѣ Атрека, гдѣ находился его любимый внукъ и одинъ сынъ; подъ предлогомъ свиданія съ ними, Шайдой собиралъ всѣ свѣдѣнія—что дѣлается въ Чикишлярѣ, сколько войскъ и какіе транспорты прибываютъ и убываютъ въ Бами. Какъ я не караулилъ его, но старый волкъ, бывшій разъ въ ямѣ, имѣлъ тоже своихъ лазутчиковъ, почему я и приказалъ его любимаго внука и сына взять и съ казаками отправилъ въ Чикишляръ, а Шайдою послалъ объявить, что они будутъ наказаны, такъ какъ передерживали у себя бѣглеца и сообщали свѣдѣнія о нашихъ войскахъ, то чтобы онъ явился самъ ко мнѣ, и тогда ни ему ни его внуку ничего не сдѣлаю, иначе внукъ его пострадаетъ. Срокъ шесть дней. Ровно на шестой день явился ко мнѣ Шайдой—и я приказалъ ему немедленно переселиться со всѣмъ своимъ семействомъ въ Чикишляръ и обѣщалъ зачислить его на службу. Теперь-же онъ остается у меня гостемъ, пока все его семейство не пріѣдетъ сюда въ трехдневный срокъ. Онъ послалъ своего сына и перевелъ семейство, но оказалось, что это была его старая жена и ея дѣти, а любимая жена осталась на Гюргенѣ. Тогда я заявилъ ему, что сержусь на него, что онъ не привезъ свою молодую жену и что онъ до ея пріѣзда всетаки будетъ мой гость. Шайдой, понявъ свое положеніе, быстро перевезъ все свое семейство, поселился въ Чикишлярѣ и былъ мнѣ очень полезенъ.

4) Маіоръ Ротчевъ. При проѣздѣ генерала Скобелева черезъ Петровскъ или гдѣ-то, кажется, въ Дагестанѣ, Ротчевъ заявилъ Скобелеву, что онъ изобрѣлъ печь, которая отапливается нефтью для печенія хлѣба. Скобелевъ, зная, что дрова трудно доставать въ Ахалтекинской экспедиціи, пригласилъ

Ротчева для устройства этихъ печей по Атрекской линіи, и дѣйствительно, въ трехъ пунктахъ печеніе хлѣба и варка пищи производились этимъ способомъ. Въ Кароджабатырѣ я приказалъ приспособить и баню къ отопленію нефтью, нефть была очень дешева, а главное—удобно перевозилась на верблюдахъ, дрова же требовали фургоновъ и стоили очень дорого.

5) Щербина былъ смотрителемъ продовольственнаго магазина въ Чикишлярѣ.

6) Тероѓановъ—армянинъ, имѣющій торговыя конторы въ Персіи въ нѣсколькихъ пунктахъ, оказывалъ намъ свое содѣйствіе въ наймѣ и покупкѣ верблюдовъ и былъ нашимъ агентомъ по покупкѣ разныхъ предметовъ въ Персіи.

7) «Тюлень»—это паровая лодка каспійской флотиліи. «Тюлень» временно находилась на рейдѣ Чикишлара, на ней перевозили туркменъ и разныя тяжести.

8) Крыштопенко—капитанъ Апшеронскаго полка, былъ комендантомъ въ Чатѣ, и съ особымъ усердіемъ исполнялъ возлагаемыя на него порученія; о немъ, впослѣдствіи, и было сообщено Скобелеву — какъ о дѣятельномъ офицерѣ.

9) Пойманные гокландцы. Гокландцы—это нѣсколько разбойниковъ, грабившихъ персидскіе караваны, которые шли къ намъ съ мукою и разными другими продуктами, и потомъ убили нѣсколькихъ туркменъ, преданныхъ намъ и снабжавшихъ насъ сѣномъ и верблюдами, чѣмъ и наводили страхъ на всѣхъ жителей; мы, между тѣмъ, лишались нѣкотораго довольствія и верблюдовъ, слѣдуемыхъ изъ Буджнурта, со стороны Атрекскаго населенія, то я поручилъ своимъ агентамъ вызвать этихъ разбойниковъ въ Чатъ, подъ предлогомъ покупки лошадей за дорогую цѣну.

Когда они явились, я телеграфировалъ коменданту Крыштопенко, чтобъ ихъ арестовать, и населеніе, такимъ образомъ, было избавлено отъ пяти главныхъ предводителей разбойничьихъ шаекъ.

10) Шуджаудъ-фуле—титулъ въ Персіи, значитъ «слава государства». Хану Кучанскому Амиръ-Гуссейну, за его боевыя и административныя заслуги, былъ данъ этотъ титулъ. По взятіи нами Геоктепе, Шуджаудъ-фуле, какъ самый близкій сосѣдъ ахалтекинцевъ, съ которыми онъ нѣсколько лѣтъ боролся, пожелалъ прибыть къ намъ въ лагерь, чтобъ поздравить лично генерала Скобелева съ славною побѣдой отъ имени шаха и познакомиться съ нимъ. Михаилъ Дмитріевичъ изъявилъ на это свое согласіе и приказалъ сдѣлать встрѣчу Шуджаудъ-фуле самую пышную, такъ какъ онъ одинъ изъ богатыхъ хановъ Персіи, живетъ весьма роскошно, славится своимъ умомъ, знаніемъ и даже знакомъ съ Европою. Шуджаудъ-фуле пріѣхалъ къ намъ съ своею свитою въ сто человѣкъ, былъ принятъ самымъ почетнымъ образомъ, и прожилъ

нѣсколько дней, угощаемый ежедневно роскошными обѣдами, музыкою и фейерверкомъ. Вотъ почему Михаилъ Дмитріевичъ пишетъ мнѣ въ своемъ письмѣ, чтобы я, до его пріѣзда въ лагерь, занималъ и угощалъ Шуджаудъ-фуле всѣмъ и даже „томашей". (Томаша - значитъ танцы, пляска, восточное веселье) У Шуджаудъ-фуле была замѣчательная сабля, временъ Дарія Гистаспа, пожалованная Даріемъ его предку, которая и передается въ потомствѣ Фуле изъ рода въ родъ.

VI.

Заключеніе.

„Азія всегда дѣйствуетъ двусмысленно"—говоритъ Скобелевъ въ своемъ письмѣ, и онъ совершенно правъ, совершенно вѣренъ тѣмъ историческимъ традиціямъ, которыя Россіи пришлось пережить до сего времени относительно Азіи. Даже наша прошлая громкая турецкая война до сихъ поръ заставляетъ каждаго русскаго думать о томъ, что мы кругомъ были обмануты Азіей, турками, не желающими платить намъ военной контрибуціи и понынѣ. Это особенно важно въ томъ случаѣ, когда вы поставлены лицомъ къ лицу вѣдаться и считаться съ азіятскими пріемами и уловками. Генералъ Скобелевъ такъ много перенесъ отъ „двусмысленныхъ пріемовъ Азіи", что разъ навсегда поставилъ своимъ правиломъ и девизомъ не вѣрить сначала тому, что говоритъ вамъ Азія, азіятскій человѣкъ. Для того, чтобъ понять, какъ двусмысленъ азіятскій человѣкъ, надо было видѣть осторожныя, испытанныя дѣйствія генерала Скобелева въ Ахалтеке, когда не рѣдко приходилось, чуть не на каждомъ пунктѣ, раскаяваться и убѣждаться въ нашей русской оплошности, а вѣрнѣе—довѣрчивости, что, понятно, отражалось и на времени нашихъ военныхъ дѣйствій.

Предшественники генерала Скобелева—генералъ Лазаревъ и генералъ Тергукасовъ—какъ-бы подняли духъ текинцевъ, не имѣя полной возможности и необходимыхъ средствъ доказать, что русскія войска „достигнутъ своего". И потомъ Скобелевъ доказалъ это текинцамъ въ самое короткое время. Но только энергія и быстрота движеній Скобелева могли въ это короткое время заста-

вить текинцевъ положить оружіе, только Скобелевъ своими рѣшительными мѣрами могъ сдерживать и обуздывать непріятеля, не смотря даже на то, что военныя дѣйствія Скобелева начались при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ для насъ. Начиная съ транспортовъ, походныхъ лазаретовъ, доставки продовольствія вообще, найма и покупки необходимаго числа верблюдовъ въ этой безводной и пустынный окраинѣ, все, казалось, не хотѣло, не желало подчиняться намъ, способствовать нашимъ усиліямъ — ограничить права дикихъ текинцевъ, поставить ихъ въ прямую зависимость нашимъ требованіямъ и законамъ. Но горсть русскаго войска, имѣя во главѣ энергичнаго, рѣшительнаго и распорядительнаго генерала, сдѣлала свое блестательное дѣло ровно въ „девять мѣсяцевъ"—хотя въ соображеніяхъ Кавказскаго окружнаго штаба и полагалось на Ахалтекинскую экспедицію два года. Но Скобелевъ все переиначилъ на мѣстности по своему. То, что казалось въ кабинетѣ, на бумагѣ, на картѣ легко исполнимымъ, не требующимъ ни особыхъ военныхъ силъ, ни особыхъ затратъ денежныхъ, ни особыхъ соображеній чисто въ военномъ, боевомъ смыслѣ,—то на дѣлѣ, на мѣстности, въ этомъ степномъ пустырѣ, въ этомъ оазисѣ песковъ и безводья, сказалось совсѣмъ въ другомъ духѣ, представило русскимъ войскамъ совершенно иныя жанровыя картины, надъ которыми сильный и настойчивый генералъ Скобелевъ долженъ былъ работать съ своими помощниками днемъ и ночью.

Мы не станемъ повторять сказаннаго нами выше, но приведемъ еще нѣсколько живыхъ фактовъ изъ дѣятельности Скобелева во время Ахалтекинской экспедиціи, чтобъ наглядно показать — какими мѣрами, пріемами и распоряженіями долженъ былъ руководиться генералъ Скобелевъ, чтобы во-время приводить въ исполненіе свои военные планы и замыслы въ этой экспедиціи.

Послѣ 10 іюля 1880 года, генералъ Скобелевъ занялся необходимымъ подготовленіемъ продовольствія для войскъ, и когда онъ убѣдился на мѣстности, что пограничныя персидскія провинціи Курдистана—Буджнурдъ, Кучанъ и Дерагёзъ—могутъ служить хорошимъ источникомъ для подвоза намъ продовольственныхъ запасовъ, то немедленно вошелъ въ сношеніе съ нашей

миссіей въ Тегеранѣ, дабы персидское правительство оказало намъ должную помощь и содѣйствіе въ этомъ вопросѣ, давъ нашимъ агентамъ полную возможность закупать въ этихъ провинціяхъ всѣ жизненные продукты и подвозить ихъ къ ближайшимъ нашимъ пограничнымъ пунктамъ.

Для такого, весьма важнаго и сложнаго дѣла, Скобелевъ немедленно командировалъ въ Курдистанъ: своего начальника штаба—полковника Гродекова (нынѣ генералъ-маіоръ) и своего адъютанта Эрдели, такъ какъ Скобелевъ интендантскимъ чиновникамъ не довѣрялъ, вполнѣ вѣря въ то, что интендантскіе чиновники „слишкомъ ловко и слишкомъ дурно умѣютъ дѣлать всякія поставки".

Результатомъ такого распоряженія было то, что ровно черезъ пять мѣсяцевъ, а послѣ взятія Геоктепе черезъ четыре дня, въ нашъ лагерь явился транспортъ ячменя—когда его у насъ совсѣмъ не было, а черезъ восемь дней привезли намъ муку, сарачинскую крупу, масло, горохъ, не много бураковъ, и потомъ мы стали получать, ежедневно, по нѣсколько сотъ вьюковъ разныхъ продуктовъ. Впослѣдствіи мы обязаны были тому-же способу доставки и тому-же Курдистану, что у насъ не было недостатка при перевозкѣ транспортовъ и больныхъ въ лошадяхъ и верблюдахъ. Это обстоятельство настолько сильно повліяло на умы и нравственное состояніе текинцевъ, что они, увидавъ содѣйствіе намъ персидскихъ властей и видя большіе запасы у насъ продовольствія, поголовно рѣшили—что дальнѣйшая ихъ борьба съ русскими будетъ безумною жертвою всѣмъ своимъ достояніемъ.

Вообще административная распорядительность Скобелева была въ каждомъ дѣлѣ настолько дальновидна и опытна, что приходилось только часто удивляться—какъ онъ успѣлъ все вѣрно разсчитать и во-время сообразить и подготовить необходимые шансы для своего успѣха. Какъ отличительная черта его боевого характера всегда выражалась въ томъ, что Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ всегда любилъ находиться при отрядѣ самъ—тогда никакія случайности его не тревожили; если же ему приходилось быть въ другомъ мѣстѣ, внѣ отряда, тогда всякія неожиданности воспламеняли его сангвиническую натуру до страстныхъ

порывовъ. Въ такія минуты—какъ онъ говорилъ—онъ желалъ всѣмъ дать „свой толчекъ и разбудить всѣхъ по-своему". Это видно изъ его письма на имя мое и телеграммы на имя полковника Вержбицкаго, писанныхъ изъ Красноводска въ сентябрѣ 1880 года.

Полковникъ Вержбицкій, командиръ 4-й батареи 21-й артиллерійской бригады, старый ветеранъ Кавказа—былъ сосланъ на Кавказъ изъ виленскаго университета; начиная съ рядоваго, прошелъ всѣ ступени военной іерархіи, слишкомъ много перенесъ въ кавказскихъ походахъ всевозможныхъ невзгодъ и лишеній прежнихъ лѣтъ; впослѣдствіи князь Барятинскій обратилъ на Вержбицкаго особое вниманіе—какъ на способнаго и честнаго человѣка; Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ поручилъ ему передовой отрядъ въ Бами, и исходатайствовалъ наградить его орденомъ св. Георгія 4 и 3-й степени и чиномъ генерала. Совершенно случайная смерть Скобелева и Вержбицкаго почти въ одинъ часъ была какъ-бы живымъ предсказаніемъ заранѣе совершившагося предчувствія. Какъ-то за обѣдомъ, въ Красноводскѣ, Михаилъ Дмитріевичъ высказалъ, что „всѣ женатые люди далеко не военные—это честные граждане, и послѣ каждаго дѣла ихъ тянетъ къ семьѣ, къ родному очагу"... Тогда Вержбицкій всталъ и заявилъ, что онъ „холостъ, и потому готовъ и въ воду, и на тотъ свѣтъ съ Михаиломъ Дмитріевичемъ". Адъютантъ Скобелева, Барановъ, тутъ-же явился съ записною книжкою и предложилъ Вержбицкому собственноручно записать свои слова, что тотъ и сдѣлалъ. Потомъ странное совпаденіе такихъ роковыхъ словъ совершенно оправдалось: 25 іюня прошлаго года Вержбицкій ночью умеръ скоропостижно въ Тифлисѣ, въ гостинницѣ „Лондонъ", а Михаилъ Дмитріевичъ, въ тотъ же часъ, умираетъ въ Москвѣ, въ гостинницѣ „Парижъ" (Дюсо).

Весьма характерна слѣдующая телеграмма на имя полковника Вержбицкаго:

„Полковнику Вержбицкому, въ Бами.

„Вмѣняю вамъ въ обязанность, согласно данныхъ вамъ инструкцій, имѣть постоянныя сношенія съ лазутчиками и знать, что замышляется нашими противниками; смотрите на гарнизоны Каджакала, Бендесенъ и Бами, какъ на одинъ вооруженный передо-

вой отрядъ. Вамъ ассигнованы средства. Обратите вниманіе на заатрекскихъ іомудовъ, злоумышляющихъ по Атрекской линіи. Необходимо проснуться—тамъ тоже не Тамбовская губернія. Телеграмму эту къ свѣдѣнію и исполненію полковнику Арцишевскому, за его отсутствіемъ, Эмбрехту. Генералъ Скобелевъ".

Полковникъ Эмбрехтъ былъ моимъ помощникомъ.

Постоянная зоркость и напряженная мысль при военныхъ соображеніяхъ позволяли Скобелеву во всякую данную минуту быть готовымъ къ бою, къ встрѣчѣ непріятеля. Всматриваясь глубже въ его походную, боевую тактику, тактику вести дѣло съ „Азіей"—мы находимъ въ Михаилѣ Дмитріевичѣ весьма близкія, весьма похожія черты военнаго духа и пріемовъ, которыми обладалъ въ кавказской войнѣ графъ Евдокимовъ. Графъ Евдокимовъ также не вѣрилъ „азіятскому слову", также хорошо понималъ и предугадывалъ замыслы кавказскихъ горцевъ, также вѣрно и рѣшительно умѣлъ предупреждать ихъ движенія и нападать на нихъ тамъ, гдѣ они меньше всего могли сопротивляться и ожидать. Та же самая рѣдкая военная черта и рѣшительность преобладала во всѣхъ боевыхъ дѣйствіяхъ генерала Скобелева. И такой тактъ, такая смѣлость и увѣренность давали Скобелеву почти всегда верхъ надъ непріятелемъ.

Ахалъ-текинская экспедиція, законченная Скобелевымъ ровно въ девять мѣсяцевъ, доказала намъ всѣмъ, что Михаилъ Дмитріевичъ, несомнѣнно, обладалъ большимъ военнымъ тактомъ, такою сильною энергіею и подвижностію, съ которыми всякому его подчиненному, на первыхъ порахъ, очень трудно было свыкаться, а тѣмъ болѣе пунктуально и категорически исполнять всѣ его приказанія и распоряженія. Никто изъ его подчиненныхъ не имѣлъ больше права служить съ нимъ вмѣстѣ, кто разъ или два не исполнилъ въ точности, аккуратно, его распоряженій, касавшихся чисто военныхъ вопросовъ или же только хозяйственныхъ сторонъ войска. Его чисто русская могучая натура не мирилась ни съ какими проволочками—что онъ сказалъ, призналъ за необходимое, должно быть сдѣлано. Хотя, съ другой стороны, Михаилъ Дмитріевичъ далеко не былъ педантъ и формалистъ. Онъ только любилъ до страстности дѣло, дѣло, но не слова, не фразы, не канцелярщину, не число исходящихъ и входящихъ бумагъ, а

любилъ только одни итоги, результаты. Вы могли у него спать и ничего не дѣлать сколько угодно—лишь бы дѣло у васъ отъ этого сна и бездѣйствія не страдало, лишь бы вы не служили тормазомъ, причиною для другихъ—быть застигнутыми врасплохъ, подвергнуться опасной неожиданности. Чѣмъ больше вы присматривались къ общей жизни Михаила Дмитріевича, тѣмъ чаще, поразительнѣе убѣждались въ томъ, что генералъ Скобелевъ, если не во всемъ, то во многомъ—крупныхъ и мелкихъ отправленіяхъ жизни—не походилъ на тѣхъ другихъ, которыхъ мы часто, по ошибкѣ, по невѣдѣнію, признаемъ и отличаемъ какъ достойныхъ, какъ способныхъ людей нашего времени. Въ Скобелевѣ все было на изнанку, на оборотъ бюрократической мертвенности, онъ не могъ слышать формализма безъ дѣла, безъ разума, безъ нужды; людей проформы, чиновную казуистику, сосаніе казны Скобелевъ поражалъ словомъ и дѣломъ на каждомъ мѣстѣ. Нельзя было не пугаться его страшнаго негодованія, его ужасныхъ порывовъ, когда онъ замѣчалъ въ комъ-либо посягательство на казенный сундукъ или же на солдатскія крохи. Тогда въ немъ пропадала всякая и милость, и пощада, и дружба, и братство; тогда Михаилъ Дмитріевичъ весь превращался въ месть, въ скорбь, въ недруга. Я никогда еще не видѣлъ такихъ людей, не видѣлъ тѣмъ болѣе въ своей средѣ такихъ выдающихся генераловъ, какъ былъ Скобелевъ. Былъ ли онъ въ походѣ, жилъ ли мирной жизнію въ роскошной обстановкѣ, надо ли было ему это или нѣтъ—онъ никогда не покидалъ учиться, знать, никогда не разставался съ книгами и учебниками, никогда не сидѣлъ дома безъ дѣла. То столъ его заваленъ былъ фортификаціонными чертежами и системами крѣпостей и укрѣпленій, то вы видите на столѣ философію Кюно Фишера, то всемірную исторію Шлоссера, то физіологію Фохта. Кажется, не было предмета, съ которымъ бы Михаилъ Дмитріевичъ не былъ знакомъ. Спеціальный курсъ военный и, отчасти, курсъ гражданскій всегда были свѣжи въ его знаніи и всегда обновлялись притокомъ новыхъ научныхъ истинъ и теорій. Я не могу въ этомъ очеркѣ сказать о всемъ болѣе подробно—иначе печатныя страницы вышли бы, пожалуй, утомительны для читателя, хотя и жизнь, и дѣла Михаила Дмитріевича Скобелева настолько для насъ важны вообще, интересны и

поучительны, что въ немъ самомъ и его военныхъ дѣяніяхъ, мы долго, долго будемъ находить самые новые, самые разительные примѣры и боевой, и гражданской русской жизни, политики. Смерть въ Скобелевѣ—унесла въ могилу такъ рано, такъ много лучшихъ русскихъ надеждъ и желаній...

Генералъ-маіоръ Ад. Ѳ. Арцишевскій.

Тифлисъ.
1883.

Къ Запискамъ де-Оанглена.

ОПЕЧАТКА.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1883 г., мартъ, стран. 550, стр. 8 снизу, напечатано: „Подайте мнѣ карету“. Это опечатка, что впрочемъ и видно по предъидущему и послѣдующему. Выше сказано, что Барклай де-Толли потребовалъ „телѣгу“, въ которую и сѣлъ; а ниже—что назначилъ маршруты. Ясно, что онъ, сидя въ телѣгѣ, потребовалъ „карту“, по которой и назначилъ маршруты.

Подписчикъ „Русской Старины“.

13-го марта 1883 г.
Пермь.

ПЕРОВЪ И МУСОРГСКІЙ.

1834—1882 и 1839—1881.

Многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ, прошу васъ дать въ «Русской Старинѣ» мѣсто нѣсколькимъ моимъ страницамъ, гдѣ я дѣлаю попытку изучить и сравнить двѣ крупныя художественныя наши личности, частью по матеріаламъ, уже обнародованнымъ, а частью еще не появлявшимся въ печати.

Оба эти художники уже отошли въ вѣчность, и потому прямо представляютъ собою «матеріалъ» для «Русской Старины»; но еще болѣе представляетъ собою національный матеріалъ то содержаніе, которое они постоянно вкладывали въ свои созданія, и которое всегда было почерпнуто изъ старой нашей крѣпостной жизни. Если ваши читатели часто съ великимъ интересомъ и сочувствіемъ встрѣчаютъ на страницахъ «Русской Старины» мысли, сужденія, оцѣнки, характеристики, исходящія изъ устъ многочисленныхъ личностей, давно умершихъ и проходящихъ по вашему журналу смѣняющеюся галлереей, то можетъ быть они найдутъ тоже не безъинтересными мысли и характеристики, идущія отъ людей, хотя еще и живыхъ, но такія, которыя помогутъ полному пониманію и опредѣленію тѣхъ крупныхъ личностей, которыхъ уже болѣе нѣтъ и которыя вполнѣ принадлежатъ исторіи. В. С.

I.

Никто еще, къ удивленію, не высказывалъ этого у насъ, а Перовъ и Мусоргскій представляютъ въ русскомъ художественномъ мірѣ изумительную параллельность. Мнѣ кажется, къ этому убѣжденію придетъ всякій, кто только вглядится въ эти двѣ личности. Общее настроеніе Перова и Мусоргскаго, складъ таланта, ихъ симпатіи и антипатіи, всѣ ихъ понятія, выборъ ими матеріала для своихъ созданій—все у нихъ было похоже до крайности. Они другъ друга вовсе

не знали, никогда не встрѣчались въ жизни, можетъ быть даже ничуть не знали, или знали очень мало произведенія одинъ другого, и тѣмъ не менѣе эти два художника, принадлежавшіе къ совершенно разнымъ областямъ искусства—одинъ былъ живописецъ, а другой музыкантъ—точно будто весь свой вѣкъ жили и работали вмѣстѣ, рядомъ, въ одной комнатѣ, поминутно совѣщаясь и показывая одинъ другому свои новыя созданія.

Это явленіе такое необычайное, что на него слѣдуетъ обратить особенное вниманіе. Интересно посмотрѣть, отчего произошло такое явленіе, но еще интереснѣе дать себѣ отчетъ, какіе отъ него остались результаты для нашей жизни.

Перовъ и Мусоргскій родились, жили и умерли почти совершенно въ одни и тѣ-же годы.

Перовъ родился въ 1834 году, умеръ въ 1882 г.; Мусоргскій родился въ 1839 году, умеръ въ 1881 году. Прожилъ каждый изъ нихъ лишь по 40 съ чѣмъ-то лѣтъ. У обоихъ, періодъ крупной, вполнѣ самостоятельной, дѣятельности начался около 1860 года, продолжался приблизительно до 1875 года, т. е. занялъ собою всего лѣтъ 15. Послѣ того, послѣдніе годы жизни у обоихъ художниковъ представляютъ время упадка ихъ таланта, такъ что лишь нѣкоторыя отдѣльныя части ихъ созданій, и то изрѣдка, показываютъ намъ снова прежняго Перова и прежняго Мусоргскаго. Наконецъ, замѣтимъ еще одну черту сходства: оба художника, при жизни своей, подвергались ожесточеннымъ нападкамъ именно за тѣ стороны своихъ созданій, которыя были самыя важныя, самыя оригинальныя, самыя исторически-значительныя; они осуждены были читать и выслушивать порицанія тѣхъ именно особенностей своего таланта, изъ-за которыхъ они будутъ навсегда занимать крупное мѣсто въ исторіи русскаго искусства. При этомъ, на сторонѣ противниковъ оказывалась замѣчательная послѣдовательность: кто не любилъ картинъ Перова, навѣрное всегда не любилъ музыкальныхъ созданій Мусоргскаго; кто не любилъ созданій Мусоргскаго, навѣрное всегда не любилъ картины Перова. Все, что у каждаго изъ двухъ художниковъ было правдиваго, жизненнаго, искренняго, вѣрнаго, казалось одинаково противно, оскорбительно, и, всего болѣе, не нужно для ихъ мало понимающихъ противниковъ. Но при этомъ всѣмъ этимъ людямъ никогда не приходило и въ голову сравнивать вмѣстѣ двухъ художниковъ, принадлежавшихъ къ двумъ, никогда вмѣстѣ не сравниваемымъ областямъ искусства: живописи и музыки. Ненависть была инстинктивная. Врагами являлись люди все одного и того-же склада: возвышенные гнилые идеалисты.

Только надо замѣтить, что участь Перова, сравнительно говоря, все-таки была гораздо лучше участи Мусоргскаго. У Перова были предшественники: Өедотовъ, и не только цѣлая масса пробъ новаго искусства, но, въ добавокъ, вся русская литература, рукою Грибоѣдова, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Островскаго, Некрасова и другихъ, побѣдоносно и уже давно водрузившая, въ сердцѣ русскаго народа, глубокій, несокрушимый реализмъ. На Перова могли нападать за частности, за личныя детали его таланта и картинъ, но никто уже не смѣлъ вырывать у него почву изъ-подъ ногъ: она крѣпко лежала, какъ гранитная скала, и никому въ голову не приходило сомнѣній на счетъ ея полнѣйшей законности. Съ Мусоргскимъ было иначе. Онъ былъ не живописецъ, а музыкантъ, а въ музыку еще не смѣлъ тогда проникать тотъ лучъ свѣта, который уже яркимъ полднемъ свѣтилъ въ русской литературѣ и свѣтлымъ утромъ начиналъ проблескивать въ живописи. До Мусоргскаго была у насъ всего одна попытка музыкальнаго реализма—это у Даргомыжскаго. Но его любили и понимали всего лишь немногіе, люди, конечно глубоко любившіе великія, геніальныя созданія Глинки, но въ добавокъ видѣвшіе, что новому времени нужны также и новыя формы, что многое можетъ и должно осуществляться отнынѣ въ нашей музыкѣ иначе, чѣмъ прежде, и что эта русская музыка далеко еще пойдетъ впередъ, по новымъ дорогамъ. Вотъ этихъ-то новыхъ дорогъ, ясно уже увидѣнныхъ въ живописи, почти никто еще не видѣлъ, 20 лѣтъ тому назадъ, въ музыкѣ. Даргомыжскій стоялъ одинокъ и не признанъ съ своими смѣлыми попытками музыкальнаго реализма. «Я не заблуждаюсь, грустно писалъ онъ въ 1857 году. Артистическое положеніе мое въ Петербургѣ не завидное. Большинство нашихъ любителей музыки и газетныхъ писакъ не признаетъ во мнѣ вдохновенія. Рутинный взглядъ ихъ ищетъ льстивыхъ для слуха мелодій, за которыми я не гонюсь. Я не намѣренъ снизводить для нихъ музыку до забавы. Хочу, чтобъ звукъ прямо выражалъ слово. Хочу правды. Они этого понять не умѣютъ. Отношенія мои къ петербургскимъ знатокамъ и бездарнымъ композиторамъ еще болѣе грустны, потому что двусмысленны. Уловка этихъ господъ извѣстна: безусловно превозносить произведенія умершихъ, чтобы не отдавать справедливости современнымъ. Сколько выслушиваю я нелестныхъ намековъ, но привыкъ и холоденъ къ нимъ...» Ничего подобнаго не приводилось испытывать на своемъ вѣку предшественнику Перова, Өедотову. Онъ нравился, его любили, его новаго рельса никто не оспаривалъ. Но если было такъ съ Даргомыжскимъ, этимъ во многихъ отношеніяхъ Өедотовымъ русской музыки, во сколько-же сотъ разъ хуже должно

было идти дѣло съ Перовымъ нашей музыки, Мусоргскимъ, у котораго не было вначалѣ за плечами, какъ у Даргомыжскаго, ни оперъ» «крупныхъ» сочиненій, къ которымъ толпа, какъ-бы тамъ ни было, а все имѣетъ извѣстное почтеніе, ни репутаціи, накопленной долгими годами. Притомъ-же, Мусоргскій былъ во многомъ смѣлѣе Даргомыжскаго, и еще рѣшительнѣе и разностороннѣе бралъ темы изъ живой дѣйствительности и еще дальше шелъ въ «выраженіи слова рѣчи музыкальнымъ звукомъ». Значитъ. сколько во всемъ этомъ было самыхъ рѣшительныхъ резоновъ для вражды, для отталкиванія и ни въ грошь неставленья Мусоргскаго толпою! Такихъ капитальныхъ мотивовъ для антипатіи на сторонѣ созданій Перова не было.

Но если оставить эти маленькія «спеціальности» въ сторонѣ, почти все остальное въ жизни и дѣятельности Мусоргскаго и Перова шло совершенно параллельно. Въ общей сложности ни тотъ, ни другой не приходились особенно по вкусамъ большинства, и оба не были въ настоящую мѣру поняты и признаны во время своей жизни. Ихъ обоихъ признавали, конечно, художниками, хорошими, талантливыми, даже достаточно оригинальными, но немного недоучками, и не умѣющими «владѣть всѣми средствами своего искусства», а главное—людьми «съ тенденціей», значитъ людьми, не идущими по настоящей дорогѣ («вотъ по которой всѣ идутъ!»). Ихъ признавали людьми грубыми и безвкусными, трогающими то, чего не надо трогать, рисующими то, чего не надо рисовать, людьми, у которыхъ въ созданіяхъ надо выкинуть вонъ то, и запретить вотъ это, вообще людьми, въ которыхъ нѣтъ никакой особенной значительности. Сравнивать ихъ съ которыми нибудь крупными современными европейскими знаменитостями — да Боже сохрани! Этихъ каррикатуристовъ! Этого живописца, этого музыканта, у которыхъ нѣтъ ни благородства, ни истинной возвышенности и достоинства? Ни за что̀!

Правда, была всегда на сторонѣ Перова и Мусоргскаго извѣстная доля людей, которыхъ присутствіе около нихъ и горячее сочувствіе вознаграждали ихъ за тяжкія невзгоды со стороны массы—это все были люди, которые оцѣняли ихъ натуру, ихъ изумительный почипъ и тѣ новыя сокровища, что̀ они вкладывали въ наше искусство. Правда, эти люди души въ нихъ не слышали, спѣшили добыть для себя картины одного, пропагандировали, какъ могли, созданія другого, стояли за обоихъ горой передъ лицомъ разсѣянной или невнимательной публики—но такихъ людей было не много на массу въ 80 милліоновъ народа, и особливо 20 лѣтъ назадъ. По счастью, теперь съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе похоже на то, что одолѣетъ въ концѣ концовъ—мнѣніе именно этихъ немногочисленныхъ людей.

II.

Главныя черты физіономіи обоихъ художниковъ, и Перова, и Мусоргскаго, это были—народность и реальность. Въ этомъ состояла вся ихъ художественная натура, здѣсь лежала вся ихъ сила и талантъ, и никакія другія ихъ качества не могутъ сравниться съ этими двумя. Въ чемъ оба художника будутъ дороги будущимъ поколѣніямъ, это именно—ихъ народность и реальность. Многое, какъ у всѣхъ на свѣтѣ художниковъ, поблѣднѣетъ и умалится со временемъ въ ихъ произведеніяхъ, но все то, гдѣ ихъ творчество выражало народность и реальность, на вѣки останется стоять могучими монументами нашего времени и современной намъ теперь создавательной силы. И это потому, что и Перовъ, и Мусоргскій со всею искренностью и неподкупною правдивостью выражали въ своихъ произведеніяхъ только то, что̀ видѣли собственными глазами, то, что̀ въ дѣйствительности существовало, и не задумывались ни о какихъ выдумкахъ и идеальностяхъ. Во всемъ, что̀ воспроизводитъ истинную, настоящую жизнь, есть тѣ задатки живучести, до которыхъ далеко всѣмъ остальнымъ формамъ искусства.

Въ произведеніяхъ Перова и Мусоргскаго сказался могучій шагъ впередъ нашего времени въ сравненіи съ предъидущимъ періодомъ. Матеріалъ, доступный художнику, сталъ шире, многообъемистѣе, вслѣдствіе новыхъ условій жизни, но и художники стали также и сами шире и глубже со своими воззрѣніями. Живописецъ Ѳедотовъ и музыкантъ Даргомыжскій имѣли возможность изображать, изъ цѣлаго объема русской дѣйствительности, лишь очень немногое, какъ и самъ ихъ великій предшественникъ, Гоголь. Міръ дворянъ и чиновниковъ не былъ имъ вовсе запрещенъ, и они имъ пользовались, они его изображали со всей силой своего таланта, хотя конечно «со страхомъ Божіимъ», въ предѣлахъ цензуры самой нелѣпой, привязчивой и трусливой. Ѳедотовъ имѣлъ право представить на своихъ картинахъ чиновника, идолопоклонствующаго передъ орденомъ, солдафона-маіора, втирающагося въ заплеснѣвѣлый купеческій домъ; Даргомыжскій имѣлъ право представлять чиновника, идолопоклонствующаго передъ чиномъ («онъ былъ титулярный совѣтникъ, она—генеральская дочь!»,—или: «Вѣдь я червякъ въ сравненьи съ нимъ, лицомъ такимъ, его сіятельствомъ самимъ!»), но все это могло появляться передъ глазами и ушами русскихъ только потому, что имѣло видъ «шутки», легкаго «баловства» въ живописи и музыкѣ, чего-то увеселительнаго и потѣшнаго. На тогдашнихъ цензурныхъ заставахъ

было признано, что во всемъ этомъ ничего нѣтъ серьёзнаго, и ничто не идетъ въ дѣйствительную глубь дѣла. Трагизмъ, таившійся въ глубинѣ этихъ «шутокъ», указанная искусствомъ во всей ея наготѣ гниль чиновниковъ и солдафоновъ ускользали отъ соглядатаевъ-приставовъ. Что касается до низшихъ пластовъ народа, то его можно было изображать либо совершенно благополучнымъ и идиллически-граціознымъ, вообще идеальнымъ, или-же, если уже идти на правду, то развѣ только глупымъ, грубымъ, пьянымъ и каррикатурнымъ. Сообразно съ этимъ и Даргомыжскій, какъ ни оригиналенъ, какъ ни талантливъ былъ, а рѣшался изображать либо только совершенно идеальныхъ (хотя и трагическихъ) пейзановъ: «Мельника» и его дочь «Наташу», либо реальныхъ (но только что комическихъ) мужиковъ, пьяныхъ и надуваемыхъ женою («Какъ пришелъ мужъ изъ-подъ горокъ»). Весь остальной океанъ русскихъ людей, жизни, характеровъ, отношеній, несчастья, невыносимой тягости, приниженности, зажатыхъ ртовъ — всего этого словно никогда не бывало на свѣтѣ, словно это вовсе до искусства и не касается.

Перовъ и Мусоргскій принадлежатъ совершенно иной полосѣ русской жизни—той, гдѣ русское художество, наконецъ, произошло на свѣтъ. Въ эту пору художникъ нашъ уже потихоньку раскрылъ свои глаза и обвелъ ими вокругъ себя. Какъ у него внутри защемило, какія пронзительныя ноты послышались въ его созданіяхъ! Перовъ и Мусоргскій всѣ отдались этому щемящему чувству негодованія и боли.

Оба они—живописцы народа, долго позабытаго, долго оттолкнутаго назадъ, за красивыя декораціи, и тамъ прозябавшаго, ни для кого невѣдомо. У Перова и Мусоргскаго было, на ихъ вѣку, много сюжетовъ и задачъ, чудесно ими выполненныхъ, но нѣтъ ничего выше, сильнѣе и важнѣе, какъ тѣ мѣста ихъ произведеній, гдѣ стоитъ фигура народа, во всей правдѣ, во всей неподкрашенности, во всей суровости и, можетъ быть, даже иногда шершавости. Русскій крѣпостной міръ—вотъ гдѣ истинная сфера высшихъ, совершеннѣйшихъ созданій Перова и Мусоргскаго. Здѣсь выразилась глубокая сила, оригинальность, новизна. Это была истинная задача ихъ жизни, и ее-то именно они оба выполнили съ величайшимъ совершенствомъ.

Оба художника родились среди полнаго развала крѣпостного права. Первую свою пол-жизни они были его свидѣтелями, а потомъ вторую свою пол-жизни употребили на то, чтобъ воспроизвести это чудовище во всемъ блескѣ, и спереди и сзади, и справа и слѣва, и сверху и снизу. Ни у Перова, ни у Мусоргскаго никогда не было при этомъ плотной и правильной системы, стройнаго организованнаго плана. Никогда ни тотъ, ни другой не говорили себѣ: «Давай-ка я

стану изображать крѣпостное право со всѣми его дикими болячками, давай-ка я нарисую его портретъ». Нѣтъ, чего-то подобнаго никогда не бывало. Но они оба провели все свое дѣтство и отрочество въ деревнѣ, въ глуши, среди помѣщиковъ и крестьянъ, среди всего, что̀ наросло на свѣтъ отъ ихъ ужаснаго сожительства. Много лѣтъ своей юности они купались во всемъ этомъ, и, полные негодованія, горя и сочувствія, впослѣдствіи, когда пришла возможность хоть немножко растворить губы, только воспроизводили одну за другою видѣнныя собственными глазами сцены, можно сказать, невольно.

Чего наслушался, чего насмотрѣлся Мусоргскій въ помѣщичьей средѣ, то выражено у него во многихъ письмахъ къ пріятелямъ, начала 1860-хъ годовъ, почти тотчасъ послѣ великаго переворота освобожденія крестьянъ. Въ одномъ письмѣ онъ пишетъ изъ деревни: «Что̀ у насъ за помѣщики! Что̀ за плантаторы!.. И съ ними встрѣчаешься каждый день, каждый день они васъ слезливо мучатъ «утраченными правами», «крайнимъ раззореніемъ». Вопль, стоны и скандалы! Есть, правда, порядочная молодежь, «мальчишки», да я ихъ почти никогда не вижу, молодежь эта посредничаетъ и потому постоянно въ разъѣздахъ. А я, многогрѣшный, вращаюсь въ оной ретирадной атмосферѣ: она рѣдко затрогиваетъ инстинктъ изящнаго, думаешь только о томъ, какъ-бы не провонять и не задохнуться...» Изъ другого письма Мусоргскаго мы узнаемъ, какъ онъ изучалъ народъ. Въ 1868 году онъ однажды пишетъ изъ Псковской деревни: «Наблюдалъ за бабами и мужиками, извлекъ аппетитные экземпляры. Одинъ мужикъ—сколокъ съ Антонія въ шекспировскомъ «Цезарѣ», когда Антоній говоритъ рѣчь на форумѣ, надъ трупомъ Цезаря. Очень умный и оригинально ехидный мужикъ! Все сіе мнѣ пригодится, а бабьи экземпляры—просто кладъ! У меня всегда такъ: я вотъ запримѣчу кое-какихъ народовъ, а потомъ, при случаѣ, и тисну...»

Первая самостоятельная попытка Перова была «Пріѣздъ станового на слѣдствіе». Пойманный въ порубкѣ лѣса несчастный крестьянинъ, гроза-становой, лукавый писарь, розги, которыя вяжутъ на порогѣ избы, и словно глядящія изъ всѣхъ угловъ и изъ всѣхъ лицъ бѣдность, невѣжество, холодъ и голодъ, злой кулакъ и овечья покорность—вотъ тэмы этой юношеской картины. Первая самостоятельная попытка Мусоргскаго была «Калистратъ», и здѣсь тэмою для этой юношеской картины легли строфы Некрасова:

Нѣтъ счастливѣй, нѣтъ пригожѣе,
Нѣтъ нарядпѣй Калистратушки!
Въ ключевой водѣ купаюся,
Пятерней чешу волосыньки,

Урожаю дожидаючи
Съ непосѣянной полосыньки!
А хозяйка занимается
На нагихъ дѣтишекъ стиркою,
Пуще мужа наряжается—
Носитъ лапти съ подковыркою!

Этому юношескому своему настроенію ни Перовъ, ни Мусоргскій никогда не измѣняли. Никогда во всю жизнь они не рисовали мужичковъ, живущихъ припѣваючи и мило разсуждающихъ, сидя на заваливкѣ; никогда ихъ кисть не лгала и не фальшила. Они рисовали только то, что̀ въ самомъ дѣлѣ есть, и что̀ они въ самомъ дѣлѣ видѣли. За то-то и оказалось столько ими недовольныхъ. Вѣдь правда жизни—главный всеобщій врагъ, особливо, когда намъ ее представляютъ совершенно съ другого подъѣзда, чѣмъ тотъ, который мы укажемъ.

Крестьянскіе типы, крестьянскія сцены принадлежатъ къ наивысшему, что только создано Перовымъ и Мусоргскимъ. Фигуры мужиковъ въ «Сценѣ у желѣзной дороги», въ «Охотникахъ на привалѣ», въ «Сельской проповѣди», въ «Сельскихъ похоронахъ», и даже отчасти въ «Пугачевцахъ» Перова, столько же вѣрные и поразительные типы, какъ и мужики въ 1-мъ и въ послѣднемъ актѣ «Бориса Годунова», въ «Хованщинѣ» и въ «Трепакѣ» Мусоргскаго. Этотъ изумительно типичный «дѣдко», разглядывающій, вмѣстѣ съ двумя другими мужиками поѣздъ желѣзной дороги, несущійся мимо—это сущіе pendants къ мужикамъ въ оперѣ Мусоргскаго, стоящимъ на московской площади толпой передъ избраніемъ Бориса на царство. У тѣхъ и у другихъ одинакая смѣсь добродушія, наивности, покорности, пригнетенности—и тутъ-же сейчасъ ума, лукавства и ѣдкой насмѣшливости. Посмотрите въ эти оловянные глаза «дѣдкѣ», что̀ посерединѣ картины у Перова стоитъ, въ его улыбку мумія—все произведенія долгихъ лѣтъ крѣпостного хомута; посмотрите на этихъ почесывающихся мужиковъ въ «Сельской проповѣди», не совсѣмъ-то ясно понимающихъ проповѣдь батюшки о томъ, что «всяка власть отъ Бога», когда барскій лакей, рядомъ, толкаетъ ихъ брата прочь, когда помѣщикъ сладко спитъ, когда помѣщица любезничаетъ съ франтомъ—это передъ вами точь въ точь тѣ самые мужики, что нарисованы у Мусоргскаго въ «Борисѣ», и изъ которыхъ одни спрашиваютъ: «Митюхъ, а Митюхъ, чего оремъ?», а другіе отвѣчаютъ: «Вона, почемъ я знаю!» Товарищи дѣдки, разсмѣявшіеся на поѣздъ, это точь въ точь тѣ самые мужики, что у Мусоргскаго юмористически отвѣчаютъ полицейскому приставу, грозящему имъ палкой за то, что они молчатъ: «Только поотдохнемъ, заоремъ мы снова!»

Бабы Перова, гуторящія, шумящія, болтающія какъ чечотки, пересмѣнивающія одна другую, въ шутку перебранивающіяся съ мужьями и дядями, или за панибрата кричащія полицейскому: «Не серчай, Микитычъ, не серчай родимый!», мужикъ, въ «Охотникахъ на привалѣ», ѣдко насмѣхающійся надъ разоврившимся бариномъ—это словно бабы и мужики, насмѣхающіеся надъ Борисовымъ воеводой въ Кромахъ (V-й актъ «Бориса»). Одинъ изъ товарищей Пугачова, сидящій около него на крыльцѣ, уже съ топоромъ въ рукѣ, разгульный, злой и безжалостный (у Перова)—это точь въ точь одинъ изъ тѣхъ, что̀ цѣлой ватагой собираются творить расправу надъ Хрущовымъ и надъ іезуитомъ въ послѣднемъ актѣ «Бориса Годунова» Мусоргскаго. И тутъ и тамъ—люди, вышедшіе однажды изъ терпѣнія, одичавшіе и свирѣпые.

Если бы понадобилась музыкальная иллюстрація для мужиковъ и бабъ Перова, или живописная для мужиковъ и бабъ Мусоргскаго, я бы предложилъ ихъ иллюстрировать одного другимъ. Ѳомки, Епифаны, Митюхи, Афимьи и множество другихъ личностей въ двухъ операхъ Мусоргскаго, какъ двѣ капли воды, похожи характеромъ, обликомъ, настроеніемъ, добромъ и зломъ своимъ, на множество такихъ-же Ѳомокъ, Епифановъ, Митюхъ и Афимій—Перова, которыхъ мы только именъ не знаемъ.

Но у Перова нѣтъ вотъ какого любопытнаго русскаго типа: это типа разбубенной, развеселой, разухабистой бабы, прошедшей сквозь огонь и воду; у Мусоргскаго онъ есть, въ лицѣ корчмарки въ «Борисѣ», мурлыкающей пѣснь про «Селезня», и въ лицѣ бабы, поющей «Гопакъ». Обѣ личности—чудесно характерныя.

Заключительная нота всѣхъ вообще этихъ жизней—одна и та же у обоихъ авторовъ: безотрадная смерть.

У Перова чудесны «Сельскіе проводы покойника», у Мусоргскаго ни на одну іоту не уступаетъ имъ «Трепакъ». Трагичность, глубина чувства, щемящая нота—одинаковы. У Перова жена съ дѣтьми везутъ на дровняхъ несчастный досчатый, кое-какъ сколоченный, гробъ съ бѣднымъ покойникомъ; они всѣ скомкались въ одну группу, и живые и мертвый, имъ такъ тѣсно на дровняхъ, дѣтки притиснуты въ стороны гробомъ, вдова сидитъ на нижнемъ концу гроба, дѣти спятъ или собираются заревѣть, мать, бѣдная, поникла головой и наклонилась къ своей плохой клячѣ, везущей теперь, вмѣсто сѣна или дровъ, вотъ какую процессію—и все это среди ледяного зимняго пейзажа, занесенныхъ снѣгомъ полей, едва наѣзженной дороги. Холодъ, пустыри, засыпанная снѣгомъ глушь, забвеніе и на вѣки безвѣстность, словно которая-то изъ милліоновъ птичекъ замерзла на дорогѣ и никто о ней не знаетъ и не будетъ никогда знать, никому ни жизнь, ни смерть

ея не были интересны—вотъ содержаніе этой картины. «Возвращеніе крестьянъ съ похоронъ»—продолженіе этой сцены и настроенія. Опять зима, опять снѣгъ, опять пустырь, опять глухія мѣста, опять безпомощный, забытый людъ, идущій въ холодныхъ зипунахъ и потертыхъ тулупахъ, по едва протоптанной дорогѣ, мущины съ лопатами на плечѣ, бабы съ убитыми лицами. Но картина интересна уже только по сюжету и мысли. Исполненіе ея совершенно эскизное, неудовлетворительное; ни одна фигура не срисована съ натуры, выраженія—придуманныя и искусственныя (она писана въ послѣдніе мѣсяцы жизни Перова). У Мусоргскаго повторяется та-же страшная нота въ его «Трепакѣ»: «Лѣсъ, да поляны, безлюдье кругомъ. Вьюга и плачетъ, и стонетъ; чуется будто во мракѣ ночномъ, злая, кого-то хоронитъ. Глядь, такъ и есть! Въ темнотѣ мужика Смерть обнимаетъ, ласкаетъ; съ пьяненькимъ пляшетъ вдвоемъ трепака: «горемъ, тоской, да нуждой томимый, лягъ, прикорни, да усни родимый! Я тебя, голубчикъ мой, снѣжкомъ согрѣю...» Долгіе тяжкіе годы томительной работы, холода и голода, мозолей на рукахъ, несчастья въ избѣ съ семействомъ и потомъ—бѣдное тѣло, спрятанное подъ грудами снѣга, среди вьюги и вѣтра, вотъ что̀ одинакой кистью рисовали Перовъ и Мусоргскій.

Но въ картинѣ Перова у насъ передъ глазами была одна изъ сценъ начала жизни крестьянскихъ дѣтей. Несчастье, бѣдность, безпомощность, да еще все это въ сто разъ еще болѣе выросшее послѣ смерти того, кого они тутъ провезли въ гробу. Пусть эти дѣтки подростутъ, какая тогда-то сдѣлается у нихъ жизнь? Это рисуетъ намъ въ одной изъ своихъ картинъ Перовъ; но рядомъ съ нимъ и Мусоргскій, въ двухъ изъ числа совершеннѣйшихъ своихъ романсовъ. Кто у насъ не знаетъ «Тройку» Перова, этихъ московскихъ ребятишекъ, которыхъ заставилъ хозяинъ таскать по гололедицѣ, на салазкахъ, громадный чанъ съ водой. Всѣ эти ребятишки—навѣрное деревенскіе родомъ, и только пригнаны въ Москву, на промыселъ. Но сколько они намучились на этомъ «промыслѣ»! Выраженія безъисходныхъ страданій, слѣды вѣчныхъ побоевъ нарисовались на ихъ усталыхъ блѣдныхъ личикахъ; цѣлая жизнь разсказана въ ихъ лохмотьяхъ, позахъ, въ тяжкомъ поворотѣ ихъ головъ, въ измученныхъ глазахъ, въ полураствореныхъ отъ натуги милыхъ ротикахъ. У Мусоргскаго вы встрѣчаете живой pendant ко всему этому. Его романсы «Сиротка» (на собственныя слова) и его «Спи-усни, крестьянскій сынъ» (на слова изъ «Воеводы» Островскаго) столько же трагичны и столько же чудесны по красотѣ, какъ картина Перова. «Холодомъ-голодомъ грѣюсь кормлюся я», со щемящимъ выраженіемъ и прерывающимся

голосомъ лепечетъ «Сиротка»... «Бранью-побоями, страхомъ-угрозою добрые люди за стонъ голодный мой подчуютъ... Нѣтъ моей силушки...» Та же доля и у «крестьянскаго сына» А. Н. Островскаго, котораго стихи передалъ Мусоргскій съ неподражаемымъ выраженіемъ тяжелаго горя, чувства и музыкальной красоты: «Изживемъ мы бѣду за работушкой, за немилой, чужой, неокладною, вѣковѣчною, злою, страдною...»

Надо было слышать, какъ исполняли эти оба chefs-d'oeuvre'а Мусоргскаго два великіе русскіе артиста: пѣсню смерти, «Трепакъ»— покойный Ос. Аѳан. Петровъ, а «Сиротку»—его супруга, тоже бывшая знаменитая пѣвица, Анна Яковл. Петрова. Надо было слышать обоихъ этихъ высокихъ художниковъ, хотя оба они уже были въ преклонныхъ лѣтахъ, чтобы оцѣнить всю правду и глубину этихъ двухъ созданій Мусоргскаго.

Перову не случилось изобразить русскихъ крестьянскихъ дѣтей тоже и въ свѣтлыхъ краскахъ. Мусоргскому—случилось. И съ какой теплотой душевной и въ какихъ чудесныхъ линіяхъ онъ нарисовалъ и эту сторону нашего дѣтскаго міра! Въ послѣднемъ актѣ «Бориса» есть у него сцена, взятая изъ драмы Пушкина, необыкновенно оригинальная и красивая. Это сцена съ юродивымъ. Почти все тутъ по Пушкину, и только дѣйствіе происходитъ не на Московской площади передъ соборами, а въ лѣсу, на югѣ Россіи, близь города Кромъ, въ минуту появленія Самозванца съ толпами его шаекъ. Входитъ на сцену юродивый, преслѣдуемый цѣлой оравой мальчиковъ, которые глумятся и хохочутъ надъ нимъ, и потомъ вытаскиваютъ у него изъ рукъ его «копеечку». «Желѣзный колпакъ! желѣзный колпакъ! улю-лю-лю-лю!» кричатъ и жужжатъ они ему въ уши, облѣпивъ его кругомъ, словно комары. У Мусоргскаго эта крошечная сценка полна такой рѣзвости, такого свѣтлаго дѣтскаго настроенія, такой милой шаловливости и живости, которыя дѣйствуютъ увлекательно (конечно только не на тупыхъ музыкальныхъ консерваторовъ). Подстать этимъ крестьянскимъ дѣтямъ Мусоргскаго я знаю только однихъ крестьянскихъ дѣтей въ нашей живописи: это дѣтей въ талантливомъ «Ночномъ» Владиміра Маковскаго.

«Озорникъ» Мусоргскаго, это еще фигура изъ одной породы съ мальчишками изъ послѣдняго акта въ «Борисѣ»: тѣ пристаютъ къ юродивому, насмѣхаются и трунятъ надъ нимъ,—точно также, въ настоящемъ романсѣ, шустрый бойкій озорникъ-мальчуганъ пристаетъ къ старухѣ на улицѣ: «Охъ баушка, охъ родная, раскрасавушка—обернись! Востроносая, серебреная, пучеглазая, поцѣлуй! Станъ-ли твой дугой, подпертой клюкой, ножки-косточки, словно тросточки.—Ой не бей, ой не бей!...»

Такіе глубоко-народные художники, какъ Перовъ и Мусоргскій, не могли выпустить изъ своей галлереи глубоко-народнаго типа, «юродиваго». Этотъ типъ, которому суждено, быть можетъ, скоро у насъ выродиться, игралъ всегда слишкомъ крупную роль въ старой крѣпостной Россіи, слишкомъ былъ постоянно на виду, и, значитъ, не могъ не поражать глубоко и Перова, и Мусоргскаго. Оба они и изобразили его съ удивительною рельефностью.

У Перова «Божій человѣкъ» — это одна изъ капитальныхъ его картинъ. Въ рубищѣ, босоногій, всклокоченный, покрытый тяжелыми желѣзными веригами, юродивый стоитъ, прислонившись задомъ къ стѣнѣ, въ позѣ и съ жестомъ полубезумнаго, и устремляетъ на васъ свой помѣшанный сверкающій взоръ; его ротъ широко раскрытъ, онъ улыбается, схватясь рукой за голову и, кажется, запыхавшись отъ быстраго бѣга, произноситъ какія-то странныя рѣчи. Юродивый Мусоргскаго въ «Борисѣ» тоже вбѣгаетъ запыхавшись на сцену, онъ жалокъ, онъ чуденъ; онъ тоже какъ тотъ произноситъ, съ безуміемъ въ голосѣ, странныя свои рѣчи, онъ жалобно поетъ: «мѣсяцъ ѣдетъ, котенокъ плачетъ, юродивый вставай, Богу помолися, Христу поклонися! Христосъ Богъ нашъ, будетъ ведро, будетъ мѣсяцъ...» (Слова по Пушкину). Но этотъ самый юродивый, нѣсколько минутъ позже, обворованный со своей копеечкой деревенскими мальчишками, свидѣтель буйнаго въѣзда Самозванца съ его ватагой, остается одинъ на пустой сценѣ, и пока вдали начинаетъ краснѣть зарево пожара, зажженнаго вольницей Самозванца, сидитъ на камушкѣ и жалобно причитаетъ: «лейтесь, лейтесь, слезы горькія; плачь, плачь душа православная, скоро врагъ пріидетъ и настанетъ тьма темная, непроглядная. Горе, горе Руси! Плачь, плачь русскій людъ, голодный людъ!...» Здѣсь опять та же фигура Перова на лицо, только она уже тутъ возвысилась до трагизма, до истинной патетичности.

Другой юродивый является у Мусоргскаго въ его знаменитомъ романсѣ «Савишна», всегда составлявшемъ восхищеніе лучшихъ нашихъ музыкантовъ. Всѣ вообще романсы Мусоргскаго — сцены, взятыя съ натуры, прямой результатъ того, что́ онъ самъ видѣлъ и слышалъ; но этотъ романсъ одно изъ тѣхъ немногихъ созданій Мусоргскаго, происхожденіе которыхъ намъ документально извѣстно. Разъ въ деревнѣ, стоя у окна, онъ случайно увидалъ ту сцену, какъ безобразный полукалѣка юродивый объяснялся въ любви съ молодой бабёнкой, ему приглянувшейся, любезничалъ съ нею, а самъ стыдился самого себя (все равно какъ «Звѣрь-чудовище», объясняющійся въ любви съ красавицей купеческой дочкой въ прелестной сказкѣ Аксакова «Аленькій цвѣточекъ»). Чувство, робкая покорность, само-

стиженіе—глубоко трагичны и чудно прекрасны здѣсь въ романсѣ Мусоргскаго.

Въ добавокъ ко всѣмъ его типамъ и сценамъ, у Перова есть одно превосходное созданіе, гдѣ выразился типъ, нетронутый Мусоргскимъ. Это типъ женщины «Юродивой», рисунокъ изъ лучшаго времени Перова (1872 года): юродивая сидитъ на углу улицы, должно быть въ Москвѣ, что-то ораторствуетъ по-своему, и толпа почитательницъ, бабъ, раболѣпно слушаетъ ея дикіе и нелѣпые глаголы. Это сцена поразительная.

Фигура, всегда очень близкая къ народу, это полицейскій. Перовъ и Мусоргскій изобразили его всего по одному разу каждый, но великолѣпно. У Перова, это тотъ бездушный истуканъ, который сидитъ подлѣ вытащеннаго изъ воды тѣла «Утопленницы», и тянетъ махорку изъ коротенькой трубочки, словно краденый тюкъ товара, снова найденный, сторожитъ. Его калмыцкое широкое лицо, все истыканное оспой, его равнодушные глаза, его казенная поза—все это говоритъ о томъ человѣкѣ, который уже вполнѣ выдрессированъ, который «готовъ» отъ головы до ногъ, и его ничѣмъ въ мірѣ не проймешь. У Мусоргскаго столь же великолѣпенъ типъ, и столь же вѣренъ. Нужды нѣтъ, что это полицейскій не нынѣшній, а жившій 300 лѣтъ назадъ—ничего не перемѣнилось отъ этого. Онъ не сторожитъ никакого мертваго тѣла, но онъ сторожитъ цѣлую массу живыхъ человѣческихъ тѣлъ, толпу простого народа, согнаннаго на площадь, чтобъ Бориса Годунова упрашивать на царство. Ему надо только одно, чтобъ эти человѣческіе рты кричали и жалобно просили, чтобъ колѣни были преклонены и руки протянуты впередъ, надо, чтобъ это казенное дѣло было справлено. До всего остального, что̀ въ головахъ этой толпы происходитъ, пока нѣкій торжественный историческій актъ тутъ совершается, ему никакого дѣла нѣтъ, точь въ точь какъ тому, изрытому оспой, калмыку въ полицейской шинели, въ картинѣ Перова, и въ голову не приходитъ помысла о томъ великомъ таинствѣ смерти, которое снизошло надъ этой бѣдной женщиной, отъ отчаянія бросившейся въ воду.

Помѣщиковъ Перовъ и Мусоргскій изображали не много разъ, но характерно. При этомъ преимущество силы, выпуклости и разносторонности—на сторонѣ Мусоргскаго. Замѣчательнѣйшій типъ помѣщика у Перова выставленъ въ его «Сельской проповѣди»: это старикашка, ничтожный и темный, кроткій и смирный на видъ, вѣроятно алчный и безжалостный «на дѣлѣ», и только. Намного сложнѣе и глубже типъ стариннаго помѣщика, нарисованный Мусоргскимъ въ его князѣ Иванѣ Хованскомъ (въ «Хованщинѣ»). Это старикъ, на

иное добрый и благодушный, на иное лютый, злой, безпощадный; надутый предками и безграничною властью, мирно бушующій въ домашнемъ гаремѣ, вспыльчивый до бѣшенства, ограниченный, трактующій все вокругъ себя, какъ прирожденное рабское холопство. Этотъ самый типъ «помѣщика» намѣревался Мусоргскій трактовать и въ оперѣ «Бобыль», которой сценаріумъ уцѣлѣлъ въ его бумагахъ, и о которой мы много совѣщались съ нимъ скоро послѣ «Бориса Годунова». Иное было уже туда сочинено. Сцена «гаданья» Марѳы, для князя Голицына въ «Хованщинѣ», прямо взята изъ сцены «гаданья», для старика-помѣщика въ «Бобылѣ». Въ этой оперѣ долженъ былъ явиться «судъ помѣщика», у себя дома, при обстановкѣ какъ у мирового судьи, надъ пойманнымъ браконьеромъ-бобылемъ (нѣчто въ pendant къ сценѣ «Пріѣзда становего на слѣдствіе», Перова).

III.

Крупный и многозначительный отдѣлъ въ ряду созданій Перова и Мусоргскаго составляетъ духовенство, черное и бѣлое; но, какъ было и съ «народомъ», изображенныя личности принадлежатъ всѣ къ люду сельскому, захолустному, провинціальному. Столицъ и въ этомъ также отношеніи ни Перовъ, ни Мусоргскій не затрогивали. Они писали только то, что̀ было самаго характернаго и лично узнаннаго ими во время деревенской ихъ жизни.

«Семинаристъ»—это одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ типовъ, созданныхъ Мусоргскимъ. Многія сотни, а можетъ быть и тысячи петербургской учащейся молодежи вотъ уже второй десятокъ лѣтъ восхищаются этой изумительной картиной съ натуры. Всѣмъ имъ этотъ типъ былъ близокъ, всѣмъ хорошо извѣстенъ въ дѣйствительности; здѣсь-же онъ былъ воспроизведенъ съ такою правдою, какую не часто встрѣтишь въ искусствѣ—всего менѣе въ музыкѣ. Порядочно уже взрослый болванъ, изъ поповскихъ или дьячковскихъ дѣтей, осужденъ долбить латынь, до которой ему нѣтъ никакого дѣла, съ которой онъ никогда не имѣлъ, не имѣетъ и не будетъ имѣть ничего общаго, которая ему ни на что не нужна, и которую онъ все-таки вынужденъ тирански вбивать себѣ въ голову. Сотни лѣтъ прошли со времени перваго заведенія латыни въ Заиконоспасскомъ духовномъ училищѣ, въ Москвѣ, и ни одному изъ учившихся никогда еще не понадобилось, во всю ихъ дьяконскую или поповскую жизнь, сдѣлать употребленіе изъ этой тяжко добытой латыни, и однако-же, не смотря ни на что, безумное толченіе воды должно было продолжаться. Сколько

проклятій, сколько ненависти и презрѣнія, сколько упрековъ посылалось ей, на сотняхъ концовъ Россіи, въ продолженіи сотенъ лѣтъ! Какой мучительный хомутъ, какое уродованіе мозговъ ненужнымъ орудіемъ пытки! И хоть-бы черезъ это что-нибудь получалось въ результатѣ. Такъ нѣтъ же. несчастные бурсаки, вопреки всей своей латыни и всей остальной схоластикѣ, оставались темными, невѣжественными созданіями, безъ луча свѣта въ головѣ, безъ мысли и самостоятельности, робкими и покорными, не играющими никакой роли въ русской жизни, не народившими никакой высокой мысли, ни глубокаго чувства въ тѣхъ другихъ, кому они должны были бы въ продолженіе всей жизни служить поддержкою, утѣшеніемъ и помощью. Къ чему-же повела вся несчастная схоластика? Вотъ этотъ-то міръ порченія живой натуры и искаженія свѣжихъ силъ должно было изобразить новое искусство. Оно это и сдѣлало въ яркихъ талантливыхъ краскахъ рукою Мусоргскаго. Для поверхностнаго и разсѣяннаго слушателя, «Семинаристъ» Мусорскаго—только предметъ потѣхи, предметъ веселаго смѣха. Но для кого искусство—важное созданіе жизни, тотъ съ ужасомъ взглянетъ на то, что̀ изображено въ «смѣшномъ» романсѣ. Молодая жизнь, захваченная въ желѣзный нелѣпый ошейникъ, и тамъ бьющаяся съ отчаяніемъ—какая это мрачная трагедія! Юноша, осужденный на бѣличье колесо, котораго ненужность онъ каждую секунду чувствуетъ, но все-таки внутри его бѣгай, да еще живо поворачивайся—что̀ можетъ быть ужаснѣе? А тутъ побои по затылку кулакомъ самаго «батюшки»-наставника, а тутъ его дочка Стёша, «щочки что̀ твой маковъ цвѣтъ, глазки съ поволокой», которая стоитъ передъ глазами на лѣвомъ клиросѣ во время молебна «преподобной и преславной Митродорѣ, пока онъ самъ читалъ прокименъ гласъ шестый»—вотъ долби тутъ какъ идіотъ: «panis, piscis, crinis, finis.... et canalis, et canalis!» Какъ тутъ не одичать среди всего этого безумія? И тотъ, который въ романсѣ Мусоргскаго еще свѣжій, здоровый молодой парень, еще милый и интересный, юмористическій и бодрый, скоро опустится и отупѣетъ, жизненныя краски поблекнутъ и останется бездушная топорная кукла.

У Перова семинаристъ является два раза. Въ первый разъ, въ «Рыболовахъ», это еще живой, проворный мальчикъ, старательно приготавливающій на бережку ведра для рыбы, пока «батюшка» вмѣстѣ съ отцомъ-дьякономъ тянетъ по рѣчкѣ сѣть съ рыбой. Въ другой разъ, превращеніе уже совершилось (картина: «Пріемъ странника-семинариста»). Тотъ, кто былъ въ началѣ живой веселый мальчикъ, и кого потомъ такъ долго били, такъ систематически одурачивали, превратился уже въ бурлацкую тупицу. Вотъ онъ сидитъ въ избѣ, куда забрелъ

по дорогѣ. На его сапожищахъ—пудъ грязи и пыли, платье на немъ—дерюга; его приняли и пріютили радушныя бабы, старуха и молодая ея сноха; онѣ поставили передъ нимъ что у нихъ было, и съ удовольствіемъ смотрятъ, какъ онъ, усталый и жестоко проголодавшійся, жадно хлебаетъ похлебку изъ чашки. Картина эта, правда, не изъ лучшихъ у Перова; она принадлежитъ 1874 году, т. е. времени поворота его назадъ, подъ-гору, и много въ ней есть несовершенства, но все-таки типъ главнаго актера удался чудесно. Изъ «семинариста» выработался теперь равнодушный, грубый, безчувственный парень, уже отъ головы до ногъ проза самая безпробудная.

«Дьячокъ» у Мусоргскаго и «дьячокъ» у Перова—близкіе портреты одного и того-же лица, только субъектъ у Перова постарше будетъ. У него (въ картинѣ «Сынъ дьячка, произведенный въ коллежскіе регистраторы») уже и жена-старуха есть, и сынъ взрослый, тотъ самый, что при первой примѣркѣ перваго вицъ-мундира показалъ на лицѣ всѣ дрянныя качества, которыми будетъ потомъ блистать лѣтъ 30—40 кряду, давя и выжимая все вокругъ себя (помните «Колыбельную» Некрасова: «Будешь ты чиновникъ съ виду и подлецъ душой»...) Тутъ въ картинѣ дьячокъ уже старъ и кривъ, онъ не выпускаетъ даже и дома своихъ церковныхъ ключей изъ рукъ, онъ цѣлый день только и возится что со службами и со мздой, вотъ и теперь онъ лишь на секунду воротился домой полюбоваться на новоиспеченнаго чиновника. У Мусоргскаго дьячокъ (Аѳанасій Ивановичъ въ «Сорочинской ярмаркѣ») паціентъ гораздо моложе, онъ еще черезъ заборы лазитъ къ пожилымъ своимъ зазнобушкамъ, онъ съ ними еще неуклюже любезничаетъ, но тяжелый церковнославянскій пошибъ, хапужническій душокъ, раболѣпство и жадность на первомъ планѣ—все это точь въ точь одинаково и у Перова, и у Мусоргскаго.

Поповъ мы встрѣчаемъ у Перова пять разъ: въ «Сельской проповѣди», въ «Сельскомъ крестномъ ходѣ», въ «Трапезѣ», въ «Рыболовахъ» и въ «Пугачевцахъ». Въ первой картинѣ мы видимъ не совсѣмъ ту фигуру, какая была задумана авторомъ: картина была писана въ 1861 г., и, вслѣдствіе тогдашняго образа мыслей, академія художествъ, разсмотрѣвъ первоначальный эскизъ, велѣла Перову не писать священника въ ризѣ, а представить его въ расѣ [1]).

[1]) Этотъ странный образъ мыслей не существовалъ даже во времена императора Александра I, чему служитъ доказательствомъ «Причащеніе умирающей» Венеціанова, гдѣ священникъ представленъ въ ризѣ. Впрочемъ, гоненіе на ризы въ картинахъ, совпадавшее, сколько помнится, съ гоненіемъ на крестообразныя фигуры на дамскихъ платьяхъ и пальто, не долго продер-

Но въ ризѣ или рясѣ, это крѣпкій, тихій и темный старичокъ, съ убѣжденіемъ проповѣдующій передъ «господами» своего села на тему: «Нѣсть бо власть аще не отъ Бога», и поднимающій свой старый дрожащій перстъ къ небу. Въ «Сельскомъ крестномъ ходѣ» совсѣмъ о другомъ дѣло идетъ. Батюшка справляетъ пасху, и не помнитъ уже, выходя изъ избы (гдѣ его усердно угощали) ни о «господахъ», ни о власти отъ Бога. Врядъ-ли онъ помнитъ и самого себя, даромъ что въ ризѣ, даромъ что передъ нимъ несутъ крестъ и икону. Онъ опустилъ голову со спутавшимися волосами, онъ ищетъ себѣ, около крыльца избы, точки опоры... Дьячокъ его таковъ-же. Въ «Трапезѣ» попъ или дьяконъ—единственный представитель бѣлаго духовенства, вся картина состоитъ изъ монаховъ, потому я буду говорить о ней ниже. Въ «Рыболовахъ», батюшка и отецъ-дьяконъ вовсе не на службѣ и не при исполненіи своихъ должностей. Они, жаркимъ лѣтнимъ днемъ заняты своимъ собственнымъ любезнымъ дѣломъ: они раздѣлись, залѣзли по-поясъ въ воду, и тѣшатся рыболовствомъ, волочатъ сѣть въ водѣ. Хотя эта картина не изъ лучшихъ Перовскихъ, но въ ней много хорошаго, и фигуры двухъ главныхъ дѣйствующихъ персонъ, съ ихъ головами на-голо лысыми или повязанными платкомъ, съ ихъ лицами, привыкшими къ выраженіямъ, вѣчно значительнымъ и солиднымъ, а теперь глубоко озабоченными лишь рыбой—комичны на манеръ Гоголя.—Попъ въ «Пугачевцахъ» одно изъ чудесныхъ исключеній этой мало удачной картины, и потому мы скажемъ о немъ, говоря вообще объ этой картинѣ.

У Мусоргскаго поповъ нѣтъ въ его созданіяхъ, и только одинъ разъ попъ изображенъ вскользь, мимоходомъ: это въ «Семинаристѣ». Но какъ ни вскользь, а онъ тутъ вышелъ необыкновенно рельефно. Это тяжелый батюшка стараго покроя, съ тяжелымъ кулакомъ, въ свободное отъ службы время учащій въ семинаріи латыни и помѣчающій семинариста въ «книжицу», за то, что тотъ на молебнѣ много на лѣвый клиросъ «все поглядывалъ, да подмаргивалъ». Хорошее, должно быть, у нихъ тамъ промежду себя ученье шло!

Монаховъ и у Перова, и у Мусоргскаго изображено очень много —цѣлая галлерея. Тутъ у обоихъ авторовъ разнообразіе типовъ и характеровъ изумительное, а между тѣмъ они всѣ явно принадлежатъ одному и тому-же народу, одному и тому-же національному пошибу. Въ первый разъ монахи явились у Перова въ его «Чаепитіе въ Мы-

---

жалось, и уже въ 1862 году Пукиреву не было сдѣлано никакого замѣчанія за то, что у него на картинѣ «Неровный бракъ» священникъ былъ изображенъ въ ризѣ. В. С.

тищахъ», подъ видомъ жирнаго краснаго здоровяка, отдыхающаго въ жару, на пол-дорогѣ къ Троицкому монастырю, подъ тѣнью деревьевъ, и отдувающагося за самоваромъ чайкомъ. Молодая прислуга толкаетъ прочь отъ чайнаго столика безногаго отставного солдата, просящаго милостыню. Все—тому, за то что онъ вѣкъ праздень, ничего—этому, за то что онъ вѣкъ работалъ, какъ волъ, и вотъ теперь въ рубищѣ на деревяшкѣ ходитъ. Положеніе явно то же, что въ «Сельской проповѣди», гдѣ помѣщикъ сладко спитъ, а мужиковъ лакей кулаками гонитъ прочь.

Въ «Трапезѣ»—продолженіе того-же мотива, только уже не на чистомъ воздухѣ, а въ великолѣпной монастырской палатѣ, просторной и богато украшенной, съ росписными стѣнами, образами въ золотыхъ рамахъ, съ большимъ распятіемъ въ глубинѣ залы. Должно быть богатыя поминки идутъ, и учтивый монахъ приглашаетъ жестомъ толстую и огромную генеральшу (родомъ купчиху) тоже отвѣдать. А столы накрыты во всю залу, и чинно сидитъ за ними вся братія, въ живописныхъ своихъ восточныхъ костюмахъ, черныхъ клобукахъ со спускающимся на спину покрываломъ, и въ черныхъ-же широкихъ мантіяхъ, падающихъ великолѣпными складками. Сколько разныхъ натуръ, сколько несходныхъ характеровъ! Одни добродушные, другіе злые и ехидные, одни кроткіе, другіе желчные, одни совсѣмъ неотесанное мужичьё, другіе тяпнувшіе книжной мудрости и способные хоть сейчасъ на преніе въ 40 часовъ сряду; кто высокомѣрный и повелительный, а кто и въ землю униженно лбомъ стучащій, но всѣ сошлись на одномъ: любятъ поѣсть и выпить, кому что на свой ладъ пріятнѣе приходится. Но только имъ и не въ домекъ, что тутъ на порогѣ ихъ великолѣпной, широко раскрытой, трапезной палаты тѣснятся тоже и нищіе, и одна изъ нихъ, бѣдная женщина съ ребенкомъ, сидитъ босоногая на полу и протягиваетъ издали руку. Точно для поясненія, въ числѣ надписей по стѣнамъ, церковной кириллицей, стоитъ: «Лазаре, гряди вонъ». И всѣ угощаются, всѣ заботливо перемѣщаютъ со стола въ желудокъ что получше. Кто, молодецки запрокинувъ голову назадъ, выливаетъ себѣ залпомъ внутрь большую порцію веселаго зелія; кто желчно выговариваетъ посѣдѣлому лакею, что онъ такъ долго мямлитъ, вытягивая пробку изъ горлышка бутылки; кто, захвативъ кончикъ платка зубами, ссыпаетъ туда внутрь съ тарелки всякую лакомую штуку; кто уже довольно пилъ, и, прищуривая немного глаза, ведетъ премудрую бесѣду, доказывая убѣдительно пальцемъ; кто уже и совсѣмъ благополученъ, и скрестивъ руки на брюшкѣ, воздѣваетъ горѣ свое лицо съ порозовѣвшими щеками, ни о чемъ болѣе не думаетъ,

болѣе ничего не хочетъ, мирно блаженствуетъ, даромъ что какой-то гость, свѣтскій духовный, кажется дьяконъ, въ яркой шелковой рясѣ, что-то ему наговариваетъ подъ сурдинкой, фискалитъ или разсказываетъ, а самъ, уже весь блѣдный и искаженный отъ вина, безобразно хихикаетъ, пригнувшись до самаго стола. Но надъ всѣмъ этимъ разстилаются надписи по стѣнамъ: «Не судите да не судимы будете»—«Да не смущается сердце мое»,—и всѣ довольны, всѣ счастливы, богатая трапеза совершается по чину, солнечный лучъ косымъ золотымъ столбомъ входитъ черезъ окно, и въ воздухѣ мечется во всѣ крылья бѣлый голубокъ, нечаянно попавшій туда сквозь растворенную какую-нибудь форточку.

Совсѣмъ другая исторія происходитъ на маленькомъ, но сильно оригинальномъ рисункѣ Перова: «Дѣлежъ наслѣдства въ монастырѣ». Дѣло происходитъ ночью. Умеръ одинъ изъ братіи. Двери кельи крѣпко приперты. Покойный лежитъ на полу, съ раскрытыми глазами. Съ него грубой и безжалостной рукой стаскиваютъ одежды; другіе наскоро отхлестываютъ изъ оставшихся бутылокъ; еще другіе жадно шарятъ по ящикамъ; наконецъ, еще одинъ изъ братіи громаднымъ ломомъ взламываетъ крышу сундука. Повсюду безпорядокъ, сумятица, словно нашествіе непріятельское. Какая разница съ завтрашнимъ днемъ, когда этотъ самый мертвый будетъ чинно лежать на катафалкѣ, и кругомъ него будутъ раздаваться стройные, строгіе похоронные лики.

Какъ заключеніе этого отдѣла созданій Перова, я укажу на маленькую картинку, не только не конченную, но даже существующую лишь въ видѣ эскизнаго наброска. Картинка называется: «Бесѣда двухъ студентовъ съ монахомъ, у часовни». Начата она была въ 1871 году, потомъ въ теченіе цѣлыхъ 10 лѣтъ заброшена, почему—не знаю; но уже навѣрное не потому, чтобъ сюжетъ пересталъ интересовать Перова. Нѣтъ, напротивъ. Въ 1880 году мы находимъ у него ту-же сцену (въ видѣ рисунка карандашомъ), но только нѣсколько измѣненною: дѣло происходитъ уже не на чистомъ воздухѣ, а въ вагонѣ желѣзной дороги, присутствующихъ болѣе, но главныя дѣйствующія лица и ихъ позы остались прежнія. Дѣло все состоитъ въ томъ, что молодые люди, студенты, затѣяли споръ съ монахомъ и такъ его доѣхали, что онъ просто своихъ не найдетъ, присѣлъ плотно на скамейкѣ, прижался руками къ доскѣ и только поднятыми вверхъ глазами точно говоритъ: «Господи! что̀ эти люди говорятъ»! а самъ видимо не знаетъ, что имъ и отвѣчаетъ. Я эту недоконченную маленькую картинку считаю однимъ изъ важнѣйшихъ созданій Перова: тема одна изъ самыхъ современныхъ, какія онъ только бралъ на своемъ вѣку—столкновеніе новаго поколѣнія со

старымъ, и это безъ всякихъ насмѣшекъ, безъ глумленія, безъ дурацкаго ничтожнаго приставанья, нѣтъ—серьезно, важно, съ полнымъ достоинствомъ. Особливо хорошъ и правдивъ юноша налѣво, въ очкахъ, сидящій, схвативъ колѣнку руками и весь устремленный въ мысль, которую доказываетъ. Такія сцены, и не съ одними монахами, поминутно происходятъ у новаго поколѣнія, только раньше Перова никто не вздумалъ ихъ завести въ картину, да еще съ такимъ талантомъ, простотой и вѣрностью. Можетъ быть не много есть сценъ изъ новой жизни, столько важныхъ для искусства, столько зовущихъ его живое воплощеніе, какъ эта: «Новое», наступающее на «Старое», неотвязно, горячо требующее съ него отчета и отвѣта. Глубокій умъ Перова, наблюдательный, симпатичный и пытливый, является тутъ во всемъ блескѣ. По-моему, эта маленькая картинка—одно изъ лучшихъ правъ Перова на русскую славу.

У Мусоргскаго нѣтъ ничего такого-же во всемъ ряду его созданій; развѣ только «Семинаристъ» напоминаетъ задачу. Онъ тоже протестуетъ, нападаетъ и жалуется на существующее около него; ему тоже тяжко въ устроенныхъ давно когда-то колодкахъ, и какъ-бы ему хотѣлось ихъ сбросить! Но тутъ задача меньше и ниже задачи Перова: онъ только жалуется на нелѣпое схоластическое ученье, на стѣсненіе жизни только съ этой стороны. До жалобы на стѣсненіе мысли, до указанія прыщиковъ и бородавокъ на ней—у «Семинариста» еще не доходило.

За то у Мусоргскаго есть цѣлый взводъ монаховъ, которые не только равняются монахамъ Перова, но далеко превосходятъ ихъ. Его Варлаамъ въ «Борисѣ Годуновѣ» такая широкая и многообразная личность, какой у Перова никогда не встрѣчалось. Это натура могучая, богатырская, много лѣтъ прожигавшая жизнь, закаленная въ винѣ и разгулѣ; это человѣкъ, долго бродившій по дорогамъ, деревнямъ и селамъ, какъ «Странникъ» Перова, но онъ является съ совершенно инымъ противъ этого послѣдняго оттѣнкомъ, оттѣнкомъ силы, какой у Перова нигдѣ не выразилось. Онъ бражничаетъ, какъ братія въ «Трапезѣ» Перова, онъ жаденъ, онъ чревожаденъ, какъ разные другіе его монахи, но у него въ натурѣ есть также та дикость, та дремучесть, которой нигдѣ нѣтъ у персонажей Перова, и которая вполнѣ находитъ себѣ выраженіе въ пѣсни «Какъ во городѣ было во Казани», которую онъ распѣваетъ, звѣрообразно и люто, словно онъ самъ какой-то обломокъ отъ исчезнувшихъ каннибальскихъ народовъ. Впослѣдствіи, этотъ самый Варлаамъ могучею рукой поднимаетъ грозную народную бурю противъ двухъ католическихъ монаховъ, іезуитовъ, забредшихъ въ Россію со Лжедимитріемъ.

Во всей живописи ему только одинъ есть pendant—это «Протодьяконъ» Рѣпина. Такой натуры не трогалъ и не выражалъ Перовъ.

Другой монахъ Мусоргскаго, Михаилъ, есть столько-же глубокое воплощеніе Пушкинскаго типъ, какъ и Варлаамъ. Трусливый, слабый, вѣчно держащійся за товарища, даже напивающійся изъ-за его широкой спины, этотъ человѣкъ—одна изъ личностей, которыя можно указать въ «Трапезѣ» Перова.

Пименъ и Досиѳей Мусоргскаго—совершенно иныя натуры. Это аскеты, это глубоко-серьезныя личности, уже ничего не имѣющія общаго съ безобразіями и плотояднымъ чревоугодіемъ. Важная строгая мысль наполняетъ каждаго изъ нихъ. Одинъ—лѣтописецъ, весь погруженный въ записываемыя его рукою народныя сказанія—умиленная и созерцательная душа, другой—истинный вождь народный, фанатикъ и грозный деспотъ. Въ «Пугачевцахъ» Перова есть одна фигура, которая сущій pendant къ Досиѳею Мусоргскаго: это тотъ монахъ-раскольникъ, въ шапочкѣ и съ раздвоенной бѣлой бородой клиньями, который стоитъ позади Пугачева, рядомъ съ кривоглазымъ татариномъ. Этотъ монахъ—фигура глубокая и могуче-типичная.

IV.

Теперь я укажу на совершенно иного рода встрѣчи Перова съ Мусоргскимъ по сюжетамъ. Пьеса Мусоргскаго для ф. п., «Швея», это изображеніе работницы, граціознаго, милаго, но бѣднаго, задумчиваго и элегическаго существа, тѣснимаго нуждой. Эта картина была ему внушена «Пѣснью о рубашкѣ» Гуда, онъ мнѣ самъ это разсказывалъ. Тою-же самою «Пѣснью о рубашкѣ» была (какъ извѣстно) внушена Перову его «Утопленница», эта страшная сцена, такъ часто повторяющаяся у насъ повсюду: раннее утро, сырый туманъ, берегъ рѣчки, и на землѣ—бѣдное вздутое тѣло молодой женщины, вынутой изъ воды. Въ этихъ двухъ созданіяхъ начало и конецъ драмы. Средней нотой является «У ссудной кассы» Перова, гдѣ представлена бѣдная дѣвушка, тоже должно быть швея или портниха, задумчивая, печальная, ждущая у ссудной кассы, чтобъ окошечко открыли. Картина не изъ лучшихъ у Перова, но мнѣ нужно указать на нее здѣсь какъ на одинъ изъ сюжетовъ, столько сходныхъ у нашихъ двухъ авторовъ, и столько трагическихъ въ жизни.

Другая встрѣча Мусоргскаго съ Перовымъ, это изображеніе дилеттантовъ-художниковъ. Каждый изъ двухъ художниковъ вздумалъ нарисовать дилеттанта по собственному своему искусству: Перовъ по

живописи, Мусоргскій по музыкѣ. Какая опять нынѣшняя свѣжая задача! Раньше ихъ двухъ, никто этой темы не трогалъ, потому-ли что дилеттантовъ прежде меньше было, потому-ли, что они еще не были такой зловредной чумой, какъ нынче, но ихъ никто не изображалъ въ искусствѣ, и даже сама литература вѣчно искала рисовать только «истинныхъ художниковъ въ душѣ», хотя эти истинные художники никогда ничего не сдѣлали, а только вѣкъ млѣли въ дрянныхъ и фальшивыхъ сладкихъ ощущеньицахъ, ни гроша не стоющихъ, «ни Богу свѣча, ни чорту кочерга». Но теперь эта лже-поэзія ничего больше не значитъ, и пора ей пришла попасть подъ зубъ сатирѣ. Такую сатиру и сотворили Перовъ и Мусоргскій. «Дилеттантъ» у перваго—это толстякъ, военный, въ свободное время дома марающій холсты, самъ передъ ними блаженствующій, вмѣстѣ съ женой, усердно глядящей на картину въ кулакъ, и лѣниво пыхающій передъ своимъ произведеніемъ изъ короткой трубочки. Картина изумительно правдивая, и тотчасъ-же переносящая зрителя въ атмосферу ничтожнѣйшаго и ненужнѣйшаго баловства съ искусствомъ. Но Мусоргскій пошелъ шире и дальше. Сначала, подъ заглавіемъ «Классикъ», онъ уморительно изобразилъ музыкальнаго дилеттанта, который «простъ и ясенъ и скроменъ, вѣжливъ и прекрасенъ, и чистый классикъ и учтивъ», который «врагъ новѣйшихъ ухищреній», потому что «ихъ шумъ и гамъ и страшный безпорядокъ его тревожатъ и пугаютъ», въ нихъ «гробъ искусства видитъ онъ»,—и эта сатира-каррикатура была тàкъ талантлива, тàкъ вѣрна и забавна, что весь петербургскій музыкальный міръ хохоталъ безъ удержу. Но скоро потомъ Мусоргскій взялъ эту-же тему, но только еще шире. Въ своемъ «Райкѣ» онъ представилъ опять того-же дилеттанта, который «былъ невиненъ, и послушаньемъ старшихъ плѣнялъ; лепетомъ милымъ, дѣтски стыдливымъ, многихъ, многихъ сердца обольщалъ». Рядомъ съ нимъ Мусоргскій поставилъ еще двухъ музыкальныхъ дилеттантовъ; изъ нихъ одинъ, тяжелый піэтистъ и мистикъ, въ классахъ консерваторіи проповѣдуетъ, что «минорный тонъ—грѣхъ прародительскій, и что мажорный тонъ—грѣха искупленія»; другой, легкій на ногу и вертлявый, «ничему не внемлетъ и внимать не въ силахъ, внемлетъ только Патти, Патти обожаетъ, Патти воспѣваетъ». Но эти трое не удержались на мирной, невинной почвѣ своего платоническаго дилеттанства и плохого сочинительства — нѣтъ, они перешли на почву гоненія, преслѣдованія истинныхъ талантливыхъ музыкантовъ (это все дѣйствительно происходило въ Петербургѣ, въ современную Мусоргскому эпоху) и для этого, соединившись съ еще однимъ музыкантомъ (уже не дилеттантомъ), который «рветъ и мечетъ, злится, гро-

зитъ», обратились къ высшему начальству, самой музѣ Евтерпѣ, съ просьбой «златымъ дождемъ Олимпа оросить ихъ нивы», ниспослать имъ вдохновенье», и «оживить ихъ немощь», а они «воспоютъ ее на звонкихъ цитрахъ». Тутъ уже невинность кончилась, прежніе кроткіе дилеттанты превратились въ злыхъ и лютыхъ. Можетъ быть такимъ-же сдѣлался-бы при первой окказіи и кроткій дилеттантъ Перова— затронутые въ своемъ гниломъ святилищѣ дилеттанты всегда на все способны — и вотъ эту-то копошащуюся тлю Перовъ и Мусоргскій больно мазнули своею талантливою кистью. Ка̀къ это хорошо было, ка̀къ чудесно—и ка̀къ нужно! Искусство тутъ не только рисовало и изображало существующее, оно еще являлось въ наивысшей и главнѣйшей своей роли: оцѣнщика и судьи жизни.

Я перебралъ всѣ главныя задачи и мотивы, на которыхъ встрѣчались почти постоянно Перовъ и Мусоргскій въ продолженіе своей жизни. Но подъ конецъ жизни они встрѣтились еще сильнѣе и ближе: всѣ послѣдніе годы свои Перовъ былъ занятъ огромной сложной исторической картиной «Никита Пустосвятъ», которую не кончилъ, Мусоргскій—огромной сложной исторической оперой «Хованщина», которую тоже не кончилъ. Сюжетъ обоихъ созданій—совершенно одинакій. Время—это эпоха стрѣлецкихъ бунтовъ, среда—это русскій раскольничій міръ, задача — это изображеніе столкновенія старой отходящей Руси съ новою зачинающеюся Россіей. У обоихъ авторовъ нѣтъ ничего враждебнаго, ничего нетерпимаго къ раскольничьей, сектантской Руси, не взирая на весь присутствовавшій тамъ, рядомъ со множествомъ хорошаго, осадокъ нелѣпости, закоренѣлой темноты и дикости. Оба автора свѣтло видѣли, всѣми глазами души, сколько чудеснаго, могучаго, чистаго и искренняго было все-таки на сторонѣ этой Руси, и, всего болѣе видѣли, ка̀къ она была въ своемъ правѣ, отстаивая свою старую жизнь и зубами, и когтями. Отъ этого столько симпатичнаго вложили Перовъ и Мусоргскій въ главныя личности своихъ картинъ. У перваго, самъ Никита Пустосвятъ и главный его товарищъ, стоящій въ нѣсколькихъ шагахъ позади его, съ серебрянымъ образомъ въ рукахъ, истинные chefs d'oeuvre'ы національнаго характера, силы, мужества, пламенной энергіи, огненной стремительности—у одного, и обдуманной, упорной сдержанности—у другого. Перовъ мало способенъ былъ къ изображенію народныхъ сценъ, событій, характеровъ, моментовъ—что̀ онъ ни пробовалъ въ этомъ родѣ, все не удавалось, все выходило слабо и неумѣло, но отдѣльныя личности собственно изъ народа не могли ему не удасться, и вотъ поэтому-то, въ такой неважной, нестройной и неудовлетворительной картинѣ, какъ «Никита Пустосвятъ», мы встрѣчаемъ, среди общаго за-

пустѣнія и неудачности, такія изумительныя созданія, какъ указанныя мною двѣ раскольничьи личности. Даже среди бушующей безпорядочной массы раскольниковъ, мечущихся по картинѣ, есть еще нѣсколько довольно счастливо схваченныхъ характеровъ и фигуръ (раскольникъ со свиткомъ въ рукахъ, раскольникъ тотчасъ позади Никиты, поднимающій въ воздухѣ образъ, написанный на деревянной доскѣ); только вся лѣвая сторона картины, тамъ, гдѣ царевна Софія, боярыни русское православное духовенство и иностранцы-гости, уже вполнѣ лишена всякой талантливости, характеристики и правды. Мусоргскій по натурѣ былъ гораздо шире Перова, его талантъ былъ и много объемистѣе, и глубже, и разнообразнѣе. Въ добавокъ къ остальнымъ чертамъ своего дарованія, Мусоргскій былъ въ высшей степени надѣленъ талантомъ историческаго создаванія, и ничто не можетъ быть «историчнѣе» обѣихъ оперъ его: «Бориса Годунова» и «Хованщины». Духъ каждой изъ этихъ двухъ эпохъ, разнообразныя личности, къ нимъ принадлежащія, тѣ сцены, которыя глубоко ихъ характеризуютъ, все это явилось у него въ операхъ въ великомъ совершенствѣ. Разбирать ихъ здѣсь подробно, конечно, не можетъ быть въ настоящую минуту моей задачей, для этого необходимъ былъ-бы особый подробный этюдъ, но здѣсь все-таки нельзя не сказать, хотя и вскользь, нѣсколько словъ о «Хованщинѣ» («Борисъ Годуновъ» не имѣетъ себѣ паралели у Перова, въ общемъ). Въ «Хованщинѣ» первую роль играетъ, какъ и у Перова въ картинѣ, общее впечатлѣніе, выражающее народную массу, народное движеніе, народныя страсти, народные интересы, но тутъ-же рядомъ—и фигура Досиѳея, вождя раскольниковъ, пламеннаго и осторожнаго, фанатика и глубокаго патріота, свѣтлаго умомъ и вмѣстѣ раба старыхъ народныхъ преданій. Около него умѣстились фигуры двухъ князей: Голицына—представителя новой, полу-европейской Россіи, и Хованскаго—представителя темной, дико-патріархальной, домостройной Руси. Тутъ-же двѣ раскольницы, Марѳа—молодая, пламенная, дышущая любовью къ жизни и наслажденію, и, рядомъ съ нею, Сусанна—старуха, изсохшая, злая, завистливая, безумная аскетка. Потомъ, еще нѣсколько второстепенныхъ личностей, и, какъ фонъ всему—стрѣльцы и раскольники, грозная, глубокая народная масса, темная и бушующая, какъ всколыхавшіяся хляби морскія. Мусоргскій во всемъ этомъ далеко пошелъ дальше и глубже Перова, выполнилъ свою задачу (не взирая на иныя несовершенства) съ великимъ пластическимъ талантомъ, но все-таки оба художника близко встрѣтились въ сущности, выборѣ и всемъ направленіи своей задачи.

Другое недоконченное созданіе Перова—его «Пугачевцы». Не любопытно ли будетъ узнать, что и Мусоргскій (никогда, впрочемъ,

не слыхавшій про картину Перова) имѣлъ намѣреніе, послѣ «Хованщины» писать оперу «Пугачевцы»? Объ этомъ у него со мною много было разговоровъ, и слѣды этого намѣренія остались въ нашей корреспонденціи. Мусоргскій, опять-таки совершенно подобно Перову, думалъ до нѣкоторой степени основаться на «Капитанской дочери» Пушкина, но потомъ прибавить въ свое созданіе также и много другихъ, новыхъ, элементовъ. Въ одномъ изъ актовъ оперы должна была явиться на театрѣ та самая сцена, которую представлялъ Перовъ: Пугачевъ на крыльцѣ, окруженный товарищами, помощниками и цѣлой толпой дикой разнузданной вольницы, азіатской и русской, и тутъ же рядомъ отецъ Герасимъ (по Пушкину), стоящій съ крестомъ въ рукахъ, въ бѣдной деревенской ризѣ, и быть можетъ то-же, какъ у Перова, босоногій и весь дрожащій отъ ужаса; тутъ-же еще, безпощадные мясники людскіе, лютые, неумолимые, съ топорами въ рукахъ. Но навѣрное фигуры помѣщиковъ и помѣщицъ, вообще всего захваченнаго въ городахъ и селахъ, врасплохъ, люда, болѣе удались-бы Мусоргскому, чѣмъ Перову: этому, въ послѣднее его время, слишкомъ уже немногое стало удаваться, и ни въ какомъ случаѣ ничто историческое. Если, сравнительно говоря, у него вышелъ все-таки сильно замѣчательнымъ маленькій эскизъ картины, принадлежащій теперь П. М. Третьякову; если тамъ хорошо выражено общее впечатлѣніе пожара, нашествія, свирѣпой расправы и безпомощности, то нельзя забыть, что этотъ эскизъ писанъ въ 1873 году, когда Перовъ былъ еще настоящій, лишь едва-едва пошатнувшійся Перовъ, и что даже въ чуждой ему исторической задачѣ онъ способенъ былъ тогда создать многое великолѣпное. Двѣ большія картины «Пугачевцы», писанныя имъ въ 1875 и 1879 году, уже очень мало имѣли художественнаго и историческаго значенія, а рисунки карандашомъ: «Пугачевцы, скачущіе на коняхъ» и «Пугачевцы, ведущіе плѣнныхъ» (1879—1880 гг.) значили еще менѣе.

Я не говорилъ здѣсь про множество произведеній Перова и Мусоргскаго, хотя многія изъ нихъ принадлежатъ къ числу лучшихъ ихъ созданій: такъ напр. я не говорилъ про «Пріѣздъ гувернантки въ купеческій домъ», «Чистый понедѣльникъ», «Учителя рисованія», «Птицелова», «Рыболова», «Охотниковъ на привалѣ», «Отца и мать Базарова на могилѣ сына» и т. д. Перова, я не говорилъ про «Пирушку», «Козла», «Дѣтскую», «Забытаго», и т. д. Мусоргскаго, потому-что это все темы, принадлежащія каждому изъ нихъ въ отдѣльности и не повторившіяся у другого. Я здѣсь не полные этюды этихъ двухъ художниковъ хотѣлъ представить, а только показать ихъ сходство и точки близкаго взаимнаго соприкосновенія. Полное изученіе ихъ созданій требуетъ гораздо болѣе обширныхъ этюдовъ.

Но, переносясь мыслью къ концу Перова и Мусоргскаго, я опять нахожу между ними разительное сходство: оба умерли, не додѣлавъ своего настоящаго дѣла, и даже, въ послѣдніе годы жизни, утративъ значительную долю своей творческой силы и таланта, оба поворотивъ въ какую-то новую, чуждую сторону. Перовъ пишетъ картины на сюжеты религіозные и аллегорическіе или миѳологическіе, вовсе ему несвойственные («Богоматерь», «Снятіе со креста», «Распятіе». «Христосъ въ Геѳсиманскомъ саду», «Первые христіане въ Кіевѣ», «Весна»); Мусоргскій рядъ романсовъ на слова графа А. К. Толстого и графа А. А. Голенищева-Кутузова, на сюжеты лирическіе, ему вовсе не подходящіе, «Трубадуровъ» («Серенада»), «Полководцевъ» (изъ «Пляски смерти») и т. д., оба вообще множество вещей съ задачами идеальными, лишенными въ самомъ корню той національности и той реальности, въ которыхъ лежала вся сила и Перова, и Мусоргскаго.

Это все утраты, о которыхъ должно горько сожалѣть; но такъ сложилась жизнь обоихъ художниковъ, и, очень можетъ быть, нѣкоторые элементы той самой русской жизни, крѣпостной эпохи, которую они такъ талантливо изображали, и были отчасти причиною паденія и обезображенія ихъ собственной натуры и таланта подъ конецъ ихъ жизни. Нечистое прикосновеніе заразило и эти свѣтлыя натуры.

В. В. Стасовъ.

ЗАПИСКИ ГРАФА МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА [1].

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Переписка о поселеніи лицъ, высылаемыхъ изъ Западной Россіи.

VI.

Министръ внутреннихъ дѣлъ—главному начальнику Сѣверо-Западнаго края.

16-го марта 1864 года.

Вслѣдствіе возникшихъ затрудненій въ препровожденіи и поселеніи въ имперіи высылаемыхъ изъ Царства Польскаго и Западнаго края лицъ, причастныхъ къ происходившимъ тамъ безпорядкамъ, я входилъ съ представленіемъ въ Западный Комитетъ о необходимости установленія подробныхъ и положительныхъ правилъ, какъ для порядка высылки изъ мѣстъ родины означенныхъ лицъ, такъ и для водворенія ихъ.

Получивъ отношеніе управляющаго дѣлами Западнаго Комитета о состоявшемся, по представленію моему, положенію комитета, высочайше утвержденному въ 5-й день марта 1864 г., я имѣю честь препроводить къ в. высокопр—ству списокъ съ помянутаго отношенія, для соотвѣтственнаго распоряженія. Статсъ-секретарь Валуевъ.

---

[1]) См. „Записки графа Михаила Николаевича Муравьева-Виленскаго“ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 г., томъ XXXVI, ноябрь, стр. 387—432; декабрь, стр. 623—644; изд. 1883 г., томъ XXXVII, январь, стр. 131—166; февраль, стр. 291—304; „Приложенія къ Запискамъ“: мартъ, стр. 615—630; апрѣль, стр. 193—230.

VII.

Отношеніе управляющаго дѣлами Западнаго комитета къ министру внутреннихъ дѣлъ.

9-го марта 1864 года.

Ваше пр—ство изволили внести въ Западный-Комитетъ представленіе, 10-го января сего года, о порядкѣ высылки изъ Царства Польскаго и Западнаго края лицъ, причастныхъ къ мятежу, и водворенія ихъ въ другихъ частяхъ имперіи.

Комитетъ, въ засѣданія 18-го и 25-го февраля 1864 г., сообразивъ настоящее дѣло, усмотрѣлъ, что число высылаемыхъ изъ Царства Польскаго и Западнаго края лицъ, для водворенія въ остальныхъ частяхъ имперіи, достигло огромныхъ размѣровъ. Независимо отъ затрудненій, встрѣчаемыхъ при водвореніи означенныхъ лицъ, и значительныхъ для сего денежныхъ, со стороны правительства, пожертвованій, оказывается изъ доставленныхъ нынѣ в. п. свѣдѣній, что означенная высылка производится безъ правильной системы. Мѣра эта примѣняется въ случаяхъ совершенно разнородныхъ и по поводамъ совершенно различнымъ, отъ чего весьма часто за мѐньшую вину налагается бо̀льшее взысканіе ссылкою въ мѣста болѣе отдаленныя, и наоборотъ, за вину бо̀льшую, налагается взысканіе сравнительно мѐньшее. Сверхъ того, при высылкѣ лицъ изъ Царства Польскаго, были случаи необозначенія повода къ ссылкѣ, а изъ Сѣверо-Западнаго края были высылаемы лица съ объясненіемъ только въ общихъ выраженіяхъ о ихъ политической неблагонадежности. Вслѣдствіе сего и самое водвореніе высылаемыхъ лицъ производится центральнымъ правительствомъ безъ правильной системы и, весьма часто, съ невольнымъ нарушеніемъ коренныхъ законовъ справедливости ссылкою лицъ, удаляемыхъ изъ мѣстъ родины лишь по подозрѣнію, въ мѣста, болѣе отдаленныя, чѣмъ тѣ, въ которыхъ водворяются лица, изобличенныя въ преступленіи. Все это приводитъ къ убѣжденію въ необходимости установить правила, какъ для порядка высылки изъ мѣстъ родины лицъ, причастныхъ къ безпорядкамъ, такъ и для водворенія сихъ лицъ. Но предварительно установленія вышеупомянутыхъ правилъ, по мнѣнію комитета, слѣдовало разрѣшить вопросъ: должно-ли быть водвореніе лицъ,

высылаемыхъ по политическимъ причинамъ, вѣчнымъ или же только временною ссылкою.

Приступая къ разрѣшенію сего вопроса и имѣя въ виду, что о прекращеніи высылки въ административномъ порядкѣ изъ Царства Польскаго лицъ для водворенія въ имперіи—возникло отдѣльное дѣло, комитетъ находилъ, что засимъ могутъ быть высылаемы для водворенія по политическимъ причинамъ: а) изъ Царства Польскаго и Западнаго края приговоренные судебными рѣшеніями къ ссылкѣ или отдачѣ въ арестантскія роты; и б) изъ Западнаго края въ административномъ порядкѣ за бо́льшее или меньшее участіе въ въ мятежѣ, по подозрѣнію въ участіи въ мятежѣ или по особымъ, извѣстнымъ главнымъ начальникамъ, обстоятельствамъ о лицахъ привиллегированныхъ сословій. Всѣ эти причины высылки имѣютъ главнѣйшею цѣлью уничтоженіе революціоннаго элемента и упроченіе общественнаго спокойствія; но цѣль эта не можетъ быть достигнута иначе, какъ удаленіемъ навсегда изъ мѣстностей, въ въ которыхъ возгорѣлся мятежъ, всѣхъ тѣхъ лицъ, высылка которыхъ какъ въ судебномъ, такъ и въ административномъ порядкѣ, признана уже, или будетъ признана необходимою. Къ сему заключенію комитетъ пришелъ вслѣдствіе полнаго убѣжденія, что всѣ политическіе преступники неисправимы и что наказаніе ихъ, какъ бы оно законно и справедливо ни было, имѣетъ всегда послѣдствіемъ вящшее раздраженіе ихъ противъ правительства. Поэтому, постановивъ за непреложное правило, что высылаемыя лица, подлежащія водворенію, никогда не должны быть возвращаемы въ мѣста своей родины, комитетъ призналъ необходимымъ обратить вниманіе главныхъ мѣстныхъ начальниковъ на то, чтобы высылка для водворенія въ предназначенныхъ правительствомъ мѣстахъ, и въ особенности лицъ сельскаго сословія, дѣлалась въ самыхъ ограниченныхъ, по возможности, размѣрахъ и только въ случаяхъ настоятельной и несомнѣнной въ томъ необходимости.

Что же касается лицъ, которыя высылаются изъ Царства Польскаго и Западнаго края, для отдачи временно подъ надзоръ полиціи, то имѣя въ виду затрудненія, встрѣчаемыя для учрежденія полицейскаго надзора, который былъ бы дѣйствительнымъ, комитетъ призналъ, что мѣра эта должна быть примѣняема сколь возможно къ рѣдкимъ случаямъ, при неизбѣжной въ томъ надобности.

Обращаясь засимъ къ начертанію правилъ для высылки, водворенія и отдачи подъ надзоръ лицъ, высылаемыхъ изъ Царства Польскаго и Западнаго края по политическимъ причинамъ, комитетъ полагалъ постановить: .

1) О всѣхъ вышеизложенныхъ соображеніяхъ сообщить главнымъ начальникамъ въ Царствѣ Польскомъ и въ Западномъ краѣ;

2) Обратить вниманіе тѣхъ же главныхъ начальниковъ на необходимость ближайшихъ указаній на степень виновности лицъ, предназначаемыхъ къ ссылкѣ, и предварительныхъ сношеній съ центральными административными властями имперіи, какъ для правильнаго препровожденія арестантскихъ партій, такъ и для благовременнаго принятія мѣръ къ водворенію ссыльныхъ на отводимыхъ для нихъ мѣстахъ жительства;

3) Назначить на поселеніе, по окончаніи срока содержанія въ арестантскихъ ротахъ, всѣхъ приговоренныхъ къ сему наказанію по суду, а равно и тѣхъ лицъ, которыя, бывъ отданы въ имперіи подъ надзоръ полиціи, своими поступками, во время состоянія подъ надзоромъ, заслужатъ принятія мѣръ большей, въ отношеніи къ нимъ, строгости.

4) Назначить для поселеній Якутскій и Туруханскій край, а также и сѣверныя части Архангельской и Тобольской губерній, отправляя въ нихъ, по мѣрѣ возможности, болѣе виновныхъ изъ высылаемыхъ преступниковъ;

5) Избрать для водворенія прочихъ поселенцевъ въ Западной и Восточной Сибири, въ особенности въ губерніяхъ Томской и Енисейской, кромѣ Минусинскаго округа, а равно и въ сѣверовосточныхъ частяхъ Вологодской и Олонецкой губерній, такія мѣстности, гдѣ прочное водвореніе дѣйствительно возможно;

6) Для избранія мѣстностей для поселенія, по указаніямъ главныхъ мѣстныхъ начальствъ и для успѣшнѣйшаго заготовленія всего необходимаго къ водворенію поселенцевъ командировать нынѣ же опытныхъ и распорядительныхъ чиновниковъ, по взаимному соглашенію шефа жандармовъ и министровъ государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ;

7) Водвореніе поселенцевъ производить на основаніи правилъ, установленныхъ для государственныхъ крестьянъ, переселяемыхъ изъ малоземельныхъ въ многоземельныя губерніи, предоставленіемъ имъ тѣхъ же пособій и льготъ;

8) Высланныхъ, по настоящее время, на водвореніе на казенныхъ земляхъ, во внутреннія губерніи, разрѣшить переселить, на вышеизложенныхъ основаніяхъ, въ избираемые нынѣ пункты въ Сибири, оставивъ ихъ на прежнемъ водвореніи только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это признано будетъ возможнымъ и удобнымъ;

9) Расходы на отправленіе поселенцевъ, водвореніе ихъ и заготовленіе необходимыхъ для сего предметовъ, производить изъ суммъ государственнаго земскаго сбора, съ возвратомъ сихъ издержекъ изъ казны Царства Польскаго и 10% сбора въ Западныхъ губерніяхъ;

10) Не увеличивая назначенныхъ высочайшимъ повелѣніемъ 26-го апрѣля 1863 года числа мѣстностей, для высылки подъ надзоръ полиціи, и исключивъ изъ числа сихъ мѣстностей губерніи Саратовскую, Эстляндскую и Лифляндскую, первую по причинѣ нахожденія въ ней большаго числа католиковъ, а послѣднія двѣ по смежности съ Западнымъ краемъ, усилить въ нихъ средства и порядокъ полицейскаго надзора и увеличить, по мѣрѣ надобности, число лицъ, коихъ высылка въ ту мѣстность допускается, руководствуясь при семъ правомъ, предоставленнымъ шефу жандармовъ и министру внутреннихъ дѣлъ, по силѣ высочайше утвержденнаго, 1-го августа 1863 года, положенія западнаго комитета —

и 11) За всѣми сосланными въ Сибирь, по суду, польскими мятежниками поручить главнымъ сибирскимъ начальствамъ учредить, въ мѣстахъ ссылки, строжайшій надзоръ.

На журналѣ комитета 5-го марта 1864 г. императоръ Александръ II собственноручно написалъ: „исполнить".

МОГИЛА ВОЛЫНСКАГО.

† 27-го іюня 1740 г.

27-го іюня 1740 года въ Петербургѣ, на Сытномъ рынкѣ на Петербургской сторонѣ, пали на эшафотѣ жертвы злобы герцога Бирона — Артемій Петровичъ Волынскій, Еропкинъ и Хрущовъ, предварительно истерзанные пытками.

Въ полдень 30-го іюня 1740 года, дѣти Артемія Петровича Волынскаго: Марія, Анна и сынъ Петръ, каждый въ особой повозкѣ, отправлены были въ ссылку, снабженные старымъ бѣльемъ и платьемъ, съ самымъ скуднымъ поденнымъ содержаніемъ. Для храненія къ каждой изъ дочерей приставлена была вдовая баба. Марія Артемьевна, привезенная въ Енисейскъ, 3-го ноября, въ тамошній женскій Рождественскій монастырь, была на другой же день пострижена и наречена Маріамною. Анну Артемьевну везли въ Якутскъ... исполнителямъ приговора, за дальностію мѣста, не было даже извѣстно, что тамъ нѣтъ женскаго монастыря. Вслѣдствіе справки, доставленной изъ синода, послано было повелѣніе отвезти Анну Волынскую въ Иркутскъ, куда она прибыла 26-го ноября и въ тотъ же день съ именемъ Анисіи пострижена въ Знаменскомъ монастырѣ [1]). Петръ Артемьевичъ, доставленный въ Селенгинскъ 12-го января 1741 года, былъ сданъ тамошнему коменданту, бригадиру Бухгольцу. Здѣсь, до 15-тилѣтняго возраста, онъ долженъ былъ состоять подъ крѣпкимъ присмотромъ, «не смѣя вступать въ разговоры съ посторонними людьми», получая на суточное содержаніе по 10-ти копѣекъ.

Восемь мѣсяцевъ длилось заточеніе несчастныхъ дѣтей бывшаго

---

[1]) Второкласный; въ самомъ городѣ; основанъ въ 1693 году.

кабинетъ-министра, благодаря разобщенію Сибири съ Россіею: еще 31-го января 1741 г. правительница Анна Леопольдовна повелѣла— сына и дочерей Волынскаго освободить и если дочери уже пострижены, то снять съ нихъ монашескій чинъ и всѣхъ отпустить на жительство въ Москву, въ домъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Александра Нарышкина [1]). 28-го іюля дѣти Волынскаго уже находились въ Тобольскѣ, на обратномъ пути въ Россію.

Незаслуженный позоръ былъ на вѣки снятъ съ имени Волынскаго, а супружество его дочерей породнило его семейство съ двумя фамиліями: Марія Артемьевна сочеталась бракомъ съ генералъ-поручикомъ графомъ Иваномъ Илларіоновичемъ Воронцовымъ [2]); Анна Артемьевна—съ дѣйствительнымъ камергеромъ графомъ Андреемъ Симеоновичемъ Гендриковымъ [3]), двоюроднымъ братомъ императрицы Елисаветы Петровны, которая, въ день своего коронованія 25-го апрѣля 1742 года, пожаловала его супругу въ дѣйствительныя статсъ-дамы. Петръ Артемьевичъ Волынскій скончался, не оставивъ по себѣ потомства.

Фамиліи Воронцовыхъ и Гендриковыхъ не утратили своего блеска при преемникахъ императрицы Елисаветы Петровны — Петрѣ III и Екатеринѣ II, при которой, въ преклонныхъ лѣтахъ, скончались обѣ дочери Волынскаго. Память страдальца государыня почтила знаками особеннаго вниманія и сердечнаго сочувствія въ первые же годы своего воцаренія. Отважная борьба Волынскаго съ нѣмецкою партіею, несправедливость суда и жестокая казнь кабинетъ-министра окаймили его ликъ, въ глазахъ Екатерины, свѣтлымъ ореоломъ мученика за правду; ореоломъ—скрывшимъ многія темныя стороны личнаго его характера.

— «Сыну моему и всѣмъ моимъ потомкамъ,—писала Екатерина II въ 1765 году, по внимательномъ прочтеніи «дѣла» о Волынскомъ,—совѣтую и поставляю читать сіе Волынскаго дѣло, отъ начала до конца, дабы они видѣли и себя остерегали отъ такого беззаконнаго примѣра въ производствѣ дѣлъ. Императрица Анна своему кабинетному министру Артемью Волынскому приказывала (приказала) сочинить проектъ о поправленіи

---

[1]) Александръ Львовичъ—одинъ изъ любимцевъ Петра Великаго, родился 26-го апрѣля 1694 г., умеръ 25-го апрѣля 1745 г. Родная его сестра, Александра Львовна, была супругою Волынскаго. Она скончалась около 1735 года

[2]) Родился въ 1719 году. Супруга его скончалась въ 1793 году.

[3]) Умеръ бездѣтнымъ въ 1748 году, родился въ 1715 г. Годъ кончины Анны Артемьевны съ точностью не показанъ въ нашихъ новѣйшихъ родословныхъ.

внутреннихъ государственныхъ дѣлъ, который онъ и сочинилъ, и ей подалъ. Осталось ей полезное употребить, неполезное оставить изъ его представленія. Но, напротивъ того, его злодѣи, и кому его проектъ не понравился, изъ того сочиненія вытянули за волосы, такъ сказать, и взвели на Волынскаго измѣнническій умыслъ и будто онъ себѣ присвоивать хотѣлъ власть государя, чего отнюдь на дѣлѣ не доказано. Еще изъ сего дѣла видно, сколь мало положиться можно на пыточныя рѣчи; ибо до пытокъ всѣ сіи несчастные утверждали невинность Волынскаго, а при пыткѣ говорили все, что злодѣи ихъ хотѣли. Странно, какъ роду человѣческому пришло на умъ лучше утвердительнѣе вѣрить рѣчи въ горячкѣ бывшаго человѣка, нежели съ холодною кровію; всякій пытанный въ горячкѣ и самъ уже не знаетъ, что говоритъ. И такъ отдаю на разсужденіе всякому, имѣющему чуть разумъ, можно-ли вѣрить пыточнымъ рѣчамъ и на то съ доброю совѣстію полагаться. Волынскій былъ гордъ и дерзостенъ въ своихъ поступкахъ, однако не измѣнилъ; но напротивъ того — добрый и усердный патріотъ и ревнителенъ къ полезнымъ поправленіямъ своего отечества, и такъ смертную казнь терпѣлъ, бывъ невиненъ, и хотя бъ онъ и заподлинно произносилъ тѣ слова въ нареканіе особы императрицы Анны, о которыхъ въ дѣлѣ упомянуто, то бъ она, бывъ государыня цѣломудрая, имѣла случай показать, сколь должно уничтожить подобныя малости, которыя у ней не отнимали ни на вершка величества и не убавили ни въ чемъ ея персональныя качества».

«Всякій государь имѣетъ неисчисленные кроткіе способы къ удержанію въ почтеніи своихъ подданныхъ: если бъ Волынскій при мнѣ былъ, и я бы усмотрѣла его способность въ дѣлахъ государственныхъ и нѣкоторое непочтеніе ко мнѣ, я бы старалась всякими, для него неогорчительными, способами, его привести на путь истинный. А если бъ я увидѣла, что онъ неспособенъ къ дѣламъ, я бъ ему сказала или дала уразумѣть, не огорчая же его: будь счастливъ и доволенъ, а ты мнѣ не надобенъ».

«Всегда государь виноватъ, если подданные противъ него огорчены. Изволь мѣриться по сей аршинъ! А если кто изъ васъ, мои дражайшіе потомки, сіи наставленія прочтетъ съ уничтоженіемъ [1]), такъ ему болѣе въ свѣтѣ, и особливо въ Россійскомъ, счастья желать, нежели пророчествовать можно. Екатерина» [2]).

Годы уходили; одинъ за другимъ умирали современники и прямые потомки Волынскаго; опочила и Екатерина и сынъ ея, вниманію

[1]) Съ пренебреженіемъ и несогласіемъ

[2]) „Сборникъ Русск. Истор. Общества", т. X, 1872 г., стр. 56—57.

котораго она особенно препоручала извлечь для себя полезный урокъ изъ кроваваго дѣла Волынскаго. Насталъ и новый вѣкъ—воцарился Александръ I. Исполнилось шестьдесятъ лѣтъ со времени казни кабинетъ-министра Анны Іоанновны.

Первымъ русскимъ писателемъ, посвятившимъ памяти Волынскаго нѣсколько искреннихъ строкъ, былъ Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ († 13-го іюля 1826 года). Въ «Думахъ» своихъ, вызывая изъ могилъ тѣни русскихъ героевъ всѣхъ вѣковъ и облекая ихъ въ кровь и плоть, дѣлясь съ ними собственною душою, Рылѣевъ воспѣлъ Волынскаго!.. Его памяти онъ посвятилъ «Думы»: «Волынскій» и «Голова Волынскаго». Нельзя не догадаться, что это былъ излюбленный герой, высокій идеалъ патріота въ глазахъ Рылѣева.

Сыны отечества въ слезахъ!
Ко храму древняго Сампсона —
Тамъ за оградой, при вратахъ,
Почіетъ прахъ врага Бирона!
Отецъ семейства, приведи
Къ могилѣ мученика сына,
Да закипитъ въ его груди
Святая ревность гражданина!

Темою для второго стихотворенія «Голова Волынскаго», шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, именно въ 1823 году не дозволеннаго въ печати [1]), поэту послужило преданіе о томъ, будто бы призракъ казненнаго являлся императрицѣ Аннѣ въ залахъ Зимняго дворца, не задолго до ея кончины. Въ двухъ первыхъ строфахъ Рылѣевъ, со свойственной ему страстностью, отнесся къ тѣни своего любимца:

Свершилась казнь — и образецъ
Любви къ отечеству священной
Пріялъ страдальческій вѣнецъ,
Вѣнецъ прекрасный и нетлѣнный!
Волынскій твердъ былъ до конца!
Не устрашенный мукой казни,
Онъ важность гордаго лица
Не измѣнилъ чертой боязни.

* * *

Презрѣннаго злодѣя мечъ
Сверкнулъ надъ выей патріота;
Сверкнулъ — глава упала съ плечъ
И покатилась съ эшафота.

---

[1]) Оно, впервые, по невѣрнымъ спискамъ, было напечатано въ 1859 и 1860 гг. Затѣмъ впервые вполнѣ точно, по подлинной рукописи Рылѣева, въ „Русской Старинѣ“ 1870 г. (См. изданіе третье, томъ II, стр. 632—634).

И страхъ и тайную тоску,
Льстецы, въ душѣ презрѣнной кроя,
Чтобъ угодить временщику,
Торжествовали казнь героя!

Церковь св. Сампсонія Страннопріимца и ея ограду съ могилою Волынскаго Рылѣеву суждено было увидѣть ровно за три мѣсяца до рокового мятежа, его погубившаго. Это было 14-го сентября 1825 г. Рылѣевъ проѣзжалъ по Выборгскому шоссе, сопровождая въ качествѣ секунданта своего родственника, Николая Пахомовича Чернова, на поединокъ послѣдняго съ молодымъ Новосильцовымъ... Оба противника пали, смертельно раненные на опушкѣ сосноваго бора—нынѣшняго парка Лѣсного института. На мѣстѣ грязной корчмы, въ которую для поданія первой помощи былъ перенесенъ Новосильцовъ, его мать, Анна Владиміровна, рожденная Орлова, построила нынѣшнюю церковь св. Владиміра... Такимъ образомъ съ обоими храмами—этимъ и св. Сампсонія, хотя и косвенно сопряжено воспоминаніе о двухъ казняхъ и о поединкѣ, имѣвшемъ смертельный исходъ для двухъ жертвъ общественныхъ предразсудковъ.

Вторымъ поэтомъ, послѣ него избравшимъ Волынскаго своимъ героемъ, былъ Лажечниковъ, восхитившій читающую публику своимъ «Ледянымъ домомъ», въ 1835 году. Благодаря этому роману имя Волынскаго сдѣлалось популярнымъ въ Россіи; онъ воскресъ въ памяти потомства, хотя въ такомъ преображенномъ видѣ, съ такими смѣлыми искаженіями исторической правды, съ такими прикрасами, что ни мало не былъ похожъ на несчастнаго кабинетъ-министра. Вдоваго Волынскаго Лажечниковъ женилъ на молодой красавицѣ, сестрѣ Перокина (Еропкина); измыслилъ связь съ какой-то небывалой молдаванской княжной; самое время казни, бывшей 27-го іюня 1740 года, отнесъ къ зимѣ, обставивъ ее мастерскимъ описаніемъ лютаго морознаго дня. Не менѣе пострадали въ поэтической передѣлкѣ романиста и сообщники Волынскаго съ анаграмматическими фамиліями: Щурховъ (Хрущовъ) и Суминъ-Купшинъ (Мусинъ-Пушкинъ)... [1]).

То, чего не сдѣлало воззваніе Рылѣева къ русскимъ патріотамъ—посѣтить могилу Волынскаго, то самое впечатлѣніе на сердца читателей и въ особенности—читательницъ произвелъ романъ Лажечникова. Ограда храма Сампсонія Страннопріимца, съ своимъ упраздн-

[1]) Замѣтка наша о «Ледяномъ домѣ», выстроенномъ въ 1740 г., а также о романѣ Лажечникова (первая, по времени, историческая статья наша) помѣщена въ «Общезанимательномъ Вѣстникѣ», иллюстриров. журналѣ В. Н. Рюмина, издававшемся въ Спб. въ 1857 г., вып. XVI.

нымъ кладбищемъ, сдѣлалась мѣстомъ любознательнаго паломничества. Обоего пола жители столицы начали посѣщать до той поры почти ни кому не вѣдомую могилу Волынскаго... Съ той поры почти полвѣка прошло, но она не забыта, и въ Петербургѣ отыщется, конечно, не одна тысяча сыновей и внуковъ первыхъ читателей «Ледяного дома», которымъ извѣстно чей прахъ покоится подъ полуразрушеннымъ памятникомъ у храма св. Сампсонія...

Церковь эта, какъ извѣстно, построена Петромъ Великимъ въ память Полтавской побѣды; день казни Волынскаго —27-го іюня, совпалъ съ днемъ храмового праздника. Во времена императрицы Анны Іоанновны Сампсоніевское кладбище, подобно Спасскому въ Колтовской (при Петрѣ Великомъ), сдѣлалось мѣстомъ погребенія казненныхъ. При основателѣ храма у Сампсонія хоронились важныя особы и сановники, почти исключительно иновѣрцы. Въ числѣ послѣднихъ, по свидѣтельству резидента Вебера, автора любопытной книги «Преобразованная Россія» [1]), въ январѣ 1719 года, былъ англичанинъ контр-адмиралъ Падденъ.

«Какимъ уваженіемъ пользовался этотъ англичанинъ»,—говоритъ Веберъ,—«можно, между прочимъ, видѣть и изъ того, что его царское величество провожалъ тѣло его пѣшкомъ отъ дома покойнаго до самой новой церкви по ту сторону рѣки Невы на разстояніи цѣлой доброй полу-мили. Помянутая сейчасъ церковь заложена и построена во имя св. Самсона и въ память дня Полтавской битвы; при ней отведено и кладбище для чужестранцевъ, такъ какъ русскія лѣтописи приписываютъ св. Самсону особое значеніе и гостепріимное покровительство по отношенію къ иностранцамъ».

Нынѣ почти совершенно разрушенный памятникъ надъ могилою Волынскаго, Еропкина и Хрущева былъ воздвигнутъ, въ первые годы царствованія Елисаветы Петровны, дѣтьми казненнаго кабинетъ-министра. При Екатеринѣ II онъ былъ подновленъ и, такъ сказать, дополненъ. Судя по тому состоянію, въ которомъ мы нашли его лѣтомъ 1882 года—ему уже недолго остается тяготить собою прахъ страдальцевъ, такъ какъ въ близкомъ будущемъ памятнику угрожаетъ окончательное исчезновеніе.....

Первоначальный памятникъ надъ казненнымъ тріумвиратомъ состоялъ изъ каменной плиты, донынѣ уцѣлѣвшей, но наискось сровнявшейся съ землею. Напоминаемъ читателямъ, что въ могилѣ похоронены трое, а плита занимаетъ пространство лишь въ $1^1/_2$ аршина

---

[1]) См. „Русскій Архивъ“ 1872 г. стр. 1644—1645, § 422.

длины и около $^3/_4$ ширины, т. е. по самой бóльшей мѣрѣ, лишь пятую долю самой могилы. Казненные были люди рослые и довольно тучные; могила, для нихъ вырытая, должна была состоять изъ ямы аршина въ три ширины и, по крайней мѣрѣ, четыре—длины. Можетъ быть могильная насыпь и была именно такихъ размѣровъ и, въ два, три года времени, конечно не успѣла осѣсть, тѣмъ болѣе, что трупы были похоронены въ гробахъ... (неужели же брошены просто?). По скромнымъ размѣрамъ намогильной плиты можно смѣло рѣшить, что она даже не прикрываетъ вполнѣ и одного трупа. Не въ укоръ памяти сына и дочерей Волынскаго, но въ виду малыхъ размѣровъ намогильной плиты, дозволимъ себѣ только предположеніе, что имъ не было дозволено не только поставить иного, болѣе приличнаго памятника, но даже и обнести могилу палисадникомъ, или рѣшеткою...

Лѣтъ черезъ двадцать, при Екатеринѣ II, могила настолько обветшала, что потребовала подновленія; но и оно было весьма ничтожно. На старую плиту поставленъ былъ цоколь изъ желтоватаго плитняка, на немъ желобчатая колонка сѣраго камня, а на ней плоская урна бѣлаго мрамора. На широкомъ ея ободкѣ мелкими печатными буквами была въ двѣ строки изсѣчена та же надпись, что и на нижней плитѣ. Никакой прибавки: «казненъ невинно», сдѣланной будто-бы по повелѣнію Екатерины II, въ этой надписи не было [1]).

Въ этомъ видѣ я нашелъ памятникъ Волынскаго, черезъ сто лѣтъ послѣ его погребенія, именно лѣтомъ 1840 года, и нѣсколько разъ читалъ надпись. Не догадался я тогда ее скопировать по тому, что по малолѣтству и въ простотѣ души воображалъ, что ни время, ни людская корысть не посягнутъ на памятникъ невинныхъ страдальцевъ. Однако-же и тогда, при болѣе внимательномъ осмотрѣ, можно было бы убѣдиться, что время уже начало свою работу надъ видомъ украшеній: урна мѣстами почернѣла и свободно вертѣлась на заржавленномъ стержнѣ; желтый лишайникъ пятналъ колонку причудливыми узорами, бархатистый мохъ и травка пробивались изъ щелей цоколя. Нынѣ урна исчезла, колонка обвалилась, нижняго цоколя нѣтъ и только на плитѣ еще сохранилась мѣстами изгладившаяся надпись.

---

[1]) См. «Отечественныя Записки» 1860 г., кн. II, стр. 569, и «Русскій Архивъ» 1866 г., стр. 1351.

ПАМЯТНИКЪ НА МОГИЛѢ

АРТЕМІЯ ПЕТРОВИЧА ВОЛЫНСКАГО.

† 27 Іюня 1740 г.

Во имя въ триех лицехъ
Единаго Бг҃а
Здѣ лежитъ Артемеі
Петровичь Волынскоі
которой жизни своея
... мѣлъ .... годъ
преставися июня
27 дня 1740 году
Ту же погребен...
Андрей Ѳ(едорови)чь
Хрущовъ и ....тръ
Еропкинъ.

По разсказамъ какого-то простолюдина, повидимому сторожа, обломки памятника послужили для какой-то потребы на строившееся неподалеку зданіе.

П. К.

ХРУЩОВЫ.

I.

Замѣтки изъ родословія.

По фамильнымъ преданіямъ послѣ присоединенія Сѣверско-Литовской области къ Московскому княжеству и сраженія при Дорогобужѣ 1503 г. потомокъ одной изъ младшихъ линій литовскихъ князей, названный народомъ вслѣдствіе своего атлетическаго сложенія сравнительно съ младшимъ братомъ—«Хрущій» отъ литовскаго слова «Хруще» т. е. крупнѣе,—пришелъ въ московское княжество.

. . . .

1. . . . . Хрущовъ, лѣтописецъ 1547, записавшій рѣчь Грознаго при назначеніи Адашева окольничьимъ, служилъ при дворѣ.

2. Александръ—бояринъ и посолъ въ Польшу въ 1584 г., и въ Крымъ въ 1603 г.
   Петръ—посолъ къ донскимъ казакамъ 1603 г.

3. Лукіанъ Петровичъ или Александровичъ.

4. Степанъ Лукіяновичъ—постельничій 1628 г.

5. Григорій Степановичъ—стольникъ.

6. Θедоръ Григорьевичъ—меньшой стольникъ 7177 (1669) г., думный дворян. 7191 (1683) г., подписалъ постановл. о сожженіи разрядныхъ кн. 1681 года.

7. Иванъ Θедоровичъ—стольникъ 1688 г.
   Θедоръ Θедоровичъ—стольникъ 1691 г.

8. Андрей Θедоровичъ—невинно казненъ съ Волынскимъ, 27 іюня 1740 г.

9. Семенъ Ивановичъ—служ. въ л.-г. Преображенскомъ полку въ 1724 г., а потомъ воеводою Высецкой провинціи 1765 г.

10. Николай Семеновичъ—премьеръ-маіоръ † около 1805 г.

11. Василій Николаевичъ—служ. въ Преобр. п., а въ 1812 году начальникомъ милиціи † ок. 1830 г.
    Петръ Николаевичъ—полковникъ.

12. Николай Васильевичъ—полковникъ генер. штаба † 1867 г.

13. Михаилъ Николаевичъ—ротмистръ отставной.

II.

Грамата царей и великихъ князей Іоанна и Петра Алексѣевичей стольнику Θедору Θедоровичу Хрущову по поводу бунта стрѣльцовъ.

«Божіею милостію, мы великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержцы: по своему царскому милосердому разсмотрѣнію пожаловали стольника нашего Θедора Θедоровича Хрущова, за его многую службу, что въ прошломъ ҫчз-мъ году, августа противъ нгш числа, въ нощи, въ нашемъ великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержца походѣ, въ селѣ Преображенскомъ, вѣдомо намъ великому государю учинилось, что тоя нощи, въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ, не боясь Бога и страшнаго его Божія суда прещенія, забывъ свое обѣщаніе и нашу государеву премногую милость, примѣнися въ сосудъ діаволь, якоже Іуда Христопредатель, воръ и клятвопреступникъ и измѣнникъ Θедка Шакловитой, съ такими же ворами и клятвопреступниками, и измѣнниками, съ товарищами своими, учинили въ стрѣлецкихъ многихъ полкахъ возмущеніе, и многолюдное собраніе съ ружьемъ тайною, а по воровскому своему злому намѣренію тотъ воръ и клятвопреступникъ и измѣнникъ Θедка Шакловитой, съ товарищами своими, такими же ворами и всенародными возмутителями, хотѣли придти въ село Преображенское, для злохитростваннаго своего ухищренія на наше государское здоровье. И милостію всемогущаго и Творца славимаго Бога, и предстательствомъ христіанскія надежды, Пресвятыя Богородицы, и молитвъ ради московскихъ чудотворцевъ Петра, Алексѣя, Іоанна и Филиппа и преподобныхъ отцовъ Сергія и Никона, радонежскихъ чудотворцевъ. Мы великій государь царь и великій князь, Петръ Алексіевичъ всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи, самодержецъ и мати нашего государства, великая государыня, благовѣрная царица и великая княгиня Наталія Кириловна, и весь нашъ государскій домъ, отъ того злаго начинанія и умысла, десницею Божіею охранены и соблюдены. И тояже нощи, мы великій государь царь и великій князь Петръ Алексіевичъ, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержецъ, съ матеріею нашею государскою, и великою государынею, благовѣрною царицею и великою княгинею Наталіею Кириловною, и съ супругою нашею государскою, и великою государынею благовѣрною царицею и великою княгинею Евдокіею Θеодоровною и съ сестрою нашею государскою, и великою государынею, благородною царевною и великою княжною Наталіею Алексіевною, изъ села Преображенскаго изволилъ идтить наскоро въ домъ живоначальныя Троицы и Сергіевъ монастырь и придтить въ монастырь того же числа. И изволили въ томъ монастырѣ быть октября по

д҃ числа, и тѣ воры и клятвопреступники, и измѣнники Θедька Шакловитой, съ товарищы переиманы. И по розыску они въ томъ своемъ воровскомъ на государское здоровье въ умыслѣ, и во всенародномъ возмущеніи, и въ иныхъ своихъ многихъ воровствахъ винилися. И за то ихъ воровство и умышленія на наше государское здоровье, и за всенародное возмущеніе, тотъ воръ и клятвопреступникъ, и измѣнникъ Θедька Шакловитой съ товарищами казнены смертію и инымъ товарищамъ его языки рѣзаны, и учинена торгова казнь и сосланы въ ссылку. А во время нашего государскаго изъ села Преображенскаго въ тотъ монастырь пришествія, онъ, Θедоръ Θедоровичъ, помня страхъ Божій, и свое обѣщаніе, служа намъ великимъ государемъ вѣрно, по нашему великихъ государей указу, и собою, къ намъ великому государю царю, и великому князю Петру Алексіевичу, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержцу, пріѣхалъ въ Троицкій Сергіевъ монастырь съ великимъ поспѣшеніемъ. И будучи при нашемъ государскомъ здоровьѣ въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ, и въ Александровѣ слободѣ, наше государское здоровье оберегалъ, и въ людскихъ харчахъ и конскихъ кормахъ имѣлъ Івеликую нужду и убытки. И мы великіе государи цари, и великіе князи оаннъ Алексіевичъ, Петръ Алексіевичъ, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержцы, за ту вѣрную службу его, Θедора Θедоровича, жалуемъ милостиво похваляемъ. И пожаловали, похваляя его вѣрную службу, и усердное радѣніе, въ роды и роды, изъ его помѣстья и вотчину:

(Слѣдуетъ опредѣленіе и исчисленіе пожалованныхъ земель).

И на ту вотчину указана ему дати сію нашу царскую жалованную грамоту съ нашею царскою кровною печатію на память впредь будущимъ рода его, что онъ за крѣпкое и мужественное стояніе, со усерднымъ и вѣрнымъ радѣніемъ, сію нашу государскую милость получилъ. И чтобы впредь на его службы смотря, дѣти его и внучата, и правнучата, и кто по немъ рода его будетъ, такоже за насъ великихъ государей царей, и великихъ князей, Іоанна Алексіевича, Петра Алексіевича, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержцевъ, и за нашихъ великихъ государей наслѣдниковъ, и за свое отечество стояли крѣпко, и мужественно, и вѣрно со усерднымъ радѣніемъ. И по нашему великихъ государей царей, и великихъ князей, Іоанна Алексіевича, Петра Алексіевича, всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи самодержцевъ царскому жалованію та вотчина ему Θедору Θедоровичу, и его дѣтямъ, и внучатамъ, и правнучатамъ, и роды ихъ неподвижно. И вольно ему та вотчина продати, и заложити. Печатано нашего государства, въ царствуещемъ градѣ Москвѣ, въ лѣто отъ сотворенія міра, ҂зсѳ҃ года. Отъ рождества же по плоти Бога слова, ҂аѱа года. Індікта є҃ года, мц҃а сентября».

Подлинная грамата напечатана по церковно-славянски, обложена въ концѣ шелковою камкою и золотою парчею на красной шелковой основѣ, окаймлена вырѣзными арабесками изъ шелковыхъ матерій разныхъ цвѣтовъ и скрѣплена шнурами зеленаго цвѣта съ золотомъ, концы котораго соединены двухлицевою печатью большаго формата съ изображеніями на одной сторонѣ двухглаваго орла, на другой Георгія Побѣдоносца. Настоящая грамата принадлежитъ мнѣ, прямому праправнуку Θедора Θедоровича Хрущова, отставному ротмистру Михаилу Николаевичу Хрущову, въ числѣ многихъ граматъ, хранящихся у меня, какъ члена старшей линіи этого рода.

III.

Въ XVIII и XIX вв.

Начало дворянской фамиліи Хрущовыхъ теряется въ глубокой древности, какъ значится въ герольдическихъ документахъ. По преданіямъ фамильнымъ, она происходитъ, какъ замѣчено выше, отъ одной изъ вѣтвей литовскихъ князей, что доказывается и гербомъ, имѣющимъ литовскіе эмблемы. Члены этого рода съ незапамятныхъ временъ служили при дворахъ московскихъ великихъ князей, царей и императоровъ Россіи, что видно изъ граматъ. Многіе были воеводами, командовали, служа всегда въ военной службѣ, частями и много изъ нихъ положили въ сраженіяхъ свою жизнь за вѣру, царя и отечество. Относительно упомянутаго въ граматѣ стольника Θедора Θедоровича Хрущова, фамильныя преданія говорятъ, что это былъ человѣкъ отличнаго ума и даже, по вѣку, образованія и обладалъ хорошимъ даромъ слова. Преданіе гласитъ, что онъ въ смутное время, сопровождавшее юность великаго Петра, при оборонѣ его жизни, многихъ стрѣльцовъ-мятежниковъ склонилъ на сторону сего государя.

Сынъ его, Андрей Θедоровичъ Хрущовъ, воспитанный въ духѣ преобразованій Петра Великаго, былъ невинно казненъ вмѣстѣ съ Артеміемъ Петровичемъ Волынскимъ, 27-го іюня 1740 года, и погребенъ съ этимъ злополучнымъ кабинетъ-министромъ императрицы Анны Ивановны въ одной могилѣ, которая и теперь сохранилась въ С.-Петербургѣ, на Выборгской сторонѣ, на Сампсоніевскомъ проспектѣ, при церкви св. Сампсонія.

Относительно личности пострадавшаго Андрея Θеодоровича Хрущова упоминается въ Запискахъ Порошина, вновь изданныхъ редакціей «Русской Старины», а именно въ разговорѣ съ наслѣдникомъ престола Павломъ Петровичемъ графа Никиты Ивановича Панина и друг. лицъ о дѣлѣ Волынскаго, между прочимъ, было замѣчено: «Еще казненъ съ ними Хрущовъ, потому что уменъ былъ и Волынскому пріятель». (Порошинъ изд. 1881 г., стр. 70).

Изъ семейства казненнаго одна изъ дочерей его, весьма любившая отца,

узнавъ о казни, сошла съ ума и имѣла несчастіе прожить очень долго, болѣе двадцати лѣтъ, безпрестанно вспоминая съ ужасомъ мученическую кончину родителя и съ горячностью разсказывая о ней всѣмъ и каждому. Она похоронена въ родовомъ имѣніи Ефремовскаго уѣзда въ с. Малой Хрущовкѣ, и могила ея почитается мѣстными жителями, неизвѣстно почему, какъ могила мученицы.

Внукъ Θедора Θедоровича Хрущова былъ воеводою; одинъ изъ слѣдующаго поколѣнія—комендантомъ Москвы. Василій Николаевичъ Хрущовъ отличился въ войну 1812 года, командуя довольно значительнымъ отрядомъ; сынъ его, Николай Васильевичъ, вышедши первымъ ученикомъ изъ школы колоновожатыхъ Н. П. Муравьева, былъ экзаменованъ, на выпускномъ экзаменѣ, лично Аракчеевымъ, который выразился: «онъ и по нашему, и по вашему знаетъ».—Николай Васильевичъ съ честью служилъ въ генеральномъ штабѣ, отличился въ турецкой и польской кампаніяхъ (1828—1831 гг.) Состоя при ген. Ридигерѣ въ 1831 г., Хрущовъ передъ сраженіемъ, ночью, переплылъ на конѣ Вислу съ двумя молодцами казаками и составилъ наброски плана непріятельскаго расположенія. Императоръ Николай Павловичъ, получа о томъ извѣстіе, пожаловалъ ему золотую шпагу «за храбрость» и перевелъ въ гвардейскій генеральный штабъ тѣмъ же чиномъ, т. е. повысилъ двумя чинами.

До десяти поколѣній, о которыхъ имѣются свѣдѣнія по документамъ, хранящимся у пишущаго эти строки, всѣ члены были женаты на чисто русскихъ. Женскія фамиліи, встрѣчающіяся въ родѣ: Волконскіе, Львовы, Кропоткины, Толстые и др. роды.

Фамилія Хрущовыхъ принадлежала одному дворянскому роду. Обладая большими и богатыми вотчинами, жалованными и доставшимися по наслѣдству съ крѣпостными крестьянами, многіе изъ членовъ этой фамиліи за извѣстныя заслуги отпускали своихъ крестьянъ на волю. Отпущенники впослѣдствіи принимали въ простонародьи фамиліи своихъ господъ. Для опредѣленія чей человѣкъ, говорили обыкновенно: человѣкъ Хрущова, и потомъ этотъ отвѣтъ сокращался въ фамилію, но большею частью эти фамиліи писались вмѣсто о на е, т. е. Хрущевъ. Изъ этихъ вольно-отпущенныхъ нѣкоторые дослужились до чиновъ, дающихъ дворянство, и потому въ настоящее время фамилія Хрущевы часто попадается въ Россіи, но члены ея не принадлежатъ къ старому дворянскому роду Хрущовыхъ.

М. Н. Х.

ПРОКОПІЙ АКИНФІЕВИЧЪ ДЕМИДОВЪ.

1710—1786.

Нашедши у себя въ архивахъ письмо Прокофія Акинфіевича Демидова къ императрицѣ Екатеринѣ II, представляю его на стр. „Русской Старины" думая, что оно можетъ быть интереснымъ для ея читателей.

Демидовъ Санъ-Донато.

Приносимъ искреннѣйшую благодарность Павлу Павловичу Демидову князю Санъ-Донато за сообщеніе нижепомѣщаемаго, весьма интереснаго, документа. Это весьма цѣлесообразный по времени, къ которому относится— 1770 г.—„планъ коммерческой конторы"; составленъ планъ весьма извѣстнымъ въ вѣкъ Екатерины II Прокопіемъ Акинфіевичемъ Демидовымъ (род. въ Сибири въ 1710 г., сконч. въ Москвѣ въ 1786 г.). Владѣя несмѣтнымъ богатствомъ, Прокопій Акинфіевичъ весьма разумно велъ обширныя торговыя дѣла, для чего нерѣдко отлучался въ чужіе края. Не менѣе богатства своего, онъ удивлялъ современниковъ необыкновенною щедростью, сопровождавшеюся иногда своеобразными выходками, разсказы о которыхъ облетѣли всю Россію. Не забудемъ однако, что этотъ оригиналъ вѣка Екатерины обезсмертилъ себя благотвореніями для отечества. Не перечисляя всего добраго, имъ содѣяннаго, напомнимъ только, что Прокопій Демидовъ пожертвовалъ 1.107,000 руб. въ пользу учрежденія въ Москвѣ Воспитательнаго дома и Коммерческаго училища.

Извѣстно, что Екатерина II, въ знакъ своей признательности, произвела Прокопія Демидова, не имѣвшаго никакого чина, прямо въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Отмѣтимъ здѣсь, что онъ же, Прокопій Демидовъ,—первый, по возвращеніи изъ чужихъ краевъ въ 1771 г., внушилъ правительству мысль о заведеніи въ Россіи ссудной кассы и содѣйствовалъ къ осуществленію этой благой мысли.

Ред.

I.

Стрекаловъ къ кн. А. А. Вяземскому.

Декабря 13 го дня 1770 года.

Милостивый государь мой, князь Александръ Алексѣевичъ. По высочайшему повелѣнію имѣю честь препроводить къ вашему сіятельству приложенныя при семъ въ копіяхъ, какъ письмо, такъ и планъ, присланные къ ея императорскому величеству изъ Амстердама отъ дворянина Прокофія Демидова, пребывая впрочемъ съ должнѣйшимъ моимъ къ вамъ почтеніемъ, вашего сіятельства милостиваго государя моего покорнѣйшій слуга Степанъ Стрекаловъ.

II.

Всеподданнѣйшее письмо Прокопія Демидова.

Амстердамъ, 9-го ноября 1770 г.

«Всемилостивѣйшая государыня, осмѣливаюсь вашему императорскому величеству всеподданнѣйше представить. Я усмотрѣлъ въ пользу государственную, ежели бы въ Амстердамѣ россійская коммерческая была контора, изъ того польза въ переводѣ денегъ. Нынѣ курсъ 40 штиверовъ, убытка нѣтъ, а ежели курсъ 44 или 45 штиверовъ, то уже принесетъ доходу на рубль 10 или 12 копѣекъ. Напримѣръ сегодня въ Петербургѣ отдашь 100 руб. по 40 штиверовъ, тогда въ векселѣ напишутъ по полученіи отдать 200 гульденовъ. И тако убытка нѣтъ. Здѣсь сегодня гульденъ ходитъ по полтинѣ. И такъ то насъ, незнающихъ, господа нѣмцы обманываютъ, сказывая намъ будто россійскій рубль здѣсь по восьми гривенъ.

Вторая польза для россійскаго купечества, какъ въ переводѣ денегъ, также и въ присылкѣ въ коммисію и въ выпискѣ товаровъ, да современемъ и сами пріѣзжать будутъ видѣть коммерческое теченіе, и тако со временемъ научатся и отъ обмановъ остерегутся.

А на какомъ основаніи конторѣ быть прилагаю планъ.

Еще жалко видѣть здѣсь многіе каналы наполнены россійскимъ лѣсомъ; я самъ видѣлъ цѣлые корабли сюда съ сосновыми брусьями наполнены приходили изъ Нарвы и Ревеля и изъ другихъ россійскихъ областей. А естьли, ваше величество, доходъ, мнѣ неизвѣстно. Здѣсь въ ономъ лѣсѣ большая надобность, могутъ съ охотою покупать вдвое цѣною, какъ нынѣ покупаютъ.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Прокофій Демидовъ».

III.

Планъ коммерческой конторы.

Изъ разумныхъ купцовъ съ женою и съ дѣтьми послать въ Амстердамъ съ адресомъ вашего императорскаго величества, или высокоправительствующаго сената и велѣть ему здѣсь записаться въ бюргеры, т. е. въ мѣщане.

Съ нимъ же послать изъ дворянъ постояннаго человѣка, записаться же и ему, обоихъ же утвердить родственниками, чтобы они здѣсь не заспѣсивились. Сей пунктъ главный по здѣшнему вольному мѣсту.

Купецъ долженъ конторское дѣло и конторскія книги производить, въ коммисію и по ордерамъ товары посылать и продавать и быть ему вторымъ по дворянинѣ, для того чтобы паче чаянія не заспѣсивился.

Дворянинъ имѣетъ сумму въ банкъ и кассиру положить, а купецъ въ томъ бы-былъ не властенъ кромѣ теченія конторскаго. А когда купцу надобность будетъ платить деньги по векселямъ или по счетамъ, въ такомъ случаѣ долженъ купецъ тѣ счеты и векселя отдать дворянину, а дворянинъ пошлетъ для исполненія къ кассиру ордеръ. И тако оныя двѣ персоны одинъ безъ другаго усилиться не могутъ. Для здѣшняго вольнаго мѣста не худо тако удержать. Дворянину дать казенныхъ денегъ до пятисотъ тысячъ рублей съ роспискою.

Ежели за благо соизволишь ваше императорское величество, оную контору въ Амстердамѣ учинить, то не отмѣнно о семъ сказать надежнымъ купцамъ, такожъ и иностраннымъ надежнымъ же конторамъ, которымъ рекомендовать и обнадежить, что все вѣрно быть можетъ, какъ въ выпискѣ, такъ и въ присылкѣ въ коммисію товаровъ. И ежели теченіе возметъ, то совершенно чрезъ присылку коммисіонеровъ: въ конторѣ порученной капиталъ по крайней мѣрѣ вдвое умножится. И тако, время отъ времени, чрезъ кредитъ вашего императорскаго величества контора возметъ свою силу, что и милліоны имѣть будетъ.

Оная же контора чтобы кредитована въ Лондонѣ и во Франціи была, такожде и въ прочихъ надобнѣйшихъ мѣстахъ. Кредитъ яко фундаментъ всему началу; одному въ конторѣ не возможно, надлежитъ здѣшняго голландца въ бухгалтеры нанять за 1000 руб., который товары принимаетъ и отпускаетъ, пишетъ фактуры и коносаменты и въ книгу записываетъ, и въ таможню ходитъ; къ нему еще

человѣка за небольшое жалованье. А когда въ конторѣ дѣлъ умножится, тогда служителей взять потребное число.

Дворянинъ можетъ и ту должность отправлять, которая здѣсь поручена г. алдекопу. Когда годъ другой контора теченіе возьметъ, тогда по разсмотрѣнію надобности надлежитъ домъ купить. Здѣсь не корыстные домы, тысячъ по тридцати, а нанять такой въ годъ за 1000 руб. или менѣе.

Сія контора чтобы подъ вѣденіемъ вашего императорскаго величества была и безъ именныхъ указовъ ни куды въ расходъ денегъ не употребляла-бъ, съ примѣра соляной конторы.

Купцу на первый случай опредѣлить жалованье. А когда кредитъ возметъ и въ комиссію въ контору присылаться будетъ, тогда онъ можетъ получать себѣ доходъ отъ тѣхъ кредиторовъ; тогда уже ему отъ жалованья отказать. Онъ же можетъ и своимъ капиталомъ доходъ получать.

Дворянину быть на жалованьи, понеже онъ только отправляетъ государственное дѣло: по векселямъ и по счетамъ къ кассиру ордеры посылать. А сверхъ того что дворянинъ на свои деньги приторговать можетъ, то его же доходъ. Здѣсь дворяне торгуютъ какъ купцы; изъ того помѣшательства нѣтъ, потому что всѣ равны, одинъ другаго обидить не можетъ.

Прокофій Демидовъ.

Сообщ. Демидовъ князь Санъ-Донато.

М. Ю. Лермонтовъ.

Въ апрѣльской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1883 г., въ статьѣ о „Московскомъ университетскомъ пансіонѣ“ справедливо воздается похвала этому заведенію, изъ коего вышло столько славныхъ дѣятелей. Извѣстнѣйшіе изъ питомцевъ его поименованы. Указывается на сходство этого заведенія съ царскосельскимъ лицеемъ, давшимъ намъ Пушкина, но при этомъ авторъ статьи забылъ упомянуть о славнѣйшемъ питомцѣ пансіона М. Ю. Лермонтовѣ. Онъ поступилъ въ число воспитанниковъ „благороднаго пансіона при императорскомъ московскомъ университетѣ“ въ 1828 году и черезъ два года перешелъ въ московскій университетъ, изъ коего вышелъ въ 1832 году, желая перейдти въ петербургскій. Въ пансіонѣ открылся поэтическій талантъ Лермонтова по собственному его признанію. Здѣсь являются ему впервые поэтическіе образы, выполненные уже позднѣе. Къ этому времени принадлежатъ, между прочимъ, первый и второй очеркъ „Демона“ и цѣлый рядъ поэмъ и лирическихъ стихотвореній, изъ коихъ нѣкоторыя и теперь еще пользуются заслуженною извѣстностью.

Пав. А. Висковатый.

Дерптъ.
4-го апрѣля 1883 г.

Александръ Сѣровъ и Рихардъ Вагнеръ

1871 г.

Извѣстіе о смерти знаменитаго композитора живо напомнило мнѣ смерть славнаго нашего Александра Николаевича Сѣрова, и я отыскалъ въ бумагахъ своихъ письмо Вагнера, бывшаго съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, писанное мнѣ по полученіи извѣстія о смерти творца «Юдиеи», «Рогнѣды» и «Вражьей Силы».

Съ Вагнеромъ я имѣлъ лишь мимолетную встрѣчу; однако у насъ были отношенія чрезъ посредство общаго намъ близкаго лица. Сѣрова я лично не зналъ, но судьба толкнула меня въ домъ его, когда Александръ Николаевичъ только что скончался и я закрылъ ему глаза.

Въ началѣ 1871 года, пріѣхалъ я въ Петербургъ послѣ долгаго пребыванія заграницею. Какъ-то вечеромъ сидѣли мы съ Аполлономъ Николаевичемъ Майковымъ, у извѣстнаго нашего скульптора, М. М. Антокольскаго. Ему сильно нездоровилось—на дворѣ было холодно.

Антокольскому подали небольшую записку, писанную карандашемъ. На блѣдномъ лицѣ его выразился испугъ и онъ протянулъ намъ письмецо, не говоря ни слова, а затѣмъ кинулся одѣваться.

Въ запискѣ стояло, что Александръ Николаевичъ Сѣровъ только что внезапно скончался, и семья просила Антокольскаго придти скорѣе. Въ домѣ не было никого изъ мужчинъ,—надо было распорядиться. Выпустить больного Антокольскаго въ стужу было немыслимо. Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, близкій знакомый покойнаго, не хотѣлъ идти одинъ въ квартиру Сѣровыхъ и звалъ меня съ собою. Мнѣ казалось страннымъ войдти въ незнакомый домъ, въ тяжелую минуту смерти, но разсуждать и упираться было некогда. Я рѣшился идти и, не входя въ квартиру, выждать, не окажется-ли нужда въ моей помощи.

Аполлонъ Николаевичъ вошелъ. Вслѣдъ затѣмъ позвали и меня. Я засталъ въ гостиной жену покойнаго, г-жу Эрикъ Віардо, (уже прежде дебютировавшую въ роли Рогнѣды) и молодую дѣвушку Перовскую.

Въ сосѣдней комнатѣ, на мягкомъ диванѣ, лежалъ Александръ Николаевичъ. Смерть его послѣдовала внезапно. Онъ говорилъ о музыкѣ съ г. Славинскимъ, стоя у стола, и вдругъ опрокинулся и упалъ на полъ [1]. Его съ трудомъ переложили на диванъ—онъ былъ мертвъ.

[1] По современнымъ разсказамъ очевидцевъ, опубликованнымъ тогда-же въ газетахъ, Сѣровъ сидѣлъ на диванѣ, и, среди спора, всталъ съ мѣста, чтобъ достать книгу для подтвержденія своихъ доводовъ,—сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ и вдругъ упалъ мертвый. Примѣч. Ред.

Испуганный Славинскій убѣжалъ изъ дому—тогда послали за Антокольскимъ [1]).

Сѣровъ лежалъ на диванѣ. Тѣло было въ томъ положеніи, въ какомъ находилось въ моментъ смерти—глаза раскрыты. Пораженные домашніе находились въ оцѣпенѣніи—я скоро увидѣлъ, что тутъ надо распорядиться самому. Съ трудомъ закрывъ покойнику окоченѣвшія вѣки, я отправилъ за поисками кого-либо, кто могъ-бы снять маску лица, еще неуспѣвшаго потерять обычное выраженіе. Мнѣ удалось, по совѣту Антокольскаго, отъискать кого слѣдовало, и во 2-мъ часу ночи маска была снята.

Такъ пришлось мнѣ затѣмъ и въ слѣдующіе дни хлопотать около покойнаго и устраивать дѣла семьи его, вмѣстѣ съ покойнымъ М. П. Азанчевскимъ, директоромъ консерваторіи [2]). Было тутъ нѣсколько любопытныхъ эпизодовъ, но объ этомъ въ другой разъ; собственно хотѣлось сказать лишь о томъ, какимъ образомъ мнѣ случилось послать Вагнеру прядь волосъ съ головы покойнаго его друга. Я вложилъ ихъ въ письмо къ автору «Лоэнгрина» и въ скоромъ времени получилъ отвѣтъ, который здѣсь и прилагаю.

Пав. Висковатый.

Письмо Рихарда Вагнера.

Luzern. 10 Febr. 1871.

Geehrtester Herr! Ich bin Ihnen meinen Dank für einen schmerzlichen Dienst Schuldig, welchen Sie mit rührender Freundlichkeit mir geleistet haben! Auf unsres theuren Sserof's Tod musten wir beide vorbereitet sein: ich beschwor ihn zuletzt Alles daran zu setzen, für immer dem grausamen Klima zu entfliehen, dem seine zarte Natur keinen Wiederstand mehr leisten konnte: wäre ihm dieses auszuführen möglich gewesen? Endlich täuschte mich aber wieder ein ungemein lebensvolles Schreiben von ihm, welches ich vor weinigen Monaten aus Wien zugesandt erhielt, über die Möglichkeit einer näher bevorstehender Katastrophe. Meine Frau schrieb und theilte ihm unsere Freude darüber mit; vergebens warteten wir auf eine Antwort, bis nun Ihr kummervoller Bericht uns aufklärte.

---

[1]) Антокольскій жилъ тогда на Васильевскомъ островѣ, въ Академическомъ переулкѣ; Сѣровы на углу 15-й линіи и Большаго проспекта.

[2]) Я никакъ не намѣревался вновь явиться въ чужой мнѣ домъ, но на утро другого дня получилъ записку черезъ г. Славинскаго:

„Любезный мой Павелъ Александровичъ, господинъ Славинскій вручитъ вамъ эту записку и будетъ просить васъ помочь г-жѣ Сѣровой въ тяжеломъ ея положеніи. Вашъ Антокольскій“.

Gerade dieses Freundes Tod ruft mir mit grosser Deutlichkeit das Gefühl hervor, dass durch solches Hinscheiden das Dasein eines edlen und wahrhaftgeliebten Menschen für uns nicht aufgehoben wird. Sseroff ist für mich nicht todt, er lebt deutlich und bestimmt für mich fort, nur dass ich um jeder bangen Sorge für ihn enthoben bin.

Was er war, ist und bleibt er, einer der edelsten Menschen, die ich mir nur vorstellen kann: sein zartes Gemüth, sein reines Gefühl, sein ganz von diesen beiden belebter und erleuchteter Verstand machten mir die Freundschaft, welche er mir so wahrhaftig zuwandte, zu dem edelsten Geschenk das meinem Leben zugedacht war. Melden sie, ich bitte, meinen und meiner Frau mitleidvollsten Grüss der treuen Gattin unseres Freundes, und empfangen Sie, geehrtester Herr, noch besonders meinen Dank für das ergreifende Andenken, welches Sie von dem Haupte des dahingeschiedenen mir übermachten! Mit hochachtungsvollem Grusse der Ihrige **Richard Wagner.**

Люцернъ, 10-го февраля 1871 г.

(**Переводъ**). Милостивый государь, считаю долгомъ высказать вамъ мою признательность за грустную услугу, которую вы оказали мнѣ со столь обязательною любезностью! Смерть нашего дорогого Сѣрова не могла быть для насъ неожиданностью: я уговаривалъ его въ послѣднее время употребить всѣ усилія къ тому, чтобы навсегда оставить суровый климатъ, котораго не могъ долѣе выносить его нѣжный организмъ: хорошо было бы, если бы ему удалось это исполнить? Тѣмъ не менѣе я былъ введенъ въ заблужденіе чрезвычайно веселымъ и одушевленнымъ (lebensvoll) письмомъ, полученнымъ мною отъ него изъ Вѣны нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и оставилъ мысль о возможности столь близкой катастрофы. Жена моя писала ему, выразивъ ему нашу радость по поводу этого обстоятельства, но тщетно ожидали мы отъ него отвѣта, пока грустное извѣстіе, сообщенное вами, не разъяснило намъ причины его молчанія.

Кончина именно этого нашего друга очень ясно вызываетъ у меня мысль, что смерть не можетъ похитить отъ насъ окончательно человѣка, истинно благороднаго (edlen) и горячо любимаго. Для меня Сѣровъ не умеръ, его образъ живетъ для меня неизмѣнно, только тревожнымъ заботамъ моимъ о немъ суждено прекратиться.

Онъ остается и всегда останется тѣмъ, чѣмъ былъ, однимъ изъ благороднѣйшихъ людей, какихъ только я могу себѣ представить; его нѣжная душа, его чистое чувство, его умъ, оживленный и просвѣтленный ими обоими, сдѣлали искреннюю дружбу, съ которою относился ко мнѣ этотъ человѣкъ, драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ

всей моей жизни. Прошу васъ передать отъ меня и отъ моей жены чувства искренняго соболѣзнованія вѣрной супругѣ нашего друга; вы же, милостивый государь, примите также мою живѣйшую благодарность за присланное вами трогательное воспоминаніе о покойномъ, волосы съ его головы!

Съ истиннымъ почтеніемъ вашъ **Рихардъ Вагнеръ.**

Сообщ. **П. А. Висковатый.**

М. И. Глинка и А. Г. Рубинштейнъ.

Въ февральской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1883 г., напечатавъ письма М. И. Глинки, мы, между прочимъ, высказали пожеланіе, дабы въ средѣ петербургскаго общества вновь оживилась мысль о сооруженіи памятника великому отечественному композитору. Мы высказали увѣренность, что „геніальный исполнитель и даровитый маэстро Антонъ Григорьевичъ **Рубинштейнъ**, котораго столь безпредѣльно чтятъ всѣ любители музыки“, станетъ во главѣ движенія общества къ тому, чтобы воздать честь памяти Глинки, сооруженіемъ ему монумента.

И вотъ—7-го апрѣля 1883 г., съ обычнымъ наиблестящимъ успѣхомъ, А. Г. **Рубинштейнъ** далъ въ Спб. концертъ, главная часть сбора съ котораго обращена въ фондъ на сооруженіе памятника Глинкѣ. Громадное зало Дворянскаго собранія, галлереи, хоры были до того переполнены публикой, что въ буквальномъ смыслѣ не было мѣста упасть яблоку. Заносимъ на стр. „Русской Старины“—на память грядущимъ поколѣніямъ—программу концерта нашего геніальнаго маэстро. Вотъ она:

„Въ залѣ Дворянскаго собранія въ четвергъ, 7-го апрѣля 1883 г., данъ былъ концертъ **Антона Рубинштейна** съ благотворительною цѣлью.

Главная часть сбора въ пользу памятника М. И. **Глинки.**

Программа:

I. a) Thème et Variations (The harmonium blacksmith), **Генделя.** b) Sarabande et Passacaille. Gigue, **Генделя.** c) Rondo, **Ф. Э. Баха.** d) Gigue, **І. С. Баха.** e) Rondo et Gigue, **Моцарта.** f) Sonate op. 27 (Cis-moll) quasi una fantasia, **Бетховена.** Adagio sostenuto. Allegretto. Presto agitato.

II. a) Sonate (B-moll) op. 35, **Шопена.** Grave. Scherzo. Marche funèbre. Finale. b) Ballade. Mazurka. Etudes. **Шопена.**

III. a) Chants sans paroles, **Мендельсона.** b) Presto a Capprіccio, **Мендельсона.** c) Kreisleriana, **Шумана.**

IV. a) Barcarolle et Erlkoenig, **Шуберта-Листа.** b) Nocturne, **Фильда.** c) Momento cappriccioso, **Вебера.** d) Invitation à la Valse, **Вебера.** e) La gita in gondola, **Россини-Листа.** f) Etude, **Тальберга**“.

Изъ отчета, опубликованнаго въ газетахъ, видно, что концертъ далъ сбора 8825 руб.; кромѣ того, пожертвовано неизвѣстнымъ 1000 руб. Всего поступило 9825 руб. Изъ этого сбора 5000 руб., по назначенію А. Г. Рубинштейна, обращены въ распоряженіе Л. И. Шестаковой (Глинка) на памятникъ М. И. Глинкѣ; остальныя деньги также обращены на разныя благотворенія.

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.

1831 г.

Я. И. де-Санглень въ своихъ Запискахъ, помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1883 г., мартъ, стр. 571—572, приводя разговоръ свой съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, бывшимъ въ Зимнемъ дворцѣ, 1 февраля 1831 г., между прочимъ, упоминаетъ о неблагосклонномъ отзывѣ императора Николая о моемъ отцѣ—партизанѣ Денисѣ Васильевичѣ Давыдовѣ. Государь будто-бы выразился, что Давыдовъ «выгнанъ былъ Паскевичемъ изъ арміи».

Трудно судить, въ какой степени де-Санглень точно привелъ выраженія императора, такъ какъ бесѣда его была съ глазу на глазъ. Но во всякомъ случаѣ долгомъ считаю заявить, что неблаговоленіе въ упомянутое время императора Николая къ генералу Давыдову было вызвано извѣтами Паскевича въ бытность того на Кавказѣ въ 1826—1827 годахъ.

Историческая литература послѣдняго времени множествомъ документовъ, появившихся, главнымъ образомъ, на стр. «Русской Старины», ярко освѣтила дѣйствія и отношенія Паскевича къ Ермолову и къ его друзьямъ-сподвижникамъ.

Тѣсная дружба соединяла партизана Давыдова съ А. П. Ермоловымъ; она была спрѣплена ихъ общимъ участіемъ въ длинномъ ряду битвъ 1812 и послѣдующихъ годовъ. Отсюда понятно, что ненависть Паскевича, злѣйшаго врага Ермолова, не могла не распространиться и на моего отца.

И вотъ, не смотря на то, что въ 1826—1827 годахъ Денисъ Васильевичъ съ полнымъ отличіемъ принималъ участіе въ войнѣ съ Персіей, о чемъ свидѣтельствуетъ атестатъ, выданный ему А. П. Ермоловымъ, отецъ мой вынужденъ былъ клеветами Паскевича, въ письмахъ его къ государю, оставить Кавказъ. Давыдовъ взялъ отпускъ и ужъ, конечно, не вернулся назадъ, тѣмъ болѣе, что А. П. Ермоловъ былъ также вынужденъ разстаться съ обожавшей его кавказскою арміею. Достойно однако-же вниманія, что императоръ Николай Павловичъ въ томъ-же 1831 г., къ началу котораго относится разсказъ де-Санглена, самъ вызвалъ моего отца въ ряды дѣйствующей арміи противъ польскихъ мятежниковъ.

Пріемъ, сдѣланный Денису Васильевичу въ арміи, былъ вполнѣ блистателенъ; а доблестною службою своею въ этой кампаніи отецъ

мой усилилъ тѣ чувства уваженія и любви къ себѣ, какія сопровождали его во всю боевую жизнь.

Государь Николай Павловичъ тогда-же вполнѣ оцѣнилъ заслуги и нравственную личность моего отца: ему были пожалованы за компанію 1831 г. двѣ высокія награды, а именно: Д. В. Давыдовъ, въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, а также за отличную распорядительность, оказанныя въ сраженіяхъ противъ польскихъ мятежниковъ и при взятіи приступомъ города Владиміра на Волыни, получилъ ордена Анны I-й ст. и Владиміра II-й ст.

Николай Денисовичъ Давыдовъ.

31 марта 1883 г.

Л. В. Брантъ.

Въ XXXVII томѣ „Русской Старины“, въ статьѣ «М. Ю. Лермонтовъ», на стран. 458, В. К. Шульцъ два раза ссылается на Бранта, обозначивъ имя и отчество его чрезъ Л. Л. Слѣдовало поставить Л. В., такъ какъ Бранта звали Леопольдомъ Васильевичемъ.

Л. В. Брантъ былъ постоянный сотрудникъ „Сѣверной Пчелы“ и мастерилъ въ ней большею частію фельетоны; написалъ романъ „Жизнь какъ она есть“, издалъ его отдѣльной книгой, и еще „Анахоретъ“, отрывки изъ котораго въ 1860-хъ годахъ онъ читалъ многимъ въ рукописи.

Время службы своей Леопольдъ Васильевичъ провелъ большею частію въ должности начальника отдѣленія штаба корпуса путей сообщенія.

Стихотворное посвященіе К. В. Чевкину, помѣщенное въ статьѣ Н. Н. Селифонтова (см. „Русская Старина“ изд. 1878 г., т. XXII, стр. 33—34), принадлежитъ перу Л. В. Бранта.

В. А. Васильевъ.

Село Клещинцы.
27-го марта 1883 г.

Поручикъ Карпь.

Въ іюльской книгѣ «Русской Старины» изд. 1882 г., въ статьѣ П. В. Алабина, на 101 стр., сказано, что «дрался на дуэли съ Марокези гусарскій офицеръ князь Горчаковъ». Это ошибка. Князь Горчаковъ служилъ въ Павлоградскомъ гусарскомъ полку, а дрался съ Марокези (или, какъ его австрійцы называли—графомъ Маркези) и убилъ послѣдняго—поручикъ гусарскаго эрцъгерцога Фердинанда полка Карпь. Секундантами были М. А. Золотаревъ и Карнишевъ, поручики того же полка.

Сообщ. X. Шлегель.

изученіе которыхъ, въ связи съ сочиненіями патристическихъ писателей, выясняетъ болѣе близкое отношеніе къ этимъ послѣднимъ и степень вліянія ихъ на Нила Сорскаго, особенно соч. Исаака Сирина, Симеона Новаго Богослова и Григорія Синаита. IV глава, составляющая вторую значительную часть всего труда автора (болѣе ¹/₂ сочиненія), посвящена общему состоянію умственно-религіозной жизни Россіи въ означенный періодъ. Собственно эта глава, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, могла бы служить введеніемъ въ настоящій трудъ.

Для своего труда авторъ воспользовался рукописными собраніями публичной библіотеки, спб. московской и казанской духовныхъ академій, синодальной, троицко-сергіевской лавры и Румянц. музея.

Пожелаемъ скорѣйшаго окончанія труда автора, которое будетъ посвящено Вассіану Патрикѣеву, стоявшему болѣе близко къ политическимъ и общественнымъ явленіямъ русской жизни XVI вѣка. Въ настоящемъ трудѣ русская литература пріобрѣтаетъ новаго, серіознаго изслѣдователя на ея поприщѣ.

Матеріалы историческіе и юридическіе района бывшаго приказа казанскаго дворца. Томъ I. Архивъ князя В. И. Баюшева. Приготовл. къ изданію проф. Н. П. Загоскинымъ. Казань. 1882. 268. Ц. 1 р. 25 к.

Это не первая попытка изданія матеріаловъ, относящихся къ исторіи Поволжья; но желательно, чтобы она также не осталась случайнымъ, единичнымъ явленіемъ, тѣмъ болѣе, что по заявленію издателя, письменныхъ памятниковъ по исторіи края слѣдуетъ искать у частныхъ лицъ, въ грудахъ старыхъ книгъ и бумагъ, нерѣдко цѣлыми сундуками хранящихся по помѣщичьимъ домамъ и усадьбамъ; между тѣмъ какъ архивы приволжскихъ правительственныхъ мѣстъ и учрежденій подвергались значительнымъ истребленіямъ отъ пожаровъ и времени.

Разсматриваемое собраніе было доставлено еще на археологическій съѣздъ въ Казани владѣльцемъ его, княземъ В. И. Баюшевымъ. Акты, вошедшіе въ изданный томъ, относятся къ послѣднимъ тремъ четвертямъ XVII вѣка и касаются исторіи уѣздовъ Арзамасскаго и Симбирскаго. Они переносятъ насъ въ эпоху первоначальнаго заселенія Симбирскаго края и знакомятъ съ ходомъ и характеромъ постепеннаго водворенія въ немъ русскаго элемента; — они даютъ также матеріалъ и для исторіи его администраціи. Съ другой стороны, эти акты имѣютъ фамильный интересъ, касаясь главнымъ образомъ родовъ: Патрикѣевыхъ, Воронцовыхъ, Неклюдовыхъ, Баюшевыхъ, Кологривовыхъ, Малаховыхъ и др., и знакомятъ читателей съ условіями и обстоятельствами ихъ быта, во всей ихъ простотѣ и со всѣми мельчайшими его проявленіями, какъ хорошими, такъ и печальными. Не меньшій интересъ представляютъ эти акты въ научномъ отношеніи, представляя матеріалъ по исторіи гражданскаго права. Сюда относится значительное количество актовъ, служащихъ выраженіемъ различнаго рода сдѣлокъ и договоровъ, заключенныхъ между частными лицами. Общее число изданныхъ актовъ простирается до 219. Въ концѣ тома приложены указатели лицъ, географическихъ названій и предметовъ, а также родословныя росписи главнѣйшихъ родовъ, упоминаемыхъ въ актахъ.

Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Вып. 3-й. 173 стр. К. 1882. Ц. 50 к.

Намъ приходилось уже упоминать о двухъ первыхъ выпускахъ этого скромнаго, но не лишняго изданія въ нашей провинціальной исторической литературѣ. Вообще архивная исторія города Кіева мало до сихъ поръ разработана, хотя и были весьма почтенные труды, посвященные прошлой жизни матери русскихъ городовъ. Въ настоящій выпускъ вошли слѣдующіе матеріалы: 1) четыре дѣла о предмѣстьяхъ города Кіева въ XVIII стол.; 2) описаніе г. Кіева, составленное кіевскою губерн. канцеляріею въ 1760 г.; 3) производство шелка въ Кіевѣ; 4) замѣтки о кіевской питейной конторѣ; 5) о заготовленіи въ Кіевѣ для импер. двора варенья; 6) замѣтки къ исторіи кіевск. городскаго хозяйства и управленія.

Будущій историкъ новѣйшаго періода исторіи Кіева не можетъ пройти молчаніемъ матеріаловъ, издаваемыхъ въ предпринятомъ сборникѣ.

В. И.

„РУССКАЯ СТАРИНА"
1883 г.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за двѣнадцать книгъ, четыре большіе тома, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей,

ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старины", Большая Садовая, подлѣ Публичной Библіотеки, при книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова**, д. № 12. Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, на Большую Подъяческую, близь Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, обзоры, очерки и разсказы объ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и пр.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ; неизданныя произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—V. Библіографическіе отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы, преданія и замѣтки.—Характерныя челобитныя, переписка и вообще документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная русская словесность.—VIII Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина" 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина" 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина" 1881 г., 12 кн., съ портр. и Зап. Порошина 8 руб.
„Русская Старина" 1882 г., 12 книгъ, съ 12-тью портретами. 9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Годъ четырнадцатый. **ІЮНЬ.** 1883 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ **Нины Александровны Грибоѣдовой**, рожденной княжны Чавчавадзе, † 1857 г. Гравировалъ художн. И. И. Матюшинъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подьяческая, д. № 1.

1883.

VI-я книга „Русской Старины" вышла 1-го іюня 1883 г.

О Богданѣ Хмельницкомъ. П. И. Буцинскаго. Харьковъ. 1882. 240 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Тема о Богданѣ Хмельницкомъ принадлежитъ къ излюбленнымъ темамъ для занимающихся исторіею Малороссіи. Едва ли есть другая сторона или періодъ въ исторіи послѣдней, которые были бы такъ разработаны и обладали такимъ количествомъ матеріаловъ, какъ эпоха, названная именемъ этого лица. Вотъ почему къ каждому новому труду, посвященному ей, приходится относиться съ новыми требованіями и большими ожиданіями, тѣмъ болѣе, что въ нашей литературѣ успѣли уже сложиться два, совершенно противоположныя, воззрѣнія на значеніе этой эпохи и самой личности ея представителя. Подъ вліяніемъ борьбы мнѣній и современныхъ литературныхъ воззрѣній сталъ слагаться уже нѣсколько иной, значительно утрированный, образъ главнаго дѣйствующаго лица. Фактъ, связанный съ его именемъ, пересталъ, можно сказать, оцѣниваться самъ по себѣ, а получаетъ значеніе въ связи съ нравственными качествами даннаго лица, съ симпатіями и антипатіями авторовъ, посвящающихъ свой трудъ разсматриваемому времени.

Новый авторъ изрекаетъ окончательный категорическій приговоръ своему герою; но, къ сожалѣнію, онъ не дѣлаетъ предварительнаго строгаго анализа и критическаго обозрѣнія источниковъ. Поэтому не всегда ясно и доказательно представляется, почему онъ ставитъ рядомъ оффиціальный документъ, исторію руссовъ, лѣтопись Величка и «Запорож. Старину»; но за то отъ начала до конца онъ является обличителемъ дѣяній излюбленнаго нѣкогда героя Малороссіи, а теперь оказывающагося отвѣтственнымъ за всѣ ея добрыя и худыя дѣла. Нѣсколько лѣтъ назадъ, послѣ тройной переработки своего «Хмельницкаго», Н. И. Костомаровъ коснулся и документовъ, служившихъ автору матеріаломъ, (это Польская коронная метрика, хранящаяся въ москов. арх. мин. ин. дѣлъ), и главной стороны вопроса, выдвигаемой теперь на видъ. Мнѣніе его было высказано въ статьѣ «Богданъ Хмельницкій, данникъ Оттоманской Порты» («Вѣст. Евр.» 1878 г. № 12). «Послѣ знакомства съ ними, говоритъ г. Костомаровъ, «историческое значеніе личности Богдана должно представиться въ иномъ свѣтѣ. Его преемники: Брюховецкіе, Дорошенки, Орлики и другіе, со второстепеннымъ значеніемъ, преслѣдуя идею самобытности Украины подъ верховною властію Оттоманской Порты, не дѣйствовали въ разрѣзъ съ политикою Богдана Хмельницкаго, напротивъ, думали только слѣдовать по указанному имъ кривому пути, а Юрій Хмельницкій, пожалованный отъ султана званіемъ князя Малороссійской Украйны, былъ не «сынъ, недостойный славнаго родителя», но вполнѣ былъ его достоинъ, какъ и Богданъ оставилъ для Малороссіи достойнаго себя сына» (Собр. сочиненій, XII, 81—82). Замѣтимъ кстати, что этотъ отзывъ какъ-то не ладится съ другимъ отзывомъ историка о томъ же лицѣ. (Исторія Россія, вып. V, 286).

Изслѣдованіе г. Буцинскаго есть лишь подробное развитіе той же основной мысли. Авторъ любитъ говорить даже его словами (44, 50, 61, 62, 67, 91, 107, 204) Выходя изъ той мысли, что Богданъ Хмельницкій былъ по воспитанію полякъ, вполнѣ проникшійся польскими тенденціями, онъ изображаетъ послѣдняго представителемъ польскихъ, аристократическихъ порядковъ въ Украинѣ, и крѣпостникомъ въ отношеніи къ народу (вся 1-я глава и стр. 62—63, 76, 104). Поэтому все дѣло борьбы Богдана Хмельницкаго является въ глазахъ автора лишь дѣломъ личной мести послѣдняго (51, 61). Онъ не былъ «вождемъ народа»; автору даже не нравятся подобныя параллели его съ другими народными героями (напр. у Карпова, стр. 4).

Политика, какъ и личный характеръ Богдана, по его мнѣнію, запечатлѣны были отъ начала до конца «двоедушіемъ», «вѣроломствомъ» и «трусостью» (103, 122, 138, 206, 223). Авторъ не останавливается на тѣхъ народныхъ думахъ (хотя ихъ «много»), въ которыхъ выражено сочувствіе подвигамъ и побѣдамъ Богдана; напротивъ, онъ предпочитаетъ характеризовать своего героя словами тѣхъ думъ, «въ которыхъ народная масса весьма яркими красками выразила непріязнь къ своему гетману»; а свой трудъ заключаетъ словами: «мы должны сказать, что измѣна Выговскаго московскому государству не была его личнымъ дѣломъ, а только продолженіемъ политики Богдана, такъ сказать исполненіемъ его завѣщанія» (238—239).

Но, изображая такимъ своего героя, ни

НИНА АЛЕКСАНДРОВНА ГРИБОѢДОВА

род. 1812 ум. 1857 г.

АДМИРАЛЪ ПАВЕЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЧИЧАГОВЪ.

1765 † 1849 г.

Въ ряду сподвижниковъ императора Александра Павловича, въ періодъ его реформъ, въ ряду его первыхъ по времени назначенія, да и лучшихъ по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ министровъ, безспорно былъ — Павелъ Васильевичъ Чичаговъ.

Краткую, но въ высшей степени вѣрную характеристику этого государственнаго мужа сдѣлалъ на страницахъ „Русской Старины" бывшій его адъютантъ, графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой — знаменитый медальеръ, товарищъ президента императорской академіи художествъ, — человѣкъ въ высшей степени правдивый:

„Павелъ Васильевичъ Чичаговъ — такъ характеризуетъ его гр. Ѳ. П. Толстой,—былъ человѣкъ весьма умный и образованный; будучи прямого характера, онъ былъ удивительно свободенъ и, какъ ни одинъ изъ другихъ министровъ, простъ въ обращеніи и разговорахъ съ государемъ и царской фамиліей. Зная свое преимущество надъ знатными придворными льстецами, какъ по наукамъ, образованію, такъ и по прямотѣ и твердости характера, Чичаговъ обращался съ ними съ большимъ невниманіемъ, а съ иными даже съ пренебреженіемъ, за что, конечно, былъ ненавидимъ почти всѣмъ придворнымъ міромъ и всей пустой, высокомѣрной знатью; но императоръ Александръ Павловичъ и императрица Елисавета Алексѣевна его очень любили.

«Съ низшими себя и съ своими подчиненными и просителями, которыхъ всегда принималъ безъ различія чиновъ и званія, Чичаговъ обращался весьма привѣтливо и выслушивалъ просьбы послѣднихъ съ большимъ терпѣніемъ". („Русская Старина" изд. 1873 г., томъ VII, январь, „Записки гр. Ѳ. П. Толстого", стр. 44—45.

Блестящее образованіе и природныя способности довольно рано выдвинули Чичагова въ рядъ ближайшихъ, непосредственныхъ сподвижниковъ Александра I-го; но вотъ послѣ 1812 года онъ удаляется за границу; опала надъ нимъ новаго державнаго вождя Россіи—императора Николая—сгущается и сгущается, и Чичаговъ проводитъ всю свою жизнь изгнанникомъ, на чужбинѣ, вдали отъ страстно любимаго имъ отечества, умираетъ.

И этотъ умъ, обогащенный массою знанія, всю жизнь углубленный въ трудъ, это сердце, исполненное глубокой и искренней любви къ отечеству—погибли безплодно для Россіи, оставаясь внѣ ея предѣловъ болѣе тридцати лѣтъ.

Прошло послѣ кончины Чичагова новые триддать слишкомъ лѣтъ и только теперь, по весьма счастливому и совершенно неожиданному случаю, одинъ изъ его правнуковъ, Леонидъ Михайловичъ Чичаговъ, получаетъ возможность оживить предъ своими соотечественниками нравственный образъ Павла Васильевича Чичагова.

Въ распоряженіе Л. М. Чичагова поступило громадное и имѣющее еще быть дополненнымъ собраніе собственноручныхъ историческихъ трудовъ и Записокъ его знаменитаго прадѣда, а также множество документовъ, оправдывающихъ и подкрѣпляющихъ полныя историческаго интереса произведенія пера адмирала П. В. Чичагова.

Труды эти постепенно явятся на страницахъ нашего историческаго журнала „Русская Старина". Ред.

I.

До сихъ поръ на Павлѣ Васильевичѣ Чичаговѣ лежатъ обвиненія за переправу Наполеона черезъ Березину. Не вдаваясь въ подробное разбирательство причинъ, побудившихъ современниковъ адмирала, а также и исторіографовъ, отнестись пристрастно къ Чичагову, должно однако указать на одно обстоятельство, которое весьма много помѣшало къ оправданію его въ глазахъ соотечественниковъ.

Въ 1858 году, въ Берлинѣ появилась брошюра подъ заглавіемъ: „Memoires de l'amiral Tchitchagoff". Многіе, конечно, помнятъ, какое впечатлѣніе произвела эта брошюра у насъ и съ какою ненавистью стали говорить объ адмиралѣ Чичаговѣ, который переполнилъ свои записки недостойными отзывами о Россіи и о русскихъ людяхъ, но никто не знаетъ, кто былъ авторъ этого памфлета, какимъ образомъ появился онъ въ печати.

Поэтому я считаю своимъ долгомъ теперь, на основаніи документовъ, разоблачить преступные замыслы издателя мнимыхъ записокъ адмирала Чичагова; я не могъ этого сдѣлать до сего времени, такъ какъ отъ меня была скрыта истина, какъ увидитъ читатель изъ послѣдующаго разсказа.

Адмиралу Чичагову не было суждено лично отвѣчать на обвиненія соотечественниковъ; при жизни императора Александра I —это было-бы излишне, а въ царствованіе императора Николая I онъ лишился возможности вернуться въ Россію и даже узнать почему его наказали, отнявъ пенсію, имущество и средства къ пропитанію.

По смерти адмирала (въ 1849 году) Записки его остались въ рукахъ младшей дочери, поставившей цѣлью своей жизни—издать ихъ въ полной подробности и съ оправдательными документами. Много лѣтъ прошло, покуда онѣ приводились въ порядокъ, рукописи переписывались, складывались въ извѣстной послѣдовательности въ главы, частью переводились съ англійскаго и италіанскаго языковъ на французскій, которымъ пользовался адмиралъ больше всего при писаніи своихъ воспоминаній, получались изъ Россіи оставшіеся въ столѣ адмирала бумаги и письма дѣятелей его времени, какъ вдругъ, въ 1855 году, въ „Revue contemporaine", въ Парижѣ, появились выдержки изъ этихъ записокъ, сообщенныя графомъ du Bozy, дальнимъ родственникомъ дочери адмирала по мужу. Желая прослыть литераторомъ, этотъ графъ похитилъ нѣсколько листовъ изъ мемуаровъ Павла Васильевича, касающихся 1812 года.

Оскорбленная такимъ поступкомъ своего родственника, дочь адмирала немедленно написала письма ко многимъ редакторамъ газетъ, въ которыхъ, между прочимъ, заявила:

„Je suis et je serai toujours étrangère à tout ouvrage traitant de la Russie et signé du nom de Comte du Bozy", т. е. я всегда была и буду непричастна къ трудамъ графа де-Бози, въ которыхъ говорится о Россіи.

Это происшествіе и крымская война задержали изданіе подлинныхъ записокъ адмирала.

Наступилъ 1858 годъ. Графъ де-Бози не только не одумался, но предпринялъ еще болѣе отважныя дѣйствія. Боясь неудачи

во Францiи, онъ удалился въ Берлинъ и издалъ тамъ цѣлую брошюру подъ заглавiемъ: „Memoires de l'amiral Tchitchagoff", а затѣмъ повторилъ, быстро разошедшееся, первое изданiе въ Лейпцигѣ.

Нельзя исчислить сколько вреда принесли эти недостойныя брошюры—честному имени Павла Васильевича.

Изъ нѣсколькихъ листовъ записокъ адмирала немыслимо было составить что-нибудь цѣльное, но чтобы придать округленность и интересъ, авторъ включилъ плохенькую бiографiю П. В. Чичагова, соч. M. Emile Chales, разсказы дипломата-англичанина изъ книги „Eastern Europe and the emperor Nicholas", газетныя статьи, собственныя измышленiя, слышанные разсказы—и все это выдалъ за Записки Павла Васильевича. Преступленiе графа де-Бози не было-бы еще такъ ужасно, если-бы онъ не передѣлалъ записокъ адмирала, не придалъ-бы къ отзывамъ его о Россiи (человѣка, любившаго родину честно и свято, но выражавшаго чувства, можетъ быть, слишкомъ громогласно, что зависѣло отъ взглядовъ и значенiя придаваемаго слову любовь къ отечеству), такiе эпитеты, которые выставили его чуть не измѣнникомъ и если-бы все это авторъ не извратилъ съ политическою цѣлью именно еще въ 1855 году, чтобы надругаться надъ Россiею.

Бѣдная дочь адмирала, нервная и впечатлительная, какъ и ея отецъ, рѣшилась бороться до конца. Она начала свои преслѣдованiя судомъ и одинокая вышла на защиту чести своего родителя и своей родины, предъ людьми, враждебно настроенными, и предъ судомъ, склоннымъ надсмѣяться, вмѣстѣ съ обвиняемымъ, надъ достоинствами ея отечества, съ которымъ они только что вели упорную борьбу.

Можно себѣ вообразить, что̀ испытала это женщина, дочь русскаго адмирала, несшая съ нимъ одинъ крестъ со времени злополучной переправы Наполеона черезъ Березину! Этотъ процесъ надѣлалъ много шуму въ Парижѣ и прiобрѣлъ большую извѣстность. Пришлось свѣрять подлинные записки адмирала съ брошюрой графа де-Бози; тутъ-же на судѣ, доказывать съ какою цѣлью авторъ-родственникъ извратилъ ихъ, вдаваться въ подробности, оскорбительныя для бѣдной женщины и не подлежавшiя, въ

сущности, сужденію французовъ. Но возмущенная до глубины души и пораженная наглостью графа де-Бози, она говорила столь увлекательно, умно и внушительно, что судъ не могъ надивиться ея самозащитѣ и рѣшилъ дѣло въ ея пользу.

Запрещенія, наложенныя на поддѣлки графа де-Бози, ни къ чему не послужили и брошюры продолжали читаться съ интересомъ. Въ сущности графъ де-Бози ни чѣмъ не пострадалъ, а дочь адмирала, разстроенная нервно до болѣзненности, слегла въ постель и вскорѣ получила нервный ударъ, окончившійся параличемъ.

Очернивъ память адмирала Чичагова въ глазахъ его соотечественниковъ, этотъ литературный преступникъ убилъ еще его дочь, которая съ 1859 года, въ продолженіи 23 лѣтъ, не вставала съ постели и скончалась въ Парижѣ при невыразимыхъ страданіяхъ лишь 31-го августа 1882 года.

Вотъ исторія берлинской брошюры, называемой—„Memoires de l'amiral Tchitchagoff", которою столь пользовались исторіографы при своихъ изслѣдованіяхъ.

Вообще до сихъ поръ имѣются весьма ограниченные матеріалы для сужденія объ адмиралѣ П. В. Чичаговѣ и всѣ они касаются, главнымъ образомъ, дѣятельности его въ 1812 году. Отзывы современниковъ очень разнорѣчивы и ихъ разобрать, разсортировать и оцѣнить, казалось-бы, уже настало время.

Съ 1859 года никто не зналъ о судьбѣ, постигшей младшую дочь адмирала, и о мѣстонахожденіи записокъ Павла Васильевича; только въ 1881 году мнѣ удалось совершенно неожиданно открыть ихъ въ Парижѣ. Къ несчастію, они прошли черезъ много рукъ; привести въ порядокъ и приготовить ихъ къ изданію будетъ весьма нелегко. Между тѣмъ, эти записки составляютъ драгоцѣнный матеріалъ для русской исторіи и вмѣщаютъ въ себѣ подробности изъ эпохъ Екатерины II, Павла I и Александра I. Исторія нашего флота обогатится замѣчательными документами: письмами графа Безбородко къ адмиралу Василью Яковлевичу Чичагову, во время шведской кампаніи 1789—1790 гг., и трудами Павла Васильевича Чичагова во время управленія имъ морскимъ министерствомъ. Отечественная война 1812 года разобрана адмираломъ очень подробно, причемъ его записки о

ней подкрѣплены документами и письмами, до сихъ поръ неизвѣстными.

Теперь, когда я могу представить на судъ исторіи данныя, основанныя на несомнѣнныхъ документахъ, проливающихъ совершенно иной свѣтъ на личность и дѣятельность адмирала Павла Васильевича Чичагова, къ моему истинному горю нѣтъ уже въ живыхъ нашихъ уважаемыхъ исторіографовъ—генерала Модеста Ивановича Богдановича и Александра Николаевича Попова, положившихъ своими изслѣдованіями основаніе для всесторонняго и серьезнаго изученія отечественной войны.

II.

Въ послѣднее время въ „Русской Старинѣ", именно въ изд. 1882 г., томъ XXXVI, декабрь, стр. 488 и 489, въ интересныхъ запискахъ Якова-де-Санглена, явился, между многими другими, разсказъ о столкновеніи императора Павла I съ Павломъ Васильевичемъ Чичаговымъ.

Затѣмъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ" о томъ-же эпизодѣ явились подробности изъ печатныхъ записокъ Шишкова.

И тотъ, и другой разсказы—не вѣрны.

Весьма любопытно прослѣдить какъ извращается разсказъ этотъ и даже самый фактъ въ запискахъ современниковъ: де-Санглена, адмирала Шишкова и друг., и какъ вообще старались адмирала Чичагова обвинить даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ являлся не дѣйствующимъ, а страждущимъ лицомъ.

Я. И. де-Сангленъ - въ царствованіе Павла I переводчикъ адмиралтействъ коллегіи—не могъ быть непосредственнымъ свидѣтелемъ происходившаго между императоромъ Павломъ и Чичаговымъ и записалъ анекдотъ, основываясь на слухахъ, ходившихъ тогда по городу. Между прочимъ приводятся де-Сангленомъ небывалыя изрѣченія Павла I и Павла Васильевича, и говорится о томъ, что императоръ „немилосердно билъ" Чичагова, оборвалъ у него мундиръ, камзолъ и, не безъ сопротивленія истязуемаго, крѣпко державшагося „за фалды царскаго сюртука", вытолкалъ его собственноручно вонъ, крича: „въ крѣпость его!",

на что вытолкнутый Чичаговъ, обратясь къ государю, будто-бы сказалъ: „прошу книжку мою съ деньгами поберечь; она осталась въ боковомъ карманѣ мундира“ и т. д.

Иначе разсказывается, и также по невѣрнымъ слухамъ, въ запискахъ адмирала А. С. Шишкова и въ книгѣ „Eastern Europe and the emperor Nicholas“, изданной однимъ англійскимъ дипломатомъ.

Павелъ Васильевичъ, по свидѣтельству этихъ разсказщиковъ, будто-бы обидѣлся, что Павелъ I наградилъ его за смотръ балтійскому флоту, гдѣ служилъ самолюбивый, надменный и крайне рѣзкій въ поступкахъ и словахъ Чичаговъ, орденомъ св. Анны 4-й ст., т. е. первымъ орденомъ на шпагу, когда онъ имѣлъ уже георгіевскій крестъ и золотую шпагу съ надписью „за храбрость“, и потому онъ, не стѣсняясь, при всякомъ удобномъ случаѣ, выражалъ свое неудовольствіе противъ государя. Послѣ какой-то дерзости со стороны Чичагова, государь его уволилъ отъ службы и отправилъ на жительство въ деревню. Остальное въ томъ-же духѣ и также невѣрно, такъ напр.: адмиралъ Шишковъ говоритъ, что любимецъ императора, адмиралъ Кушелевъ, спасалъ Чичагова, защищалъ его и выпрашивалъ у Павла I прощеніе Павлу Васильевичу. Все это ложь.

Я могъ-бы еще указать на многіе варіанты этого эпизода въ запискахъ современниковъ, но не стоитъ того; вездѣ обвиняется П. В. Чичаговъ; ограничусь лишь разсказомъ графа де-Местра, разыгравшаго роль друга Чичагова, потому, что этотъ умный иностранецъ превзошелъ всякое вѣроятіе и обернулъ фактъ въ самую безобразную сторону. Онъ пишетъ въ Италію („Русскій Архивъ“, 1871 г. стр. 120):

„Его приключенія (т. е. Чичагова) съ Павломъ прелестны. Однажды, послѣ страшной сцены между нимъ и императоромъ, Павелъ сказалъ ему, что въ немъ нѣтъ больше надобности и что онъ уволенъ. Адмиралъ тотчасъ раздѣлся при государѣ и оставилъ дворъ въ рубашкѣ. Согласитесь, что это нагло и могло произойти только здѣсь“.

Такимъ образомъ уже въ царствованіе Павла I старались современники запятнать скромнаго бригадира Чичагова, который больше жилъ въ отставкѣ, сидѣлъ въ крѣпости и затѣмъ на

нѣсколько часовъ возводился въ чинъ контръ-адмирала, чѣмъ служилъ и кому-бы то нибыло мѣшалъ. Почему, спросятъ меня, его не любили?

По простой причинѣ: всякій сознавалъ, что онъ былъ очень уменъ и образованъ; что при первой надобности въ дѣльномъ начальникѣ, его вызовутъ изъ деревни, выпустятъ изъ каземата и посадятъ на первое мѣсто; эта боязнь заставляла всѣхъ сослуживцевъ не любить и опасаться его. Ни въ однѣхъ запискахъ нельзя найти указанія, чтобы Павелъ Васильевичъ сдѣлалъ кому-нибудь зло; а многіе его хулятъ и осуждаютъ.

Дѣйствительное же и злополучное столкновеніе императора Павла I съ Павломъ Васильевичемъ Чичаговымъ произошло такъ.

III [1]).

Императоръ Павелъ I, съ воцареніемъ на прародительскомъ престолѣ, уничтожилъ ордена Георгія и Владиміра, установленные его матерью, Екатериною Великою, и уволилъ отъ службы почти всѣхъ заслуженныхъ ея генераловъ. Василій Яковлевичъ Чичаговъ, самый старѣйшій и выдававшійся способностями адмиралъ (отецъ П. В. Чичагова), имѣлъ орденъ Георгія 1-й степени. Думая, что гнѣвъ императора, можетъ быть, не коснется его, Василій Яковлевичъ продолжалъ служить; но однажды, въ полицейскомъ приказѣ, между распоряженіями о новой дамской модѣ, введенной монархомъ, и назначеніями мелкихъ чиновниковъ, старецъ прочелъ о снятіи съ него Георгіевской ленты. Это не только обидѣло старика, но и убило его. Кушелевъ, бывшій чуть не въ чинѣ мичмана подъ командою Василія Яковлевича, возведенный императоромъ въ званіе морского министра, добился до того. что старика-адмирала Чичагова уволили отъ службы. Павелъ Ва-

---

[1]) Весь слѣдующій разсказъ помѣщаемъ здѣсь въ переводѣ съ французскаго изъ рукописныхъ подлинныхъ записокъ моего прадѣда, Павла Васильевича Чичагова, томъ IV. Въ этомъ томѣ излагаются событія о концѣ царствованія Екатерины II и о вступленіи на престолъ Павла Петровича.

Л. Ч.

сильевичъ, обиженный за отца, хотѣлъ было то же выйти въ отставку, но Василій Яковлевичъ воспротивился, говоря, что „честному человѣку всегда слѣдуетъ служить и приносить пользу своему отечеству, какое бы тяжелое время не переживала родина“.

Одновременно съ переустройствомъ сухопутныхъ войскъ, императоръ Павелъ занялся флотомъ. Желая лично управлять маневрами, при помощи Кушелева, императоръ приказалъ вооружить въ Кронштадтѣ 50 судовъ для переѣзда въ Ревель.

Павелъ Васильевичъ командовалъ фрегатомъ „Ратвизанъ“. Когда всѣ приготовленія были окончены, императоръ прибылъ въ Кронштадтъ со всею своею фамиліею на собственной яхтѣ. Не успѣли суда выйти въ море, какъ поднялся сильный вѣтеръ и разыгралась буря. Въ продолженіи трехъ или четырехъ дней императоръ и августѣйшее семейство страдали морскою болѣзнію и 50 судовъ бездѣйствовали. Экипажъ Павла Васильевича былъ ему совершенно незнакомъ и, повидимому, адмиралъ Кушелевъ нарочно назначилъ на „Ратвизанъ“ своихъ любимцевъ, которымъ далъ инструкцію вывести изъ терпѣнія командира.

Кушелевъ находился безотлучно при больномъ императорѣ, который, между прочимъ, ему сказалъ:

— „Такъ какъ вѣтеръ дуетъ со стороны Ревеля, то я ограничусь маневрами впереди Кронштадта, но въ будущемъ году я уже начну путешествіе изъ Ревеля, чтобы приплыть въ Кронштадтъ по вѣтру“.

Когда вѣтеръ стихъ, начались маневры по сигналамъ, подаваемымъ съ императорской яхты, которые заключались только въ безконечныхъ поворотахъ направо и налѣво, что было очень затруднительно, при большомъ числѣ судовъ и малыхъ разстояніяхъ между ними. Къ вечеру флотъ сталъ на якоря и Павелъ Васильевичъ, выведенный изъ терпѣнія невозможными маневрами и безобразнымъ экипажемъ своего фрегата, подалъ рапортъ о болѣзни и высадился въ Кронштадтѣ. Императоръ Павелъ, разсерженный стараніями Кушелева, немедленно послалъ командира всего флота и главнаго доктора освидѣтельствовать Павла Васильевича, который, предчувствуя послѣдствія рапорта, улегся въ постель. Благодаря домашнему доктору Чичагова, увѣрившему, что у послѣдняго ночью была сильная лихорадка, означенныя выше

два лица доложили императору о дѣйствительной болѣзни командира „Ратвизана“ и громъ прошелъ мимо.

У Павла Васильевича Чичагова было еще два брата. Съ однимъ изъ нихъ произошло слѣдующее: состоя въ чинѣ подполковника, онъ получилъ награду, при чемъ императоръ въ грамотѣ, писанной собственною рукою, называлъ его полковникомъ. Желая убѣдиться, произведенъ-ли онъ въ слѣдующій чинъ, Чичаговъ написалъ письмо Кушелеву, испрашивая разъясненій. На это Кушелевъ отвѣтилъ:

— „Конечно нѣтъ, потому что вы должны видѣть надпись на конвертѣ, которая адресована вамъ, какъ подполковнику“.

Видя, что нѣтъ возможности служить при интригахъ Кушелева, Василій Яковлевичъ, наконецъ, согласился на просьбы сыновей, разрѣшить имъ всѣмъ подать въ отставку. Павелъ Васильевичъ надѣялся, что императоръ не откажетъ ему въ слѣдуемой пенсіи, но въ вышедшемъ приказѣ объ увольненіи его отъ службы, было обозначено, что монархъ, въ виду молодости адмирала, повелѣлъ пенсіи не выдавать.

Кромѣ этой неудачи, у Павла Васильевича было на сердцѣ громадное горе. Оканчивая свое морское образованіе въ Англіи и останавливаясь во время плаванія съ эскадрами въ англійскихъ портахъ, онъ сильно полюбилъ дочь командира одного порта, миссъ Проби, которая вскорѣ была объявлена его невѣстою. Почти съ увольненіемъ отъ службы, пришло къ нему извѣстіе о смерти отца невѣсты и о томъ, что послѣдняя теперь съ нетерпѣніемъ ждетъ пріѣзда Павла Васильевича. Не зная никого изъ любимцевъ императора Павла, Павелъ Васильевичъ рѣшился обратиться съ просьбою къ графу Безбородко, который въ концѣ царствованія Екатерины II впалъ въ немилость и поэтому былъ ея сыномъ возведенъ въ княжеское достоинство. Князь Безбородко взялся хлопотать о дозволеніи Чичагову ѣхать жениться въ Англію, но послѣдствіями его разговора съ императоромъ было слѣдующее приказаніе, отданное въ ежедневникѣ:

— „Въ просьбѣ Чичагова отказать въ виду того, что въ Россіи есть довольно дѣвушекъ и для сей цѣли ему нечего ѣздить въ Англію“.

Павлу Васильевичу оставалось описать свое горе князю Се-

мену Романовичу Воронцову, нашему послу въ Лондонѣ, съ которымъ онъ былъ въ прекрасныхъ и вполнѣ сердечныхъ отношеніяхъ. Князь Воронцовъ немедленно же послалъ отъ себя письмо своему другу, генералъ-прокурору князю Лопухину, который былъ близокъ къ камергеру Өедору Васильевичу Растопчину—любимцу императора—и присовокупилъ, что въ Англіи о Павлѣ Васильевичѣ высокаго понятія и особенно драгоцѣнны похвалы главнаго начальника флота лорда Спенсера.

Князь Лопухинъ получилъ это письмо какъ разъ въ то время, когда готовились снарядить экспедицію въ Голландію, обѣщанную англичанамъ для дѣйствія противъ французовъ. Узнавъ отъ князя Лопухина мнѣніе англичанъ о Павлѣ Васильевичѣ Чичаговѣ, императоръ просилъ генералъ-прокурора немедленно извѣстить Чичагова, что онъ дозволяетъ ему жениться и согласенъ былъ бы принять его на службу, а черезъ Кушелева послалъ ему сказать, что онъ зачисленъ на службу контръ-адмираломъ и долженъ тотчасъ явиться во дворецъ въ Павловскъ.

Адмиралъ Чичаговъ, прибывъ во дворецъ, прежде всего направился къ Кушелеву, который, перечитывая вечерній рапортъ, со спискомъ всѣхъ пріѣзжихъ лицъ въ Павловскъ, выразилъ сомнѣніе, чтобы государь принялъ адмирала ранѣе завтрашняго утра. Волею-неволею пришлось Павлу Васильевичу ожидать приказанія, сидя наединѣ съ злымъ интриганомъ. Завязался разговоръ.

Кушелевъ: Довольны-ли вы, что васъ приняли на службу?

Чичаговъ: Я не имѣю особыхъ причинъ быть довольнымъ; только вслѣдствіе болѣзни я выпросилъ увольненіе въ отставку и въ настоящее время, какъ вы видите, мое здоровье еще болѣе разстроено, чѣмъ когда я выходилъ со службы. Съ другой стороны нечего особенно радоваться, такъ какъ мнѣ не возвращено мое старшинство.

Кушелевъ: Развѣ государь не можетъ дѣлать, что ему угодно и такъ, чтобы никто не имѣлъ права жаловаться? Развѣ онъ не въ правѣ изъ простого поручика сдѣлать фельдмаршала? То, что вы называете „обойти по службѣ“—всякій день дѣлается въ войскахъ; согласно вашимъ идеямъ, всѣ высшіе чины арміи должны были бы подать въ отставку.

Чичаговъ: Я прекрасно знаю, что государь можетъ дѣлать. что ему угодно; я вѣдь не жалуюсь и ничего не прошу; но разъ онъ меня обижаетъ, то не можетъ мнѣ запретить это чувствовать. Впрочемъ, если бы вся армія сдѣлала какъ я, то она подала въ отставку именно въ томъ случаѣ, который вы предполагаете. Когда касается чести, то всякій ее защищаетъ по своимъ понятіямъ, принципамъ – и вотъ каковы мои.

Кушелевъ: Ну-съ, разъ вы уже приняты на службу, желали бы вы лучше остаться въ Балтійскомъ морѣ или посланнымъ быть въ Англію?

Такъ какъ Кушелевъ прекрасно зналъ, что адмиралъ просилъ позволенія императора ѣхать жениться въ Англію, то Павелъ Васильевичъ понялъ, что въ вопросѣ была задняя мысль и призадумался надъ отвѣтомъ. Адмиралъ, вспоминая составъ начальствующихъ лицъ въ эскадрѣ, отправляемой въ Голландію, пришелъ къ убѣжденію, что ему желали подстроить ловушку.

Чичаговъ: Я бы предпочелъ остаться въ Балтійскомъ флотѣ.

Кушелевъ: Почему это?

Чичаговъ: Потому, что Барятинскій, бывшій въ чинѣ мичмана, когда я имѣлъ чинъ капитана, сдѣлался теперь старше меня и мнѣ бы не хотѣлось находиться подъ его командой.

Такимъ образомъ, до вечерней зари адмиралъ долженъ былъ выслушивать наставленія Кушелева, а затѣмъ, послѣ доклада императору рапорта, послѣдній объявилъ, что государь приметъ Павла Васильевича на другое утро.

На слѣдующій день въ 7 часовъ утра, на вахтъ-парадѣ, императоръ обошелся съ адмираломъ очень ласково, далъ ему поцѣловать руку, что Чичаговъ исполнилъ преклонивъ колѣно, и былъ видимо въ хорошемъ расположеніи духа. Желая адмирала назначить главнымъ начальникомъ эскадры въ Голландію, онъ старался его задобрить и приказалъ сейчасъ же послѣ парада прійти къ нему въ кабинетъ.

Въ то время, какъ Чичаговъ дожидалъ у дверей кабинета позволенія войти, появился Кушелевъ и узнавъ, что адмиралъ еще не былъ у императора, самъ скользнулъ въ дверь.

Прислужливый фаворитъ боялся, чтобы Павелъ Васильевичъ Чичаговъ не перебилъ ему карьеры и потому составилъ себѣ въ

головѣ новый планъ интриги. Войдя къ императору, Кушелевъ прямо объявилъ, что адмиралъ не желаетъ ѣхать въ Англію, съ эскадрою, что его женитьба только предлогъ къ отъѣзду изъ Россіи, чтобы передаться на сторону англичанъ, и это было бы затруднительно и опасно, на глазахъ цѣлой флотиліи.

Императоръ страшно разсердился и приказалъ Чичагова немедленно уволить въ отставку и отправить въ деревню.

Павелъ Васильевичъ терпѣливо стоялъ у дверей царскаго кабинета, какъ вдругъ ему доложили, что адмиралъ Кушелевъ его проситъ къ себѣ.

Интриганъ сидѣлъ за столомъ и спѣшилъ писать приказъ объ увольненіи Чичагова въ отставку. Кушелевъ въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ адмиралу, что императоръ разсердился на желаніе его остаться въ Балтійскомъ флотѣ и освобождаетъ его отъ службы вообще.

— Значитъ я уволенъ въ отставку? спросилъ Павелъ Васильевичъ.

— „Да", отвѣтилъ коротко Кушелевъ.

— Очень вамъ благодаренъ, потому это все, что я желалъ, сказалъ Чичаговъ.

Только усѣлся Кушелевъ писать начатый приказъ, какъ за нимъ пришли отъ государя.

— „Императоръ васъ проситъ къ себѣ", произнесъ Кушелевъ, вернувшись чрезъ нѣсколько минутъ.

Государь стоялъ окруженный своими адъютантами и по глазамъ было видно, что онъ сильно прогнѣвался.

— „Вы не хотите мнѣ служить?! Вы желаете служить иностранному принцу?!" — закричалъ императоръ, когда вошелъ адмиралъ въ кабинетъ.

Павелъ Васильевичъ догадался въ чемъ дѣло и хотѣлъ было открыть ротъ, чтобы увѣрить государя въ невозможности этого, желалъ доказать, что англійская конституція не дозволяетъ пріема иностранцевъ, но императоръ затопалъ ногами и еще сильнѣе закричалъ:

— „Я знаю, что вы якобинецъ; но я разрушу всѣ ваши идеи! Уволить его въ отставку и посадить подъ арестъ!" произнесъ онъ,

обратясь къ Кушелеву и къ адъютантамъ. „Возьмите его шпагу! Снимите съ него ордена!“

Адмиралъ выслушивалъ крики императора совершенно хладнокровно и первый снялъ съ себя регаліи, передавая ихъ адъютанту.

— „Отослать его въ деревню, съ запрещеніемъ носить военную форму; или нѣтъ, снять ее съ него теперь же!“ продолжалъ сердиться императоръ.

Флигель-адъютанты бросились на адмирала какъ на звѣря и съ необыкновенною быстротою раздѣли его. Павелъ Васильевичъ не терялъ присутствія духа и соображая, что императоръ можетъ, наконецъ, дойти до послѣдней степени наказанія и послать его въ Сибирь, вспомнилъ, что ему будутъ необходимы деньги, и громко, съ достоинствомъ обратился къ одному изъ флигель-адъютантовъ съ просьбою вернуть бумажникъ, оставшійся въ мундирѣ. Это хладнокровіе до того поразило услужливыхъ адъютантовъ, что они остолбенѣли и смутились; одинъ изъ нихъ только рѣшился отвѣтить, что они доставятъ ему бумажникъ.

— „Уведите его!“ закричалъ опять императоръ.

Залы и корридоры Павловскаго двора были переполнены генералами и офицерами, собравшимися послѣ парада, и Павелъ Васильевичъ, шествуя за Кушелевымъ, прошелъ въ одномъ бѣльѣ мимо этой массы блестящихъ царедворцевъ, поздравлявшихъ его полъ-часа тому назадъ съ милостивымъ вниманіемъ, оказаннымъ ему императоромъ на вахтъ-парадѣ.

Не успѣли Кушелевъ съ адмираломъ дойти до квартиры,— какъ флигель-адъютантъ подалъ первому собственноручную записку государя, въ которой было приказаніе посадить адмирала въ Петропавловскую крѣпость въ отдѣленіе государственной тюрьмы.

Усадивъ почти голаго адмирала въ карету, прежде всего его повезли къ петербургскому военному-губернатору графу Палену, который принялъ Павла Васильевича очень ласково и старался успокоить.

— „Мы теперь только это и видимъ“, говорилъ графъ—„сегодня васъ, а завтра можетъ быть и меня“.

Ужасно было пребываніе адмирала въ крѣпости! Императоръ Павелъ лично пріѣзжалъ осмотрѣть помѣщеніе ареста Павла Васильевича и найдя его слишкомъ чистымъ и свѣтлымъ, приказалъ

пересадить адмирала въ казематъ. Между прочимъ императоръ счелъ необходимымъ написать слѣдующее письмо отцу Павла Васильевича:

— „Вашъ сынъ, сдѣлавшись недостойнымъ моихъ милостей, долженъ нести вину; что же касается до васъ, то я вамъ сохраняю мое расположеніе". (Переводъ).

Весьма интересны подробности долгаго тюремнаго заключенія Павла Васильевича; но я ограничусь тѣмъ, что скажу, что бѣдный адмиралъ чуть не умеръ въ казематѣ отъ нервной горячки и только благодаря стараніямъ графа Палена, сенатора (Алексан. Семен.) Макарова [1]), коменданта крѣпости—умнаго и честнаго князя Долгорукова, онъ былъ спасенъ.

На многія просьбы графа Палена, императоръ Павелъ, наконецъ, отвѣтилъ запиской слѣдующаго содержанія:

— „Господинъ генералъ отъ кавалеріи, графъ фонъ-деръ-Паленъ. Извольте навѣстить господина контръ-адмирала Чичагова и объявить ему мою волю, чтобы онъ избралъ любое, или служить такъ, какъ долгъ подданнической требуетъ безъ всякихъ буйственныхъ сотребованій и итти на посылаемой къ англійскимъ берегамъ эскадрѣ, или остаться въ равелинѣ; и обо всемъ, что отъ него узнаете, донесите мнѣ. Впрочемъ, пребываю къ вамъ благосклоннымъ. Павелъ".

Въ Петергофѣ. Іюля 1-го дня 1799 года [2]).

Графъ, обрадованный рѣшеніемъ помиловать адмирала, тотчасъ полетѣлъ съ этою запискою въ крѣпость и показалъ ее Чичагову.

„Очень досадно, что мнѣ не задали этого вопроса раньше", сказалъ Павелъ Васильевичъ, „потому что, по всѣмъ вѣроятіямъ, я отдалъ бы предпочтеніе первому изъ этихъ предложеній".

— „И отлично", отвѣтилъ графъ, „я сейчасъ напишу донесеніе государю и надѣюсь, что васъ скоро освободятъ".

На другое утро вошелъ въ казематъ сенаторъ Макаровъ въ сопровожденіи цирюльника и сталъ собирать Павла Васильевича

---

[1]) См. о немъ замѣтку кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго въ „Русской Старинѣ", 1878 г., т. XXII, стр. 126.

[2]) См. этотъ же рескриптъ императора Павла — фонъ-деръ-Палену въ „Русской Старинѣ" изд. 1872 г. томъ V, стр. 249. Тамъ же,—въ примѣчаніи,—приведенъ очеркъ жизни и службы Павла Васильевича Чичагова. Ред.

въ путь. Дворъ въ то время имѣлъ свое пребываніе въ Петергофѣ. Исхудалый и блѣдный Павелъ Васильевичъ поскакалъ туда, прямо изъ крѣпости, зная нетерпѣніе государя и всегдашнее его желаніе немедленно же видѣть у себя прощеннаго сановника. Какъ ни тяжело было ему свидѣться опять съ Кушелевымъ, но придворные порядки того требовали и адмиралъ прежде всего представился своему врагу [1]). Кушелевъ съ злой ироніей замѣтилъ, что тюрьма послужила въ пользу адмиралу, потому что онъ потолстѣлъ. Павелъ Васильевичъ былъ одѣтъ въ какой-то пиджакъ и такъ какъ все его платье хранилось въ Павловскѣ, въ гардеробномъ шкафу его величества, то Кушелевъ поспѣшилъ послать туда курьера.

Черезъ нѣсколько часовъ адмирала ввели въ царскій кабинетъ и императоръ, прижавъ руку Чичагова къ своему сердцу, произнесъ:

— „Позабудемъ все, что произошло; не будемъ больше объ этомъ думать. А все-таки, я не понимаю, какъ вы могли такъ поступить, въ особенности съ этимъ“ - и государь указалъ на георгіевскій крестъ, висѣвшій на мундирѣ адмирала.

Павелъ Васильевичъ даже удивился словамъ императора уничтожившаго этотъ орденъ, который онъ, т. е. Павелъ I, не только не цѣнилъ, но ненавидѣлъ.

Затѣмъ монархъ продолжалъ:

— „Знаете ли на что похожъ вашъ поступокъ? Это точно я бы напился пьянъ и сталъ бы танцовать въ этомъ состояніи“.

Трудно было адмиралу что либо отвѣтить на эти слова и онъ счелъ болѣе благоразумнымъ молчать.

— „Если вы якобинецъ, говорилъ императоръ, то представьте себѣ, что у меня красная шапка, что я главный начальникъ всѣхъ якобинцевъ и слушайтесь меня“.

„Я знаю“, отвѣтилъ адмиралъ съ достоинствомъ, „что вы носите

---

[1]) Чичаговъ сдѣлалъ это во исполненіе высочайшаго повелѣнія: „Господинъ генералъ отъ кавалеріи графъ фонъ-деръ-Паленъ, — писалъ 2-го іюля 1799 г императоръ,—освободя контръ-адмирала Чичагова, прикажите ему явиться въ Петергофъ къ адмиралу графу Кушелеву. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный. Павелъ“. См. „Русская Старина“, изд. 1872 г, томъ V, стр. 250.
Ред.

корону, которую нельзя сравнить съ красною шапкою и которой, по моимъ принципамъ, слѣдуетъ повиноваться".

— „Въ такомъ случаѣ", сказалъ императоръ, „я вамъ сейчасъ дамъ порученіе и позабудемъ все, что произошло и останемся друзьями".

Адмиралу не дали возможности свидѣться съ престарѣлымъ отцемъ и услали въ Ревель, гдѣ онъ принялъ начальствованіе надъ эскадрою, посылаемою въ помощь англичанамъ.

Кампанія эта была неудачна, такъ какъ императоръ Павелъ вскорѣ поссорился съ англичанами и адмиралъ Чичаговъ, женившись на миссъ Проби, вернулся съ флотиліею въ Ревель.

Тѣмъ временемъ, его меньшой братъ, Василій Чичаговъ, старшій церемоніймейстеръ большого двора, успѣлъ навлечь на себя гнѣвъ императора, и его, уволивъ отъ службы, выслали изъ Петербурга съ запрещеніемъ выѣзжать изъ деревни.

Старикъ отецъ, Василій Яковлевичъ, соскучившійся по адмиралу, прислалъ послѣднему письмо въ Ревель, которымъ извѣщалъ, что онъ больной, почти слѣпой и умирающій, прибылъ въ Петербургъ, чтобы еще разъ передъ смертью прижать къ сердцу милаго сына и познакомиться съ новою невѣсткою, и умолялъ Павла Васильевича испросить высочайшее разрѣшеніе на поѣздку его въ столицу.

Адмиралъ Павелъ Чичаговъ немедленно же послалъ нарочнаго съ письмомъ къ Кушелеву; но до полученія отвѣта отъ послѣдняго пришло въ Ревель второе письмо Василія Яковлевича, гдѣ онъ въ слезахъ разсказывалъ о жестокомъ поступкѣ императора съ нимъ. Не успѣлъ старикъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, разложить свой чемоданъ, какъ явилась къ нему полиція съ приказаніемъ, на основаніи высочайшаго повелѣнія, тотчасъ же покинуть столицу. Причина не была объяснена. Между тѣмъ, Павлу Васильевичу государь разрѣшилъ трехъ-дневный отпускъ. Василій Яковлевичъ, надѣясь все-таки увидѣться съ сыномъ, придумалъ остановиться въ имѣніи своего стараго друга, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петербурга, и что-же?... Этотъ старый другъ, услыхавъ о высылкѣ Чичагова изъ столицы и боясь поэтому дружескаго визита, поспѣшилъ выѣхать куда-то со всей семьей, чтобы адмиралъ не могъ застать его дома.

Бѣдный старикъ вернулся въ Малороссію разбитый и физически, и нравственно.

Эскадра Павла Васильевича перешла на зиму въ Кронштадтъ, гдѣ дѣлались приготовленія къ войнѣ съ Англіею.

Въ началѣ весны вдругъ потребовалъ къ себѣ Чичагова начальникъ порта, адмиралъ Ханыковъ, желавшій изъ предосторожности лично сообщить Чичагову о высочайшемъ повелѣніи его препроводить въ Петербургъ.

Привыкшій уже къ превратностямъ судьбы, Павелъ Васильевичъ спокойно усѣлся въ сани и двинулся къ столицѣ, въ сопровожденіи двухъ фельдъегерей.

Представившись адмиралу Кушелеву, Чичаговъ былъ введенъ къ императору. Его Величество принялъ Павла Васильевича очень милостиво, сообщилъ о предстоящей войнѣ съ Англіею, о вѣроятной осадѣ Кронштадта; защиту Кронштадта онъ поручилъ Чичагову.

— „Ежели непріятель захочетъ взять Кронштадтъ сзади, я ему противопоставлю эскадру Барятинскаго“, прибавилъ государь. (Какъ извѣстно, съ тылу крѣпости, по мелководію, не можетъ пройти военное судно).

Затѣмъ императоръ сѣлъ около маленькаго стола и приказалъ адмиралу послѣдовать его примѣру.

— „Англичане хотятъ мнѣ объявить войну“, сказалъ монархъ, „и это ихъ министръ Питъ будетъ управлять ею. Но вы, не правда-ли, знаете, что Питъ пьяница?“

„Я не думаю, ваше величество, чтобы онъ слылъ за таковаго“, отвѣтилъ Чичаговъ, „по крайней мѣрѣ въ Англіи; но я слышалъ, что онъ за обѣдомъ пьетъ бутылку портвейна“.

— „Ну-съ“, продолжалъ императоръ, „онъ пьетъ бутылку портвейна, а я пью маленькую рюмку малаги и только вслѣдствіе режима, и потому, что того требуетъ мой желудокъ; и этотъ человѣкъ хочетъ бороться со мною!“

Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ фразъ, его величество простился съ адмираломъ и приказалъ ему прійти на другой день.

Явившись въ назначенный часъ, адмиралъ засталъ у государя графа Палена, адмирала Кушелева, флигель-адъютанта графа Ливена и генерала Седмарадскаго (?), назначеннаго защищать берега и столицу отъ непріятеля.

Императоръ началъ объяснять свой планъ кампаніи.

Генералы рѣшительно не понимали мыслей его величества и графъ Паленъ, человѣкъ тонкій и прекрасный военный, все время поддакивалъ государю, говоря:

„Sehr militärisch, Ihre M. (т. е. весьма воинственно, геніально).

— „А вы, адмиралъ“, продолжалъ императоръ, обращаясь къ Чичагову: „будете имѣть суда для защиты прохода между Кронштадтомъ и Кроншлотомъ (ширина этого прохода не превосходила 200 саженей и на такомъ маломъ пространствѣ можно было поставить не болѣе одного судна).

— „Затѣмъ“, сказалъ государь, „я приказалъ выстроить батареи для защиты рейда; вы будете имѣть канонирную шлюпку, которую поставите на пути слѣдованія непріятеля; тогда какъ я и Кушелевъ будемъ на берегу, гдѣ я поставлю гусарскій кордонъ, чтобы васъ поддержать“.

Павелъ Васильевичъ, на глазахъ котораго дѣлались приготовленія въ Кронштадтѣ, зналъ, что еще не приступали къ постройкѣ морскихъ батарей, требующихъ нѣсколько лѣтъ усиленной работы, и свидѣтель происходившихъ безобразій, хотѣлъ было открыть государю истину, когда императоръ, окончивъ свой планъ кампаніи, спросилъ его:

— „Что-же вы скажете на все это? Я вамъ позволяю говорить откровенно“.

Къ счастью, только что адмиралъ раскрылъ ротъ, чтобы говорить, какъ императоръ вышелъ на минуту изъ комнаты и приказалъ его подождать. Тогда графъ Паленъ, пользуясь удобнымъ моментомъ, быстро подошелъ къ Павлу Васильевичу и тихо произнесъ:

— „Ради Бога, мой милый адмиралъ, образумьтесь, я чувствую ваше намѣреніе, здѣсь можно только говорить „да“ и „очень хорошо“; иначе вы рискуете привлечь на себя новыя неудовольства, безъ того, чтобы это къ чему нибудь послужило“.

Такимъ образомъ графъ Паленъ опять спасъ Чичагова отъ бѣды. Кушелевъ, виновникъ всѣхъ беззаконій, увѣрилъ императора, что работы по укрѣпленію порта окончены и въ блестящемъ видѣ и ни зачто бы не простилъ адмиралу его разоблаченій.

Павелъ Васильевичъ объявилъ императору, что онъ ничего

не можетъ сказать противъ и думаетъ, что если англичане взойдутъ въ заливъ, то никакъ уже не выйдутъ.

Когда адмиралъ удалился, то государь сказалъ про него:

— „Онъ исправился, тюрьма ему принесла пользу".

Вскорѣ (т. е. менѣе, чѣмъ черезъ два года) императоръ Павелъ скончался.

Павелъ Чичаговъ.

Сообщ. Леонидъ Мих. Чичаговъ.

ВОСПОМИНАНІЯ БЕККЕРА О РАЗЗОРЕНІИ И ПОЖАРѢ МОСКВЫ

въ 1812 г.

Въ обширномъ собраніи статей и матеріаловъ, еще не напечатанныхъ— имѣющихся въ распоряженіи редакціи „Русской Старины"—находятся, между прочимъ, „Воспоминанія Ѳ. Беккера" о пребываніи его въ Москвѣ, въ теченіе всего времени обладанія ею „великою арміей" французской. Статья эта доставлена намъ въ ноябрѣ 1870 года; но за наплывомъ множества другихъ монографій, записокъ и историческихъ документовъ — не могла попасть на страницы „Русской Старины" въ теченіе четырнадцати лѣтъ. Не знаемъ живъ-ли нынѣ почтенный старецъ, докторъ, питомецъ Московскаго университета—авторъ этихъ „воспоминаній", тѣмъ не менѣе винимся предъ нимъ или, если его уже нѣтъ на свѣтѣ, предъ близкими къ нему, въ томъ, что не помѣстили его интереснаго разсказа четырнадцать лѣтъ тому назадъ. Полагаемъ однако, что достоинство и интересъ воспоминаній ни мало отъ того не умалились. Ред.

I.

Нынѣшнее (т. е. въ ноябрѣ 1870-го года) положеніе Франціи, а особенно Парижа, мнѣ напомнило мое дѣтство. Пусть-же и французы испытаютъ, каково сидѣть на діэтѣ, какъ мы сидѣли въ Москвѣ въ 1812 году.

Шесть недѣль мы питались единственно картофелемъ, капустою и коренною-соленою рыбою; хлѣба же и кусочка въ глаза не видали!

Такъ какъ теперь собираютъ старину, а съ тѣхъ поръ прошло уже болѣе полувѣка, и, едва ли есть еще очевидцы того знаме-

нитаго времени, то я рѣшаюсь пересказать нѣкоторыя черты мною испытаннаго и видѣннаго въ 1812 году.

Для этого я начну немного выше:

Отецъ мой, саксонскій подданный (по фамиліи Беккеръ), прибылъ въ Россію въ царствованіе императора Павла черезъ Петербургъ въ Москву, гдѣ и поселился. Онъ сначала завелъ небольшую торговлю, но, не имѣя ни малѣйшаго купеческаго таланта или оборотливости, и при совершенномъ незнаніи русскаго языка, въ скоромъ времени раззорился и впалъ едва ли не въ крайнюю бѣдность.

Для поддержанія семейства, мать моя обучилась акушерству и маленькою своею практикою содѣйствовала нашему содержанію. Въ эпоху, о которой я хочу говорить, насъ было четверо: сестра 11 лѣтъ, я—8 лѣтъ, братъ—5 лѣтъ и еще братъ—1½ годовой.

Это было въ концѣ августа 1812 года, около 25 и 26 чиселъ. Погода стояла превосходная, сухая, теплая. Мать моя уѣхала въ Рязанскую губернію къ помѣщику, мы же съ отцомъ оставались въ Москвѣ, жили въ Бронной, въ старомъ деревянномъ домѣ, да и вокругъ насъ въ то время, кромѣ мелкаго деревяннаго строенія, никакого другого не было. Теперь все это перемѣнилось.

Живо помню, что въ это время въ Москвѣ уже стало чрезвычайно пусто. Случилось раза два идти съ отцомъ съ Бронной на Мясницкую, черезъ Тверскую и Кузнецкій мостъ, то едва, тамъ и сямъ, попадется человѣкъ, а всякій знаетъ, что это самая живая и многолюдная сторона въ Москвѣ.

Однажды только намъ попался около Тверского бульвара крестный ходъ и былъ слышанъ сильный колокольный звонъ, но провожатыхъ за ходомъ было очень немного, а экипажа рѣшительно ни одного. Я спросилъ отца, для чего это, то онъ мнѣ сказалъ, что празднуютъ побѣду. Должно быть, что это было за Бородинское дѣло. Прошелъ крестный ходъ и водворилась тишина и пустота; какъ есть ни одинъ человѣкъ ни вблизи, ни вдали. Меня это поразило; я опять спросилъ отца: „отчего такая пустота?“ На что онъ мнѣ сказалъ: „оттого, что скоро французы придутъ“.

Такимъ образомъ прошло еще нѣсколько дней. Вдругъ отецъ, пришедши домой, приказалъ намъ собираться, что мы переѣз-

жаемъ на другую квартиру. Когда я его спросилъ: „для чего это“? то онъ мнѣ сказалъ, что, бывши у своихъ знакомыхъ-нѣмцовъ, ему сказали, что въ нашей сторонѣ оставаться опасно, по совершенной опустѣлости и по причинѣ сплошныхъ деревянныхъ строеній. И дѣйствительно, совершенно было пусто; послѣдній человѣкъ, оставшійся въ домѣ, былъ какой-то мастеръ, дѣлавшій балалайки. Я наканунѣ того дня, видя, что онъ собирается и беретъ топоръ, спросилъ его, куда онъ идетъ? Онъ мнѣ отвѣтилъ, что идетъ на Воробьевы горы—бить французовъ.

Надобно сказать, что семейство наше состояло, какъ сказано выше, изъ четверыхъ дѣтей, отца, служанки (пожилой солдатки Василисы) и старой барышни, которая называла себя княжною *** и нанимала у насъ съ своею компаньонкою комнату. Не долги были наши сборы: взяли съ собою только нѣсколько подушекъ и бѣлья; то же сдѣлала и наша жилица; все это мы понесли на себѣ и отправились въ домъ, замыкающій Тверской бульваръ, у Никитскихъ воротъ. Тамъ мы поселились безъ всякаго спроса въ двухъ большихъ комнатахъ, въ одной мы, а въ другой княжна.

На слѣдующій день отецъ мой принесъ саблю, а Василиса полный фартукъ штофовъ и полуштофовъ съ разными напитками, изъ нихъ были и сладкіе, которыхъ намъ отецъ далъ попробовать. Когда я спросилъ его „откуда все это взялось“, то онъ мнѣ сказалъ, что изъ арсенала и кабака, которые отданы въ пользу всѣмъ желающимъ. Можно себѣ представить пустоту, когда на долю бабы достался полный фартукъ напитковъ.

Слѣдующій день было воскресенье; учиться меня не заставили, и я съ самаго утра вышелъ на крыльцо, которое выходило на улицу прямо противъ большой Никитской. Тутъ я увидалъ сильный дымъ, противъ себя, какъ бы въ концѣ Никитской; я передалъ это отцу, и онъ отправился въ ту сторону. Въ скоромъ времени, возвратившись, онъ сказалъ намъ, что городъ (такъ называется въ Москвѣ гостиной дворъ или ряды) горитъ. Тотчасъ онъ поднялъ въ комнатѣ половицу и спряталъ подъ полъ саблю и всѣ штофы и полуштофы съ напитками. На мой вопросъ для чего это, онъ сказалъ, что „такъ нужно, вѣроятно и у насъ будетъ пожаръ“. Насъ, дѣтей, конечно это очень мало обезпокоило, и я продолжалъ зѣвать на крыльцѣ, противъ котораго дымъ становился все больше и гуще.

Около обѣда, когда я стоялъ съ отцомъ на крыльцѣ, противъ насъ остановилась небольшая группа верховыхъ, въ фуражкахъ и сѣрыхъ шинеляхъ; то были военные. Отъ нихъ отдѣлился одинъ пѣшій въ партикулярномъ платьѣ и, подошедши къ нашему крыльцу, спросилъ „нѣтъ ли у насъ квасу". Отецъ сказалъ, что нѣтъ; „такъ дайте хотя воды—генералу хочется пить"; тогда отецъ мой вынесъ воды въ ковшѣ (стакана не было у насъ); онъ подалъ генералу и когда онъ напился, вся свита тронулась къ Тверскимъ воротамъ.

Я ясно помню лице ѣхавшаго впереди генерала: оно было бѣлое, полное, круглое. Вернувшагося отца я спросилъ, кто это такіе? и онъ мнѣ сказалъ, что это Кутузовъ со свитою. Отецъ ушелъ въ комнату, а я остался на крыльцѣ.

Прошло еще нѣсколько пѣшихъ, не замѣчательныхъ людей, наконецъ подошелъ ко мнѣ солдатъ, хромой, въ сѣрой шинели съ краснымъ воротникомъ, и попросилъ у меня пить. Я вошелъ въ комнату и сказалъ, что русскій солдатъ проситъ пить. Отецъ вышелъ опять съ тѣмъ же ковшомъ, подалъ ему пить и приказалъ спросить его не хочетъ ли онъ вина, но онъ отказался, сказавъ, что онъ раненъ. Отецъ далъ ему не много мѣдныхъ денегъ, и онъ также направился къ Тверскимъ воротамъ.

Тутъ настала мертвая тишина: во всѣ направленія, на три стороны, на лѣво—по Тверскому бульвару, на право—по Арбатскому и впередъ—по большой Никитской, ни души живой, ни стуку, ни шуму, ни голосу; кажется и галки, и вороны, и собаки всѣ исчезли. Видя, что смотрѣть нечего, я ушелъ въ комнату. Настало время вечеренъ, но обычный колокольный звонъ нигдѣ не раздавался. Прошелъ вечеръ и мы легли спокойно спать. Такъ кончилось воскресенье.

II.

На другой день, въ понедѣльникъ, все еще было тихо и мертвая продолжалась тишина и пустота. Внезапно, въ началѣ пятаго часа, послышалась музыка; мы съ отцомъ выбѣжали на крыльцо и увидали по лѣвой сторонѣ Арбатскаго бульвара идущую пѣхоту. „Это французы", сказалъ отецъ. Когда они приблизились,

я увидалъ, что они въ синихъ мундирахъ, а не какъ наши русскіе въ зеленыхъ. Шло ихъ очень много; они повернули направо по Никитской, въ направленіи къ Кремлю. Они меня ни сколько не заинтересовали, не были ни чѣмъ замѣчательны. Когда они прошли, то вдругъ, въ другомъ направленіи—отъ Поварской, пошла кавалерія; эта меня изумила. Подобнаго войска я не видывалъ: огромныя, свѣтло-гнѣдыя лошади, на которыхъ сидѣли огромные всадники, въ блестящихъ желтыхъ металлическихъ латахъ, съ блестящими, также желтыми, шишаками на головѣ, съ длинными конскими хвостами. Они ѣхали мирно, не имѣли никакого оружія въ рукахъ. Это были кирасиры, тѣ самые, которыхъ мы, мальчишки, впослѣдствіи называли безпардонными. Почему такъ— не знаю.

За ними стали показываться отдѣльные всадники; такъ, къ нашимъ воротамъ подъѣхалъ гусаръ, но какъ ворота были заперты, то онъ оставилъ лошадь у воротъ, самъ пролезъ въ подворотню и отправился въ домъ. Черезъ весьма короткое время онъ опять вышелъ, сѣлъ на коня и уѣхалъ.

День уже клонился къ вечеру и мы легли спать. Но вдругъ ночью мы слышимъ голосъ отца, приказывающаго скорѣй вставать и одѣваться. Мы тотчасъ это исполнили, а онъ, между тѣмъ, завязалъ въ простыню двѣ подушки и цѣлуюковригу чернаго хлѣба. Всѣ мы были готовы. Въ эту минуту вошла къ намъ въ комнату княжна съ своею компаньонкою. Княжна мнѣ подала, такъ называемый, погребецъ (ларчикъ съ чашками и стаканами, обитый тюленьею шкурою) и сказала: „неси". Я взялъ, и мы вышли на наше крыльцо. Тутъ увидалъ у меня отецъ ларчикъ и сказалъ: „брось"! Я поставилъ его на крыльцо, и отправился съ пустыми руками.

Когда мы вышли на средину улицы, я услышалъ позади себя сильный вѣтеръ и шумъ. Я оглянулся. И взору моему представилось ужасное зрѣлище. Вся правая сторона Арбатскаго бульвара въ полномъ пламени. Противуположная сторона ярко освѣщена, а деревья на бульварѣ отъ сильнаго вѣтра качались изъ стороны въ сторону. Все это ясно было видно, но гдѣ оканчивалось пламя, этого видѣть было нельзя. Мы тотчасъ повернули на лѣво, на Тверской бульваръ. Передъ нами ночь черная.

При выходѣ изъ дому къ намъ примкнуло еще нѣсколько че-

ловѣкъ,—нѣмцевъ-же. Мы шли впередъ. Едва мы вступили на бульваръ и прошли, можетъ быть, шаговъ сто, какъ вдругъ сзади насъ поднялся крикъ и споръ многихъ голосовъ. Я оглянулся и увидалъ, что, въ сторонѣ на бульварѣ, около огня, сидитъ много людей и оттуда бѣжитъ на крикъ, на помощь. Конечно и отецъ мой все это видѣлъ, слышалъ и понялъ. Онъ приказалъ намъ идти какъ можно скорѣй и молчать. Такимъ образомъ, продолжая путь, въ темную, безмолвную ночь, мы прошли всѣ бульвары и, пройдя Красные ворота, остановились въ Лѣсномъ ряду, чтобы перевести духъ.

Тутъ я оглянулся въ ту сторону, откуда мы шли. Во всю дорогу я этого сдѣлать не могъ, ибо отецъ безпрестанно торопилъ. Но какое представилось мнѣ зрѣлище! Весь горизонтъ, какъ можно окинуть было глазомъ, представлялъ огненное, яркое море! Башни же ближайшихъ церквей рисовались на огненномъ фонѣ, какъ бы какіе нибудь черные гиганты.

Отдохнувши немного, во время чего намъ запрещено было разговаривать въ слухъ, мы отправились дальше. Когда уже разсвѣло, мы вступили въ какой-то лѣсъ; я спросилъ отца: „гдѣ мы?“ и онъ сказалъ, что это Сокольники.

Здѣсь я нашелъ огромную брошенную рѣдьку, которую поднялъ и взялъ съ собою. Пройдя еще нѣкоторое разстояніе, мы остановились около порядочнаго дома, деревяннаго, съ колоннами и крыльцомъ. Мы очень проголодались и стали просить отца дать намъ хлѣба. Онъ согласился остановиться, развязалъ свой узелъ, вынулъ хлѣбъ и отломилъ намъ каждому по куску, а такъ какъ у насъ не было ножа, то мы разбивали найденную мною рѣдьку объ уголъ крыльца. И ломти рѣдьки съ чернымъ хлѣбомъ до сихъ поръ мнѣ кажутся такимъ лакомствомъ, котораго я не вкушалъ съ тѣхъ поръ, хотя и бывалъ на многихъ парадныхъ и дорогихъ обѣдахъ и ужинахъ.

Послѣ этого великолѣпнаго завтрака мы отправились далѣе; наконецъ подошли къ маленькому домику въ три окна. Мы вступили на дворъ—нѣтъ никого. Двери отворены, и мы вошли въ комнату. Все пусто. Тихо какъ въ могилѣ. Комната совершенно пустая. Только кругомъ лавки. Въ углу подъ иконами столъ; но иконъ нѣтъ; въ другомъ углу русская печь.

Домъ, повидимому, принадлежалъ или крестьянину, или бѣд-

ному мѣщанину. Отецъ тотчасъ отправился осмотрѣть окрестности. Вошедши въ комнату, сказалъ, что мы здѣсь можемъ остановиться. Мы этому очень обрадовались, потому что смертельно устали.

Отецъ нарылъ на огородѣ картофелю, развели огонь и сварили его. Вотъ въ чемъ и состоялъ нашъ обѣдъ, даже безъ соли. Такой же и ужинъ. Легли мы спать на голыхъ лавкахъ, какъ въ чемъ кто былъ одѣтъ, т. е. въ курточкахъ и панталонахъ, а сестра въ одномъ платьѣ; въ томъ же и наши спутницы—княжна съ компаньонкою.

Слѣдующій день провели точно также, не выходя изъ дому. На третій день, въ сумеркахъ, въѣхали на дворъ три кавалериста, въ мѣдныхъ шишакахъ, въ плащахъ и съ ружьями со штыками за спиною. Отецъ выбѣжалъ къ нимъ на встрѣчу и скоро вошелъ съ ними въ комнату, сказавши намъ, что это драгуны. Они были очень большого роста, съ черными усами и бакенбардами; вошли въ комнату безъ всякаго оружія. Одинъ изъ нихъ несъ 4 курицы, небольшой мѣшокъ, штофъ и бѣлый хлѣбъ. Все это помѣстилъ на столѣ.

Отецъ тотчасъ передалъ куръ нашимъ женщинамъ, чтобъ ихъ ощипали. Когда это было сдѣлано, развели огонь и поставили варить, а изъ мѣшка насыпали туда рису. Потомъ одинъ изъ французовъ приказалъ мнѣ налить въ стаканъ изъ штофа, — то было красное вино, и обносить всѣхъ женщинъ, указывая на каждую и приговаривая по нѣмецки: an die Frau, an die Frau, an die Frau (этой женщинѣ). Пока я всѣхъ ихъ обнесъ, разговоръ ихъ съ отцомъ шелъ очень плохо, ибо они не свободно говорили по нѣмецки, а онъ не говорилъ по французски.

Когда супъ былъ готовъ, они съ отцомъ поѣли. Остатокъ отдали намъ прочимъ. Послѣ ужина они пошли въ сарай, къ лошадямъ. Отецъ ихъ проводилъ и, вернувшись, приказалъ намъ не говорить, что здѣсь есть французы, если неравно придутъ казаки.

На другой день утромъ рано они съѣхали со двора, подаривши отцу моему кусокъ чернаго сукна и жилеточной матеріи.

Вскорѣ за ними отецъ отправился въ городъ; засвѣтло воротился и принесъ нѣсколько сальныхъ свѣчъ. Такимъ образомъ онъ продолжалъ нѣсколько дней.

Пища наша все это время состояла изъ вареннаго картофеля и чернаго хлѣба. Наконецъ безлюдіе въ Сокольникахъ наскучило нашей княжнѣ. Она уговорила отца отыскать болѣе обитаемое мѣсто. Рѣшено отправиться въ Преображенское.

Это также очень отдаленная часть Москвы, застроенная большею частію разными фабриками.

И такъ мы отправились въ путь со всѣми пожитками. Погода была прекрасная. Пройдя довольно обширное поле, мы прибыли въ Преображенское и вошли въ небольшой деревянный домъ. Въ немъ мы застали довольно людей, порядочно одѣтыхъ, и мы съ ними сѣли. Чрезъ нѣсколько времени я замѣтилъ, что отца нѣтъ въ комнатѣ. Я пошелъ его отыскивать и нашелъ его въ отдаленномъ углу огорода. Когда я его спросилъ, зачѣмъ онъ удаляется отъ людей, онъ мнѣ отвѣтилъ, что ему сказала княжна, которая слышала отъ хозяйки, что здѣсь намъ оставаться нельзя, что сторона наполнена грубыми фабричными, которые узнаютъ по выговору, что онъ не русскій, сочтутъ за француза и непремѣнно убьютъ, почему лучше будетъ, если мы возвратимся въ Сокольники. Когда въ комнатѣ бывшіе разошлись, мы собрались въ обратный путь, но княжна съ компаньонкою остались въ Преображенскомъ. Василиса же послѣдовала за нами.

Въ Сокольникахъ мы поселились въ томъ же домѣ, гдѣ уже жили. На другой день отецъ пошелъ въ Москву, я проводилъ его за ворота и увидѣлъ передъ собою въ Москвѣ сильный пожаръ, простиравшійся на далекое разстояніе. Отецъ сказалъ, что это должно быть горитъ Разгуляй и Нѣмецкая слобода. Эти части Москвы большею частію состояли изъ деревянныхъ строеній, а потому и пожаръ былъ страшный.

Во время его отсутствія въѣхали къ намъ на дворъ два всадника; одинъ остался на дворѣ съ лошадьми, а другой вошелъ въ комнату. Это былъ очень молодой человѣкъ высокаго роста, едва 20-ти лѣтъ. Онъ одѣтъ былъ въ зеленую куртку, въ сѣрыхъ шароварахъ, съ фуражкою на головѣ и съ пистолетомъ въ рукѣ. Не говоря ни слова, онъ прошелся раза два по комнатѣ, оглянулся на всѣ стороны и, видя совершенную пустоту, молча вышелъ, сѣлъ на коня и оба уѣхали.

Мы радостно вздохнули, ибо пистолетъ его приводилъ насъ въ ужасъ и трепетъ. Мы сидѣли все время по угламъ и едва

переводили духъ, опасаясь какъ нибудь его разгнѣвать, и чтобы онъ насъ не перестрѣлялъ.

Къ вечеру отецъ возвратился и разсказалъ намъ, что онъ попался французамъ, которые его ободрали, но взяли только серебро, а ассигнаціи ему оставили. Прошла уже цѣлая недѣля со дня нашего ухода изъ Москвы. Коврига нашего хлѣба почти истребилась, и потому что ее оставалось очень немного—отецъ насъ одѣлялъ самыми тоненькими ломтиками, а заставлялъ ѣсть больше картофеля.

Собираясь опять въ Москву, онъ, изъ предосторожности, чтобъ не быть замѣченнымъ французами, надѣлъ Василисинъ овчинный нагольный тулупъ. Уже стало вечерѣть, а его нѣтъ. Уже стало темно,—а его все еще нѣтъ. Тогда Василиса намъ сказала: „Ну, знать отца вашего убили; коли онъ завтра не вернется, я васъ брошу!" Какъ мы ни были малы, но поняли весь ужасъ этого слова. Мы подняли плачъ и вой. Мы стали ее умолять этого не дѣлать; но она стояла на своемъ: „что мнѣ съ вами дѣлать, куда я съ вами пойду?"

Безъ ужаса и теперь не могу вспомнить этихъ минутъ. Но милосердый Богъ не допустилъ насъ до послѣдней крайности! Почти въ эту минуту вошелъ въ комнату отецъ. Съ какимъ восторгомъ я и сестра, мы бросились къ нему; но вдругъ остановились, увидавши, что за нимъ лѣзетъ медвѣдь. Очень скоро мы успокоились, когда разсмотрѣли, что это не медвѣдь, а огромный солдатъ въ медвѣжьей шапкѣ, который согнулся въ крюкъ, входя въ низкую дверь.

Снявши тулупъ, первое слово отца было по нѣмецки: „дѣти, собирайтесь скорѣй, скорѣй!", потомъ по русски: „Василиса, возьми Карлъ чи-часъ". Такъ назывался полутора годовой братъ. Все было исполнено въ одно мгновеніе. Отецъ связалъ узелъ. Василиса надѣла тулупъ, завернула въ него Карла и мы отправились.

III.

Было время темное, холодное, сырое; послѣдніе дни все шелъ дождь. Сокольниками мы прошли довольно покойно, но когда мы вступили въ Москву, то отецъ, для сокращенія пути, повелъ насъ не улицами, но по опустѣлымъ дворамъ, между погорѣлыхъ домовъ, отъ которыхъ торчали только печи и трубы.

Тутъ было идти очень плохо. Мы безпрестанно спотыкались на валяющіеся кирпичи и обгорѣлыя бревна. Наконецъ нашъ гренадеръ сжалился надъ сестрой, взялъ ее на руки, а меня велъ за руку, и я поспѣвалъ за нимъ только на рысяхъ. Отецъ шелъ впереди съ 5-ти-лѣтнимъ братомъ на рукахъ. Василиса съ ребенкомъ замыкала шествіе.

Наконецъ мы пришли къ какому-то большому каменному дому. Это тогда былъ домъ князя Рѣпнина на Маросейкѣ. Вошли на дворъ, и провожавшій насъ солдатъ спустилъ съ рукъ сестру и ушелъ, не сказавши ни слова.

Отецъ насъ ввелъ по высокой широкой лѣстницѣ въ большую комнату, потомъ прошли другую и остановились въ третьей. Въ комнатахъ была совершенная темнота. Отецъ велѣлъ подождать и самъ скоро вернулся со свѣчей въ рукахъ. Тутъ мы увидѣли, что мы находимся въ большой комнатѣ, но совершенно пустой. Нѣтъ ни лавочки, ни скамеечки, ни стула; словомъ ничего. Насъ одѣлили по ломтику хлѣба, послѣднему, что оставалось. Что завтра будемъ ѣсть, мы не знали и не помышляли объ этомъ. Маленькаго брата положили на подушки, а мы всѣ прочіе растянулись на голомъ полу въ чемъ пришли.

На другое утро, вставши, отецъ намъ принесъ немного картофелю и кусокъ чернаго хлѣба. Когда мы спросили, откуда онъ это взялъ, то онъ сказалъ, что возлѣ насъ, въ другихъ комнатахъ, живутъ нѣмцы и что это они ему дали. Вечеромъ, когда мы всѣ отдохнули, онъ намъ разсказалъ, что съ нимъ въ тотъ день случилось. И вотъ что мы услышали:

Надѣвши, какъ было выше сказано, Василисинъ тулупъ, онъ отправился въ Москву. Вездѣ шелъ безъ остановки, какъ вдругъ на углу Стараго университета, который уже сгорѣлъ, его остановили два француза: одинъ верхомъ,—гусаръ, а другой пѣшій, имѣвшій въ рукѣ толстую восковую церковную свѣчу. Гусаръ сталъ ему кричать: „панталонъ, панталонъ“. Отецъ мой отговаривался по нѣмецки, что не знаетъ гдѣ ихъ взять, чего тотъ не понималъ или не хотѣлъ понимать, а пѣшій стоялъ и не пускалъ его. Уловивши, какъ ему казалось, удобный моментъ, отецъ хотѣлъ бѣжать, но въ эту минуту пѣшій ударилъ его свѣчею по головѣ, такъ что онъ упалъ. Тогда солдатъ его втолкнулъ въ подвальный этажъ университета, гдѣ еще тлѣли и дымились

остатки строенія. Отъ паденія отецъ пришелъ въ себя и выскочилъ въ противуположную сторону на дворъ. Увидѣвши это, гусаръ заѣхалъ кругомъ и хотѣлъ воспрепятствовать ему вылѣзть. Но отецъ, увидавши на дворѣ солдатъ, началъ кричать о помощи. Къ счастью, то случились нѣмцы, виртембергцы. Они подскочили, отогнали гусара, взяли къ себѣ отца, растерли виномъ шишку, которая у него вскочила на головѣ, дали выпить немного вина и отпустили. Тогда онъ отправился къ знакомымъ нѣмцамъ на Маросейку, въ домъ князя Рѣпнина, и разсказалъ свое приключеніе. Ему присовѣтывали тотчасъ перебраться въ Москву.

Они съ нимъ пошли къ генералу, который стоялъ въ этомъ домѣ, и стали у него просить провожатаго (sauve-garde); генералъ не соглашался, говоря, что поздно, что солдаты должны быть всѣ дома при перекличкѣ, что завтра онъ ему дастъ сколько угодно. Но по усиленной просьбѣ отца, что дѣти будутъ въ отчаяніи, если онъ не вернется на ночь, генералъ согласился, съ тѣмъ, чтобъ онъ вернулся къ перекличкѣ черезъ часъ, а дѣло уже шло къ вечеру.

Такимъ образомъ отецъ пустился въ Сокольники, не разбирая дороги, а гренадеръ за нимъ, и всю дорогу ужасно бранился, такъ что отецъ ежеминутно опасался, что онъ его убьетъ и уйдетъ. Однако они благополучно прибыли въ Сокольники и насъ перевели въ Москву. Вотъ причина почему онъ такъ торопился.

На третій день, когда мы встали, отца уже не было дома. Около обѣда онъ явился и принесъ съ собою порядочный мѣшокъ картофеля, который онъ нарылъ на огородахъ, что и составляло единственную нашу пищу въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Въ это время отецъ мой нанялся работникомъ къ нѣмцу-булочнику, но такъ какъ онъ въ этомъ дѣлѣ ничего не зналъ, то топилъ только печь и носилъ дрова, за что получалъ каждый день по одному ситному хлѣбу, какіе бываютъ обыкновенно пяти копѣечные, но въ это время они продавались по два франка. Черезъ недѣлю, однако, кончился этотъ доходъ, за недостаткомъ муки, и мы опять остались при одномъ картофелѣ.

Между тѣмъ Василиса, не знаю откуда, добыла два кресла и небольшой столъ, а отецъ принесъ три конскія попоны и нѣсколько опойковъ. Это служило намъ постелью и одѣяломъ.

Тутъ познакомился съ нами французъ, или, вѣрнѣе сказать,

эльзасецъ, одинъ изъ музыкантовъ, жившихъ надъ нами въ 3-мъ этажѣ.

Онъ былъ огромнаго роста, смуглый, съ черными усами и бакенбардами, и билъ въ хорѣ въ турецкій барабанъ. Такъ какъ ему не доставало получаемой порціи, то онъ составилъ съ нашимъ отцемъ компанію: ходить вмѣстѣ за картофелемъ.

Они это дѣлали слѣдующимъ образомъ: поймаютъ на улицѣ пару лошадей, отправятся въ огороды, нароютъ картофеля, наложатъ его въ мѣшки, и на этихъ лошадяхъ привозятъ домой. Потомъ лошадей отпустятъ и на другой день, поймавши другихъ, опять отправляются на тотъ же промыселъ. Такимъ образомъ отецъ мой навозилъ большой уголъ картофелю. Потомъ сталъ возить соленую, что называется, коренная, цѣлую рыбу, не знаю бѣлугу или осетрину. Онъ навозилъ ее также большой запасъ. Наконецъ сталъ возить капусту, свѣжую, прямо съ огородовъ. Изъ этихъ припасовъ, т. е. картофеля, капусты и соленой рыбы ежедневно варился какой-то соусъ. Хотя и безъ хлѣба, но мы были сыты.

Эльзасецъ ходилъ къ намъ ежедневно и обѣдать, и ужинать. Охотно я слушалъ его разсказы про походы и сраженія, хотя онъ говорилъ очень ломаннымъ языкомъ.

Однажды въ воскресенье онъ пришелъ къ намъ утромъ въ необыкновенное время. Отецъ спросилъ его, почему онъ не на парадѣ? на что онъ отвѣтилъ, что отказался идти за неимѣніемъ башмаковъ. Ему приказывали добыть себѣ башмаки, какъ и прочіе, на что онъ отозвался тѣмъ, что служитъ императору и воровать и грабить не обязанъ.

Вернулся-ли онъ въ Эльзасъ? Когда хозяйство наше поустроилось, отецъ мнѣ сказалъ, чтобъ я съ нимъ шелъ на старую квартиру. Я этому чрезвычайно обрадовался. Погода опять стала прекрасная. Мы отправились.

Страшно было видѣть опустошеніе Москвы. Гдѣ стояли дома деревянные съ мезонинами, видны были только печи въ три яруса, стоящія одна на другой, какъ башни. Улицы, мнѣ очень знакомыя, — не узнаваемы; нѣтъ ни заборовъ, ни огородовъ. Можно было переходить изъ улицы въ улицу, діагонально по дворамъ и садамъ,—такъ казалось близко.

При переходѣ переулкомъ съ Мясницкой на Кузнецкій мостъ,

насъ настигла группа верховыхъ. Отецъ мой остановился, снялъ шляпу и мнѣ приказалъ снять картузъ. Когда они проѣхали, я спросилъ, кто это такіе? Онъ мнѣ сказалъ, что это императоръ Наполеонъ впереди. Я успѣлъ только замѣтить небольшого смуглаго человѣка въ сюртукѣ и маленькой треугольной шляпѣ. Вся свита тоже была въ сюртукахъ и большихъ треугольныхъ шляпахъ. Не было ни на одномъ такой шинели, какъ на нашихъ офицерахъ.

Намъ пришлось проходить черезъ дворъ церкви, названіе которой я тогда не зналъ, но это было на Петровкѣ, Рождество Столешники (что въ Лечникахъ). Здѣсь услышалъ конскій топотъ въ церкви. Я остановился посмотрѣть и увидѣлъ около церкви француза, который изъ большихъ мѣстныхъ иконъ составилъ ширмы, а меньшія кололъ топоромъ и подкладывалъ въ огонь подъ котелъ, въ которомъ онъ что-то варилъ. Я подбѣжалъ къ отцу, отошедшему нѣсколько впередъ, и сталъ ему разсказывать мною видѣнное, но онъ, не останавливаясь, приказалъ мнѣ идти далѣе.

Вездѣ представлялось то же зрѣлище. На Тверской огромные дома стояли обгорѣлыми. За Тверскими воротами открывалось взору почти чистое, необозримое поле. Это впечатлѣніе такъ сильно меня поразило, что и теперь не рѣдко вижу во снѣ, какъ я хожу въ Москвѣ по погорѣлымъ улицамъ, по запустѣлымъ дворамъ, заросшимъ рѣпейникомъ и крапивой, какихъ много оставалось еще очень долго, и куда мы мальчиками собирались играть въ казаки и французовъ. Подошедши къ дому, откуда сначала вышли при вступленіи французовъ, мы вошли въ наши бывшія комнаты. Онѣ были не заняты. Отецъ поднялъ извѣстныя ему половицы, но ничего не нашелъ что спряталъ—саблю и напитки. И такъ мы вернулись домой съ пустыми руками.

Въ это время мы жили спокойно. Ѣли капусту съ картофелемъ и соленой рыбой и ничто насъ не тревожило. Кромѣ того только, что у насъ у всѣхъ разстроилось пищевареніе, но на это не обращалось никакого вниманія.

Около этого времени мы пошли съ отцомъ навѣстить знакомое ему семейство Петерсонъ. У нихъ были двѣ дочери—9-ти и 10-ти лѣтъ. Тамъ намъ подали прекрасный на видъ ростбифъ, но, когда сказали, что это лошадиное мясо, я не рѣшился ѣсть. Отецъ же ѣлъ и очень хвалилъ. Мы и послѣ того были зна-

комы съ этимъ семействомъ. Мать считалась вдовою, потому что отецъ ихъ, во время пребыванія французовъ, безъ вѣсти пропалъ и никогда уже не возвращался.

Наконецъ однако-же намъ понадобились свѣчи; тогда отецъ натопилъ лошадинаго сала, положилъ палку черезъ два кресла, навѣсилъ на нее какихъ-то бичевокъ и обливалъ ихъ по нѣсколько разъ натопленнымъ саломъ. Свѣчи вышли, но кривыя и бугроватыя. Однако-же они намъ служили не хуже стеариновыхъ. Въ это время я часто выбѣгалъ за ворота и смотрѣлъ парадъ.

Противъ воротъ выстраивался длинный по всей Маросейкѣ фронтъ солдатъ, въ синихъ шинеляхъ и медвѣжьихъ шапкахъ. Послѣ нѣкоторыхъ ружейныхъ пріемовъ они вдругъ съ силою опускали шомполы въ ружья. Этотъ звукъ и гулъ меня очень занимали. Потомъ всѣ поворачивали къ Кремлю, черезъ Ильинскія ворота.

Я всегда видѣлъ нашего эльзасца, какъ онъ шелъ въ хорѣ музыкантовъ съ своимъ огромнымъ барабаномъ, который онъ несъ не такъ, какъ у насъ, но поперегъ груди. Правой рукой билъ въ него колотушкой, а лѣвой какою-то разщепленною палочкою.

Сентябрь весь простоялъ сухой и теплый. Но съ октября погода быстро перемѣнилась. Сталъ идти дождь. Пошелъ холодъ и морозъ и показался снѣгъ, который и не таялъ. Уже я рѣдко выходилъ на дворъ, но помню, что однажды, вышедши на крыльцо, увидѣлъ большого француза, шедшаго по двору въ лиловомъ атласномъ салопѣ, доходившемъ ему до колѣнъ. Это меня очень изумило.

Морозъ становился все сильнѣе и сильнѣе. Наконецъ въ одинъ день пришелъ къ намъ эльзасецъ и сталъ прощаться съ отцомъ, объявляя, что они завтра выходятъ. При этомъ онъ подарилъ отцу моему голубую штофную ризу, которую при мнѣ отецъ зарылъ подъ картофель. Эльзасецъ ушелъ, мы очень объ немъ сожалѣли, потому что успѣли его полюбить.

Въ ту же ночь мнѣ понадобилось, по своей болѣзни, идти въ третью комнату. Я прошелъ одну и другую. Но лишь только хотѣлъ отворить дверь въ третью, какъ раздался страшный какой-то ударъ. Мнѣ вообразилось, что надо мною обрушился домъ. Я крикнулъ, присѣлъ и схватилъ себя за голову. Но чувствуя себя невредимымъ, я съ крикомъ побѣжалъ назадъ. Отецъ уже всталъ и опять приказывалъ собираться. Привыкнувши къ подобнымъ приказаніямъ, въ одну минуту все было исполнено.

Съ узломъ за спиной привелъ онъ насъ на другую половину, гдѣ мы уже нашли нѣсколько мужчинъ и женщинъ, также съ узлами за спиною, сидящихъ въ безмолвіи.

Въ скоромъ времени раздался еще ударъ, такъ что окна задрожали, всѣ вздрогнули, но ни я и никто не вскрикнулъ. Потомъ третій ударъ, но слабѣе прежнихъ. Очень долго еще всѣ сидѣли и посматривали въ окно, какъ бы въ ожиданіи чего-то, но все было тихо. Послѣ нѣкотораго времени всѣ разошлись и мы легли опять спать.

На другое утро намъ сказалъ отецъ, что удары эти происходили отъ взрыва Ивана Великаго и арсенала.

Я впослѣдствіи видѣлъ много разъ эти груды развалившихся зданій, съ лежащими на нихъ колоколами. Самая же башня Ивана Великаго уцѣлѣла.

Вскорѣ, въ то же утро, явился казакъ. Меня вызвали, чтобъ съ нимъ говорить, ибо всѣ эти нѣмцы очень плохо говорили по русски, и я служилъ переводчикомъ. Мнѣ приказывали, между прочимъ спросить его: нѣтъ-ли еще французовъ въ Москвѣ? Но казакъ сказалъ, что нѣтъ. Ему поднесли стаканъ водки, и онъ ушелъ. Какъ только я узналъ, что французы вышли, я тотчасъ отправился наверхъ въ ихъ комнаты посмотрѣть, не найду ли тамъ чего нибудь для себя. Но комнаты ихъ оказались пустыя, только два или три стула и одна лавка. На полу же разбросано множество книгъ, все новыя, при томъ французскія, чего я читать не умѣлъ.

Между ними я поднялъ книгу въ черномъ кожаномъ переплетѣ, съ бѣлыми листами, на послѣднемъ листѣ было что-то писано, также по французски. Спустя уже нѣсколько лѣтъ, когда я научился понимать по французски, я разобралъ письмо, и оказалось, что это пишетъ сынъ къ матери во Францію и говоритъ: „Мы теперь въ Москвѣ, страна очень раззорена и намъ жизнь очень трудная. Мы проведемъ зиму здѣсь, а весною пойдемъ въ Константинополь“. Всякій знаетъ какъ сбылись эти замыслы!

На третій день отецъ вдругъ намъ принесъ калачей, барановъ, чаю, кофе и сахару. Восхищеніе наше было необычайное, когда намъ дали всего этого сколько душѣ угодно. Мы едва вѣрили своимъ глазамъ и какъ голодные волки бросились на эту прелесть. Все было забыто, но не все кончилось.

IV.

Спустя нѣсколько дней, когда отца не было дома, входитъ къ намъ такъ называемый квартальный и съ нимъ будочникъ. „Смотри все, что есть“, приказываетъ квартальный будочнику, и тотъ началъ развертывать наши попоны, въ которыхъ завернуты были опойки и подушку. „Что прикажете?“ спросилъ солдатъ. „Бери ковры и кожи, подушку оставь“, сказалъ квартальный. Будочникъ свернулъ и взялъ. Надобно сказать, что опойки ни на что, кажется, были негодны. Они представляли ландкарты, дурно нарисованныя! Потомъ пошли черезъ комнату, въ углу которой лежала большая куча картофеля. „Не прикажете ли развалить картофель?“ спросилъ солдатъ. „Чего тамъ искать“, отвѣтилъ квартальный, и они ушли, взявши съ собою попоны и кожи. Помню, что при словѣ: „не прикажете ли развалить картофель?“ я чрезвычайно испугался, зная, что подъ нимъ зарыта риза. Я вообразилъ, что за церковную вещь отецъ можетъ подвергнуться отвѣтственности.

Подобные обыски дѣлали во всѣхъ домахъ и все отбирали съ тѣмъ, чтобы отыскать настоящихъ хозяевъ.

Многимъ ли они были возвращены—я не знаю. Такимъ образомъ мы приведены были въ первобытное состояніе, и опять пришлось ночевать на голомъ полу. Но на другой день отецъ накупилъ войлоковъ, которые намъ служили постелью, также и шерстяныя одѣяла. Это была уже роскошь.

Вообще въ это время мы ни въ чемъ не нуждались, что касается пищи, питья и обуви; оставшіяся у отца ассигнаціи пригодились.

Вскорѣ возвратилась и мать наша. Можно себѣ представить радостное и вмѣстѣ горестное свиданіе. Она пріѣхала ночью и застала насъ почти безъ бѣлья. Въ теченіе шести недѣль мы его не перемѣняли, и потому первая ея забота состояла въ томъ, чтобы насъ имъ снабдить.

По стеченію нѣкоторыхъ обстоятельствъ случилось такъ, что мы перебрались изъ дома, въ которомъ мы до сихъ поръ жили, въ тѣ же комнаты, изъ которыхъ вышли при вступленіи французовъ, и стали ходить по тому же крыльцу.

Мы стали жить хотя въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ, но, по крайней мѣрѣ, были сыты, одѣты и обуты.

V.

Въ началѣ лѣта, въ 1813 году, открылось противъ нашего крыльца народное училище. Меня помѣстили туда для изученія русской грамоты.

По нѣмецки я уже умѣлъ читать и писать и продолжалъ съ отцемъ читать Библію.

Пробывши первый день въ классѣ, я возвратился и сказалъ, что въ этомъ училищѣ учатъ только священной исторіи и русскому катехизису и то церковными буквами.

— „Нужды нѣтъ“, сказалъ отецъ, учись всему; все, что знаешь, полезно“.

И такъ я продолжалъ цѣлый годъ, хотя мы были и лютеране.

Впослѣдствіи времени я имѣлъ случай научиться французскому и латинскому языкамъ. Въ 1824 году вступилъ въ Московскій университетъ по медицинскому факультету или отдѣленію, какъ тогда называлось, хотя въ табели или матрикулѣ и писалось Studiosus facultatis medicae.

Лишь только я выдержалъ экзаменъ на студента, еще не побывавши ни на одной лекціи, отецъ мой скончался, почти 60 лѣтъ. Вскорѣ, по выходѣ французовъ, онъ заболѣлъ совершенно разстроеннымъ пищевареніемъ. Болѣзнь его по временамъ уступала леченію, но здоровье не возстановлялось и онъ умеръ отъ совершеннаго истощенія, вслѣдствіе болѣзни печени, которая, безъ сомнѣнія, произошла отъ душевныхъ потрясеній, трудовъ и дурной пищи.

Все, что онъ намъ оставилъ, состояло въ слѣдующихъ 4-хъ стихахъ, которые онъ намъ часто повторялъ:

Und immer Treu und Redlichkeit,
Bis an dein kühles Grab;
Und weiche keinen Fingerbreit
Von Gottes Wegen ab.

(Переводъ): Твори всегда вѣрность и справедливость,
До хладной своей могилы;
И не отступай ни на палецъ
Отъ путей Господнихъ.

Міръ праху его!

Въ 1828 году я кончилъ курсъ по медицинскому факультету. Я былъ своекоштнымъ студентомъ. Въ это время я жилъ съ матерью, хотя не въ богатствѣ, но съ порядочными средствами.

Студенчество наше было самое пріятное. Профессорâ обхо-

дились съ нами дружелюбно и ласково. Мы ихъ почитали и любили. Хотя и записывали ежегодно въ табель или матрикулу извѣстное число профессоровъ, но насъ не заставляли насильственно слушать такихъ, которые намъ не очень нравились, т. е. менѣе даровитыхъ. Однако публично заявлять, что мы ихъ слушать не хотимъ—намъ и въ голову не приходило. Мы ихъ, конечно, посѣщали не очень прилежно, но на это никто не обращалъ никакого вниманія. Хоть вовсе не ходи и не слушай, а на экзаменѣ подай, что слышалъ и чего не слыхалъ.

Не было ни обществъ, ни студенческихъ кассъ. Всякій содержалъ себя, какъ зналъ. И все шло мирно и тихо.

Только однажды вздумали отбирать у казенныхъ студентовъ мундиры. Это между ними возбудило всеобщій ропотъ.

— „Какъ, говорили они, черезъ годъ намъ довѣряютъ и судьбу, и жизнь людей, а теперь не довѣряютъ мундировъ изъ толстаго сукна". Они принесли жалобу ректору и дѣло уладилось безъ всякихъ послѣдствій къ общему удовольствію.

И не вышли мы всѣ дураками. Укажу только на своихъ современниковъ: Николая Ивановича Пирогова, котораго знаетъ вся Европа, г. Сокольскаго, г. Корнухъ-Троцкаго, г. Шеховскаго, которые были профессорами; не говорю о многихъ другихъ, которые и на практическомъ поприщѣ, и на служебномъ составили себѣ почетное имя и званіе.

Почему же теперь (въ 1870 г.) безпрестанно читаешь въ газетахъ и журналахъ статьи, не дѣлающія чести ни профессорамъ, ни студентамъ?

Это, говорятъ, духъ времени; а по моему это не духъ времени, а недугъ времени. Но какъ его излечить? Это не мое дѣло.

Но буду продолжать свой разсказъ. Въ 1831 году я поступилъ въ губернскомъ городѣ на службу. Медицинскою практикою пріобрѣлъ безбѣдное состояніе, а въ сравненіи съ дѣтствомъ и молодостію—даже весьма хорошее.

Теперь (въ 1870 г.) доживаю старость свою въ кругу своего семейства, окруженный дѣтьми, внучками и внуками. Благодаря Бога, всѣмъ доволенъ и счастливъ. Но нашествія французовъ не могу ни забыть, ни простить, хотя въ частности ихъ люблю, потому что были между ними и добрые люди.

Ѳ. Беккеръ.

Калуга.
30 ноября 1870 года.

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ БАТЮШКОВЪ

въ письмахъ къ Ник. Ив. Гнѣдичу.

1813 годъ.

LIV [1]).

(Теплицъ. 1813 г.)

Надобно имѣть желѣзную голову и всевозможную добрую волю, чтобъ писать теперь въ моемъ положеніи къ тебѣ, милый другъ. Послѣ путешествія самаго безпокойнаго и скучнаго, на Вильну, Варшаву, потомъ Силезію, Бригъ и Глацъ, прибылъ я въ прекрасный городъ Прагу, гдѣ нашелъ К. Гагарина, весьма кстати, ибо дорогой проѣхавъ всѣ деньги, — а мнѣ прогоновъ дано было только до Рейхенбаха, — находился я въ горестномъ положеніи. К. Гагаринъ помогъ мнѣ самымъ великодушнымъ образомъ, за что я ему буду вѣчно благодаренъ. Онъ предложилъ мнѣ до 100 червонныхъ, я взялъ 30 и кое-какъ доплылъ до главной квартиры подъ Дрезденъ, гдѣ сдалъ мои депеши исправно. Наконецъ явился я къ главнокомандующему и былъ отъ него отправленъ къ г. Раевскому. Онъ меня принялъ ласково и велѣлъ остаться при себѣ; я нахожусь теперь при его особѣ и въ сраженіяхъ отправляю должность адъютанта.

Успѣлъ быть въ двухъ дѣлахъ: въ авангардномъ сраженіи подъ Доной, въ виду Дрездена, гдѣ чуть не попалъ въ плѣнъ, наскакавъ

---

[1]) См. „Русскую Старину" 1870 г. т. I, изд. первое, стр. 65—71; изд. третье, стр. 549 - 554; изд, 1871 г. т. III, стр. 208—236; 394; изд. 1874 г. т. X, стр. 383—398; изд. 1883 г. т. XXXVII, мартъ, стр. 647—664; т. XXXVIII, апрѣль, стр. 107—122; май, стр. 333—350.

нечаянно на французскую кавалерію, но Богъ помиловалъ!—потомъ близь Теплица въ сильной перепалкѣ. Говорятъ, что я представленъ къ Владиміру, но объ этомъ еще ни слова не говори, пока не получу. Не знаю, заслужилъ-ли я этотъ крестъ, но знаю то, что заслужить награжденіе при храбромъ Раевскомъ, лестно и пріятно.

Отгадай кого я здѣсь нашелъ? Старыхъ пріятелей Бориса Княжнина, Писарева и добраго, честнаго и храбраго Дамаса. Они всѣ въ 3-мъ гренадерскомъ корпусѣ, которымъ командуетъ г. Раевскій, и я ихъ всякой день вижу. Писаревъ не перемѣнился. Все веселъ по старому и храбръ по старому. Генералъ меня посылалъ къ нему съ приказаніемъ во время сраженія, и я любовался, глядя на него. Скажу тебѣ въ добавокъ, что мы въ безпрестанномъ движеніи, но теперь остановились лагеремъ въ виду Теплица, на полѣ славы и побѣды, усланномъ трупами жалкихъ французовъ, жалкихъ, потому что на нихъ только кожа, да кости. Какая разница нашъ лагерь! Нельзя равнодушно смотрѣть на три сильные народа, которые соединились въ первый разъ для славнаго дѣла, въ виду своихъ государей, и какихъ государей! Нашъ императоръ и король прусскій нерѣдко бываютъ подъ пулями и ядрами. Я самъ имѣлъ щастіе видѣть великаго князя подъ ружейными выстрѣлами. Таковые примѣры могутъ одушевить мертвое войско; а наша армія дышетъ славою. Пруссаки чудеса дѣлаютъ. Однимъ словомъ, ни труды, ни грязь, ни дороговизна, ни малое здоровье, не заставляютъ меня жалѣть о Петербургѣ, и я вѣчно буду благодаренъ Бахметеву за то, что онъ мнѣ доставилъ случай быть здѣсь. Обними за меня Дашкова и попроси его меня не забывать. Поклонись бѣсу Жихареву, Никольскому и всѣмъ добрымъ друзьямъ и пріятелямъ. (Александру) Тургеневу напомни обо мнѣ, онъ часто забываетъ. Николаю и Сергѣю (Тургеневымъ) поклонъ.

LV.

Веймаръ. 30-го октября (1813 г.)

Отъ тебя, отъ родныхъ, отъ друзей, ни строки не получилъ я со дня моего отъѣзда изъ Россіи. Нѣтъ, я не могу и думать, что вы меня забыли. Письма пропадаютъ или еще не дошли, что всего вѣроятнѣе, по слѣдующимъ причинамъ. Съ самаго Теплица мы въ сраженіи, а теперь главная квартира отъ насъ миль за 20. Я начну мой разсказъ по порядку, какъ слѣдуетъ. Слушай и заглядывай на карту:

Оставя Богемію, мы вошли въ Саксонію, черезъ Маріенбергъ,

Тшопау, Хемницъ, прекрасный городъ, гдѣ прохлаждались нѣсколько часовъ, какъ Аннибалъ въ Капуѣ; потомъ остановились въ Борнѣ. Непріятель шелъ прямой дорогой къ Лейпцику, и мы туда подвинулись. Кавалерія дралась до насъ за день. Наконецъ 4-го числа въ 9 часовъ утра началось жаркое дѣло. Съ самаго утра я былъ на конѣ. Генералъ осматривалъ посты и выстрѣлы фланкеровъ изъ любопытства, разъѣзжалъ нѣсколько часовъ сряду подъ ядрами, подъ пулями въ прусской цѣпи, и я былъ невольнымъ свидѣтелемъ ужаснѣйшаго сраженія. Въ полдень одна гренадерская дивизія послана на лѣвый флангъ; Раевскій принялъ команду. Огонь ужасный! Ядра и гранаты сыпались, какъ градъ. Иныя минуты напоминали Бородино. Часу въ 3-мъ начали свистать пули. Мы находились противъ густой цѣпи непріятеля и я снова имѣлъ щастіе быть свидѣтелемъ храбрости нашихъ гренадеровъ. Самъ Раевскій въ восхищеніи отъ Писарева, и я признаюсь тебѣ, что хладнокровнѣе и веселѣе его никого въ дѣлѣ не видалъ. Хвала его товарищамъ Дамасу и Левину и другимъ! У Писарева прострѣлена шляпа и двѣ сильныя контузіи въ ногу— не смотря на это онъ остался въ дѣлѣ до конца. Признаюсь тебѣ, что для меня были ужасныя минуты, особливо тѣ, когда генералъ посылалъ меня съ приказаніями то въ ту, то въ другую сторону, то къ пруссакамъ, то къ австрійцамъ, и я разъѣзжалъ одинъ по грудамъ тѣлъ убитыхъ и умирающихъ. Не подумай, чтобъ это была риторическая фигура. Ужаснѣе сего поля сраженія я въ жизни моей не видалъ и долго не увижу.

При концѣ дня генералъ сказалъ мнѣ: «я раненъ, я раненъ!» и съ этимъ словомъ наклонился на лошадь. Я осмотрѣлъ грудь и ужаснулся увидя кровь. Я почитаю, я люблю Раевскаго. Лишиться его— это ужасно!—и въ какую минуту! Я поскакалъ за лѣкаремъ. Въ ближней деревнѣ его перевязали и нашли—чудное дѣло!—что пуля ударомъ пробивъ шинель на клеенкѣ и мундиръ, не могла пронзить фуфайки на ваткѣ. Не менѣе того рана глубока и кровь безпрестанно струилась. Мы возвратились на квартиру и отдохнули.

5-го числа, вопрѣки совѣтамъ доктора, генералъ сѣлъ на коня и поѣхалъ на батареи. Этотъ день въ лагерѣ было спокойно. Все поле сраженія удержано нами и усѣяно мертвыми тѣлами. Ужасный и незабвенный для меня день! Первый гвардейскій эгерь сказалъ мнѣ, что Петинъ убитъ. Петинъ, добрый, милый товарищъ трехъ походовъ, истинный другъ, прекрасный молодой человѣкъ—скажу болѣе: рѣдкій юноша. Ета вѣсть меня разстроила совершенно и на долго. На лѣвой рукѣ отъ батарей, вдали была кирка. Тамъ погребенъ Петинъ, тамъ поклонился я свѣжей могилѣ и просилъ со слезами

пастора, чтобъ онъ поберегъ прахъ моего товарища. Мать его умретъ съ тоски.

6-го числа французы отступили къ Лейпцику. Генералъ съ утра былъ на конѣ, но на сей разъ онъ былъ щастливѣе. Ядра свистали надъ головой—и все мимо. Дѣло часъ отчасу становилось жарчѣе. Колонны наши подвигались торжественно къ городу. По всему можно было угадать разстройство и нерѣшимость Наполеоновыхъ войскъ. Какая ужасная и великолѣпная картина! Вдали Лейпцикъ съ высокими башнями, кругомъ его гремятъ три сильныя арміи: Шварценберга, гдѣ находились и мы, Бенигсена на право, а за Лейпцикомъ наслѣднаго принца. И всѣ три арміи, какъ одушевленныя предчувствіемъ побѣды, въ чудесномъ устройствѣ, тѣснили непріятеля къ Лейпцику. Онъ былъ окруженъ, разбитъ—бѣжалъ. Ты знаешь послѣдствія сихъ сраженій. Мы побѣдили совершенно.

И русскій въ полѣ сталъ, хваля и славя Бога!

7-го числа поутру рано генералъ послалъ меня въ Бернадотову армію навѣдаться о сынѣ. Я объѣхалъ весь Лейпцикъ кругомъ и видѣлъ всѣ военные ужасы. Еще свѣже поле сраженія, и какое поле! Слишкомъ на пятнадцать верстъ кругомъ, на каждомъ шагу грудами лежали трупы человѣковъ, убитыя лошади, разбитые ящики и лафеты. Кучи ядеръ и гренадъ—и вопль умирающихъ. Ce sont là jeux de princes!

Въ эту поѣздку со мной былъ странный случай. Я ѣхалъ съ казакомъ, какъ обыкновенно. Миновавъ нашу армію и примкнувъ къ Бениксоновой, я пустился далѣе—къ принцу. Вотъ подъѣзжаю къ деревнѣ (Бениксонова армія уже кончилась); проѣзжаю деревню, лѣсъ и вижу нѣсколько батальоновъ пѣхоты; ружья сомкнуты въ козлы; кругомъ огни. Мнѣ показалось, что это пруссаки,—я къ нимъ.

— «Гдѣ проѣхать въ шведскую армію?»

— Не знаю, отвѣчалъ мнѣ офицеръ во французскомъ мундирѣ, здѣсь вы не проѣдете.

— «Но какое это войско?» спросилъ я, показавъ на окружающихъ меня солдатъ, которые вокругъ меня толпились и пожирали глазами незнакомца.

— Мы саксонцы.

«Саксонцы!» Боже мой! Саксонцы, подумалъ я, блѣднѣя, какъ нѣкто надъ святцами—такъ я заѣхалъ самъ въ плѣнъ! и, не говоря ни слова, поворотилъ коня назадъ, размышляя: если поскачу, то они дадутъ по мнѣ залпъ, и тогда прощай Гнѣдичъ! И птички для меня впослѣднее пропѣли. Нѣтъ, лучше шагомъ,—авось они меня примутъ за баварца, за итальянца, хуже за француза, если хотятъ, только не

за русскаго. Сказано, сдѣлано.—«Что съ вашимъ благородіемъ здѣлалось, какъ платъ поблѣднѣли! сказалъ мнѣ мой казакъ,—ужли это непріятель?» «Молчи уродъ!» отвѣчалъ я ему на ухо. Отъѣхалъ нѣсколько шаговъ и встрѣтилъ австрійскаго офицера. «Ради всѣхъ моравскихъ, семигорскихъ, богемскихъ, венгерскихъ и кроатскихъ чудотворцевъ, скажите мнѣ, что это за войско, какіе саксонцы, гдѣ я, и куда вы ѣдете?»... «Бассамтарата тарара! вскричалъ мой венгръ: это саксы, что вчера передались съ пушками и съ конями».

Я отдохнулъ. Какъ гора съ плечъ! Воротился назадъ, пожелалъ новымъ товарищамъ доброе утро, и хохоталъ съ ними во все горло, разказывая мою ошибку и запивая ихъ водкою мой страхъ и отчаяніе.

Въ тотъ день, объѣхавъ кругомъ со всѣхъ сторонъ многоученый и многострадальный Лейпцикъ, я не успѣлъ въ немъ побывать ни на минуту, не успѣлъ взглянуть на жилище Тургеневыхъ, и погоняя лошадь, то шпорой, то хлыстомъ, дотащился до генерала, который все слѣдовалъ за войскомъ, не желая никакъ разстаться съ своими гренадерами, которые его обожаютъ. Подъѣзжая къ Наумбургу, ему сдѣлалось хуже,—на другой день еще хуже;—къ ранѣ присоединилась горячка. Боль усилилась и онъ остановился въ деревнѣ, неподалеко маленькаго городка Камбурга, гдѣ лежалъ 7 дней. Я былъ въ отчаяніи и умиралъ со скуки въ скучной деревнѣ. Наконецъ, мы перенесли генерала въ Веймаръ и ему стало легче, хотя рана и не думаетъ заживать. Кости безпрестанно отдѣляются, но лѣкарь говоритъ, что онъ будетъ здоровъ. Дай Богъ! Этотъ человѣкъ нуженъ для отечества. Слушай далѣе:

Мы теперь въ Веймарѣ дней съ десять; живемъ покойно, но скучно. Общества нѣтъ. Нѣмцы любятъ русскихъ, только не мой хозяинъ, который меня отравляетъ ежедневно дурнымъ супомъ и варенымм яблоками. Этому помочь невозможно, ни у меня, ни у товарищей нѣтъ ни копейки денегъ, въ ожиданіи жалованья. Въ отчизнѣ Гёте, Виланда и другихъ ученыхъ, я скитаюсь какъ Скиеъ. Бываю въ театрѣ изрѣдка. Зала недурна, но бѣдно освѣщена. Въ ней играютъ комедіи, драмы, оперы и трагедіи. Послѣднія очень недурно, къ моему удивленію. «Донъ-Карлосъ» мнѣ очень понравился, и я примирился съ Шиллеромъ. Характеръ Донъ-Карлоса и королевы прекрасны. О комедіи и оперѣ ни слова. Драмы играются рѣдко, по причинѣ дороговизны кофея и съѣстныхъ припасовъ; ибо ты помнишь, что всякая драма начинается завтракомъ въ первомъ дѣйствіи и кончится ужиномъ.

Здѣсь лучше всего мнѣ нравится дворецъ герцога и англійской садъ, въ которомъ я часто гуляю, не смотря на дурную погоду. Здѣсь Гёте мечталъ о Вертерѣ, о нѣжной Шарлотѣ; здѣсь Виландъ обду-

мывалъ планъ Оберона и леталъ мыслію въ области воображенія; подъ сими вязами и кипарисами великіе творцы Германіи любили отдыхать отъ трудовъ своихъ; подъ сими вязами наши офицеры бѣгаютъ теперь за дѣвками. Всему есть время. Гёте я видѣлъ мелькомъ въ театрѣ. Ты знаешь мою новую страсть къ нѣмецкой литературѣ. Я схожу съума по Фоссовой Луизѣ; надобно читать ее въ оригиналѣ, и здѣсь въ Германіи. Книги вообще дороги, особливо для насъ бѣдняковъ, хотя здѣсь фабрика книгъ.

Третьяго дня пріѣхала въ Веймаръ великая княгиня Марья Павловна. Я былъ ей представленъ съ малымъ числомъ русскихъ офицеровъ, здѣсь находящихся. Она со всѣми говорила и очаровала насъ своею привѣтливостію и къ общему удивленію — на русскомъ языкѣ, на которомъ она изъясняется лучше, нежели наши великолѣпныя петербургскія дамы.

Вчера прибыла сюда великая княгиня Екатерина Павловна. Мы были ей представлены. Мое имя, не знаю почему, извѣстно ея высочеству, и я имѣлъ щастіе говорить съ нею о егерскомъ полку, въ которомъ она всѣхъ офицеровъ помнитъ. К. Гагаринъ насъ представлялъ. Я ему обрадовался какъ знакомому, и провелъ съ нимъ утро у Раевскаго. Въ свободное ему время, постараюсь съ нимъ увидѣться и поговорить о тебѣ и о Петербургскихъ знакомыхъ.

Вотъ, мой другъ, нѣсколько строкъ изъ моей Одиссеи, которая скучна и непріятна въ иное время, въ другое довольно забавна. Когда придетъ желанный миръ и мы снова засядемъ съ тобою у камина, раскуримъ наши трубки, нальемъ по чашкѣ чаю (а онъ теперь намъ въ диковину) и станемъ разсказывать о томъ, о семъ и не безъ шума? Тогда-то буду я подобенъ Улиссу, видѣвшему страны отдаленныя и народы чуждые, но я буду еще плодовитѣе царя Итакскаго и не пропущу ни одного приключенія, ни одного обѣда, ни одного дурнаго ночлега—я все перескажу!

Въ ожиданіи сего щастливаго времени, для отдыха, ѣздимъ мы въ Эрфуртъ любоваться бомбардированіемъ города прусаками, храбрыми прусаками,—пьемъ жидкой кофе съ жидкимъ молокомъ, обѣдаемъ въ трактирѣ по праздникамъ, перевязываемъ генерала ежедневно,—ходимъ зѣвать одинъ къ другому, бранимся и споримъ о фуражѣ, зѣваемъ, глядя на проходящихъ мимо солдатъ и плѣнныхъ французовъ,—и щупаемъ кухарокъ отъ скуки. День тащится за днемъ, время проходитъ и часъ свиданія рано ли, поздно ли настанетъ.

Я представленъ къ Аннѣ за послѣднія дѣла и къ Владиміру за первыя. Получу ли ихъ, Богъ знаетъ, а если получу, то буду награжденъ съ избыткомъ. Вотъ все, что имѣю сказать о себѣ интереснаго.

Напомни обо мнѣ Лизаветѣ Марковнѣ и Алексѣю Николаевичу, и

всѣмъ его дѣтямъ и домашнимъ. Не забудь поклониться Тургеневымъ, Дашкову, Крылову, Жихареву, Эрмолаеву и всѣмъ, кто обо мнѣ еще помнитъ. Еще нѣсколько словъ: Муромцовъ далъ мнѣ письма для пересылки ихъ въ Петербургъ. Одно изъ нихъ шлемоносному Жихареву. Они оба состарѣлись у меня въ записной книжкѣ. Отправь это письмо къ сестрѣ и адресуй мнѣ отвѣтъ прямо на имя его высокопревосход. Николая Николаевича Раевскаго, для врученія Батюшкову, ибо я надѣюсь, что ты мнѣ будешь писать обо всемъ обстоятельно; я требую этого отъ твоей дружбы. Дай себя еще разъ обнять и пожелать тебѣ мира душевнаго, щастливыхъ гексаметровъ и щастливаго успѣха въ любви къ прелестнѣйшей изъ женщинъ, которой ты конечно достоинъ.

P. S. Я надѣюсь, что ты не напечатаешь моего письма въ «Вѣстникѣ» или въ «Сынѣ Отечества», по примѣру друзей, которые въ перепискѣ съ военными; а эти военные на досугѣ выхваляютъ своихъ генераловъ, ихъ великіе подвиги и пр. и пр. и пр., или по примѣру Писарева, который извѣщаетъ публику о своихъ дѣлахъ, сухимъ слогомъ. Но я все ему прощаю,—за его примѣрную неустрашимость. А не могу простить нашимъ журналистамъ ихъ вранья, отъ котораго я болѣнъ сдѣлался здѣсь въ Веймарѣ. Гагаринъ мнѣ подарилъ нѣсколько нумеровъ «Сына Отечества» и «Вѣстника Европы». Одинъ другаго лучше!

Замѣть, что мое письмо было написано назадъ тому съ недѣлю но я не имѣлъ времени его кончить.

Пришли мнѣ нѣсколько страницъ изъ Гомера, если ты перевелъ что нибудь новое, но только гексаметрами. Нѣмцы меня къ нимъ совершенно пріучили. Скажи Крылову, что ему стыдно лѣниться и въ арміи его басни всѣ читаютъ наизусть. Я часто ихъ слышалъ на бивакахъ съ новымъ удовольствіемъ. Вамъ надобно пріучать насъ къ языку русскому, вамъ должно прославлять наши подвиги и между тѣмъ какъ наши воины срываютъ пальмы побѣды, вамъ надобно приготовлять имъ чистѣйшее удовольствіе ума и сердца. Конечно и у насъ есть отличныя дарованія: великій Хвостовъ, маленькій и большой Львовы, Гераковъ, Шаликовъ, Грузинцовъ, Висковатовъ и прч., но я ими все что-то не очень доволенъ. Впрочемъ на всѣ вкусы не угодишь. Одному—одно, другому—другое.

Дай Поллуксу коней, дай Кастору бойцовъ!

Между тѣмъ прости до свиданія—дай себя обнять. Еще разъ поклонись Дашкову.

Отправь письмо къ батюшкѣ съ письмомъ къ сестрѣ; она его перешлетъ.

1814 годъ.

LVI.

1814 г. Генваря 16 (28). Département du Haut Rhin, или старая Альзасъ, у крѣпости Бефора, деревня Fontaine, — наканунѣ новаго года, — то есть 31 декабря стар. ст.

И такъ, мой милый другъ, мы перешли за Рейнъ, мы во Франціи. Вотъ какъ это случилось: въ виду Базеля и горъ, его окружающихъ, въ виду крѣпости Гюнинга, мы построили мостъ, отслужили молебенъ со всѣмъ корпусомъ гренадеръ, закричали ура! и перешли за Рейнъ. Я нѣсколько разъ оборачивался назадъ и дружественно прощался съ Германіей, которую мы оставляли, можетъ быть, и на долго, съ жадностію смотрѣлъ на предметы, меня окружающіе, и нѣсколько разъ повторялъ съ товарищами: наконецъ мы во Франціи! Эти слова: мы во Франціи—возбуждаютъ въ моей головѣ тысячу мыслей, которыхъ результатъ есть тотъ, что я горжусь моей родиной въ землѣ ея безразсудныхъ враговъ. Въ этой сторонѣ Альзаса жители говорятъ по французски. Вообрази себѣ ихъ удивленіе. Они думали, по невѣжеству разумѣется, что русскіе ихъ будутъ жечь, грабить, рѣзать, а русскіе напротивъ того соблюдаютъ строгій порядокъ и обращаются съ ними ласково и дружелюбно. За то и они угощаютъ насъ, какъ можно лучше. Мой хозяинъ, жена его, дѣти, подчиваютъ виномъ, саладомъ, яблоками, и часто говорятъ, трепля по плечу: «Vous êtes de braves gens Messieurs»! Хозяйка, старуха лѣтъ шестидесяти, спрашивала меня въ день моего прибытія: «Mais les Russes, Monsieur, sont ils chrétiens comme nous autres?» Этотъ вопросъ можно сдѣлать имъ; но я промолчалъ. Впрочемъ я не могу надивиться ихъ живости, скорымъ и умнымъ отвѣтамъ, скажу болѣе, ихъ учтивости и добродушію. Надобно видѣть съ какимъ любопытствомъ они смотрятъ на нашихъ гренадеръ, а особливо на казаковъ, какъ замѣчаютъ ихъ малѣйшія движенія, ихъ разговоры. Все такъ любезный другъ! но сердце не лежитъ у меня къ этой сторонѣ—революція, всемірная война, пожаръ Москвы и опустошенія Россіи—меня навсегда поссорили съ отчизной Генриха IV, великаго Расина и Монтаня.

Въ послѣдній разъ я писалъ къ тебѣ изъ Веймара, гдѣ лѣчился мой генералъ. Изъ Веймара мы поѣхали на Франкфуртъ, Мангеймъ, Карлсруэ, Фрейбургъ и Базель. Я видѣлъ Швабію, садъ Германіи, къ нещастію зимой; видѣлъ въ Гейльбергѣ славныя развалины имперскаго замка, въ Швецингенѣ—очаровательный садъ, видѣлъ вездѣ промышленность, землю изобильную, красивую, часто находилъ добрыхъ людей, но не могъ наслаждаться моимъ путешествіемъ; ибо мы ѣхали по почтѣ и весьма скоро. Однимъ словомъ, бо́льшую часть

Германіи я видѣлъ во снѣ. Но не во снѣ, а на яву нашелъ въ Фрейбургѣ, гдѣ была главная квартира императоровъ, Николая Тургенева, съ которымъ провелъ нѣсколько пріятныхъ дней.

Теперь мы стоимъ въ окрестностяхъ Бельфора или Бефора, значительной крѣпости, которую содержимъ въ блокадѣ, ожидая повелѣнія идти впередъ.

Я получилъ твои письма, на которыя отвѣчать тебѣ обстоятельно не могу, только скажу тебѣ, что я на тебя прогнѣвался за то, что меня называешь баловнемъ. Я баловень? Но чей? Конечно не фортуны, которая меня ничѣмъ не утѣшала, кромѣ дружбы;—и за то ей благодаренъ. Многое оставляю на сердцѣ, которое и тебѣ, мой любезный Николай, не совсѣмъ извѣстно,—скажу тебѣ только, что я всегда былъ игрою быстроногой фортуны, или лучше сказать, моей пустой головы, въ которой могутъ помѣститься всѣ возможныя человѣческія дурачества, начиная отъ рифмъ и кончая самолюбіемъ.

До сихъ поръ я доволенъ моимъ состояніемъ и не промѣняю его на другое. Мой генералъ меня любитъ, я его уважаю, какъ Героя и какъ добрѣйшаго изъ людей. Если буду живъ и буду служить, то буду награжденъ конечно, но я не почестей, не крестовъ желаю: покою, мой Капнистъ, покою!—котораго не нашелъ Горацій въ прохладномъ Тибурѣ, и ты на кожаномъ диванѣ съ своей Мальвиной. Чего тебѣ недостаетъ?

Если я успѣю написать къ сестрамъ, то не пропущу случая. Пришли мнѣ Анненскій крестъ, хорошей работы и хорошаго золота, съ лентою; небольшой величины—если не найдешь красиваго, то закажи, не пожалѣя денегъ. Ты ихъ получишь отъ сестры, которую увѣдомь. Если мнѣ денегъ не посылали, то и не надобно. До сихъ поръ я жилъ однимъ жалованьемъ и не очень нуждался; лошади есть и хорошія, слѣдственно и надобностей большихъ нѣтъ. Еще купи Владимірскій крестъ—я къ нему представленъ за Теплицъ и, можетъ быть, получу. Здѣсь етого не сыщешь, а при генералѣ неловко не носить крестовъ. Не забудь и георгіевскихъ лентъ для медали. Болѣе просить не о чемъ.

Поблагодари Алексѣя Николаевича (Оленина) за пересылку писемъ. Поцѣлуй ручку у Лизаветы Марковны. Напиши мнѣ хоть два слова о Петрѣ и что у нихъ дѣлается въ домѣ. Что дѣлаетъ Катерина Федоровна? Съ самаго отъѣзда отъ нея не имѣю извѣстія. Обними за меня Дашкова и Жихарева—шлемъ на главѣ его и вѣтеръ въ головѣ. Что дѣлаетъ Иванъ Матвѣичъ (Муравьевъ-Апостолъ)? и Иванъ Андрѣевичъ (Крыловъ)? Еще разъ поздравляю тебя съ наступленіемъ новаго года, при концѣ котораго желаю сидѣть съ тобою у камина, въ виду Гомера, твоего пената, и болтать безпечно о прошедшемъ. Надѣюсь, что ты сохранишь меня въ своей памяти

и въ сердцѣ. Кромѣ тебя, любезный другъ, и сестры Александры Николаевны, я много людей имѣю близкихъ къ моему сердцу, но вы оба еще ближе.

Кончая мое маранье, я сижу въ теплой избѣ и курю табакъ. На дворѣ мятель и снѣгу по колѣно, это напоминаетъ Россію и нѣсколько пріятныхъ минутъ въ моей жизни. Передо мною русскій чай, которой наливаетъ Яковъ.

Замѣчаніе: Яковъ еще сталъ глупѣе и безтолковѣе отъ Рейнвейна и Киршвасера, которыми опивается. О матушка Россія! Когда увидимъ тебя! Rendez moi nos frimas!

Мы еще сдѣлали нѣсколько переходовъ и стоимъ около Лангръ.

16 генваря / 24—1814 г. Адресъ: Николаю Ивановичу Гнѣдичу.

LVII.

27-го марта 1814 г. Juissi sur Seine, въ окрестностяхъ Парижа.

Я получилъ твое длинное посланіе, мой добрый и любезный Николай, на походѣ отъ Арсиса къ Meaux. И письму, и Оленину очень обрадовался. Оленинъ, слава Богу, здоровъ, а ты меня, мой милый товарищъ, не забываешь! Теперь выслушай мои похожденія, по порядку. О военныхъ и политическихъ чудесахъ я буду говорить мимоходомъ: на то есть газеты—я буду говорить съ тобой о себѣ, пока не устанетъ рука моя.

Я былъ въ Сире, въ замкѣ славной маркизы дю-Шатле—въ гостяхъ у Дамаса и у Писарева. Писаревъ жилъ въ той самой комнатѣ, гдѣ проказникъ фернейской писалъ «Альзиру» и пр. Вообрази себѣ его восхищеніе! Но и въ Сире революція изгладила всѣ слѣды пребыванія маркизы и Вольтера, кромѣ нѣкоторыхъ надписей на дверяхъ большой галлереи; напр. «Asile des beaux arts» и пр. существуютъ до сихъ поръ; амура изъ анеологіи нѣтъ давно. Въ залѣ, гдѣ мы обѣдали, висѣли знамена нашихъ гренадеръ и мы по-русски привѣтствовали тѣни Сирейской Нимфы и ея любовника, т. е. большимъ стаканомъ вина.

Въ корпусную квартиру я возвратился поздно; тамъ узналъ я новое назначеніе Раевскаго. Онъ долженъ былъ немедленно ѣхать въ Pont sur Seine и принять команду Витгенштейна. Мы проѣхали черезъ Шомонъ на Троа. По дорогѣ скучной и раззоренной, на каждомъ шагѣ встрѣчали развалины и мертвыя тѣла. Замѣть, что отъ Нанжиса къ Троа и далѣе я проѣзжалъ четыре раза, если не болѣе. Наконецъ, въ Pont sur Seine, гдѣ замокъ премудрой Летиціи, матери всадника Робеспіера, генералъ принялъ начальство надъ арміей Витгенштейна. Прощай вовсе покой! На другой день мы

дрались между Нанжисомъ и Провинсъ. На третій, слѣдуя общему движенію, отступили и опять по дорогѣ къ Троа. Оттуда пошли на Арсисъ, гдѣ было сраженіе жестокое, но непродолжительное, послѣ котораго Наполеонъ пропалъ со всей арміей. Онъ пошелъ отрѣзывать намъ дорогу отъ Швейцаріи, а мы, пожелавъ ему добраго пути, двинулись на Парижъ, всѣми силами, отъ города Витри. На пути мы встрѣтили нѣсколько корпусовъ, прикрывавшихъ столицу, и, подъ Fer Champenoise ихъ проглотили. Зрѣлище чудесное!—Вообрази себѣ тучу кавалеріи, которая съ обѣихъ сторонъ на чистомъ полѣ врѣзывается въ пѣхоту, а пѣхота густой колонной, скорыми шагами, отступаетъ безъ выстрѣловъ, пуская изрѣдка батальной огонь. Подъ вечеръ сдѣлалась травля французовъ. Пушки, знамена, генералы, все досталось побѣдителю. Но и здѣсь французы дрались, какъ львы. Въ Трипоръ мы переправились черезъ Марну, прошли черезъ Meaux, большой городъ, и очутились въ окрестностяхъ Парижа, передъ лѣсомъ Bondy, гдѣ встрѣтили непріятеля. Лѣсъ былъ очищенъ артиллеріей и стрѣлками въ нѣсколько часовъ и мы ночевали въ Noisy передъ столицей. Съ утромъ началось дѣло. Наша армія заняла Romainville, о которомъ кажется упоминаетъ Делиль, и Montreuil, прекрасную деревню, въ виду самой столицы. Съ высоты Монтреля я увидѣлъ Парижъ, покрытый густымъ туманомъ, безконечный рядъ зданій, надъ которыми господствуетъ Notre Dame съ высокими башнями. Признаюсь, сердце затрепетало отъ радости! Сколько воспоминаній! Здѣсь ворота Трона, влѣво Венсенъ, тамъ высоты Монмартра, куда устремлено движеніе нашихъ войскъ. Но ружейная пальба часъ отчасу становилась сильнѣе и сильнѣе. Мы подвигались впередъ, съ большимъ урономъ, черезъ Баньолетъ къ Бельвилю, предмѣстію Парижа. Всѣ высоты заняты артиллеріею, еще минута и Парижъ засыпанъ ядрами. Желать-ли сего?—Французы выслали офицера съ переговорами и пушки замолчали. Раненые русскіе офицеры проходили мимо насъ и поздравляли съ побѣдою. «Слава Богу! Мы увидѣли Парижъ съ шпагою въ рукахъ»! «Мы отмстили за Москву»! повторяли солдаты, перевязывая раны свои.

Мы оставили высоту L'Epine, солнце было на закатѣ, по той сторонѣ Парижа; кругомъ раздавалось ура побѣдителей и на правой сторонѣ нѣсколько пушечныхъ ударовъ, которые черезъ нѣсколько минутъ замолчали. Мы еще разъ взглянули на столицу Франціи, проѣзжая чрезъ Монтрель, и возвратились въ Noisy, отдыхать, только не на розахъ: деревня была разорена.

На другой день поутру генералъ поѣхалъ къ государю въ Bondy. Тамъ мы нашли посольство de la bonne ville de Paris; вслѣдъ за

нимъ великолѣпный герцогъ Веченскій. Переговоры кончились, и государь, король прусскій, Шварценбергъ, Барклай, съ многочисленною свитою, поскакали въ Парижъ. По обѣимъ сторонамъ дороги стояла гвардія. Ура гремѣло со всѣхъ сторонъ. Чувство, съ которымъ побѣдители въѣзжали въ Парижъ, неизъяснимо.

Наконецъ, мы въ Парижѣ. Теперь вообрази себѣ море народа на улицахъ. Окны, заборы, кровли, деревья бульвара, все, все, покрыто людьми обоихъ половъ. Все машетъ руками, киваетъ головой, все въ конвульсіи, все кричитъ: «Vive Alexandre! vivent les Russes! vive Guillaume! vive l'Empereur d'Autriche, vive Louis, vive le Roi, vive la paix»! Кричитъ, нѣтъ, воетъ, реветъ. «Montrez nous le beau, le magnanime Alexandre!»—«Messieurs le voilà en habit vert, avec le Roi de Prusse».—«Vous êtes bien obligeant, mon officier», и держа меня за стремя, кричитъ: «Vive Alexandre, à bas le Tyran!»—«Ah qu'ils sont beaux ces Russes!»—«Mais, Monsieur, on vous prendrait pour un français».—Много чести! Милостивый государь, я право этого не стою! «Mais c'est que vous n'avez pas d'accent», и послѣ того: «Vive Alexandre! Vivent les Russes, les héros du Nord»!

Государь, среди волнъ народа, остановился у полей Елисейскихъ. Мимо него прошли войска въ совершенномъ устройствѣ. Народъ былъ въ восхищеніи, а мой казакъ, кивая головою, говорилъ мнѣ: «Ваше благородіе! они съума сошли».—«Давно!» отвѣчалъ я, помирая со смѣху.

Но у меня голова закружилась отъ шуму. Я сошелъ съ лошади и народъ обступилъ и меня и лошадь, началъ разсматривать и меня и лошадь. Въ числѣ народа были и порядочные люди и прекрасныя женщины, которые въ запуски дѣлали мнѣ странные вопросы. «Отъ чего у меня бѣлокурые волосы? Отъ чего они длинны? Въ Парижѣ ихъ носятъ корочѣ. Артистъ Dulong васъ обстрижетъ по модѣ».—«И такъ хорошо, говорили женщины». «Посмотри, у него кольцо на рукѣ. Видно и въ Россіи носятъ кольца. Мундиръ очень простъ! C'est le bon genre! Какая длинная лошадь. Степная, вѣрно степная! Cheval du désert. Посторонитесь, господа, артиллерія! Какія длинныя пушки,—длиннѣе нашихъ. Ah, bon Dieu, quel Calmok!»—И послѣ того: vive le Roi—la paix! Mais avouez, mon officier, que Paris est bien beau?—Какіе у него бѣлые волосы? Отъ снѣгу, сказалъ старикъ, пожимая плечами.

Не знаю, отъ тепла, или отъ снѣгу, подумалъ я; но вы, друзья мои, давно разсорились съ здравымъ разсудкомъ.

Замѣть, что въ толпѣ были лица ужасныя, физіономіи страшныя, которыя живо напоминаютъ Маратовъ и Дантоновъ въ лохмотьяхъ, въ большихъ колпакахъ и шляпахъ и возлѣ нихъ прекрасныя дѣти, прелестнѣйшія женщины.

Мы поворотили влѣво къ place Vandôme, гдѣ толпа часъ отъ часу становилась сильнѣе. На этой площади поставленъ монументъ большой арміи. Славная Троянова колонна. Я ее увидѣлъ въ первой разъ и въ какую минуту? Народъ, окруживъ ее со всѣхъ сторонъ, кричалъ безпрестанно: «à bas le Tyran»! Одинъ смѣльчакъ влѣзъ наверхъ и надѣлъ веревку на ноги Наполеона, котораго бронзовая статуя вѣнчаетъ столбъ.—«Надѣнь на шею тирану», кричалъ народъ. Зачѣмъ вы это дѣлаете?—Высоко залѣзъ! отвѣчали мнѣ.—Хорошо! прекрасно! Теперь тяните внизъ,—мы его въ дребезги разобьемъ, а барельефы останутся. Мы кровью ихъ купили, кровью гренадеръ нашихъ. Пусть ими любуются потомки наши.

Но въ первый день не могли сломать мѣднаго Наполеона, мы поставили часоваго у колонны. На доскѣ внизу я прочиталъ Napolio, Imp. Aug. monumentum и проч.

Суета суетъ! Суета, мой другъ! Изъ рукъ его выпали и мечъ и побѣда! И та самая чернь, которая привѣтствовала побѣдителя на сей площади, та же самая чернь и твѣренная и неблагодарная, часто неблагодарная! накинула веревку на голову Napolio, Imp. Aug., и тотъ самый неистовый, который кричалъ нѣсколько лѣтъ назадъ тому: задавите короля кишками поповъ, тотъ самый неистовый кричитъ теперь: «Русскіе, спасители наши, дайте намъ Бурбоновъ!—Низложите тирана! Что намъ въ побѣдахъ?—Торговлю, торговлю»!

О чудесный народъ парижскій!—Народъ достойный и сожалѣнія и смѣха! Отъ шума у меня голова кружилась безпрестанно; что-же будетъ въ Палерояль, гдѣ ожидаетъ меня обѣдъ и товарищи?—Мимо французскаго театра, пробрался я къ Палерояль, въ средоточіе шума, бѣганія, дѣвокъ, новостей, роскоши, нищеты, разврата. Кто не видѣлъ Палерояль тотъ не можетъ имѣть о немъ понятія. Въ лучшемъ кофейномъ домѣ, или вѣрнѣе, ресторацін, у славнаго Verry, мы ѣли устрицы и запивали ихъ шампанскимъ, за здравіе нашего государя, добраго царя нашего. Отдохнувъ немного, мы обошли лавки и кофейные дома, подземелья, шинки, жаровни каштановъ и проч. Ночь меня застала посреди Палерояль. Теперь новыя явленія. Нимфы радости, которыхъ безстыдство превышаетъ все. Не офицеры за ними бѣгали, а онѣ за офицерами. Это продолжалось до полуночи при шумѣ народной толпы, при звукѣ рюмокъ въ ближнихъ кофейныхъ домахъ и при звукѣ арфъ и скрыпокъ... все кружилось пока—«свѣтъ въ черепкѣ погасъ и близокъ сталъ сундукъ».—О Пушкинъ! Пушкинъ! [1])

---

[1]) „Опасный сосѣдъ“—шутка-стихотвореніе Василія Львовича Пушкина.

Въ день пріѣзда моего я ночевалъ въ Hôtel de Suède и заснулъ мертвымъ сномъ, какимъ спятъ послѣ безпрестанныхъ маршей и сраженій. На другой день по утру увидѣлъ снова Парижъ—или ряды улицъ, покрытыхъ безчисленнымъ народомъ; но отчета себѣ ни въ чемъ отдать не могу. Необыкновенная усталость послѣ трудовъ военныхъ, о которыхъ вы, сидни, и понятія не имѣете, тому причиною. Скажу тебѣ, что я видѣлъ Сену съ ея широкими и, по большой части безобразными мостами; видѣлъ Тюльери, Тріумфальныя врата, Лувръ, Notre Dame и множество улицъ,—и только, ибо всего на все я пробылъ въ Парижѣ только 20 часовъ, изъ которыхъ надобно вычесть ночь. Я видѣлъ Парижъ сквозь сонъ, или во снѣ. Ибо не сонъ-ли мы видѣли по совѣсти? Не во снѣ ли и теперь слышимъ, что Наполеонъ отказался отъ короны, что онъ бѣжитъ и пр. и пр. и пр. Мудрено! Мудрено жить на свѣтѣ, милый другъ! Но въ заключеніе скажу тебѣ, что мы прошли съ корнусомъ черезъ Аустерлицкій мостъ, мимо Jardin des plantes, въ заставу des Deux Moulins по дорогѣ Bois de Boulogne, гдѣ стоитъ лагеремъ поленявшій императоръ, съ остатками неустрашимыхъ, и остановились въ замкѣ Jouissy, принадлежащемъ почетному парижскому жителю. Этотъ замокъ на берегу Сены, окруженъ садами и принадлежалъ нѣкогда любовницѣ Людовика XIV. Еще до сихъ поръ видны остатки и слѣды древняго великолѣпія. Съ террасы, примыкающей къ дому, видна Сена. Пріятные луга и рощи, и загородные дворцы маршаловъ Наполеона, которые мало по малу, одинъ за другимъ, возвращаются въ Парижъ, кто инкогнито, а кто и съ цѣлымъ корпусомъ. Новости, происшествія важнѣйшія, тѣснятся одно за другимъ. Я часто, какъ Ѳома невѣрный, щупаю голову и спрашиваю: Боже мой! Я ли это? Удивляюсь часто бездѣлкѣ, и вскорѣ неудивляюсь важнѣйшему происшествію. Еще вчера мы встрѣтили и проводили въ Парижъ корпусъ Мармона!!! и съ артиллеріей, и съ кавалеріей, и съ орлами!!! Всѣ ожидаютъ мира! Дай Богъ! Мы всѣ желаемъ этого. Выстрѣлы надоѣли, а болѣе всего плачъ и жалобы нещастныхъ жителей, которые вовсе разорены по большимъ дорогамъ. Остался пепелъ одинъ въ наслѣдство сиротѣ!

Завтра я отправлюсь въ Парижъ, если получу деньги, и прибавлю нѣсколько строкъ къ письму. Всего болѣе желаю увидѣть театръ и славнаго Тальма, который, какъ говоритъ Шатобріанъ, училъ Наполеона, какъ сидѣть на тронѣ съ приличною важностію императору великаго народа—La grande nation!—Le grand homme!—Le grand siècle!—Все пустыя слова, мой другъ, которыми пугали насъ наши гувернеры.

LVIII.

(1814 г. апрѣль или май. Къ отцу).

Любезный батюшка. Благодаря Всевышнему, мы кончили войну побѣдами въ Парижѣ, откуда я пишу къ вамъ. Я не стану разсказывать вамъ, любезный батюшка, всѣхъ походовъ и сраженій нашихъ, предоставя сіе первому свиданію, которое, надѣюсь, будетъ въ скоромъ времени, ибо я уже получилъ отправленіе въ Петербургъ. Если обстоятельства позволятъ, то я поѣду моремъ черезъ Англію; но къ концу іюля надѣюсь рѣшительно быть въ Петербургѣ.

Теперь, желая обрадовать родительское сердце ваше, скажу вамъ, что я, слава Богу, здоровъ, и молитвами вашими изъ всѣхъ опасностей вышелъ невредимъ. Получилъ Анну, два раза представленъ къ Владиміру и къ переводу въ гвардію, что̀ будетъ мнѣ весьма выгодно и для штатской службы, если я принужденъ буду оставить военную.

Вотъ, любезный батюшка, что могу сказать теперь о себѣ. Газеты увѣдомили васъ о подвигахъ нашихъ; они неимовѣрны. Мы вступили въ Парижъ какъ избавители, какъ герои. Я имѣлъ щастіе быть свидѣтелемъ въѣзда государева и не могу описать вамъ этой величественной и трогательной картины. Такимъ образомъ русскіе воины награждены за всѣ труды, и сія награда лестнѣе всѣхъ.

Я теперь покойно живу въ Парижѣ и разсматриваю все, что онъ имѣетъ рѣдкаго, удивительнаго. Наполеонъ оставилъ вездѣ слѣды свои. Здѣсь на всякомъ шагу мы видимъ памятники, воздвигнутые ему въ честь, и смѣясь вспоминаемъ, что герой теперь заключенъ на маленькій островъ. На дняхъ, я имѣлъ щастіе видѣть королевскую фамилію, которая заставитъ себя любить. Мѣсто тирана заступили добрые и честные люди. Вы читали нѣсколько описаній Парижа; вы знаете, что Парижъ есть удивительный городъ; но я смѣло увѣряю васъ, что Петербургъ гораздо красивѣе Парижа; что здѣсь, хотя климатъ и теплѣе, но не лучше кіевскаго; однимъ словомъ, что я не желалъ бы провести мой вѣкъ въ столицѣ французской, а во Франціи еще и менѣе того.

Теперь, любезный батюшка, вы не будете требовать отъ меня подробнаго разсказа всѣмъ походамъ и трудамъ, перенесеннымъ нами во Франціи. Сія война можетъ только сравниться съ Русскою. Но мы теперь покойны, и всѣ трудности, и все горе забыто на вѣки.

Я ожидаю нетерпѣливо щастливаго времени, когда увижу и обниму васъ. Мысленно обнимаю милаго братца и сестрицу, и цѣлуя родительскія руки ваши, прошу вашего благословенія и молитвъ вашихъ; они меня поддерживали въ опасностяхъ; они меня не оставятъ и на возвратномъ пути моемъ въ отечество. Вашъ преданный сынъ Константинъ Батюшковъ.

LIX.

Парижъ. 17-го мая 1814 г. (Къ Н. И. Гнѣдичу).

Посмотри мнѣ въ глаза, любезный другъ... Ты сердишься; я виноватъ! виноватъ, что не отвѣчалъ до сихъ поръ на твое длинное посланіе, какъ только нѣсколькими строками; виноватъ, что не писалъ къ тебѣ ни разу изъ Парижу,—виноватъ! сто разъ виноватъ! Но если бы ты зналъ... еслибъ былъ на моемъ мѣстѣ!... еслибъ вошелъ сюда послѣ трехдневной битвы, покрытый пылью и кровью, какъ говорятъ твоя братья поэты, вошелъ при шумѣ восклицаній народныхъ, куда?—въ этотъ хаосъ, и зачѣмъ?—затѣмъ, чтобъ пообѣдать въ Пале-рояль и стремглавъ полетѣть на дорогу Фонтенебло снова драться съ великимъ Наполеономъ; десять дней быть въ авангардѣ, пока Наполеонъ сложитъ короны свои, возвратиться въ Парижъ, скакать за дѣломъ изъ конца въ конецъ, отъ Іенскаго моста къ Аустерлицкому, отъ Монмартра къ воротамъ ада; потомъ бѣгать по театрамъ и пррр.

Въ музеумѣ восхищался Аполлономъ и пр. Жить съ добрѣйшимъ изъ людей, съ Дамасомъ, и наслаждаться его обществомъ, хотѣть безпрестанно уѣхать и не имѣть на то возможности, наконецъ простудиться и пролежать въ постелѣ 7 дней: вотъ моя исторія. Вѣрь ей, или не вѣрь,—отъ тебя зависитъ. Но ты видишь, милый другъ, что я не такъ то виноватъ передъ тобою. И могу ли быть по душѣ виноватъ передъ милымъ добрымъ Гнѣдичемъ, которому многимъ обязанъ въ жизни?

Вотъ письмо къ Дашкову, оно длиннѣе твоего. Я писалъ къ нему въ веселомъ духѣ. Къ тебѣ пишу между хлопотъ отъѣзда.—Куда?—въ Лондонъ, если ничего тому не помѣшаетъ.

Отправь письмо къ Бахметеву и къ сестрамъ. Вотъ еще къ Вяземскому.

Обнимаю тебя сто разъ. Дамасъ тебѣ кланяется. Онъ остается здѣсь, Maréchal de Camp при принцѣ Д'Ангулемскомъ; я его дружбой обязанъ—и вѣчно благодаренъ буду.

Обнимаю тебя—Прости! Батюшковъ.

Кромѣ 66 червонцевъ я денегъ не получалъ отъ тебя.

Сообщ. 4-го января 1870 г. П. А. Ефремовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ

ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ [1]).

№ 33 [2]).

Марья Андр. Протасова къ В. А. Жуковскому [3]).

6-го декабря (1815 г., Спб.).

Письмо твое меня столько же удивило, сколько огорчило, я не узнаю въ немъ ни сердца твоего ни чувствъ.

[Вотъ и она обвиняетъ меня! И такъ она узнала бы и сердце мое и чувства, когда бы я безъ роптанія согласился на то, чтобы она собою пожертвовала! Когда бы я написалъ къ Е. А. ласковое письмо, когда бы не сказалъ ей ничего искренно на счетъ ея поступковъ].

Хочу отвѣчать тебѣ, хоть напередъ знаю, что это ни къ чему не послужитъ. Жаль что ты самъ не пріѣхалъ и не увидѣлъ самъ тогда всего.

[Какъ пріѣхать и за чѣмъ! Что увидѣть! Пріѣхать за тѣмъ, чтобы сказать да! пріѣхать за тѣмъ, чтобы говорили тебѣ съ разными улыб-

---

[1]) Въ предъидущихъ письмахъ мы строго держались орфографіи В. А. Жуковскаго. Изъ того, что напечатано, читатель достаточно усмотритъ характеръ ея. Между тѣмъ эта орфографія, и особенно разстановка знаковъ препинанія, затрудняла читателя; потому мы рѣшили впредь печатать по нынѣ общепринятымъ правиламъ. П. В.

[2]) См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., томъ XXXVII, январь, стр. 181—212; февраль, стр. 429—456; мартъ, стр. 665—678; томъ XXXVIII, апрѣль, стр. 95—106; май, стр. 351—362.

[3]) Жуковскій переписалъ самъ это письмо и сдѣлалъ къ нему примѣчанія для объясненія дѣла Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской. Помѣщенное въ прямыхъ скобкахъ писано В. А. Жуковскимъ. П. В.

ками брать, а въ душѣ считали тебя за предателя; чтобы унижали тебя подозрѣніями. Самъ увидѣлъ! что можно увидѣть? Гдѣ искренность? Развѣ нѣсколько лѣтъ опыта всему этому не противорѣчать? И теперь, потребовавъ позволенія пріѣхать и положивъ условіемъ, чтобы мнѣ дана была свобода говорить съ Машею, я увѣренъ, что отъ меня потребуютъ согласія безусловнаго и что мое малѣйшее противорѣчіе названо будетъ клеветою или ругательствомъ! Для Е. А. всякая правда есть ругательство. Она ни отъ кого не слышитъ ее въ семьѣ своей—тамъ съ перваго слова покорность; и она не думаетъ, чтобы ей можно было ошибаться].

Маменька не хочетъ передъ тобою оправдываться!

[Оно и легче! стоитъ сказать: клеветникъ и ругатель! и все оправданіе! Но ей и нельзя оправдаться! Пускай отвѣчаетъ она мнѣ фразою на фразу—ей отвѣчать будетъ нечего!].

Она не ожидала и не могла вообразить такихъ несправедливыхъ обвиненій отъ тебя!

[Отъ меня именно она и могла ожидать ихъ! Маша! Маша! Но чтожъ она другое говорить здѣсь можетъ! Она рѣшилась собою пожертвовать! Но хочетъ показать, что не жертвуетъ ни чѣмъ! Это принимаютъ за чистыя деньги! Но я могу ли этому повѣрить! И мнѣ еще надобно молчать!].

Есть-ли бы ты и не видалъ прежде моего образа жизни, и не могъ судить о настоящемъ по прошедшему, то зная ея любовь ко мнѣ, могъ бы быть увѣренъ, что она не станетъ требовать моего несчастія.

[Я видѣлъ этотъ образъ жизни и знаю что причиною, главною и почти единственною, того, что она вела такой образъ жизни— одна Е. А. Я сужу о настоящемъ именно по прошедшему. Я знаю ея любовь; но знаю, что эта любовь, которая заставляетъ ее сидѣть въ слезахъ надъ постелью больной Маши, не препятствуетъ ей разстроивать ея здоровье, лишать ее во всемъ свободы, давать надъ нею власть Воейкову, даже огорчать ее въ угодность Воейкову. Эта любовь не мѣшаетъ ей соглашаться на ея пожертвованіе, его требовать или что все равно, своими жалобами и слезами доводить ее до того, что она принуждена рѣшиться на то, чему противится ея сердце и собою пожертвовать].

Je vous dirai encore que le sentiment qui l'a porté à me permettre de vous ecrire est tous ce qu'il y a de plus noble et de plus tendre. Les circonstances m'ont forcé à me decider de lui parler sur ce sujet d'une maniere positive, je voyais la necessité pour elle et pour nous deux d'avoir un ami, un protecteur, et une fois que

j'avais parlée positivement ella a voulu que je vous en parle à vous le premier [1]).

[Чтожъ въ этомъ, что мнѣ сначала первому. Вопросъ: для чего сказано? Для того ли, чтобъ узнать мое мнѣніе и съ нимъ согласиться, есть ли оно будетъ основательно? Или только для того, чтобы я согласился безусловно и съ покорностью, въ противномъ же случаѣ назвать меня клеветникомъ и ругателемъ? Вышло на повѣрку, что для послѣдняго! Чтожъ въ томъ чувствѣ, которое заставило со мною первымъ объясниться! Les circonstances m'ont forcé [2]). Маша сама обвиняетъ свою мать здѣсь также какъ и я. Какія могутъ быть обстоятельства, чтобы заставить ее противъ желанія рѣшиться на замужство и оставить семью свою! Кто въ этой семьѣ властитель? Ея мать! Отъ кого зависитъ ея спокойствіе, ея утѣшеніе, ея счастіе? Отъ матери! И она почитаетъ необходимымъ имѣть себѣ покровителя! И мать на это соглашается, зная настоящее расположеніе сердца своей дочери! Мнѣ дѣла нѣтъ до того, что мнѣ сказано первому! Дѣло въ томъ, что сказано и чего отъ меня требуютъ!].

Ni elle, ni moi nous n'avons pensé à accelerer la chose, mais malgré cela, pensant toujours à vous, elle m'a dit de vous demander conseil à vous le premier apres elle, de vous le dire avant que d'en parler a Woej. et cette delicatesse de sentimens merite toute votre reconnaissance [3]).

[Я еще долженъ быть благодаренъ! за то, что мнѣ сказали прежде Воейкова! La delicatesse не въ томъ состоитъ, чтобы сохранить наружность и этою наружностью обольстить! а въ томъ, чтобы требовать возможнаго. И такъ изъ благодарности за эту мнимую деликатность, я долженъ былъ согласиться на все безъ прекословія; и найти все прекраснымъ потому, что мнѣ сказано прежде Воейкова. Я увѣренъ, что Маша рѣшилась сама; но то что ее заставило рѣшиться есть ихъ дѣло и все выйдетъ на повѣрку, что она рѣшилась по принужденію. Письмо исполнено противорѣчіями].

---

[1]) (Переводъ). Скажу тебѣ также, что чувство, которое побудило ее (мать) дозволить писать тебѣ, чувство самое благородное и нѣжное. Обстоятельства заставили меня говорить съ ней объ этомъ дѣлѣ положительно, я видѣла необходимость для нея и обѣихъ насъ въ другѣ и покровителѣ, а разъ я говорила положительно, она желала, чтобы я тебѣ первому это сообщила.

[2]) Обстоятельства заставили меня..

[3]) (Переводъ). Ни она, ни я, мы не думали ускорять ходъ дѣла, но тѣмъ не менѣе, всегда думая о тебѣ, она пожелала, чтобы я у тебя перваго послѣ нея спросила совѣта, чтобы я тебѣ сообщила все раньше, нежели Воейкову, и эта деликатность чувства заслуживаетъ признанія.

Vous m'accusez de m'oublier pour les autres. Je vous assure, que dans celle circonstance, je n'ai pensé qu'a moi. Je n'ai pas de passions pour Moyer certainement; mais l'éstime, la confiance, l'amitié que j'ai pour lui, pour son caractère suffiraient pour nous rendre heureux. J'ai desiré beaucoup plus que Maman que cette chose ait lieu; je sais que M. a toutes les qualités que je desirerais de voir dans une personne de qui nous dependirions tous [1]). Онъ такъ благороденъ, что не только не позволитъ себѣ малѣйшей подлости, но даже малѣйшей лжи, хотя бы она принесла ему самыя большія выгоды. Въ послѣднюю болѣзнь мою онъ доказалъ мнѣ, что умѣетъ забывать о себѣ, когда дѣло идетъ о пользѣ другаго; безкорыстность его и малое честолюбіе мнѣ также извѣстны. Родъ жизни, который онъ ведетъ, безпрестанныя занятія, польза, которую онъ дѣлаетъ, все это обѣщаетъ мнѣ лучшее будущее. Я воображала найти спокойствіе, перестать быть въ тягость однимъ, перестать быть вѣчною причиною слезъ другихъ, и все это безъ того, чтобы отказаться отъ нихъ навѣчно. Не разлучаясь съ ними, видѣть ихъ счастливыми; быть даже можетъ быть иногда причиною ихъ удовольствія.

[Все, что здѣсь сказано въ похвалу Мойера—совершенно справедливо. Но вспомнивъ прошедшее, такъ недавно прошедшее, можно ли вообразить, чтобы теперь Маша могла имѣть съ нимъ то счастіе, какое должна имѣть и можетъ! Чтобы это счастіе было вѣрно, не нужно ли помедлить? не нужно ли ей самой успокоиться отъ прежняго! Есть ли бы она не была въ тягость однимъ, есть ли бы не была причиною слезъ другихъ, то она безъ сомнѣнія теперь еще не подумала бы объ Мойерѣ. И такъ она рѣшается не свободно; а въ такомъ случаѣ какъ поручиться за счастіе? И не должно ли обвинять тѣхъ, которые принуждаютъ ее къ такому поспѣшному поступку? Скажите, можно ли совершенно забыть прошедшее? Можно ли повѣрить, что она вдругъ могла забыть его? можно ли вообразить, что сердце ея вдругъ и совершенно успокоилось! И такъ не должно ли было необходимо ее поберечь съ этой стороны? Дать ей полную свободу! Предохранить ее самое отъ всякой гибельной поспѣшности! Я только того и просилъ, и просилъ для того,

---

[1]) (Переводъ). Ты обвиняешь меня въ томъ, что я забываю себя для другихъ. Увѣряю тебя, что въ этомъ случаѣ я думала лишь о себѣ. Я не ощущаю любви къ Мойеру, но уваженіе, довѣріе, дружба, которыя я имѣю къ нему, къ его характеру, достаточны, чтобы сдѣлать насъ счастливыми. Я гораздо больше матери желала, чтобы дѣло это устроилось; я знаю, что Мойеръ обладаетъ всѣми качествами, которыя я желала бы видѣть въ человѣкѣ, отъ котораго мы всѣ зависимъ.

чтобы она съ тѣмъ же прекраснымъ, благороднымъ Мойеромъ могла быть счастлива совершенно! Эту безполезную поспѣшность я назвалъ притѣсненіемъ—а меня назвали ругателемъ! Я вѣрю, что Маша любитъ и уважаетъ Мойера, но также не могу думать, чтобы она теперь могла быть совершенно спокойна въ душѣ своей! Я хотѣлъ только, чтобы она имѣла и то и другое: и эту привязанность къ нему и это необходимое спокойствіе! Все дало бы ей время, а я только и просилъ времени! Я роппталъ на поспѣшность! Все это только оскорбило].

Я вступила бы въ совершенно новый кругъ, для меня чуждый, пишешь ты; нѣтъ! я бы имѣла такой кругъ, какого бы сама пожелала! Мойеръ не зависитъ отъ родныхъ своихъ; онъ привязанъ къ маменькѣ такъ, какъ должно. Лѣтомъ еще, говоря со мною, онъ обѣщалъ не разлучать насъ. Но я сама никогда бы не согласилась жить въ одномъ домѣ—это одно изъ невозможныхъ идеальныхъ блаженствъ. Признаюсь тебѣ искренно, что я сама бы не пожелала слишкомъ скоро возвратиться въ Россію [1]). Я жду много отъ времени, но совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ ты принялъ. Ты говоришь, Ж., что я должна обдумать свое намѣреніе, чтобъ не сдѣлать еще несчастнаго человѣка. Voila une expression qu'on ne m'a repeté que trop souvent, mais qui n'est pas de vous. Votre bon coeur ne vous permettera jamais de le dire [2])—но такъ и быть! Когда моя добрая маменька не хочетъ оправдываться на счетъ другаго, то какъ могу я, которая столько имѣю упрекать себя, говорить что нибудь въ свое оправданіе.

[Мойеръ нѣмецъ и его всѣ связи для Маши чуждыя! Его она знаетъ, но кругъ его ей неизвѣстенъ, что ни говори онъ или она, все ей должно войти въ его кругъ, а не ему въ ея; этому и быть иначе невозможно. И требовать отъ него такого пожертвованія нельзя. Его занятія, его привычки, все привязываетъ его къ тому мѣсту, гдѣ онъ по сію пору жилъ. Но это не главное: будь привязанность—всякой кругъ хорошъ! съ милымъ человѣкомъ вездѣ отечество! Я желалъ только одного, чтобы эта привязанность сдѣлалась! Вѣрить ей теперь могъ ли? я еще не потерялъ ни памяти, ни чувства! или все прошедшее надобно считать за обманъ и призракъ! Я

---

[1]) Во всемъ Прибалтійскомъ краѣ и теперь еще говорятъ „Россія“, когда дѣло касается внутреннихъ губерній. Прибалтійскій край считаетъ себя обособленнымъ. П. В.

[2]) Вотъ выраженіе, которое мнѣ повторяли слишкомъ часто, но которое не отъ тебя. Твое доброе сердце тебѣ никогда бы не позволило употребить его.

принялъ слово Маши: всего жду отъ времени въ томъ смыслѣ, въ какомъ все заставляло его принять! Есть ли должно теперь его принимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ она хочетъ, чтобъ я его принялъ—тѣмъ лучше! Но надобно, чтобы я могъ повѣрить, что это такъ! Есть ли она ждетъ и надѣется отъ времени всего только для меня; есть ли ей нечего ждать для себя—то нѣтъ никакого и препятствія. Но сами судите, могло ли это прійти мнѣ въ голову? А предполагая противное, какъ было возможно, чтобы я согласился? и не могъ ли я сказать имъ: не сдѣлайте еще несчастнаго человѣка? Что же несчастнѣе какъ супружество противъ воли, съ тайнымъ чувствомъ къ другому, съ необходимостью скрываться! Чтобы всего этого не было, не нужно ли было дать время? я только того и требовалъ. Маша не поняла меня. Она вообразила, что я обвиняю ее; что я предполагаю, что она способна сдѣлать еще одного несчастнаго! Нѣтъ! я только думалъ, что несчастіе было бы естественнымъ слѣдствіемъ поспѣшности и обвинялъ только тѣхъ, которые безъ вниманія къ ней и ко мнѣ, требовали такой поспѣшности!].

Ты говоришь еще, что спѣшить не должно.

[Говорю, и буду говорить даже тогда, когда все увѣритъ меня, что Маша сама этого хочетъ. Ничто не заставитъ меня забыть прошедшаго. А чтобы это прошедшее не могло быть для нея гибельно, надобно хотя немного дать ей успокоиться. И ничто не можетъ принуждать, ихъ къ такому спѣху!].

По несчастію я слишкомъ знаю, что нельзя довольно узнать того, кому хочешь повѣрить счастіе милыхъ людей; но опять повторяю, что ни маменька, ни я не думали не только спѣшить, но даже и такихъ близкихъ сроковъ какъ вы съ Воейковымъ назначаете, не полагали. Теперь же скажу тебѣ, что я не могу на это согласиться—все зависитъ отъ обстоятельствъ. Легко можетъ статься, что мы гораздо долѣе отложимъ это, но можетъ быть и прежде—однимъ словомъ я не могу и не хочу обѣщать ничего, и на это имѣю важныя причины, одна я. Къ тебѣ писала я такъ скоро отъ излишней деликатности, а Воейкову говорила для того, чтобъ дать ему думать, что я не совсѣмъ безъ пристанища.

[Правда! Узнать не всегда можно того, съ кѣмъ дѣлить надобно жизнь; но имъ это можно. Мойеръ у нихъ каждый день. Всякой день болѣе и болѣе сближалъ бы ихъ и производилъ бы ту короткость, которая могла бы быть порукою за счастіе. Вотъ великая выгода той отсрочки, какой я требовалъ! Они не полагали короткихъ сроковъ! А Воейковъ сказывалъ мнѣ, что уже начала было Е. А. думать объ приготовленіи всего и что все бы кончилось въ нѣсколько мѣсяцевъ. Кому вѣрить! Но и сама Маша опровергаетъ себя, говоря,

что теперь ничего не можетъ и не хочетъ обѣщать! Не можетъ! что-жъ ей препятствуетъ! Не хочетъ! а я просилъ ее сдѣлать это для того только, чтобы дать мнѣ спокойствія на счетъ ея же счастія, ея же судьбы! На что же у меня спрашивать совѣта! На что мнѣ все сказывать первому и еще требовать за это благодарности! Что значу я здѣсь! Воейкову сказано для того, чтобы онъ видѣлъ, что она не совсѣмъ безъ пристанища! И это письмо читала Е. Афан. Какъ! у ней нѣтъ пристанища, тогда, какъ подлѣ нея ея мать, которой все въ семействѣ ея покорно! Чтобы найтти пристанище, она должна кинуться въ руки къ постороннему! Боже мой! И это должно служить доказательствомъ, что она на все соглашается произвольно, что Е. А. дѣйствуетъ какъ должно матери! Тутъ нѣтъ и слѣдовъ материнскаго сердца!].

Я увѣрена была напередъ, что Воейковъ не согласится на это, и не согласится не для того, чтобы боялся моего несчастія,

[котораго бояться не можетъ потому, что онъ имѣлъ случай видѣть Мойера и сравнивать себя съ нимъ, мое будущее съ настоящимъ],

а для того, что могутъ родные и знакомые заключить дурно объ немъ. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ обѣщаетъ онъ мнѣ спокойную жизнь, говоритъ, что я хочу отказаться отъ семейства, отчизны, броситься въ кругъ новый, неприличный, все для того, чтобы бѣжать отъ его бѣшенства. Я на это отвѣчать не буду—онъ говоритъ неискренно! Что прибыли въ отвѣтѣ? Онъ знаетъ, что вспыльчивость его никого такъ мало не мучила, какъ меня, никто не извинялъ ее съ такимъ добродушіемъ, какъ я. Но нашему горю пособить не чѣмъ; я знаю, что теперь мнѣ осталось одно: разстаться съ Сашей. За себя одну, я перенесла бы разлуку эту, но я увѣрена, что она будетъ болѣе несчастна. У нея останется все старое и отымется послѣднее утѣшеніе, которое она черезъ меня имѣла.

[Изъ всего этого видно все только то, что бѣшенство Воейкова принуждаетъ ее къ замужству. Нашему горю пособить нечѣмъ! О! многимъ, многимъ бы можно было пособить ему! Все во власти ея матери! Что посмѣетъ сдѣлать Воейковъ, естьли она подлѣ матери имѣть пристанище будетъ! Я самъ видѣлъ, что этого пристанища она не имѣла! Но кто же виноватъ, какъ не сама Екат. Афан.? И чтобы этому горю пособить, которому ей такъ легко пособить, она принуждаетъ или, что все равно, соглашается, чтобы Маша шла принужденно за мужъ, будучи увѣрена сама, что ей еще нельзя свободно на это рѣшиться! Кто же здѣсь истинный притѣснитель? Отъ Воейкова ждать деликатности нельзя—онъ созрѣлъ въ дурной жизни! Ему свойственно быть грубымъ! Онъ менѣе здѣсь виноватъ съ своею грубостью, которая сдѣлалась ему натуральною,

нежели она съ своею жестокою мягкостью! Имѣй она твердость, и не мучь Машу своими жалобами, чтобъ тогда сдѣлалъ Воейковъ! Она отдала сама ее ему на жертву и потомъ, чтобы спасти ее, хочетъ чтобы она снова собою пожертвовала! Осталось одно: разстаться съ Сашей! Этого я не могу понять; тѣмъ болѣе не понимаю, что Маша сама же послѣ говоритъ: я готова терпѣть все, есть-ли не разлучать меня съ Сашей].

Я не понимаю, Жуковскій, какъ можешь ты мѣнять такъ свой образъ видѣть предметы? Ты, который видѣлъ самъ прежнюю мою жизнь, и который совѣтовалъ мнѣ выйти за мужъ. Вспомни что ты говорилъ мнѣ за три дни до своего отъѣзда. Въ первомъ письмѣ своемъ я не упомянула объ этомъ, боясь обидѣть Воейкова; но теперь вижу, что деликатностью и добродушіемъ тронуть его невозможно.

[Я помню, что я говорилъ, но помню слова ея: jamais je ne me marierai par attachement! cela ne pourra être que par sacrifice! [1]) и мнѣ теперь на это согласиться! Противъ грубостей Воейкова есть способы! Всѣ во власти ея матери! Почему она ихъ не употребляетъ это знаетъ одинъ Богъ, которому она отвѣчать будетъ! Противъ несчастнаго же, принужденнаго замужества способовъ нѣтъ—чѣмъ поправить, естьли пожертвованіе, сдѣланное въ одну прекрасную минуту, вдругъ послѣ покажется тяжелымъ и на всю жизнь? Жить ей, а не имъ! Ихъ дѣло заботиться о ея будущемъ! Надобно сдѣлать такъ, чтобы раскаяніе было невозможно! а они спѣшатъ! Что же ихъ можетъ извинить?].

Къ чему однако можетъ послужить все это?

[Это она пишетъ ко мнѣ! И она думаетъ, что я противорѣчу для своихъ видовъ!].

Скажу теперь одно и прошу принимать такъ какъ я говорю: меня никто не принуждаетъ итти за Мойера,

[никто словами, но всѣ дѣломъ]

я желаю этого сама; сама первая это предложила!

[Вѣрю! какъ не рѣшиться на все, когда нѣтъ ни откуда помощи! Но какъ могли согласиться на это? Какъ могли до этого довести? Развѣ ихъ извинитъ, что нельзя доказать, что они принуждаютъ! Ихъ принужденія въ ихъ поступкахъ! Машино произвольное согласіе есть только слѣдствіе притѣснительныхъ поступковъ].

Я теперь увѣрена, что благородный характеръ его и прекрасное сердце дадутъ мнѣ такое счастіе, какого я не заслуживаю. Знаю что̀ меня ожидаетъ и что̀ я выносить буду до тѣхъ поръ, пока все это

---

[1]) (Переводъ). Никогда я не выйду за мужъ по привязанности; это не можетъ имѣть мѣсто иначе, какъ будетъ съ моей стороны жертвою.

кончится, но естьли меня не разлучать съ Сашей, я готова все терпѣть и не буду считать себя слишкомъ несчастливою. Она меня знаетъ совершенно, уважаетъ меня и не смотря на то, что я причиною ея несчастій, имѣетъ въ дружбѣ моей всѣ свои утѣшенія.

[Этого я никакъ постигнуть не умѣю. Надобно быть съ ними, все видѣть и слышать самому, чтобы сколько нибудь объяснить для себя эту загадку].

Мойеру надежды я никогда не давала и давать не буду. Что Воейковъ ни говори,—я не кокетка. Два года ни въ чемъ не перемѣнять меня и ты ошибаешься очень, думая, что я его обманываю и сдѣлаю еще несчастнаго человѣка.

[Это оправданіе передо мною жестоко больно для меня. Гдѣ я говорилъ, что она обманываетъ Мойера? Гдѣ говорилъ я, что она кокетка! Но что до меня? Надобно только, чтобы она не была несчастна!].

Онъ будетъ знать, что я могу дать ему; и тѣ чувства, которыя я къ тебѣ имѣю такъ невинны, что я могу объявить ихъ передъ цѣлымъ свѣтомъ!

[Вотъ до чего дошло! Маша увѣряетъ и находитъ нужнымъ увѣрять меня что ея чувства невинны! Развѣ объ этомъ теперь идетъ дѣло? Надобно только, чтобы эти чувства, которыхъ невинными никто лучше меня не знаетъ, не были причиною для нея несчастія! Надобно чтобы они не помѣшали сердцу ея спокойно и совершенно отдаться другому? Могъ ли я этого не бояться, помня прошедшее?].

Я увѣрена, что имѣла бы всегда ту довѣренность и тѣ доказательства нѣжной дружбы, которыя теперь мнѣ запрещены, и которыхъ я не имѣю права теперь тебѣ показывать, были бы мнѣ тогда позволены! Однимъ словомъ, ты говорилъ мнѣ, что желаешь только моего счастія—теперь случай доказать это на дѣлѣ! Я буду совершенно счастлива, есть-ли буду зависѣть отъ человѣка, котораго уважаю и которому хотя немного дорога.

[Боже мой! и Екат. Аѳан. это читала!].

Я не заслужила ничѣмъ ужасной и непонятной мнѣ нелюбви Воейкова. Богъ знаетъ, что никто не любитъ его такъ, какъ я, и не дѣлалъ столько для пріобрѣтенія его дружбы. Но мнѣ ничто не удалось совершенно. Я опять скажу тебѣ, что иду за мужъ не для того, чтобъ бѣжать отъ него.

[Какъ это согласить! Во всемъ письмѣ видно, что она принуждена рѣшиться на все притѣсненіями! И потомъ опять говоритъ, что на все рѣшается добровольно. Нѣтъ! надобно все отъ нея самой слышать! Все принудило ее рѣшиться! Но въ томъ, на что она рѣшилась, она видитъ свое счастіе! Богъ посылаетъ ей человѣка, которому она можетъ ввѣриться! Есть-ли точно сердце ея съ этимъ согласно,

то можно ли минуту поколебаться! Какъ не пожертвовать всѣмъ, чтобы дать ей тѣ радости, какимъ бы то ни было способомъ, которыя самъ хотѣлъ ей дать? Мнѣ надобно только прочитать въ сердцѣ ея. Есть-ли буду имѣть свободу, то мнѣ легко будетъ видѣть, что́ въ этомъ сердцѣ дѣлается—тогда желанія его будутъ для меня святымъ закономъ! и ихъ исполнить будетъ счастіемъ!].

Я иду за Мойера точно для того, что люблю его, уважаю, надѣюсь имѣть тихую, спокойную, независимую жизнь, что не только сама перестану страдать, но и всѣ окружающіе меня будутъ счастливы.

[Боже мой! Есть-ли точно таковы ея надежды! Сердце бьется при мысли, что онѣ будутъ исполнены! Тихая, спокойная, независимая жизнь! О какая была бы радость все это ей дать! Надобно только увѣриться, что это возможно! А увѣрить меня только то, когда она искренна! Надобно избавить ее отъ этихъ страданій, которыми Богъ знаетъ для чего обременяютъ ее! Всѣ сдѣлаются счастливы, потому что она не будетъ страдать отъ нихъ! Но для чего же въ этомъ ихъ счастіе? Для чего она отъ нихъ страдаетъ? Безжалостные люди!].

Ты опять скажешь, что это есть собою жертвовать—j'ai bien pensé à tout ce que j'ai à faire, à tout ce qui m'attend, à tous ce que je sens [1]). Жуков. поставь себя на мое мѣсто и ты надо мною сжалишься! Есть-ли ты искренно говорилъ, что желаешь знать только меня счастливу, то не лишай меня единственно того, что меня можетъ успокоить, и возвратить можетъ быть жизнь.

[О милая Маша! потому-то что я поставилъ себя на твое мѣсто, и испугало меня твое требованіе! Потому-то что я подумалъ о томъ, что тебя ожидаетъ, о томъ, что ты чувствуешь,—и просилъ я, какъ послѣдней милости, чтобы тебѣ дали время, чтобы дали тебѣ успокоиться, чтобы не мучили тебя въ семьѣ своей, и всю твою участь оставили на твой свободный выборъ; но видно, что положеніе твое ужасно, когда ты то, чтобы въ другое время сочла своимъ несчастіемъ, почитаешь теперь своимъ спасеніемъ, и говоря, чтобы на это согласился, просишь, чтобы я надъ тобою сжалился! Мнѣ сжалиться, когда дѣло идетъ объ томъ, чтобы дать ей счастіе! Какое это слово!].

У меня уже почти нѣтъ силъ страдать за всѣхъ безпрестанно и видѣть себя, одну себя всему причиною. Вспомни свадьбу Сашину! не я-ли ее сдѣлала? Всѣ комедіи, которыя тогда игралъ Воейковъ, я принимала за чистыя деньги, и теперь всякую слезу Сашину должна упрекать себѣ.

---

[1]) (Переводъ). Я обстоятельно передумала обо всемъ, что мнѣ надо сдѣлать, обо всемъ, что меня ожидаетъ, обо всемъ, что чувствую.

[Безжалостные, нечувствительные притѣснители! Маша считаетъ себя всѣхъ огорченій причиною! Боже мой! это развѣ только отъ того, что она живетъ на свѣтѣ! Какія другія огорченія! Что можетъ она имъ дѣлать? Она сдѣлала свадьбу Саши! Каждая слеза Саши отъ нее! она принимала комедіи Воейкова за чистыя деньги! Ради Бога, скажите, какъ изъяснить это? Неужели это несправедливое обвиненіе самой себя можетъ успокоить Е. А.? Не она-ли знала объ Воейковѣ болѣе всѣхъ насъ? Не ее-ли просили не спѣшить? Не ей-ли сама Маша за нѣсколько дней до свадьбы сказала-же, что Саша говорила о Воейковѣ? Не она ли имѣла отъ Авд. Никол. Арбен. объ немъ письмо? Какимъ образомъ Маша могла сдѣлать эту свадьбу? Чей голосъ и совѣтъ могъ быть уваженъ Е. Аф.? И Маша себя обвиняетъ! И Е. А. читала это письмо и на это соглашается? Какъ-же не видѣть счастія въ томъ, чтобы ее отъ нихъ избавить! Лишь-бы только худаго не промѣнять на худшее!].

Вообрази, какое счастіе можетъ еще быть для меня: я буду зависѣть отъ милаго, добродѣтельнаго человѣка, отъ того, кто доставитъ спокойствіе всѣмъ намъ. Я буду имѣть его довѣренность; посвятивъ всю жизнь мою ему, я буду имѣть на нее право; бѣдная Саша моя перестанетъ имѣть огорченія, перестанетъ страдать за меня и найдетъ во мнѣ счастливаго друга; мы будемъ жить въ разныхъ домахъ, но въ одномъ городѣ. Воейковъ будетъ показывать мнѣ уваженіе, какъ скоро потеряетъ право и возможность меня мучить!

[Право и возможность! А кто далъ ихъ этому низкому человѣку?].

Теперь для того, чтобы избавить Сашу отъ огорченія и спасти можетъ быть жизнь ея ребенку, я переношу все съ терпѣніемъ; а мое снисхожденіе заставляетъ еще болѣе его забываться.

[Нѣтъ! ей должно отъ нихъ спастися! Я надѣюсь, что все это сдѣлало большую перемѣну въ сердцѣ ея! Она можетъ любить и любитъ теперь того человѣка, отъ котораго ждетъ семейнаго покоя, свободы, уваженія, довѣренности! Все это такія наслажденія, которыхъ въ семьѣ своей она никогда не имѣла! Надежда имѣть ихъ должна произвести и привязанность!].

Я увѣрена, что Мойеръ согласился-бы ѣхать въ Муратово, оставить службу, родныхъ и дѣлать все, что мнѣ угодно.

[Нѣтъ! этому быть невозможно! Ему нельзя этимъ всемъ пожертвовать! И имъ всѣмъ быть вмѣстѣ нельзя! будутъ тѣже огорченія и раздоры, какіе и теперь! Къ невозможности этого она должна быть напередъ готова].

Теперь, когда онъ не имѣетъ никакой надежды, онъ такъ деликатенъ и такъ добръ, что Воейковъ не можетъ и понимать его бла-

городства. Я-бы желала тебѣ показать обхожденіе ихъ обоихъ. Я увѣрена, что онъ позволилъ-бы мнѣ любить тебя какъ брата, такъ какъ я теперь люблю тебя.

[Милый ангелъ! И тутъ она думаетъ обо мнѣ! Ей нельзя не любить меня—и чѣмъ болѣе она будетъ счастлива, тѣмъ болѣе должна меня помнить! Лишь бы не такъ, какъ прежде! Лишь бы это теперь не было прежнимъ! И дай Богъ, чтобы я ошибался во всемъ! Но сами подумайте, могъ-ли я не ошибаться?].

Воейковъ требуетъ, чтобы я дала ему клятву не выходить за мужъ никогда, есть-ли онъ не будетъ мнѣ дѣлать огорченій, но что при первой грубости онъ освобождаетъ меня отъ нея. Я знаю, что старое будетъ по старому, съ тою разницею, что онъ никогда не признается ни въ одномъ огорченіи, которое намъ сдѣлаетъ и будетъ обвинять насъ безпрестанно; будетъ подсматривать, подслушивать, толковать все по своему. Жуковскій, ты одинъ можешь все кончить! Не заставь меня раскаеваться, что я много на тебя надѣялась. Вотъ чего бы я желала: напиши къ Воейкову письмо ласковое и безъ всякихъ упрековъ, въ которомъ увѣрь его, что его слава, репутація и имя въ свѣтѣ не могутъ терпѣть отъ моего поведенія, что никто обвинять его въ моемъ замужствѣ не будетъ, и что ты желаешь только моего счастія.

[Писать къ Воейкову я не буду. Теперь письмо ничего не подѣйствуетъ. Пускай оно бы и убѣдило его. Но Мойеръ уже вѣроятно предувѣдомленъ. Надобно пріѣхать, самому все видѣть и поступить такъ, какъ велитъ Маша. Мойеру должно сказать все какъ есть. Онѣ этого знать не будутъ. Но онъ будетъ дѣйствовать съ нужною осторожностью, безъ всякой поспѣшности, а время ему поможетъ. Воейковъ между тѣмъ будетъ имѣть это въ виду и сдѣлается смирнѣе. Вѣроятно, что онъ сказалъ обо всемъ Петерсену —этотъ поступокъ прекрасный! Теперь все въ рукахъ Мойера и онъ, есть-ли рѣшится, все сдѣлаетъ съ надлежащею осторожностью, такъ, что никому никакого насилія не будетъ сдѣлано: они перестанутъ спѣшить и притѣснять, а Маша будетъ имѣть всю свободу! Провидѣніе вселило эту мысль Воейкову! Онъ надѣялся все разрушить! напротивъ этимъ только все приведено будетъ въ порядокъ, ибо все будетъ теперь зависѣть отъ человѣка благороднаго].

Воейковъ хочетъ казаться увѣреннымъ, что мною жертвуютъ, но онъ слишкомъ знаетъ чтó я думаю! Есть-ли тебѣ возможно изъ дружбы ко мнѣ,

[такъ-ли бы должна была писать ко мнѣ Маша!]

то я буду тебѣ обязана спокойствіемъ и счастіемъ. Прежде отъѣзда своего въ Петербургъ Воейковъ говорилъ совершенно противное тому,

что говоритъ теперь. Прежде онъ готовъ былъ согласиться знать меня счастливою и желалъ отложить только для того, чтобы загладить прошедшее. Теперь онъ боится только того, что объ немъ будутъ думать. Ему сказали, что онъ будетъ извергъ, есть-ли эта свадьба сдѣлается и онъ говоритъ, что я черезъ его тѣло пойду въ церковь. Два раза уже онъ хотѣлъ ѣхать къ Мойеру, чтобы зарѣзать. Но оставимъ всѣ эти комедіи. Я увѣрена, что (будь) Мойеръ генералъ, (будь) Мойеръ богатъ — и Воейковъ употребилъ бы все, чтобъ сдѣлать эту свадьбу; il me persecuterait tout autant pour que je me marie, qu'il me tourmente maintenant pour ne pas le faire. Vous lui avez dit, que sa femme est une égoiste, depuis qu'il est revenu, il ne fait que le lui repeter—elle qui est un ange de patience et de vertu! Dieu! et c'est a cause de moi que tout ce que j'aime le plus souffre autant [1]).

Но мнѣ пора кончить; прошу тебя исполнить мою просьбу—отъ тебя зависитъ, чтобы имѣла спокойствіе въ настоящемъ, и чтобы я смотрѣла безъ страха на будущее. Прелестная душа Мойера порука за счастіе. Есть-ли ты мнѣ его желаешь, то письмо къ Воейкову, такое, какого я прошу отъ тебя, безъ упрековъ, безъ угрозъ, а только увѣренія и доказательства въ томъ, что онъ можетъ желать мнѣ счастія, не жертвуя своею репутаціей, сдѣлаетъ то, что мы перестанемъ страдать. Ради Бога не заставь меня раскаеваться въ томъ, что я тебя люблю какъ брата, и надѣюсь получить отъ тебя счастіе.

(На оборотѣ письма рукою Жуковскаго): «списокъ Машина письма ко мнѣ».

№ 34.

В. А. Жуковскій къ Е. Ае. Протасовой.

11-го декабря 1815 г. Спб.

Хотя я и предсказывалъ себѣ вашъ отвѣтъ, но все тронулъ онъ меня какъ нѣчто неожиданное: надобно имѣть сердце самое дурное и неблагод. чтобы его написать, глаза мои открылись; вижу всю твою дружбу; клеветы и ругательства его наполняющія раздираютъ мою душу. Всѣ эти выраженія, ко-

[1]) (Переводъ): Онъ также преслѣдовалъ бы меня, чтобы я вышла замужъ, какъ теперь меня мучаетъ, чтобы этого не сдѣлалось. Ты ему сказалъ, что жена его эгоистка и съ самаго своего возвращенія онъ только это ей и твердитъ—ей, которая ангелъ терпѣнія и добродѣтели! Боже! и это изъ-за меня страдаютъ тѣ, которыхъ я люблю больше всего.

торыя я самъ обѣщалъ себѣ найти въ немъ, были однако для меня новостью: все слышать ихъ ужасно отъ васъ, какъ ни будь къ нимъ готовъ. Особенно въ такихъ обстоятельствахъ, каковы теперь, когда надобно смотрѣть на одно внутреннее побужденіе, а не на наружность и слова. И такъ вы видите только вашего недруга, ругателя и клеветника въ томъ человѣкѣ, въ вашемъ братѣ, который съ вами не соглашается, который сказалъ вамъ искренно свое мнѣніе противное вашему. Я не стану опровергать этихъ жестокихъ словъ. Дѣло не въ одномъ оправданіи. Тому, что было, не быть уже нельзя. Наше дѣло его поправить, а не замѣнить прошедшее дурное дурнымъ настоящимъ и можетъ быть еще худшимъ будущимъ. Для этого каждому нужно признаться передъ собою въ томъ злѣ, которое имъ сдѣлано, воспользоваться своимъ опытомъ и остальную половину жизни не сдѣлать похожею на первую. Безъ этого признанія ничто исправлено быть не можетъ. Почитая себя правымъ, все будешь дѣйствовать какъ прежде, и слѣдствіемъ этого будетъ продолженіе тѣхъ же несчастій. Начну съ себя: Привязавшись къ одному и видя въ одномъ свое счастіе, я искалъ его вопреки вамъ; надежда, что ваше мнѣніе будетъ со временемъ согласно съ моимъ, завела меня далеко. Я не оправдываю себя въ этомъ. Есть-ли бы все это я могъ предвидѣть въ началѣ, этого бы не было. Но время и обстоятельства довели неприметно до такой крайности, на которой я встрѣтился съ общимъ несчастіемъ. Я не виноватъ былъ ни въ какомъ зломъ намѣреніи, но виноватъ въ неосторожности. Эта неосторожность, причина многихъ непроизвольныхъ дурныхъ поступковъ, разстроила душу Маши, мою, и все привела въ безпорядокъ. Внутреннее побужденіе, извѣстное Богу, было чисто; дѣйствія его были пагубны. Къ счастію ничто не погибло на вѣки, все еще можетъ быть поправлено. Надобно было все уступить необходимости—это и сдѣлано. Мы разстались. Съ моей стороны все кончено. Оставалось дать времени привести въ порядокъ душевное разстройство и послѣ всѣхъ этихъ волненій сперва надлежало дождаться этого порядка, потомъ уже приступить къ чему нибудь новому! Вотъ всѣ мои вины и оправданія. Теперь объ васъ. Вы должны признаться передъ собою, что много участвовали въ произведеніи, особенно въ усиленіи моей привязанности къ Машѣ, и ея ко мнѣ—вотъ ваша вина. Вы должны были отказать намъ въ нашемъ счастіи—вотъ ваше несчастіе. Теперь чтожъ мы должны дѣлать, естьли мы другъ друга любимъ, естьли жалѣемъ другъ о другѣ! Каждый съ своей стороны долженъ поправить то, что самъ испортилъ и дать другъ другу замѣну. Это насъ оправдаетъ другъ передъ другомъ, утѣшитъ въ настоящемъ, успокоитъ на счетъ будущаго и

наконецъ дастъ хорошее будущее. Съ моей стороны надобно отъ всего отказаться—я отказался; надобно съ вами разстаться—я разстался, и не забудьте, что до сихъ поръ я только для васъ жилъ, все къ вамъ относя и все счастье только въ вашей семьѣ видѣлъ—необходимость заставила смотрѣть на это иначе. Но я разстался съ вами съ тѣмъ, чтобы эта разлука все поправила, а себѣ поставилъ на должность всею своею жизнію способствовать къ тому, чтобы вы будучи спокойны въ семьѣ своей, могли быть спокойны на мой счетъ. Но вспомните, что мы разстались недавно, что время не могло еще прійти на помощь къ тому, что велитъ должность; что все это не могло быть исполнено вдругъ. За это исполненіе я могъ ручаться и себѣ и вамъ, но только въ такомъ случаѣ, когда все бы пошло тѣмъ порядкомъ, какъ должно, и это уже зависѣло отъ васъ. Съ вашей стороны что оставалось дѣлать? дать тѣмъ, которые отъ васъ же несчастны успокоиться; возвратить Машѣ разстроенную обстоятельствами, вами и мною, тишину души; мнѣ тоже самое; на это есть всѣ способы; кончивъ это первое дѣло, приступить къ новому, могущему дать ей же счастіе, не насильствуя ни ее, ни себя и довѣряясь промыслу, а не предупреждая его виновными страхами, которые все губятъ, а не исправляютъ. Вотъ что предписывали вамъ ваши обязанности къ ней и ко мнѣ, ваша религія, благоразуміе и весь нашъ несчастный опытъ. Однимъ словомъ, сперва надобно было поправить прошедшее, потомъ уже начать думать о будущемъ. Чтобы Маша могла быть счастлива за мужемъ, надобно, чтобы она могла открыть все свое сердце мужу въ ту минуту, въ которую войдетъ въ церковь. Спрашивается, скажите-ли Мойеру теперь или послѣ о томъ, что было. Естьли теперь,—онъ не долженъ играть ни собою ни ею; естьли послѣ,—какъ поручиться за дѣйствіе? И такъ прежде доведите Машу до того, чтобы могла сказать прежде своему мужу все, и чтобы онъ не имѣлъ причины быть безпокойнымъ на счетъ этой довѣренности. Но въ такое состояніе приводитъ время и свобода и спокойствіе, а не покорность. Привесть въ это состояніе вамъ ее легко—вы мать, имѣйте къ ней полную довѣренность, а болѣе всего дайте ей полную свободу. Повѣрьте, что это вѣрнѣйшій способъ. Я тысячу разъ говорилъ о себѣ: довѣренность и непринужденіе вылечили бы сердце; принужденіе его только раздражило. Вы не хотѣли и не могли этого сдѣлать. Теперь это можно. Дѣло идетъ не обо мнѣ и опасаться нечего. И такъ дайте ея сердцу прійти въ спокойствіе; непугайте ее на счетъ неизбѣжнаго будущаго. Повѣрьте, что вамъ въ то время, когда Провидѣніе рѣшитъ ея счастіе, можно будетъ устроить его безъ всякаго страха и вы не будете ни въ чемъ себя обвинять. Теперь

же не остается вамъ никакого оправданія ни передъ собою ни передо мною. Вотъ все что я писалъ. Гдѣ же не дружба, гдѣ клеветы и ругательства? Неужели я потому не другъ, что съ вами не согласился? Въ чемъ клевета и неблагодарность? Неужели въ томъ, что я васъ обвинялъ во многомъ на счетъ прошедшаго? Я не упрекалъ, я только хотѣлъ, чтобы вы взглянувъ безпристрастно на это прошедшее, узнали кто и что чему причиною и все поправили. Взглядъ на него ужели только тому, кто ничего поправить уже не въ силахъ. Избавьте себя отъ этого взгляда. Въ этомъ отношеніи письмо мое не должно было васъ оскорбить. Моего же тутъ только то, чтобы сохранить для себя какое нибудь спокойствіе. Одинъ только тонъ моего письма для васъ показался ругательствомъ. Вы все замѣнили употребивъ это слово. Я не оправдываю своихъ выраженій. Но вспомните, въ какихъ обстоятельствахъ и послѣ какой жизни написано письмо мое. Подумайте, что послѣ всѣхъ тяжелыхъ огорченій, послѣ всѣхъ усилій жить съ вами и для васъ, что послѣ всѣхъ надеждъ я теперь остался одинъ, и сберегъ для себя одну только надежду на Машино спокойствіе. Подумайте, что письмо мое писано послѣ трехъ мѣсяцевъ разлуки, что я еще недавно просилъ у васъ какъ единственной мнѣ награды, чтобы Маша была свободна на счетъ выбора счастія—что же вышло? Не давъ ни минуты отдыха, вы требуете, чтобы я согласился на ея замужство. Судите сами себя—того-ли надобно ожидать отъ дружбы и сожалѣнія? Ваше требованіе доказательство полнаго ко мнѣ презрѣнія! Какъ же могъ я остаться къ этому равнодушенъ. И не смотря на то, что же въ письмѣ моемъ? На все нѣжная мать должна согласиться: вотъ его смыслъ: исправьте сперва прошедшее, возвратите сперва «покой Машѣ: а на это способы—свобода и довѣренность; дайте ей полную волю выбора, ибо жить ей, а не вамъ; не ослѣпляйте Мойера невѣрною надеждою; употребите въ пользу мой опытъ; избавьте Машу отъ мысли о неизбѣжности, которая все настоящее умертвитъ; словомъ оставьте все на произволъ Провидѣнія и будьте матерью»!—Отъ этихъ условій не отстаю. Примите ихъ. Прибавлю слово о себѣ: мысль о Машиномъ счастіи необходима. Безъ нея, безъ соединенія съ нею спокойствія духа, не могу ничего дѣлать. Имѣя его—буду имѣть все возможное. Въ противномъ случаѣ все должно пропасть и пропадетъ непремѣнно.

Сообщ. К. К. Зейдлицъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ФИЛАРЕТЪ, МИТР. МОСКОВСКІЙ, И АРХИМ. ИННОКЕНТІЙ (СМИРНОВЪ)

ВЪ ПИСЬМАХЪ КЪ ГР. С. П. ПОТЕМКИНУ,

1812—1848 гг.

XXXI [1]).

26-го декабря 1817 г. (дописыв. послѣ 12 часовъ).

Давнее намѣреніе исполняю нынѣ. За ваше о мнѣ памятованіе хотѣлъ заплатить хотя нѣсколькими строками; но частію нужды, частію другія хотѣнія, частію незнанія адреса прерывали и сію послѣднюю нить, которую, впрочемъ, хотѣлъ я протянуть до вашего взора или слуха—въ Москву.

Вотъ нескладное извиненіе, сложившееся въ праздникъ, въ 12-мъ часу пополудни. Признаюсь, что круженіе мыслей и тѣла съ утра до вечера еще не кончилось: чувствительный остатокъ смѣси мѣшаетъ что либо привесть въ порядокъ, даже изъ головы вычистить мысленную сутолоть; и сказать что нибудь спокойное. Вамъ остается извинять, читая сіи слова, дабы еще болѣе не винить повинную голову.

Тонкое ваше наставленіе въ четкахъ, въ оружіи, коимъ напоминается оружіе, низлагающее помышленія, коимъ побѣждаются умственные враги—страстныя и гнусныя мысли, принялъ я съ благодарностію: но и съ скорбію для моей лѣности. Усердіе къ духовному труду должно равняться вашему усердію: четки суть мѣра: но моего усердія не станетъ и на нѣсколько поклоновъ: что сказать на двѣсти, до коего числа простирается счетъ вашъ?

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1883 г, томъ XXXVIII, апрѣль, стр. 37—60.

Просимъ исправить въ первой серіи писемъ митр. Филарета и Иннокентія („Русская Старина" изд. 1883 г., томъ XXXVIII, апрѣль) слѣдующія описки и опечатки: стр. 41, строка 19 напеч: divertera, слѣд.: divertere; стр. 43, строка 2: о няже, слѣд: о ихъ же; стр. 45, строка 10 снизу напеч.: удержать, чит.: удерживать; стр. 46, строка 14 напеч.: Флетье, слѣд.: Флешье; стр. 47, строка 6: Аксильона, слѣд.: Ансильона; стр. 51, строка 13 напеч.: Признать, чит.: Признаюсь; стр 57, строка 7 напеч.: надлежало о моемъ, чит.: надлежало думать о моемъ; стр. 57, строка 21 напеч.: свѣтлый образъ слона, чит.: свѣтлый образъ снопа; стр. 59, строка 14 напеч: казалась мнѣ странною, чит.: казалась мнѣ страшною.

Теперь видите уже не извиненіе только: но и болѣзнь души моей. Какъ въ видимой природѣ растетъ все до предѣла своего или разрушенія, такъ въ природѣ духовной зло не стоитъ на одной ступени и въ одной мѣрѣ: но ростетъ непрерывно, умножается, и, по роду своему, приноситъ плоды. Что дѣлать? Это есть во мнѣ и есть такъ, что самому мнѣ ощутительно; и другіе, подъ различными видами выростаютъ тоже. Прошу помощи, и отъ того ли, что худо прошу, или не усердно, или не всегда, или не то, чтобы надлежало,— помощь не приходитъ: а есть ли и придетъ, то не умѣю воспользоваться; не стараюсь удержать ея, не ищу средства къ сему; не имѣю постоянства или теряю самое желаніе помощи. Такъ, видно, что ничего не стою. Простите мнѣ, что обременяю васъ пустословіемъ. Съ истиннымъ моимъ къ вамъ уваженіемъ и преданностію, равно съ желаніемъ вамъ отъ Господа Іисуса Христа рождшагося благъ духовныхъ, небесныхъ и потомъ земныхъ, есмь и всегда честь имѣю быть... Спб. семинаріи ректоръ архиман. Иннокентій.

XXXII.

26-го декабря 1817 г.

Письмо в. с. получилъ я третьяго дня въ навечеріи праздника на пути въ церковь; въ тотъ вечеръ отвѣтствовать не поспѣшилъ; вчера праздновалъ, а въ свободное время болѣлъ отъ воцарившейся во мнѣ за нѣсколько дней простуды; теперь опять на пути, и спутчики ожидаютъ меня: но о. Иннокентій, принесши письмо къ вамъ, раздражилъ и мою ревность, написать хотя нѣсколько словъ безъ отлагательства, дабы не пропустить случая, о которомъ сказалъ мнѣ вручитель письма вашего.

Привѣтствую ваше сіятельство текущимъ праздникомъ и приближающимся общимъ новолѣтіемъ. Да будетъ намъ новый годъ источникомъ новаго свѣта въ путяхъ Провидѣнія и въ путяхъ собственнаго вашего сердца. Прочее приложится.

Удивляюсь, какъ вашему сіятельству пришло на мысль, что новое званіе мое можетъ положить разстояніе между мною и вами. Есть ли я къ вамъ нѣсколько близокъ, то единственно по снисхожденію вашему. Снисхожденіе сіе не перемѣняется: почему же быть перемѣнѣ съ моей стороны?

Нѣтъ времени сказать что еще, такъ какъ и взглянуть въ письмо ваше. Оставьте меня въ семъ, какъ и во многомъ другомъ, должникомъ вашимъ... Филаретъ, епископъ Ревельскій.

XXXIII.

27-го мая 1818 г.

Еще утѣшенъ я письмомъ в. с. Съ чемъ вы меня поздравляете, я не знаю; и званія, которымъ вы меня украшаете, нѣтъ на свѣтѣ: но мнѣ до того нужды нѣтъ. По моему мнѣнію, или можетъ быть чувству, занимательность писемъ составляютъ не предметы ласкающіе, но близость сердецъ.

Порученіе вашего сіятельства къ князю Александру Николаевичу [1]) я исполнилъ съ точностію. Онъ какъ прежде разумѣлъ васъ противоположнымъ образомъ тому, какъ вы представляете въ письмѣ вашемъ: такъ и въ настоящемъ случаѣ призналъ васъ оправданнымъ. На вопросъ же вашего сіятельства: можно ли, пропустя лѣто, идти въ лѣсъ по малину? отвѣтствую, что лѣто богоугодныхъ дѣлъ не пропущено, естьли сердце согрѣто любовію, и что плодамъ благотворенія всегда время. Естьли ваше сіятельство намѣрены принять участіе въ предложенномъ вамъ, то отвѣтъ вашъ будетъ также принятъ, какъ-бы и въ скорѣйшемъ времени: а естьли есть препятствіе участвовать въ дѣлѣ, тогда и въ словѣ нѣтъ нужды.

Ветхіе дни вашего архіерея уже и кончились. Миръ душѣ старца пастырей [2]). Намѣсто его, сколько я могу знать, избирается донскій архимандритъ Евгеній, бывшій ректоръ Перервинской семинаріи. Нѣтъ, виноватъ! это въ Тулу, на мѣсто переводимаго въ Черниговъ [3]); а о томъ еще не извѣстно. Видите мысль моя затмѣвается, странствуя по могиламъ. Нѣтъ и преосвященнѣйшаго митрополита Амвросія! Да пріиметъ Пастыреначальникъ кроткаго пастыря!—Смотрите здѣсь путь Провидѣнія. Никто не думалъ, ни гадалъ, какъ онъ выпросился въ Новогородъ. Сдалъ дѣла. Устроилъ о дому своемъ. Переѣхалъ. Прожилъ въ Новѣгородѣ двѣ недѣли здравъ и спокоинъ. Однажды вошелъ онъ въ Знаменскій соборъ. Масло изъ лампады предъ образомъ Богоматери нечаянно пролилось ему на голову. Въ тотъ же вечеръ онъ занемогъ. Другой день провелъ въ болѣзни и лѣкари стали обѣщать выздоровленіе. Но онъ на утро причастился св. таинъ, сказавъ при томъ: «со-

---

[1]) Голицыну, министру духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія.

[2]) Упомянутый выше Ѳеоктистъ Мочульскій. Преемникъ его—Евгеній Казанцевъ, переведенный изъ Курска во Псковъ черезъ четыре года. Изъ этого извѣстія Филарета видно, что Потемкинъ былъ курскій помѣщикъ

[3]) Сообщеніе Филарета оказалось вѣрнымъ. Въ Курскъ былъ назначенъ дѣйствительно Евгеній Казанцевъ (14-го іюля, т. е. черезъ полтора мѣсяца послѣ этого извѣстія). Н. В.

бороваться масломъ не надобно,—меня соборовала Богоматерь». Чрезъ нѣсколько времени, самъ читалъ отходныя молитвы,—и предаде духъ!

Вамъ, сіятельнѣйшій графъ, здравіе и долгоденствіе!—Не знаю, гдѣ найдетъ васъ сіе письмо; а я постараюсь искать васъ въ Москвѣ въ половинѣ іюня или іюля.—Можете примѣтить, что я спѣшу въ дорогу: и пишу почтовымъ почеркомъ... Филаретъ, еписк. Ревельскій.

XXXIV.

29-го марта 1820 г.

С. гр.! Воистинну воскресе Христосъ! отвѣтствую вашему сіятельству всѣмъ сердцемъ, сколько оно умѣетъ чувствовать ваше восклицаніе и сколько имѣетъ силы откликнуться на него. Радость Воскресшаго да сіяетъ въ душѣ вашей присньмъ свѣтомъ, да закрываетъ собою и блескъ міра и сумракъ заботъ, и естьли иногда скроется, (безъ чего иногда въ семъ царствѣ сумрака невозможно) да сохранится невидимо въ основаніи духа вашего, дабы возсіять потомъ свѣтлѣе и незаходимѣе!

По слову вашего сіятельства и по запискѣ сколько мнѣ возможно будетъ, постараюсь споспѣшествовать исполненію вашихъ желаній, одного человѣколюбиваго, а другаго хрістолюбиваго.

Что принадлежитъ до дара, которымъ вашему сіятельству угодно вновь ознаменовать память мою о васъ, (по истиннѣ не имѣющую нужды ни въ какой видимой подпорѣ!) я пріемлю оный, какъ дѣло любви вашей и какъ памятникъ священный, но—чтобы не скрыть отъ васъ ничего, что во мнѣ теперь происходитъ не безъ нѣкотораго смущенія. Есть во мнѣ мысль, что единое на потребу въ общеніи душъ,—отверзтіе сердецъ любовію, должно быть, какъ можно съ меньшими посредствами; отъ высокихъ памятниковъ должно бояться тѣни. Но я, по милости великаго Начальника любви, надѣюсь, что чистота вашего сердца сохранитъ чистоту моего; и съ искреннею благодарностію и внутреннимъ высокимъ почтеніемъ остаюсь, какъ былъ...

Новая панагія, естьли Богъ велитъ, будетъ обновлена въ субботу на литургіи, которая начнется часу въ десятомъ въ началѣ... Филаретъ, архіепископъ Тверскій.

XXXV.

1-го апрѣля 1820 г.

Исполнивъ, сколько отъ меня зависѣло, порученія вашего сіятельства, желалъ-бы я изъясниться съ вашимъ сіятельствомъ касательно домовой церкви, дабы можно было положить дѣлу прочное основаніе въ присутствіи вашемъ. Боясь же, чтобы рѣка не помѣ-

шала сему, я побуждаюсь искать васъ и предложить вамъ, не угодно ли будетъ посѣтить меня нынѣ или завтра, въ какое вамъ заблагорассудится время, ибо я надѣюсь быть дома непрерывно. Вашего сіятельства преданнѣйшій слуга Филаретъ, архіеп. Тверскій.

XXXVI.

9-го апрѣля 1820 г.

По слову вашему, ожидалъ я посѣщенія вашего и по водѣ и по мосту: но какъ время идетъ, а вы здѣсь гость, то я поспѣшаю написать вашему сіятельству то, что имѣлъ сказать.

О предпринимаемомъ вами дѣлѣ говорилъ я съ нашими законниками. Какъ имъ свойственно ходить по писмени, а не по духу закона, (что, правду сказать, въ нашихъ русскихъ законахъ и предписано); то, не отвергая возможности дѣла, они нѣсколько недоумѣваютъ, какъ приступить къ нему. Сіе побудило меня вновь изъясниться съ его сіятельствомъ г. министромъ; и я получилъ его согласіе, чтобы онъ по письму вашего сіятельства, предложилъ сіе дѣло св. синоду. Мнѣ думается, что и вы предпочтете сей путь обыкновенному приказному. Между тѣмъ я прочиталъ присланный вами проектъ прошенія и позволилъ себѣ нѣкоторыя слова переговорить, какъ мнѣ казалось, предоставляя впрочемъ то усмотрѣнію вашего сіятельства. Естьли разсудите превратить сію просьбу въ письмо къ г. министру: то, по моему мнѣнію, въ началѣ прилично было бы сказать, что—дѣло, по предмету своему долженствующее получить разрѣшеніе по вѣдомству духовному, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, общими правилами неопредѣленнымъ, не могущее получить разрѣшенія отъ епархіальнаго начальства, побуждаетъ васъ обратиться къ г. министру, и просить его дать сему дѣлу такое теченіе, какое по роду и особеннымъ обстоятельствамъ его усмотрится нужнымъ. Послѣ сего предисловія могутъ слѣдовать слово въ слово два пункта прошенія, кромѣ означенія ихъ числомъ; и обыкновенное заключеніе. Простите меня, ваше сіятельство, что я вхожу въ сіи подробности: предисловіе такого рода нужно потому, что изъясняетъ, почему дѣло не могло прямо вступить на обыкновенную дорогу, и такимъ образомъ дастъ министру твердую причину приняться за оное.—Проектъ при семъ возвращаю. Что принадлежитъ до порученія, дѣлаемаго вашимъ сіятельствомъ моимъ пѣвчимъ, я приказалъ исполнить то, что почитаю нужнымъ и возможнымъ. А о иномъ желалъ бы яснѣе узнать ваше намѣреніе. Въ сію только минуту приходитъ мнѣ мысль, что архіерейское пѣніе вы желаете имѣть, можетъ быть, для самаго

архіерейскаго хора. Но онъ долженъ имѣть здѣшнее: ибо изъ него не рѣдко брались сюда пѣвчіе и опять возвращались въ ту же епархію. Панихиды на нотѣ нѣтъ, а поется по наслышкѣ.

Когда сіе было написано, регентъ принесъ переписанный для вашего сіятельства концертъ на освященіе храма, и хоръ, который поется при торжественномъ входѣ во время самаго освященія: кто есть сей и пр. Сіи вещи при семъ препровождаю.

Весьма сожалѣю о случившемся въ прошедшее воскресенье. Не имѣвъ подобнаго приключенія, я боялся только отпертыхъ воротъ и не думалъ о предосторожности противъ запертыхъ. Надобно имѣть и сію. Надѣюсь, впрочемъ, что ваше сіятельство не возненавидите двери, которая однажды не умѣла отвориться предъ вами... Филаретъ, архіеп. Тверскій.

XXXVII.

Добрый благословенный путь вашему сіятельству!

Письмо отдано мнѣ безъ меня. Я былъ у всенощной.

Если угодно послать письмо къ г. министру чрезъ меня: я охотно принимаю сіе посредство.

Благословеніе Божіе да сопутствуетъ вамъ и въ семъ пути, и во всемъ пути жизни! Болѣе некогда. (Филаретъ).

XXXVIII.

8-го октября 1820.

Письмо в. с. отъ 16 мая нашло меня путешествующаго по Тверской епархіи, и путешествовало со мною до послѣднихъ чиселъ августа, прежде нежели я могъ приступить къ исполненію по оному. Вы и сами полагали, что къ дѣлу сему лучше приступить лично, нежели заочно. Такъ я и сдѣлалъ. Письмо ваше князю Александру Николаевичу вручено; и онъ далъ обѣщаніе по содержанію его доложить государю императору: остается ожидать возвращенія.

Вотъ отчетъ въ порученіи: за симъ скажу еще, что думается, или случится, сказать.

Нечаянно поспѣшное отбытіе вашего сіятельства изъ Петербурга оставило меня въ нѣкоторой заботѣ. Тѣмъ болѣе радъ я былъ письму вашему. Путешествіе мое по доброму желанію вашему было благополучно по видимому; а чтобы оно было и успѣшно по истинѣ, тѣмъ льстить себѣ не смѣю. Тверская область нынѣ по мысли мнѣ болѣе, нежели какъ она казалась, когда я видалъ ее прежде. Благодарю

Бога, что могу служить ей съ любовію. Не знаю, не будетъ ли суждено иначе: ибо сосѣдняя катедра праздна. По всегдашнему моему обыкновенію я не мѣшаюсь въ сіе дѣло, зная про себя, что есть-ли должно будетъ оставить Тверскую, надобно будетъ оставить съ сожалѣніемъ.

Нѣсколько нотныхъ церковныхъ пѣсней, по желанію в. с. написанныхъ, при семъ посылаю. Кажется, чего-то не достаетъ. Есть-ли подлинно такъ: то прошу напомнить нашей лѣности, которая впрочемъ не погашаетъ желанія исполнить желаніе ваше. Ваше сіятельство заставили меня ходить въ бархатной рясѣ, чего мнѣ не хотѣлось: хорошо, что бархатъ черный; иначе и васъ я не послушалъ-бы. Въ благодарность я постараюсь прислать вашему сіятельству проповѣдь изъ текста: о одежди что печется [1]), есть-ли исполнится предпріемлемое св. синодомъ печатаніе собранія нѣсколькихъ моихъ проповѣдей.

Желая вашему сіятельству благословляемаго свыше успѣха въ предпріятіяхъ вашихъ, здравія и мира души, (котораго достоинство вы знаете) съ глубокимъ почтеніемъ и совершенной преданностью есмь... Филаретъ, архіепископъ Тверскій.

XXXIX.

7 апрѣля 1821.

Прежде всего скажу: Христосъ воскресе! Гдѣ бы, когда бы ни нашло васъ письмо сіе: преслѣдуетъ васъ желаніе мое, да радость и сила воскресенія посѣтитъ васъ, и познается вамъ, и вселитъ у васъ, и умножитъ въ васъ мѣру, и возвыситъ степень жизни.

Теперь дамъ отчетъ. Триста рублей регенту тверскаго хора отданы; и онъ взялъ ихъ—предвидите ли вы съ какимъ чувствомъ?—съ великимъ замѣшательствомъ и стыдомъ. Я долженъ былъ показать ему число въ письмѣ вашемъ, дабы доказать, что не въ моей власти дать менѣе; чтобы успокоить его, я предложилъ ему исполнить неисполненную часть вашего требованія, то есть, доставить панихидное пѣніе, недоставленное потому, что его нѣтъ на нотахъ, а поется оно по наслышкѣ. Регентъ сдѣлалъ на сіе одно возраженіе, что оно поется разно, и въ его хорѣ поется неодинаково съ придворнымъ. Кончилось тѣмъ, что онъ, съ помощію одного придворнаго пѣвчаго положилъ сіе пѣніе на ноты; и оно при семъ вашему сіятельству представляется. Вы пишете, что погоняемы временемъ: а занимаетесь

---

[1]) Одна изъ лучшихъ проповѣдей Филарета. Ее можно читать въ русской христоматіи А. Д. Галахова. Н. В.

покупкою и посылкою чая. Но когда такъ вамъ угодно было: въ праздникъ испытаемъ отличный вкусъ его, который еще лучшимъ для меня сдѣлается, бывъ растворенъ воспоминаніемъ о васъ.

Слава Богу, что путь и дѣла вашего сіятельства успѣшны. Богъ да благословитъ ихъ и впредь! А мы по отбытіи вашемъ посѣщены приключеніемъ, которое приводитъ насъ въ великую заботу о нашихъ дѣлахъ. Преосвященнѣйшій митрополитъ Михаилъ взятъ отъ насъ къ высшему служенію. Въ 10 день прошедшаго марта еще былъ онъ въ синодѣ, въ 12 мы обѣдали у него; а въ 24 онъ скончался. Кончина его мирна; память его благословляема; пустота и сиротство имъ оставленное велико. За нѣсколько дней до кончины его нѣкто видѣлъ во снѣ, что высокій столпъ съ вѣнцами на верху разрушился съ громомъ: сонъ, по моему мнѣнію, очень справедливый. Не могу описать вамъ всѣхъ мыслей о послѣдствіяхъ сего происшествія, которыя, какъ туманъ, закрывали отъ меня свѣтъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней, или открывали мнѣ печальнѣйшіе виды. Впрочемъ твердое основаніе Божіе конечно не людьми поддерживается. Изъ сей мысли наконецъ извлекъ я правила, которыя меня успокоили. Одно изъ нихъ есть: устранять себя отъ всего, отъ чего токмо возможно. Ради блага многихъ помолитесь съ нами, чтобы Господь даровалъ намъ человѣка съ духомъ и силою Иліиною, ибо надобно проповѣдывать покаяніе и судъ, и съ любовію и терпѣніемъ Христовымъ, ибо надобно миловать и утѣшать безъ надежды собственнаго утѣшенія [1]).

Представляю при семъ погребальную проповѣдь.

Съ о. строителемъ Глинскимъ я познакомился. Благодарю, что предварили меня; ибо безъ того можетъ быть не столько бы я узналъ его. Знаете разборъ въ людяхъ!

Милость Господня съ вами и любы моя съ вами, есть-(ли) вы ея не отвергаете. Съ симъ расположеніемъ остаюсь... **Филаретъ** архіепископъ Ярославскій.

XL.

11-го Іюня 1821 г.

Три любезныя письма вашего сіятельства отъ 2 и 22 мая и 7 сего іюля, послѣднее за часъ предъ симъ, я получилъ. Чтобы облегчить вину молчанія на два прежнія, спѣшу отвѣтствовать на нынѣшнее.

---

[1]) Здѣсь содержится намекъ на начинавшуюся борьбу церкви съ мистицизмомъ, покровительствуемымъ княземъ А. Н. **Голицынымъ**. Н. В.

Усердно благодарю за поздравленіе съ новымъ новгородскимъ владыкою [1]), и за желаніе мира. Судя по прежнему, я сего надѣюсь, и сія надежда составляетъ часть радости моей о его перемѣщеніи, хотя впрочемъ сія радость имѣетъ и другія многія причины. Повинуясь перемѣщенію, онъ приноситъ чистую жертву: должно уповать, что она принесетъ благословеніе на его служеніе. Поелику имѣли нужду призвать его къ тому, въ чемъ очевидно онъ имѣлъ нужду: то онъ можетъ дѣйствовать свободнѣе. Старость его должна получить уваженіе, немощь попеченіе, доброта любовь. Господь да совершитъ все сіе ко благу церкви!

О предсказаніяхъ вашего сіятельства состязаться съ вами я не стану. Когда любовь хочетъ предсказывать: можно догадаться, что она предсказывать будетъ. Истина учитъ, что безопаснѣе вѣрить любви, когда она обличаетъ. Утѣшался и я мыслію, что буду видѣть васъ въ слѣдующую зиму въ Петербургѣ. Но теперь не довольно знаю, гдѣ моя зима. Естьли ваше сіятельство пробудите до августа въ Москвѣ: то я не отчаиваюсь застать васъ тамъ, и тогда, можетъ быть, въ состояніи буду сказать вамъ, гдѣ моя зима.

Сохрани меня Богъ, чтобы я, какъ говорите, отвергалъ васъ, то есть, Москву. Я отвергалъ самъ себя. Но и отреченіе мое не помогло. Жребій, который мнѣ выходилъ и который я хотѣлъ опять положить въ урну, вынутъ рукою, отъ которой нельзя уже не принять его. Теперь не отвергните меня вы.

Прискорбно мнѣ, что до сихъ поръ не могу васъ увѣдомить о томъ, въ ожиданіи чего отлагалъ отъ недѣли до недѣли писать. Завтра вновь докучать буду. Скажите, что дѣло непродолжительное. Я также сегодня между прочимъ спрашивалъ: позволено ли напечатать переводъ псалтири, ибо это дѣло одного слова? Мнѣ сказано, что еще не было говорено о семъ, потому что очень много и такихъ дѣлъ, которыя требуютъ по одному слову. Завтра представлю еще, что на устроеніе домовой церкви въ Москвѣ и мѣстный архіерей согласенъ.

Болѣе писать поздно: а завтра въ девятомъ часу собраніе коммисіи духовныхъ училищъ. Поспѣшаю запечатать, чтобы завтра послано было. Потерпите мою медленность и покройте ее вашимъ терпѣніемъ и снисходительною любовію, къ которой съ почтительною преданностію есмь вашего сіятельства, милостиваго государя покорнѣйшій слуга и недостойный богомолецъ Филаретъ, А. Московскій.

---

[1]) Митрополитъ Серафимъ. Н. В.

XLI.

19-го іюля 1821 г.

Искреннѣйше благодарю ваше сіятельство за участіе въ новомъ явленіи судьбы моей. Никто изъ московскихъ не упредилъ васъ: и я писалъ предъ симъ къ вамъ первому туда, сдѣлавшись тамошнимъ.

Особенно благодарю, что не кроете отъ меня разныхъ по сему случаю мнѣній [1]). Я хотѣлъ предварительно уклониться отъ сихъ многихъ надъ однимъ судовъ: но теперь должно предать себя имъ, когда такъ Богу угодно. Можетъ быть, и самые строгіе право судятъ: всемъ сердцемъ утѣшаюсь, что есть открытая душа, которая не таитъ отъ меня обличенія моего: надобно слушать и исправляться! Не напрасно въ предъидущемъ письмѣ изъявилъ я желаніе обличенія. Слава Богу, что могу наконецъ сказать вашему сіятельству слово, которое такъ долго не выраждалось. Церковь вамъ дана. Только на словахъ еще узналъ я сіе вчера.

Надежда застать васъ въ Москвѣ становится теперь для меня сомнительною. Сказываютъ, что высокопреосвященнѣйшій митрополитъ только къ началу августа прибудетъ въ Петербургъ: слѣдственно я уже въ августѣ долженъ отправиться. Съ трудомъ, но надѣюсь, выпроситься на годъ.

Кончить некогда опять. Будьте благополучны внутренно и внѣшно! Съ симъ моленіемъ остаюсь... Филаретъ, архіепископъ Московскій.

XLII.

9-го октября 1821 г.

Желаю в. с. лучшаго здравія. Моя прогулка около Кремля, благодареніе Богу, совершилась безъ большаго утомленія. Радуюсь, что могъ участвовать въ семъ торжественномъ воспоминаніи общаго избавленія. Теперь надѣюсь предпринять путешествіе за Донской. И я думалъ въ понедѣльникъ или во вторникъ. Но когда лучше? Тогда бы, по моему мнѣнію, когда бы менѣе ожидали, дабы найти хозяина дома, какъ дома. И поелику послѣ-завтрешній день еще менѣе извѣстенъ, нежели завтрешній: то на сей разъ я избираю завтрешній. Только покорнѣйше прошу ваше сіятельство никакой мысли не тратить на ожиданіе. И паки желая здравія, съ искреннимъ почтеніемъ и преданностію есмь... Филаретъ, архіепископъ Московскій.

---

[1]) Т. е. толковъ по поводу назначенія Филарета архіепископомъ въ Москву.
Н. Б.

XLIII.

11-го октября 1821 г.

Да благословится гостепріимство ваше, подобно гостепріимству Авраама и Сарры, и да пошлется вамъ нѣкогда посѣщеніе, подобное ихъ посѣщенію! Что обвечерѣлъ я, въ томъ виноватъ предъ собою и передъ вами. А отъ чего между прочимъ? Теперь нашелъ мысль, которая вчера скрытно меня держала. Мнѣ надлежало просить о возвращеніи двухъ рукописей, изъ коихъ послѣдняя особенно нужна. Покорнѣйше прошу доставить ихъ чрезъ посылаемаго съ симъ, есть-ли можно.

Съ искреннимъ почтеніемъ и совершенною преданностію есмь вашего сіятельства покорнѣйшій слуга и богомолецъ Филаретъ, архіепископъ Московскій.

XLIV.

8-го ноября 1821 г.

Отъ всего сердца желаю вашему сіятельству изцѣленія: но должно ли скорѣе тѣло облегчить исцѣленіемъ, или продолжить душу врачевать терпѣніемъ, вѣдаетъ верховный врачь. Вы безъ сна; а я много спалъ, какъ здоровый, а всталъ хуже прежняго, почти кривой дописывалъ утромъ, что сегодня для праздника сказать надлежало, въ службу отъ стрѣльбы часто закрывалъ рукою глазъ. Слава Богу, что дѣло какъ нибудь кончено. Но завтра необходимо нужно мнѣ остаться дома. Рѣшился и не читать и не писать кромѣ самой необходимости. Завтра увижу, надобно ли кланяться и лѣкарю.

Въ Чудовъ я могъ бы приказать, но не угодно-ли потерпѣть немного, въ надеждѣ, не оправлюсь-ли и я.

Записку къ протоіерею при семъ прилагаю.

XLV.

14-го ноября 1821 г.

Позвольте узнать о здоровьѣ вашего сіятельства. Мой глазъ не препятствуетъ болѣе вамъ видѣть Чудовскую ризницу. Есть ли угодно нынѣшній день: то покорнѣйше прошу пожаловать въ полдень въ келью Чудовскаго намѣстника, ибо бѣдный хозяинъ сего монастыря не имѣетъ въ немъ себѣ угла. Есть ли иной день вамъ удобнѣе: назначьте. А мнѣ дайте знать, ожидать ли сего дня. Желая вамъ дней благословенныхъ и благихъ, утѣшеніемъ почитаю быть... Филаретъ.

XLVI.

4-го декабря 1821 г.

Намѣренія быть завтра въ Чудовѣ по сихъ поръ ничто не принуждаетъ перемѣнить. По чему покорнѣйше прошу пожаловать въ двѣнадцать часовъ, точно въ покои намѣстника, потому что больше некуда. Впрочемъ удобенъ ли сей день вашему сіятельству? Есть ли нѣтъ, то назначьте вы другой, только не вторникъ, который начиная съ вечера понедѣльника, по многимъ обстоятельствамъ, мнѣ уже не принадлежитъ... Филаретъ, арх. Московскій.

XLVII.

23-го декабря 1821 г.

Изъ отвѣта моего, который по сей часъ ваше сіятельство, думаю, получили уже, изволите усмотрѣть, что ошибка моего письмоводителя на меня не простирается, а произошла отъ его торопливости, и отъ того, что я не имѣлъ времени взглянуть на его росписку... Филаретъ.

XLVIII.

27-го декабря 1821 г.

При семъ препровождаю вашему сіятельству письмо къ князю Александру Николаевичу. А другое къ кому надлежало написать, не помню. Есть ли есть еще время: извольте сказать, и я напишу немедленно. Вчера желалось мнѣ быть у вашего сіятельства: но время запуталось. Пріимите отъ меня желаніе усерднаго посѣщенія, есть ли самаго дѣла не сбудется. Исааку и Товіи на путь ангела Пославый да устрояетъ и устроитъ путь вашъ въ мирѣ и съ желаемымъ успѣхомъ! Съ симъ искреннимъ желаніемъ есмь. . Филаретъ, архіеп. Московскій.

XLIX.

7-го генваря 1833 г.

Съ начатіемъ новаго лѣта, призываю вамъ обновленіе и умноженіе даровъ благаго провидѣнія, не только на многія лѣта жизни временной, но и для незнающаго предѣловъ продолженія жизни духа.

Благодарю вашему сіятельству, что меня вспомнили и добрыми желаніями посѣтили. На письмо отъ 15-го декабря надлежало бы отвѣтствовать ранѣе. Но вотъ оправданіе. Сейчасъ подписалъ я опредѣленіе, которымъ разрѣшается построеніе другой церкви въ селеніи Глушковѣ. Итакъ теперь, а не ранѣе возможенъ удовлетворительный вамъ отвѣтъ. Паки призываю вамъ благословеніе Божіе... Филаретъ, митрополитъ Московскій.

L.

20-го мая 1833 г.

Благодарю вашему сіятельству за доброе желаніе мнѣ новопришедшему. Въ Москвѣ надѣюсь быть здоровѣе, на такой здоровой и пріятной пищѣ, какую вы прислали. Вашего сіятельства покорнѣйшій слуга и Богомолецъ Филаретъ, м. Московскій.

LI.

17-го декабря 1845 г.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ которыя не имѣю случая встрѣчаться съ вами, ваше воспоминаніе и слово не разъ навѣщало меня: и совѣстно было моему молчанію. Надобно, чтобы вы когда-нибудь узнали сіе и не совсѣмъ осудили меня.

Пусть за меня побесѣдують съ вами сколько-нибудь мои книги, которыя, пользуясь случаемъ, при семъ посылаю. Довольно давно ничего не знаю о васъ. Желаю вамъ всего добраго. Да будутъ успѣшно побѣждены трудности; и опыты трудностей да усилятъ искуство предохраненія отъ трудностей. Съ симъ искреннимъ желаніемъ призывая вамъ благословеніе Божіе, съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію пребываю вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Филаретъ М. московскій.

LII [1]).

12-го ноября 1848 г.

Перепишите записку о Вероникѣ и пошлите графу, при засвидѣтельствованіи ему нашего о немъ воспоминанія съ добрымъ желаніемъ. А подлинникъ возвратите мнѣ.

LIII.

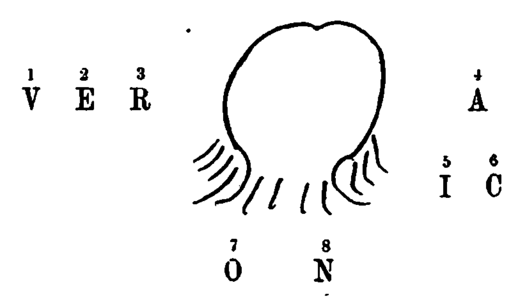
Переводъ изъ книги: Bibliothèque sacrée, сочиненной доминиканцами, изданной въ Парижѣ, тома XXVI, стр. 70.

Veronique, на латинскомъ Veronica, Вероника, слово происшедшее чрезъ переложеніе буквъ изъ словъ: vera icon, что значитъ ис-

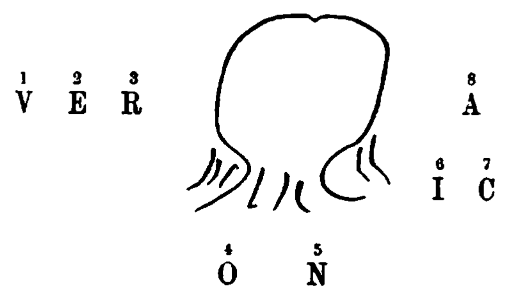
[1]) Это письмо Филарета адресовано къ намѣстнику Чудова монастыря. За краткой запиской слѣдуетъ извлеченіе изъ Bibliothèque sacrée, содержащее рѣшеніе вопроса, предложеннаго Филарету графомъ П. С. Потемкинымъ.
Н. В.

тинная икона, или изображеніе Іисуса Христа. Это образъ Спасителя, написанный на платѣ, или на полотнѣ, что называлось: святый сударь. На семъ образѣ обыкновенно представлялась только глава Спасителя спереди, то есть лицо со власами. Такія изображенія вмѣсто прикрѣпленія къ доскамъ, или заключенія въ кивоты, обыкновенно были привѣшиваемы. Иконописцы представляли оныя иногда держимыми ангеломъ, а чаще женщиною. Сія фигура въ началѣ имѣла только значеніе подпоры для Вероники, то есть, истиннаго образа: но впослѣдствіи времени оную приняли за дѣйствительную женскую особу, изъ которой сдѣлали Іерусалимскую святую по имени Веронику, которая Господу нашему, проходившему мимо ея воротъ на Голгофу, подъ крестомъ подала свой платъ, или покрывало, для отертія съ лица пота и крови и получила отъ Него тотчасъ обратно съ изображеніемъ Его лица. Составители сего вымысла заставляютъ Веронику идти въ Римъ и пр.

Изъясненіе переводчика. На полотнѣ иконы была надпись: vera icon, истинная икона или истинное изображеніе, расположенная на полотнѣ слѣдующимъ образомъ:



Ее прочитали по ошибкѣ слѣдующимъ образомъ:



Складки полотна заставили непорядочно сдѣлать надпись и для случая худо прочитать.

Списано съ подлинника 14-го ноября 1848 г.

LIV.

20-го ноября 1848 г.

Послѣднее ваше письмо я получилъ вечеромъ 13 ноября и того же дня утромъ получилъ я его высокопреосвященства подлинникъ, съ коего копію у сего имѣю честь приложить. Когда я изъяснялъ ваше желаніе знать о Вероникѣ, тогда владыко соблаговолилъ прежде разсказать все о ней, но въ то же время обѣщалъ для бо̀льшаго удостовѣренія сдѣлать выписку изъ книги, а для сего приказалъ еще разъ напомнить объ этомъ.

Напоминаніе послѣдовало 9 ноября и чрезъ 3 дня отвѣтъ при запискѣ, которую для бо̀льшаго удостовѣренія препровождаю къ вамъ и, по миновании нужды, покорнѣйше прошу ее возвратить мнѣ.

А 8 ноября, когда вы изволили писать мнѣ письмо, я писалъ дополнительныя свѣдѣнія объ оргиналѣ образа Божіей Матери Споручницы—собственно для себя,—кои суть:

1) О семъ образѣ сама братія Одринской обители ничего не знала; не знала даже и того, есть-ли у ней въ обители такой образъ. И незнаніе сіе длилось до 1843 года. Съ сего же года образъ сталъ быть извѣстенъ такъ: одна купчиха Карачева гор(.ода) съ больнымъ руками и ногами малолѣтнимъ сыномъ приходитъ въ обитель и проситъ отслужить Споручницѣ молебенъ, которая такъ наименовала себя въ сновидѣніи купчихѣ. Братія говорятъ: нижѐ слышахомъ о такомъ образѣ, и въ обители его нѣтъ; если же хочешь, отслужимъ «утоли моя печали» [1]). И отслужили, и пришедшая пошла безъ пользы. Только идя съ монастыря, заходитъ въ приворотную часовню и здѣсь, указывая на образъ, говоритъ: вотъ онъ. И слово ея оказалось вѣрнымъ. Точно, тотъ образъ стоялъ въ часовнѣ, какой теперь и въ Хамовникахъ. Начали служить молебенъ и сынъ ее тотчасъ послѣ молебнаго пѣнія оздравѣлъ руками и ногами. Съ сего времени образу была воздаема особая честь, а образъ изливалъ на вѣру особую благодать. 2) Образъ сей греческаго писанія, но какъ древняго—не опредѣляютъ, размѣра же какъ бы для большаго иконостаса. 3) Со времени какъ копія ознаменовала себя особою благодатною силою, къ оригиналу начали имѣть особенно великую вѣру; и старецъ-разскащикъ теперь чинитъ въ Москвѣ сборъ на сооруженіе храма во имя Споручницы. 4) Богоматери сей въ обители празднуютъ 7 марта, вѣроятно по чуду исцѣленія купеческаго сына. 5) Образъ Хамовническій писанъ

[1]) Т. е. предъ иконой Божіей Матери, именуемой „Утоли моя печали“.
Н. В.

однимъ господскимъ человѣкомъ, недалеко отъ обители жительствующимъ. Здѣшній образъ письма масляного живописнаго.

Всѣ сіи свѣдѣнія отобраны отъ сборщика іеромонаха, и случись-же, что все это съ вами въ одинъ день! Не знаю, писалъ-ли я вашему сіятельству о томъ, почему явленія въ храмѣ Хамов. начались не подъ Троицынъ и не подъ Духовъ день, а гораздо позднѣе, т. е. подъ четвергъ на Троицкой недѣлѣ. Что-же это значитъ? То, что въ обитель изъ города Карачева въ четвергъ на этой недѣлѣ бываетъ крестный ходъ, учрежденный по тому случаю, какъ говоритъ іеромонахъ, что въ давно бывшія времена граждане поднятіемъ образа св. Николая въ городѣ прекратили дѣйствовавшую въ немъ моровую язву, и въ память сего избавленія уставили совершать ежегодно ходъ. Слѣдовательно подъ четвергъ въ обители была праздничная всенощная. И вотъ въ соотвѣтствіе тамошнему торжеству суждено и здѣсь образу Богоматери явить славу свою тѣмъ же въ ночное время, когда въ обители, можетъ быть читалось Евангеліе.

Теперь въ Хамовникахъ стеченіе народа одними стѣнами церкви ограничивается. Впрочемъ стеченіе всегда большое и доходное. Указа о перемѣщеніяхъ мы еще не получали; и потому дивно, какъ разнообразенъ говоръ говоруновъ. Ваше свѣдѣніе при здѣшнихъ—тоже документами свидѣтельствуемыхъ толкахъ, почти не имѣетъ довѣрія. Потому-то и нуженъ для развязки дѣла указъ. Впрочемъ сущность одна и таже у всѣхъ. А мы думали было совсѣмъ иначе. Какже послѣ сего мысли наши слабы и не далеко летаящи. Однако-же будьте увѣрены, что мы всѣ спокойны и довольны такъ, какъ нельзя болѣе.

Владыко нашъ здравствуетъ. Явился служить въ Чудовъ панихиду и литургію по императорѣ Александрѣ Павловичѣ, да и завтра будетъ здѣсь-же служить. Во время холеры и послѣ холеры одинъ изъ нашей братіи, архимандритъ, переселился къ отцамъ. Это о. арх. Гавріилъ, мѣсто коего занялъ даниловскій арх. Платонъ, а сего Перервинскій игуменъ Парменъ. 13-го августа въ 1 часу за полночь заболѣлъ, а въ 10 утра кончилъ жизнь, и на другой день похоронили въ своей обители. Викарій отпѣвалъ. Михаилъ Доримидонычъ вамъ кланяется. Онъ переѣхалъ изъ своего дома въ воспитательный домъ въ казенныя комнаты, въ коихъ я еще не бывалъ. Желаю отъ души вашему сіятельству мира сердечнаго и благоустроенія всѣхъ вашихъ дѣлъ. Вашего сіятельства покорнѣйшій и послушнѣйшій слуга, намѣстникъ архимандритъ Іоанникій.

Примѣчаніе. Напечатанныя здѣсь письма Филарета митрополита Московскаго, 1812—1848 гг., весьма обязательно сообщены намъ 18-го апрѣля 1873 г. А. И. Поповицкимъ, чрезъ посредство г. Громачевскаго.

Ред.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ ФАЛЕНБЕРГЪ.

1826 г.

Вишкина. 29-го сентября 1882 г.

«Достойно уважаемый Михаилъ Ивановичъ! Въ полезной «Русской Старинѣ» вашей за сентябрь мѣсяцъ, изд. 1882-го года, на стр. 626, по вопросу о лѣтахъ Петра Ив. Фаленберга, могу засвидѣтельствовать, что сынъ его Ѳедоръ Петр. правильно показалъ, что отецъ его скончался въ 1873 г., имѣвъ 82 года отъ роду.

Я имѣлъ въ рукахъ весьма занимательную подлинную статью П. Ив. Фаленберга въ 33 страницы большого формата, съ позволеніемъ напечатать ее; она не могла быть помѣщена въ моихъ запискахъ въ Лейпцигѣ въ 1870 г., потому что я получилъ ее въ 1872 г. Прилагаю здѣсь подлинное его письмо ко мнѣ. Если сынъ его напечаталъ эту статью въ «Рус. Арх.» (изд. 1877 г. книга III, стр. 92),—то имѣлъ полное право наслѣдственное, но я сомнѣваюсь, чтобы онъ напечаталъ безъ пропусковъ. Подлинникъ съ этой статьи возвращенъ мнѣ по желанію автора, но копію, мною лично снятую, передалъ я Н. А. Некрасову для напечатанія въ „Отеч. Зап.“ со всѣми моими дополненіями и новыми прибавленіями; но эпизодъ изъ жизни П. И. Фаленберга не явился въ печати въ „Отечеств. Запискахъ“. Я не нахожу ни малѣйшей причины къ этому—развѣ только потому, что въ этой статьѣ упоминаются личности—Чернышевъ, Левашевъ, Бенкендорфъ, Раевскій и многіе др., но совершенно безобидно.

Вѣроятно по такой-же причинѣ отвергли не менѣе занимательную статью мою изъ Записокъ Мих. Ив. Пущина II; въ ней упоминается Ив. Ѳед. Паскевичъ и много дѣйствователей Кавказскихъ, все фактически и безобидно.

Лучшимъ и справедливѣйшимъ цензоромъ моихъ записокъ, очерковъ и статей имѣлъ я въ моемъ главномъ благодѣтелѣ, въ лицѣ императора Александра II, сказавшаго при многихъ свидѣтеляхъ:

— «Знаю, что Розенъ никогда не напишетъ и не напечатаетъ ничего вреднаго!»

Глубоко-уважающій васъ баронъ Андрей Розенъ“.

Вотъ въ переводѣ выдержка изъ письма Петра Ив. Фаленберга къ барону Андр. Евген. Розену на нѣмецкомъ языкѣ:

Бѣлгородъ. 23 сентября 1872 г.

«Послѣднія два письма, дорогой старый другъ Андрей Евгеніевичъ, отъ 14 и 18 сего мѣсяца, я получилъ и спѣшу отвѣтить:

«Въ первомъ письмѣ вы изъявляете желаніе помѣстить въ новомъ изданіи вашихъ Записокъ эпизодъ моего осужденія и ареста въ крѣпости; на что даю вамъ полное мое согласіе.

«Хотя мой манускриптъ назначенъ былъ только какъ наслѣдство моимъ дѣтямъ, но какъ при строгости печати подобныя истины были нетерпимы, то манускриптъ мой тлѣлъ втайнѣ, а теперь, когда время и обстоятельства повернули къ лучшему, то истина можетъ выступить на дневной свѣтъ!»

Когда мои Записки были напечатаны отрывками на нѣмецкомъ языкѣ въ 1869 году подъ заглавіемъ—Aus den Memorien eines Russischen Decabristen—и русскій подлинникъ уже поступилъ въ печать, то получилъ я ниже помѣщенный манускриптъ отъ товарища и соизгнанника моего, Петра Ивановича Фаленберга, умершаго въ 1873 году 13-го февраля, въ Бѣлгородѣ Курской губерніи, и похороненнаго въ Харьковѣ.

Рукопись эта заключаетъ въ себѣ поучительныя указанія и примѣръ ложнаго самообвиненія, который можетъ послужить новымъ предостереженіемъ, какъ осторожно и предусмотрительно должны поступать судьи. Рукопись эту сообщаю слово въ слово и читатель самъ выведетъ свое заключеніе.

Баронъ А. Е. Розенъ.

Викнина 13-го іюля 1870 г.

Разсказъ П. И. Фаленберга [1]).

— «La legge che comanda la tortura, è una legge che dice: «Uomini, resistate al dolore, e se la natura h'o creato in voi uno inestinguibile amor proprio, se vi h'o dato un inalienabile d'éritto alla vostra difesa, in creo in voi un affetto tutto contrario, ane un eroico adio di voi stessi, e vi amando di accusare voi medecimi.....»

Beccaria.

Въ 1822 году, въ одинъ лѣтній день, П. И. Фаленбергъ и А. И. Барятинскій, послѣ дружескаго завтрака у послѣдняго, отправились изъ Тульчина въ Клебань; обоимъ нужно было посѣтить П. В. Аврамова. Дорогою, между прочимъ разговоромъ,

---

[1]) Разсказъ этотъ, безъ всякихъ пропусковъ, напечатанъ въ „Русскомъ Архивѣ“, (изд. 1877 г. книга III, стр. 92—103). Мы его помѣщаемъ по списку, сообщенному барономъ А. Р. Розеномъ, какъ въ удовлетвореніе желанія

Барятинскій открылъ Фаленбергу о существованіи тайнаго общества.

— Какая-же цѣль этого общества?—спросилъ Фаленбергъ.

— „Введеніе конституціоннаго правленія".

— Но Россія еще далеко не приготовлена къ принятію такого правленія.

— „Такъ; и потому-то общество постановило первымъ правиломъ—распространять просвѣщеніе; и между тѣмъ отыскивая людей честныхъ и благомыслящихъ, безпрестанно ими усиливаться; когда-же оно будетъ такъ сильно, что голосъ его не можетъ быть не уваженъ, тогда общество попроситъ государя даровать конституцію, подобную англійской".

— Это прекрасно и хорошо, если-бы сбылось!

— „И такъ знай-же, что я членъ этого общества, и могу принять тебя: желаешь-ли быть нашимъ собратомъ"?

Фаленбергъ призадумался нѣсколько, но вскорѣ спросилъ въ свою очередь:—изъ кого-же состоитъ это общество, по крайней мѣрѣ я желалъ-бы знать хотя нѣкоторыхъ членовъ.

— „Я не долженъ именовать ихъ, это запрещается нашими правилами; но тебѣ, какъ человѣку благородному, въ которомъ я увѣренъ, могу назвать двухъ общихъ нашихъ знакомыхъ—Пестеля и Юшневскаго".

Фаленбергъ, уважая обоихъ какъ по уму, такъ и по душевнымъ качествамъ, не замедлилъ отвѣтить:—„о, коль скоро такъ, охотно радъ"!—Барятинскій крѣпко пожалъ ему руку, поцѣловалъ его, назвалъ собратомъ и такимъ образомъ совершился пріемъ въ тайное общество.

Барятинскій объявилъ неофиту, что, по правиламъ общества,

маститаго и всѣми уважаемаго нашего писателя барона Андрея Евгеніевича Розена, такъ и потому, что въ массѣ записокъ и документовъ о декабрьской смутѣ 1826 г. и о декабристахъ, помѣщенныхъ въ различныхъ томахъ нашего изданія „Русской Старины" — часто упоминается о самообвиненіи Фаленберга; настоящій разсказъ вполнѣ выясняетъ это ужасное событіе въ его жизни.

Отмѣтимъ здѣсь, что Петръ Ивановичъ Фаленбергъ—сынъ одного ученаго саксонца, выписаннаго кн. Потемкинымъ для учрежденія суконныхъ фабрикъ,—род. въ 1790 г., кончилъ образованіе въ Лѣсномъ институтѣ въ 1811 г., поступилъ въ армію и произведенъ въ офицеры 27-го янв. 1812 года.

Ред.

онъ не долженъ никого знать, кромѣ того, кто его принялъ, и ни съ кѣмъ другимъ не долженъ говорить о дѣлахъ общества, хотя-бы то былъ извѣстный ему членъ общества; наконецъ, что онъ самъ не можетъ принять въ члены иначе, какъ давъ напередъ знать принявшему его самаго, и получивъ его согласіе.

Окончивъ свои дѣла съ Аврамовымъ, Фаленбергъ возвратился домой, и размышляя о нечаянномъ вступленіи своемъ въ общество, облеченное тайною, полагалъ, что оно родъ Масонскаго братства. и какъ объявленная ему цѣль, имѣвшая въ виду благо отечества, была согласна съ образомъ его мыслей, то онъ не только не полагалъ, чтобы сдѣлалъ преступленіе, но даже не подозрѣвалъ, чтобы тутъ могло быть что-либо предосудительное или опасное для его спокойствія и чести.

Однажды, при свиданіи съ Пестелемъ, Фаленбергъ сдѣлалъ вопросъ объ обществѣ; Пестель смѣшался, отвѣтилъ невнятно и съ примѣтною уклончивостью. Этого было достаточно, чтобы напомнить Фаленбергу о нарушеніи правила и прекратить разговоръ. При первой встрѣчѣ съ Барятинскимъ, тотъ попенялъ ему за нескромность, и увѣряя, что получилъ замѣчаніе отъ Пестеля, просилъ быть осторожнымъ.

Послѣ смотра 2-й арміи, бывшаго въ 1823 году, Фаленбергъ взялъ отпускъ и уѣхалъ въ Воронежскую губернію; здѣсь, проведя почти весь 1824 годъ, онъ познакомился съ семействомъ (отставного маіора) Раевскаго, и отличивъ въ немъ дѣвушку по сердцу, вознамѣрился жениться. Чтобы исходатайствовать дозволеніе, онъ пріѣхалъ въ іюлѣ въ Тульчинъ, и пробывъ тутъ весь августъ, опять уѣхалъ въ Воронежъ.

Женившись въ началѣ 1825 года, онъ остался въ домѣ тестя своего до мая. Когда онъ собрался съ женою въ обратный путь, родители затеплили передъ образами свѣчи, велѣли всѣмъ сѣсть и потомъ, вставъ, помолились Богу и благословили дочь свою. При этомъ мать, вручая ее мужу, сказала со слезами:— „не оставьте ее"!—Растроганный мужъ, поднявъ руку къ небу, отвѣтилъ отъ полноты сердца: — „Да оставитъ меня Богъ, если я ее оставлю"!

Едва Фаленбергъ успѣлъ возвратиться въ Тульчинъ, какъ молодая жена его, нѣжно имъ любимая, впала въ жестокую болѣзнь. Находясь безотлучно при ней, онъ выходилъ изъ дому

только по необходимымъ обязанностямъ службы [1]). Его не посѣщалъ никто, кромѣ врачей, пользовавшихъ больную—Шлегель и Вольфъ.

Такимъ образомъ во все время, протекшее съ его пріѣзда до полученія извѣстія о кончинѣ государя, Фаленбергъ только три раза имѣлъ случай видѣться съ Барятинскимъ, и то урывками. Въ первое свиданіе Барятинскій успѣлъ сказать ему, что къ тайному обществу присоединилось другое такое-же; но не объяснилъ какое именно. При второмъ свиданіи онъ его увѣдомилъ, что вся гвардія на сторонѣ общества; при третьемъ и послѣднемъ свиданіи онъ сообщилъ еще, что графъ Витгенштейнъ [2]) желаетъ вступить въ общество, и угрожаетъ открыть его, если не будетъ принятъ. Всѣ эти извѣщенія сдѣланы были такъ слегка, что Фаленбергъ, занятый единственно болѣзнью любимой имъ жены, не имѣлъ ни времени, ни желанія разспрашивать о нихъ въ подробности, ни заниматься ими серьезно.

Наступило время розысковъ и арестовъ. Пестель былъ арестованъ 14-го декабря. Барятинскій въ это-же время нарочно былъ отправленъ съ бумагами къ генералу Сабанѣеву въ Тирасполь, гдѣ былъ арестованъ. Вскорѣ послѣ того докторъ Шлегель принесъ къ Фаленбергу полученное при газетахъ объявленіе правительства объ открытіи тайнаго общества:—что оно составлено изъ толпы злонамѣренныхъ злодѣевъ, имѣвшихъ адскій умыселъ посягнуть на цареубійство и на истребленіе императорской фамиліи. Прочитавъ это, Фаленбергъ содрогнулся,—ему не приходило даже на мысль, чтобы въ обществѣ, къ которому онъ принадлежалъ по одному только сорвавшемуся съ языка слову, могло быть замышляемо что-либо подобное. Онъ чувствовалъ въ совѣсти, что не могъ участвовать въ такомъ намѣреніи, и не согласился-бы принадлежать къ обществу, если-бы ему дѣйствительно открыто было что-нибудь похожее. Посему онъ оставался спокоенъ, полагая, что Барятинскій одинъ знаетъ о немъ и, конечно, умолчитъ, какъ о лицѣ, не принимавшемъ ни въ чемъ никакого участія, и даже не знающемъ ничего существеннаго по обществу.

---

[1]) Фаленбергъ былъ старшимъ адъютантомъ по квартирмейстерской части.
[2]) Въ изд. „Русскаго Архива“: графъ Виттъ.

Вышло однакожъ иначе. Января 11-го 1826 года докторъ Шлегель вошелъ къ нему въ примѣтномъ смущеніи. Послѣ первыхъ привѣтствій, устремивъ на него значительный взоръ, онъ сказалъ:

— „Меня везутъ въ Петербургъ".

— Васъ?—прервалъ Фаленбергъ съ видомъ шутки—быть не можетъ! мы васъ не отпустимъ ни зачто, всѣми силами ухватимся за васъ и отстоимъ.

— „А когда такъ", примолвилъ Шлегель.—„то одного изъ насъ двухъ".

Тутъ, какъ громомъ пораженный, Фаленбергъ почувствовалъ всю жестокость нанесеннаго ему удара.

Извѣстный добротою сердца графъ Витгенштейнъ, съ огорченіемъ взиравшій на арестованіе многихъ достойнѣйшихъ людей изъ своего штаба, сдѣлалъ для Фаленберга все, что могъ: онъ далъ ему четыре дня для приготовленія жены, лежащей на одрѣ болѣзни, къ предстоящей ужасной разлукѣ, и не велѣлъ вводить часовыхъ въ домъ, а поставить у воротъ, чтобы не возбудить подозрѣнія въ больной женѣ. Положеніе Фаленберга было самое затруднительное. Объявить женѣ истину—значило свести ее преждевременно въ гробъ, быть ея убійцею. Оставалось одно—обмануть ее. И такъ онъ рѣшился объявить ей, что получилъ повелѣніе немедленно ѣхать въ Бессарабію, по дѣламъ особенной важности, которыя впрочемъ никакъ далѣе трехъ недѣль тамъ его не задержутъ. Онъ обѣщалъ писать къ ней какъ можно чаще. Сколько это ни огорчило больную, но она великодушно рѣшилась покориться необходимости, умоляя только не замедлить возвращеніемъ. Чтобы поддержать ее въ этомъ обманѣ, Фаленбергъ приготовилъ нѣсколько писемъ изъ разныхъ мѣстъ Бессарабіи и отъ разныхъ чиселъ мѣсяцевъ, и просилъ доктора Шлегеля доставлять оныя ей, какъ-бы полученныя имъ по почтѣ.

Для препровожденія Фаленберга въ Петербургъ назначенъ былъ адъютантъ главнокомандующаго—Горленко, который отправился съ нимъ 15-го января. Легко можно себѣ представить, какія мысли терзали его дорогою. Ужасное положеніе жены не выходило изъ воображенія его. Невозможность надолго поддерживать обманъ казалась ему убійственною для нея. Самая клятва, данная имъ матери своей жены—не оставлять ее, тяготила его

душу. Вдали представлялся одинъ мракъ и неизвѣстность. Не зная ничего объ арестѣ Барятинскаго, онъ не могъ понять, кто, кромѣ его, могъ показать на него, и въ чемъ состояло это показаніе? Между тѣмъ какъ онъ томился однѣми догадками, предположеніями,—изрѣдка обращался къ спутнику. Приближаясь къ столицѣ, они слышали на станціяхъ разсказы одни другихъ ужаснѣе, одни другихъ нелѣпѣе, коимъ, при настроеніи его души, онъ легко повѣрилъ. Разсказывали имъ, между прочимъ, что съ арестованными и посаженными въ крѣпость поступаютъ съ жестокостью, что многихъ ужъ разстрѣляли; услышавъ это, Фаленбергъ твердо рѣшился быть скромнымъ и осторожнымъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, его посадили на дворцовую гауптвахту, гдѣ провелъ одну ночь. На другой день, 24-го января 1826 г., его повели въ эрмитажъ къ генералъ-адъютанту Левашову, который принялъ его вѣжливо и по предварительномъ увѣщеваніи къ откровенности, предложилъ ему нѣсколько вопросовъ о принадлежности къ тайному обществу и спросилъ: знакомъ-ли онъ съ Барятинскимъ?

Фаленбергъ отвѣчалъ съ твердостью, что онъ ни о какомъ тайномъ обществѣ не знаетъ, а что Барятинскаго знаетъ какъ адъютанта главнокомандующаго, и особеннаго знакомства съ нимъ не имѣетъ. Генералъ-адъютантъ, удовлетворясь его отвѣтами, записалъ ихъ, подалъ бумагу Фаленбергу для подписи и понесъ ее къ государю императору.

Возвратясь изъ кабинета, онъ отправилъ Фаленберга съ фельдъегеремъ въ главный штабъ, гдѣ его помѣстили въ одну комнату съ полковникомъ Кончіяловымъ, также арестованнымъ. Въ общемъ несчастіи люди скоро знакомятся, еще скорѣе дѣлаются искренними. Кончіяловъ разсказалъ Фаленбергу все, что зналъ о настоящемъ ходѣ дѣла, и, между прочимъ, въ примѣръ вниманія государя къ искренности признаній, представилъ двухъ братьевъ Раевскихъ, которые также содержались прежде въ штабѣ, даже въ этой самой комнатѣ, а потомъ были четыре дня въ крѣпости очень строго содержаны; но по признанію чистосердечному были выпущены.

Несчастному Фаленбергу, котораго душа подавлена была горестью и мысли заняты единственно оставленною въ тяжкой болѣзни женою, разсказъ этотъ подалъ въ первый разъ идею откровен-

ности, и онъ ухватился за нее, какъ за единственное средство избавленія отъ ареста и возвращенія къ нѣжно любимой супругѣ. Идея эта была подстрекаема догадкою относительно вопроса Левашова о знакомствѣ съ Барятинскимъ: не открылъ ли онъ о принятіи его въ общество? Въ такомъ случаѣ увидятъ ясно, что онъ не искрененъ, что въ немъ нѣтъ чистосердечнаго признанія, слѣдовательно не отпустятъ, продержутъ Богъ знаетъ до коихъ поръ, и что̀ между тѣмъ станется съ бѣдною женою! Въ такихъ мысляхъ и подобныхъ терялся Фаленбергъ, когда находившійся при дежурномъ генералѣ, капитанъ Жуковъ, имѣвшій надзоръ за арестантами, объявилъ ему за весьма хорошій признакъ, что ему велѣно возвратить его вещи и человѣка. Здѣсь опять мелькнула надежда скораго освобожденія; мысль объ откровенности замолкла, и такимъ образомъ протекли семь мучительныхъ дней. Можетъ быть дѣйствительно день, два еще,—и онъ былъ бы освобожденъ, былъ бы счастливъ, полетѣлъ-бы къ предмету всѣхъ мыслей и желаній своихъ; но злая судьба расположила все иначе. Неожиданно къ нимъ явился Раевскій, одинъ изъ упомянутыхъ братьевъ: онъ пришелъ повидаться съ Кончіаловымъ, у котораго служилъ въ полку. Поговоривъ съ нимъ полчаса или болѣе, онъ узналъ отъ Кончіалова, что съ нимъ арестованъ Фаленбергъ, и обратившись къ сему послѣднему, отрекомендовался какъ свойственникъ, потому что приходился двоюроднымъ братомъ его женѣ, и предложилъ ему свои услуги. Фаленбергу пріятно было такое нечаянное знакомство съ родственникомъ, котораго до того времени зналъ только по наслышкѣ; впрочемъ онъ отказалъ предложенныя услуги, ожидая возвращенія своего человѣка и вещей, гдѣ были и деньги, и сказалъ, что ему одно только нужно—возвратиться какъ можно скорѣе домой. Раевскій въ порывѣ самодовольствія, свойственнаго человѣку, который только что выпущенъ былъ самъ изъ-подъ ареста въ крѣпости, быть можетъ изъ уваженія къ отцу, герою бородинскаго сраженія 1812 года,—далъ совѣтъ—показать откровенно все, что знаетъ и прибавилъ гибельныя для Феленберга слова: „poltron qui ne dira pas tout ce qu'il sait“. Вскорѣ послѣ того онъ простился и ушелъ.

Случалось ли вамъ видѣть, когда птичка, нечаянно вылетѣвшая изъ клѣтки, давъ нѣсколько круговъ по комнатѣ, и увѣрив-

шись въ своей свободѣ, начинаетъ порхать съ одной клѣтки на другую, и какъ бы дразнитъ ею другихъ затворницъ? Видѣли ли, какъ эти бѣдныя начинаютъ тогда биться въ своихъ клѣткахъ, какъ просовываютъ головку въ каждую щелку, какъ клюютъ носикомъ въ стекло,—однимъ словомъ, какъ сильно выражаютъ онѣ оживленное желаніе свободы? Точно въ такомъ раздраженіи и стремленіи остался Фаленбергъ по выходѣ Раевскаго. Желаніе ускорить свое освобожденіе овладѣло имъ совершенно. Образъ милой супруги, лежащей на смертномъ одрѣ, представился его воображенію; ему слышались укоризны въ нарушеніи обѣщанія, даннаго при отъѣздѣ изъ родительскаго дома, и клятвы, имъ произнесенной. Всѣ чувства его сильно взволновались, мысли затмились, и, несчастный! рѣшился быть себѣ злодѣемъ—быть ложнымъ самообвинителемъ!

Въ тотъ же вечеръ онъ написалъ письмо къ В. В. Левашову и просилъ свиданія съ нимъ. Отправивъ роковое письмо, онъ задалъ себѣ вопросъ:—но что я скажу? При разстроенномъ состояніи души, само собою представилось слѣдующее разсужденіе: „Чтобы быть тотчасъ освобожденнымъ, требуютъ чистосердечнаго признанія; но какъ поступить, чтобы они убѣдились въ этомъ чистосердечіи? Безъ сомнѣнія, чѣмъ важнѣе будетъ мое признаніе, тѣмъ болѣе они увидятъ, что я совершенно откровененъ!“

На этомъ гибельномъ выводѣ остановились его мысли и онъ рѣшился показать на себя, будто-бы по тайному обществу ему извѣстно то, о чемъ онъ въ первый разъ узналъ изъ печатнаго объявленія, доставленнаго ему докторомъ Шлегелемъ. Посягнувъ, такимъ образомъ, на свою собственную честь и безопасность, онъ успокоился и ожидалъ только минуты, когда его позовутъ на самоубійство новаго рода.

На другой же день, 2-го февраля, его потребовали во дворецъ. Явясь къ Левашову, Фаленбергъ объявилъ, что желаетъ чистосердечно признаться. Генералъ сѣлъ и указалъ ему стулъ за столомъ письменнымъ и началъ записывать его показанія. Фаленбергъ открылъ ему, что принадлежалъ къ тайному обществу, и принятъ въ оное княземъ Барятинскимъ, который ему объявилъ, что цѣль общества состояла въ томъ, чтобы распространять просвѣщеніе, усиливаться членами, и когда оно будетъ уже довольно сильно, просить у государя конституціи...

„Ну, а еслибы государь не согласился?“ прервалъ генералъ-адъютантъ.

— Предполагали просить въ такую пору, когда трудно было бы не уважить.

„Но если государь и тогда бы не уважилъ?“

— Въ такомъ случаѣ полагали нужнымъ жертвовать всѣмъ,— имѣніемъ, жизнію, и даже жизнію государя.

Когда Фаленбергъ произнесъ эти несчастныя слова, генералъ измѣнился въ лицѣ, посмотрѣлъ на него, пожалъ плечами, и записалъ слова его. Спросивъ потомъ: „все ли?“ онъ отдалъ ему бумагу для подписи и сказалъ, что онъ долженъ показать ее государю. Позвалъ фельдъегеря, приказалъ ему остаться съ нимъ, и вышелъ.

Сильная внутренняя борьба истины съ ложью, волновавшая несчастнаго Фаленберга во все время этого допроса; смущеніе, несвязность показаній отъ невѣдѣнія того, что силился онъ доказать ложью—всѣ ощущенія эти, выражавшіяся въ лицѣ и глазахъ его, не могли не быть замѣчены генералъ-адъютантомъ, и послужили, можетъ быть, еще къ бо́льшей уликѣ Фаленберга, между тѣмъ какъ совѣсть уже его терзала, упрекая въ ложномъ показаніи.

Если-бы В. В. Левашовъ на это время вспомнилъ законъ царя-преобразователя Россіи, который, опередивъ вѣкомъ своихъ современниковъ, постановилъ: въ судѣ недостаточно ссылаться на собственное признаніе обвиненнаго, надобно, чтобы оно было подтверждено еще всѣми обстоятельствами,—какъ сказано въ воинскомъ регламентѣ о собственномъ признаніи. Если-бы допроситель только потрудился сдѣлать нѣсколько вопросовъ въ поясненіе подробностей, увидѣлъ бы ясно, что невинновный несчастливецъ, убитый горестью, безъ пощады лжетъ на себя и спасъ-бы жертву минутнаго ослѣпленія.

Генералъ скоро возвратился, и объявилъ несчастному, вмѣсто ожидаемаго прощенія и желанной свободы, повелѣніе высочайшее отправить его въ крѣпость, и тутъ же поручилъ его фельдъегерю съ запискою къ коменданту Петропавловской крѣпости.

Какъ изобразить состояніе души Фаленберга въ ту минуту, когда его везли чрезъ Неву и ввезли въ крѣпость! Комендантъ, принимая его, посмотрѣлъ на него съ холодностію, какъ чело-

вѣкъ, привыкшій ежедневно видѣть новыя жертвы, и сказалъ отрывисто: „я получилъ повелѣніе содержать васъ въ крѣпости, и содержать хорошо“. Арестантъ предоставленъ былъ плацъ-маіору, который отвелъ его въ назначенный № въ казематахъ.

Здѣсь арестанта заставили раздѣться, стали объискивать его платье, общупали подъ мышцами, нарядили въ затрапезный халатъ, и послѣ этой уничижительной и несносной операціи, оставили его въ жертву горести и отчаянія. При выходѣ плацъ-маіора съ ассистентомъ своимъ, унтеръ-офицеромъ, слухъ невиновнаго несчастливца въ первый разъ ознакомился съ ужаснымъ, потрясающимъ душу, звукомъ тяжелыхъ тюремныхъ запоровъ и замковъ, послѣ коего все замолкло, какъ бы для того, чтобы впечатлѣніе, произведенное этимъ звукомъ, сдѣлать разительнѣе.

Представьте себѣ человѣка благороднаго, благовоспитаннаго, служившаго въ одной изъ важнѣйшей части войска, и служившаго съ честью,—человѣка, который во всю службу свою не далъ начальнику даже повода къ малѣйшему замѣчанію и который не снесъ бы взгляда оскорбительнаго,—теперь по непостижимому извѣту судьбы лишеннаго свободы, дошедшаго до ложнаго самообвиненія, внезапно ввергнутаго въ мрачные своды смрадной тюрьмы—и будете ли еще спрашивать, что̀ онъ долженъ былъ чувствовать? и чье перо могло-бы удовлетворить вашему любопытству, не искажая истины? Мрачна, какъ отягченная горестью душа узника, была тюрьма, въ которой онъ оставленъ былъ самому себѣ. Комната въ четыре шага въ квадратѣ, помѣщая лазаретную кровать, столъ и ставчикъ, оставляла не много мѣста для движенія. Небольшое окно, замазанное снаружи мѣломъ, пропускало въ амбразуру толстой каменной стѣны какой-то сумрачный полусвѣтъ. Желѣзная труба желѣзной печки, проведенная изъ коридора чрезъ всю комнату и висѣвшая надъ самою головою, раскаливаясь во время топки, сообщала съ трескомъ невыносимую теплоту по потолку каземата, между тѣмъ, какъ надъ поломъ ноги зябли отъ холода. Сидѣть неподвижно, снѣдаемому грустью, было нестерпимо; а ходить было невозможно; оставалось кружиться почти на мѣстѣ. Измучившись этимъ кругообразнымъ движеніемъ, съ стѣсненнымъ сердцемъ, подвинулся онъ къ одру страданій и со слезами бросился на него.

Бремя золъ придавило его. Удрученному душевными потрясеніями, наконецъ, предсталъ небесный благодѣтель несчастныхъ—сонъ. Послѣ нѣкотораго успокоенія, необыкновенный шорохъ разбудилъ его; встревоженный, онъ слышитъ скрипъ сапогъ,—кто-то, казалось, подходилъ къ его дверямъ; ему явственно послышались слова, произнесенныя протяжнымъ голосомъ: „первая ночь жизни!" На другой день, въ то же время, около двѣнадцати часовъ полуночи послышался тотъ же скрипъ сапогъ и тотъ же голосъ повторилъ: „вторая ночь жизни!" На третій день онъ услышалъ: „третья ночь жизни!" Въ четвертый день предъ вечеромъ, когда Фаленбергъ, терзаемый неизвѣстностью, терялся въ своихъ догадкахъ и соображеніяхъ, дверь темницы растворилась и вошелъ къ нему видный, рослый, лѣпообразный священникъ съ наперстнымъ золотымъ крестомъ и съ орденомъ на груди. Двери затворились за нимъ, и онъ, подошедъ къ узнику, обратился къ нему съ слѣдующими словами:

— „Сынъ мой!" сказалъ онъ, „Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ посѣщалъ темницы , и я, служитель вѣры, пришелъ утѣшить скорбящаго въ заточеніи, подать спасительный совѣтъ погибающему. Юный монархъ нашъ съ прискорбіемъ взираетъ на такое великое число жертвъ и не ищетъ обвиненія. Онъ только хочетъ, чтобы чистосердечнымъ раскаяніемъ вы дали ему случай къ милосердію и облегченію вашей участи".

Изумленный Фаленбергъ нѣсколько разъ порывался прервать рѣчь священника, но тотъ продолжалъ все тѣмъ же ровнымъ, сострадательнымъ голосомъ, подкрѣпляя слова свои покорною, послушною ему слезою. Всякому другому не трудно было бы отгадать, что священникъ произнесъ хорошо затверженныя слова, и что это былъ языкъ не сердца, чувствительнаго къ несчастіямъ ближняго, но должностнаго увѣщателя. Фаленбергъ, однако, былъ тронутъ до глубины души и отвѣтилъ кратко, что онъ слишкомъ былъ искрененъ, а можетъ быть и больше, нежели сколько надо было. Тогда священникъ увѣрилъ его, что онъ можетъ въ такомъ случаѣ надѣяться на милосердіе монарха и быть спокоенъ,—и вышелъ. Въ ту же ночь, уже знакомый голосъ повторилъ: „четвертая и послѣдняя ночь жизни!" Услышавъ слова сіи и сообразивъ смыслъ ихъ съ посѣщеніемъ священника, несча-

стный узникъ заключилъ, что онъ завтра будетъ разстрѣлянъ. Душа его возвысилась и онъ готовился безтрепетно встрѣтить смерть, которую встрѣчалъ онъ неустрашимо въ 35 сраженіяхъ въ 1812, 1813, 1814 годахъ, и которая теперь была бы для него пріятнѣе мучительнаго состоянія неизвѣстности. На другой день онъ былъ еще погруженъ въ этихъ размышленіяхъ, какъ пришли ему сказать, что его требуютъ въ комитетъ; принесли его платье и велѣли одѣться. „А! наконецъ смерть!“ сказалъ онъ самъ себѣ и предался вполнѣ судьбѣ своей. Вскорѣ пришелъ за нимъ плацъ-маіоръ, завѣсилъ ему лицо платкомъ и, ведя за руку, вывелъ на дворъ, посадилъ въ сани и повезъ. Сани остановились чрезъ минуту, плацъ-маіоръ ввелъ его по крыльцу въ комнату, гдѣ позволилъ ему снять платокъ, и тогда онъ увидѣлъ себя въ углу за ширмами въ довольно пространной залѣ. Мучительно было ожиданіе; наконецъ ему сказали: „пожалуйте!“ Ему накинули опять на глаза платокъ, провели чрезъ нѣсколько комнатъ, и когда остановили, онъ услышалъ повелительный голосъ: „снимите платокъ“. Онъ увидѣлъ среди комнаты присутственный столъ, покрытый краснымъ сукномъ, съ разложенными на немъ бумагами; вокругъ стола поставлены были кресла, а дальше небольшой столикъ, за коимъ сидѣлъ одинъ только генералъ-адъютантъ А. И. Чернышевъ.

Избоченясь на креслахъ, закинувъ голову назадъ, имѣя предъ собою кипу бумагъ, съ грознымъ видомъ, онъ произнесъ:

— „Милостивый государь! Вы въ первомъ своемъ показаніи генералу Левашову отреклись отъ принадлежанія къ тайному обществу, а послѣ ему же показали, что вы знали о злоумышленіи на цареубійство. Этого недостаточно; по вашимъ лѣтамъ и въ вашемъ званіи, общество, конечно, имѣло къ вамъ довѣріе. Вы должны показать всю истину, открыть всѣхъ членовъ общества и объявить во всей подробности все, что вы знаете. Комитету уже все извѣстно; онъ желаетъ дать вамъ способъ заслужить облегченіе участи вашей искреннимъ и чистосердечнымъ признаніемъ“.

Фаленбергъ отвѣтилъ, что онъ не знаетъ ничего болѣе послѣ того, что уже показалъ.

— „Какъ, милостивый государь!“—замѣтилъ генералъ Черны-

шевъ, возвыся голосъ,—„вы упорствуете, и хотите увѣрить, что ничего не знаете; я вамъ представлю двадцать свидѣтелей, которые убѣдятъ васъ, и тогда уже не надѣйтесь на милость, вамъ не будетъ пощады“.

Фаленбергъ горько улыбнулся, и одинъ только взоръ былъ его отвѣтомъ; но этотъ взоръ укорялъ генерала Чернышева въ несправедливости его словъ.

— „Какъ! Милостивый государь! Вы еще смѣетесь? здѣсь не мѣсто смѣяться!“—вскричалъ онъ съ жаромъ.

— Я не смѣюсь,—сказалъ Фаленбергъ,—но не могъ не улыбнуться тому, что ваше превосходительство стращаете меня двадцатью свидѣтелями, между тѣмъ, когда кромѣ кн. Барятинскаго, съ которымъ однимъ только я глазъ на глазъ объ обществѣ говорилъ, никто противъ меня свидѣтельствовать не можетъ.

— „Хорошо, сударь“,—прервалъ генералъ смягченнымъ голосомъ,—„мы увидимъ! завтра получите вопросные пункты, извольте отвѣтить на нихъ; теперь идите“.

По звонку вошелъ аудиторъ, накинули опять платокъ на глаза его, вывели въ залу, гдѣ сдали плацъ-маіору, который тѣмъ же порядкомъ отвезъ въ казематъ.

Увидѣвъ, что ложное обвиненіе самаго себя послужило не къ освобожденію, а къ промедленію дѣла, и что ожидаемая смерть, которая окончила бы всѣ мученія, не такъ еще близка, Фаленбергъ въ тотъ же вечеръ потребовалъ бумаги и написалъ письмо къ генералу Левашову, въ которомъ увѣрялъ его, что о намѣреніи о покушеніи на жизнь государя никогда отъ князя Барятинскаго ничего не слыхалъ и до открытія тайнаго общества о томъ не зналъ; но показалъ на себя ложно, думая тѣмъ скорѣе освободиться, заслуживъ прощеніе неограниченною искренностью. Фаленбергъ чувствовалъ необходимость объяснить, откуда онъ знаетъ, что общество имѣло такое намѣреніе; но простое соображеніе, что докторъ Шлегель, приносившій ему объявленіе объ открытіи общества, можетъ въ такомъ случаѣ показаться подозрительнымъ, что его арестуютъ, повезутъ въ Петербургъ и больная жена останется безъ опытнаго врача,—его удержало. При письмѣ къ Левашову, онъ написалъ другое къ женѣ своей, въ которомъ открылъ ей все съ нимъ случившееся и прощался съ

нею. Письмо къ Левашову не имѣло никакого дѣйствія, а письмо къ женѣ было ему возвращено гораздо позже, съ замѣчаніемъ, что не позволяется ничего писать, кромѣ—что живъ и здоровъ; а гдѣ онъ? что съ нимъ дѣлается?—это государственная тайна. Тайна, ужасная для неповинныхъ.

На другой день, дѣйствительно, принесли ему запросные пункты; ихъ было двѣнадцать; и на это, по чистой совѣсти, не могъ онъ дать другого отвѣта, кромѣ двухъ или трехъ пунктовъ, какъ только: „нѣтъ" и „не знаю". Онъ ожидалъ, что его потребуютъ еще къ личному допросу, или что скоро чѣмъ нибудь да рѣшатъ его участь, но дни, недѣли, мѣсяцы проходили, никто его не спрашивалъ—казалось, его забыли.

Душевныя и умственныя силы Фаленберга пришли въ разстройство; имъ овладѣла подозрительность и опасеніе: въ каждомъ человѣческомъ образѣ видѣлъ онъ себѣ врага, предателя или злодѣя. Въ томъ отдѣленіи казематовъ, гдѣ онъ былъ заключенъ, царствовала совершенная тишина; двое только изъ сосѣдей часто пѣли, свистали дуэтъ и одинъ изъ нихъ иногда читалъ въ слухъ изъ священнаго писанія. Убитый горестью, Фаленбергъ думалъ: „поютъ! свищутъ! не можетъ быть, чтобы они были такіе же несчастные, какъ я,—вѣрно это шпіоны! но отъ меня нечего имъ узнавать, буду нѣмъ, какъ рыба". И осудилъ себя на молчаніе, отказался отъ всякой пищи, три дня не полоскалъ даже рта, чтобы не пропустить капли воды въ горящій отъ жажды желудокъ. На четвертый день присланный лекарь, ощупавъ пульсъ, осмотрѣвъ языкъ, который, какъ и весь ротъ, свидѣтельствовалъ о сильномъ внутреннемъ жарѣ, объявилъ арестанта нездоровымъ и прописалъ лекарство. „Имѣете-ли вы лекарства противъ душевной болѣзни, а тѣлесно я, по несчастью, здоровъ",—сказалъ ему Фаленбергъ. Лекарь убѣждалъ принять микстуру, которая на другой день нераспечатанная возвращена была фельдшеру. Наконецъ лекарь, замѣтивъ изъ разговора, и увидѣвъ письмо съ женскимъ почеркомъ на столикѣ предъ своимъ больнымъ, нашелъ причину его скорби и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы убѣдить его къ принятію пищи и къ сохраненію жизни для той, для которой онъ клялся существовать, и хитрый перекрестъ, имя его Гельканъ, не могъ избрать сильнѣйшаго средства къ убѣжденію его.

Услышавъ нечаянно, что плацъ-адъютантъ, приходившій ежедневно спрашивать о здоровьи, прозывается Трусовъ, Фаленбергъ вспомнилъ роковыя слова Раевскаго: poltron qui ne dira pas и вывелъ заключеніе, что это не даромъ, вѣроятно хотятъ шиканировать, напоминая о трусости. На полученномъ изъ комитета пакетѣ онъ замѣтилъ отмѣтку карандашемъ: „Нев. 16“, и тотчасъ заключилъ, что сдѣланы разряды, и онъ въ числѣ невиновныхъ, хотя видѣлъ Неву въ окошечко, и не мудрено было догадаться, что отмѣтка значила: въ Невской куртинѣ № 16.

Такъ протекло время до мая 1826 г. Терпѣніе Фаленберга истощилось; горесть, отчаяніе, а особенно письма отъ страждущей жены, которыми упрекаетъ его въ равнодушіи къ ея горестному положенію, умоляя всѣмъ, что для него свято, ускорить пріѣздъ, если не желаетъ свести ее въ могилу, внушили ему мысль опять подтвердить, что онъ зналъ объ умыслѣ на цареубійство, и требовать очной ставки съ кн. Барятинскимъ; онъ думалъ ускорить этимъ рѣшеніе своей участи. Написалъ въ комитетъ, но его не требовали. Онъ рѣшился докучать чрезъ плацъ-маіора и плацъ-адъютантовъ, прося ихъ доложить, чтобы дали ему очную ставку. Прошло еще нѣсколько недѣль и, наконецъ, удовлетворили его желаніе и потребовали въ комитетъ. Здѣсь генералъ-адъютантъ Чернышевъ прочелъ ему послѣднее его показаніе, въ коемъ онъ подтверждаетъ, что зналъ объ умыслѣ, и спросилъ, можетъ-ли онъ подтвердить свое показаніе въ глазахъ Барятинскаго?

Фаленбергъ поблѣднѣлъ и смутился, потому что онъ долженъ былъ поддерживать ложное показаніе и, что̀ еще труднѣе и больнѣе было,— убѣждать другого и вынудить на то его признаніе. Положеніе Фаленберга было ужасно, и не зная на что ему рѣшиться, произнесъ робкимъ голосомъ:—„что истинно не помнитъ, говорилъ-ли ему Барятинскій объ умыслѣ на цареубійство“. Но тутъ генералъ Чернышевъ вывелъ его изъ нерѣшимости, сказавъ громкимъ и суровымъ голосомъ:

— „Какъ! Милостивый государь! Вы не помните, а вотъ ваше показаніе, вами подписанное“ — указывая на бумагу, которую держалъ въ рукѣ—„еще васъ спрашиваю, можете-ли вы уличить Барятинскаго?“

— Могу!—произнесенное съ сокрушеннымъ сердцемъ, было

весь его отвѣтъ; его вывели въ другую комнату; призвали Барятинскаго, который настойчиво защищалъ справедливость, говоря, что никогда онъ не сообщалъ Фаленбергу о намѣреніяхъ общества, а тѣмъ менѣе о цареубійствѣ. Генералъ Чернышевъ, полагая, что онъ упорствуетъ въ показаніи истины, сказалъ:

— „Неужели вы думаете, что Фаленбергъ показалъ ложно на самаго себя? Этого быть не можетъ. Вы упорствуете, и онъ васъ уличитъ въ томъ".

(Эти подробности узналъ Фаленбергъ отъ самаго Баратинскаго послѣ исполненія сентенціи).

Позвонили; аудиторъ, бывшій съ Фаленбергомъ въ другой комнатѣ, ввелъ его въ присутствіе комитета, гдѣ уже стоялъ Барятинскій, и тутъ началось уличеніе. Можно себѣ представить удивленіе кн. Барятинскаго, когда онъ услышалъ, что Фаленбергъ самъ на свою погибель началъ убѣждать его, чтобы подтвердилъ сдѣланное имъ показаніе, увѣряя съ жаромъ, что дѣйствительно слышалъ отъ него о цареубійствѣ. Князь Барятинскій долго упорствовалъ, утверждалъ, что не говорилъ ему ничего подобнаго, и когда Фаленбергъ настаивалъ все-таки на своемъ показаніи, онъ, чтобы сбить и вразумить Фаленберга, спросилъ:

— „Ну, если такъ, то гдѣ, когда и какими словами я вамъ говорилъ о томъ?"

Фаленбергъ, заикаясь, называлъ мѣсто и время, какія ему попались первыя на умъ, а слова повторилъ тѣ же самыя, которыя помѣщены были въ письменномъ его показаніи.

— „Неправда!"—вскрикнулъ Барятинскій,—„все выдумано!"

Но когда Фаленбергъ, съ примѣтнымъ огорченіемъ подошедъ къ нему, сказалъ: „полно, Барятинскій, нечего дѣлать, надо признаться", то Барятинскій взглянулъ на него съ сожалѣніемъ и съ досадою, пожалъ плечами и, обратившись къ комитету, сказалъ:

— „Можетъ быть, вѣроятно я забылъ".

Для комитета было этого достаточно; генералъ Чернышевъ велѣлъ подать Фаленбергу бумагу для подписи и его отвели обратно въ казематъ.

Послѣ сего ратованія на собственную свою погибель, Фаленбергъ писалъ къ великому князю Михаилу Павловичу, и просилъ о ходатайствѣ у государя во уваженіе своего чистосердечія. Пи-

салъ потомъ къ самому императору, описывалъ положеніе своей жены, упомянулъ о клятвѣ, имъ данной, испрашивалъ помилованія, обѣщаннаго за искреннее признаніе, но все было напрасно!

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1826 г. позвали его еще разъ въ комитетъ, повели въ домъ коменданта, не наблюдая прежнихъ предварительныхъ мѣръ осторожности. Когда отворили дверь въ присутствіе, онъ увидѣлъ у стола новыя лица, новыхъ судей. Ему показали письменные его отвѣты и спросили только: „вы-ли это писали?“ По утвердительномъ отвѣтѣ дали подписать заготовленную бумагу и отпустили. Фаленбергъ не понималъ, что это все значитъ — и прошелъ еще почти мѣсяцъ въ мучительной неизвѣстности.

Наконецъ, 12-го іюля 1826 г., поутру онъ еще разъ услышалъ: „пожалуйте въ комитетъ!“ Когда привели его въ комендантскій домъ, онъ увидѣлъ съ изумленіемъ, что туда собирали всѣхъ его товарищей, которые послѣ шестимѣсячнаго одинокаго заключенія, радовались, обнимались, цѣловались, какъ бы избавившись отъ гибели. Тутъ Фаленбергъ въ первый разъ узналъ, что не въ комитетъ уже ведутъ ихъ, но въ верховный уголовный судъ, для выслушанія судейскаго приговора.

Въ числѣ уже такъ называемыхъ **государственныхъ преступниковъ** IV разряда, Фаленбергъ введенъ былъ въ присутствіе. Онъ увидѣлъ множество важнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ, въ полномъ парадѣ, членовъ государственнаго совѣта, сената, военныхъ генераловъ, министровъ, митрополита, архіереевъ, министра юстиціи за особымъ пульпетомъ со свиткомъ бумагъ въ рукахъ. По данному симъ послѣднимъ знаку, оберъ-секретарь громогласно началъ читать сентенцію, и въ концѣ особенно внятнымъ голосомъ произнесъ: „лишить чиновъ и дворянства и сослать въ каторжную работу на 15 лѣтъ, а потомъ на поселеніе въ Сибирь“. Затѣмъ тотчасъ прочтена конфирмація, въ концѣ коей сказано было, что государь императоръ, по милосердію своему, уменьшилъ время каторжной работы вмѣсто 15 на 12 лѣтъ. При выходѣ изъ присутствія увидѣли въ передней комнатѣ священника, доктора и фельдшера, но пособія ихъ оказались не нужными.

На другой день, 13-го іюля, едва разсвѣло, всѣхъ вывели на

экзекуцію, которую исполнили въ разныхъ кареяхъ, предъ фронтомъ нѣсколькихъ гвардейскихъ полковъ. Послѣ экзекуціи всѣхъ перемѣстили въ другія отдѣленія казематовъ. Фаленберга отвели въ Алексѣевскій равелинъ. Спустя нѣсколько дней, онъ просилъ увѣдомить пастора, что желаетъ пріобщиться св. Тайнъ. Къ нему явился ученый пасторъ Рейнботъ, сочинитель прекраснаго катехизиса лютеранскаго евангелическаго вѣроисповѣданія. Принявъ изъ рукъ его св. дары, Фаленбергъ со всею откровенностью разсказалъ ему всю свою исторію и объяснилъ причины, почему вынужденъ былъ ложно обвинить себя. Рейнботъ слушалъ съ примѣтнымъ участіемъ и удивленіемъ, и наконецъ не могъ не воскликнуть:

— „Неужели все это правда!“

— Помилуйте, сказалъ Фаленбергъ,—я христіанинъ, и какъ бы вѣра моя ни была мала, но я сейчасъ только пріобщился тѣла и крови моего Спасителя, могу-ли я въ эту минуту прибѣгать ко лжи?

— „Das ist schrecklich!“—вскричалъ пасторъ,—не повредили-ли вы вашимъ показаніемъ кн. Барятинскому?“

— Не знаю; но не думаю, отвѣтилъ Фаленбергъ.

Пасторъ, пожавъ плечами, вскорѣ ушелъ. Служитель вѣры Того, Кто пострадалъ за грѣшный родъ человѣческій, не осмѣлился и помыслить о возвышеніи своего голоса въ защиту невинной жертвы.

П. И. Фаленбергъ.

Сообщ. Баронъ Андрей Евгеніевичъ Розенъ.

Примѣчаніе. См. „Записки декабриста“, изданныя въ 1870 г. въ Лейпцигѣ, стр. 123 и 124, 166 и 167, 193. Также „Aus den Memorien eines Russischen Decabristen“, 1869 г. стр. 98. Ложное показаніе на кн. Барятинскаго не могло вліять на осужденіе и на ссылку его, потому что князь уже давно былъ членомъ тайнаго общества, дѣйствовалъ дѣятельно и былъ посвященъ во всѣ тайны его. А. Р.

Г. Изюмъ.

Во время заточенія въ Читинскомъ острогѣ, въ Сибири, Фаленбергъ получилъ извѣстіе, что жена его, по выздоровленіи отъ болѣзни, вышла замужъ за другого. Въ 1833 году кончился для Фаленберга срокъ заточенія въ острогѣ, и онъ сосланъ въ самую глушь Минусинскаго округа, въ деревушку, гдѣ едва

не умеръ отъ матеріальныхъ лишеній и нравственныхъ страданій, постоянно угнетавшихъ его при мысли, что онъ самоубійца. Нравственное возрожденіе Фаленбергъ обрѣлъ въ бракѣ: въ 1840 году онъ женился на весьма достойной дѣвушкѣ, дочери казачьяго урядника. Въ 1856 г. Фаленбергъ, въ числѣ прочихъ декабристовъ, получилъ амнистію; въ 1858 г. поселился въ Подольской губерніи, гдѣ управлялъ имѣніями Куликовскаго. Умеръ въ Бѣлгородѣ, 13-го февраля 1873 г. Ред.

Къ статьѣ: «Новороссійскіе драгуны».

Въ статьѣ К. К. Детлова: „Новороссійскіе драгуны“, („Русская Старина“, изд. 1883 г., апрѣль), на стр. 160 и 161 оба раза неправильно напечатанъ 1857 г.,—должно быть 1858, какъ это видно и изъ текста автора (стр. 161, 8 строка снизу). Кромѣ того, на стр. 160 есть и опечатка относительно года: поставлено 1852 г.,—должно быть 1858. (8 строка снизу).

К. Д.

Къ очерку Н. В. Берга: «Гр. М. Н. Муравьевъ».

(„Русская Старина“, изд. 1883 г., апрѣль, стр. 229).

Н. В. Бергъ, передавъ разговоръ митрополита Сѣмашко съ гр. М. Н. Муравьевымъ, заканчиваетъ: „...сказалъ Сѣмашко, взялъ шляпу и уѣхалъ“. Странная обмолвка писателя опытнаго и извѣстнаго: митрополитъ былъ, конечно, въ клобукѣ и никакой шляпы не доводилось ему ни снимать, ни вновь надѣвать, при отъѣздѣ отъ Муравьева. Z.

Ледяной домъ, шуты и забавы при дворѣ Анны Іоанновны.

Подъ этимъ заглавіемъ была помѣщена въ 1857 г., въ „Общезанимательномъ Вѣстникѣ“ В. Н. Рюмина, Спб., № 16—одна изъ первыхъ, по времени появленія, историческихъ статей пишущаго эти строки, редактора-издателя „Русской Старины“. Объ этомъ сказано въ „Русской Старинѣ“, изд. 1883 г., т. XXXVIII, май, стр. 468, но подъ замѣткою, ошибкою, не подписано—Ред.

ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ ПОЛКЪ

ВЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ ЕГО СТАРАГО ОФИЦЕРА

въ 1831—1846 гг.

IV [1]).

После генерала Микулина, я не могу пройти молчаніемъ личностей нашихъ старшихъ офицеровъ, которые въ моихъ воспоминаніяхъ болѣе или менѣе всѣ имѣютъ связь съ прошлымъ, по служенію общему нашему въ Преображенскомъ полку.

По вступленіи моемъ офицеромъ въ Преображенскій полкъ, въ 1834 году, я засталъ командиромъ 1-го баталіона полковника П. П. Есипова. Онъ былъ изъ старыхъ тоже офицеровъ Преображенскаго полка, опредѣлившимся въ полкъ чуть-ли не съ юнкерскаго чина.

Полковникъ Есиповъ былъ еще молодымъ человѣкомъ и красавецъ мущина во всей силѣ слова. Онъ слылъ тогда по Петербургу, подъ названіемъ le beau Есиповъ. Это былъ человѣкъ хорошаго тона, посѣщающій большой свѣтъ и постоянно приглашаемый на такъ называемые маленькіе вечера Аничковскаго дворца. Приглашенія эти дѣлались постоянно по назначенію самой императрицы. Полковникъ Есиповъ считался въ числѣ кавалеровъ императрицы, сколько мнѣ теперь вспоминается, въ числѣ кавалергардскаго полка поручика князя Трубецкаго, конной гвардіи Свистунова и нашего полка, князя Александра Голицына, которые всѣхъ чаще удостоивались чести танцовать съ императрицей.

Петръ Петровичъ Есиповъ былъ очень хорошій и благородный господинъ, котораго мы всѣ уважали. Я имѣлъ честь служить въ

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1883 г., томъ XXXVIII, май, стр. 273—310.

1-мъ баталіонѣ подъ его начальствомъ и кромѣ полнаго къ нему уваженія, ничего не сохраняется въ моихъ воспоминаніяхъ.

Полковникъ Есиповъ былъ одинъ изъ отличныхъ штабъ-офицеровъ по службѣ. Впослѣдствіи, онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, назначенъ командиромъ одной изъ армейскихъ бригадъ и съ того времени я болѣе съ нимъ не видѣлся.

Командиромъ 2-го баталіона нашего полка я засталъ очень короткое время полковника Штейнвера, человѣка пожилого, больного. Онъ вскорѣ послѣ того скончался. Полковникъ Штейнверъ, хотя и не былъ кореннымъ преображенскимъ, но, какъ извѣстно было, онъ былъ человѣкъ уважаемый; а по отношенію службы—отличный и стараго закала штабъ-офицеръ.

Командиромъ 3-го баталіона я засталъ полковника Д. Н. Бѣлявцова. Къ нему, по производствѣ моемъ въ офицеры, я прямо, въ 1834 г., попалъ въ баталіонъ, въ 9-ю фузилерную роту штабсъ-капитана Раевскаго.

Полковникъ Бѣлявцовъ тогда былъ тоже изъ числа людей молодыхъ или, по крайней мѣрѣ, средне-молодыхъ и еще не женатый. И хотя онъ не блисталъ на балахъ и вечерахъ, но былъ господинъ умный, образованный и совершенно порядочный человѣкъ. Онъ произведенъ въ полковники изъ капитановъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, съ переводомъ къ намъ въ полкъ, еще до моего поступленія.

Нашъ 3-й баталіонъ былъ расположенъ рядомъ съ Таврическимъ садомъ, но въ дальнемъ разстояніи отъ Таврическаго дворца, въ пространныхъ казармахъ, которыя именовались Таврическими.

Тутъ находился фуражный дворъ и все полковое хозяйство. Кромѣ того имѣлись довольно пространныя офицерскія казармы и затѣмъ, еще небольшой двухъ-этажный, тоже каменный, домикъ, который, не знаю почему, вѣроятно по его суптильности, всѣ привыкли именовать полудомикомъ. Въ немъ помѣщался всегда баталіонный командиръ и въ нижнемъ этажѣ нашъ полковой штабъ-лекарь.

Таврида,—такъ въ мое время мы именовали наши Таврическія казармы по отдаленности ихъ отъ центра города и отъ нашихъ казармъ 1-го баталіона, расположенныхъ около дворца,—эта Таврида составляла, такъ сказать, наше эльдорадо. Тутъ жили чуть-ли не двѣ трети офицеровъ всего полка. Житье въ Тавридѣ для насъ, офицеровъ, было привольное, такъ какъ это былъ уголокъ на краю города, вдали отъ петербургскаго шума. Въ Тавриду, въ тѣ времена, рѣдко кто забирался; это считался дальній край и въ этомъ раіонѣ, кромѣ офицерства нашего полка и офицеровъ лейбъ-гвардіи саперняго баталіона, которыхъ казармы находились въ близкомъ разстояніи отъ

нашихъ, никого, кромѣ простого народа, какъ-то не было видно. Тогда эта вся мѣстность считалась просто глушь.

Рядомъ съ полудомикомъ, въ которомъ обиталъ нашъ батальонный командиръ 3-го баталіона, было огромное зданіе, въ которомъ находился весь нашъ полковой лазаретъ и, кромѣ того, больные лейбъ-гвардіи кавалергардскаго полка. Въ этомъ же самомъ зданіи находилась тоже наша полковая библіотека и дежурная комната для офицеровъ дежурнаго по полку и по 3-му баталіону вмѣстѣ. Въ этой дежурной комнатѣ часто тоже собирались наши офицеры и проводили иногда цѣлые вечера за чтеніемъ.

Однимъ словомъ, въ Тавридѣ жилось какъ-то отдѣльно; собиралось и групировалось большинство нашихъ офицеровъ. Пріѣзжали иногда наши офицеры съ Миліонной, когда некуда было дѣваться, и товарищи другихъ полковъ, и все это вмѣстѣ проводили цѣлые вечера, въ разнообразныхъ занятіяхъ и за игрой въ карты, или за музыкой, или въ болтовнѣ; тогда была мода въ игрѣ словъ или каламбурахъ, и молодежь острилась; а иногда и въ выпивкѣ холодненькаго. Все это, дружелюбно, безцеремонно и, какъ говорится, на распашку.

Полковникъ Бѣлявцовъ былъ человѣкъ гостепріимный, пріятный, и его всѣ очень любили. Онъ былъ тогда въ Тавридѣ какъ бы нашимъ пѣстуномъ. Конечно, нашъ братъ, мы тогда были еще слишкомъ молоды, чтобы подходить подъ паралель ему современныхъ сослуживцевъ, но не менѣе того, мы всѣ сохранили о полковникѣ Бѣлявцовѣ самыя пріятныя воспоминанія.

Полковникъ Бѣлявцовъ изъ нашего полка былъ произведенъ въ генералы. Затѣмъ онъ вышелъ въ отставку и женился. А по открытіи севастопольской кампаніи, Бѣлявцовъ, какъ извѣстно, былъ начальникомъ курскаго ополченія, которое особенно отличилось. Потомъ, тогдашнее время, какъ мнѣ теперь вспоминается, начиная съ 1834 г., 1835, 1836 г. и такъ далѣе, это было время самой оживленной, самой веселой нашей тогдашней молодой жизни. Публичныя увеселенія и въ особенности представленія, даваемыя на императорскихъ театрахъ, начинали у насъ тогда приходить, какъ говорится, въ самый разгаръ, еще болѣе и потому, что частое посѣщеніе театровъ государемъ Николаемъ Павловичемъ и всѣми членами царской фамиліи, вообще всѣ публичныя тогда увеселенія воспроизвели въ публикѣ самую оживленную общественную жизнь; все это воспоминанія нашего житія офицерскаго.

Изъ театровъ въ эти годы, сколько я теперь припоминаю, были только Александринскій и Михайловскій; а затѣмъ, никакихъ болѣе

театровъ въ Петербургѣ не существовало. Большой каменный театръ, я не могу теперь хорошенько припомнить, или только что отстроивался, или его исправляли.

На Александринскомъ театрѣ, гдѣ сцена была обширнѣе, чѣмъ на Михайловскомъ, давались большею частію оперы и балеты. А вмѣстѣ съ тѣмъ, въ извѣстные дни ставились на эту сцену и давались пьесы появлявшихся изъ-подъ пера нашихъ тогда знаменитыхъ русскихъ писателей Грибоѣдова, Гоголя и другихъ.

И то сказать, въ то время русская сцена была обставлена такою группою актеровъ, которыхъ можно было смѣло именовать не только артистами, но великими талантами, напримѣръ: семейство Каратыгиныхъ, Самойловы, Сосницкіе, Дюръ, Мартыновъ, впослѣдствіи Максимовъ и другіе таланты, которымъ нынѣшняя русская сцена никого и въ паралель поставить не въ состояніи, какъ равно знаменитый голосъ въ оперѣ и такой талантъ, какъ былъ тогда нашъ Петровъ.

На Михайловскомъ театрѣ давались постоянно французскія пьесы и Михайловская сцена украшалась тоже французскими талантами, явившимися къ намъ изъ Парижа.

Въ тѣ времена, молодежь гвардейскаго корпуса казалась какой-то увлекающейся; ибо офицеры переполняли театры своими ежедневными посѣщеніями. Къ тому же и дешевизна была непомѣрною въ сравненіи съ нынѣшнимъ временемъ! Я очень хорошо помню, что кресла 1-го ряда тогда стоили 5 рублей на ассигнаціи и ложи соотвѣтствовали такой же дешевизнѣ.

При посѣщеніи офицерами театровъ, гвардейскіе офицеры, по крайней мѣрѣ мы, офицеры Преображенскаго полка, всегда посѣщали театры не иначе, какъ въ мундирахъ; это тогда какъ бы вошло въ этикетъ; а въ особенности въ Михайловскомъ театрѣ,—тамъ обязательно, иначе нельзя было бывать какъ въ мундирахъ. Все это было принято, потому что театры часто бывали посѣщаемы членами императорской фамиліи, которые постоянно пріѣзжали въ театры въ мундирахъ; я, по крайней мѣрѣ, за всю мою службу въ гвардіи, не помню, чтобы я когда нибудь видѣлъ въ спектаклѣ государя Николая Павловича, или наслѣдника, или великаго князя Милаила Павловича иначе, какъ въ мундирахъ.

Впрочемъ, при одномъ только воспоминаніи о томъ вѣкѣ, при одномъ воспоминаніи о прошломъ времени по отношенію обычая тогдашняго свѣта, по этой обстановкѣ общественнаго приличія, которое всегда видѣлось какъ бы преобладающимъ не въ одномъ только извѣстномъ сословіи, ей-ей, чувствуешь себя не въ состояніи всего достаточно передать!...

Гвардейскіе офицеры тогда все это были какіе-то бары.... все это отличалось изящностію, все это отличалось щегольствомъ, и дѣйствительно, что была за прелесть видѣть партеръ въ театрѣ, переполненный офицерами гвардіи, въ блестящихъ гвардейскихъ мундирахъ всѣхъ оружій!

Большая часть гвардейской молодежи, съ какимъ-то особеннымъ, необыкновеннымъ тогда увлеченіемъ, предавалась балетнымъ спектаклямъ.

Нынѣ, Александринскій театръ, относительно говоря, бѣденъ талантами. Тогда же эта самая сцена украшалась разсадникомъ молодыхъ коръ-де-балетныхъ танцовщицъ. Театральная школа находилась въ зданіи совершенно рядомъ съ Александринскимъ театромъ. Намъ извѣстно было хорошо, что оттуда поступаютъ на сцену всѣ эти дѣвы въ прозрачныхъ костюмахъ, которыя свертывали тогда молодежи головы, какъ вихрь вертитъ песочный столбъ.

Все тогдашнее офицерство, какъ я теперь вспоминаю, точно будто бы невѣдомой тогда силой было увлекаемо. Я не исключаю, впрочемъ, даже и старшихъ, и самый тогдашній нашъ генералитетъ: ибо наши полководцы и дивизіонеры не пропускали ни одного балетнаго спектакля... Тогда было какое-то всеобщее увлеченіе. Тогда поставлялись на сцены театра одна за другой такія балетныя пьесы, которыя положительно производили фуроръ всеобщій!.. «Робертъ-Діяволъ», «Возстаніе въ серали», «Влюбленная баядерка» и другія производили общее очарованіе.

«Робертъ-Діяволъ», опера, появившаяся къ намъ изъ Парижа, гдѣ ее, какъ тогда было слышно, давали на сценѣ подъ рядъ до 120 разъ, чего она не избѣгла и на нашей русской сценѣ; сколько мнѣ вспоминается, по крайней мѣрѣ у насъ ее давали до ста разъ къ ряду.

Этотъ «Робертъ-діяволъ» знаменитъ былъ, во первыхъ, своей прелестной музыкой; а главное, 3-е дѣйствіе этой оперы было у насъ обстановлено такими очаровательными и соблазнительными танцами, что не одна только изъ молодыхъ головъ могла тогда вскружиться!

Одно время было такое неимовѣрное увлеченіе этимъ «Робертомъ», въ чемъ я могу сослаться на мнѣ современныхъ сослуживцевъ, которые это должны помнить очень хорошо. Это было какое то общее въ публикѣ сумасшествіе, безумное увлеченіе, которое заставило многихъ молодыхъ людей изъ служившихъ въ гвардіи потерять ихъ карьеры и, между прочимъ, одинъ изъ нашихъ преображенскихъ офицеровъ, молодой малый, прекрасно-образованный, хорошо учившійся, мнѣ современный товарищъ и пріятель, нѣкто прапорщикъ

или подпоручикъ нашего полка Никитинъ, погибъ, какъ говорится, во цвѣтѣ лѣтъ!

Никитинъ до того привязался къ одной изъ этихъ театральныхъ прелестныхъ нимфъ, что онъ себя уже не помнилъ! И что же это была за нимфа такая? Она въ то время не была еще выпущенною изъ театральной школы, а только, для пополненія коръ де балета, фигурировала въ числѣ другихъ, какъ красивая и граціозная дѣвочка. Она участвовала именно въ тѣхъ дѣйствующихъ лицахъ, которыя въ 3-мъ дѣйствіи Роберта соблазняли его всѣми возможными граціями, принуждая сорвать заколдованную вѣтку.

Когда теперь все это мнѣ вспоминается, я не могу пройти молчаніемъ, чтобъ не сказать, что кромѣ молодежи офицеровъ, въ то время вся петербургская публика, во время этой сцены, всѣ сидѣвшіе въ креслахъ и ложахъ, всѣ приходили въ какой-то не только восторгъ, но азартъ! И дѣйствительно, эффектъ былъ поразительно очаровательный. На сценѣ виднѣлись развалины древняго замка, разрушающееся кладбище, усѣянное гробами и могилами усопшихъ. И вдругъ, при свѣтѣ восходящей на небѣ луны, начинаютъ постепенно вставать изъ гробовъ мертвецы; внезапно сбрасываютъ съ себя саваны и, переобразовавшись въ прелестныхъ дѣвъ, при блудящихъ по кладбищу огонькахъ, приступаютъ соблазнять Роберта всѣми возможными обольщеніями, которыя только могла природа произвести на чувства и ощущенія человѣческія.

Я очень хорошо помню всю продѣлку тогдашняго выходящаго, такъ сказать, изъ ряда волокитства за актрисами. Мимика офицеровъ изъ партера со сценой была доведена до утонченности. Потомъ, какъ офицеры, по окончаніи спектакля, собирались у театральнаго подъѣзда, дожидались выхода актрисъ, подсаживали ихъ въ кареты и потомъ провожали кареты до мѣста ихъ жительства.

Одно, чего еще не доставало, это то, чтобы кто нибудь изъ офицеровъ не проникъ въ театральную школу, такъ какъ она находилась рядомъ съ театромъ. Но, кажется, это было уже недоступно и недосягаемо! Такой поступокъ тогда, пожалуй, могъ бы быть принятъ почти какъ святотатство; и притомъ театральная дирекція была, какъ говорится, себѣ на умѣ; она очень хорошо видѣла всеобщее увлеченіе и чувствовала всю театральную отъ этого выгоду въ денежномъ отношеніи, почему оставалась равнодушною при видѣ подсаживанія офицерами актрисъ въ кареты, ихъ провожаніе, ибо эти актрисы были уже внѣ школы. Но тѣ, которыя находились еще театральными воспитанницами, за этими, во время этого заразительнаго увлеченія, присмотръ былъ усиленъ, на подобіе католическихъ монастырей.

Провожаніе каретъ съ актрисами офицерами послѣ каждаго спектакля, хотя не было сопряжено ни съ какими происшествіями, ни скандалами, но такъ распространилось въ петербургской публикѣ, что неминуемо должно было дойти до высшихъ сферъ, и притомъ с.-петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, генералъ-адъютантъ Кокошкинъ, имѣлъ тогда свой камертонъ, по которому было установлено въ Петербургѣ какъ порядокъ, такъ и всякое движеніе.

Поэтому, какъ только дошло до великаго князя Михаила Павловича, что офицеры послѣ каждаго спектакля провожаютъ кареты съ актрисами, дожидаясь у подъѣзда выхода актрисъ и подсаживая ихъ въ кареты, его высочество тотчасъ отдалъ строжайшій приказъ по гвардейскому корпусу, что ежели кто изъ офицеровъ, послѣ отданія этого приказа, будетъ замѣченъ у подъѣзда ожидающимъ выхода актрисъ или провожать ихъ въ каретахъ, тотъ будетъ преданъ военному суду.

Эта мѣра разомъ прекратила процедуру встрѣчъ и проводовъ актрисъ. Но сердечныя чувства оставались не подсудными! Нашъ бѣдный Никитинъ, я не помню уже, какъ онъ сажалъ свою дульцинею въ карету и какъ онъ нѣсколько шаговъ могъ ее провожать до школы, но приказъ этотъ лишалъ его окончательно послѣдней отрады, драгоцѣннаго свиданія на подъѣздѣ театра съ возлюбленнымъ имъ существомъ!

Послѣ того, онъ сталъ страшно задумываться и сдѣлался совершенно другимъ, чѣмъ всѣ его знали, такъ что не только мы, его товарищи, но начальство стало замѣчать въ немъ перемѣну и какъ будто какое-то болѣзненное состояніе.

Конечно, какъ юноша, онъ влюбился той пылкой любовію, которая, какъ говорятъ, удержу не подвластна! И такъ какъ, по отданіи великимъ княземъ приказа, онъ не имѣлъ возможности, хотя на секунду, повидаться съ своей возлюбленной, ибо у подъѣздовъ актрисъ стояли нарочно назначенные жандармы, а другого случая быть не могло, почему, какъ мы узнали впослѣдствіи, вся его задумчивость происходила отъ того, что онъ придумывалъ и ломалъ себѣ голову, во чтобы-то ни стало, проникнуть въ театральную школу, хотя-бы на пять минутъ свиданія и переговоровъ съ своей возлюбленной.

Но казалось-бы, какъ проникнуть въ театральную школу, ежели-бъ даже эта Сильфида, (я теперь вспомнилъ ее фамилію: Ѳедорова), могла чрезъ закулисныхъ сторожей или школьныхъ прислужницъ передать Никитину желаніе съ нимъ лично промолвить нѣсколько словъ. Но, вѣроятно, въ театральную школу къ воспитанницамъ, изъ постороннихъ личностей или гостей мужчинъ не допускали, а тѣмъ

болѣе офицеру,—это было-бы уже совершенно безсмысленнымъ. Но видно, тяжкая любовь, какъ голь, на выдумки хитра. Попалъ-же нашъ Никитинъ въ театральную школу, какъ мы о томъ достовѣрно потомъ узнали! Но надо-же было быть пораженнымъ и такою бѣшеною страстію, чтобы рѣшиться на такія мѣры, какія онъ для этого принялъ.

Въ Петербургѣ, въ прежнее время, какъ это могутъ помнить многіе изъ старожилъ, шатались по закоулкамъ и переулкамъ засаленыя старухи съ корзинами въ рукахъ, въ которыхъ находился чернасливъ, нанизанный на лучинку, и печеныя яблоки. Чрезъ кого и какъ Никитинъ могъ узнать, что эти замарашки старухи ходятъ въ театральную школу и воспитанницамъ продаютъ эти фрукты, мы никогда этого узнать не могли.

Между тѣмъ впослѣдствіи мы узнали достовѣрно, что нашъ прапорщикъ Никитинъ костюмировался въ засаленную старуху, съ поддѣльными на головѣ сѣдыми волосами, съ корзиной, полной чернослива, нанизаннаго на лучинкахъ, и печеными яблоками, и такимъ образомъ, неузнанный, онъ проникъ въ театральную школу и провелъ нѣсколько часовъ съ обожаемымъ имъ предметомъ.

Мы, товарищи, все это узнали впослѣдствіи совершенно вѣрно; но только никакъ не отъ самаго Никитина, ибо въ этомъ онъ никогда не хотѣлъ сознаться.

И такъ, все это оставалось тогда недознаннымъ и безъ всякихъ послѣдствій и лишь только въ театральномъ мірѣ и между товарищами театралами это было извѣстно.

А между тѣмъ, какъ говоритъ русская пословица: что кувшинъ пошелъ по воду, тамъ ему и сломить голову; такъ и случилось, что нашъ Никитинъ послѣдней выкинутой имъ вновь штукой, въ театрѣ, доконалъ себя окончательно.

Государь Николай Павловичъ. въ тѣ времена. какъ извѣстно, ежедневно присутствовалъ при разводахъ съ церемоніею полковъ. Мы въ это время занимали караулы въ Петербургѣ по зарѣчному положенію. Зарѣчное положеніе называлось то, когда на нѣкоторое время прекращалось сообщеніе съ другой частію города по случаю разведенныхъ мостовъ на Невѣ и тогда наши полки занимали караулы по этой части города, а за рѣкой содержали караулы квартирующіе тамъ полки лейбъ-гвардіи гренадерскій и финляндскій.

Разводъ съ церемоніею давался, этотъ разъ, отъ нашего полка. И въ этомъ случаѣ мы занимали караулы не цѣлымъ полкомъ заразъ, а однимъ баталіономъ, напримѣръ, сегодня, а другимъ—завтра. Поэтому и одна половина офицеровъ нашего полка идетъ сего дня

а другая насъ смѣняетъ завтра. Но при разводѣ присутствовали и парадировали офицеры всего полка.

Баталіонъ былъ выстроенъ на площади Инженернаго зàмка. Начальникомъ нашей первой гвардейской дивизіи былъ тогда генералъ-адъютантъ Исленьевъ, который, до поступленія моего въ полкъ, командовалъ нашимъ полкомъ и сдалъ его Микулину. Поэтому онъ хорошо зналъ всѣхъ офицеровъ преображенскаго полка.

Такъ какъ разводъ давался отъ полка дивизіи генерала Исленьева, то онъ пріѣхалъ къ разводу ранѣе другихъ, обошелъ весь фронтъ и не только могъ видѣть тѣхъ офицеровъ, которые заступали занимать караулы, но онъ продѣлалъ репетицію личнаго явленія къ государю заступающихъ въ караулы офицеровъ. И нашъ прапорщикъ Никитинъ, какъ заступающій тоже въ караулъ, подходилъ къ генералу Исленьеву въ числѣ прочихъ и рапортовалъ о томъ, какой караулъ онъ идетъ занимать.

Я теперь, натурально, не имѣю возможности припомнить куда Никитинъ шелъ въ караулъ, но что въ этотъ день онъ занималъ караульный постъ—это дѣйствительно. Разводъ сошелъ, въ присутствіи государя, совершенно хорошо. Мы, офицеры, долженствовавшіе въ свою очередь, завтра заступать въ караулъ, мы, разъѣзжаясь съ развода, вспомнили, что сегодня дается въ театрѣ опера «Робертъ-Дьяволъ» и потому всѣ крайне были удивлены какъ могъ Никитинъ не помѣняться съ кѣмъ нибудь изъ насъ, чтобъ ему быть сего дня свободнымъ и не ходить въ караулъ, ибо его всѣ знали, какъ театрала самаго яраго, который не можетъ пропустить ни одного спектакля. Почему же это могло случиться, у насъ въ казармахъ, до самаго вечера, происходилъ между собою споръ по разъясненію этой загадки, въ особенности, какъ я теперь помню, со стороны одного изъ нашихъ товарищей, нѣкоего подпоручика Аркадія Похвиснева, одного изъ милѣйшихъ, чрезвычайно остроумныхъ и пріятныхъ собесѣдниковъ и въ то же время завзятаго также театрала.

И такъ, въ этотъ вечеръ, бòльшая часть насъ присутствовали на представленіи нашего тогда всѣми любимаго «Роберта». Я выше говорилъ, что наше все высшее начальство рѣдко пропускало одинъ изъ подобныхъ спектаклей, поэтому и этотъ разъ нашъ дивизіонеръ, генералъ-адъютантъ Исленьевъ, сидѣлъ въ первомъ ряду.

Первый и второй акты «Роберта-Дьявола» прошли какъ слѣдуетъ. Вдругъ, въ моментъ самаго поднятія занавѣса въ 3-мъ актѣ и представленія той сцены, въ которой при лунномъ освѣщеніи, съ полуночи, виднѣются развалины древняго замка, кладбище, могилы и гробы усопшихъ, внезапно является въ театръ нашъ Никитинъ.

Появленіе это и самая неожиданность обуяла насъ всѣхъ какимъ-то поражающимъ удивленіемъ; никто не могъ думать, чтобъ онъ покинулъ постъ.

Во первыхъ, Никитинъ имѣлъ уже извѣстность въ театральной публикѣ патентованнаго, такъ сказать, театрала, а къ этому, молодой человѣкъ не дуренъ собой, стройный, головная прическа на манеръ Букингама, слегка волосы назадъ; въ новенькомъ щегольскомъ мундирѣ, конечно безъ караульнаго шарфа; на рукахъ какъ снѣгъ бѣлыя перчатки, трехъ-угольная шляпа подъ мышкой,—онъ прошелъ срединою партера съ такой выразительной ловкостію, что не взирая на то, что занавѣсъ взвился, всѣ взоры публики невольно на него были обращены!

Но Никитинъ, какъ бы не замѣчая никого, взошелъ въ 1-й рядъ креселъ и сѣлъ на свое мѣсто, какъ нарочно, рядомъ съ генералъ-адъютантомъ Исленьевымъ, приложилъ свой чудовищный бинокль къ глазамъ и впился, такъ сказать, въ представляющуюся сцену.

Конечно, сцена 3-го дѣйствія «Роберта», какъ я уже выше говорилъ, была болѣе, чѣмъ очаровательною, и нашъ дивизіонеръ Исленьевъ былъ тоже изъ тѣхъ личностей, которыя поддаются нѣжнымъ ощущеніямъ, но со всѣмъ тѣмъ, появленіе прапорщика Никитина изъ караула въ театрѣ, оставивъ свой постъ, не могло не поразить удивленіемъ! А вмѣстѣ не могла не смутить его еще и смѣлость офицера явиться въ публику и сѣсть въ 1-й рядъ креселъ, рядомъ съ своимъ непосредственнымъ и старшимъ начальникомъ!

Генералъ-адъютантъ Исленьевъ былъ тогда извѣстенъ какъ личность, отличающаяся своимъ барствомъ и своимъ происхожденіемъ. Исленьевъ, не взирая на свое значеніе, былъ сдерженъ...

Какъ только окончился 3-й актъ и занавѣсъ началъ спускаться при страшномъ тогда шумѣ, рукоплесканіи и вызовахъ, Исленьевъ не успѣлъ, я думаю, опомниться, какъ Никитина въ театрѣ уже не было.

На другой день, я, въ числѣ прочихъ нашихъ офицеровъ, заступалъ въ городовой караулъ. Нашъ баталіонъ точно также былъ выстроенъ на площади инженернаго замка, для развода съ церемоніею. Генералъ-адъютантъ Исленьевъ также точно, какъ начальникъ дивизіи, явился ранѣе другихъ; обошелъ всѣхъ насъ во фронтѣ и никто изъ насъ не замѣтилъ въ немъ и тѣни къ возбужденію вчерашней, серьезной однако, продѣлки со стороны прапорщика Никитина.

Такимъ образомъ, прошелъ завтрашній и нѣсколько послѣдующихъ дней. Кромѣ начальника дивизіи и офицеровъ нашихъ, ни-

кто, конечно, этого знать не могъ. Очень естественно еще и то, что къ этому могло способствовать и зарѣчное положеніе, тѣмъ, что кромѣ своихъ, своего полка, никто не могъ догадаться, кто изъ офицеровъ въ день спектакля находился въ караулѣ; слѣдовательно, возбужденіе должно было быть отъ Исленьева, а онъ молчалъ. Никитинъ, какъ порядочный господинъ, онъ тотчасъ домекнулъ, что ему оставаться въ полку неудобно. Вскорѣ отрапортовался больнымъ и вслѣдъ затѣмъ подалъ переводъ въ армію, въ войска, дѣйствующія на Кавказѣ.

Странное дѣло, что̀ такая за страна былъ тогда Кавказъ! Всякій, кто только начиналъ ощущать невзгоду въ жизни, спѣшилъ на Кавказъ; тотъ, кто безнадежно влюбился, летѣлъ на Кавказъ; тотъ, кто въ Петербургѣ, бывало, надѣлаетъ какихъ-либо глупостей, избираетъ мѣстомъ жительства тотъ же Кавказъ!

Истинно, тогда Кавказъ составлялъ какъ будто страну утоленія печалей; и дѣйствительно, въ наше тогда время, многіе изъ молодыхъ людей полной жизни утолили свои печали, такъ что болѣе и не возвращались на свѣтъ Божій!

Такъ, нашъ Никитинъ, будучи переведенъ въ одинъ изъ полковъ кавказскихъ, вскорѣ сложилъ свою воспаленную головушку, именно, чуть ли не въ первый даже годъ, въ одной изъ экспедицій былъ убитъ на повалъ.

Засимъ, я возвращаюсь къ продолженію описанія, въ короткихъ изложеніяхъ, тѣхъ личностей по служенію въ Преображенскомъ полку, которыя въ свое время пользовались полнымъ уваженіемъ и вниманіемъ по достоинству своихъ заслугъ какъ отъ высшаго начальства, такъ и отъ современнаго имъ общества.

V.

Кромѣ выше описанныхъ мной баталіонныхъ командировъ, которыхъ я засталъ при поступленіи моемъ въ полкъ, я считаю долгомъ воскресить моими воспоминаніями память двухъ нашихъ младшихъ штабъ-офицеровъ, съ которыми я началъ мое служеніе въ Преображенскомъ полку, вполнѣ достойныхъ искренняго уваженія, какъ люди по своимъ душевнымъ качествамъ и какъ отличные служивые тѣхъ временъ.

Начну съ полковника В. И. Назимова, считавшагося издревле кореннымъ Преображенскимъ офицеромъ. Онъ поступилъ на службу въ Преображенскій полкъ юнкеромъ въ 1818-мъ или 1819 году, изъ дворянъ хорошей русской фамиліи, но не богатой, ибо ихъ было

много братьевъ и всѣ служили въ военной службѣ, преимущественно въ артиллеріи.

Нашъ Владиміръ Ивановичъ Назимовъ былъ человѣкъ души великолѣпной и въ полномъ смыслѣ высокаго благородства. Какъ штабъ-офицеръ военной тогда службы, онъ былъ у великаго князя Михаила Павловича на счету отличнѣйшаго штабъ-офицера. А такъ какъ военная служба въ тѣ времена, и въ особенности служба въ гвардіи, имѣла великое значеніе, потому что вообще, какъ я уже сказалъ, служба военная стояла на высокой степени отличія въ государствѣ, то очень натурально, что цѣль каждаго служащаго въ военной службѣ состояла въ томъ, чтобы добиваться повышеній и отличій; а отличія тогдашней военной службы давали отличительныя положенія въ обществѣ и въ жизни. Не говоря уже о, такъ сказать, избранныхъ офицерахъ, получающихъ званіе флигель-адъютантовъ государя и тѣмъ счастіе быть приближенными къ высочайшимъ особамъ; но вообще, отличенный офицеръ военной службы, получалъ значущія назначенія, напримѣръ, начальствованіе надъ полкомъ, не упоминая уже о командирѣ гвардейскаго полка, что давало, можно утвердительно сказать, въ тѣ времена, почетное положеніе не только у насъ, но во всей просвѣщенной того времени Европѣ. Гдѣ ни покажись бывало, за-границей, русскій военный, въ особенности въ чинѣ полковника, вездѣ и всюду уважали иностранцы русскихъ военныхъ и военныя заслуги, и всегда относились съ подобающею почестью; а къ русскимъ генераламъ и подавно, ибо тогда было еще свѣжо въ памяти самый 1812 годъ и этотъ разсадникъ тогдашнихъ блестящихъ нашихъ генераловъ, защитниковъ Москвы и Святой Руси......

Назимовъ, въ дѣйствительности, былъ однимъ изъ отличнѣйшихъ строевыхъ офицеровъ; но не имѣя ни фортуны, ни выдающихся связей, онъ никогда не могъ мечтать о такой карьерѣ, какую онъ впослѣдствіи составилъ. Для него начальствованіе какимъ-либо изъ армейскихъ полковъ въ это время скорѣе всего могло быть доступнымъ. И такъ какъ армейскіе полки квартировали постоянно въ провинціяхъ, то Назимову, какъ человѣку, далеко не богатому, такое назначеніе могло тогда вполнѣ соотвѣтствовать его положенію тѣмъ, что дешевизна провинціальной жизни дала бы ему еще болѣе возможности помогать своимъ престарѣлымъ родителямъ, какъ это онъ неупустительно всегда дѣлалъ.

Съ этой цѣлію, сколько мнѣ теперь припоминается, полковникъ Назимовъ два раза подавалъ прошеніе о переводѣ его въ одинъ изъ армейскихъ корпусовъ, потому что перешедшимъ изъ гвардіи полковникамъ, при открытіи вакансій на полкового командира, скорѣе

давали полки въ командованіе. Но великій князь Михаилъ Павловичъ всегда дорожилъ отличными офицерами, почему оба раза не изъявилъ согласія на переводъ полковника Назимова изъ гвардіи въ армію, все по тому и одному же принципу, что полковникъ Назимовъ необходимъ, какъ приносящій пользу службѣ въ гвардіи. А къ тому и судьба, которую, какъ говорятъ,—не прейдешь, судила иное.....

Я теперь хорошенько не припомню, но мнѣ кажется, что это было въ 1836 или 1837 году, но только это было около этого времени, что наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу, для изученія строевой службы, требовался хорошій штабъ-офицеръ. По повелѣнію государя о назначеніи такого штабъ-офицера, великій князь Михаилъ Павловичъ указалъ на полковника Назимова. А можетъ быть справедливы и тѣ слухи, которые по этому случаю въ то время ходили, что старый сослуживецъ Назимова, тоже бывшій Преображенскій офицеръ, Па́велъ Николаевичъ Игнатьевъ, въ то же время состоявшій при наслѣдникѣ цесаревичѣ, доложилъ его высочеству о Назимовѣ, какъ о своемъ товарищѣ, который по Преображенскому полку ему хорошо извѣстенъ, и въ такомъ случаѣ, по желанію уже самаго цесаревича, Назимовъ долженъ былъ поступить къ его высочеству инструкторомъ по строевой части.

Такъ или иначе, но въ эти годы, какъ я сказалъ, вышелъ приказъ по гвардейскому корпусу, въ которомъ было сказано, что полковникъ л.-гв. Преображенскаго полка Назимовъ откомандировывается изъ полка, которому и состоять при государѣ наслѣдникѣ цесаревичѣ.

Когда вышелъ приказъ по полку, Назимовъ поспѣшилъ представиться государю наслѣднику и потомъ онъ самъ разсказывалъ намъ въ полку, что онъ былъ въ упоеніи счастія отъ пріема, ему сдѣланнаго государемъ цесаревичемъ, наслѣдникомъ престола. Эта характеризующая ангельская доброта цесаревича, кого же она могла тогда не очаровывать?—мы, всѣ и каждый изъ насъ, на себѣ это ощущали...

Полковникъ Назимовъ былъ въ восторгѣ отъ своего новаго положенія и не малое число достойныхъ офицеровъ гвардіи ему завидовали. Впрочемъ и было чему завидовать, состоять при особѣ кого же? цесаревича Александра Николаевича,—это восходящее солнце Россіи!....

Назимову оставалось только, какъ говорится, всей силою и всей крѣпостію своей души сдѣлаться достойнымъ вниманія цесаревича и тѣмъ заслужить его милости. И кажется Назимовъ ничего не упустилъ; онъ, дѣйствительно, всѣмъ сердцемъ привязался къ наслѣднику и сдѣлался наипреданнѣйшимъ ему человѣкомъ до конца

своей жизни. Все это мы знали въ полку и какъ личные очевидцы, и кромѣ того, гораздо позже, когда уже прошло слишкомъ два десятка лѣтъ, именно въ то время, когда Назимовъ былъ уже генералъ-губернаторомъ въ Вильнѣ, я тогда вторично поступилъ въ военную службу и попалъ въ войска, дѣйствующія противу польскихъ мятежниковъ, почему, по старой памяти, какъ сослуживецъ по Преображенскому полку, очень часто навѣщалъ и бывшаго прежде и въ это время настоящаго своего начальника, Владиміра Ивановича Назимова, и тутъ еще болѣе убѣдился въ привязанности и въ беспредѣльной преданности Назимова уже къ царствующему государю Александру Николаевичу, котораго онъ былъ генералъ-адъютантомъ.

Теперь буду продолжать излагать постепенное возвышеніе числящагося еще въ нашемъ полку полковника Назимова.

Назимовъ, состоя въ должности инструктора по строевой части при государѣ наслѣдникѣ цесаревичѣ, сопровождалъ его высочество, въ числѣ его адъютантовъ, во всѣхъ тогда дѣлаемыхъ путешествіяхъ наслѣдникомъ, какъ по Россіи, такъ и за границу.

Потомъ, по прошествіи нѣкотораго времени, полковникъ Назимовъ былъ возведенъ въ званіе флигель-адъютанта государя Николая Павловича и, по прежнему, оставленъ состоять при цесаревичѣ.

Назимовъ, въ званіи флигель-адъютанта государя Николая Павло вича, внезапно, по повелѣнію его величества, былъ командированъ въ Западный край, со строжайшею инструкціею разслѣдовать прикосновенныхъ личностей по очень важному дѣлу поляка Канарскаго, который и былъ разстрѣленъ, а съ симъ вмѣстѣ множество соприкосновенныхъ къ этому дѣлу разнаго рода личностей были арестованы и переполняли всѣ тюрьмы и остроги виленскіе и прилежащей окрестности.

Флигель-адъютантъ полковникъ Назимовъ, по прибытіи въ г. Вильно и по изслѣдованіи дѣла, между прочимъ, вопреки мнѣній высшаго административнаго виленскаго начальства, нашелъ бо́льшую часть изъ задержанныхъ и арестованныхъ невиновными, и какъ флигель-адъютантъ, облеченный высочайшею довѣренностію, не колеблясь, освободилъ чуть ли не половину лицъ, такъ долго томившихся долгимъ заключеніемъ, и тѣмъ, какъ тогда же распространился слухъ, поставилъ себя въ такое критическое положеніе, что съ каждымъ приходомъ почты, (тогда желѣзныхъ дорогъ еще не существовало), могъ ожидать, по мнѣнію виленской администраціи, страшной грозы, которая разразится надъ его головой. По крайней мѣрѣ, это было общее мнѣніе, потому что всѣ знали, всѣмъ было извѣстно, что государь Николай Павловичъ, по дѣламъ возмущеній и крамолы, не

щадилъ даже и тѣхъ личностей, которыя могли быть подозрѣваемы; тѣмъ болѣе, что виленская администрація, какъ разъ, на этомъ и стояла. И вдругъ присланный флигель-адъютантъ, можетъ и не опытный еще по такимъ дѣламъ, одинъ, такъ сказать, возстаетъ противу мнѣній всѣхъ!

Покойный государь Николай Павловичъ, во все свое царствованіе, всѣми своими дѣйствіями, былъ всегда однимъ изъ добродѣтельнѣйшихъ людей на свѣтѣ, не взирая на всю крутость характера, который въ немъ тогда полагали; между тѣмъ, какое безчисленное множество благодѣяній имъ было дѣлаемо, даже тѣмъ, которые самимъ установленіемъ закона справедливо бывали наказуемы... И потому, какъ только государь получилъ донесеніе отъ своего флигель-адъютанта полковника Назимова о сдѣланномъ имъ распоряженіи, его величество, въ справедливомъ чувствѣ безошибочности, для провѣрки дѣйствій Назимова, немедленно командировалъ генералъ-адъютанта Кавелина,—личность, съ давнихъ лѣтъ пользовавшуюся полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ государя Николая Павловича. Кавелинъ ѣхалъ съ высочайшимъ повелѣніемъ провѣрить всѣ дѣйствія и поступки флигель-адъютанта Назимова.

Я очень хорошо помню, какъ страшились въ тѣ времена не того, чтобы сдѣлать ошибку, или даже, чрезъ недоразумѣніе, сдѣлать какую-либо проруху, но чрезъ посредство высочайшаго довѣрія и даннаго повелѣнія сдѣлать умышленную несправедливость, или злоупотребить высочайшимъ повелѣніемъ,—это вело на безповоротную гибель всякаго, кто это сдѣлалъ-бы.

Генералъ-адъютантъ Кавелинъ, разсмотрѣвъ, во всей обширности и во всей подробности, веденіе дѣла Назимовымъ, его безпристрастные и прямые взгляды, его прямоту и честность соотвѣтственно данной Назимову высочайшей инструкціи при его отправленіи, вполнѣ подтвердилъ всѣ дѣйствія Назимова въ своемъ донесеніи государю.

Надо было видѣть, надо было слышать разсказы современныхъ товарищей полковника Назимова, какъ государь Николай Павловичъ, котораго считали грознымъ, какъ его величество принялъ послѣ того Назимова, какъ государь оцѣнилъ прямоту Назимова и какъ былъ доволенъ многимъ добромъ, сдѣланнымъ дѣйствіями полковника Назимова, прежде всего какъ человѣка.

Послѣ того, Назимовъ, какъ говорится, пошелъ быстро въ гору... Вскорѣ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ оставленіемъ въ свитѣ государя. Потомъ получилъ назначеніе начальника штаба 6-го армейскаго корпуса, расположеннаго въ Москвѣ. Затѣмъ, возведенъ въ званіе генералъ-адъютанта государя Николая Павловича;

имѣлъ высочайшее повелѣніе одно время исполнять обязанность попечителя Московскаго университета и, такимъ образомъ, покойный государь Николай Павловичъ до конца своей жизни не переставалъ осчастливливать Назимова своимъ полнымъ довѣріемъ.

Владиміръ Ивановичъ Назимовъ, кромѣ счастія быть такъ обставленнымъ, какъ онъ былъ, всѣми милостями государя и особеннымъ вниманіемъ особъ царской фамиліи, имѣлъ еще ту отраду— видѣть признательность людей, которымъ онъ оказалъ пособіе. Не было ни одного дома, ни простой хаты въ западномъ краѣ, гдѣ бы не былъ вывѣшенъ на стѣнахъ комнатъ портретъ Владиміра Ивановича Назимова.

Впослѣдствіи, государь Александръ Николаевичъ, въ неизмѣнномъ своемъ благоволеніи къ Назимову, какъ бы въ память своего незабвеннаго родителя, возвысилъ генералъ-адъютанта Назимова назначеніемъ его военнымъ генералъ-губернаторомъ и начальникомъ того края, гдѣ нѣкогда, по порученію покойнаго государя, Назимовъ въ дѣлѣ важномъ вполнѣ оправдалъ довѣріе его величества.

Владиміръ Ивановичъ Назимовъ скончался въ С.-Петербургѣ, въ началѣ 1874 года. Я въ это время только что возвратился изъ хивинской экспедиціи, по взятіи нами Хивы, и пріѣхалъ въ Петербургъ какъ будто кстати, для отданія послѣдняго долга тому, при которомъ я поступилъ на службу въ л.-гв. Преображенскій полкъ и который, какъ во все время нашего пребыванія въ Преображенскомъ полку, такъ и гораздо позже, когда я служилъ уже въ арміи подъ начальствомъ Назимова, какъ командующаго войсками Виленскаго военнаго округа,—всегда и во всѣ времена оказывалъ, могу сказать, дружеское ко мнѣ расположеніе.

Отпѣваніе покойнаго генералъ-адъютанта Назимова происходило въ нашемъ Преображенскомъ соборѣ. Отданіе послѣдняго почета покойному было отъ того же л.-гв. Преображенскаго полка, но только новаго уже поколѣнія! Изъ насъ, старыхъ его сослуживцевъ, не многимъ досталась доля его проводить, потому что не много уже насъ и остается!

Государь императоръ Александръ Николаевичъ почтилъ прахъ своего стараго слуги личнымъ присутствіемъ при похоронахъ, и такимъ образомъ отдалъ послѣдній долгъ такъ долго состоявшему при его величествѣ, въ бытность еще наслѣдникомъ престола, первоначально въ должности инструктора по строевой части, а впослѣдствіи генералъ-адъютантомъ его величества.

Вторымъ младшимъ штабъ-офицеромъ въ полку, тоже изъ старыхъ, коренныхъ преображенскихъ офицеровъ, я засталъ полковника

Х. В. Глухова, одного изъ типовъ тогдашняго времени строевыхъ служивыхъ: отличный штабъ-офицеръ, превосходно знавшій свое дѣло и исполнявшій всѣ служебныя обязанности до пунктуальности. Когда полковникъ Бѣлявцовъ былъ произведенъ въ генералы, Глуховъ принялъ отъ него нашъ 3-й баталіонъ въ командованіе на законномъ основаніи и вскорѣ былъ утвержденъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ въ этой должности. Полковникъ Глуховъ былъ строгій педантъ по службѣ, держалъ всѣхъ чиновъ въ баталіонѣ въ страшной строгости и у него солдатикъ бывало не избалуется.

Полковникъ Глуховъ былъ на очень хорошемъ счету и командовалъ нѣсколько лѣтъ нашимъ 3-мъ баталіономъ. Затѣмъ произведенъ былъ въ генералъ-маіоры.

Впослѣдствіи онъ долгое тоже время не оставлялъ военной службы; перекомандовалъ и бригадами, и дивизіею въ Оренбургѣ, и, какъ я недавно слышалъ, нашъ почтенный Хрисанфъ Васильевичъ Глуховъ давно уже въ отставкѣ и на покоѣ, конечно, въ глубокой старости, ибо когда я былъ только что молодымъ прапорщикомъ, онъ былъ уже заслуженнымъ полковникомъ Преображенскаго полка.

Затѣмъ, послѣдующіе два нашихъ полковника, при которыхъ я уже достигъ чина штабсъ-капитана въ Преображенскомъ полку и командовалъ нѣсколько лѣтъ ротою, это были А. И. Бахтинъ, произведенный къ намъ изъ капитановъ л.-гв. Московскаго полка, и Г. Д. Бабкинъ, тоже изъ капитановъ л.-гв. Семеновскаго полка. Бахтинъ у насъ командовалъ 3-мъ баталіономъ, а Бабкинъ—2-мъ.

Оба эти полковника были воины заслуженные, прошедшіе всѣ кампаніи, начиная съ кампаніи Персидской 1827 года, Турецкую 1828 г., Польскую 1831 года и осаду Севастополя, и были обвѣшаны орденами.

Полковники Бахтинъ и Бабкинъ командовали у насъ въ Преображенскомъ полку баталіонами долгое время, положительно до производства каждаго изъ нихъ въ генералы. Я у каждаго изъ нихъ служилъ въ баталіонѣ, уже командуя самъ частію. Первоначально во 2-мъ баталіонѣ у полковника Бабкина, и затѣмъ долгое время командовалъ 9-й фузилерной ротою въ 3-мъ баталіонѣ подъ начальствомъ полковника Бахтина.

Оба эти полковника были одни изъ прекраснѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей, которыхъ мы всѣ искренно уважали и любили, и которые въ моихъ воспоминаніяхъ оставили наиприятнѣйшую память.

Къ этимъ всѣмъ личностямъ младшихъ штабъ-офицеровъ полка, обитавшіе всѣ, какъ я выше говорилъ, съ большинствомъ офицеровъ цѣлаго полка, Таврическія казармы, я, по воспоминаніямъ моимъ, не могу не присоединить тоже одного изъ, такъ сказать, членовъ,

входившихъ въ составъ общества нашего полка, уважаемаго не только цѣлымъ нашимъ полкомъ, но и всѣми тѣми, которые прежде еще при немъ служили въ полку, какъ сторожила, нашего полкового штабъ-лекаря Өедосея Кирилловича Дьяконенко. Личность крайне замѣчательная, какъ умомъ своимъ, такъ серьезностію своей и искусствомъ, какъ хорошій медикъ того времени. Но такого ничѣмъ не переломимаго малороссійскаго или хохлацкаго характера, который истинно можетъ, по дѣйствіямъ всей его жизни, служить подлинно настоящимъ типомъ древнихъ хохловъ.

Дьяконенко, при его бѣдности, ибо кромѣ службы онъ ничего не имѣлъ, отличался высокой честностію и безкорыстіемъ необыкновеннымъ. Кромѣ того, выдающаяся черта, его характеризующая, это поразительный порядокъ, который онъ требовалъ, держалъ и велъ во все время его служенія въ Преображенскомъ полку по завѣдыванію имъ полковымъ нашимъ лазаретомъ, въ которомъ находились больные и л.-гв. кавалергардскаго Ея Величества полка. Лазаретъ нашъ находился всегда во все время дня и ночи, въ такомъ постоянно необыкновенномъ порядкѣ, въ какомъ физически не возможно было лучше содержать. Зато всѣ его подчиненные, не говоря уже о фельдшерахъ, но ординаторы, доктора, все это ходило по стрункѣ и каждый исправлялъ свою обязанность, какъ заведенные часы.

Государь Николай Павловичъ, а въ особенности великій князь Михаилъ Павловичъ и наслѣдникъ цесаревичъ, нерѣдко посѣщали нашъ лазаретъ и всегда оставались вполнѣ довольными.

Дьяконенко пріобрѣлъ всеобщую извѣстность, не говоря уже по отношенію искусства своего ремесла, но какъ человѣкъ выдающійся своимъ необыкновеннымъ безкорыстіемъ и честностію. Зато нашъ Федосей Кириловичъ взялъ на себя такой авторитетъ, что онъ знать никого не хотѣлъ.

Весь высшій медицинскій персоналъ, у котораго, собственно говоря, онъ находился подъ началомъ, его очень не долюбливалъ; но ничего никогда не могли съ нимъ сдѣлать, потому что подъ него во всѣхъ отношеніяхъ не возможно было, какъ говорится, и безъ лавочки подпустить. А къ этому еще, какъ человѣкъ очень умный, онъ не ходилъ къ себѣ въ карманъ за словомъ и, какъ хохлацкой натуры, онъ ни предъ чѣмъ и ни предъ кѣмъ бывало не остановится и свое словечко непремѣнно вставитъ!

Я теперь очень хорошо помню, когда великій князь Михаилъ Павловичъ однажды возвратился изъ заграницы и мы къ нему представлялись цѣлымъ обществомъ полка и, конечно съ нами, какъ надлежитъ, находился нашъ полковой штабъ-лекарь Дьяконенко.

Великій князь вышелъ къ намъ въ отмѣнномъ расположеніи духа. Очень милостиво разговаривалъ съ нашимъ полковымъ командиромъ Микулинымъ, потомъ подходилъ къ нѣкоторымъ изъ нашихъ старшихъ офицеровъ и, наконецъ, остановившись на минуточку предъ Дьяконенко, его высочество, съ характоризующей его привѣтливостію, въ особенности при хорошемъ расположеніи духа, отнесся съ вопросомъ:

— «Ну, коновалъ, скажи-ка, сколько ты безъ меня переморилъ солдатъ?»

Дьяконенко, не смутившись ни мало и не задумавшись, возразилъ:

— Я, ваше высочество, морю менѣе солдатъ, чѣмъ вы вашими ученіями на Царицыномъ лугу.

Великій князь, не измѣняя расположенія своего духа, съ улыбкой обратился ко всѣмъ намъ и проговорилъ:

— «Каковъ,—все такой-же!»

Мы всѣ, зная хорошо нашего полкового медика, мы, со всѣмъ тѣмъ, были озадачены такимъ отвѣтомъ его, кому же? — великому князю, и притомъ такъ быстро и рѣшительно высказаннымъ. Но нашъ полковой командиръ Микулинъ, у котораго всѣ мысли и чувства сосредоточивались въ единомъ угожденіи лицамъ царствующаго дома, былъ просто въ отчаяніи. А между тѣмъ, съ Дьяконенко, какъ говоритъ русская пословица, взятки гладки.

Дьяконенко, надо правду сказать, былъ невыразимо привязанъ къ обществу офицеровъ Преображенскаго полка. Онъ былъ одинокій, не имѣлъ ни родни, ни друзей; онъ весь предался семьѣ Преображенской и, находясь уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ, онъ во всѣхъ насъ истинно принималъ родную заботу! Не говоря уже, что при болѣзни кого-либо изъ насъ это было все вниманіе, все участіе и уходъ такой, какой можно только ожидать отъ самой близкой родни, и ко всему этому никто изъ насъ не смѣлъ и заикнуться о томъ, чтобы когда-нибудь заплатить ему за визитъ. Это все я испыталъ на самомъ себѣ.

Ѳедосей Кириловичъ Дьяконенко служилъ въ полку слишкомъ 25 лѣтъ. Дѣлалъ всѣ кампаніи съ Преображенскимъ полкомъ, и турецкую 1828 года, и польскую 1831 г., и имѣлъ ордена на шеѣ.

Передъ выходомъ его изъ нашего полка, вслѣдствіе его утомленія и клонящихся къ старости лѣтъ, ему было предоставлено по медицинской части какое-то спокойное мѣсто съ сохраненіемъ получаемаго имъ содержанія и полкъ дѣлалъ ему прощальный обѣдъ, на которомъ ему былъ поднесенъ золотой кубокъ съ надписями офицеровъ. На этотъ обѣдъ были приглашены и прежніе сослуживцы Федосея Кириловича, которые давно оставили нашъ полкъ. Этотъ по-

дарокъ, поднесенный нашему полковому штабъ-лекарю отъ всѣхъ насъ, офицеровъ Преображенскаго полка, былъ единственною наградою, которую только онъ рѣшился принять за все время его служенія въ нашемъ полку.

Всѣ, кто только служилъ въ Преображенскомъ полку въ бытность Федосея Кириловича полковымъ медикомъ, всѣ сохранили къ нему самую признательную память полнаго къ нему уваженія.

VI.

Въ этомъ же самомъ зданіи нашего лазарета, даже въ одномъ и томъ же подъѣздѣ, при входѣ налѣво, находилось нѣсколько больших, прекрасно меблированныхъ комнатъ, которыя были обставлены шкафами книгъ очень хорошей нашей библіотеки, которая заключала въ себѣ очень много ученыхъ руководствъ, классическихъ книгъ и исторій на разныхъ иностранныхъ языкахъ и частію новѣйшихъ романовъ, которые въ то время выходили въ свѣтъ.

Эти три большія комнаты и составляли нашу дежурную комнату, въ которой хранились, драгоцѣнные для памяти полка, мундиры государей Александра Павловича, Николая Павловича и великаго князя Михаила Павловича, которые они носили. Въ послѣдующихъ еще нѣсколькихъ тоже комнатахъ хранилось старинное оружіе, арматуры, древнее военное одѣяніе и тому подобное. Между прочимъ, по смерти нашего великана тамбуръ-мажора Лучкина, было передано все одѣяніе его, какъ рѣдкость.

Такимъ образомъ, какъ только я былъ произведенъ въ офицеры, я прежде всего попалъ на службу въ 3-й баталіонъ, въ роту, которою командовалъ штабсъ-капитанъ Раевскій.

Будучи знакомъ съ большинствомъ офицеровъ еще съ юнкерскаго чина, какъ я выше упомянулъ, вслѣдствіе служенія въ Преображенскомъ полку одного изъ братьевъ мнѣ родныхъ и двухъ двоюродныхъ, по фамиліи Потуловыхъ, мнѣ легче было сближаться съ обществомъ нашихъ офицеровъ, не говоря уже про товарищей, которые за годъ до моего выпуска были выпущены въ полкъ и тѣхъ, которые со мной вышли, но и съ остальными, подходящими, такъ сказать, ближе къ моему товариществу, я, благодаря Бога, сошелся вскорѣ со всѣми благопріятно.

Впослѣдствіи, когда я, такъ сказать, оперился въ полковомъ обществѣ, я, въ свою очередь, многія лѣта проживалъ въ Таврическихъ казармахъ. И что же это, дѣйствительно, было за привольное въ то

время наше житье-бытье! Таврида истинно была нашимъ Эльдорадо. Вдали отъ центра городского шума, тамъ, какъ я уже сказалъ, постоянно собиралось и группировалось большинство нашихъ офицеровъ и, кромѣ того, другихъ полковъ товарищи, друзья, не проходило дня, чтобы насъ не посѣщали. Все стремилось въ Тавриду, какъ будто въ какую-то особенную, привольную страну, гдѣ будто бы жилось свободнѣе, вдали отъ соблазна большого свѣта, отъ церемоній и стѣсненій. Въ Тавриду нашу точно удалялись какъ будто бы на отдохновеніе всѣ усталые отъ пертурбацій большого свѣта, отъ баловъ, свѣтскихъ церемоній, которыя впослѣдствіи всѣмъ надоѣли. А въ Тавридѣ, истинно, вечера проводились задушевные.

Этотъ первый годъ моего производства въ офицеры я несъ всѣ служебныя обязанности въ 3-мъ баталіонѣ. Я пріѣзжалъ всякій Божій день, а случалось и по два раза въ день въ Тавриду изъ казармъ 1-го баталіона, съ Большой Миліонной. И это происходило по слѣдующему случаю: мой старшій и родной братъ, который служилъ нѣсколько лѣтъ въ Преображенскомъ полку, въ самый годъ моего производства вышелъ изъ полка, почему мой отецъ, какъ это въ старину вообще велось или было въ обычаѣ, ибо наши родители были люди строгіе и крутые, а дѣти не то, что нынѣ,—дѣти, бывало, по отношенію къ родителямъ, какъ гласила русская пословица: «ходи весело, да не смѣйся»;—поэтому мой родитель, по выходѣ изъ полка моего старшаго брата, за нѣсколько мѣсяцовъ до моего производства въ офицеры, тотчасъ написалъ въ Преображенскій полкъ къ моему двоюродному брату Потулову, который былъ въ то время уже штабсъ-капитаномъ, отличился въ польскую войну 1831 года и командовалъ въ Преображенскомъ полку ротою, что онъ меня препоручаетъ ему, подъ его надзоръ и, какъ дядя, остается совершенно увѣреннымъ, что Потуловъ не оставитъ меня своимъ наблюденіемъ и приметъ меня, хотя на первый годъ, въ свою квартиру на жительство, и съ этимъ вмѣстѣ выслалъ на имя Потулова деньги на мою офицерскую экипировку и кромѣ того лошадь, экипажъ и двухъ крѣпостныхъ людей, именно одного служить мнѣ лакеемъ, а другого—кучеромъ.

Поэтому я, будучи произведенъ въ офицеры, долженъ былъ поселиться на квартирѣ у сказаннаго моего двоюроднаго брата Потулова, который командовалъ 3-й ротою въ 1-мъ баталіонѣ. Квартира Потулова находилась въ домѣ Богдановича, который издревле былъ отведенъ, въ добавленіе казармъ 1-го баталіона, подъ помѣщеніе офицеровъ. Этотъ Богдановича домъ выходилъ переднимъ фасомъ на канаву, которая проходитъ подъ Пѣвческимъ мостомъ, а заднимъ

фасомъ упирался къ стѣнѣ дворцоваго манежа, который былъ совершенно противу эрмитажа Зимняго дворца, что составляло въ полномъ смыслѣ, какъ говорится, рукою подать намъ до Зимняго дворца и до нашихъ солдатскихъ казармъ 1-го баталіона и обратно, солдатскимъ казармамъ до дворца и до дома Богдановича.

Вотъ теперь совершенно кстати очертить нашу прикосновенность или, такъ сказать, наше близкое сожительство съ Зимнимъ дворцомъ, и такъ какъ я, до полученія въ командованіе роты, въ младшихъ чинахъ раза два или три былъ переводимъ въ 1-й баталіонъ для несенія службы, то прежде всего мнѣ желательно, по воспоминанію, описать обстановку нашего офицерскаго житья въ казармахъ 1-го баталіона, по столь близкому сожительству съ дворцомъ.

Зимній дворецъ соединенъ съ эрмитажемъ большой крытой стеклянной галереею, которая съ лѣваго фаса дворца идетъ къ стѣнѣ эрмитажа; затѣмъ, когда пройдешь залами весь эрмитажъ, представляется вторая такая же галерея, которая, выходя изъ эрмитажа, продолжается до нашихъ, Преображенскаго полка, казармъ 1-го баталіона и дверь этой галереи упирается въ стѣну комнатъ, въ которыхъ размѣщена была государева рота Преображенскаго полка, и въ наше время въ этой самой комнатѣ, въ которую проходила дверь изъ галереи эрмитажа, помѣщался фельдфебель государевой роты. Дверь эта постоянно находилась запертою. Но во дни выходовъ и большихъ баловъ, даваемыхъ во дворцѣ, мы, преображенскіе офицеры, въ тѣ времена этимъ пользовались, именно: чрезъ фельдфебельскую комнату проходили въ галерею эрмитажа, потомъ, пройдя весь эрмитажъ, выходили въ залы Зимняго дворца.

Поэтому можно судить о той прикосновенности, которая съ древнихъ лѣтъ такъ приблизила Преображенскій полкъ къ императорскому дому.

Для насъ, преображенскихъ офицеровъ, это составляло во многихъ отношеніяхъ немалое преимущество по отношенію офицеровъ другихъ полковъ. Это насъ избавляло во время выходовъ и баловъ во дворцѣ брать экипажи и людей съ собой при разъѣздахъ на дворцовыхъ подъѣздахъ, гдѣ обыкновенно толпилось безчисленное множество пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ, такъ что, не взявъ съ собой своего человѣка, крайне было затруднительно отыскать свою шубу и свой экипажъ.

А самое главное и важное—то было во время даваемыхъ большихъ баловъ во дворцѣ, гдѣ обязательно было положительно находиться всѣмъ офицерамъ гвардіи и въ бальныхъ формахъ того времени (grand gala), такъ что безъ кареты попасть на парадный балъ

во дворецъ было мудрено, почему многіе офицеры полковъ гвардіи, не имѣя возможности имѣть своихъ каретъ, нанимали и двухмѣстныя, и 4-хмѣстныя кареты извощичьи.

Бальная форма того времени, хотя насъ стѣсняла, но надо правду сказать, казалась чрезвычайно элегантною. Эта бальная форма была установлена для офицеровъ всѣхъ оружій, кромѣ уланскихъ и казачьихъ полковъ, которые и на парадныхъ балахъ сохраняли свою форму.

Бальная форма (grand gala) или торжественная заключала, ежели гвардейскій мундиръ, то съ открытыми лацканами; бѣлыя короткія до колѣнъ суконныя панталоны; затѣмъ шелковые чулки и башмаки съ серебряными пряжками; шпага у бедра и трехъ-угольная шляпа въ рукахъ, у пѣхотныхъ съ черными, а у кавалеріи съ бѣлыми перьями; слѣдовательно, въ такомъ костюмѣ, да еще зимой, кромѣ того, что надо было быть въ каретѣ, но надо было имѣть на себѣ и мѣховые сапоги до колѣнъ, ибо въ чулкахъ и башмакахъ проѣхать до дворца, безъ теплыхъ сапогъ, не поздоровится. А мы, преображенскіе офицеры, въ этихъ случаяхъ, въ тѣ времена, являлись въ фельдфебельскую комнату государевой роты. Наши камердинеры заранѣе приносили бальную форму, мы одѣвались и прямо изъ фельдфебельской комнаты, чрезъ галерею эрмитажа, проходили въ самый эрмитажъ и, пройдя залами эрмитажа, попадали въ бальныя залы Зимняго дворца, совсѣмъ одѣтые, не имѣя нужды ни въ чемъ тепломъ, ибо какъ во дворцѣ, такъ и въ эрмитажѣ, температура комнатъ вездѣ была одинаково сносная.

И такъ, по воспоминаніямъ моимъ, нашъ прошлый вѣкъ, мнѣ казалось, былъ какъ будто вѣкомъ щегольства, которое даже въ самомъ тогдашнемъ обществѣ выражалось принятымъ приличіемъ. Я помню, напримѣръ: было принято въ обществѣ утромъ, до обѣда, дѣлать визиты въ сюртукахъ и эполетахъ (тогда постоянно носились эполеты); а къ обѣду и вечеръ—всегда и не иначе какъ въ мундирѣ. Тоже самое соблюдали и статскіе, обѣдъ и вечеръ во фракѣ. Но нынѣ это совсѣмъ иное дѣло, молодые люди нынѣшняго времени слѣдуютъ вѣку просвѣщенія и прогресса безъ стѣсненія, почему и видишь въ обществѣ зачастую офицеровъ на вечерахъ въ сюртукахъ, да еще и съ погонами.

Я долженъ сказать, что въ то время въ нашихъ тогда офицерахъ Преображенскаго полка было видно какое-то особенное, выдающееся элегантство во всѣхъ отношеніяхъ. Намъ, поступившимъ молодымъ офицерамъ въ полкъ, тотчасъ бросалась въ глаза эта

особенность, этотъ, такъ сказать, шикъ преображенскій, которому молодежь невольно должна была слѣдовать.

Надо правду сказать, что въ то время, какъ я прежде сказалъ, государь Николай Павловичъ оказывалъ полку при всѣхъ случаяхъ свое особенное, свое необыкновенное благоволѣніе. Поэтому, и вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ члены царской фамиліи, вся царская семья, видимыми участіемъ и расположеніемъ какъ бы приближили къ себѣ. Мы, преображенскіе офицеры, бывая при дворѣ въ числѣ всѣхъ прочихъ гвардіи офицеровъ, чувствовали себя какъ бы по преимуществу.

Равномѣрно, посѣщая дома высокопоставленныхъ лицъ въ Петербургѣ, которыя не рѣдко удостоивались чести принимать царскую фамилію, преображенскіе офицеры всегда удостоивались обращать на себя вниманіе членовъ царской семьи. Все это, конечно, болѣе способствовало видѣть ближе и большой свѣтъ, и общество того времени, и принимать этотъ лоскъ и всѣ манеры избраннаго общества. Въ особенности при такомъ двигателѣ, какимъ у насъ тогда былъ командиръ полка генералъ-адъютантъ Микулинъ, который при всякихъ случаяхъ, а наипаче на придворныхъ балахъ и на торжествахъ во дворцѣ, всѣми средствами старался выставлять своихъ преображенскихъ офицеровъ болѣе на видъ.

И то сказать, дворцовые балы въ то время: это казалось чѣмъ-то необыкновеннымъ, это было что-то такое особенно привлекательное для насъ молодыхъ людей. Какое великолѣпіе! Что за блескъ! Что за прелесть; нѣтъ словъ, чтобы это достаточно изобразить. Богатство царское; изящность русскихъ туалетовъ придворныхъ дамъ; блескъ разнородныхъ костюмовъ всѣхъ иностранныхъ посольствъ того времени; формы красивыхъ, стройныхъ тогда гвардейскихъ мундировъ,—все это представляло истинно полное величіе.

Затѣмъ выходъ царской фамиліи изъ внутреннихъ покоевъ предъ ожидающую публику. Надо было видѣть появленіе императорской фамиліи въ залъ, въ моментъ раздавшагося полонеза оркестромъ знаменитаго тогда Лядова, это было величественнымъ явленіемъ...

Государь Николай Павловичъ, подъ руку съ императрицей, въ парадномъ мундирѣ атамана казачьихъ войскъ, которому величественнымъ видомъ и красотою ни одинъ человѣкъ въ свѣтѣ не могъ приравняться.

Масса блестящей публики тоже попарно слѣдовала за царскою фамиліею по большимъ заламъ великолѣпнаго дворца и при входѣ царя въ каждый изъ залъ звукъ того же польскаго принимался уже другими оркестрами, хорами музыки кавалергардскаго, конно-гвардейскаго и Преображенскаго полковъ.

Блистательное освѣщеніе, богатое убранство великолѣпныхъ палатъ Россійскаго императора, все вмѣстѣ невольно дѣйствовало на всѣхъ и каждаго поразительнымъ очарованіемъ. Въ эту минуту чувствовалось и ощущалось что-то особенное; что-то такое, какъ бы неподходящее къ мірскому, какъ будто волшебное!

Однимъ словомъ, тому, кто жилъ въ тѣ времена, кто видѣлъ прошлое, кто видѣлъ все происходившее, людей и общество того времени,—нельзя не почтить все и вся достойнымъ воспоминаніемъ.

VII.

Исчисливъ все наше старшее начальство, которое я засталъ при поступленіи моемъ въ полкъ, мнѣ необходимо перейти къ тѣмъ, которые составляли тоже ближайшее начальство насъ, молодыхъ офицеровъ,—это къ ротнымъ нашимъ командирамъ, которые хотя и начальствовали частями, но ближе подходили къ нашему товариществу, съ которыми живали вмѣстѣ и съ которыми были сопряжены многіе эпизоды общей нашей офицерской жизни, и наконецъ, какъ люди, своими личностями вполнѣ достойные воспоминанія.

При поступленіи моемъ въ полкъ, я засталъ полковымъ адъютантомъ Преображенскаго полка поручика Мих. Ан. Катенина, личность во всѣхъ отношеніяхъ совершенно порядочная.

Должность полкового адъютанта Преображенскаго полка въ то время имѣла высокое значеніе. Всѣ наши полковые адъютанты удостоивались званія флигель-адъютантовъ государя Николая Павловича или назначались личными адъютантами великаго князя Михаила Павловича.

Катенинъ, нашъ полковой адъютантъ, былъ произведенъ офицеромъ въ нашъ полкъ изъ камеръ-пажей двора его величества. Катенинъ былъ человѣкъ очень умный и образованный и весьма пріятный человѣкъ.

Государь Николай Павловичъ ежедневно изволилъ присутствовать при разводахъ съ церемоніею всѣхъ полковъ гвардіи. Эта постоянная близость къ государю, очень натурально, возвышала насъ духомъ.

Во время разводовъ съ церемоніею, полковые адъютанты тѣхъ полковъ, отъ которыхъ давался разводъ, и тѣхъ, въ которыхъ его величество состоялъ, подходили къ государю съ рапортами, въ то время какъ музыканты начинали играть извѣстный разводный сборъ. Въ подходѣ Катенина къ государю всегда замѣчалась какъ бы особенная представительность адъютанта перваго полка гвардіи.

Михаилъ Катенинъ при мнѣ прослужилъ нѣсколько лѣтъ полковымъ адъютантомъ и, наконецъ, къ празднику Пасхи, по ходатайству великаго князя Михаила Павловича, государь назначилъ Катенина личнымъ адъютантомъ къ его высочеству.

Катенинъ прослужилъ тоже нѣсколько лѣтъ адъютантомъ великаго князя, будучи уже въ чинѣ полковника. Впослѣдствіи онъ женился на родной сестрѣ флигель-адъютанта графа Орлова-Денисова и по домашнимъ обстоятельствамъ, вслѣдствіе неотступныхъ просьбъ, великій князь Михаилъ Павловичъ согласился на увольненіе Катенина въ отставку генералъ-маіоромъ.

По открытіи севастопольской войны, Катенинъ начальствовалъ, кажется, ярославскимъ ополченіемъ и по окончаніи войны вновь вышелъ въ отставку.

Въ послѣдній разъ я встрѣтился съ Катенинымъ въ Ярославлѣ, въ то время, какъ я самъ одно время находился въ отставкѣ и пріѣзжалъ въ Ярославль по дѣламъ. Мы, какъ однополчане, и такого полка, какъ Преображенскій, въ которомъ мы всѣ жили истинно какъ родные, мы встрѣтились при такихъ чувствахъ воспоминанія о полку, которыхъ передать трудно.

Мы пробесѣдовали только нѣсколько часовъ, потому что оба были на отъѣздѣ. Но за то много было и перемолвлено; между нами много было воспоминаній и разсужденій о прошедшемъ и о настоящемъ, хоть головѣ вскружиться! Катенинъ первый мнѣ подалъ мысль, при воспоминаніяхъ о старой нашей службѣ, объ обществѣ офицеровъ, о времени всеобщаго безумія при посѣщеніи театральныхъ представленій, въ которыхъ нѣкогда онъ самъ принималъ участіе, и наконецъ, разговорившись о пожарѣ Зимняго дворца, который намъ, Преображенскимъ, особенно памятенъ, онъ мнѣ сказалъ: любопытно бы было все это описать; и кто бы могъ всему повѣрить, что́ бывало и что̀ безслѣдно прошло!

Наконецъ мы попрощались; я чрезъ года два послѣ того вновь поступилъ на военную службу во фронтъ и, находясь уже въ Туркестанскомъ краѣ, я съ прискорбіемъ узналъ о кончинѣ Катенина.

И съ того времени у меня зародилась мысль и я сталъ набрасывать тогда же мои воспоминанія.

Прослуживши 14 лѣтъ офицеромъ въ Преображенскомъ полку и, благодаря Бога, въ такихъ наилучшихъ отношеніяхъ со всѣми товарищами, какъ нельзя болѣе, я былъ истинно, въ обществѣ офицеровъ нашего Преображенскаго полка, какъ въ большой семьѣ родныхъ; поэтому, при моихъ воспоминаніяхъ обо всемъ прошломъ, о всемъ дѣлаемомъ, о всемъ происходившемъ между всѣми нами, мнѣ необходимо,

хотя въ краткихъ словахъ, обрисовать всѣ тѣ личности изъ моихъ сослуживцевъ, которыя въ моей памяти оставили вліятельныя и самыя живыя воспоминанія.

Командиромъ головной роты нашего Преображенскаго полка, именно роты его величества, я, при поступленіи моемъ въ полкъ, засталъ полнаго тогда капитана Александра Андреевича Катенина,—родной и старшій братъ нашего полкового адъютанта, о которомъ я только что говорилъ.

Капитанъ Катенинъ въ царствованіе государя императора Александра Николаевича былъ уже военнымъ генералъ-губернаторомъ Оренбурга и командующимъ войсками оренбургскаго края; а тогда онъ былъ только что еще капитаномъ Преображенскаго полка, но уже имѣлъ за собой много лѣтъ службы и солидное число годовъ отъ рожденія, ибо волоса его головы серебрились.

Катенинъ поступилъ на службу въ Преображенскій полкъ юнкеромъ во времена чуть-ли не 1818-го или 1819-го годовъ, когда его родной дядя служилъ у насъ въ полку полковникомъ,—Павелъ Александровичъ Катенинъ, извѣстный тогда писатель, о которомъ нашъ незабвенный поэтъ Пушкинъ всегда, въ своихъ сочиненіяхъ, относился съ особеннымъ уваженіемъ.

И такъ, нашъ командиръ государевой роты, капитанъ Катенинъ, былъ человѣкъ серьезный, весьма замѣчательнаго ума, способностей и познаній. Я засталъ его въ полку, какъ одного изъ числа старшихъ нашихъ офицеровъ и, какъ казалось, болѣе всѣхъ имѣвшаго вліяніе въ полку. Онъ воспитывался, учился и образовывался, какъ это велось въ кругу древнихъ дворянъ, у себя дома, при отличныхъ воспитателяхъ и учителяхъ и, пожалуй, хуже ли бывало тогдашнее образованіе, это можно указать на то, что во всѣ времена русское извѣстное дворянское сословіе всегда стояло выше воспитаніемъ и образованіемъ иностраннаго.

Капитанъ А. А. Катенинъ служилъ у насъ въ полку строевымъ офицеромъ. Онъ получилъ въ командованіе роту еще въ поручичьемъ чинѣ; а государеву роту получилъ въ командованіе уже при полковомъ командирѣ генералѣ Микулинѣ.

Часть нашей гвардіи въ 1839 году ходила въ г. Калишъ на маневры и наша государева рота, подъ начальствомъ Катенина, въ полномъ составѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, находилась тоже.

Съ этого времени началось быстрое повышеніе капитана Катенина по службѣ, ибо до того онъ служилъ дѣйствительно довольно несчастливо; вакансіи въ полку шли какъ-то туго и онъ при серебристыхъ уже волосахъ получилъ чинъ полнаго капитана.

Государь Николай Павловичъ, отъ проницательности котораго не ускользала никакая способность, по возвращеніи съ Калишскихъ маневровъ, возвелъ капитана Катенина въ свои флигель-адъютанты. Затѣмъ вскорѣ онъ былъ произведенъ въ полковники и взятъ въ свиту государя.

Находясь въ свитѣ государя, онъ сопровождалъ его величество во многихъ путешествіяхъ по осмотру войскъ, и на Кавказѣ былъ оставленъ государемъ по очень важному тогда порученію.

По возвращеніи съ Кавказа, полковникъ Катенинъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ оставленіемъ въ свитѣ его величества. Послѣ того, въ непродолжительномъ времени, генералъ Катенинъ былъ назначенъ начальникомъ штаба одного изъ армейскихъ корпусовъ. Затѣмъ, я не помню уже, послѣ какого времени, Катенинъ, прямо изъ корпусныхъ начальниковъ штаба, былъ назначенъ командиромъ Преображенскаго полка. Это было уже безъ меня, я тогда только что недавно вышелъ изъ полка.

Такое назначеніе, какъ изъ начальниковъ штаба корпуса въ полковые командиры, казалось бы умаленіемъ. Но, напротивъ того, въ тѣ времена всякое назначеніе, дѣлаемое государемъ, во первыхъ, имѣло высокое значеніе. А во вторыхъ, встать во главѣ такого полка, какъ Преображенскій, чуть-ли не приравнивалось тогда къ тому, какъ-бы встать ближе къ солнцу.

Въ продолженіе командованія Катенинымъ Преображенскимъ полкомъ, онъ былъ сдѣланъ генералъ-адъютантомъ. А затѣмъ, впослѣдствіи, онъ получилъ назначеніе дежурнаго генерала,—должность, въ тѣ времена имѣвшая огромное значеніе.

Наконецъ, во время севастопольской кампаніи генералъ-адъютантъ Катенинъ, какъ было слышно, былъ облеченъ государемъ Николаемъ Павловичемъ еще бо̀льшимъ довѣріемъ, оставаясь при особѣ государя. Катенинъ, говорятъ, работалъ день и ночь безъ устали и его дѣятельность во время осады Севастопольской по всѣмъ частямъ, относящимся до войска, была примѣрная. Впрочемъ, это не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, потому что Катенинъ былъ въ полномъ смыслѣ практикъ нашего военнаго ремесла.

Александръ Андреевичъ Катенинъ скончался въ должности оренбургскаго генералъ-губернатора и начальника края.

За государевой ротою слѣдовала 1-я фузилерная рота, командиромъ которой я засталъ почтеннаго и всѣми уважаемаго въ полку, тоже полнаго капитана, Платона Ивановича Челищева.

У насъ въ это время въ полку было пять братьевъ Челищевыхъ, изъ

коихъ Платонъ Ивановичъ и Иванъ Ивановичъ были между собою родные братья. Затѣмъ, Николай Егоровичъ, Алексѣй Егоровичъ и третій, Владиміръ Егоровичъ, Челищевы тоже были трое родныхъ братьевъ, а первымъ двумъ приходились двоюродными.

Всѣ пять братьевъ Челищевыхъ въ полку были очень любимы всѣмъ полкомъ. Что относится до Челищевыхъ Ивана Ивановича и Алексѣя Егоровича, я ниже изложу мои воспоминанія болѣе пространно, какъ о личностяхъ, каждая въ своемъ родѣ, очень замѣчательныхъ.

Командиръ 1-й роты, капитанъ Платонъ Челищевъ, былъ изъ старыхъ офицеровъ въ полку, ибо онъ съ полкомъ дѣлалъ кампанію турецкую 1828 года и польскую 1831 года. Капитанъ Челищевъ былъ очень умный и образованный господинъ и притомъ офицеръ боевой, обвѣшенный орденами за храбрость и отличія въ сраженіяхъ.

При открытіи кампаніи польской въ 1831 году, Платонъ Челищевъ, въ числѣ избранныхъ офицеровъ, въ числѣ прочихъ изъ гвардейскаго корпуса, по назначенію государя Николая Павловича, былъ откомандированъ изъ нашего полка въ отрядъ извѣстнаго тогда генерала Н. Н. Муравьева, извѣстнаго впослѣдствіи подъ наименованіемъ Муравьева-Карскаго.

Генералъ-адъютантъ Муравьевъ-Карскій, что не безъизвѣстно тоже, былъ въ свое время однимъ изъ умныхъ, просвѣщенныхъ людей и генералъ не безъ таланта и притомъ, какъ слышно было, онъ былъ изъ числа древнихъ служивыхъ,—страшно разборчивъ, строгъ и даже крутой, такъ что его подчиненные могли ожидать только тогда отъ него наградъ, когда онъ ихъ найдетъ вполнѣ заслуживающими. И вотъ, между прочимъ, Платонъ Челищевъ, во все время польской войны, состоя при Муравьевѣ, былъ имъ награжденъ за отличія въ сраженіяхъ чиномъ и нѣсколькими орденами за храбрость, и по окончаніи польской кампаніи былъ возвращенъ въ Преображенскій полкъ. Въ то время служившіе подъ начальствомъ Н. Н. Муравьева и имъ отличенные составляли себѣ репутацію по службѣ, ибо Муравьевскія отличія считались лучшей рекомендаціею.

Платонъ Ивановичъ Челищевъ былъ одаренъ прекраснымъ талантомъ: онъ великолѣпно рисовалъ карикатуры. У него былъ большой альбомъ прелестно схваченныхъ съ натуры личностей всего гвардейскаго корпуса, не исключая и высокопоставленныхъ особъ того времени. Личности, изображенныя имъ въ его альбомѣ, хотя и были писаны въ карикатурныхъ видахъ, но были неподражаемой и восхитительной прелести. Сходство, манеры, поза,—такъ все было мастерски схвачено, что каждый тотчасъ узнавалъ себя. Однимъ словомъ, альбомъ

Платона Ивановича Челищева имѣлъ такую заманчивую прелесть, что ходилъ по рукамъ лучшаго петербургскаго общества и подъ конецъ заинтересовалъ и особъ царской фамиліи. Чрезъ это Челищевъ пріобрѣлъ нѣкоторую общественную извѣстность; при чемъ, крайне замѣчательна была эта скромность, которая выражалась въ авторѣ такого прекраснаго таланта.

Платонъ Ивановичъ Челищевъ, не дождавшись въ полку производства въ полковники, при мнѣ еще, по желанію собственному, перешелъ въ войска кавказскаго корпуса, подполковникомъ. Тамъ, вновь, за отличія въ сраженіяхъ, получилъ чинъ полковника и полкъ въ командованіе.

Со ввѣреннымъ ему полкомъ, онъ выдержалъ всю осаду Севастополя, и, по окончаніи войны, вышелъ въ отставку, пріѣхалъ въ Петербургъ, заболѣлъ и скончался.

Генер.-лейтен. Д. Г. Колокольцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГРАФЪ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ-АМУРСКІЙ

въ 1848—1856 гг.

La critique est aisée, mais l'art est difficile.

Въ историческомъ журналѣ „Русская Старина", въ 9-й книгѣ за 1881 годъ, напечатана статья Амурское дѣло.

Восемь съ половиною лѣтъ я прослужилъ въ Восточной Сибири подъ непосредственнымъ начальствомъ бывшаго генералъ-губернатора Николая Николаевича Муравьева, впослѣдствіи графа Амурскаго, сперва состоя при немъ для особыхъ порученій, затѣмъ, съ 7-го февраля 1852 года, управляющимъ частью генеральнаго штаба, а наконецъ, съ 12-го января 1856 года по 1-е декабря того-же года, въ должности начальника штаба по морскому и сухопутному вѣдомствамъ. Кромѣ того, въ 1851 году, съ 7-го апрѣля по 18-е іюля, исправлялъ должность дежурнаго штабъ-офицера, за неприбытіемъ таковаго, а съ 1-го февраля 1853 года по 18-е апрѣля 1854 года—день отъѣзда въ Кяхту по случаю командировки въ Пекинъ, завѣдывалъ и казачьимъ отдѣленіемъ главнаго управленія Восточной Сибири.

Желая, чтобы объ этой эпохѣ Восточной Сибири, важной въ историческомъ ея значеніи, а также и о главномъ дѣятелѣ того времени—было сколь можно болѣе матеріаловъ, считаю нравственнымъ долгомъ пояснить нѣкоторыя обстоятельства, о которыхъ упоминается въ статьѣ „Амурское дѣло" за время моего тамъ служенія.

На службу въ Восточную Сибирь я поступилъ совершенно случайно, въ противность своего желанія и своимъ интересамъ,

по настойчивому требованію бывшаго въ 1848 году генералъ-квартирмейстера главнаго штаба его императорскаго величества, графа Берга, который, на заявленіе Н. Н. Муравьева о томъ, что назначеніемъ въ Восточную Сибирь разстраиваются мои домашнія дѣла,—отвѣтилъ ему, что, согласно его-же видамъ, онъ командируетъ меня въ распоряженіе какъ отличнаго офицера генеральнаго штаба и могущаго удовлетворять вполнѣ его требованіямъ. Покорность волѣ начальства впослѣдствіи оправдала мои опасенія: кромѣ потерь въ матеріальномъ отношеніи, я, для приведенія въ порядокъ своихъ хозяйственныхъ дѣлъ, вынужденъ былъ оставить тотъ родъ службы, для которой учился и потратилъ лучшіе годы свей жизни.

Это маленькое отступленіе, не касающееся существа затронутаго мною предмета, я допустилъ себѣ сдѣлать съ тою цѣлью, дабы устранить всякую мысль о какомъ-либо, съ моей стороны, лицепріятіи.

Н. Н. Муравьевъ обладалъ быстрымъ соображеніемъ и предпріимчивостью, характера былъ настойчиваго и необыкновенно дѣятеленъ, посвящая все время служебнымъ занятіямъ и всегда готовый преслѣдовать зло. Въ обхожденіи съ подчиненными былъ очень простъ и ласковъ. Онъ былъ чуждъ всякой военной формалистики и даже того, свойственнаго военнымъ, тщеславія [1], чтобы какъ начальникъ, окруженный свитою, рисоваться своимъ командирствомъ передъ войсками, которыхъ онъ почти никогда и не осматривалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Н. Н. Муравьевъ, какъ человѣкъ нервный и страдавшій сердцемъ, былъ иногда до крайности раздражителенъ, что и было причиною нѣкоторыхъ съ его стороны неумѣстныхъ выходокъ и ошибочныхъ поступковъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ не прочь выслушивать и разсказы близкихъ къ нему лицъ. Однажды, въ 1854 году, я высказалъ ему, что такая система, по моему мнѣнію, неудобна тѣмъ болѣе, что находясь столько времени въ Сибири и вмѣшиваясь во всѣ дѣла до малѣйшей подробности, онъ лучше другихъ разсказщиковъ, которыми могутъ руководить и личности,—знаетъ дѣйствія каждаго, но Николай Николаевичъ не раздѣлялъ моего взгляда и доказывалъ, что безъ этого начальнику обойтись нельзя, тѣмъ болѣе въ

---

[1]) „Русская Старина“ изд. 1881 г., сентябрь, стр. 87-я.

въ такомъ краѣ, гдѣ нравственныя начала попраны и гдѣ лихоимство и взяточничество было такъ развито. Вотъ что было главнымъ двигателемъ нерѣдкихъ его перемѣнъ къ лицамъ, которыя, изъ большого даже къ нимъ расположенія и довѣрія, впадали въ немилость и обратно.

При всѣхъ своихъ достоинствахъ, Н. Н. Муравьевъ, какъ отъ болѣзненнаго состоянія, такъ и отъ усвоеннаго имъ, существовавшаго въ то время—принципа начальнической непогрѣшимости, а частью и отъ безусловной покорности и угодливости подчиненныхъ, нерѣдко былъ упрямъ въ исполненіи своихъ распоряженій, хотя таковыя и не согласовались съ нѣкоторыми обстоятельствами, бывшими ему или неизвѣстными, или открывшимися при самомъ исполненіи на мѣстѣ. Къ числу такихъ ошибочныхъ мѣропріятій относится, упоминаемое въ статьѣ, заселеніе по рр. Алдану и Маѣ (Якутско-Аянскій трактъ) нѣсколькихъ десятковъ семействъ изъ старообрядцевъ, изъ числа которыхъ, черезъ 3 года по переселеніи, осталось всего 10 душъ, а остальные погибли отъ тифа и цынги. Когда въ разговорѣ со мною Николай Николаевичъ упомянулъ о сдѣланномъ уже имъ распоряженіи о переселеніи на назначенные пункты старообрядцевъ, то я выразилъ съ своей стороны, что можно впасть въ большія ошибки, указывая пункты для заселенія безъ подробнаго изслѣдованія окружающей мѣстности, а по одному наглядному обозрѣнію и при содѣйствіи только маршрутной съемки, обнимающей весьма небольшой по сторонамъ пути раіонъ, такъ какъ я имѣлъ случай лично убѣдиться, какъ обманчива красота мѣстоположеній въ Восточной Сибири, гдѣ, даже вблизи самыхъ очаровательныхъ мѣстъ, нерѣдко встрѣчаются болота и тундры, вредно вліяющія на здоровье людей. То же самое я повторилъ, когда, докладывая изготовленные планы р. Амура, Н. Н. Муравьевъ указывалъ, гдѣ, по его предположенію, имѣютъ быть города и гдѣ станицы. Равнымъ образомъ и въ силу тѣхъ же причинъ Н. Н. Муравьевъ, посвящая все время служебнымъ занятіямъ, считалъ, что подъ его руководствомъ всякая личность, лишь-бы она пользовалась его довѣріемъ и была честная, - можетъ выполнять всякую обязанность. Такъ, онъ поручилъ составить планъ укрѣпленія Авачинской губы и Петропавловскаго порта офицеру корпуса топографовъ, снимавшему эту мѣстность съ натуры, а когда пришлось дѣлать уже оконча-

тельное распоряженіе къ постройкѣ укрѣпленій, что было мнѣ поручено, тогда онъ увидѣлъ всю нелѣпость составленнаго проэкта и самъ же, совмѣстно со мною, его измѣнилъ совершенно. Равнымъ образомъ, всѣ проэкты объ образованіи войскъ въ Восточной Сибири, были составляемы въ V отдѣленіи главнаго управленія, при содѣйствіи одного только начальника отдѣленія, гражданскаго чиновника.

Однажды, въ 1853 году, Н. Н. Муравьевъ, зайдя ко мнѣ, сдѣлалъ предложеніе назначить меня управляющимъ горнымъ отдѣленіемъ; на это я съ улыбкою отвѣчалъ, что какъ-же будутъ идти дѣла, когда ни главный начальникъ, ни лицо, стоящее у самаго дѣла, будутъ не спеціалисты; на это онъ отвѣтилъ, что безъ этого можно обойтись, а нужно быть только честнымъ дѣятелемъ и преслѣдовать зло, указавъ при этомъ, что не далѣе какъ сегодня ему доложена была смѣта предстоящихъ расходовъ по Нерчинскимъ горнымъ заводамъ на будущій годъ и онъ её уменьшилъ прямо на 150,000 рублей, не входя ни въ какія подробности, и увѣренъ, что все то, что предполагалось, будетъ сдѣлано и съ означеннымъ уменьшеніемъ. Видя его въ нервномъ состояніи, я ограничился только просьбою дозволить мнѣ подумать, а затѣмъ, на другой день, когда онъ повторилъ предложеніе, то я отвѣтилъ, что удивляюсь его желанію, чтобы я рѣшился перемѣнить мундиръ генеральнаго штаба на горный, которому онъ такъ не сочувствуетъ, тогда онъ отвѣтилъ: „Да, вы правы, я это упустилъ изъ вида",—тѣмъ дѣло и кончилось.

При такомъ воззрѣніи, Н. Н. Муравьевъ былъ всегда противникомъ [1]) учрежденія штаба, пока не убѣдился въ концѣ 1855 года, что это необходимо, и предложилъ мнѣ занять должность начальника штаба и, тогда только, когда я согласился принять эту обязанность, сдѣлалъ представленіе о штабѣ и о моемъ назначеніи, такъ какъ я сперва отказывался, предвидя, что разстройство моихъ домашнихъ дѣлъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ, слѣдовательно я вынужденъ буду уѣхать. Затѣмъ, не дожидаясь разрѣшенія, личною властью генералъ-губернатора, образовалъ штабъ, предписавъ мнѣ вступить въ званіе начальника штаба. Вѣроятно такая поспѣшность была сдѣлана изъ опасенія,

[1]) «Русская Старина», сентябрь 1881 г., стр. 87-я.

чтобы на означенную должность не послѣдовало изъ Петербурга назначенія другого лица, такъ какъ не прошло еще 2-хъ мѣсяцевъ, какъ я былъ произведенъ въ полковники.

Съ самаго пріѣзда въ Восточную Сибирь, я имѣлъ постоянныя порученія и частыя командировки, а впослѣдствіи, какъ это видно изъ прилагаемой при семъ выписки изъ представленія военному министру отъ 18-го октября 1854 года за № 568, на меня было возложено очень много занятій и хотя я, до образованія штаба, не имѣлъ никакихъ помощниковъ, кромѣ писарей, но никогда не тяготился работою, потому что подъ руководствомъ столь даровитаго начальника, какимъ былъ Н. Н. Муравьевъ, трудиться было легко и пріятно.

При всякомъ случаѣ я откровенно и не стѣсняясь высказывалъ свои мнѣнія, которыя нерѣдко и защищалъ энергически [1]), что однако никогда не вызывало съ его стороны гнѣва, и одинъ только разъ, когда я, на приказаніе Николая Николаевича сдѣлать распоряженіе о заготовленіи оковокъ для лафетовъ бомбическихъ пушекъ и солонины для экспедиціи 1855 года, возразилъ, что легко остаться безъ лафетовъ и солонины, если, относительно оковокъ, дѣло поручается офицеру путей сообщенія и еще такому, который не съумѣлъ выстроить въ Красноярскѣ собора, такъ-что тотъ провалился, а также, что 15-й баталіонъ не всемогущъ, чтобы изъ сырого матеріала сдѣлать сухіе боченки для укопорки солонины,—тогда онъ, сдѣлавъ мнѣ строгимъ тономъ начальническое внушеніе, приказалъ исполнить приказаніе.

Такимъ я зналъ Н. Н. Муравьева и увѣренъ, что не только я, но бо̀льшая часть сибиряковъ, а также и исторія,—отнесутся съ должнымъ уваженіемъ къ его памяти. Въ доказательство же его дѣятельности и служебной заботливости, а также его отношеній, какъ начальника къ подчиненному,—прилагаю при семъ собственноручныя его ко мнѣ письма.

Затѣмъ, приступая къ поясненію нѣкоторыхъ обстоятельствъ, изложенныхъ въ статьѣ „Амурское дѣло“, предварительно считаю нужнымъ сказать, что хотя вновь возродившаяся мысль о необходимости пріобрѣтенія Амура и свободнаго по этой рѣкѣ плаванія, всецѣло принадлежала покойному императору Николаю,

---

[1]) Письмо Н. Н. Муравьева изъ По, отъ 24-го іюня (6-го іюля) 1856 года.
А. З.

но къ осуществленію ея постоянно встрѣчались затрудненія со стороны большей части правительственныхъ лицъ, въ томъ числѣ и государственнаго канцлера графа Нессельроде,—считавшихъ такое громадное предпріятіе, при ничтожныхъ средствахъ Восточной Сибири, слишкомъ рискованнымъ и могущимъ повлечь за собою войну съ Китаемъ. Къ тому-же, объ Амурѣ, и какое можно было тамъ встрѣтить сопротивленіе со стороны Манджуріи,—не имѣлось никакихъ свѣдѣній [1]). При такомъ колебаніи и неизвѣстности, все дѣлалось частями, по мѣрѣ полученія разрѣшеній и выяснявшихся обстоятельствъ, а потому полагаю, было-бы преждевременнымъ и недостижимымъ начать проводить дѣло колонизаціи, когда всѣ дѣйствія могли ограничиться только основаніемъ Петровскаго зимовья, Николаевскаго и торговлею чрезъ посредство россійско-американской компаніи вблизи устьевъ р. Амура, слѣдовательно, скорѣе можно предполагать, что эти-то условія, а не отсутствіе предусмотрительности—останавливали Н. Н. Муравьева отъ ходатайства освободить населеніе Забайкальской области отъ рекрутской повинности [2]) и тѣмъ болѣе во время начавшейся уже войны, окончаніе которой трудно было и предвидѣть.

Лѣвый берегъ Амура и оба его прибрежья съ мѣста крутого поворота рѣки на сѣверъ, по своему мѣстоположенію и климатическимъ условіямъ, не представляютъ такого интереса, для достиженія котораго можно было-бы жертвовать людьми и деньгами, но рѣка эта есть единственный удобный путь, связывающій населенныя мѣста Сибири съ моремъ. Владѣя этимъ путемъ, представлялась возможность и на дальнемъ востокѣ—имѣть доста-

---

[1]) При объявленіи въ началѣ 1856 года китайскимъ властямъ въ Айгунѣ высочайшаго повелѣнія объ учрежденіи въ пяти мѣстахъ по лѣвому берегу р. Амура—постовъ для снабженія продовольствіемъ возвращающихся съ устьевъ Амура войскъ, въ разговорахъ съ чиновниками айгунскаго губернатора, на запросъ, зачѣмъ каждый разъ при проходѣ нашихъ судовъ объявляется, что пропускъ дѣлается въ послѣдній разъ, тогда какъ они не имѣютъ достаточныхъ силъ, чтобы этому воспрепятствовать,—одинъ изъ этихъ чиновниковъ проговорился, что иначе поступать они не могутъ, потому что, будто-бы у Бохдыхана есть книжечка, въ которой значится, что въ Айгунѣ (Сахалянъ-Ула-Хотонъ) имѣется 40 военныхъ судовъ и 200,000 войска, т. е. такая сила, которая можетъ остановить горсть русскихъ войскъ, плывущихъ по Амуру.

[2]) «Русская Старина», сентябрь 1881 г., стр. 80. А. З.

точно сильный военный флотъ, что важно въ политическомъ значеніи и можетъ вліять даже при войнѣ въ Европѣ. На это послѣднее обстоятельство и было обращено первое вниманіе; къ тому-же, въ виду неимѣнія силы защищать свои права, иностранцы въ Охотскомъ морѣ дѣйствовали не стѣсняясь, убивая китовъ близь самыхъ береговъ Сибири, а такъ какъ рѣшительныхъ мѣръ для завладѣнія Амуромъ не допускалось, то при желаніи имѣть флотъ, нужно было и избрать для судовъ другую, болѣе удобную, чѣмъ Охотскій портъ, гавань [1]). По этимъ причинамъ и было указано на Камчатку, гдѣ Петропавловскій портъ съ Авачинскою губою представляютъ одну изъ лучшихъ на сѣверѣ гаваней, какъ для стоянки судовъ, такъ и для ихъ защиты. Очень естественно, что при отдаленности края, несмотря на незначительность населенія, главному морскому начальнику присвоено было и званіе военнаго губернатора. Не успѣли однако еще устроиться въ Камчаткѣ, какъ открылась война и тогда только было разрѣшено плыть по Амуру, чтобы доставить какое-нибудь подкрѣпленіе для защиты Петропавловскаго порта и устьевъ Амура, находившихся уже въ нашей власти, благодаря смѣлымъ и рѣшительнымъ дѣйствіямъ капитана Невельскаго. Доставленное своевременно подкрѣпленіе дало возможность, при геройской защитѣ Петропавловскаго порта, отбить непріятельскій десантъ, что вынудило англо-французскую эскадру удалиться. Послѣ того, военный губернаторъ Камчатки, ожидая съ весною новаго нападенія, донесъ, что дальнѣйшая защита невозможна, по недостатку въ снарядахъ и порохѣ. По полученіи этого извѣстія и невозможности ничего доставить въ Камчатку по случаю крейсерства непріятельскихъ судовъ, высочайше повелѣно было Камчатскому губернатору, со всею бывшею въ Петропавловскомъ портѣ флотиліею и забравъ все управленіе, перейти на Амуръ, гдѣ и назначено было оставаться, такъ какъ тогда еще никто и не думалъ, что китайцы уступятъ намъ Уссурійскій край, а гавань Посьета, гдѣ нынѣ Владивостокъ, была только что открыта адмираломъ графомъ Путятинымъ. Передвиженіе въ Амуръ могло

---

[1]) Въ Охотскѣ не было ни одного начальника, который-бы не представлялъ о необходимости перенести портъ въ другое мѣсто. Посмертныя записки Невельскаго, стр. 36. А. З.

только укрыть нашъ флотъ, такъ какъ ни устье Амура, ни гавань Де-Кастри, не отвѣчали тѣмъ требованіямъ, какія необходимы для военныхъ судовъ. Что-же касается выселенія изъ Охотска жителей, которые будто-бы оттого должны были гибнуть, то объ этомъ мнѣ неизвѣстно, и если это выселеніе касается служащихъ лицъ, то полагаю, что они вездѣ и всегда могутъ ожидать всякаго рода передвиженій [1]). Относительно перенесенія порта изъ Охотска въ Петропавловскъ, можно только указать развѣ на несвоевременность предпріятія, такъ какъ стремиться къ увеличенію морскихъ силъ исподволь съ ничтожными средствами и безъ прочнаго сообщенія съ Сибирью, не имѣло для этого достаточныхъ основаній.

При генералъ-губернаторахъ, предмѣстникахъ Н. Н. Муравьева, горное вѣдомство пользовалось особыми правами, и его дѣйствій въ видахъ-ли спеціальности, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, какъ-бы боялись касаться. Очень естественно, что такой энергическій человѣкъ, какъ Н. Н. Муравьевъ, не могъ оставаться равнодушнымъ, если замѣчалъ въ подвѣдомственныхъ ему учрежденіяхъ какія-либо неправильности, упущенія, а въ иныхъ случаяхъ, можетъ быть, и расточительность, такъ что легко могли быть и столкновенія съ министромъ финансовъ, но Н. Н. Муравьевъ былъ человѣкъ высокой честности, чтобы его можно было подозрѣвать въ томъ, что онъ изъ личной вражды [2]) готовъ былъ жертвовать благосостояніемъ людей. При постоянныхъ и частыхъ командировкахъ въ Забайкальскую область, я имѣлъ случай лично убѣдиться, какъ быстрое развитіе золотого дѣла дѣйствительно разворяло горно-заводскихъ служителей, которые бросали прекрасные дома, пашни и т. под., заведенные десятками лѣтъ, и шли на новыя мѣста, но въ этомъ случаѣ нельзя обвинять генералъ-губернатора, заботившагося объ увеличеніи доходовъ въ видахъ государственныхъ интересовъ. Такого рода передвиженія зависятъ отъ самаго свойства горнозаводской промышленности, такъ какъ нельзя въ угоду служащимъ производить работы въ такихъ мѣстахъ, которые или выработаны, или убыточны. То же самое встрѣчается и при частной производитель-

---

[1]) «Русская Старина», сентябрь 1881 г., стр. 81.
[2]) Тамъ-же, стр. 82.

ности, гдѣ также бываютъ случаи, что заводы и фабрики закрываются, чрезъ что служащіе и рабочіе терпятъ нужду и должны искать занятій въ другихъ мѣстахъ. Открытіе работъ на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ было сдѣлано на основаніи техническихъ изслѣдованій, а потому, если не вырабатывалось ежегодно 100 пудовъ золота, какъ предполагалось [1]), то въ этомъ случаѣ слѣдуетъ считать виновниками развѣ только лицъ, производившихъ изслѣдованія, но и то было-бы несправедливо, такъ какъ золотоносный пластъ, покрытый землею, можетъ оказаться бѣднѣе по своему содержанію противъ того, какъ при развѣдкахъ показали битыя на опредѣленномъ разстояніи шурфы. Подобныя ошибки очень часто встрѣчаются и на частныхъ золотыхъ пріискахъ.

Рѣшаясь на такое большое предпріятіе, какъ завладѣніе Амуромъ, нужно было и быть готовымъ ко всякаго рода случайностямъ и столкновеніямъ, а потому нельзя было довольствоваться 4-мя линейными баталіонами, только что приведенными въ подвижное состояніе, а необходимо было увеличить численность войскъ. Съ этою цѣлью и было проэктировано формированіе вновь 12-ти баталіоновъ казаковъ изъ мѣстнаго населенія и преобразованіе существовавшаго пограничнаго казачьяго коннаго войска съ добавленіемъ 2-хъ конныхъ полковъ изъ бурятъ. Проэктъ былъ составляемъ, какъ я упомянулъ въ началѣ, въ гражданскомъ вѣдомствѣ, слѣдовательно въ деталяхъ не мало можно было видѣть недостатковъ, но главная мысль состояла въ томъ, что образованіе войска изъ мѣстныхъ жителей и соблюденіе между ними очереди для службы давало возможность держать подъ ружьемъ только то число людей, какое указывала надобность, тогда какъ вытребовавъ изъ Россіи дивизію, только на случай могущаго быть столкновенія, приходилось бы держать ее постоянно въ надлежащемъ составѣ и продовольствовать въ той же Забайкальской области, какъ въ мѣстѣ, ближайшемъ къ театру дѣйствій. Въ этихъ-то видахъ и были обращены горно-заводскіе крестьяне въ казаки, какъ ближайшіе жители къ театру дѣйствій, и которые несли на себѣ тягостную натуральную повинность и были подъ страшнымъ гнетомъ не только своего ближайшаго начальства, но даже и

[1]) «Русская Старина», сентябрь 1881 г., стр. 84.

подрядчиковъ. Будучи командированъ въ августѣ мѣсяцѣ 1851 г. для распредѣленія народонаселенія по округамъ, на баталіоны и бригады, для исполненія чего я долженъ былъ объѣздить почти всѣ мѣста, занимаемыя горно-заводскими крестьянами, я лично убѣдился въ ихъ тяжеломъ положеніи. При этомъ объѣздѣ мнѣ было поручено также объявлять крестьянамъ и высочайшую волю о зачисленіи ихъ въ казаки, и меня крайне удивило, выраженное ими въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, сожалѣніе покинуть прежній тяжелый бытъ и перейти въ новое, безъ всякаго сомнѣнія, гораздо лучшее положеніе, что слѣдуетъ отнести къ опасенію, чтобы перемѣна не повлекла за собою въ будущемъ бо̀льшихъ, чѣмъ прежде, отъ правительства требованій. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1856 г., во время мѣсячныхъ сборовъ, я осматривалъ и инспектировалъ всѣ 12 баталіоновъ и нашелъ ихъ въ хорошемъ во всѣхъ отношеніяхъ состояніи, такъ что это войско было не фиктивное [1]), а не уступающее регулярнымъ войскамъ, тѣмъ болѣе, что многіе баталіоны имѣли въ своемъ составѣ отличныхъ стрѣлковъ. Если же забайкальское войско было укомплектовано частью дурными офицерами [2]), если для укрѣпленія береговъ Амура были высланы старыя мѣдныя орудія и если было доставлено 4000 пудовъ снарядовъ, не подходившихъ подъ лакала, то, въ этомъ случаѣ, скорѣе можно обвинять другихъ лицъ, а не мѣстнаго генералъ-губернатора. Чертежи и смѣты на возведеніе построекъ [3]), а равно и всѣ соображенія по этому предмету, были составлены состоящимъ для особыхъ порученій изъ инженеровъ Кукелемъ (впослѣдствіи начальникъ штаба), который, по изготовленіи всего, что требовалось, составилъ и проэктъ предписанія о способахъ самаго выполненія, а затѣмъ принесши ихъ ко мнѣ, передалъ приказаніе Н. Н. Муравьева, чтобы, по перепискѣ бумагъ, я ихъ скрѣпилъ и затѣмъ представилъ генералъ-губернатору для подписи, такъ какъ все имъ составленное уже разсмотрѣно и одобрено. На это я отвѣтилъ, что относительно переписки все будетъ исполнено, но скрѣплять тѣхъ бумагъ я не буду. Конечно, мои слова, и не безъ удовольствія, были переданы, такъ что когда я принесъ бумаги

---

[1]) «Русская Старина», сентябрь 1881 г., стр. 84-я.

[2]) Тамъ же, стр. 85-я.

[3]) Тамъ же, стр. 85-я.

къ подписи, то Н. Н. Муравьевъ спросилъ меня, отчего я не желаю ихъ скрѣпить; тогда я объяснилъ, что хотя отвѣтственность за распоряженіе и лежитъ на начальникѣ, подписавшемъ бумаги, но лицо, скрѣпившее ихъ, считается докладчикомъ по излагаемому въ предписаніи предмету, а какъ я по этому дѣлу не только не имѣлъ доклада, но даже не присутствовалъ при докладѣ ихъ Кукелемъ, то и не считалъ себя вправѣ тѣ бумаги скрѣплять. Отвѣтъ мой вызвалъ только улыбку, а не гнѣвъ Николая Николаевича, и онъ приказалъ скрѣпить бумаги Кукелю. На этомъ основаніи, я полагаю, что наказной атаманъ, если встрѣтилъ при исполненіи распоряженій какія-либо неудобства, ошибки или вредъ для казачьяго сословія, то всегда могъ представить надлежащія объясненія Николаю Николаевичу. Что же касается допущенныхъ, при выполненіи, злоупотребленій, то пресѣчь таковыя также лежало на его прямой обязанности, какъ ближайшаго начальника.

Отдавая полную справедливость П. И. Запольскому, какъ человѣку правдивому и поставившему войска Восточной Сибири на отличную степень фронтового образованія, я не могу не обратить вниманія на то, что если дѣйствительно онъ не могъ передъ генералъ-губернаторомъ отстоять праваго дѣла, то ему, вмѣсто пререканій, слѣдовало самому удалиться, а не выжидать, чтобы первый шагъ къ этому былъ сдѣланъ Н. Н. Муравьевымъ [1]), хотя, какъ видно изъ прилагаемаго при семъ проэкта письма, писаннаго карандашемъ самимъ Николаемъ Николаевичемъ, причиною удаленія была и болѣзнь, о которой ему сообщилъ адъютантъ Запольскій. Кромѣ того, опрометчивость въ нѣкоторыхъ случаяхъ П. И. Запольскаго положила начало къ измѣненію отношеній Н. Н. Муравьева къ Д. И. Завалишину, такъ, напримѣръ, уѣзжая изъ Читы, П. И. Запольскій безъ всякаго стѣсненія открыто поручалъ Д. И. Завалишину, лицу частному, главный надзоръ и распоряженіе по управленію и т. под. [2]), что, конечно, нарушая служебный порядокъ, возбуждало неудовольствіе въ служащихъ, которые и старались вредить обоимъ чрезъ приближенныхъ къ Николаю Николаевичу лицъ. Между тѣмъ Д. И. Завалишинъ, при

---

[1]) «Русская Старина», октябрь 1881 г., стр. 397-я.

[2]) Тамъ же, стр. 392-я.

блестящемъ образованіи, обладая обширнымъ и свѣтлымъ умомъ и изучивъ до тонкости край, своими совѣтами и указаніями принесъ бы большую пользу при колонизаціи и избавилъ бы отъ тѣхъ ошибокъ, о которыхъ пришлось впослѣдствіи читать. При частыхъ командировкахъ въ Забайкальскую область я лично, да и всѣ другіе, пользовались его, Д. И. Завалишина, указаніями, за что и по настоящее время остаюсь ему глубоко признательнымъ.

Когда были сформированы казачьи войска, то Восточная Сибирь могла выставить въ потребномъ случаѣ подъ ружье до 20-ти тысячъ пѣхоты и кавалеріи, а потому необходимо было потребовать и артиллерію, а какъ наступленіе или оборона могли послѣдовать также и отъ Урги или Чичигара [1]), то и нужно было имѣть въ составѣ, кромѣ горной артиллеріи, и полевыя: батарейную и легкую батареи [2]), которыя въ тѣхъ мѣстахъ могли безъ затрудненій двигаться и дѣйствовать.

Образованіе кяхтинскаго градоначальства [3]) имѣло въ своемъ основаніи не какое-либо тщеславіе, а необходимость имѣть болѣе удобствъ для сношенія съ ургинскими правителями при предстоявшихъ частыхъ переговорахъ и стоять вообще ближе къ самому дѣлу, а также для лучшаго надзора за мѣновою съ Китаемъ торговлею, такъ какъ открыты были большія злоупотребленія, а именно, что нѣкоторые купцы, при обмѣнѣ товаровъ на чай, спускали золото и серебро, что вредило нашей фабричной промышленности и вообще разрушало выгодныя для насъ основанія мѣновой торговли. До учрежденія же градоначальства всѣ сношенія съ Китаемъ велись иркутскимъ губернаторомъ, что при отдаленности и затрудненіи, по временамъ, сообщенія, представляло не мало неудобствъ.

Относительно постигшаго, при возвращеніи съ устьевъ Амура, линейный № 13-й баталіонъ несчастія [4]), то въ этомъ отношеніи отнюдь не оправдывая тѣхъ лицъ, которымъ предоставлены были главныя распоряженія, полагаю, всего болѣе виноватъ былъ и тотъ личный адъютантъ генералъ-губернатора, которому поручено было

---

[1]) Письмо 30-го октября 1855 года.
[2]) «Русская Старина», сентябрь 1881 г., стр. 86-я.
[3]) Тамъ же, стр. 87-я.
[4]) «Русская Старина», сентябрь 1881 г., стр. 96-я.

наблюденіе за возвращеніемъ вообще войскъ и которому, на этомъ основаніи, надлежало слѣдовать съ послѣднею партіею, а онъ прибылъ первымъ, что меня не мало удивило и я это ему тогда же высказалъ. Баталіонный же командиръ растерялся, да ему и не извѣстны были всѣ обстоятельства, между тѣмъ, если бы тотчасъ были приняты какія-нибудь рѣшительныя мѣры и сдѣланы розыски, то бѣдствіе, можетъ быть, и было бы отвращено, тѣмъ болѣе, что не далѣе какъ въ 13-ти верстахъ отъ мѣста катастрофы была затерта льдами баржа съ 10 тысячъ пудовъ муки. Въ подобнаго рода экспедиціяхъ, въ странѣ, не только не обитаемой, но и неизвѣстной, всегда слѣдуетъ быть готовымъ къ встрѣчѣ со всякаго рода случайностями, и тутъ смѣтливость и находчивость имѣютъ громадное значеніе. Такъ, въ 1854 году, при гораздо худшихъ условіяхъ, когда еще не было установлено по Амуру пунктовъ для постепеннаго довольствія, съ устьевъ Амура возвращалась сотня казаковъ въ составѣ 96 человѣкъ, и не доходя до устья р. Сунгари, въ половинѣ октября, по случаю ледохода вынуждена была бросить лодки и продолжать дальнѣйшій путь, около 2 тысячъ верстъ, пѣшкомъ, неся съ собою провіантъ и при наступившихъ холодахъ свыше 30°, но казаки возвратились благополучно, не потерявъ ни одного человѣка. Когда получено было въ Иркутскѣ извѣстіе о бѣдствіяхъ 13-го баталіона, то по штабу были сдѣланы тотчасъ надлежащія распоряженія объ оказаніи помощи и командированъ старшій адъютантъ штаба; затѣмъ, передавая должность Буссе, я обратилъ вниманіе его на всѣ обстоятельства этого важнаго случая, причемъ какъ ему, такъ и М. С. Корсакову, письменно высказалъ, что о такомъ событіи не слѣдуетъ скрывать.

Въ заключеніи прилагаю свѣдѣніе о расходахъ двухъ амурскихъ экспедицій, дѣйствіями которыхъ фактически былъ достигнутъ и рѣшенъ вопросъ свободнаго по р. Амуру плаванія.

Ахиллесъ Заборинскій.

29-го декабря 1882.
Г. Полтава.

I.

Выписка изъ представленія генералъ-губернатора восточной Сибири и командующаго войсками, въ оной расположенными, военному министру отъ 18-го октября 1854 года за № 568-мъ.

Подполковникъ Заборинскій заслуживаетъ по всей справедливости награды не въ примѣръ другимъ, какъ за всю свою здѣсь отлично-полезную службу, такъ въ особенности за занятія и дѣйствія по амурской экспедиціи. Невельской, Казакевичъ и Карсаковъ дѣйствовали на мѣстахъ каждый по своему предмету, Заборинскій былъ и продолжаетъ быть при мнѣ единственнымъ помощникомъ къ общимъ распоряженіямъ по всѣмъ частямъ и отношеніямъ этого предпріятія. Пользуясь отличными его способностями и неутомимою дѣятельностію, я сосредоточилъ въ его вѣдѣніи по генеральному штабу, кромѣ амурскихъ дѣлъ, важныя дѣла Камчатки, всѣ дѣла эскадры и всѣ дипломатическія сношенія, и потому только не взялъ его съ собою на Амуръ, что предназначилъ ему отправиться въ Пекинъ, еслибъ тамошній трибуналъ изъявилъ на это согласіе по моему предположенію; поѣздка эта не состоялась, но оставаясь и здѣсь безъ меня, Заборинскій дѣятельно содѣйствовалъ успѣху; подъ его руководствомъ собирался Каранскій лагерь близъ Кяхты и производились на границѣ маневры пяти тысячъ войскъ, большею частію казачьей кавалеріи, вполнѣ достигнувшіе своей цѣли впечатлѣніемъ на китайцевъ. Нынѣ, по возвращеніи моемъ сюда, у него же сосредоточено все многосложное и важное дѣло—снаряженіе плаванія по Амуру въ будущемъ лѣтѣ. По всему этому, считаю долгомъ доложить вашему сіятельству, что онъ не только вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ достоинъ испрашиваемаго ему производства въ слѣдующій чинъ, когда государь императоръ соизволилъ одобрить всѣ мои распоряженія по амурскому дѣлу, но заслуживаетъ сверхъ того, по способностямъ и дѣятельности своей, особеннаго вниманія высшаго начальства.

II.

16-го іюля 1850 года. Иркутскъ.

Очень благодарю васъ, любезный Ахиллесъ Ивановичъ, за всѣ доставленныя вами свѣдѣнія, но много предметовъ требуютъ личнаго съ вами объясненія, а потому я бы желалъ, чтобъ вы возвратились сюда ранѣе первоначальнаго нашего предположенія и, если только это не помѣшаетъ совершенному окончанію возложенныхъ на васъ дѣлъ, постарайтесь возвратиться не позже 16-го августа.

Распоряженіе о перемѣщеніи больныхъ на Карѣ сдѣлается нынѣ же, но его могъ сдѣлать и Разгильдѣевъ самъ; удивляюсь, что съ вами онъ ко мнѣ ничего не писалъ. Напишите мнѣ черезъ пароходъ же: приказалъ-ли Павелъ Ивановичъ [1]) Верхнеудинской инвалидной командѣ приготовиться къ выступленію въ Нерчинскъ, ибо она должна идти туда, а въ Петровскомъ заводѣ, до сформированія казаковъ, остается $^1/_2$ роты 12-го лин. бат., т. е. квартирующаго въ Кяхтѣ.

Я понимаю, что васъ должна была тронуть картина цынги на Карѣ, но вы были именно въ то время, когда она наиболѣе развилась; въ іюлѣ обыкновенно свирѣпство ея прекращается и начинается опять съ ранней весны; примемъ противъ нея рѣшительныя мѣры. Напишите въ какомъ видѣ вы нашли Крюкова.

Не безпокойтесь о вашемъ пребываніи здѣсь безъ меня, конечно вы никому болѣе не можете быть подчинены, какъ П. И. Запольскому.

Изъ Кяхты, гдѣ вы вѣроятно найдете уже миссію, напишите мнѣ подробно и откровенно объ этихъ гостяхъ и о томъ, что они разсказываютъ о Китаѣ, a beau mentir qui vient de loin—пословица весьма правильная, но желательно и необходимо мнѣ знать, въ какомъ духѣ и лгутъ-то.

Напишите мнѣ также, что вы слышали о вновь открытой Павлуцкимъ золотой розсыпи, а также до какой степени Разгильдѣевъ бодръ и доволенъ, вѣдь вы вѣроятно первый привезли ему новости о производствѣ вмѣстѣ съ эполетами... и остаюсь искренно вамъ доброжелательный. Н. Муравьевъ.

III.

18-го мая 1853 года. Петербургъ.

Благодарю за вѣсти, любезный Ахиллесъ Ивановичъ, съ Бибиковымъ доставленныя, и сообщу къ вашему удовольствію, что государь былъ доволенъ работами генеральнаго штаба восточной Сибири, но такъ какъ онѣ не окончены, то и нельзя было выставить все то, что у насъ хорошаго въ 1852 году сдѣлалось; присылайте и представимъ.

По письму Карлъ Карловича [2]) я вижу, что онъ очень вами доволенъ; благодарю васъ за это душевно и знаю, что столь благородному человѣку, какъ К. К., всегда можно представить истину.

Укрощать дѣйствія хищныя всегда должно, но иногда приходится это дѣлать потихоньку, ибо вообще у насъ въ нынѣшнія времена не любятъ шуму; конечно чрезъ это направленіе благонамѣренному человѣку труднѣе

[1]) Павелъ Ивановичъ Запольскій, бывшій бригадный командиръ.

[2]) К. К. Венцель—Иркутскій губернаторъ, исправл. должн. генералъ-губернатора. А. З.

дѣйствовать, но истинная благонамѣренность въ томъ и заключается, чтобъ достигать правды всѣми, хотя трудными, путями.

Цѣлую ручки Анны Ивановны, а васъ и Сашу крѣпко обнимаю, жена вамъ желаетъ здоровья и усердно кланяется. Вашъ Н. Муравьевъ.

IV.

Секретно.

ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И КОМАНДУЮЩАГО ВОЙСКАМИ, ВЪ ОНОЙ РАСПОЛОЖЕННЫМИ.

Генеральнаго штаба господину подполковнику Заборинскому.

№ 21. Мая 1-го дня 1854 года, г. Верхнеудинскъ.

Предположивъ отправить ваше высокоблагородіе въ Пекинъ, съ листомъ моимъ въ китайскій трибуналъ внѣшнихъ сношеній, я поручилъ кяхтинскому градоначальнику войти по сему предмету въ сношеніе съ Ургинскими правителями, но усматривая изъ возникшей съ ними переписки, что къ поспѣшному отправленію и проѣзду вашему въ Пекинъ встрѣчаются нѣкоторыя затрудненія, я поручилъ градоначальнику отправить означенный листъ въ Пекинъ обыкновеннымъ порядкомъ, а ваше высокоблагородіе тогда только, когда получится отъ Ургинскихъ правителей надлежащее для проѣзда вашего разрѣшеніе.

Прилагая при семъ копію съ вышеупомянутаго листа моего въ китайскій трибуналъ для вашего свѣдѣнія и руководства, когда отправитесь въ Пекинъ, я предлагаю вамъ:

По полученіи увѣдомленія отъ кяхтинскаго градоначальника о томъ, что китайское правительство разрѣшило вамъ ѣхать въ Пекинъ, немедленно отправиться туда, взявъ съ собою за переводчика титулярнаго совѣтника Донджи Банзарова и трехъ казаковъ и подарки, предназначенные мною, изъ числа присланныхъ изъ кабинета, для китайскихъ чиновниковъ по особому реэстру и шесть тысячъ рублей серебромъ, прежде уже вамъ переданныя на расходы по этой командировкѣ; о времени и порядкѣ отправленія вашего прошу донести мнѣ изъ Кяхты, въ день самаго вашего отъѣзда.

Возлагая на васъ это важное порученіе, я считаю нужнымъ сообщить вашему высокоблагородію, что главнѣйшая цѣль поѣздки вашей въ Пекинъ заключается въ вящшемъ дружелюбномъ сближеніи между Россіею и китайскимъ государствомъ, а потому въ случаѣ вопросовъ о сплавѣ моемъ по Амуру, вамъ слѣдуетъ объяснить это дѣло въ томъ дружелюбномъ видѣ, какъ оно мною предпринято и доказать всю необходимость этого плаванія нашихъ судамъ для пользы и защиты обоихъ государствъ. Начальникъ духовной нашей миссіи въ Пекинѣ, архимандритъ Палладій, предупрежденъ уже мною

о ходѣ и положеніи всего этого дѣла, а также и о вашей командировкѣ; вамъ же слѣдуетъ по прибытіи въ Пекинъ прежде всего обратиться къ нему и дополнивъ изустно, всѣми извѣстными вамъ подробностями, мои къ нему письменныя увѣдомленія—руководиться въ дѣйствіяхъ и сношеніяхъ вашихъ въ Китаѣ совѣтами его долговременной тамъ опытности, испытанной благонамѣренности и просвѣщеннаго взгляда; съ помощію его же вамъ возможно будетъ, въ короткое время пребыванія вашего въ Пекинѣ, собрать положительныя свѣдѣнія о прочности нынѣшняго китайскаго правительства и о степени опасеній, угрожающихъ оному отъ продолжающихся нѣсколько лѣтъ въ южной части этого государства возмущеній.

По вопросу о разграниченіи, вамъ должно прежде всего стараться узнать: имѣетъ-ли Китайское правительство въ виду уступку намъ всего лѣваго берега р. Амура и еслибъ вы убѣдились, что непреодолимыхъ противъ этого затрудненій съ ихъ стороны не встрѣтится, то просить о скорѣйшей высылкѣ ко мнѣ уполномоченныхъ, преимущественно въ г. Иркутскъ, чрезъ Кяхту, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, но еслибъ вы замѣтили, что Китайское правительство къ этой уступкѣ еще достаточно не приготовлено, то даже стараться отклонить высылку ко мнѣ уполномоченныхъ въ нынѣшнемъ году, дабы тѣмъ временемъ архимандритъ Палладій могъ болѣе приготовить ихъ къ необходимости таковой уступки и въ такомъ случаѣ дать почувствовать, что хотя я во всякое время готовъ принять ихъ уполномоченныхъ, но что для меня было бы свободнѣе въ будущемъ году, а между тѣмъ въ отношеніи свободы плаванія намъ по Амуру достигать, чтобъ Китайское правительство сообщило объ этомъ мѣстнымъ своимъ тамъ властямъ и, если возможно будетъ, то чтобъ и васъ они отправили изъ Пекина ко мнѣ черезъ Манжурію на Амуръ, на устьяхъ коего я буду находиться до половины августа мѣсяца; во всякомъ случаѣ весьма было-бы полезно, еслибъ Китайское правительство согласилось отправить донесеніе ваше ко мнѣ, вскорѣ по прибытіи вашемъ въ Пекинъ, на устье р. Амура, для доставленія ко мнѣ чрезъ наши ближайшіе тамъ посты, но дубликатъ этого донесенія отправить къ кяхтинскому градоначальнику, для доставленія ко мнѣ-же. Въ заключеніе прошу васъ особенно сообщить архимандриту Палладію, чтобъ онъ всевозможно старался отстранять въ Пекинѣ всякое покушеніе англичанъ и французовъ водворить тамъ свое вліяніе, къ чему они конечно будутъ стремиться для того только, чтобъ намъ вредить; при этомъ можно и должно внушить Китайскому правительству, что дружба и союзъ съ нами имъ прочнѣе и полезнѣе, чѣмъ со всякимъ другимъ государствомъ и, наоборотъ, что вражда съ нами совершенно гибельна для царствующаго нынѣ въ Китаѣ Манжурскаго дома. Генералъ-лейтенантъ Муравьевъ.

Управляющій путевою канцеляріею камеръ-юнкеръ двора его императорскаго величества Бибиковъ.

V.

1-го мая 1854 года. Верхнеудинскъ.

Препровождая къ вамъ, любезный Ахиллесъ Ивановичъ, предписаніе мое по случаю командированія вашего въ Пекинъ, я прошу васъ не забывать и всего того, что словесно мною вамъ по этому предмету передаваемо было, а также и мысли о возможности заключенія если не трактата, то условія: «что русскимъ поручается защищать рѣку Амуръ, и что для этого они могутъ возводить по всему лѣвому его берегу и по всему берегу моря крѣпости, селить своихъ вооруженныхъ людей, строить и содержать свои корабли, лодки и пароходы, и что тамъ русскіе обязуются не допускать никому плаванія по р. Амуру, кромѣ русскихъ и манжурскихъ судовъ; что всѣ эти обязанности русскіе исполнять будутъ на свой счетъ, не требуя отъ манжуровъ никакого за то возмездія, и что торговля русскихъ съ манжурами по р. Амуру должна производиться съ обѣихъ сторонъ совершенно свободно и безпошлинно; что русскимъ предоставляется учреждать торговыя сношенія съ иностранцами на самомъ устьѣ Амура и на берегахъ моря и тамъ взимать пошлину по ихъ уже усмотрѣнію; во всѣхъ же этихъ мѣстахъ манжуры пользоваться должны одинаковыми правами съ русскими подданными, подчиняясь и тѣмъ правиламъ, которымъ тамъ русскіе подчинены будутъ и пользуясь особеннымъ покровительствомъ русскихъ тамъ начальниковъ».

Объ этомъ можно говорить при благопріятныхъ обстоятельствахъ, но во всякомъ случаѣ по совѣту и совѣщанію съ архимандритомъ Палладіемъ.

Архимандриту Палладію сообщите всѣ подробности не только нашихъ здѣсь дѣлъ, но и Европейскихъ и по этому онъ увидитъ какъ важно намъ не допускать въ Пекинъ англо-французскаго вліянія; мнѣ кажется, что по существующей у китайцевъ къ англичанамъ враждѣ, этого не трудно будетъ достигнуть.

Въ отношеніи военнаго отъ насъ пособія противъ возмутителей, если оно нужно Китайскому правительству, то могутъ обратиться черезъ меня, или прямо съ просьбой къ Государю, но при этомъ весьма полезно имъ указать, что скорѣйшій и удобнѣйшій путь для этой помощи, по р. Сунгари черезъ Манжурію.

При всякомъ случаѣ старайтесь выставлять о дружескомъ расположеніи нашемъ къ Китаю и объ искреннемъ нашемъ желаніи, чтобъ тамъ водворилось спокойствіе, но при этомъ дайте почувствовать, что дружба дружбой, а служба службой, и что если кто не понимаетъ дружескаго слова, то мы съумѣемъ его заставить понимать.

Прощайте, пожелавъ вамъ отъ всей души успѣха, остаюсь искренне васъ любящій Н. Муравьевъ.

VI.

10-го апрѣля 1855 года. Бянкино.

Какое несчастіе нашему генеральному штабу: три лучшихъ топографа ушли подъ ледъ и съ ними весь инструментъ; опрометчивость и неосторожность очевидная; плыть ночью по рѣкѣ, когда ледъ идетъ и когда по берегу идетъ верховая дорога; но ужъ этого не воротимъ, остается только по возможности снабдить экспедицію полными средствами по вашей части, поэтому, любезный Ахиллесъ Ивановичъ, поспѣшите немедленно, съ полученіемъ сего, отправить двухъ топографовъ, вмѣсто трехъ утонувшихъ, и со всѣми инструментами для трехъ, ибо какъ видно и Грошевской [1]) инструментъ утонулъ,—бѣда, если утонулъ и Попова [2]). Топографовъ этихъ отошлите какъ можно скорѣе, если еще есть переѣздъ черезъ Байкалъ, ибо тогда они поспѣютъ къ 1-му отдѣленію, но если имъ надо ѣхать по кругоморской дорогѣ, то едва-ли поспѣютъ и ко 2-му рейсу. Я во всякомъ случаѣ возьму съ собою Попова и Грошева и кантониста, а уже высланными вами распорядятся на прочія отдѣленія и одинъ изъ нихъ останется на Буреѣ, и кого вы для сей цѣли назначите, напишите къ Карсакову.

Курьеромъ посылается Тульскій унтеръ-офицеръ, который долженъ былъ возвращаться за прогоны на одну лошадь изъ артиллерійскаго вѣдомства, а я ему велѣлъ добавить на другую и дать курьерскую подорожную,—не знаю поспѣетъ ли и онъ прямо черезъ Байкалъ.

Мы живемъ здѣсь въ ожиданіи возможности сплава, ибо здѣсь и большая часть грузовъ, отправленныхъ изъ Иркутска даже 22-го февраля, такъ напримѣръ: здѣсь оба транспорта моихъ собственныхъ вещей, изъ которыхъ послѣдній пришелъ только сейчасъ,—это урокъ полагаться на доставку подрядчиковъ. Я еще забираю инструменты и машины изъ Бянкинскаго горнаго магазейна, ибо здѣсь Маіоровъ, а у него поповскіе глаза, впрочемъ для Амура это не мѣшаетъ.

Я радуюсь, что эти морозы и непогоды прошли прежде нашего отплытія и намъ уже будетъ предстоять для плаванія теплое время.

Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Шилкинскаго завода я буду писать Карлъ Карловичу, а покуда прошу ему кланяться отъ меня, обнимаю васъ, Рыкачева, Сашу и Олю; жена всѣмъ вамъ усердно кланяется, но сама лежитъ, ибо простудилась. Вашъ Н. Муравьевъ.

Вы уже знаете, что я выписалъ Крымскаго изъ Кяхты вмѣсто Сычевскаго и ожидаю его на дняхъ сюда со Свербеевымъ.

---

[1]) Топографъ унтеръ-офицерскаго званія.
[2]) Армейскій офицеръ изъ топографовъ. А. З.

VII.

17-го апрѣля 1855 года. Бянкино.

Благодарю васъ, любезный Ахиллесъ Ивановичъ, за вѣсти, сообщаемыя отъ 12-го апрѣля, и надѣемся, жена и я, что болѣзнь Оленьки также минуется какъ и Саши; ради Бога только вы будьте покойнѣе и не преувеличивайте себѣ опасность болѣзней ихъ; это вредно для самаго леченія.

Трактатъ 1787 года между французами и китайцами мнѣ неизвѣстенъ; Бошнякъ уѣхалъ и не показалъ, но Крымской говоритъ, что гораздо послѣ того выгнали французовъ изъ Китая. Людей въ артиллерію всегда непремѣнно прикомандировать для обученія, доложите это Карлъ Карловичу и сдѣлайте.

Радуюсь, что крестъ дали Сычевскому [1]), но другой онъ потерялъ самъ отъ себя, зачѣмъ окачивался холодною водою послѣ горячей, пусть же идетъ теперь учить дѣтей въ Кяхту, это впрочемъ тоже будетъ заслуга, но не такъ громкая, какъ переговоры съ Китайцами.

Прилагаю здѣсь нѣсколько партикулярныхъ моихъ писемъ для отправленія немедленно на почту и прошу васъ объ этомъ озаботиться; всѣ онѣ очень важны.

Горячій французскій адмиралъ разсердился на владѣтелей города Шангая и можетъ быть правъ, а всего лучше то, что это можетъ поссорить англичанъ съ французами,—другаго изъ этого заключенія вывести нельзя.

Холода и льды на рѣкѣ замедляютъ мое отплытіе съ тягостями отсюда, но во всякомъ случаѣ слѣдующаго курьера я уже ни здѣсь, ни въ Шилкинскомъ заводѣ не дождусь.

Рысева я оставляю здѣсь для возвращенія его курьеромъ же изъ Шилкинскаго завода, съ всеподданнѣйшимъ донесеніемъ и другими важными бумагами; тогда же съ плашкоута буду писать Карлъ Карловичу, а теперь прошу ему усердно отъ меня кланяться. Ради Бога приведите въ ясность разсчеты по комитету, также разобрать суммы у экзекутора, ожидаю объ этомъ вашего донесенія на Амурѣ.

Пароходъ окончательно будетъ строиться съ котлами, пожертвованными Кузнецовымъ и Соловьевымъ, и пойдетъ на Амуръ между 15 августа и 1 сентября съ баржею, на которой помѣстятся пушки Екатеринбургскія. Машину изъ Петровскаго завода надобно доставить въ Читу на обывательскихъ, а изъ Читы сплавить,—въ этой перевозкѣ не надобно потерять ни одного дня, а потому озаботьтесь своевременнымъ съ кѣмъ слѣдуетъ сношеніемъ по этому дѣлу. Бурагинъ будетъ брать деньги изъ горнаго вѣдомства, но надобно ихъ тотчасъ высылать туда.

Обнимаю васъ и дѣтей отъ всего сердца и остаюсь душевно васъ почитающій Н. Муравьевъ.

---

[1]) Переводчикъ.

VIII.

12 го сентября 1855 года. Николаевскъ н

Любезный Ахиллесъ Ивановичъ. Мы остались безъ «Шилк тельно и безъ средствъ къ возвращенію вверхъ по Амуру т Путятинъ задержалъ и «Надежду», которая также до сего дня о ходила; Сухотинъ съ казаками берется еще дойти, частію по льду до Усть-Стрѣлки и далѣе, а потому я отправляю съ саніе о приготовленіи экспедиціи будущаго года и требова мости. Слава Богу, что бо́льшая часть хлѣба готова, остальное вмѣсто солонины, для морскихъ порцій надо послать мясо въ многія мелочи, требуемыя Завойкой, могутъ быть и не высл нѣтъ въ Иркутскѣ, а листовое желѣзо и подавно. Тяжелую Екатеринбурга нѣтъ надобности спѣшить отправлять, лишь къ осени будущаго 1856 года до Шилкинскаго завода или д оттуда сплавить водою 1857 года только. Артиллерія эта з щемъ году не понадобится. Я пойду черезъ Аянъ вѣроятно тября, а оттуда ранѣе ноября выѣхать нельзя по распутицѣ, въ Иркутскъ ранѣе октября меня ожидать нельзя.

На оленяхъ черезъ Удской я пошлю дубликатъ моихъ р донесенія къ Великому Князю и наконецъ изъ Аяна пошлю курьера.

А потому спѣшите изготовлять экспедицію будущаго года, пудовъ хлѣба и пароходъ—нужны будутъ по первой водѣ, льдами, а всѣ прочіе пойдутъ только тогда, когда наступитъ т. е., между 9 и 15 мая, самое лучшее время; наконецъ, отста отплыть даже съ прибылою іюльскою водою, ибо войскъ и здѣсь довольно, а провіантъ исчисляется впередъ на цѣлы весною нужно необходимо 20 т. пудовъ и особенно крупы, ней недостатокъ, да и всего провіанта только до 1-го іюня.

Обнимаю васъ и вашихъ малютокъ, до свиданія черезъ тр Н. Муравьевъ.

IX.

19 го октября 1855 год

Надѣюсь, что это письмо васъ порадуетъ, любезный Ах вичъ: всѣ мы въ Аянѣ, а Карсаковъ и Буссе ѣдутъ въ вый съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же отправиться въ Петербургъ Забайкальскую область для снаряженія третьей экспедиціи п

вательно, какъ написано отъ меня Карлъ Карловичу съ Сухотинымъ и пишется трипликатомъ теперь. Незнаю кто виноватъ, что не пришла «Шилка», но теперь этотъ грѣхъ обошелся, а еслибъ всѣ мы были затерты льдами или взяты въ плѣнъ, или даже я долженъ былъ остаться зимовать на Амурѣ, то отвѣтъ на виновныхъ палъ бы тяжкій. Мнѣ невольно кажется, что виновникъ долженъ быть Дейхманъ, ибо для успѣха дѣла онъ меня просилъ перемѣнить доктора!!

На Амурѣ я лично убѣдился въ недобросовѣстности работы Петровскаго завода; они свинцомъ заливали раковины въ чугунѣ; правду сказать, что во всей Россіи только одни горные способны на подобную штуку.

Такъ какъ я не ранѣе поспѣю въ Иркутскъ какъ черезъ шесть недѣль, то не теряя времени распоряжайтесь снаряженіемъ 3-й амурской экспедиціи и постройкой парохода въ 50 силъ по чертежу Шилки.

Нѣсколько бомбическихъ орудій можно отправить въ Читу, если онѣ пришли въ Иркутскъ, но всего груза не только въ 90 т., но даже и въ 15 т. съ экспедиціей будущаго года сплавлять на Амуръ не слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ по первому сплаву.

Я имѣю здѣсь извѣстія изъ Петербурга только отъ 30-го іюня послѣднія, а потому знаю весьма мало о Европейскихъ дѣлахъ, но то что знаю— весьма не утѣшительно и вижу только, что мы падаемъ, падаемъ и падаемъ.

Обнимаю васъ, цѣлую вашихъ малютокъ и остаюсь истинно къ вамъ доброжелательный Н. Муравьевъ.

X.

30-го октября 1855 г. Аянъ.

Снѣгъ не идетъ и я невольно долженъ откладывать выѣздъ мой отсюда. но дабы не терять времени, отправляю Попова съ топографами и картами, они съумѣютъ проѣхать и безъ снѣгу, а въ Иркутскѣ надобно ихъ тотчасъ посадить за работу, отдѣлать все то, что было снято въ нынѣшнемъ году на Амурѣ.

Вы увидите, любезный Ахиллесъ Ивановичъ, изъ бумагъ, которыя къ вамъ Раевской привезетъ, вѣроятно, вскорѣ послѣ Карсакова, что у насъ дѣлается на Амурѣ, въ отношеніи политическомъ; разумѣется, что всѣ эти бумаги, хотя и адресованныя на имя его высочества, но останутся въ Иркутскѣ, ибо Карсаковъ уже повезъ къ его высочеству подлинныя.

Для пользы Россіи желать надобно, чтобъ переговоры съ китайцами окончились дружелюбно, ибо трудно ожидать, чтобъ въ Петербургѣ рѣшили окончить ихъ иначе, если китайское правительство не согласится на мои предложенія добромъ; тѣмъ не менѣе я долженъ быть готовъ на всѣ случайности и по крайней мѣрѣ во время показать китайцамъ нашу готовность

двинуться въ Монголію и Манжурію, если они вздумають препятствовать сплаву нашему въ будущемъ году по Амуру; въ этихъ видахъ я полагаю во 1-хъ сдѣлать сборы войскъ у Цуру-хайтуя и въ Киранскомъ караулѣ съ 15-го апрѣля будущаго года, въ слѣдующемъ составѣ: каждая пѣшая бригада должна выставить одинъ сводный комплектный баталіонъ, исключая той, которой баталіонъ находится въ караулѣ въ Нерчинскихъ заводахъ; отъ этой бригады быть только одному сводному баталіону, слѣдовательно всего будетъ пять комплектныхъ баталіоновъ казаковъ, а съ ними 13-й линейный баталіонъ и вся легкая рота артиллеріи съ горнымъ взводомъ; въ томъ же мѣстѣ должны собраться два комплектныхъ полка конныхъ казаковъ изъ всѣхъ сихъ войскъ, по восточную сторону Яблоноваго хребта находящихся; все это составитъ слишкомъ 6,000 пѣхоты, 1,750 чел. кавалеріи и 250 чел. артиллеріи, а всего 8,000 человѣкъ.

У Киранскаго караула въ то же время должны собраться 16-й линейный баталіонъ со всею батарейною ротою артиллеріи, одинъ казачій полкъ русскихъ конныхъ казаковъ изъ Верхнеудинскаго округа и два комплектныхъ полка бурятъ,—это составитъ 3,500 чел. пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи.

2) Всѣ эти войска будутъ собраны тамъ вмѣсто мѣсячнаго сбора, котораго уже затѣмъ въ будущемъ году не будетъ; до 25-го мая казачьи войска будутъ тамъ стоять на своемъ продовольствіи, но такъ какъ по цѣли сбора они могутъ двинуться и заграницу, то надобно ихъ снабдить всѣмъ для похода нужнымъ и заготовить продовольствіе по крайней мѣрѣ на 3 мѣсяца впередъ, что составитъ на 11,500 человѣкъ около 70,000 пудовъ, изъ коихъ въ Троицкосавскѣ 21,000, а въ Цурухайтуѣ около 50,000 и сверхъ того для регулярныхъ войскъ нужно будетъ съ 15-го апрѣля по 25-е мая въ Цурухайтуѣ около 11,000 пудовъ, въ Троицкосавскѣ—столько же.

3) На Амуръ поплывутъ, какъ уже предписано, двѣ роты 14-го баталіона; при тѣхъ же изъ нихъ, которыя поплывутъ впередъ, надо имѣть два горныхъ единорога, съ двумя только лошадьми подъ каждое орудіе, но съ полнымъ комплектомъ снарядовъ въ ящикахъ и только по три номера коренныхъ артиллеристовъ съ однимъ фейерверкеромъ.

Надобно тотчасъ написать къ Безаку, чтобъ намъ выслали какъ можно болѣе формъ для французскихъ пуль, которыя изъ простыхъ нашихъ ружей бьютъ очень хорошо на 900 шаговъ; у насъ была всего одна такая форма и оставлена на Амурѣ, гдѣ всѣ пули въ нее переливаютъ.

Сигналъ движенія войскъ заграницу можетъ быть данъ изъ Амура не позже 20-го мая въ Усть-Стрѣлку, а оттуда по Аргуни очень скоро въ Цурухайтуй; направленіе каждаго изъ отрядовъ сообразится послѣ, но я васъ прошу собрать сколь возможно болѣе положительныхъ свѣдѣній о пути на Чичигаръ, который кажется лежитъ черезъ Хайларъ; путь на Ургу намъ извѣстенъ. Шкунѣ «Востокъ» я приказалъ уже съ открытіемъ навигаціи идти къ соединенію рѣки Сунгари съ Амуромъ и ожидать тамъ приплытія

экспедиціи; она вооружена 4-мя двѣнадцати фунтовыми орудіями; если обстоятельства заставятъ, то мы ее вытребуемъ и къ Сахаленъ-Ула. Сообщаю вамъ всѣ эти соображенія для надлежащихъ съ вашей стороны справокъ и доклада мнѣ обо всемъ, когда я пріѣду въ Иркутскъ.

Обнимаю васъ и цѣлую вашихъ малютокъ. Вашъ Н. Муравьевъ.

Въ случаѣ движенія Киранскаго отряда заграницу, съ нимъ довольно 6-ти батарейныхъ орудій, а два могутъ остаться въ Кяхтѣ съ одною ротою Иркутскаго гарнизоннаго баталіона, которую туда придется отправить въ видѣ резерва.

XI.

6-го марта 1856 г. С.-Петербургъ.

Любезный Ахиллесъ Ивановичъ! Поздравляю васъ съ назначеніемъ и благодарю душевно за всѣ распоряженія; —желаніе ваше уѣхать въ отпускъ также можетъ исполниться, но не ранѣе іюля или августа мѣсяца; впрочемъ это не сдѣлаетъ разницы въ путешествіи вашемъ.

Поспѣшите прислать сюда еще нѣсколько экземпляровъ литографированныхъ картъ, а первыя пять пошли иначе, чѣмъ было назначено и вездѣ отдаютъ полную справедливость прекрасному труду.

Весьма было бы хорошо повидаться вамъ съ М. С. Карсаковымъ, но ему нельзя и некогда пріѣхать въ Иркутскъ, не можете ли вы туда съѣздить?

Старайтесь облекать денежныя дѣла во всевозможную формальность, разумѣется не стѣсняя дѣла, ибо отчетность требуется самая точная во всѣхъ частяхъ и вѣдомствахъ.

Миръ, вѣроятно, повлечетъ за собою различныя перемѣны, но Амуръ обращаетъ на себя особенное вниманіе государя и великаго князя; дружески вамъ совѣтую, какъ одному изъ главныхъ дѣятелей по этому дѣлу, не бросать его, покуда не кончится.

Подробнѣе и обширнѣе буду писать къ вамъ съ фельдъегеремъ, который отправится отсюда съ дальнѣйшими распоряженіями и по заключеніи мира, вѣроятно черезъ двѣ или три недѣли. Въ послѣднемъ даже случаѣ онъ будетъ въ Иркутскѣ около 20-го апрѣля и слѣдовательно поспѣетъ въ Шилкинскій заводъ до отплытія перваго отдѣленія.

Свербѣевъ привезетъ вамъ распоряженія мои, продиктованныя на его имя, сказано для доклада Г. А. Венцелю; я спѣшилъ это сдѣлать передъ его отъѣздомъ, но во всякомъ случаѣ можно на нихъ ссылаться.

Обнимаю васъ отъ всего сердца, цѣлую вашихъ малютокъ и желаю вамъ здоровья и успѣха.

О штабѣ теперь идетъ рѣчь, а здѣсь ничего нельзя скоро окончить, потому-то я и долженъ остаться до мая.

Искренно васъ любящій Н. Муравьевъ.

Сейчасъ полученную бумагу при семъ прилагаю.

XII.

21-го марта 1856 г. С.-Петербургъ.

Изъ оффиціальныхъ бумагъ увидите вы, любезный Ахиллесъ Ивановичъ, нѣкоторыя распоряженія по случаю заключенія мира, а изъ письма моего къ Карлъ Карловичу увидите и то, на что еще не сдѣлано оффиціальныхъ распоряженій; не сомнѣваюсь, что вы ничего не упустите изъ виду, и что Н. М. Чихачевъ исполнитъ многотрудную свою обязанность на устьѣ Амура успѣшно.

Черезъ нѣсколько дней послѣ Моллера отправится отсюда еще фельдъегерь, который привезетъ уже послѣднія распоряженія, долженствующія отправиться съ 1-мъ рейсомъ, а потомъ отправится и Казакевичъ, который вѣроятно догонитъ первый рейсъ еще до г. Айгунта.

Вамъ свободно будетъ теперь отправиться въ отпускъ послѣ возвращенія моего въ Сибирь, т. е. въ іюлѣ мѣсяцѣ, и надобно такъ разсчитать, чтобъ возвратиться послѣ четырехъ мѣсяцевъ по первому зимнему пути въ Иркутскъ, т. е. въ началѣ декабря.

По медленности хода дѣлъ въ Петербургѣ, образованіе штаба кончится только къ моему отъѣзду отсюда, а офицеръ генеральнаго штаба отправится вѣроятно въ одно-же время со мною.

Здѣсь ожидаются, по случаю заключенія мира, различныя преобразованія и перемѣны, но никто не знаетъ въ чемъ онѣ будутъ заключаться, во всякомъ случаѣ мнѣ совершенно необходимо остаться до перваго лѣтняго пути, т. е. до мая мѣсяца, а ранѣе этого—нѣтъ возможности окончить всего того, что начато.

Полагаю, что Чихачевъ уже отправился въ Шилкинскій заводъ, а потому пишу ему особо, онъ долженъ быть главнымъ нашимъ дѣятелемъ на устьѣ Амура до пріѣзда Казакевича, хотя всѣ бумаги и должны писаться на имя капитана 2-го ранга Лисовскаго, но Николай Матвѣевичъ знаетъ лучше общій ходъ дѣлъ, и по занимаемому имъ мѣсту дежурнаго штабъ-офицера будетъ имѣть тамъ голосъ.

Цѣлую вашихъ малютокъ вмѣстѣ съ женою и обнимая васъ отъ всего сердца, остаюсь искренно васъ уважающій Н. Муравьевъ.

XIII.

29-го марта 1856 года. С.-Петербургъ.

Посылаю наконецъ фельдъегеря съ послѣдними распоряженіями на устье Амура, любезный Ахиллесъ Ивановичъ, и прилагаю приказъ о Казакевичѣ; теперь я совсѣмъ доволенъ, всѣ три воспитанника мои стали на

высокія степени въ Восточной Сибири и, конечно, дѣла этого края пойдутъ съ ихъ помощью прекрасно.

Предписаніе мое Лисовскому я посылаю открытымъ для того, чтобъ вы могли его и прочесть, и списать копію, а здѣсь некогда. Надѣюсь, что не смотря на распутицу, фельдъегерь у васъ будетъ черезъ мѣсяцъ, а 30-го апрѣля вы отправите въ Шилкинскій заводъ лихого казака, который и вокругъ Байкала поспѣетъ туда со всѣми бумагами 6-го или 7-го мая.

Полагаюсь вполнѣ на распорядительность моего штаба и увѣренъ, что всѣ приказанія какъ по сухопутному, такъ и по морскому вѣдомствамъ будутъ даны подробно и отчетливо,—не забудьте однакожъ, чтобъ войска, возвращающіяся по Амуру, имѣли продовольствіе, кромѣ муки, и въ свѣжемъ мясѣ на этапахъ, т. е. при устьѣ Зеи и далѣе, а также и водку.

Вскорѣ послѣ сего поѣдутъ отсюда Казакевичъ и Посьетъ; оба они не поспѣютъ уже къ первому рейсу и для нихъ нужны будутъ легкія лодки. Посьетъ повезетъ на корветѣ Оливуца ратификованный трактатъ въ Японію и желательно, чтобъ онъ пришелъ туда въ августѣ, а потомъ корветъ отвезетъ его въ Шангай или Гонъ-Конгъ и самъ отправится въ Кронштадтъ или около Африки, или около Америки. Не забудьте послать предписаніе Невельскому возвратиться съ устьевъ Амура какъ ему угодно: или черезъ Аянъ, или вверхъ по Амуру, а пожалуй себѣ и вокругъ свѣта, если ему это вздумается, на основаніи бывшаго по этому предмету приказа генералъ-адмирала.

Проэктъ артиллерійскій я здѣсь передѣлалъ по замѣчаніямъ великаго князя генералъ-фельдцейхмейстера; о штабѣ по морскому вѣдомству представлено великому князю, а по сухопутному представлено только военному министру о назначеніи вамъ содержанія и столовыхъ изъ суммъ военнаго министерства.

Укрѣпленія устьевъ Амура будутъ продолжаться, ибо весьма не мудрено, что мы скоро опять будемъ имѣть войну съ англичанами, которые очень недовольны миромъ, и французами, поэтому намъ надобно сильно готовиться на Амурѣ, куда въ будущемъ году придутъ 6-ть винтовыхъ корветовъ и 6-ть винтовыхъ клиперовъ, а съ такой флотиліей мы во время войны тряхнемъ всѣмъ Восточнымъ океаномъ. 15-й линейный баталіонъ останется тамъ навсегда для содержанія гарнизоновъ, а 48-й экипажъ придетъ на вышесказанныхъ винтовыхъ судахъ въ полномъ составѣ. Здѣсь ожидаются большія перемѣны въ министерствѣ,... ратификація мирнаго трактата будетъ привезена Орловымъ къ Пасхѣ или ко дню рожденія Государя.

Цѣлую вашихъ малютокъ, обнимаю васъ отъ всего сердца и остаюсь искренно васъ почитающій Н. Муравьевъ.

XIV.

5-го мая 1856 года. С.-Петербургъ.

Только что собирался я къ вамъ писать, любезный Ахиллесъ Ивановичъ, съ отъѣзжающимъ завтра Казакевичемъ, какъ получилъ ваше письмо отъ 30-го марта и спѣшу прежде всего сообщить вамъ, что въ то самое время, когда вы такъ горячились, я здѣсь всемѣрно старался, не вредя вамъ, достигнуть вашего желанія, но отвѣтъ вездѣ тотъ-же, что главный начальникъ и его начальникъ штаба не могутъ отлучаться въ одно время изъ ввѣренныхъ имъ войскъ, а между тѣмъ я долженъ здѣсь остаться до коронаціи и слѣдовательно до возвращенія моего, т. е. до сентября, вамъ выѣхать изъ Сибири невозможно. Какъ единственный представитель Восточной Сибири, не могу я отказаться отъ присутствія на коронаціи и вы, конечно, сами поймете, что при всемъ желаніи сдѣлать вамъ угодное я не могу, въ противность всякому порядку и высшимъ приличіямъ, сказать, что я долженъ возвратиться въ Сибирь и не быть на коронаціи потому, что начальнику штаба надобно ѣхать въ отпускъ непремѣнно въ іюлѣ!

Жаль мнѣ будетъ, если это стеченіе обстоятельствъ поведетъ васъ къ какой-либо рѣшительной мѣрѣ, жаль особенно потому, что служа съ вами 8 лѣтъ я не могу желать вамъ ничего, кромѣ хорошаго и достигаю этого постепенно, а вы сами все испортите, если попроситесь въ переводъ.

Бо̀льшая часть дѣлъ моихъ остается къ рѣшенію до коронаціи, ибо теперь всѣ изъ Петербурга разъѣзжаются и Государь выѣзжаетъ завтра въ Варшаву и Берлинъ, и такъ какъ это время здѣсь нечего будетъ дѣлать, то я поѣду въ Маріенбадъ, необходимый для моей печени.

До сихъ поръ не могъ еще добиться назначенія офицера генеральнаго штаба и вообще учрежденія штаба; теперь все дѣлается гораздо медленнѣе, но въ теченіе лѣта все сдѣлается. По всему этому, любезный Ахиллесъ Ивановичъ, мой дружескій вамъ совѣтъ: готовиться къ поѣздкѣ не иначе, какъ по первому зимнему пути и не огорчаться такими неудачами во времени, которыхъ нельзя отвратить, а когда побываете сами въ Петербургѣ, то сами увидите какъ все здѣсь дѣлается.

Теперь я буду ожидать отъ васъ извѣстій съ адъютантомъ Моллеромъ и вообще прошу не писать ко мнѣ иначе, какъ по важнѣйшимъ предметамъ, а прочіе рѣшайте безъ моихъ разрѣшеній, такъ какъ до августа мѣсяца я буду заграницею, куда отправлюсь черезъ недѣлю.

Если всѣ войска, назначенныя къ возвращенію изъ Амура, успѣютъ прибыть въ свои мѣста, то я полагаю сплавъ будущаго года ограничить одними пароходами съ ихъ причалками, которыхъ построить болѣе и затѣмъ войскъ туда не посылать, а нанимать людей въ добавокъ къ пароходнымъ коман-

дамъ и нанимать съ условіемъ возвращать ихъ осенью домой въ Забайкальскую область.

Обо всемъ переговорите и условьтесь подробно съ Казакевичемъ и примите въ соображеніе, что въ нынѣшнемъ году вы отправляете туда всѣ запасы на 5 т. человѣкъ, а тамъ останется на зиму только 2500, съ будущимъ лѣтомъ придутъ 900 на корветахъ.

Обнимаю васъ отъ всего сердца, цѣлую Сашу и Олю и остаюсь искренно васъ любящій Н. Муравьевъ.

XV.

11 (23) іюня 1856 года. Маріенбадъ.

Письмо ваше, любезный Ахиллесъ Ивановичъ, отправленное съ фельдъегеремъ, я получилъ здѣсь третьяго дня съ Волконскимъ; душевно радуюсь, что вы вполнѣ меня понимаете и очень благодарю за все то, что вы сдѣлаете; вѣрьте мнѣ по дружески, что вамъ, со мною или безъ меня, нигдѣ не слѣдуетъ служить какъ въ Восточной Сибири, вы истинно для нея полезны, это впрочемъ вы и сами знаете; но къ сожалѣнію не хотите знать, что во всякомъ другомъ мѣстѣ ваши способности возбудятъ только зависть и недоброжелательство, а въ Сибири васъ цѣнятъ и уважаютъ.

О китайцахъ не горячитесь, а готовьтесь, все въ свое время сдѣлается; я не упущу изъ виду получить надлежащія полномочія, а теперь еще не время—три мѣсяца много сдѣлаютъ перемѣнъ, а послѣ коронаціи я много надѣюсь; еслибъ не надѣялся, то уже вышелъ бы въ отставку, вмѣсто отпуска.

Войскъ готовить ваше дѣло, особенно линейные баталіоны и артиллерію, но надобно весь уставъ перемѣнить и лишними пустяками ихъ отнюдь не обременять. Нравственность офицеровъ конечно всего болѣе заслуживаетъ нашего вниманія, и любовь къ солдату есть первое достоинство, но для этого надобно начинать съ головы, т. е. съ бригадира и я поищу, если Михайловскій останется въ Россіи.

Ваши карты удивительно хороши,—таковъ общій отзывъ знатоковъ въ Петербургѣ и особенно великаго князя; вѣрьте, мой любезный другъ, что репутація, которую вы пріобрѣтаете въ Сибири, откроетъ со временемъ широкій путь, но надобно утвердиться въ томъ званіи, которое вы недавно получили; надобно сдѣлаться извѣстнымъ начальникомъ штаба, надобно нѣсколько лѣтъ прожужжать уши высшихъ лицъ въ этомъ званіи и тогда уже мелкая зависть замолчитъ, а сибирскаго начальника штаба высшія лица будутъ желать въ высшія мѣста.

Я не буду повторять общихъ распоряженій на будущій годъ, о которыхъ я вамъ уже писалъ мое мнѣніе, но прошу убѣдительно обратить особое вниманіе на баталіоны, которые возвратятся изъ Амура.

Отчеты военно-расходнаго комитета ожидаю получать въ Петербургѣ, по возвращеніи моемъ изъ заграницы, чтобъ представить государю съ особымъ моимъ докладомъ, послѣ котораго окончится дѣйствіе высочайше утвержденнаго мнѣнія особаго комитета 11-го генваря 1854 года, а для амурскаго предпріятія должна назначаться особая сумма въ непосредственное мое распоряженіе; тогда, по возвращеніи моемъ въ Иркутскъ, сумма эта поступитъ въ вѣдѣніе штаба и комитетъ закроется.

На дняхъ я кончаю здѣсь мое леченіе и отправляюсь къ женѣ во Францію, а оттуда въ началѣ августа пріѣду въ Петербургъ, чтобъ ѣхать въ Москву на коронацію, а послѣ въ Сибирь, какъ только окончатся главнѣйшія дѣла.

Знакомьтесь съ морскими дѣлами подробно; будущею зимою вы будете у великаго князя и надобно, чтобъ онъ увидѣвши и говорившн съ вами убѣдился, что вы и по морской части такой же дѣльный начальникъ штаба, какъ по сухопутной, а морская—наша главная часть: она насъ бережетъ и ограждаетъ отъ недоброжелательствъ всѣхъ другихъ.

Обнимаю васъ отъ всего сердца, цѣлую вашихъ малютокъ, душевно желаю вамъ здоровья и остаюсь истинно васъ любящій и уважающій Н. Муравьевъ.

XVI.

24 іюня (6 іюля) 1856 года г. По, во Франціи.

Сейчасъ имѣлъ я удовольствіе получить письмо ваше отъ 18-го мая, любезнѣйшій Ахиллесъ Ивановичъ, и душевно васъ поздравляю съ женитьбой, вмѣстѣ съ женою, которая отъ всего сердца обнимаетъ Ольгу Александровну, а я цѣлую ея ручки. Я радуюсь не только вашему счастію, но какъ эгоистъ, теперь я знаю кому жаловаться на васъ.

Я останусь въ Петербургѣ не только до сентября, но даже до ноября, какъ я вамъ уже писалъ, ибо этого требуютъ дѣла Сибири и польза лицъ, тамъ служащихъ, поэтому никакъ не разсчитывайте ѣхать въ отпускъ ранѣе декабря, но теперь вамъ объ этомъ и скучать нельзя; я увѣренъ, что Ольга Александровна такъ полюбила вашихъ малютокъ, что и разстаться съ ними не захочетъ.

Всѣ служебныя вѣсти покуда весьма благопріятны, буду ожидать телеграфической депеши отъ Штубендорфа о возвращеніи Моллера изъ Амура.

Надѣюсь, что за Байкалъ вы ѣздили съ женою и не простилъ бы вамъ, еслибы вы ее оставили въ Иркутскѣ на другой день свадьбы.

Благодарю за всѣ распоряженія; увѣренъ, что съ вашею точностію, заботливостію и опытностію, все будетъ успѣшно. Безъ позволенія вашего не смѣю писать Ольгѣ Александровнѣ, но прошу благодарить ее за воспоминаніе обо мнѣ и просить принять на себя роль посредницы, когда вы будете на меня сердиться. Вашъ Н. Муравьевъ.

XVII.

9-го августа 1856 года. С.-Петербургъ.

Наконецъ я могу положительно сказать, любезный Ахиллесъ Ивановичъ, что вы можете ѣхать въ отпускъ въ декабрѣ мѣсяцѣ, а потому будьте къ этому готовы, но на войну съ китайцами никакъ не разсчитывайте; ее рѣшительно не будетъ и быть не должно, а скорѣе мы будемъ имѣть дѣло съ прежними и съ всегдашними нашими непріятелями англичанами на устьѣ же Амура, къ чему нужно постоянно готовиться.

Весьма сожалѣю, что Моллеръ не видалъ васъ на возвратномъ своемъ пути въ Петербургъ; вы въ то время были въ разъѣздахъ, но не сомнѣваюсь, что объѣздъ вашъ принесетъ войскамъ большую пользу во всѣхъ отношеніяхъ.

Ливенъ мнѣ говорилъ, что офицеръ генеральнаго штаба, къ намъ назначенный, явится ко мнѣ въ Москвѣ; постараюсь его отправить какъ можно скорѣе въ Иркутскъ, но едва ли ему поручено будетъ исправлять должность начальника штаба въ отсутствіи вашемъ, ибо онъ никакой опытности въ нашихъ административныхъ дѣлахъ не имѣетъ, а это должно быть главное достоинство начальника штаба въ столь обширной странѣ, какъ восточная Сибирь.

Будущею весною амурскій полкъ пойдетъ къ своимъ мѣстамъ и я полагаю, что полковой штабъ долженъ быть на Усть-Зеи, или на Усть-Буреи; если мы не совладаемъ отправить на будущій годъ всѣхъ пяти сотенъ съ ихъ семействами, то отправимъ по крайней мѣрѣ три и расположимъ сотенные штабы на Усть-Зеѣ, на Усть-Буреѣ и противъ устья Сунгари, тогда четвертая и пятая сотни пойдутъ уже въ 1858 году; одна въ промежутокъ между Сунгари и Маріинскимъ постомъ, а другая туда, гдѣ окажется нужнымъ усилить народонаселеніе, можетъ быть и выше устья Зеи, но въ 1858-мъ же году мы выберемъ мѣсто для пѣхоты и станемъ переселять ее; полагаю, что штабъ 1-го амурскаго баталіона долженъ быть въ Албазинѣ. Начальникъ амурской линіи будетъ назначенъ нынѣ и подчинится военному губернатору забайкальской области, какъ атаману забайкальскихъ казаковъ, и который долженъ заботиться о благосостояніи амурской линіи, собственно для улучшенія быта ввѣренной ему забайкальской области. Пароходъ «Надежда» на первый случай долженъ быть отданъ въ вѣдѣніе и распоряженіе начальника амурской линіи, а между тѣмъ мы должны приготовить еще три подобныхъ же парохода для разныхъ частей амурской линіи. Не знаю удастся ли Карсакову учредить зимнее сообщеніе по Амуру, но съ будущей зимы оно должно непремѣнно учредиться.

И Государь, и великій князь отмѣнно желаютъ благоденствія Амура, не смотря на всѣ неосновательные объ немъ разсказы вашихъ пріятелей моряковъ, которые вездѣ ищутъ океанской глубины.

Въ коронацію надѣюсь поздравить васъ съ наградою....

Цѣлую обѣ ручки Ольги Александровны, если позволите; цѣлую обоихъ вашихъ малютокъ безъ вашего позволенія и обнимая васъ отъ всего сердца, остаюсь вашъ Н. Муравьевъ.

Жаль, что Чихачевъ просится въ отпускъ; я надѣюсь, что вы убѣдите его остаться еще на будущій годъ, мы съ нимъ вмѣстѣ сходимъ въ Америку.

XVIII.

15-го августа 1856 года. С.-Петербургъ.

На длинное письмо ваше отъ 14-го іюля, любезный Ахиллесъ Ивановичъ, отвѣчаю такимъ же длиннымъ, ибо много чего сказать нужно.

Кигалычевъ пріѣхалъ сегодня и привезъ мнѣ всѣ ваши бумаги даже отъ 18-го іюля: благодарю, во-первыхъ, за осмотръ войскъ, во-вторыхъ, за то, что остаетесь до весны 1857 года [1]) и пишу къ вашему дядѣ въ томъ смыслѣ, какъ вы желаете, наконецъ, въ-третьихъ, благодарю за карту, которая намъ особенно будетъ полезна при всѣхъ здѣшнихъ разсужденіяхъ.

Всего мало, когда неблагонамѣренные люди успѣли поселить сомнѣніе, или лучше сказать: когда ограниченные люди возъимѣли сомнѣніе о томъ, что безсомнѣнно, — такъ до сихъ поръ меня увѣряютъ, что по Амуру нельзя свободно плавать, хотя и знаютъ, что мы въ три года спустили туда изъ Шилкинскаго завода 600 т. пудовъ грузу, изъ коего половина пришла водою прямо даже изъ Читы!

Но глупость и неблагонамѣренность не должны останавливать людей, истинно-любящихъ свое отечество, достигать полезной для него цѣли и поэтому я возвращаюсь въ Сибирь, чтобъ окончить начатое, и чтобъ потомство меня не обвинило, что я не потрудился еще два года, чтобы разсѣять облака, возникшія надъ Амуромъ.

Поэтому и согласно изъявленному мнѣ лично желанію Государя Императора, я возвращусь въ Иркутскъ, но не ранѣе какъ въ половинѣ декабря.

Прежде уже я писалъ вамъ, что экспедиція по Амуру 1857 года должна состоять изъ однихъ пароходовъ и ихъ причалковъ,—повторяю тоже и теперь, исключая снаряженія трехъ или пяти сотенъ Амурскаго коннаго полка, которыя должны отправиться къ своимъ мѣстамъ; что же касается 60 т. пудовъ провіанта, о которыхъ вы условились съ Казакевичемъ, то кажется они лишніе; сообразите это по провіантскому вѣдомству, принявъ въ соображеніе, что въ будущемъ 1857 году только три корвета придутъ

[1]) По случаю смерти дяди моего, генералъ-отъ-кавалеріи Заборинскаго, постигшей его 3-го октября въ г. Полтавѣ, и слѣпоты другого дяди, вынужденъ былъ я, по полученіи въ послѣднихъ числахъ ноября о томъ извѣстія, выѣхать немедленно изъ Иркутска. А. З.

на устье Амура изъ Кронштадта, т. е. менѣе чѣмъ съ 500 человѣкъ 28-го экипажа, а также, что въ 1857 году ни 27-й экипажъ, ни 15-й линейный баталіонъ—комплектоваться не будутъ, и что наконецъ и самый сплавъ будетъ совершаться только флотскими командами пароходовъ и ихъ причалковъ.

Я слышу, что хлѣбъ въ Забайкальской области очень дешевъ, пусть-же онъ заготовится въ магазинахъ Шилкинскомъ и Читинскомъ въ полной годовой пропорціи, но сплавится только въ 1858 году, ибо повторяю вамъ,— безъ особенной крайности я не намѣренъ въ 1857 году трогать изъ Забайкальской области ни одного казака и ни одного солдата для сплава къ устью, исключая Амурскаго полка.

Рапортъ къ Великому Князю я запечатавши отправляю, жаль, что онъ не пришелъ съ Моллеромъ.

Послѣ коронаціи я здѣсь приведу въ ясность всѣ мои прежнія представленія о штабѣ и прочемъ, теперь-же ни откого ничего не добьешься и вотъ причина почему я непремѣнно долженъ здѣсь остаться сентябрь и октябрь мѣсяцы и выѣду только въ ноябрѣ....

Черезъ двѣ недѣли я буду писать къ вамъ обо многихъ предметахъ и болѣе положительно изъ Москвы съ курьеромъ, а теперь ограничиваюсь сказаннымъ и прошу сообщить, чтобъ въ Забайкальской области занялись особенно воздѣлываніемъ пеньки и приготовленіемъ хорошаго масла, это пріѣдутъ покупать американцы не далѣе какъ нынѣшнею зимою.

Цѣлую ручки Ольги Александровны и обоихъ малютокъ, къ женѣ я завтра же отправлю письмо супруги вашей во Францію, и обнимая васъ отъ всего сердца, остаюсь искренно вамъ преданный Н. Муравьевъ.

Полагаю, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ одинъ или оба адмирала пріѣдутъ къ вамъ съ устьевъ Амура черезъ Аянъ; я бы очень желалъ ихъ видѣть еще въ Петербургѣ, а потому весьма бы хорошо они сдѣлали, если-бъ тотчасъ туда отправились, но если они ранѣе 20-го сентября выѣхать не могутъ изъ Иркутска, то имъ, конечно, уже лучше ожидать зимняго пути и тогда мы встрѣтимся съ ними въ дорогѣ. Сеславина-же [1]) я непремѣнно желаю видѣть въ Петербургѣ и потому прошу отправить его ко мнѣ немедленно курьеромъ, какъ только онъ пріѣдетъ, хотя бы въ началѣ октября, а чѣмъ раньше, тѣмъ лучше.

XIX.

23-го сентября 1856 г. С.-Петербургъ.

Письма ваши отъ 3-го и 6-го августа я получилъ здѣсь, любезный Ахиллесъ Ивановичъ, 7-го числа по возвращеніи изъ коронаціи и съ тѣхъ поръ все почти былъ болѣнъ и не выѣзжалъ изъ дому; впрочемъ дворъ и министры начинаютъ только со вчерашняго дня возвращаться изъ Москвы

[1]) Личный адъютантъ Муравьева. А. З.

и только съ нынѣшней недѣли начнутся дѣлаться дѣла, поэтому-то я и долженъ необходимо остаться здѣсь до ноября.

Я пишу къ Карлъ Карловичу и Михаилу Семеновичу, что главное наше дѣло теперь приготовить къ сплаву Амурскій полкъ въ числѣ 5 и 3-хъ сотенъ, ибо наше правительство намъ въ этомъ способствуетъ и желаетъ исполненія этого сколь возможно поспѣшнѣе, а Китайское находится теперь въ такомъ положеніи, что препятствовать этому не можетъ. Но именно это шаткое положеніе Китайскаго правительства—заставляетъ насъ быть въ готовности, если потребуется двинуться и сухимъ путемъ за Забайкалье, а для этого надобно, чтобъ были готовы всѣ три линейные баталіона и чтобъ все казачье войско было также въ готовности. Перемѣна оружія конечно совершится для коннаго войска, но скоро-ли она до нихъ дойдетъ—это вопросъ.

По случаю коронаціи всѣ правительственныя дѣла здѣсь давно остановились, т. е. даже съ мая мѣсяца, а потому и всѣ мои представленія: о штабѣ, объ артиллеріи и портахъ, не получили еще окончательнаго рѣшенія, но тѣмъ не менѣе намъ надобно готовить всю нашу артиллерію, т. е. всѣ четыре батареи; гдѣ-то у васъ орудія для двухъ послѣднихъ батарей? не знаю, но надобно, чтобъ онѣ были на мѣстахъ, или по крайней мѣрѣ за Байкаломъ по нынѣшнему зимнему пути.

Пользуясь дешевизною хлѣба, надобно имѣть запасы онаго въ Троицкосавскѣ и въ Нерчинскомъ округѣ, въ первомъ на 5-ть, во второмъ на 10 т. человѣкъ на три мѣсяца, кромѣ обыкновенныхъ провіантскихъ запасовъ. Въ это число не излишне имѣть на одинъ мѣсяцъ въ Цурухайтуѣ и въ Чиндантѣ, т. е. тысячъ 20 пудовъ и хлѣбъ этотъ не пропадетъ, ибо въ случаѣ ненадобности онъ можетъ обратиться въ горное вѣдомство, лишь-бы склады были надежные и хлѣбъ въ нихъ не портился.

Говорятъ, что французскія пули изъ нашихъ ружей бьютъ вѣрно только на 150 саженъ, т. е. 450 шаговъ, но чего же болѣе намъ и желать! Дай Богъ только, чтобъ всѣ наши войска, какъ линейныя такъ и казачьи, умѣли бить вѣрно на это разстояніе, а далѣе пули берутъ и вездѣ только массою и свистомъ.

Новый уставъ показываетъ, что требованія высшаго начальства нынѣ весьма не велики въ отношеніи ученья солдатъ—и слава Богу, а намъ уже не слѣдуетъ увеличивать этихъ требованій по стариннымъ привычкамъ и какъ насъ учили. Вѣдь догадались-же и здѣсь, наконецъ, что весьма вредно сдѣлать изъ солдата машину и главныя занятія ограничиваются: цѣльною стрѣльбою и разсыпнымъ строемъ, а отъ массы не требуютъ глупаго равненія, а только плотности, чтобъ локтемъ чувствовалъ сосѣда,—правило это я проповѣдую въ подчиненныхъ мнѣ войскахъ 17-й годъ и на полѣ сраженія они вездѣ были успѣшны.

Заставлять казака вертѣть пикою надъ головою и признавать затѣмъ,

что ружье за плечами вредно потому, что пика при этомъ вертѣніи задѣваетъ за дуло ружья - безразсудно, ибо пика назначена для того, чтобъ держать ее подъ мышкою и колоть непріятеля впереди себя, а не вертѣть надъ головою; мулинеты эти могутъ понадобиться въ одиночныхъ только случаяхъ и весьма рѣдко, а не для общаго дѣйствія массами кавалеріи и даже фланкеровъ, а ружье для казака нужно необходимо, но разумѣется оно должно быть не такъ длинно, какъ пѣхотное, это и перемѣнится.

Я распространился въ эти разсужденія не своевременно, ибо курьеръ дожидаетъ; прощайте, любезный Ахиллесъ Ивановичъ, цѣлую ручки Ольги Александровны и вашихъ малютокъ, обнимаю васъ отъ всего сердца и остаюсь вашъ Н. Муравьевъ, до свиданія въ Иркутскѣ 15 го декабря.

Моллеръ уѣхалъ за женою моею во Францію.

XX.

Проэктъ письма наказному атаману Забайкальскаго казачьяго войска, генералъ-майору Запольскому, писанный карандашемъ собственноручно Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ.

Милостивый государь Павелъ Ивановичъ! Сынъ вашего превосходительства адъютантъ мой капитанъ Запольскій довелъ до моего свѣдѣнія о болѣзненномъ состояніи вашемъ и необходимости воспользоваться совѣтами искустныхъ медиковъ, но что ваше превосходительство безъ согласія моего не рѣшаетесь просить увольненія въ продолжительный отпускъ. Постигая всю необходимость своевременнаго пользованія медицинскими пособіями въ болѣзненномъ состояніи, въ которомъ находитесь ваше превосходительство, я сочту себя обязаннымъ ходатайствовать у господина военнаго министра о продолжительномъ вамъ отпускѣ для сей цѣли, какъ только получу ваше объ этомъ прошеніе и принимая во вниманіе, что въ г. Читѣ медицинскія пособія весьма ограничены, я разрѣшаю вамъ, какъ только отправите ко мнѣ прошеніе о продолжительномъ отпускѣ для излеченія болѣзни, сдать вашу должность г. полковнику Салогубу и прибыть въ Иркутскъ для ожиданія здѣсь уже высочайшаго разрѣшенія на выѣздъ изъ Сибири и пользованія между тѣмъ отъ болѣзни, тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ положеніи вашего здоровья, при обширности управленія Забайкальскою областью и войскомъ, невольно могутъ происходить упущенія по службѣ, для таковой весьма вредныя.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

XXI.

Кратній счетъ расходовъ, послѣдовавшихъ на снаряженіе амурс
1854 и 1855 годахъ съ показаніемъ капиталовъ, на которые расхо

I. На военный капиталъ Восточной Сибири.

а) Предметы строительные для построенія зданій и батарей:

въ 1854 году на сумму . . . .
» 1855 » » » . . . .

б) Предметы артиллерійскіе, расходуемые по распоряженію г. генералъ-губернатора Восточной Сибири:

Въ 1855 году . . . .

II. На экстраординарную сумму для военныхъ предпріятій.

Разные расходы, не входящіе въ смѣтныя исчисленія:

въ 1854 году . . . .
» 1855 » . . . .

III. На пароходную сумму, а по недостатку ея на военный капиталъ.

Расходы по постройкѣ пароходовъ и гребныхъ къ нимъ судовъ:

въ 1854 году 1
» 1855 » . . . .

IV. На сумму морскаго министерства.

Въ 1855 году:

а) Предметы для продовольствія и снабженія морскихъ командъ и судовъ . . . .

б) Перевозка якорей и разнаго корабельнаго желѣза .

V. На сумму артиллерійскаго департамента военнаго министерства.

Въ 1855 году:

Перевозка пушекъ, пороха и разныхъ артиллерійскихъ снарядовъ . . . .

VI. Расходы по доставкѣ, подлежащіе къ разложенію на вѣсъ и стоимость вышеобъясненныхъ предметовъ:

	Рубли.	Коп.
въ 1854 году	1,158	27
» 1855 »	55,041	64
Всего въ 1854 году. . .	110,051	47¼
» » 1855 ». . .	174,980	90½
	285,032	37¾

Деньги эти были отпущены по экстренности расходовъ изъ слѣдующихъ суммъ:

Изъ военнаго капитала Восточной Сибири. . . .	60,855	56½
» экстраординарной суммы для военныхъ предпріятій	17,900	36¼
Изъ суммы, пожертвованной на устройство пароходовъ	112,433	96¾
Изъ казначействъ Забайкальской области	18,615	78
» суммъ морскаго министерства.	28,068	19
» суммы, вырученной отъ продажи припасовъ. .	4,890	45
» суммъ, отпускаемыхъ на мясныя и соляныя порціи.	1,716	11
Изъ суммы артиллерійскаго департамента военнаго министерства.	5,441	18¼
Изъ суммъ главнаго управленія.	3,624	39¼
Считается долгу:		
Нерчинскимъ горнымъ заводамъ.	31,428	31½
Николаевскому желѣзодѣлательному заводу . . .	6	17½
Провіантскому вѣдомству.	51	88¾
Всего	285,032	37¾

О переводѣ сихъ суммъ по принадлежности составлено постановленіе военно-расходнаго комитета.

За доставку предметовъ причитается:

Изъ военнаго капитала	6,668	33
» морскихъ суммъ.	12,366	96
» артиллерійской суммы	4,540	38¼
» провіантской коммисіи за доставку хлѣбныхъ припасовъ.	36,181	75

Сообщ. **Ахиллесъ Ив. Заборинскій.**

НИНА АЛЕКСАНДРОВН

1812—185

Нина Александровна Грибоѣдов для Россіи 1812 годъ. Она была ст ксандра Гарсевановича Чавчавадзе новны, рожденной княжны Орбеліані наго въ домѣ родителей, княжна Н ніямъ Прасковіи Николаевны [2]), д

---

[1]) Кн. А. Г. Чавчавадзе родился въ С его при крещеніи была императрица Екат онъ воспитывался въ Петербургѣ въ частном у родителей, въ Тифлисѣ. Въ томъ же году, жалъ въ горы къ царевичу Парнаозу, съ кото былъ схваченъ и отвезенъ въ С.-Петербур опредѣленъ въ Пажескій корпусъ камеръ-па л.-гвардіи въ гусарскій полкъ подпоручикомъ никомъ въ Нижегородскій драгунскій, а из скій гренадерскій полкъ; съ 1823 года сос особыхъ порученій. Принявъ въ 1812 году уч тогда въ Грузіи бунта, онъ затѣмъ отпра 1813 и 1814 гг. въ походахъ противъ франц т. VII, стр. X, т. VIII стр. 392 и слѣд.). Пр Гарсевановичъ былъ начальникомъ Армянс

Онъ умеръ въ 1846 г., оставивъ, кромѣ дочерей: Екатерину, въ супружествѣ съ влад Дадіани, Софію—за членомъ государственна Павловичемъ Николаи, и сына Давида, св

[2]) Прасковья Николаевна была второю Ахвердова; она умерла въ глубокой старост была дочь Софія, вышедшая замужъ за Ни впослѣдствіи намѣстника кавказскаго (1854

супруги бывшаго командира артиллеріи отдѣльнаго грузинскаго корпуса ген.-м. Ахвердова († 1820 г.), которой и была обязана своимъ воспитаніемъ. Въ домѣ этой именно достойной, замѣчательно умной и высоко образованной женщины, Грибоѣдовъ, во время служенія на Кавказѣ, при А. П. Ермоловѣ, впервые встрѣтился и впослѣдствіи обручился съ княжною Ниною. Событіе это онъ слѣдующимъ образомъ описываетъ въ письмѣ къ Ѳ. Б. Булгарину:

„17-го іюля я обѣдалъ у моей старой пріятельницы Ахвердовой. За обѣдомъ сидѣлъ противъ Нины Чавчавадзе, все на нее глядѣлъ, задумался, сердце забилось; не знаю, безпокойства-ли другого рода, по службѣ, теперь необыкновенно важной, или что другое придало мнѣ рѣшительность необычайную; выходя изъ-за стола, я взялъ ее за руку и сказалъ ей: „Venez avec moi, j'ai quelque chose à vous dire“. Она меня послушалась, какъ и всегда; вѣрно думала, что я ее усажу за фортепьяно; вышло не то; домъ ея матери возлѣ, мы туда уклонились, вошли въ комнату, щеки у меня разгорѣлись, дыханіе занялось, я не помню, что я началъ ей бормотать, и все живѣе и живѣе, она заплакала, засмѣялась, я поцѣловалъ ее, потомъ къ матушкѣ ея, къ бабушкѣ, къ ея второй матери Прасковіи Николаевнѣ Ахвердовой; насъ благословили, я повисъ у нея на губахъ во всю ночь и весь день, отправили курьера къ ея отцу въ Эривань съ письмами отъ насъ обоихъ и отъ родныхъ“ [1]).

22-го августа 1828 года была отпразднована свадьба. Вѣнчаніе происходило въ Сіонскомъ соборѣ. Остальное время до 9-го сентября, т. е. по день выѣзда Александра Сергѣевича въ Персію на постъ полномочнаго министра, прошло въ самыхъ разнообразныхъ увеселеніяхъ, кончившихся торжественными проводами. Въ числѣ отъѣзжавшихъ была княгиня Саломэ Ивановна.

Новобрачные ѣхали изъ Тифлиса черезъ Коды, Шулаверы, Гергеры и Амамлы на Эривань. Изъ Эчміадзина Грибоѣдовъ писалъ къ Варварѣ Семеновнѣ Миклашевичъ, между прочимъ, слѣдующее:

---

[1]) Письмо это, а равно выдержки изъ другого письма А. С. Грибоѣдова отъ 17-го сентября 1828 года, къ г-жѣ Миклашевичъ, напечатанныя ниже, заимствованы изъ біографическаго очерка автора „Горе отъ ума“, составленнаго кн. Д. Г. Эристовымъ и читаннаго имъ въ Тифлисѣ 28 января 1879 года.

Ад. В.

„Другъ мой Варвара Семеновна. Жена моя, по обыкновенію, смотритъ мнѣ въ глаза, мѣшаетъ писать; знаетъ, что пишу къ женщинѣ и ревнуетъ. Не пеняйте же на долгое мое молчаніе, милый другъ, видите-ли, въ какую необыкновенную для меня эпоху я его прерываю. Женатъ, путешествую съ огромнымъ караваномъ, 110 лошадей и муловъ, ночуемъ подъ шатрами на высотахъ горъ, гдѣ холодъ зимній. Нинушка моя не жалуется, всѣмъ довольна, игрива, весела; для перемѣны бываютъ намъ блестящія встрѣчи, конница во весь опоръ несется, пылитъ, смѣшивается и поздравляетъ съ счастливымъ прибытіемъ туда, гдѣ бы вовсе быть не хотѣлось. Нынче насъ принялъ весь клиръ монастырскій въ Эчміадзинѣ, съ крестами, иконами, хоругвями, пѣніемъ, куреньемъ etc, и здѣсь, подъ сводами этой древней обители, первое помышленіе объ васъ и объ Андреѣ. Помиритесь съ моей лѣнью“.

„Какъ все это случилось? Гдѣ я, что и съ кѣмъ? Будемъ вѣкъ жить, не умремъ никогда!“

„Слышите? Это жена мнѣ сейчасъ сказала ни къ чему,—доказательство, что ей шестнадцатый годъ. Но мнѣ простительно-ли, послѣ столькихъ опытовъ, столькихъ размышленій, вновь бросаться въ новую жизнь, предаваться на произволъ случайностей и все далѣе отъ успокоенія души и разсудка. А независимость, которой я былъ такой страстный любитель, исчезла, можетъ быть, навсегда, и какъ не мило, какъ не утѣшительно дѣлить все съ милымъ, воздушнымъ созданіемъ, но это теперь такъ свѣтло и отрадно, а впереди такъ темно, неопредѣленно! Бросьте вашего Транера и Куперову Prairie,—мой романъ живой у васъ передъ глазами и во сто кратъ занимательнѣе; главное въ немъ лицо—другъ вашъ, неизмѣнный въ своихъ чувствахъ, но въ быту, въ родѣ жизни, въ различныхъ похожденіяхъ не похожъ на себя прежняго, на прошлогодняго, на вчерашняго даже; съ каждою луною со мной сбывается что нибудь, о чемъ не думалъ, не гадалъ“.

„.....Наконецъ послѣ тревожнаго дня вечеромъ уединяюсь въ свой гаремъ; тамъ у меня и сестра, и жена, и дочь, все въ одномъ миломъ личикѣ; разсказываю, натверживаю ей о тѣхъ, кого она еще не знаетъ и должна со временемъ страстно полюбить; вы понимаете, что въ нашихъ разговорахъ имя ваше произносится

часто. Полюбите мою Ниночку. Хотите ее знать? Въ Malmaison, въ эрмитажѣ, тотчасъ при входѣ, направо, есть мадонна въ видѣ пастушки, Murillo,—вотъ она".

Такъ отзывался Грибоѣдовъ о своемъ новомъ, безцѣнномъ другѣ! И дѣйствительно, сдѣлавшись обладателемъ женщины, блиставшей столько же красотой, сколько и душевными качествами, онъ имѣлъ полное право сознавать свое блаженство и гордиться счастіемъ, которое, увы! было такъ скоротечно, такъ мимолетно!

Выѣхавъ 25-го сентября изъ Эривани, гдѣ Нина Александровна провела нѣкоторое время и простилась съ отцемъ, не присутствовавшимъ при бракосочетаніи, Грибоѣдовъ 7-го октября 1829 г. прибылъ въ Тавризъ, а 4-го или 5-го декабря отправился ко двору Фет-Али-Шаха, въ Тегеранъ, откуда ему не суждено было возвратиться [1]).

Такимъ образомъ Нина Александровна была въ супружествѣ всего 5 мѣсяцевъ и 8 дней, изъ коихъ въ разлукѣ съ мужемъ 1 мѣсяцъ и 25 дней, такъ какъ во время пребыванія его въ Тегеранѣ, она оставалась въ Тавризѣ. Сначала отъ нея скрывали смерть Александра Сергѣевича.

„Удерживаю Нину Александровну,—писалъ нашъ консулъ Амбургеръ, отъ 10-го февраля 1829 года, къ графу Паскевичу,—въ настоящемъ ея невѣдѣніи о ея несчастіи, и съ помощью супруги англійскаго посланника уговорилъ ее ѣхать въ Тифлисъ. Англійскій докторъ Кормикъ ее сопровождаетъ и я считаю обязанностью слѣдовать съ нею, о чемъ она меня просила, до нашей границы, гдѣ, я надѣюсь, она встрѣтитъ отца своего, котораго я предупредилъ".

Грибоѣдовъ не оставилъ послѣ себя состоянія, такъ какъ все его имущество и банковые билеты были разграблены въ Тегеранѣ. Въ виду какъ этого обстоятельства, такъ, главнымъ образомъ, теплаго участія императора Николая къ положенію овдовѣвшей, а также ходатайства графа Паскевича, Нинѣ Александровнѣ было назначено единовременное пособіе въ 30 т. р. асс. и ежегодная пенсія въ 5 т. р. асс. Въ 1849 году, по ходатайству свѣтлѣй-

[1]) См. статью мою: „Смерть А. С. Грибоѣдова" въ изд. „Русская Старина", т. VI, стр. 163—207, и „Грибоѣдовъ въ Персіи и на Кавказѣ", тамъ-же, т. XI, стр. 276—300. Ад. Б.

шаго кн. М. С. Воронцова, пенсія эта была увеличена на 570 р. 50 к., такъ что съ этого времени Нина Александровна, вмѣсто прежнихъ 5 т. р. асс., получала въ годъ по 2 т. р. с.

Оставшись вдовою, Нина Александровна жила въ домѣ отца, а послѣ его смерти въ 1846 году, то въ Зугдидахъ, у сестры княгини Екатерины Александровны Дадіани, то въ Цинандалахъ, у брата Давида Александровича. Въ 1854 году, во время вторженія Шамиля въ Кахетію, она, благодаря своему отсутствію въ Мингреліи, избѣгла участи семьи брата и другихъ близкихъ родственниковъ, увлеченныхъ въ плѣнъ и впослѣдствіи выкупленныхъ.

Нина Александровна не измѣнила первой любви, хотя ей представлялось нѣсколько случаевъ вступить въ новый бракъ. Въ числѣ соискателей ея руки называютъ, между прочими, адъютанта главноуправлявшаго въ Грузіи, ген.-адъютанта А. И. Нейдгардта, л.-гв. драгунскаго полка ротмистра Козловскаго и князя Багратіона Имеретинскаго.

Нина Александровна скончалась отъ холеры, въ 1857 году, 45-ти лѣтъ отъ роду, и погребена въ томъ самомъ склепѣ при монастырѣ св. Давида, гдѣ покоится прахъ безсмертнаго Александра Сергѣевича Грибоѣдова.

Приложенный къ этой книгѣ портретъ воспроизводитъ Нину Александровну въ эпоху ея вдовства, уже среднихъ лѣтъ. Рисунокъ съ фотографіи исполнилъ П. Ѳ. Борель, гравировалъ Паннемакеръ въ Парижѣ.

Ад. П. Берже.

МАІОРЪ А. В. КАМАЕВЪ.

Эпизодъ изъ жизни сибиряковъ

въ 1812 году.

Дядя мой, Александръ Васильевичъ Камаевъ, родной братъ моей матери, родился 14-го августа 1797 года, воспитывался въ домѣ отца своего; имѣя отъ роду около 12-ти лѣтъ, по обычаю того времени, записанъ былъ въ военную службу и зачисленъ въ квартировавшій тогда въ Омской крѣпости Селенгинскій пѣхотный полкъ,—но жилъ у отца.

По случаю военныхъ дѣйствій въ 1811 г., Селенгинскому полку назначенъ былъ походъ въ Россію. Покойный мой дѣдушка, несмотря на предложеніе начальства перечислить сына въ сибирскіе линейные баталіоны, такъ какъ, по его молодости, походная жизнь будетъ трудна, какъ истинный патріотъ, не пожалѣлъ отдать единственнаго сына на защиту отечества, и отпуская, поручилъ его шефу этого полка, полковнику Демиду Ивановичу Мещерякову, съ которымъ съ давнихъ лѣтъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

6-го августа 1812 года, въ сраженіи подъ Смоленскомъ, Селенгинскій полкъ былъ разбитъ полчищами Наполеона. Полковникъ Мещеряковъ и дядя мой были ранены и потеряли другъ друга изъ виду. Послѣ сраженія, когда убирали раненыхъ и хоронили убитыхъ, дядя лежалъ подъ кустами, истекая кровью изъ ранъ. Одна нога его была прострѣлена пулею на вылетъ, а въ другой пуля остановилась. Проѣзжавшій мимо гусаръ, вѣроятно, отъискивая кого нибудь изъ близкихъ къ нему, замѣтилъ дядю, плавающаго въ крови, но еще живого, прицѣливаясь изъ пистолета, спросилъ: «русскій или французъ?» Собравши послѣднія силы, дядя могъ только сказать: «русскій»; услышавъ этотъ откликъ, гусаръ подъѣхалъ ближе, и увидѣвъ

въ этомъ защитникѣ отечества мальчика, не болѣе 15-ти лѣтъ, въ солдатской формѣ, плавающаго въ крови, сошелъ съ лошади, обмылъ и перевязалъ его раны, снявши съ себя рубашку; взялъ его на руки и посадилъ на свою лошадь, а самъ шелъ пѣшкомъ подлѣ, держа лошадь подъ уздцы, и такимъ образомъ доставилъ его на перевязочный пунктъ. Отсюда дядю отправили съ обозомъ раненыхъ въ Москву, и тамъ помѣстили въ лазаретъ. Когда же Наполеонъ съ войскомъ подступилъ къ Москвѣ, и когда рѣшено было, для спасенія отечества, принести въ жертву первопрестольную столицу, и Москва была въ огнѣ отъ пожаровъ, всѣ, кто могъ и былъ въ силахъ, уѣзжали. Французы вступили съ одной стороны, а москвичи выѣзжали съ другой, преимущественно по Владимірскому тракту, какъ наиболѣе безопасному отъ непріятеля. Въ это время полковой адъютантъ разбитаго Селенгинскаго полка, нанявъ тройку лошадей, съ просторной телѣгой, пріѣхалъ въ лазаретъ, чтобы вывезти изъ Москвы своего начальника. Полковникъ Мещеряковъ также былъ въ томъ же лазаретѣ, гдѣ лежалъ и дядя, но въ офицерскихъ палатахъ, и потому-то они и не знали, что такъ близко были другъ отъ друга. Когда адъютантъ выводилъ своего командира, они проходили ту палату, въ которой лежалъ дядя. Когда только дядя увидалъ ихъ—крикнулъ: «Демидъ Ивановичъ!», раненый и больной полковникъ остановился, и, узнавъ своего питомца, сказалъ адъютанту: «спасайте его, я далъ слово отцу его беречь его, и долженъ спасти», съ этими словами отдалъ ему свою теплую шинель, въ которую завернули дядю, и адъютантъ на своихъ рукахъ вынесъ его въ телѣгу, посадилъ полковника и самъ сѣлъ съ ними,—поскакали въ Владиміръ. Сколько времени дядя жилъ во Владимірѣ вмѣстѣ съ полковникомъ Мещеряковымъ, я не знаю, но только въ это время, по ходатайству его, дядя былъ произведенъ въ прапорщики и когда раны его начали закрываться и онъ могъ ходить, ему данъ былъ отпускъ въ Сибирь до совершеннаго излѣченія. Мещеряковъ, отправляя его, обмундировалъ его, и сдѣлалъ ему все необходимое на дорогу, а самъ остался при арміи, впредь до окончанія кампаніи.

Наступила осень, сырая и холодная. Молодой воинъ, изнуренный походами, болѣзнію и ранами, въ одной только форменной одеждѣ, имѣя весьма скудныя средства, одинъ одинехонекъ, отправился на родину, слишкомъ за 2000 верстъ, надѣясь на Бога. Путешествіе его не могло быть скоро: на почтовыхъ онъ ѣхать не могъ, за неимѣніемъ для этого средствъ, на вольныхъ съ попутчиками путешествіе было крайне медленно и изнурительно, такъ какъ приходилось нѣсколько разъ останавливаться для возстановленія силъ и для совѣта съ докторами, но, благодаря Бога и доб-

рыхъ людей, которыхъ на святой Руси и теперь немало, а тогда былъ еще непочатый край, онъ кое-какъ добрался до Екатеринбурга; тамъ уже всѣ средства его истощились, ѣхать дальше было не начто. Между тѣмъ въ Сибири наступила зима, а до Омска оставалось еще около 700 верстъ. Остановившись въ Екатеринбургѣ на постояломъ дворѣ, онъ разсказалъ хозяину свое положеніе и просилъ указать ему кого нибудь, кто бы далъ ему средства добраться до дому. Ему указали на одного зажиточнаго купца, къ которому онъ и обратился съ просьбою помочь ему, обѣщая по пріѣздѣ къ отцу возвратить деньги. Этотъ добрый русскій человѣкъ, узнавши, что онъ раненый, не только не отказалъ ему помочь, но взялъ его его къ себѣ въ домъ, сдѣлалъ ему всю теплую зимнюю одежду, такъ какъ въ Сибири, въ концѣ сентября и началѣ октября, настаютъ такіе сильные холода и морозы, о которыхъ кто не бывалъ въ Сибири не имѣетъ и понятія; устроилъ ему небольшую кибитку, и давши денегъ на дорогу, безъ всякой росписки, отправилъ его въ Омскъ, а семейство его, по сибирскому обычаю, приготовило «подорожниковъ» [1]), которыхъ съ избыткомъ хватило ему до дому.

Со дня полученія раны и во все время лѣченія, онъ ничего не писалъ отцу, равно какъ и отъ отца не получилъ ни одного письма. Почта тогда въ Сибирь ходила только одинъ разъ въ недѣлю, а по случаю войны, извѣстія изъ Россіи въ Сибири получались еще рѣже. Вслѣдствіе этого, ни онъ о родныхъ ничего не зналъ, ни они о немъ, поэтому пріѣздъ его домой былъ нечаянностью, которой никто изъ домашнихъ не могъ ожидать. Какъ ни молодъ былъ дядя, но побоялся пріѣхать прямо въ домъ родителей, чтобы не испугать ихъ, а пріѣхавши въ Омскъ поздно вечеромъ 9-го октября 1812 года, проѣхалъ на квартиру жениха своей старшей сестры Елизаветы Васильевны, казачей конной артиллеріи поручика Вас. Ив. Кузминскаго [2]), квартировавшаго въ Омской крѣпости, недалеко отъ квартиры дѣдушки, и оттуда послалъ письмо къ родителямъ, что онъ остановился на послѣдней станціи, чтобы не испугать ихъ нечаян-

---

[1]) Зимою въ Сибири, когда ѣдутъ въ дорогу, приготовляютъ на дорогу подорожники, т. е. разныя варенья, щи, печенья и непремѣнно пильмени, и все это замораживаютъ и складываютъ въ мѣшки; такъ какъ до 1840-хъ годовъ, въ Сибири, не знаю какъ теперь, по дорогѣ, на станціяхъ и постоялыхъ дворахъ, ничего нельзя было достать, кромѣ самовара, а гостинницъ и трактировъ не было.

[2]) Впослѣдствіи генералъ-маіора, бригаднаго командира казачей конной артиллеріи въ Оренбургѣ. Умеръ 3-го февраля 1845 г. въ Москвѣ, гдѣ былъ проѣздомъ въ Петербургъ. Н. К.

ностію; посылаетъ это письмо, дѣдушки не было дома, онъ уѣхалъ къ знакомымъ на бостонъ. Бабушка, получивши письмо, тотчасъ отправила его съ нарочнымъ къ нему, съ приказаніемъ отдать его самому лично въ руки. Посланный засталъ дѣдушку за картами. Прочитавши письмо, у него отъ внезапной радости отнялся языкъ, онъ выскочилъ изъ-за стола, пробормотавши нѣсколько несвязныхъ словъ, которыхъ никто не могъ понять, схватилъ шляпу и уѣхалъ домой. Партнеры его остались въ полномъ недоумѣніи и думали, что случилось что нибудь непріятное у него въ домѣ, и остались ожидать его возвращенія. Ѣдучи домой, дѣдушка всю дорогу дѣлалъ распоряженія, чтобы сейчасъ бы были готовы лошади, потому что онъ самъ ѣдетъ на послѣднюю станцію встрѣчать сына. Пріѣхавши домой, онъ вошелъ въ прихожую, гдѣ его встрѣтила прежде всего бабушка, которая всегда умѣла владѣть собою лучше, чѣмъ дѣдушка, и на его несвязныя слова сказала ему, чтобы онъ успокоился, и ѣхать встрѣчать Сашу не зачѣмъ, потому что онъ уже здѣсь; не успѣлъ дѣдушка опомниться отъ этихъ словъ, какъ сынъ уже бросился къ нему и повисъ у него на шеѣ. По возвращеніи посланнаго отъ бабушки, узнавши, что дѣдушки нѣтъ дома, и зная, что бабушка гораздо лучше владѣетъ собою, дядя вмѣстѣ съ Кузминскимъ отправился къ ней, чтобы она устроила встрѣчу и приготовила дѣдушку. Радость была неописанная: дѣдушка не выпускалъ изъ объятій сына, цѣловалъ его раны и ноги. Когда первый порывъ восторговъ прошелъ и нервы немного успокоились, въ столовой приготовили чай, куда отправилась вся семья, которая у дѣдушки была не маленькая. Мать моя была ребенкомъ, лѣтъ 12-ти, и была въ это время въ дѣтской, ей тоже хотѣлось видѣть брата, но она боялась его, потому что онъ пріѣхалъ съ войны и раненый, и потому долженъ быть страшенъ; но страстно желая его видѣть, она еще до прихода всѣхъ въ столовую, забралась туда и подлѣзла подъ стоящій тамъ диванъ, и оттуда производила свои наблюденія. Во время питья чая, въ эту столовую собралась вся прислуга дѣдушки, чтобы посмотрѣть молодого барина и поздороваться съ нимъ. Дѣдушка былъ въ восторгѣ, языкъ его возвратился, онъ всѣмъ показывалъ раны сына и вмѣстѣ съ дворнею не переставалъ цѣловать ихъ.

Между тѣмъ партнеры дѣдушки (полковникъ Григоровичъ, гвардіи полковникъ Броневскій [1]) и др.), видя, что онъ не возвращается, рѣшились всѣ ѣхать къ нему, узнать, что такое случилось

---

[1]) Впослѣдствіи генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, потомъ сенаторъ.
Н. К.

у него, такъ такъ всѣ они очень его любили и были съ нимъ дружны. Пріѣхавши, они ни въ прихожей, ни въ залѣ не нашли никого, въ гостиной они услышали говоръ изъ столовой, въ которую дверь была заперта. Походивши по комнатамъ съ четверть часа, они рѣшились отворить не много дверь и посмотрѣть, что тамъ дѣлается; глазамъ ихъ представилась слѣдующая картина: за чайнымъ столомъ сидѣли дѣдушка и бабушка, посреди ихъ дядя, а кругомъ ихъ стояли дѣти, сестры, тетки и бабушки, за ними дворня въ нѣсколько рядовъ, такъ что они ничего не могли понять около чего стоятъ всѣ и что такое смотрятъ; къ счастью, отворяя дверь, она скрипнула, на это обратила вниманіе бабушка, и увидала гостей. Лишь только она успѣла сказать объ этомъ мужу, какъ онъ вскочилъ съ мѣста, поднялъ сына, и, поставивъ его на столъ, сказалъ: «вотъ вамъ, господа, воинъ, пролившій кровь за отечество и первый выходецъ съ поля битвы въ Сибирь!!» Гости, зная дядю съ дѣтства, и видя его теперь офицеромъ, были въ восторгѣ, и онъ переходилъ изъ однѣхъ объятій въ другія.

По полученіи облегченія, когда раны его зажили, онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ бригадному командиру, потомъ былъ плацъ-адъютантомъ въ Омской крѣпости, и впослѣдствіи командовалъ, въ бывшей Петропавловской крѣпости, нынѣ упраздненной, сибирскимъ линейнымъ баталіономъ, гдѣ и скончался въ чинѣ маіора, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1834 года.

Женатъ былъ Камаевъ на дочери бывшаго своего командира, Д. И. Мещерякова, — Елизаветѣ Демидовнѣ.

Н. Н. Каргопольцевъ.

23-го декабря 1882 г.
Г. Бобруйскъ.

МАКАРІЙ, МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ И КОЛОМЕНСКІЙ

† 9-го іюня 1882 г.

Русская историческая наука понесла тяжкую утрату въ лицѣ высокопреосвященнаго Макарія, митрополита Московскаго, скончавшагося 9-го іюня 1882 года, на 66 году своей жизни.

Біографія почившаго іерарха не изобилуетъ внѣшними фактами. Сынъ бѣднаго сельскаго священника Курской губерніи, онъ обычнымъ порядкомъ прошелъ первоначальную духовную школу и семинарію, среди самой тяжелой матеріальной обстановки. Старинная бурса хорошо извѣстна нашимъ читателямъ по напечатаннымъ въ „Русской Старинѣ“ „Запискамъ сельскаго священника“ и „Воспоминаніямъ“ профессора Д. В. Ростиславова. Курское духовное училище и Курская семинарія были не лучше другихъ духовныхъ школъ того времени. Потерявъ отца еще прежде поступленія въ училище, болѣзненный и хилый, Михаилъ Булгаковъ сначала оказывалъ самые слабые успѣхи въ ученіи. Одинъ случай, о которомъ разсказывалъ своимъ знакомымъ самъ преосвященный Макарій, произвелъ совершенный переворотъ въ его дѣтской жизни. Однажды, прячась отъ буяновъ-товарищей, Михаилъ Булгаковъ сидѣлъ за полѣнницей дровъ на училищномъ дворѣ. Неизвѣстно кѣмъ брошенный порядочной величины камень неожиданно ударилъ его въ это время въ голову. Страшное нервное потрясеніе, вмѣстѣ съ кровотеченіемъ изъ раны, произвело совершенный переворотъ въ его организмѣ. Скоро послѣ того у него про-

шла, хотя не вдругъ, золотуха, и, что гораздо важнѣе, прежде малоспособный и вялый мальчикъ сталъ обнаруживать и живость въ характерѣ, и бойкость въ способностяхъ, такъ что изъ училища въ семинарію переведенъ былъ въ числѣ лучшихъ учениковъ, въ семинаріи скоро сдѣлался первымъ среди товарищей, и пріобрѣлъ такую любовь своихъ учителей, что они его, мальчика, стали называть не иначе, какъ по имени и отчеству—„Михаилъ Петровичъ". О нѣкоторыхъ изъ своихъ наставниковъ покойный митрополитъ отзывался съ похвалою; тѣмъ не менѣе и его семинарское образованіе, какъ вообще семинарское образованіе стараго времени, было скорѣе самообразованіемъ. Чтеніе книгъ, работы надъ сочиненіями, которымъ въ старое время въ семинаріяхъ придавалось особенно важное значеніе,—вотъ что всего больше развило будущаго перво-класснаго богослова и историка. Съ большою благодарностію вспоминалъ почившій митрополитъ о бывшемъ въ то время въ Курскѣ епископомъ преосвященномъ Иліодорѣ (извѣстномъ проповѣдникѣ, авторѣ недурнаго сборника поученій: „Духовное млеко"), который ласкалъ трудолюбиваго и способнаго мальчика, и въ праздники, а также на каникулы, бралъ его къ себѣ въ домъ. Переведенный затѣмъ въ кіевскую духовную академію, Булгаковъ окончилъ здѣсь, въ 1841 году, курсъ въ числѣ лучшихъ магистровъ, и былъ назначенъ баккалавромъ [1]) въ той же академіи по каѳедрѣ церковной и гражданской русской исторіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ ректоромъ кіевскаго духовнаго училища. Еще будучи студентомъ, онъ принялъ монашество съ именемъ Макарія. Едва прослуживъ одинъ годъ въ Кіевѣ, Макарій былъ переведенъ въ С.-Петербургскую духовную академію; здѣсь, въ первый же годъ службы, онъ издалъ первый свой ученый трудъ: „Исторія кіевской духовной академіи". Эта первая научная работа преосвященнаго Макарія въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость на книжномъ рынкѣ и почти забыта, заслоненная послѣдующими, болѣе капитальными по предмету, его сочиненіями въ глазахъ общества; но между спеціалистами она пользуется не меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ послѣдующія его сочиненія. Это

---

[1]) Званіе, соотвѣтствующее нынѣшнему доценту.

была работа вполнѣ оригинальная, составленная по имъ самимъ въ первый разъ собраннымъ матеріаламъ, которые изложены въ замѣчательно стройной системѣ, одушевленною художественною рѣчью. Даровитость и трудолюбіе молодого монаха въ Петербургѣ были замѣчены высшимъ начальствомъ, которое постоянно отличало почестями ученаго труженика, и на тридцать пятомъ году жизни (въ 1851 г.) возвело его въ санъ епископа—случай, чрезвычайно рѣдкій въ нашей исторіи. Шестнадцать лѣтъ службы въ С.-Петербургской академіи въ должности профессора, инспектора и ректора ея—по сознанію самаго преосвященнаго Макарія въ одной рѣчи, были „самымъ счастливымъ, полнымъ очаровательныхъ симпатій души къ научной профессіи, періодомъ его жизни". Въ это время изданы имъ одно за другимъ его сочиненія, которыя останутся навсегда капитальными произведеніями русской духовной литературы: „Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра"—1846 г., (служащая введеніемъ въ „Исторію русской церкви"), „Взглядъ на исторію русской церкви до нашествія татаръ" (1847 г.); „Введеніе въ православное догматическое богословіе", (1847 г.)—за которое онъ возведенъ былъ въ степень доктора богословія; „Православное догматическое богословіе", въ 4-хъ томахъ (1840—1852 гг.),—удостоенное академіей наукъ полной Демидовской преміи, послѣ блестящаго отзыва о немъ знаменитаго архіепископа Иннокентія.

Въ 1850-хъ и въ началѣ 1860-хъ годовъ, въ нашей церкви и въ литературѣ возникъ особенный интересъ къ изученію русскаго сектантства вообще и въ частности русскаго раскола старообрядства: знаменитому митрополиту С.-Петербургскому Григорію, автору замѣчательнаго полемическаго сочиненія: „Истинно-древняя и истинно-православная Христова церковь", дѣйствовавшему противъ раскола въ духѣ кротости и любви, удалось повліять въ этомъ смыслѣ и на высшее гражданское правительство, которое съ того именно времени значительно ослабило респрессивныя мѣры противъ раскола и энергически принялось за его изслѣдованіе (къ этому времени относится знаменитая коммисія, въ числѣ которой былъ авторъ замѣчательной „Записки о состояніи раскола въ Нижегородской губерніи"—П. И. Мельниковъ, и И. П. Липранди), и за реформы законодательства о расколѣ. Въ духовныхъ семи-

наріяхъ и академіяхъ, по настоянію митрополита Григорія, учреждены были каѳедры по исторіи и обличенію раскола. Нужны были учебники и руководства по этому предмету. Не долго думая, преосвященный Григорій обратился къ знаменитому уже ректору С.-Петербургской академіи, который взялся за преподаваніе этого предмета и въ самое короткое время написалъ свою „Исторію русскаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядчества“ (1855 г.), плодъ необычайно тщательнаго изученія громадной библіотеки раскольничьихъ рукописей, собранныхъ для автора св. Синодомъ и митрополитомъ Григоріемъ. Литература о расколѣ съ 1855 года сдѣлала громадные успѣхи; но и нынѣ ни одинъ изслѣдователь раскола не обойдется безъ этого сочиненія преосвященнаго Макарія. Въ 1857 году началось появленіе въ свѣтъ монументальнаго труда преосвященнаго Макарія „Исторія русской церкви“, которой авторъ при жизни успѣлъ издать лишь одиннадцать томовъ. Двѣнадцатый, совершенно обработанный, и начало тринадцатаго изданы уже его братомъ, протоіереемъ А. П. Булгаковымъ, въ началѣ 1883 года.

Въ 1857 году преосвященный Макарій былъ назначенъ на епископскую каѳедру въ Тамбовъ; въ 1859 г. былъ переведенъ въ Харьковъ, оттуда въ 1868 г. въ Вильну, а въ 1879 г. апрѣля 8 былъ назначенъ митрополитомъ въ Москву. Издавая томъ за томомъ своей исторіи, для обработки которой пользовался главнымъ образомъ рукописями Новгородской-Софійской библіотеки (принадлежащей нынѣ С.-Петербургской духовной академіи) и Румянцевскаго музея, которыя были высылаемы ему въ мѣста его служенія, онъ кромѣ того усердно занимался проповѣдничествомъ. Плодъ высокопросвѣщеннаго ума, проповѣди его вездѣ привлекали горячее вниманіе, особенно въ университетскомъ городѣ Харьковѣ, преимущественно со стороны образованныхъ классовъ и интеллигенціи, съ которою архипастырь, человѣкъ науки, умѣлъ говорить, можетъ быть, лучше, чѣмъ съ народомъ. Общій итогъ проповѣднической дѣятельности преосвященнаго Макарія выразился въ двухъ томахъ, изъ которыхъ одинъ, бо́льшій, изданъ въ 1869 году (содержитъ въ себѣ проповѣди времени его службы въ академіи, въ Тамбовѣ и Харьковѣ), другой—меньшій, въ 1880 г. (проповѣди Виленскаго періода). Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть

объ его учебникѣ по догматическому богословію, составленномъ имъ (въ 1867 г.) для руководства въ духовныхъ семинаріяхъ. Уже одинъ этотъ перечень сочиненій преосвященнаго Макарія достаточно краснорѣчиво говоритъ о значеніи его, какъ богослова, ученаго и проповѣдника. Мы не считаемъ себя призванными входить въ спеціальную оцѣнку достоинства этихъ трудовъ, а равно въ оцѣнку его значенія, какъ одного изъ первыхъ іерарховъ русской церкви въ исторіи этой церкви за послѣднее двадцатипятилѣтіе. Позволимъ себѣ ограничиться лишь нѣсколькими замѣчаніями.

По нашему мнѣнію, во всѣхъ трехъ указанныхъ отношеніяхъ, и какъ іерархъ, преосвященный Макарій является однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей русской церковной исторіи на всемъ ея пространствѣ. Онъ навсегда останется одною изъ первоклассныхъ знаменитостей Россіи, подобно соименному ему московскому митрополиту временъ Грознаго, въ своей знаменитой энциклопедіи, названной „Великія Минеи-Четіи", собравшему „всѣ книги русской земли". Какъ богословъ, онъ совершенно вѣрно, хотя и не довольно детально, оцѣненъ лицами, вполнѣ компетентными: знаменитымъ Иннокентіемъ (въ отзывѣ о „Догматическомъ богословіи", составленномъ по порученіи академіи наукъ), и докторомъ богословія, преосвященнымъ Никаноромъ, епископомъ Уфимскимъ („Уфимскія епархіальныя вѣдомости" 1882 г. № 15). Первый, между прочимъ, говоритъ: „Самыя иностранныя богословскія литературы, не смотря на ихъ давнее развитіе и вѣковыя усовершенствованія, не представляютъ творенія съ такими достоинствами, какъ богословіе преосвященнаго Макарія. Въ сочиненіи его въ первый разъ изображены, со всею силою и убѣдительностію, ученымъ и вмѣстѣ удобопонятнымъ языкомъ, тѣ догматы и положенія, коими православная церковь отличается отъ прочихъ вѣроисповѣданій христіанскихъ". „Макарій былъ не только великій, а, пока, и безпримѣрный по нѣкоторымъ чертамъ богословъ, говоритъ преосвященный Никаноръ. Изъ качествъ его труда отмѣтимъ одно, въ данной мѣрѣ никому не принадлежавшее качество – необыкновенную мѣрность и вѣрность взгляда, необыкновенный даръ найти и указать границу между догматическою истиною вѣры, и положеніемъ человѣческаго, хотя и богословскаго

мнѣнія,—необыкновенное чутье православія. Въ древней вселенской церкви мы имѣемъ только одного систематизатора-богослова, Іоанна Дамаскина, а въ новое время—Макарія, а въ промежуткѣ ихъ равнаго имъ—пока ни одного. Филаретъ, Иннокентій, Іоаннъ Смоленскій—поэтичны, выше, глубже Макарія. Но Макарій безпримѣренъ—по полнотѣ своей, выработанной въ опредѣленныхъ научныхъ рамкахъ, законченной богословской системы". Оба богословія Макарія, полное и краткое, какъ и часть его проповѣдей, переведены на иностранные языки, и вотъ какъ отзывается о немъ одинъ нѣмецкій критикъ: „Въ ученыхъ богословскихъ трудахъ авторъ является представителемъ строго-православнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ просвѣщеннаго и миролюбиваго направленія, чуждаго полемическихъ крайностей и духа нетерпимости въ отношеніи къ другимъ исповѣданіямъ. Сочиненія эти должны оказать свою привлекательную силу на нѣмецкихъ читателей евангелической церкви, отличающихся церковнымъ направленіемъ". Всѣ эти отзывы совершенно вѣрны. Нѣкоторые предполагаютъ вліяніе на сочиненіе Макарія извѣстнаго католическаго богословія Перроне; но если это вліяніе и существовало, то развѣ въ общемъ планѣ сочиненія, хотя сходство здѣсь могло образоваться и помимо заимствованія или подражанія. Рубрики богословской системы установлены, въ общихъ чертахъ, издавна и обусловливаются самымъ составомъ христіанскаго вѣроученія. Что касается заимствованій въ содержаніи сочиненія, то самостоятельность труда преосвященнаго Макарія должна быть поставлена выше всякаго сомнѣнія. Какъ бы то ни было, богословіе Макарія даже послѣ появленія въ печати сочиненій того же рода—Иннокентія, Іоанна Смоленскаго, Ѳ. А. Голубинскаго, архіепископа Филарета Гумилевскаго и архимандрита Сильвестра—составляетъ незамѣнимое пособіе для самихъ академическихъ профессоровъ богословія.

То же самое слѣдуетъ сказать и относительно его „Исторіи русской церкви". Это трудъ—совершенно однородный и параллельный съ знаменитою „Исторіею Россіи съ древнѣйшихъ временъ" С. М. Соловьева, имѣющій въ сравненіи съ нимъ может быть преимущества, но отнюдь не недостатки. Преимущества эти состоятъ въ бо́льшемъ количествѣ новаго матеріала (исторія рус-

ской церкви до Макарія была менѣе разработана, чѣмъ исторія Россіи до Соловьева) и въ болѣе тщательной, художественной обработкѣ этого матеріала. Послѣ Макарія будутъ открываться новые факты, будутъ находимы новые матеріалы; будутъ измѣняться взгляды при оцѣнкѣ событій и явленій русской церковной жизни, что мы и находимъ въ извѣстной исторіи русской церкви Е. А. Голубинскаго, два тома которой недавно увѣнчаны полною Уваровскою преміею. Для послѣдующихъ сочиненій по исторіи русской церкви сочиненіе Макарія во многихъ частяхъ будетъ составлять перво-источникъ. Замѣчательно, что „Исторія русской церкви" Е. А. Голубинскаго издана на средства, полученныя авторомъ по настойчивому ходатайству митрополита Макарія, не смотря на то, что почтенный авторъ во многихъ мѣстахъ своего сочиненія держится воззрѣній, діаметрально противоположныхъ научнымъ мнѣніямъ митрополита Макарія.

Меньшею извѣстностію пользуется митрополитъ Макарій, какъ проповѣдникъ [1]). Обыкновенно прежде всего видѣли въ Макаріи кабинетнаго ученаго, дѣятеля науки богословской и исторической, и оставляли въ тѣни его дѣятельность проповѣдническую. Избалованные проповѣдничествомъ перваго духовнаго оратора нашего вѣка, московскаго митрополита Филарета, и не менѣе знаменитаго его современника, архіепископа Иннокентія Борисова, любители духовнаго пастырскаго назиданія находили, что проповѣди Макарія не могутъ быть поставлены въ рядъ первоклассныхъ произведеній духовнаго ораторства. Дѣйствительно, проповѣди Макарія не выдерживаютъ сравненія съ проповѣдями Филарета и Иннокентія, если судить о нихъ съ точки зрѣнія установившихся понятій о высшихъ достоинствахъ церковнаго ораторства. Въ проповѣдяхъ Макарія нѣтъ ни того блеска остроумія, ни той силы глубокомыслія, которые, при необычайной сжатости рѣчи, поражаютъ читателя проповѣдей Филарета; нѣтъ у него тѣхъ художественно-изысканныхъ ораторскихъ пріемовъ, тѣхъ блестящихъ оборотовъ рѣчи, какіе характеризуютъ проповѣдь Иннокентія. Тѣмъ не менѣе ошибочно было бы считать проповѣди преосвя-

---

[1]) О преосвященномъ Макаріи, какъ проповѣдникѣ, см. нашу статью въ газетѣ «Берегъ», за 20 іюня 1880 года. Н. В.

щеннаго Макарія несоизмѣримыми съ проповѣдями Филарета и Иннокентія. У него есть свои капитальныя достоинства, которыя отсутствуютъ у Филарета и Иннокентія: это—полнѣйшая безъискусственность, простота въ построеніи проповѣди и въ языкѣ, доведенная до истинной художественности, и происходящая отсюда ясность изложенія, дѣлающая его проповѣди доступными и понятными самому простому слушателю и читателю, при всей серьезности и важности предметовъ, трактуемыхъ въ проповѣдяхъ. Раздѣльное, ясное и точное изображеніе предмета—плодъ высшей логической зрѣлости—свойственное людямъ науки, составляетъ достояніе проповѣди Макарія.

Замѣчательно также содержаніе проповѣдей Макарія. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ разграничить два періода его проповѣднической дѣятельности: шестнадцатилѣтній періодъ его службы въ С.-Петербургской академіи (1841—1857 гг.) и періодъ его службы въ званіи епархіальнаго архіерея въ Тамбовѣ, Харьковѣ, Вильнѣ и Москвѣ. Въ первомъ преосвященный Макарій принадлежитъ всецѣло къ старшему поколѣнію современныхъ нашихъ проповѣдниковъ, къ той серьезной и строгой проповѣднической школѣ, произведенія которой не только въ построеніи и изложеніи, но и въ самомъ выборѣ предметовъ рѣчи, характеризуются строгою выдержанностію законовъ такъ называемой гомилетики. Это тѣ проповѣдники, которые въ бо̀льшую половину жизни своей были представителями духовной учености, въ качествѣ наставниковъ и начальниковъ духовныхъ академій, у которыхъ научное богословское міровоззрѣніе—предметъ академическаго преподаванія—отъ долгаго обращенія съ нимъ въ тиши ученаго кабинета и на академической каѳедрѣ, обратилось, какъ говорится, въ плоть и кровь ихъ духовно-нравственнаго существованія, а мышленіе сложилось въ строго-логическія и методически-правильныя формы. Навыкъ къ научной концепціи предмета невольно сказывается и въ произведеніяхъ ихъ ораторства. Таковъ именно характеръ проповѣдей Макарія періода его службы въ академіи. Другой характеръ имѣютъ проповѣди, сказанныя въ бытность покойнаго епархіальнымъ епископомъ, когда ему приходилось по профессіи имѣть дѣло уже не съ отвлеченною наукой, а съ живыми людьми, съ запросами и нуждами общественной жизни: жизненный прак-

тическій элементъ привходитъ въ его проповѣдь обильною струей, и чѣмъ дальше онъ отъ ученой каѳедры, тѣмъ все болѣе и болѣе практичною по содержанію становится его проповѣдь. Весьма нерѣдко проповѣдь его въ это время принимаетъ характеръ рѣшительно публицистическій, такъ что, какъ проповѣдникъ-публицистъ, преосв. Макарій уступаетъ развѣ одному Іоанну, епископу Смоленскому. Въ этомъ отношеніи особенно заслуживаютъ вниманія проповѣди Харьковскаго періода. Здѣсь въ рядѣ словъ, сказанныхъ къ интеллигентному населенію университетскаго города, иногда въ самой университетской церкви, проповѣдникъ чувствуетъ себя въ своей давнишней родной стихіи, въ сферѣ научной концепціи всякаго предмета сужденія, и въ цѣломъ рядѣ проповѣдей развиваетъ настоящую христіанскую соціологію. Стоя на вполнѣ современномъ уровнѣ науки о государствѣ и обществѣ, онъ старается выяснить отношенія религіи къ наукѣ, жизни благодатной, религіозной—къ жизни естественной, внѣ-церковной, значеніе религіи и церкви съ ея нравственными началами для государственнаго и общественнаго преуспѣянія родной страны. Таковы проповѣди, сказанныя имъ по поводу разныхъ нарочитыхъ событій общественной жизни: открытія судебной палаты, губернскаго земскаго собранія, дворянскихъ выборовъ, открытія губернскаго комитета по крестьянскому вопросу, по прочтеніи манифеста объ освобожденіи крестьянъ (стр. 295, 487, 665, 672, 614, 421, 480 [1]). Таковы проповѣди о прогрессѣ въ отношеніи къ христіанству (стр. 452), объ искорененіи неправды въ судахъ (—441), о взаимномъ уваженіи и любви между общественными сословіями (—490), о христіанскомъ значеніи гражданскихъ обязанностей (—476), о содѣйствіи счастію ближнихъ (—495), о величіи человѣческомъ (—583), о значеніи науки въ христіанствѣ (—628), объ изученіи природы (680); таковы вообще всѣ проповѣди, сказанныя въ харьковской университетской церкви. Сюда же относятся проповѣди въ столѣтнюю годовщину Н. М. Карамзина (стр. 651) и И. А. Крылова (стр. 684), а также двѣ прекрасныя его Московскія рѣчи: при открытіи памятника

[1]) По изданію проповѣдей 1869 г.

великому поэту Пушкину и при открытіи Московской выставки въ прошломъ году.

Вообще ясный, широкій и просвѣщенный умъ преосв. Макарія не замы-кался исключительно въ сферѣ церковныхъ предметовъ и дѣлъ, гдѣ, послѣ смерти митрополита Филарета, ему чѣмъ дальше, тѣмъ больше приходилось занять первенствующее руководящее положеніе,—онъ отличался столь же яснымъ и широкимъ взглядомъ и на дѣла государственныя. Всякое доброе и разумное явленіе и движеніе въ жизни гражданской находило въ немъ живое сочувствіе, и онъ съ любовію спѣшилъ освятить его своимъ архипастырскимъ благословеніемъ и молитвою. При освященіи памятника Пушкину, въ своей рѣчи онъ выражалъ желаніе, чтобы „зрѣла на Руси здоровая мысль, чтобы крѣпло и развивалось русское слово, чтобы больше нарождалось въ Россіи великихъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ проявленія духа“.

„Да благословитъ Господь всякій трудъ въ нашемъ возлюбленномъ отечествѣ, направленный къ его пользѣ,—говорилъ онъ при открытіи московской выставки,—и да процвѣтаетъ оно болѣе и болѣе при нашихъ дружныхъ усиліяхъ и трудахъ на всѣхъ ступеняхъ государственной жизни“. При открытіи памятника Крылову онъ говорилъ: „языкъ его (Крылова)—чисто русскій, но выработанный имъ самимъ и запечатлѣнный силою его необыкновеннаго таланта; онъ взялъ нашу образованную литературную рѣчь, освободилъ ее отъ всего искуственнаго, чужеземнаго, и обрусилъ ее чрезъ сліяніе съ простонародною рѣчью. И вышелъ Крыловскій языкъ! Что онъ (Крыловъ) говорилъ? Говорилъ то, что можетъ говорить человѣкъ самаго здраваго смысла, практическій мудрецъ и въ особенности мудрецъ русскій. Братья соотечественники! договаривать-ли, что еще завѣщалъ намъ нашъ безсмертный баснописецъ? Онъ завѣщалъ намъ быть русскими вполнѣ, завѣщалъ любовь, безграничную любовь ко всему отечественному: къ нашему родному слову, къ нашей родной странѣ и ко всѣмъ началамъ нашей народной жизни... И такъ, развивайте ваши молодыя силы и способности, воспитывайте и укрѣпляйте ихъ во всемъ прекрасномъ, обогащайте себя разнородными познаніями, откуда бы онѣ ни приходили; старайтесь усвоить себѣ всѣ плоды общеевропейскаго, общечеловѣческаго образованія. Но

зачѣмъ? Затѣмъ, помните, затѣмъ, чтобы все это добро, вами пріобрѣтенное, принести въ жертву ей, вашей родной матери— Россіи!“

Для оцѣнки нравственнаго достоинства этой высокой личности достаточно вспомнить, что всѣ деньги, собранныя имъ за свои ученые труды, онъ жертвовалъ на пользу образованія. Въ 1867 году, въ бытность архіепископомъ харьковскимъ, онъ пожертвовалъ 120,000 рублей на учрежденіе, по смерти его, премій за лучшія оригинальныя сочиненія на русскомъ языкѣ, въ области богословія и свѣтской науки. Въ томъ же году онъ пожертвовалъ въ пользу духовно-учебныхъ заведеній составленное имъ „Руководство къ изученію православнаго догматическаго богословія“. Въ 1869 г. имъ пожертвовано 25,000 р. для учрежденія въ кіевской академіи ежегодной преміи за лучшія сочиненія; въ 1879 г. пожертвовано имъ 2,000 р. на учрежденіе стипендіи въ литовской духовной семинаріи. Кромѣ того имъ пожертвовано въ село Сурково (его родина) 12,000 рублей на сооруженіе церкви.

Таково было употребленіе имъ денегъ, нажитыхъ упорнымъ и тяжелымъ долговременнымъ научнымъ трудомъ! Близкіе къ нему люди сообщаютъ, что онъ самъ велъ счетъ получаемыхъ отъ продажи его сочиненій денегъ, для того, чтобы всѣ ихъ обратить на пожертвованія въ пользу образованія. Наконецъ, въ газетахъ сообщено уже было, что изъ оставшагося послѣ смерти его капитала свыше 100,000 р. имъ распредѣлено на научныя потребности четырехъ духовныхъ академій.

Столь горячо и столь благородно преданнаго наукѣ преосвященнаго Макарія отечественная наука, съ своей стороны, вполнѣ оцѣнила, какъ звѣзду первой величины: онъ былъ докторомъ богословія, докторомъ исторіи (С.-Петербургскаго университета), ординарнымъ академикомъ императорской академіи наукъ и членомъ, дѣйствительнымъ или почетнымъ, всѣхъ, кажется, ученыхъ обществъ въ Россіи. И внѣ Россіи онъ повсюду былъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ первыхъ ученыхъ Россіи.

Смерть застигла преосвященнаго Макарія въ то время, когда онъ пользовался еще вполнѣ цвѣтущимъ здоровьемъ и полною энергіею своихъ умственныхъ силъ. Сколько могъ бы принести

пользы и добра своему отечеству этотъ человѣкъ, столь богато одаренный природою, столь всесторонне развитой и столь высоко нравственно-созрѣвшій, если бы ему довелось дожить до лѣтъ своихъ двухъ предшественниковъ по московской каѳедрѣ—Филарета и Иннокентія!

Н. И. Барсовъ.

Иванъ Родіоновичъ Чиркинъ.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1883 г., мартъ, напечатана весьма многознаменательная вѣдомость понесенныхъ убытковъ откупщикомъ Иваномъ Родіоновичемъ Чиркинымъ въ день низложенія съ престола Петра III, т. е. 28-го іюня 1762 г.

Вотъ замѣтка объ этомъ Чиркинѣ. Иванъ Родіоновичъ Чиркинъ родился въ Серпуховѣ; потомки его и по настоящее время въ Серпуховѣ, живутъ бѣдно.

На колокольнѣ Кресто-Воздвиженской въ Серпуховѣ церкви есть колоколъ съ слѣдующею надписью: „Колоколъ пожертвованъ въ городъ Серпуховъ Кресто-Воздвиженской церкви 1751 года іюня 20 дня санктпетербургскимъ купцомъ Іоанномъ Родіоновичемъ Чиркинымъ, литъ въ Швеціи во градѣ Стокгольмѣ, вывезенъ на россійскомъ кораблѣ“.

И. Черковъ.

г. Серпуховъ. 29-го марта 1883 г.

Эпизодъ изъ польской смуты 1863 г.

Читая уже нѣсколько лѣтъ издаваемый вами журналъ, въ которомъ, между прочимъ, много печаталось о польской смутѣ 1863 г., я не нашелъ упоминанія о трехъ русскихъ солдатахъ-герояхъ, предпочтившихъ медленную смерть въ огнѣ—сдачѣ въ плѣнъ. Къ несчастію, именъ этихъ трехъ нижнихъ чиновъ я не помню, такъ какъ во время событія мнѣ было около 10 лѣтъ.

Было это въ ночь съ 10-го на 11-ое января 1863 г., въ селеніи Сточекъ, въ трехъ верстахъ отъ (нынѣ) губернскаго города Сѣдлеца. Въ Сточекѣ была расположена 10-ая рота Костромскаго пѣхотнаго полка. Въ роковую ночь половина роты была въ караулѣ въ городѣ съ своимъ ротнымъ командиромъ, штабсъ-капитаномъ Леоневскимъ. Вѣроятно, это-то обстоятельство побудило предводителей мятежнической шайки Морица и Ольшевскаго (оба пойманы и разстрѣляны) напасть на остатокъ роты, вовсе не подготовленной къ оборонѣ. Но Господь хранилъ русскихъ людей: мятежникамъ не удалось вырѣзать всѣхъ—погибло всего человѣкъ 10, изъ которыхъ 6 захвачены были въ чворакѣ (четыреугольный срубъ). Эти солдаты-герои, большею частью севастопольскіе, рѣшились дать отпоръ толпѣ въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Вѣроятно борьба была отчаянная, такъ какъ около чворака найдено было на другой день болѣе десяти тѣлъ мятежниковъ. Не имѣя возможности взять солдатъ силою, предводители шайки приказали поджечь соломенную крышу чворака—въ пламени погибло три человѣка; остальные трое выскочили изъ дома: двое погибли убитые косами, третій же, раненный, добрался до квартиры полкового командира и сообщилъ о случившемся. Вѣроятно теперешній командиръ Костромского полка не откажетъ сообщить на страницы „Русской Старины“ болѣе полныя свѣдѣнія объ этихъ мученикахъ, а главное—ихъ имена.

Въ Тенгинскомъ полку есть герой Архипъ Осиповъ; отчего же не имѣть и Костромскому?

И. А. Черницкій.

Ст. Ново-Покровская Кубанской области.

Листокъ въ записную книжку «Русской Старины».

Къ статьѣ Н. К. Шильдера: «Екатерина II и Густавъ III» («Русская Старина» 1876 г., ноябрь).

Не одинъ Петровъ посвящалъ патріотическія строфы войнѣ 1788 — 1790 годовъ. Нижеслѣдующее стихотвореніе, найденное нами въ рукописи, современной событіямъ, разсказаннымъ въ статьѣ Н. К. Шильдера, помѣченное 1789 годомъ, касается того же предмета. Авторъ стихотворенія намъ неизвѣстенъ. Кажется, оно не было нигдѣ напечатано.

Н. В.

Пѣсня, сочиненная въ лагерѣ при Выборгѣ (1789).

Прочь вы, шведы, удалитесь,
Намъ ружья не показавъ:
Знайте вы и всіо страшитесь —
Противъ васъ самъ Пушкинъ графъ!
Мы идемъ съ нимъ на сраженье
Словно какъ на пиръ идемъ,
Исполняя Той велѣнье,
Кой дивится цѣлой міръ
Мы увѣрены заранѣ:
Не прольетъ онъ даромъ кровь;
Мы приложимъ все старанье.
Чтобъ прославиться намъ вновь.
Крымъ ужъ чувствуетъ удары,
И Бендеры знаютъ то,
Что онъ бомбы, пули, ядры
Все вмѣняетъ ни во что.
Лишь куда онъ обратится,
Летитъ слава ему въ слѣдъ.
Все предъ нимъ, страшась, валится,
Онъ родился для побѣдъ.
Всякій ищетъ того счастья,
Чтобъ при немъ всегда служить,
Средь войны съ нимъ нѣтъ ненастья,
Онъ отцемъ намъ хочетъ быть.
Коль его мы зримъ съ собою
Намъ возможно-ли робѣть?
Онъ зиждитель нашъ покою,
Съ нимъ готовы умереть.
Какъ дѣтей онъ насъ жалѣетъ,
И таковъ его есть нравъ.
Сердце доброе имѣетъ:
Ты прославься, Пушкинъ графъ!

44*

Полетимъ противу шведа
И низвержемъ ихъ во адъ.
Мы накажемъ зло сосѣда,
Ты за дерзость жди наградъ.
Ты осмѣлился встревожить
Нашей матери покой:
Какъ намъ злобы не умножить,
Какъ не жертвовать собой?

Сообщ. въ 1876 г. профес. **Н. И. Барсовъ.**

Памятникъ гр. Н. Н. Муравьеву-Амурскому

1858 г.

Въ „Русской Старинѣ" изд. 1883 г. помѣщенъ рисунокъ памятника, воздвигнутаго около Благовѣщенска Н. Н. Муравьеву-Амурскому. Необходимо однако замѣтить, что хотя этотъ памятникъ и воздвигнутъ въ честь гр. Амурскаго, но онъ не находится на мѣстѣ заключенія договора, ибо таковой былъ подписанъ въ Айгунѣ, въ Маньчжуріи, за 30 верстъ отъ Благовѣщенска, между тѣмъ, какъ описываемый монументъ находится въ 6-ти верстахъ отъ Благовѣщенска. Это та самая, или слегка перестроенная, пирамидка, которую устроилъ маіоръ Языковъ въ 1857—1858 гг. до заключенія айгунскаго договора, въ память и на мѣстѣ жительства Н. Н. Муравьева въ 1857 году, во время занятія нами верхняго Амура.

О монументѣ, долженствующемъ увѣковѣчить достопамятное событіе 16-го мая 1858 года, кажется, только еще идетъ рѣчь. По крайней мѣрѣ, изъ письма ко мнѣ князя М. С. Волконскаго я знаю, что именно съ цѣлью сооруженія подобнаго памятника собирались годъ тому назадъ деньги. И я, съ своей стороны, какъ ближайшій спутникъ Муравьева въ 1857 году, уже сообщилъ князю, каково было намѣреніе самаго Николая Николаевича относительно монумента „возсоединенія Амурскаго края съ Россіею", высказанное имъ мнѣ въ 1857 году. Намѣреніе это состояло въ сооруженіи колонны на самой стрѣлкѣ, при сліяніи Зеи съ Амуромъ, о чемъ я и сообщилъ князю Михаилу Сергѣевичу Волконскому, а тотъ г-ну Анучину, теперешнему генералъ-губернатору Восточной Сибири.

М. И. Венюковъ.

Парижъ.

КНЯЗЬ ДМИТРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ КРАПОТКИНЪ,

бывшій Харьковскій губернаторъ.

† 1879 г.

Въ февралѣ 1879 года безвременно сошелъ въ могилу генералъ-лейтенантъ князь Дмитрій Николаевичъ Крапоткинъ, управлявшій Харьковскою губерніею слишкомъ 10 лѣтъ и оставившій послѣ себя память человѣка, заслуживавшаго лучшей участи. Но чему удивляться? Россія въ послѣдніе годы пережила и не такія несправедливости судьбы, какъ смерть Крапоткина!..

Можетъ быть еще не благовременно трогать почти свѣжую могилу покойнаго князя Дмитрія Николаевича, но хорошо говорить о мертвыхъ никогда не рано, а о покойномъ князѣ и запоздалый хроникеръ не скажетъ ничего дурного.

Вспоминая службу мою при князѣ Крапоткинѣ, я и теперь удивляюсь терпѣнію и усидчивости, съ которыми покойный князь относился къ исполненію своихъ обязанностей. Лѣтомъ въ 8, а зимой въ 9 часовъ утра онъ всегда выходилъ въ рабочій свой кабинетъ и съ этого времени до поздней ночи былъ, почти безъ перерыва, у дѣла. Онъ отдыхалъ только за завтракомъ и обѣдомъ, на которые тратилъ время очень скупо. Но среди трудовъ и заботъ по управленію губерніею, онъ не забывалъ своего общественнаго положенія: князь любилъ общество, отличался присущимъ русскому человѣку хлѣбосольствомъ, былъ дѣйствительнымъ русскимъ бояриномъ, какихъ теперь мало осталось на Руси! Требуя отъ всѣхъ, безразлично, исполненія закона, князь зналъ, что онъ первый въ губерніи стоитъ на стражѣ его, а потому былъ строгъ и къ самому себѣ. Люди, имѣвшіе случай близко знать князя, удивлялись его уму, находчивости и его свѣтлымъ, гуманнымъ взглядамъ.

Послѣ убійства князя Крапоткина, въ Харьковѣ нашли подметныя объявленія участниковъ преступленія, гдѣ мотивомъ къ совершонному злодѣянію выставлялась жестокость князя, проявившаяся будто бы въ его распоряженіяхъ въ отношеніи политическихъ преступниковъ, содержавшихся въ центральныхъ каторжныхъ тюрьмахъ въ Харьковской губерніи. Я знаю одинъ случай, который до нѣкоторой степени

характеризуетъ взглядъ князя на заключенныхъ и ужъ ни коимъ образомъ не подтверждаетъ его жестокости. Въ началѣ 1870-хъ годовъ, въ отсутствіе князя за границей, пріѣзжало ревизовать каторжныя тюрьмы въ Харьковской губерніи довѣренное лицо изъ министерства внутреннихъ дѣлъ и, узнавъ, что арестантамъ дается каждый день говядина, замѣтило, между прочимъ, что при сидячей жизни арестантовъ можно было бы сократить эту выдачу—оставивъ говядину только для праздниковъ, а по буднимъ днямъ заправлять горячія саломъ. Князь, возвратясь изъ-за границы, при первой поѣздкѣ въ Петербургъ, исходатайствовалъ въ министерствѣ оставить прежній способъ прокормленія арестантовъ. Это не похоже на то, чтобы онъ морилъ арестантовъ голодомъ!

Нѣкая бѣдная дама подала на Высочайшее имя прошеніе, въ которомъ просила о помилованіи родного брата ея, бывшаго маіора, приговореннаго къ каторжнымъ работамъ, за нанесеніе удара по лицу, предъ фронтомъ, своему полковому командиру. Статсъ-секретарь у принятія прошеній, препровождая означенное прошеніе къ князю Крапоткину, просилъ свѣдѣній о поведеніи осужденнаго, содержащагося въ одной изъ каторжныхъ тюремъ въ Харьковской губерніи, а также его заключенія по существу ходатайства. Прихожу я съ докладомъ къ князю.

— „Ну-съ, садитесь. Что тамъ?"

Когда очередь пришла до упоминаемаго выше прошенія, князь сказалъ: „да, да, помню. Я его видѣлъ въ послѣдній разъ при посѣщеніи тюрьмы. Присланъ списокъ его, за что онъ осужденъ?"

— Преступленіе его не важное... далъ пощечину полковому командиру предъ фронтомъ.

Сказавши, что преступленіе не важное, я вовсе не хотѣлъ тѣмъ высказать неуваженіе къ значенію дисциплины въ войскахъ. Я хотѣлъ только объяснить князю, что такого рода преступленіе не можетъ быть приравниваемо къ другимъ, указывающимъ на нравственное паденіе преступника, что преступленія противъ военной дисциплины, строго наказуемыя закономъ, могутъ находить нерѣдко оправдательный мотивъ въ самыхъ поступкахъ начальника, вызвавшихъ преступленіе. Не тутъ-то было, какъ вспылитъ князь: «такъ по вашему мнѣнію, это преступленіе не важно! Да понимаете ли вы, что значитъ дисциплина въ войскахъ? Цѣлыя арміи гибли отъ упадка дисциплины, государства распадались»... и пошелъ въ этомъ тонѣ. Я уже и не радъ былъ, что выразился неудачно, всталъ съ кресла, стою и молчу. Князь, заложивъ руки въ карманы, ходитъ по кабинету

Спустя двѣ, три минуты, остановился передо мною, и спросилъ уже спокойно:

— „Ну-съ, такъ по вашему мнѣнію—это пустяки?“

— Ваше сіятельство, замѣтилъ я, какъ бы ни было важно преступленіе, но на милость нѣтъ образца!

— „Напишите, что въ виду раскаянія и хорошаго поведенія осужденнаго, я бы находилъ возможнымъ ходатайствовать о смягченіи ему наказанія на двѣ трети назначеннаго срока“.

Сократить на двѣ трети срокъ назначеннаго судомъ наказанія, выходило, что осужденному, по сравненію съ отбытымъ уже наказаніемъ, оставалось просидѣть въ каторжной тюрьмѣ около двухъ недѣль—т. е. срокъ, въ продолженіи котораго можно было ожидать результата ходатайства сестры осужденнаго. Такимъ образомъ, не подавъ мнѣнія за совершенное прощеніе, князь, въ то-же время, ни однимъ днемъ не желалъ отяготить участь заключеннаго.

Для срочныхъ занятій по губернскому статистическому комитету, въ помощь секретарю, былъ командированъ одинъ изъ чиновниковъ, состоящихъ при князѣ. Секретарь комитета, покойный И. И. Бѣсядовскій, человѣкъ солидный, всесторонне образованный, былъ уважаемъ всѣми знающими его, и покойный князь дорожилъ его трудами. Бѣсядовскій первый далъ мысль объ изданіи Харьковскаго календаря. Однажды полицiймейстеръ докладываетъ, при утреннемъ рапортѣ князю, что Бѣсядовскій съ чиновникомъ N., прикомандированнымъ къ канцеляріи статистическаго кабинета, разбили буфетъ въ одной кухмистерской, гдѣ они обѣдали. Князь приказалъ вызвать ихъ на другой день утромъ къ себѣ. Приходятъ они. Бѣсядовскій, какъ всегда, серьезный, а чиновникъ N., молодой шалунъ, любилъ иногда кутнуть.

— Нуте, Бѣсядовскій, разскажите какъ это было,—вы отличались всегда правдивостію.

— Пришли мы съ N., начинаетъ повѣствовать Бѣсядовскій, пообѣдать въ кухмистерскую...

— „Ну-съ, заказали обѣдъ“, перебиваетъ князь.

— Нѣтъ, выпили за буфетомъ по рюмкѣ водки...

— „Ну-съ, закусили?“

— Закусили бутербродами, и пошли въ столовую...

— „Ну-съ, заказали обѣдъ?“

— Заказали,—и какъ долго намъ не подавали, то мы выпили по второй...

— „Ну-съ и закусили“.

— Да, закусили... вскорѣ принесли супъ, мы приказали подать по третьей рюмкѣ и начали обѣдать.

— „Ну-съ, затѣмъ?“

— Болѣе мы ничего не пили, и не знаю, какъ г. N...

Здѣсь князь перебилъ разсказъ, не желая видимо стѣснять почтеннаго старика, но при этомъ крикнулъ: «зачѣмъ пили по третьей?»

Разумѣется виновники буйства не знали, сколько они выпили, а князь, замѣтивъ, зачѣмъ пили по третьей, хотѣлъ указать, что человѣку, дѣлающему глупости послѣ третьей рюмки водки, не слѣдуетъ пить этой третьей, отнимающей у него благоразуміе.

Сев. О. Дельпесъ.

9 декабря 1882.
Г. Вязьма.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ПАМЯТНИКЪ ВЪ ПЕРЕЯСЛАВЛѢ

1654 г.

Городъ Переяславль (по народному произношенію—Переяславъ или даже Переславъ), нынѣ уѣздный городъ Полтавской губерніи, принадлежитъ къ чрезвычайно древнимъ городамъ. Его начало теряется въ доисторическомъ туманѣ. Имя этого города встрѣчается въ договорѣ Олега съ греками и притомъ въ числѣ такихъ городовъ, въ которыхъ сидѣли князья, находившіеся подъ главенствомъ великаго князя Кіевскаго (сѣдяху велиции князи подъ Олгомъ суще) [1]); на эти города побѣдитель потребовалъ съ побѣжденныхъ уклады. Тотъ признакъ, что въ городахъ, исчисленныхъ въ лѣтописи, сидѣли подчиненные Олегу князья, побуждаетъ предполагать, что города эти существовали передъ тѣмъ уже давно, потому что только уваженіе къ нимъ, основанное на воспоминаніяхъ о какой либо славной старинѣ, могло сдѣлать ихъ главными городами княженій. Но какъ сочетать это извѣстіе о такой сѣдой древности Переяславля съ легендою о богатырѣ, который при глазахъ великаго князя Владиміра побѣдилъ въ единоборствѣ печенѣжанина и переялъ себѣ славу его, послѣ чего въ память такого событія великій князь Владиміръ заложилъ городъ и назвалъ его Переяславлемъ (заложи городъ на бродѣ томъ и нарече и́ Переяславль, за не перея славу отрокъ отъ) [2]). Пусть

---

[1]) Лаврентьевск. спис. 8° изд. археогр. комм. 1872 г. стр. 30.

[2]) Тамъ же стр. 121.

вопросъ этотъ потрудятся рѣшить ученые господа академики. Имъ и книги въ руки!

Въ числѣ вещественныхъ памятниковъ старинной жизни княжескаго удѣльнаго періода (за князівъ, какъ выражаются малоруссы, желая обозначить темный уже для нихъ міръ князей удѣльныхъ), была въ Переяславлѣ церковь во имя Успенія Пресвятой Богородицы или, какъ говорилось въ сокращеніи, церковь Пресвятой Богородицы. Построилъ ее въ 1098 году знаменитый Владиміръ Мономахъ на своемъ княжемъ дворѣ. Тогда князь этотъ былъ удѣльнымъ княземъ въ Переяславлѣ. (В се же лѣто заложи Владиміръ церковь каляну святоѣ Богородици Переяславли на княжемъ дворѣ) [1]. Это каменная церковь исчезла въ страшную эпоху батыевщины; а возобновилъ ее только въ 1586 году князь Василій Васильевичъ Острожскій; но то была уже деревянная церковь. Въ брошюрѣ о переяславской Успенской церкви, изданной въ 1879 году въ Полтавѣ, сообщается, что какъ каменная церковь, построенная Владиміромъ Мономахомъ, такъ и деревянная, построенная княземъ Острожскимъ, были одинаково обширны—о 14 престолахъ. Откуда эти свѣдѣнія почерпнулъ мѣстный археологъ—мы не знаемъ. Деревянная церковь, построенная кн. Острожскимъ, подверглась пожару, скоро потомъ была возстановлена въ прежнемъ видѣ бояриномъ Ртищевымъ и простояла безъ измѣненій до 1786 года, когда опять подверглась пожару, послѣ котораго она вновь была отстроена, но въ измѣненномъ противъ прежняго видѣ, уже въ меньшемъ размѣрѣ, о трехъ престолахъ и о семи куполахъ; въ 1824 году она снова подверглась перестройкѣ: вмѣсто семи куполовъ взведенъ былъ только одинъ. Все это мы узнаемъ изъ помянутой брошюры, но было бы любопытно узнать источники, изъ которыхъ авторъ заимствовалъ эти свѣдѣнія.

Съ этой церковью связываются великія событія русской исторіи. Въ этой церкви гетманъ Богданъ Хмельницкій съ своими казацкими старшинами присягалъ на вѣрность царю Алексѣю Михайловичу. Въ той же церкви, спустя двадцать лѣтъ, совершилось другое важное историческое событіе: полковники правобережныхъ казацкихъ полковъ съ своими старшинами присягнули на вѣрность царю Алексѣю Михайловичу, отступили отъ своего правобережнаго гетмана Петра Дорошенка, и признали надъ собою региментарскую власть гетмана Ивана Самойловича, который съ этихъ поръ сталъ называться и писаться гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра.

Сознавая важное историческое значеніе такого событія, какъ при-

---

[1]) Ипатіевск. спис. 8° изд. археогр. комм. 1871 г. стр. 179.

соединеніе Малой Россіи къ Московскому государству, связаннаго съ этою церковью, переяславскіе обыватели пожалѣли предать уничтоженію этотъ храмъ, пришедшій въ ветхость, дѣлавшую неудобнымъ отправленіе богослуженія, и возъимѣли мысль вмѣсто обветшалой деревянной церкви воздвигнуть каменную. Образовался комитетъ по устройству новой каменной церкви на мѣстѣ настоящей деревянной, «замѣчательной и по своей древности и по важности историческаго событія, совершившагося въ 1654 году». И такъ мысль о сохраненіи древности приводила къ уничтоженію древняго памятника и къ замѣнѣ его совершенно новымъ. Подобное дѣлалось не въ одномъ Переяславлѣ, а практиковалось во всей Руси. Дань уваженія къ старинѣ выражалась намѣреніемъ поновить эту старину; если цѣнили какой-нибудь старый крестъ, то нерѣдко старались такъ его отчистить—чтобъ онъ казался только что вышедшимъ изъ творческой мастерской серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастера, иногда же умышленно пачкали и придавали видъ ветхости: въ сущности и въ первомъ, и въ послѣднемъ случаѣ не было правды. Припомню одно событіе: покойный государь посѣтилъ одинъ изъ нашихъ губернскихъ городовъ, богатый историческими воспоминаніями и вещественными остатками древности. Проѣзжая мимо старыхъ полуразвалившихся стѣнъ существовавшаго въ этомъ городѣ кремля, государь замѣтилъ губернатору, что надобно беречь эти древности. Губернаторъ далъ такому замѣчанію полицейскій смыслъ и приказалъ починять и бѣлить осыпавшіяся стѣны кремля. Точно такъ отнеслись и переяславцы къ своей Успенской церкви. Упомянутый выше комитетъ обратился къ мѣстному архіерею съ просьбою о ходатайствѣ у святѣйшаго сгнода—устроить по всей имперіи подписку на сооруженіе храма въ Переяславлѣ въ виду того, что церковь эта какъ по своей древности, такъ и по важности для всей Россіи историческаго событія, совершившагося въ ней въ 1654 году, заслуживаетъ особаго вниманія. Но святѣйшій сгнодъ не нашелъ уважительныхъ основаній къ испрошенію высочайшаго соизволенія на открытіе подписки по всей Имперіи для возобновленія или сооруженія вновь храма въ Переяславлѣ, такъ какъ изъ находившихся на лицо въ дѣлахъ святѣйшаго сгнода свѣдѣній оказалось, что существующая въ Переяславлѣ деревянная церковь Успенія Богородицы построена въ 1824 году и слѣдовательно не замѣчательна ни древностію, ни указываемымъ историческимъ событіемъ 1654 года. Оставалось послѣ этого строить церковь мѣстными средствами; но средствъ этихъ было мало и переяславцы подавали снова преосвященному просьбу о дозволеніи строить деревянную церковь вмѣсто ветхой, уже ставшей неудобною для богослуженія. Прео-

священный разрѣшилъ такую постройку, но только не вмѣсто ветхой деревянной церкви Успенской, гдѣ все-таки предполагалось современемъ воздвигнуть каменный храмъ, а на иномъ мѣстѣ, дабы эта новая деревянная церковь имѣла значеніе временной, построенной до возведенія каменной.

Но въ 1880 году прибылъ въ городъ Переяславль командированный отъ академіи художествъ г. Кибальчичъ для осмотра памятниковъ древности. По его требованію доставлены были всѣ средства къ осмотру Успенской церкви и всѣхъ старинныхъ вещей, къ ней принадлежавшихъ. Осмотръ былъ произведенъ совмѣстно съ членами комитета. Найдено, что деревянная Успенская церковь поставлена была на искуственномъ камнѣ, имѣвшемъ въ основаніи 157 шаговъ, а въ вышину 4 аршина. Насыпь этого искуственнаго холма оказалась составленною изъ перетлѣлыхъ человѣческихъ костей и мусора, въ которомъ попадаются остатки стариннаго кирпича квадратной формы. Дубовыя стѣны церкви въ основаніи образуютъ крестъ съ боковыми пристройками двухъ престоловъ; стѣны эти, до трехъ аршинъ вверхъ, несомнѣнно принадлежатъ XVII вѣку, а выше надстройка сдѣлана въ XVIII и XIX вѣкахъ.

Въ наличности комитетъ имѣлъ 7,950 р., которые хранились въ банкѣ, сверхъ того губернская земская управа пожертвовала на постройку предполагаемой церкви тысячу рублей, переяславская городская дума—сто рублей и переяславская земская управа—сто рублей; кромѣ того комитетъ испросилъ у его преосвященства разрѣшеніе обратиться съ просьбою о пособіи къ городскимъ думамъ и къ земскимъ собраніямъ губерній Полтавской и Черниговской, а также къ разнымъ частнымъ лицамъ, и уже этимъ путемъ поступило въ комитетъ 61 рубль. Наконецъ, для обезпеченія причта этой церкви, находятся принадлежащія ей 307 десятинъ церковной земли и грунтъ (усадебное мѣсто) въ городѣ Переяславлѣ, что въ настоящее время находится въ пользованіи церковнаго причта, который ежегодно вноситъ въ пользу церкви 150 рублей.

Такъ какъ наличныя средства для постройки новой каменной церкви слишкомъ недостаточны и притомъ самая постройка, если-бы она могла состояться, не удовлетворитъ цѣли сохранить историческій памятникъ, свидѣтельствующій о событіи 1654 года, то, по предложенію г. Кибальчича, рѣшено было: ограничиться поддержкою и поправкою деревянной Успенской церкви. Предположили укрѣпить каменными столпами и желѣзными связями дубовыя стѣны церкви въ томъ размѣрѣ, въ какомъ онѣ признаны несомнѣнно дѣломъ XVII вѣка, и при такомъ способѣ деревянный остовъ храма сохранится на про-

должительное время. Комитетъ о постройкѣ новой каменной церкви преобразованъ въ коммисію о сохраненіи и поддержаніи деревяннаго храма, въ которомъ гетманъ Богданъ Хмельницкій присягалъ на вѣрность царю Алексѣю Михайловичу. Положено собрать во единое хранилище все древнее достояніе Успенской церкви, разобранное по приходскимъ переяславскимъ церквамъ и составить подробную опись. По извѣстію, сообщаемому упомянутою нами брошюрою, напечатанною въ Полтавѣ, изъ Успенской церкви перенесена была въ переяславскую церковь св. апостола Ѳомы икона Пресвятой Богородицы, именуемой Ченстоховскою, къ которой народъ оказывалъ особое благоговѣніе, а въ приходскую переяславскую церковь Покрова Пресвятой Богородицы перенесено изъ Успенской церкви напрестольное евангеліе, на которомъ, по преданію, присягалъ гетманъ Богданъ Хмельницкій съ казацкими старшинами. Г. Кибальчичъ обѣщалъ членамъ новоустроенной коммисіи свое содѣйствіе въ императорской академіи художествъ для оказанія съ ея стороны вниманія къ дѣлу поддержки означеннаго выше храма. Судя по описанію осматривавшихъ этотъ храмъ, намъ представляется слѣдующее недоразумѣніе. Часть, которую предполагаютъ оставить, какъ несомнѣнно старую, чрезвычайно низка и потому едва-ли будетъ удобна для совершенія тамъ богослуженія; притомъ же отъ прежней церкви, въ которой совершилось историческое событіе, сохранился только отчасти матеріалъ, изъ котораго эта церковь была построена, а не внутренній видъ ея.

Н. И. Костомаровъ.

КЪ ДѢЛУ О ДОНОСѢ НА А. С. ПУШКИНА

въ 1827—1831 гг.

Въ 1827 году возникло противъ А. С. Пушкина дѣло, причинившее ему много огорченій и протянувшееся два года по всѣмъ тогдашнимъ судебнымъ инстанціямъ до Государственнаго Совѣта включительно (1827—1828 гг.). Въ «Русской Старинѣ» оно было подробно и на основаніи документовъ разсказано, («Русская Старина» изд. 1874 г., томъ X, стр. 691—694, и томъ XI, стр. 581—585); здѣсь только напомнимъ о немъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Въ началѣ 1825 года Пушкинъ написалъ элегію Андрей Шенье, которая, съ пропускомъ 44-хъ строкъ, дозволена была цензурою къ

напечатанію 8-го октября 1825 г. и помѣщена въ
стихотвореній Пушкина, изданномъ въ 1826 году [1]).
отрывокъ извѣстенъ былъ друзьямъ Пушкина и х
въ рукописи. Переписчики, передавая его другъ др
для вящей пикантности, отнесли стихотвореніе къ
скомъ смутѣ 14-го декабря 1825 г.; явился на одн
головокъ: «на 14-ое декабря». Именно этотъ спис
руки агенту генералъ-маіора, Ивана Никитича Ск
ный впослѣдствіи военный писатель, дѣдъ героя Ми
въ 1820-хъ годахъ вѣдавшаго военную тайную пол
наго въ 1824 г. У Ивана Никитича Скобелева н
написать донесеніе на величайшаго отечественнаго

Извѣтъ былъ написанъ къ Александру Христоф
дорфу, кажется въ бытность высочайшаго двора
кендорфъ уже входилъ тогда въ роль ближайш
опекуна надъ Пушкинымъ, надъ его жизнью, пер
ческою дѣятельностью.

Александръ Христофоровичъ немедля вчинилъ
лева «дѣло», отправя къ Ивану Никитичу Скобе
запросные пункты, на которые одной рукой ветеран
имъ некрасивымъ крупнымъ почеркомъ и съ больш
скими ошибками отвѣты.

Вотъ этотъ документъ—какъ дополненіе къ тѣм
торыя уже были сообщены въ «Русской Старинѣ» по
Пушкинѣ и его элегіи Андрей Шенье» (1827—183

«Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, сожалѣя, ч
у вашего превосходительства (И. Н. Скобелева) по п
недостатка времени и предстоящихъ маневровъ, пок
сообщить ему по предмету препровожденныхъ къ не
кина слѣдующія свѣдѣнія:

1. «Какой это Пушкинъ, тотъ-ли самый, который я
извѣстный сочинитель вольныхъ стиховъ?

2. «Если не тотъ, то кто именно, гдѣ служитъ

---

[1]) Съ 1870 г. элегія эта печатается цѣликомъ въ соб
А. С. Пушкина, см. изд. 1870 г., томъ I, стр. 321—322; тот
не цензурный отрывокъ приведенъ въ „Русской Старинѣ" и
стр. 691—692, см. также соч. Пушкина изд. 1881 и 1882
и 378.

[2]) Это было уже не первое его донесеніе на Пушкина,
рину" изд. 1871 г, томъ IV, стр. 667—673, статью: „Скобе

Рукою И. Н. Скобелева: «Мне сказано что тот каторой писать подобные стихи имѣет уже запрещеніе, но отосланъ к атцу его»;

3. «Стихи сіи самимъ-ли Пушкинымъ подписаны и не поддѣлана-ли подпись подъ чужое имя? также тотъ листъ, на которомъ они сообщены генер.-адъютанту Бенкендорфу, суть-ли подлинной или копія съ подлиннаго? гдѣ подлинникъ находится и чрезъ кого именно они доставлены къ вашему превосходительству? Графъ Бенкендорфъ».

Рукою Ив. Ник. Скобелева: «Я представилъ копію которая писана рукою моего чиновника, подлинная говорятъ присланъ из Пѣтербурха, о чемъ вѣрнѣе объяснить чиновникъ коего буду имѣть честь представить».

Примѣчаніе. Тутъ же приложенъ листокъ въ 4-ю д. съ отрывкомъ изъ элегіи «Андрей Шенье», но надъ стихотвореніемъ не этотъ заголовокъ, а значится слѣдующая надпись: «На 14-ое декабря». Стихотвореніе писано одною писарскою рукою и подпись съ росчеркомъ «А. Пушкинъ»—не его руки.

Привѣтствую тебя, мое свѣтило!

и т. д. элегія «Андрей Шенье», съ грубыми ошибками, искажающими смыслъ.

Достойно вниманія, что доносомъ Ивана Никитича Скобелева начинается общее большое «дѣло» объ А. С. Пушкинѣ, которое велось о немъ — до самой его трагической кончины — въ бывшемъ III-мъ Отдѣленіи. Въ этомъ объемистомъ дѣлѣ переписка поэта съ гр. А. Х. Бенкендорфомъ, разрѣшенія поэту выѣздовъ, переписка III-го Отдѣленія съ властями о наблюденіи за Пушкинымъ, переписка о разрѣшеніи къ печати тѣхъ или другихъ его произведеній, замѣчанія императора Николая на драматическую хронику «Борисъ Годуновъ» и проч. Сущность этого «дѣла», съ обширными выписками изъ подлинныхъ документовъ и писемъ Пушкина, изложена въ статьѣ тайн. совѣтн. Михаила Максимовича Попова, весьма долго служившаго въ III-мъ Отдѣленіи, напечатанной впервые въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г., томъ X, стр. 683—714.

Весьма странно и своеобразно велось судебное дѣло объ элегіи «Андрей Шенье», о переписчикахъ не цензурнаго отрывка изъ этой элегіи и объ авторѣ стихотворенія; но еще своеобразнѣе шла процедура официальнаго объявленія А. С. Пушкину окончательнаго рѣшенія этого дѣла: А. С. Пушкинъ получилъ это объявленіе лишь 1-го февраля 1831 г. См. объ этомъ сообщеніе П. А. Ефремова въ «Русской Старинѣ», изд. 1882 г., томъ XXXIII, стр. 465—469.

АФАНАСІЙ АБРАМОВИЧЪ ГОНЧАРОВЪ,

дѣдъ жены поэта Пушкина.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1883 г., январь, въ статьѣ «Наталья Николаевна Пушкина», на стр. 55 и 56-й, разсказывается о родѣ Гончаровыхъ, какъ о старинномъ дворянскомъ родѣ, и о дѣдѣ Натальи Николаевны—Афанасіи Николаевичѣ. Разсказъ этотъ не совсѣмъ точенъ: во первыхъ, дѣдъ Н. Н. Пушкиной назывался не Афанасій Николаевичъ [1]), а, вѣроятно, Николай Афанасьевичъ, такъ какъ отца ея звали Николаемъ Николаевичемъ; а во вторыхъ, родъ Гончаровыхъ не старинный дворянскій родъ. Родоначальникомъ его былъ прадѣдъ Пушкиной—Афанасій Абрамовичъ Гончаровъ, сынъ Калужскаго купца, умершій въ 1788 году.

Въ началѣ настоящаго столѣтія въ Калугѣ издавался, подъ редакціей учителя гимназіи Зельницкаго, литературно-историческій журналъ «Уранія». Въ 1-й книжкѣ этого журнала за 1804 г., на стр. 112—116-й, помѣщены любопытныя свѣдѣнія о родоначальникѣ Гончаровыхъ—Афанасіи Абрамовичѣ. Такъ какъ журналъ «Уранія» составляетъ величайшую библіографическую рѣдкость (все изданіе было въ 100—110 экземплярахъ), свѣдѣнія же о предкѣ Гончаровыхъ, написанныя его современникомъ, не лишены интереса, то я и рѣшаюсь воспроизвести ихъ съ точнымъ сохраненіемъ выраженій подлинника:

«Афанасій Абр. Гончаровъ, изъ небогатыхъ калужскихъ купцовъ, около двадцати лѣтъ своего возраста пошелъ въ услуженіе къ нѣкоторому заводчику, небольшого имѣнія котораго онъ сдѣлался наслѣдникомъ. Въ теченіе 50 лѣтъ завелъ бумажную фабрику и желѣзные заводы; парусныя полотна привелъ въ такое совершенство и славу, что изъ Англіи именно требовали полотенъ его фабрикъ, за работу которыхъ бралъ отъ трехъ до семи рублей барыша въ кускѣ, коихъ выходило въ годъ отъ 8 до двѣнадцати тысячъ. Успѣлъ нажить села и деревни. Имѣніе его болѣе, нежели до 3 съ половиною милліоновъ рублей простиралось. Самъ онъ въ кругу друзей своихъ признавался, что въ жизни его на него шелъ три раза золотой дождь;—послѣдній былъ во время отложенія сѣверной Америки отъ Англіи,

---

[1]) А. С. Пушкинъ называетъ дѣда своей жены Афанасіемъ Николаевичемъ, см. письмо отъ 26-го іюня 1831 г.

ибо тогда кусокъ полотна, становившійся ему съ расходами въ Санктпетербургѣ менѣе семи, продавалъ отъ 15 до 17 рублей и при томъ такъ, что деньги получалъ напередъ и отдавалъ полотно. Къ сему калужскому гражданину [1]) государь Петръ Первый въ 1718 году, при письмѣ своемъ, прислалъ плотиннаго (ткача полотенъ) мастера, нанятаго въ Амстердамѣ, съ тѣмъ, ежели наемъ дорогъ, то государь оную плату пріемлетъ на себя. Не менѣе того и бумажную фабрику привелъ въ такое состояніе, что бумага его почиталась первою въ Россіи.

Заводъ его и домъ, состоящій отъ Калуги въ 30 верстахъ, 1775 года удостоенъ былъ посѣщеніемъ блаженныя памяти Екатерины II, которая изъ Калуги нарочно туда ѣздить соизволила. Онъ умеръ на 96 году своей жизни; ростомъ былъ высокъ, сухощавъ, глаза быстрые, рѣчь произносилъ громко, въ пищи и питіи былъ умѣренъ, во всѣхъ частяхъ, домашней, сельской, фабричной и торговой экономіи былъ искусенъ; имѣлъ о коммерціи обширныя свѣдѣнія, всѣ дѣла свои отправлялъ самъ и щеты повѣрялъ. Прикащику А. за Б. (?) старыхъ рогожъ, стоящихъ 12 копѣекъ, на письмѣ учинилъ выговоръ и на щетъ выставилъ, будучи уже девяти десяти лѣтъ.

Старость свою не почиталъ великою. Одинъ изъ друзей его, Калужскій купецъ Ч(ерновъ) между разговорами сказалъ ему однажды: «старъ ты А. Аб.», который отвѣчалъ: «какая моя старость? мнѣ только восемьдесятъ седьмой годъ. Я читалъ недавно въ вѣдомостяхъ, что въ Англіи живутъ до 150 лѣтъ; да и у меня по послѣдней ревизіи нашлось десятка полтора крестьянъ, которымъ болѣе уже ста лѣтъ щитается.—Мы читаемъ въ Библіи, что люди живали до 900 лѣтъ и болѣе.—Такъ по сему какая еще моя старость?»

Подобный случился разговоръ во время посѣщенія дома его на 83 году безсмертною императрицею Екатериною II, которая назвала его старцемъ. «Милосердая Государыня! сказалъ онъ, хотя я и старъ кажусь; но милостивымъ посѣщеніемъ Вашего Величества въ двое почувствовалъ крѣпости и какъ-бы обновился; да и надѣюсь прожить болѣе, нежели мыслилъ»....

Этимъ кончается почти современная замѣтка о прадѣдѣ жены Александра Сергѣевича Пушкина.

К. Н. Ермолинъ.

Калуга, 13-го марта 1883 года.

---

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ.

ГРАФЪ МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ-ВИЛЕНСКІЙ.

Отзывы и замѣтки къ его характеристикѣ.

VII [1]).

Открытый въ «Русской Старинѣ» Муравьевскій отдѣлъ занялъ выдающееся мѣсто въ ряду историческихъ разоблаченій нашего времени. Нижеподписавшіеся не только желаютъ внести въ него свою лепту, но и считаютъ полезнымъ оградить русское чувство почитателей покойнаго графа М. Н. Муравьева, а равно и историческую объ немъ память отъ такихъ сообщеній, какія сдѣланы Н. В. Бергомъ въ апрѣльской книгѣ «Русской Старины» изд. 1883 г.

Г. Бергъ говоритъ, что еслибы графъ Муравьевъ родился въ другой странѣ, то могъ бы быть истинно государственнымъ человѣкомъ. Мы не имѣемъ намѣренія вступать въ полемику съ г. Бергомъ и не станемъ доказывать ему, что и родившись въ Россіи, графъ Михаилъ Николаевичъ съумѣлъ не утратить и не омрачить ни одного изъ свойствъ государственнаго человѣка. Прежде всего остановимся на самомъ невѣроятномъ разсказѣ въ статьѣ г. Берга,—на свиданіи графа Муравьева съ бывшимъ митрополитомъ Литовскимъ. Едва миновало десять дней по прибытіи графа Муравьева на высокій его постъ въ Вильну, какъ онъ спѣшитъ заявить о своемъ невѣріи или безбожіи знаменитому въ исторіи русской церкви іерарху. Не станемъ

---

[1]) См. „Записки графа Михаила Николаевича Муравьева-Виленскаго“ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 г., томъ XXXVI, ноябрь, стр. 387—432; декабрь, стр. 623—644; изд. 1883 г., томъ XXXVII, январь, стр. 131—166; февраль, стр. 291—304; „Приложенія къ Запискамъ“: мартъ, стр. 615-630; апрѣль, стр. 193—230; май, стр. 459—463.

опровергать подробностей разсказа; ибо онѣ такъ вѣроподобны, какъ «шляпа» въ рукахъ православнаго митрополита. Мы укажемъ лишь на то, что и самъ разскащикъ не утверждаетъ, чтобы приведенный имъ разговоръ между графомъ Муравьевымъ и митрополитомъ Іосифомъ происходилъ при свидѣтеляхъ. Мы знаемъ, что и менѣе интимные дѣловые разговоры велись графомъ Муравьевымъ съ глазу на глазъ. Изъ этого слѣдуетъ, что и самъ начальникъ штаба [1]) могъ знать о чемъ либо въ родѣ подобнаго разговора только по разсказамъ. Ни самъ графъ Муравьевъ, ни его собесѣдникъ-іерархъ не могли передавать кому бы то ни было и чего бы то ни было, въ родѣ того объясненія, какое—по разсказу г. Берга—могло происходить между ними. Остается предположить, что объясненіе было подслушано. Если такъ, то очевидно оно не имѣетъ значенія историческаго свидѣтельства.

Не послѣдуемъ за г. Бергомъ въ его оцѣнкѣ личнаго и государственнаго характера графа Муравьева. Ни у кого не можетъ быть желанія или надобности серьезно относиться къ такимъ восклицаніямъ, каковы: «какъ это грубо, безтактно!» или къ такимъ безцеремоннымъ фразамъ, какими Бергъ усиливался навязать графу Муравьеву лютость и страстность, почти виртуозность во взысканіяхъ съ провинившихся или въ преслѣдованіяхъ едва подозрѣваемыхъ въ политической неблагонадежности лицъ.

Въ отвѣтъ на всѣ эти измышленія, скажемъ ясно и просто: графъ Муравьевъ по природѣ, воспитанію и образованію не былъ жестокимъ человѣкомъ. Ему выпала на долю трудная историческая задача. Онъ былъ приглашенъ приняться за нее и принялся прямо, просто, честно и съ самоотверженіемъ. Въ составъ неустранимыхъ средствъ ея разрѣшенія должна была войти и смертная казнь, и графу Муравьеву нельзя было не имѣть и не проявлять мужества и твердости при подписаніи смертныхъ приговоровъ. Правительству и всѣмъ безпристрастнымъ въ Россіи людямъ извѣстно, что характеристическія черты его дѣятельности по усмиренію мятежа въ Виленскомъ генералъ-губернаторствѣ не были избраны имъ по произволу, но были даны, чтобы не сказать: навязаны предшествовавшею долголѣтнею правительственною политикою, которая отличалась неопредѣленностію, слабостію и безсиліемъ распоряженій,—чѣмъ незримо и послѣдова-

---

[1]) Извиняемся передъ бывшими почтенными начальниками штаба, что позволяемъ себѣ говорить о нихъ, разъясняя смыслъ сообщенія, къ которому они такъ неловко примѣшаны г. Бергомъ. Авт.

тельно создавался польскій мятежъ, чтобы охватить не однѣ привисленскія, но и почти всѣ западныя наши губерніи.

Припомнимъ и положеніе графа Муравьева, когда онъ прибылъ въ Вильну съ какимъ-нибудь десяткомъ сотрудниковъ. Въ составѣ мѣстнаго чиновничества ни на кого нельзя было положиться. Польская крамола свила свои гнѣзда преимущественно въ тѣхъ слояхъ общества, которые доселѣ пользовались неограниченнымъ довѣріемъ правительственныхъ лицъ. Дворянство, за малыми исключеніями, гражданское управленіе, католическое духовенство, едва не поголовно, шляхта—поголовно, — все это было пропитано мятежнымъ духомъ. Смута умовъ, заражавшая все легкомысленное и довѣрчивое, изъ-за неумѣлыхъ пріемовъ и дѣйствій власти, дошла до того, что между строевыми офицерами нашлись такіе, которые позволили себѣ выражать нежеланіе идти противъ мятежниковъ. Даже изъ русскихъ помѣщиковъ выдѣлились такіе,—правда, не многіе, — которые не только принимали участіе въ мятежническихъ демонстраціяхъ, но и не устыдились вписать свои имена въ польскіе адресы о присоединеніи Минской губерніи къ Царству Польскому.

Абсурдъ и чудовищность подобнаго положенія дѣлъ обязывали сообразить сущность и предѣлы правительственныхъ задачъ, такъ сказать, въ одинъ моментъ, и въ тотъ же моментъ энергически воспользоваться всѣмъ аппаратомъ средствъ, всегда имѣющихся въ распоряженіи мудрой и сильной правительственной власти. Ее-то и олицетворилъ собою графъ Муравьевъ, съ разу намѣтившій, на кого направить ея удары и на комъ основать ея прочную опору.

Нѣсколько сильныхъ, рѣшительныхъ мѣръ въ обѣ стороны заставили враговъ присмирѣть, а колеблющихся опомниться. Сущность всей сложной задачи выяснилась ея рѣшителю такъ: онъ видѣлъ, что законной въ краю власти опереться можно на новый составъ администраціи, на православное духовенство и на массу вѣрнаго крестьянства. Стало быть, надлежало заняться окончательнымъ устройствомъ быта всѣхъ вѣрныхъ правительству частей населенія и въ тоже время неуклонно обуздывать мятежныя его части. Въ безпримѣрно короткое время разрѣшена была и въ основныхъ частяхъ выполнена графомъ Муравьевымъ эта сложная русская историческая задача.

Мятежъ усмиренъ, революціонная организація раскрыта, порядокъ возстановленъ,—казалось, все кончено. Но историческое и личное знакомство съ краемъ послужило графу Муравьеву важнымъ предостереженіемъ. Онъ не ограничился полицейскими мѣрами, какъ въ 1831 году, когда паны вслѣдъ за возстаніемъ выместили на хлопахъ и досаду неудачи, и отказъ въ поддержкѣ.

Государственный умъ графа Муравьева ясно постигъ, что все русское въ краѣ должно быть прочно обезпечено и поставлено въ полную независимость отъ польскаго панства. Обдуманность и отчетливость его устроительныхъ мѣръ въ эти стороны поистинѣ изумительны. Еще бродили въ краѣ шайки, еще исполнялись польскимъ населеніемъ приказанія революціоннаго жонда—какъ во всемъ краѣ начались сложныя работы повѣрочныхъ коммисій. Дѣятельность ихъ была тѣмъ плодотворнѣе, что онѣ не только впервые ознакомили крестьянъ съ благодѣяніями закона 19 февраля, но и на дѣлѣ осуществили ихъ. Личные свидѣтели всего, что по крестьянскому дѣлу совершалось тогда въ сѣверо-западномъ краѣ, знаютъ и могутъ увѣрить всѣхъ и каждаго, что истиннымъ творцомъ и двигателемъ всего дѣла былъ графъ Муравьевъ: не будь его въ краѣ, не узналъ бы этотъ край и доселѣ, какія живыя и благодѣтельныя силы всегда связывали и, наконецъ, навсегда связали его съ Россіею.

Конечно, не весь составъ быстро набранной русской администраціи оказался безукоризненнымъ. Но въ томъ-то и раскрывается административный геній графа Муравьева, что никто лучше его не могъ обнаруживать и ослаблять недостатки отдѣльныхъ дѣятелей. Грозный противъ враговъ, такимъ же выступалъ онъ и противъ своихъ подчиненныхъ при первой вѣсти о малѣйшемъ съ ихъ стороны злоупотребленіи. Страхъ, который онъ умѣлъ внушать, былъ страхъ спасительный; онъ не обращалъ людей въ рабовъ, но удерживалъ слабохарактерныхъ въ предѣлахъ гражданскаго и нравственнаго долга. Графъ Муравьевъ не потакалъ никому, и это руководительное начало въ его отношеніяхъ ко всѣмъ людямъ выростало въ каждомъ изъ подчиненныхъ до значенія лично ему принадлежавшаго руководящаго начала. Вотъ почему во множествѣ прибывшихъ въ край русскихъ чиновниковъ оказались не многіе вредные дѣлу, но лишь по отозваніи графа Муравьева изъ Вильны. При немъ всѣ строго исполняли свои обязанности.

Чтобы не упрекнули насъ въ голословности, приведемъ разсказъ очевидца. Въ Августовской губерніи свирѣпствовала шайка жандармовъ-вѣшателей. Одинъ еврей, входившій въ составъ ея, былъ схваченъ и обязался выдать всѣхъ сообщниковъ, если его избавятъ отъ висѣлицы. Отправленный съ казацкимъ сотникомъ и нѣсколькими казаками въ районъ прежней своей дѣятельности, еврей съумѣлъ поддѣлаться къ сотнику и увлечь его въ возмутительнѣйшія жестокости и вымогательства. Ближайшее начальство мечтало замять дѣло. На мѣстѣ возникли однакожъ пререканія. Графъ Муравьевъ узналъ объ нихъ и, вызвавъ къ себѣ офицера, близко знакомаго съ дѣломъ,

потребовалъ отъ него подробнаго разсказа. Выслуша
скликнулъ: «вотъ что губитъ здѣсь русское дѣло!
шапку его!» По разслѣдованіи дѣла, казацкій офицер
лованъ, а соучастники его подверглись соотвѣтственны

Не одинъ этотъ случай, но и тысячи другихъ до
въ управленіе графа Муравьева зло могло существо
тѣхъ поръ, пока онъ не узнавалъ объ немъ. Мы м
тельствовать, что никто изъ служившихъ или жив
сѣверо-западномъ краѣ не обладалъ способностію так
въ немъ дѣлается, какъ всегда зналъ гр. Муравьевъ
чина, въ силу которой зло при немъ не могло не то-ч
но и долго скрываться во всемъ краѣ.

Г. Бергъ въ статьѣ своей не привелъ положитель
данныхъ, но, такъ сказать, сдѣлалъ видъ, будто мо
опереться на нихъ. У насъ нѣтъ и не можетъ бы
няться отъ спора съ нимъ на этой почвѣ. Г. Бергъ—
виду основывался на числахъ, когда коснулся слу
казни въ сѣверо-западномъ краѣ. Изъ словъ его выхо
совершалась въ краѣ чуть не ежедневно,—будто сл
столько, что насчитывается по одному на три дня
фомъ Муравьевымъ. На основаніи приведенныхъ въ
ринѣ» данныхъ мы укажемъ, что во всемъ краѣ за
ренія мятежа и кары за него смертной казни подвер
вѣкъ. Это число на шесть и даже на семь губерній
стовскую, при развитой въ нихъ силѣ мятежа и пред
безначаліи, не поражаетъ своей величиною. Истинн
всего легче выступаетъ изъ сравненія хотя бы съ I
скимъ, съ французскою коммуною, съ дѣйствіями авст
ліи или Венгріи, а всего болѣе самихъ повстанцевъ,
въ Ирландіи, безъ открытаго въ сей послѣдней возст
вообще—дѣло и обязанность тяжкія какъ для усмир
для усмиряющихъ. Для послѣднихъ и дѣло, и обяз
тельно облегчаются, если они усмиряютъ не для одн
если дѣятельностію ихъ руководятъ и всестороння
мысль, и патріотическое желаніе блага родной стра
мость избавить ее, если не навсегда, то надолго о
ливыхъ наносовъ и заносовъ, истощающихъ ея силы
щихся возстаніяхъ, которыя всегда оказываются т
ступными, чѣмъ бо́льшій приносятъ вредъ. Періодич
у насъ поляки до сихъ поръ не могли и не могутъ
они возстаютъ противъ рѣшенія своей исторической с

вая участь усмиряемыхъ и необходимость усмиряющихъ, глубоко ошибаются тѣ, которые не хотятъ принять въ соображеніе, что дѣлю усмиренія съ русской стороны не можетъ быть и не бываетъ простымъ проявленіемъ военной диктатуры; нѣтъ, за диктатурою стоятъ мощныя возбужденія и движенія живого народнаго чувства, которое подъ гнетомъ тяжкихъ обстоятельствъ и въ видахъ самообороны и самоохраненія вынуждено появляться на свѣтъ не безъ штыка и веревки. Не нужно забывать при этомъ, что мы не боремся противъ исторической судьбы, но подчиняемся ей. Смертныхъ казней въ Царствѣ Польскомъ было гораздо болѣе, чѣмъ въ сѣверо-западномъ краѣ. Между привисленскими губерніями есть такая, въ которой казнено болѣе, чѣмъ въ шести сѣверо-западныхъ. Но ни гр. Муравьева, ни даже гр. Берга никто не рѣшится обвинять въ жестокости, ибо кличка палачей гораздо болѣе къ лицу тѣмъ, кто вызвалъ, но никакъ не тѣмъ, кто укротилъ мятежъ. Этотъ выводъ не фраза, а фактъ: даже относительно Царства Польскаго доказано, что число повѣшенныхъ и звѣрски замученныхъ тамъ повстанцами несравненно болѣе числа казненныхъ правительствомъ повстанцевъ; почти то же слѣдуетъ сказать и относительно Сѣверо-западнаго края.

Если всѣми признается, что во время военнаго положенія, при открытомъ возстаніи, нѣтъ возможности обойтись безъ смертной казни; если неоспоримъ тотъ фактъ, что ей подвергались начальники бандъ, жандармы-вѣшатели и подобные имъ убійцы, сопровождавшіе свои козни насиліями, истязаніями и безпримѣрными жестокостями, то желательно было бы, чтобы намъ выяснили, чѣмъ отличается жестокая конфирмація по отношенію къ такимъ «извергамъ» отъ какой-либо иной, такъ сказать, молостивой. Требуется-ли при ней дрожаніе руки, отказъ отъ подписи или передовѣріе своего права начальникамъ военныхъ отдѣловъ? Ничего подобнаго отвѣту на этотъ вопросъ не находимъ мы у г. Берга. По нашему мнѣнію, сущность крайней необходимости прибѣгать къ смертной казни налагаетъ одну обязанность, чтобы наименьшимъ числомъ смертныхъ приговоровъ произвести наибо̀льшее впечатлѣніе. Если такъ, то именно этой обязанности умѣлъ подчиниться графъ Муравьевъ, какъ никто другой.

Припомнимъ въ доказательство хотя одинъ извѣстный динабургскій случай. Польскій магнатъ гр. Пляторъ съ своей шайкой рѣшился напасть на военный транспортъ, съ оружіемъ отправленный изъ Динабурга въ м. Креславку. Попытка удалась. Но мѣстные старообрядцы, давно слѣдившіе за сборами и дѣйствіями шайки, поняли, что нападеніе на транспортъ, при чемъ были убиты три солдата, равнялось открытому возстанію; тотчасъ вооружились всѣмъ, что было подъ

рукою, погнались за мятежниками, отбили у нихъ оружіе и перехватали всю шайку, успѣвшую было скрыться на мызѣ г. Моля, Вышки. Примѣру старообрядцевъ послѣдовали крестьяне и другихъ исповѣданій, и шайки въ Динабургскомъ и Рѣчинскомъ уѣздахъ быстро были разсѣяны и частію переловлены одними крестьянами. Въ Петербургѣ всему этому дѣлу былъ приданъ ложный видъ бунта раскольниковъ и крестьянъ противъ помѣщиковъ, но по назначеніи гр. Муравьева дѣло получило законное направленіе, и гр. Плятеръ былъ осужденъ, приговоренъ къ разстрѣлянію и разстрѣлянъ. Кто же не скажетъ, что эта казнь принесла русскому дѣлу больше пользы, чѣмъ десятки разстрѣляній и вѣшаній людей, увлеченныхъ въ мятежъ, но не руководившихъ имъ.

Да, графъ Муравьевъ умѣлъ разумно примѣнять смертную казнь, какъ и все, чѣмъ могутъ и должны пользоваться высшія и твердыя правительственныя лица въ дѣлахъ государственной важности. Его душа знала, тяжело-ли было ей, когда утверждался имъ смертный приговоръ; но никто не скажетъ, чтобы онъ былъ способенъ уклоняться отъ какого бы то ни было насилія надъ самимъ собою, если къ такому насилію взывали и обязывали его и гражданскій его долгъ по отношенію къ Россіи, и ея прямое благо.

Что же тогда требовалось благомъ Россіи и кто раньше всѣхъ понялъ его и указалъ на необходимое для него средство? Отвѣтъ на эти вопросы какъ нельзя болѣе ясенъ изъ телеграфной переписки въ Бозѣ почившаго Государя съ его намѣстниками. Эта переписка опубликована также въ «Русской Старинѣ». Еще въ 1861 году Государь ясно видѣлъ, что только мѣры строгости могутъ предупредить открытое восстаніе.

Г. Бергъ полагаетъ, будто время Муравьевыхъ и ему подобныхъ «извергов» безвозвратно прошло,—будто повтореніе ихъ дѣятельности не возможно. Оставляя на его отвѣтственности сдѣланное имъ искаженіе характера и дѣятельности графа Муравьева, мы выразимъ опасеніе, что дѣйствительно не всякое поколѣніе можетъ имѣть счастіе выдѣлять изъ себя людей съ такими выдающимися и разнообразными способностями, какія дѣятельно и добросовѣстно внесъ графъ М. Н. Муравьевъ во всю свою долголѣтнюю службу царю и отечеству. Историческая задача, которую онъ въ извѣстной мѣрѣ разрѣшилъ въ Вильнѣ, не разъ ставилась Россіи въ разныхъ генералъ-губернаторствахъ и въ разныя времена; но рѣдко удавалось, чтобы не сказать: совсѣмъ не удавалось разрѣшить ее такъ же успѣшно, какъ разрѣшилъ ее графъ Муравьевъ въ Вильнѣ. Задачи, создаваемыя исторіею, всегда требуютъ своего разрѣшенія и не ставятъ его въ

зависимость отъ вопроса, есть или нѣтъ у народа люди, которые оказались бы на высотѣ современнаго имъ историческаго призванія.

Къ счастію великихъ историческихъ народовъ, живыя потребности ихъ всегда сопровождаются соотвѣтствующими имъ средствами удовлетворенія. Если бы правъ былъ г. Бергъ—и «Муравьевы» дѣйствительно перевелись бы на Руси, то ничего не оставалось бы ей, кромѣ примиренія съ мыслію, будто вотъ-вотъ доживетъ она до того, что за разрѣшеніе историческихъ ея задачъ будутъ браться мелкіе люди, которымъ всякая задача не по плечу.

Мы очевидно шутимъ. Пора кончить нашу рѣчь по поводу статей Н. В. Берга. Если чего намъ слѣдуетъ опасаться, то, конечно, не «Муравьевщины», а хлестаковщины, которая не къ добру приведетъ, а создастъ цѣлую сѣть такихъ условій, отъ которыхъ только одни Муравьевы способны и предупредить, и спасти страну.

Бывшіе сослуживцы и подчиненные
графа М. Н. Муравьева.

С.-Петербургъ,
20-го апрѣля 1883 года.

„РУССКАЯ СТАРИНА" изд. 1883

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и Воспоминанія.

Изслѣдованія, историческіе и біографическіе очерки.

Разсказы, очерки, замѣтки, письма.

Царствованіе Алексѣя Михаиловича.

Царствованіе Анны Іоанновны.

Царствованіе Екатерины II.

Царствованіе Александра I.

Царствованіе Николая I.

Царствованіе Александра II.

Исторія русской литературы.

Исторія художествъ и искусствъ.

Портреты и гравюры.

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Рукописи археографической коммисіи. Описалъ Николай Барсуковъ. Изд. археогр. коммисіи. Спб. 1882. 210 стр. (На оберткѣ 4-й книги „Русской Старины" изд. 1883 г.).
2. Русская историческая библіотека, издаваемая археографическою коммисіею. Т. VII. Спб. 1882. 1820 столбцовъ. (Тамъ-же).
3. Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографич. ком., т. XII. Спб. 1882. 874 столбца. (Тамъ-же).
4. Исторія Россійской академіи. М. И. Сухомлинова. Вып. VI. Спб. 1882. 512 стр. (Тамъ-же).

---

[1]) На оберткѣ іюньской книги „Русской Старины" изд. 1883 г. ошибочно отнесена эта гравюра къ произведеніямъ И. И. Матюшина.

Азбучный Указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ «Русской Старинѣ» изд. 1883 г., томы XXXVII—XL, выйдетъ особою брошюрою въ концѣ 1883 г.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ХРАМЪ ВЪ Г. БАТУМѢ.

Приглашеніе къ пожертвованіямъ на его построеніе.

Въ присоединенномъ въ 1878 г. отъ Турціи къ Россіи портовомъ городѣ Батумѣ находится одна только православная церковь, и та принадлежитъ греческому населенію города; богослуженіе въ этой церкви совершается на греческомъ языкѣ.

Въ началѣ, когда число православныхъ русскихъ въ Батумѣ было весьма незначительно, недостатокъ этотъ не былъ особенно чувствителенъ, такъ какъ, посѣщая греческую церковь для молитвы, православные жители, для удовлетворенія духовныхъ требъ на дому, могли обращаться къ состоящему при расположенныхъ въ немъ войскахъ духовенству.

Съ теченіемъ времени православное населеніе города стало очень быстро возрастать и нынѣ увеличилось настолько, что одного небольшого греческаго храма оказывается для него уже не достаточно.

Батумъ, какъ портовый городъ, обращаетъ на себя всеобщее вниманіе, ростетъ онъ и обстроивается очень быстро и при томъ совершенно въ духѣ русскихъ городовъ; съ окончаніемъ, въ настоящее время, постройки Самтреди-Батумской желѣзной дороги, сообщеніе съ нимъ усилится, а съ тѣмъ вмѣстѣ и число православныхъ его жителей, безъ сомнѣнія, увеличится.

При такихъ условіяхъ, отсутствіе въ немъ благолѣпно устроеннаго православнаго храма, выразителя господствующей въ Россіи религіи, въ которомъ богослуженіе совершалось бы на понятномъ намъ языкѣ, представляетъ собою явленіе, оскорбляющее религіозное чувство русскаго народа.

Тѣмъ не менѣе, создать такой храмъ на средства одного мѣстнаго населенія нѣтъ возможности. Единственнымъ, давно испытаннымъ средствомъ, на которое русскій народъ отъ поселянина до вельможи, отъ бѣднаго до богатаго, всегда охотно откликался, служитъ доброхотная копѣйка, жертвуемая на построеніе храма Господня.

Нѣтъ сомнѣнія, что русскій народъ не останется безучастнымъ къ стѣсненному, въ религіозномъ отношеніи, положенію части его, трудящейся, на одной изъ окраинъ государства, надъ упроченіемъ русской власти въ недавно присоединенной къ Россіи отъ Турціи землѣ. Всѣ живущіе въ Батумѣ русскіе убѣждены, что соотечественники ихъ охотно откликнутся, изъ всѣхъ мѣстъ обширной Россіи, на столь знакомый имъ призывъ къ пожертвованію на построеніе православнаго храма Господня.

Его Императорское Величество, Государь Императоръ, въ своемъ отеческомъ вниманіи къ нуждамъ православной паствы города Батума, въ 15-й день октября 1882 г., Всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить, на сооруженіе въ этомъ городѣ православнаго храма, открыть сборъ пожертвованій во всей Россійской имперіи.

Взывая къ милосердію русскаго народа о пожертвованіи на это святое дѣло, учрежденный въ г. Батумѣ комитетъ по построенію православнаго въ немъ храма проситъ жертвуемыя на этотъ предметъ деньги высылать въ городъ Батумъ на имя предсѣдателя означеннаго комитета, военнаго губернатора Батумской области, или вносить въ мѣстное казначейство, для пересылки таковыхъ въ Батумское казначейство, гдѣ они будутъ записываться въ депозитъ военнаго губернатора.

Предсѣдатель комитета, военный губернаторъ Батумской области, генералъ-маіоръ Смѣкаловъ.

не видимъ какой идеѣ и какимъ стремленіямъ, по мнѣнію автора, долженъ былъ служить онъ. Симпатіи автора, какъ и можно было ожидать, на сторонѣ народа; но этотъ послѣдній, на страницахъ его труда, является въ какомъ-то туманѣ, проникнутый лишь враждою къ тѣмъ интересамъ, которые отстаивалъ его гетманъ. При этомъ сочувствіе противоположнымъ порядкамъ какъ-то не ладится съ оборотною стороною медали, намѣчаемой авторомъ даже на основаніи сказки (182). Между тѣмъ эта сторона вопроса заслуживала особеннаго вниманія; въ этомъ смыслѣ волею или неволею долженъ былъ дѣйствовать и Богданъ Хмельницкій. Необходимо было отвѣтить, насколько Богданъ Хмельницкій дѣйствовалъ въ извѣстныхъ случаяхъ по собственной инниціативѣ, насколько былъ выраженіемъ окружающихъ его обстоятельствъ и вліяній? Не были ли позднѣйшія сношенія его съ Портою результатомъ дипломатическихъ соображеній, созданныхъ предшествовавшими сношеніями съ султаномъ, и новыми опасеніями? (см. стр. 123, 190—194; 128, 138, 147, 184).

Главную причину его неудачъ авторъ приписываетъ тому, «что у него не было программы» (51). Но изъ другихъ мѣстъ его монографіи мы узнаемъ совсѣмъ другое: «Онъ хотѣлъ, говоритъ авторъ, составить федеративный союзъ изъ Малой Руси, двухъ господарствъ, семиградскаго княжества, подъ протекціей польскаго короля, и рѣшилъ отступить отъ Москвы, которая для него была груба и съ которою, говорилъ онъ, невозможно жить» (227). Планы эти онъ называетъ «широкими» и «искусными». Богданъ Хмельницкій желалъ (снова) соединить Украйну съ польскою республикою на тѣхъ именно статьяхъ, на которыхъ потомъ подъ Гидачемъ состоялся съ нею договоръ Выговскаго» (223).

«Но народъ и простые казаки не сочувствовали его замысламъ, выполненіе которыхъ сопряжено было съ безконечными войнами; народъ желалъ мира, желалъ отдохнуть послѣ десятилѣтней борьбы съ поляками, и ему казалось, что подъ московскою протекціею это несравненно легче можно достигнуть, чѣмъ подъ протекціей польскаго короля» (227). Едва-ли стремленія къ союзу съ Москвою можно объяснить только этими соображеніями? Иначе останется не вполнѣ яснымъ протестъ народа противъ замысловъ «знаменитаго гетмана» (215, ср. 105 и 106). Да и искренни ли были новыя отношенія послѣдняго къ польскому королю, послѣ недавняго договора съ его сосѣдями о раздѣлѣ Польши, по которому Хмельницкому должны были достаться Украина съ Подоліей и Волынью (стр. 211)?

Въ заключеніе авторъ коснулся вопроса о времени (числа и дня) смерти Богдана Хмельницкаго, но не исправилъ ошибки Выговскаго и Павлищева: въ 1657 г. 27 іюля приходилось не во вторникъ и не въ пятницу, а въ понедѣльникъ, что ближе къ показанію Выговскаго и на разстояніи нѣсколькихъ дней можетъ объясняться простою ошибкою.

Авторъ далеко не исчерпалъ литературы своего вопроса, а нѣкоторыми матеріалами пользуется случайно. Весьма важнымъ пробѣломъ представляется также совершенное неупоминаніе о прибавленіяхъ къ III тому Актовъ южной и западной Россіи, напечатанныхъ г. Карповымъ въ X и XI томахъ того же изданія. Вообще послѣдняя глава имѣетъ какой-то отрывочный характеръ, а потому и миссія окольничаго Бутурлина такъ и осталась не выясненною въ его трудѣ.

Записки импер. русскаго географическаго общества. По отдѣленію этнографіи. Томъ IX. Подъ ред. Л. Н. Майкова. Спб. 1882. 229 + 167 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Въ означенный томъ вошли: изслѣдованіе К. Я. Грота: «Извѣстія Константина Багрянороднаго о Сербахъ и Хорватахъ и ихъ разселеніи на Балканскомъ полуостровѣ», вышедшее прежде въ отдѣльномъ видѣ и рец. на которое напечатана г. Флоринскимъ въ Ж. М. Н. Пр. 1881 года; 2) Волжскій бассейнъ по книгѣ Большаго Чертежа, Е. К. Огородникова,—это продолженіе предъидущихъ обстоятельныхъ изслѣдованій автора въ области исторической географіи и этнографіи Россіи; 3) изслѣдованія по каменному вѣку въ Олонецкой губерніи, въ долинѣ Оки и на верховьяхъ Волги—И. С. Полякова, съ 10 таблицами рисунковъ.

В. И.

„РУССКАЯ СТАРИНА“
1883 г.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за двѣнадцать книгъ, четыре большіе тома, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей,

ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старины“, Большая Садовая, подлѣ Публичной Библіотеки, при книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова**, д. № 12. Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

☞ Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подьяческую, близь Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, обзоры, очерки и разсказы объ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и пр.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ; неизданныя произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—V. Библіографическіе отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы, преданія и замѣтки.—Характерныя челобитныя, переписка и вообще документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная русская словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1881 г., 12 кн., съ портр. и Зап. Порошина 8 руб.
„Русская Старина“ 1882 г., 12 книгъ, съ 12-тью портретами, 9 руб.